Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров

ОБРАЗОВАНИЕ СЕВЕРНОРУССКОГО НАРЕЧИЯ И СРЕДНЕРУССКИХ ГОВОРОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров

по материалам лингвистической географии

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1970

В книге освещена история образования двух диалектных объединений русского языка — северного наречия и среднерусских говоров.

Основным материалом для исследования послужили собранные за последние десятилетия и картографированные данные диалектологических атласов русского языка, еще не вышедших из печати.

Ответственный редактор
доктор филол. наук В. Г. ОРЛОВА

Авторский коллектив

К. Ф. ЗАХАРОВА, В. Г. ОРЛОВА,
А. И. СОЛОГУБ, Т. Ю. СТРОГАНОВА

7-1-2
249-69 (II)

Посвящается памяти академика С. П. Обнорского

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. К истории изучения формирования диалектных объединений русского языка

На протяжении значительного периода центральное место в разработке указанных вопросов играли выходившие в свет на протяжении 1894—1919 гг. работы А. А. Шахматова, в которых он создал целостную теорию происхождения восточнославянских языков; эти работы можно считать основными и наиболее характерными для указанного первого этапа разработки исторической диалектологии восточнославянских языков.

Теория А. А. Шахматова неоднократно подвергалась критике. Из числа работ этого рода отметим прежде всего появившуюся в 1921 г. статью польского ученого Т. Лера-Сплавинского [1], справедливо критиковавшего самый метод реконструкции диалектных групп, которым пользовался А. А. Шахматов, продолжая традиции фортунатовской школы. Т. Лер-Сплавинский возражал против перенесения современных отношений между диалектными группами почти без изменений в весьма отдаленное прошлое и против того, что почти для всех явлений, встречающихся в настоящее время в диалектах, А. А. Шахматов видит зачатки в диалектах предысторического периода, даже в тех случаях, когда доступные нам историко-языковые источники не представляют для этого должных данных (стр. 51). В своем отзыве Т. Лер-Сплавинский считал более правильным допущение иного количества диалектных групп, чем это было у А. А. Шахматова и, что главное, сделал ряд ценных замечаний по вопросу о датировании ряда диалектных черт, использованных в работе А. А. Шахматова. Точку зрения Т. Лера-Сплавинского поддерживал в свое время Н. С. Трубецкой [2].

В настоящее время нет необходимости детально излагать основные положения теории А. А. Шахматова и подвергать их критическому рассмотрению. Эта задача была успешно осуществлена Р. И. Аванесовым [3], соединившим в своих работах, выходивших в середине XX в., критический анализ работ А. А. Шахматова с изложением собственных взглядов на историю образования русского языка в его говорах. Можно сказать, что в общей оценке взглядов А. А. Шахматова Р. И. Аванесов сходится с изложенными выше взглядами Т. Лера-Сплавинского. Так, в первой из указанных работ Р. И. Аванесова

[1] T. Lehr-Spławiński. Stosunki pokrewieństwa języków ruskich, «Rocznik slawistyczny», t. IX, część 1, Kraków, 1921, стр. 23—71.

[2] N. Trubezkoj. Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit, «Zeitschrift fur slawische Philologie», Band I, 1925, стр. 287—319. — Трактовка отдельных черт Н. С. Трубецким вызвала возражения А. М. Селищева: «Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов». «Slavia», Ročnik VII, sešit 1, Praha, 1928 г., стр. 33—43 (в дальнейшем — А. М. Селищев. Критические замечания. . .)..

[3] Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник МГУ», № 9, 1947 (в дальнейшем — Р. И. Аванесов. Вопросы образования. . .); Он же. Лингвистическая география и история русского языка. — ВЯ, 1952, № 6; Он же. К вопросу образования русского национального языка. — ВЯ, 1953, № 2; Он же (совместно с В. В. Виноградовым). Русский язык. «Большая советская энциклопедия», изд. 2, т. 37, 1955; Он же. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности. — ВЯ, № 5, 1955.

убедительно показан и дополнительно аргументирован тот же основной недостаток построений А. А. Шахматова, который заключается в абстрактном схематизме и в отрыве от реальной истории носителей тех языковых групп, история образования которых реконструируется. «Ограничиваясь одним лишь сопоставлением черт сходства и различия трех современных восточнославянских языков . . . нельзя было прийти к иным выводам, — пишет Р. И. Аванесов, — кроме тех, что эти три объекта (языка) образовались также из трех объектов (языков-диалектов) старшей формации»[4]. Те же особенности взглядов А. А. Шахматова проявляются, как это показано в той же работе Р. И. Аванесова, и в собственно лингвистической части его теории с характерным для нее стремлением возвести в глубь веков все современные диалектные различия. Однако, что самое главное, в указанной и последующих работах Р. И. Аванесову удалось дать общий очерк выделения восточнославянских языков и ряда диалектных групп русского языка и показать основные связи этого процесса с историей народа, обобщая при этом имевшиеся к тому времени данные истории и археологии. Особенно велика заслуга Р. И. Аванесова в том отношении, что он рассмотрел при этом с исторической точки зрения круг основных диалектных различий русского языка и выделил те из них, которые могут быть отнесены к древнейшему племенному периоду истории русского языка в отличие от тех, которые следует отнести к периоду феодальной раздробленности, т. е. к периоду существования «земель».

По отношению к новгородскому и ростово-суздальскому диалектам XI—XV вв. дальнейшую работу по характеристике присущих этим диалектам различий провела в настоящее время К. В. Горшкова, в работе которой представлено исследование процессов формирования фонологических систем этих диалектных групп[5].

После критического пересмотра взглядов А. А. Шахматова на образование восточнославянских языков, проведенного Р. И. Аванесовым на основе углубленного изучения конкретно-исторических данных и данных по истории отдельных языковых явлений, особенно необоснованной представляется та схема образования восточнославянских языков, которую находим в работе Ю. Шереха[6]. Согласно этой схеме для XI в. допускается близость и связь в языковом развитии между новгородской и суздальской диалектными группами, с одной стороны, и рязанской с полоцкой — с другой. Такое объединение названных диалектов полностью противоречит как истории их носителей, так и характеру распространения важнейших диалектных явлений русского и белорусского языков, свидетельствующих о наличии связей в языковом и в историческом развитии между новгородской и полоцкой, а не между новгородской и суздальской диалектными группами, а также о том, что ростово-суздальский диалект на протяжении значительного периода, в том числе и в XI веке, во многих отношениях шел путем самостоятельного развития по сравнению с новгородским диалектом, что убедительно показано уже в названных выше работах Р. И. Аванесова и позднее подтверждено и дополнительно аргументировано в работе К. В. Горшковой.

В перечисленных выше работах Р. И. Аванесов рассматривает также и более поздние периоды существования диалектных групп русского языка, а именно их существование на протяжении со второй половины XIII в. и по XVI в. Круг затрагиваемых им при этом вопросов слишком широк для того, чтобы автор мог детально остановиться на генезисе отдельных диалектных объединений и подвергнуть анализу явления, характерные для формирующихся объединений. Центральной задачей его работ остается обзор основных этапов развития диалектных групп в максимально возможной связи с историей народа и с историей письменного языка. Из числа вопросов этого рода Р. И. Аванесова особенно привлекает проблема формирования среднерусских говоров, а также проблема распространения акающего диалекта на южных территориях русского языка. Особенно большой методологический интерес представляет при этом использование автором имевшихся к тому времени данных по географии аканья и его структурных разновидностей при изучении формирования акающего диалекта и рассмотрение ряда вопросов, связанных с формированием белорусского языка.

Работы Р. И. Аванесова выходили в свет в период, когда подготовка диалектологических атласов под его руководством еще только раз-

---

[4] Р. И. Аванесов. Вопросы образования. . ., стр. 112.

[5] К. В. Горшкова. Очерки исторической диалектологии северной Руси (по данным исторической фонологии). Автореф. докт. дисс. М., 1965 (в дальнейшем — К. В. Горшкова. Автореф.); Она же Из истории консонантных диалектных различий русского языка. — ФН, № 4, 1964, стр. 14—25; Она же. Развитие диалектных различий северно-русских говоров в системе вокализма. — ВЯ, № 5, 1964, стр. 87—99.

[6] Jury Šerech. Problems in the Formation of Belorussian, Supplement to «Word» — journal of the linguistic circle of New York, 1953, стр. 93.

вертывалась; лишь в последних по времени из числа названных выше работ он имел возможность опереться на данные «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». В связи с этим необходимость продолжать разработку вопросов образования диалектных групп русского языка на основе качественно новых данных лингвистической географии оставалась и остается одной из очередных задач исторической диалектологии русского языка, так как из общего круга источников, на которые может опираться изучение вопросов исторической диалектологии, в настоящее время особенно успешно продвинулась именно разработка диалектологического источника в результате проведенного в основном в пятидесятых и начале шестидесятых годов текущего столетия изучения говоров русского языка методами лингвистической географии.

Мы располагаем в настоящее время лингвистическими картами нескольких диалектологических атласов [7], в своей совокупности охватывающих центральные области Европейской части СССР, т. е. лишь часть общей территории распространения говоров русского языка в Европе и Азии. Однако изучение данных лингвистического ландшафта по картам названных атласов, показывает, что и в пределах той территории, которая картографирована к настоящему времени, может быть выделена та ее ограниченная часть, на которой расположен основной массив носителей говоров русского языка, имеющих здесь сплошное распространение в отличие от тех разорванных в территориальном отношении и перемежающихся с иноязычным населением диалектных групп русского языка, которые размещены на более северной, восточной и южной частях территории Европейской части СССР. При этом карты атласов показывают, что определенность очертаний ареалов и размещения изоглосс языковых явлений наблюдаются в пределах центральных областей Европейской части СССР как раз там, где расположен сплошной массив говоров русского языка и где восточнославянское население исторически наиболее исконно. Наблюдения этого рода дали уже основание для того, чтобы установить основное диалектное членение русского языка, опирающееся на изучение современного состояния лингвистического ландшафта, прежде всего для той территории (ее границы на приведенных ниже картах выделены черной линией), на которой современные говоры распространены наиболее компактно и генетически связаны с диалектами предшествующего периода, а вопрос о членении говоров на территориях более позднего расселения носителей русского языка решать особо [8].

В свою очередь вопросы истории формирования диалектных объединений также должны и могут решаться на основании исследования диалектных данных, относящихся к территории, на которой расположены основные диалектные объединения русского языка и где они наиболее исконны. О правомерности подобного ограничения территории свидетельствуют и те установленные к настоящему времени данные истории народа, исторической географии и исторической диалектологии, согласно которым диалекты русского языка старшего периода начали достаточно определенно обособляться в период феодализма на Руси, т. е. когда русское население было размещено в основном примерно в пределах той же части центральной территории Европейской части СССР, на которой в настоящее время представлены основные диалектные объединения русского языка.

Самый факт наличия карт диалектологических атласов еще не предрешает, как это показывает опыт лингвогеографического изучения различных, в том числе и неславянских, языков, в какой мере эти карты смогут явиться источником для плодотворного изучения диалектного членения языка, а также для изучения истории формирования диалектных объединений [9]. Ценность лингвогеографических дан-

[7] Из числа этих атласов вышел в свет «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957 (в дальнейшем при ссылках — «Атлас VI»); материалы из этого атласа, хранящиеся в архиве Института русского языка АН СССР и приводимые по ходу рассмотрения явлений снабжаются шифром, включающим цифру VI и указание на № нас. п., напр.: VI 231, VI 765 и под. Кроме того, имеются карты следующих атласов: Атлас русских народных говоров северо-западных областей (ссылки на материалы с цифрой I); Атлас русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы (ссылки на материалы с цифрой V); Атлас русских народных говоров юго-западных областей (ссылки на материалы с цифрой VIII); Атлас русских народных говоров центральных областей к северу от Москвы (ссылки на материалы с буквами БСТ).

[8] «Русская диалектология». Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964 (в дальнейшем — «Русская диалектология»). См. часть II «Диалектное членение русского языка», стр. 231—232, где имеется детальное описание ограничения территории, к которой относится описываемое там диалектное членение русского языка.

[9] О том, что некоторые типы диалектологических атласов не дают возможности проведения изоглосс и выявления диалектных объединений, см., например: B. Kálmán. Remarques sur quelques isoglosses dialectales. «Proceedings of the ninth international congress of linguists». London—the Hague—Paris, 1964, стр. 130—134.

ных во многом зависит от принципов, положенных в основу лингвогеографического изучения данного языка, которые могут быть весьма различными главным образом в зависимости от того, в какой степени лингвистическая география данного языка принимает или отвергает возможность отражения системных связей языка при его лингвогеографическом изучении, какое значение она придает картографированию разных сторон языка [10].

Лингвистической географии русского языка в высшей степени свойственна, отраженная уже в первом диалектологическом атласе, сознательно устанавливаемая связь между изучением говоров языка методами лингвистической географии и системным подходом к изучению говоров языка, например, при их монографическом изучении. Во вступительной статье к названному выше опубликованному «Атласу» читаем: «Таким образом, в настоящем Атласе, наряду с единичными фактами, выходящими за пределы системы языка или несоотносимыми с нею, картографируются языковые явления как цельные звенья, элементы языковой системы. Этим снимается противоречие между лингвистической географией и изучением языка как системы» [11].

Авторы диалектологического атласа русского языка уделяют равное внимание разным сторонам языка, исходя из понимания того, что «. . . язык представляет собой сложную и целостную систему, отдельные элементы которой развиваются в теснейшей связи друг с другом, взаимно обусловливаются и потому не могут быть правильно поняты изолированно, в отрыве друг от друга» [12]. Уже на начальном этапе своей работы авторы диалектологического атласа русского языка исходили из убеждения, что только при таком подходе к лингвогеографическому изучению языка оно углубит наше понимание современного состояния диалектных систем и характера диалектного членения языка. Учитывалось также и то, что «только картографирование диалектных различий, касающихся всех структурных элементов языка, может обеспечить выяснение истории соответствующего языка в его говорах с наибольшей полнотой и во все периоды его развития, доступные исследованию» [13].

Сказанное не означает, что каждая отдельно взятая карта диалектологического атласа посвящена целостному звену языковой системы, хотя в атласах русского языка и имеется определенное количество карт этого рода. Наряду с этим в связи с характером определенных диалектных различий, а также по условиям техники картографирования, определенные явления картографированы в русских диалектологических атласах расчлененно. Такой расчлененный подход оказывается, например, необходимым, когда те или иные формы различаются одновременно несколькими признаками, лежащими в разных планах; в этом случае раздельный показ особенностей этих форм содействует всестороннему и полному выявлению всех аспектов диалектных различий, а также и связей особенностей, присущих данной форме, с определенными сторонами языковой системы. Однако и в случаях этого рода определенная совокупность карт атласа открывает перед исследователем возможность реконструкции целостных звеньев системы.

Наличие такого нового по последовательности охвата говоров русского языка и по своему качеству источника, каким являются карты диалектологического атласа русского языка, открыло новые возможности для исследования ряда вопросов, к изучению которых данные этого рода ранее не могли быть привлечены. К числу этих вопросов относится и изучение формирования диалектных объединений русского языка, которому посвящается настоящее исследование. Уже и по работам, создававшимся ранее на основе синтеза показаний памятников письменности и диалектных данных, можно было заметить, что роль диалектологического источника оказывалась более значительной при изучении поздних периодов истории диалектных групп, а роль показаний памятников письменности — при выявлении диалектного членения языка, относящегося к более ранним этапам их существования. Еще более эффективными для изучения поздних этапов существования диалектных групп русского языка и их формирования должны оказаться данные лингвистической географии, поскольку в расположении ареалов и изоглосс явно прослеживаются как указания на современное членение говоров, так и те данные, на основе которых может быть реконструировано разме-

---

[10] О роли и положительном значении картографирования фонетических и морфологических явлений, проводимого с точки зрения показа разного рода оппозиций, см.: A. Weijnen. La possibilité d'une revue de dialectes tres differents sur base structurale. «Communications et rapports du premier congres internationale de dialectologie générale», Première partie. Louvain, 1964, стр. 60.

[11] «Атлас VI», «Вступительные статьи», стр. 14.

[12] «Атлас VI», стр. 15.

[13] «Атлас VI», стр. 15.

щение диалектных объединений в прошлом. Объектом данного исследования и является осуществляемое ретроспективным методом изучение процессов формирования тех диалектных объединений, которые являются актуальными величинами современного диалектного членения русского языка, а именно двух из них — северного наречия и среднерусских говоров на протяжении донационального периода существования русского языка (период великорусской народности, начиная примерно с XIV в.) и начала периода существования его как языка нации.

Карты диалектологических атласов предоставляют в распоряжение исследователей совокупность неоднородных как с синхронной, так и с исторической точек зрения данных о распространении членов соответственных явлений русского языка [14], образующих лингвистический ландшафт русского языка. Тем самым одной из центральных задач исследования оказалась разработка такой методики изучения этих данных, которая позволила бы выявить различное значение компонентов лингвистического ландшафта с обоих указанных точек зрения, т. е. как для понимания современного членения языка, так и для изучения процессов формирования диалектных объединений. При этом для целей историко-диалектологического изучения оказалось особенно важным установить соответствие определенных случаев территориального размещения членов соответственных явлений диалектным объединениям феодального периода, определить относительную хронологию структурных разновидностей ряда явлений, сложных по структуре, с тем, чтобы в дальнейшем осуществить ретроспективным путем воссоздание процесса образования диалектных объединений. Характеризуя возможности такого изучения, Р. И. Аванесов справедливо замечал, что «. . .ретроспективный сравнительно-исторический метод, которым пользуются историческая грамматика и историческая диалектология, обычно не может воссоздать процесс образования диалектов и родственных языков во всей их исторической конкретности ввиду недостаточности источников и их характера, так как позднейшие процессы нивелировки диалектов обычно в той или иной (нередко и в значительной) степени стирают старые отношения» [15].

В полной мере разделяя соображения об ограниченных возможностях применения ретроспективного метода, мы считаем все же, что в приведенном высказывании содержится характеристика пределов, которых могло достичь его применение на существовавшем до последнего времени уровне разработки диалектологических источников, и что тем самым поднимался вопрос о поисках тех путей, на которых эти возможности могли бы быть хотя бы в некоторой степени расширены. Одним из таких путей и является, видимо, привлечение к рассмотрению вопросов этого рода качественно новых источников, к числу которых и принадлежат данные лингвистической географии и разработка методов их наиболее эффективного использования.

При такой постановке вопроса ни в какой степени не отрицается возможность согласования получаемых выводов при использовании новых источников с теми, которые были достигнуты ранее, при изучении вопросов исторической диалектологии на основе соединения данных памятников письменности с диалектными данными. Считая данные лингвистической географии основным источником и основным объектом исследования в данной работе, авторы монографии прилагали все усилия для того, чтобы привлечь по возможности полно также исследования, посвященные изучению языка памятников письменности, хотя и не имели возможности заниматься сами исследованием языка памятников письменности. Данные памятников письменности систематически привлекаются в работе прежде всего при установлении времени первоначального появления тех или иных языковых изменений, если только эти последние принадлежат к числу тех, которые могли быть выражены на письме. Кроме того, и это особенно важно, в работе используются те представления о размещении диалектных групп феодального периода и о составе присущих этим группам языковых черт, которые были созданы исследователями предшествующего периода на основе комплексных данных. Только при наличии плодотворно осуществленного изучения диалектного членения старшего периода, которым мы располагаем в настоящее время, а также при опоре на ряд существующих обобщающих работ по истории народа, археологии,

---

14 В понимании соответственных явлений русского языка, равно как и в отношении их квалификации — двучленные, многочленные, однопланные, многопланные и др., авторы монографии исходят из соответствующих положений теоретического труда «Вопросы теории лингвистической географии» (ред. Р. И. Аванесов) М., 1962

15 Р. И. Аванесов. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности. — ВЯ, 1955, № 5, стр. 22.

исторической географии, этнографии можно было правильно оценить различное с исторической точки зрения значение разных сочетаний ареалов, характерных для современного лингвистического ландшафта языка.

Наряду с этим авторы считали, что в настоящее время вполне правомерно появление таких работ по исторической диалектологии русского языка, исследовательская часть которых была бы посвящена только одному из возможных источников, тем более если этот источник (в нашем случае данные лингвистической географии) впервые привлекается к рассмотрению означенного круга вопросов.

В связи с тем, что в области использования данных лингвистической географии при изучении вопросов исторической диалектологии имеется еще очень мало исследований, в данной монографии имеется немало положений и выводов гипотетического характера. Однако в работу включены очерки, посвященные исследованию истории ряда языковых явлений, содержащие сведения как о структурных разновидностях явлений, так и о характере их распространения, и, таким образом, читатель не лишен возможности создания иной интерпретации исследуемых данных, чем та, которую предлагают авторы монографии.

§ 2. Общее изучение лингвистического ландшафта языка в качестве первого этапа историко-диалектологического исследования

Как было сказано выше, отправным моментом настоящего исследования является всестороннее изучение лингвистического ландшафта языка и присущих ему характерных особенностей. Это изучение преследует разрешение нескольких задач. Такова прежде всего задача установления тех случаев размещения изоглосс и ареалов языковых явлений, которые характеризуются сходством по очертаниям и по местоположению, т. е. выявление пучков изоглосс и сочетаний ареалов, регулярно выделяющих те или иные части общей территории, занимаемой говорами русского языка. Следующей задачей является разрешение вопроса о том, какие из выделяющихся территориальных объединений могут быть признаны представляющими современное диалектное членение языка, так как именно основные величины этого членения, и должны стать в дальнейшем объектом ретроспективного изучения, на основе которого в исследовании воссоздаются основные этапы, пройденные диалектными группами в их истории.

Уже в самом начале изучения данных лингвистического ландшафта русского языка поднимался вопрос о критериях установления его диалектного членения и лишь после того, как был определен круг основных величин диалектного членения языка, мог быть поставлен вопрос об их оценке с исторической точки зрения, т. е. о том, какие из этих величин в большей, а какие в меньшей степени связаны с диалектным членением предшествующего периода.

Нельзя сказать, чтобы по вопросу о принципах установления диалектного членения языка или, что то же самое в данном случае, о принципах группировки или классификации его говоров в настоящее время имелось определившееся единство мнений, хотя данный вопрос и обсуждался за последние годы на материале диалектных данных различных языков [16]. В ходе такого обсуждения выдвигались различные возможные принципы установления диалектного членения, например, такие, как типологический, структурный, генетический, статистический и др., высказывались соображения и о возможности сочетания одновременно нескольких принципов при разрешении данного вопроса. Однако наряду с этим в некоторых работах проводится и та мысль, что диалектное членение языка должно опираться не столько на априорно принятое предпочтение тому или иному из принципов построения диалектного членения, сколько на объективное изучение самих изоглоссных данных [17].

---

[16] Обзор некоторых из возможных подходов к разрешению данного вопроса см.: П. Ивић. «Основни аспекти структуре дијалекатске диференцијације», Македонски јазик. Год XI—XII, кн. 1—2, Скопје, 1960—1961. См. также: Р. Г. Пиотровский. Структурализм и языковедческая практика. — ВЯ, 1957, № 4; Он же. Структурные модели территориальных и жанровых разновидностей языка, в кн. «Вопросы романского языкознания». Кишинев, 1963; П. Ивић. On the structure of dialectal differentiation, «Word», XVIII, 1—2, 1962; Он же. Importance des caractéristiques structurales pour la discription et la classification des dialectes, «Orbis», 1962; Он же. Structure and typology of dialectal differentiation, «Proceedings of the ninth international congress of linguists», London—The Hague—Paris, 1964; Végh J. Über die Kriterien mundartlicher Einheiten, «Congres intern. de dialectologie général», 1-er, 1960, Louvain, 1964; D. Brozowić. O kryteriach structuralnych i genetycznych w klasyfikacji dialectów chorvacko-serbskich, Biuletyń polskiego towarzystwa językoznawczego, seszyt XXII, fascicule XXII, Wroclaw—Warszawa—Kraków, 1963.

[17] Так, П. Ивич в работе «Основни аспекти структуре дијалекатске диференцијације», выдвигая предложение о применении статистического метода для характеристики расположения изоглосс по отношению друг к другу и при установлении классификации говоров, тем самым рекомендует детальное изучение самого характера этого расположения. При этом

Изучая материал, который предоставляют в распоряжение исследователей лингвистические карты, составленные на основе системного подхода к лингвогеографическому изучению языка, мы имели возможность убедиться в том, что разработка диалектного членения должна и может покоиться на объективно существующих показаниях лингвистического ландшафта языка, для оценки которых и должны быть разработаны соответствующие критерии.

Так, при установлении диалектного членения языка должны быть прежде всего выяснены следующие основные характерные особенности лингвистического ландшафта:

1. Все случаи совмещения ареалов языковых явлений на определенных территориях в отличие от случаев индивидуализированного распространения явлений, при котором такого совмещения ареалов не наблюдается.

2. Основные типы членения территории языка на основе наиболее значительных сочетаний ареалов и характер расположения выделяющихся частей территории по отношению друг к другу.

3. Соотношение территориальных величин, связанных друг с другом на основе распространения в их пределах членов одних и тех же соответственных явлений с точки зрения того, имеет ли каждая из таких территориальных величин свою диалектологическую характеристику или при распространении в пределах одной из территориальных величин диалектных членов соответственных явлений, в пределах другой распространены только члены соответственных явлений, совпадающие с нормированным языком.

4. Разграничение территориальных величин, находящихся в пределах основных частей соответствующих сочетаний ареалов, в отличие от тех, которые находятся в пределах совмещения окраинных частей двух или нескольких противоположных по местоположению сочетаний ареалов.

Наряду с изучением указанных характерных особенностей, наблюдаемых в расположении сочетаний ареалов и пучков изоглосс при оценке территориальных величин, выделяемых этими сочетаниями и пучками во внимание должен быть принят также характер самих явлений, ареалы которых выделяют данное территориальное объединение. Так, должны быть учтены:

1. Характер того или иного явления по широте охвата им языкового материала и связанной с этим частотности в речевом потоке: явления, принципиально безразличные к лексическому составу, т. е. явления-закономерности, в отличие от явлений, связанных с единичными словами или от явлений, реализующихся в отдельных морфологических элементах слов и т. п.

2. При условии, если данное соответственное явление сложно по своему характеру, весьма существенно, выступает ли оно в пределах данного объединения во всей совокупности характерных для него структурных разновидностей или только в определенной из них.

3. Характер распространения явления в пределах территории, выделяемой тем или иным сочетанием ареалов:

а) связано ли явление только с территорией данного объединения или наряду с этим в какой-то (меньшей) степени известно говорам за его пределами;

б) последовательность распространения в пределах данного территориального объединения или рассеянный его характер, представленный разорванными ареалами или наличием явления в отдельных говорах в общих пределах данного объединения.

Таким образом, видим, что при установлении диалектного членения языка речь не идет о выделении диалектных объединений по наличию любого сочетания ареалов, выделяющих ту или иную часть территории, а о сочетании наблюдений над расположением ареалов и пучков изоглосс с изучением характера самих явлений, входящих в состав языкового комплекса того или иного выделяющегося диалектного объединения, проводимых с синхронной точки зрения.

Подчеркнем специально, что в перечне тех характерных особенностей явлений, которые существенны при оценке выделяющихся диалектных объединений, не случайно отсутствуют указания на принадлежность явлений к тем или иным сторонам языка (фонетике, грамматике, в том числе и словообразованию, лексике) и на оценку их с исторической точки зрения (архаизмы — инновации). Это объясняется тем, что в составе тех сочетаний ареалов, которые дают основание для выделения современных диалектных объединений, обычно имеются ареалы как фонетических, так и грамматических, лексических явлений, которые и подвергаются оценке с указанных выше точек зрения. Такому наиболее существенному из указанных выше критериев как широта охвата

П. Ивич справедливо подчеркивает, что классификация говоров должна учитывать все различия, имеющие определенность территориального распространения, а не только те, которые отобраны в соответствии с научными взглядами того или иного исследователя или на основании соображений исторического характера (указ. соч., стр 90).

явлением языкового материала, по самой своей природе менее всего соответствуют лексические явления, хотя в ряде случаев значение лексических явлений повышается за счет часто встречающихся в речи слов (некоторые наречия, междометия, служебные слова), употребление которых имеет большое значение для создания местного колорита речи. Следует также учитывать, что лексические явления языка до последнего времени остаются крайне недостаточно изученными — их изучают преимущественно только как различия номинативного характера, оставляя в стороне ряд других весьма существенных различий, например таких, как различия в сфере значений слов и др.

Особый круг вопросов связан с тем, что одни явления исторически представляют собой инновации, а другие — архаизмы. Некоторые ученые (в частности, П. Ивич) [18] подчеркивали, что именно ареалы инноваций являются результатом развития процессов диалектного членения, в то время как ареалы архаизмов, в сущности, лишь показывают, что сохранилось после появления инновации. На этом основании, правда не без колебаний (ср. там же замечание о том, что исключение ареалов архаизма может выглядеть искусственно), П. Ивич приходит к выводу, что ареалы архаизмов не имеют настоящего типологического значения. Б. В. Горнунг [19] считает необходимым при дальнейшей разработке вопросов ареальной лингвистики уделять преимущественное внимание глобальным топоизоглоссам, отражающим преобразование языковых систем.

Нам представляется, что при изучении лингвистического ландшафта в синхронном плане с целью установления диалектного членения, явления-архаизмы и явления-инновации имеют, в сущности, одинаковое значение. Значение явлений-архаизмов при выделении диалектных объединений снижается лишь в тех случаях, когда они имеют в результате пережитой ими деградации ярко выраженное непоследовательное распространение по территории диалектного объединения. Лишь в случаях этого рода характер распространения архаизмов полностью соответствует пониманию парциальных изоглосс, которое находим у Б. В. Горнунга. Однако наряду с этим в составе архаических явлений встречаются и такие, ареалы которых обладают достаточной определенностью очертаний и, что главное, совмещаются с ареалами других явлений, характеризующих то или иное объединение. В таких случаях сохранение определенной черты в архаическом состоянии имеет для данной территориальной разновидности языка то же значение, что и достаточно последовательно распространенная инновация. Иное значение имеет дифференциация этих двух видов явлений при исследовании вопросов исторического характера.

Изучение лингвистического ландшафта в указанных выше аспектах дало основание членам авторского коллектива данной монографии предложить тот вариант диалектного членения русского языка, который был опубликован в 1965 г.[20] и система которого является отправной в данном исследовании. В связи с этим отсутствует необходимость повторять в данной работе описание языковых комплексов всех диалектных объединений русского языка. Что же касается тех диалектных объединений, генезис которых изучается в данной монографии (северное наречие и его группы и среднерусские говоры), то ниже приводятся более детальные, чем в «Русской диалектологии» характеристики языковых комплексов этих объединений, и дается обзор расположения изоглосс, выделяющих эти диалектные объединения.

Здесь же охарактеризуем лишь структуру диалектного членения, принимаемого в качестве исходного в данной работе в общем виде.

В системе диалектного членения русского языка, созданного в 1965 г. по данным лингвистической географии, имеются прежде всего величины двух рангов в зависимости от того, является ли объектом членения территория говоров, взятая в целом, или отдельные уже выделенные величины в пределах данной территории. В свою очередь величины, относящиеся к каждому из этих двух рангов, различаются в зависимости от того, расположены ли они в пределах отдельных самостоятельных сочетаний ареалов или на территории совмещения окраинных частей противоположных по местоположению двух или нескольких различных сочетаний ареалов.

I. Территориальные величины, связанные с общим членением территории языка в целом.

А. Величины, расположенные в пределах отдельных самостоятельных сочетаний ареалов.

а) Наречия русского языка: северное наречие, расположенное в наиболее северной части членимой территории, севернее полосы

[18] П. Ивић. Основни аспекти структуре дијалекатске диференцијације, «Македонски јазик», XI—XII, 1—2, 1960—1961, стр. 95; Он же. Structure and typology of dialectal differentiation, «Proceedings. . .», стр. 115—129.

[19] Б. В. Горнунг. Задачи индоевропеистики в свете задач общего языкознания. — ИАН, ОЛЯ, 1960, 6, стр. 460.

[20] «Русская диалектология», ч. II. — «Диалектное членение русского языка».

среднерусских говоров и южное наречие, расположенное в ее южной части, южнее полосы среднерусских говоров.

б) Диалектные зоны, по иному членящие ту же территорию, в известной степени безотносительно к ее разделению на наречия. Таковы: западная, северо-западная, северная, северо-восточная, юго-западная, южная, юго-восточная диалектные зоны. В перечень зон может быть включено и близкое по своей сути к понятию диалектной зоны выделение говоров «центра».

Б. Территориальные величины, находящиеся в пределах совмещения окраинных частей противоположных по местоположению сочетаний ареалов.

К числу этих величин в пределах общей территории языка принадлежат среднерусские говоры, расположенные на территории неравномерного совмещения окраинных частей ареалов явлений, порознь характерных для северного и южного наречий русского языка, а в пределах отдельных диалектных объединений так называемые межзональные говоры.

II. Территориальные величины, связанные с членением отдельных диалектных объединений.

А. Величины, выделяемые в пределах более широких объединений по наличию самостоятельных сочетаний ареалов.

а) Основные группы говоров северного наречия: Ладого-Тихвинская, Вологодская, Костромская.

б) Основные группы говоров южного наречия: Западная, Верхне-Днепровская, Верхне-Деснинская, Курско-Орловская, Рязанская (Восточная).

в) Основные группы среднерусских говоров: Псковская, Гдовская, Владимирско-Поволжская.

Б. Величины, для характеристики которых решающее значение имеет совмещение на их территории окраинных частей противоположных по местоположению ареалов.

а) Межзональные говоры северного наречия.

б) Межзональные говоры южного наречия.

в) Отдельные подразделения в пределах среднерусских говоров, не обладающие достаточным кругом характерных только для них черт: Новгородские говоры, Селигеро-Торжковские говоры, восточные среднерусские акающие говоры.

§ 3. Разработка истории языковых явлений в связи с образованием диалектных групп

Установление диалектного членения языка является, как уже говорилось выше, отправным моментом историко-диалектологического исследования, опирающегося на данные лингвистической географии. Наличие данных об основных величинах диалектного членения позволяет сравнить их расположение с расположением на территории языка диалектных групп феодального периода, представление о котором было создано в результате проведенного к настоящему времени изучения вопросов исторической диалектологии и истории русского народа. Так, из числа современных диалектных объединений, связанных с членением территории языка в целом, соответствия этого рода наиболее характерны для некоторых из диалектных зон, но не для наречий или среднерусских говоров, что в свою очередь является дополнительным доводом в пользу того, что именно наречия и среднерусские говоры являются наиболее современными величинами диалектного членения русского языка. Из числа диалектных зон юго-восточная, например, связана по местоположению с территорией Рязанской земли XIV—XV вв. и соответственно с ее диалектом; северная и восточная граница некоторых вариантов пучков изоглосс юго-западной зоны почти совпадает с границей Великого княжества Литовского XIV в.; основная часть территории центральных говоров связана с наиболее устойчивой и центральной исторически частью территории Ростово-Суздальской земли.

Возможность установить хотя бы в чисто территориальном аспекте соответствие определенных сочетаний ареалов, выделяющих некоторые диалектные объединения, а тем самым и определенных языковых комплексов, диалектным объединениям старшего периода важна для целей исторического исследования и в дальнейшем используется в нем для рассмотрения ряда вопросов исторической диалектологии, как, например, для суждения о первоначальной диалектной принадлежности явлений и о направлении их последующего распространения и др. Однако при разработке вопросов исторической диалектологии исследователь не может ограничиться лишь установлением подобных соответствий. Изучение истории формирования диалектных объединений останется чисто внешним и схематичным, если оно не будет опираться на изучение истории необходимого круга языковых явлений, как распространенных в пределах территории данного языка в целом, так и в пределах отдельных диалектных объединений.

Исследования, посвященные истории отдельных явлений с учетом диалектных данных и в связи с вопросами образования диалектных групп, появлялись и в период, предшествующий изучению говоров русского языка мето-

дами лингвистической географии. Некоторым авторам, как, например, С. П. Обнорскому, обобщавшему в ряде своих работ диалектные данные, собранные при подготовке диалектологической карты 1915 г.[21], нередко удавалось дать в ходе устного изложения общую картину распространения отдельных явлений или во всяком случае приурочить языковые явления к определенным территориям. Выполнение задач такого рода следует считать одной из ярких положительных особенностей работ С. П. Обнорского, и тем не менее эти работы одновременно показывают, как отсутствие предварительно проведенного картографирования явлений возлагало на исследователя дополнительную и в полной мере не выполнимую задачу.

Образцовым по методу является анализ данных о распространении разновидностей аканья и яканья, данный Р. И. Аванесовым в работе «Вопросы образования русского языка в его говорах», оказавшийся возможным благодаря наличию работ, посвященных изучению внутренних закономерностей и географии разновидностей неразличения гласных, этого наиболее характерного явления говоров южного наречия, давно привлекавшего внимание исследователей.

Созданные на протяжении сороковых и пятидесятых годов карты диалектологических атласов создали принципиально новые возможности и для разработки вопросов исторической диалектологии. Общее ознакомление с ходом диалектологических исследований на протяжении указанного и последующего периода показывает оживление внимания к разработке вопросов этого рода, шедшее параллельно с подготовкой диалектологических атласов. Ряд исследователей в это время изучает историю отдельных диалектных явлений, взятых во всей совокупности характерных для них структурных разновидностей, известных в пределах русского языка, в связи с процессами образования определенных диалектных групп [22]. Другие исследователи обращались к вопросам исторической диалектологии, изучая состояние отдельных диалектных систем. Изучение истории более широких диалектных объединений русского языка естественно могло быть начато лишь после того, как было накоплено определенное количество исследований, посвященных отдельным явлениям или генезису говоров отдельных территорий, поскольку именно их совокупность и создает, как увидим это ниже, основу для более широкого изучения истории формирования диалектных объединений по данным лингвистической географии.

Многие из таких исследований, построенных на материалах атласов, выходили в свет параллельно с собиранием материалов для атласов, но до того, как были составлены карты по говорам основных территорий. Авторы подобных исследований в ряде случаев сами осуществляли картографирование явлений, следуя, однако, при этом принципам лингвистической географии русского языка, опубликованным к этому времени как в «Программе собирания сведений для диалектологического атласа русского языка», так и в некоторых статьях общего характера.

В данной работе, посвященной истории формирования северного наречия и среднерусских говоров русского языка, путь от разработки истории отдельных явлений, обязательно включающей изучение территориального аспекта их существования и развития, к выводам по истории формирования диалектных объединений является обязательным, что определяется характером основного используемого источника, а именно — данных лингвистической географии русского языка. При этом история многих явлений рассмотрена авторами данной монографии специально при ее подготовке. В связи с этим остановимся детальнее на особенностях разработки этой значительной по объему части данного исследования, посвященной изучению истории отдельных явлений в связи с образованием диалектных объединений.

Подобное изучение всегда тесно связывается в работе с учетом результатов предшествующего изучения истории того или иного явления, что позволяло в ряде случаев определить, представляет ли данное явление собой сохранение архаического состояния того или иного звена языковой системы или инновацию, возникшую на определенном этапе развития языка. Данные этого рода чрезвычайно важны при изучении процессов образования диалектных групп: связь определенной части явлений-инноваций

[21] См.: С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1, Л., 1927; вып. 2. Л., 1931 (в дальнейшем — С. П. Обнорский. «Именное склонение 1» и «Именное склонение 2») и другие его работы, аналогичные по методу привлечения диалектных данных.

[22] Подобные исследования всегда учитываются или используются в данной работе; ссылки на них см. ниже, при рассмотрении соответствующих явлений. Интерес к вопросу об использовании лингвистических карт при изучении истории языковых явлений развивается в настоящее время у диалектологов различных языков, поднимающих вопрос о методах такого использования. См., например: Willem A. Grootaers. Une nouvelle methodo pour determines la chronologie des aires dialectales. Communications et rapports. . ., стр. 60—64.

или архаизмов с говорами тех, а не других территориальных объединений нередко позволяет судить о том, какую роль играли эти диалектные объединения в тех процессах междиалектного взаимодействия, которые обусловили последующее формирование диалектной структуры русского языка национального периода. На основании данных предшествующего изучения, обычно опиравшегося на соединение показаний памятников письменности и диалектов, в ряде случаев оказывалось возможным установить, хотя и всегда со значительной условностью, время и место первоначального появления инновации, если по своей природе данное явление могло быть выражено на письме. Однако при этом, как правило, те же данные оказывались обычно недостаточными для установления структурных разновидностей явлений и относительной хронологии этих последних, а тем самым и для суждения о направлениях, в которых шло распространение явлений в пределах говоров русского языка.

При рассмотрении вопросов этого рода наиболее существенных при изучении процессов образования диалектных объединений, как раз и выступают ярче всего преимущества такого источника, каким являются данные лингвистической географии. Наиболее полное выявление структурных разновидностей явлений и изучение характера их распространения, а также связей и соотношений, в том числе и соотношений по характеру территориального распространения, имеющихся между данным явлением и другими сторонами языковой системы, являются одним из основных принципов использования данных лингвистической географии в историко-диалектологическом исследовании, поскольку именно при таком изучении материала мы можем извлечь данные о связи развития отдельных явлений с процессами формирования диалектных объединений, для чего прежде всего должны быть выяснены такие вопросы истории явлений, как вопрос о месте их возникновения и путях последующего распространения, а также вопрос об основных этапах, пройденных данным звеном системы на протяжении его существования [23]. При этом всегда принимался во внимание тот факт, что языковые системы говоров находятся обычно, благодаря неравномерности происходящих в них изменений, на разных этапах своего развития, причем эта неравномерность развития характеризует обычно не систему в целом, а разные ее звенья. Структурные разновидности одного и того же явления, представленные в разных языковых системах, могут поэтому быть расценены в ряде случаев как представляющие различные этапы развития явления, одни как более архаические, а другие как новообразования, возникавшие в пределах тех или других местных разновидностей языка.

Выяснение того, какие из разновидностей явления представляют его наиболее архаическое состояние, а какие — различные по времени возникновения, иногда и параллельно развивавшиеся, инновации, не дает еще непосредственных оснований для разрешения вопроса о первоначальном очаге возникновения и о последующих путях распространения этих инноваций. Не дает такого рода оснований и изучение характера распространения одной и той же инновации на разных территориях, последовательного в одних случаях и непоследовательного в других. Отдельно взятые наблюдения и заключения, построенные на основе данных указанного выше характера не могут и не должны быть абсолютизированы при рассмотрении вопроса о месте возникновения явления, которое требует изучения целого комплекса разнородных данных, поскольку по мере распространения явления при расселении его носителей на новых территориях некоторые инновации могут сохраняться в их речи более устойчиво, чем в речи населения, остающегося на исконных территориях. Следует также учитывать, что в одних случаях при усвоении явления не наблюдается изменения его характера и тем самым происходит лишь расширение его ареала, первоначальные очертания которого если и могут быть установлены по современным данным, то лишь в результате специального исследования. В других случаях явление сохраняет свой более архаический характер в тех говорах, где оно первоначально возникло, а в говорах, усвоивших данную черту, наблюдается трансформация явления, как, например, незакономерное расширение первоначальных условий его реализации.

При разрешении вопроса о месте возникновения и путях последующего распространения явления по данным лингвистической географии, особенно в тех случаях, когда данные иного рода отсутствуют, большое значение имеет сопоставительное изучение характера распространения нескольких явлений, обладающих

---

[23] Изучение указанных вопросов требовало в ряде случаев составления наряду с имеющимися картами атласов, карт, объединяющих данные о разных сторонах существования явлений или дающих представление о тех соотношениях между разными звеньями языковых систем, которые были выявлены в ходе исследования материала. Иногда возникала также необходимость более обобщенного показа распространения некоторых явлений, приводившего к составлению карт-схем.

сходством в этом отношении, т. е. преимущественно связанных с определенным кругом диалектных объединений. В некоторых случаях этого рода может быть принята гипотеза об едином генезисе нескольких явлений, связанных с одними и теми же диалектными объединениями (см., например, ниже трактовку явлений общезападного происхождения — II, 5)[24]. Для разрешения аналогичного круга вопросов важна также и группировка явлений по их положению в пределах восточнославянской языковой области в целом: характерно ли явление только для одного из восточнославянских языков или известно в той или иной степени и в других. В последнем случае должен учитываться характер распространения изучаемого явления на территории соответствующих языков: представлено ли явление одним ареалом, охватывающим сопредельные территории тех языков, которым явление известно, или распространено в виде разорванных ареалов. Особенно систематическим должен быть такой учет по отношению к белорусскому языку, так как на его территории имеют непосредственное продолжение ареалы ряда явлений, характерных одновременно также и для сопредельных говоров русского языка, распространенных на столь значительных территориях, что по отношению к этим явлениям невозможна оценка их как характерных преимущественно для одного из названных восточнославянских языков[25]. Значение данных этого рода определяется тем, что некоторые явления, характеризующие современные диалектные объединения в пределах восточнославянских языков, формировались в период, предшествующий достаточно определившемуся обособлению этих языков.

Значение того или иного явления для построения выводов историко-диалектологического характера не определяется широтой, или последовательностью его территориального распространения, соответствием или несоответствием пределам отдельных диалектных объединений. В ряде случаев данные о рассеянном, рассредоточенном распространении явления в пределах того или другого объединения или наличия явления только на части его территории не менее показательны для его истории, как и для истории соответствующих диалектных групп, чем данные о сплошном распространении явления, столь важные для выделения диалектных объединений с современной точки зрения. При любой интенсивности распространения явления необходимо учитывать, известно ли оно только на территории данного диалектного объединения или также и за его пределами, хотя бы и в других структурных разновидностях, и изучить явление во всей совокупности этих разновидностей с учетом их расположения на территории языка. Тем самым монографическое изучение ряда явлений становится необходимым компонентом историко-диалектологического исследования в целом. В результате такого изучения оказывается, в частности, что некоторые из явлений имеют индивидуальный, только им присущий характер распространения и их ареалы не совпадают по местоположению с ареалами других явлений. В случаях этого рода важно установить, территории какой совокупности объединений и в какой степени охватывают их ареалы. Иногда в распространении явлений, индивидуальных по характеру своего распространения, или в распространении отдельных присущих им структурных разновидностей наблюдается относительное сближение их ареалов по характеру расположения на территории языка в целом. Случаи такой относительной локализации также должны быть специально изучены, так как в ряде случаев именно они дают чрезвычайно важный материал для изучения процессов формирования соответствующих диалектных объединений.

Должны быть изучены и оценены с точки зрения их значения в процессе формирования диалектных групп и те диалектные явления, которые вообще не прикреплены к отдельным территориям, а присущи одновременно самым разнообразным по местоположению диалектным группам. Одни из таких явлений могут быть связаны с периодами, предшествующими выделению восточнославянских языков, другие знаменуют консолидацию диалектных групп, характерную для того этапа существования развитых национальных языков, когда происходит усиление их внутреннего единства.

Изучение истории возникновения и последующего распространения отдельных языковых явлений органически сочетается в работе с пристальным изучением собственно исторических данных. Только на этой основе может быть успешно осуществлено изучение процессов формирования диалектных объединений. Большое значение имеет, в частности, изучение тех исторических предпосылок, которые

---

[24] Здесь и ниже ссылки на соответствующие части в пределах данной работы даются цифрами, первая из которых (римская) указывает номер раздела, вторая — главу в пределах раздела, а третья (со знаком §) — параграф главы.

[25] В. Г. Орлова. Русско-белорусские языковые отношения по данным диалектологических атласов. «Материалы и исследования по русской диалектологии» (новая серия), вып. II. М., 1961.

создавали благоприятные условия для контакта представителей различных диалектных групп и их языкового взаимодействия. При этом иногда удается установить, протекало ли это взаимодействие на равноправных основаниях или при ярко выраженном преобладании одной из диалектных групп по причинам социального характера. В первом случае результаты междиалектного взаимодействия преимущественно определяются причинами собственно языкового характера, во втором случае иногда преобладает стирание характерных черт диалекта, испытывающего воздействие. Изучение предпосылок собственно исторического характера создает надежную почву и для изучения процессов взаимодействия с другими иносистемными неродственными языками из числа тех, с которыми у носителей определенного диалекта имелись контакты в ходе их истории. Возникновение явлений, которые могут быть объяснены на основе теории субстрата, в некоторых случаях могло быть связано с переходом иноязычных групп населения к русскому языку, в процессе которого первоначально могло иметь место неполное усвоение русского языка на основе характерных закономерностей родного языка. Возникающие при этом усвоении явления могли в дальнейшем стабилизироваться и получить распространение в системах русских народных говоров, в том числе и в тех, которые не связаны генетически с переходом от одного языка к другому. Обязательным условием при объяснении определенных явлений на основе теории субстрата следует считать знание структуры и закономерностей иносистемного языка, который считают источником новообразования, а также наличие определенных представлений о тех исторических условиях, в которых могло сложиться взаимодействие разносистемных языков.

Таким образом, изучение формирования диалектных объединений на основе разработки истории отдельных явлений по данным лингвистической географии предполагает широкое привлечение и комплексное изучение целого ряда источников. Только при этом условии возможно построение выводов об основных этапах развития, пройденных теми или иными диалектными объединениями. Часть таких выводов в известной степени неизбежно явится гипотетической. Это обусловлено прежде всего тем, что основной в данном исследовании источник — данные лингвистической географии русского языка — впервые подвергается исследованию с целью изучения истории формирования диалектных объединений в таком широком масштабе. Однако и при неизбежной гипотетичности части выводов, к которым смогли прийти авторы данной работы, публикация этих выводов представляется целесообразной, как была целесообразна и важна вся предшествующая разработка вопросов исторической диалектологии, осуществленная на другом материале, которым мы с благодарностью располагаем в настоящее время.

Раздел I

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЯВЛЕНИЙ, ИМЕЮЩИХ ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР РАСПРОСТРАНЕНИЯ

В данном разделе рассматривается история ряда явлений, особенностью распространения которых является то, что ареалы их диалектных членов не совпадают достаточно определенно друг с другом по местоположению, т. е. имеют особый, присущий каждому из этих явлений характер распространения. В связи с этим и взятые в отдельности ареалы каждого из таких явлений не соответствуют территориям каких-либо определенных диалектных объединений. Отсутствие прямых связей по характеру размещения на территории языка с размещением современных диалектных объединений требует изучения истории каждого из таких явлений в отдельности при разработке вопросов исторической диалектологии. В результате этого изучения выявляется, как увидим это ниже, различная роль подобных явлений в общем процессе формирования диалектной структуры русского языка. Одни из них связаны с ранними этапами существования его диалектных групп и поэтому дают материал для реконструкции истории современных диалектных объединений. Распространение других явлений изучаемого типа указывает на наличие в прошлом таких связей между отдельными территориальными разновидностями языка, которые, хотя и не получили дальнейшего развития, должны учитываться при изучении их истории. Наконец, некоторые из подобных явлений первоначально развивались на тех же территориях, что и явления, ареалы которых вошли в определенные сочетания и послужили для выделения диалектных объединений, однако особая продуктивность отдельных из таких явлений, соответствие их общим тенденциям развития русского языка в целом привели к распространению их за пределы территории первоначального возникновения. Углубленное изучение характера распространения явлений описываемого типа распространения, позволяет в ряде случаев установить относительное сходство некоторых из них в этом отношении и реконструировать более древнее расположение их ареалов на территории языка, а также выяснить связь тех или иных явлений с формированием современных диалектных объединений. Все это имеет большое значение для понимания процессов формирования изучаемых диалектных объединений.

Тем самым помещаемые ниже очерки по истории отдельных явлений предназначены для использования их при изучении процессов образования диалектных объединений, причем в ряде случаев каждое из таких явлений, взятое во всей совокупности его структурных разновидностей оказывается связанным одновременно с формированием нескольких объединений.

Глава первая

ЯВЛЕНИЯ ИЗ ОБЛАСТИ ВОКАЛИЗМА

§ 1. Изменение гласного /а/ после мягких согласных в /е/ в положении перед последующими мягкими согласными

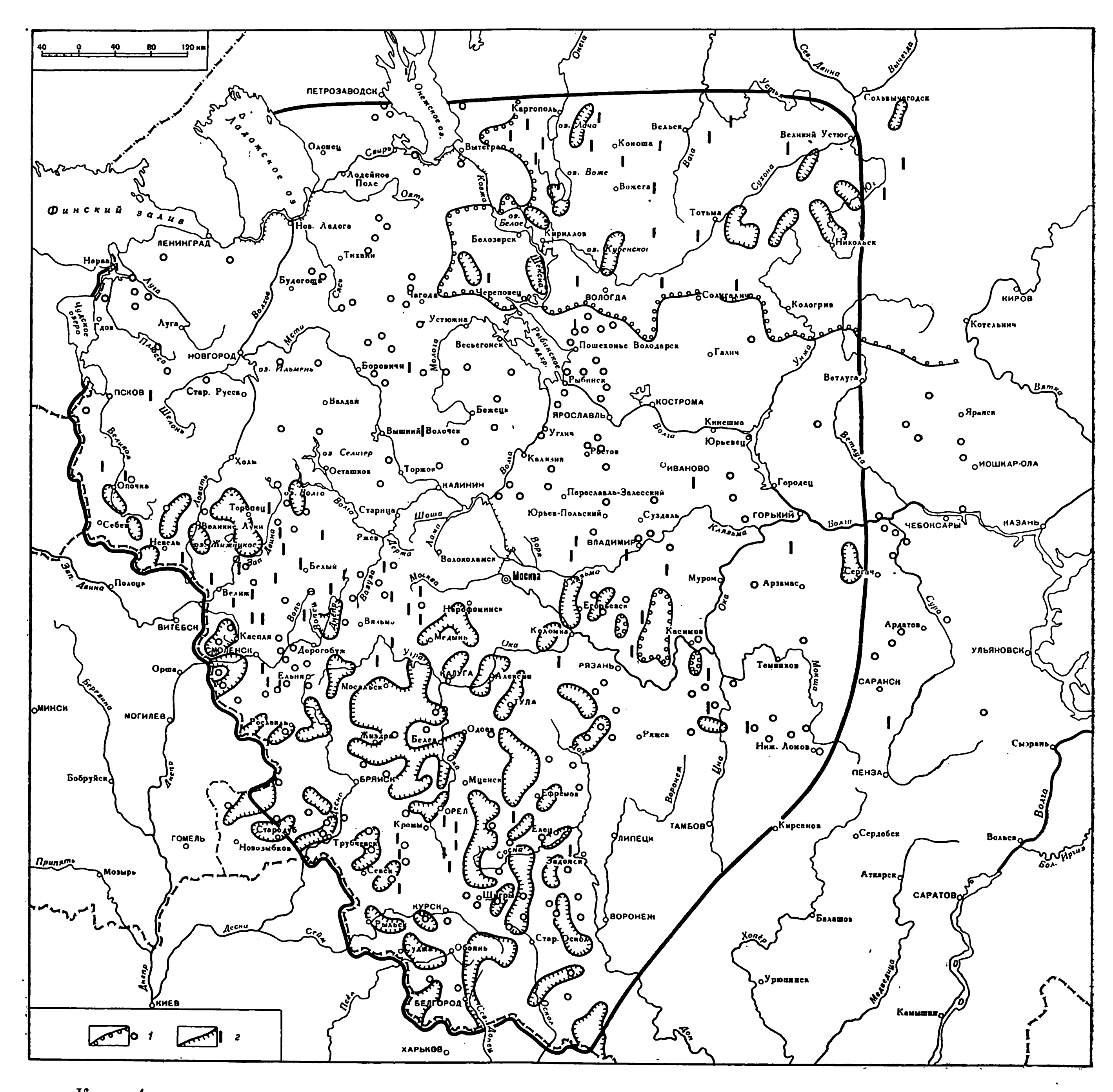
Гласный *а*, находящийся в указанном положении, в части говоров русского языка чередуется с *е*: ср. /*п'áт/ый* — /*пет'*/, *в/з'áт/ый* — *в/зет'*/ и под.

Данное явление в качестве собственно фонетического, не ограниченного факторами лексического или морфологического характера представлено двумя ареалами (см. карту 1), условно назовем их северо-восточный [1] и рязанский. Наряду с этим во многих говорах отмечают чередование *а* с *е* в отдельных, повторяющихся из говора в говор на изучаемой территории, словах, каждое из которых имеет при этом достаточную определенность своего распространения, таких, как *опя́ть*, *племя́нник* (см. карты 1 и 2). По говорам известны также факты чередования *а* с *е* в единичных словах, не повторяющихся из говора в говор, распространение каждого из которых не имеет достаточной определенности. Данное явление может быть отмечено по говорам лишь в основах инфинитивов глаголов II спряжения типа *крича́ть* и (реже) типа *дыша́ть*: *крич/é/ть*, *дыш/é/ть* и т. п.

Возможность регулярного фонетического чередования *а* с *е* в говорах с различением гласных отмечают как под ударением, так и в первом предударном слоге, а в говорах с неразличением только под ударением. При этом оно может выступать: а) в корнях слов: *г/р'áз/-ный* — *г/péс'*/, /*п'áт/ый* — /*пет'*/, /*п'ат/óк* — /*пет/и́* и т. д.; б) в личных формах и в формах, образованных от основы прош. времени глаголов с инфинитивом на *-ать*: ср. *гу/л'áл*/, но: *гу/лéт'*/, *гу/лéл/и*, *гу/лéй/у*, *гу/лéй/ут* и т. д.; в) в окончаниях определенных форм мн. числа существительных с мягкой основой: ср. *д/н'ам*/, *гвоз/д'áм*/, но *д/нéм/и*, *гвоз/дéм/и* и т. д.; г) в форме 3 лица мн. числа глаголов II спряжения при наличии окончания *т* в данной форме: *они си/дéт'*/, *гово/péт'*/, ср. *они си/-д'áт*/, *гово/р'áт*/ при окончании *т*. Именно в таком кругу случаев данное чередование как фонетическое явление и отмечают в пределах северо-восточного и рязанского ареалов с указанными отличиями, обусловленными общим характером системы этих говоров. На северо-востоке, в основном на территории Вологодской группы говоров, явление широко известно как под ударением, так и в первом предударном слоге безразлично к лексике, в которой оно реализуется. При этом следует отметить, что ареал чередования *а* с *е* в первом предударном слоге несколько шире, чем ареал того же явления под ударением (ср. карты 1 и 47). Это объясняется возможностью распространения произношения /*е*/ в соответствии /*а*/ в первом предударном слоге вне прямого отношения к рассматриваемому фонетическому чередованию (см. II, 2, § 2).

Из числа указанных выше морфем, в которых выступает данное чередование, в говорах северо-востока оно может отсутствовать в форме тв. п. мн. ч., если она совпадает с дат. п. мн. ч. Тем самым чередование /*а*/ с /*е*/ в этой форме выступает только в той части говоров северо-востока, в которой распространены формы тв. п. мн. ч. с окончанием *-ами*: *гвоз/дéм/и*, *ко/нéм/и*, *по/лéм/и* и т. п. В говорах северо-восточной территории весьма последовательно распространены и те случаи, которые на других территориях выступают как лексикализованные или морфологизованные: инфинитивы типа *кри-чéт'*/, произношение слова *опя́ть* с гласным *е* в корне — *о/пéт'*/; реже отмечают в этих говорах слово племянник с гласным *е* — *пле-мéнн/ик* (см. карту 2). В качестве буквально единичных отмечены в говорах этой территории случаи с гласным *и* в соответствии а:

[1] О данном явлении в говорах северо-востока см.: М. Н. Преображенская. Чередование *а*/*е* как фонетическое явление в вологодских говорах. — ИАН, т. XXIV, вып. 4, 1965, стр. 321—328.

Карта 1

Изменение *а* > *е* в корнях слов и в слове *племянник*:

1 — чередование *а* > *е* под ударением в корнях слов; *2* — наличие гласного /е/ в слове *племянник* — *пле/м'ён'н'и/к*

Примечание: Черной линией здесь и на последующих картах выделена территория наиболее исконного распространения восточнославянского населения, картографирования к настоящему времени.

о/пи́т'/, /си́д/ет, (=сядет) */сит'/* (=сядь), *гу/л и́й/ет, го/ри́ц'/а* (=горячая), *го/ни́й/ут, поте/ри́й/у, в/зи́л/и, /си́д'/ти, сто/и́йл'/и, /пит'/* (=пять), *уго/ни́л'/и, го/ни́л'/ись, прого/ни́л'/и*. Поскольку на той же территории отмечено произношение */и/* в соответствии *ё* и *е* в положении перед мягкими согласными в этих случаях можно видеть распространение возможности произношения */и/* в соответствии гласному *е* любого происхождения.

В материалах по говорам Вологодской группы приведены слова и формы, в которых отмечено произношение */е/* в соответствии *а* в положении перед твердыми согласными, которые распадаются при изучении на три категории: 1) образования аналогического характера, к которым можно отнести следующие: *гу/лён/ка* (при возможном *гуле́ть, гуле́нье*), *с/неу́/, в/зел/* (при возможном *сне́ли, взе́ли*), *г/ре́т/ка* (при мн. *г/ре́д'йо/*); 2) случаи изменения *а* в *е* перед сочетанием твердый+мягкий согласный: *о/зебл'/и, /пе́тн/ица, об/йе́гн/илась, по/ме́кч'/е, цып/ле́тн/ица*. В этих случаях сочетание твердый+мягкий согласный выступает, видимо, в функции мягкого согласного (возможно также, что в некоторых случаях наблюдателями не отмечена мягкость первого согласного в подобном сочетании); 3) изменение *а* в *е* перед шипящими (твердым в говоре, где отмечены эти случаи): *к/реш/* (=кряж), *раз/ве́ж/ется*. Эти факты могут свидетельствовать о том, что шипящие в говоре отвердели после завершения процесса изменения *а* в *е*.

На территории говоров северо-востока фонетическое чередование *а* с *е* сочетается с таким явлением, как наличие суффикса, произносимого как */ае/*, в формах сравнительной степени — *теп/л'а́й/е, бе/л'а́й/е* и т. п., т. е. с явлением, которое внешне прямо противоположно указанному чередованию; соображения по поводу этих форм, будут высказаны ниже.

В пределах небольшого рязанского ареала закономерное чередование *а* с *е* известно в говорах около 15 нас. п., находящихся в окружении говоров, не знающих этой черты. В соответствии с закономерностью безударного вокализма этих южнорусских акающих говоров чередование *а* с *е* представлено здесь только под ударением во всех возможных указанных выше морфологических категориях, однако следует отметить, что формы 3 л. мн. числа типа *они ва/ре́т'/, гово/рет'/* и под. отмечены лишь в некоторых нас. п. Из числа лексикализованных случаев на этой территории регулярно отмечено произношение слова *о/пе́т'/*. Слово *племя́нник* с гласным *е* в основе приведено лишь в ответах по 4 нас. п.

Возможно, что известную связь с фонетическим чередованием *а* с *е* имеют те, распространенные в рассеянных по территории говорах, случаи произношения *е* вм. *а*, которые отмечены в отдельных словах, но не являются лексикализованными в собственном смысле слова, хотя подобные слова иногда и повторяются из говора в говор, но каждое из них не занимает в своем распространении определенной территории.

По имеющимся материалам удалось составить следующий список этих слов: */пет', фсе́ких, ч'ей/* (=чай), */чес'т'/* (=часть), */прийежже́йут, пе́т'ница, фпе́т'ницу, наре́дитца, пе́л'цы, не́н'ка, пане́н'чы, не́н'чылс'а, ме́ли, ме́ч'ик, зет', в Ве́з'ми, грес', пре́ник, мет', паме́нем, пиче́л'ный, нъ прашше́н'йа, ме́хкий, лише́й, праве́н'а/*(=провянет)*/прасе́нишишъ, прагре́зис'с'а, нагре́з'ат, нагре́зили, гре́зица/*(=возиться в грязи),*/на гре́д'йах, пе́тира, йе́йца, узе́ли, сет', свес', прес', пре́ли, напре́дит, снет', сне́ли, руме́ница, наруме́ница, хазе́ин, че́йут, се́диш, сет', ре́бин'кий, хре́ш'ш'ики, крес'йе́не, йе́йца, дрен', гуле́т', бойе́лис'/*. Некоторые из этих слов (*/ме́чик, не́н'ка, чей/* и др.) образованы от корней, в которых гласный *а* никогда не бывает перед твердым согласным, и в них представлено по существу не чередование гласных, а употребление */е/* в соответствии *а*, произносимому в тех же словах в других говорах.

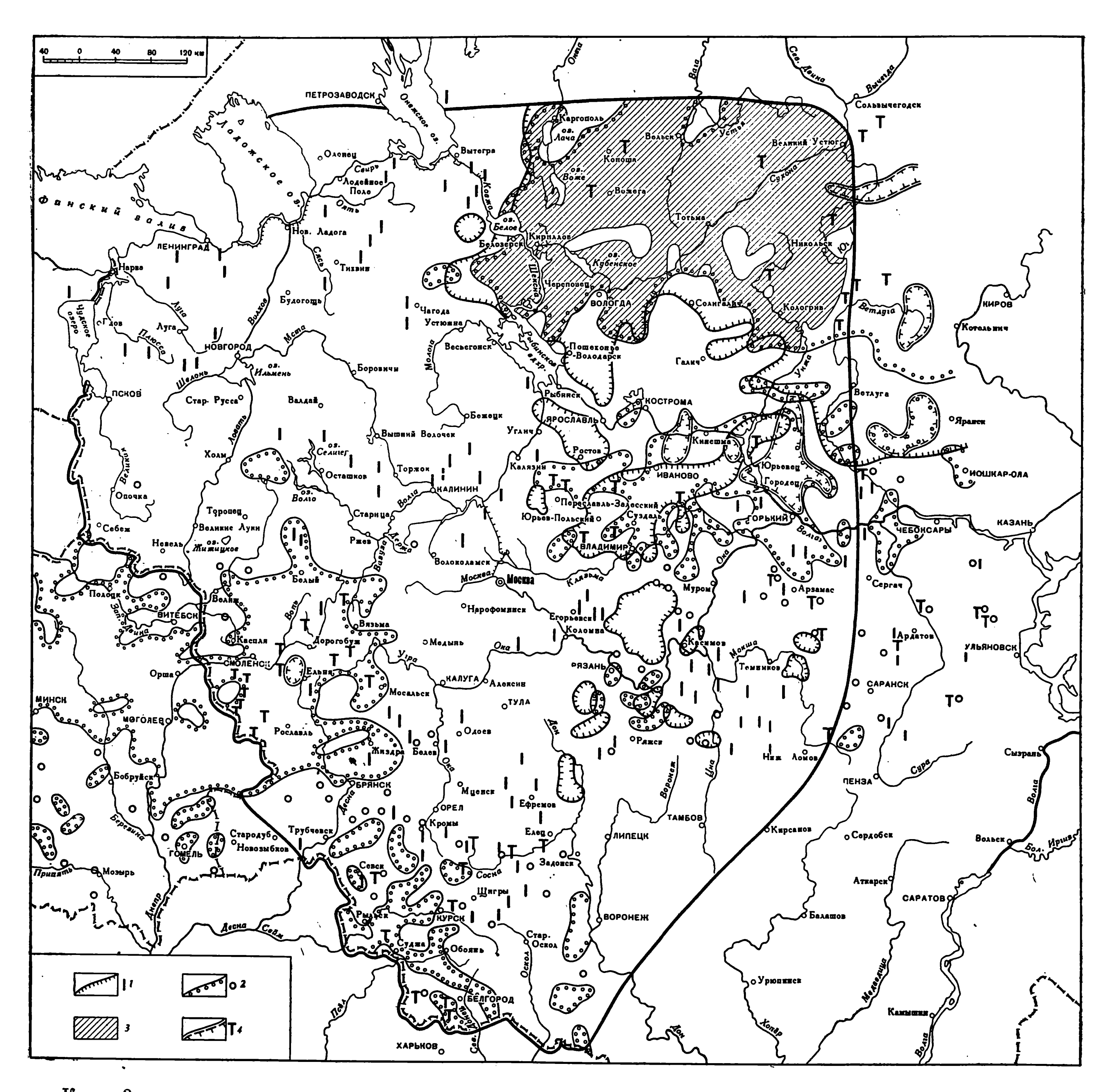
Как уже указывалось, произношение */е/* в соответствии */а/* может наблюдаться и в собственно лексикализованных случаях, в словах *опя́ть* и *племя́нник*, а также в случаях морфологизованных — в инфинитивах глаголов II спряжения с основой на согласный *ч* или на твердые шипящие согласные.

При сравнении приведенных карт заметна большая связь распространения случаев произношения с гласным */е/* слова *опять* с распространением чередования */а/* с */е/* как фонетического явления, в связи с чем, очевидно, можно говорить о произношении */е/* в этом слове как о связанном с тенденцией изменения */а/* в */е/* в целом. Произношение слова *племя́нник* с гласным *е* в корне (*пле/ме́нн/ик*) распространено вне связи с ареалами фонетического чередования, что подтверждает мнение об образовании данного слова от основы *племен-* [2].

Наличие гласного */е/* в глаголах типа *криче́ть, стуче́ть*, известных также и в северной

---

[2] Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии (в дальнейшем — Р. И. Аванесов. Очерки. . .). М., 1949, стр. 55.

Карта 2

Изменение *а* > *е* в глагольных формах и в слове *опять*:

1 — гласный /е/ в слове *опять* — *о/пе́т'/*; *2* — гласный /е/ в формах типа *кри/чѐть/*; *3* — чередование типа *кри/чѐть/ — кри/ча̀л/*; *4* — гласный /е́/ в формах типа *дыше́ть*

части говоров белорусского языка должно, видимо, получить разное объяснение в говорах разных территорий.

В пределах северо-восточного ареала употребление и распространение этих форм совпадает с фонетическим чередованием /а/ с /е/, находясь с ним в полном соответствии: *кри/ч'á/л*, *кри/ч'á/ла*, но *кри/чéт'/*, *кри/чéл'/и*.

Наличие форм типа *кричéть*, *стучéть* на остальных территориях, на которых фонетическое чередование /а/ с /е/ отсутствует, определяется, видимо, причинами аналогического характера, на что указывает и возможность употребления в них форм типа *кричéл*, *стучéл* и форм типа *дышéть*, *держéть*, хотя и отмечаемых спорадически в единичных говорах.

Внутреннее единство данного явления в говорах двух оторванных друг от друга территорий, северо-восточной и рязанской, а также возможность произношения /е/ в соответствии /а/ в различных единичных словах, отмечаемая в говорах, разбросанных по широкой территории, могут, видимо, свидетельствовать о наличии в прошлом во многих говорах русского языка тенденции к усиленному продвижению *а* в более переднее и верхнее положение перед мягкими согласными. При этом, может быть, становится допустимым предположение о том, что такая тенденция была особенно присуща новгородскому говору (или также и соседнему с ним смоленскому). На основании такого предположения стало бы понятным наиболее последовательное развитие изучаемого явления в говорах северо-востока, продолжающих и в других отношениях развитие характерных особенностей древнего новгородского говора. Данные лингвистической географии подтверждают мнение П. С. Кузнецова, включающего данное явление в число процессов, следовавших за падением редуцированных гласных: «Такое изменение (речь идет об изменении *а* > *е*.— *А. С.*) также, возможно, представляет собой последствие падения редуцированных, или, во всяком случае, падение редуцированных подготовило для него почву. Смещение гласного *а* вперед и вверх в особенности легко и далеко осуществляется в закрытом слоге, когда на гласный воздействуют с двух сторон мягкие согласные, принадлежащие к тому же слогу, что и гласный. . . Закрытые же слоги устанавливаются, как известно, лишь в результате падения редуцированных [3]. Ср. и приводимые П. С. Кузнецовым примеры из Новгородских и Псковских памятников XIII—XIV вв., отражающих смешение букв ѧ (ꙗ) и *а* с *е* и ѥ: *освѧщеѥть*, *освящает* (Новг. Кормчая 1282 г. л. 462 об.), *въпиѥще* (Псковск. параклитик 1386 г.) вместо *въпиꙗше* (3 л. ед. ч. имперф. от глагола *въпиꙗти* «вопиять»), *обнищеша* (Псковск. типогр. псалт. XIV в.) вместо *обнищаша* (3 л. мн. ч. аориста от глагола *обьнищати*) [4].

Оформление данного фонетического явления в говорах северо-востока, где оно известно как одно из наиболее характерных явлений ударенного и предударного вокализма, могло протекать и на протяжении XIV—XV вв.; его развитию на данной территории сопутствовало развитие (или стабилизация) и других черт Новгородско-Смоленского происхождения, как например, мягкого цоканья, губно-губного *w*, чередования /л/ с /w/ и др.

С представлением о том, что в говорах северо-востока чередование /а/ с /е/ устанавливалось в достаточно давнее время согласуется и возможность распространения в этих говорах /е/ по аналогии также и перед твердыми согласными (см. выше), свидетельствующая о том, что данное явление не представляет собой живого фонетического процесса. Этим объясняется и распространение здесь форм сравнительной степени типа *ско/р'áй/е*, *бе/л'áй/е* и под., становившихся продуктивными, по мнению С. В. Бромлей [5], в XVII—XVIII вв.

Аналогичным, видимо, было и развитие говоров в междуречье Оки — Клязьмы на территории Рязанской Мещеры, население которой долгое время было обособленным от других территорий. Наряду с чередованием /а/ > /е/ эти говоры знают и мягкое цоканье и губно-губное /w/. Наличие в них этих черт уже связывали с распространением здесь населения с более западных территорий, в частности, из пределов Смоленского княжества [6], что могло иметь место лишь в достаточно раннее время, а именно до образования Литовского государства.

Торможение развития изучаемой черты в Смоленских говорах могло иметь место уже после их включения в Литовское государство, а на центральных территориях новгородских

[3] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 134.

[4] Там же. См. также: А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, изд. IV. М., 1907, стр. 88—89.

[5] С. В. Бромлей. История образования форм сравнительной степени в русском языке XI—XVIII вв. Канд. дисс. М., 1954, стр. 424—430.

[6] В. Г. Орлова. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959, стр. 112—117.

говоров в процессе общей нивелировки местных черт под московским влиянием. В результате этих процессов следы явления сохраняются только в отдельных словах и разрозненных говорах.

§ 2. Изменение /е/ в /о/

По достаточно определившемуся в настоящее время мнению историков языка, процесс изменения /е/ (из *е* и *ь*) в /о/ осуществлялся в положении перед твердыми согласными независимо от положения гласного по отношению к ударению и не был в одинаковой мере характерен для всех говоров русского языка или во всяком случае протекал в них неодновременно. К настоящему времени делались уже попытки определить, в каких именно говорах русского языка этот процесс отставал во времени. На основании анализа данных памятников письменности К. В. Горшкова [7] высказала соображения о том, что он позднее протекал в древненовгородском диалекте, сравнительно с ростово-суздальским. Детальный анализ судьбы гласного /е/ в предударном положении в говорах северного наречия, сопровождаемый приведением статистических данных, привел к тому же выводу С. К. Пожарицкую [8]. Основываясь на отрывочных данных об отдельных говорах южного наречия, знающих ударенный гласный /е/, не изменившийся в /о/ в положении перед твердым согласным, С. Б. Бернштейн [9] считал, что переход /е/ в /о/ раньше всего начался в древнеукраинском языке и в древних северновеликорусских говорах; гораздо позднее развернулся он, по его мнению, в говорах южного наречия.

В настоящее время имеется возможность рассмотреть этот вопрос по данным лингвистической географии, относящимся к территории распространения всех основных диалектных групп русского языка. К числу фактов, указывающих на исторически имевшую место задержку процесса изменения /е/ в /о/ в некоторых говорах русского языка относятся прежде всего следующие:

1) Наличие слов с гласным /е/, не изменившимся в /о/, под ударением, особенно в положении перед твердыми согласными в корнях или суффиксах слов.

2) Наличие глагольной парадигмы I спряжения с ударенным тематическим гласным /е/ (не /о/) хотя бы в части форм.

3) Произношение /е/ в первом предударном слоге в соответствии гласному /о/ под ударением после мягких согласных перед твердыми в говорах с различением гласных (окающих): /*не*/*сý*, /*ве*/*дý*, *при*/*н'ó*/*с*, /*в'о*/*л*, при наличии некоторых дополнительных условий (см. ниже).

* * * * *

1. Слова с гласным /е/, не изменившимся в /о/ под ударением перед твердыми согласными, отмечают в говорах некоторых территорий (о характере размещения которых см. ниже). В настоящее время случаи подобного произношения, как правило, наблюдатели фиксируют в качестве единичных: одно-два слова с /е/, не изменившимся в /о/, приводя при этом факты, характеризующие резко преобладающее произношение /о/ в том же положении [10]. Важно однако подчеркнуть, что состав слов с /е/ вм. /о/ далеко не всегда повторяется из говора в говор, но если собрать всю совокупность слов, отмеченных по говорам с интересующей нас особенностью, то перед нами оказывается принципиально неограниченный круг таких слов.

Как показывает карта 3, разбросанные, мелкие ареалы данного, в настоящее время реликтового по своему характеру явления расположены в общем во всех так называемых «периферийных» говорах (при обычном разрежении в их пределах на территории вокруг Новгорода и Пскова), в отличие от говоров Центра.

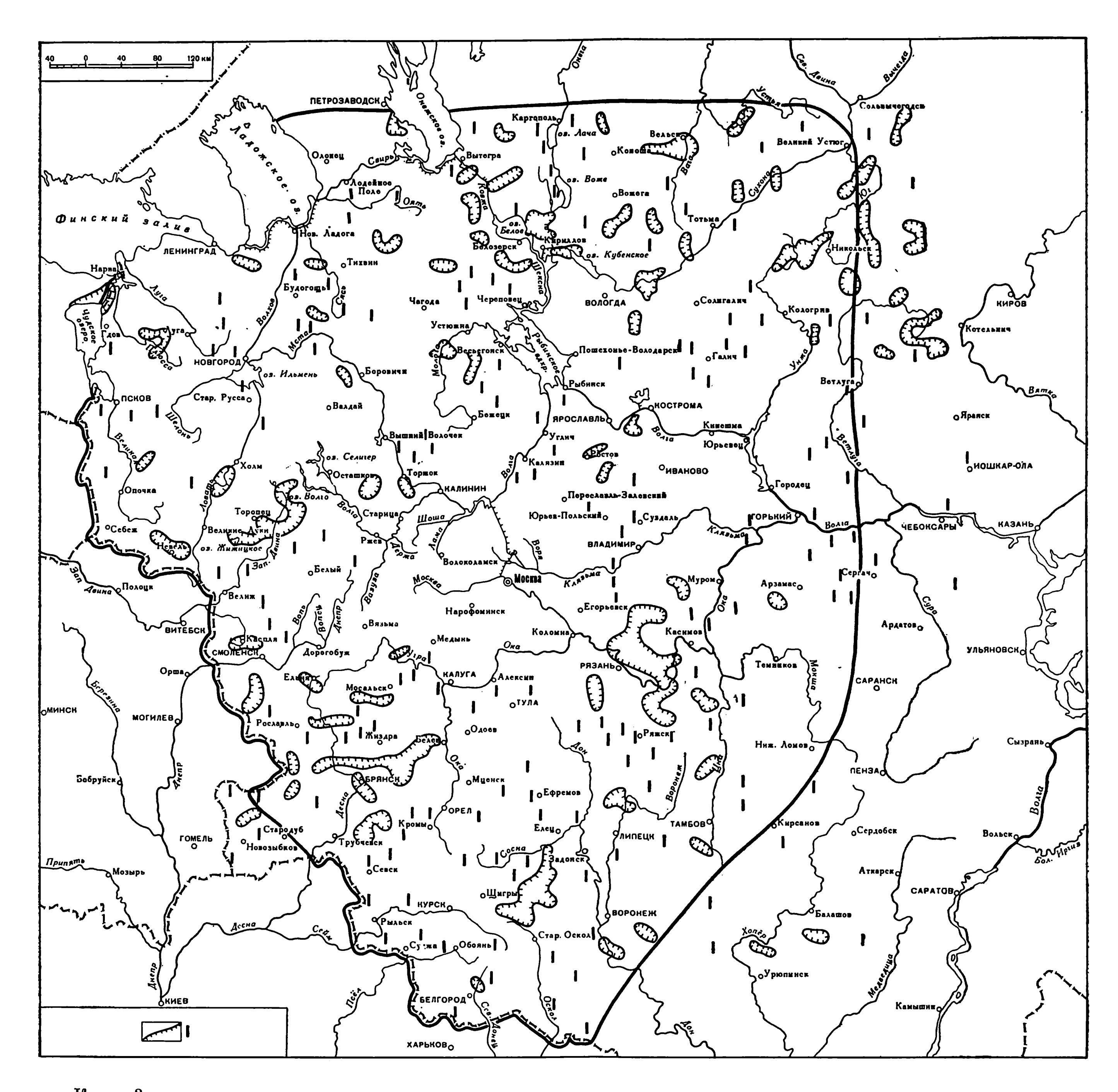
Долгое время существовавшим в истории русского языка представлением о том, что изменение /е/ в /о/ было фонетическим, не знающим исключений процессом общерусского характера, определялось скептическое отношение ряда ученых к появлявшимся в свое время впервые сообщениям о говорах, реликтово сохраняющих слова с /е/, не изменившимся в /о/. Напомним, например, рассуждения С. П. Об-

[7] К. В. Горшкова. Развитие диалектных различий севернорусских говоров в системе вокализма. — ВЯ, № 5, 1964, стр. 91—92.

[8] С. К. Пожарицкая. Проблема изменения *е* в *о* в северновеликорусском наречии в свете данных лингвистической географии. «Вопросы диалектологии восточнославянских языков». М., 1964, стр. 97 и след.

[9] С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр 278 и след.

[10] См. например, материал, приведенный в сопроводительной статье к карте № 15 «Атласа VI», весьма показательный и для говоров других территорий, где отмечено данное явление. Более значительное количество слов с /е/ вм. /о/ отмечено лишь в буквально единичных говорах на территории данного атласа; см. материал по № 332, 334, 335, 569, 570 и некот. др.

Карта 3

Сохранение случаев с гласным /е/, не перешедшим в /о/ под ударением.

Отмечено произношение /е/ перед твердыми согласными в корнях слов и суффиксах: *св/é/кла*, *р/é/в*, *кот/é/нок* **и под.**

норского о сообщениях этого рода, высказанные им в специальной работе, посвященной данному вопросу: даже несомненные случаи, свидетельствующие о реликтово сохраняющемся непереходе /е/ в /о/ в отдельных говорах и приводившиеся в работах того периода, С. П. Обнорский пытается объяснить влиянием книжного языка или отводит их, выражая недоверие к данным материалам [11].

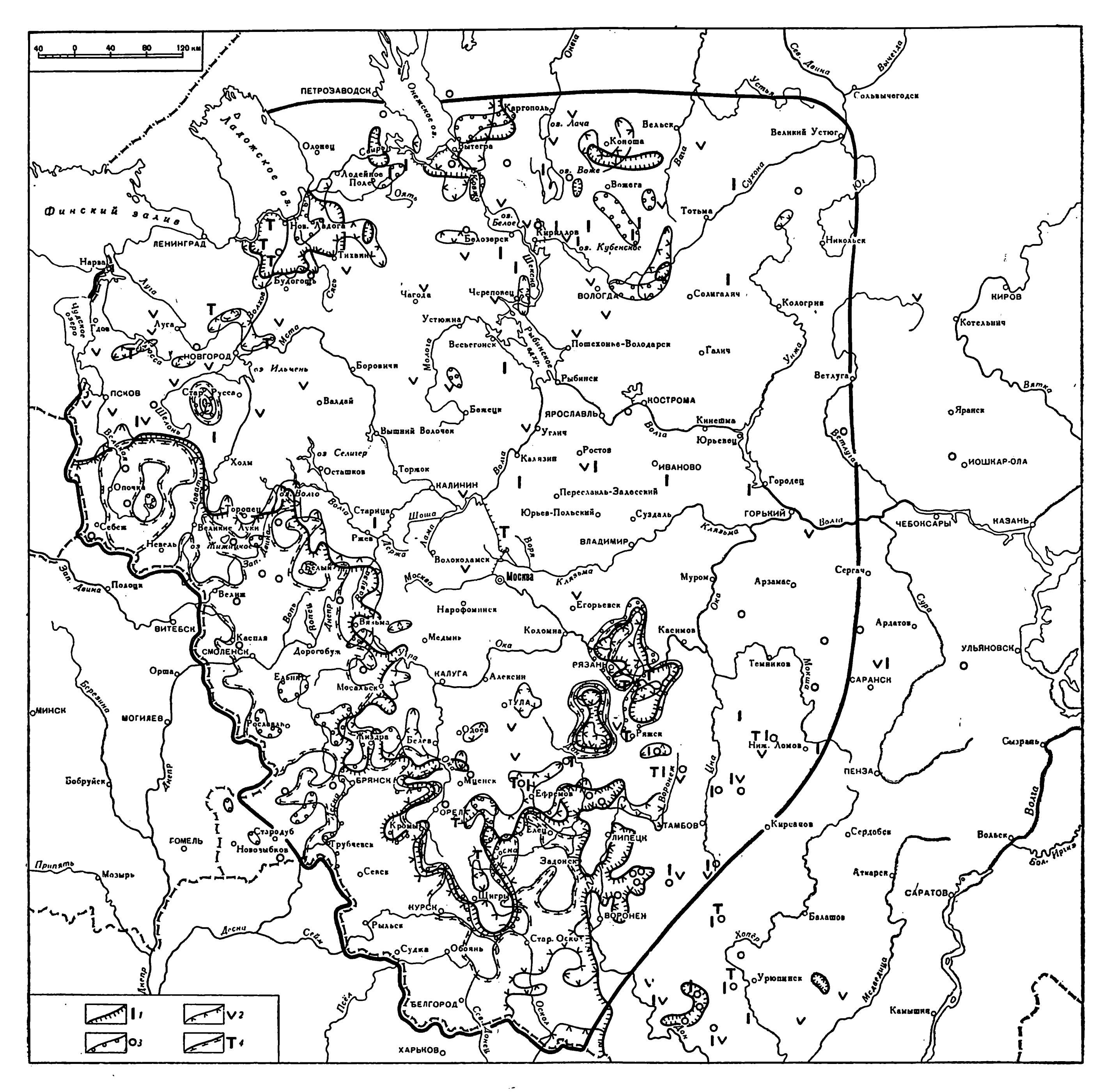
В связи с этим при составлении атласов русского языка в качестве случаев реликтово сохраняющегося неперехода /е/ в /о/ были картографированы лишь наиболее показательные и безусловные случаи сохранения /е/ в положении после парных по твердости—мягкости согласных, перед исконно твердыми согласными такого типа, как *к/ле/н*, *о/ве/с*; */ре/в*, *с/вé/кла*, *бе/рé/за*, *ко/тé/нок* и под. Случаи, в которых твердость последующих согласных была вторичной типа */тé/мный* или */тé/плый*, *с/лé/зный* (с имевшим место отвердением губных или зубных согласных в положении перед последующими зубными) или представлявшие произношение /е/ перед группами согласных, включающими мягкий согласный в качестве конечного в данной группе, типа *п/лéтк/и*, *с/вéкл/ина*, */тéпл/енький*, */пéстр/енький*, *бе/рéст/яна*, и под., учитывались особо и в ряде случаев не картографировались, если произношение /е/ было отмечено в говоре только в названных категориях случаев. Отдельно учитывались также и случаи произношения /е/ в положении перед отвердевшими шипящими /ж—ш/: */лéж/а*, *о/дéж/а*, */тéш/ет*, *ле/пéш/ка*, *голо/вéш/ка*, *с/тéж/ка*, *мат/рéш/ка* и под., а также наличие /е/ во флексиях — *зем/лéй/*, *ко/нéм/*, *хоро/шé/*, *е/щé/*, *в/се/* и под., где появление /о/ могло быть вызвано аналогией (ср. *женóй*, *столóм* и под.). Случаи произношения /е/ перед мягкими согласными *зе/лéн/енький*, на *бе/рéз/е* и под. или в положении перед *ч* — *попе/рéч'/ный*, *гор/шéч'/ек* и под. рассматривались как возможные и в говорах с последовательным изменением /е/ в /о/, но не переживавших распространения /е/ по аналогии в положение перед мягкими согласными. Между тем изучение материала показывает, что на описываемой периферийной территории случаи с /е/, не изменившимся в /о/ в положении не перед твердыми согласными (*зе/лéн'/енький*, *п/лéтк/и*, */дéш/ево* и под.), чаще всего расположены с территориальной точки зрения так, что как бы окружают говоры, сохраняющие случаи неперехода /е/ в /о/ перед твердыми согласными *с/вé/кла*, *с/вé/кор* и под. Таким образом, если бы в атласах были картографированы данные, указывающие на отсутствие изменения /е/ в /о/ перед мягкими или шипящими согласными, то оказалось бы, что взятая в целом территория говоров, для которых можно предположить задержку изменения /е/ в /о/ шире, чем та, которая показана на карте 3, а самый ареал интересующего нас явления имеет более определенные очертания.

Современные данные позволяют не отрывать и не противопоставлять друг другу переход /е/ в /о/ или отсутствие этого перехода после исконно мягких согласных и согласных вторичного смягчения. В говорах тех же территорий, на которых отмечены охарактеризованные выше реликтовые случаи употребления /е/ в соответствии /о/ в положении после согласных вторичного смягчения, в настоящее время парных по твердости—мягкости, отмечено и отсутствие перехода /е/ в /о/ после шипящих как твердых, так и мягких (в их современном состоянии) в таких случаях, как */жé/лтый*, */жé/лудь*, */жé/сткий*, *кры/жé/вник*, */жé/рдочка*, */шé/пот*, *ре/шé/та*, */шé/лка*, */шé/тка*, */чé/рный*, */чé/рт*, */чé/рствый*, */чé/рпать*, *у/чé/ба*, *за/чé/ркнута*, *ве/цé/рки* и под. Случаи этого рода еще раз подтверждают представление о том, что процесс перехода /е/ в /о/ был единым, а не расчленялся на два этапа (первоначально после исконно мягких, позже — после смягченных согласных), как это считали в прошлом многие историки языка. Как справедливо указывает С. Б. Бернштейн, «. . . переход /е/ в /о/ мог иметь место только после завершения эпохи силлабем, после завершения фонологизации твердых и мягких согласных. А в эту эпоху исконная мягкость и мягкость новая уже не различались. В положении перед /е/ все согласные были мягкими» [12]. Наличие гласного /е/, а не /о/ после согласных вторичного смягчения в украинском языке правильнее, видимо, считать явлением, связанным с более поздней утратой палатальности этими согласными.

2. В числе явлений, связанных с судьбой ударенного *е*, из *е* и *ь* в данном очерке рассмотрен и характер произношения ударенного тематического гласного в формах настоящего времени у глаголов I спряжения: *не/с'ó/шь*, или *не/сé/шь*; *не/с'ó/т*, *не/с'ó/ть*, или *не/сé/т*, *не/сé/ть*; *не/с'ó/м*, или *не/сé/м*; *не/с'ó/те*, или *не/сé/те*, хотя мы и понимаем возможность чисто морфологического объяснения того или иного звучания чередующихся тематических

[11] С. П. Обнорский. Переход *е* в *о* в современном русском языке. — В сб. «А. А. Шахматов» (под ред. С. П. Обнорского). М., 1947, стр. 302 и след.

[12] С. Б. Бернштейн. Указ. соч., стр. 278.

Карта 4

Ударенный гласный /е/ в личных формах глаголов I спряжения настоящего времени:

1 — гласный /е/ во 2-м л. ед. ч. — *не/се́/шъ*; *2* — гласный /е/ в 3-м л. ед. ч. — *не/се́/т* или *не/се́/тъ*; *3* — гласный /е/ в 1-м л. мн. ч. — *не/се́/м*; *4* — гласный /е/ во 2-м л. мн. ч. — *не/се́/те*

гласных в глагольной парадигме. Поводом для включения вопроса о произношении /е/ или /о/ в глагольной флексии в рассмотрение процесса изменения /е/ в /о/ дает характер распространения соответствующих глагольных форм. Ареалы употребления ударенного тематического гласного /е/ в том или ином кругу форм глагола (о составе этих форм см. ниже) по общему местоположению связаны с той же территорией, что и распространение реликтовых случаев произношения /е/ под ударением в корнях слов, хотя в их расположении имеются определенные отличия. Так, на южной части территории наблюдается весьма последовательное распространение парадигм с /е/, не изменившимся в /о/.

При этом на южной территории выступает две разновидности глагольных парадигм с гласным /е/, не изменившимся в /о/. На территории собственно западной — Великолукская, Смоленская, западная часть Брянской обл. — преобладает парадигма с чередованием /е/—/о/: *не/се́/шь*, *не/се́/ть*, *не/се́/те*, но *не/с'о́/м* (хотя в качестве единичных тут выступают и формы 1-го л. мн. ч. с гласным /е/ — *не/се́/м*). Для собственно южных и юго-восточных территорий более характерна парадигма с гласным /е/ во всех без исключения формах.

Учитывая распространение глагольных парадигм с гласным /е/ в общем на той же территории, где отмечены случаи неперехода /е/ в /о/ в основах слов, мы считаем возможным принять предположение, что сохранению этого гласного в любом количестве глагольных форм, должна была содействовать общая задержка в изменении гласного /е/ под ударением. Тем самым характерные первоначально, видимо, для говоров с непереходом /е/ в /о/ парадигмы глаголов I спряжения, в которых сохранялся гласный /е/, в дальнейшем могли иметь свою, именно им присущую судьбу в отношении стабилизации того или иного типа чередования /е/ с /о/ и распространения при междиалектном общении, поскольку в данном случае речь шла об определенном звене грамматического строя.

На северной части территории, занятой интересующим нас явлением, оно известно в основном в виде мелких разорванных ареалов, при этом распространенных в более ограниченных пределах, чем такие же разрозненные ареалы сохранения /е/ в корнях слов (ср. карты 3 и 4). Глагольные формы с /е/, не изменившимся в /о/, распространены в основном в северо-западной части северного наречия. По современным данным нередко трудно уже сделать заключение о том, какой тип парадигм глаголов 1-го спряжения по характеру тематического ударенного гласного выступает здесь в тех или иных говорах. Чаще здесь отмечают употребление одной из форм с гласным /е/: *не/се́/ш*, или *не/се́/т*, или *не/се́/м*; форма 2-го л. мн. ч. не показательна для говоров сев. наречия, так как нередко имеет ударение на окончании — *несете́*. Приведенные данные, вероятнее всего, указывают на то, что в современных северных говорах изучаемые формы находятся в остаточном состоянии, что является результатом имевших здесь место процессов междиалектного взаимодействия.

3. Возможность судить о времени и интенсивности изменения /е/ в /о/ по показаниям предударного вокализма перед твердыми согласными при наличии различения гласных в соответствующих говорах не дана нам непосредственно. Факты произношения /е/ в 1-м предударном слоге перед твердым согласным в соответствии ударенному /о/: /*не/су́*, *при/н'о́с*/ и под., даже при резком количественном преобладании случаев этого рода, не являются, взятые изолированно, показательными для заключения о том, что в определенных говорах северного наречия имела место задержка изменения /е/ в /о/. Эти факты могут дать основание для такого заключения только при учете дополнительных, но очень важных в данном случае сведений о системах вокализма соответствующих говоров в целом и о тенденциях развития этих систем. Так, например, распространенное в настоящее время на территории западной части сев. наречия и северной половины Вологодской группы говоров колебание в употреблении /е/ и /о/ в первом предударном слоге: /*не/су́* и /*н'о/су́* при /*н'ос*/ в тех говорах этой территории (см. карту 47), где отсутствует произношение /е/ в соответствии /а/ в том же положении, т. е. случаи типа /*пре/ла́*, и где распространены реликтовые случаи произношения /е/ под ударением (*с/ве́/кла*, /*де/н* и под., см. карту 3), может указывать на то, что в данных говорах произношение типа /*не/су́* связано с более долгим сохранением /е/ не изменявшимся в /о/ в положении под ударением перед твердыми согласными и что в прошлом оно соответствовало произношению ударенного гласного /е/: /*не/су́*, при /*нес*/, а не при /*н'ос*/. Мы можем также предположить, что произношение /о/ в случаях типа /*н'о/су́* возникало позднее в подобных говорах.

С другой стороны, решительное преобладание произношения /е/ (случаи произношения /о/ отмечают здесь как единичные) в первом предударном слоге в говорах Костромской группы имеет, видимо, совсем иное значение

с исторической точки зрения и не указывает на то, что для этих говоров в прошлом была характерна задержка изменения /е/ в /о/. Дело в том, что в этих говорах в их современном состоянии представлена ярко выраженная тенденция, возникшая в них в процессе длительного контакта и взаимодействия с говорами Вологодской группы (см. II, 2, § 5 и III, 4, § 3 и § 5), направленная к распространению произношения гласного /е/ в первом предударном слоге в соответствии всем этимологическим гласным, т. е. в условиях, противоречащих принципу различения гласных. Эта их особенность выражается прежде всего в том, что при отсутствии случаев произношения /е/ в соответствии /а/ под ударением, в них преимущественно произносится /е/ в соответствии /а/ в первом предударном слоге как перед твердыми, так и перед мягкими согласными: *п/ре/дý* и *п/ре/дú*, но *п/р'а/л*, *п/р'á/ли*. Такая особенность вокализма этих говоров по самой своей природе такова, что могла сложиться только под воздействием извне: в говорах Костромской группы как бы переведена в фонетически незакономерный план такая собственно фонетическая закономерность вологодских говоров, как произношение в этих последних в первом предударном слоге /е/ перед мягкими согласными в соответствии /а/, которое звучит в этих говорах под ударением так же, как /е/ между мягкими согласными: *п/ре/дú*, как и *п/ре/сть*, но *п/р'á/ла* как и */пр'ал/*.

Таким образом, нельзя согласиться с С. К. Пожарицкой, которая объединяет по судьбе предударного /е/ в отношении наличия или отсутствия лабиализации этого гласного в историческом плане говоры так называемой «северо-восточной части» сев. наречия (к северу от Волги и восточнее 36-го меридиана) и противопоставляет их, взятые в целом, включая и говоры Костромской группы, говорам Владимирско-Поволжской группы [13], как нельзя согласиться и с ее указанием, что территория «северо-востока», взятая в таком нерасчлененном виде была колонизована в основном новгородцами [14].

Ниже (см. III, 4, § 5) будут приведены данные и собственно языкового и исторического характера, указывающие на генетическую связь костромских говоров с центральными говорами Ростово-Суздальской Руси. Разделяя еще и в настоящее время ряд черт, присущих Владимирско-Поволжской группе говоров говоры Костромской группы должны были иметь и имели характерное для говоров Ростово-Суздальского происхождения последовательное изменение /е/ в /о/ как под ударением, так и в предударном слоге.

По общепринятому в настоящее время взгляду, переход /е/ в /о/ мог осуществляться в говорах восточнославянских языков лишь после падения редуцированных и связанных с ним изменений структуры слогов, результатом чего и явилась самая возможность влияния последующего твердого согласного на предшествующий гласный переднего ряда, приводившего к переходу этого гласного в гласный заднего ряда.

Рассмотренные выше данные лингвистической географии русского языка поддерживают ту, определившуюся за последние десятилетия точку зрения, согласно которой изменение /е/ в /о/ не было общерусским процессом во всяком случае хотя бы по времени его возникновения: в составе русского языка были говоры, в которых этот переход наметился сразу после падения редуцированных, но с другой стороны также и говоры, в которых он намечался значительно позднее. Возможно, что в части говоров он отсутствовал совсем, а позднее возникал под воздействием говоров, развивших это изменение в более раннее время [15].

В связи с тем, что процесс изменения /е/ в /о/ относится по времени возникновения к столь раннему периоду (после падения редуцированных, создавшего самую возможность влияния последующего твердого согласного на предшествующий гласный переднего ряда, т. е. к XII—началу XIII в.) характер его распространения с территориальной точки зрения не мог быть связан с современными единицами диалектного членения, а должен был соответствовать диалектным объединениям феодального периода. Это и подтверждается данными лингвистической географии, на основании которых по этому признаку противопоставляются и то со значительной степенью условности, говоры центра и периферии. Из числа периферийных говоров, особенности которых отразились при формировании северного наречия, более позднее изменение /е/ в /о/ было характерно для говоров новгородского происхождения.

---

[13] С. К. Пожарицкая. Указ. соч., стр. 94 и след.
[14] Там же, стр. 94.

[15] Судя по опубликованным за последние годы данным, такая неоднородность говоров по времени изменения /е/ в /о/ была характерна и для говоров белорусского языка: Нарысы па беларускай дыялекталогii. Мiнск, 1964, стр. 26—27 (данные о лексике, в которой отсутствует изменение /е/ в /о/) и стр. 260 (о гласном /е/ в глагольных формах).

По современным данным лингвистической географии нет возможности установить, каким путем осуществлялся в дальнейшем в указанных «периферийных» говорах процесс изменения /е/ в /о/, результаты которого в большинстве из них в настоящее время представлены. В одних из этих говоров это изменение развивалось в самих этих говорах и было лишь более поздним по времени его возникновения. В других говорах тех же территорий изменение /е/ в /о/ могло начинаться лишь под воздействием говоров центральных территорий. Возможно, что именно эти последние говоры и сохраняют до настоящего времени реликтовые случаи произношения /е/ под ударением. Подчеркнем, что весьма благоприятные условия для взаимодействия говоров, различавшихся по наличию или отсутствию в них результатов изменения /е/ в /о/ создавались на территории северного наречия с характерным для него взаимодействием говоров новгородского и ростово-суздальского типов. Поскольку произношение /о/ в соответствии этимологическим *е* и *ь* распространяется в конечном счете во всех говорах русского языка, реликтовые случаи произношения /е/ сохраняются лишь в говорах, позднее усваивавших это произношение. Как указывалось, в ряде говоров при таком сохранении не наблюдается лексикализации — оно встречается в разнообразных, хотя и единичных словах; в других говорах такая лексикализация имела место: так, в говорах юго-западной зоны более последовательное распространение получило произношение с гласным /е/ слов */ле́/жа*, *о/де́/жа*, *ле/пе́/шка*, которые на более восточных территориях или территории сев. наречия не отличаются в своем распространении от других слов, сохраняющих произношение /е/, не перешедшего в /о/. В говорах сев. наречия особенно устойчивыми оказались слова с суффиксом *-ечек*, особенно *ме/ше́/чек* и *гор/ше́/чек*.

Глава вторая

ЯВЛЕНИЯ ИЗ ОБЛАСТИ КОНСОНАНТИЗМА

§ 1. Долгие шипящие согласные и соответствующие им звуковые сочетания

В данном очерке имеются в виду долгие шипящие, выступающие не на стыке вычленимой приставки и корня (как, например, /шшы/ть — из *сшить*), а те, которые представлены в пределах нечленимых основ как в корневых, так и в аффиксальных морфемах или при чередованиях исторического характера. Наиболее широкое распространение имеют долгие глухие шипящие согласные (твердые или мягкие, см. ниже), представленные в корневых морфемах достаточно широкого круга лексики: *щека́*, *щёлок*, *щено́к*, *я́щик*, *вещь*, *лещ*, *пло́щадь*, *щекота́ть*, *щу́пать* и мн. др., а также в разного рода аффиксах: *ску́пщик*, *ямщи́к* и под.; *изво́зчик*, *разно́счик* и под.; *ржи́ще*, *овся́нище* и под.; *большу́щий*, *здорову́щий* и под.; *сла́ще*, *чи́ще* и под.; *доми́ще*, *ручи́ща* и под.; в различных формах глаголов типа *тащи́ть*, *лущи́ть*, или *пища́ть*, *угоща́ть* при чередованиях в некоторых формах глаголов в случаях типа *пущу́*, *ищу́*, *ищи́* и некоторых других. Долгие звонкие шипящие согласные встречаются в более ограниченном кругу случаев; из числа более употребительных по говорам слов отметим такие как *во́жжи*, *дро́жжи*, *можжеве́льник*, *можжу́ха*, *по́зже*, *гора́зже*, *дождь* (ср. и формы косвенных падежей этого существительного), глаголы типа *жужжа́ть*, *въезжа́ть*, *визжа́ть*, *бре́зжить*, *мозжи́ть*, личные формы глаголов типа *бры́згать — бры́зжу*, *бры́зжешь* и под., *езди́ть — е́зжу*.

В одних говорах качество употребляемых долгих шипящих и их соответствий может быть единым, т. е. представленным во всех соответствующих случаях. Наряду с этим в других говорах известны исключения лексикализованного характера, в связи с чем наряду с основным типом произношения долгого шипящего наблюдаются и отклонения от него. Такие отклонения встречаются преимущественно в словах *сча́стье*, *счет*, в формах косвенных падежей существительного *дождь*, а также в словах *щи* и *щаве́ль*.

Наибольшее единство произношения долгого шипящего чаще наблюдается при системах с долгим мягким шипящим, где он может произноситься во всех случаях, в том числе и в словах, которые в других говорах могут давать отклонения: */ш̄'/ека́*, */ш̄'/ёлок*, */ш̄'/и*, */ш̄'/а́стье*, */ш̄'/ёт*, *йе/ш̄'/ё*, *та/ш̄'/и́ть* и под., *ску́п/ш̄'/ик* и под., *изво́/ш̄'/ик* и под., *пу/ш̄'/у* и под., *во́/ж̄'/и*, *дро́/ж̄'/и* ... *по́/ж̄'/е*... *жу/ж̄'/а́т*, *бре́/ж̄'/ит* и под., *до/ж̄'/а́*, *до/ж̄'/у́* и т. д. Отступления (в общем довольно редкие в говорах с долгим мягким шипящим) могут тут выражаться в произношении слов *сча́стье* и *счита́ть*, как */шч/а́стье* или */шч'/а́стье*, */шч/ита́ть* или */шч'/ита́ть*, слова *щи* как */шт/и* и в произношении со звонким звуковым сочетанием форм слова *дождь — до/жд'/а́*, *до/жд'/у́* и под.

При системах с долгим твердым шипящим: */ш̄э/ка́*, */ш̄о́/лок*, */ш̄у́/ка*, *та/ш̄ы́т'/* и др., *ску́п/ш̄ык/* и под., *изво́/ш̄ык/* и под., *пу/ш̄у́/* и под.; *во́/ж̄ы/*, *дро́/ж̄ы/*..., *по́/ж̄э/*, *жу/ж̄а́т'/*, *бре́/ж̄ыт/* и под. отступления от общей системы в указанных словах являются более регулярными. Так, слова *счастье* и *счет* достаточно широко известны (преимущественно в цокающих говорах с долгими твердыми шипящими) в таком произношении, как */сц'а́с'т'йо/*, */с'ц'а́ст'йо/* (или, реже, */сца́ст'йо/*, */сча́ст'йо/*, */сч'а́ст'йо/*), */сц'от/*, */сцита́т'/*. По говорам встречаются и другие отступления в произношении этих слов, например, */ш̄'а́ст'ио/*, */ш̄'от/* — при системе с долгим твердым шипящим или */ш'ч'а́ст'йо/*, */ш'ч'от/* — при системах как с долгим твердым, так и с мягким шипящим. Встречается, но изредка, и произношение */сч'а́ст'йо/*, */сч'от/* в нецокающих говорах. Слово *дождь* чаще выступает с сочетаниями */ж͡'д/* или */ж͡д/*.

Слово *щи* преимущественно произносится как */шти/* в говорах сев. наречия при различных системах в отношении произношения долгого шипящего; изредка встречается такое произношение этого слова и в других говорах.

Случаи произношения слова *щаве́ль* как */чуве́л'/* отмечены в редких говорах, не приуроченных достаточно определенно в территориальном отношении.

Таким образом, видим, что употребление долгих шипящих (твердых или мягких) может быть достаточно последовательным по говорам. В отличие от этого употребление в соответствии долгим шипящим разного рода звуковых сочетаний редко бывает вполне последовательным по говорам, а осуществляется преимущественно наряду с употреблением долгих шипящих, преимущественно твердых: */шшэ/ка́* и наряду с этим */шчэ/ка́* или */шче/ка́*, */ште/ка́*, */штэ/ка́* и др.; */шшо́/лок* и */шчо́/лок*, или */шт'о́/лок*, */што́/лок* и др.; *во́/жжы/* и *во́/ж'д'ж'/и*, или *во́/жджы/*, *во́/жди/*, *во́/жды/* и др.

Из числа глухих звуковых сочетаний наиболее распространенным является в современных говорах сочетание */шч/*, реже встречаются наиболее архаические, сохраняющие палатальный характер */ш'ч'/* и */шч'/*; в говорах, для которых характерна мена шипящих и свистящих или цоканье, это сочетания звучат как */сч/* (*/сч'/*) или */сц/* (*/сц'/*); единичным является употребление */шт'/* или */шт/*.

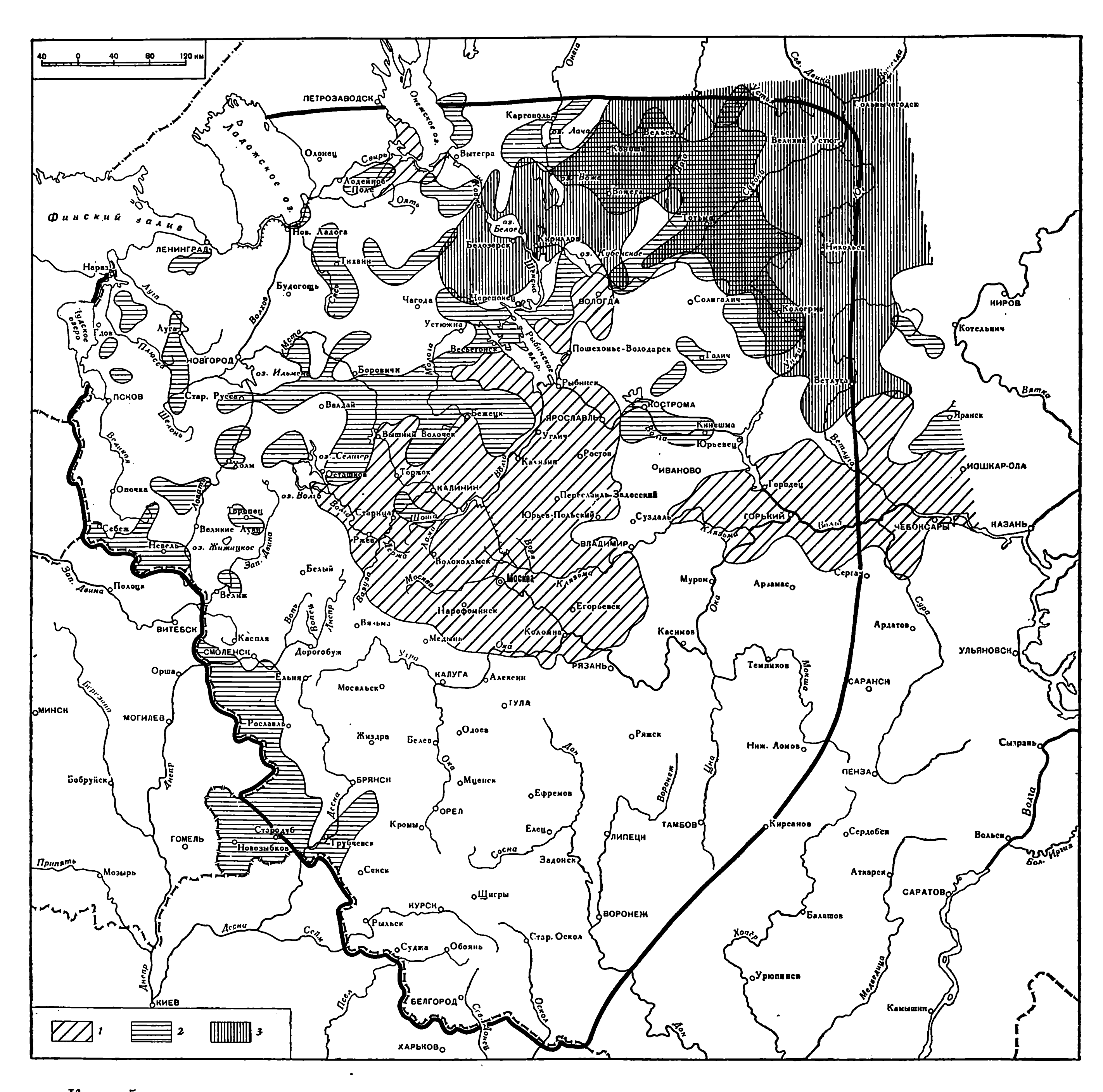
Звонкие сочетания */жджк/*, (*/ж'д'ж'/*), исторически параллельные */шч/* и */ш'ч'/*, не всегда сопутствуют им в современных говорах; звонкие сочетания чаще могут быть замещены долгими звонкими шипящими согласными (мягкими или твердыми), что свидетельствует о различиях в темпе и направлении изменений глухих и звонких сочетаний.

Наиболее распространенные в говорах русского языка долгие шипящие согласные, представляющие утрату срединного смычного элемента в названных сочетаниях, не связаны в своем распространении с четко очерченными ареалами, противопоставленными друг другу на общей территории диалектного языка. Для распространения этих согласных характерно взаимопроникновение ареалов различных типов их произношения, отражающее сосуществование по говорам одновременно нескольких (чаще всего двух) типов произношения. Наиболее широко распространенным является, например, сосуществование долгих твердых и мягких шипящих или сосуществование звуковых сочетаний с тем или иным типом долгого шипящего (см. выше). В связи с этим помещаемая ниже карта, характеризующая распространение того или иного произношения долгих глухих шипящих и соответствующих им звуков, является схематической и отражает известный отбор данных. Так, например, по отношению к долгому мягкому шипящему */ш'ш'/*, который в общем имеет наиболее широкое распространение в русских говорах и очень часто сосуществует с другими типами произношения этих согласных, оказывается возможным показать территории, где долгий мягкий глухой шипящий распространен почти исключительно, а твердый шипящий, если и отмечен в отдельных, редких говорах этой территории, то в качестве второстепенного элемента системы.

На всей территории, окружающей ареал исключительного произношения долгого мягкого глухого шипящего, резко преобладает произношение долгого твердого глухого шипящего, хотя на этой же периферийной территории имеется немало разрозненных, но нередко значительных по своим размерам ареалов, где по говорам сосуществуют долгие твердые и долгие мягкие шипящие согласные. Количество таких ареалов особенно значительно непосредственно к северу и к югу от центральной территории исключительного распространения долгих мягких шипящих в пространстве между 34° и 41° в. д. Таким образом, наиболее решительное преобладание твердые долгие шипящие имеют на территории к западу от 34° в. д. и к востоку от 41° в. д.

Что касается употребления звуковых сочетаний, соответствующих долгим шипящим, то они преимущественно сосуществуют по говорам с долгими твердыми, а не с мягкими шипящими, сами являясь также чаще твердыми и редко встречаясь в исключительном распространении; в связи с этим на карте выделены все территории, на которых вообще было отмечено произношение звуковых сочетаний, независимо от того, в каком сочетании это произношение встретилось.

Распространение долгих звонких шипящих согласных и звонких звуковых сочетаний является весьма сходным по своему характеру с тем распространением глухих шипящих, которое показано на карте, отличаясь лишь в том отношении, что противопоставление соответствующих территориальных величин при общем близком сходстве очертаний является более четким: территории, на которых наблюдается сосуществование твердых и мягких согласных у́же, что свидетельствует о более

Карта 5

Произношение долгих глухих шипящих и соответствующих им звуковых сочетаний:

1 — территория преобладания долгого мягкого глухого шипящего /*ш'ш'*/; *2* — территории, в пределах которых отмечено наличие звуковых сочетаний в соответствии долгим глухим шипящим; *3* — территория наиболее последовательного распространения произношения слов *счастье* и *счёт*, как /*сц'áст'йо*/, *сц'от*/

решительном и последовательном распространении твердого долгого шипящего, легче утрачивающего палатальный характер.

Среди звуковых сочетаний наибольшее распространение в пределах показанных на карте ареалов имеет сочетание */шч/* (реже */ш'ч'/*) Соответствующие им звонкие */ждж/* или */ж'д'ж'/* встречаются по говорам реже, тем самым при наличии в говоре */шч/* или */ш'ч'/* в соответствие ему нередко отмечают не */ждж/* или */ж'д'ж'/*, а */ж'д'/* или */жд/*, т. е. упрощенные сочетания, утратившие конечный шипящий элемент или долгие звонкие шипящие согласные */жж/* — */ж'ж'/*, так, например, совсем не отмечены звонкие звуковые сочетания на тех территориях к западу и востоку от г. Тихвина, где находятся ареалы глухих звуковых сочетаний.

Таким образом, видим, что в звонких звуковых сочетаниях легче утрачивается или их конечный шипящий, или средний смычный элемент, в связи с чем большее распространение получают долгие звонкие шипящие (преимущественно */жж/*) или указанные сочетания */ж'д'/*, */жд'/*. Распределение твердого и мягкого вариантов сочетаний */шч/* — */ш'ч'/* или */ждж/* — */ж'д'ж'/* с территориальной точки зрения является еще менее определенным, чем распределение долгих шипящих по этому признаку и потому не могло быть показано на карте. Наименьшее распространение имеют сочетания, состоящие из шипящего и смычного согласных: */шт/*, */шт'/*. Однако в отличие от других сочетаний эти последние имеют некоторую локализацию, их преимущественное распространение отмечено на территории к востоку от оз. Лача. Несколько чаще встречаются аналогичные звонкие сочетания */ж'д'/* — */жд/*, поскольку по говорам они иногда выступают в качестве единиц соотносительных с */ш'ч'/* — */шч/*.

Из числа слов, представляющих лексикализованные отклонения от основного типа произношения долгих шипящих наибольшей (хотя и в известной степени относительной) определенностью отличается распространение таких случаев произношения слов *сча́стье* и *счет*, как */сц'а́ст'йо/*, */сц'от/* (*/с'ц'а́ст'йо/*, */с'ц'от/*, */сца́ст'йо/*, */сцот/*) в цокающих говорах. В нецокающих говорах встречаются лишь редкие, разбросанные в территориальном отношении случаи произношения данных слов как */сч'а́ст'йо/* и */сч'от/*.

Современное разнообразие в произношении долгих шипящих и их соответствий объясняют (это является общепринятым в настоящее время) как результат разного рода изменений, пережитых возникшими еще в общеславянский период сложными звуковыми сочетаниями */ш'т'ш'/* и */ж'д'ж'/*, известными и в некоторых современных говорах сев. наречия русского языка. Эти изменения были связаны, как на это указывают диалектные данные, с действием нескольких, видимо, неодновременно действовавших, тенденций [16]. Такова прежде всего тенденция устранения звуковых сочетаний */ш'т'ш'/* (*/ш'ч'/*) — */ж'д'ж'/* путем утраты в их составе центрального смычного элемента, охватившая, видимо, ранее и решительнее всего говоры центральной части Ростово-Суздальской Руси, в отличие от говоров западных территорий Смоленского, Полоцкого и Новгородского княжеств. Различия по интенсивности действия этой тенденции до сих пор отражены в размещении ареалов сложных звуковых сочетаний, а именно в наличии этих сочетаний на территории западных говоров и части говоров северного наречия. При этом естественно предположить, что на западе ареал распространения */ш'ч'/*, */ж'д'ж'/* был в прошлом гораздо шире, поскольку в пределах территории русского языка распространение употребления долгих шипящих шло в направлении с востока на запад. Напомним, что для белорусского языка употребление */шч/*, */ждж/* является повсеместно распространенной чертой. Употребление звуковых сочетаний является также убывающей чертой и на севере, где ареалы этих сочетаний являются разрозненными, а сами звуковые сочетания, как правило, почти не употребляются по говорам исключительно, а лишь в сосуществовании с долгими шипящими.

---

[16] Говоря о путях изменений, пережитых звуковыми сочетаниями */ш'т'ш'/* и */ж'д'ж'/*, мы отметим только те, для суждения о которых мы располагаем диалектными данными. Гипотеза А. А. Шахматова о том, что */ш'ш'/* и */ж'ж'/* возникали через ступень */ш'х'/* и */ж'j/*, и связанная с этим полемика Н. Н. Дурново и А. М. Селищева о значении написания */жг/* не рассматриваются в связи с этим нами специально, хотя к рассмотрению этого вопроса, может быть, и имеют известное отношение данные говоров об особом качестве отдельных элементов, образующих сочетание */ш'т'ш/* (*/ш'ч'/*). См.: А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915, стр. 321 (в дальнейшем: А. А. Шахматов. Очерк. . .), а также: А. М. Селищев. [Рец.] «Н. Дурново. Очерк истории русского языка». Изв. АН СССР, ОРЯС, т. XXXII, 1927, стр. 324.

Тенденция к утрате смычного элемента в говорах Ростово-Суздальского княжества, по крайней мере на центральной части его территории, могла быть и ранней, предшествовавшей отделению западных земель в составе Литовской Руси и имевшейся в говорах носителей Ростово-Суздальского диалекта при заселении севера.

Вторая тенденция, сказывающаяся как на качестве долгих шипящих согласных, так и их соответствий, заключается в их отвердении. Эта тенденция в наибольшей степени была свойственна говорам западных территорий (а соответственно и тем северным, которые были связаны с ними генетически); эта тенденция являлась весьма продуктивной, она соответствовала в говорах русского языка также тенденции отвердения шипящих согласных вообще, с чем и связано то обстоятельство, что ареалы исключительного распространения долгих мягких шипящих выделяются в настоящее время на весьма ограниченных территориях, а на значительных территориях к югу и к северу от этих ареалов наблюдается сосуществование твердых и мягких долгих шипящих, да и в пределах центрального ареала встречаются говоры с долгими твердыми шипящими. По наиболее последовательному распространению твердых долгих шипящих или звуковых сочетаний объединяются опять-таки говоры белорусского языка, западных территорий русского языка и части говоров северного наречия. Устранение звуковых сочетаний путем утраты срединного смычного элемента не было единственным, а лишь преобладающим и наиболее характерным для русского языка путем их упрощения. В некоторых восточных говорах северного наречия имело место упрощение этих сочетаний путем утраты конечного шипящего элемента, в результате чего возникали сочетания /*ш'т'*/, /*ж'д'*/, в дальнейшем переживавшие отвердение и выступающие чаще в виде /*шт*/, /*жд*/.

Данные лингвистической географии русского языка дают материал и для рассмотрения вопроса о качестве составных элементов, входивших в состав первоначально возникавших звуковых сочетаний /*ш'т'ш'* (/*ш'ч'*/), /*ж'д'ж'*/, особенно первого из них. Характерным явлением русских говоров является тот факт, что в говорах сев. наречия, где сочетания /*ш'ч'*/ или /*шч*/ распространены преимущественно на территории цокающих говоров, наблюдатели совершенно не отмечают цоканья при произношении этих сочетаний. Наряду с этим слова *сча́стье* и *счет*, как правило, произносятся на территории цокающих говоров как /*сц'а́ст'йо*/ и /*сц'от*/. Отсутствие цоканья в сочетаниях /*ш'ч'*/, /*шч*/ может получить различное объяснение, но оно во всяком случае свидетельствует о тесном слиянии элементов, образующих эти сочетания, о том, что они не равны порознь взятым согласным *ш* и *ч*, а представляют, или представляли собой при возникновении, единую сложную по артикуляции величину, которая служила для различения звуковых оболочек слов как целостное образование [17]. Может быть, именно этим (а не диалектными различиями в произношении согласных в данных сочетаниях) и объяснялись те колебания при передаче на письме сочетания /*ж'д'ж'*/, /*ж'д'ж*/, которые известны по памятникам письменности древнерусского периода [18]. В таком случае широко распространенное в новгородских, полоцких и смоленских памятниках, связанных с говорами, дольше сохранявшими звуковые сочетания, написание *жг*, скорее следует рассматривать как идентичное написанию *жд* других памятников, т. е. передающее одно и то же сочетание /*ж'д'ж'*/.

§ 2. Губные спиранты

Основой наиболее широко распространенных различий, наблюдаемых в пределах русского диалектного языка в отношении употребления губных спирантов, являются различия в их качестве, выступающие при позиционных чередованиях в слабой позиции, т. е. в конце слова и слога.

По этому признаку могут быть выделены два основных типа употребления этих согласных: I тип — употребление губных спирантов, при котором исключительное распростра-

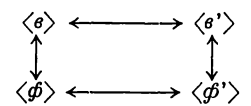
---

[17] Возможно, что данные о произношении сочетания /*ш'ч'*/ в цокающих говорах, имеют значение для рассмотрения вопроса о фонологической значимости /*ш'ч'*/ в соответствующих говорах, характеризуя это сочетание скорее как единую слитную единицу и свидетельствуя о ее «монофонемности». Ср.: Л. Р. Зиндер. Фонематическая сущность долгого палатализованного /*š'*:/ в русском языке. «Научные доклады высшей школы», ФН, 1963, 2.

[18] Об отсутствии связи подобных написаний с диалектными различиями в произношении названных сочетаний см.: Р. О. Якобсон. Спорный вопрос древнерусского правописания (дъжгь, дъжчь). «Зборник у част А Белића». Београд, 1937; ср. также: Г. И. Геровский. Древнерусские написания *жч*, *жг* и *г* перед передними гласными. — ВЯ, 1959, № 4.

нение имеют губно-зубные спиранты ⟨в⟩ — ⟨в'⟩, ⟨ф⟩ — ⟨ф'⟩, являющиеся фонемами, чередующимися лишь по звонкости—глухости, твердости—мягкости: ⟨в⟩*одá*, *о*⟨в'⟩*éс*, ⟨в⟩*ы́ли*, ⟨в'⟩*и́лы*, ⟨в⟩*áта*, ⟨в'⟩*áлый*; ср. в слабой позиции — *прá*⟨в⟩*да*, /*ф*/*торóй*, *трá*/*ф*/*ка*, *корó*/*ф*/, *кро*/*ф'*/. Материал, иллюстрирующий употребление звуков /*ф*/ — /*ф'*/ в сильной позиции указывает на известную ограниченность их распространения: эти звуки употребляются только в словах являющихся заимствованными; ср. имена собственные: /*Ф*/*ёдор*, /*Ф*/*или́пп*, *Агра*/*ф*/*éна*, *Митро*/*ф*/*áн* и др., названия таких предметов, как /*ф*/*áртук*, *сара*/*ф*/*áн*, *ка*/*ф*/*тáн*, /*ф*/*ýнт* и др.; поздними по времени усвоения являются слова: /*ф*/*онáрь*, /*ф*/*áбрика*, *кон*/*ф*/*éта*, *о*/*ф*/*ицéр*, /*ф*/*ами́лия*, или *шо*/*ф*/*ёр*, /*ф*/*ронт*, *тý*/*ф*/*ли тор*/*ф*/ и т. д. Возможность произношения этих слов со звуками /*ф*/ — /*ф'*/, исконно чуждыми славянским языкам, обеспечена в таких говорах наличием у говорящих навыка губно-зубной артикуляции как такового, т. е. произношения глухого губно-зубного спиранта в конце слова и слога.

Схематически данный тип употребления губных спирантов может быть представлен следующим образом [19].

II тип употребления губных спирантов характеризуется при наличии фонем ⟨в⟩ — ⟨в'⟩ в положении перед гласными звуками употреблением наряду с этим спиранта /*w*/ губно-губного образования, выступающего при чередованиях в слабой позиции, а именно в положении перед всеми согласными, в том числе и сонорными, а также на конце слов: ⟨в⟩*одá*, *о*⟨в'⟩*ёс* и под., *т*⟨в⟩*ой*, но /*w*/*торóй*, *прá*/*w*/*да*, *лá*/*w*/*ка*, *корó*/*w*/, *кро*/*w*/ (редко, в говорах весьма ограниченных территорий *кро*/*w'*/). По говорам, в которых распространен второй тип употребления губных спирантов, отмечают и факультативные случаи произношения /*w*/ в положении перед лабиализованными гласными: /*w*/*от*, *корó*/*w*/*ушку*, *дé*/*w*/*ушку*, где /*w*/ иногда выпадает в интервокальном положении: *корóушку* и под. Наблюдаемые по говорам разновидности губно-губного спиранта, определяемые как /*w*/ или как неслоговое /*ў*/, временно объединим как в равной степени свидетельствующие о наличии спиранта губно-губного образования, что практически наиболее важно при установлении типов изучаемого явления.

Второй тип употребления губных спирантов фактически существует в виде двух разновидностей в зависимости от степени последовательности произношения губно-губных спирантов в указанных позициях, т. е. от возможности произношения в слабой позиции наряду с /*w*/ также и /*ф*/. Такое различие на первый взгляд может показаться внешним и определяющимся влиянием литературного языка. Однако говоры с разной степенью последовательности употребления /*w*/ различаются и по характеру территориального распространения и имеют некоторые дополнительные особенности, что и служит основанием для выделения двух разновидностей, в дальнейшем именуемых типами IIа и IIб.

Тип IIа. При данном типе употребления губных спирантов в говорах неизвестен (за некоторыми исключениями, в которых отчетливо проявляется влияние литературного языка) согласный /*ф*/, который отсутствует как в системе позиционных чередований, так и в самостоятельном употреблении, где он заменяется в заимствованных словах звуками /*х*/ — /*х'*/, а в положении перед гласными кроме того и сочетаниями /*хв*/ — /*хв'*/: /*х*/*унт*, *хв*/*унт*, /*х*/*áртук*, /*хв*/*áртук*, *ко*/*х*/*тáн*, /*х*/*ерма*, /*Х*/*ёдя*, /*Х*/*óмка*, *тор*/*х*/, *ти*/*х*/, /*х*/*ронт*, /*х*/*рýкты*, *тý*/*х*/*ли* и др. Весьма возможно при этом, что сочетание /*хв*/, выступающее при замене /*ф*/, представляет собой единый звуковой комплекс, не равный обычному сочетанию *хв*. Иногда отмечают, что второй элемент такого сочетания является губно-губным и лишенным голоса при своем образовании — /*х*φ/. Изредка встречается произношение /*п*/ — /*п'*/ в соответствии /*ф*/ — /*ф'*/, преимущественно в именах собственных: /*П*/*или́п*, /*П'*/*ёкла*, *О*/*п*/*роси́нья*, *Ники́*/*п*/*ор*, /*П*/*рóська* и под.

Таким образом, в соответствующих системах консонантизма имеются только звонкие губные спиранты, варьирующиеся по способу образования.

⟨в⟩ (*w*) ⟷ ⟨в'⟩ (*w*) [20]

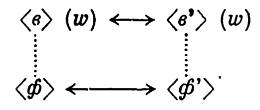
[19] Здесь и ниже стрелки, соединяющие обозначения фонем, указывают на их соотносительность, отсутствие стрелок — на ее отсутствие, соединение пунктиром — на соотносительность, возникающую факультативно.

[20] Помещая рядом с обозначением фонемы написание (*w*), указываем характер ее позиционного варьирования, не приводящего в данном случае к совпадению с какой-либо другой фонемой, но весьма существенного для понимания характера употребления губных спирантов. Указание на чередование /*в'*/ с /*w*/, а не с /*w'*/ объясняется тем, что употребление губно-губных спирантов представлено преимущественно в говорах, где на конце слова в соответствии мягким губным произносятся твердые, а ассимиля-

Для данного типа употребления губных спирантов характерен и еще целый ряд существенных особенностей, образующих целостный комплекс, свойственный говорам определенной территории, который будет рассмотрен ниже.

Тип IIб характеризуется факультативным употреблением губно-губных и губно-зубных спирантов в положении перед согласными и в конце слов */w/торóй* и */ф/торóй*, *прá/w/да* и *прá/в/да*, *лá/w/ка* и *лá/ф/ка*, *корó/w/* и *корó/ф/*, *кро/w/* и *кро/ф/* (реже *кро/w'/* и *кро/ф'/*). В этих же говорах преимущественно произносится /ф/ — /ф'/ в соответствующем кругу лексики. Замена /ф/ — /ф'/ на /х/, /хв/ — /х'/ — /хв'/ фиксируется лишь в отдельных говорах и чаще всего в качестве непоследовательной.

В связи с тем, что произношение губно-зубного спиранта в положении перед согласными и в конце слова является факультативным, соотносительность фонем ‹в› и ‹ф› является в целом не установившейся и возникающей спорадически, что может быть выражено следующей схемой

В пределах русского диалектного языка известно и такое, слабо в них распространенное (см. карту), употребление губных спирантов, при котором губно-зубной /в/ чередуется с /w/ только перед звонкими и сонорными согласными, но с /х/ в положении перед глухими согласными и на конце слова: *трá/х/ка*, *корó/х/* и т. п. Однако такое употребление не может быть признано самостоятельным типом, так как почти никогда не бывает исключительным, а, как правило, отмечается в качестве факультативного чередования, наряду с которым наблюдается и употребление /w/ или /в/ — /ф/ в том же положении: *трá/w/ка*, *трá/ф/ка* и *трá/х/ка*, *корó/w/*, *корó/ф/* и *корó/х/*, равно как и перед сонорными и звонкими здесь часто наблюдается чередование /w/ и /в/ — *прá/w/да* и *прá/в/да* и под. Ниже увидим, что факты произношения /х/ в указанном соответствии отмечены преимущественно в пределах ареалов губно-губного /w/, чаще на периферии подобных ареалов.

Рассмотрим употребление губных спирантов более детально на материале говоров соответствующих территорий.

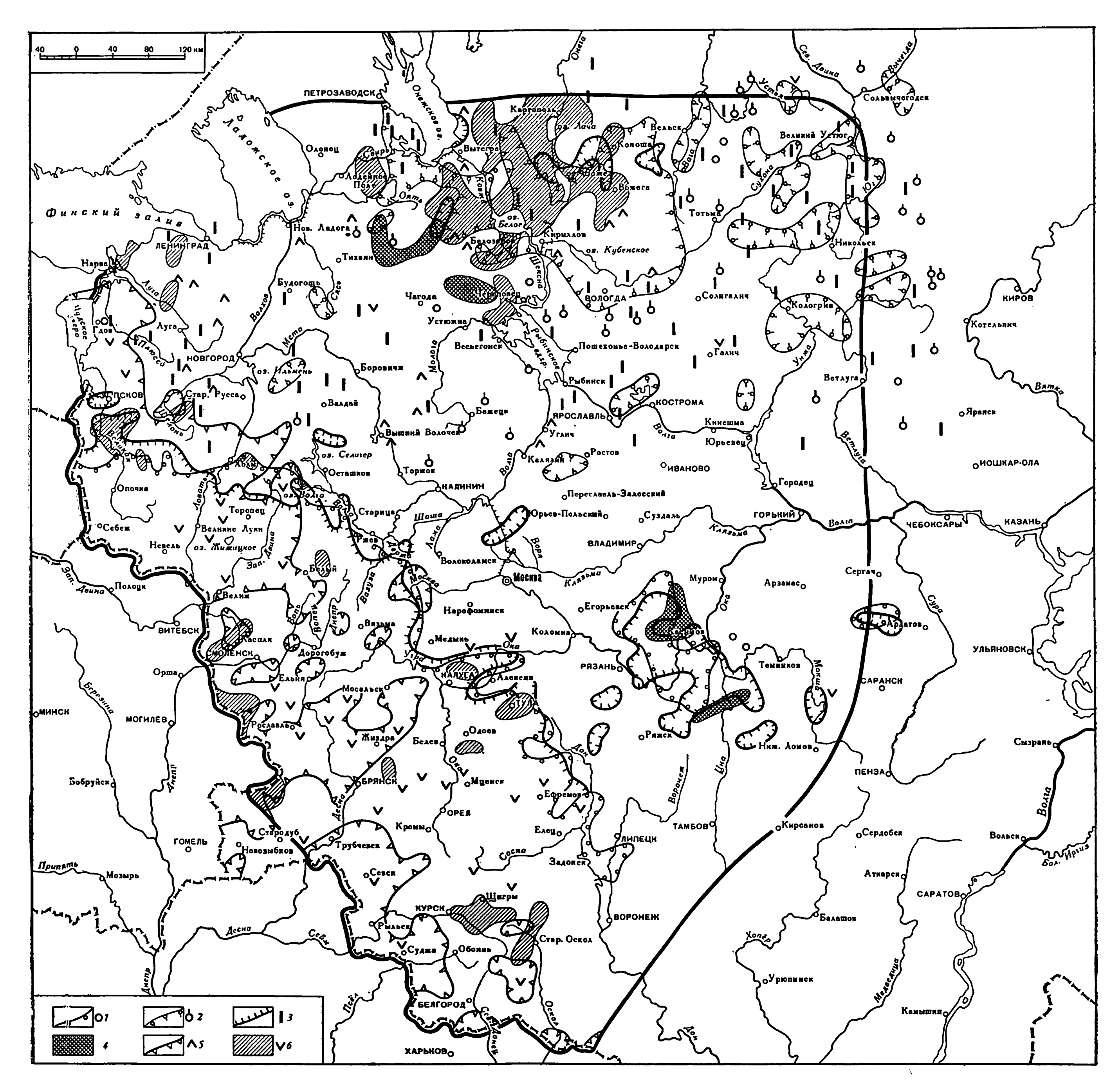
тивное смягчение в середине слова не наблюдается. Чередование /в'/ с /w'/ отмечают в говорах весьма ограниченных территорий на периферии распространения типов IIа и IIб.

На всей территории, кроме той, в пределах которой отмечено распространение диалектных типов употребления губных спирантов (IIа и IIб) или явлений, связанных с этими типами, распространено последовательное употребление губно-зубных спирантов, выше отнесенное нами к I типу. Это территория, включающая Москву и говоры к востоку и отчасти к северо-востоку от нее, соответствующая понятию говоров центрального типа (см. III, 4, § 1). За пределами этой территории также широко известен I тип употребления губных спирантов, но уже не в столь последовательном распространении.

Начнем свой обзор с говоров юго-западных и южных территорий, на которых распространен тип IIа употребления губных спирантов.

Анализ материалов по говорам этой территории показывает, что в них наблюдается еще и в настоящее время большая последовательность чередования ‹в› и /w/ или даже вероятнее всего /ў/ в соответствующих позициях, а также регулярная замена /ф/ — /ф'/ на /х/ — /х'/, /хв/ — /хв'/.

Наряду с этим в говорах той же территории наблюдается распространение ряда других особенностей в употреблении губных спирантов, характерных преимущественно именно для них: такова прежде всего возможность произношения гласного /у/ в соответствии ‹в› в начале слова перед согласным, нередко находящаяся в зависимости от положения слов в речевых отрезках разных типов: в начале речевого отрезка после паузы или в тесном сочетании с предшествующим словом, при этом еще также в зависимости от того, кончается ли это слово согласным или гласным звуком (он */у/саду*, но она */ў/садý* и под.). Возможность произношения /у/ полного образования в соответствии *в* в начале слова, является достаточно последовательной в ряде говоров этой территории: ср. */у/довá*: */у/нýк*, */у/горóд*; ср. и в предлогах — */у/дóма*, */у/садý*. Такая возможность свидетельствует о повышенно сонорном качестве губного спиранта, произносимого в других положениях (в середине и на конце слова), скорее всего приближающегося к типу /ў/ в говорах южных и юго-западных территорий. В связи с заменой начального ‹в› гласным /у/ происходит совпадение некоторых слов в звучании с теми словами, которые исконно имели в начале слова гласный *у* полного образования. Ср. */у/нёс* (=*внёс* и *унёс*), ср. */у/дóма* и */у/дóме*, где имеет место совпадение предлогов *в* и *у*. Это совпадение несомненно открывало, в свою очередь, возможность для употребления /в/ вместо исконного /у/ в начале

Карта 6

Явления, характеризующие употребление губных спирантов;

1 — употребление /*w*/ в конце слова и слога при типе II а; *2* — употребление /*w*/ в конце слова и слога при типе II б; *3* — произношение /*х*/—/*х'*/, /*хв*/—/*хв'*/ в соответствии *ф—ф'*; *4* — примерные территории, в пределах которых встречается чередование /*в*/—/*х*/ (последнее перед глухими согласными и на конце слова или только в одном из этих случаев); *5* — произношение /*в* (*w*, *ў*)/ в соответствии /*у*/ в начале слова; *6* — произношение /*ф*/ в соответствии исконным /*х*/, /*хв*/

слова в слогах, предшествующих ударенному, которая также наблюдается на основной части территории распространения типа IIа (см. карту 6): */w/дáлый* или */ў дáлый/*, */в/дáлый* и т. п. Ареал этого явления не вполне совпадает по своим очертаниям с ареалом распространения типа IIа, он не охватывает восточную часть территории, занятой названными явлениями (к востоку от ломаной линии Мосальск—Брянск—Курск), но более, хотя и неравномерно, удален к северу на территорию говоров, окружающих с востока и юга Чудское озеро. Однако следует иметь в виду, что здесь данное явление имеет лексикализованный характер и согласный *в* преимущественно выступает при замене предлога *у*: */в/дóма*, */в/лéса* и под.

В говорах, где наблюдается произношение */у/* в соответствии *в* в начале слова и мена этих фонем, обычно отмечают такое, лексикализованное по своему характеру, но внутренне связанное с этой меной явление, как употребление предлогов (приставок) *ув — ува*, представляющих контаминацию двух предлогов, различающихся в других говорах и литературном языке. Ареал этого явления почти совпадает по своим очертаниям с ареалом распространения типа IIа (в связи с чем и не показан на карте). Тот факт, что ареал приставок-предлогов *ув — ува* этого лексикализованного явления шире, чем ареалы произношения */в/* вместо */у/* (*/в/чúтель* и под.), может служить косвенным указанием на то, что и эта последняя черта, явившаяся основой возникновения этих приставок, была раньше распространена шире, чем в настоящее время. Употребление предлогов *ув — уво* чаще отмечают на месте предлога *в*, причем *ув* употребляют как перед гласными, так и перед согласными — */ув/овсé*, */ув/избý*, */ув/войнý*, */ув/гóрод*, а *уво* преимущественно встречается перед словами, начинающимися с группы согласных — */уво/втóрник*; */уво/снé*, */уво/мхý*; Употребление *ув — уво* в соответствии *у* как замену приставки *у* преимущественно находим в глаголах — *увогнáли*, *увобрáли*, причем обычно в тех, которые имеют ударение на первом слоге и начинаются с группы согласных. Особенно часто встречается соединение приставки-предлога *ув — уво* с разными формами глагола *идти*, как в соответствии приставке *у*, так и приставке *в*: */уво/шлú*, */уво/йдýт*, */уво/шóл* и др.

Вся совокупность характерных для типа IIа особенностей употребления губных спирантов выступает в качестве внутренне единого комплекса, типичного для говоров юго-западных и южных областей и в таком целостном виде в других местах не встречающегося. За пределами этой территории имеют известное (рассеянное) распространение лишь лексикализовавшиеся случаи произношения с начальным */у/* слов *вдовá*, *внук* — */у/довá*, */у/нýк*, употребление слова *вдáрил*, предлогов *ув — уво*.

Для говоров северного наречия характерно распространение типа IIб, причем выделяется основной ареал, расположенный между 34° в. д. и 42° в. д. и ряд разрозненных ареалов, а также наличие данного типа употребления в говорах ряда отдельных населенных пунктов (см. карту 6). Употребление звонкого губно-губного спиранта в говорах северного наречия преимущественно является непоследовательным, сосуществующим с произношением */ф/*: *трá/w/ка* и *трá/ф/ка*, *дро/w/* и *дро/ф/* и т. п., причем особенно регулярно такие колебания наблюдаются в позиции середины слова перед глухими согласными, где их наличие можно признать типичным для говоров данной территории. Второй характерной особенностью севернорусских говоров, в которых с той или иной последовательностью распространено чередование */в/* и */w/* является широкая возможность произношения */ф/ — /ф'/* в сильной позиции в соответствующей сфере лексики. Замены */ф/ — /ф'/* на */х/ — /х'/*, */хв/*, */хв'/* отмечают здесь лишь в отдельных единичных говорах, притом чаще всего в отдельных словах при употреблении */ф/ — /ф'/* в других словах. При распространении типа IIб в говорах северного наречия не отмечают последовательного употребления */у/* в соответствии */в/* в начале слова, мены */у/* на */в/*, употребления предлогов *ув — уво*, что вместе взятое может указывать на менее сонорный характер билабиального согласного, произносимого в конце слова и слога в говорах сев. наречия, приближающегося по своему характеру к */w/*, а не к */ў/*.

Говоры, в которых представлено факультативное чередование */в/* — с */х/* — в конце слова и слога не имеют достаточно определенной локализации, являясь и вообще весьма редкими (см. карту). На территории распространения типа IIа они отмечены в пределах Мещерских говоров; редки они и на территории типа IIб; во всех случаях эти говоры расположены обычно на окраине соответствующих ареалов диалектного употребления губных спирантов.

В принципе тот же характер имеет и распространение такого явления, как произношение */ф/* в соответствии */х/ — /хв/*: */ф/ост*, */ф/óя*, */ф/атáть*, */ф/áстать*, а также */ф/удóй*, *о/ф/óта*, */ф/óдит*, ср. также и */ф/то* (из *кто*, произносимого, как */х/то*). Мелкие ареалы этого явления известны в пределах южного наречия преи-

имущественно на границе ареалов */в (w—ў)/* и замен */ф/* на */х/*, */хв/*. На территории сев. наречия основной ареал этого явления более значителен; частично он находится на территории, примыкающей с севера к основному ареалу употребления */в (w)/*, отчасти на его северной окраине. Другие, более мелкие ареалы замен */х/*, */хв/* на */ф/* в северных говорах расположены также или на окраине основного ареала */в (w)/*, в его западной части или непосредственно за его пределами, к югу от него (см. карту 6). Таким образом, данное явление оказывается характерным для части говоров, имеющих II тип употребления губных спирантов, взятых в целом.

Не связано с тем или иным из основных типов употребления губных спирантов такое явление, как произношение */м/* в соответствии */в/* в положении перед последующим носовым переднеязычным */н/*. Такого рода произношение редко бывает вполне последовательным и охватывает весь круг соответствующих слов, который и вообще не велик: *давнó*, *равнó*, *дерéвня*, *дрóвни*, *рóвной*, а также в начале слова *внук*.

Как показывает карта, на юго-западе произношение */мн/*, преимущественно представленное в словах *да/мн/ó*, *ра/мн/ó* включается в наиболее восточную, окраинную часть ареала */в (w)/*, находясь тем самым в пределах распространения типа IIа. На востоке произношение */мн/* в соответствии */вн/* (то более, то менее лексически ограниченное, см. карту 7), в большей мере связано с распространением I типа употребления губных спирантов, но наблюдается на той части занимаемой этим типом территории, которая смыкается с ареалами типа IIб.

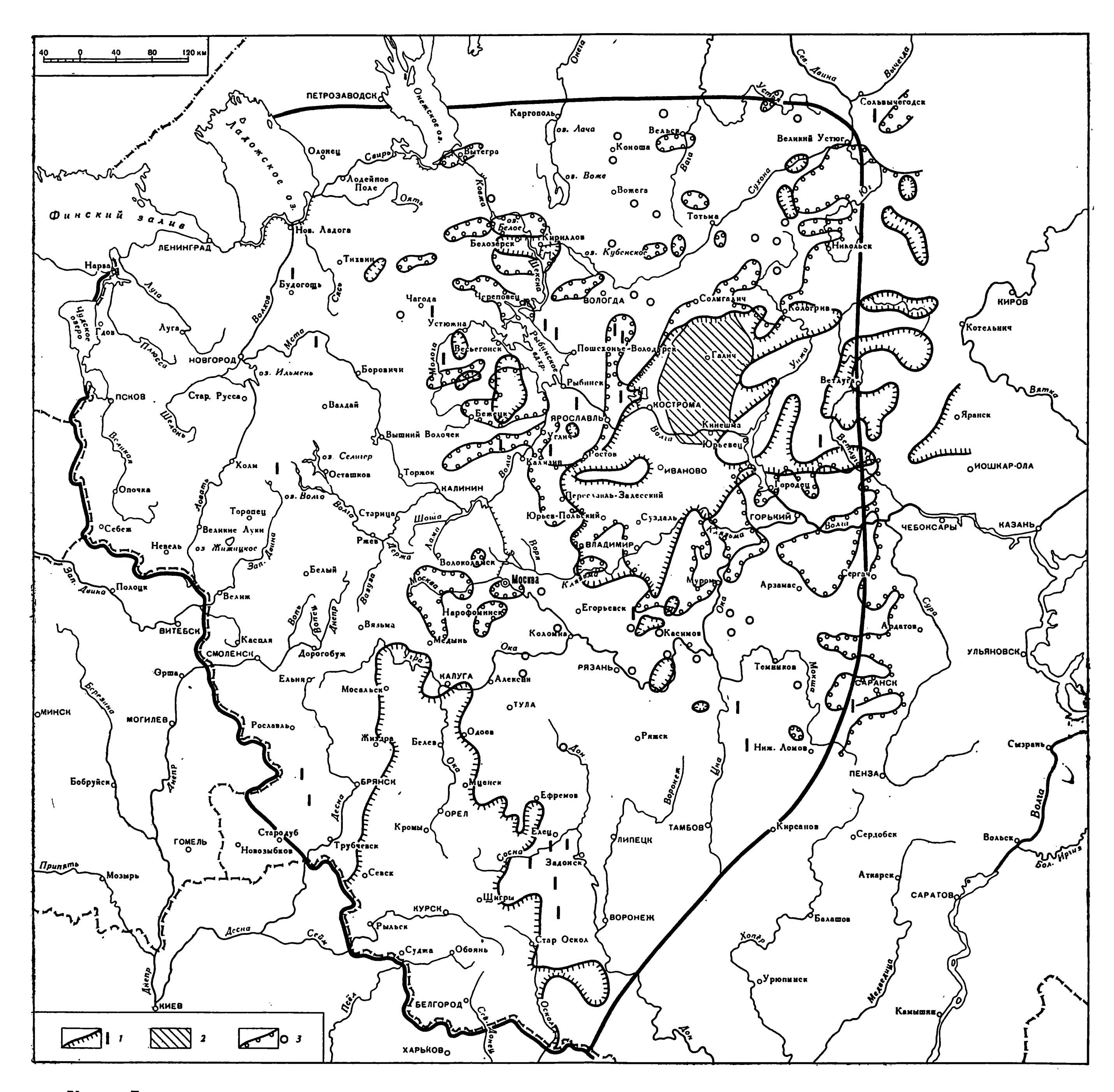
Наличие в пределах русского диалектного языка различных типов употребления губных спирантов ставит вопрос об отношении между ними в историческом плане, которые уже рассматривались на материале русских народных говоров [21], но еще до того, как было проведено широкое изучение соответствующих данных методами лингвистической географии и их картографирование.

К настоящему времени можно считать общепризнанным то предположение, что системы консонантизма, при которых в определенных позициях произносится губно-губной спирант, распространены в славянских языках с весьма давнего времени: многие исследователи допускают возможность существования тех и других систем для общеславянского периода. Для восточнославянских языков более древним является, видимо, произношение губно-губного спиранта, первоначально представленного во всех позициях, в том числе и в положении перед гласными. Установлено также, что в пределах русского языка системы с губно-губным спирантом всегда совершают развитие в сторону системы с губно-зубным спирантом и такой этап этого развития, как распространение */в/* губно-зубного перед гласными пережили к настоящему времени все говоры русского языка (см. выше лишь указание на возможность факультативного употребления */w/* перед лабиализованными гласными) [22]. Как свидетельствуют современные данные, системы с губно-губным спирантом в положении перед согласными и на конце слова (тип IIа и IIб) в процессе своего существования варьировали в говорах разных территорий качество губно-губного спиранта в отношении его сонорности. Так, судя по приведенным выше данным в южных говорах при характерном для них распространении типа IIа этот спирант обладает высшей степенью сонорности, приближаясь по характеру образования к */ў/* [23]. На основе представления о наличии спиранта с высокой степенью сонорности в южных говорах становится понятной возможность появления и гласного */у/* в соответствии */ў/* в начале слова в таких говорах, приводящая затем к ряду производных явлений. К числу этих явлений принадлежит совпадение */в/* и */у/* (соответственно и совпадение в звучании предлогов и появление контаминированных предлогов *ув-уво*), а также появление возможности употребления */в/* в соответствии */у/* — */w/мерéть*, */w/нёс* и под., что могло сложиться при отходе от старой системы, имевшем место в период, когда влияние литературного языка не было достаточно регулярным и непосредственным, что и приводило к возникновению своеобразных гиперизмов, сохранявших территориально ограниченный характер. Наличие губно-губного спиранта высокой степени сонорности и устойчивость его употребления обусловили и невозможность произношения глухого губно-зубного */ф/* в словах, усваиваемых с

[21] В. Г. Орлова. Губные спиранты в русском языке. «Труды Ин-та русского языка АН СССР», т. II. М., 1950. В этой работе см. и обзор литературы, относящейся к истории губных спирантов в славянских языках.

[22] В. Г. Орлова. Указ. соч.

[23] Спирант */w/* отмечают в южнорусских говорах лишь на периферии ареала типа IIа в результате снижения здесь сонорного характера */ў/*, что является в свою очередь следствием междиалектного взаимодействия, как это показано, в частности, в связи с анализом изменения */вн/* в */мн/* в статье А. К. Васильевой «Об изменении сочетания согласных */вн/* и */мн/* по говорам русского языка». — В сб. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М, 1967, стр. 234.

Карта 7

Произношение сочетания *вн* в середине и начале слова:

1 — произношение /*мн*/ в соответствии /*вн*/ в середине слова преимущественно в словах *давно́, равно́* → *да/мн/о́, ра/мн/о́*; *2* — то же при большей широте круга лексики, охватываемой данным явлением: *да/мн/о́, ра/мн/о́, дере́/мн'/а, дро́м/н'/и* и др.; *3* — произношение /*мн*/ в слове *внук* — /*мн*/*ук*

давнего времени носителями говоров русского языка. Отсюда представленная в ряде южных говоров полная последовательность в заменах */ф/* на */х/*, */хв/*, */п/*. По характеру употребления губных спирантов говоры южных территорий объединяются с белорусским языком, в котором характер употребления губных спирантов соответствует описанным выше основным особенностям южного комплекса.

Употребление губных спирантов на территории северных говоров свидетельствует о менее сонорном качестве губно-губного спиранта, т. е. о распространении там билабиального спиранта */w/*. Эта особенность севернорусских говоров могла обусловить более интенсивный переход */w/* в */в/* губно-зубного качества в этих говорах и обусловленное этим более раннее появление */в/*, оглушаемого в виде */ф/*, первоначально, видимо, имевшее место в середине слова перед глухими согласными, а позднее и на конце слова. Той же меньшей сонорностью губно-губного спиранта объясняется, видимо, и отсутствие в севернорусских говорах достаточно ощутительного и регулярного распространения случаев чередования */в/* и */у/* в начале слова и производных от этого чередования явлений (произношения */в/* вместо */у/*, мены и контаминации предлогов).

Переход от */ў/* к */w/* в севернорусских говорах мог явиться результатом исторически имевшего место взаимодействия новгородских и ростово-суздальских по происхождению говоров на данной территории. При этом взаимодействии новгородский говор выступал как представитель западных говоров древнерусского языка, взятых в целом (см. II, 5), в которых более устойчиво сохранялось произношение */ў/*. Под воздействием ростово-суздальского говора, в котором рано установилось употребление ‹*в*› — ‹*в*’› и ‹*ф*› — ‹*ф*’›, в ряде говоров новгородского происхождения и могло наметиться изменение */ў/* в */w/*, а также наблюдаемое в этих говорах в дальнейшем сосуществование */w/* с */в/* и */ф/* в одних и тех же позициях, которое характерно для типа IIб употребления губных спирантов, имеющего распространение в ряде современных говоров северного наречия.

Описанное изменение */ў/* > */w/* > */в/*—*/ф/* содействовало, в свою очередь, усвоению лексики с согласными */ф/*—*/ф*’*/*, распространявшейся в основном в результате торговли с иноземными купцами и из церковно-религиозного обихода. Могло иметь значение и то, что торговые пути из скандинавских стран в южные области первоначально проходили по территории северных областей, в связи с чем соответствующая лексика (названия товаров) воспринималась здесь более непосредственно.

В связи с более ранним, чем на юго-западе и на юге, развитием процессов изменения */w/* в */в/*—*/ф/*, вызванным интенсивным междиалектным взаимодействием, ареал губно-губного */w/* должен был сокращаться на территории северных говоров. Так, можно предполагать, что на восточной части территории севернорусских говоров имелось значительно большее количество ареалов */w/*; а также и то, что произношение */w/* было известно и говорам на древнейшей части территории новгородской земли, на что указывает распространение там до сих пор разрозненных случаев употребления */w/* и замен ‹*ф*› на */х/*, */хв/*, которые известны в настоящее время на всем пространстве, соединяющем территорию распространения основных ареалов типов IIа и IIб (см. карту). Наличию остаточных явлений, указывающих на наличие */w/* в прошлом, должно быть придано большое значение с учетом того, что данные явления отмечены в говорах переживших весьма интенсивную перестройку и нивелировку ранее характерных для них местных черт.

Таким образом можно считать, что в прошлом ареал губно-губного */w/* был сплошным на всем своем протяжении и охватывавшим западные говоры безотносительно к их внутреннему членению, из среды этих говоров явление и распространялось в дальнейшем по территории северо-восточных областей.

В особом плане должны быть рассмотрены такие явления из области употребления губных спирантов, как факультативное чередование */в/* и */х/* в конце слова и слога (*тра́/х/ка*, *дро/х/* и под.) или замена исконных */х/*, */хв/* на */ф/* (*/ф/ост*, */ф/оди́ть* и под.).

Факультативный характер этих явлений по говорам и та особенность их территориального распространения, что они известны на периферии говоров, в которых распространены типы IIа и IIб, делает возможным предположение об их позднем возникновении на протяжении существования русского языка как национального под влиянием литературного языка и говоров, в которых распространены губно-зубные спиранты.

Так, по отношению к чередованию */в/* с */х/*, вероятнее всего, следует предположить, что оно возникало в связи с попытками оглушения */в/* в указанных положениях, как под воздействием соседних говоров, так и под действием распространения общей тенденции оглушения конечных согласных, характерной для русского языка. Оглушение звонкого губно-

губного фрикативного звука само по себе не осуществляется, так как при этом возник бы очень мало эффективный в акустическом отношении, т. е. почти не слышный звук. В результате тенденции оглушения губно-губного спиранта, получало усиление напряжение задней спинки языка, имеющееся при образовании этого согласного, в результате чего и возникал задненебный фрикативный согласный /*х*/, а губно-губная артикуляция ослабевала. Так появилось чередование /*в*/ с /*w*/ и с /*х*/ ср. /*в*/*одá*, *прá*/*w*/*да*, но *трá*/*х*/*ка*, *дро*/*х*/ и т. п.

Наблюдаемое по говорам произношение /*х*/ в соответствии /*в*/ вне чередования во флексии род. п. мн. ч. — *столó*/*х*/ и под. известно как в говорах, где отмечены случаи типа *трá*/*х*/*ка*, *корó*/*х*/, так и в тех, где они совершенно не отмечены. В связи с этим можно предположить, что случаи типа *столó*/*х*/ следует связывать с действием закономерности замены /*ф*/ на /*х*/, т. е. с тем, что при междиалектном общении форма *столó*/*ф*/ воспринималась, как имеющая в своем составе фонему ‹*ф*›.

Случаи замены /*х*/, /*хв*/ через /*ф*/ с исторической точки зрения, видимо, связаны с тем, что фонема ‹*ф*›—‹*ф*'› подвергается в тех же говорах замене на /*х*/—/*хв*/. При усвоении из литературного языка и соседних говоров слов с ‹*ф*› (см. на карте наличие разрозненных ареалов замен /*х*/, /*хв*/ на /*ф*/ именно на периферии ареала замены /*ф*/ на /*х*/, /*хв*/) могло намечаться и беспорядочное употребление вновь усвоенных согласных /*ф*/—/*ф*'/: /*ф*/*ост*, /*ф*/*ó*я. . . /*ф*/*удóй*, *о*/*ф*/*óта*. Наиболее интенсивно распространено с согласным /*ф*/ слово *хýтор* — /*ф*/*ýтор*.

Взятые в своей совокупности явления, указывающие на отход от употребления губно-губных спирантов расположены в широком смысле слова на периферии ареалов распространения типов IIа и IIб. По времени возникновения их следует связать с периодом слабого и нерегулярного влияния литературного языка, в связи с чем при отходе от старой системы возникали опять-таки местные системы чередования /*в*/ и /*х*/, расширенное употребление фонемы ‹*ф*›, выступающей в соответствии /*х*/, /*хв*/, в то время, как в настоящее время такой переход осуществляется в виде постепенного, но более непосредственного распространения губно-зубных спирантов в позиции конца слова и слога.

С междиалектным взаимодействием, относящимся к более позднему, т. е., вероятнее всего к национальному, периоду связывают и возможность изменения /*вн*/ в /*мн*/. А. К. Васильева высказывает в названной выше статье предположение, что при снижении сонорности /*ў*/ и замене его согласным /*w*/ возникала более высокая степень губного сужения, что приводило к сближению с ранее известным носителям говоров губно-губным (но носовым) согласным /*м*/ и к изменению /*вн*/ в /*мн*/.

Свойственное говорам, находящимся на центральной части территории Ростово-Суздальского княжества, употребление губно-зубных фонем ‹*в*› — ‹*ф*›, ‹*в*'› — ‹*ф*'› известно в настоящее время и многим говорам указанных периферийных территорий, в большинстве из которых (за исключением говоров переселенцев) оно является вторичным, сменившим былое употребление губно-губных спирантов. Однако и для системы I типа могут быть указаны некоторые данные, свидетельствующие о большей сонорности /*в*/, чем других звонких согласных и о неисконности наблюдаемой в настоящее время соотносительности ‹*в*› — ‹*ф*›, ‹*в*'› — ‹*ф*'›. Так, перед звонкими согласными ‹*в*› — ‹*в*'› не происходит озвончения предшествующих им глухих согласных, как это имеет место перед другими звонкими согласными (ср. *о*/*д*/*бúть*, /*з*/*дать*, *о*/*д*/*дéлать*, но *о*/*т*/*ворúть*, /*с*/*варúть* и под.), и потому глухие и звонкие согласные различаются перед ‹*в*› — ‹*в*'› (/*с*/*вой* — /*з*/*вон*, /*т*/*вой* — /*д*/*ва* — /*д*/*ве* и т. п.), как если бы стояли перед гласными или сонорными согласными, к которым ‹*в*› по этой своей особенности и примыкает. Если мы обратимся к употреблению ‹*в*› — ‹*в*'›, ‹*ф*› — ‹*ф*'› в корнях слов, то увидим, что существует очень мало случаев, а в говорах и вовсе отсутствуют такие случаи, где бы смысл слов различался только этими фонемами (см. в лит. яз. ‹*в*›*ас* — ‹*ф*›*ас*, ‹*в*›*он* — ‹*ф*›*он* и под.), что объясняется наличием фонем ‹*ф*› — ‹*ф*'› только в словах иноязычного происхождения. Все это делает допустимым предположение о том, что I тип употребления губных спирантов, в настоящее время характерный для говоров центральных территорий, присущ им неисконно. Эта неисконность связана не только с усвоением ‹*ф*› — ‹*ф*'› в самостоятельном употреблении, но также и с тем, что губно-зубное качество спирантов /*в*/—/*в*'/ могло в них развиться, как вторичное, что имело место в весьма давнее время в языке той части восточно-славянских племен, которая, отходя на восток, заселяла территорию будущей Ростово-Суздальской земли и вступала на пути обособленного языкового развития в отличие от населения западных территорий, на долгое время сохранивших общность в этом отношении.

§ 3. Мягкие губные согласные на конце слова

Губные согласные имеют в современных русских говорах ряд особенностей, связанных с развитием у них корреляции по твердости—мягкости. В частности, в большинстве говоров русского языка не различаются твердые и мягкие губные в положении на конце слова, где в таких говорах произносятся только твердые губные. Таким образом, в отличие от литературного языка и тех говоров, где, как и в литературном языке, позиция конца слова является сильной позицией для твердости—мягкости губных, в данных говорах конец слова—позиция слабая: *гблу/п/ — глу/п/*; *покрб/ф/ — кро/ф/*; *съе/м/ — се/м/* и т. п. Произношение только твердых губных на конце слова известно также белорусскому и украинскому языкам.

Исторически явление отвердения губных, как и ряд других фонетических явлений в русских говорах, связано в качестве необходимой предпосылки с процессом падения слабых и прояснения сильных редуцированных ь и ъ, в результате которого в положении конца слова стали возможны как твердые, так и мягкие согласные. Однако артикуляция мягкости могла иметь различную судьбу в зависимости от основной артикуляции согласного, к которой она добавлялась.

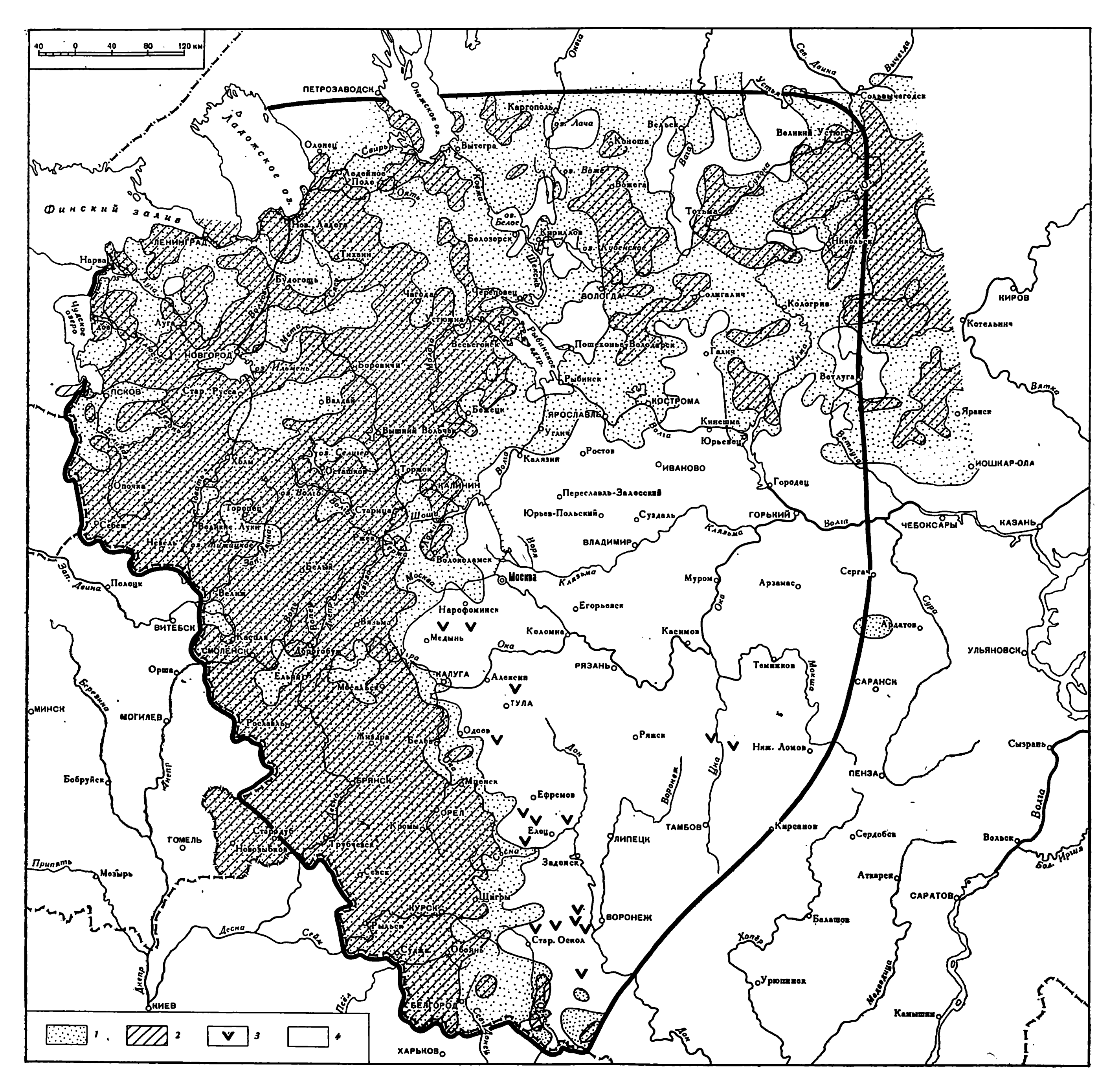
Существенную роль в особенностях, связанных с категорией твердости—мягкости у губных согласных играет характер артикуляции самих губных согласных: среднеязычная артикуляция, которой определяется палатальность, является у них дополнительной и может утрачиваться как таковая, что в отдельных случаях и приводит к полной ликвидации противопоставленности губных согласных по твердости—мягкости (ср. губные в украинском языке). С другой стороны, позиция конца слова является в русском языке позицией, способствующей ослаблению артикуляции согласных [24]. В результате сочетания этих двух факторов в русских говорах широко известны твердые губные на конце слова, в то время как отвердение других конечных согласных (не губных) относится к числу более редких и менее последовательных языковых явлений. Не относится к числу диалектных явлений в русском языке произношение твердого конечного *м* (из *-мь)* в форме 1-го лица ед. числа настоящего времени глаголов *(дам)*, в тв. п. ед. числа существительных муж. и ср. рода (*столбм*), в тв. п. ед. числа местоимений *(моим)* — твердое *м* известно в этих категориях всем говорам русского языка, а также и литературному языку. Мягкое *м* на конце слова в этих говорах и в литературном языке известно лишь в тех формах, где сохранение мягкости поддерживалось аналогией со стороны родственных форм (например, в числительных семь, восемь).

Особенности, связанные с развитием категории твердости—мягкости у губных согласных в восточнославянских языках проявляются также и в других позициях: в говорах укр. и белор. языка губные согласные могут быть тверды не только перед согласными и на конце слова, но и перед гласными *е*, *и*, *а*: */пэ̂/чы*, */п/йáть*, */бй/ть* [25].

Особенно последовательно твердые конечные губные (см. карту) распространены в пределах русских народных говоров на юго-западных территориях. Местами (например, в р-не Мосальска, Одоева, Мценска и др.) говоры с двумя противоположными вариантами произношения находятся в непосредственном соседстве, но не оказывают заметного воздействия друг на друга — «пограничная» полоса сосуществования обоих вариантов произношения в пределах юго-запада почти отсутствует. На северо-западе отмечены более значительные массивы территории, где произношение твердых губных сосуществует с произношением мягких губных согласных. Другая картина на севере и северо-востоке картографированной территории, где выделяются значительные ареалы произношения мягких губных на конце слова в качестве единственного варианта произношения. Твердость или мягкость конечных губных согласных практически не зависит от характера артикуляции губных (взрывные *м*, *п*, *б*; фрикативные — *в*, *w*). Как указано выше, в очерке о губных спирантах, в пределах ареала твердости конечных взрывных губных распространены также твердые губно-губные спиранты (*/ў/* на одних территориях или */w/* на других). Однако на юго-западе, где преимущественно распространено */ў/*, можно отметить, что изоглосса твердого губно-губного согласного слегка отклоняется от общей изоглоссы твердых губных и проходит немного

[24] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 116. См. также: Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. Р. Зиндер. Зависимость временной характеристики согласных от их фонетического положения. «Вопросы радиоэлектроники», серия XI, техника проводной связи, вып. 3, 1960, стр. 125

[25] Дыялекталагiчны атлас беларускай мовы, карты 50, 51,52,53.

Карта 8

Губные на конце слова:

1 — отмечены твердые взрывные губные на конце слова; *2* — последовательное употребление твердых взрывных губных в пределах общей территории их распространения; *3* — наличие твердых губных наряду с мягкими в отдельных населенных пунктах; *4* — отмечено употребление только мягких губных

восточнее нее. В этом сказывается трудность палатализации /ў/, которая может осуществиться только при наличии губно-губного спиранта типа /w/.

В памятниках письменности достаточно широко и с более раннего времени отражено отвердение конечного *м* из *мь* в определенных грамматических категориях, характерного для русского языка в целом, с чем и связано наличие соответствующих примеров в памятниках разных территорий, начиная с XIII в. Написания *мъ* в соответствии *мь* отмечают исследователи памятников письменности у второго писца Пандектов Никона Черногорца (1296 г.), в Лаврентьевской летописи и в грамотах XIV в. (в духовной грамоте Симеона Гордого — 1353 г.; в духовной грамоте Ивана Калиты) и др.[26]

Вместе с тем, примеров, отражающих отвердение других губных (кроме *м*) значительно меньше, и они появляются в памятниках позднее. А. А. Шахматов [27] указывает: «Для старшего языка отметим: Комм. сп. XV в. Новгор. 1-й: въ любовъ 374, церковъ камену 357, и т. д. то же упорно в псковских памятниках XV в., ср. также в Ипат. Молъвъта 256 г, любовъ 117, ѩтровъ 123 в.; доловъ 194 в., Новоросс. сп. Новг. 4-й мовъ вм. мовь, 76а, Тр. сп. Новг. 1-й: по пѡставъ 64 а, кръвъ 50 в, 63 в».

Несколько примеров (и не только на конце слова) приведены из памятников XV, XVI в. белорусского языка: «. . .церковъ (Гр. 1492 г.); здоровъю (Гр. 1476 г.); пъючи (Гродзенская актавая книга XVI ст.)» [28].

Если учесть, что ареал произношения твердых губных согласных в пределах русских народных говоров является продолжением ареала, охватывающего украинский и белорусский языки, то различия, имеющиеся в интенсивности распространения данного явления в пределах русского языка могут быть поняты как указывающие на направление распространения явления. Весьма интенсивному, в ряде случаев вполне последовательному распространению явления в пределах всех западных территорий, противостоит его непоследовательное распространение на северо-востоке, где имеются значительные ареалы различения твердых и мягких губных на конце слова. Тем самым можно предполагать, что в пределах русского языка это явление, во всяком случае первоначально, развивалось в говорах западных территорий и появлялось на северо-восточной территории вместе с носителями новгородского диалекта. Не исключено также и предположение, что в пределах западных говоров оно распространялось в направлении с юга к северу (ср. интенсивность распространения данного явления на более южной и более северной частях данной территории).

Относительно времени возникновения явления можно высказать предположение, что первоначальная тенденция к отвердению конечных согласных следовала за процессом падения слабых *ь*, *ъ* и может быть датирована, как это делает П. Бузук [29], XIII в. Дальнейшее же ее развитие и распространение на большинстве территорий относилось уже к последующему времени.

Существенную роль в распространении явления по великорусской территории сыграло включение части русских земель в состав Великого княжества Литовского. Четкое совпадение языковой и политической границы на юго-западе русских говоров и отсутствие языковой границы на северном рубеже Великого Княжества Литовского лишний раз подтверждают, что языковые процессы до XIV в. шли в направлении с юга на север и обладали достаточной интенсивностью, чтобы продолжаться и после того, как непосредственное общение населения ослаблялось, видимо, полностью не прерываясь.

На юго-западе же установление политической границы сыграло решающую роль в устранении возможности распространения явления по всей великорусской территории.

§ 4. Новые сочетания согласных с /j/ в русских говорах

Падение редуцированных значительно изменило фонологическую систему древнерусского языка: в языке возникли новые языковые позиции, а вместе с ними и новые языковые явления. В ряде случаев эти явления имели свою специфику по говорам; таковы, например, новые сочетания согласных с /j/. В части русских говоров (а также и говоров других восточнославянских языков — украинского и белорусского [30], очевидно, там, где звук /j/ обладал

[26] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 118.
[27] А. А. Шахматов. История русского языка (Литограф.) Пг., 1915, стр. 576.
[28] Нарысы па гісторыі беларускай мовы, Мінск, 1957, стр. 85.

[29] П. Бузук. Нарис історіі украïнськоі мови. Киïв, 1927, стр. 57.
[30] Подробно судьба данного явления в восточнославянских языках рассмотрена в канд. дисс. Л. К. Андреевой «Новые сочетания согласных с /j/ в восточнославянских языках». М., 1963. См. также

качествами фрикативного согласного (в отличие от /i̯/) возникали условия для ассимиляции /j/ предшествующему мягкому согласному. Круг слов с сочетанием «согласный+/j/» широк. В ряде морфологических категорий (в именах существительных с суффиксом *-j (е)*, *-j (а)*, в им. п. мн. числа сущ. муж. рода, в тв. п. ед. числа сущ. женского рода III скл., в формах притяжат. прилагательных с суффиксом *-ьj* /j/ соседствует с переднеязычными — *су/д'й/я́*, *пла́/т'й/е*, *сви/н'й/я́*, *И/л'й/я́*, *коло́/с'й/я*, *дру/з'й/я́*, *пе́/р'й/я*, *ру/жй/ё*, *но́/ч'й/ю* и с губными согласными — *сыно-/в'й/я́*, *стру́/п'й/я*, *се/м'й/я́*, *зу́/б'й/я* и т. п. Не встречаются лишь сочетания «задненебный согласный+/j/». Однако при наличии в соответствии *t'j* диалектного произношения (*t't'*) отмечается преимущество переднеязычных согласных (кроме *р*) по сравнению с губными. Явление удвоенного произношения согласных в соответствии сочетанию «согласный+/j/» повсеместно там, где оно отмечается на территории русских говоров имеет следующие особенности распространения: оно не является в настоящее время активным фонетическим процессом и удвоения согласного не наблюдается, если сочетание «согласный+/j/» образует стык приставки и корня. Во втором случае препятствием является фактор морфологический: легкое членение на морфемы.

По наиболее последовательному распространению результатов изменения *t'j* > *t't'* выделяется прежде всего юго-западный ареал данного явления (см. карту), в пределах которого отмечен только один довольно значительный массив говоров в Великолукской области, выключаемый на территории распространения диалектного произношения.

В виде островов и в рассеянных населенных пунктах диалектное произношение в соответствии сочетанию *t'j* отмечено и в западных среднерусских и в севернорусских говорах. Здесь самый значительный из островов расположен на территории межзональных говоров северного наречия.

Особую судьбу в говорах русского языка имеет такой результат изменения *t'j*, когда произносится *t'* без /j/ и без удвоения. В отличие от говоров украинского и белорусского языков, где произношение *t'* без /j/ и без удвоения помимо единичных разбросанных нас. п. отмечено также на территории двух компактных массивов (в юго-западной части территории Украины и Белоруссии) [31] в русских говорах такое произношение, как единственный диалектный вариант, отмечается только в единичных нас. п. и только на территории периферийной по отношению к наибольшей интенсивности явления.

На территории к востоку и юго-востоку от Москвы, как известно, распространено произношение сочетания мягкого согласного и /j/ [32], однако и на этой территории в ряде разбросанных нас. п. отмечают в единичных случаях наряду с произношением *t'j* произношение — *t't'* (*сви/н'н'а́/* и под.).

Наиболее широко *t't'* в соответствии сочетанию с /j/ представлено в сочетаниях переднеязычных согласных с /j/ — /н'j/, /т'j/, /л'j/, /д'j/; /с'j/, /з'j/, /ч'j/ реже — в соответствии сочетанию твердых шипящих с /j/ и совсем редко в соответствии сочетаниям губных согласных с /j/ и /р'j/. Такой характер закономерности можно считать независимым от территории распространения явления, от близости или удаленности нас. п. от территории интенсивного распространения, что и давало исследователям возможность рассматривать процесс *t'j* → *t't'* как результат ассимиляции /j/ предшествующему согласному, предпосылки которой имели место уже в общеславянском языке и отмечать, что ассимиляция осуществлялась свободнее в тех случаях, когда согласный, предшествующий /j/, был близок к нему по артикуляции.

Следует сказать, что существуют две точки зрения на сам «механизм» ассимиляции: 1) /j/ уподобляется предшествующему согласному, что особенно легко происходит в тех случаях, когда этот согласный является переднеязычным (близким по артикуляции к /j/) 2) согласный, предшествующий /j/, удлиняется подобно праславянским **tj* через стадию **ttj*. Первая точка зрения разделяется такими учеными как Шахматов, Карский, Соболевский и др.[33] Вторая принадлежит польскому уче-

Л. К. Андреева. Явление ассимиляции в новых сочетаниях согласных с /j/ в говорах северновеликорусского наречия. «Уч. зап. Пермск. ун-та», 1960, т. 16, вып. 1; Она же: К истории новых сочетаний согласных с /j/ в восточнославянских языках. «Вопросы фонетики, словообразования, лексики рус. яз. и методики его преподавания». Пермь, 1964.

[31] Л. К. Андреева (указ. соч.) считает возможным объяснять происхождение данного произношения на двух этих территориях: «отходом» от произношения *t't'* на территории украинского языка и утратой /j/ в результате ослабления его непосредственно из сочетания *t'j* — на территории белорусского языка.

[32] Не считая селений в Больше-Маресьевском и Больше-Болдинском районах Горьковской области, население которых, так называемые «будаки» переселилось из Белоруссии.

[33] А. Шахматов. Курс истории русского языка. СПб, 1911—12 гг. А. И. Соболевский. Лек-

ному К. Дейна [34]. Таким образом можно считать, что возникнув первоначально как результат ассимиляции (в том или ином варианте) переднеязычного согласного и /j/, удвоенные согласные в части говоров укрепились в системе языка, вошли в систему в качестве самостоятельных фонем [35], в результате чего стали возможны удвоенные согласные в соответствии сочетаниям согласных с /j/, не отличающимся артикуляционной близостью к /j/, т. е. согласных губных и /р'/. Уместно сделать, однако, следующее уточнение.

Можно думать, что причина противопоставленности переднеязычных и губных согласных в отношении их роли в процессе *t'j → t't'* заключается не только в наличии или отсутствии артикуляционной близости k /j/, а также и в различиях данных групп согласных в системе противопоставленности их по ДП твердость—мягкость. Как известно, губные согласные повсеместно в русских говорах имеют особенности, связанные с развитием у них корреляции по твердости—мягкости. Можно предполагать, что и *р* примыкает к губным согласным не случайно. Именно *р* в ряде говоров (на западе) имеет также особенности, связанные с данными ДП: отвердение *р* в говорах белорусского языка и примыкающих территорий на западе русского, а также единичные свидетельства наличия /л'/ эпентет при /р'/ (пе́/рл'а/. . .).

Анализ материалов показывает также, что на периферии явления, замечается некоторая разница в распространении случаев с *t't'* в соответствии сочетаниям с /j/ различных парных переднеязычных согласных, хотя все переднеязычные согласные одинаково близки по месту артикуляции к /j/.

На территории «Атласа русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы» анализ материала по 80 нас. п. показал, что при наличии сосуществования *t't'* и *t'j* отмечено: /н'j/ — 92 примера, /н'н'/ — 99; /т'j/ — 42 прим. /т'т'/ — 53; /д'j/ — 11 прим., /д'д'/ — 8; /с'j/ — 4 прим., /с'с'/ — 2; /з'j/ — 1 пример, /з'з'/ — 3; /ч'j/ — 12 прим., /ч'ч'/ — 18; /л'j/ — 52 прим., /л'л'/ — 27; (в соответствии сочетанию губных согласных отмечено: губной+/j/ — 29 прим., удвоенный губной — нет примеров; в соответствии сочетанию /р'/+/j/ — 20 прим., /р'р'/ — нет примеров). Таким образом, соотношение примеров с *t't'* и *t'j* для всех переднеязычных согласных равно примерно 1 : 1, а для /л'j) оно равно 2 : 1, хотя количество слов с сочетаниями /л'j/ на данном отрезке территории оказалось даже больше, чем с сочетаниями /т'j/. Обращает на себя внимание тот факт, что именно фонема ‹л› в ряде случаев имеет в говорах особенности, связанные с ДП твердость—мягкость [36].

Таким образом, данный материал подтверждает связь явления с развитием категории твердости—мягкости: отступления или «пробелы» отмечаются именно в соответствии сочетанию с /j/ тех согласных, которые имеют в русских говорах особенности, связанные с развитием данной категории.

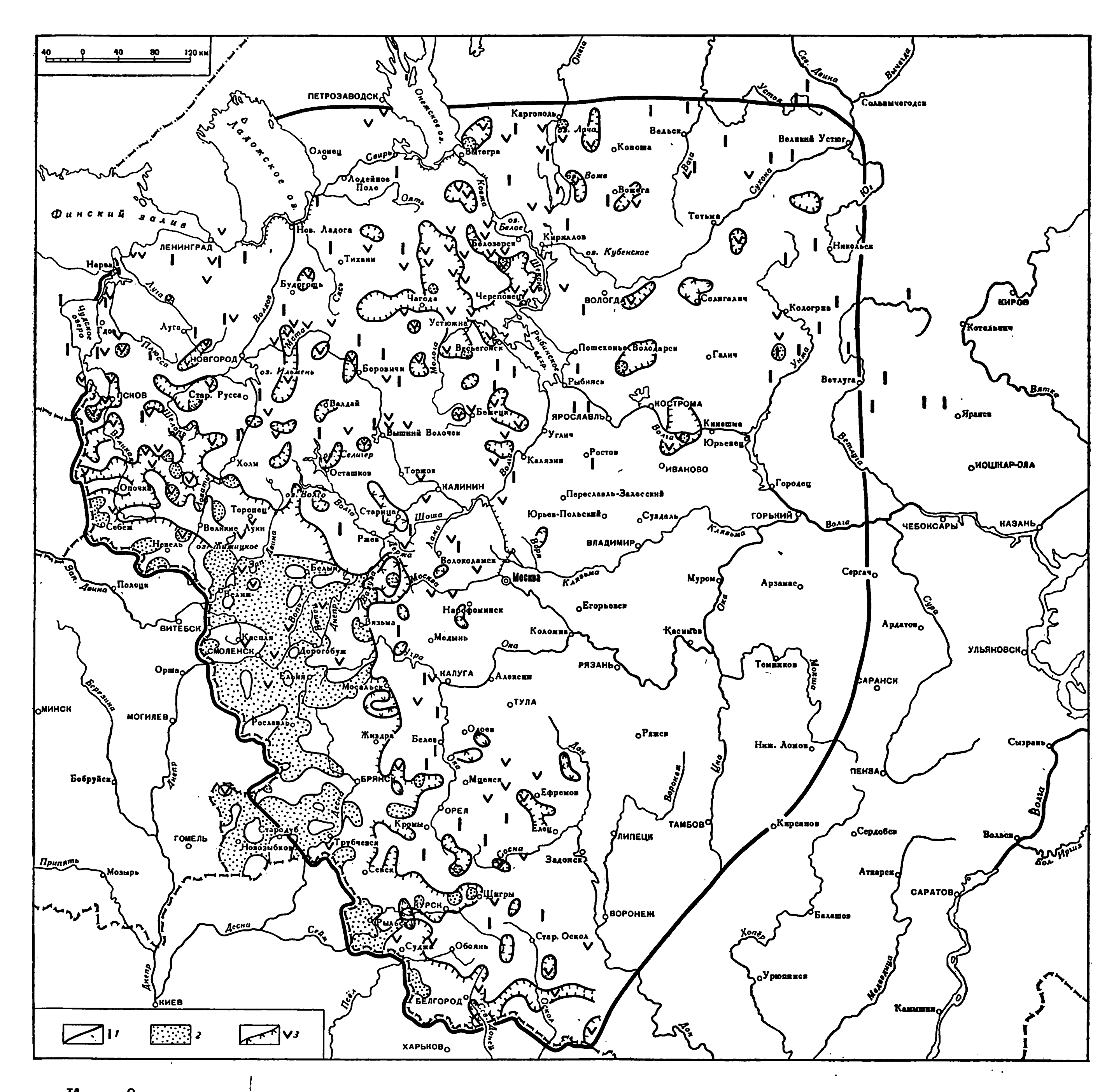
Малая противопоставленность ДП удвоенность—неудвоенность (долгота—краткость) среди других различительных признаков в системе фонем, видимо, приводит к тому, что элемент системы, обладающий данным ДП может его утрачивать: *t't' → t'*. Анализ материала тех говоров, где наблюдается данная разновидность явления показывает, что в них произношение *t't'* или *t'* в соответствии сочетаниям различных согласных с /j/ небезразлично к тому, является произношение *t'* единственным диалектным вариантом или оно сосуществует с вариантом *t't'*. Так, в пределах территории наиболее интенсивного распространения явления наличие мягкого согласного без /j/ как единственного диалектного варианта и в сосуществовании с вариантом *t't'* отмечается примерно в равном количестве населенных пунктов (соотношение тех и других равно 1 : 1) Для того чтобы представить себе, как соотносятся варианты *t't'* и *t'* с теми или иными согласными, был проанализирован под этим углом зрения материал 170 нас. п. (взятых подряд на территории сгущения диалектного произношения). Данный анализ показал, что при наличии в говоре вариантов *t't'* и *t'* без /j/, последний отмечается на месте сочетания «согласный+/j/» без какого-либо предпочтения в отношении одних согласных в ущерб другим. Как правило, в тех же нас. п. отмечены и варианты *t't'* с удвоенным произношением тех же согласных.

ции. . .; Е. Ф. Карский. Белорусы, т. I, стр. 291—300.

[34] K. Dejna. Gwary ukraińskie Tarnopolscryzny. Polska AN, Prace językoznawcze, 13, Wroclaw, 1957,— не отрицая ассимиляции, объясняет появление /j/ удлинением мягкого согласного перед /j/.

[35] Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960, стр. 126—127.

[36] Интересно в данном плане и наблюдение А. Б. Пеньковского о том, что в говорах западной брянщины ассимиляция, которой подвергаются передне-язычные согласные, не распространяется на *л* и *р* (см.: А. Б. Пеньковский. Ассимилятивные изменения согласных по твердости—мягкости в говорах западной Брянщины. «Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. Герцена», 1958, № 173, стр. 252).

Карта 9

Согласные в соответствии сочетаниям согласных с /j/:

1 — отмечено произношение удвоенного согласного — *сви/н'н'á/* (вместо прямой линии см. линию с ресничками); *2* — территории, на которых произношение удвоенных согласных является исключительным; *3* — отмечено произношение неудвоенного согласного при отсутствии */j/—сви/н'á/*

При отсутствии варианта *t't'* диалектное произношение *t'* без /*j*/ преобладает в соответствии сочетаниям /*н'j*/ и /*т'j*/.

В пределах территории «Атласа русских народных говоров северо-западных областей СССР» наличие согласного без /*j*/ и без удвоения как единственного диалектного варианта отмечено в десяти нас. п. и в 17 нас. п. в сосуществовании с *t't'*. Территория данного атласа является для рассматриваемого явления периферийной: здесь проходит его северная граница. На данной территории полностью проанализирован материал тех нас. п., где отмечено диалектное произношение. Анализ показал, что на этой территории как при наличии сосуществования двух вариантов диалектного произношения, так и при единственном диалектном варианте (согласный без /*j*/ и без удвоения) преобладания одних согласных по сравнению с другими не наблюдалось. При сосуществовании вариантов *t'* и *t't'*, /*н'*/ в соответствии /*н'j*/ — 9 прим. в восьми нас. п.; /*т'*/ — 10 прим. в девяти нас. п., /*л'*/ — 2 прим. из двух нас. п. и 1 случай /*ч'*/.

При отсутствии варианта *t't'*: /*н'*/ — 9 прим. в семи нас. п., /*т'*/ — 5 прим. в четырех нас. п., /*д'*/ — 2 прим. в двух нас. п., /*л'*/ — 2 прим. в одном нас. п. и единично /*р'*/ и /*ч'*/. Та же картина наблюдается и на территории северного наречия — в массиве островного распространения явления.

Сопоставив данные анализа по различным территориям сказать можно следующее:

1) Диалектное произношение в соответствии сочетанию «согласный+/*j*/» чаще всего наблюдается при согласных /*н'*/ и /*т'*/.

2) На территории наибольшей интенсивности явления вариант *t'* в сочетаниях /*н'j*/ и /*т'j*/ преобладает по сравнению с другими согласными в том случае, если он отмечен как единственный диалектный вариант. Если он отмечен в сосуществовании с *t't'* заметного преобладания *t'* именно в соответствии сочетаниям /*н'j*/ и |*т'j*/ не замечено.

3) На территории периферии явления, т. е. на территории северо-западного тома Атласа преобладание варианта *t'* в соответствии /*н'j*/ и /*т'j*/ не зависит от наличия или отсутствия в данном говоре также и диалектного варианта *t't'*.

4) Закономерность явления, выступающая на данной периферийной территории, полностью разделяют говоры с *t't'* (*t'*) в пределах северного наречия.

Произношение *t'* в соответствии *t'j* может свидетельствовать об «отходе» от явления *t't'*, (особенно если в том же нас. п. отмечается и *t'j* и *t't'*), но может быть отражением самостоятельной фонетической закономерности — утраты /*j*/ вследствие ослабленности его звучания, в этом случае оно должно наблюдаться в безударных слогах при сохранении *t'j* в ударенных слогах в том же говоре [37]. Такое объяснение на первый взгляд естественно для примеров с *t'* в севернорусских говорах, т. к. именно им свойственно такое «ослабленное» звучание /*j*/ (следствием чего и считается в них утрата /*j*/ с последующим стяжением гласных в интервокальном положении) [38]. Однако против такого объяснения могут свидетельствовать следующие соображения:

1. Употребление *t'* в севернорусских говорах основывается на той же закономерности соотношения примеров с *t't'* и *t'*, что и на всей остальной территории русских говоров, что указывает на отсутствие связи с качеством самого /*j*/.

2. Наличие особого качества /*j*/ в данных говорах должно найти проявление в каких-либо других чертах фонетической системы данных говоров. Выпадение /*j*/ в интервокальном положении не показательно в этом отношении, так как его ослабление может определяться именно положением между гласными.

3. Если *t'* из *t'j* появлялось в результате утраты /*j*/, имевшего ослабленную артикуляцию непосредственно из *t'j*, то это значит, что стадии *t't'* в соответствующих говорах не было. Однако, как мы видим, территории *t'* и *t't'* не разграничены. Если все же рассматривать изменение *t'j* > *t'* как не связанное с изменением *t'j* > *t't'*, то каждое из них может получить объяснение на основании теории субстрата. По поводу такого предположения следует сказать следующее:

1) На территории русского севера повсеместно можно ожидать проявление пережитых связей с иноязычным, неславянским населением, т. е. повсюду можно ожидать *t't'*, если признать такое произношение иноязычным.

2) Из неславянских языков, влияние которых на русские говоры можно ожидать в пределах северного наречия, явление удвоенных согласных известно только коми-пермяцкому языку. Таким образом, *t't'* такого происхождения мы вправе ожидать в местах локализации

[37] Именно на основании наличия такой закономерности Л. Андреева объясняет произношение *t'* в западнобелорусских говорах утратой /*j*(*i̯*)/.

[38] См.: О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. «Энциклопедия славянской филологии», вып. 5. СПб., 1910, стр. 80; Он же. Об исчезновении междугласного *i*, *j*. «Сборник, посвященный Ф. Ф. Фортунатову». Варшава, 1902, стр. 134 и др.

коми-пермяков. Однако такой локализации не наблюдается.

Проявление особого качества /j/ в условиях близких к рассматриваемому можно видеть в наблюдении, сделанном Л. Л. Касаткиным при изучении явления прогрессивной ассимиляции *к*[39]. Он заметил, что в севернорусских говорах встречаются системы, имеющие /*к*'/ после парных мягких согласных и /*к*/ — после /j/. Сопоставление нас. п.[40] с данной закономерностью прогрессивного ассимилятивного смягчения *k* с нас. п., отражающими наличие *t*' в соответствии с *t*'*j* показывает что:

1. При наличии *t*' как единственного диалектного варианта из 29 нас. п. произношение *t*'*к*' — *jк* отмечено в двух (343, 355) нас. п., а *t*'*к*' — *jк*' — в одном нас. п. (325).

2. При наличии сосуществования *t*'/*t*'*t*' из 33-х нас. п. произношение *t*'*к*'—*jк* не отмечено ни в одном нас. п., а произношение *t*'*k*'— *jк*' — в одном нас. п. (650).

Вместе с тем при наличии только *t*'*t*' из 102 нас. п. произношение *t*'*к*'—*jк* отмечено в пяти нас. п. (296, 366, 708, 383 и 648).

Таким образом, данное сопоставление не может служить аргументом в пользу того мнения, что *t*' в соответствии *t*'*j* является в этих говорах следствием особого качества /j/ и, следовательно, не является причиной возникновения этого произношения.

Должно быть рассмотрено также предположение о том, что *t*' в соответствии *t*'*j* может объясняться ослабленностью и отпадением /j/ в безударных слогах, где и должно было бы наблюдаться преобладание *t*' (при сохранении *t*'*j* в случаях ударенных). Материал говоров северного наречия был просмотрен и с этой точки зрения. Оказалось, что в говорах, где отмечено *t*' в качестве единственного диалектного произношения, это *t*' встречается в безударных слогах действительно значительно чаще, чем в слогах ударенных (на 29 нас. п. 39 случаев в безуд. слогах и семь — в ударенных). Однако сами по себе эти цифры не столь разительны, чтобы опровергнуть все высказанные соображения в пользу того мнения, что *t*' в севернорусских говорах является отражением «отхода» от *t*'*t*'. Кроме того, как показывает материал, количество слов с сочетанием *t*'*j* в безударном положении вообще значительно превышает количество ударенных случаев. Соотношение примеров с *t*' в безударных и в ударенных слогах в говорах запада[41] (т. е. тех, где предполагать особое качество /j/ нет оснований) то же самое (на 16 нас. п. с *t*' в качестве единственного диалектного варианта 28 примеров в безударных слогах и шесть — в ударенных).

Таким образом, анализируя материал говоров северного наречия мы также с очевидностью можем убедиться в том, что структура данного явления одна и та же, как на западе, так и на севере.

Итак, в результате рассмотрения характера распространения изучаемого явления на территории русского языка и анализа закономерностей его существования можно сделать следующее заключение:

1. Характер структурных особенностей изучаемого явления отражает единообразие его развития и существования в пределах всех его ареалов, в настоящее время оторванных друг от друга.

2. Первоначальным очагом возникновения явления следует, очевидно, считать южные (юго-западные) территории общерусского языка — как территории, где раньше начался процесс утраты редуцированных. Фактором способствовавшим развитию явления можно считать близость артикуляции переднеязычных согласных и /j/ в говорах южной территории и особенности в развитии категории твердости—мягкости.

3. Интенсивность явления на территории юго-западных говоров и четкость языковой границы, отделяющей говоры с *t*'*t*' от говоров с *t*'+/j/ может объясняться включением данной территории в течение длительного времени в границы Великого княжества литовского, где это явление сохранилось в лучшей степени, чем на других территориях, хотя возникновение явления возможно отнести и ко времени, предшествовавшему отрыву юго-западных земель.

Подобному датированию явления в общем не противоречат и данные памятников письменности, хотя явление ассимиляции согласных с /j/ отражено в них слабо. Первые «описки», позволяющие видеть в них отражение наличия рассматриваемого явления в живом произношении писцов, встречаются в южнорусских памятниках с XIII в., в западнорусских — с XIV в., а в Смоленских — с XV в. В памятниках XVII—XVIII вв. количество примеров увеличивается. Немногочисленность примеров

---

[39] Л. Л. Касаткин. Прогрессивное ассимилятивное смягчение *к* в русских народных говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии», новая серия, т. III. М., 1962, стр. 54.

[40] На материале западной половины территории «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы».

[41] На материале «Атласа русских народных говоров юго-западных областей РСФСР».

в памятниках, объясняют трудностью передачи данного звучания на письме. За отражение *t't'* исследователи памятников принимают: пропуск ь без удвоения согласных, написание ь между буквами, обозначающими согласный с последующим гласным.

Первый случай написания в памятниках удвоенной буквы в соответствии *tъj* зафиксирован в Галицко-Волынском евангелии Берковича — XIV в.: *осуженню*. В памятниках XV—XVI вв. отмечено: *обвезаннѣ*, *вымовленнѣ* — Присяга воеводы Стефана. 1462 г.; *браття* — Студийский устав XV в.; *в копанни*, *отношенне* — Описание Черкасского замка. 1552 г.; *христьтянского* — Привилей Казимира, 1457 г.; *братанню* — Летопись вел. кн. Литовских по Увар. списку XV в. и др.[42]

Таким образом можно предполагать, что в живом произношении удвоенный согласный в соответствии новому сочетанию согласный $+j$ в XIV в. был уже представлен очевидно достаточно широко и что его распространение не уменьшается, а расширяется на протяжении последующих веков.

Диалектный вариант с *t'* без удвоения и без /*j*/ с очевидностью отражает стадию «отхода» и «затухания» процесса произношения удвоенного согласного в соответствии сочетанию «согласный$+$/*j*/», не нашедшего соответствующего места в фонологической системе говоров.

§ 5. Смычно-проходные боковые сонорные согласные

В пределах русского диалектного языка могут быть выделены два основных типа употребления названных согласных в зависимости от физического качества фонем, выступающих в положении перед гласными: первый тип, представленный различением ‹*л*›—‹*л'*› и второй — различением ‹*l*› — ‹*л'*›. При наличии чередования ‹*л*› или ‹*l*› с губно-губным спирантом /*w*/ в конце слова и слога могут быть намечены разновидности каждого из этих типов, которые обозначаем как ‹*л*› *(w)* — ‹*л'*› или ‹*l*› *(w)* — ‹*л'*›.

Тип ‹*л*› — ‹*л'*› характеризуется противопоставлением смычнопроходных боковых ‹*л*› и ‹*л'*› тех же, что и в русском литературном языке, причем выступающий в составе этой пары согласный /*л*/ характеризуется той своеобразной особенностью, что при его образовании наряду с артикуляцией кончика языка к альвеолам, где образуется переднеязычный смык, имеет место напряжение спинки языка, по своему характеру близкое к тому, которое имеется при артикуляции лабиализованных гласных /*о*/ и /*у*/, что и придает этому согласному особую твердость, в связи с чем его характеризуют как звук велярный по своему характеру. Согласные ‹*л*› и ‹*л'*› различаются в соответствующих говорах и литературном языке во всех положениях в слове, кроме положения перед /*е*/и /*ê*/, где всегда выступает ‹*л'*› и положения перед /*ô*/, где возможно только ‹*л*›[43]: /*л*/*áпа* — /*л'*/*áмка*, /*л*/*óкоть* — /*л'*/*од*, /*л*/*ук* — /*л'*/*ýбит*, /*л*/*ы́ко* — /*лú*/*хо*, но /*лé*/*зет* и /*лê*/*с* — только с мягким /*л'*/, /*лô*/*дка*, *се*/*лô*/ — только с твердым ‹*л*›; *во*/*л*/*нá*, *во*/*л'*/*нá*, *пó*/*л*/*зать* — *пó*/*л'*/*за*, *сто*/*л*/ — *пы*/*л'*/.

Разновидность ‹*л*› (*w*) — ‹*л'*› характеризуется тем, что при различении перед гласными в соответствующих говорах тех же смычно-проходных боковых согласных ‹*л*› — ‹*л'*› в положении перед согласными и на конце слова наблюдаются случаи чередования с /*w*/. Это чередование имеет при наличии разновидности ‹*л*› *(w)* — ‹*л'*› в большинстве случаев непоследовательный характер, т. к. ограничено определенными условиями морфологического или лексического характера и потому не является в большинстве соответствующих говоров собственно фонетическим. Особенно регулярно чередование ‹*л*› — /*w*/ наблюдается в глаголах прошедшего времени: *да*/*л*/*á*, *но да*/*w*/ и под., а также в конце слога перед согласным после предшествующего гласного /*о*/ — *дó*/*л*/*ог*, но *дó*/*w*/*го*. Кроме того в подобных говорах отмечают наличие /*w*/ в соответствии ‹*л*› и вне чередования в случаях типа *во*/*w*/*к*, *тó*/*w*/*стый*, *сто*/*w*/*б* и под. (т. е. в словах с др.—р. сочетанием ъл между согласными, а в современном языке в положении после лабиализованного гласного /*о*/). Наличие /*w*/ в подобных словах расширяет сферу употребления этого спиранта. Чередования ‹*л*› — ‹*w*› не наблюдается таким образом в именах существительных с конечным *л* — *сто*/*л*/, *по*/*л*/ и т. п., в случаях типа *палка* (исторически с редуцированным ъ после сонорного — *палъка*), имеющих в современном языке формы с беглым /*о*/ — *пá*/*л*/*ка* — *пá*/*л*/*ок*). Однако

[42] Л. А. Булаховський. Питання походження української мови. Київ, 1956, стр. 158; О. Н. Безпалько, М. К. Бойчук и др. Історична граматика української мови. Київ, 1957, стр. 158; Е. Ф. Карский Белорусы, стр. 282—293 (Материал извлечен из канд. дисс. Л. Андреевой, стр. 157).

[43] В говорах, где имеются фонемы ‹*ê*›, ‹*ô*›.

в ряде современных говоров, представляющих разновидность ⟨л⟩ *(w)* — ⟨л'⟩ чередование ⟨л⟩ — /w/ отмечают и в этой последней группе случаев, например: *пá/л/ок — пá/w/ка, игó/л/ок — игó/w/ка, гá/л/ок — гá/w/ка.* Наиболее редкими по говорам являются случаи типа *сто/л/á — сто/w/, пó/л/а — по/w/* и под., встречающиеся однако в отдельных говорах, наряду со случаями типа *иго/w/ка.* В таких говорах, разновидность ⟨л⟩ *(w)* — ⟨л'⟩ освобождается от присущей ей ограниченности чередования, приобретающего таким образом фонетический характер.

Второй тип употребления смычно-проходных боковых сонорных — ⟨*l*⟩ — ⟨л'⟩, наблюдается в говорах, где в соответствии *л* велярному (литературного языка и других говоров) выступает согласный особого типа /*l*/ «среднее» или «европейское». От соответствующего ему в литературном языке твердого или велярного *л* этот звук отличается тем, что при его образовании отсутствует веляризация, обусловленная подъемом к мягкому небу задней спинки языка, характерная для твердого *л* в литературном языке. На слух согласный /*l*/ производит впечатление среднее между твердым и мягким *л.* Этот тип связан с различением фонем ⟨*l*⟩ — ⟨л'⟩, находящихся в тех же отношениях, что и твердые—мягкие парные согласные вообще: */l/áпа — /л'/áмка, /l/óкоть — /л'/од, /l/ук — /л'/ýбит, /l/ыко — /лú/хо,* но */лé/зет* и */лê/с, /lô/дка, се/lô/*[44]; *во/l/нá — вó/л'/на, пó/l/зать — пó/л'/за, сто/l/ — пы/л'/.* По говорам, представляющим тип ⟨*l*⟩ — ⟨л'⟩, часто наблюдается отмечаемая многими наблюдателями факультативность употребления /*l*/: в ряде ответов подчеркивается наличие /*l*/ только в речи отдельных лиц, при колебании в употреблении /*l*/ и /*л*/ и в этих случаях; отмечают также обычно и различия в степени палатализации /*l*/ среднего по говорам.

При разновидности ⟨*l*⟩ *(w)* — ⟨л'⟩ наблюдается регулярное чередование /*l*/ с ⟨*w*⟩ в позиции перед согласными в середине слова и на конце слов: *сто/l/á* (род. ед.) — *сто/w/, да/l/á — да/w/, мы́/l/ась — мы́/w/ся; пá/l/очка — пá/w/ка; бé/l/ок* (род. п. мн. ч.) *бé/w/ка, дó/l/ог — дó/w/го.* Изредка по говорам отмечают наряду с преобладающими случаями произношения /*w*/ и произношение /*л*/ в том же положении, которое может указывать на сохранение более архаических ограничений. Иной смысл имеет, видимо, произношение /*l*/ в том же положении: *сто/l/, да/l/, мы/l/ся, пá/l/ка, бé/l/ка, дó/l/го,* связанное с развитием некоторых более поздних процессов[45]. Мягкое *л* не имеет чередований в указанных положениях: *пы/л'/, бо/л'/, дá/л'/ний, бо/л'/шóй* и под.

Обратимся к различиям в характере территориального размещения описанных типов и разновидностей употребления смычно-проходных боковых согласных.

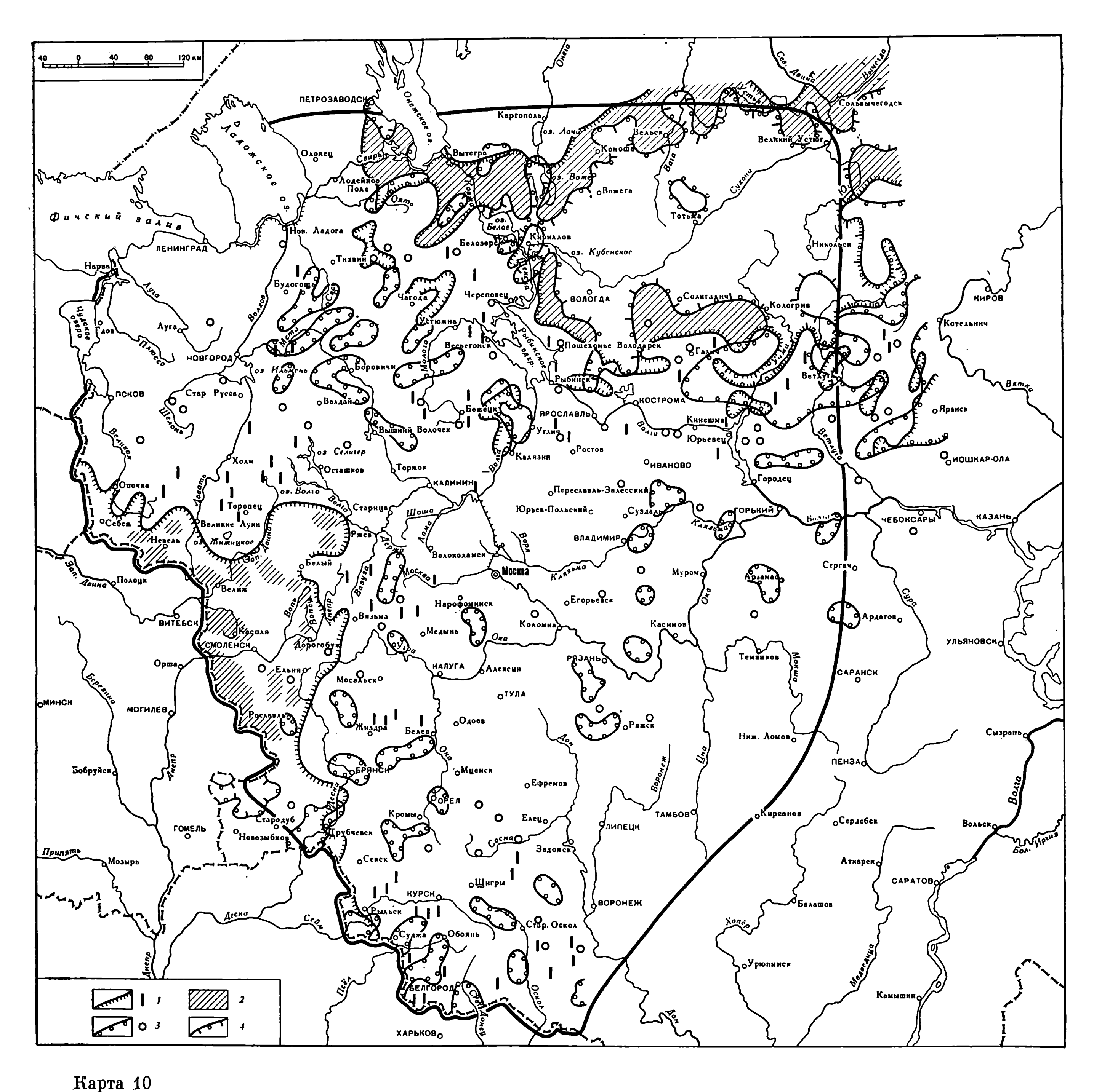
На приведенной карте не получило специального обозначения распространение первого типа — ⟨л⟩ — ⟨л'⟩, представленного на всей той территории, которая остается за пределами распространения диалектных явлений, связанных с употреблением смычно-проходных согласных и показанных на карте, т. е. почти на всей территории южного наречия, за исключением его наиболее западной части, на территории среднерусских говоров и на отдельных частях территории северного наречия, преимущественно расположенных в его западной и южной части.

Разновидность ⟨л⟩ *(w)* — ⟨л'⟩ распространена в западной части территории южного наречия в основном до 34° в. д. Характерная для нее нерегулярность и морфологическая ограниченность чередования ⟨л⟩ — /*w*/ (*да/w/, дó/w/го* и под., но *сто/л/, пá/л/ка* и под.) в ряде современных говоров устранена, и чередование этого рода приближается по своему характеру к фонетическому. Такова выделенная штриховкой часть говоров на основной территории распространения ⟨л⟩ *(w)* — ⟨л'⟩; имеются ареалы чередования ⟨л⟩ с /*w*/, не ограниченного морфологически и на территории западной части сев. наречия. Кроме того, такое чередование известно по периферии северо-восточного ареала распространения разновидности ⟨*l*⟩ *(w)* — ⟨л'⟩ (см. ниже). Произношение /*l*/ среднего, как правило, не свойственно говорам западной части южного наречия, на территории которых распространена разновидность ⟨л⟩ *(w)* — /л'⟩, см. лишь единичные ареалы различения ⟨*l*⟩ — ⟨л'⟩ в южной части этой территории. В таких говорах (при характерном для них употреблении /*l*/ в ограниченном количестве случаев) складываются отношения, напоминающие разновидность ⟨*l*⟩ *(w)* — ⟨л'⟩, но отличающиеся именно упомянутой ограниченностью чередования. В связи с тем, что отношения такого рода наблюдаются в единичных

---

[44] В говорах, где различаются фонемы ⟨ê⟩ и ⟨ô⟩.

[45] Подробные данные, характеризующие существование данного явления в современных говорах, а также интерпретацию ряда происходящих процессов, см.: В. Н. Теплова. Звуки /*л*/, /*l*/, /*ў*/ на месте этимологического *л* твердого и их место в фонологических системах севернорусских говоров. — В сб. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967.

Карта 10

Произношение смычно-проходных боковых сонорных согласных и их чередования:

1 — распространение разновидности ⟨л⟩(*w*)—⟨л'⟩ (штриховкой выделены территории, на которых чередование /*л*/ с /*w*/ является более широким); *2* — распространение типа ⟨*l*⟩—⟨л'⟩; *3* — распространение разновидности ⟨*l*⟩(*w*)—⟨л'⟩

говорах, они не учитывались нами при типологии интересующего нас явления.

Говоры, в которых распространен тип ‹*l*›—‹*л*’›, не занимают сплошной территории, мелкие ареалы такого различения известны почти по всей территории распространения типа ‹*л*› — ‹*л*’›. Если учесть, что различение ‹*l*› — ‹*л*’› как таковое характерно также для говоров весьма значительных северо-восточных территорий (при основной для них разновидности ‹*l*› *(w)* — ‹*л*’›, то можно считать, что говоры с различением ‹*l*› — ‹*л*’› (независимо от наличия или отсутствия чередования ‹*l*› с *(w)* характерны, если иметь в виду общее размещение разрозненных ареалов, скорее все-таки для всей более восточной части говоров русского языка в Европейской части СССР в противоположность западным говорам, в пределах которых можно указать значительную территорию, на которой ареалы ‹*l*› — ‹*л*’› совершенно не встречаются.

Различение ‹*l*› — ‹*л*’› при чередовании ‹*l*› с *(w)*, т. е. разновидность ‹*l*› *(w)* — ‹*л*’› характерна для значительного массива восточной части северного наречия, при этом в связи с тем, что ареал чередования с /*w*/ является более широким, чем ареал различения ‹*l*› и ‹*л*’›, получается, что массив распространения разновидности ‹*l*› *(w)* — ‹*л*’› окружен узкой полосой говоров, знающих разновидность ‹*л*› *(w)* — ‹*л*’› при морфологически неограниченном чередовании ‹*л*› с /*w*/.

Вместе взятые, показания лингвистической карты дают материал для суждения о процессах, пережитых изучаемой группой согласных. Наиболее характерное диалектное явление, наличие /*w*/ в соответствии фонеме ‹*л*› того или иного образования, распространено в настоящее время на северо-востоке и юго-западе территории русского языка, где ареал этого чередования сливается с ареалом того же явления, охватывающим почти всю территорию белорусского языка[46].

Как уже говорилось, в восточной части сев. наречия произношение /*w*/ наблюдается в большинстве случаев при различении ‹*l*› — ‹*л*’›. Однако, как правильно уже указывалось исследователями [47], чередование с /*w*/ было бы необъяснимым, если мыслить изменение среднего ‹*l*› в билабиальный /*w*/ в конце слова и слога. Такое изменение возможно только для твердого велярного /*л*/, так как именно при образовании этого согласного имеется, как уже говорилось выше, напряжение задней спинки языка, с которым связано в свою очередь и губное напряжение, чем и объясняется возможность замены задненебной артикуляции губной и наоборот. Поэтому можно считать, что разновидности ‹*l*› *(w)* — ‹*л*’›, распространенной в говорах сев. наречия, предшествовала разновидность ‹*л*› *(w)* — ‹*л*’›, т. е. в принципе та же, что и в говорах юго-запада.

Самостоятельность процесса замены /*л*/ на /*l*/ доказывается и наличием таких говоров, в которых наблюдается различение ‹*l*› и ‹*л*’›, но отсутствует чередование с /*w*/ (см. на карте значительное количество мелких ареалов этого различения. Подчеркнем также, что на северо-востоке ареал различения ‹*l*› и /*л*’/ ýже чем ареал чередования смычнопроходных боковых согласных с /*w*/, за счет чего территория разновидности /*l (w)*/ — /*л*’/ оказывается как бы окруженной говорами с разновидностью ‹*л*› *(w)* — ‹*л*’›. Можно предположить, что развивавшееся позднее (чем чередование /*л*/ с /*w*/) явление замены /*л*/ на / *l* / не достигло в своем распространении пределов всей той территории, на которой известно чередование с /*w*/.

При сделанных допущениях можно считать, что чередование с /*w*/ (для фонемы ‹*л*› любого образования), наблюдаемое в белорусском языке, юго-западных и северо-восточных говорах русского языка, может считаться единым с генетической точки зрения, оно возникало как результат изменения твердого велярного *л* в губно-губной спирант в определенных условиях и случаях. Изложенные данные не дают основания согласиться с Н. Н. Дурново, который писал, что «С-в-р диалектический переход *л* твердого не стоит в связи с таким же малорусско-белорусским переходом» [48].

Наблюдаемые в настоящее время различия в широте этого чередования (ограниченного в белорусском языке и юго-западных говорах и фонетического в северных говорах) могут считаться вторичными, поскольку и в белорусском языке [49] и в юго-западных говорах русского языка отчетливо прослеживается, во всяком случае действовавшая до недавнего времени, тенденция расширения этого чередования и его превращения в фонетическое (см. выше). При таком взгляде на генезис чередования /*л*/

[46] См. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы, карта № 40.

[47] А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири, (в дальнейшем: А. М. Селищев. Диалектологический очерк. . .). Иркутск, 1921, стр. 185. Р. И. Аванесов. Очерки. . ., стр. 169, 176.

[48] Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка (в дальнейшем — Н. Н. Дурново. Очерк истории. . .). М., 1924 г., § 213, стр. 180.

[49] Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964, стр. 138.

с /*w*/ можно видеть в возникновении этого чередования отражение той общности тенденций языкового развития, которая долго сохранялась в среде той части восточнославянского населения, которая занимала западные территории распространения русского языка (Смоленское, Полоцкое, Новгородское княжества) в отличие от той части, которая издавна обосновалась восточнее на Ростово-Суздальской территории. Возможно сделать при этом предположение, что изменение /*л*/ в /*w*/ по крайней мере в его первоначальном, более ограниченном виде, имело место в период, следующий за падением редуцированных в XIII, не позднее первой половины XIV в., т. е. до того, как произошло расчленение западных земель на более южные и северные.

Как известно, А. А. Шахматов датировал изменение /*л*/ в /*w*/ XV веком, опираясь на то, что оно характерно только для украинского и белорусского языков в отличие от русского, т. е. не располагая данными говоров сев. наречия. Приводя примеры мены /*л*/ и /*w*/ из западных и южнорусских грамот, А. А. Шахматов замечает однако при этом: «. . . но едва ли правильно заключать отсюда, что это явление так поздно установилось в живой речи: письмо было стеснено и графическими навыками и этимологическими соображениями» [50].

Судя по наличию разрозненных и мелких ареалов, находящихся между юго-западным и северо-восточным ареалами чередования ‹*л*› или ‹*l*› с /*w*/ и по наличию единичных разрозненных говоров, в которых также известно это чередование, можно предполагать, что первоначальная юго-западная территория распространения /*w*/ в соответствии /*л*/ была более широкой в северной части, в связи с чем явление было известно не только населению Смоленского и Полоцкого, но и значительной части Новгородского княжества, т. е. на территориях, с которых шло заселение северных областей и часть которых, с другой стороны, вошла в состав Белоруссии.

Значительно более поздним было, видимо, изменение /*л*/ в /*l*/, результаты которого так широко распространены в восточной части северного наречия. В определенной части говоров возникавшее различие /*l*/ — ‹*л*'› наслоилось на сложившуюся к тому времени систему ‹*л*› (*w*) — ‹*л*'›, заменив /*л*/ на /*l*/ лишь в тех положениях, где /*л*/ не изменилось ранее в /*w*/, т. е. перед гласными. Наблюдаемые в современных северо-восточных говорах спорадические случаи произношения /*l*/ в конце слова и слога, видимо, связаны с переходом к литературному языку: при устранении чередования с /*w*/ говорящие произносят вместо губного спиранта согласный /*l*/ являющийся, у них заместителем *л*.

Появление /*l*/ в северо-восточных говорах уже рассматривалось, как явление иноязычного происхождения, идущее из языка — субстрата [51]. Не отрицая возможности такого объяснения, обратим внимание на то, что тенденция изменения /*л*/ в /*l*/ не была, видимо, чужда всей широкой восточной части говоров русского языка, о чем свидетельствует наличие мелких ареалов этого явления, имеющих рассеянное распространение на всей территории этих говоров, что одновременно может, наряду с охарактеризованным выше отношением к процессу изменения /*л*/ в /*w*/ указывать на более поздний характер перехода /*л*/ в /*l*/, рано заторможенного воздействием литературного языка. Этим же может объясняться и та непоследовательность, факультативность распространения /*l*/ в среднерусских и южных говорах, которую регулярно отмечают наблюдатели и те различия в образовании /*l*/ по степени его палатализации, которые складывались в условиях развития явления на мелких разобщенных территориях.

В развитии /*l*/ из /*л*/ могла сказаться та, известная и другим славянским языкам и действовавшая в них в весьма различные периоды, тенденция, в результате которой: звук /*л*/ «. . .утратил свое альвеолярно-корональное образование и перешел в ряд так называемого европейского *l*» [52]. В говорах русского языка эта тенденция начала свое действие во всяком случае после того, как достаточно определенно дал себя знать отрыв западных земель. Этого явления не отмечают ни в белорусском языке, ни в юго-западных говорах русского языка, оно могло развиваться в русских говорах с конца XIV или с XV в.

§ 6. Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных

Явление прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных в русских народных говорах, заключается в том, что задненебные согласные, находясь в положении после мягких согласных, смягчаются сами, напр., *Ва́/н'к'а/*, *лю/л'к'а/*, *ма́ле/н'к'а/й*, *ча/йк'у́/*, *до́/ч'к'а/*.

[50] А. А. Шахматов. Очерк. . ., стр. 308.

[51] Р. И. Аванесов. Указ. соч., стр. 171.

[52] С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков, стр. 300.

Данное явление существует в разных говорах в виде разных структурных разновидностей, которые прежде всего определяются тем, наблюдается ли смягчение задненебных после всех или не после всех и каких именно мягких согласных. Наблюдаются также различия, связанные с тем, что охват задненебных согласных при этом смягчении бывает разным, что зависит от наличия в говорах /г/ взрывного или /γ/ фрикативного: в говорах с /г/ взрывным ассимилятивное прогрессивное смягчение свойственно всем задненебным, в том числе и /г/ взрывному. В говорах с /γ/ фрикативным смягчению подвергается главным образом задненебная фонема ‹к›, так как фрикативное /γ/ ассимилятивному прогрессивному смягчению в этих говорах не подвергается. Структурные разновидности ассимилятивного прогрессивного смягчения имеют довольно определенную территориальную приуроченность, связанную, как это покажет дальнейший анализ материала, с историей образования и бытования этих структурных разновидностей в говорах. Основой выделения разновидностей прогрессивного смягчения задненебных, выраженных в моделях, послужило наличие или отсутствие такого смягчения после мягких непарных по твердости—мягкости согласных /j/ /ч'/ /ш'/, так как в положении после любой парной по твердости—мягкости согласной во всех русских говорах, которым свойственно ассимилятивное прогрессивное смягчение задненебных во всех его разновидностях, имеется результат этого смягчения. При этом качество парной мягкой согласной не имеет никакого значения. См. об этом в работе Л. Л. Касаткина [53], который убедительно объясняет разницу в частоте употребления смягчения после разных парных по твердости—мягкости согласных разной степенью самой частоты употребления слов с соответствующими согласными, предшествующими задненебной. В связи с этим, при рассмотрении разновидностей изучаемого явления можно пользоваться моделями, в которых любой мягкий парный будет обозначаться знаком *t'*, а непарные мягкие согласные будут обозначены по их реальному звучанию, т. е. /j/, /ч'/, /ц'/, /ш'/ и под., причем для аффрикаты *ч* будет указываться ее физическое качество или качество заменяющих ее согласных.

Вопрос об охвате ассимилятивным смягчением всех или только части задненебных согласных, и о причинах неполноты их охвата, будет рассмотрен отдельно, т. к. имеет лишь дополнительное значение для характеристики моделей, поэтому ниже буква *к* будет символом любого задненебного согласного, поскольку именно *к* является обязательным компонентом всех разновидностей ассимилятивного смягчения задненебных.

Таблица 1

	Задненебные после парных мягких согл.	Задненебные после *j*	Задненебные после звуков на месте *ч*				
			мягких			твердых	
			ч'	*ц'*	*ш'*	*ч*	*ц*
Iа	*t'k'*	*jk'*	*ч'к'*	—	—	—	—
Iб	*t'k'*	*jk'*	—	*ц'к'*	—	—	—
IIа	*t'k'*	*jk'*	—	—	—	*чк*	—
IIб	*t'k'*	*jk'*	—	—	—	—	*цк*
III	*t'k'*	*jk'*	—	—	*ш'к*	—	—
IV	*t'k'*	*jk*	*ч'к*	—	—	—	—

В качестве основных могут быть намечены четыре модели (обозначаемые в дальнейшем римскими цифрами). См. табл. 1.

Наряду с основными моделями имеются и промежуточные (в некоторых случаях не вполне достоверные) модели, распространенные в отношении их местоположения обычно между ареалами двух самостоятельных моделей, если они являются переходными по своему характеру от одной модели к другой, или имеющие рассеянное распространение в пределах ареалов основных разновидностей, что свидетельствует обычно об утрате последовательности основной модели. Такими промежуточными и несамостоятельными по своему характеру моделями являются модели, обозначаемые в дальнейшем арабскими цифрами (См. табл. 2).

Модель I (а и б) представлена на территории двумя ареалами в соответствии двум ее вариантам: на юге, в говорах с различением *ч'* и *ц* имеется ареал ее варианта а), занимающий восточную часть южного ареала прогрессивного смягчения, взятого в целом; на севере, в говорах с неразличением аффрикат и совпадением их в мягком /ц'/ распространен вариант б).

Модель II, в сущности являющаяся разновидностью I модели, зависящей от физического качества аффрикаты, имеет также два ареала:

[53] Л. Л. Касаткин. Прогрессивное ассимилятивное смягчение *к* в русских народных говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии», новая серия, т. III. М., 1962, стр. 56, 57.

Таблица 2

	Задненебные после парных мягких согл.	Задненебные после *j*	Задненебные после звуков на месте *ч*				
			мягких			твердых	
			ч'	*ц'*	*ш'*	*ч*	*ц*
1	*t'k'*	*jk'*	—	*ц'к*	—	—	—
2	*t'k'*	*jk'*	*ч'к*	—	—	—	—
3	*t'k'*	*jk*	*ч'к — ч'к'*	—	—	—	—
4	*t'k'*	*jk' — jk*	*ч'к — ч'к'*	—	—	—	*цк*
5	*t'k'*	*jk'*	*ч'к — ч'к'*	—	*ш'к*	—	—

ареал ее варианта а), находящийся на юге, примыкает с востока непосредственно к ареалу модели Iа; модель IIа свойственна главным образом говорам с неразличением *ч'—ц* и совпадением их в твердом /*ц*/. Модель IIб распространена в говорах северного наречия с твердым /*ч*/ на территории около Боровичей—Тихвина.

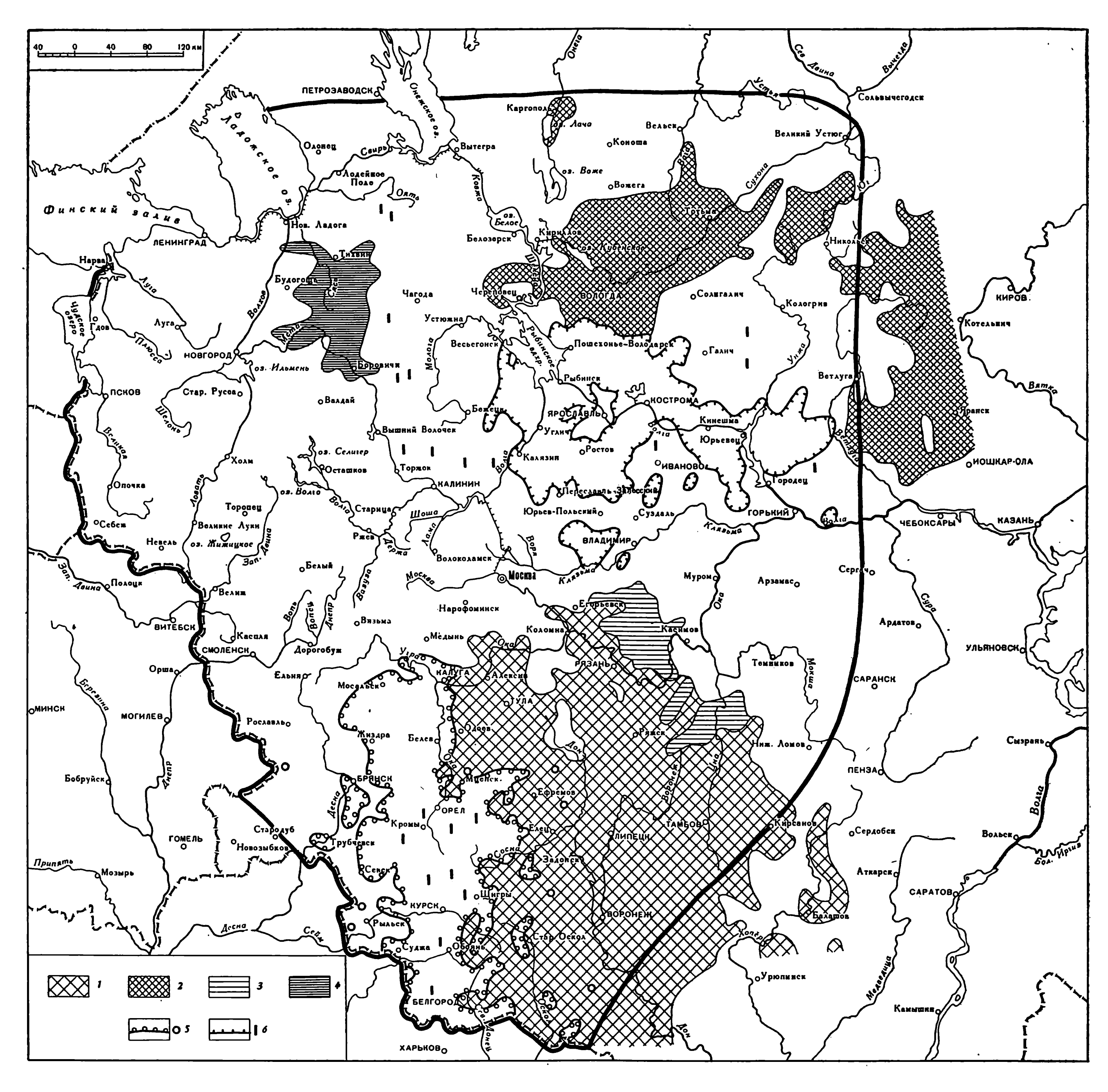
Модель III распространена в западной части общего южного ареала данного явления и больше нигде не встречается, кроме единичных говоров, находящихся восточнее Воронежа.

Модель IV распространена в юго-западной части северного ареала, в говорах с различением *ч'—ц* (см. карту 11).

Что касается промежуточных или переходных моделей, то первая из них (*t'k'*, *jk' — ц'k*) расположена в говорах около Тотьмы (северная часть северного ареала) среди говоров, для которых в основном характерна модель Iб; вторая и третья переходные модели отмечены в говорах ярославско-владимирских на территории распространения основной модели IV. Эти переходные модели отмечают лишь в отдельных говорах, и выражены они обычно не отчетливо: часто в говорах с моделью 2 (*t'k'*, *jk' — ч'k*) отмечают и отдельные случаи с *ч'k'*, а в говорах с моделью 3 (*t'k'* — *jk* — *ч'k'*//*ч'k*) случаев *ч'к* обычно больше, чем *ч'k'*. Наличие таких колебаний свидетельствует о том, что модели имеют несамостоятельный, промежуточный характер, сложившийся при отходе от основной для говоров модели IV. Промежуточная модель 4 встречается на востоке южного ареала, обычно при наличии твердого цоканья. Наряду с ней возможны разновидности: *t'k'*, *jk'*//*jk — цк*, *t'k'—jk — ч'к'*//*цк*. Пятая модель (*t'k'*, *jk' — ч'к'*//*ч'к — ш'к*) распространена на территории между ареалами моделей III и Iа и является, по существу, переходной между ними, так как отмечается в говорах с наличием /*ч'*/ наряду с /*ш'*/ на месте *ч'*.

Могут быть указаны и некоторые дополнительные особенности, рассмотренных основных моделей. Так при наличии в говорах основной модели I в обоих ее вариантах прогрессивное смягчение задненебных является в говорах очень последовательным, лексически неограниченным и сохраняется как устойчивая черта. Кроме того, главным образом именно на этих территориях наблюдается нефонетическое расширение смягчения, когда мягкое *к*, представляющее собой суффикс имен, встречается, хотя обычно и в единичных случаях, после твердых шипящих согласных или после твердых парных согласных, напр. *руба́/шк'а/*, *ма́/шк'а/*, *ко́/шк'а/*, *ло́/шк'а/*, *карто́/шк'а/*, *насе́/тк'а/*, *Ве́/рк'а/* и др., при сохраняющемся наряду с этим твердым произношением *к* в тех же положениях, что свидетельствует о превращении явления ассимилятивного смягчения из фонетического в явление лексико-морфологическое для ряда говоров [54]. Нельзя сказать, чтобы суффикс *-к-* при нефонетическом смягчении его в виде /*к'*/ закреплялся за определенной категорией слов в каждом отдельном говоре, так как факты его смягчения всегда остаются непоследовательными; относительно чаще это смягчение наблюдается при наличии параллельно существующего фонетически закономерного смягчения в таких уменьшительных именах собственных как *Ко́/л'к'а/*, *Ма́/н'к'а/*, наряду с которыми появляются и случаи типа *Ве́/рк'а/*, *Ни́/нк'а/* и т. д. В говорах северного ареала отмечены также случаи нефонетического смягчения *к* и в таком типе слов как *вяза́н/к'а/*, *корзи́н/к'а/* и под., для которых нет параллельных форм с *-к-* после /*н'*/. Такие случаи почти не встречаются в пределах южного ареала (впрочем, не исключено, что существительные типа *вязанка* продуктивнее на севере). От этих случаев нефонетического смягчения *к* следует отличать фонетически закономерное смягчение *к* после мягких шипящих, отмечаемое при модели Iб (/*де́вуш'к'а*/ — БСТ 272, /друг друж'к'у/ — БСТ 1056) и не смешивать его со смягчением *к* после твердых шипящих согласных, которое встречается как в говорах южного, так и северного ареалов (при наличии в них модели I) в единичных случаях наряду с /*к*/: ср. в одном из говоров северной территории: *Ми́/шк'/я*, *ко́/шк'/я*, *руба́/шк'/я*, но /*ло́шка*/, *Ми́/шк/а*, *Ма́/шк/а*, /*л'а́шка*/, /*ч'а́шка*/ — БСТ

[54] Перечень слов с мягким /*к'*/ после твердого согласного см. в названной статье Л. Л. Касаткина.

Карта 11

Модели ассимилятивного прогрессивного смягчения задненёбных согласных:

1 — Iа—t'k', jk', ч'к'; 2 — Iб—t'к', jк', ц'к'; 3 — IIб—t'к', jк', цк; 4 — IIа—t'к', jк', чк; 5 — III—t'к', jк' — ш'к; 6 — IV—t'к' — jк, ч'к

329; ср. и в одном из говоров в пределах южного ареала *лб/шк'/я*, *немно́/шк'/я* — *ко́/шк/а*, *карто́/шк/а* — V 735.

Среди говоров, в которых распространена модель Ia, встречается смягчение *к* после /*ч*/ твердого, употребляемого наряду с /*ч*'/ при различении аффрикат *ч* и *ц*, что свидетельствует о позднем, по сравнению с ассимилятивным смягчением, отвердении аффрикаты *ч* в этих говорах. В отличие от этого в курско-орловских говорах, где распространена модель III, совершенно не отмечают случаев нефонетического смягчения *к* ни после твердых шипящих [55], ни после парных твердых согласных [56], в чем заключается отличительная особенность прогрессивного смягчения в этих говорах, свидетельствующая об особом генезисе в них этой черты. В этих говорах последовательно проведен принцип прогрессивного смягчения *к* только в положении после парных по твердости—мягкости мягких согласных и /*j*/ ср.: *до́/ш'ка/*, *пе́/ш'ка/* при *ча/йк'у́/*, *лё/н'к'а/* и под., чем объясняется и полное отсутствие смягчения *к* после /*ш*'/, выступающего на месте аффрикаты /*ч*'/. Лишь очень редко в словах с аффрикатой *ч*, проникших из соседних говоров или из литературного языка, а также в единичных переселенческих говорах с отсутствием /*ш*'/ на месте /*ч*'/, что показывает неисконность их носителей на данной территории, может быть отмечено произношение /*к*'/ после /*ч*'/.

Случаи нефонетического употребления /*к*'/ после твердых согласных (но не после шипящих) в говорах, где распространена модель IV, отмечают очень редко. В говорах, где распространена модель II, отмечают те же случаи нефонетического смягчения *к*, как и в говорах с моделью I. При этом следует иметь в виду, что само наличие этой модели устанавливается обычно без достаточной определенности, что связано, с одной стороны, с окраинным положением ареала этой модели, где явление находится в состоянии утраты и, с другой стороны, с утратой в этих говорах неразличения аффрикат и появлением мягкого варианта аффрикаты, в связи с чем в них иногда отмечается и смягчение *к* после мягкой аффрикаты, вновь появившейся в этих говорах. Особенностью этих говоров является также частое отсутствие ассимиляции после /*j*/ при наличии ее после парных по твердости—мягкости согласных, особенно если она слабо выражена в говоре. Создается впечатление, что в говорах с утратой прогрессивного смягчения положение после /*j*/ является наиболее слабым и мало устойчивым.

В говорах, знающих прогрессивное смягчение, заднеёбных, наблюдаются различия также в зависимости от того, на какие из заднеебных согласных распространяется это явление. При этом надо, конечно, иметь в виду и то, что круг слов, представляющих положение *t'k*, несравненно более широк особенно за счет употребления слов с суффиксом *-к-*, чем круг слов с *t'г* и *t'x*, в составе которого употребительны: *Ольга*, *деньга́ми*, а также *кочерьга́*, *четверьга́*, *дёрьгать* (если только в говоре эти слова произносятся с *р* мягким); *ольха́* (если в данной местности известно это дерево), а также *вёрьх* (*свёрьху*, *наверьху́*) (если только это слово произносится с *р* мягким). При наличии твердого *р* в указанных случаях возможность употребления в говорах сочетания *t'г* еще более сужается, а употребление *t'x* и вовсе может отсутствовать. С учетом указанных ограничений лексического характера можно сказать, что в говорах северного ареала прогрессивному ассимилятивному смягчению подвергаются все заднеебные согласные; только незначительностью лексического состава, содержащего *г* и *x* в положении после мягких согласных, объясняется то, что в пределах северного ареала территория распространения прогрессивного смягчения согласных *г* взрывного и *x* меньше, чем территория распространения прогрессивного смягчения *к*.

В отличие от этого в говорах южного ареала прогрессивное ассимилятивное смягчение фактически представлено смягчением одного только заднеебного согласного — *к*. Смягчения *x* в этих говорах нет в связи с тем, что лексемы, в которых бы согласный *x* находился после мягкого согласного, в языке практически отсутствуют.

Что же касается возможности смягчения /*γ*/, то случаи такого смягчения совершенно не характерны для южных территорий; их если и отмечают, то как совершенно единичные на самой северной периферии южного ареала смягчения заднеебных [57]. Таким образом, выделяются говоры северного наречия и восточные среднерусские говоры с *г* взрывным, для кото-

[55] См. «Атлас русских народных говоров юго-западных областей», карта № 70.

[56] См. перечень таких материалов в названной статье Л. Л. Касаткина.

[57] Произношение имени *Ольга*, как *О́/л'йа/* известно исключительно в говорах с взрывной, а не фрикативной звонкой заднеебной фонемой ‹г›, что является свидетельством особой судьбы этого слова в таких говорах. См.: Л. Л. Касаткин. О фонеме /γ/ в северноpусских говорах в связи с историей произношения /j/ в имени Олья (Ольга). — В сб. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967, стр. 177—193.

рых характерна возможность, по крайней мере потенциальная, смягчения всех задненебных; в отличие от них для говоров южного наречия с /γ/ фрикативным характерно смягчение не всех задненебных, а только *к* и потенциально *х*.

Отсутствие ассимилятивного смягчения /γ/ фрикативного может объясняться тем, что его палатализация привела бы к иному фонетическому и фонологическому результату, чем палатализация задненебных взрывного образования. Так, следует иметь в виду, что согласные *к*, *г* при смягчении заменяются особыми среднепалатальными звуками /*к*'/, /*г*'/, не совпадающими ни с какими другими мягкими согласными фонемами, в то время, как при смягчении /γ/ образуется среднепалатальный фрикативный звук, совпадающий с фонемой /*j*/. В таком случае в соответствующих системах возникали бы парные по твердости—мягкости согласные (γ—*j*), а парные согласные ассимилятивному прогрессивному смягчению не подлежали. Замена /γ/ на /*j*/ при палатализации свидетельствуется как памятниками письменности, так и современными диалектами, где отмечена передача сочетаний ги, ге как /*ju*/, /*je*/.

Итак, фонетический закон, в результате которого возникало ассимилятивное смягчение задненебных и о котором мы можем судить только по результатам его действия, первоначально вызывал прогрессивную ассимиляцию только непарных твердых согласных при воздействии на них соседних мягких только парных согласных, чем и объясняется отсутствие смягчения /γ/ фрикативного. При этом важно, что отсутствие смягчения /γ/ наблюдается при любой модели прогрессивного смягчения задненебных в говорах южного наречия, т. е. не только при модели III, при которой ассимилирующее воздействие оказывают только парные мягкие согласные, но и при наличии модели I, при которой задненебные смягчаются под влиянием любого предшествующего мягкого согласного. Это важно иметь в виду при установлении генезиса явления в говорах, где распространены модели III и I.

* * * * *

Рассмотрение основных моделей — разновидностей прогрессивного ассимилятивного смягчения, особенностей их территориального распространения и вопроса охвата всех или части задненебных этим явлением позволяет поставить некоторые вопросы о современном и историческом соотношении этих разновидностей.

Исследователи русского языка давно обратили внимание на данную диалектную особенность, отраженную в Московских и др. памятниках письменности, начиная с XV в.[58] Однако ее разновидности не были полностью установлены и описаны вплоть до последнего времени. Так, только в работе Л. Л. Касаткина[59] впервые описана модель, обозначенная в нашей таблице IV — *t'k' — jk*, *ч'к*. Имеются разногласия в трактовке возникновения отдельных моделей. Так, возникновение модели III (*t'k'*, *jk'* — *ш'к*), с характерным для нее отсутствием смягчения после /*ш*'/, объясняли на основе вторичного распространения данного явления на этой территории[60]. При этом Д. К. Зеленин объясняет отсутствие смягчения после /*ш*'/ тем, что первоначально прогрессивная ассимиляция задненебных происходила только после парных мягких согласных и /*j*/, а потом позднее, после /*ч*'/. С. И. Котков объяснял особенности данной разновидности также тем, что она распространилась здесь позднее, с востока, когда данные говоры потеряли затвор аффрикаты. Л. Л. Касаткин, справедливо указывающий на недостаточность их объяснения, в своих работах не приходит еще к положительному решению вопроса и даже удаляется от него, так как основывается на представлении о том, что для осуществления ассимилятивного прогрессивного смягчения важна только физическая мягкость предшествующего согласного. Такая предпосылка заставляет его искать в прошлом полумягких, в отличие от мягких, согласных, после которых бы задненебные не смягчались (*j* или *ч* для модели IV). Объяснить же наличие в настоящее время модели III при использовании этой предпосылки ему не удается. Против понимания модели III как вторичной, свидетельствует самый характер соответствующего явления на территории ее бытования. Известно, что фонетические явления, распространенные в говорах вторично, часто расширяют закономерность, присущую явлению первоначально при его возникновении. Если считать разно-

---

[58] Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течением позднейшей колонизации. «Изв. ОРЯС», т. XX, 1915, кн. 3; С. И. Котков. Заметки по консонантизму курско-орловских говоров. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания (АН СССР)», т. 2. М., 1952.

[59] Л. Л. Касаткин. Прогрессивное ассимилятивное смягчение *к* в русских народных говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии», новая серия, т. III. М., 1962.

[60] Ср.: Д. К. Зеленин. Указ. соч.; С. И. Котков. Указ. соч.

видность III позднейшей, то остаются непонятными характерные для нее ограничения: отсутствие смягчения после /*ш'*/ на месте /*ч'*/ [61]. Противоречит пониманию этой модели как вторичной и отсутствие при ее наличии случаев нефонетического смягчения *к*.

Таким образом, опираясь на положение, что смягчение задненебных развивалось первоначально после всех мягких согласных вне зависимости от того, были ли они парными по твердости — мягкости или нет, нельзя было бы объяснить существование различных моделей прогрессивного ассимилятивного смягчения. Действительно, как мы указывали в самом начале, всем говорам русского языка, которым известно изучаемое явление, независимо от того, какая конкретная модель в них сложилась, свойственно это смягчение в положении после парных по твердости—мягкости согласных вне зависимости от качества парной мягкой согласной. Имеющиеся разновидности смягчения, при наличии в говорах мягкой аффрикаты /*ч'*/, (/*ш'*/); /*ц'*/, различаются только в зависимости от того, имеется или отсутствует в говорах смягчение после непарных мягких согласных, а если смягчение в данных условиях имеется, то после каких непарных согласных оно выступает. Поэтому, исходя из имеющихся в современных говорах моделей ассимилятивного прогрессивного смягчения и особенностей его бытования в говорах, скорее можно прийти к выводу о том, что, по крайней мере, в момент возникновения этого явления в русских говорах оно происходило только после тех мягких согласных, которые были парными фонемами по твердости—мягкости. При этом ассимилятивное смягчение распространялось только на твердые фонемы, непарные по мягкости, каковыми были в то время (и во многих говорах остаются и сейчас) только твердые задненебные согласные *к*, *г* взрывное и *х*. В историческом плане можно выделить только две разновидности моделей ассимилятивного прогрессивного смягчения: разновидность со смягчением задненебных только после парных мягких согласных: *t'k' — ч'k*, где *t'* — всякая мягкая парная согласная, *ч'* — всякая мягкая непарная согласная фонема, и разновидность смягчения задненебных после всякого мягкого согласного независимо от парности и непарности его по твердости—мягкости: *t'k'*, *ч'к'*. При этом явление распространялось только на те задненебные, которые при смягчении не совпадают с другими фонемами (именно поэтому фрикативный /*γ*/ ассимилятивному смягчению не подвергается). С этой точки зрения, современные модели IV явления — *t'k' — jk*, *ч'к* и III — *t'k'*, *jk' — ш'к* представляют в историческом плане одну модель — *t'k' — ч'к*, если считать, что в говорах с моделью III-ей /*j*/ является парной мягкой согласной, т. е. составляет по твердости—мягкости пару с /*γ*/.

Современная же модель I — *t'k'*, *jk'*, *ч'к'*) представляет исторически другую модель — *t'k'*, *ч'к'*, указывающую на смягчение задненебных после всех мягких согласных [62]. Такая группировка моделей объясняет, почему после /*j*/ и мягкой аффрикаты /*ч'*/ или /*ш'*/ вместо /*ч'*/ в некоторых говорах не происходило смягчения задненебных. Это зависело только от того, что в ряде говоров смягчение осуществлялось только после парных мягких фонем. Аффриката /*ч'*/ была непарной мягкой во всех говорах, а относительно /*j*/ положение было разным: в южных говорах этот согласный, видимо, имел парную твердую согласную фонему, которой была фонема ⟨*γ*⟩.

Наличие пары по мягкости—твердости /*γ*/—/*j*/ объясняет и наличие смягчения после /*j*/ при отсутствии его после /*ш'*/ в курско-орловских говорах и отсутствие смягчения после /*j*/ и после /*ч'*/ в говорах ярославско-владимирских, где фонема ⟨*j*⟩ не имела парной твердой, т. к. в этих говорах было взрывное ⟨*г*⟩.

Таким образом, разновидности *t'k'*, *jk'* — *ш'к* при наличии /*γ*/ и *t'k' — jk*, *ч'к* при наличии /*г*/ взрывного являются исторически одной разновидностью. Характерно также, что только в пределах этих разновидностей встречаются говоры, в которых ассимилятивное прогрессивное смягчение выражается в настоящее время

[61] Данная разновидность могла бы объясняться только тем (см. В. Г. Орлова. «История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров». М., 1959), что в этих говорах было /*ч*/ (твердое) в то время, когда это явление распространялось в них. Однако при этом остается открытым вопрос о соотносительном времени возникновения этого явления и времени возникновения звука /*ш'*/ на месте /*ч*/ в этих говорах, а также вопрос о том, почему ассимилятивного смягчения не происходило в говорах потом, когда появилось там /*ш'*/.

[62] Модель *t'k'*, *jk' — цк*, отмечаемую в говорах с твердой аффрикатой, можно рассматривать и как вариант модели I, так как отличия ее от модели *t'k'*, *jk'*, *ч'к'* объясняются только твердостью аффрикаты. В пределах южного ареала данные разновидности соседят: разновидность *t'k'*, *jk' — цк* находится на восточной и северо-восточной окраине ареала. При этом ее ареал совпадает в основном с распространением в этих говорах твердого цоканья, которое с востока захватывает ареал ассимилятивного смягчения задненебных. Поэтому о возникновении этих разновидностей можно говорить как о едином процессе в плане историческом.

переходным смягчением задненебных, т. е. на месте /к'/, а для северного ареала /к'/ и /г'/ после парных мягких согласных произносится /т'/, в северном ареале /т'/ и /д'/ (например, *Ва́/н'т'а/*, *Со́/н'т'а/*, *де́/н'ди/* и под.).

В результате рассмотрения всех данных можно прийти к следующим выводам: 1. Ареал ассимилятивного прогрессивного смягчения не имел в прошлом такого большого разрыва, какой наблюдается в настоящее время между северным и южным ареалами; этот разрыв появился позднее в связи с процессами утраты явления. 2. Разновидность ассимилятивного смягчения, которая представлена в настоящее время в курско-орловских и владимирско-ярославских говорах, является основной, исконной и наиболее ранней. 3. Разновидности, которые распространены по периферии ареалов основных моделей, являются более поздними. К таким разновидностям относится модель *t'k'*, *jk'*, *ч'к'* *(ц'к')*, распространенная на севере северного ареала (Вологодской области) и на востоке южного ареала. Окраинный характер территории этой разновидности показывает, что первоначальный фонетический закон утрирован при ее реализации, устранен его первоначальный принцип, в связи с чем и появляется возможность смягчения задненебных после всякого мягкого согласного, а также возможность нефонетического расширения смягчения за счет лексики с мягким /к'/ после твердых согласных, отсутствующее или почти отсутствующее в говорах, где распространены III и IV модели. 4. Границы явления в южной части северного ареала являются неопределенными, так как само явление находится здесь в стадии утраты. Однако, можно думать, что распространение IV модели в говорах связано в основном с ростово-суздальскими говорами. Границы южного ареала более определенные. Поэтому можно сказать, что модель III почти полностью соответствует в своем распространении историческим границам Верховских княжеств, а модель I в пределах южного ареала — границам Рязанского княжества [63]. Такой характер распространения моделей ассимилятивного смягчения задненебных более всего соответствует периоду конца XIV в., когда Московское княжество становится главенствующим в Ростово-Суздальской земле, приобретает южные земли — Коломну, Можайск, Тулу и ряд городов и земель Верховских княжеств, в то время как Рязанское княжество остается еще самостоятельным и обособленным до второй половины XV в. Видимо, в это время и возникает ряд новых процессов в складывающемся русском языке в том числе и явлений, ставших впоследствии диалектными. К таким явлениям относятся некоторые явления, связанные с развитием категории мягкости—твердости согласных и с процессами ассимиляции по мягкости—твердости. Центром этих процессов было складывающееся Московское государство. Московские памятники XV в. широко отражают явление ассимилятивного смягчения. Трудно установить, имелось ли в XIV в. это явление в Рязанском княжестве, а потом утратило в нем свой исконный характер (во время изолированного существования Рязанского княжества в XV в.) или это явление распространялось на территории Рязанского княжества в конце и после XV в. и сразу стало отличаться от первоначального тем, что осуществлялось после всех мягких согласных и характеризовалось возникновением случаев нефонетического смягчения *к*.

Можно предполагать, что и в рязанских говорах явление ассимилятивного прогрессивного смягчения задненебных носило первоначально тот же характер, что и на курско-орловской территории и что расширение условий смягчения вплоть до его возможности после всех мягких согласных относится к позднейшему периоду. Так можно думать потому, что фактически только смягчение задненебных после /ч'/ отличает рязанскую разновидность от курско-орловской. Другие особенности, свойственные курско-орловской разновидности (модель III), как-то: ассимилятивное смягчение только *к* и не смягчение /γ/ (при отсутствии слов на положение *t'х*) смягчение *к* после /j/ являются общими для всех говоров южного наречия.

На территории севера можно предполагать и второй путь — расширение явления, утратившего свой первоначальный принцип. Отсутствие этого явления в Костромских говорах (правое течение бассейна Ветлуги) может объясняться отсутствием там полного смягчения согласных: в этих говорах и в настоящее время отмечаются полумягкие согласные.

§ 7. Переходное смягчение задненебных согласных *к* и *г* [64]

При переходном смягчении задненебных согласных на их месте в позиции смягчения произ-

[63] С этими границами совпадают и границы ряда других языковых черт, в частности ареалу модели III — *t'k'*, *jk'* — *ш'к* соответствует почти полностью ареал утраты затвора в аффрикатах.

[64] Фрикативный глухой *х* при смягчении ни с какой другой фонемой не совпадает, поэтому в отношении его нельзя говорить о «переходном» смягчении.

носятся средненебные или даже переднenебные звуки, которые при этом могут совпадать с различными средненебными или переднeнебными фонемами. Так, на месте взрывных задненебных /k'/, /г'/ в указанной позиции произносятся передненебные /т'/, /д'/ или средненебные /т'к'/, /д'г'/. На месте звонкого фрикативного задненебного /γ'/ в той же позиции может произноситься /j/, напр., /йе/ра́нь, /йе/кта́р и под. Звук /j/, который выступает в результате переходного смягчения /γ/, очень близок по месту и способу образования, а также по звучанию к /ɣ'/. Поэтому вопросы о смягчении /ɣ/ и о качестве звука на месте /γ'/ следует рассматривать отдельно и в связи с судьбой /ɣ'/, а не в связи с вопросом о переходном смягчении взрывных задненебных *к*, *г*.

Твердые непарные по мягкости—твердости *к—г* смягчаются в двух фонетических позициях:

1) В положении перед гласными переднего ряда (во всех говорах русского языка); */к'/исе́ль, ру́/к'/и, ру/к'/е́* и под.;

2) В положении после мягких согласных (в части говоров): *Ва́/н'к'а/, лю/л'к'а/* и под. Соответственно в указанных фонетических позициях возможного смягчения задненебных могут развиваться разные типы переходного смягчения. При наличии I типа наблюдается произношение /т'/, /д'/ на месте /к'/, /г'/ перед гласными переднего ряда во всех без исключения словах и во всех положениях в слове: и при чередованиях в пределах слов (напр., *рука́ — ру/т'/е́, нога́ — но́/д'/и*) и вне чередований в корнях слов: */т'/и́слый, /т'/ино́, /д'/екта́р*.

Разновидность I типа переходного смягчения, условно именуемая в дальнейшем как тип II, наблюдается, если оно выступает только в корнях слов: */ти́/слый, /ти/пе́л, /те́/пка, /ти/но́, /де/кта́р, /д/ита́ра* и под., но *ру/ке́/, но/ге́/* и под.

Лексический состав разновидности I типа не очень велик. Наиболее часто встречающиеся слова с /т'/: *кино, ки́слый, кипе́ть* (и разные образования с этим корнем: *кипято́к, на́кипь* и под.), *кисе́ль, кирпи́ч, киломе́тр, скирд, килогра́мм, ке́пка, ки́нуть, казаки́н, кинжа́л, табаке́рка, керога́з, кероси́н, кисть, жаке́тка, мяки́на*. Единично отмечены слова: *Кири́лл, Кишинёв, Мики́шка, кишки́, кит, секи́р, ки́чка* и некоторые другие, более единичные. Случаи с /д'/ на месте /г'/, относящиеся к разновидности I типа и встречающиеся в разных отдельных говорах лексически очень ограничены. Это главным образом: *гекта́р, а́нгел, арха́нгел, венге́рка, гипю́р, гита́ра*.

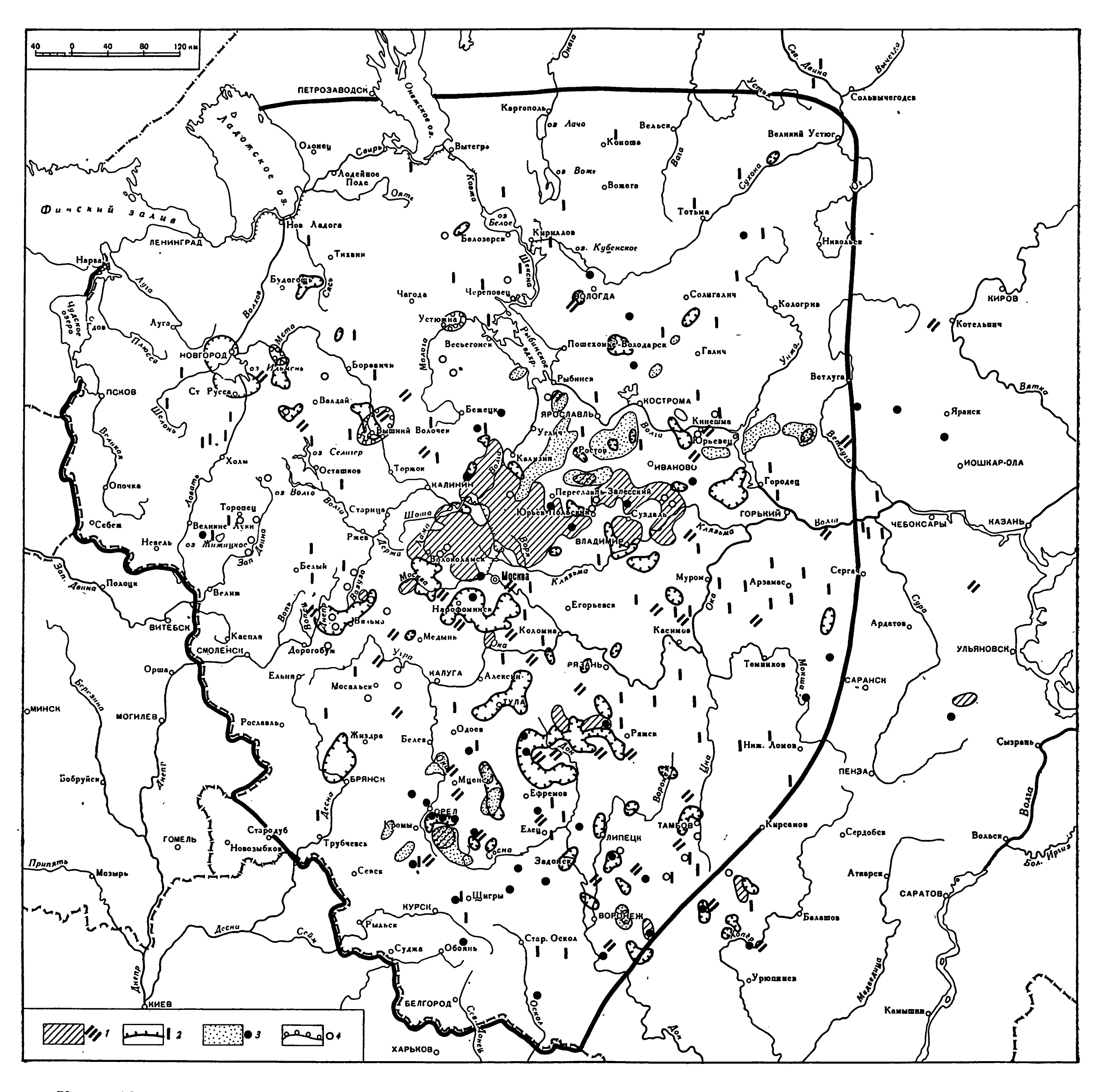
При третьем типе переходное смягчение наблюдается в позиции после мягких согласных, где результатом прогрессивного смягчения являются не /к'/—/г'/, а /т'/—/д'/. Этот тип не имеет разновидностей, связанных с ограничениями лексического характера. Переходное смягчение наблюдается во всех словах, в которых позиционная мягкость задненебного согласного постоянна при всех формах словоизменения, поскольку она появляется в результате мягкости предшествующего согласного корня или основы слова. Напр.: *Ва́/н'/ка > Ва́/н'т'/я; Ва́/н'/ки > Ва́/н'т'/и; Ва́/н'/ку > Ва́/н'т'/ю; лю/л'/ка > лю/л'т'/я, лю/л'т'/ю; ма́ле/н'/кий > ма́ле/н'т'/ий* и под. Слов с *г* после исконно мягкой согласной значительно меньше, ср. *О/л'д'/я, де/н'д'/ями* и под. (см. карты 12, 13).

Анализ приведенных карт показывает, что произношение /д'/ на месте /г'/ встречается гораздо реже, чем /т'/ на месте /к'/.

Это объясняется прежде всего тем, что на территории южного наречия смягчение /γ/, имеющего фрикативное образование, связано уже не с переднеязычным /д'/ или среднеязычным /д'г'/, а со среднеязычным /j/. Отсутствие смягчения /γ/ и указывает на то, что в период развития переходного смягчения фонема ‹г› имела фрикативные образования. Единичные в говорах южного наречия слова с /д'/ на месте /г'/ фиксируют или в говорах переселенцев или в словах, заимствованных и усвоенных с согласной /д'/ (таких, напр., как *а́н/д'/ил, арха́н/д'/ил*) или, наконец, в новых словах типа */д'/имн, /д'/ипю́р* и под., где /д'/ на месте /г'/ появляется в результате желания произнести звук /г'/, чуждый языку говора.

На территории с *г* взрывным более редкое употребление слов с /д'/ на месте /г'/ чем слов с /т'/ на месте /к'/, объясняется их меньшей употребительностью. Это особенно отчетливо прослеживается в ярославско-поволжских говорах, где распространен III тип переходного смягчения, ограниченный действием прогрессивного ассимилятивного смягчения, которое в основном касается согласного *к*, представленного в качестве суффикса с уменьшительным, ласкательным или уничижительным значением в широком круге слов, в то время как случаи с прогрессивным смягчением *г* лексически весьма ограничены. Однако, хотя в говорах с *г* взрывным случаев с /д'/ на месте /г'/ количественно и меньше, территориально они распространены параллельно с /т'/ на месте /к'/.

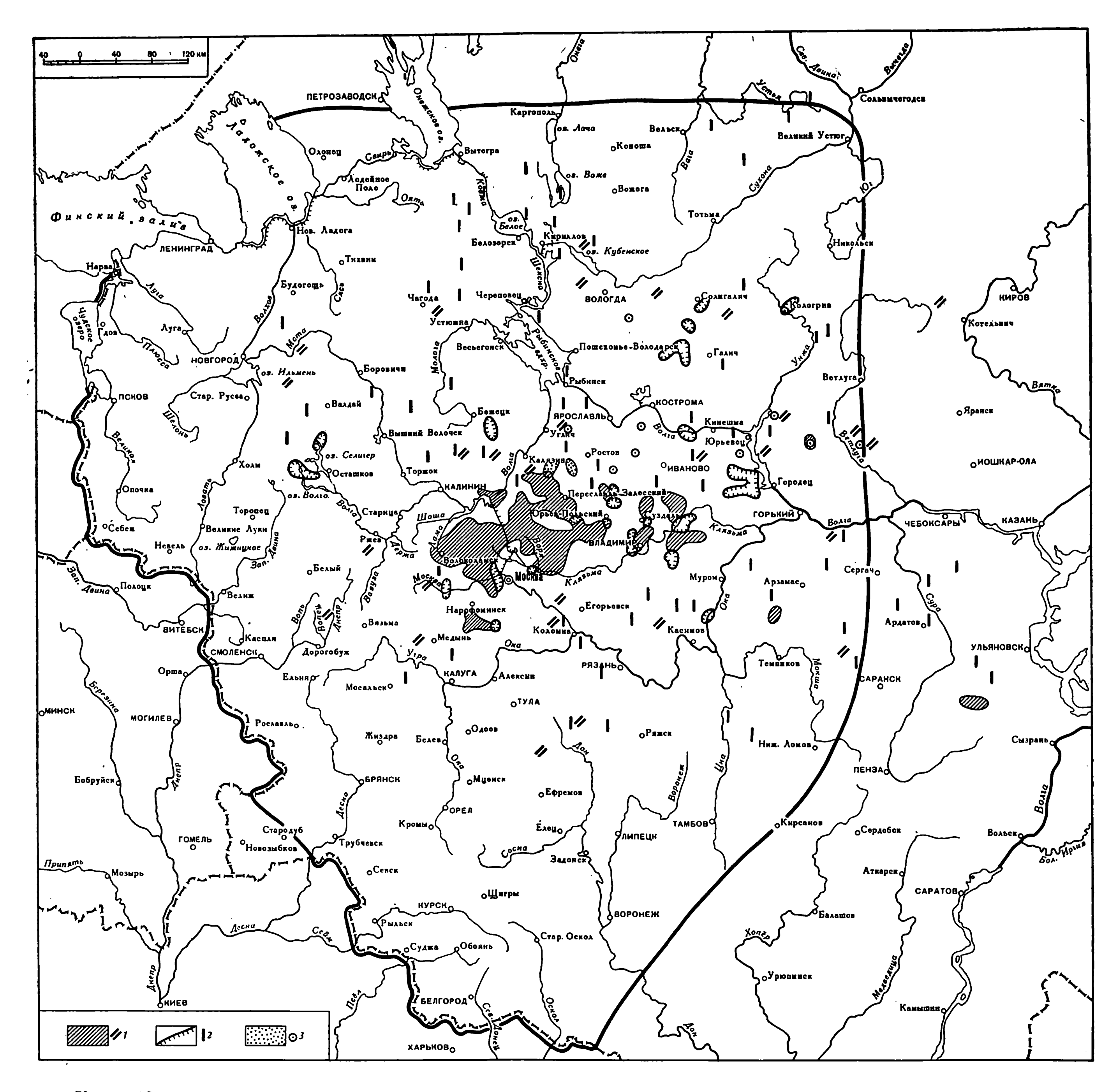
На картах прослеживаются также различия в характере распространения каждого из типов переходного смягчения.

Карта 12

Типы переходного смягчения задненебного *к*:

1 — I тип: */тй/слый. . . ру́/ти/. . .*; *2* — II тип: */тй/слый. . .*; *3* — III тип: *Ва́/н'т'/я. . .*; *4* — Случаи произношения */к'/* на месте *т'* (*/к'/е́сто, /к'/етра́дь* и под.)

Карта 13

Типы переходного смягчения задненебного *г*:

1 — I тип: (*нó/д'и/. . .*; *2* — II тип: */д'и́/бель. . .*; *3* — III тип: *де/н'д'á, коче/р'д'á/* и под.

1) Основной ареал I типа переходного смягчения, при котором оно наблюдается как для *к*, так и для *г*, находится в говорах к северу от Москвы, для которых характерно наличие *г* взрывного. В пределах южного наречия нет определенного ареала переходного смягчения I типа даже для задненебного *к*, его смягчение отмечают там лишь в единичных разрозненных говорах, большая часть которых, вероятнее всего, позднее появилась на данной территории, о чем свидетельствует наличие в ряде из них /г/ взрывного.

2) Распространение отдельных слов с /т'/ и /д'/ на месте /к'/ и /г'/ в корнях слов (II тип) наблюдается на территории с *г* взрывным, но не севернее Вологды и Тихвина и западнее Новгорода (где они могут встретиться лишь единично). В пределах распространения /γ/ отмечают только слова с /т'/ на месте /к'/ при этом главным образом в центральной и восточной частях территории южного наречия, а не в западной его части.

3) Слова с /т'/ на месте /к'/ и /д'/ на месте /г'/ в положении после мягкого согласного (тип III) отмечены не во всех говорах, знающих прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных, а только в тех, в которых распространена модель *t'к' — jк, ч'к* (ярославские говоры), или модель *t'к', jк' — ш'к* (Орловские говоры). При этом при переходном смягчении III типа обычно наблюдается соответствие моделям прогрессивного смягчения соответствующих говоров: *Ва́/н'т'а/, лю/л'т'а/, Ва́/р'т'а/*, но *ча/йк/у́, до́/ч'к/а* — для ярославского ареала говоров и *Ва́/н'т'а/, лю/л'т'а/, Ва́/р'т'а/, ча/йт'у́/*, но *до́/ш'к/а* для орловских говоров. Необходимо подчеркнуть, что переходное смягчение III типа распространено не в тех говорах, в которых представлено переходное смягчение I типа, имеющее фонетически закономерный характер.

При этом, это относится не только к южным говорам, где переходное смягчение только согласного *к* отмечено в рассеянном распространении, но и к северным говорам, где ареалы переходного смягчения III типа непосредственно примыкают к расположенному с юга от них основному ареалу переходного смягчения I типа. Тем самым следует отметить внутреннее сходство в распространении и самих условиях существования III типа переходного смягчения в северных и южных говорах. Переходное смягчение III типа, если и может сочетаться, то со случаями II типа, представленными в единичных словах, а не с имеющим фонетически закономерный характер переходным смягчением I типа.

Обращаясь к характеру распространения и существования переходного смягчения в пределах его отдельных ареалов следует отметить, что ряд говоров, находящихся на территории основного ареала I типа, не знает совсем переходного смягчения, а в ряде других говоров на той же территории оно отмечено лишь в корнях слов (II тип). Кроме того, во всех говорах с наличием переходного смягчения I типа зафиксирована и утрата явления, при которой оно, не теряя своего фонетического характера убывает количественно: в речи говорящих появляются /к'/, /г'/. Бывают и такие случаи, когда это явление как фонетическое сохраняется лишь у небольшой части населения говора. В тех рассеянных говорах, в которых отмечено наличие I типа переходного смягчения, оно по существу уже не имеет фонетического характера, так как выступает в очень ограниченном количестве случаев. Так, например, в некоторых говорах переходное смягчение на стыках морфем отмечается только в форме мн. ч.: *сапо/ди́/* или *ступе́/н'ти/* и под.

III тип переходного смягчения лексически ограничен, он представлен кругом слов, в которых возможно прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных. Его распространение не характеризуется образованием сплошных ареалов хотя и имеет ярко выраженные территории преимущественного распространения (см. выше). Данный тип почти никогда не существует в говоре, как единственный вариант произношения, а всегда наряду с /к'/, /г'/ или /к/, /г/ в том же положении. В последнем случае, когда только переходное смягчение III типа свидетельствует об имевшемся в прошлом ассимилятивном прогрессивном смягчении, его можно считать лексикализованной формой проявления переходного смягчения.

Одним из существенных и сложных вопросов при рассмотрении явления переходного смягчения задненебных является вопрос о качестве звуков, произносимых на месте /к/, /г/. В большинстве записей эти звуки передаются как /т'/, реже /т'к'/ на месте /к'/ и как /д'/, реже /д'г'/ на месте /г'/, причем остается неясным, совпадают ли эти звуки (/т'/, /д'/ на месте /к'/, /г'/) с мягкими переднеязычными фонемами *т'*, *д'* или не совпадают, являясь особыми среднеязычными взрывными звуками, образующимися вследствие продвижения артикуляции *к*, *г* вперед при палатализации взрывных задненебных согласных. Эти вопросы требуют еще специального, в частности инструментального исследования. Однако, если

имеющийся материал не позволяет решить вопрос о физическом качестве звуков на месте смягченных задненебных, то он позволяет поставить вопрос об их фонемной принадлежности, т. е. вопрос о совпадении или не совпадении этих звуков с переднеязычными взрывными фонемами *т'*, *д'*. При рассмотрении этого последнего вопроса должны быть учтены некоторые дополнительные, но весьма существенные для его разрешения, данные, представленные в говорах, знающих переходное смягчение.

1. Так, следует учесть, что в говорах, где известен I тип переходного смягчения, не наблюдается взаимной мены /*т'*/, /*д'*/, и /*к'*/, /*г'*/, т. е. в словах типа *тéсто*, *тетрáдь*, *дúкий* и под. не отмечается появления /*к'*/, /*г'*/: /*кé*/*сто*, /*ке*/*трáдь* и под. Наблюдаемые в некоторых говорах случаи замен этого рода отмечены в основном за пределами ареала I типа переходного смягчения в рассеянном распространении. Чаще других такую мену отмечают в словах /*ке*/*трáдь*, /*ке*/*áтр*, *апе*/*к'*/*úт*, /*к'а*/*желó*, /*кé*/*сто*, /*кú*/*на* (тина), *поч*/*кú*/ (почти), /*ке*/*пéрь*, *óр*/*ге*/*н* (орден), большинство из которых являются словами заимствованными, новыми для говора. Таким образом, можно предполагать, что при I типе переходного смягчения произносятся особые палатальные средненебные /*т'^к'*/, /*д'^г'*/, не совпадающие с фонемами ‹*т'*›, ‹*д'*›. Можно также считать, что мена /*т'*/ на /*к'*/ появлялась в говорах при утрате ими средненебных палатальных согласных, возникавших на месте мягких задненебных в результате совпадения их с переднеязычными /*т'*/, /*д'*/, после чего и начиналась путаница между фонемами ‹*к*› в позиции перед гласными переднего ряда и ‹*т'*›. Могла подобная мена развиваться и как явление гиперизма.

2. Материалы атласов показывают, что при переходном смягчении /*к'*/ возможно также произношение на месте /*к'*/ и аффрикаты /*ц'*/. Такую возможность отмечают в немногочисленных говорах только за пределами основного ареала I типа переходного смягчения, в говорах, где отмечен III тип или в единичных говорах, в которых представлено переходное смягчение I типа, знающих при том мягкое цоканье. Ср.: /*ступéн'ци*/, /*на лáфци*/, /*в каци́*/ при /*унес'ци́*/, /*текци́*/ (от *течь — текти́*) и при наличии мягкого цоканья в говоре БСТ 893; /*до дрáци*/, /*в'азáнти*/, но /*шáйка*/, /*Дýн'к'а*/, и др. под. при мягком цоканье БСТ 997; /*в'азáнци*/ при мягком цоканье БСТ 1161; /*Сáн'ц'а*/, /*с Мúн'ц'ой*/, /*Волóд'ц'а*/, /*Вáн'ц'а*/, /*Тáн'ц'а*/ при /*Зójка*/, /*чайкý*/, /*дóч'ка*/, /*Мáнеч'ка*/, /*ден'кá*/, /*Вáн'ка*/, /*Кóл'ка*/,/*мóкрен'кojo*/ (I тип переходного смягчения в говоре отсутствует) при /*сбирáт'ч'*/, /*т'ч'áт'ч'а*/ и различении в говоре /*ч'*/ и /*ц'*/ БСТ 1264. При рассмотрении приведенных случаев следует учесть прежде всего, что все они отмечены при наличии мягкого цоканья в говорах за пределами ареала I типа. Весьма существенно, что в тех говорах, где отмечается произношение /*ц'*/ на месте /*к'*/, подобные же звуки /*ц'*/, /*т'ч'*/ отмечают и на месте /*т'*/, а также и то, что произношение /*ц'*/ отмечают только в соответствии /*к'*/ при отсутствии аффрикаты в соответствии /*г'*/, тогда как смягчение этих задненебных в северных говорах проходило параллельно. Обращает внимание и отсутствие у приведенных случаев палатализации /*к'*/› /*ц'*/ самостоятельной территории распространения. Все сказанное позволяет прийти к выводу, что перед нами не случаи особой палатализации *к*, отличной от его более широко распространенного переходного смягчения, а факт позднейшего изменения /*т'*/ на месте /*к'*/ в /*ц'*/, связанный с тем, что в тех же говорах со свистящим элементом произносится и фонема ‹*т'*›. Отсутствие подобного результата переходного смягчения в пределах ареала I типа, где большинство говоров сохраняет этот переход как фонетически закономерное явление, само по себе еще не может быть свидетельством того, что в этих говорах звуки на месте смягченного /*к'*/ не совпадают с /*т'*/, потому что в этих говорах произносится /*ц*/ твердое и отсутствует «цеканье».

3. Важны при рассмотрении вопроса о качестве согласных, произносимых при переходном смягчении и данные о наличии или отсутствии ассимилятивной мягкости согласных перед /*т'*/, /*д'*/, возникших на месте /*к'*/, /*г'*/. Хотя соответствующие диалектные данные и не вполне удовлетворительны для разрешения поставленного вопроса, все же можно сказать, что смягчение зубных согласных перед /*т'*/ на месте /*к'*/, типа /*фс'óт'т'и*/, /*кáт'т'и*/, /*солдáт'т'и*/ наблюдается несравненно реже, чем отсутствие смягчения: /*ýтти*/ (утки), /*в тип'аттé*/ (в кипятке), /*насéтти*/, /*цыпл'áтти*/, /*на достé*/, /*стирдýйут*/ и др. При этом случаи смягчения отмечаются, как правило, не в пределах ареала I типа, а в разрозненных единичных говорах с этим типом смягчения, преимущественно на территории южного наречия.

Тем самым можно прийти к выводу, что в большинстве говоров, знающих I тип переходного смягчения, а именно в говорах, где это явление фонетически закономерно, звуки, произносимые на месте /*к'*/, /*г'*/ не совпадают

с мягкими фонемами ⟨т'⟩, ⟨д'⟩, а являются особыми средненебными взрывными согласными. Поэтому для этих говоров термин «переходное» смягчение задненебных не совсем верен, а в большей мере относится к говорам, где явление лексикализовано, потому что отдельные слова с /т'/, /д'/ на месте /к'/, /г'/ при отсутствии фонетически закономерного перехода /к'/ > /т'/, /г'/ > /д'/ в говоре могут существовать только в том случае, если они совпадают с имеющимися в говоре фонемами ⟨т'⟩, ⟨д'⟩. Именно наличие в говорах с фонетически закономерным переходным смягчением особого рода средненебных согласных, не совпадающих с другими мягкими согласными, позднее и приводило к тому, что в ряде говоров такие /$т'^{к}$'/, /$д'^{г}$'/ полностью заменялись согласными /к'/, /г'/, восстановление которых легче осуществлялось в положениях, где имелось чередование с /к/, /г/, напр. *ру/к/á — ру́/т'/и > ру́/к'/и*.

С другой стороны, в корнях слов вне возможных чередований /$т'^{к}$'/ с /к/ и /$д'^{г}$'/ с /г/ происходило совпадение /$т'^{к}$'/, /$д'^{г}$'/ с /т'/, /д'/, в связи с чем и возникала разновидность I типа, переходного смягчения, обозначаемая условно как II тип. Аналогичный процесс имел место и при III типе переходного смягчения, особенно несомненно в тех говорах, где само ассимилятивное прогрессивное смягчение выражено только переходным смягчением III типа.

* * * * *

Как показано было выше, современное распространение различных типов переходного смягчения задненебных не связано с одной определенной территорией: в качестве фонетически закономерного явления (I тип) оно известно на относительно небольших территориях; ареалы переходного смягчения в словах со следами прогрессивной ассимиляции (тип III) расположены на весьма разобщенных территориях (см. ареалы около Ярославля и Орла). Лексикализованная разновидность I типа (тип II) рассеяна по отдельным говорам. Но, изучая карты, нельзя не заметить, что распространение всех типов переходного смягчения, связано с территорией, которую можно определить как центрально-восточную, включающую исторически как центральные территории Московского государства так и те территории к северо-западу и к югу от Москвы, которые в определенный период своего существования были тесно связаны с Московским государством (ср. мелкие ареалы переходного смягчения лексикализованной разновидности I типа на территории у Белого озера, Селигера, Торопца). Такой характер распространения различных видов переходного смягчения едва ли можно объяснить лексическими заимствованиями или позднейшими переселениями. Сомнение в исконности случаев переходного смягчения в ряде говоров южного наречия особенно не основательно по отношению к III типу, распространенному в орловских говорах. Полное сходство основных особенностей реализации III типа ярославско-поволжских и в орловских говорах свидетельствует о том, что разновидность, распространенная в орловских говорах, отражает наличие здесь в прошлом фонетически закономерного произношения среднего или переднеязычного /т'/ на месте /к'/, которое позднее утратилось как фонетическое явление, оставшись в некоторых говорах только как лексикализованное произношение /т'/ на месте /к'/ в отдельных словах, где случаи лексикализации были поддержаны имевшимся в этих говорах прогрессивным ассимилятивным смягчением задненебных.

Таким образом, сильно оторванные в современном состоянии ареалы переходного смягчения III типа, на территории Орловской области мыслятся нами также, как органическая составная часть ранее более широкого «центрального» ареала этого явления.

Нельзя объяснять только распространением лексикализованных случаев наличие II типа явления на широкой, но не сплошной территории, хотя этот путь, конечно, не исключен. Об этом свидетельствует наличие таких, проникавших в говоры в более позднее время, слов с /т'/ на месте /к'/, как */ти/нó, /ти/логрáмм, /ти/ломéтр, /те/роси́н, /те/рогáз, /де/ктáр* и некоторых других. Эти слова отмечены в такой огласовке на довольно широкой территории, где сейчас нет и наверное не было в недавнем прошлом, когда эти слова входили в употребление, фонетически закономерного перехода /к'/, /г'/, в /т'/, /д'/. Можно предположить, что распространение этих слов имело место уже в данном звучании, т. е. с фонемами ⟨т'⟩, ⟨д'⟩, так как такие слова могли распространяться чисто лексически и не всегда обозначать наличие в прошлом процесса /к'/ > > /т'/ в говоре. Однако наличие II типа явления в говорах, находящихся в пределах основного ареала I типа, скорее всего свидетельствует о том, что II тип складывался при утрате переходного смягчения как явления фонетического и при его лексикализации. Об этом же свидетельствует распространение II типа не на всей, а на части территории русского языка, причем особенно широко к югу от Москвы, в кругу исконной лексики.

В памятниках письменности мена /*к*'/ на /*т*'/ и /*г*'/ на /*д*'/ отражается довольно поздно — в XVI в. и только в именах собственных. Весь материал, рассмотренный выше, свидетельствует скорее о том, что переходное смягчение задненебных возникло раньше его отражения в памятниках. Основной предпосылкой для возникновения этого явления стала новая возможность употребления задненебных в перечисленных выше позициях смягчения. Хотя замена сочетаний *кы*, *гы*, *хы* сочетаниями *ки*, *ги*, *хи* датируется XV в., в языке уже до этого времени могли существовать положения, в которых задненебные выступали в позиции смягчения, что имело место при склонении существительных, (*ру*/*ка́*/ — *ру*/*ке́*/) и при прогрессивной ассимиляции задненебных по мягкости (*Ва́*/*н*'*к*'/*а*).

Данные лингвистической географии позволяют предполагать, что смягчение задненебных в указанных случаях ранее всего возникало, видимо, на территории, где формировалось Московское княжество и на таких издавна тяготевших к нему территориях, как Верховские княжества, в говорах которых успешно развивалась категория твердости — мягкости согласных, возникало ассимилятивное смягчение, в том числе и ассимилятивное прогрессивное смягчение задненебных согласных [65]. Здесь же в результате ставшего возможным произношения задненебных перед гласными переднего ряда они приобретали и позиционное смягчение того типа, при котором возникало произношение средненебных взрывных звуков.

Наличие средненебных фрикативных звуков на месте /γ/ перед гласными переднего ряда, отраженных по памятникам гораздо раньше в виде замены сочетания *ги*, *ге́* буквами *и*, ѥ, подтверждает эту же возможность в отношении взрывных задненебных. То, что это явление для взрывных задненебных отражается гораздо позже в памятниках письменности и наблюдается только в именах собственных может объясняться тем, что средненебные палатализованные звуки на месте смягченных взрывных задненебных не совпадали с фонемами ‹*т*'›, ‹*д*'› и поэтому продолжали передаваться на письме как /*к*/ и /*г*/.

Однако развитие переходного смягчения было неодновременным в случаях, характерных для I и III типов. Об этом свидетельствует характер их территориального распространения: резкая граница между ареалами I и III типов на севере; почти полное отсутствие случаев I типа в пределах ареала III типа. При этом более ранним было, видимо, смягчение III типа как связанное с наличием прогрессивной ассимиляции задненебных по мягкости, которая существовала уже в конце XIV в. и в начале XV в.

О более раннем времени возникновения III типа свидетельствует и его сосуществование только с одной разновидностью прогрессивного ассимилятивного смягчения — ярославско-орловской, — которая является наиболее исконной (см. § 6 данного раздела), имевшейся в говорах Московского Великого княжества в его исторических границах до 1462 г., т. е. уже в начале XV в. Отсутствие следов переходного смягчения III типа в говорах, находящихся к востоку от орловских — рязанских и в говорах к северу от ярославских — вологодских, где по говорам очень широко представлены результаты прогрессивной ассимиляции задненебных, позволяет думать, что в этих последних переходного смягчения III типа как фонетически закономерного явления не было и раньше, потому что в то время, когда возникал III тип переходного смягчения, на этих территориях не было еще самого прогрессивного ассимилятивного смягчения.

Время, когда во всей полноте могло проявиться так называемое переходное смягчение I типа, — XV в., когда сочетания *кы*, *гы*, *хы* изменились в *ки*, *ги*, *хи*.

Случаи замены /*т*'/, /*д*'/ на /*к*'/, /*г*'/ (/*ке́*/*сто*, /*ке*/*пе́рь* и под.), распространенные в общем за пределами той центральной территории между Москвой и Орлом, для которой мы предполагаем в прошлом более широкое распространение переходного смягчения, являются поздними по времени появления (см. выше), вторичными, полученными при междиалектном взаимодействии.

В литературе вопроса имеется мнение о том, что переходное смягчение развилось в говорах с *г* взрывным, находящихся на границе с говорами южного наречия, под влиянием последних, поскольку для них допускается большая степень палатализации согласных [66]. Проведенный выше анализ данных лингвистической географии позволяет, как кажется, иначе представить себе, как территорию первоначального распространения переходного смягчения задненебных, так и его генезис.

---

[65] Ср. отсутствие прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных в говорах западных и северо-западных территорий при наличии на этих последних территориях следов или последовательно сохранившихся элементов чередования задненебных со свистящими типа *ру*/*ка́*/ — *ру*/*це́*/.

[66] Н. Н. Дурново. Очерк истории. . .; Р. И. Аванесов. Очерки. . ., стр. 162.

Глава третья

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

§ 1. Соотношение именительного-винительного падежей и основа косвенных падежей существительных *мать*, *дочь*

В атласах русских народных говоров освещены в основном вопросы, связанные с образованием форм им.-вин. п. ед. ч. слов *мать*, *дочь*, а также с характером основы этих существительных в формах именительного и косвенных падежей. В связи с этим мы не имеем данных о флексиях косвенных падежей этих существительных по говорам и тем самым сведений об их парадигме в целом, поэтому суждения о характере парадигмы обычно являются в данном очерке предположительными.

В подавляющем большинстве случаев образование форм существительных *мать* и *дочь* обнаруживает параллелизм, отклонения в этом отношении единичны.

Отмеченные по говорам формы им. п. *мáтря*, *дóча* и вин. п. *мáтере*, *дóчере* являются единичными по говорам и в связи с этим не могли быть использованы при исследовании вопросов, касающихся образования форм и основы существительных *мать*, *дóчь*.

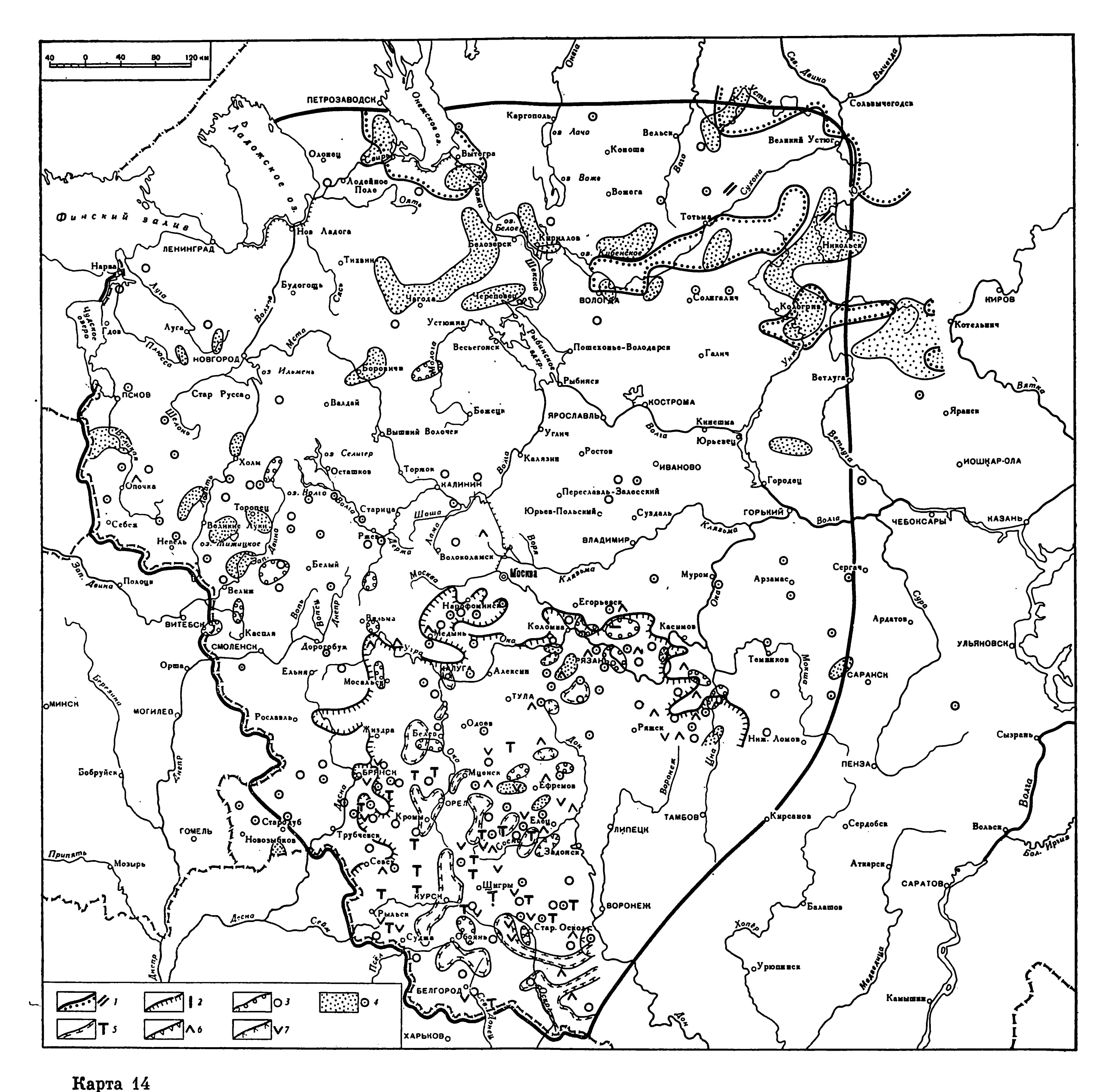
Как показало изучение материала, говоры русского языка могут различаться, кроме самого характера форм им. и вин. п. и их соотношений, также и по характеру основы во всей совокупности форм косвенных падежей этих существительных. Так, повсеместное распространение на изучаемой территории имеет основа с суффиксом *-ер-* в косвенных падежах. Лишь в небольшом количестве говоров известно образование данных форм с основой без суффикса *-ер-*, т. е. полностью обобщена основа им. п. /*мат'*/-, /*доч'*/-. При этом по говорам из числа косвенных падежей может иметь особую судьбу форма винительного падежа: в одних говорах она так же, как и все формы косвенных падежей, образована от основы *мáтер-*, *дóчер-*, в других она имеет в отличие от них основу *мат'-*, *доч'-*, т. е. совпадает по характеру основы с формой именительного падежа. Кроме того, эта форма имеет в говорах разные окончания, характер которых учитывается при изучении соотношения с формой им. п.

Наконец, в ряде говоров в соответствии существительным *мать—дочь* выступают существительные *мáтка*, *дóчка*, имеющие другой тип образования.

В общем по говорам выступает ряд типов соотношений именительного—винительного падежей при регулярном наличии суффикса *-ер-* в формах косвенных падежей. К числу таких типов принадлежат следующие: 1. им. п. *мать*, *дочь* — вин. п. *мать*, *дочь*; 2. им. п. *мáти*, *дóчи* — вин. п. *мáтерь*, *дóчерь*; 3. им. п. *мать*, *дочь* — вин. п. *мáтерю*, *дóчерю*; 4. им. п. *мать*, *дочь* — вин. п. *мáтерь*, *дóчерь*; 5. им. п. *мáтерь*, *дóчерь* — вин. п. *мáтерь*, *дóчерь*; 6. им. п. *мать*, *дочь* — вин. п. *мáтеря*, *дóчеря*; 7. им. п. *мáтерь*, *дóчерь* — вин. п. *мáтерю*, *дóчерю*; 8. им. п. *мáтеря*, *дóчеря* — вин. п. *мáтерю*, *дóчерю*.

Случаи, когда при формах именительного падежа *матерь*, *дочерь* в материалах представлены формы винительного падежа *мать*, *дочь*, редко встречаются в материалах. Такие случаи вызывают недоверие и могут объясняться тем, что наблюдателю не удалось зафиксировать диалектную форму вин. п. Выше уже указывалось, что все перечисленные типы отношений им. п. — вин. п. наблюдаются при основе косвенных падежей с суффиксом *-ер-*, поэтому мы будем говорить далее только о соотношении форм именительного и винительного падежей в говорах.

Первый тип изучаемых соотношений, при котором выступает общая форма им. — вин. п. *мать*, *дочь*, распространен повсеместно. Однако в исключительном употреблении он известен преимущественно на территории центральных

Карта 14

Типы соотношений форм именительного и винительного падежей ед. ч. существительных *мать, дочь*:

1 — II тип (им. п. *ма́ти, до́чи* — вин. п. *ма́терь, до́черь*); *2* — III тип (им. п. *мать, дочь* — вин. п. *ма́терю, до́черю*); *3* — IV тип (им. п. *мать, дочь* — вин. п. *ма́терь, до́черь*); *4* — V тип (им. п. *ма́терь, до́черь* — вин. п. *ма́терь, до́черь*); *5* — VI тип (им. п. *мать, дочь* — вин. п. *ма́теря, до́черя*); *6* — VII тип (им. п. *ма́терь, до́черь* — вин. п. *ма́терю, до́черю*); *7* — VIII тип (им. п. *ма́теря, до́черя* — вин. п. *ма́терю, до́черю*)

говоров, но также наряду с этим и на части территории говоров северо-запада, и в части говоров крайнего северо-востока (см. карту). Кроме того, следует иметь в виду, что в говорах остальных территорий данный тип, как правило, постоянно сосуществует наряду с другими, что в дальнейшем не будет специально оговариваться.

Ареалы II типа (им. п. *мáти*, *дóчи* — вин. п. *матерь*, *дочерь*) отмечены на отдельных частях территории северного наречия. В некоторых говорах, в которых распространен данный тип, он сосуществует с V типом (им. — вин. п. п. *матерь*, *дочерь*; см. карту), единично встречающимся в говорах северного и южного наречия, а также в говорах Псковской группы.

На разных частях территории южного наречия распространены типы соотношений форм им. и вин. п. III, IV, VI, VII, VIII.

Тип III (им. п. *мать*, *дочь* — вин. п. *мáтерю*, *дóчерю*) характерен для говоров юго-восточной диалектной зоны; в отдельных нас. п. его отмечают также в Псковской группе говоров. Тип IV (им. п. *мать*, *дочь* — вин. п. *мáтерь*, *дóчерь*) редко встречается по говорам; мелкие ареалы, или наличие этого типа в единичных нас. п., отмечено в основном на территории южного наречия и южной части территории Псковской группы говоров; в северном наречии и среднерусских говорах наличие IV типа отмечено буквально в единичных пунктах. Во всех говорах указанный тип соотношений сосуществует с другими типами диалектного характера. Тип VI (им. п., *мать*, *дочь* — вин. п. *мáтеря*, *дóчеря*) имеет рассеянное распространение в части говоров южного наречия, (курско-орловские, оскольские говоры). В подавляющем большинстве случаев он сосуществует с III типом соотношений (им. п. *мать*, *дочь* — вин. п. *мáтерю*, *дóчерю*). Тип VII (им. п. *мáтерь*, *дóчерь* — вин. п. *мáтерю*, *дóчерю*) отмечен в отдельных разрозненных пунктах в пределах юго-восточной зоны и Псковской группы говоров. В пределах юго-восточной зоны также в разрозненных нас. п. отмечен тип VIII (им. п. *мáтеря*, *дóчеря* — вин. п. *мáтерю*, *дóчерю*).

Наряду с указанными типами соотношений форм им. и вин. пп., существующих при наличии суффикса *-ер-* во всех косвенных падежах или при его отсутствии в форме вин. п., в говорах русского языка известно склонение существительных *мать*, *дочь* без суффикса *-ер-* в формах косвенных падежей или наличие других словообразовательных типов с тем же лексическим значением.

Отсутствие суффикса *-ер-* в основе чаще наблюдается по говорам при склонении существительного *дочь*. Лишь в единичных говорах в пределах той же территории отмечены формы косвенных падежей без *-ер-* у существительного *мать*, позволяющие представить такую парадигму данных существительных: и. п. *дочь*, *мать*; р. п. *у дóчи*, *у мáти*; д. п. *к дóчи*, *к мáти*; в. п. *дочь*, *мать*; т. п. *с дóчей*, или *с дóчью*, *с мáтей* или *с мáтью*; п. п. *при дóчи*, *об мáти*.

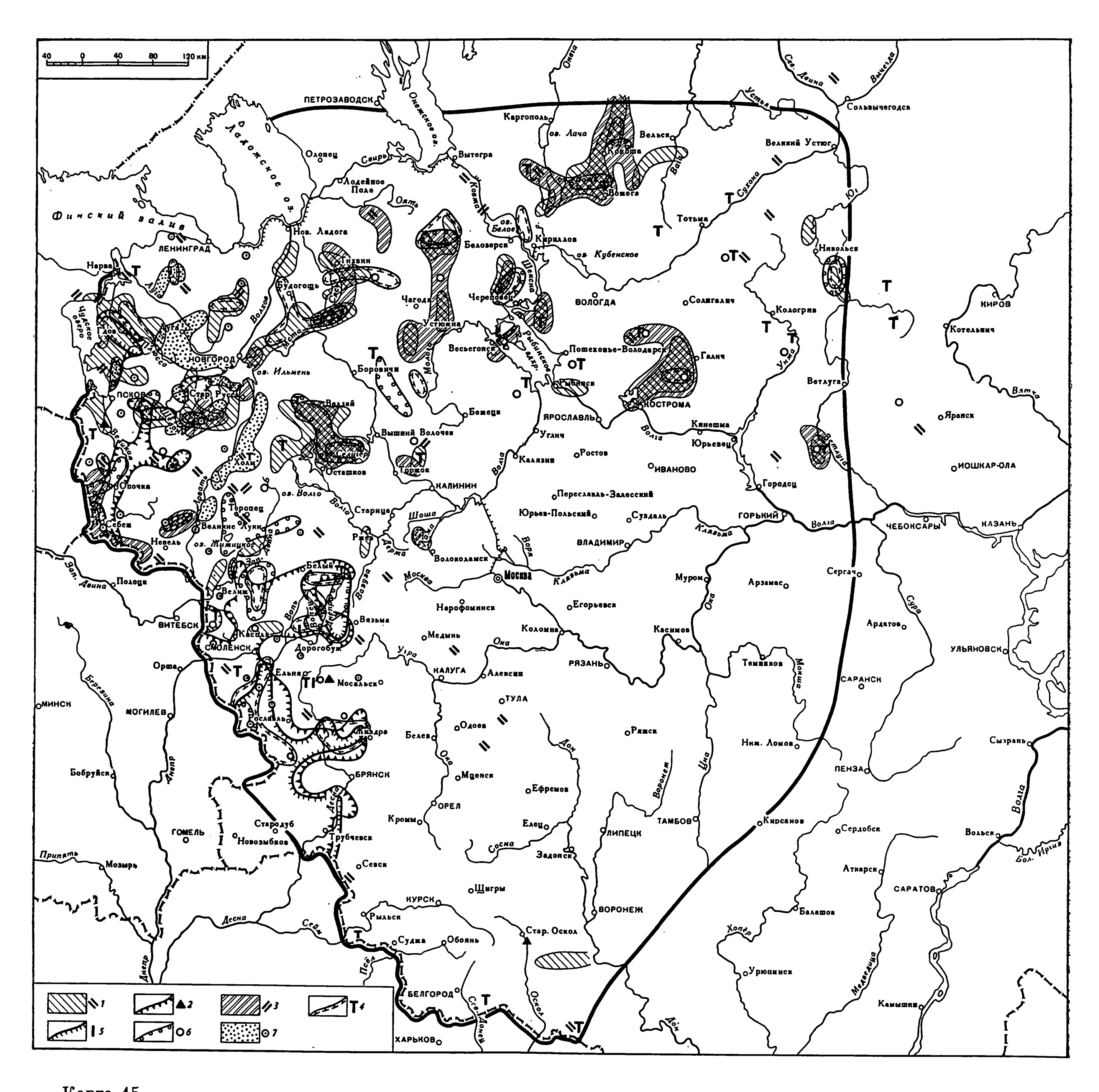
Приведенная парадигма имеет рассеянное распространение; в единичных случаях она отмечена в основном в западных среднерусских говорах и на территории западной группы говоров южного наречия русского языка. Чаще всего в ответах приводится лишь несколько форм указанного типа, на основе наличия которых все же можно сделать вывод о том, что в говорах существует парадигма склонения слов *мать*, *дочь* без суффикса *-ер-* в косвенных падежах, хотя наряду с этим в тех же говорах отмечают обычно и склонение литературного типа. Возможность такой же парадигмы, но в основном только для существительного *мать*, Е. Ф. Карский отмечал для говоров белорусского языка, хотя и указывал при этом, что в них чаще употребляется слово *мáтка* [67].

В целом ряде говоров русского, а также в примыкающих к ним говорах белорусского языка, старый тип склонения существительных *мать*, *дочь* полностью утрачен, в них имеют распространение слова *матка*, *дочка*. При этом слово *дочка* может выступать в одних случаях с ударением на основе, в других — на окончании (см. карту).

Как показывает проведенный обзор распространения изучаемых форм, основными для говоров русского языка в их современном состоянии следует считать три типа соотношений им. и вин. п. при постоянном наличии суффикса *-ер-* в косвенных падежах: тип I (им. п. и вин. п. *мать*, *дочь*), распространенный повсеместно, а в исключительном употреблении известный в основном говорам центральных территорий, и лишь отчасти говорам северо-запада и крайнего северо-востока; тип II (им. п. *мати*, *дочи* — вин. п. *мáтерь*, *дóчерь*), характерный для части говоров северного наречия; тип III (им. п. *мать*, *дочь* — вин. п. *мáтерю*, *дóчерю*), характерный для говоров юго-восточной зоны. Распространение этих трех типов соотношений им. п. и вин. п. ед. ч. является наиболее определенным и имеющим значение для группировки говоров. Все остальные типы

---

[67] Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 2—3. М., 1956, стр. 188—189.

Карта 15

Формы им. п. ед. ч. *мáтка*, *дóчка* и вин. п. *мáтку*, *дóчку*; склонение существительных *мать*, *дочь* без наращения основы в косвенных падежах

1 — дóчка; 2 — дочкá; 3 — мáтка; 4 — дóчку; 5 — дочкý; 6 — мáтку; 7 — парадигма склонения существительных *мать*, *дочь* без суффикса *-ер-* в основе косвенных падежей

соотношений, как правило, имеют разбросанное распространение и сосуществуют по говорам с тремя названными основными типами.

Приведенный материал позволяет также, как кажется, установить относительную хронологию выделенных типов соотношений основ и проследить некоторые процессы, связанные с развитием соотношений им.-вин. п. Так, можно считать, что во всех говорах, имеющих формы им. п. с основой *мат'-*, *доч'-* при формах косвенных падежей (включая форму вин. п.), с основой *ма́тер'-*, *до́чер'-* (т. е. типы II, III, IV, VI), наблюдается сохранение наиболее старых соотношений изучаемых форм. Распространение этих типов соотношений в принципе известно как части говоров северного, так и южного наречий (т. е. взятое в целом не связывается с современным диалектным членением языка, что тоже свидетельствует об архаичности этих соотношений).

Что же касается различий по характеру флексий изучаемых форм, то надо отметить, что на территории северного наречия сохраняются наиболее старые формы им. п. *ма́ти*, *до́чи*, а на остальной территории выступают более поздние формы с редукцией окончания — *мать*, *дочь*. Действием более поздних тенденций следует объяснить наблюдаемый в большей части говоров южного наречия (особенно в пределах юго-восточной зоны), переход существительных *мать* и *дочь* в продуктивный класс склонения (с чем и связано появление форм *ма́терю*, *до́черю*). Особым является вопрос о происхождении форм вин. п. *ма́теря*, *до́черя*, выступающих при наличии VI типа, которые как полагают, развились из древних форм вин. п. *ма́тере*, *до́чере*[68] и тем самым могут быть наиболее архаичными среди других форм вин. п.

Подобная оценка этих форм согласуется в общем с характером их распространения в разных единичных говорах на западной части территории юго-восточной зоны, как правило, в сосуществовании с формами вин. п. *ма́терю*, *до́черю*.

Все остальные соотношения им.-вин. п. и типы распространения суффикса *-ер-* или его отсутствия являются новообразованиями в говорах, из которых одни возникли и развились раньше, другие позже. Не исключена также возможность одновременного и параллельного развития различных форм в разных говорах русского языка. Можно предположить, что самым ранним из новообразований является протекавший в центральных говорах процесс унификации форм им. и вин. п. на основе им. п., в то время, как в говорах, окружающих эту территорию, сохранялось древнее различение этих форм по образованию основы (типы II, IV, VI), хотя наряду с этим некоторым периферийным говорам не были чужды также и собственно местные процессы унификации основ, которые были, однако, видимо, заторможены в процессе дальнейшего развития этих говоров, чем и объясняется недостаточно определенный характер распространения типов соотношения, отражающих эти процессы.

Процесс унификации основы на разных территориях периферийных говоров протекал по-разному. В одних говорах унификация, шедшая по основе именительного падежа, охватила все формы косвенных падежей, в результате чего сложилась парадигма *дочь — до́чи — до́чи — дочь — до́чью* (*до́чей*) — *до́чи* (ср. отмеченные в единичных говорах также и формы *мать — ма́ти* и т. д.). В возникновении этой парадигмы как бы получило продолжение действие тенденции, аналогичной той, которая действовала в говорах центрального типа, но там ее развитие привело лишь к унификации форм именительного-винительного падежей, а здесь к устранению суффикса *-ер-* во всех падежных формах. Такое направление процесса имело место в прошлом, видимо, в говорах Смоленского и Новгородского княжеств в период до временного отрыва западных земель при вхождении их в состав Литовского княжества. Эта парадигма могла быть шире распространена в западных говорах русского языка в прошлом (см. карту), и лишь позднее вытеснена новыми формами с тем же лексическим значением, образованными от основы *матк-*, *дочк-*. Можно думать, что формы с основой *матк-*, *дочк-* первоначально возникали на территории говоров современного белорусского языка и тесно примыкающих к ним западных говоров русского языка, откуда они впоследствии распространялись в северном и северо-восточном направлении. Об этом сви-

---

[68] См.: Н. Дурново. Очерк истории, стр. 292; А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка (в дальнейшем: А. А. Шахматов. Историческая морфология. . .). М., 1957, стр. 113—114; П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка (в дальнейшем П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии. . .). М., 1959, стр. 33. П. С. Кузнецов допускает также (стр. 33) возможность появления заударного гласного *а* в этих формах и из гласного *и* (из форм *ма́тери*, *до́чери*). При проверке оказалось, что в говорах, где отмечены формы вин. п. *ма́теря*, *до́черя*, отсутствует явление перехода заударного /*и*/ в /*а*/. Возможность объяснения этих форм путем грамматической аналогии (см там же) с существительными, имеющими суффикс *-ан*, для нас является не вполне ясной.

детельствует современный характер распространения форм *ма́тка*, *до́чка*: последовательный (а в ряде говоров и исключительный) на юго-западе территории русского языка и менее последовательный на более северных и северо-восточных территориях, где по говорам нередко наблюдается сосуществование этих форм с другими, присущими как русскому литературному языку, так и с местными диалектными формами. Возникновение и первоначальное распространение форм *матка*, *дочка* могло иметь место в период сосуществования определенных диалектов в пределах княжества Литовского, а дальнейшее распространение — в более позднее время.

Данные о формах *ма́тка*, *до́чка*, не имеющие отношения к развитию старого типа склонения интересующих нас существительных, приводятся нами только для того, чтобы дать правильное представление о характере территориального распространения парадигм, генетически так или иначе связанных со старыми типами отношений. На территории распространения слов *ма́тка*, *до́чка*, особенно в южной части их ареала типы соотношений, связанные со старым типом склонения, в том числе и тип I, имеют меньшее распространение или совсем отсутствуют, видимо, именно в связи с наличием слов *ма́тка*, *до́чка*.

В говорах, где имелось совпадение форм им. — вин. п. на основе вин. п. тем самым происходило обобщение основы *ма́тер-* во всех без исключения падежных формах. Парадигмы, представляющие такую основу, распространены в виде разорванных ареалов на разных частях территории периферийных говоров (типы V, VII, VIII).

При таком обобщении в говорах южного наречия за исключением той его части, где были распространены формы *ма́тка*, *до́чка* также происходило изменение системы флексий, связанное с влиянием продуктивного типа склонения существительных основ на *а*. При этом можно предположить, что на данной территории в прошлом наблюдалось более последовательное сохранение древних соотношений изучаемых форм, т. е. тип IV (им. п. *мать*, *дочь*, — вин. п. *ма́терь* — *до́черь*). В подавляющем большинстве говоров этой территории происходило усвоение флексии продуктивного склонения именно в форме вин. п. (*ма́терю*, *до́черю*), в результате чего возникла парадигма, которая характеризуется соотношением форм им. п. — *мать*, *дочь* — вин. п. *ма́терю*, *до́черю*. Эта парадигма имеет четкую границу своего распространения (см. карту). При этом необходимо сказать, что в исключительном употреблении она отмечена в говорах к югу от Рязани.

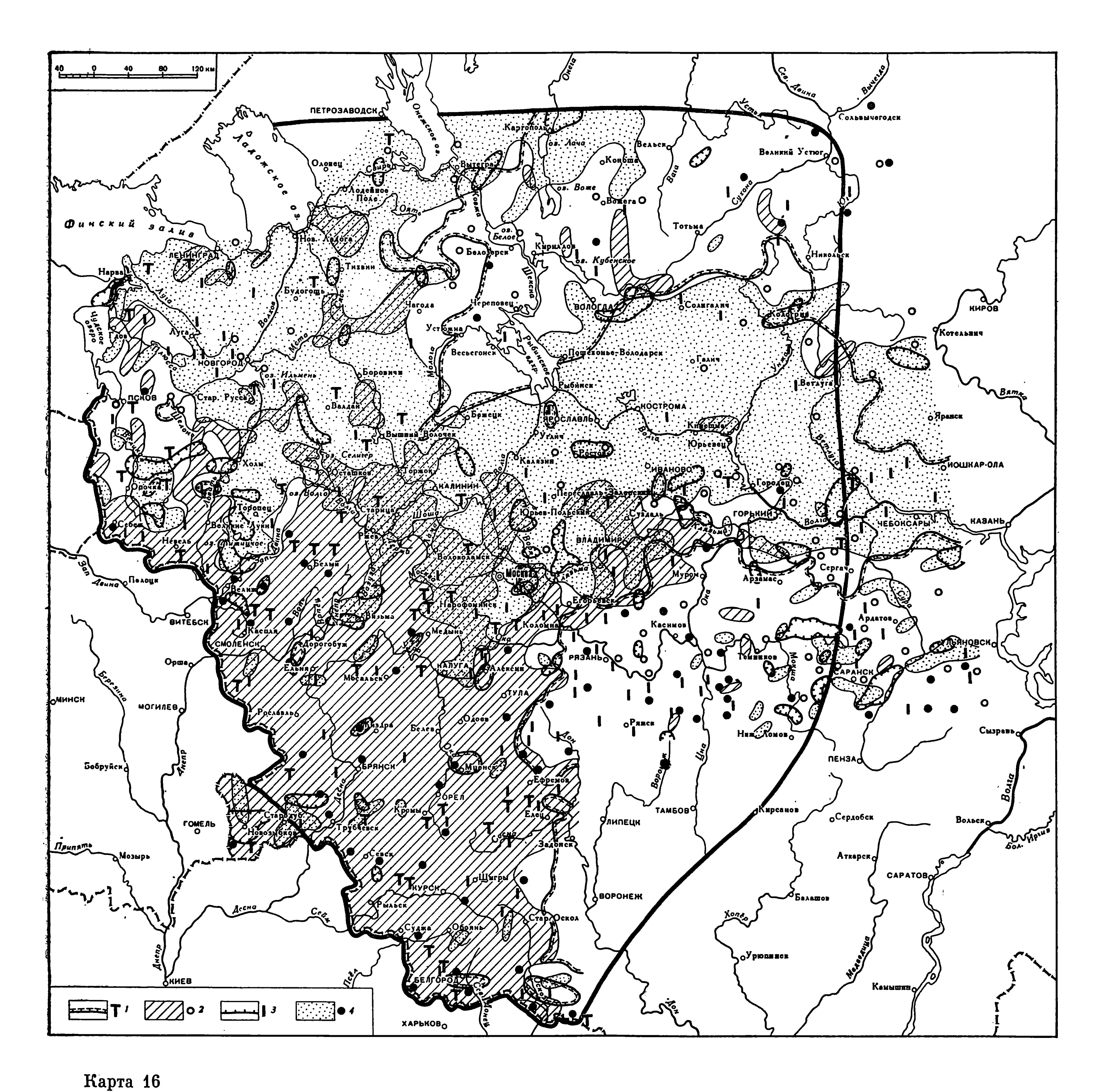
В говорах этой же территории представлены еще две парадигмы, также связанные с переходом существительных *мать*, *дочь* в продуктивное склонение. В отличие от рассмотренных случаев обе они сложились на основе парадигмы, в которой произошло обобщение форм им.-вин. п. п. на основе вин. п. Одна из них имеет формы им. п. *ма́терь*, *до́черь*, а формы вин. п. *ма́терю*, *до́черю*. Другая — формы им. п. *ма́теря*, *до́черя*, формы вин. п. *ма́терю*, *до́черю*. Обе эти парадигмы имеют рассеянное распространение в основном только в пределах территории юго-восточной зоны. При этом определенное разрежение в их распространении наблюдается в северной части западной половины территории и на территории к югу от Рязани.

Можно думать, что парадигмы, связанные с процессом влияния продуктивного типа склонения являются наиболее новыми, т. к. подобное влияние начинается по имеющимся данным не ранее XVII века.

§ 2. Формы дательного, творительного и предложного падежей существительных типа *печь*, *грязь*

В материалах, которыми мы располагаем, наиболее полно представлены сведения о формах дат., тв. и предл. п. существительных типа *печь*, *грязь*, поскольку именно в этих формах преимущественно наблюдаются отличия от литературного языка. Эти отличия выражаются в одних случаях в месте ударения, в других в качестве гласного флексии.

Круг существительных данного типа склонения, приводимых в материалах, является обычно в разных ответах различным по составу и нередко имеет случайный характер, что не позволяет выяснить, какие диалектные формы существительных часты или даже в какой-то степени регулярны в говорах, а какие выступают сравнительно редко. Имеющаяся относительная закономерность определяется чисто внешним фактором: наиболее часто отмечены диалектные формы у слов, помещенных в качестве примеров в программе (*печь*, реже *кость*, *ночь*, *грязь*, *ло́шадь*) и, видимо, в связи с этим, почти регулярно представленных в материалах. Однако материал говоров все же свидетельствует о том, что в пределах склонения существительных женского рода, оканчивающихся на мягкий согласный в настоящее время нет единства в образовании падежных

Карта 16

Формы дательного—предложного падежей ед. ч. существительных типа *печь*, *грязь*:

1 — примерная территория совпадения форм при окончании /-е/: *по гряз/é/, в гряз/é/*; *2* — примерная территория совпадения форм при окончании /-и/: *по гряз/и́/, в гряз/и́/*; *3* — распространение совпадения форм при ударении на основе: *по гр/я́/зи, в гр/я́/зи*; *4* — примерная территория различения форм: *по гр/я́/зи, в гряз/и́/*

форм; имеются известные различия как лексического характера, так, возможно, зависящие в некоторых случаях и от сочетания с теми или иными предлогами (что, впрочем, прослеживается менее отчетливо). Однако все же положение, наблюдаемое в диалектном языке, иное, чем в литературном, где формы предл. п. с ударенным окончанием возможны лишь от определенных существительных в определенном (местном) значении и в сочетании с определенными предлогами. Поэтому, когда ниже мы будем говорить о соотношении форм дат. — предл. п. названных выше существительных, можно считать, что эти соотношения в известной степени характеризуют состояние описываемого типа склонения или части его лексического состава.

По данным современных говоров можно наметить четыре типа соотношения форм дательного — предложного падежей, из которых три связаны с совпадением этих форм, а один с их различением.

При различении форм дат.-предл. п. форма дат. п. имеет ударение на основе — *по г/р'á/зи*, — а форма предл. п. — на окончании — *в гряз/ú/*. При совпадении форм дат. — предл. п. могут быть три разновидности этого совпадения:

а) с ударенным окончанием *-е*: *по гряз/é/*, *в гряз/é/*

б) с ударенным окончанием *-и*: *по гряз/ú/*, *в гряз/ú/*

в) с безударным окончанием *-и*: *по гр/я́/зи*, *в гр/я́/зи*

Совпадение форм дат.—предл. п. в форме типа *гряз/é/* (*по гряз/é/*, *в гряз/é/*) наблюдается в пределах двух разобщенных ареалов — северо-восточного, с одной стороны, и юго-восточного (в пределах юго-восточной диалектной зоны) — с другой.

Совпадение в форме с окончанием *-ú* (*по грязú*, *в грязú*) отмечают на более западной части территории южного наречия и некоторых примыкающих к ним среднерусских говоров. На других территориях ареалы подобного совпадения редки.

Что касается такой разновидности совпадения, при которой обе падежные формы имеют ударение на основе: *по гр/я́/зи*, *в гр/я́/зи*, то она, имея лишь рассеянное распространение, встречается на разных частях территории. По ее почти полному отсутствию выделяются лишь межзональные северные говоры и говоры Костромской группы северного наречия.

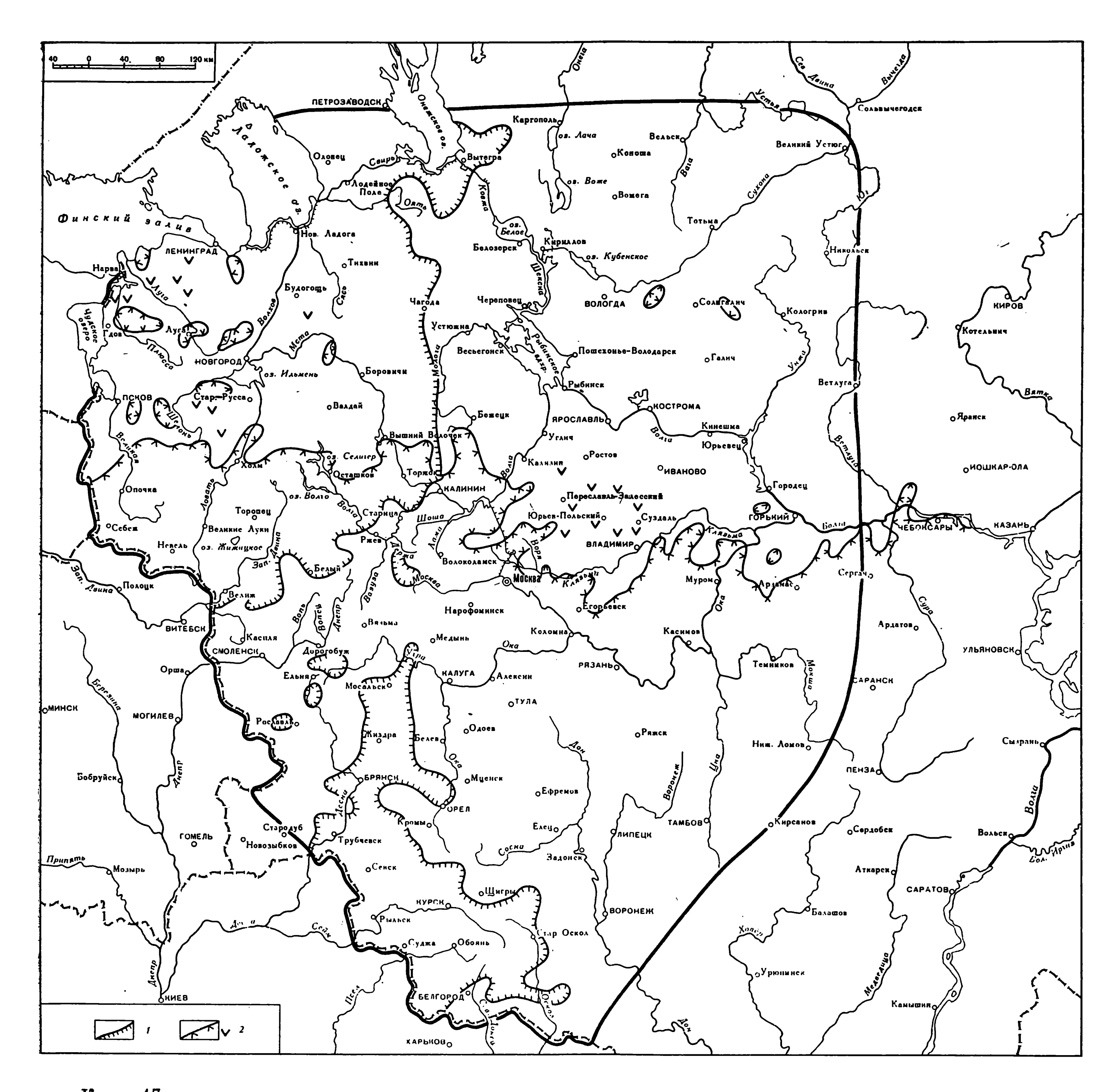
Различение форм *по гря́зи — в грязú* наиболее последовательно распространено в говорах Костромской и части говоров Владимиро-Поволжской группы (см. карту). Значительно распространение различения и в говорах северо-западной диалектной зоны. Таким образом, различение форм дат. и предл. п. (дат. п. *гря́зи*, предл. п. *грязú*) является характерным для говоров центральных территорий, а также для говоров северо-запада.

Известно, что данное соотношение этих форм, т. е. их различение (*по гря́зи*, но *в грязú*) является наиболее древним.

Изучение материала показало, что все ареалы совпадения по месту ударения форм дат.— предл. п. существительных, оканчивающихся на мягкий согласный, в формах типа *грязú* и в формах типа *грязé*, являющихся более поздними по времени появления по сравнению с различением тех же форм, находятся в основном в пределах территорий, характеризующихся совпадением форм род.—дат. — предл. п. существительных продуктивного типа склонения с основой на *-а* в одних случаях в форме род. п. — *у жены́, к жены́, о жены́*, в других в формах дат.— предл. п. — *у жене́, к жене́, о жене́*. Исключение составляют говоры северо-востока с характерным для них совпадением форм дат.— предл. п. существительных данного типа в форме типа *грязé* при различении форм типа *у жены́*, но *к жене́*. При этом, видимо, наибольшее значение имеет самое наличие действия тенденции к совпадению форм, чем реальное ее воплощение: совпадение на основе формы род. п. или на основе формы дат.—предл. п., совпадение по качеству гласного или по месту ударения. Таким образом, можно высказать предположение, что совпадение форм дат.— предл. п. существительных типа *печь*, *грязь* происходило на тех территориях, на которых получали усиление тенденции к обобщению падежных форм у существительных продуктивного типа склонения, у которых в результате подобного обобщения складывается употребление трех флексий косвенных падежей.

Действие тенденции совпадения падежных форм у продуктивного типа склонения отражено преимущественно в памятниках новгородской письменности, где она прослеживается с XIV в. и выражается как в совпадении в формах с окончанием *-е*, так и в формах с окончанием *-ы*, что не исключает возможности возникновения случаев такого совпадения и в более раннее время, в период, когда связи Новгородского и Смоленского княжеств были более тесными, т. е. в XIII в.

При этом наиболее древними можно, видимо, считать случаи совпадения в форме дат.— предл. п. (*у жене́*, *к жене́*, *о жене́*), а несколько

Карта 17

Расположение основных ареалов совпадения форм родительного, дательного и предложного падежей ед. ч. существительных женского рода продуктивного типа склонения

1 — примерная территория совпадения форм род.—дат.—предл. падежей в форме род. п: *у жены́, к жены́, о жены́;* 2 — совпадение форм род.—дат.—предл. падежей в форме дат.—предл: *к жене́, у жене́*

более поздними случаи совпадения в форме род. п. (*у жены́*, *к жены́*, *о жены́*).

Тем самым при расселении новгородцев в восточном направлении распространение получали, как формы с окончанием *-е*, так и формы с окончанием *-ы*. Распространение форм с окончанием *-е* свидетельствуется, в частности, и данными Двинских грамот [69], а также и тем фактом, что в современных говорах северо-востока эти формы, хотя и изредка, но отмечают (см. карту). Объяснение отсутствия более широкого распространения форм типа *у жене́* в современных говорах этой территории требует специального исследования данного вопроса, но почти сплошное распространение здесь форм типа *по грязе́—в грязе́* также является косвенным свидетельством наличия в прошлом форм типа *у жене́* хотя бы в известном количестве говоров данной территории, которым эти формы были свойственны.

Что касается говоров западных территорий, взятых в целом, то в их северной части наиболее продуктивным оказалось распространение форм *у жены́*, *к жены́*, *о жены́*, хотя и распространение общей формы этих же падежей с окончанием *-е* не совсем чуждо говорам данной территории, где оно представлено в настоящее время мелкими разрозненными ареалами. На этой же территории представлено немалое количество ареалов совпадения форм дат. — предл. п. существительных с мягкой основой в форме типа *грязи́* наряду с распространенным здесь различением данных форм (*по гря́зи*, но в *грязи́*).

В южной части западной территории имеет распространение совпадение форм род.—дат.—предл. п. существительных продуктивного склонения двух типов: типа *у жене́*, *к жене́*, *о жене́* и типа *у жены́*, *к жены́*, *о жены́*. Существительные с мягкой основой на этой территории в дат.—предл. п. имеют совпадение форм типа *по грязи́*, *в грязи́*; случаи совпадения типа *по грязе́*, *в грязе́* здесь являются единичными. Это, видимо, может свидетельствовать о сравнительно позднем, вторичном распространении форм типа *у жене́* на южной части западной территории, появившихся здесь после того, как установилось совпадение форм типа *по грязи́*, *в грязи́*. Территорией, с которой распространялось на запад совпадение форм род.—дат.—предл. п. с окончанием *-е* у продуктивного типа склонения, являлась, видимо, территория Рязанского княжества, где это совпадение было единственным выражением тенденции совпадения указанных падежных форм у продуктивного типа склонения, и где под его влиянием получили такое решительное распространение формы типа *по грязе́*, *в грязе́*. Напомним, что именно в говорах юго-восточной диалектной зоны наблюдается наиболее широкое употребление формы род. п. ед. ч. типа *жене́* как в сочетании со всеми предлогами, так и в беспредложных конструкциях.

В говорах северо-восточной территории решительное распространение случаев совпадения форм дат.—предл. п. типа *по грязе́*, *в грязе́* было не ранним и относится оно, видимо, к периоду наибольшего обособления говоров Вологодской группы и развития в ее пределах именно ей присущих новообразований. Формы этого типа являются очень редкими еще и в памятниках XVI в.[70]

На юго-восточной (рязанской) территории совпадение форм у продуктивного типа склонения на основе формы дат.—предл. п. могло иметь место еще в период XIII—XIV вв. Такое предположение хорошо согласуется с географией данного явления, почти сплошь известного на данной территории и менее последовательно распространенного в западном направлении, где оно отмечается в более ограниченных условиях. Что же касается совпадения форм существительных с мягкой основой типа *по грязе́*, *в грязе́*, то оно и здесь могло быть более поздним. Исследователи языка письменности отмечают подобные формы лишь от некоторых существительных данного типа в памятниках XVII в.[71]

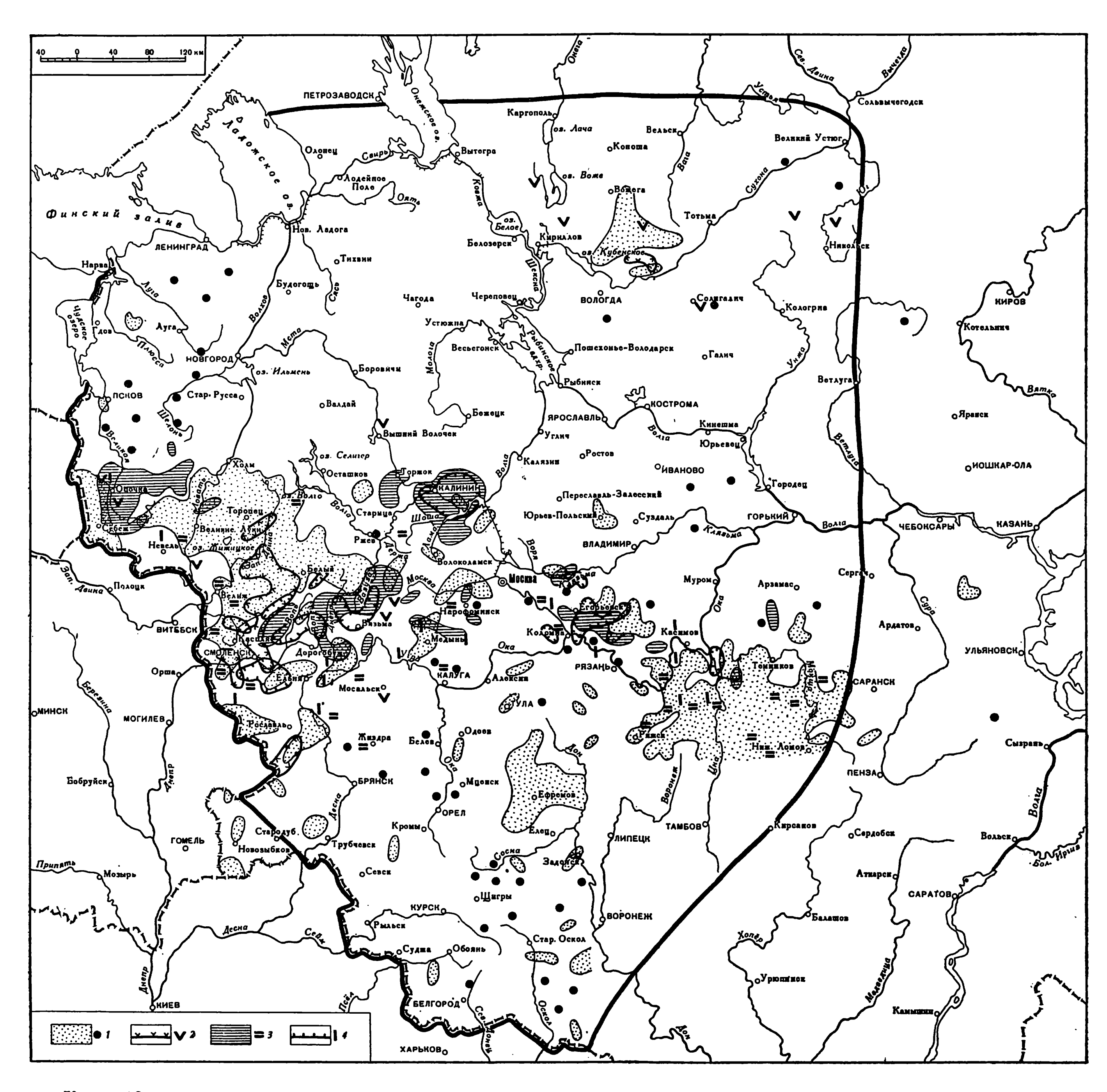
В ряде говоров южного наречия русского языка и примыкающих к ним с севера части среднерусских говоров представлены формы тв. п. ед. ч. типа *гря́зей*, *гря́зьей*, *гря́зюй*, *гря́зьюй*, в своей совокупности отражающие влияние продуктивного типа склонения. Небольшой ареал форм типа *гря́зей*, *гря́зьей* известен и на территории Вологодской группы говоров (см. карту).

Особое сгущение вместе взятых этих форм наблюдается на территории Западной, Верхне-Днепровской и Рязанской групп говоров

[69] А. А. Шахматов. Исследование о Двинских грамотах XV в. (в дальнейшем: А. А. Шахматов. Двинские грамоты). «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 3. СПб., 1903, стр. 110.

[70] См.: Ю. П. Ульянов. История склонения имен существительных с основой на *i* в памятниках русской письменности XI—XVII вв. «Уч. зап. Чарджоуского пед. ин-та», вып. II, № 5, 1959.

[71] Г. С. Галкина. Язык рязанских деловых документов XVII—XVIII вв. (фонетика и морфология). Автореф. канд. дисс. Тула, 1961, стр. 17; В. Н. Новопокровская. О некоторых морфологических особенностях рязанских говоров XVII в. (Имя существительное). «Уч. зап. Орловского пед. ин-та», т. 13, вып. V, 1958, стр. 97.

Карта 18

Формы творительного падежа ед. ч. существительных типа *печь*, *грязь*:

1 — гря́зей; 2 — гря́зьей; 3 — гря́зюй; 4 — гря́зьюй

южного наречия, а также в южной части Псковской группы и восточных среднерусских говоров. На остальной территории они имеют рассеянное распространение. При этом наиболее распространенной из этих форм является форма *гря́з/ей/*, в которой видят прямое влияние формы тв. п. продуктивного типа склонения (*во́л/ей*) и под.) При сохранении /j/ в основе ту же флексию находим в форме типа *гря́/з'йей/*. Более ограниченное распространение имеют остальные формы типа *гря́/з'уй/* (без /j/ в основе) или при сохранении /j/ в основе формы типа *гря́/з'йуй/* (см. карту).

Следует указать: что ареал форм типа *гря́/з'уй/*, *гря́/з'йуй/* совпадает по очертаниям с ареалом форм типа *во/л'уй/*, что опять-таки свидетельствует о том, что существительные типа *грязь* разделяют изменения, переживаемые продуктивным типом склонения.

Судя по ряду данных, в том числе и по данным лингвистической географии, формы тв. п. типа *гря́зей*, *гря́зьей*, *гря́зюй*, *гря́зьюй* являются наиболее поздними из всех рассмотренных выше новообразований, возникавших в склонении существительных типа *грязь*. В своем распространении ареалы этих форм разбросаны в разных частях территории, оставаясь в целом однако в пределах южного наречия (исключение составляет небольшой ареал этих форм на территории Вологодской группы говоров северного наречия). Важно также подчеркнуть, что в разных группах говоров эти формы нередко имеют различное звуковое оформление (см. выше), что также свидетельствует об их самостоятельном возникновении в разных группах говоров в позднее время, когда местные инновации не имели уже перспектив более широкого распространения, так как в языке приобретают все большее значение процессы, связанные с распространением литературного языка.

По данным С. П. Обнорского, например, возникновение названных форм тв. п. относится в основном к концу XIX в.[72]

§ 3. Формы именительного падежа единственного числа существительного *свекровь*

По данным диалектологических атласов русского языка оказывается возможным рассмотреть лишь различия, касающиеся образования форм именительного падежа ед. числа слов, образованных от основы *свекр-*, имеющих значение «мать мужа».

Словоформа *свекровь* распространена в подавляющем большинстве говоров русского языка (лишь на юго-западе изучаемой территории наблюдается определенное разрежение в распространении этой формы), в связи с этим оказалось целесообразным выделить территорию исключительного распространения этой словоформы (см. карту), характерную для центральных говоров в их широком варианте с охватом территории говоров Костромской и южной части Вологодской групп говоров северного наречия, а также части говоров Псковской группы. Распространению словоформы *свекровь* (исторически вин. п. ед. числа) на территории периферийных говоров соответствует наличие словоформ, объединенных той особенностью, что они имеют окончание *-а*, характерное для продуктивного типа склонения существительных женского рода. Исключение здесь представляет лишь форма *свекры*, распространенная в большинстве случаев наряду с формой *свекровь* в пределах Рязанской группы говоров, а также в северной части территории Тульской группы.

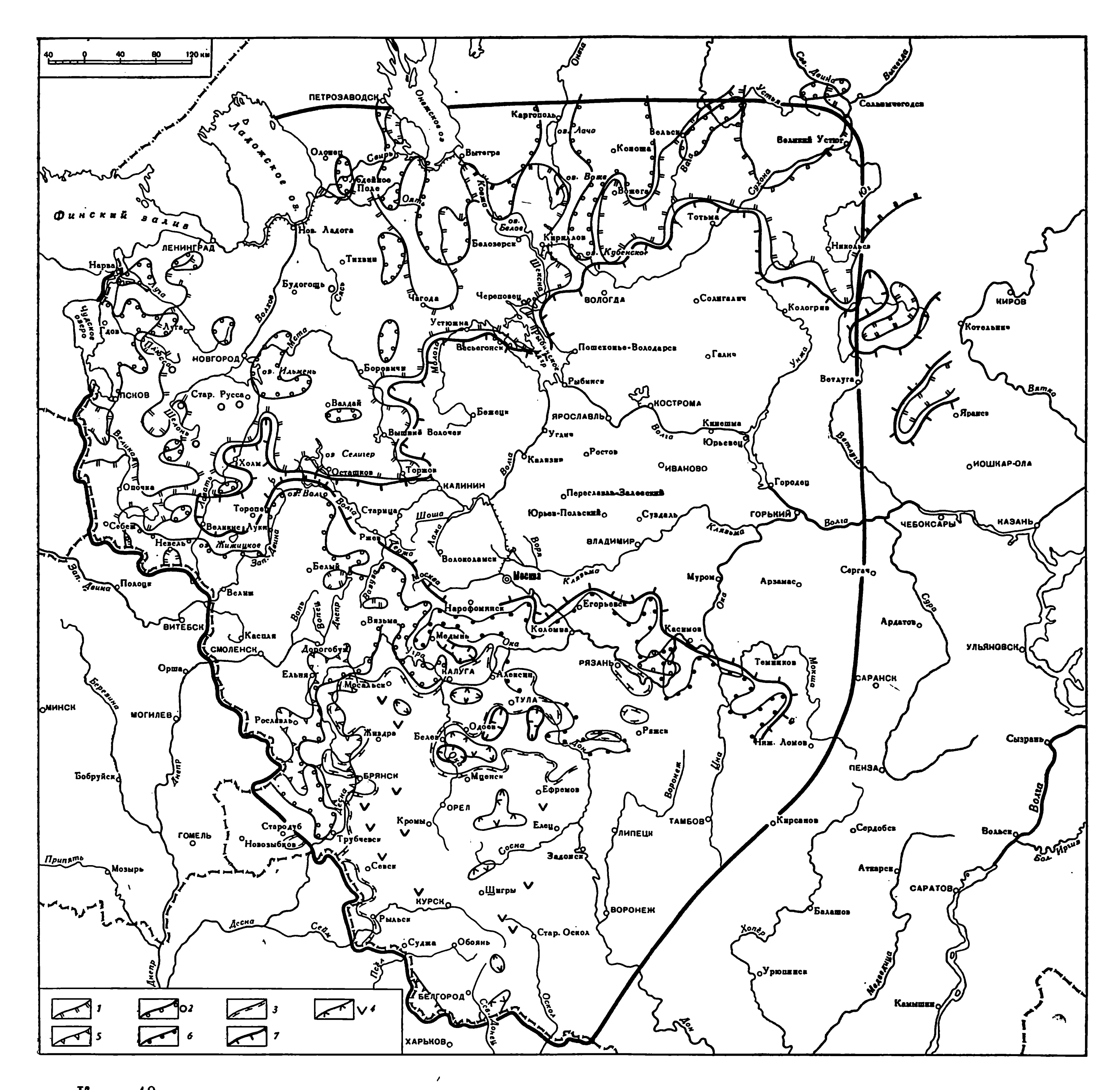
Размещение словоформ с окончанием *-а* характеризуется той особенностью, что одни из них, образованные от основы на твердый согласный *свекров-*, свойственны говорам западных территорий, безотносительно к их подразделению на северные и южные, а также говорам северных территорий, в то время, как другие, образованные от основы *свекро́/в'/-*, характерны в основном для говоров центральной части южной территории.

Так, на западе и севере изучаемой территории распространена словоформа *свекро́ва*. При этом на западе, где расположен ее основной ареал, в подавляющем большинстве нас. п. она известна в исключительном употреблении, а на севере ее отдельные ареалы перемежаются с ареалами словоформы *свекро́вка*. Словоформа *свекро́ва* распространена также в говорах белорусского языка, примыкающих к западной территории говоров русского языка [73]. Ареалы словоформы *свекро́вка* распространены в пределах говоров северной зоны северного наречия, причем как единственно возможный вариант форм в говоре она существует в восточной части Вологодской группы, в северной части Ладого-Тихвинской группы на территории, примыкающей к Белому озеру и р. Шексне и на территории вокруг оз. Селигер, а на остальных

---

[72] С. П. Обнорский. Именное склонение I, стр. 281—282.

[73] Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963, Карта № 90.

Карта 19

Распространение форм именительного падежа ед. ч. существительных, образованных от основы *свекр-*:

1 — свекрóвка; 2 — свекрóва; 3 — свекрóвъя, свекрóвля; 4 — свекрóвя; 5 — свекрá; 6 — свекры́; 7 — **примерная граница территории, на которой слово *свекровь* отмечено в исключительном распространении**

территориях сосуществует с формой *свекрóвь* или *свекрóва*. В Белоруссии форма *свекрóвка* представлена в северо-западной части территории, примыкающей к говорам северной зоны русского языка. Характер распространения словоформы *свекрóвка*, отмеченной в ряде случаев на той же территории, что и *свекрóва*, делает возможным предположение о сравнительно позднем, ее появлении и о развитии из факультативного суффиксального образования с суффиксом *-к-* в синонимическое. Возможно, что в ряде говоров она вытеснила ранее более широко в них распространенную словоформу *свекрóва*. Словоформа *свекрá*, образованная от древней основы им. п. *свекр-* исторически, была видимо, более ранней инновацией. Эта словоформа слабо распространена в пределах говоров русского языка; ср. ее наличие в постоянном сосуществовании с другими формами в пределах Верхне-Деснинской группы.

Форму *свекрóвушка*, встречающуюся в материалах по говорам различных территорий, мы рассматриваем как факультативный вариант при других формах, т. к. в подавляющем большинстве случаев она приведена наряду с другими образованиями от того же корня, в связи с чем она и не показана на карте.

Словоформы, образованные от мягкой основы: *свекрóвья*, *свекрóвля* характерны для южного наречия и распространены в центральной части его территории. При этом на западной территории своего распространения они представлены в большинстве случаев как единственные в говоре, а на восточной, как правило, сосуществуют с формой *свекрóвь*. Форма *свекрóвя* или представлена мелкими ареалами, или отмечена в отдельных нас. п. обычно как сосуществующая с другими формами, образованными от мягкой основы в пределах этой же территории.

Изучение материала позволяет сделать некоторые выводы о развитии и распространении словоформ со значением 'свекровь' в говорах русского языка. Так, с исторической точки зрения должны быть прежде всего выделены говоры, сохраняющие древнейшую форму им. п. ед. ч. *свекры́* в отличие от говоров других территорий, в которых эта форма была утрачена и для которых так или иначе стали характерными образования от основы с суффиксом *-ов*, *-ов'*, появившиеся в связи с унификацией основы во всех падежных формах и тем самым являющиеся в говорах новообразованиями. В связи с различным характером этих новообразований они различны и по времени их появления. Одним из таких древнейших новообразований, видимо, можно считать те, которые возникли в процессе унификации основы, связанном с совпадением форм им. и вин. п., который, видимо, был пережит всеми говорами русского языка кроме тех, в которых сохранялись формы *свекры́*, *свекрá*. Этот процесс происходил в говорах ряда славянских языков [74]. В результате этого процесса в большинстве говоров русского языка, видимо, на весьма раннем этапе их существования, распространилась словоформа *свекровь*, сохраняющаяся в исключительном употреблении, как мы видели выше, в говорах центра. Наличие этих форм в говорах периферии может объясняться различно: как распространением из среды центральных говоров, так и в результате самостоятельного развития в некоторых из них.

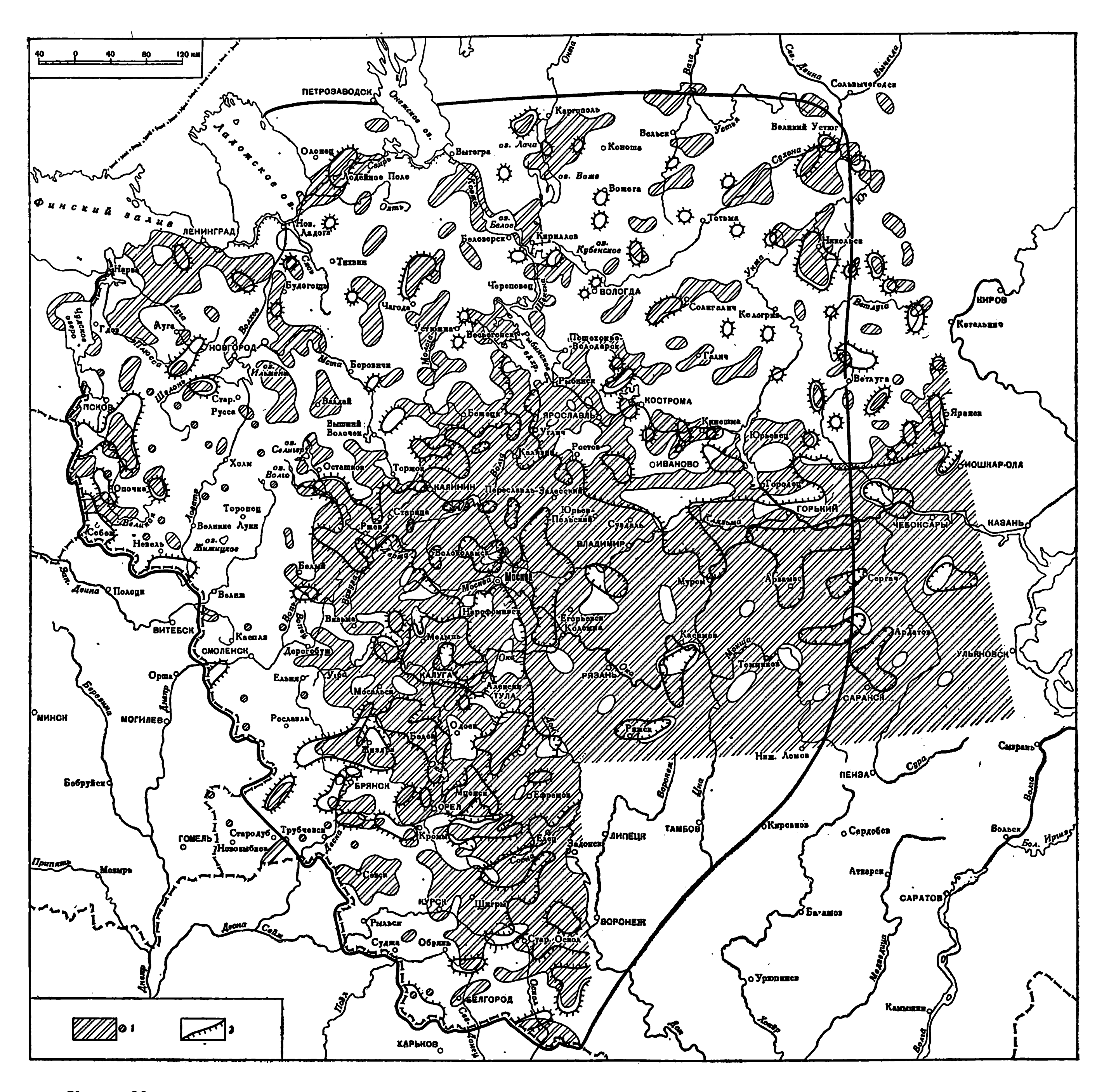
Форма *свекрóва* развилась, по-видимому, из формы *свекрóв(w)* (с твердым конечным согласным) после отвердения губных на конце слова в связи с распространением окончания *-а* под воздействием продуктивного типа склонения существительных женского рода [75].

На основании распространения форм *свекры́* и *свекрá* (см. карту) в современных говорах можно предположить, что ареал с сохранением формы *свекры́* был более широким и до определенного времени характеризовал также говоры центральной части южного наречия. Характерные в настоящее время для этой части говоров формы *свекрóвля*, *свекрóвья*, *свекрóвя* являются, видимо, сравнительно поздними инновациями, возникшими в результате распространения в южном направлении с территории центра основы *свекрóв'-* и усвоения окончания *-а* под воздействием продуктивного типа склонения существительных. Можно думать, что эти инновации первоначально возникли на территории Верховских княжеств после присоединения их к Москве. Ареал новых форм — *свекрóвья*, *свекрóвля*, *свекрóвя* как бы отделил западную часть ареала форм *свекры́* (современные говоры Верхне-Деснинской группы) от его восточной части (современные рязанские и часть тульских говоров). В дальнейшем на территории западного ареала произошла замена формы *свекры́* формой *свекрá* под влиянием общего процесса распространения окончаний продуктивного типа.

---

[74] С. П. Обнорский. Именное склонение, I, стр. 12; Н. Н. Дурново. Очерк истории..., стр. 275—276.

[75] Иначе см.: А. И. Соболевский. Лекции..., стр. 215.

Карта 20

Наличие—отсутствие *н* после предлога в формах родительного падежа ед. ч. местоимения 3-го л. женского рода:

1 — употребление форм с *-н-*: *у/нейо́/*, *у /ней/* и т. д.; *2* — употребление форм без *-н-*: *у /йейо/*, *у /йе́й/* и т. д.

§ 4. Формы родительного падежа единственного числа местоимения 3-го лица женского рода (наличие или отсутствие /н/ после предлога и характер окончания)

Данный очерк начнем с вопроса о наличии или отсутствии /н/ в формах род. п. после предлога, так как характер окончания не зависит от употребления формы в беспредложных или предложных конструкциях (ср. *нет* /йейо́'/ и под. *у* /нейо́/, *для* /нейо́/ и т. д.); на разборе этих последних форм мы подробнее остановимся ниже.

Формы с отсутствием /н/ после предлога (*у*/*йей*/, *у* /*йейо́*/, *у* /*йой*/, *у* /*йейе́*/ и т. д.) представлены в основном на территории говоров западно-северной локализации (западная зона и далее на северо-восток с меньшей регулярностью по территории северного наречия), причем на территории юго-западной диалектной зоны они выступают преимущественно в исключительном употреблении, но и на территории северного наречия и окающих западных среднерусских говоров их распространение ощутительно. Что же касается юго-восточной диалектной зоны, то в ее пределах эти формы имеют лишь рассеянное распространение (см. карту) и тем самым там решительно преобладает распространение форм с /н/.

Известно, что формы с начальным /н/ являются более древними по сравнению с формами без /н/ [76]. Последние появились в результате аналогии с формами без /н/, употребляемыми вне сочетания с предлогами. На основании характера преимущественного распространения форм без /н/ в современных говорах можно предположить, что они раньше всего возникали в западных — новгородских, смоленских, полоцких говорах, где могли появиться, видимо, еще до отделения северных территорий от южных, т. е. примерно в XII—XIII вв. Отсюда эти формы и распространялись в северо-восточном и восточном направлении.

Нельзя сказать, чтобы устранение /н/ в предложных конструкциях было совсем чуждо говорам юго-востока, но здесь оно протекало, видимо, и позже, и менее интенсивно. Этим может объясняться то, что для говоров юго-восточной зоны до сих пор в основном характерны формы с /н/.

По характеру окончаний формы род. п. 3-го лица местоимений жен. рода также имеют особенности территориального распространения.

Форма /*йейе́*/ (реже /*нейе́*/) имеет наиболее определенный ареал распространения в пределах территории юго-западной диалектной зоны, близкий по очертаниям к западной группе южного наречия. Кроме того, известны отдельные ее ареалы на территории северного наречия (см. карту). Тем самым соответствующие говоры характеризуются сохранением наиболее древнего вида изучаемой формы местоимения (*ее́* из *е*ѣ); данная форма известна также подавляющему большинству говоров белорусского языка.

Формы /*йейо́*/, /*нейо́*/ имеют преимущественное распространение в пределах территории говоров центра, а также, в рассеянном распространении, — на остальной части территории (см. карту). Данная форма исторически связана с заменой конечного /*е*/ на /*о*/ [77]. По характеру современного распространения можно предположить, что очагом развития данной формы явились говоры Ростово-Суздальской земли, откуда она в дальнейшем стала распространяться на другие территории. В самих ростово-суздальских говорах эта форма появилась, видимо, в период до XV в., т. е. до присоединения Рязанской земли.

Форма /*йей*/ (/*ней*/), совпадающая по звучанию с формами дат—предл. п. того же местоимения, имеет широкое распространение по говорам русского языка, при этом с явным разрежением на северо-восточной части территории говоров русского языка; известны они также небольшой части говоров (витебских [78]) белорусского языка. В пределах южного наречия, а также на северо-западе территории выделяются значительные территории исключительного употребления данной формы (см. карту 21). Характерно, что в пределах этих же территорий наблюдается совпадение форм род.—дат.—предл. п. ед. ч. существительных женского рода с твердой основой в одной форме типа *к жене́*, *у женѐ*, *о жене́* или *к жены́*, *о жены́*, *у жены́*. В связи с этим может быть выдвинуто предположение о причинах и месте возникновения данного явления, а также о путях распространения данной формы [79].

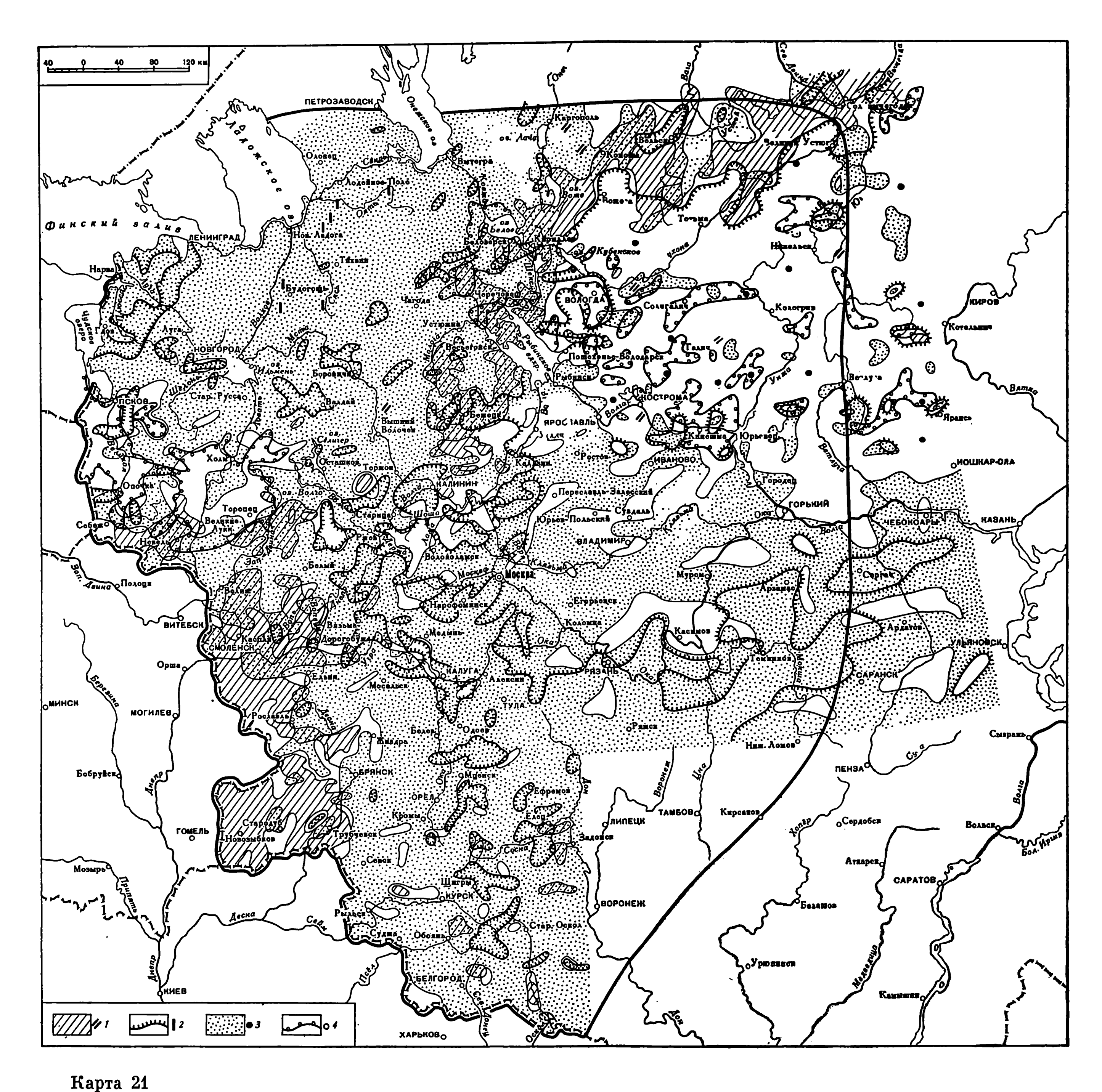
---

[76] П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии. . ., стр. 139.

[77] Подробнее об этом см.: П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии, стр. 132—133.

[78] Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964, стр. 221.

[79] Появление формы /*йей*/ объясняют и иначе, связывая его с фонетической редукцией конечного /*е*/ после /*j*/. См.: П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии. М., 1959, стр. 133.

Карта 21

Формы родительного падежа ед. ч. местоимения 3-го л. женского рода:

1 — с окончанием *-е*: */йейé/*, */н'ейé/*; *2* — с окончанием *-о/йейó/*, */н'ейо/*; формы без окончания: *3* — */йей/*, */н'ей/*; *4* — */йой/*, */н'ой/*

В связи с тем, что значительные ареалы исключительного употребления формы /*йей*/ наблюдаются в восточной части южного наречия русского языка, можно предположить, что очагом возникновения этой формы явились рязанские говоры, где она развивалась под влиянием указанного процесса совпадения форм род.—дат.—предл. п. у существительных женского рода также в форме дат.—предл. п.: *у жене́*, *к жене́*, *о жене́* и т. п. Отсюда форма /*йей*/ раньше всего, видимо, получает распространение в западном направлении (аналогично распространению самих форм существительных типа *у жене́* и т. д.), а позже, после присоединения к Москве Рязанского княжества, она получает распространение и в северо-западном направлении, где ее закреплению, возможно, способствовало также наличие совпадения форм род.—дат.—предл. п. существительных женского рода, хотя и в иной форме (в форме род. п.: *у жены́*, *к жены́*, *о жены́* и т. д.). В настоящее время форма род. п. /*йей*/ известна подавляющему большинству говоров, имеющих совпадение форм род.—дат.—предл. п. существительных женского рода, редко ее отмечают на территории говоров, различающих эти формы (см. карту 21).

На основании сравнения распространения разных форм родительного и винительного падежей данного местоимения в современных говорах (см. карты 21—22) можно заключить, что форма /*йей*/ в род. п. является сравнительно поздним новообразованием, к моменту образования категории одушевленности этой формы еще не существовало, а форму /*йей*/ в значении вин. п., имеющую иной характер распространения, можно считать развившейся в результате иных процессов.

Формы /*йой*/, /*н'ой*/ в виде небольших ареалов отмечены на территории Псковской группы говоров и в южной части территории Межзональной группы северного наречия и северо-восточной диалектной зоны, а также и в немногих рассеянных говорах. Эти формы, почти всегда представленные в сосуществовании с другими формами, относятся, видимо, к числу поздних новообразований. Полагают, что они появились в результате влияния местоименных форм с твердой основой (типа *той* и др.) [80]. Сравнительно новыми в говорах являются также и формы /*йе*/, /*йо*/, появившиеся в результате утраты интервокального /j/ и стяжения гласных.

[80] А. А. Шахматов. Историческая морфология, стр. 164, 361.

§ 5. Формы винительного падежа единственного числа местоимения 3-го лица женского рода

По говорам отмечены следующие формы вин. п. местоимения 3 л. ж. рода: /*йейе́*/, /*йейо́*/, /*йей*/, /*йану́*/, /*йейу́*/ в качестве единичных — /*йе*/, /*йо*/, /*йейа́*/.

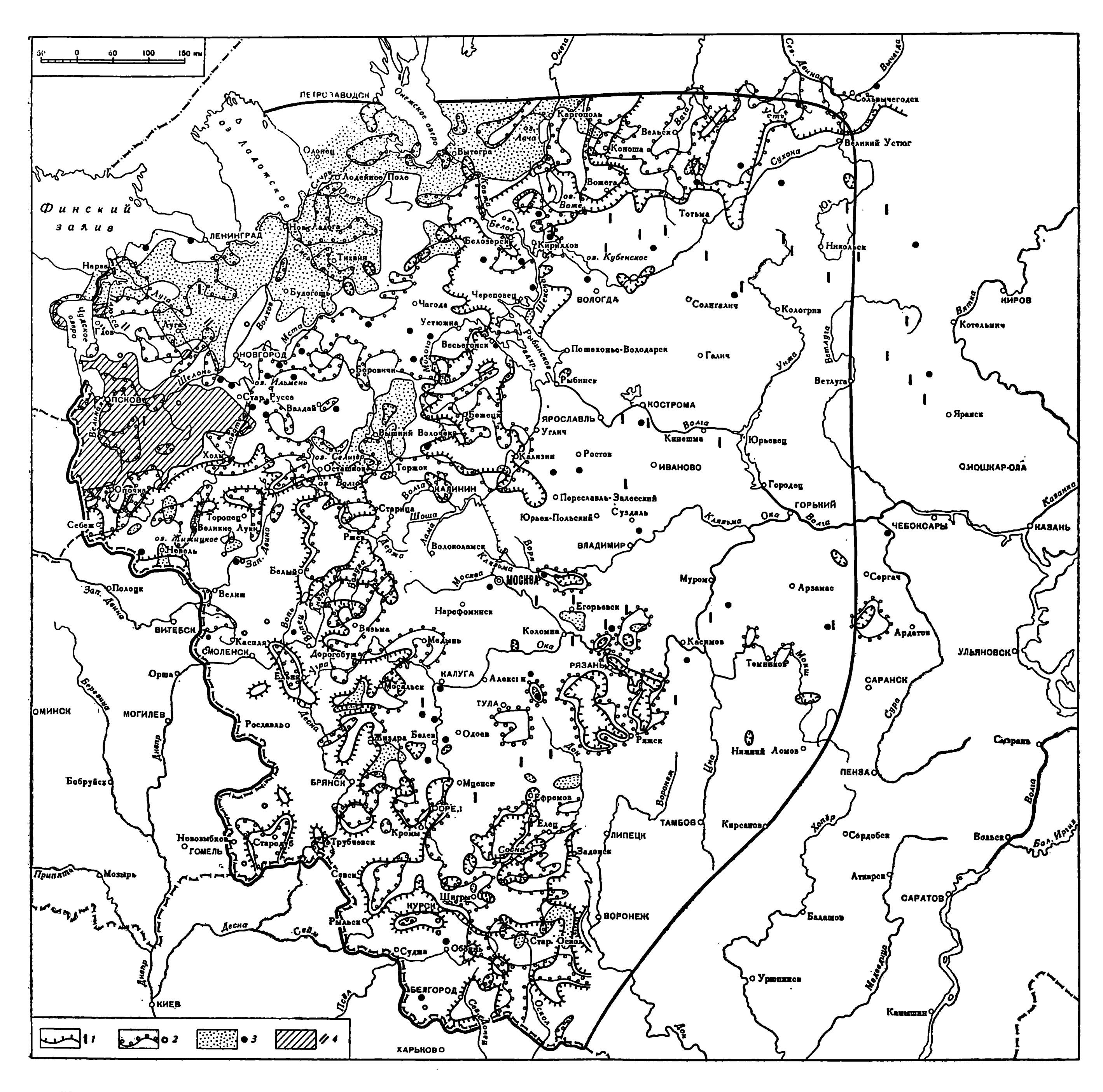
Бо́льшая часть данных форм должна быть систематически рассмотрена в соотношении с формами родительного падежа, каковыми они исторически и являются, так как древнюю форму /*йу*/ отмечают по говорам очень редко [81].

Форма /*йейе́*/, являющаяся по происхождению наиболее архаической формой род. падежа, распространена как форма вин. падежа в основном на тех же территориях, что и аналогичная форма родительного падежа, хотя ее ареалы встречаются и на большем количестве территорий. Так, она широко известна в пределах юго-западной диалектной зоны (причем ее ареал захватывает и южную часть территории акающих западных среднерусских говоров), большей части говоров Межзональной группы северного наречия и в говорах северной части Вологодской группы говоров, кроме того она распространена небольшими островками в рязанских говорах и в единичных рассеянных говорах на других территориях (см. карту 22). Данные этого рода, возможно, свидетельствуют о более широком распространении этой формы в прошлом в пределах западно-северной территории вообще, в том числе и в значении род. п., формы которого подвергались изменениям позднее, уже в период после развития категории одушевленности.

Распространение формы вин. п. /*йейо́*/ нужно раздельно рассматривать в зависимости от интенсивности ее распространения на разных территориях. Исключительное распространение этой формы характерно для значительного массива восточных говоров русского языка, кроме северной части вологодских говоров и некоторых рязанских говоров. В сосуществовании с другими формами она чаще выступает на территории северо-западной диалектной зоны и северной части Вологодской группы говоров. На территории юго-западной диалектной зоны эта форма почти отсутствует (см. карту).

Если мы сравним распространение данной формы с распространением ее в функции родительного падежа, то увидим, что к моменту

[81] Ср. указание П. С. Кузнецова о наличии ее в олонецких говорах (Очерки исторической морфологии, стр. 131).

Карта 22

Распространение форм винительного падежа ед. ч. 3-го л. женского рода:

1 — /йейê/; 2 — /йейó/; 3 — /йей/; 4 — /йану́/

развития категории одушевленности эта форма в значении род. п. имела широкое распространение по говорам русского языка, и что по сути дела в то время в говорах русского языка употреблялись лишь две формы /*йейé*/ и /*йейó*/, так как все остальные формы, как показывает материал говоров, являются более поздними инновациями. Эти инновации вытеснили из употребления форму /*йейó*/ в функции родительного падежа в целом ряде говоров южного наречия (где широкое распространение получает форма /*йей*/), а также в пределах северо-западной зоны, куда форма /*йейó*/ в свое время распространялась с центральных территорий и где она в прошлом, возможно, также была известна более широко.

Форма вин. п. /*йей*/ распространена в настоящее время незначительно в северной части территории новгородских и ладого-тихвинских и некот. других говоров (см. карту). В функции винительного падежа данная форма, видимо, начинает употребляться после того, как она возникла в качестве формы род. п., т. е. в позднее время и лишь в небольшой части, в основном северо-западных говоров. Можно предположить при этом, что эта инновация в данных говорах является не только более поздней, но также и другой по своему характеру (чем форма /*йей*/ в функции родительного падежа), которая могла быть связана с взаимовлиянием местоименных форм уже внутри самой их парадигмы, что наблюдается в ряде говоров северо-запада также и в других случаях. Так, например, форма /*йанý*/, известная говорам Псковской группы (см. карту), возникла, видимо, в результате обобщения основы именительного (/*йанá*/) и винительного падежей.

Форма /*йейý*/ отмечена в южной части территории Ладого-Тихвинской группы говоров и в части новгородских говоров. О развитии этой формы существуют различные мнения: одни считают ее контаминацией старой формы вин. п. /*йу*/ и формы род. п. /*йейé*/ [82], другие — возникшей по аналогии с формами типа *мою́, твою́, свою́* [83]. Эта форма является поздним новообразованием (первые примеры относятся к XV в.[84]).

Еще более новыми являются, видимо, отмеченные в единичных говорах формы /*йе*/, /*йо*/, появившиеся в результате утраты интервокального /*j*/ и стяжения гласных.

[82] А. А. Шахматов. Историческая морфология, стр. 361.

[83] Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950, стр. 158.

[84] П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 131.

§ 6. Формы именительного падежа множественного числа местоимения 3-го лица

В говорах русского языка по характеру флексии различаются следующие формы мн. числа данного местоимения: *они* (единично /*йони́*/), *оны́* (/*йоны́*/, а по говорам также фонетические варианты /*йены́*/, /*йаны́*/, /*ины́*/), *оне́* (по говорам также /*йене́*/, /*йине́*/, /*йане́*/, /*ине́*/).

Форма *они́* имеет распространение на всей изучаемой территории кроме юго-западной диалектной зоны II пучка изоглосс, на которой ее отмечают лишь в некоторых рассеянных нас. п. Наиболее последовательно она представлена на территории юго-восточной диалектной зоны и особенно на территории Рязанской группы говоров, где в подавляющем большинстве случаев она отмечена в исключительном употреблении, на остальных же территориях данная форма распространена наряду с другими формами.

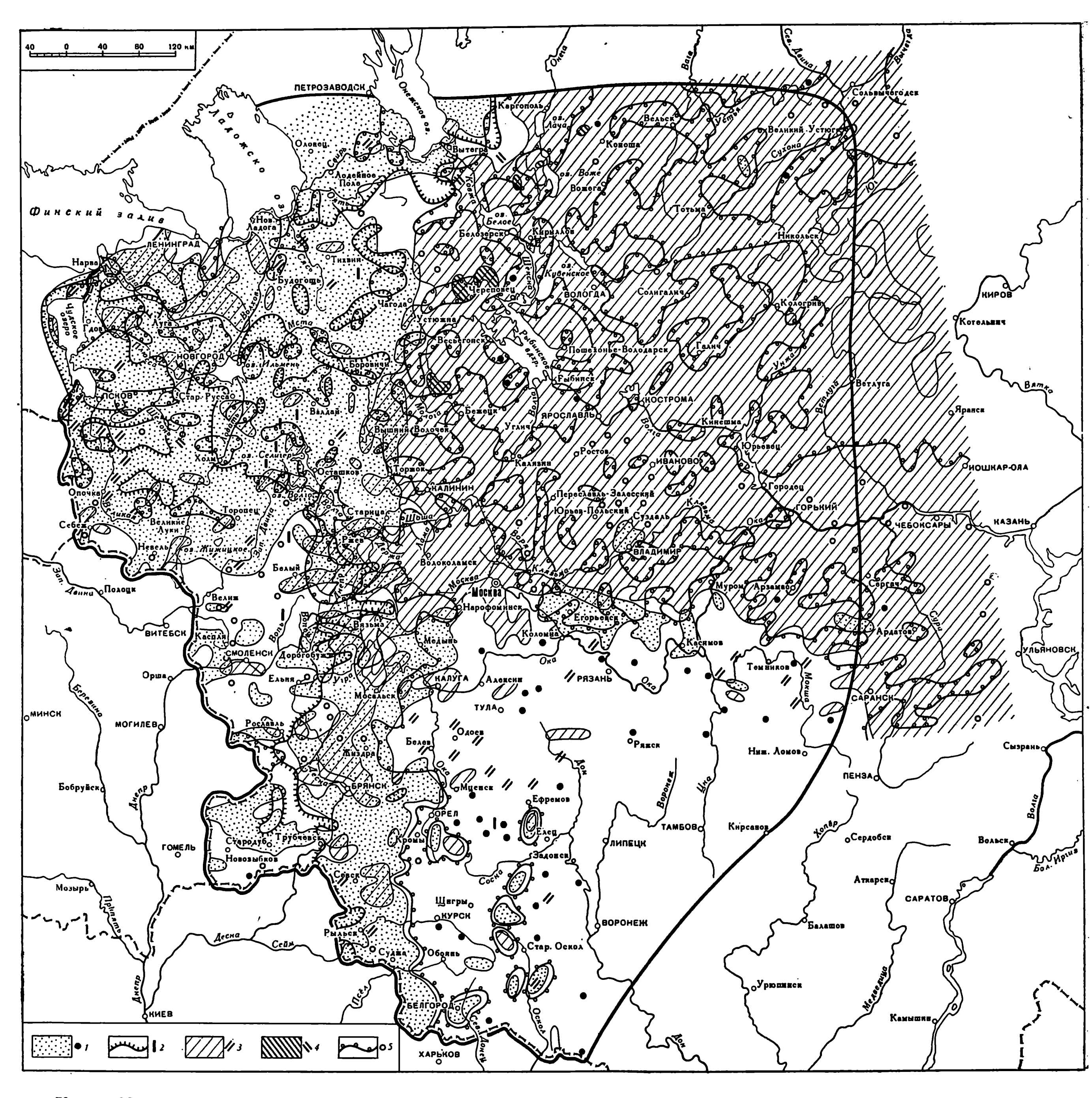
Форма *оне́* наиболее интенсивное распространение имеет на территории северо-восточной диалектной зоны II пучка изоглосс, имея рассеянное распространение на других территориях, необходимо указать при этом, что наиболее разреженное распространение этой формы наблюдается на территории Ладого-Тихвинской, Псковской, Западной групп говоров и особенно на территории юго-восточной диалектной зоны, где она почти отсутствует.

Форма *оны́* (/*йоны́*/, *йены́*/, /*йины́*/, /*ины́*/) распространена в пределах западной диалектной зоны, а также на территории группы Б восточных среднерусских акающих говоров и в говорах на территории около Владимира.

Формы с йотацией начального гласного, а также с различным его произношением, в общем распространены в пределах территорий, занимаемых формами, имеющими различное окончание (см. карту), группируясь преимущественно в пределах говоров западных территорий, взятых вместе.

Употребляемые в настоящее время по говорам русского языка формы им. п. мн. ч. *они́* (старая форма им. п. мн. ч. м. р.), *оны́* (старая форма им. п. ж. р.) и *оне́* (из *онѣ*, происхождение которой объясняют различно [85]) выступают в них без каких-либо различий в грамматическом роде, что неоднократно подтверждается диалектологическими материалами. Показания памятников письменности свидетельствуют о том, что тенденция к устранению родовых

[85] См. А. И. Соболевский. Лекции, стр. 188; Е. Голубева, А. Коневецкий, Л. Судавичене. Местоимение. Пособие по исторической грамматике, стр. 17.

Карта 23

Формы именительного падежа мн. ч. местоимения 3-го л.:

1 — оны́ 2 — /йоны́/ (,йаны́/); 3 — оне́; 4 — /йоне́/; 5 — они́

различий во мн. ч. местоимения 3-го лица существовала уже в XIII—XIV вв.[86] В связи с тем, что история указательных местоимений вообще, а местоимения *он* в частности, недостаточно исследована, мы не располагаем более детальными сведениями по истории этих местоимений.

На основании современного размещения ареалов названных форм можно думать, что для говоров северо-востока такой общей формой первоначально была форма *оне́*. Для говоров юго-востока, точнее для рязанских говоров, общей формой им. п. мн. ч. была форма *они́*. Для западных говоров русского языка и подавляющего большинства говоров белорусского языка [87] такой формой, видимо, была форма *оны́*.

Таким образом, мы предполагаем, что распространение формы *они́* на всей северной территории и распространение формы *оне́* на северо-западе могло быть вторичным. Процесс распространения формы *они́* мог начаться после того, как Рязанское княжество с его землями вошло в состав Московского государства (примерно с XVI в.). Эта форма получает распространение в первую очередь на территории, окружающие Москву, а затем и в северо-западном направлении. Уже с этих территорий форма *они́* могла в дальнейшем распространиться на центральные новгородские территории после присоединения Новгорода к Москве и на территории к северу от Москвы. Не исключено, что в ряде говоров форма *они́* появилась значительно позднее уже в связи с влиянием литературного языка (например, в вологодских говорах и в некоторых говорах юго-запада).

На территории юго-запада, примыкающей к территории белорусского языка, где общей формой им. п. мн. ч. была форма *он/ы́/*, так же, как и в говорах последнего [88], в XIV—XV вв. происходит процесс выравнивания основы в формах им. п., с одной стороны, и косвенных падежей — с другой. В результате этого процесса в форме им. п. мн. числа местоимения 3-го лица развивается */j/*, в связи с чем появляется форма */йоны́/* (по говорам фонетические варианты */йаны́/*, */йены́/*, */йины́/*, */ины́/*). По характеру распространения форм *он/ы́/*, */йоны́/* на территории северо-запада (более интенсивное для формы *он/ы́/* и менее интенсивное для формы */йоны́/*) можно предположить, что распространение формы *оны́* в северном направлении предшествовало процессу развития */j/* в этой же форме.

Форма *оне́* первоначально, видимо, появилась в пределах территории Ростово-Суздальского княжества. В период после покорения Новгорода, когда на его территорию начинается массовое переселение населения с центральных территорий, форма *оне́* начинает, видимо, распространяться в северо-западном и северном направлениях. Можно думать также, что форма *оне́* в период XVI—XVII вв. получает некоторое распространение и в южном направлении.

Таким образом, в результате влияния двух процессов, шедших с разных территорий — с юго-запада и юго-востока изучаемой территории, на территории северо-запада создалась наибольшая пестрота форм им. п. мн. числа местоимения 3-го лица: *он/ы́/*, */йоны́/*, *оне́*, *они́*. Все остальные территории отличаются сравнительно большим их единообразием: на территории юго-восточной диалектной зоны преобладает форма *они́*, на территории северо-восточной диалектной зоны — *он/е́/*, *они́*, на территории юго-западной диалектной зоны — *он/ы́/*, */йоны́/* (*/йены́/*, */йаны́/*, */йины́/*).

Более поздними, видимо, являются формы */йоне́/* (по говорам фонетические варианты */йене́/*, */йине́/*), развившие */j/* под влиянием формы */йоны́/* (форма */йоне́/* распространена в редких говорах на территориях смежных с территорией распространения форм */йоны́/*

§ 7. Формы именительного падежа единственного и множественного числа местоимения *тот*

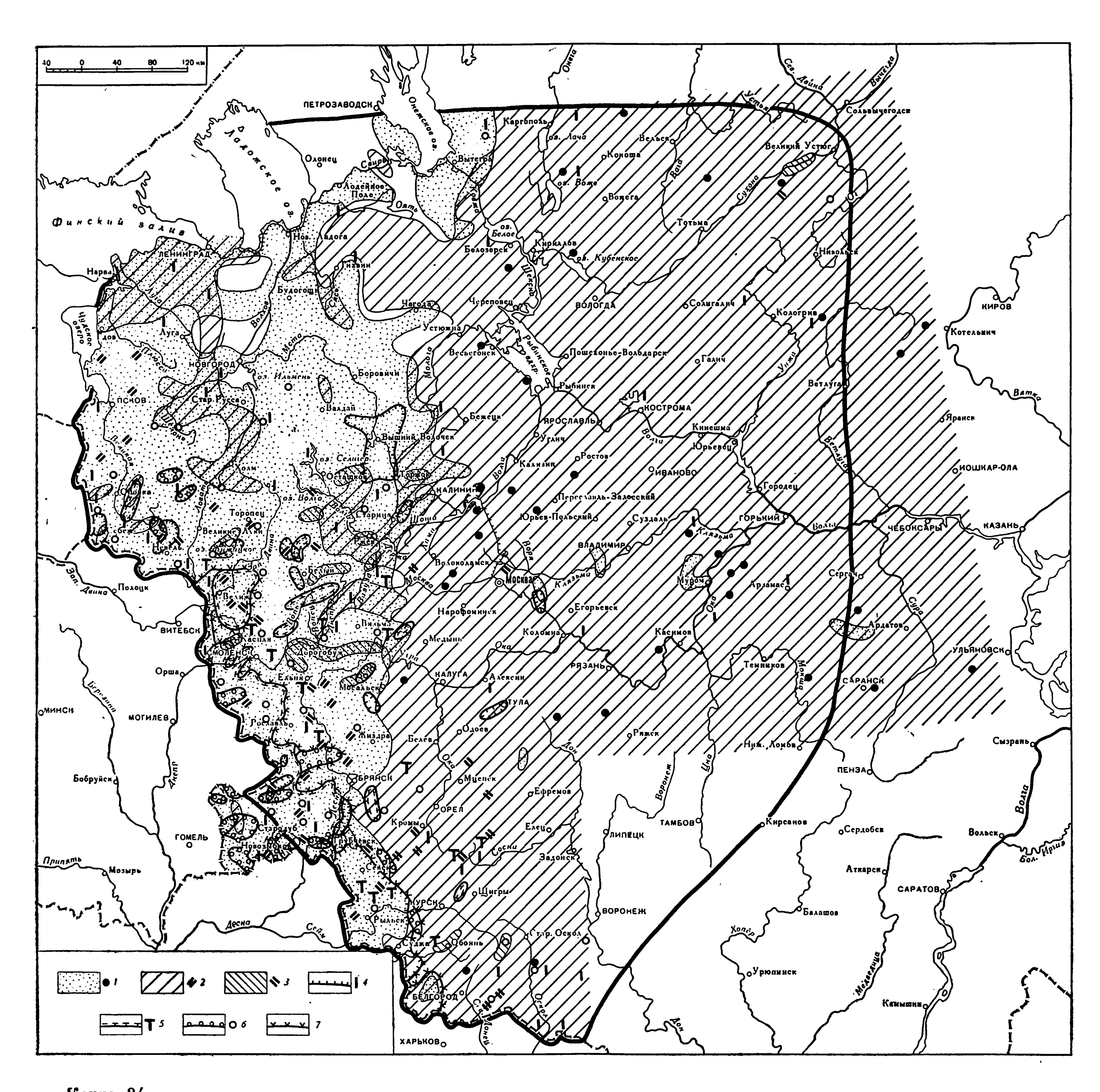
В подавляющем большинстве говоров русского языка, кроме говоров крайнего юго-запада, употребляется форма им. п. ед. ч. м. рода *тот*, выступающая, как правило (в тех говорах, где она известна), в исключительном употреблении (см. карту 24).

В юго-западных говорах, примыкающих к территории Белоруссии и Украины, наблюдаются значительные ареалы формы *тэй*, а в говорах, примыкающих к Украине, — ареалы формы *той* или (реже) *тый*. В рассеянном распространении и в единичных случаях формы *той*, *тэй*, *тый* встречаются также и в других говорах русского языка, но и такое их распространение преимущественно наблюдается в пределах юго-западной диалектной зоны.

86 Материал см. у А. И. Соболевского (указ. соч., стр. 188). Это подтверждается также и тем, например, что в белорусском языке в период его оформления уже не было особых форм этого местоимения для каждого рода (Нарысы па гісторыі беларускай мовы, стр. 128).

87 Дыялекталагічны атлас беларускай мовы, карта № 133.

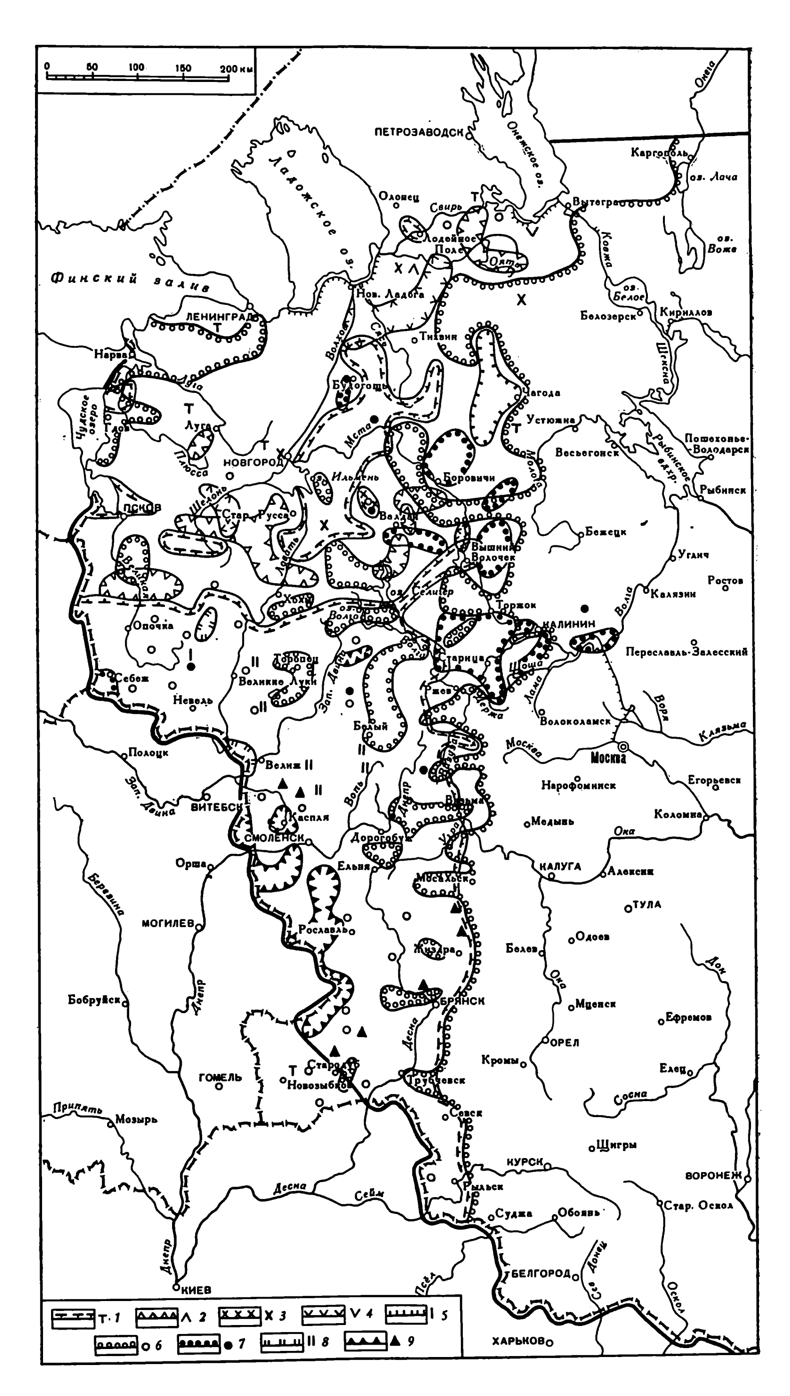
88 Нарысы па гісторыі беларускай мовы, стр. 128.

Карта 24

Формы именительного падежа ед. ч. местоимений *тот* и *та*:

1 — тáя; 2 — та; 3 — тая́, тыя́, тоя́, тóя; 4 — той; 5 — тэй; 6 — тый; 7 — тот

Карта 25

Формы именительного падежа мн. ч. указательного местоимения:

1 — тыи; 2 — тыйи; 3 — тыйе; 4 — ты; 5 — ти; 6 — те; 7 — тéйи, тéи, тéйа, тéйе; 8 — тый; 9 — тéи, тéйа, тéйе

Шире, в пределах отчетливо выделяющейся западной части говоров русского языка, распространена форма им. п. ед. ч. женского рода *та́я*, которой соответствует на восточной территории распространение формы *та* (см. карту 24).

В юго-западных говорах наряду с *та́я* в рассеянных нас. п. встречаются формы *тая́*, *тыя́*. Единично отмечены в говорах восточной части северного наречия формы *тоя́*, *то́я*.

Аналогичное формам женского рода и потому не показанное на карте распространение имеют также членная и нечленная формы им. п. ед. ч. среднего рода, при котором для западной территории характерным является употребление формы *то́е* (в ее более южной части — изредка *тое́*, *тыё*, *таё*), а для восточной — формы *то*.

По употреблению форм им. п. мн. числа также различаются говоры западной и восточной территории. При этом для восточной части территории характерно употребление формы *те*, а для западной — при основной форме *ты́и* — распространение значительного количества других различных образований (см. карту 25).

Относительно большим разнообразием форм отличается северо-западная диалектная зона, где наряду с формой *ты́и* (/*ты́йи*/, /*ты́йе*/) в виде мелких ареалов представлены также формы *те*, *ты*, *ти*, *те́и* (/*те́йа*/, /*те́йи*/, /*те́йе*/) (см. также ареалы этих форм на территории около Калинина). В пределах юго-западной диалектной зоны наряду с формой *ты́и* наблюдается употребление форм *тэ́и* (/*тэ́йа*/, /*тэ́йе*/) (в основном по границе с Белоруссией), а также форм *те* и *ты́й*.

Древняя форма им. п. ед. ч. мужского рода *тъ* заменялась по памятникам формой *тот* в основном со второй половины XIII в.[89] Наряду с этой формой в начале XIV в. входят в употребление и членные формы мужского рода. В дальнейшем, как указывают данные лингвистической географии, на территории русского языка широкое распространение получает форма *тот*, а членные формы *той*, *тый*, *тэй* в основном стабилизируются в говорах, пограничных с говорами белорусского и украинского языков, для которых членные формы *той*, *тый*, *тэй* являются наиболее продуктивными (форму *тот* там отмечают в небольшом количестве говоров, пограничных с русскими).

Значительно бо́льшее распространение в русских говорах получили членные формы им. п. ед. ч. женского и среднего рода данного местоимения, характерные для западной диалектной зоны русского языка, а также для говоров белорусского языка. Памятники письменности свидетельствуют о том, что эти формы в основном начинают употребляться с XV в.[90], причем членные формы среднего рода отмечают значительно реже и позже аналогичных форм женского рода [91].

В истории развития форм мн. числа процессу образования членных форм предшествовал процесс утраты родовых различий.

В XIII—XIV вв. еще можно наблюдать наличие разных форм им. п. мн. ч. для трех родов: *ти* — м. р., *ты* — ж. р., и *та* — ср. р. С начала XIV в. появляется, а затем становится господствующей общая для всех родов форма *тѣ* [92], происхождение которой связывают с влиянием форм косвенных падежей [93].

С XV в. в памятниках письменности, и в частности в новгородских грамотах, начинают употребляться также общие для всех трех родов формы *ты́и*, *ты́е* (реже), возникшие под влиянием соответствующих окончаний членного склонения прилагательных [94], при которых выступают формы косвенных падежей *тыхъ*, *тымъ* и т. д.

Наиболее последовательное и исключительное распространение членных форм им. п. мн. ч. *ты́и* (или *тэ́и*) наблюдается в пределах

---

[89] См.: Е С. Скобликова. О некоторых особенностях склонения местоимений в «Грамотах Великого Новгорода и Пскова». — «Уч. зап. Куйбышевского пед. ин-та», вып. 26, 1959, стр. 167; Е. Н. Петухова. К истории форм неличных местоимений в восточно-славянских языках. Автореф. канд. дисс. М., 1966, стр. 7.

[90] Е. С. Скобликова. Указ. соч., стр. 168; Е. Н. Петухова. Указ. соч., стр. 9.

[91] Е. С. Скобликова. Указ. соч., стр. 166.

[92] Там же, стр. 160.

[93] П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1952, стр. 195; Л. А. Булаховский. Исторический комментарий, стр. 159; Е. С. Скобликова. Указ. соч., стр. 161; П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1953, стр. 151. П. С. Кузнецов допускает при этом возможность сопутствующей причины — воздействие формы им. п. мн. ч. ж. р. типа *вьсѣ*, т. е. местоимений с основами на мягкий согласный Иной точки зрения придерживается Е. Н. Петухова (Склонение указательных местоимений *тъ*, *та*, *то* в памятниках XIV—XVI вв. «Уч. Зап. Иркутского пед. ин-та», т. XIV, 1958, стр. 87), которая связывает форму *тѣ* с более древней формой им.—вин. п. двойственного числа женского и среднего рода. По ее мнению эта форма осмысливалась как «именительный-винительный множественного числа уже в XII—XIII вв.».

[94] А. И. Соболевский. Лекции, стр. 189; А. А. Шахматов. Двинские грамоты, стр. 116; Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. 2. Киев, 1953, стр. 169; Е. С. Скобликова. Указ. соч., стр. 161.

юго-западной диалектной зоны, можно также предположить, что именно юго-западная часть территории явилась первоначальным очагом возникновения этих форм. Опираясь на данные лингвистической географии, можно думать, что другие диалектные формы — *ты*, *ти*, *тéи* — развивались на западной территории в связи с процессами взаимодействия членных форм *тӹи* (/*тӹйе*/, /*тӹйи*/) с формой *те*. Так, например, форма *ты*, распространенная к югу от Ладожского озера и не отмеченная в памятниках письменности в период появления в них общих форм для всех трех родов, могла появиться в говорах в результате утраты формой *тӹи* (*тӹе*) членного окончания. Это могло произойти в результате взаимодействия диалектных групп, имевших парадигму *те-тех-тем* и т. д., с группами, знавшими употребление членных форм. В условиях подобного взаимодействия и могла сложиться не тождественная по звучанию, но образованная по той же модели, парадигма, в составе которой форма им. п. мн. ч. так же, как и в парадигме *те-тех-тем* и т. д., противопоставляется другим формам косвенных падежей по признаку отсутствия или наличия членного окончания: *ты-тых-тым* и т. д.[95]

Форма *ти*, распространенная в говорах к западу от Чагоды, отмечена в памятниках письменности, в частности, в Двинских грамотах, с XV в. Эта форма употребляется обычно при косвенных падежах *тих*, *тим* и т. д., которые возникли, как полагают, под влиянием мягкой разновидности членного склонения [96]. Причем появление самой формы *ти* связывают с влиянием форм косвенных падежей [97]. Впрочем, возможно, что в данном случае выступает фонетический вариант формы *те*, в котором отражается произношение /*и*/ в соответствии исконному *ě*. Форма *тéи*, отмеченная в рассеянном распространении в основном на территории распространения формы *тӹи*, с одной стороны, и формы *те*, с другой, по-видимому, представляет собой их контаминацию, возникавшую в процессе междиалектного взаимодействия и является тем самым наиболее новым образованием.

Итак, видим, что членные формы местоимений развивались неравномерно как в смысле появления отдельных из них, так и в отношении охвата ими территории. Можно считать, что ранее других возникли наиболее широко и интенсивно распространенные формы женского рода *тáя* и мн. ч. *тӹи* (/*тӹйе*/, /*тӹйи*/). Их распространение в пределах западной диалектной зоны шло, видимо, в направлении с юга на север. В юго-западных памятниках эти формы отмечены с XIII в.[98] Тот факт, что в пределах русского языка эти формы распространены лишь в пределах западной диалектной зоны и не охватывают восточной части северного наречия позволяет думать, что и в северной части западной зоны они распространялись значительно позднее, в одних говорах в XV в., а в других также и в последующее время. Членная форма среднего рода, хотя и имеет в настоящее время столь же интенсивное распространение и на той же территории, что и форма женского рода, однако, судя по показаниям памятников, распространение ее происходило сравнительно в еще более позднее время (даже по памятникам белорусского языка она фиксируется с XV—XVI вв.[99], а на территории северо-запада в XVI в. эти формы являются буквально единичными [100]). Членная форма муж. рода, как уже говорилось, не является характерной для подавляющего большинства говоров русского языка.

§ 8. Формы инфинитива

Особенности образования форм инфинитива по говорам могут касаться всех его формообразующих элементов — характера основы, суффикса и места ударения. Хотя отдельные процессы, вызывавшие изменение форм инфинитива первоначально могли быть общими для целого ряда глаголов, специфика дальнейшего развития и изменения этих форм у разных глаголов тесно связана с характером основ различных групп глаголов. В связи с этим изложение материала и рассмотрение вопросов, касающихся особенностей образования диалектных форм инфинитива, будет дано в соответствии с характером основ этих форм.

1. Глаголы с основой на заднеебный согласный. Мы не располагаем материалом, который указывал бы на различное образование форм у разных глаголов с основой на задненебный согласный, в связи с чем

---

[95] П. С. Кузнецов считает, что форма *ты* по своему происхождению является старой формой им.-вин. п. ж. р. и вин. п. м. р. — Историческая грамматика, стр. 151.

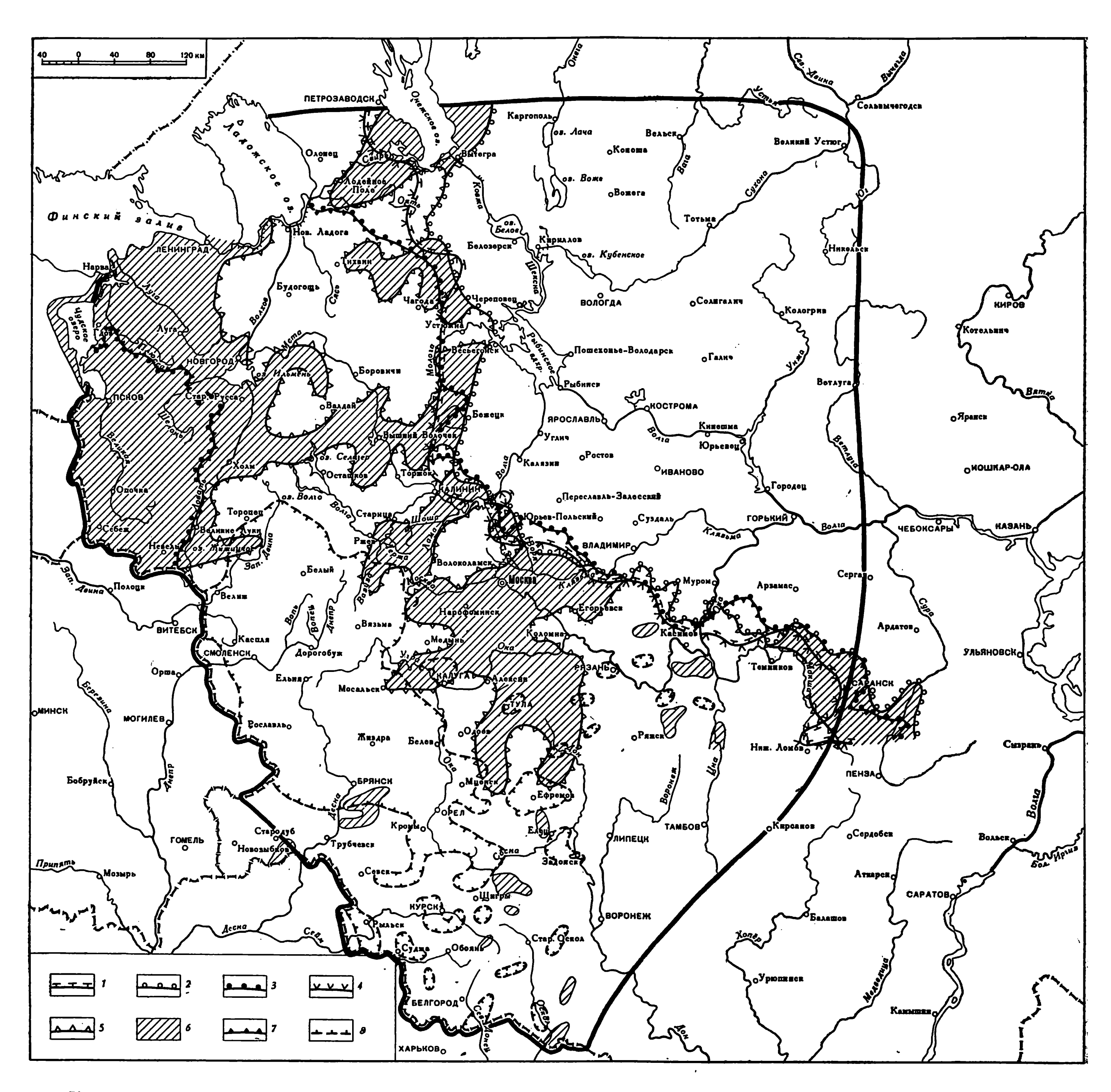
[96] П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии, стр. 128—129; Е. С. Скобликова. Указ. соч., стр. 172.

[97] Е. С. Скобликова. Там же, стр. 173.

[98] Нарысы па гісторыі беларускай мовы, стр. 130—131.

[99] Там же, стр. 133.

[100] Е. С. Скобликова. Указ. соч., стр. 166.

Карта 26

Формы инфинитива

Территория преимущественного распространения форм инфинитива с суффиксами *-ти*, *-чи*:

1 — формы типа *пекчи́*, *печи́*; *2* — формы типа *нести́* в исключительном употреблении; *3* — формы *итти́*, *ити́;* территория преимущественного распространения форм с суффиксами *-ть*, *чь*: *4* — формы типа *печь* в исключительном употреблении; *5* — формы типа *несть* в исключительном употреблении; *6* — сосуществование форм типа несть и типа *нести́*; *7* — формы *итти́ть*, *ити́ть;* *8* — форма *иди́ть*

соответствующий материал будет рассмотрен суммарно.

Весьма отчетливым по своим очертаниям является ареал форм, сохраняющих гласный /и/ в суффиксе инфинитива глаголов с основой на задненебный согласный, соответствующий в основном территории северо-восточной диалектной зоны II пучка с включением в нее также территории Онежской группы говоров. При этом распространение форм типа *пекчú*, *берекчú* с заднененебным в основе охватывает основную часть этой территории, совпадающую с границами северо-восточной зоны I пучка, и территорию Онежской группы говоров. Лишь в отдельных говорах формы этого типа отмечены также в западной части северо-западной зоны. Формы типа *печú*, *беречú* занимают «периферию» территории северо-восточной зоны, т. е. территорию Межзональной группы северного наречия и тесно примыкающую к ней западную часть Вологодской группы говоров, а также территорию Владимирско-Поволжской группы говоров и примыкающую к ней на юго-востоке территорию группы В восточных среднерусских акающих говоров. На этой территории их отмечают, как правило, в исключительном употреблении. Кроме того, эти формы островами или в отдельных пунктах в сосуществовании с другими формами отмечены и в пределах северо-восточной зоны на территории Вологодской и Костромской групп говоров, а также в пределах западных среднерусских говоров. Формы типа *печчú*, *береччú*, *петчú*, *беретчú* распространены островами в восточной части Владимирско-Поволжской группы говоров.

В пределах общей территории распространения глаголов, сохраняющих гласный /и/, отмечены также формы с суффиксом *-тú*, типа *пектú*, *берегтú*, наблюдаемые в основном в пределах Вологодской группы говоров, за пределами которой они отмечены в отдельных разрозненных пунктах. Остальные формы — *пéчи*, *печтú*, *лечтú* — глаголов данного типа являются в говорах весьма немногочисленными и встречаются в разрозненных нас. п. На юге Псковской группы говоров отмечены единичные формы типа *пекстú*, *берегстú*, являющиеся, видимо, узко местными новообразованиями.

Формы типа *печь*, *берéчь* распространены в настоящее время повсеместно, в том числе и на территории, где резко преобладают формы типа *пекчú*, *печú*. Однако в исключительном употреблении они известны на той части изучаемой территории, которая выделяется путем исключения из нее северо-восточной диалектной зоны и западной половины территории Псковской группы говоров (см. карту). Таким образом эти формы в исключительном употреблении распространены на территории южного наречия, в восточных среднерусских акающих говорах, на территории западных среднерусских говоров с исключением западной части Псковской группы говоров и на большей части территории Ладого-Тихвинской группы говоров северного наречия.

Распространение этих форм в западном направлении на территорию белорусского языка незначительно и наблюдается лишь в восточных говорах этого языка[101].

Из общего круга перечисленных форм инфинитива наиболее древними являются формы типа *печú*, *беречú*. В говорах южного наречия их сменили формы типа *печь*, которые также, как и повсеместно распространенные формы типа *ходúть*, *класть*, отмечены уже в ранних памятниках письменности (примерно с XI в.).

Формы типа *пекчú*, *берекчú*, видимо, образовались в результате обобщения основы прош. времени и инфинитива. Поскольку для целого ряда говоров этой территории характерна основа наст. времени с заднененебными во всех личных формах (*пекý — пекёшь — пекýт* или *пекý — пекóшь — пекýт* (см. I, 3, § 9), можно допустить в этих случаях влияние форм наст. времени. Появление форм типа *пекчú* относится к позднему времени, они отсутствуют в письменности до XVIII в. Все другие разновидности инфинитива, реже встречающиеся на территории северо-востока, такие как *петчú*, *печчú*, *печтú*, объединены с формами типа *печú*, *пекчú* тем особенно существенным для нас признаком, что они имеют ударение на суффиксе и сохраняют гласный /и/ в его составе; однако по характеру основы они представляют собой новообразование; подобные формы отмечают в памятниках XVI—XVII вв.[102]

Авторы, исследовавшие происхождение этих форм, объясняют их появление на основании взаимодействия основ различного вида, характерных для этих глаголов в настоящем, прошедшем времени и в инфинитиве, а также за счет повторного прибавления суффикса инфи-

---

101 Дыялекталагічны атлас беларускай мовы, карта № 179.

102 Материал из картотеки ДРС, хранящейся в Ин-те русского языка АН СССР: *стеретчú* — Устюж. Лет. свод; *петчи*, *стеретчи* — Акты Холмогорской и Устюжской епархии, *беретчи* — Архив Строева; *петчи* — Столбцы из Архива Онежского Крестного монастыря; *беретчи* — Акты Велико-Устюжского и Михаило-Архангельского монастыря; *петьчи* — Книга — записная расходам морских рыбных понойских и мурманских промыслов рыбных ловель. В более ранних памятниках этих форм отметить не удалось.

нитива [103]. Некоторые соображения об отдельных формах инфинитива см. также в разделах, посвященных Вологодской и Псковской группам говоров.

2. Глаголы с основой на гласный, имеющие форму инфинитива с ударенным суффиксом *-сти́* (типа *нести́*). Материал, которым мы располагаем, не позволяет установить каких-либо различий лексического характера в образовании тех или иных форм глаголов данного типа (в некоторых говорах выделяется лишь глагол *расти́*, который при наличии форм типа *несть* имеет форму с ударением на окончании — *расти́*) [104].

Формы типа *нести́* как единственный возможный вариант форм глаголов данного типа выступают на территории говоров северо-восточной зоны (см. карту), где формы типа *несть* отмечены буквально единично.

Формы глаголов данного типа с переносом ударения на основу и утратой конечного /*и*/ охватывают территорию южного наречия, западных среднерусских говоров, Ладого-Тихвинской группы говоров северного наречия и южной (преимущественно акающей) части восточных среднерусских говоров. Распространены они и на смежной восточной части территории говоров белорусского языка [105], хотя и на достаточно ограниченном пространстве, близком к границе с русским языком. Для изучения вопросов исторического характера важно выделить те говоры русского языка, где эти формы распространены исключительно в отличие от тех, где наблюдается сосуществование форм типа *несть* и типа *нести́*. В исключительном употреблении формы типа *несть* известны на территории южного наречия кроме Тульской группы говоров и на территории Ладого-Тихвинской группы говоров северного наречия. Сосуществование форм типа *нести́* и типа *несть* наблюдается в пределах почти всех западных среднерусских говоров Тульской группы южного наречия русского языка и южной (акающей) части восточных среднерусских говоров. Таким образом, в дополнение к сведениям, имеющимся в лингвистической литературе [106], можно сказать, что формы с ударением, перенесенным на основу, и утраченным конечным /*и*/ типа *несть*, составляя характерную черту говоров южного наречия, распространены также с разной степенью интенсивности в среднерусских говорах, являясь не чуждыми и определенной части говоров северного наречия русского языка.

Отмеченный в некоторых говорах перенос ударения на основу в глаголах данного типа при сохранении конечного /*и*/: *не́сти*, *ве́сти* и т. д., зафиксирован единичными примерами на территории новгородских говоров, среднерусских восточных акающих говоров и Верхне-Днепровской группы говоров, т. е. в говорах пограничной полосы между территорией с формами типа *нести́*, с одной стороны, и территорией с формами типа *несть* — с другой. Особенно наглядно выступает переходный характер этих форм на территории говоров белорусского языка (см. указ. выше карту).

Другие формы инфинитива глаголов данного типа, представленные в материалах, являются единичными. Так, некоторые глаголы, имеющие основу настоящего времени на губной, в ряде говоров сохраняют этот согласный и в форме инфинитива, видимо, вследствие унификации основы прош. времени и инфинитива: *гребсти́*, *скребсти́*, или *гребти́*, *скребти́* и под. При этом формы с подобной основой могут иметь и разные суффиксы: *-ти* и *-сти*. Суффикс *-сти*, видимо, в данном случае был воспринят как морфема отвлеченная от глаголов типа *нести́*, *вести́*. Формы типа *гребсти́*, *скребсти́* в разрозненных пунктах отмечены на территории Псковской группы говоров, формы типа *гребти́*, *скребти́* — на территории Ладого-Тихвинской группы говоров. В отдельных говорах на территории западной части Вла́димирско-Поволжской и Рязанской групп говоров отмечены единичные формы *гprести́ть*, *рости́ть*, *вести́ть*, *мести́ть*, *нести́ть*, образованные, видимо, путем присоединения к старой форме инфинитива типа *нести́* второго инфинитивного суффикса *-ть*.

3. Глагол идти. Формы инфинитива этого глагола могут различаться как по характеру окончания (*итти́*, *итти́ть*, и т. д.), так и по характеру основы (/*итти́*/, /*ити́*/, /*ийти́*/, /*итти́*/*ть*, /*иди́*/*ть*, /*ити́*/*ть* и т. д.).

На основании имеющегося материала оказалось невозможным разграничить такие пары форм как /*ити́*/ и /*итти́*/, /*ити́*/*ть* и /*итти́*/*ть*.

[103] А. И. Соболевский. Лекции, стр. 259; А. М. Селищев. Диалектологический очерк, стр. 257; В. В. Масякина. Формы инфинитива от глаголов с основой на задненебный согласный в говорах русского языка в сравнении с данными говоров украинского и белорусского языков, «Уч. Зап. Балашовского пед. ин-та», т. I, 1956, стр. 95; Г. А. Касвин. Глагольные основы в русских говорах. Канд. дисс. М., 1947.

[104] См.: С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола (в дальнейшем: С. П. Обнорский. Очерки по морфологии глагола. . .). М., 1953, стр. 181.

[105] Дыялекталагічны атлас беларускай мовы, карта № 175.

[106] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 181.

В связи с этим данный очерк посвящается в основном различию в суффиксах инфинитива *иттú* или *итú*, с одной стороны, и *иттúть*, *итúть*, *идúть*, с другой.

Формы *итú*, *иттú*, широко и последовательно распространены на территории северо-восточной зоны, большей (западной) части Псковской группы говоров. В рассеянном распространении, обычно в сосуществовании с другими формами, они известны на всей территории русских народных говоров. В большинстве случаев в материалах представлена форма *иттú*; форма *итú* приводится нерегулярно, в связи с чем трудно установить, имеет ли она территориальную приуроченность. Можно лишь отметить, что она наблюдается в разрозненных нас. п., в основном относящихся к территории северо-западной зоны, при этом в подавляющем большинстве нас. п. она сосуществует с другими формами.

Формы с суффиксом *-ть*: *иттúть*, *итúть*, *идúть* характерны для южного наречия русского языка, они распространены также на территории западных среднерусских говоров, кроме западной части Псковской группы говоров, на территории восточных среднерусских акающих говоров и на территории Ладого-Тихвинской группы говоров северного наречия. Почти на всех этих территориях они отмечены по говорам в сосуществовании с формами *иттú*, *итú*, лишь на территории Ладого-Тихвинской группы и примыкающей к ней территории Новгородских говоров, а также на территории Рязанской группы говоров эти формы относительно чаще представлены как единственные в говоре. Что касается соотношения форм *итúть*, *иттúть*, то они распространены в общем в пределах одной и той же территории примерно в одинаковом количестве пунктов.

Форма *идúть*, отмеченная в пределах общей территории форм с суффиксом *-ть*, характерна для более западной части южного наречия (см. карту). Особенно последовательно распространение этого инфинитива в говорах северной части Западной группы и Верхне-Днепровской группы южного наречия.

Остальные формы данного глагола (*ийтú*, *итéть*, *идéть*, *ихтú*, *найсти*, *пайстú*) являются в говорах единичными.

По данным памятников письменности самыми древними являются инфинитивы с суффиксом *-ть*, поскольку такие формы встречаются с XI в.[107]

Процесс утраты гласного в суффиксе *-ти*, ранее всего начался в инфинитивах, имеющих основу на гласный с ударением на основе типа *ходúти*, *кла́сти*, в связи с чем формы типа *ходúти*, *кла́сти*, редко встречаются в настоящее время в говорах русского языка. Они отмечены в рассеянном распространении в основном на территории северо-восточной диалектной зоны II пучка, но кроме того в единичных говорах на территории юго-восточной диалектной зоны и на территории, пограничной с Украиной, а также к востоку от Пскова и около Великих Лук.

По данным лингвистической географии трудно высказать какие-либо дополнительные соображения о месте и времени возникновения подобных форм.

На основании диалектных данных можно предположить, что достаточно древними являются также и формы типа *печь*, *беречь*, которые в настоящее время известны всем говорам русского языка. Учитывая характер территории, на которой эти формы известны в исключительном употреблении, местом их возникновения можно считать говоры южного территориального подразделения и, вероятнее всего, первоначально его восточную часть, т. е. пределы Рязанского княжества. Уже после того, как Рязанское княжество и его земли вошли в состав Московского государства, эти формы инфинитива получают распространение в северо-западном направлении. Что же касается распространения их в собственно западном направлении, то оно могло иметь место и несколько раньше, т. к. по имеющимся данным исторического характера население Рязанского княжества на протяжении XV в. в большей степени сохраняло свои связи с западными, чем с северными соседями. Распространяясь на северо-запад, формы типа *печь*, *беречь* должны были раньше всего (в начале XVI в.) охватить территории, окружающие Москву и стабилизоваться на них. С этой территории данное явление распространялось уже на центральные территории Новгорода после присоединения его к Москве.

Инфинитивы типа *несть* в основном префиксальные — *донéсть*, *довéсть* и под. — зафиксированы в московских памятниках XVI—XVII вв.[108] В дальнейшем эти формы становятся нормой старого литературного

[107] Эти формы некоторые исследователи считают общеславянскими (Н. Н. Д у р н о в о. Очерк истории, стр. 324); другие связывают их появление с периодом падения редуцированных (С. П. О б н о р с к и й. Очерки по морфологии глагола, стр. 172); третьи, считая это явление очень давним, предполагают, что оно охватывало первоначально не все говоры русского языка (Л. А. Б у л а х о в с к и й. Исторический комментарий, стр. 201).

[108] Л. А. Б у л а х о в с к и й. Исторический комментарий, стр. 201.

языка XVIII в., откуда со временем они были устранены. Формы *итить*, *иттить* широко представлены в грамотах XVII в. и также долго держались в литературном языке. Таким образом, по данным древней письменности инфинитивы типа *несть* и инфинитив *иттить* (*итить*, *идить*) могли бы рассматриваться как возникшие одновременно.

Между тем по данным лингвистической географии есть основания думать, что формы типа *несть* возникали несколько раньше, чем инфинитив *иттить* (*итить*, *идить*), так как имеется значительная территория, в говорах которой инфинитивы типа *несть* распространены как единственный тип образования инфинитивов этого рода: это прежде всего говоры южного наречия за исключением его Тульской группы. Что касается инфинитива *иттить* (*итить*, *идить*), то на всей территории своего распространения он постоянно встречается в сосуществовании с инфинитивом *итти* (*ити*).

Учитывая общие данные о вторичном характере инфинитивов типа *несть* и инфинитива *иттить* (*итить*, *идить*), очагом возникновения этих форм можно также, видимо, считать территорию древнего Рязанского княжества, откуда они в дальнейшем, подобно формам типа *печь*, *берёчь*, получают распространение в западном, а с присоединением Рязани к Москве, и в северо-западном направлении. О вторичном, но более раннем по времени появления, характере форм типа *несть* в говорах, окружающих Москву, свидетельствует достаточно равноправное сосуществование их с формами типа *нести*. Сосуществование тех же форм на территории Псковской и Гдовской групп, а также в пределах новгородских говоров отличается значительным преобладанием форм типа *нести*, что может свидетельствовать о более позднем распространении здесь этих форм с центральных территорий. Относительно большая стабилизация форм типа *несть* на территории Ладого-Тихвинской группы могла сложиться уже на самых поздних этапах развития этих говоров. Особо стоит вопрос о сосуществовании форм типа *нести* и *несть* на территории Тульской группы говоров. Если признать доказанным взгляд на формирование этой группы, как южновеликорусской по своей основе с северновеликорусским наслоением [109], то можно считать, что здесь распространение форм типа *нести* было поддержано или даже привнесено вновь тем влиянием северных говоров, которое обусловило развитие на данной территории также ряда других явлений северного происхождения.

§ 9. Основа личных форм глаголов на задненебный согласный

В дальнейшем изложении не учитываются данные о парадигмах глаголов *ткать*, *скать*, у которых чаще, чем у других глаголов данного типа выступает основа с чередованием твердого и мягкого задненебного согласного (как и в литературном языке). В связи с этим формы данных глаголов не дают возможности судить об общей системе образования личных форм глаголов с основой на задненебный согласный. Материал по глаголам *бечь*, *волόчь* использован только в тех случаях, когда они образованы по типу форм глаголов I спряжения. Основы личных форм глаголов *мочь* и *лечь* в связи с особенностями их образования и территориального распространения будут рассмотрены ниже.

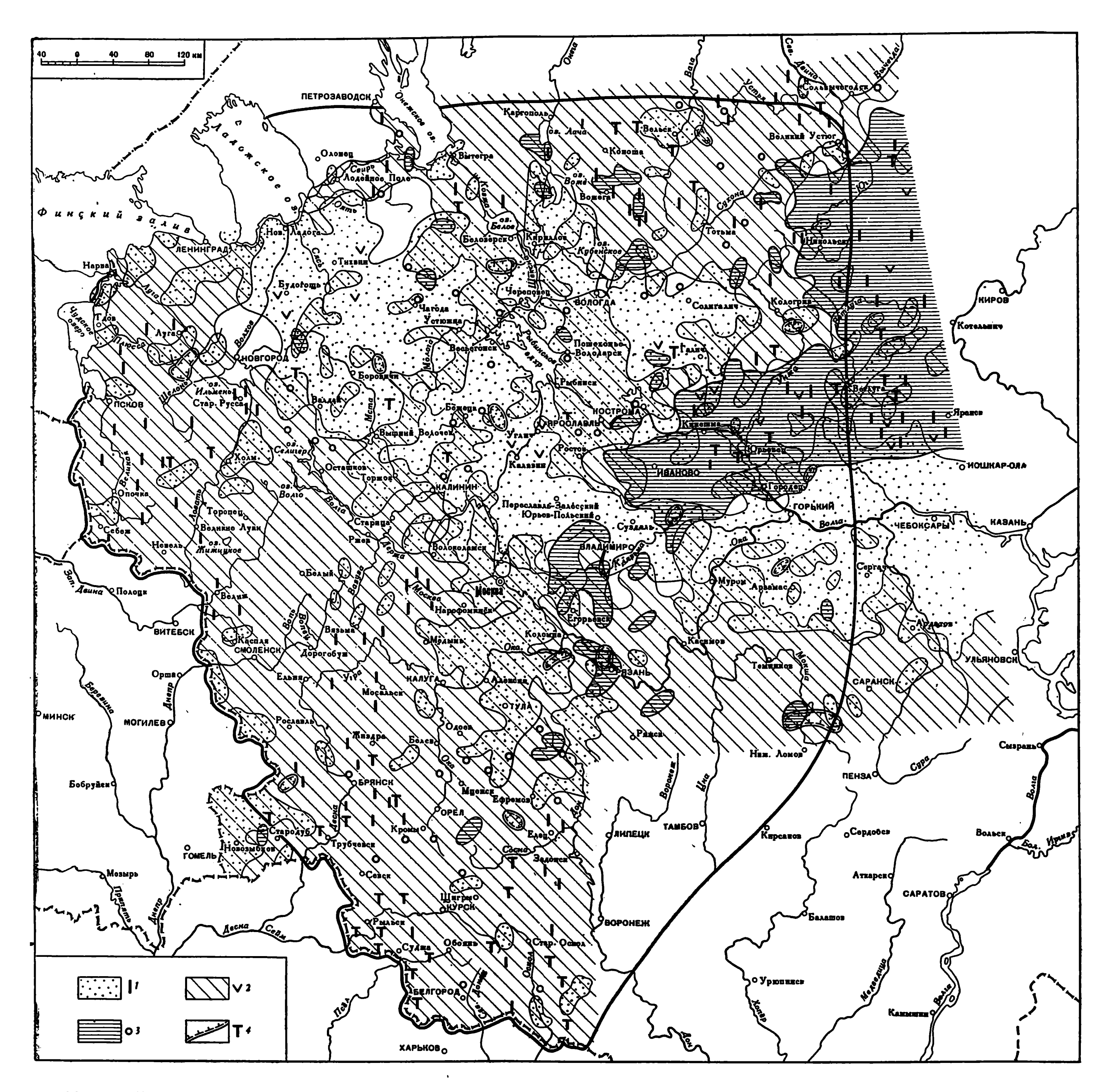
В говорах русского языка отмечают четыре типа образования основ глаголов на задненебный согласный по характеру этого согласного или чередующихся с ним звуков в формах настоящего времени.

1. Основа с чередованием задненебного согласного, представленного в формах 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., с шипящим, который выступает в формах 2—3 л. ед. ч. и 1—2 л. мн. ч.: *пе/к/ý — пе/ч/ёшь — пе/к/ýт*, *бере/г/ý — бере/ж/ёшь — бере/г/ýт* и под.

Данный тип образования основ достаточно интенсивно, хотя и не сплошь распространен во многих говорах преимущественно в пределах северного территориального подразделения, если не считать его наличия в говорах Тульской группы южного наречия русского языка. В остальных говорах русского языка он имеет рассеянное распространение (см. карту). В целом ряде говоров основа с чередованием *к—ч—к* известна в сосуществовании с другими типами основ и чаще всего с основой, имеющей чередование твердого и мягкого задненебного (типа *пе/к/ý — пе/к'/éшь (пе/к'/óшь) — пе/к/ýт* и т. п.). Исключительное распространение этой основы связано с центральными говорами и имеет продолжение в северо-западном направлении.

2. Основа с чередованием твердого и мягкого задненебного согласного: *пе/к/ý — пе/к'/éшь (пе/к'/óшь) — пе/к/ýт* и т. п. Данный тип образования основы в общем известен на всей изучаемой территории, часто сосуществуя с основой, имеющей чередование задненебного

[109] Р. И. Аванесов. Вопросы образования. . .; Н. Б. Парикова. Умеренное яканье в Тульских говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, вып. II, стр. 16—35.

Карта 27

Распространение различных типов образования основ по характеру конечного согласного в формах настоящего времени глаголов на заднененбый согласный:

1 — I тип — *к* — *ч* — *к*: *пе/к/ý* — *пе/ч/ёшь* — *пе/к/ýт*; *2* — II тип — *к* — */к'/* — *к*: *пе/к/ý* — *пе/к'/ёшь* (*пе/к'/ôшь*) — *пе/к/ýт*; *3* — III тип — основа с твердым заднененбым во всех личных формах: *пе/к/ý* — *пе/к/ôшь* — *пе/к/ýт*; *4* — IV тип — основа с шипящим во всех личных формах: *пе/ч/ý* — *пе/ч/ôшь* — *пе/ч/ýт*.

с шипящим. Однако может быть выделена и территория преимущественного распространения данного типа: говоры южного наречия кроме Тульской группы; западные ср. р. говоры, говоры на северо-востоке сев. наречия и некоторые другие (см. карту). Эти данные также могут послужить для уточнения существующего представления о распространении форм с основой типа *к—к'—к* [110].

3. Основа, оканчивающаяся на твердый задненебный согласный во всех личных формах: *пе/к/ý — пе/к/óшь — пе/к/ýт, бере/г/ý — бере/г/óшь — бере/г/ýт* и под. Ареалы этого типа образования представлены в восточной части территории Вологодской и Костромской групп (более значительно в пределах второй группы говоров), а также известны и в пределах территории Владимирско-Поволжской группы говоров. Тем самым нельзя считать, как это указано в работе В. В. Масякиной [111], что данный тип образования основы характерен для говоров юго-западных территорий, где он известен лишь в рассеянном распространении. Наличие же твердого задненебного только в форме 1 л. мн. ч. не свидетельствует о наличии данного типа парадигмы и отмечено лишь в единичных говорах, тесно примыкающих к территории Белоруссии.

4. Основа, оканчивающаяся на шипящий во всех личных формах: *пе/ч/ý — пе/ч/éшь — пе/ч/ýт, бере/ж/ý — бере/ж/éшь — бере/ж/ýт*. Наличие такого типа образования отмечают лишь в единичных нас. п. на разных частях изучаемой территории.

По сравнению с первым типом образования основ, характерным для центральных и северо-западных говоров, все остальные типы можно рассматривать, как новообразования, связанные с действием процессов, направленных к обобщению согласного основы [112], т. е. к устранению чередования задненебного с шипящим, имеющего в современном русском языке фонетически немотивированный характер. Результатом подобного выравнивания основ в большинстве случаев было распространение во всех личных формах задненебного согласного. При этом качество задненебного согласного устанавливалось в связи с характером тематического гласного в изучаемых формах. Судя по данным других восточнославянских языков, процесс устранения указанного чередования имел место в ходе самостоятельной истории каждого из восточнославянских языков.

В вопросе о возникновении 2-го типа образования основ (*к—к'—к*) в говорах северного и южного наречия в основном сохраняют свое значение высказывания Р. И. Аванесова [113]. Согласно этой точке зрения формы с мягким задненебным в парадигме, поздние по времени возникновения, появились в тех говорах русского языка, в которых наблюдалась задержка изменения /е/ в /о/ в личных формах глаголов I спряжения (*несéшь — несéт — несéм — несéте*, ср. и *пекéшь — пекéт — пекéм — пекéте*). Гласный /о/ первоначально появился в форме 1 л. мн. ч. глаголов этого типа, однако при интенсивном воздействии морфологического фактора в этой форме при наличии /о/ также сохранялся мягкий задненебный согласный — *пе/к'/óм* и под.[114]

3-й тип образования основ (*к—к—к*) известен кроме восточной территории северного наречия только в рассеянном распространении. Его генезис был, очевидно, разным на разных территориях. Так, возможно, что в говорах на востоке северного наречия, где в основном распространена подобная парадигма, твердый задненебный непосредственно заменял ранее имевшийся шипящий согласный, а твердость этого согласного, как это указывал и Р. И. Аванесов, была обусловлена тем, что сочетания мягкого задненебного с гласными непереднего ряда были не свойственны говорам русского языка. Тем самым основа с твердым задненебным согласным во всех формах должна была возникнуть в говорах, где последовательно осуществился к этому времени процесс изменения /е/ в /о/, чему не противоречит расположение ареала этих форм на восточной части территории северного наречия и, в частности, на территории Костромской гр. говоров, для которой не характерно в общем распространение реликтовых случаев неперехода /е/ в /о/ (см. карту). На других территориях, где формы с твердым задненебным согласным в основе имеют лишь рассеянное распространение, они могут быть еще более поздними и свидетельствовать о процессе дальнейшей унификации основы, имевшей чередование твердого и мяг-

---

[110] См.: В. В. Масякина. Глаголы с основой на заднеязычный согласный в истории русского языка и его диалектах (в дальнейшем: В. В. Масякина. Автореферат. . .). Автореф. канд. дисс. Саратов, 1956, стр. 17.

[111] В. В. Масякина. Автореферат. . ., стр. 17.

[112] Так же они рассмотрены и в указанной работе В. В. Масякиной, которая относит возникновение данных типов образования основ к XVII в.

[113] См.: Р. И. Аванесов. Об одной фонетико-морфологической особенности северновеликорусских говоров. «Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», вып. 2. М., 1947.

[114] Фонологическую интерпретацию фактов этого рода см. в работе Л. Л. Касаткина «К истории задненебных фонем в русском языке», ВЯ, № 2, 1965.

кого задненебного (см. выше), вторично переживавших воздействие форм 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. с твердым задненебным в основе на остальные формы. Это предположение, как кажется, может быть подтверждено данными говоров, в которых в настоящее время сосуществуют основы типа *к—к'—к* и типа *к—к—к* (*пеку́ — пе/ке/шь (пе/к'ё/шь) — пекут* и т. п. и *пеку́ — пекōшь — пеку́т* и т. п.) [115].

Наиболее поздними по времени возникновения был, по-видимому, 4-й тип образования, при котором произношение шипящего согласного представлено во всех формах. Основание к подобному заключению дает самый рассеянный характер его распространения, отражающий развитие в разобщенных говорах.

На основе рассмотренного материала можно заключить, что тенденция обобщения задненебного согласного в основе соответствующих глаголов, в результате действия которой возникали различные типы образования основ на задненебный согласный, в различной степени и в разных формах осуществлялась в большинстве говоров русского языка. В связи с этим распространение парадигм с обобщенным задненебным согласным известно в рассеянном распространении и на территории центральных говоров и примыкающих к ним северо-западных говоров. Однако центральные говоры устойчивее других сохраняли и архаичный тип образования основ. Влиянием этих говоров на говоры северо-запада, которое прослеживается также и при изучении истории других явлений, следует, видимо, объяснить лучшую сохранность в тех и других говорах I типа образования основ.

Определенные особенности в распространении четырех аналогичных типов образования основ имеет глагол *лечь*, с характерным для него постоянным ударением на основе, чем, возможно, и определяются эти особенности.

Как показывает карта, распространение I, II и III типов образования основ (с чередованием задненебного с шипящим и основ, имеющих задненебный во всех личных формах) в общих чертах совпадают в своем распространении на северной части территории с распространением аналогичных основ всех глаголов на задненебный согласный, и к ним относятся те же объяснения причин и путей обобщения основ, которые охарактеризованы выше.

Отличие данного глагола от остальных глаголов с той же основой заключается в том, что в говорах русского языка получил широкое распространение IV тип образования основы у этого глагола, при котором шипящий согласный произносится во всех формах наст. времени (*ля́/ж/у — ля́/ж/ешь — ля́/ж/ут*) (см. карту). Формы с шипящим в основе во всех личных формах глагола *лечь* характерны для говоров южного наречия русского языка, где они употребляются в подавляющем большинстве случаев вполне последовательно. За пределами южного наречия эти формы известны лишь в рассеянном распространении. В связи с этим, а также в связи с тем, что подобное образование форм глагола *лечь* не характерно для говоров белорусского языка, можно допустить, что эти формы возникали и распространялись в говорах южных территорий в особо позднее время, например, начиная с XVII в. и позднее. Следует, однако, отметить, что в отличие от других глаголов с основой на задненебный согласный, основа на шипящий у глагола *лечь* в своем распространении связана не с отдельными группами говоров южного наречия, а со всей его территорией. Это может объясняться тем, что данный глагол является единственным среди глаголов на задненебный согласный по типу ударения в личных формах, что, видимо, и открывало возможность распространения его форм с шипящим в основе как лексикализованных, т. е. по закономерностям лексического, а не морфологического строя, причем определенную роль играли, вероятно, ассоциации с глаголами типа *ма́жу — ма́жешь — ма́жут*, *ре́жу —ре́жешь — ре́жут*.

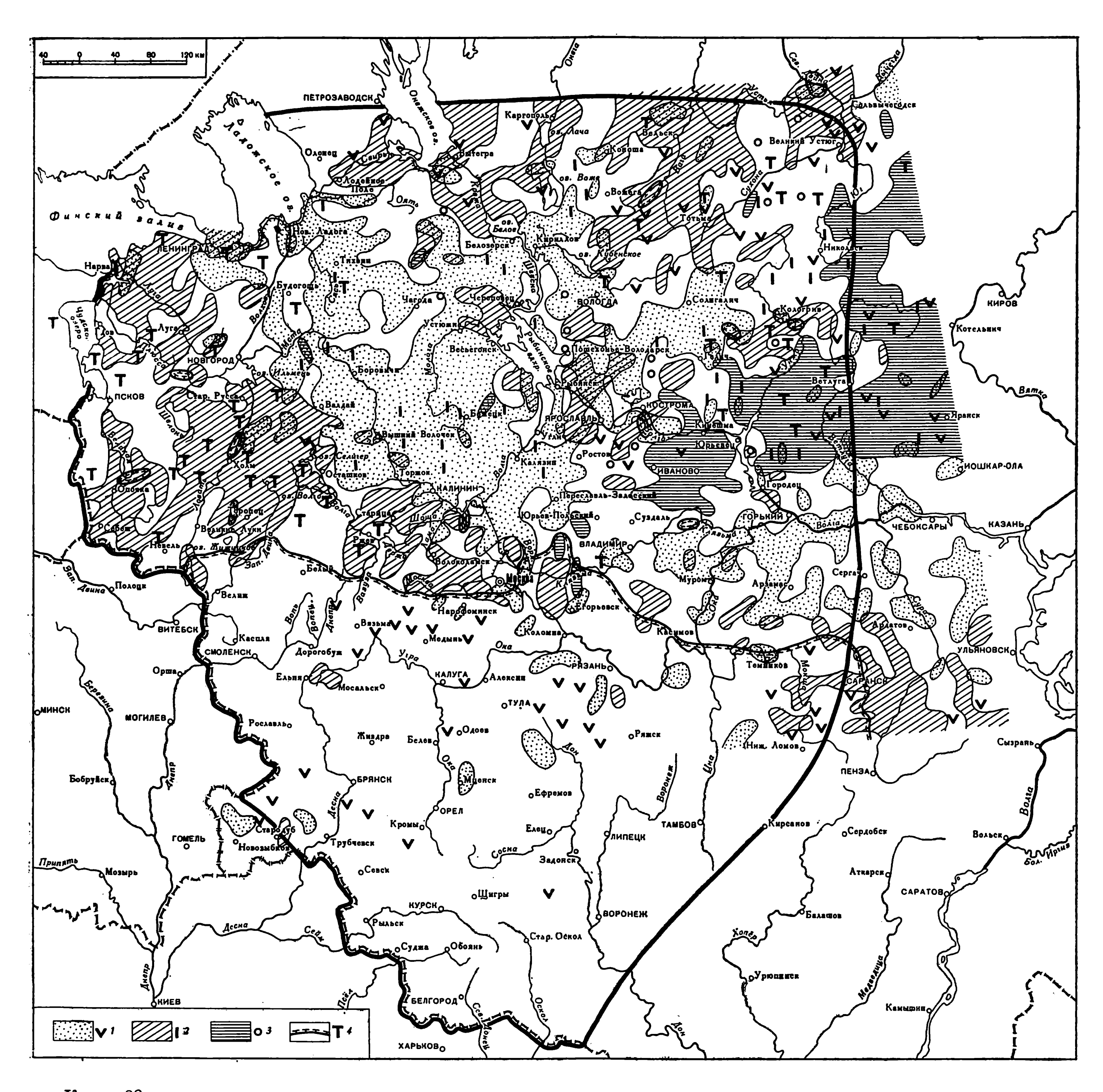
Особую судьбу по характеру основы при образовании форм настоящего времени по сравнению с другими глаголами на задненебный согласный имеет глагол *мочь*, что, возможно, связано с наличием у него подвижного ударения в формах наст. времени.

Необходимо сказать, что материал по формам глагола *мочь* является в целом ряде ответов неполным, а иногда и вообще отсутствует, в связи с чем мы не располагаем необходимыми данными по вопросам, связанным с образованием разных типов образования основ этого глагола и с известной условностью говорим далее о существовании в говорах этих типов и о характере их территориального распространения.

При выделении типов основы глагола *мочь*, в отличие от других глаголов, имеющих основу на задненебный согласный, учитывались два

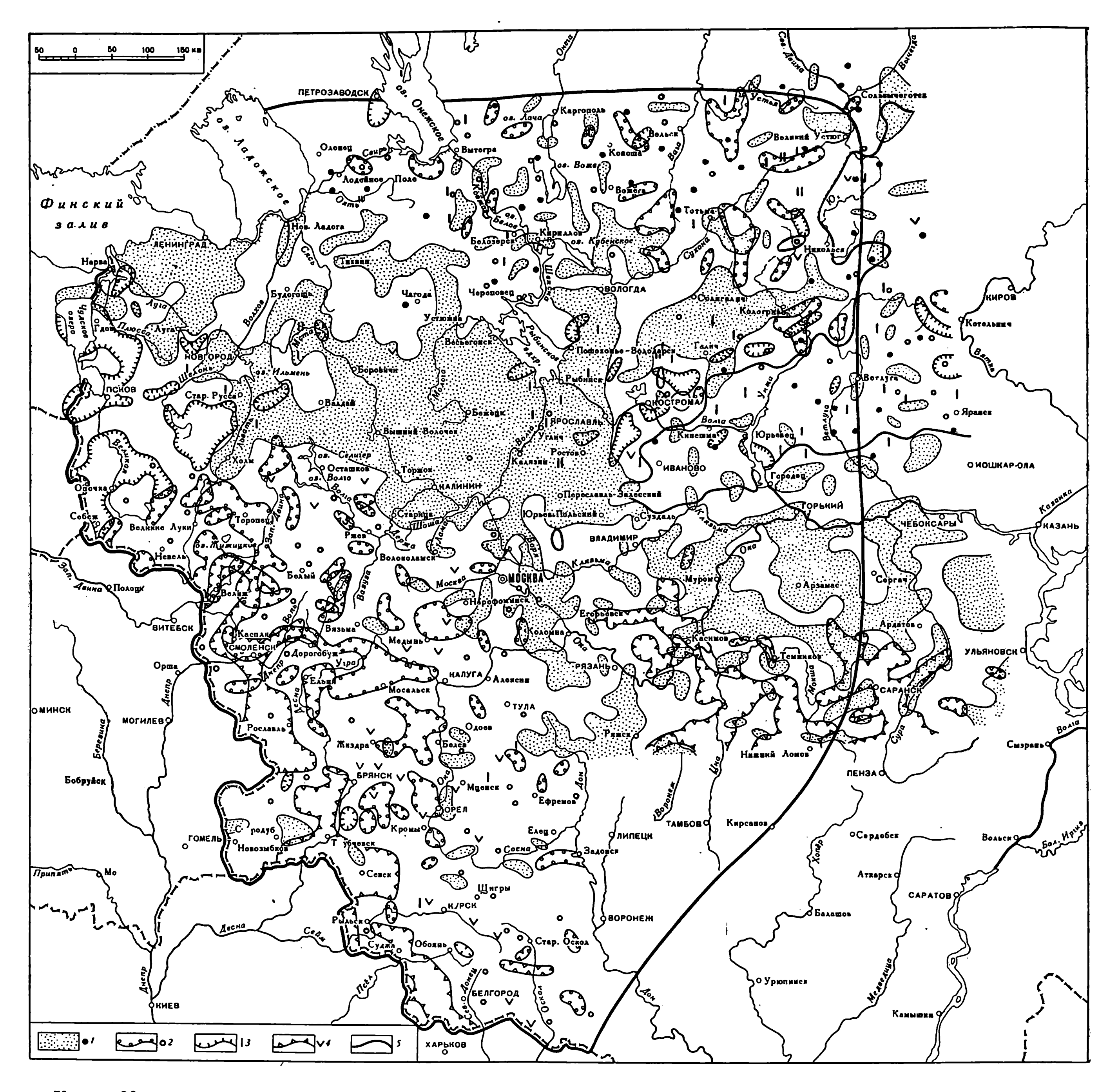
[115] См.: И. Д. Самойлова. Система глагольных форм в говоре Городецкого р-на Горьковской области. «Материалы и исследования по русской диалектологии», МГПИ им. Ленина, вып. 9. М., 1959, стр. 156, Автор считает для данных говоров формы с основой на твердый задненебный согласный более старыми по сравнению с формами, имеющими основу с чередованием твердого и мягкого задненебного согласного.

Карта 28

Распространение различных типов образования основ по характеру конечного согласного в основах настоящего времени глагола ***лечь:***

I тип — *г — ж — г: ля́/г/у — ля́/ж/ешь — ля́/г/ут;* II тип — *г — г' — г: ля́/г/у — ля́/г'/ешь — ля́/г/ут;* III тип — основа с твердым задненебным во всех личных формах: *ля́/г/у — ля́/г/ошь — ля́/г/ут;* IV тип — основа с шипящим во всех формах: *ля́/ж/у — ля́/ж/ешь — ля́/ж/ут*

Карта 29

Распространение различных типов образования основ по характеру конечного согласного при разных типах ударения у глагола *мочь*:

I тип — *г—ж—г* при подвижном ударении в личных формах: *мо/г/ý—мó/ж/ешь—мó/г/ут*; II тип — *г—ж—ж* при подвижном ударении в личных формах: *мо/г/ý—мó/ж/ешь—мó/ж/ут*; III тип — *г—г'—г* при подвижном ударении в личных формах: *мó/г/ý—мо/г'/е—шь—мó/г/ут*; IV тип — *г—г'—г* при постоянном ударении на окончании в личных формах: *мо/г/ý—мо/г'/éшь (мо/г'/ё—шь)—мо/г/ут*; V тип — наличие задненебного согласного во всех личных формах при подвижном ударении в личных формах: *мо/г/ý—мó/г/о—шь—мó/г/ут*

признака: качество согласного основы, представленного в личных формах, а также ударение, выступающее в тех же формах. В соответствии с этими признаками можно выделить следующие типы основ глагола *мочь*, отмеченные в современных говорах:

1. Основа с чередованием заднeнебного в 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. с шипящим во всех остальных лицах при подвижном ударении в личных формах: *мо/г/ý — мó/ж/ешь — мó/г/ут*. Данный тип основы имеет распространение на территории большинства говоров русского языка с определенным сгущением его в общем в пределах той же территории, что и у других глаголов с основой на заднeнебный согласный (см. выше). Сильное разрежение подобных форм на территории Ладого-Тихвинской и Владимирско-Поволжской групп говоров в данном случае может объясняться недостаточностью материала по говорам этих территорий.

2. Основа с чередованием заднeнебного в 1 л. ед. ч. с шипящим во всех остальных формах при подвижном ударении (*мо/г/ý — мó/ж/ешь — мó/ж/ут*) в общем характерна для говоров таких оторванных друг от друга территорий, как юго-западная и северо-восточная диалектные зоны.

3. Основа с чередованием твердого и мягкого заднeнебного согласного как с постоянным ударением на окончании (*могý — могéшь (могёшь) — могýт*), так и с подвижным ударением в личных формах (*могý — мóгешь — мóгут*) характерна в основном для полосы западных говоров русского языка на всем протяжении от Чудского озера до Белгорода, но также для восточной половины территории Рязанской группы. Мелкие ареалы такого типа образования основ см. и на других территориях. При этом следует заметить, что формы с подвижным ударением более характерны для говоров северной территории, а с неподвижным для южной.

4. Основа с твердым заднeнебным согласным во всех личных формах при подвижном ударении (*могý — мóгошь — мóгут*) представлена в общем на той же территории, что и у других глаголов с основой на заднeнебный согласный.

5. Основа с шипящим во всех личных формах не показана на карте, т. к. отмечена в разрозненных нас. п. в пределах западных среднерусских говоров, Рязанской группы южного наречия и групп Б и В восточных среднерусских акающих говоров. При этом лишь для территории новгородских говоров и для части говоров к западу от Касимова имеются указания на то, что данная основа имеет постоянное ударение в личных формах на основе (*мóжу — мóжешь — мóжут*), в материалах по остальным территориям данная основа приводится без указания о месте ударения в формах настоящего времени. Не показано на карте и распространение форм *могý — могúшь — могýт*, имеющих рассеянное распространение на территории Курско—Орловской группы говоров, и форм *могý — могóшь — могýт* в некоторых говорах к западу и юго-западу от Владимира. В единичных говорах отмечены образования *могý — могёшь — мóгут*, *можý — можóшь — можýт*, *могý — мóжешь — можýт*, *можý — мóжешь — мóжут*.

Итак, как мы видели, только I, наиболее архаичный, тип образования основ глагола *мочь* и имеет характер распространения, сходный с другими глаголами с основой на заднeнебный согласный. В характере размещения ареалов некоторых из типов образования основ, связанных с обобщением согласного, у данного глагола во многом отличается от размещения аналогичных ареалов у других глаголов с основой на заднeнебный согласный. Таков, например, характер распространения основы с чередованием твердого и мягкого заднeнебного согласного, таково самое наличие того типа образования основы, при котором во всех лицах кроме 1-го л. ед. ч. представлен шипящий согласный (*могý — мóжешь — мóжут*). На основании этих данных можно предполагать, что образование основ у данного глагола протекало на ряде территорий независимо от процесса образования основ у других глаголов с основой на заднeнебный согласный, а также не в одно время с ними, хотя все рассмотренные типы образования основы глагола *мочь* также появились в результате процессов аналогического обобщения в пределах парадигмы глагола, шедших разными путями, и являются поздними по времени своего возникновения. Отличия в характере образования основы данного глагола могли складываться в связи с особенностями в характере ударения этого глагола. Так, появлению такого типа образования, при котором выступает чередование заднeнебного в 1 л. ед. ч. с шипящим во всех остальных лицах могло способствовать то, что форма 3 л. мн. ч. имеет такое же ударение, как и формы, влияющие на нее (2—3 л. ед. ч. и 1—2 л. мн. ч.), в отличие от формы 1 л. ед. ч.

Основа *могý — могéшь (могёшь) — могýт*, также аналогичным путем получившая заднeнебный в формах 2—3 л. ед. ч. и 1—2 л. мн. ч., имеет в отличие от перечисленных основ постоянное ударение на окончании. Можно думать, что изменение характера ударения в этой основе произошло под влиянием остальных глаголов с основой на заднeнебный со-

гласный, для которых характерным является ударение на окончании в личных формах. Немаловажным является и тот факт, что основа *могу́ — могéшь — могу́т* имеет распространение на той же территории, что и основа типа *пеку́ — пекéшь — пеку́т* и под. При таком переносе ударения в личных формах могло происходить «ложное» прояснение гласного, поскольку это явление наблюдается в говорах с неразличением гласных в заударном слоге. Так могла возникнуть парадигма *могу́ — моги́шь — могу́т*, характерная для говоров Курско-Орловской группы. Возможно также, что в этом случае сказалось влияние форм глаголов типа *сиди́шь*, *лети́шь* и т. д.

При этом можно предположить, что парадигмы *могу́ — мóжешь — мóжут*, *могу́ — мóгешь — мóгут*, *могу́ — мóгошь — мóгут*, являются сравнительно ранними, поскольку в каждой из них обобщение шло только в одном направлении, в направлении обобщения согласного основы. Можно думать также, что парадигма *могу́ — мóгешь — мóгут* раньше имела несколько более широкое распространение, точнее она, видимо, была известна полосе западных говоров, примыкающих к границе с Белоруссией и Украиной; следы ее сохранились в них (см. карту). В дальнейшем на ее основе могли развиться парадигмы *могу́ — могéшь — могу́т* и *могу́ — моги́шь — могу́т*, имеющие распространение именно в той полосе говоров. Эти новообразования связаны уже не только с унификацией согласного в их основе, но также и с изменением характера ударения, а парадигма *могу́ — моги́шь — могу́т* даже с изменением типа спряжения целого ряда личных форм. В связи с этим можно думать, что она является самой новой в сравнении с другими парадигмами. Совершенно аналогичной парадигме *могу́ — могéшь — могу́т*, видимо, во всех отношениях является парадигма *могу́ — могёшь — могу́т* с той только разницей, что представлена она на территории говоров с изменением /е/ в /о/ в глагольных флексиях.

§ 10. Формы глаголов 2-го лица множественного числа настоящего времени с окончанием *-и/тé/*, *-и/т'ó/*

В восточной части говоров северного наречия русского языка, т. е. в пределах северо-восточной диалектной зоны, отмечены формы 2 лица мн. числа наст. времени с окончанием *-и/т'é/* или *-и/т'ó/*. При этом гласный /и/ в этом окончании выступает не только у глаголов II спряжения, но также и у глаголов, относящихся к I спряжению (*нéси/тé/*, *неси/т'ó/* и под.). Кроме говоров указанной территории, данное явление характерно также и для небольшой полосы говоров южного наречия русского языка, примыкающей к территории белорусского языка, в говорах которого данное явление имеет широкое распространение.

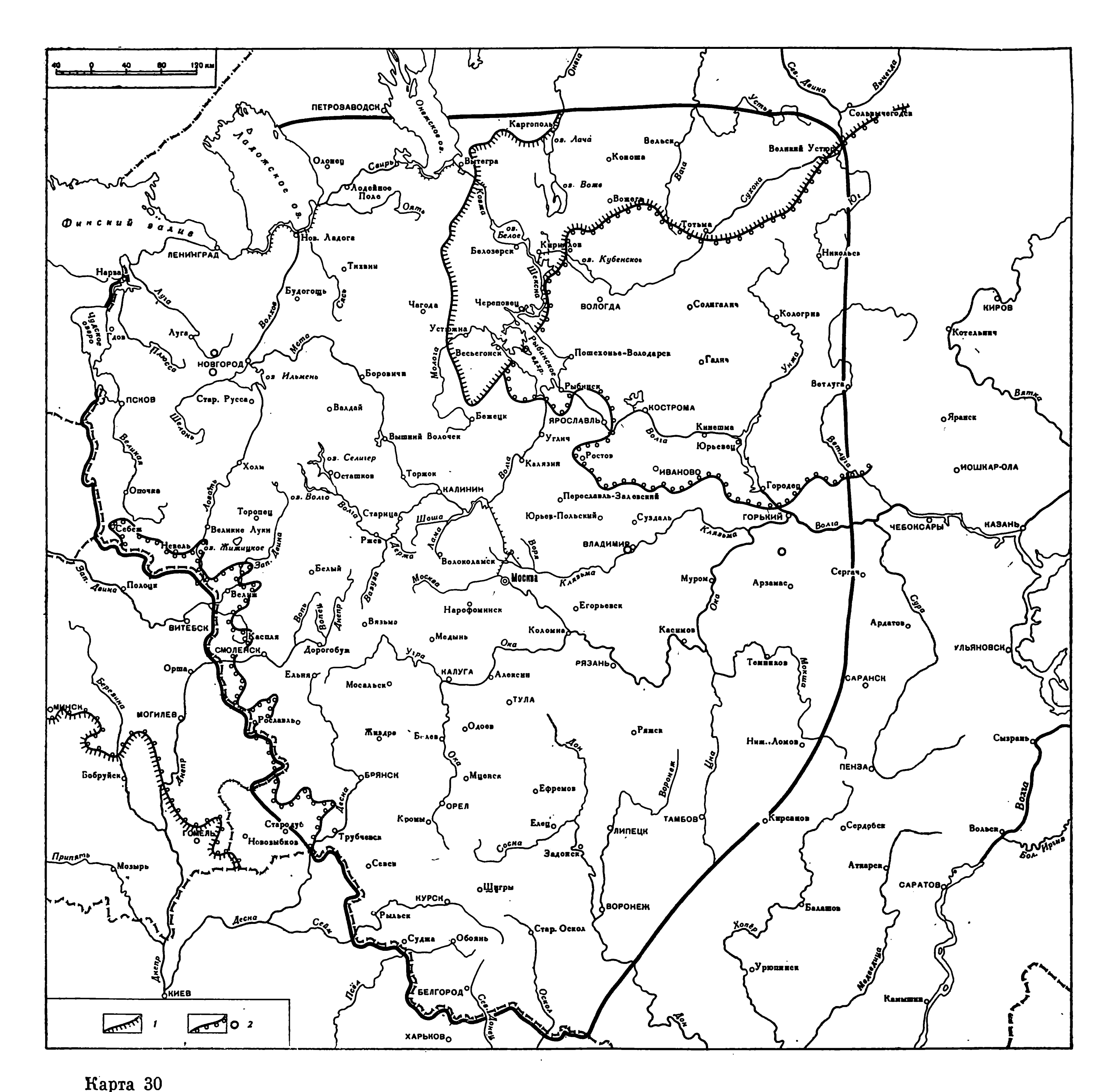
По сравнению с формами, имеющими ударение на тематическом гласном, указанные формы отличаются двумя признаками: местом ударения и произношением тематического гласного, выступающего в позиции первого предударного слога. В пределах говоров, знающих формы 2 л. мн. ч. с ударением на окончании, выступает также различие в качестве ударенного гласного окончания — /е/ или /о/.

Степень охвата данным явлением разных типов глагола различна на двух основных территориях его распространения. Так, на территории юго-запада, т. е. в основном в говорах белорусского языка, формы данного типа отмечают как у глаголов II спряжения с наконечным ударением (*сиди/тé/*, *сиди/т'ó/* и т. д.), так и у глаголов I спряжения также имеющих ударение на окончании (*неси/т'é/*, *неси/т'ó/* и т. д. [116]).

Сведениями о формах глаголов других классов для этой территории мы не располагаем, однако некоторые данные по говорам западной группы говоров русского языка дают основание предполагать, что подобные формы известны белорусским говорам и от других глаголов, хотя, видимо, только в рассеянном распространении.

На территории северо-востока эти формы широко и последовательно образуются лишь у глаголов I спряжения с постоянным ударением на окончании (*неси/тé/*, *неси/т'ó/*, *веди/тé/*, *веди/т'ó/* и т. д.). Лишь нерегулярно отмечают в говорах этой территории подобные формы от глаголов других классов: от глаголов II спряжения с постоянным ударением на окончании (*сиди/т'é/*, *говори/т'é/*, *сиди/т'ó/*, *говори/т'ó/* и т. д.) от глаголов I спряжения с постоянным ударением на основе (*знаи/т'é/*, *знаи/т'о/* и т. п.); от глаголов I и II спряжения с подвижным ударением (*купи/т'é/*, *купи/т'ó/*, или *вяжи/т'é/*, *вяжи/т'ó/* и т. д.). Отсутствуют в материалах по этим говорам подобные формы от глаголов II спряжения с постоянным ударением на основе (*ви́деть*, *слы́шать* и т. п.). В пределах северо-восточной зоны формы с гласным /е/ в окончании *-итé* являются характерными для говоров более северной половины ее террито-

[116] Дыялекталагічны атлас беларускай мовы, карты № 152 и 155.

Карта 30

Распространение форм глаголов 2-го л. мн. ч. настоящего времени с ударенным окончанием:

1 — примерная граница распространения форм с окончанием *-ит'é*; *2* — примерная граница распространения формы с окончанием *-ит'ъ*

рии, а формы с окончанием *-ит'ó* — для более южной.

Формы с окончанием *-ит'ó* характерны также для северной половины территории говоров белорусского языка и примыкающей к ней части говоров Западной группы русского языка (см. карту).

Наличие гласного /и/ в описываемых формах у глаголов I спряжения объясняли различно, в частности, и воздействием форм глаголов II спряжения [117]. Однако произношение /и/ в этих формах вполне согласуется с общим характером предударного вокализма этих говоров, где гласный /е/ в первом предударном слоге перед мягкими согласными (т. е. в том положении, в котором он находится и в формах *несите́*, *ведите́* и под.) часто произносится как /и/ (см. карту 48, а также II, 2, § 5).

Что касается произношения гласного /е/ или /о/ в этих формах, то оно связано если не с современной системой ударенного вокализма, то с историей его формирования [118]. На территории говоров, знающих формы типа *несит'ó*, *ведит'ó* и под. с гласным /о/ в окончании, последовательно представлены результаты изменения /е/ в /о/ под ударением. В говорах, имеющих формы *несите́*, *ведите́* и под. (с гласным /е/ в окончании), отмечают отдельные случаи сохранения /е/ перед твердым согласным под ударением (*оде́жа*, *ове́с*, *верст* и т. п.), что, видимо, свидетельствует о более позднем времени изменения /е/ в /о/ на этих территориях.

Наличие ударения на конечном гласном окончания в изучаемой форме является древней языковой чертой [119], хотя было присуще, видимо, и не всем классам глаголов. Так, по мнению некоторых исследователей, наконечное ударение в данной форме имели многие глаголы с непроизводной основой в общеславянскую эпоху [120]. С. П. Обнорский считает, что данное явление было характерно для глаголов, имеющих подвижное ударение в личных формах, и указывает, что у глаголов с неподвижным ударением (*несите́*, *говорите́*) его следует рассматривать как «тип, сложившийся вторичным путем» [121].

По данным современных говоров нельзя судить о том, в каких глагольных классах наконечное ударение в форме 2 л. мн. ч. было исконным, так как не исключена возможность, что глаголы, исконно имевшие ударенное окончание *-те́*, утратили эту черту, а глаголы, получившие его по аналогии, сохранили ее; причем это окончание стало характерным для определенного спряжения глаголов, как это имеет место в русских говорах северо-востока.

Для целей нашего исследования важно подчеркнуть, что возможность окончаний 2 л. мн. ч. с ударением на конечном гласном, сама по себе являющаяся весьма древней чертой, наблюдается в настоящее время в говорах таких двух оторванных территорий, как северо-восточная диалектная зона русского языка и говоры белорусского языка. Подавляющее большинство говоров русского языка устранили самую возможность ударения на конечном гласном в форме 2 л. мн. ч. у какого бы то ни было класса глаголов [122].

§ 11. Глагольная возвратная частица

Данная частица, являющаяся по своему происхождению возвратным местоимением в энклитической форме, которое искони употреблялось в формах вин. и дат. п. ед. ч., смотря по значению того глагола, к которому оно относилось, могла употребляться в различных положениях по отношению к глаголу, занимая различное место во фразе. По мере превращения этих местоимений в возвратные частицы, они претерпели фонетические и морфологические изменения, различные в разных говорах, большая часть которых связана была с тем, что возвратная частица стала употребляться постоянно в постпозиции к глаголу, а также утрачивала падежные формы.

В современных говорах качество возвратной частицы различается в нескольких отношениях: 1) по твердости или мягкости согласного частицы, 2) по наличию или отсутствию гласного в ее составе в тех формах глаголов, где возвратная частица находится после глас-

---

[117] См., например: И. Д. Самойлова. Указ. соч., стр. 151.

[118] См.: С. П. Обнорский. Очерки по морфологии глагола. . ., стр. 146—147.

[119] См.: С. Булич. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке, ч. I. «Записки историко-филологического фак-та С. Петербургского ун-та», ч. 32, 1893, стр. 332; Р. Брандт. Начертания славянской акцентологии. СПб., 1880, стр. 92, сноска. По мнению Р. Брандта, ударяемость личных окончаний у некоторых глаголов могла бы быть даже праязычной.

[120] Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка, стр. 332.

[121] С. П. Обнорский. Очерки по морфологии глагола. . ., стр. 143.

[122] См. лишь такие формы, отмеченные в единичных говорах северо-западной территории: *зна/ит'ó/* (д. Загривье Сланцевского р-на Ленинградской области); *нес/ит'ó/*, *куп/ит'ó/* (д. Подберезье Батецкого р-на Новгородской области и д. Казовицы Уторгошского р-на Новгородской области).

ного, 3) по качеству гласного возвратной частицы в разных глагольных формах, 4) по качеству ассимилятивных процессов между конечным согласным глагола и частицы. Как увидим ниже, указанные различия объясняются в ряде случаев тем, в каком положении в отношении качества предшествующих звуков находится возвратная частица. В связи с этим следует учитывать возможность для возвратной частицы следующих фонетических положений:

После гласного глагольной формы:

а) в личных формах наст. вр. 1 л. ед. ч. (*боюсь*)
» » 2 л. мн. ч. (*бойтесь*)
б) в формах прош. вр. ж. р. (*боя́лась*)
» » ср. р. (*боя́лось*)
» » мн. ч. всех родов (*боялись*)

После согласного глагольной формы:

а) в личных формах наст. вр. 2 л. ед. ч. (*бойшься*)
» » 3 л. ед. ч. (*бойтся*)
» » 1 л. мн. ч. (*боймся*)
» » 3 л. мн. ч. (*боя́тся*)
б) в. формах прош. вр. м. р. на *-л-* (*боялся*)
» » на согласный (*улёкся*)

Рассмотрим раздельно различия, характеризующие качество возвратных частиц по говорам.

1. Твердость—мягкость согласного возвратной частицы. Мягкий согласный возвратной частицы подвергался отвердению в некоторых формах возвратного глагола в сравнительно позднее время и не во всех говорах русского языка на основе фонетических процессов, обусловленных положением возвратной частицы после тех или иных предшествующих звуков, что стало возможным после падения редуцированных. В положении после гласного качество согласного возвратной частицы в отношении его твердости—мягкости является наиболее независимым, но, с другой стороны, именно в этом положении гласный возвратной частицы мог редуцироваться и утрачиваться (см. ниже), в результате чего мягкий согласный частицы оказывался в положении конца слова, где могли возникать условия для утраты мягкости в некоторых говорах, особенно вероятной в положении, когда ударение падает не на последний слог глагола.

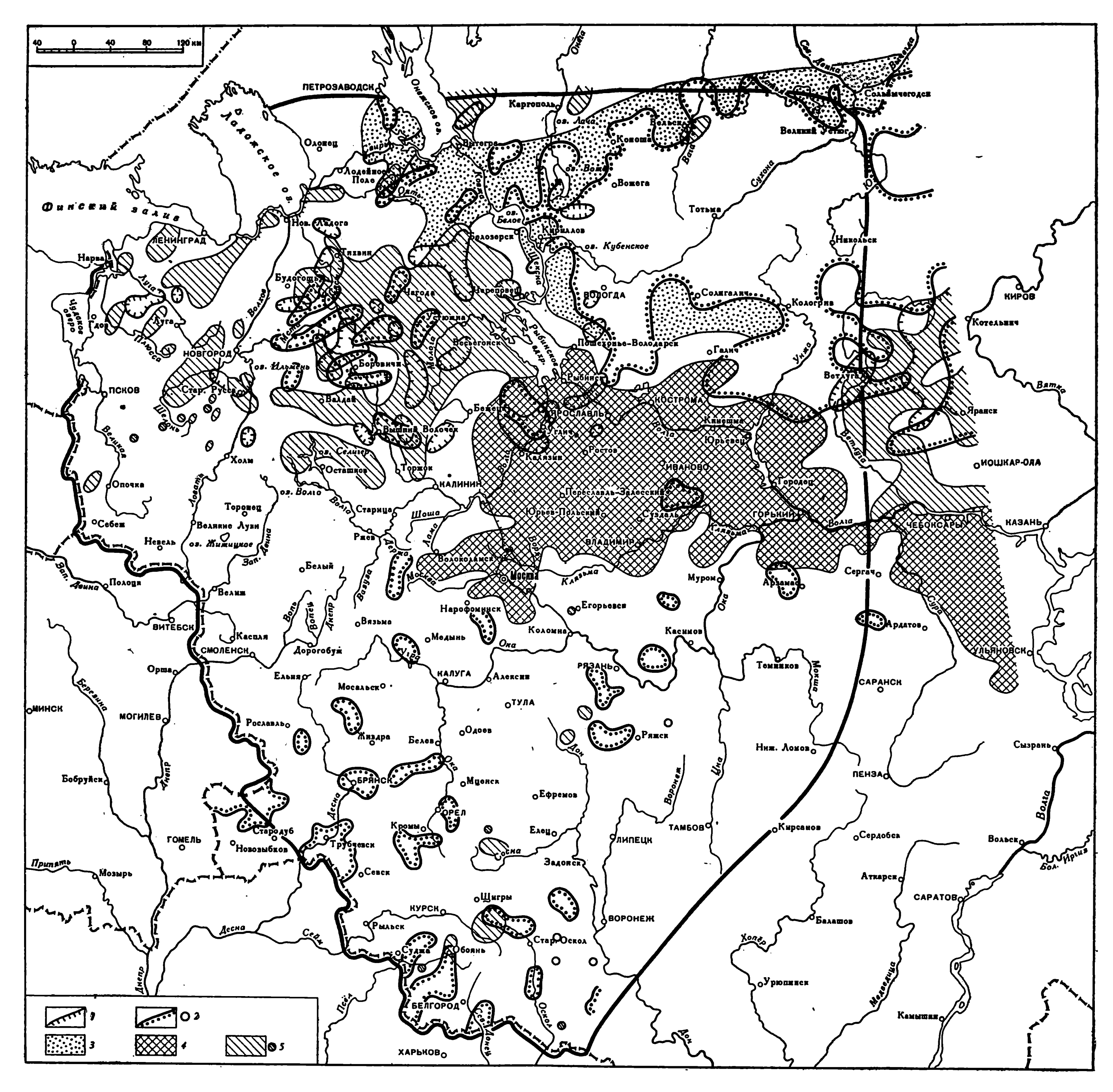
Для отвердения согласного возвратной частицы играло роль ее положение после твердого согласного глагола, где в ряде говоров прослеживается возможность употребления твердого согласного частицы, связанная, очевидно, и с тем после какого именно твердого согласного находился мягкий /с'/.

В установлении звучания возвратной частицы по твердости—мягкости могли играть роль и процессы аналогии, в результате которых для всех форм могла обобщиться возвратная частица с мягким или твердым согласным.

При рассмотрении разновидностей возвратной частицы по твердости—мягкости входящего в ее состав согласного привлекались все указанные выше глагольные формы, причем выделилось особое положение в этом отношении форм 3-го л. ед. и мн. ч. и формы инфинитива, где конечный согласный глагола *т* и согласный возвратной частицы *с* образуют аффрикату *ц*, которая во всех говорах русского языка, кроме говоров с мягким *ц* (или мягким цоканьем) является твердой. Поэтому данные формы не учитывались на карте.

Как показывает карта, по твердости—мягкости согласного частицы выделяются говоры, в которых согласный возвратной частицы всегда мягок (Вологодская группа), а также говоры, в которых этот согласный во всех формах глагола тверд (Владимирско-Поволжская группа) или говоры, в которых возвратная частица имеет твердый согласный в одних определенных формах и фонетических положениях и мягкий — в других. На карте прослеживается также роль определенных фонетических условий, с которыми связано наличие или отсутствие твердого согласного в отдельных формах возвратной частицы.

Наличие в говорах того или иного типа употребления возвратной частицы в отношении твердости—мягкости ее согласного только частично определяется собственно фонетическими причинами. Так, в говорах Владимирско-Поволжской группы твердый согласный частицы, выступающий во всех формах, находится в положении после гласных, после твердого *л* и твердых шипящих согласных; в говорах Вологодской группы мягкий согласный частицы во всех формах выступает после /*l*/ — /*ў*/, /*w*/ (на месте *л*) и после мягких шипящих согласных произносимых в отдельных случаях, а также в формах, где образуется мягкая аффриката /*ц̄'*/; в говорах северо-западной зоны твердый согласный выступает после *л*, а мягкий — после мягких шипящих, употребляемых наряду с твердыми и после /*ў*/, /*l*/, если они произносятся в соответствии *л*.

Карта 31

Твердость—мягкость согласного возвратной частицы и ее соотношение с качеством предшествующих звуков на месте *ш* и *л*:

1 — отмечены мягкие шипящие в различных положениях; *2* — наличие */l/—/л'/* или */l(w)/—/л'/* в соответствии */л/—/л'/*; *3* — наличие */л (w)/—/л'/* в соответствии */л/—/л'/*; *4* — твердый согласный в составе частицы во всех возможных формах: *бойл/са/*, *бойт/са/*, *бою/с/*, *бойла/с/* и т. д.; *5* — твердый согласный в составе частицы только после *л*

Кроме того, хотя в говорах северо-западной зоны закономерность употребления мягкого или твердого согласного частицы не проводится четко и имеются колебания в произношении различных форм в одном и том же положении, основная закономерность этих говоров — произношение твердой частицы после *л* прослеживается регулярно, отсутствуя в случаях, когда вместо *л* произносится /*ў*/, а также после других твердых в настоящее время согласных, напр. *м*, *ш*, после которых всегда употребляется мягкий *с'* возвратной частицы.

Таким образом, в говорах, где твердый согласный возвратной частицы отмечается только после *л*, обнаруживается ассимилятивное лабиализующее воздействие *л* на последующий мягкий согласный /*с'*/, т. е. процесс, имеющий характер прогрессивной ассимиляции, наличие которой связано, видимо, с особым физическим свойством *л*, его веляризацией, отсутствующей у таких согласных как *м*, *ш*, задненебных, а также у /*ў*/, /*w*/, произносимых на месте *л*, по крайней мере в говорах северного наречия. Подобное же действие прогрессивной ассимиляции, наблюдаемой в положении после *л*, могло в прошлом послужить причиной отвердения *с* возвратной частицы и в тех говорах, где он тверд в настоящее время во всех формах (Владимирско-Поволжская группа), что не объясняется уже в настоящее время фонетическими причинами [123].

В говорах Вологодской группы, где не отмечено произношения твердого согласного в возвратной частице, это может объясняться, видимо, наличием в них основного массива распространения /*l*/, чередующегося с /*ў*/, /*w*/ в соответствии *л*, а, следовательно, отсутствием в этих говорах основной фонетической предпосылки для появления твердого согласного *с* в возвратной частице. Должна быть также учтена и возможность более позднего отвердения /*ш*/ в этих говорах. Наличие мягкой аффрикаты с долгим затвором в формах 3-го л. — *несё*/*ц̄'*/*а*, *несý*/*ц̄'*/*а* может объясняться подравниванием ее в отношении мягкости к системе мягкого цоканья, характерного для этих говоров. Приведенные факты указывают на фонетически закономерный характер отсутствия твердого согласного в возвратной частице в вологодских говорах.

Таким образом, в ряде окающих говоров прослеживается связь твердого или мягкого произношения согласных в составе возвратных частиц с качеством предшествующих частице согласных или наличие только твердого произношения согласного частицы, которое может быть признано вторичным, но сложившимся на первоначально фонетической основе.

Наличие твердого *с* в возвратной частице уже объясняли ассимилирующим воздействием предшествующих согласных, а именно ассимиляцией в группах /*лс*/ и /*тс*/ [124]. Данные лингвистической географии подтверждают наблюдения предшествующих исследователей, позволяя уточнить их высказывания применительно к разным говорам северного наречия.

Изменения в звучании возвратной частицы могли начаться только после того, как она слилась с глагольной формой. Хотя памятники письменности вплоть до XVI в. указывают на возможность употребления возвратной частицы в разных положениях по отношению к глаголу, однако употребление усеченных форм частицы в положении после гласной отмечается уже в XIV в. Следовательно, можно предполагать, что к этому времени были возможны как возвратные частицы, прикрепленные к глаголу, так и находившиеся в свободном употреблении, а тем самым могли начаться процессы фонетических изменений, которые привели к современным различиям в оформлении возвратной частицы, в частности, к отвердению согласного *с*. Если учтем, что в говорах Ростово-Суздальской земли к указанному времени имелся /*л*/, противопоставленный /*л'*/, то в формах прош. вр. (*умывáл*/*са*/) могло уже развиваться отвердение *с*. Такое отвердение могло иметь место и после *ш* (*умбе*/*шс'а*/>/*шса*/>*сса*/) [125], так как можно думать, что ко времени, когда краткое возвратное местоимение стало возвратной частицей, шипящие согласные в говорах Ростово-Суздальской земли уже отвердели. Можно

---

[123] Вопрос о возможности и условиях осуществления прогрессивной ассимиляции в говорах русского языка в целом еще не изучен ни в описательном, ни в историческом плане, за исключением прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных согласных, непарных по твердости—мягкости. Однако при анализе условий распространения твердого согласного возвратной частицы мы не могли не обратить внимания на отчетливо прослеживаемые факты влияния отдельных предшествующих согласных на твердость—мягкость согласного частицы, наблюдаемую в определенной части говоров русского языка, хотя и не имели при этом возможности для разработки на таком ограниченном материале взятого в целом вопроса о месте и времени возникновения или о сфере действия прогрессивной ассимиляции на согласные, парные по твердости и мягкости.

[124] С. П. Обнорский. Очерки по морфологии глагола. . ., стр. 78; Л. А. Булаховский. Исторический комментарий, стр. 205.

[125] Правда, здесь отношения осложняются возможностью регрессивной ассимиляции по месту образования, широко известной в говорах современного русского языка: /*шс'*/ > /*шс*/ > /*сс*/ или /*шс'*/ > /*сс'*/ > /*сс*/.

думать, что и после *т* в этих говорах мог отвердевать согласный /*с'*/, причем в результате могла образовываться твердая аффриката с задержкой затвора — /*ц̄*/, первоначально отличная от /*ц'*/.

Таким образом, в центральных говорах на части их территории образовался ряд фонетических положений для возможного воздействия на согласный возвратной частицы со стороны определенных предшествующих согласных, что и вызывало его отвердение: /*л — са*/, /*ш — са*/, /*т — са*/.

В дальнейшем наличие в определенных условиях твердого согласного возвратной частицы способствовало его аналогичному обобщению во всех глагольных формах, что могло осуществляться в указанных говорах уже после XV века.

Можно думать, что примерно к этому же времени относится и возможность употребления обобщенной частицы /*са*/ с твердым /*с*/ и в положении после гласного. В некоторых говорах, так же, как и в говоре Москвы, на это указывал С. П. Обнорский [126], замечается, что /*с*/ употребляется в формах глаголов после безударной гласной, напр.: *боя́ла/с/*, а /*с'*/ — в формах после ударенной гласной: *бою́/с'*/, причем это отмечают при наличии /*са*/ после согласных в тех же говорах (*боя́/лса/*, *бой/шса/*). Возможно, что в появлении /*с*/ после гласных имело значение и качество предшествующего гласного, что наблюдатели замечали в отдельных говорах, находящихся на границе ареала обобщенно-твердого согласного /*с*/ в возвратной частице во всех глагольных формах. Судя по данным таких говоров, можно предположить, что последовательное распространение твердого согласного в возвратной частице в разных формах глагола происходило постепенно, через ряд ступеней и завершилось уже к XVI в. на территории современной Владимирско-Поволжской группы, когда говоры данной территории уже являлись провинцией по отношению к говорам, окружающим Москву, и могли вырабатывать свою специфику.

Нерешенным остается вопрос о датировке отвердения согласного возвратной частицы в тех случаях, когда это отвердение наблюдается только в положении после *л*, как это наблюдается в говорах северо-западной зоны. Такие формы могли развиться в этих говорах после появления в них пары *л—л'*, т. к. исконно для этих говоров было характерно произношение /*w*(*ў*)/ в соответствии *л* в конце слога и слова.

[126] С. П. Обнорский. Очерки по морфологии глагола. . ., стр. 84.

Поэтому вероятно, что произношение /*с*/ после *л* развилось в северо-западных говорах не самостоятельно, а под влиянием говоров Ростово-Суздальской земли, с чем в большей степени согласуются и данные истории этих говоров. При таком допущении можно думать, что данные формы появились здесь в XV—XVI вв., т. е. еще до того, как в говорах Ростово-Суздальской земли произошло обобщение твердого согласного частицы для всех форм.

2. Различия возвратной частицы по наличию или отсутствию гласных в ее составе. Как известно, употребление усеченной формы возвратной частицы становится возможным после того, как складываются два типа ее употребления — прикрепленный и свободный. Усеченная форма, т. е. форма возвратной частицы без гласного, отраженная по памятникам с XIV в. [127], возможна в положении, когда глагольная форма, предшествующая частице, оканчивается на гласный — *бо/йу́с'*/, *боя́л/ас'*/ именно в этом положении гласный прикрепленной возвратной частицы редуцируется.

Современные говоры также показывают, что усеченная форма возвратной частицы выступает только в положении после гласных глагола, после согласных же возвратная частица всегда имеет гласный в своем составе. По говорам употребление усеченной частицы может совсем отсутствовать, хотя такие говоры, где преобладают или являются единственными полные формы, немногочисленны и встречаются главным образом в восточной части русского языка (среди говоров Владимирско-Поволжской, Восточной и Вологодской групп). В большинстве же говоров русского языка наблюдается сосуществование усеченных и неусеченных форм. Только усеченная форма преобладает на некоторых территориях, ареалы которых недостаточно определенны по очертаниям. Это некоторые говоры западной части северного наречия и большая часть среднерусских акающих восточных говоров. В белорусском языке усеченная форма возвратной частицы распространена только на восточной части Белоруссии, а также на севере и на небольшой южной части ее территории [128]. Характер территориального распространения усеченной и полной форм возвратной частицы в положении ее после гласного глагола свидетельствует о са-

[127] См.: В. И. Борковский и П. С. Кузнецов. Историческая грамматика, стр. 309; Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. 2, стр. 213—214.

[128] Дыялекталагічны атлас беларускай мовы, карта № 164.

мостоятельном развитии усеченных частиц в пределах русского языка, возникавшем в разных русских говорах неодновременно и почти нигде полностью не осуществившемся.

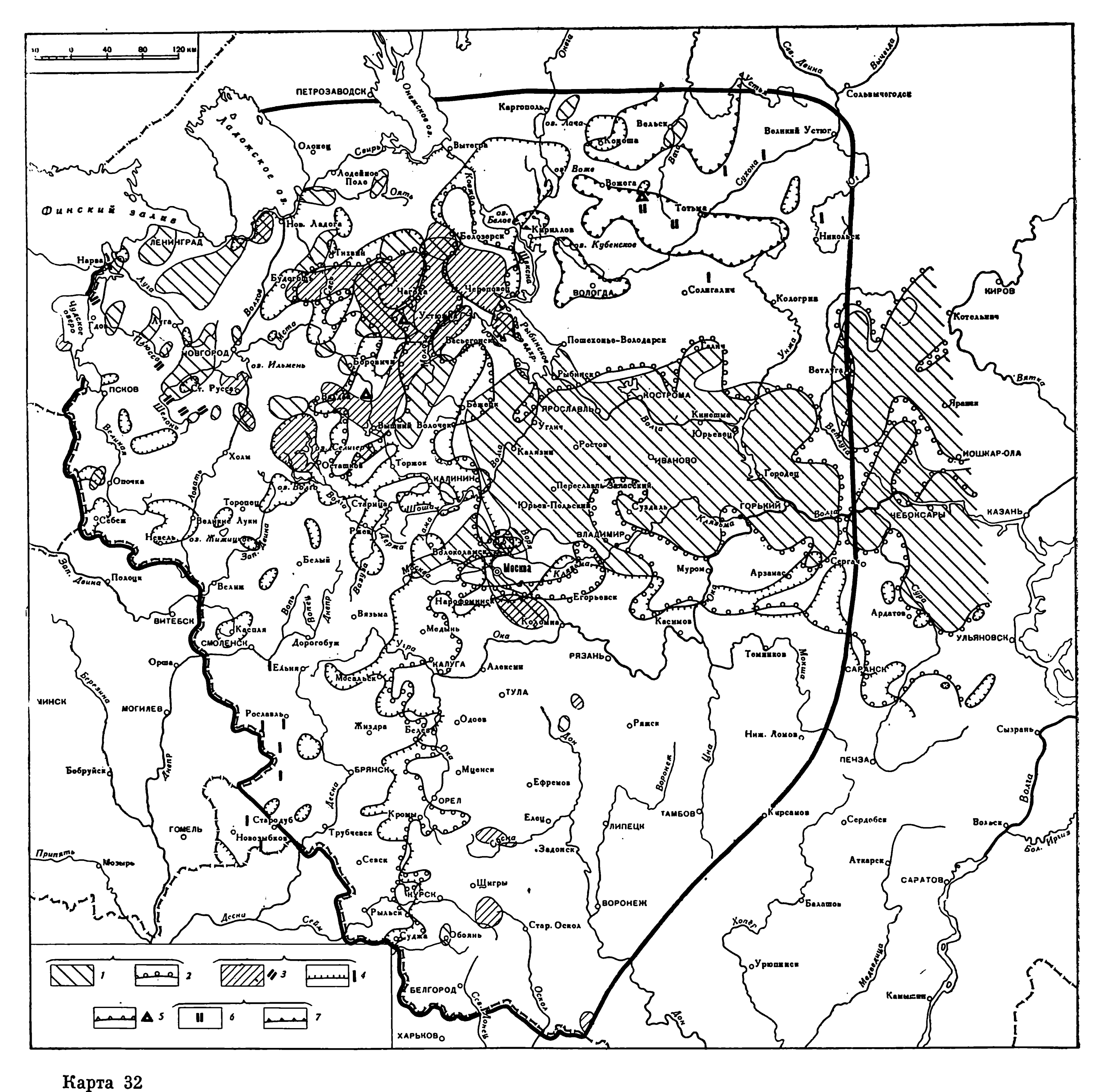
3. Различия возвратной частицы по качеству гласных в ее составе. Различия этого рода значительны, так как выступают не только в одних и тех же глагольных формах разных говоров, но и в разных формах глагола одного и того же говора. Показанные на картах, помещенных ниже, ареалы различных гласных в составе возвратных частиц характерны только для картографируемых форм глаголов, а именно форм прош. вр. м. р. на *-л* и очень близко стоящих к ним по характеру гласного форм 2 л. ед. ч. наст. вр., которые отличаются от первых главным образом тем, что твердая согласная *с* возвратной частицы употребляется в них только во владимирско-поволжских говорах. В остальных формах возвратных глаголов по говорам возможны и другие варианты качества гласного возвратных частиц, о чем будет сказано ниже.

Карты показывают, что в обеих картографированных формах возможны возвратные частицы с четырьмя гласными: *а*, *и*, *е*, *о*. Поскольку гласные *е* и *о* после мягкого согласного с исторической точки зрения являются вариантами одной гласной *е*, то можно считать, что в возвратных частицах в русских говорах известны гласные *а*, *и*, *е*. Если учтем далее, что употребление *о* после твердого *с* возвратной частицы отмечается крайне редко [129], а формы с *е* в том же положении совсем не отмечены, то увидим, что для формы возвратного глагола прош. вр. м. р. ед. ч. характерны возвратные частицы /*с'а*/, /*са*/, /*си*/, /*сы*/, /*се*/, /*с'о*/. При этом наиболее определенно выделяются по качеству гласных возвратных частиц в форме глагола прош. вр. на *-л* следующие территории: территория юго-западной зоны, где распространена частица /*с'а*/, территория юго-восточной зоны, для которой характерна частица /*си*/ (очень редко — /*с'а*/), территория Владимирско-Поволжской группы с частицей /*са*/. На остальных территориях, т. е. главным образом в говорах северного наречия, наблюдается, что частицы /*с'а*/, редко /*са*/, /*се*(*с'о*)/, /*си*/, /*сы*/ употребляются наряду друг с другом, что и является его наиболее характерной особенностью. При этом частицу с *а* отмечают почти во всех говорах северного наречия (так же как почти во всех среднерусских и говорах юго-западной зоны) но в его пределах выделяется два ареала, где наряду с частицей, имеющей гласный /*а*/ распространена также и частица с гласным /*и*/ — говоры северо-западной

Таблица 3

Диалектные объединения		Формы возвратных глаголов			
		Положение после согласного		Положение после гласного	Наст. вр. 3 л. ед. и мн. ч., инфинитив
		прош. вр. м. р. ед. ч.	наст. вр. 2 л. ед. ч.	Наст. вр. 1 л. ед. ч.; прош. вр. ср. и ж. р. ед. и мн. числа	
Северное наречие	1. Вологодские говоры	*се*, *с'о*, *с'а* редко *си*	*се*, *с'о*, *с'а* редко *си*	*с'*, *се*, *с'о*, *с'а*	*ц'е*, *ц'о*, *ц'а* редко *цы*
	2. Костромские говоры	*с'а* (южн. часть *са*)	*с'а* (*са*)	*с'*, *с'а* (*с*, *са*)	*ца*
	3. Говоры восточной части сев.-зап. зоны	*си*, *сы*, *с'а*, *са*	*си*, *с'а*	*с'*, реже *си*, *с'а*	*ца* редко *цы*
Южное наречие	4. Говоры юго-зап. зоны	*с'а*	*с'а*	*с'а*, *с'*	*ца*
	5. Говоры юго-вост. зоны	*си*	*си*	*с'*, *с'а*	*ца*
Средне-русские говоры	6. Новгородские говоры	*с'а*, реже *са*	*с'а*, редко *си*	*с'*, реже *с'а*	*ца*
	7. Владимирско-Поволжские говоры	*са*	*са*	*са*, *с*	*ца*

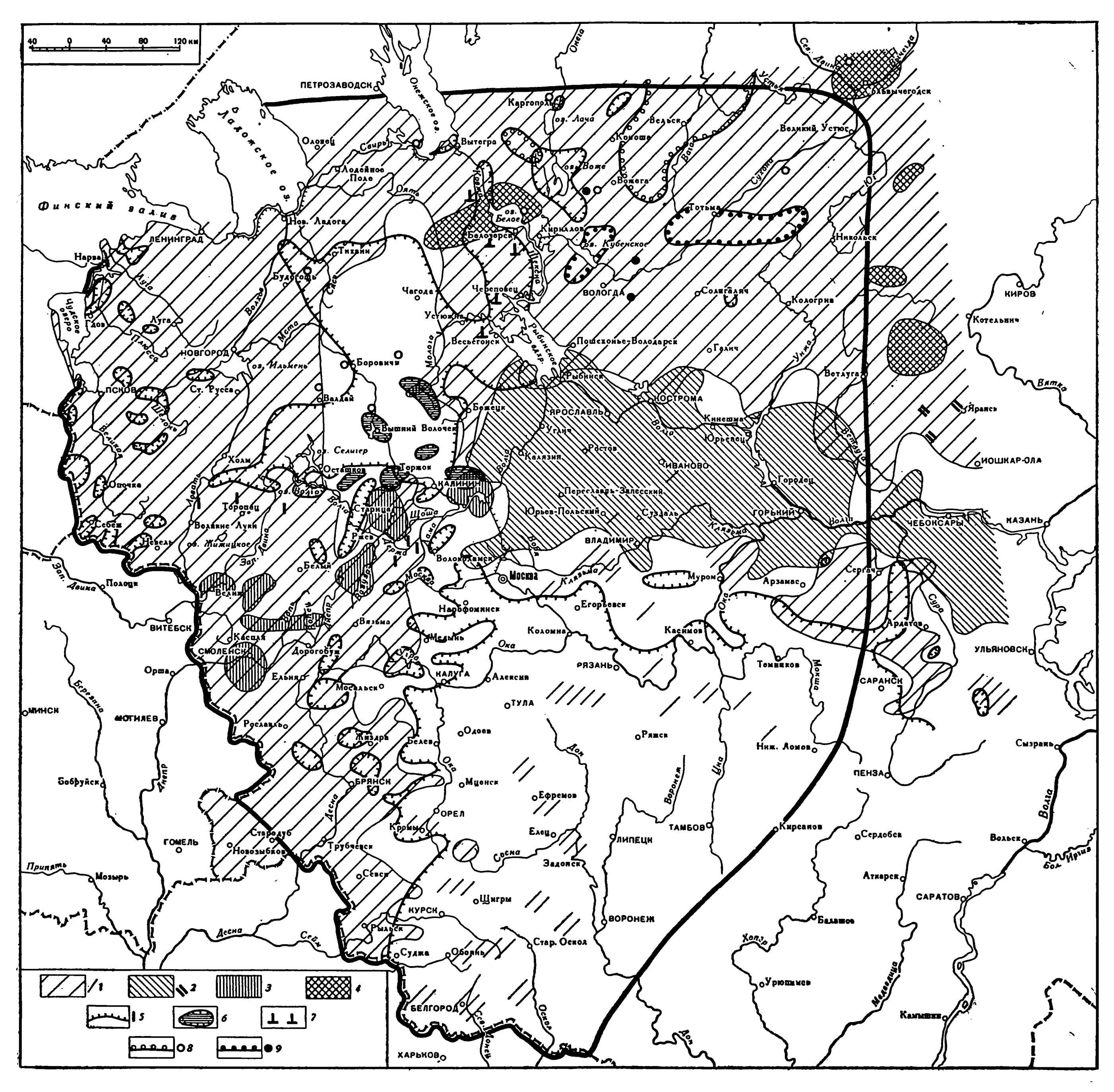
[129] С. П. Обнорский. Очерки по морфологии глагола. . ., стр. 70—72.

Карта 32

Гласный возвратной частицы в форме глаголов прошедшего времени мужского рода на -*л*:

1 — /са/: бойл/са/; 2 — /с'а/: бойл/с'а/; 3 — /сы/: бойл/сы/; 4 — /си/: бойл/с'и/; 5 — /се/: бойл/се/; 6 — /со/: бойл/со/; 7 — /с'о/: бойл/с'о/

Карта 33

Гласный возвратной частицы и характер ассимиляции согласных в форме глагола настоящего времени 2-го л. ед. ч.:

1 — /шс'а/, /с'с'а/: умбе/шс'а/, умбе/с'с'а/; 2 — /шса/, /сса/: умбе/шса/, умбе/сса/; 3 — /с'т'а/: умбе/с'т'а/; 4 — /шша/: умбе/шша/; 5 — /шси/, /с'си/; 6 — /с'ти/; 7 — /шшы/; 8 — /шсе/, /с'се/; 9 — /шс'о/, /с'с'о/

зоны или частица с гласным /е(о)/ — говоры Вологодской области.

В форме глаголов нас. вр. 2 л. ед. ч. употребляются те же частицы /с'а/, /са/, /си/, /се/, /с'о/, но в них не употребляется частица /сы/ (*умбе/шсы/* отмечено только в одном из говоров наряду с формами на -/*шса*/ и -/*шси*/), а употребление частицы -/*са*/ в данной форме ограничено говорами Владимирско-Поволжской группы.

Говоры русского языка различаются между собой и тем, употребляется ли в них одна возвратная частица для всех глагольных форм (напр. *умы́л/са/*, *умбе/шса/*, *умбю/са/*, *умыва́/тца/* и т. д.) или разные по качеству гласного возвратные частицы — для разных форм (напр. *умы́л/си/*, *умбе/шси/*, но *умбю/са/*, *умбе/тца/* и под.), что трудно было показать на карте, в связи с чем они сгруппированы на предлагаемой таблице 3. (Гласный возвратной частицы в различных глагольных формах в говорах разных территорий).

Таким образом, по характеру употребления разных гласных выделяются говоры юго-восточной зоны, в которых разные частицы с гласными *и* или *а* употребляются последовательно с разными формами возвратных глаголов: /*си*/ — с глаголами прош. вр. м. р. ед. ч. и наст. вр. 2 л. ед. ч. и /*с'а*/ — с остальными формами глаголов.

Принцип единообразия гласного частицы для всех форм глагола проведен в говорах юго-западной зоны, и в центральных говорах (говоры восточные среднерусские и говоры Костромской группы). В говорах северного наречия в общем также прослеживается принцип единообразия для всех форм глагола, но он осложнен большой вариативностью гласных частицы в каждом отдельном говоре (см. выше), употребляемых с разными формами глагола. Ср. наличие в вологодских говорах, возвратных глаголов прош. вр. как с гласным *е*, так и с гласным *а*: *умы́л/се/*, *умбе/шсе/*, *умбю/се/*, *умбе/тце/* и подобные же формы с гласным *а*.

В говорах северо-западной зоны северного наречия закрепленность каждого гласного частицы за определенной формой возвратного глагола прослеживается с трудом: здесь наблюдается как бы взаимодействие двух тенденций: произносить одну гласную частицы во всех глагольных формах и произносить частицы с разными гласными в зависимости от разных глагольных форм. Так, можно сказать, что, например, гласная *и* чаще употребляется с формами прош. вр. на -*л* и наст. вр. 2 л. ед. ч., а гласная *а* возможна во всех формах.

Наличие разных гласных в составе возвратных частиц в разных говорах и в разных глагольных формах в одних и тех же говорах показывает сложность, самостоятельность и разновременность образования определенного вида возвратной частицы по качеству гласного в разных говорах. Данные белорусской диалектологии также дают основание считать, что процессы формирования разновидностей возвратной частицы относятся к периоду оформления отдельных восточнославянских языков, что сказывается в характере размещения ареалов, при котором в ряде случаев ареалы внешне тождественных явлений (например, частицы /*си*/) оказываются на разорванных и значительно удаленных друг от друга территориях. При этом в противоположность возникновению различий по твердости—мягкости согласного частицы, где появление твердого согласного частицы по своему возникновению было фонетически обусловленным изменением, различия в качестве гласного возвратной частицы, с самого начала определявшиеся не фонетическими, а морфологическими предпосылками (вин. п. *ся*, дат. п. *си*) [130], в дальнейшем развиваются в направлении обобщения для всех или для ряда глагольных форм одной и той же возвратной частицы вне зависимости от значения глаголов. При этом процесс обобщения одной гласной в возвратной частице происходил в русском языке, видимо, неодновременно, с чем и связаны те различия в качестве гласной частицы, которые имеются в говорах.

Время отвердения согласного частиц и время унификации гласных было, видимо. разным в разных говорах. Судя по современному распространению разных гласных в частицах можно предполагать, например, что для говоров Ростово-Суздальской земли было характерно обобщение частицы /*с'а*/, представленной в центральных говорах (с последующими ее изменениями в отношении отвердения или ассимиляции согласного). Употребление частицы /*си*/ могло устанавливаться в разное время в разных говорах. Так, в говорах юго-восточной зоны, где частица /*си*/ распространена преимущественно в формах прош. вр. ед. ч. м. р. и 2 л. ед. ч. наст. вр., употребление установилось, видимо, уже после XV в. и независимо от процессов отвердения согласного частицы, проходившего в говорах Ростово-Суздальской земли. Об этом свидетельствует

[130] См.: С. П. Обнорский. Очерки по морфологии глагола . ., стр. 85.

характер территориального размещения этих частиц, при котором ареалы частиц /*си*/ и /*с'а*/, находясь по соседству друг с другом непосредственно не соприкасаются. Отмечаемые же редкие факты сосуществования /*си*/ и /*са*/ свидетельствуют об его возникновении в более позднее время, поскольку в подобных говорах отсутствуют формы /*сы*/ и /*с'а*/, что указывает на появление /*си*/ и /*са*/ в подобных говорах как равнозначных готовых морфологических форм, сосуществующих в настоящее время в качестве вариантов форм с одним и тем же значением, что могло, в свою очередь, явиться результатом поздних процессов взаимодействия диалектов. Полное отсутствие частицы /*си*/ в центральных говорах, и в частности в московском, также свидетельствует скорее о поздней ее стабилизации в юго-восточных говорах, т. е. во время, когда Москва была уже центром Русского государства, а особенности московского говора становились устойчивыми и получали более широкое распространение. Наличие рассеянного распространения частицы /*си*/ почти по всей территории, кроме центральных говоров, ее весьма значительное распространение на восточной части территории северо-западной зоны свидетельствует о том, что процесс унификации гласных в возвратной частице неравномерно протекал в разных говорах и не везде приводил к закреплению одной определенной частицы за определенными или всеми формами глагола; таким наиболее последовательным он был, в сущности, только в центральных говорах. При этом в говорах северо-западной зоны (главным образом в ее восточной части) употребление частиц /*си*/ и /*с'а*/ могло установиться и в результате их самостоятельного развития, хотя и сопровождалось утратой прикрепленности этих частиц к определенным глагольным формам. Этому не противоречит наличие в данных говорах форм /*сы*/, /*са*/, которые могли образоваться из /*си*/, /*с'а*/ при отвердении согласного частицы. Однако то же сосуществование /*си*/, /*сы*/ с /*с'а*/, /*са*/ допускает и толкование его как результата влияния говоров юго-востока на данные говоры, тем более, что имеются и другие факты подобного влияния (ср., например, характер распространения неопределенной формы глаголов типа *несть* на той же территории).

О позднем развитии процессов унификации возвратной частицы свидетельствует также и наличие резкой грани между говорами юго-восточной и юго-западной зон в отношении употребления частицы с тем или иным гласным, указывающее тем самым также, что процесс обобщения возвратной частицы с гласным *и* или *а* происходил уже после обособления великорусского и белорусского языков.

Особых замечаний требует характер территориального распространения и вопрос о происхождении возвратной частицы /*се*/, употребление которой так же, как и возвратных частиц /*с'а*/, /*си*/, возможно во всех формах возвратного глагола, что свидетельствует о существовании ее в прошлом наряду с двумя другими частицами. Употребление этой частицы (/*се*/—/*сё*/) отмечено в единичных говорах Замостья (восточные говоры северо-запада, бывшие новгородские) и на территории ранней новгородской колонизации. В связи с этим употребление данной частицы могло установиться в соответствующих говорах и в достаточно раннее время, в XIII—XIV вв. С. П. Обнорский [131] предполагал, что исторически частица /*се*/ представляет собой форму род. п. возвратного местоимения, в дальнейшем обобщившуюся в качестве возвратной частицы. Н. Н. Дурново [132], отрицая возможность закономерного фонетического образования возвратной частицы /*се*/ путем изменения /*с'а*/ > /*се*/ (так как конечное *а* фонетически закономерно не переходило в *е*) предполагает наличие особых фонетических условий, в которых оказалось /*с'а*/: «Конечное *а* в этом слове редуцировалось подобно тому, как и конечное *е*, *и*, *ы* в других частицах и местоименных наречиях, а затем редуцированная гласная, получившаяся из *а*, изменялась, смотря по говорам, в *е*, *о* или вновь в *а*. . .». Такое толкование не противоречит нашим материалам и мнению о раннем образовании данной частицы.

4. Ассимиляция согласных в возвратных формах глаголов 2 л. ед. ч. наст. вр.

В говорах русского языка широко распространена регрессивная ассимиляция согласного *ш* в форме 2 л. ед. ч. возвратных глаголов по месту образования последующему согласному *с* возвратной частицы, известная как при мягком согласном /*с'*/ частицы, так и при твердом /*с*/ — /*шс'*/ > /*сс'*/ > /*с'с'*/ или /*шс*/ > >/*сс*/, /*с̄*/ (напр. *умбе*/*с̄'а*/, *умбе*/*с̄а*/). При широко распространенном сосуществовании ассимилированных и неассимилированных форм по говорам, следует заметить, что первые, т. е. формы на -/*сса*/, -/*с'с'а*/, -/*с'с'е*/ гораздо шире распространены, чем вторые, т. е. формы на -/*шс'а*/, -/*шс'и*/, -/*шс'е*/, -/*шса*/.

Однако в некоторых говорах русского языка имеются и другие сочетания согласных на месте

---

[131] С. П. Обнорский Очерки по морфологии глагола. . ., стр. 85.
[132] Н. Н. Дурново Очерк истории, стр. 202.

ш—с глагола и возвратной частицы, а именно, произношение /*с'т'*/ на месте /*шс'*/ и произношение /*шш*/ на месте /*шс*/.

Произношение /*с'т'*/ в соответствии /*шс'*/ (см. карту 33) напр., *смеé/с'т'а/* (или /*с'ти*/), *умбе/с'т'а/ /сти/* явилось, видимо, в результате регрессивной ассимиляции /*шс'*/ > /*с'с'*/ и позднейшей диссимиляции: /*с'с'*/ > /*с'т'*/ не зависевшей от качества гласной, употребляемой в составе этой частицы. Ср.: *мбе/с'т'а/*, в смоленских говорах, но *мбе/с'ти/* в вышневолоцких и под. Данная черта не имеет определенного ареала и по говорам, где ее отмечают, имеет факультативное употребление: *мбе/с'т'а/* и *мое/с'с'а/* (нередко в одном и том же говоре). Кроме территории между Смоленском и Вышнем Волочком формы с расподоблением /*с'с'*/ > >/*с'т'*/ встречаются очень редко. В совершенно единичных говорах они отмечены в восточных среднерусских акающих говорах [133].

Несколько особыми представляются случаи употребления твердого /*ш*/ на месте /*с'*/ возвратной частицы в изучаемых формах: *мбе/шша/*, *мбе/шшы/*, отмечаемые в небольшом количестве говоров северного наречия (см. карту 33). Генезис этих форм может быть связан с шепелявым произношением свистящих согласных в некоторых говорах (типа /*с''*/, /*с'ш'*/) и согласного *с* возвратной частицы. В результате регрессивной ассимиляции по месту образования в этом случае могли возникнуть сочетания мягких шепелявых свистящих звуков, напр., /*шс''а*/ > /*с''с''а*/ или /*ш'ш'а*/. Действительно, в районе Белого озера и на Ветлуге, где отмечаются подобные формы, имеется шепелявенье. При этом в тех же говорах, где отмечаются формы возвратного глагола 2 л. ед. ч. типа *мое/шша/*, -/*шшы*/ отмечаются и формы возвратного глагола с /*ш'ш'а*/, /*ш'с'а*/. Тем самым можно считать, что формы с /*шша*/ в этих говорах образовались из /*с''с''а*/ или /*ш'ш'а*/ при действии общего процесса отвердения /*ш'*/.

Таким образом, формы возвратного глагола 2 л. ед. ч., имеющие в настоящее время твердые /*ш*/ на месте *с'* возвратной частицы, являются по сути свидетельством того, что в северных говорах в формах 2 л. ед. ч. (после *ш*) произносилась мягкая согласная в возвратной частице, которая так же, как и во всех других говорах русского языка, ассимилировала себе по способу образования согласную основы глагола.

Следовательно, сочетание согласных типа *шш-а* (*ы*) в северных говорах нельзя понимать как отражающее прогрессивную ассимиляцию согласного *с* согласному *ш* по месту образования.

[133] «Атлас VI», карта 158, комментарии, стр. 887

§ 12. Место ударения и качество ударенного гласного в личных формах некоторых глаголов II спряжения

Как известно, среди глаголов II спряжения на *-ить* с основой настоящего времени на парный по твердости — мягкости согласный выделяются подгруппы по месту ударения в парадигме настоящего времени: с постоянным ударением на корне — *вéрю, вéришь. . .*; с постоянным ударением на окончании (или на тематическом гласном) — *говорю́ — говори́шь* и с подвижным ударением — *ношу́ — нóсишь*.

В говорах русского языка (как, впрочем, и в литературном языке) наблюдается сокращение числа глаголов второй подгруппы, исконно имевших ударение на тематическом гласном и развитие у них подвижного ударения, ср. при ударении на окончании в 1 л. ед. ч. колебание в остальных лицах: *курю́*, но *кури́шь* и *ку́ришь. . . валю́*, но *вали́шь* и *вáлишь. . .* и под. Возникающее при этом диалектное различие в некоторых говорах заключается только в месте ударения, а в других и в изменении качества гласного, на который переносится ударение, что наблюдается при корневых гласных *а* и *о*: *вали́шь, вали́т. . .*, в одних говорах, *вáлишь, вáлит. . .*, в других и, наконец, *вóлишь, вóлит. . .* (с изменением гласного) — в третьих. В атласах русских народных говоров картографированы именно те глаголы второго спряжения, исконно имевшие ударение на тематическом гласном, которые имеют в корне гласные *а* или *о*, а именно, глаголы *плати́ть, дари́ть, кати́ть, тащи́ть, вали́ть, вари́ть, брани́ть, лови́ть, соли́ть*.

Указанные различия по месту ударения не принадлежат к числу четко противопоставленных в территориальном отношении: перенос ударения на корневой гласный в формах 2—3 л. ед. ч. и 1, 2, 3 мн. ч. у ряда глаголов, исконно имевших наконечное ударение, известен в современных говорах в общем на всей территории распространения говоров русского языка. Неполными данными о распространении новых парадигм с подвижным ударением располагала Н. К. Пирогова, которая писала: «Новая акцентологическая тенденция к развитию подвижности ударения в парадигме настоящего времени глаголов пятого продуктивного класса едва затронула севернорусские говоры» [134]. Фактически во многих или даже

[134] См. Н. К. Пирогова. О некоторых тенденциях в развитии типов глагольного ударения. «Вестник МГУ», № 3, 1959, стр. 114.

в большинстве современных севернорусских говоров наблюдается колебание в употреблении форм с подвижным и наконечным ударением. В связи с этим при дальнейшем анализе характера территориального распространения будут различаться территории, на которых встречаются, хотя и с различной последовательностью сохраняющиеся здесь личные формы указанных глаголов с ударением на окончании и те территории, на которых эти формы вовсе не встречаются. При этом следует иметь в виду, что очертание этих территорий является несколько различным для разных глаголов.

Кроме глаголов, изоглоссы которых приведены на карте, в нашем распоряжении имеются еще данные о глаголах *ловить* и *платить*, формы которых с ударением на окончании отмечены буквально в единичных нас. п., разбросанных по территории сев. наречия, что указывает на то, что процесс переноса ударения на начальный гласный протекал у этих глаголов наиболее интенсивно. Чаще, но тоже в общем весьма нерегулярно распространены формы с наконечным ударением глагола *бранить — бранишь, бранит* и т. д., отличающиеся той особенностью, что они встречаются кроме сев. наречия и на территории западных ср.-р. говоров. Несмотря на то, что интенсивность распространения глаголов, имеющих ударение на окончании, показанных на карте, различна у разных глаголов, совокупность их изоглосс образует все же подобие пучка, указывающего на сохранение в той или иной степени форм с ударением на окончании в основном в пределах северного наречия и восточных среднерусских говоров (см. карту).

Колебания по месту ударения в личных формах глаголов отражены и в русском литературном языке. Характеризуя этот процесс, Л. А. Булаховский говорит, что в русском литературном языке увеличилось число глаголов, перенесших ударение с приметы *и* в настоящем времени на корень и видит в этом усиление в литературном языке элементов южнорусских за счет северных и церковнославянских. В числе глаголов, перенесших ударение, он приводит такие, как *валишь, варишь, катишь, копишь, косишь, кутишь, ленишься, лечишь, тащишь* и некот. др.[135] Таким образом, в говорах сев. наречия и в ряде восточных среднерусских говоров сохраняется, хотя и с неодинаковой последовательностью, старое место ударения у личных форм глаголов определенного класса с наконечным ударением, наряду с которыми этим говорам, как и другим говорам русского языка в их современном состоянии, известны и формы с перенесенным ударением, в общем все же гораздо слабее распространенные в пределах северного наречия и в восточных ср.-р. говорах, чем в говорах других территорий. Приводимые Л. А. Булаховским данные свидетельствуют также и о том, что в литературном языке представлены, как и в говорах, колебания в охвате глаголов, в которых имел место перенос ударения на корневой гласный: состав этих глаголов различен и в разных группах говоров русского языка, что указывает на лексикализованный характер процесса: разные глаголы данного класса имели различную судьбу в отношении сохранения или переноса места ударения. Отражение изменения места ударения в указанных глагольных формах в литературном языке, связано, очевидно, с той широтой, какую это изменение имеет в говорах.

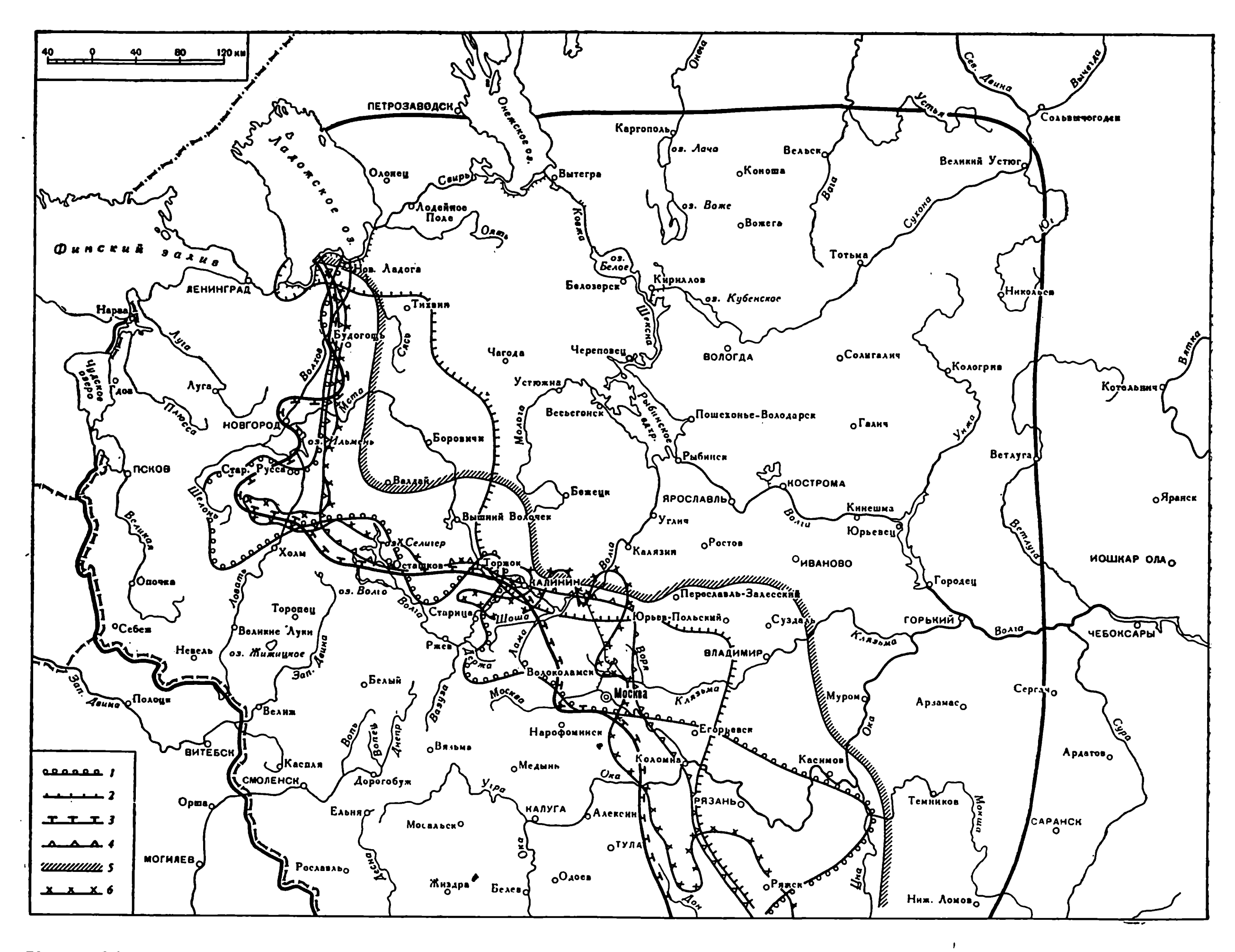
На территории, расположенной к западу и юго-западу от той, в пределах которой по говорам сосуществуют глагольные формы с наконечным ударением и с ударением на первом слоге, эти последние формы (*дáришь, кáтишь* и под.) распространены почти исключительно, причем наряду с ними у определенной части глаголов, а именно у тех, которые имеют гласные *а* или *о* в корне, известны и формы с заменой корневого гласного, на который перенесено ударение: при этимологическом гласном *а* происходит замена на *о*, при этимологическом *о* на *а*: *кóтишь, вóришь, дóришь, тóщишь, вóлишь*, но ср. *лáвишь, сáлишь*[136].

Распространение форм с заменой ударенного *о* на *а* или *а* на *о*, которые должны быть рассмотрены как разновидность форм с перенесенным ударением, является еще более различным для разных глаголов, различной на разных территориях является и степень сосуществования с формами, сохранившими ударенный этимологический гласный.

Особенно выделяется по характеру распространения глагол *платить*, формы которого представлены в говорах русского языка только в двух разновидностях; *плóтишь, плóтит* и под. или в виде *плáтишь, плáтит* и под; формы же этого глагола с ударением на окон-

[135] Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. 2, стр. 254. — Большое внимание процессам утраты старого места ударения, т. е. случаям его переноса с окончания на основу, уделено в работе: Г. А. Касвин. Основы настоящего времени глаголов II спряжения. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т III М., 1949 г., стр. 111—138

[136] Здесь мы приводим только глаголы, формы которых картографированы в атласах русских народных говоров

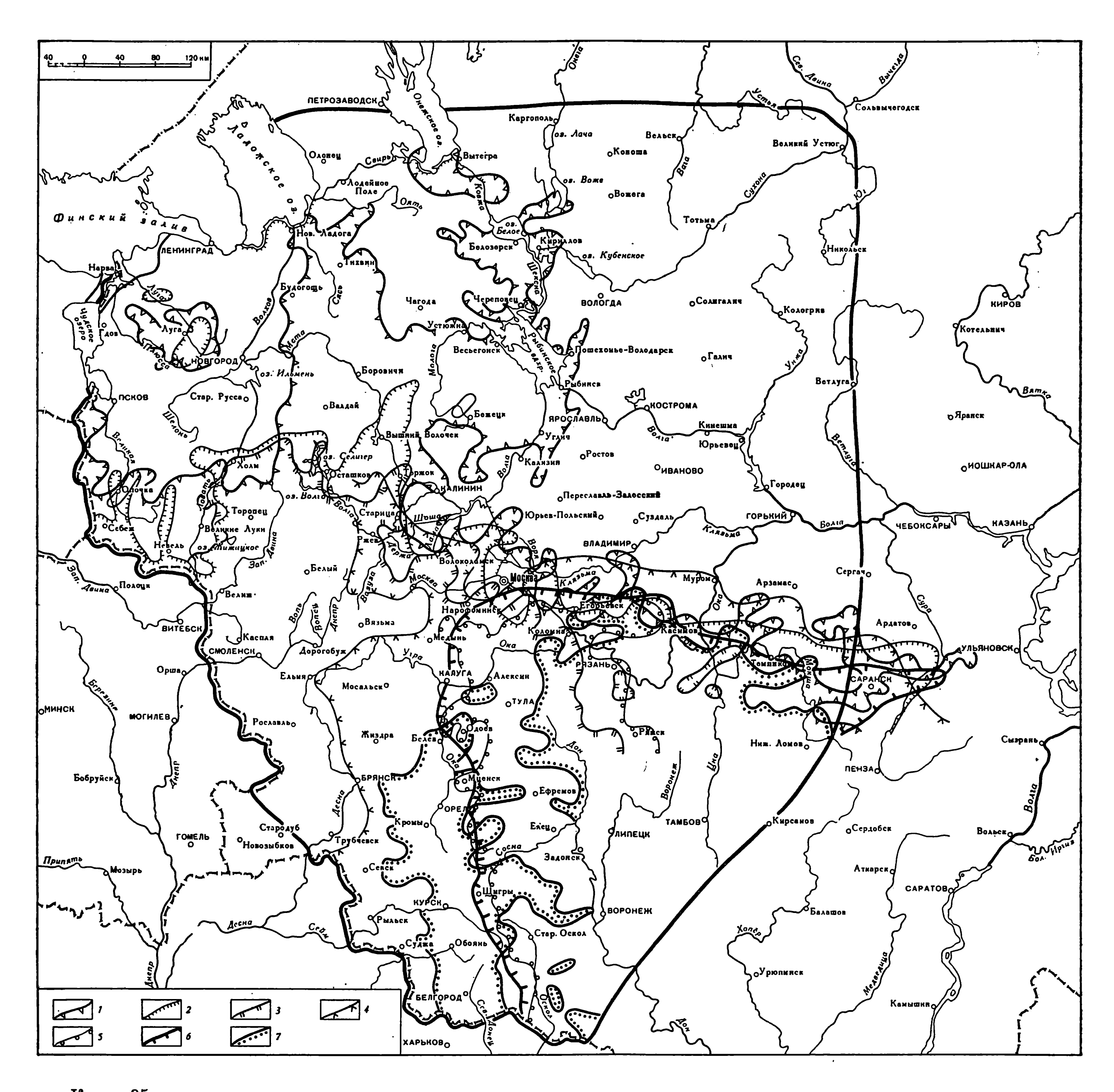
Карта 34

Распространение личных форм настоящего времени с ударением на окончании у некоторых глаголов II спряжения:

1 — дари́ш, дари́т...; 2 — тащи́ш, тащи́т...; 3 — вари́ш, вари́т...; 4 — вали́ш, вали́т...; 5 — кати́ш, кати́т...; 6 — соли́ш, соли́т...

чании *плати́шь*, *плати́т* отмечены лишь в единичных говорах (см. выше). Формы *пло́тишь*, *пло́тит* известны по всей изучаемой территории, но с ощутительными различиями в интенсивности распространения, с учетом которой на карте и выделена территория, где формы *пло́тишь*, *пло́тит* распространены наиболее последовательно (см. карту). Территория наиболее интенсивного распространения форм *пло́тишь*, *пло́тит* в южной своей части близка по очертаниям к территориям распространения подобных форм от других глаголов, особенно тех, которые известны по всей территории южного наречия с охватом южной части территории западных ср.-р. говоров, т. е. глаголов *до́ришь*, *ко́тишь*. Особенностью ареала формы *пло́тишь* является распространение ее к северу, т. е. охват почти всей западной части территории сев. наречия. Формы *пло́тишь*, *пло́тит* известны и за пределами показанной на карте территории их наиболее интенсивного распространения: укажем, однако, что наименьшее распространение они имеют на территории Владимирско-Поволжской, Костромской и Вологодской групп говоров, где преимущественно распространены формы *пла́тишь*, *пла́тит* и под.

Далее по сходству в характере распространения должны быть выделены формы с ударенным гласным *о* глаголов *дари́ть* и *кати́ть*

Карта 35

Распространение личных форм настоящего времени с ударением на корневом гласном и заменой этимологического *о* на *а*, а этимологического *а* на *о* у некоторых глаголов II спряжения:

1 — *пло́тишь* и т. д. (для данного глагола выделена лишь территория преимущественного распространения данных форм); *2* — *ко́пишь* и т. д.; *3* — *до́ришь* и т. д.; *4* — *то́щишь* и т. д.; *5* — *во́ришь* и т. д.; *6* — *во́лишь* и т. д.; *7* — *ла́вишь* и т. д.

(*дóришь*, *дóрит. . . кóтишь*, *кóтит. . .*), которые известны в данной огласовке всем говорам южного наречия, а также, хотя и в разной степени, западным ср.-р. и восточным ср.-р. акающим говорам. На указанных территориях наряду с *дóришь* почти в той же степени распространено и *дáришь*; форма же *кáтишь* распространена реже, чем *кóтишь*.

Формы *тóщишь*, *вóришь*, *вóлишь*, *лáвишь* распространены в отличие от глаголов *дóришь* и *кóтишь* в основном на территории юго-восточной зоны, причем наиболее широкой в северо-западном направлении является территория форм *тóщишь* и под. так, что эти формы известны в незначительной степени даже в южной части территории селигеро-торжковских ср.-р. говоров. Однако наиболее существенной особенностью распространения форм с ударенным *о* четырех названных глаголов является то, что они не известны на западной части территории южного наречия.

Формы *брóнишь* и под. или *сáлишь* и под. не обладают даже относительной определенностью территориального распространения и отмечены лишь в отдельных немногочисленных нас. п. в говорах южного наречия.

Таким образом, по распространению форм с ударенным *о* вм. *а*, или *а* вм. *о* могут быть выделены как бы три основных зоны: 1) юго-восточная, на которой отмечены глагольные формы этого типа от наибольшего количества глаголов, 2) южная (с частичным охватом территории западных и восточных ср.-р. акающих говоров), на всей территории которой отмечены только формы *плóтишь. . .*, *кóтишь. . .*, *дóришь* и 3) южно-центральная, для которой в целом характерно лишь наиболее интенсивное распространение форм *плóтишь*, *плóтит* и т. д.

Неравномерность распространения форм с заменой этимологического гласного под ударением, видимо, объясняется, как уже говорилось выше, лексикализованным характером самого процесса переноса ударения (а также и замены ударенного гласного) у разных глаголов и различной интенсивностью последующего распространения в пределах русского диалектного языка соответствующих форм. Интенсивность распространения является высшей у формы *плóтишь*[137], несколько меньшей у форм *кóтишь*, *дóришь*, и низшей — у форм *тóщишь*, *лáвишь*, *вóришь*, *вóлишь*, из которых форма *тóщишь*, хотя и имеет несколько более широкое распространение к северо-западу, чем *вóришь*, *вóлишь*, *лáвишь*, но не характерна все же для говоров южного наречия в целом.

Суммируя все сказанное о распространении изучаемых форм глаголов можно прийти к некоторым выводам о более общем членении территории русских народных говоров по характеру распространения изучаемых глагольных форм.

Так, может быть выделена по решительному преобладанию на ней форм с перетянутым на начальный слог ударением, но с сохранением этимологического гласного под ударением (*вáлишь*, *тáщишь* и под.) — западная часть территории русских народных говоров, близкая по очертаниям к западной диалектной зоне. Северный отрезок границы этой территории можно провести по линии пучка изоглосс, связанного с распространением форм с наконечным ударением, а южный отрезок в промежутке между изоглоссой форм *тóщишь* и под. и пучком изоглосс других глаголов, заменивших *а* на *о* под ударением. Правда, в пределах южной части этой зоны у двух глаголов (*дарúть*, *катúть)* наряду с формами *дáришь*, *кáтишь* отмечены и формы *дóришь*, *кóтишь*, но большинство глаголов этого типа, даже если судить по имеющемуся в нашем распоряжении картографированному материалу, сохраняет здесь ударенное *а*: *тáщишь*, *вáришь*, *вáлишь . . .* Формы же *дóришь*, *кóтишь* могут быть здесь и поздними по времени появления.

Таким образом, опираясь на данные лингвистической географии, можно предположить, что основными территориями, в говорах которых в наиболее раннее время происходил перенос ударения на начальный слог у изучаемой группы глаголов, были территории западных земель — Новгородской, Смоленской, Полоцкой, где этот перенос имел место, возможно, еще на протяжении XIII в. или еще ранее, но во всяком случае до распространения аканья[138] на территории Смоленского, Полоцкого, Псковского княжеств, т. е. при различении гласных, способствовавшем сохранению этимологических гласных в слогах, становившихся ударенными. Распространение форм с таким местом ударения на более восточные территории относится, видимо, уже к периоду сплочения русских земель в пределах Московского государства, что стало возможным начиная с XVI в. и в последующее время.

На основании данных лингвистической географии должны быть внесены коррективы

[137] Формы *плóтишь* и под. отмечены в словаре под ред. Д. Н. Ушакова как характерные для московского разговорного языка

[138] О времени распространения аканья на этой территории см.: Р. И. Аванесов. Вопросы образования. . .

в то представление о первоначальном месте возникновения и путях распространения переноса ударения, которое имеется у Н. К. Пироговой в названной выше работе [139]. Ср. следующее ее высказывание: «Обзор северных и южных говоров доказывает, что тенденция к подвижному ударению возникла в южновеликорусских говорах, что именно оттуда она медленно продвигается к северу, все больше захватывая среднерусские говоры». С нашей точки зрения, основным и первоначальным очагом переноса ударения являются западные говоры русского языка.

Представление о развитии переноса ударения на начальный слог в русских говорах западных территорий до появления в них аканья согласуется и с данными белорусского языка, также, видимо, пережившего этот процесс в основном еще при различении гласных: в его говорах отсутствуют формы с наконечным ударением, а распространены формы с перетянутым ударением, но глаголы с измененным гласным здесь отмечены лишь как единичные, это преимущественно глаголы *пло́тишь*, *ко́тишь* и *посо́дишь*. При этом нерегулярно встречающаяся форма *пло́тишь* распространена на восточной части территории белорусского языка, форма *ко́тишь* распространена повсеместно, но ее распространение редеет также в западной части территории. Также только в восточной части территории распространена форма *посо́дишь*, не картографированная в атласах русских народных говоров [140]. В связи с этим распространение названных глаголов с ударенным гласным *о* можно рассматривать в белорусском языке как происшедшее в более позднее время.

В пределах восточной территории по современным данным о характере распространения изучаемых глагольных форм не наблюдается единства: для ее северной части характерно (см. выше) сосуществование форм с наконечным ударением, с формами, имеющими ударение на первом слоге, но не изменившими качества ударенного гласного; для южной части восточной территории характерны формы глаголов с ударением на начальном гласном и с заменой этимологического гласного таких, как *до́ришь*, *ко́тишь*, *то́щишь*, *во́ришь*, *во́лишь*, *ла́вишь*, наряду с которыми здесь, т. е. на южной части восточной территории, имеют, однако, известное распространение и формы *да́ришь*, *ка́тишь*, *та́щишь*, *ва́ришь*, *ва́лишь*, *ло́вишь*, *со́лишь*, а также, хотя и реже встречающиеся, формы с наконечным ударением от некоторых из этих глаголов: *тащи́шь*, *вари́шь*, *вали́шь*, *соли́шь*.

Все эти данные при подходе к ним с исторической точки зрения позволяют предположить, что перенос ударения на первый слог протекал на всей восточной территории позднее, чем на западе, о чем свидетельствует ряд обстоятельств. В говорах северной части этой восточной территории таким свидетельством является непосредственное сохранение личных форм ряда глаголов с наконечным ударением (см. карту), при их сосуществовании с формами, имеющими ударение на начальном гласном, свидетельствующем о действии тенденции такого переноса, актуальной для русского языка вообще, но развивавшейся в ряде говоров в более поздние периоды и не завершившейся до настоящего времени.

На территории южной части восточных говоров (юго-восточная зона) о позднем характере перетяжки ударения свидетельствуют прежде всего опять-таки факты (хотя и более редкие) сохранения форм с наконечным ударением, сосуществующих с формами, имеющими ударение на первом слоге, как заменившими, так и не заменившими ударенный гласный *да́ришь* — *до́ришь* и *дари́шь*, *ва́ришь* — *во́ришь* и *вари́шь*. При распространении здесь форм с перетянутым ударением, шедшем, как мы предполагаем, в направлении с запада на восток, именно здесь, в говорах с вполне сложившейся к этому времени системой неразличения гласных, возникало «ложное» с этимологической точки зрения «прояснение» этого гласного, постоянно предударного в парадигмах этих глаголов. Такого рода замены этимологического гласного возникали по говорам юго-востока неравномерно и, видимо, в разное время, в разных говорах, на что указывает распространение на той же территории и форм с ударением на начальном гласном, не подвергшемся замене: *да́ришь*, *ва́ришь* и под. О том, что именно эта территория была основным очагом возникновения глаголов с измененным корневым гласным, свидетельствует стабилизация форм этого рода от наибольшего количества глаголов на данной территории.

Наши данные не подтверждают, таким образом, высказанного в свое время акад. С. П. Обнорским [141] предположения о том, что очагом первоначального возникновения форм типа *пло́тишь*, *ко́тишь* (т. е. форм с заменой корневого

[139] Н. К. Пирогова. Указ. соч., стр. 118.

[140] Сведения о распространении указанных глаголов почерпнуты из рукописного «Дополнения» к кн.: Ю. Ф. Мацкевич. Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове. Мінск, 1959

[141] С. П. Обнорский. Очерки по морфологии глагола. . ., стр. 94 и след

гласного) являлись говоры с диссимилятивным аканьем. Выше было показано, что от наибольшего количества глаголов эти формы известны на юго-восточной территории, где диссимилятивное аканье как раз отсутствует и лишь формы *дóришь*, *кóтишь* а особенно, *плóтишь* имеют более широкое распространение. Перенос ударения в глаголах на *-ить* С. П. Обнорский считал явлением, возникшим в процессе аналогического новообразования под влиянием таких рядов глаголов, как *н/а/шý — н/ó/сишь*, *в/а/жý — в/ó/зишь* и под. «Замечательно, однако,— писал С. П. Обнорский,— что этим явлением оказались охвачены лишь глаголы с основами на *и* (II спряжение). . . Между тем, имелись в языке глаголы и с основами на *е/о* подвижного типа ударяемости, например, *пахáть — пашý*, *скакáть — скачý* и под., от которых также можно было ожидать новообразований типа *пóшешь*, *скóчешь*; ср. и здесь наличие ряда параллельного, как *глодáть — гложý*, *глóжешь орáть — орý*, *орéшь*. . .» [142]. Отсутствие форм типа *пóшешь*, *скóчешь* С. П. Обнорский как раз и объяснял тормозящим воздействием диссимилятивного вокализма, при котором инфинитивы типа *пахáть*, *сажáть* звучали как *п/ъ/хáть*, *с/ъ/жáть* и потому не могли ассоциироваться с глаголами *н/а/сúть*, *в/а/зúть*, где в первом предударном слоге произносилось *а*.

Высказанные соображения едва ли являются достаточным аргументом в пользу того положения, что формы типа *дóришь*, *вóлишь*, возникали именно при диссимилятивном вокализме. Наиболее существенной предпосылкой, которая может объяснить наличие форм *дóришь*, *вóлишь* при *пáшешь*, *скáчешь* (а не *скóчешь*, *пóшешь*) является то, что в личных формах глаголов *дарúть*, *тащúть*, *валúть* и под. место ударения в формах настоящего времени является новым, а в формах типа *пáшешь*, *скáчешь* — исконным. При переносе ударения в случаях типа *дарúшь — дáришь*, *тащúшь — тáщишь* (действительно, вероятнее всего, по аналогии с *нóсишь*, *вóзишь*) вновь возникавший ударенный гласный должен был устанавливаться согласно предударному (ср. *дарю́ — дарúть*), или этимологическому, в гóворах с различением гласных, в то время как в говорах с совпадением *а* и *о* в первом предударном слоге могла складываться замена ударенного гласного любой из двух фонем, совпадающих в первом предударном слоге. Выше мы пытались обосновать доводы, согласно которым особенно продуктивной такая замена гласного в определенной группе глаголов могла быть именно в восточной части южного наречия (говоры на территории Рязанского княжества), где она возникала при изменении места ударения в этих глаголах, имевшем место уже после стабилизации неразличения гласных. После того, как население этой территории вступает в более тесные контакты с населением других областей Московского государства, его языковые особенности получают распространение в западном, а также и северо-западном направлениях. Из числа форм с замененным гласным корня наиболее продуктивными оказались формы *плóтишь*, *плóтит*, имеющие перспективу распространения и в литературном языке, а также в меньшей степени глаголы *дóришь*, *кóтишь* или также *тóщишь*. Распространение указанных глаголов с измененным корневым гласным протекало уже в весьма позднее время при сплочении диалектных групп русского языка, т. е. на протяжении его существования как национального. Другие глаголы с ударенным *о* вм. *а* или *а* вм. *о* остаются собственно диалектными, связанными в своем распространении в основном с территорией своего первоначального возникновения.

§ 13. Формы глаголов 3-го лица без *т* конечного

Лингвистическое картографирование и анализ составленных карт показывают, что в современных русских говорах имеют место различные системы употребления форм глаголов 3-го л. настоящего времени, представляющие собой различные сочетания окончаний с конечным и без конечного *т* в зависимости от спряжения глагола, от числа и от места ударения в глаголе.

Прежде чем начать рассмотрение различных вариантов систем, сделаем некоторые общие замечания:

1. Подавляющую часть территории русских говоров занимают говоры, которым свойственны глагольные формы с конечным *т* (твердым или мягким), и лишь небольшую часть территории— говоры с наличием того или иного круга форм 3-го л. настоящего времени без конечного *т*.

2. Эти последние говоры в их современном состоянии характеризуются сосуществованием форм с *т* и форм без *т* в одних и тех же категориях.

3. Анализ таких систем обнаруживает существование закономерностей, по которым в том или ином говоре возможны формы и с *т*, и без *т* или только формы с *т* конечным.

[142] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 98

В русском языке восемь форм 3-го л. настоящего времени (в зависимости от спряжения, числа и места ударения в глаголе).

Собранные материалы показывают, что кажущееся на первый взгляд беспорядочным сочетание форм с *т* конечным и без *т* конечного в различных говорах может быть сведено к некоторому числу определенных систем, существование которых в ряде отношений связано со структурой говора в целом (с его фонетическим строем и грамматической системой). Системы употребления глагольных форм без *т* показаны в таблице.

Таблица 5

Система	Число	I спряжение		II спряжение		Основные территории распространения
		уд. ок.	б/уд. ок.	уд. ок.	б/уд. ок.	
1	ед. мн.	-*т* -*т*	/*пи́ша*/ -*т*	-*т* -*т*	-*т* -*т*	На южных и северо-западных территориях в рассеянном распространении.
2	ед. мн.	/*нес'ó*/ -*т*	/*пи́ша*/ -*т*	-*т* -*т*	-*т* -*т*	В пределах северного наречия.
3	ед. мн.	-*т* -*т*	/*пи́ша*/ -*т*	-*т* -*т*	/*ви́д'а*/ -*т*	В пределах южного массива.
4	ед. мн.	/*нес'ó*/ -*т*	/*пи́ша*/ -*т*	-*т* -*т*	/*ви́д'а*/ -*т*	На южных и северо-западных территориях в акающих говорах.
5	ед. мн.	/*нес'ó*/ -*т*	/*пи́ша*/ -*т*	/*сиди́*/ -*т*	/*ви́д'а*/ -*т*	То же.
6	ед. мн.	/*нес'ó*/ -*т*	/*пи́ша*/ -*т*	-*т* /*сид'á*/	/*ви́д'а*/ -*т*	Преимущественно в пределах южного массива.
7	ед. мн.	/*нес'ó*/ -*т*	/*пи́ша*/ -*т*	-*т* /*сид'á*/	-*т* /*ви́д'а*/	В пределах северо-западного массива.
8	ед. мн.	/*нес'ó*/ -*т*	/*пи́ша*/ -*т*	-*т* /*сид'á*/	/*ви́д'а*/ /*ви́д'а*/	То же.
9	ед. мн.	/*нес'ó*/ -*т*	/*пи́ша*/ -*т*	/*сиди́*/ /*сид'á*/	/*ви́д'а*/ /*ви́д'а*/	В пределах северо-западного массива и в говорах рязанской мещеры.
10	ед. мн.	/*нес'ó*/ -*т*	/*пи́ша*/ /*пи́шу*/	/*сиди́*/ /*сид'á*/	/*ви́д'а*/ /*ви́д'а*/	В пределах северо-западного массива в ед. нас. п.
11	ед. мн.	/*нес'ó*/ /*несý*/	/*пи́ша*/ /*пи́шу*/	/*сиди́*/ /*сид'á*/	/*ви́д'а*/ /*ви́д'а*/	В пределах северо-западного массива в виде раздельных ареалов

Сравнивая между собой приведенные системы, можно видеть, что некоторые из них обнаруживают значительную близость. Это объясняется тем, что различия между подобными системами в одних случаях, возможно, являются лишь результатом недостаточно полно собранного материала или должны быть отнесены к особенностям фонетической системы, приведшей к совпадению отдельных форм по звучанию.

	I спряжение		II спряжение	
	уд. ок.	б/уд. ок.	уд. ок.	б/уд. ок.
ед. ч.	*несёт*	*пи́шет*	*сиди́т*	*ви́дит*
мн. ч.	*несýт*	*пи́шут*	*сидя́т*	*ви́дят*

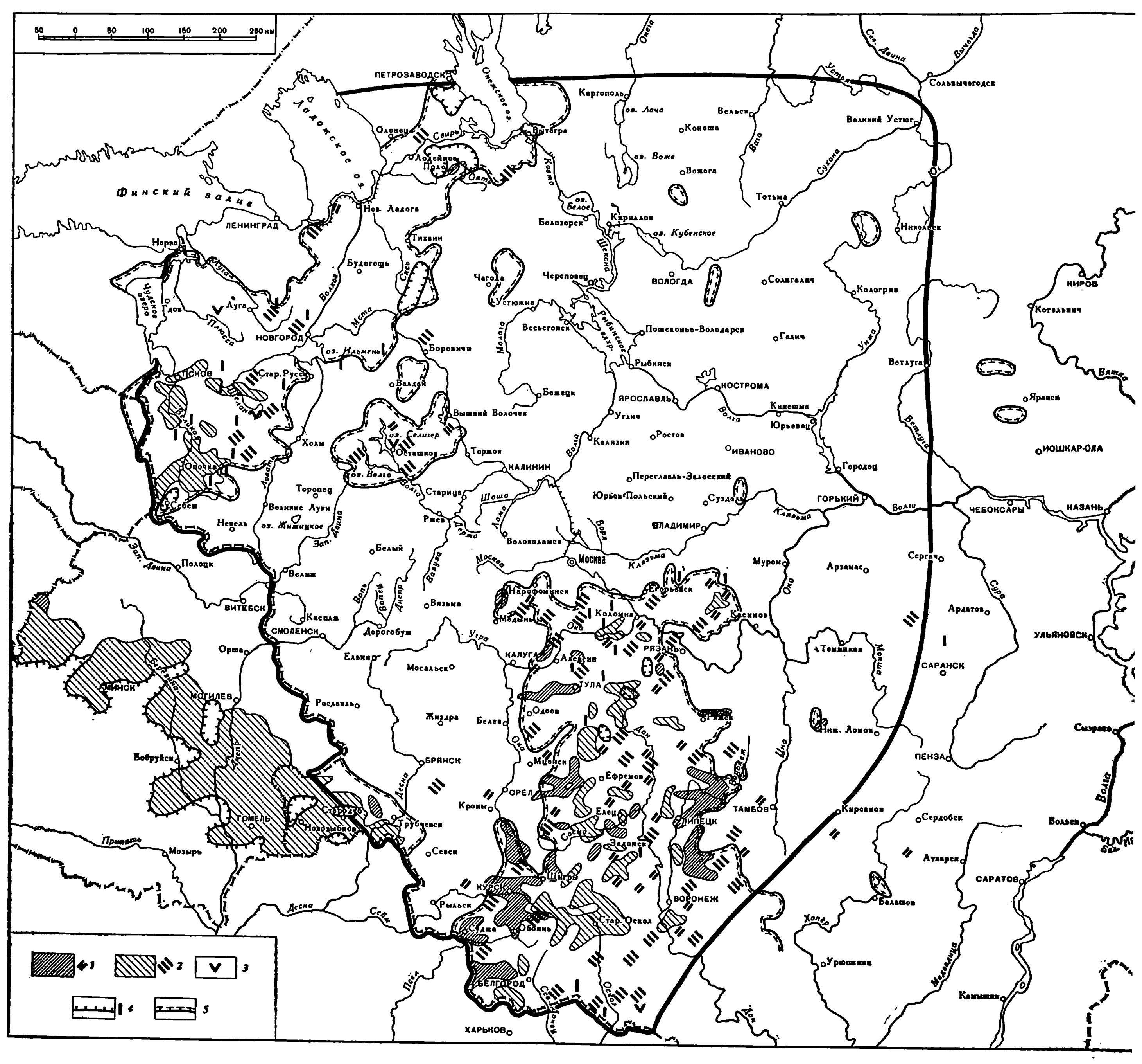
В этом смысле очень близки между собой системы 1 и 3, так как в южнорусских говорах безударные окончания совпадают в одном варианте звучания (он /*пи́ша*/, он /*ви́д'а*/); системы 7, 8 и 6 рассмотрены раздельно потому, что они распространены на различных территориях.

На картах 36а и 36б показано распространение перечисленных выше систем употребления форм глаголов без *т* конечного в 3-м л. настоящего времени в основном на двух территориях, южной и северо-западной. Соответствие отдельных систем занимаемым территориям отражено и на помещенной выше таблице.

Кроме особенностей, связанных с распространением систем употребления глаголов без *т* конечного, в результате анализа изоглосс выявляются следующие закономерности.

1. Распространение форм без *т* конечного в 3-м л. ед. ч. у глаголов II спряжения с ударением на окончании и в 3-м л. мн. ч. независимо от места ударения наблюдается преимущественно в говорах окающих или сохраняющих связь с окающим вокализмом в том или ином виде. Для говоров акающих данные формы глаголов без конечного следует признать менее употребительными (они /*сид'á*/, они /*ви́д'а*/) или крайне редкими (он /*сиди́*/).

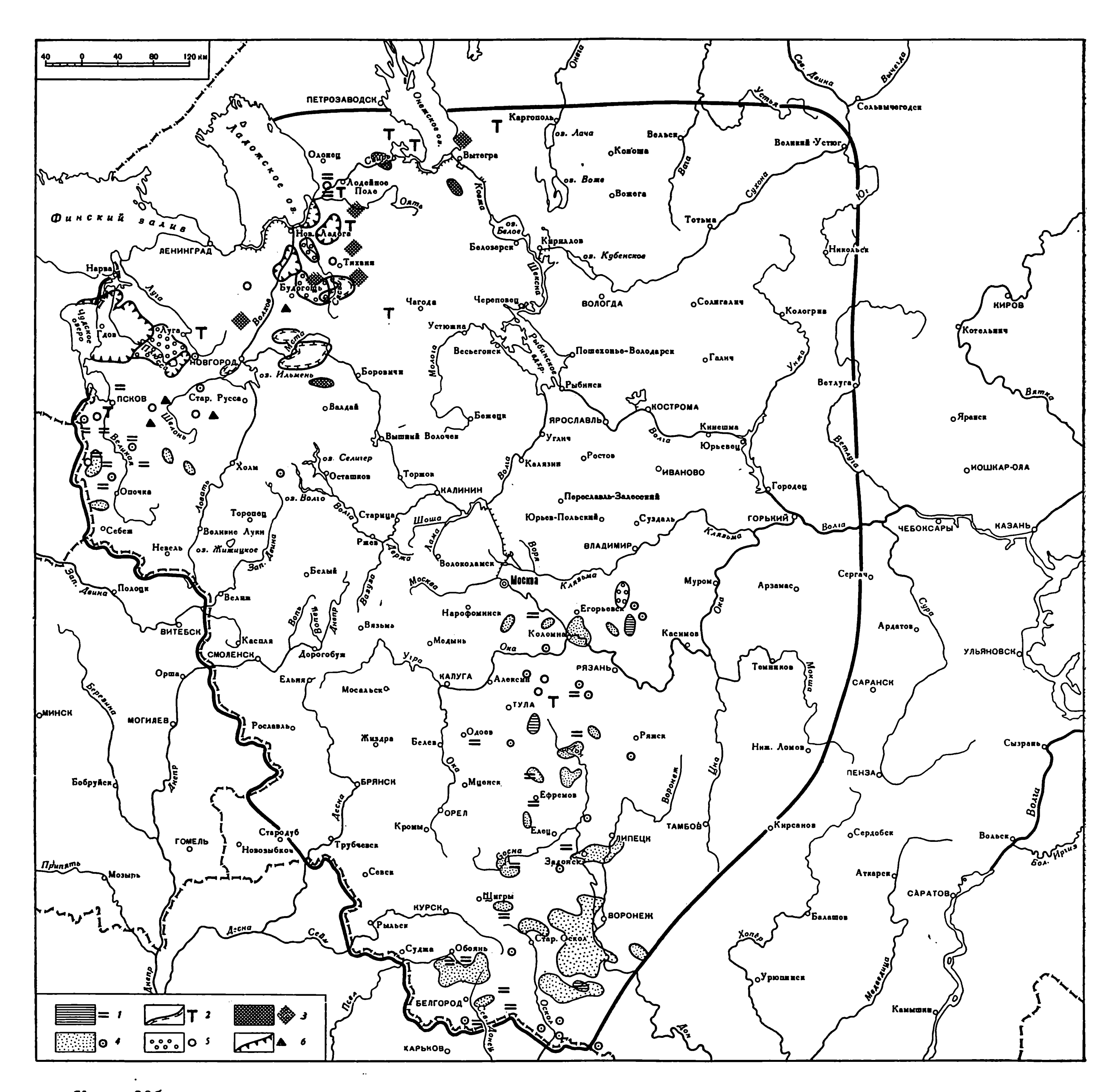
В подтверждение данной закономерности можно привести следующее наблюдение. В южной части территории северо-западного массива проходит граница акающих говоров Псковской группы, на территории которой закономерность распространения форм они /*сид'á*/ и они /*ви́д'а*/ совпадает с территорией южного массива и отличается, таким образом, от закономерности, наблюдаемой в говорах, прилежащих к ним непосредственно с севера, т. е. в говорах гдовских и новгородских. Причем в окающих говорах северо-западного массива изоглоссы форм они /*сид'á*/ и они /*ви́д'а*/ почти полностью совпадают, тогда как в акающих говорах северо-западного массива

Карта 36а

Распространение систем употребления форм глаголов 3-го л. ед. и мн. числа настоящего времени без конечного *т*:

1 — он пи́ша, ви́дя... далее с *т* (система 3); *2 — он несё, пи́ша, сиди́, ви́дя...* далее с *т* (система 5); *3 — он несё, пи́ша, сиди́, ви́дя, они пи́шу, сидя́, ви́дя,* но: они *несу́т* (система 10); *4 — он несё, пи́ша...* далее с *т* (система 2); *5* — Общая изоглосса наличия форм глаголов без *т* конечного

Карта 36б

1 — он несё, пи́ша, ви́дя, они ви́дя, сидя́, далее с *т* (система 8); *2 — он несё, пи́ша, они ви́дя, сидя́,* далее с *т* (система 7); *3 — он несё, пи́ша, они ви́дя,* далее с *т*; *4 — он несё, пи́ша, ви́дя, они сидя́,* далее с *т* (система 6); *5 — он несё, пи́ша, ви́дя, сиди́, они́ сидя́, ви́дя,* далее с *т* (система 9): *6 — он несё, пи́ша, ви́дя, сиди́, они несу́, пи́шу, ви́дя, сидя́* (система 11)

изоглосса форм ударенных окончаний они /*сид'á*/ шире, чем изоглосса форм с безударными окончаниями — они /*вúд'а*/, как это наблюдается на территории южного массива.

2. Глаголы II спряжения «проявляют» большее единство на северо-западе, где особенно в окающих говорах изоглоссы форм глаголов II спряжения в ед. и во мн. числе независимо от места ударения близки друг к другу. На территории южного массива и в акающих говорах северо-западного массива близость этих изоглосс менее ощутима.

3. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что изоглоссы форм глаголов I спряжения на территории обоих массивов значительно расходятся в единств. и множеств. числе и сближаются в пределах того и другого числа по формам с ударенными и с безударными окончаниями.

Вопрос об истории форм глаголов 3-го л. настоящего времени без конечного *т* в русском языке неоднократно ставился историками языка и по-разному ими разрешался.

Уже древнейшие памятники письменности (Остромирово евангелие, Новгородская первая летопись, Архангельское евангелие и др.) содержат формы глаголов без *т* конечного и отражают тем самым существование их в живом языке писцов [143]. Древность форм 3-го л. без конечного *т* поддерживается и наличием их в современных славянских языках и в реконструируемом общеславянском языке доисторической поры [144].

Различное распространение форм без *т* конечного в современных говорах приводило уже к мысли о том, что «не все они сложились одновременно. Лишь часть из них восходит к глубокой древности, другие же возникли позднее» [145]. Так, наиболее широко распространенные формы без *т* конечного — формы 3-го л. ед. числа I спряжения — П. С. Кузнецов считает наиболее древними. Наиболее древними считал эти формы и А. М. Селищев, возводивший их к праславянскому языку [146]. Именно в этой категории преобладают формы без *т* конечного и во всех современных славянских языках — в украинском, белорусском, чешском, польском, болгарском.

Противоположная точка зрения заключается в утверждении меньшей древности форм без *т* конечного по сравнению с формами с конечным *т* [147]. Эту точку зрения обосновывают тем, что даже в тех говорах, где наиболее широко и последовательно отмечается отсутствие конечного *т* в формах 3-го л. невозвратных глаголов, постоянно присутствует *т* перед *-ся* в формах возвратных глаголов, тем самым считают, что формы глаголов без конечного *т* появились в русском языке только после того как произошло присоединение возвратной частицы к глаголу. Новым явлением для русского языка считал формы без конечного *т* и А. М. Селищев, относя формы без *т*, встречающиеся в памятниках письменности, к южнославянским оригиналам [148]. Он же указывал, что в некоторых современных вятских говорах фиксируют такое произношение глагольных форм, как *спӣ*, *говорӣ* (с наличием долгих гласных), свидетельствующее о живом процессе утраты конечного *т* в этих говорах [149].

Наиболее правильной кажется нам точка зрения, совмещающая оба противоположных взгляда: формы без *т* конечного в 3-м л. ед. числа, наиболее последовательно отмечаемые как в памятниках, так и в живых современных говорах, следует очевидно считать свойственными и древнерусскому языку. Вопрос о расширении употребления форм без *т* следует рассматривать отдельно с учетом конкретных условий и систем их употребления.

В литературе известны попытки установить некоторые закономерности синтаксического характера в качестве способствовавших появлению форм без *т*. Так С. П. Обнорский, анализируя некоторые памятники письменности и современные говоры, указывал, что формы без *т* выступают тогда, когда ослаблено значение глагола или когда во фразе нет явно выраженной связи между глаголом-предикатом и субъектом (когда субъект неопределенен или его нет в мыслях). В тех же случаях, когда связь глагола-предиката и субъекта выражена определенно, имеют место глаголы с конечным *т*. С. П. Обнорский, как это показал

---

143 Материал на формы 3-го л. без *т* конечного в новгородских, двинских и псковских грамотах XII—XV вв. см.: О. Т. Бархатова. Система спряжения глагола в деловой письменности северо-западной Руси XII—XV вв. Автореф. канд. дисс. Л., 1955.

144 См.: С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 122, 130. — Точку зрения о большей древности форм без *т* разделяли также А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, Ф. Ф. Фортунатов, Брандт и др.

145 См.: П. С. Кузнецов. К истории форм 3-го лица настоящего времени глагола в русском языке. «Slavia», r. 25, s. 2. Praha, 1956, стр. 175—183.

146 А. М. Селищев. [Рец.] Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. — Изв. ОРЯС, т. XXXII, 1927.

147 См.: Т. П. Ломтев. [Рец.] С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. «Русский язык в школе», 1954, № 4; Он же. [Рец.] П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. — ВЯ, 1954, № 5.

148 А. М. Селищев. Старославянский язык, 2.

149 А. М. Селищев. Указ. рец. на книгу Н. Дурново, стр. 328.

П. С. Кузнецов[150], опирался на ограниченный материал. Привлеченные П. С. Кузнецовым памятники (Повесть временных лет, берестяные грамоты) не подтвердили наблюдений С. П. Обнорского. Не подтвердило этого наблюдения и исследование Г. П. Смолицкой, посвященное условиям употребления форм 3-го л. без *т* конечного в современных южнорусских говорах[151].

Г. П. Смолицкая сделала попытку объяснить широкое распространение форм без *т* у глаголов I спряжения фонетическими условиями. Основываясь на свойстве русской речи, заключающемся в стремлении органов речи освобождаться от лишней работы в позиции конца слова[152], она сравнивает между собой гласные предшествующие конечному *т'* в разных категориях глаголов I и II спряжений и приходит к выводу, что именно у глаголов I спряжения артикуляция *т'* после *е* требует дополнительной работы органов речи, в то время как артикуляция *т'* после *и* у глаголов II спряжения такой работы не требует благодаря близости артикуляции *т'* и *и*. Этим, по мнению Г. П. Смолицкой, и объясняется отсутствие *т* конечного чаще у глаголов I спряжения, чем у глаголов II спряжения.

Однако работа Г. П. Смолицкой строится только на материале южнорусских говоров. В нашем распоряжении, как это было показано выше, имеются материалы с отсутствием конечного *т* не только в южнорусских говорах, но и в говорах среднерусских и частично севернорусских, которые еще не подвергались специальному исследованию. Выше было показано, что среднерусские говоры (северо-западный массив) и севернорусские говоры значительно отличаются от говоров южнорусских по характеру распространения форм без *т* конечного в 3-м л. Системы употребления форм без *т* конечного здесь значительно сложнее и разнообразней, так что гипотеза Смолицкой, если она и верна, может быть применима только к говорам южного массива. При этом необходимо подчеркнуть, что на территории северо-запада отмечаются такие системы глагольных окончаний без *т*, которые вовсе неизвестны в южном массиве, и именно эти системы и составляют специфику диалектных особенностей северо-западного языкового массива.

Как же можно представить себе их возникновение? Следует исходить, очевидно, из признания того, что употребление форм глаголов без *т* конечного в 3-м л. ед. ч. I спряжения — черта общерусская (а возможно и общеславянская; ср. наличие этих форм в украинском, белорусском, чешском, польском и болгарском языках). Наиболее широко распространена данная форма и во всех современных русских говорах как на юге, так и на северо-западе, т. е. в местах наиболее древней восточнославянской колонизации.

Расширение употребления форм без *т* конечного на другие категории следует признать явлением вторичного порядка, и потому складывающиеся при этом системы нужно рассматривать в связи с учетом особенностей говоров той или иной территории, с учетом языковой специфики южного и северо-западного массивов в отдельности.

Для южнорусского массива наиболее характерной системой является преобладание форм без *т* в 3-м л. ед. ч. глаголов с безударными окончаниями (характер спряжения для современных южнорусских говоров не имеет решающего значения, так как безударные окончания у глаголов I и II спряжений совпадают по законам южнорусского безударного вокализма). Достаточно широко в южнорусских говорах представлена система, при которой формы без *т* конечного отмечаются у глаголов I спряжения независимо от места ударения и у глаголов II спряжения с безударными окончаниями, совпадающими по звучанию с соответствующими формами глаголов I спряжения[153].

Таким образом, для южнорусских говоров можно говорить о расширении употребления форм глаголов без *т* под влиянием фонетических условий, т. е. связывать появление форм без *т* у глаголов II спряжения (*он* /*ви́д'а*/, *они* /*сид'а́*/) с характером заударного вокализма: тематические гласные *е* и *и* в заударном положении совпадают в одном общем варианте звучания /ь/; это способствует объединению безударных форм I и II спряжений. Дальнейшее фонетическое изменение заударного /ь/ в /*а*/ (при отсутствии конечного *т*) приводило, возможно, к объединению безударных и ударных форм II спряжения и к появлению форм без *т* под ударением во мн. ч. (*они* /*сид'а́*/).

---

150 П. С. Кузнецов. [Рец.] С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. — ВЯ, 1955, № 2.

151 Г. П. Смолицкая. Некоторые условия употребления глаголов третьего лица без *т* в современных южнорусских говорах. «Филол. науки», 1959, № 2.

152 См.: Р. И. Аванесов. Очерки..., стр. 113; В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика, стр. 236.

153 Выделяется среди южнорусских говоров так называемый Мещерский остров. Судьба этих говоров особая.

Особого внимания заслуживает формирование систем с наличием форм без *т* конечного независимо от числа, спряжения и места ударения в глаголе, т е. систем, имеющих семь-восемь форм без *т*, характерных только для говоров в пределах северо-запада и только на трех изолированных участках территории — у побережий озер Чудского, Ладожского и Селигер.

При изучении этих систем прежде всего встает вопрос о том, что они представляют собой с исторической точки зрения — архаизм или инновацию. Можно предположить, что семь-восемь форм без *т* появились в силу каких-то причин на основе первоначальной системы с двумя формами. Можно предположить и другое. Система, имеющая восемь форм, — наиболее архаичная система, а общее развитие употребления форм без *т* идет по пути утраты закономерности и проникновения *т* в отдельные категории. Наличие системы с отсутствием *т* в восьми категориях в говорах Гдовской группы, которая характеризуется наличием большого числа архаических явлений, как будто подтверждает возможность именно такого пути. Однако путь развития от простого (формы без *т* во всех возможных случаях) к сложному (подчинение форм с *т* или без *т* определенным закономерностям) не является типичным. Обычно мы наблюдаем обратный ход развития от сложного к простому (ср. утрату различия *о* и *ô*, *е* и *ê*, упрощение диссимилятивных систем, утрата оканья и т. п.). Кроме того, если признать систему, имеющую восемь форм без *т*, более древней, то непонятно будет отсутствие хотя бы реликтов таких систем на других территориях, где известно употребление форм без *т*. Следовательно, системы с восемью формами следует признать более новыми.

На северо-западе очаги систем с восемью формами существуют в различных по общему характеру их строя говорах. Достаточно сказать, что два из них находятся на территории среднерусских акающих говоров (Гдовский и Селигерский), а один на территории севернорусских говоров (Ладожский). Таким образом, исключается представление об этих очагах, как об островах, оставшихся после сужения более широкого в прошлом единого ареала данного явления. Ни данные собственно языковые, ни материалы истории колонизации края не подтверждают такого предположения.

Ход колонизации северо-запада славянами представляется в общих чертах следующим образом. Северо-запад заселялся славянами неодновременно. Наиболее ранние участки заселения — Псковское (и постепенно Чудское озеро), Ладога, Новгород (с прилежащими с юго-запада территориями Поильменья). На всех этих участках славяне (в первом случае — кривичи, в двух других — словене) встретились с неславянским населением (в первом случае — эсты, латгальцы, во втором — весь, корела). Таким образом, общим является наличие на этих трех территориях неславянского населения.

Можно думать, что развитие системы с восемью формами и явилось результатом усвоения местным населением чужой (в данном случае русской) речи, обладавшей сложной закономерностью употребления форм 3-го л. глагола то с конечным *т*, то без конечного *т*. В процессе такого усвоения закономерность и превратилась в ее отсутствие.

Небезынтересны в этом отношении наблюдения над процессами языкового взаимодействия на территории современного Гдовского и частично Псковского районов, где имеется некоторое количество селений, тесно связанных в своей истории с эстонским населением [154]. Любопытно, что в речи отдельных представителей таких селений проскальзывают случаи утраты конечного *т* не только в формах глаголов, но и в других категориях, ср. такие записи: /*муш фпер'ó мен'á ýм'ър*/ дер. Волосово Гдовского района; /*сходú погл'á пéчку*/ дер. Алексино Лядского района. Много раз были записаны случаи отсутствия *т* в формах инфинитива (например, в дер. Узьмино Струго-Красненского района Псковской области /*нé нъкем прийéха*/). В этом же ряду стоят, очевидно, и случаи утраты других конечных согласных. Например: /*хадú и мой мýш*/ — дер. Чудские Заходы Гдовского района; /*разросло*/=разрослось — дер. Кареловщина Лядского района.

То же самое наблюдается и на территории Эстонской ССР, где имеется некоторое количество селений так называемых «полуверцев» — потомков переселившихся на территорию Эстонии русских. В дер. Овсово (эстонское название Агусалу) записано /*тý и д'аржы́*/=тут.

Приведенные данные и могут, видимо, в известной степени объяснить появление восьми форм без *т* конечного в результате усвоения чуждой языковой закономерности неславянским населением.

---

[154] Это потомки эстонцев, переселившихся в разное время на территорию России, обрусевших, усвоивших русский язык и в настоящее время большей частью не сохранивших воспоминаний о своем эстонском происхождении или сохранивших об этом смутные воспоминания.

Раздел II

СЕВЕРНОЕ НАРЕЧИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Глава первая

ИЗОГЛОССЫ, ВЫДЕЛЯЮЩИЕ СЕВЕРНОЕ И ЮЖНОЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ В ПРЕДЕЛАХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

§ 1. Основные пучки изоглосс и их расположение

При изучении данных лингвистического ландшафта русского языка выделяются такие пучки изоглосс и соответственно совмещающиеся друг с другом сочетания ареалов, одни из которых выделяют северную часть общей территории распространения говоров русского языка в пределах Европейской части СССР, а другие — ее южную часть.

Указанное членение территории не является простым разделением ее на две части — северную и южную: дело в том, что окраинные, более южные части ареалов явлений, выделяющих северное территориальное подразделение на определенном, срединном по местоположению отрезке общей территории распространения говоров языка совмещаются с окраинными, более северными частями ареалов явлений, выделяющих южное территориальное подразделение. В результате этого на общей территории членимых говоров выделяется не две, а три диалектных области (ср. карты 37 и 38).

1) Область северного наречия, в пределах которой известны только явления северной локализации, что выражается в совмещении здесь основных частей соответствующих ареалов.

2) Область южного наречия, в пределах которой известны только явления южной локализации.

3) Область совмещения окраинных частей ареалов и соответственно взаимоналожение изоглосс языковых явлений, порознь характерных для говоров северного и южного наречий — область в широком смысле слова межзональных говоров, по расположению которых на срединной части членимой территории они именуются в данной работе среднерусскими.

Изучение круга явлений, ареалы которых, сочетаясь друг с другом, служат для выделения наречий, показывает, что они в большинстве своем относятся к числу двучленных соответственных явлений, причем одни из этих явлений выступают в своем диалектном члене на северной, другие — на южной территории. Таким образом, каждое из наречий имеет свою характеристику на основе наличия языковых особенностей собственно-местного характера. Такого рода отношения свидетельствуют о противопоставленности наречий друг другу: распространение в пределах данного наречия одной разновидности явления исключает распространение ее в другом наречии, что и является наиболее существенной особенностью языковых комплексов наречий. В связи с этим в характеристику каждого из наречий включаются как те члены соответственных явлений, которые являются собственно диалектными, так и те, которые, замещая диалектный член, совпадают литературным языком [1].

Как преобладающие в количественном отношении двучленные явления, так и входящие в характеристику наречий многочленные явления относятся преимущественно к числу закономерностей фонетического или грамматического строя, т. е. реализуются в принципиально неограниченном лексическом материале языка, что также указывает на большую весомость

---

[1] В дальнейшем изложении мы будем употреблять термины «севернорусское явление» или «южнорусское явление» для обозначения диалектных членов соответственных явлений, характерных для того или другого наречия.

языковых комплексов наречий. Ареалы большинства явлений, характерных для наречий, известны также, как уже говорилось выше, в полосе среднерусских говоров. Однако все эти явления следует считать в наибольшей степени характерными именно для каждого из наречий, так как только в пределах наречий они представлены наиболее последовательно на всей территории их распространения, где употребление одного члена данного соответственного явления исключает употребление другого. Тем самым в принципе в каждом отдельном говоре данного наречия может встретиться весь комплекс явлений, характерных для наречия в целом. Среднерусские же говоры в отличие от наречий характеризуются тем, что в их системах наблюдаются находящиеся в разного рода соотношениях черты, порознь известные каждому из наречий, чем и определяется в широком смысле слова межзональный характер этих говоров.

В связи с тем, что наречия как территориальные величины выделяются на основе сочетаемости ареалов характерных для них явлений, граница территории каждого из наречий определяется не на основе какой-либо отдельной изоглоссы, а как территория, на которой наблюдается сочетание максимального количества характерных для наречия явлений. При этом южная граница северного наречия является северной границей среднерусских говоров, а северная граница южного наречия — южной границей среднерусских говоров.

Руководствуясь соображениями этого рода, можно следующим образом охарактеризовать границы наречий, а тем самым и пределы распространения ср.-р. говоров.

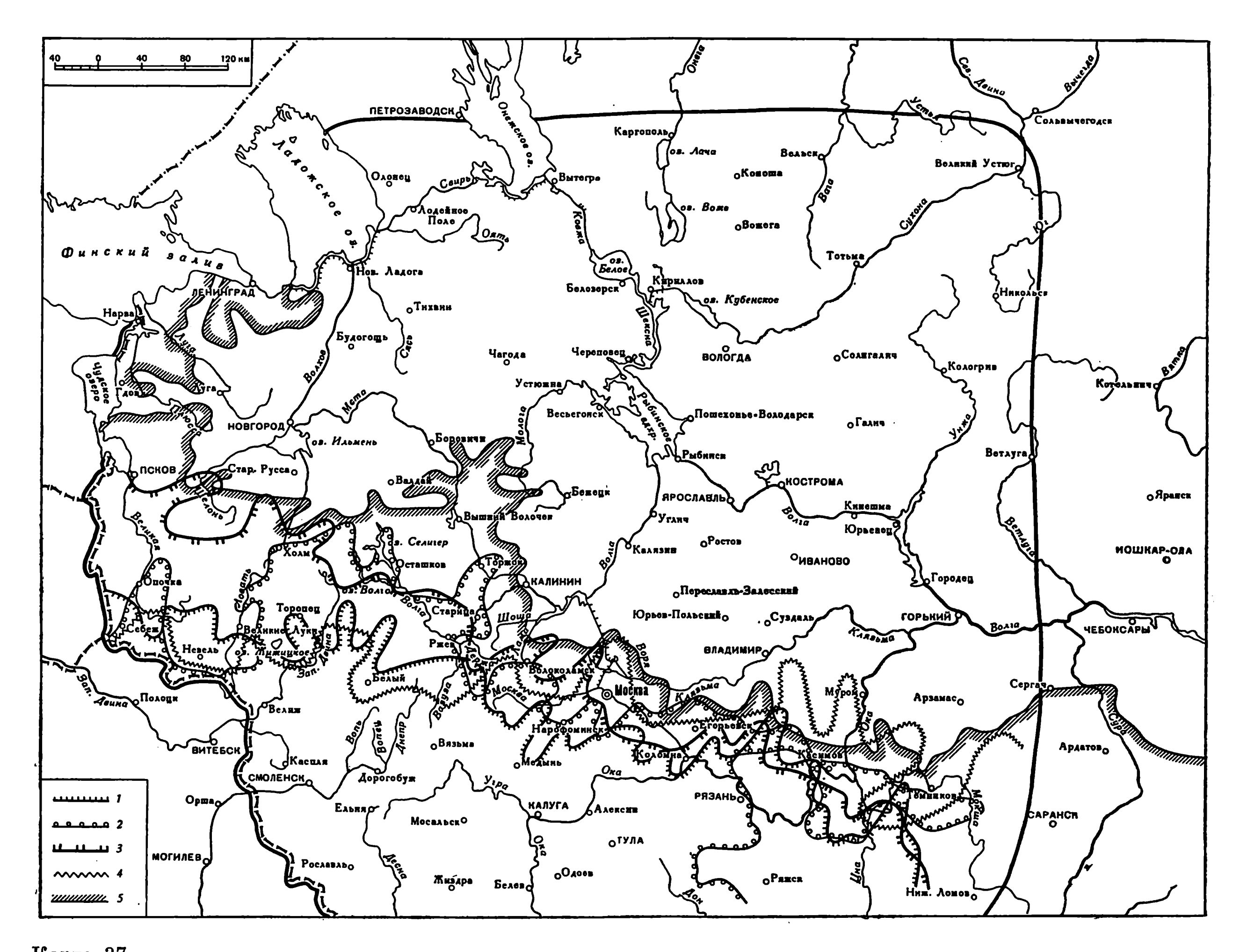
Граница северного наречия, начинаясь в своей западной части у южного побережья Ладожского озера, примерно на 32° в. д., направляется далее к югу, параллельно течению р. Волхов (несколько западнее ее течения), спускается почти до озера Ильмень, поворачивая здесь на восток, идет вдоль течения р. Мсты и несколько южнее г. Боровичи направляется к среднему течению р. Мологи, затем вдоль течения этой реки к городам Бежецк, Ярославль, откуда границей северного наречия можно считать течение р. Волги. На востоке и на севере мы условно ограничиваем территорию, применительно к которой создается предлагаемая группировка говоров, примерно 45° в. д. и 62° с. ш. (соответствующие соображения, мотивирующие такое ограничение, см. выше во «Введении»). При этом по отношению к северному наречию имеются основания предполагать, что в северо-восточном и северном направлениях за пределами этой условно проводимой линии продолжается еще на некотором пространстве распространение языкового комплекса северного наречия и его диалектных зон.

Граница южного наречия начинается на западе несколько севернее 56° с. ш. у гор. Себежа, следует вдоль 56° с. ш. (с отступлениями от него к северу и к югу), примерно до 35° в. д., откуда почти под прямым углом спускается до 55° с. ш., следуя далее также с небольшими отступлениями до 41° в. д., откуда спускается к югу, постепенно отклоняясь к востоку до 43° в. д., затем начинает отклоняться к юго-западу по линии: Тамбов—Воронеж к границе с УССР. Восточная и юго-восточная границы южного наречия являются менее условными, чем, соответственно, северная и северно-восточная часть границы северного наречия: пестрота в размещении ареалов диалектных явлений в восточной и юго-восточной части описываемой территории наблюдается непосредственно за пределами указанной линии. На западе говоры южного наречия граничат с говорами белорусского языка. Вопрос о границе между говорами русского и белорусского языков является достаточно сложным и требует еще своего дальнейшего изучения [2].

Переходим далее к характеристике тех пучков изоглосс, которые служат для выделения наречий.

П е р в ы й п у ч о к и з о г л о с с (I основной IА, IБ, IВ и IГ) выделяет территорию южной локализации и включает с его вариантами изоглоссы таких соответственных явлений, диалектные члены которых распространены в пределах южного территориального подразделения, в связи с чем основные части соответствующих ареалов совмещаются на более южной части территории этого подразделения, служа для выделения южного наречия русского языка. К основному варианту I пучка отнесены изоглоссы явлений, распространение которых в основном ограничено территорией южного наречия, а наличие подобных явлений за его пределами (в северном направлении) если и наблюдается, то является минимальным по сравнению с явлениями, изоглоссы которых отнесены к вариантам А, Б, В, Г.

[2] Постановку данного вопроса, осуществленную еще на основе предварительного обобщения лингвогеографических данных, см.: В. Г. О р л о в а. Русско-белорусские языковые отношения по данным диалектологических атласов. «Материалы и исследования по русской диалектологии», Новая серия, вып. II. М., 1961, стр. 3—14.

Карта 37

Основные изоглоссы I пучка (пучка южнорусских диалектных явлений):

1 — произношение /γ/, оглушаемого в виде /х/ на конце слова и слога (основной вариант); *2* — употребление форм типа *д/ó/ришь*, *д/ó/рит* от глагола *дари́ть* (вариант А); *3* — распространение форм глаголов 3-го л. ед. и мн. числа с окончанием /т'/ (вариант Б); *4* — склонение существительного *путь* по продуктивному типу склонения существительных мужского рода (вариант В); *5* — неразличение гласных в 1-м предударном слоге после твердых согласных (вариант Г)

Эти варианты в пределах данного пучка намечены в зависимости от того, в какой степени соответствующие явления распространены, кроме пределов южного наречия, также и в сфере взаимоналожения изоглосс, т. е. в среднерусских говорах.

Основной вариант I пучка, представлен на карте изоглоссой фрикативного образования /γ/, оглушаемого в виде /х/; в состав данного варианта I пучка может быть включена также изоглосса распространения таких форм местоимения *где*, характерных для южного наречия, как /*иде́*/, /*йде́*/, /*ийде́*/, хотя ареал этих форм несколько у́же с севера, чем ареал /γ/, в связи с чем указанные формы местоимения *где* отсутствуют на незначительных частях территории южного наречия, например в некоторых говорах на территории Рязанской области, непосредственно к востоку от Рязани. Из числа лексических изоглосс в основной вариант I пучка может быть включена изоглосса слов *дежа́—дёжка*; употребление слова *пого́да* со значением «хорошая погода» (ареал этого слова сужен с востока и известен не всем говорам восточной части южного наречия); употребление слов *ягни́лась*, *яни́лась*, *янни́лась* (об овце).

Варианты I пучка А и Б имеют ту отличительную особенность, что они связаны с явлениями, также в основном характерными для южного наречия, но известными в некоторой степени и на южной части территории западных

среднерусских говоров. При этом ареалы, связанные с изоглоссами варианта IА, захватывают лишь часть западных среднерусских а к а ю щ и х говоров, а изоглосса варианта IБ выделяет ареал, охватывающий почти целиком территорию этих говоров. В восточных среднерусских говорах явления вариантов IА и IБ отсутствуют.

На карте в качестве типичной для варианта IА дана изоглосса распространения таких личных форм глагола *дари́ть*, как *д/б/ришь*, *д/б/рит* и под. (распространение этих форм непоследовательно в восточной части территории южного наречия). Близка к ней также изоглосса аналогичных форм глагола *кати́ть*— *к/б/тишь*, *к/б/тит*; распространения словоформ *волки́*, *воры́* — им. п. мн. ч.; распространение форм местоимений 2-го л. и возвратного, образованных от основы *теб-*, *себ-* в род. и вин. п. ед. ч. — *тебе́*, *себе́* и от основы *тоб*— *соб-* в дат. и предл. п. ед. ч. — *тобе́*, *собе́*, при наличии окончания *-е* во всех названных падежных формах. Из числа лексических изоглосс в данный вариант пучка могут быть включены изоглоссы таких слов, как *гре́бовать* 'брезговать', распространение слов *короо́д*, *курого́д*, *хорого́д*. Общей особенностью ареалов, выделяемых названными изоглоссами, является их наличие в основном в пределах Псковской группы говоров, где эти ареалы расположены одни в южной и одновременно восточной частях территории этой группы, другие только в восточной, но не охватывают полностью территорию этой группы (см. V, 2, § 4), что и служит характерной особенностью данного варианта I пучка.

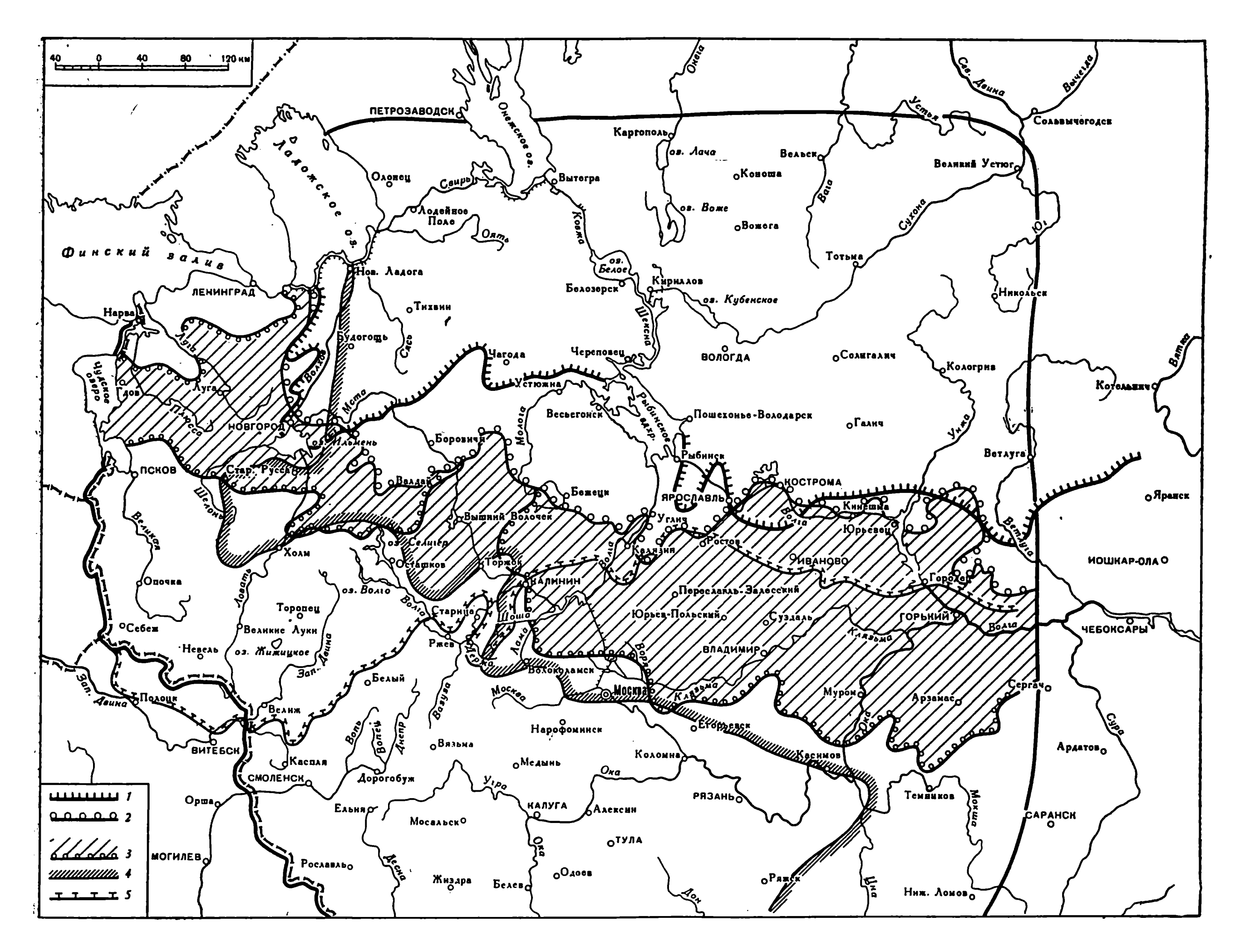
Вариант IБ представлен только изоглоссой /т'/ в формах 3-го л. глаголов, распространение которой характерно для всей территории Псковской группы западных среднерусских говоров.

К варианту IВ отнесены изоглоссы явлений, имеющих повышение к северу в своей восточной части, что указывает на наличие соответствующих явлений, хотя и в различной степени, на территории южной (акающей) части восточных среднерусских говоров и на отсутствие этих явлений в западных среднерусских говорах. Кроме помещенной на карте изоглоссы мужского типа склонения существительного *путь*, в данный пучок может быть включена изоглосса образования личных форм глагола *лечь* от основы *ляж-*: /л'а́ж/у, /л'а́ж/ем. . . /л'а́ж/ут и изоглоссы формы повелительного наклонения /л'аш/. В данный вариант I пучка может быть включена и изоглосса такого южного комплекса слов со значением '*жерёбая*' (о кобыле), как *су́жеребая*, *жерёбаная*, '*жерёбная* или южного комплекса названий приспособлений для доставания сковороды из печи, среди которых преобладают названия с корнем *чап-(цап-)*: *ча́пля*, *чапле́йка* и под. или (на более ограниченном пространстве) слова сковоро́день.

Близка по своим очертаниям к пучку варианта IВ также изоглосса распространения формы род. п. ед. ч. с окончанием *-е* от существительных ж. р. с основой на твердый согласный и окончанием *-а* ударенным и безударным в им. п. ед. ч. Формы на /е(и)/—*у же/не́/*, *с раб/б/ти/* шире всего употребляются в сочетании с предлогом *у*. Наиболее характерные для южного наречия, эти формы одновременно известны всей южной части среднерусских говоров безотносительно к их делению на западные и восточные: они известны в южной (меньшей) части Псковской группы, в южной (большей) части селигеро-торжковских говоров. Повсеместно распространенные в восточных среднерусских акающих говорах, они отмечены и в некоторых говорах Владимирско-Поволжской группы на восточной и западной частях ее территории.

Особый вариант (IГ) представляет изоглосса неразличения гласных (она же является и изоглоссой различения) в 1-м предударном слоге после твердых согласных (чрезвычайно близка к ней по очертаниям и аналогичная изоглосса после мягких согласных). В значительной мере связан с ареалом неразличения гласных также и основной ареал мены ударенных гласных в таких случаях, как *зап/р'б/г* и *т/р'б/с*, отличающихся наличием гласного /о/ вместо *а* под ударением; более узким является ареал аналогичного явления в слове /*п'б/тна*.

Основная для данного варианта I пучка изоглосса неразличения гласных в 1-м предударном слоге имеет большое значение для характеристики любых современных говоров русского языка в связи с тем, что закономерности различения или неразличения гласных определяют систему безударного вокализма в ряде случаев независимо от морфологической структуры слова и моментов лексического характера. Несмотря на то, что аканье (неразличение гласных неверхнего подъема) характерно одновременно и для русского литературного языка, оно не перестает быть характерной местной чертой (диалектным членом соответственного явления) для говоров южных территорий, так как выступает в них как после твердых, так, особенно, после мягких согласных в виде ряда своеобразных собственно местных разновидностей (типы аканья и яканья)

Карта 38

Основные изоглоссы II пучка (пучка севернорусских явлений);

1 — произношение /*и*/ в соответствии *ě* под ударением перед мягкими согласными (основной вариант); *2* — последовательное различение гласных во втором предударном и заударных слогах после твердых согласных (вариант А); *3* — сосуществование различения и неразличения гласных во втором предударном и заударных слогах после твердых согласных в общих пределах различения гласных в 1-м предударном слоге (вариант Б). (Изоглоссу различения гласных см. на предшествующей карте). *4* — возможность употребления личных форм глагола *дари́ть* с наконечным ударением; *дари́шь*, *дари́т*... (вариант В); *5* — употребление общей формы дат.-тв. падежей мн. ч. существительных и прилагательных (вариант Г)

присущих только диалектному языку. Тем самым вокализм 1-го предударного слога представляет собой такое соответственное явление, оба члена которого являются диалектными и обладают равным значением для диалектологической характеристики говоров определенных территорий, северной и южной. Взятый в целом ареал неразличения гласных характерен для всей территории южного наречия и охватывает также определенные части территории среднерусских говоров, служа основанием для их подразделения на окающие и акающие, являющегося весьма существенным для этих говоров. При этом обращает на себя внимание гораздо более интенсивное продвижение ареала этого явления к северу в его западной части, чем в восточной. В связи с этим неразличение гласных распространено на большей (максимальной для I пучка) части территории западных среднерусских говоров, в связи с чем их акающая часть (или во всяком случае та часть говоров, где в какой-то степени известно неразличение гласных в 1-м предударном слоге) является преобладающей в территориальном отношении. Что же касается восточной части ареала неразличения гласных, то он близок по своим очертаниям к ареалу, выделяемому вариантом пучка IВ, в связи

с чем в пределах восточных среднерусских говоров доминирующей в территориальном отношении является окающая часть.

Что касается распространения словоформ *зап/р'ó/г* и *т/р'о/с* то в вариант IГ была включена только изоглосса, выделяющая основной ареал данного явления, внутренне связанного с неразличением гласных *а* и *о* после мягких согласных в первом предударном слоге. Большое количество отдельных разъединенных ареалов такого произношения этих слов известно и на территории северного наречия. Впрочем возможно, что там мы имеем дело лишь с внешне подобным явлением, сложившимся на почве систем вокализма с факультативным неразличением гласных, сформировавшимся на почве северных систем вокализма, имевших в прошлом их различение.

Второй пучок изоглосс. В качестве второго мы рассмотрим тот пучок, изоглоссы которого выделяют ареалы диалектных явлений, имеющих столь же решающее значение для характеристики северного наречия, как ареалы, связанные с I пучком, для выделения южного. Таким образом, при обзоре изоглосс данного пучка речь будет идти о специфически северных явлениях (если рассматривать соответственные явления по их диалектному члену).

В пределах данного пучка также должны быть выделены варианты: основной, связанный с явлениями, характерными только для говоров северного наречия и дополнительные (А, Б, В, Г), которые различаются в зависимости от распространения тех или иных ареалов к югу, что выражает наличие соответствующих явлений в среднерусских говорах.

Основной вариант II пучка включает изоглоссы явлений, распространение которых является минимальным в пределах северного территориального подразделения и тем самым ограничивается территорией северного наречия, отсутствуя в среднерусских говорах. Характерно также, что изоглоссы основного варианта II пучка проведены более условно и обобщенно, чем изоглоссы других пучков, так как фактически в пределах выделяемых этими изоглоссами территорий имеет место наличие рассеянного непоследовательного распространения явлений, а изоглоссы ограничивают лишь пределы, за которыми ареалы того или иного явления неизвестны. В составе данного варианта находятся изоглоссы таких явлений, как возможность произношения гласного */и/* в соответствии *ě* перед мягкими согласными под ударением и в первом предударном слоге — *в /лú/се*, */би/лéть*, возможность лабиализации предударного *о* перед различными ударенными гласными и вне зависимости от качества соседних согласных — *б/о^у/льшáя*, *д/о^у/мóй*, *н/о^у/гú*, *ст/о^у/лы́*, *р/о^у/дны́е* при возможном в тех же говорах ударенном *о* повышенного образования, употребляемом вне различения с *о* открытым; возможность произношения мягких */ж'/* и */ш'/*; распространение (непоследовательное) форм им. п. мн. ч. с окончанием *а* у существительных ср. р. с суффиксом *-к-* и окончанием *-о* в им. п. ед. ч.: *окóшк/а/*, *теля́тк/а/*, *глáзк/а/* и под.; распространение (непоследовательное) словоформ им. п. мн. ч. *волó/с'йа/*, *крестья́н/а/*; образование от существительных м. р., обозначающих степени родства, формы им. п. мн. ч. с суфф. *-ов-j* (*-ев-j*) и окончанием *-а*: *зяте/в'йá/*, *брато/в'йá/*, *свато/в'йá/* и под.; распространение слова *суслóн* в качестве названия малой укладки снопов (распространено наряду с другими названиями той же укладки, но данное название встречается именно на этой территории.

Если даже перечисленные явления отмечены не во всех говорах северного наречия, то, с другой стороны, они неизвестны за его пределами (как указанные формы существительных) или известны, но в других соотношениях в системе вокализма, как случаи произношения */и/* в соответствии *ě* или случаи лабиализации предударного *о*, особые системы употребления которых см., например, в среднерусских говорах (см. ниже, IV и V).

В качестве варианта IIА объединяются изоглоссы, выделяющие только исключительное распространение ряда таких явлений, для которых существенно различать их последовательное наличие на одних территориях при рассеянном распространении на других, нередко также значительных, территориях. При этом территория, на которой наблюдается исключительное распространение явлений, связанных с пучком IIА по своим размерам наиболее близка к той территории, на которой представлено совмещение всех северных явлений, выделяемой основным пучком изоглосс, т. е. к территории северного наречия в том ее виде, как она выделена в настоящей работе.

Основной в составе варианта пучка IIА является изоглосса исключительного распространения различения гласных во втором предударном и в заударных слогах после твердых согласных: *м/о/локó*, *д/а/лекó*, *в гóр/о/де*, *гóр/о/д*, *вы́д/а/л*, *нáд/о/*, *óкн/а/*.

За пределами исключительного распространения различение гласных во втором предударном и в заударных слогах встречается с разной степенью интенсивности во многих окающих

среднерусских говорах, где оно всегда сосуществует, однако, в разных соотношениях с неразличением гласных. Наблюдения над сосуществованием различения и неразличения гласных в указанных позициях осложняются тем, что неразличение может выражаться как в произношении разных звуков типа /ъ/, так и гласного полного образования /а/, а также может быть связано только с отдельными морфологическими категориями. В связи с этим территория сосуществования различения и неразличения гласных в среднерусских окающих говорах выделена на карте лишь в общем виде и в известной мере условно. Детальная характеристика подобного сосуществования дана ниже (см. IV и V).

В состав пучка IIА включены также изоглоссы исключительного распространения ряда явлений, внутренне связанных с последовательным различением гласных, таких, как употребление безударного окончания *-а* у существительных среднего рода в им. п. мн. ч. — *сёл/а/*, *о́кн/а/*; мужской тип склонения существительных с суффиксами *-ишк*, *-ушк* при фонетическом оформлении формы им. п. ед. ч. окончанием *-о*: *де́душк/о/*, *мальчи́шк/о/*; наличие (в исключительном распространении) безударного окончания *-ат* у глаголов II спряжения *но́/с'а/т*, *ды́/ша/т*. Находится в составе данного пучка и изоглосса такого явления, как произношение /с/ в соответствии конечному сочетанию *ст* — /мос/, /хвос/ и под. Подобно различению гласных во втором предударном и заударном слогах названные явления морфологизованного характера — *сёл/а/*, *но́/с'а/т*, *де́душк/о/*; род. п. — *де́душк/а/* известны за пределами территории их исключительного распространения в сосуществовании с формами, звуковое выражение которых связано с возможностью совпадения гласных — *сёл/ы/*, *но́/с'у/т* и т. д. (см. карты 41 и 42).

Может быть включена в состав данного пучка и изоглосса произношения слова *когда* с согласными *в* или *л* — /ковда́/, /коwда́/ и /колда́/.

Вариант IIБ представлен одной изоглоссой наиболее существенного по своему общему значению явления — различения гласных после твердых согласных (чрезвычайно близка к ней и изоглосса различения после мягких согласных) в 1-м предударном слоге, присущего говорам северного наречия и прилегающей к нему в территориальном отношении части ср.-р. говоров как восточных, так и западных, которые по наличию этого явления и выделены в качестве окающих ср.-р. говоров.

В качестве варианта В (IIВ) выделены изоглоссы тех явлений, ареалы которых, охватывая полностью или почти полностью территорию северного наречия (за исключением западных окраинных территорий), чаще всего неизвестны или слабо распространены в западных ср.-р. говорах (хотя также не всегда охватывают наиболее западную часть их территории). В состав этого пучка входят изоглоссы таких северных (по диалектному члену) явлений, как наличие согласуемых постпозитивных частиц *от*, *та*, *ту*, *те* или *от*, *та*, *ту*, *ти*; возможность (непоследовательная) употребление личных форм глаголов *дарить*, *варить*, *бранить*, *катить*, *тащить* с ударением на окончании: *дари́т*, *вари́т*, *брани́т*, *тащи́т*; наличие форм прилагательных и глаголов, в которых наблюдается выпадение /j/ в интервокальном положении, а в части говоров также явление ассимиляции и стяжения гласных после этого выпадения. Объединение названных изоглосс в один вариант пучка является достаточно условным, так как эти изоглоссы имеют на своем протяжении значительные уклонения друг от друга.

Так, согласуемые постпозитивные частицы отсутствуют полностью не только в западных ср.-р. говорах, но также и в южной части Ладого-Тихвинской группы говоров северного наречия. В восточных ср.-р. акающих и окающих говорах они известны широко, за исключением их наиболее западной части (к востоку от Калинина).

По отношению к личным формам глаголов *дари́т*, *вари́т*, *брани́т*, *кати́т*, *тащи́т* и под. прежде всего надо указать, что они распространены с наконечным ударением в говорах северного наречия и восточных ср.-р. говорах фактически наряду с формами *да́рит*, *ва́рит* и под., известными и на всей территории русских говоров, хотя и с разной степенью интенсивности (см. ниже, I, 3, § 12). Очертания ареалов форм отдельных из этих глаголов с наконечным ударением достаточно разнообразны. Так, например, ареал форм глагола *дари́ть* с наконечным ударением образует небольшие выступы на западе, в связи с чем частично охватывает некоторые территории в южной части западных ср.-р. говоров; восточные ср.-р. говоры этот ареал охватывает почти полностью, за исключением небольшой юго-западной их части — говоры у Нарофоминска. Формы типа *вари́т* и под. в небольшой степени известны в западных ср.-р. говорах; в восточных ср.-р. говорах они известны широко, опять-таки за исключением их юго-западной части; при этом в связи с тем, что изоглосса этих форм примерно от Москвы резко опускается к югу, данные формы известны и в восточной части южнорусских говоров. Близка по своим очертаниям к изо-

глоссе форм типа *вари́т* и изоглосса выпадения интервокального /j/ в глаголах и прилагательных. Особенность распространения данного явления заключается в том, что его мелкие ареалы известны на разных частях территории западных ср.-р. говоров: к северу и северо-западу от Новгорода, вокруг Пскова и на северном отрезке пограничья с Белоруссией, чего не наблюдается в распространении других явлений пучка варианта IIВ.

Однако при наличии разницы в очертаниях изоглосс явлений пучка IIВ имеются основания и для их объединения, которые заключаются в том, что выделяемые ими ареалы в основном связаны с одними и теми же диалектными объединениями русского языка: с северным наречием и восточными ср.-р. говорами.

В составе варианта IIГ представлены изоглоссы таких явлений, размещение которых хорошо можно себе представить по сопоставлению с изоглоссами варианта IIВ. Если изоглоссы этого последнего варианта, в слабой степени выступая на территории западных ср.-р. говоров, полностью охватывали территорию восточных ср.-р. говоров, то изоглоссы варианта IIГ имеют прямо противоположное размещение: выделяемые ими ареалы полностью охватывают территорию западных ср.-р. как окающих, так и акающих говоров, и лишь в слабой степени известны на северной окраине восточных окающих ср.-р. говоров. В состав варианта IIГ входят изоглоссы таких явлений, как произношение /*мм*/ в соответствии /*бм*/ — *о*/*мм*/*а́н*, *о*/*мм*/*е́рил* и под. и наличие общей формы дательного—творительного падежей мн. ч. имен прилагательных и существительных — *с пусты́м рука́м* и под. С известной условностью в данный вариант пучка может быть включена изоглосса словоформы *толсто́й* с наконечным ударением. Ареал этой словоформы не охватывает южной части западных среднерусских говоров.

Из числа лексических явлений сюда может быть включена изоглосса глагола *орать* (в значении 'пахать') как в исключительном распространении, так и наряду с глаголом *пахать*; наличие особых названий цепа, в основном таких, как *молоти́ло* (на северо-востоке) и *при́вязь* (на северо-западе); распространение слов *завóр*, *завóрина* для обозначения изгороди, калитки, жерди в изгороди; распространение слова *перёдник* (как в исключительном распространении, так и наряду со словом *фартук*).

Если суммировать все сказанное выше при рассмотрении пучков изоглосс, выделяющих ареалы северной и южной локализации, то можно представить общую характеристику языкового комплекса северного наречия. В составе этой характеристики следует выделить прежде всего тот круг двучленных соответственных явлений, который наиболее непосредственно служит для противопоставления наречий, благодаря тому, что одни члены соответственных явлений регулярно замещаются другими. В связи с этим данный раздел характеристики северного наречия будет включать не только перечень собственно севернорусских явлений, но и указание на те члены соответственных явлений, которые совпадают с литературными и служат в составе языкового комплекса сев. наречия как бы заместителями соответственных собственно диалектных южнорусских явлений.

В характеристику языкового комплекса наречий могут быть включены и многочленные явления и диалектные члены соответственных явлений, имеющих индивидуальный характер распространения, изоглоссы которых в связи с особым характером их очертаний не были рассмотрены выше при обзоре пучков, имеющих определяющее значение при выделении наречий русского языка. Особенно много таких явлений в области лексики. Однако если значительная часть ареала такого явления, или ареал одного из его членов, совмещается с ареалами, выделяющими наречие, то данное явление включается в его характеристику.

§ 2. Характеристика северного наречия на основе двучленных соответственных явлений

Фонетические явления

1. Различение гласных неверхнего подъема после твердых согласных, наиболее последовательно представленное в 1-м и 2-м предударном и в заударном слогах.

2. Наличие соотносительных по звонкости—глухости фонем ‹*г*›—‹*к*›.

3. Возможность отсутствия /j/ в интервокальном положении и связанных с этим отсутствием явлений в сочетаниях гласных.

4. Наличие сочетания /*мм*/ в соответствии /*бм*/.

5. Произношение /*с*/ в соответствии /*ст*/ в конце слова.

6. Случаи произношения мягких /*ш*'/—/*ж*'/.

7. Произношение твердых губных согласных на конце слова (инд., см. I, 2, § 3) [3].

8. Особенности в произношении отдельных слов: *пшеница* и *смородина* без вставного глас-

[3] Помета «инд.» здесь и ниже указывает на то, что явление имеет индивидуальный характер распространения, описанный в соответствующей главе.

ного; *тряс* и *запря́г* с ударенным /*а*/; *ри́га* с мягким /*р'*/; *нутро́* с твердым /*р*/; произношение слова *когда́* как /*ковда́*/ или /*колда́*/; произношение слова *где* с начальным /*г*/ (в исключительном распространении).

Грамматические явления.

1. Окончание *-ы* в форме род. п. ед. ч. существительных ж. р. с окончанием *-а* и основой на твердый согласный: *у жен*/*ы́*/, *с рабо́т*/*ы*/.

2. Склонение существительных м. р. с суфф. *-ушк-*, *-ишк-* по типу слов мужского и среднего рода.

3. Наличие (в исключительном распространении) безударного окончания *-а* в им. п. мн. ч. существительных среднего рода.

4. Наличие словоформ *во́лки*, *во́ры* (им. п. мн. ч.).

5. Наличие существительных ср. р. *цыпля́тк*/*о*/ и *робя́тк*/*о*/ при форме им. п. мн. ч. *цыпля́тк*/*а*/, *робя́тк*/*а*/.

6. Совпадение форм дат. и тв. п. мн. ч. прилагательных и существительных в форме дательного.

7. Наличие словоформы *толсто́й* (им. п. ед. ч. м. р.)

8. Распространение следующих форм ед. ч. личного и возвратного местоимений: род.-вин. п. — *меня́*, *тебя́*, *себя́*; дат.-предл. п. — *мне*, *тебе́*, *себе́*.

9. Окончание *-т* в форме глаголов 3-го л. ед. и мн. ч.

10. Исключительное распространение форм 3-го л. мн. ч. глаголов II спряжения с безударным окончанием *-ат*.

11. Наличие словоформы *ляг!* — повел. накл.

12. Возможность ударения на окончании в личных формах глаголов *дари́ть*, *вари́ть*, *брани́ть*, *соли́ть*, *кати́ть*, *тащи́ть*.

Лексические явления

Распространение следующих слов: *квашня́*, *квашо́нка* 'посуда для приготовления теста', *сковоро́дник* 'приспособление для вынимания сковороды из печи', *зы́бка* 'название колыбели, подвешиваемой к потолку', *кафта́н* 'мужская верхняя одежда определенного покроя' (слово характерно для говоров северного наречия в исключительном распространении; в сосуществовании с другими словами известно и на других территориях); употребление слова *ора́ть* для обозначения процесса пахоты; слов *о́зимь*, *озима́* для обозначения всходов ржи; *суя́гная*, *суя́ная*, *су́янная* 'суягная' (об овце) и *ягни́лась*, *объягни́лась*, *яни́лась* 'ягнилась' (об овце); *берёжая* 'жеребая' (о лошади); употребление слова *ла́ет* (о собаке, для говоров с.-в.-р. наречия характерно исключительное распространение этого слова); распространение слова *пого́да* в значении 'плохая погода', слова *бре́зговать* (в исключительном распространении) в том же значении, что и в литературном языке и слов *хорово́д—корово́д* в значении 'хоровод'.

§ 3. Характеристика северного наречия на основе многочленных соответственных явлений

Фонетические явления

1. Возможность произношения гласного /*и*/ в соответствии *ě* под ударением и в 1-м предударном слоге перед мягкими согласными.

2. Возможность произношения заударного *е* как *о* в положении перед твердыми согласными и в конечном открытом слоге в определенных грамматических категориях.

3. Возможность лабиализации *о* /*о*ʸ/ в 1-м предударном слоге, не зависящая от качества соседних согласных.

Грамматические явления

1. Возможность употребления слов *ма́тка*, *до́чка* (вин. п. *ма́тку*, *до́чку*) в значении 'мать', 'дочь'.

2. Наличие словоформы *крестья́на* (им. п. мн. ч.).

3. Образование названий ягод с суффиксом *-иц-*: *земляни́ца*, *брусни́ца* и под. (инд., см. II, 5, § 4).

4. Образование форм мн. ч. существительных мужского рода, обозначающих степени родства с суффиксами *-ов-j*, *-ев-j*.

5. Наличие согласуемых постпозитивных частиц.

Лексические явления

Распространение следующих слов: *ухва́т* 'приспособление для доставания горшков из печи'; *ковш*, *ко́вшик* 'сосуд, которым черпают воду'; *кри́нка* 'посуда определенной формы для молока'; *пере́дник* в том же значении, что и в литературном языке; распространение слова *борони́ть* для обозначения процесса боронования, *сусло́н* в качестве названия малой укладки снопов, поставленных вертикально; слов *заво́р—прово́р* 'жердь, закрывающая проезд или ворота, или самый проезд в изгороди'; слова *льди́ны* (в исключительном распространении) в том же значении, что и в литературном языке; *петь* (в исключительном распространении) в том же значении, что и в литературном языке, слов *гора́зд—гора́здо* со значением 'очень'.

§ 4. Выделение среднерусских говоров

Размером и общими очертаниями ареалов каждого из северных и южных явлений определяется и характер расположения окраинных частей этих ареалов на территории ср.-р. говоров. Ниже, при описании отдельных подразделений ср.-р. говоров (см. IV, V) будут охарактеризованы сочетания, в которые отдельные отрезки ареалов наречий вступают с отрезками ареалов отдельных зон; указания такого рода делались и выше при обзоре отдельных пучков изоглосс.

Здесь остановимся на тех немногочисленных чертах наречий, которые, хотя иногда и с известной степенью условности, имеют широкое распространение в ср.-р. говорах, взятых в целом. Немногочисленность таких явлений определяется тем, что специфичным для ср.-р. говоров является именно неравномерное распространение разнообразных комплексов языковых черт, порознь известных наречиям и диалектным зонам и по-разному сосуществующих на разных частях территории ср.-р. говоров.

Повсеместный характер распространения на территории ср.-р. говоров определенных черт из состава языкового комплекса северного наречия определяется расположением основного варианта I пучка изоглосс, выделяющего ареалы явлений, присущих только южному наречию. Тем самым на территории ср.-р. говоров оказывается распространенным ряд соответственных явлений северного наречия.

К числу этих черт принадлежат: смычно-взрывное образование задненебной звонкой фонемы ‹*г*› и ее чередование с ‹*к*› в конце слова и слога, а также распространение таких слов, как *квашня́—квашо́нка* 'сосуд, в котором приготовляют тесто'; *ухва́т* 'приспособление для доставания горшков из печи'; слов *ягни́лась*, *яни́лась*, *янни́лась* 'окотилась' (об овце); *льди́на* — в том же значении, что и в литературном языке; *пого́да* в значении 'плохая погода'. С некоторыми оговорками о частичной, но в общем несущественной неполноте распространения могут быть также включены слова: *петь* — в том же значении, что и в литературном языке, *сковоро́дник* 'приспособление для доставания сковороды из печи'; *ла́ет* в том же значении, что и в литературном языке.

Южнорусские диалектные черты, повсеместно известные в ср.-р. говорах, имеют в их пределах нерегулярное распространение, так что для характеристики ср.-р. говоров существенна лишь самая возможность факультативно отмечаемых по говорам диалектных особенностей южнорусского характера.

К числу этих явлений южнорусского характера, в разной степени, но не исключительно распространенных в ср.-р. говорах, принадлежат следующие.

1. Случаи неразличения гласных во 2-м предударном и заударных слогах после твердых согласных.

2. Безударное окончание *-ы* в форме им. п. мн. ч. существительных ср. р.: *п'а́тн/ы/* и под.

3. Склонение существительных ср. р. с суффиксом *-ушк-*, *-ишк-* по типу существительных женского рода.

4. Возможность совпадения безударных окончаний 3-го л. мн. ч. глаголов I и II спряжений.

Следует специально отметить, что лексических явлений, присущих говорам южного наречия и имеющих распространение во всей полосе ср.-р. говоров, отметить не удалось.

Глава вторая

ЯВЛЕНИЯ-АРХАИЗМЫ, ХАРАКТЕРНЫЕ ДЛЯ ГОВОРОВ СЕВЕРНОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

§ 1. Общая характеристика подобных явлений

Некоторые из приведенных выше различий между говорами северного и южного территориального подразделений с исторической точки зрения сложились на основе того, что в пределах южных территорий возникли и распространились инновации, оставшиеся чуждыми северным говорам, где сохранилось более архаическое состояние определенных звеньев языковых систем. Ареалы явлений-архаизмов поразному охватывают говоры северной территории, выступая на разных ее частях в различных структурных разновидностях и с различной степенью последовательности, что обычно объясняется более поздними процессами междиалектного взаимодействия и воздействием со стороны нормализованного языка.

Из числа явлений, картографированных в диалектологических атласах русского языка с сохранением более архаического состояния языковых систем и имеющих распространение в пределах северного территориального подразделения, можно привести следующие.

1. Сохранение той или иной степени различения гласных в системах безударного вокализма.

2. Употребление соотносительной по звонкости—глухости пары заднебных согласных фонем <*г*>—<*к*>.

3. Возможность употребления мягких согласных /*ж*'/—/*ш*'/.

4. Употребление формы род. п. ед. ч. существительных ж. р. на *-а* с окончанием *-ы* (*-и*).

5. Сохранение непродуктивных типов склонения существительного *путь*, относящегося в одних северных говорах к мужскому, а в других — к женскому роду.

6. Наличие формы им. п. мн. ч. существительных *волк*, *вор* с ударением на основе — *вóлки*, *вóры*.

7. Сохранение возможности ударения на тематическом гласном у определенной группы глаголов II спряжения.

8. Употребление постпозитивных частиц, подчиненное грамматическому принципу.

Ниже в специальных очерках будет рассмотрено современное состояние такого исключительного по своему значению для характеристики говоров северного территориального подразделения явления, как различение гласных в безударных слогах различного типа, а также состояние того употребления соотносительной пары <*г*>—<*к*>, в характеристику которого материалы атласов дают возможность внести известные уточнения. Данные по вопросу о том, с какой степенью последовательности и у каких именно глаголов наблюдается сохранение архаического места ударения, содержатся в помещенном выше очерке (см. I, 3, § 12), освещающем и другие особенности глагольных форм с сохранением или изменением места ударения. Здесь приведем некоторые данные о тех явлениях архаического характера, для специального изучения которых в ходе данного исследования или не оказалось достаточного материала или не было необходимости в их описании в связи с характером самого явления.

1. Остановимся на вопросе о возможности сохранения мягкости шипящих в некоторых говорах северного наречия. Произношение мягких шипящих согласных /*ж*'/ и /*ш*'/ отмечается в настоящее время далеко не во всех его говорах, при этом как правило непоследовательно в каждом отдельном говоре: случаи произношения мягких шипящих обычно отмечают наряду с преобладающим произношением твердых согласных. Лишь в отдельных говорах употребление /*ж*'/—*ш*'/ может достигать значительной последовательности и их наличие отмечают перед различными гласными, перед согласными и на конце слова. В говорах же, где употребление /*ж*'—*ш*'/ является более ограниченным,

его чаще отмечают перед гласными *е*, *о* (из *е*), *и* — */ш'é/сть*, */ш'и́/шка*, */ж'ó/лтый* и под. или в сочетании с последующими мягкими согласными — *ква/ш'н'á/* *кокó/ш'н'/ик* и под. При общем рассеянном распространении явления по территории северного наречия следует все же отметить, что его разрозненные ареалы в большей степени сосредоточены на западной части территории северного наречия и отмечены также на территории западных ср.-р. говоров, но отсутствуют на территории восточных. Это хорошо согласуется с теми представлениями о последовательности отвердения шипящих в разных диалектных группах русского языка, которые сложились к настоящему времени у историков языка. Так, имеется предположение [4], что отвердение шипящих раньше началось в ростово-суздальском диалекте, чем в новгородском. К XV в. в ростово-суздальском диалекте по мнению некоторых исследователей шипящие могли быть уже твердыми в то время, как в новгородском и псковском диалектах их отвердение задерживалось, причем в некоторых говорах на значительное время, хотя в целом процесс отвердения шипящих становится в дальнейшем общерусским. Этим, видимо, и объясняется сугубо реликтовый характер употребления мягких шипящих в тех говорах северного наречия, где такое произношение сохраняется.

2. Дадим также краткую характеристику некоторых явлений из области склонения существительных.

К числу относительно архаических особенностей северного наречия принадлежит склонение существительного *путь*, формы которого образуются в говорах северного наречия или по непродуктивному типу склонения, характерному, как и в литературном языке, только для данного существительного (*пути́* — род., дат., предл. п.; *путём* — тв. п.) или по непродуктивному типу склонения существительных ж. р. типа *грязь* (*пути́* — род., дат., предл. п.; *пу́тью* — тв. п.). Колебание между двумя указанными типами склонения объясняется тем, что в говорах северного наречия особенно широкое распространение получил, известный но с меньшей последовательностью и широтой и в южных говорах русского языка, переход существительного *путь* в женский род. На северо-восточной части территории северного наречия, где существительные ж. р. с основой на мягкий согласный переходят в продуктивный тип склонения существительных ж. р. и где распространены формы *по грязé*, *гря́зëй*, *гря́зьëй*, отмечают *по путé*, *пу́тëй*, *пу́тьëй*.

В отличие от этого в большинстве говоров южного наречия (см. выше, II, 1, § 1) существительное *путь* относится к продуктивному типу склонения существительных м. р. (*путя́* — род. п., *путю́* — дат. п., *путём* — тв. п., *по путé* — предл. п.).

В связи с тем, что переход существительного *путь* в женский род представляет собой почти общедиалектное явление (ср. более последовательное сохранение мужского рода только в говорах юго-восточной зоны), наличие или отсутствие этого перехода не является различительным признаком для южных и северных говоров, взятых в целом. Можно лишь предположить, что в говорах северного территориального подразделения он происходил несколько раньше, что и обусловило, видимо, возможность широкого распространения склонения существительного *путь* как по мужскому, так и по женскому типам склонения в пределах говоров этой территории. Тем самым для сопоставительной характеристики южных и северных говоров русского языка значение имеет только тип склонения этого существительного — более архаичный во всех случаях в говорах северного наречия и среднерусских.

Говоры северного наречия представляют сравнительно более древнюю по характеру окончания форму род. п. ед. ч. существительных ж. р. на *-а*, поскольку в них сохраняется сложившееся еще к XIV в.[5] употребление окончаний *-ы* — *-и* в этой форме: *у жены́*, *без земли́* и под. При этом в большинстве говоров северного наречия эта форма различается с формой дат.-предл. п. ед. ч., имеющей окончание *-е*, и лишь в западной части говоров северного наречия окончание *-ы* является общим для этих трех падежных форм. В соответствии этим формам в говорах южного наречия и части среднерусских распространены формы род., дат., предл. п. с окончанием *-е*, преимущественно употребляемым в род. п. ед. ч. у существительных с твердой основой в сочетаниях с предлогом *у*. Говоры северного наречия стали отличаться по данной черте от говоров южного наречия после того, как в этих последних получили достаточно широкое распространение указанные формы с окончанием *-е* — *у же/нé/*, *с рабó/ти/* и под. Исторически такие формы возникали и в говорах северного наре-

[4] К. В. Горшкова. Автореф., стр. 20 и 26; В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика, стр. 161.

[5] А. А. Шахматов. Историческая морфология, стр. 328.

чия, но в них они не закрепились и вышли из употребления [6].

К числу явлений из области склонения существительных, которые также связаны с сохранением архаического состояния, относится и различие по месту ударения в формах им. п. мн. ч., наблюдаемое у некоторых, преимущественно односложных, существительных м. р., которые в северном наречии имеют ударение на основе в форме им. п. мн. ч. — *во́ры*, *во́лки* и др., а в южном наречии на окончании — *волки́*, *воры́* и др., как и в украинском, белорусском языках. Возникновение подобного различия в отношении места ударения связывают с процессом вытеснения старого окончания им. п. мн. ч. у существительных м. р. окончанием вин. п. мн. ч. тех же существительных, т. е. с появлением форм *волки* вм. *волци* или *воры* вм. *вори*. При этом вытеснении в одних говорах устанавливалось и новое место ударения, исторически присущее формам вин. п. мн. ч. — *волки́*, *воры́* (в говорах южн. нар.) [7]. В других говорах сохранялось старое место ударения, исконно свойственное форме им. п. мн. ч. — *во́лки*, *во́ры* (в говорах северного наречия). Круг существительных, представляющих описанное различие, не определен; в диалектологических атласах имеются данные о наличии такого места ударения в словах *волк*, *вор*. С. П. Обнорский видел подобные отношения в формах *слу́хи—слухи́*, *сме́хц—смехи́*, *со́ки—соки́*, *де́ды—деды́*, а также *во́ры—воры́*, *во́лки—волки́*, но не располагал достаточно определенными данными об их распространении. Нам важно в данном случае подчеркнуть, что в говорах северного наречия мы имеем дело с сохранением определенных признаков именных форм, выражающихся в наличии архаического ударения, хотя бы у отдельных существительных.

Связано с сохранением более исконного состояния и произношение флексий некоторых существительных, соответствующее системе различения заударных гласных.

Так, в пределах наиболее полного различения безударных гласных неверхнего подъема после твердых согласных, т. е. в основном в говорах северного наречия, сохраняется архаическое склонение существительных м. р. с суффиксами *-ушк-*, *-ишк-* — *де́душко*, *мальчи́шко*: *у де́душка*, *к де́душку*, *с де́душком* и под., формы которых образуются по типу склонения других существительных мужского рода, а не женского, как это наблюдается в говорах южного наречия (см. II, 1, § 2). При этом для говоров северного наречия характерно наличие мужского типа склонения как у существительных с суффиксом *-ушк-*, так и у существительных с суффиксом *-ишк-* в то время как мужской тип склонения, представленный у группы существительных с суффиксом *-ишк-*, известен не только в говорах северного наречия.

В тех же пределах наиболее полного различения безударных гласных, т. е. наиболее последовательно в говорах северного наречия, наблюдается распространение безударного окончания *-а* в формах им. п. мн. ч. существительных ср. р. с твердой основой: *о́кн/а/*, *сёл/а/* и под. В говорах, знающих редукцию безударных гласных, распространены формы данных существительных с окончанием *-ы*: *о́кн/ы/*, *сёл/ы/* и под. (см. II, 1, § 2).

Именно в говорах северного территориального подразделения, охватывая говоры северного наречия с некоторым исключением юго-западной части его территории и восточные ср.-р. говоры, выступает та разновидность употребления постпозитивных частиц, которая подчинена грамматическому принципу: при разных формах имен выступают разные формы постпозитивных частиц; так, например, в ряде этих говоров: *от* — им. и вин. п. м. р.; *та* — им. п. ж. р.; *то* — им. п. ср. р.; *ту* — вин. п. ж. р.; *ти*, или *те*, или *ты* — им. п. мн. ч. (без различия родов); *то* — формы косвенных падежей мн. ч. По говорам северного наречия отмечены и другие сочетания частиц, общей особенностью употребления которых остается в этих говорах связь частиц с формой имени, к которому частица относится [8].

В отличие от этого в говорах других территорий употребление постпозитивных частиц или совсем отсутствует или представлено употреблением одной какой-либо частицы (*то*, *тъ*, *та*) или частиц, в употреблении которых наблюдается фонетическое уподобление гласного частицы гласному именной флексии.

Исследователи, занимавшиеся в последнее время данным явлением, и обобщившие работы предшествующего периода, подчеркивают свое согласие с тем выводом, что «основная линия в развитии постпозитивных указательных ме-

---

[6] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 345 (ср.: А. И. Соболевский. Лекции, стр. 183).

[7] С. П. Обнорский. Именное склонение, 2, стр. 6 и 378.

[8] См.: И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. О синтаксических различиях русских говоров. «Slavia», roč. XXXI (1962), č 1, стр. 12—16 и карта № 1; Они же. К вопросу о постпозитивных частицах в русских говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии», Новая серия, т. III. М., 1962, стр. 3—32.

стоимений заключается в утрате ими собственно грамматического (синтаксического) значения местоимения и в приобретении функции усилительной частицы, функции не грамматической, а стилистической»[9].

Тем самым в северных говорах представлена более древняя разновидность употребления постпозитивных частиц, чем в других говорах русского языка.

§ 2. Различение гласных в первом предударном слоге после твердых согласных

Различение гласных в 1-м предударном слоге после твердых согласных (оканье) является одной из наиболее устойчивых диалектных черт, последовательно сохраняющихся в ряде говоров северных территорий, а именно, в говорах северного наречия и среднерусских окающих и представляет собой с исторической точки зрения более древнюю систему безударного вокализма, чем соответствующее ей аканье, распространенное в говорах южных территорий.

Различение гласных как особенность, характерная для ряда диалектных объединений в пределах северного территориального подразделения, является таковой только взятая в общем виде, как указание на основной принцип организации систем безударного вокализма этих говоров. Конкретные системы различения гласных выступают только в пределах групп говоров или даже в отдельных говорах. Различия между такими конкретными системами при общем, характерном для них различении гласных зависят от ряда дополнительных, но весьма существенных особенностей, например от количества и физического качества гласных, выступающих при различении, а также от сферы их употребления.

При различении гласных в 1-м предударном слоге произносятся те же звуки, что и в слоге под ударением, в связи с чем позиция 1-го предударного слога является сильной, что предполагает регулярное соответствие ударенных и предударных гласных. После твердых согласных такое чередование выступает как регулярное в современных говорах во всех тех случаях, когда ударенный и предударный гласный представлены в пределах одной морфемы при словоизменении: *д/ó/ма — д/о/мá*, *д/á/ли — д/а/лá* и под., а также и в случаях типа *б/ó/льно — б/о/льнóй*, *б/ó/льше — б/о/льшáйа*, где при сохранении внутренней формы слов сохраняется и ассоциация между морфемами, имеющими ударенный и безударный гласный. Для тех случаев, где такой ассоциации нет, в окающих говорах нередко наблюдаются колебания лексического характера, не свидетельствующие об аканье, а лишь о разных сферах распространения предударных /*а*/ или /*о*/ в составе морфем, не встречающихся под ударением. Таково, например, широко известное в говорах северного наречия, связанное с забвением внутренней формы, колебание в употреблении /*а*/ или /*о*/ в случаях, когда этимологически оправданным было бы /*о*/: *ст/о/кáн — ст/а/кáн*, *п/о/рóм — п/а/рóм*, *кр/о/пúва — кр/а/пúва* или таких, в которых имеем этимологическое *а*: *к/о/нáва — к/а/нáва*, *к/о/пýста — к/а/пýста*, *тр/о/вá — тр/а/вá*, *з/о/бóр — з/а/бóр*, а также в случаях, когда колебание /*а*/ и /*о*/ оправдано с этимологической точки зрения и отражено по славянским языкам: *л/о/хáнь — л/а/хáнь*, *г/о/рáзд — г/а/рáзд*, *тв/о/рóг — тв/а/рóг*, */о/мбáр — /а/мбáр*, *б/о/рáн — б/а/рáн*. Такое же колебание находим в целом ряде слов, преимущественно неисконных в северных говорах, проникших в их словарь из нормализованного языка, или (реже) в результате междиалектного общения (нередко вместе с распространением реалий), поскольку произношение гласного /*а*/ или /*о*/ в заимствованных словах часто устанавливалось вне зависимости от того, какой этимологический звук здесь имелся и нередко определялось тем, из какой среды приходило то или иное слово. Ср. нередкие случаи произношения с /*а*/ таких слов, как *с/а/лдáт*, *к/а/нфéта*, *к/а/нтóра*, *м/а/насты́рь*, *кар/а/сúн*, *к/а/мáнда*, *пар/а/хóд*, *в/а/кзáл*, или более поздних по времени проникновения в северные говоры слов — *м/а/тúв*, *к/а/мбайн*, *с/а/лúдный*, *пр/а/рáб*, — но произношение с гласным *о* таких слов, как *к/о/стрю́ля*, *к/о/лóши*, *к/о/рéта*, *с/о/рáй*, *б/о/зáр*, *к/о/рмáн*, *к/о/фтáн*, *т/о/рéлка*, *г/о/рмóшка*, *п/о/трóн* и др. Усвоение заимствованного слова с /*а*/ или /*о*/ (*к/а/нфéта*, но *к/о/рéта* и др.) должно быть объяснено применительно к каждому отдельному случаю такого усвоения в связи с историей появления слова, с учетом тех путей, которыми слово появилось в тех или иных северных говорах и времени его появления. Возможно произношение /*о*/ в одних и произношение /*а*/ в других северных говорах в некоторых глагольных основах, где данное колебание в произношении отражает старую систему чередований типа *л/а/мáть*, *сг/а/рáть*, *н/а/чевáть* и под. Напи-

[9] И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко. К вопросу о постпозитивных частицах, стр. 4.

сания этого типа встречаются и в памятниках письменности, не отражающих аканья [10]. Произношение /а/ или /о/ в рассмотренных случаях расширяет сферу употребления фонемы ‹а› или фонемы ‹о› в соответствующем говоре, но не затрагивает системы различения гласных как таковой.

Конкретные системы различения гласных после твердых согласных, представленные в разных говорах, могут быть также дифференцированы в зависимости от физического качества гласных, различающихся в первом предударном слоге. Так, наряду с достаточно широко распространенным различением /о/ и /а/, при котором /о/ представляет собой звук среднего подъема и средней степени лабиализации для многих говоров северного наречия (в отличие от среднерусских) характерно произношение именно в 1-м предударном слоге гласного /о/ повышенного подъема сильно лабиализованного, иногда, по производимому на слух впечатлению, вплоть до факультативного совпадения его с /у/ (см. карту 39).

При этом в данном случае имеется в виду лабиализация предударного /о/, для которой не имеет решающего значения влияние соседних согласных, как это имеет место в других, в частности в ср.-р., говорах русского языка, где такая зависимость выступает достаточно определенно.

Анализ соответствующих материалов показывает, что в говорах северного наречия, знающих лабиализацию /о/ в 1-м предударном слоге, она может проявляться в различных категориях случаев. Так, например, это явление широко отмечают в тех случаях, где предударное *о* находится в чередовании с ударенным типа *б/о^у/льшáя, д/о^у/мóй, б/о^у/льнóй, н/о^у/гú, в/о^у/дóй, в г/о^у/дý, в/о^у/дúла* и под. Столь же широк и круг случаев, где предударное *о* не имеет чередования с ударенным типа *к/о^у/-нéчно, х/о^у/рóшу, в/о^у/рóчать, д/о^у/рóгу, агр/о^у/-нóм*. Среди случаев этого рода находятся и такие слова, как *к/у/мáр, б/у/дáться, к/у/стю́м*, особенно часто встречающиеся по говорам с гласным /у/, но в пределах северного наречия обычно наряду с другими фактами лабиализации предударного /о/.

Широко распространенное объяснение усиленной лабиализации влиянием соседних губных или задненебных фонем оказывается неприменимым к фактам северного наречия, так как там лабиализацию отмечают и в случаях типа *ст/о^у/лы́, пр/о^у/сúл, р/о^у/дные, за с/о^у/-лóмой, д/о^у/рóгу* и под., где такого соседства нет. Впечатление о решающем значении соседства губных и задненебных согласных могло сложиться у некоторых исследователей в связи с тем, что эти звуки весьма употребительны и слова, в которых эти звуки отсутствовали бы, встречаются в лексическом фонде говоров редко.

При рассмотрении вопроса о возникновении лабиализации *о* в 1-м предударном слоге в говорах северного наречия, вероятно, в большей степени следует принять во внимание, что в ряде этих говоров произношение предударного *о* может отражать наличие *о* повышенного подъема также и под ударением и в связи с этим производящего впечатление лабиализованного звука. Возможность того типа пятифонемного состава ударенных гласных, при котором, в частности, гласный *о* повышенного подъема произносится как в соответствии *о* под восходящим, так и под нисходящим ударением, т. е. является единственным звуком типа *о* в говоре доказана в настоящее время в процессе инструментального изучения гласных, на основании которого указывают, что именно в говорах северного наречия возможен такой вариант пятифонемного состава ударенных гласных, при котором оба гласных второй ступени подъема симметричны по высоте, но локализованы в зоне средне-верхнего уровня. Встречается преимущественно в группах Вологодско-Кировской, Поморской, Олонецкой (в говорах без ляпанья), а также в северной части зоны Владимирско-Поволжской группы (например, по р. Ветлуге) [11]. В связи с тем, что отношение к ударению не определяет в говорах северного наречия слабой или сильной позиции, понятным является появление этого /ô/ или /о^у/ и в безударном положении как в случаях чередующихся с ударенным /ô/, так и находящихся вне этого чередования.

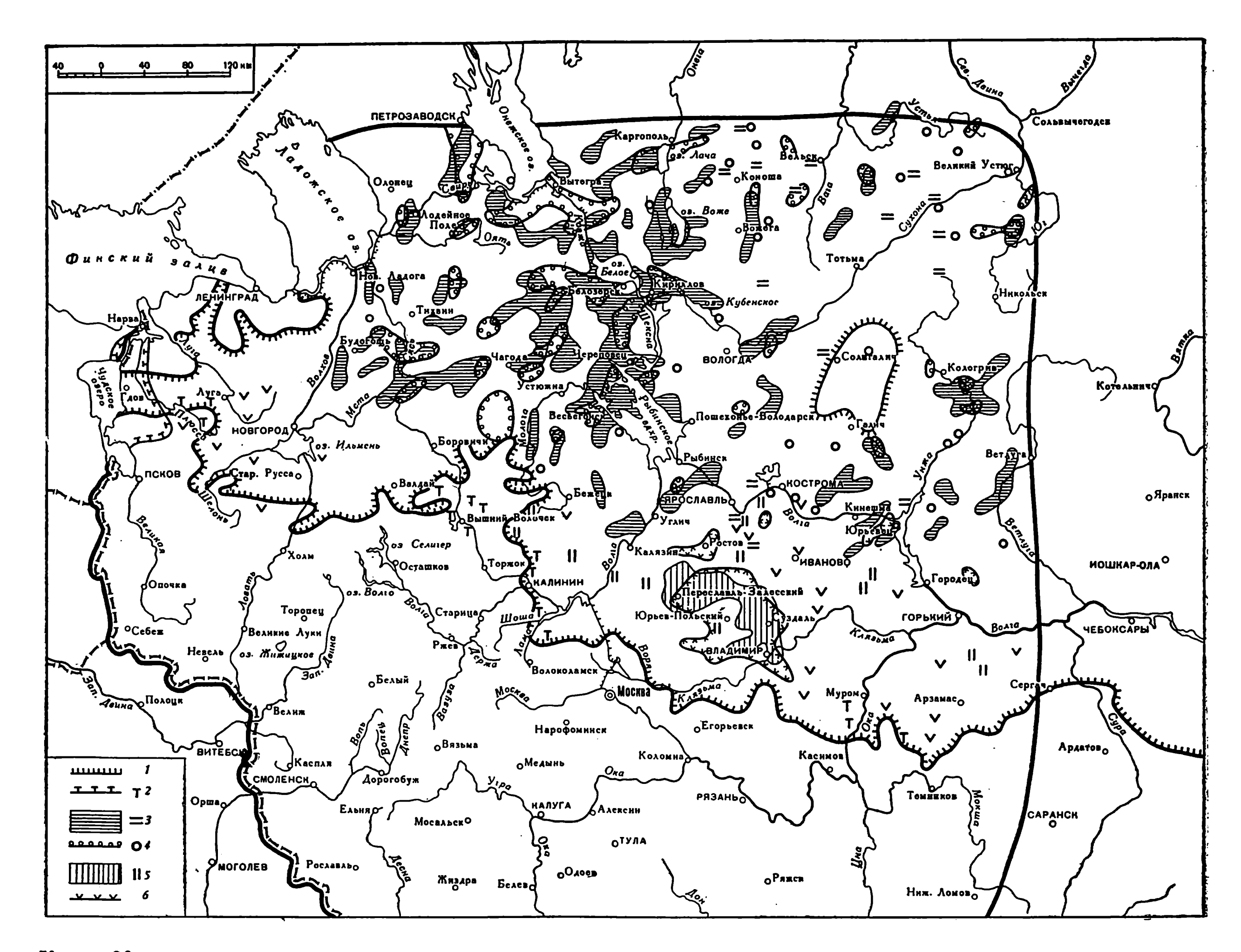
Характер распространения лабиализации *о* в 1-м предударном слоге описанного типа скорее всего свидетельствует о том, что это явление преимущественно развивалось в говорах новгородского происхождения, которые более устойчиво различали ‹ô› и ‹о› и в которых в дальнейшем могло осуществиться совпадение этих гласных в *о* повышенного подъема. Действительно, в пределах северного наречия

---

[10] Ср., например: П. С. Кузнецов. К исторической фонетике Ростово-Суздальских говоров. «Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР», вып. 2. М., 1948, стр. 142 и др.

[11] С. С. Высотский. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967, стр. 74.

10 Заказ № 562

Карта 39

Вокализм 1-го предударного слога после твердых согласных:

1 — различение гласных в 1-м предударном слоге после твердых согласных; *2* — примерное расположение говоров с системами вокализма, переходными от различения к неразличению безударных гласных; *3* — произношение лабиализованного гласного в 1-м предударном слоге, не зависящее от качества соседних согласных; *4* — то же во 2-м предударном слоге; *5* — произношение лабиализованного гласного в 1-м предударном слоге, зависящее от качества соседних согласных; *6* — то же во втором предударном слоге

ареалы произношения лабиализованного *о* в 1-м предударном слоге преимущественно расположены в их совокупности на более западной части его территории между Ладожским озером и р. Онегой; к востоку от Онеги и Кубенского озера количество таких островов редеет. В восточных ср.-р. окающих говорах произношение лабиализованного *о* в 1-м предударном слоге отмечают редко и его положение объясняют другими причинами (см. ниже, IV, 3, § 2). Таким образом, едва ли соответствует современным данным представление о том, что произношение с сильно лабиализованным гласным более высокого подъема, чем обычное *о* «особенно распространено во Владимирско-Поволжских говорах и части Вологодско-Вятских»[12]. Указание на лабиализацию *о* в предударном положении как на типическую черту владимирских говоров находим также у Г. Ф. Нефедова[13]. По нашим данным, можно сказать, что лабиализация предударного *о* различна в разных говорах северного территориального подразделения по условиям своего возникновения, а что касается первого предударного слога, то она более характерна

[12] Р. И. Аванесов. Очерки. . ., стр. 63.

[13] Г. Ф. Нефедов. Оканье в севернорусских говорах. «Доклады и сообщения фил. фак-та МГУ», вып. 2. М., 1947, стр. 28.

для говоров северного наречия и особенно более западной части его территории.

В зависимости от физического качества гласного, соответствующего ударенному *о*, находится и такой вариант различения, при котором как под ударением, так и в безударном положении произносится гласный *о* широкий, открытый, пониженной лабиализации (в транскрипции передаваемый как /$о^а$/, /$ъ^а$/, /ъ/). В таких говорах различение гласных — /$о^а$/ и /а/, ср. *д/$о^а$/мá* и *д/а/лá* является акустически невыразительным и факультативно может производить впечатление совпадения гласных.

Указания на возможность произношения такого широкого открытого *о* ($о^а$) находим в упоминавшейся выше работе Г. Ф. Нефедова, где оно отнесено к говорам Олонецкой и Архангельской губ. По нашим данным, говоры с различением гласных /$о^а$/ и /а/ крайне немногочисленны и, видимо, не приурочены в территориальном отношении; они встречаются на разных частях территории северного наречия.

Граница оканья и аканья является достаточно определенной на изучаемых центральных территориях распространения русского языка в Европе. Такие говоры, в которых имеются определенно выраженные симптомы происходящего перехода от различения к неразличению гласных после твердых согласных (переход обратного типа неизвестен в говорах центральных территорий) [14], относятся к двум категориям.

Так, прежде всего это говоры, в которых взаимодействие различения и неразличения гласных выражено в наличии своеобразных систем переходного типа, компромиссных по отношению к двум исходным системам, сложившихся при непосредственном междиалектном взаимодействии, на что указывает территориальное расположение соответствующих говоров вблизи границы аканья и оканья. Наиболее компактная группа подобных говоров расположена на северо-западе Псковской области. Системы вокализма этих говоров (Гдовская и Полновская) ниже подвергаются специальному анализу (см. V, 3, § 2). В единичных говорах в районе Вышнего Волочка отмечены системы вокализма, при которых различение гласных наблюдается только перед *о*: *в/о/дóй*, *д/а/внó*, но *в/а/дá*, *в/а/дé*, *в/а/ды́*. Различение гласных перед всеми ударенными гласными, кроме *а*, наблюдается, например, в говорах нескольких нас. п., находящихся в окружении окающих говоров на территории к северу от Москвы: *в/о/дóй — д/а/внó*, *в/о/ды́— д/а/ры́* и под., но *в/а/дá*, *д/а/лá* и под.

Иное значение имеет то наличие элементов аканья, которое отмечают в настоящее время в самых различных, в том числе и весьма удаленных от границы различения — неразличения гласных, окающих говорах и которое знаменует собой параллельное частичное использование говорящими второй системы предударного вокализма.

К числу достоверных фактов, знаменующих проникновение аканья как второй системы, мы относим появление в говорах случаев акающего произношения типа *в/а/дá*, *ст/а/лы́*, *д/а/мá*, где произношение предударного /а/ чередуется с /о/ ударенным (*в/ó/ды*, *ст/ó/л*, *д/ó/м*). Менее показательны, но все же принимаются во внимание при изучении распространения аканья как второй системы, случаи с нечередующимся предударным /а/ в соответствии с *о*, но когда это /а/ представлено в исконной для северного наречия лексике (в таких, например, случаях, как *х/а/рóший*, *х/а/зя́йка*, *г/а/ря́чий* и под.). О меньшей показательности таких случаев мы говорим потому, что различение гласных, не поддерживаемое чередованием с ударенным гласным, является в приведенных словах чисто традиционным и в период, когда говоры начинают испытывать усилившееся влияние нормализованного типа языка, произношение /о/ или /а/ колеблется в таких словах легче, чем в случаях, когда оно поддержано чередованием с ударенным гласным. Симптомом колебания системы различения, идущей по линии усвоения общего принципа неразличения гласных, следует считать, видимо, и появление в говорах случаев произношения типа *п/о/хáть* (при *п/á/шет*), *ск/о/зáла* (при *ск/á/жет*), *зв/о/лá* (при *зв/а/л*) и т. п. Все указанные случаи колебания в употреблении /а/ или /о/ отмечают в ряде говоров северного наречия не приуроченных в территориальном отношении. Эти случаи могут свидетельствовать о начинающемся сосуществовании двух систем и о влиянии аканья как принципа совпадения гласных 1-го предударного слога.

Мы не связываем с общим процессом распространения аканья наличие того значительного и определенного в территориальном отношении массива акающих говоров на территории так называемого Костромского акающего острова, на существование которого было сделано указание еще в «Опыте диалектологической карты», где отмечалось, что «. . . акающими переходными являются говоры почти всего Чухлом-

[14] Об элементах различения гласных в говорах с неразличением и о значении этих элементов в развитии соответствующих систем вокализма см. ниже, в разделах, посвященных среднерусским говорам.

ского уезда, большей части Солигаличского уезда, небольшого северо-восточного угла Буйского и некоторой части Кологривского уезда»[15]. По современному административному делению эти говоры почти полностью занимают территорию Солигаличского, Судайского, Ореховского районов, небольшие части Галичского, Антроповского, Парфеньевского, Чухломского и Тотемского р-нов, а также восточную половину Костромской области. По отношению к этим говорам до последнего времени не снято предположение, что, по крайней мере, первоначальный толчок к возникновению аканья дан был здесь переселенцами из других (акающих по диалектной принадлежности) областей[16] Об этом свидетельствует и тот факт, что в этих говорах представлены и некоторые другие, не северные по своему характеру, черты, хотя одновременно эти говоры разделяют и черты окружающих их говоров северного наречия.

§ 3. Различение гласных после твердых согласных во 2-м предударном и заударных слогах

По данным, собранным для атласов и картографированным в них, вопрос о произношении гласных во 2-м предударном слоге может быть освещен только с той точки зрения, наблюдается ли на той или иной территории различение гласных (/о/ и /а/ или /о^{у}/ и /а/ или /о^{а}/ и /а/) или их совпадение (в /ъ/ или /а/) в указанных положениях. Новыми данными (по сравнению с известными в литературе) о распределении экспираторной силы между слогами, в разной степени удаленными от ударенного, и о степени редукции гласных в этом положении мы по материалам атласов не располагаем.

Возможность различения гласных во 2-м предударном слоге или заударных слогах после твердых согласных присуща в общем всем окающим говорам. В связи с этим наиболее существенным для внутренней дифференциации окающих говоров является то, наблюдаются ли наряду с различением гласных случаи неразличения во втором предударном или заударных слогах и, что главное, насколько регулярным является сосуществование различения и неразличения в тех или иных окающих говорах.

С этой точки зрения в пределах окающих говоров выделяется та территория, на которой случаи неразличения в указанных позициях встречаются лишь как единичные и отмечаемые в весьма редких говорах и где, таким образом, резко преобладает различение гласных во 2-м предударном и заударных слогах, что является наиболее характерным признаком северного наречия.

Говоры северного наречия отличаются по этому признаку от среднерусских, где возможность неразличения гласных в этих позициях является более регулярной и интенсивнее распространенной.

Различение гласных во 2-м предударном слоге после твердых согласных на территории своего исключительного распространения осуществляется на основе той же закономерности, что и различение в 1-м предударном слоге. Преобладающим является здесь различение /о/ и /а/: *д/о/мовóй*, *п/о/дари́л*, но *д/а/лекó*, *п/а/стухá* и под.

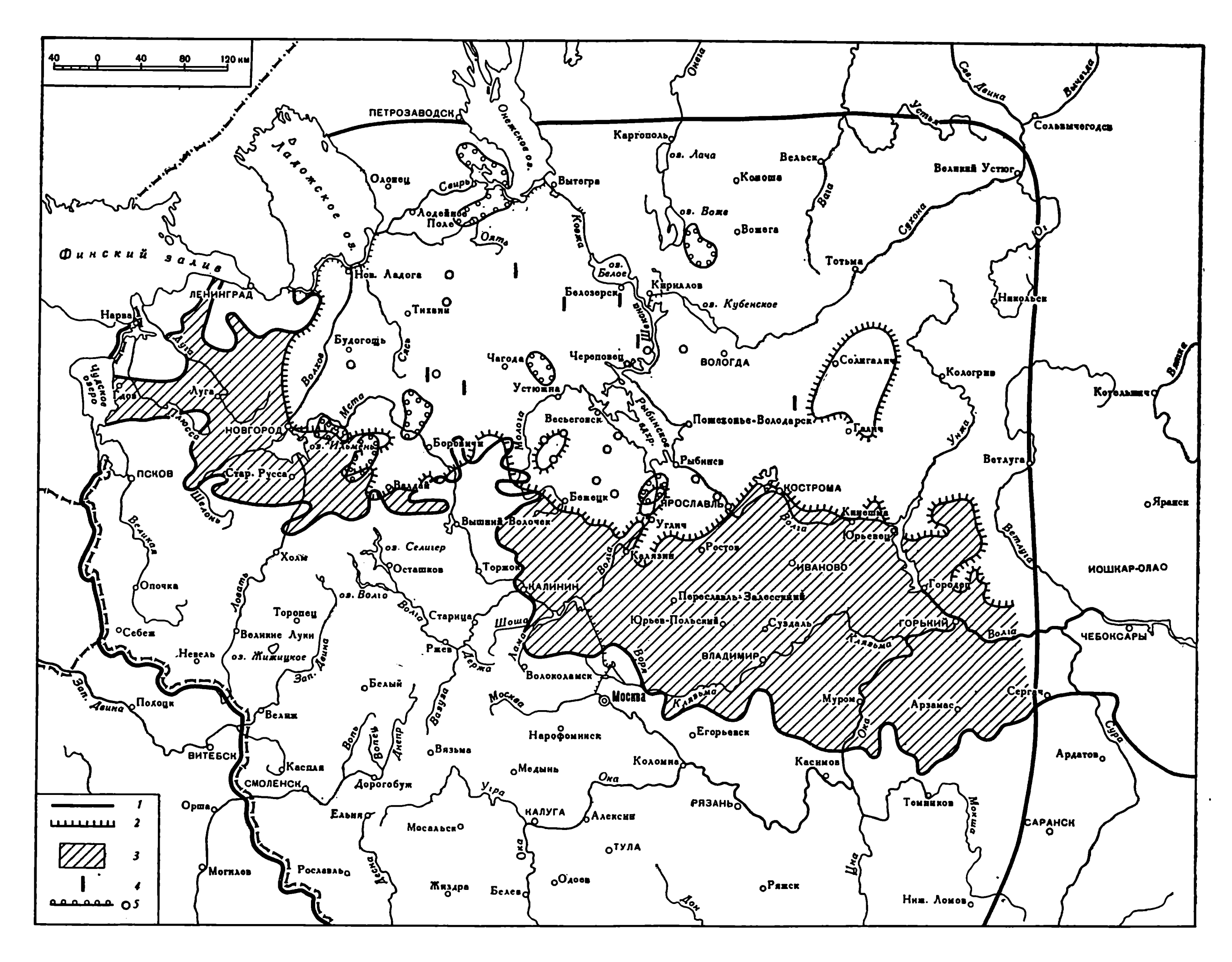
В ряде говоров встречается также различение, при котором в соответствии *о* произносится сильно лабиализованный гласный /о^{у}/ в этом положении: *пр/о^{у}/води́*, *г/о^{у}/родил*, *б/о^{у}/ронá*, *д/о^{у}/рогóй*, *в/о^{у}/локнó*, *м/о^{у}/локá*, *п/о^{у}/томý*, *х/у/рошó*, *п/у/глядéл*, *л/о^{у}/скутóк*, и т. п. Как правило, эти случаи отмечены в тех же говорах, где наблюдается произношение лабиализованного гласного в 1-м предударном слоге (см. карту 39), но в общем являются более редкими (см. карту 40).

В связи с этим лабиализацию гласных во 2-м предударном слоге можно считать менее характерной для говоров северного наречия, чем лабиализацию предударного *о*. Обратное соотношение наблюдается в восточных ср.-р. говорах и некоторых южнорусских (см. ниже). В пределах северного наречия факты лабиализации во 2-м предударном слоге преимущественно сосредоточены на более западной части его территории. Случаи лабиализации в словах с префиксом *су-* (/*сумневáйус'*/ и под.), в словоформе *кумары́* и в слове *мушкарá* не имеют в пределах северного наречия самостоятельного распространения, а обычно отмечены при общей возможности лабиализации гласного в тех или иных говорах (иное положение наблюдается в ср.-р. говорах; см. IV, 3, 2). Еще более редки, чем при различении гласных в 1-м предударном слоге, т. е. совершенно единичны, говоры, в которых отмечают различение делабиализованного *о* — /о^{а}/ и /а/

---

[15] Труды МДК, вып. 5. М., 1915, стр. 36.

[16] Г. В. Шайтанова. Говоры по верхнему течению реки Костромы (говоры по северной границе акающего острова в Костромской области). Автореф. канд. дис. М., 1952; Она же. Расширение территории акающих говоров в Костромской области. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, т. III. М., 1962.

Карта 40

Вокализм 2-го предударного и заударных слогов после твердых согласных:

1 — изоглосса оканья; *2* — территория преобладания различения гласных во 2-м предударном и заударных слогах в окающих говорах; *3* — территория, на которой наблюдается сосуществование различения и неразличения гласных в тех же положениях; *4* — единичные случаи неразличения гласных во 2-м предударном слоге на территории различения гласных; *5* — случаи неразличения гласных в заударных слогах на той же территории

во 2-м предударном слоге: *п/оᵃ/лотнó*, *п/оᵃ/см/оᵃ/трú* и под.

По говорам северного наречия встречается ряд слов с гласным /а/ во 2-м предударном слоге, не свидетельствующий о совпадении гласных (в ряде таких слов соответствующий гласный отмечен и в 1-м предударном слоге): *тв/а/рогý*, *н/а/чевáть*, *н/а/винá*, *к/а/ровóд*, *п/а/л/а/тéнце*; гласный /а/ во 2-м предударном слоге находим в ряде заимствованных слов: *к/а/лбасá*, *к/а/ленкóр*, *к/а/лидóр*, *к/а/нбайнёр*.

В свою очередь также не свидетельствуют о совпадении гласных и широко распространенные в говорах северного наречия (ср. некоторые из этих слов и в древнерусском языке) такие слова, как *к/о/закú*, *тр/о/вянóй*, *с/о/погú*, *кл/о/довáя*, *с/о/моâр*, или произношение /о/ в префиксе *з/о/горéлся*, *з/о/гордéл* и под.

На той части территории окающих говоров, где различение гласных во 2-м предударном слоге возможно, но не обязательно, так как сосуществует с совпадением гласных в этом положении, т. е. в ср.-р. говорах наблюдаем соотношения самого различного порядка, в ряде случаев обусловленные взаимодействием разнородных факторов, в частности фонетического и морфологического. В одних говорах преобладает различение, в других совпадение гласных и их различение сосуществуют более равноправно, в-третьих — различение является

реликтовым. Интенсивность распространения фактов совпадения гласных во 2-м предударном и заударных слогах является более высокой в восточной части ср.-р. говоров (детальный анализ соответствующих явлений см. IV, 3, § 2; данные по западным ср.-р. говорам см. V, 3, § 4).

Различению гласных во 2-м предударном слоге после твердых согласных в говорах северного наречия сопутствует различению в заударных слогах. Анализ соответствующих данных о произношении гласных в заударных конечных закрытых слогах — *в гóрод*, в заударных неконечных открытых слогах — *в гóроде* и в заударных конечных открытых слогах — *нáдо* не позволил увидеть какие-либо различия в возможности различения или неразличения гласных в трех указанных категориях случаев для говоров северного наречия.

По поводу распространения единичных для говоров северного наречия случаев совпадения гласных во 2-м предударном и заударных слогах можно лишь в общем виде отметить, что совпадение гласных в заударных слогах несколько сильнее распространено, чем во 2-м предударном слоге (см. микроареалы совпадения гласных в заударных слогах у западного берега Онежского озера и к югу от оз. Воже).

§ 4. Заударные гласные во флексиях некоторых грамматических категорий

Замечания о характере вокализма заударных слогов могут быть дополнены данными о звучании флексий некоторых грамматических категорий характер которого (звучания) в известной мере связан с основной системой безударного вокализма, на что прежде всего указывает сходство соответствующих ареалов (ср. карту 40 и карты 41, 42, 43). Из числа таких категорий мы располагаем данными о произношении форм им. п. мн. ч. существительных ср. р. *óкн/а/* или *óкн/ы/*, о произношении безударных окончаний 3-го л. мн. ч. глаголов наст. вр. *стáн/у/т*, но *нó/с'а/т* или *стáн/у/т* и *нó/с'у/т*, а также о типе склонения (мужском или женском) существительных с суффиксом *-ушк-* типа *дéдушко* и под.

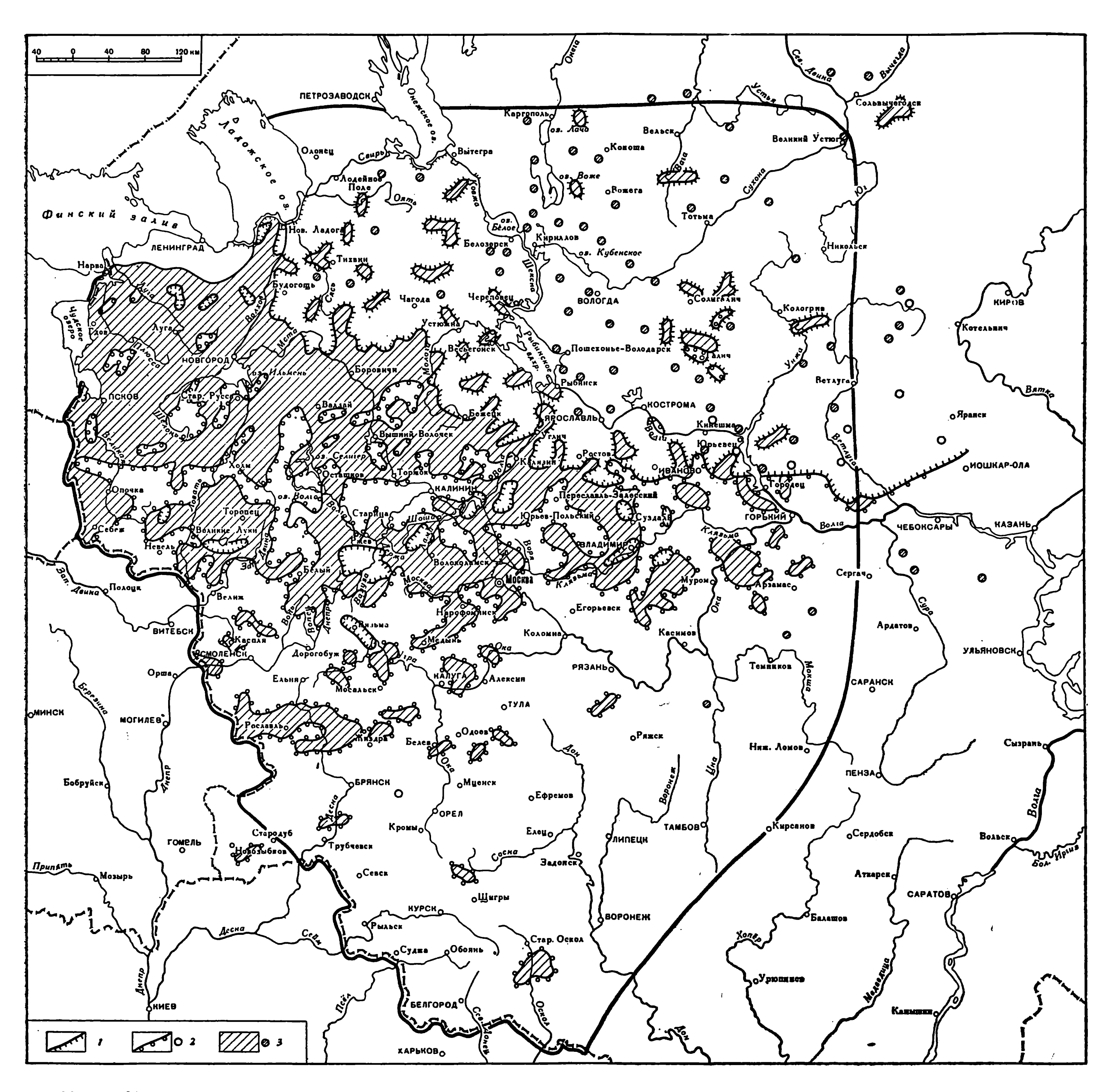
Как показывает сравнение названных карт, общий характер территориального распространения различного произношения заударных гласных в этих категориях имеет сходство с распространением такой закономерности фонетического характера, как различение или неразличение гласных во 2-м предударном и заударных слогах.

Так же, как при изучении характера территориального распространения различения и неразличения гласных во 2-м предударном и заударном слогах, при изучении звучания флексий в указанных грамматических категориях выделяются: а) территории, где безударные гласные сохраняются в своем звучании; б) территории, где эти гласные подвергаются изменениям, в) территории, где наблюдается сосуществование явлений.

На территории, где наблюдается преимущественное распространение форм типа *óкн/а/*, *нó/с'а/т*, в единичных говорах встречаются и формы *окн/ы/*, *нóс'/у/т*, но такие случаи здесь крайне редки и, как показывает ознакомление с материалами, в ряде случаев могли быть зафиксированы в речи лиц, переходящих к литературному языку. За пределами территории, на которой резко преобладают формы типа *óкн/а/*, *нó/с'а/т* наблюдается полоса, где эти формы в достаточно равноправной степени сосуществуют с формами типа *óкн/ы/*, *нó/с'у/т*, хотя в пределах этой полосы могут быть отмечены и различия в характере сосуществования этих форм.

Сосуществование форм им. п. мн. числа существительных ср.-р. с окончанием *-а* и окончанием *-ы* наиболее широко известно на всей территории западных ср.-р. говоров, как акающих, так и окающих, для которых характерен именно этот параллелизм в употреблении данных форм. Известен этот параллелизм и на территории соседней с западными ср.-р. говорами южной части Ладого-Тихвинской группы, а также западной части (к Западу от Москвы) восточных ср.-р. как окающих, так и акающих говоров. Встречается, но уже в виде мелких разрозненных ареалов, такой параллелизм в употреблении форм на *-а* и на *-ы* и в западной части говоров южного наречия. Для восточных ср.-р. окающих говоров характерно распространение форм типа *сёл/ы/*. Формы типа *сёл/а/* известны в виде разрозненных ареалов, группирующихся преимущественно в северной части территории этих говоров. В восточной части говоров южного наречия (юго-восточная зона) формы с окончанием *-а* вовсе отсутствуют.

Распространение глагольных форм 3-го л. мн. ч. типа *нó/с'а/т* имеет в общем тот же характер, что и форм типа *óкн/а/*. Наблюдаемые отличия частного характера могут быть объяснены самостоятельностью судеб данной морфологической категории. Так, следует указать, что сосуществование различающихся форм (*стáн/у/т*, но *нó/с'а/т*) с формами совпадающими (*стáн/у/т* и *нó/с'у/т*), также наи-

Карта 41

Произношение гласного флексии именительного падежа мн. ч. существительных среднего рода:

1 — óкн/а/ и под.; *2 — окн/ы/* и под.; *3 — óкн/а/* наряду с *óкн/ы/*

более широко представлено на территории западных ср.-р. говоров, но последовательность распространения явления здесь меньшая, а занимаемая им территория, взятая в целом, у́же (см. карту 42). Менее регулярным и ощутительным является сосуществование форм типа *нó/с'у/т* и *нó/с'а/т* и в пределах соседних говоров Ладого-Тихвинской группы. Случаи различения изучаемых форм наряду с совпадением их отмечены (как это имело место и в отношении сосуществования форм *óкн/а/ — óкн/ы/*) и в южном направлении, во всей западной части говоров русского языка как среднерусских, так и южнорусских по своей основной принадлежности.

На востоке, в пределах восточных ср.-р. говоров различение глагольных форм в сосуществовании с их неразличением распространено примерно так же, как сосуществование форм типа *óкн/а/ — óкн/ы/*; оно характерно в основном для значительной северо-восточной части говоров Владимирско-Поволжской группы, однако в целом сосуществование форм *нó/с'а/т — нó/с'у/т* и по широте и по последовательности распространения здесь опять- таки у́же, чем в пределах западных ср.-р. говоров: известное лишь на части территории окающих восточных ср.-р. говоров, в акающих говорах оно встречается очень редко, а в восточных южнорусских говорах (в отличие от западных южнорусских) и вовсе отсутствует.

К числу безударных флексий, характер которых связан с закономерностью различения или неразличения гласных в заударных слогах, относится и наличие в окончании /о/ или /а/ в формах им. п. ед. ч. существительных м. р. с суффиксом *-ушк*: *дéдушк/о/* или *дéдушк/а/* и под., а также тип склонения этих существительных. В атласах русских народных говоров картографирован лишь тип склонения, мужского или женского подобных существительных: род. п. ед. ч. — *дéдушк/а/* или *дéдушк/и/*, дат. п. ед. ч. — *дéдушк/у/* или *дéдушк/е/* и т. д. Специальной карты, отражающей звучание флексии им. п. ед. ч. нет, так как соответствующие данные приводятся в материалах нерегулярно.

Возможность мужского типа склонения существительных с суффиксом *-ушк* в заведомо акающих говорах (см. на карте значительный ареал этого явления к северу от Смоленска) свидетельствует (что подтверждается и ознакомлением с соответствующими материалами), что данный тип склонения может сохраняться у названных существительных и при произношении гласного /а/ во флексии им. п. ед. ч. этих существительных, в чем сказывается самостоятельность и иной темп развития процессов морфологического характера. В связи с этим широкое распространение мужского типа склонения, например на территории западных ср.-р. окающих (новгородских) говоров, не указывает на последовательное сохранение здесь различения заударных гласных, а лишь об устойчивости склонения, мужской тип которого в одних говорах сохраняется при форме им. пад. ед. ч., *дéдушк/о/*, *бáтюшк/о/*, а в других при форме *дéдушк/а/* или *дéдушк/ъ/*, *бáтюшк/а/* или *бáтюшк/ъ/*. В общем же распространение данного типа склонения сохраняет свою связь с расположением ареалов исключительного распространения различения гласных во 2-м предударном и заударном слогах и тех ареалов, в пределах которых различение и неразличение гласных сосуществуют.

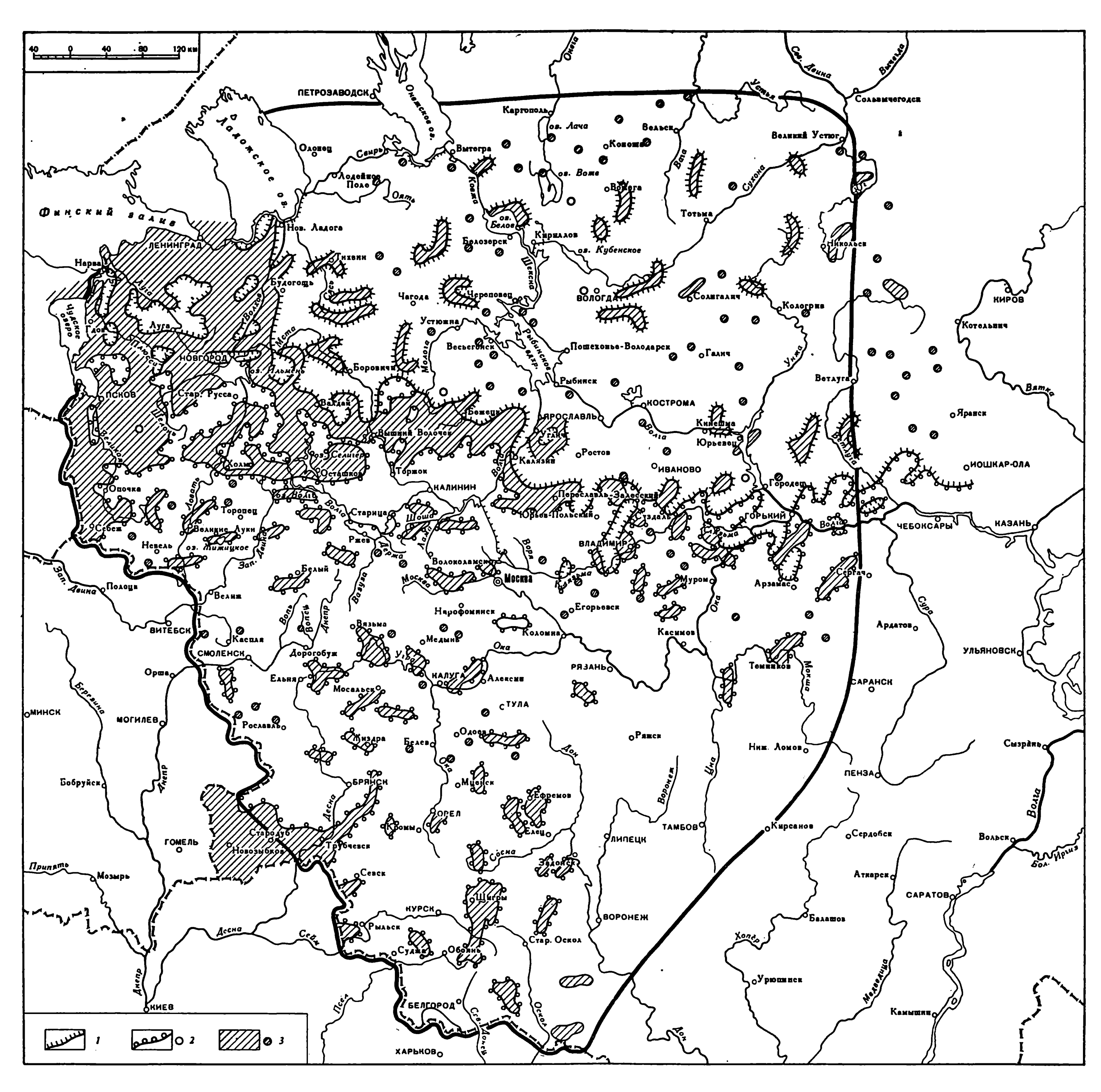
§ 5. Различение гласных в первом предударном слоге после мягких согласных

Изоглосса различения гласных в 1-м предударном слоге после мягких согласных в общем очень близка к аналогичной изоглоссе произношения после твердых согласных [17]. При этом следует, однако, подчеркнуть, что самое противопоставление территории окающих и акающих говоров по этим двум признакам носит несколько различный характер: различение после твердых (оканье) является чертой, которая ни в какой степени не повторяется, т. е. не имеет рассеянного распространения на территории акающих говоров, в то время как факты различения после мягких согласных имеют ощутительное распространение в говорах с неразличением (см. карту), при этом более значительное в восточной, чем в западной части акающих говоров. Это указывает, с одной стороны, на разницу темпов развития вокализма после твердых и после мягких согласных (переход к неразличению гласных после твердых согласных происходит быстрее, чем после мягких), а также имеет значение для определения хронологии распространения неразличения гласных на разных территориях.

На карте 44 помещены также ареалы типов неразличения гласных, характерных для ср.-р. говоров, т. е. для говоров, исторически входивших в состав северного территориального объединения. Непосредственно примыкающие по местоположению к ареалу различения гласных, все эти типы неразличения объединены

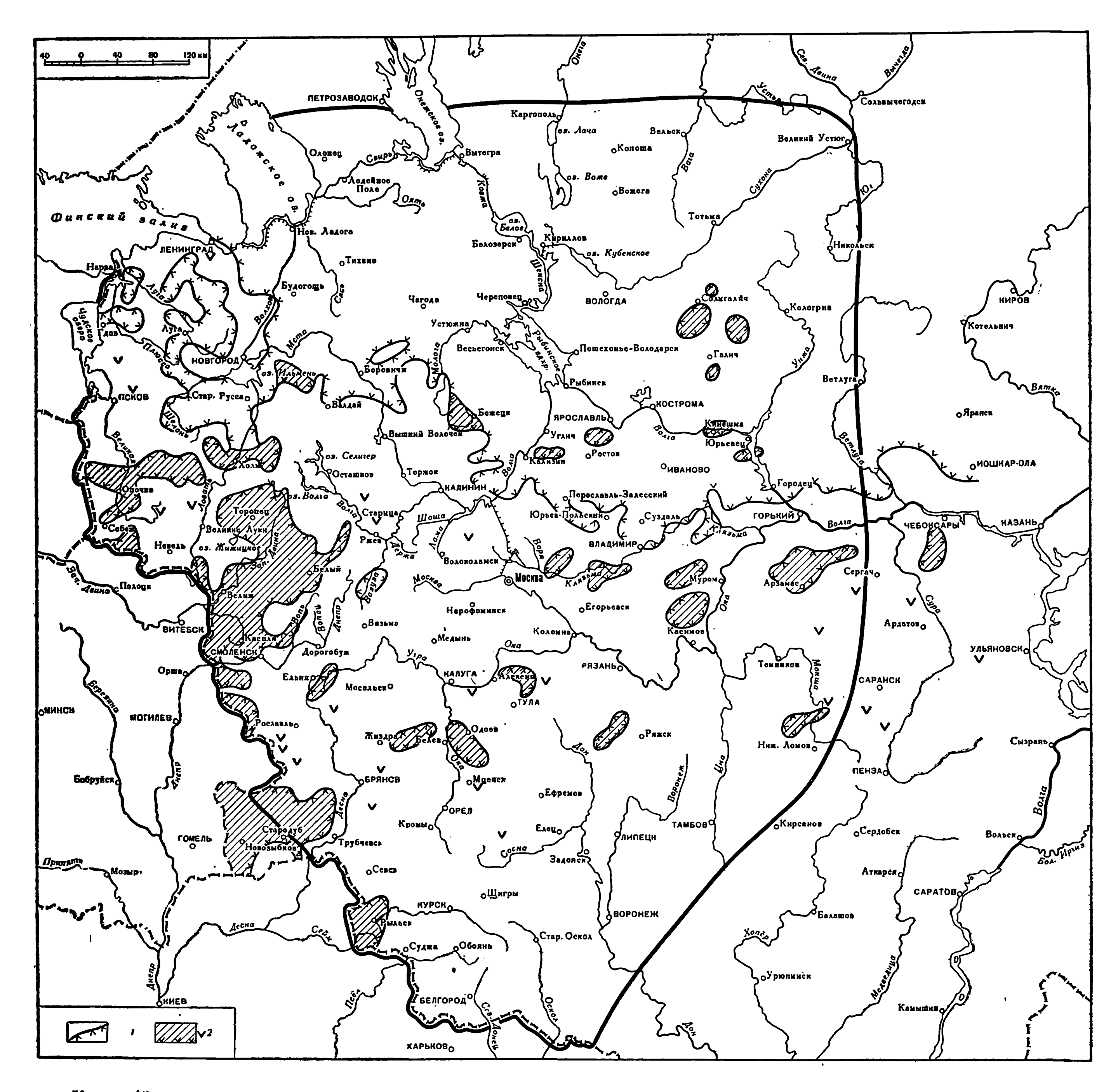
[17] В связи с этим на картах 45—48 для выделения говоров с различением гласных наносится изоглосса оканья

Карта 42

Гласный в безударных окончаниях глаголов 3-го л. мн. ч. I и II спряжений:

1 — ста́н/у/т, но *но́/с'а/т; 2 — стан/у/т* и *но́/с'у т; 3 — ста́н/у/т,* но *но́/с'а/т* наряду с *но́/с'у/т*

Карта 43

Склонение существительных типа *дедушка*:

1 — мужской тип склонения при форме им. п. ед. ч. с окончанием *-о*; *2* — мужской тип склонения при форме им. п. ед. ч. с окончанием *-а*

той общей особенностью, что им чужд принцип диссимиляции, в той или иной степени прослеживаемый в различных типах вокализма южнорусских говоров. В направлении с запада на восток — это весьма значительный ареал сильного яканья, расположенный между 28° в. д. и 34° в. д., а затем нерегулярно чередующиеся друг с другом разрозненные ареалы еканья, иканья и умеренного яканья или такие ареалы, в пределах которых отмечено сосуществование этих типов вокализма; в небольшой (восточной) части западных ср.-р. акающих говоров отмечен также ареал ассимилятивно-умеренного яканья (см. карту 44).

По характеру основной закономерности существования среди типов неразличения гласных после мягких согласных в ср.-р. говорах выделяются такие, которым присуще совпадение гласных в 1-м предударном слоге в одном звуке независимо от каких-либо дополнительных условий, т. е. от качества ударенных гласных и от твердости—мягкости последующих согласных, это — сильное яканье, иканье и еканье. Наряду с этим при умеренном яканье проявляется зависимость от качества последующего согласного (произношение /*а*/ перед твердыми согласными, произношение /*и*/ перед мягкими и, в подавляющем большинстве случаев, перед группой согласных, из которых второй мягок — /*си*/*стре́*, /*пи*/*кли́*, как /*ни*/*си́*, в /*ри*/*ке́*). Лишь при ассимилятивно-умеренном яканье с зависимостью от качества последующего согласного сочетается зависимость от качества ударенного гласного ассимилятивного типа /*н'а*/*сла́*, *с*/*м'а*/*я́лась* и под., аналогичная той, которую мы отмечали выше при рассмотрении переходных типов вокализма после твердых согласных. Данные этого рода свидетельствуют о том, что типы неразличения гласных, распространенные в ср.-р. говорах, существуют на основании принципиально иных закономерностей, чем южнорусские типы неразличения гласных, что и служило уже основанием для предположения о возникновении среднерусских типов вокализма в результате процессов междиалектного взаимодействия. Ниже, в разделах, посвященных среднерусским говорам, вопросы этого рода подвергаются специальному исследованию (см. IV, 3, § 2; V, 3, § 2).

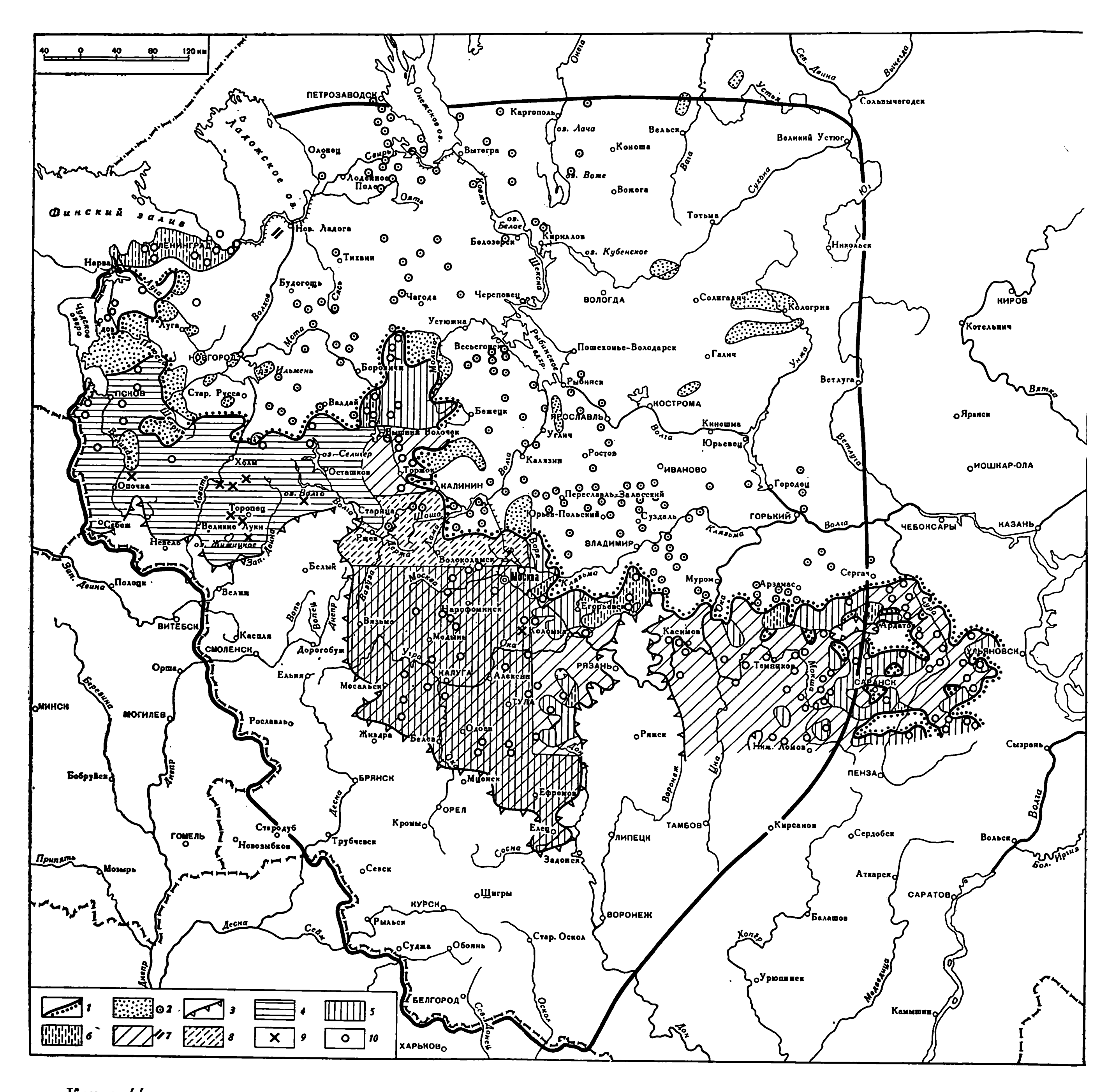
Предлагаемый очерк посвящается общей характеристике различения гласных в 1-м предударном слоге после мягких согласных; он содержит данные о произношении звуков в соответствии этимологическим *е*—*ě*—*а* и о характере территориального распространения разных случаев этого произношения. Вопрос о конкретных типах различения гласных после мягких согласных будет рассмотрен ниже при характеристике тех единиц диалектного членения, где эти типы выступают как элементы своеобразных систем вокализма, т. е. при описании вокализма отдельных групп говоров [18].

Переходя к описанию распространения различных случаев произношения каждого из предударных гласных, мы рассмотрим случаи такого произношения раздельно перед твердыми и перед мягкими согласными: различение гласных после мягких согласных гораздо отчетливее выступает перед твердыми, чем перед мягкими согласными, где в окающих говорах чаще наблюдаются факты совпадения гласных в связи с этим и размещение ареалов, отражающих произношение перед твердыми согласными, является также гораздо более определенным, этим мотивируется раздельное рассмотрение данных, характеризующих произношение предударных гласных в указанных позициях.

Большое значение при изучении лингвогеографических данных о произношении указанных гласных с целью рассмотрения вопросов исторического характера имеют наблюдения над сосуществованием разных типов произношения отдельных гласных, которое имеет неодинаковый характер на разных территориях. При этом следует иметь в виду не ту имеющую повсеместное распространение вариативность, которая широко наблюдается в современных окающих говорах именно при произношении предударных гласных после мягких согласных, а дифференцированное с территориальной точки зрения совмещение разных типов произношения одних и тех же гласных. Представление об этом дают карты, на которых при помощи разных графических средств показаны единичные случаи произношения гласных, сопутствующие основному типу их произношения в отличие от случаев более равноправного сосуществования разных типов произношения в тех или иных говорах.

1. Произношение гласных в соответствии этимологическому *е* (*ь*) перед твердыми согласными.

[18] Вопросы типологии различения гласных после мягких согласных впервые разрабатывались в последние десятилетия: см.: Р. И. Аванесов. Очерки; М. Г. Баранов. К вопросу о результатах древнего изменения *е* в *о* в первом предударном слоге в севернорусском наречии. Автореф. канд. дисс. М., 1955; ср. также разрешение вопросов этого рода при составлении соответствующих карт в «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», карты 3—8. М., 1958; С. К. Пожарицкая. К типологии предударного вокализма северновеликорусских говоров. «Материалы и исследования по русской диалектологии», Новая серия, вып. II. М., 1961 и др.

Карта 44

Расположение основных типов вокализма 1-го предударного слога после мягких согласных в пределах северного территориального подразделения:

1 — различение гласных в 1-м предударном слоге после мягких согласных; *2* — случаи произношения /а/ в соответствии *е* (реже *ě*) в 1-м предударном слоге перед твердыми согласными в говорах с различением гласных; *3* — общая граница диссимилятивных типов неразличения гласных в 1-м предударном слоге после мягких согласных.

Типы неразличения гласных в 1-м предударном слоге после мягких согласных в говорах с недиссимилятивным вокализмом: *4* — сильное яканье; *5* — иканье; *6* — еканье; *7* — умеренное яканье; *8* — ассимилятивно-умеренное яканье; *9* — элементы диссимилятивности реликтового характера при общем неразличении гласных; *10* — элементы различения гласных при их общем неразличении

По характеру произношения предударного гласного в соответствии *е* территория северного наречия может быть подразделена на две части: западную (между 32° и 39° в. д.) и восточную (между 39° и 46° в. д.). На первой части территории наблюдается в основном сосуществование произношения /е/ и /о/ в указанном положении: *н/е/сý* и */н'о/сý*, хотя при этом сосуществовании в ряде говоров прослеживается преобладание произношения /е/. Ареалы резко преобладающего или исключительного произношения /е/ здесь не так значительны (см. ареал к югу от Ладожского озера и ареал с г. Чагодой в в центре). Преобладающим на восточной части территории является произношение типа */не/сý*, уступающее, однако, в северном направлении тому же сосуществованию случаев типа */не/сý* и */н'о/сý*, при той же большей типичности и широте распространения гласного /е/.

В случаях произношения /е/ в 1-м предударном слоге */не/сý*, */ве/дý* и под. наблюдается несоответствие гласному под ударением, где в тех же морфемах в настоящее время преимущественно произносится /о/—*/н'о/с*, */в'о/л* и под. При оценке систем с гласным /е/ в 1-м предударном слоге с исторической точки зрения их следует рассматривать, как связанные с более архаическим состоянием ударенного вокализма (с /е/, не изменившимся в /о/). На территории северного наречия по говорам и в настоящее время нередко отмечают в разрозненных словах (различных в разных говорах), гласный *е*, не изменившийся в /о/ под ударением: */ле/н*, *при/вé/з*, */рé/вом*, *попе/рé/к*, */сé/стры*, *ве/сé/лый*, *ре/бé/нка*, *п/лé/тка*, *о/вé/с* и под. Возможно поэтому, что в говорах, где сосуществуют случаи произношения типа */не/сý* и */н'о/сý*, второй тип можно признать вторичным: развивавшимся по мере изменения /е/ в /о/ под ударением или усвоенным в процессе междиалектного взаимодействия из говоров, где произношение /о/ в соответствии ударенному и предударному /о/ после мягких согласных перед твердыми устанавливалось раньше.

Тем самым в говорах северного наречия или непосредственно представлено произношение предударного *е* в соответствии этимологическому *е* перед твердыми согласными, или такое произношение может быть признано первичным для большинства этих говоров, а сосуществующие с произношением /е/ случаи произношения /о/ в указанном положении — вторичными.

Такое произношение предударного *е*, равно как и данные, указывающие на возможность произношения /е/, не перешедшего в /о/ под ударением, с исторической точки зрения наиболее правомерно связать с новгородским диалектом, для которого была характерна во всяком случае задержка изменения *е* в /о/ (см. I, 1, § 2)[19].

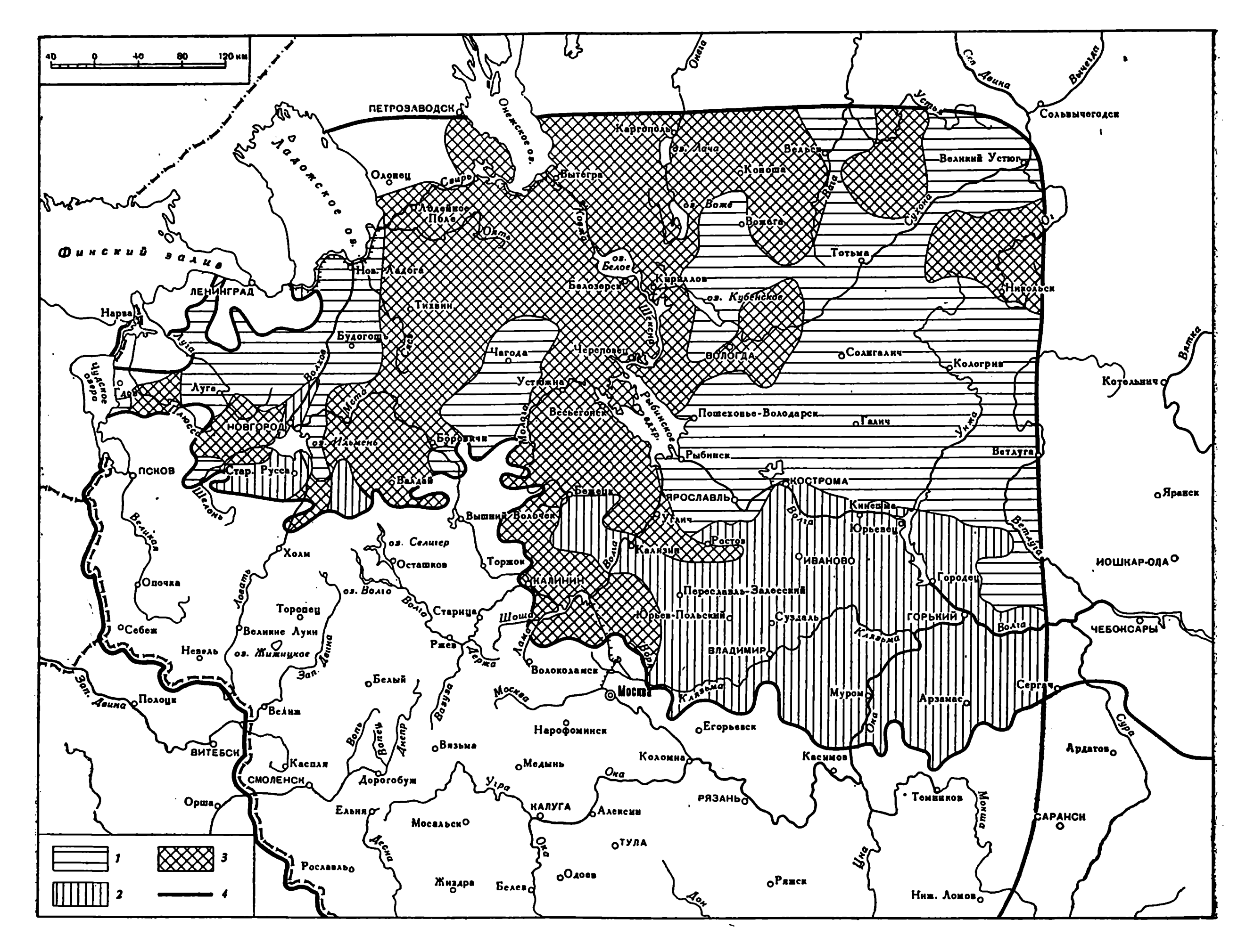
Иной должна быть оценка с исторической точки зрения резко преобладающего произношения /е/ в 1-м предударном слоге в говорах юго-восточной части территории северного наречия (говоры Костромской группы). Здесь, в этих ростово-суздальских по происхождению говорах, вторичным по ряду соображений должно быть признано произношение /е/, вытеснившее ранее последовательное произношение /о/ в том же положении (см. III, 4, § 3).

Наиболее регулярное произношение гласного /о/ в соответствии этимологическому *е* в 1-м предударном слоге характерно для восточных ср.-р. окающих говоров, в которых наблюдается тем самым последовательное соответствие предударного и ударенного гласных (см. IV, 3, § 2): */н'о/сý*, */в'о/дý* в соответствии */н'о/с*, */в'о/л* и под. Что же касается западных ср.-р. окающих говоров, то в их пределах размещены ареалы всех трех видов: преобладает более северный ареал произношения /е/ — */не/сý*, к нему примыкает ареал, в пределах которого сочетаются такие типы произношения как */не/сý* и */н'о/сý*, в южной части известен ареал более последовательного, хотя и далеко не исключительного произношения /о/ (*/н'о/сý*); реликтовых случаев с *е*, не изменившимся в *о* под ударением, в этих говорах не отмечают.

2. Произношение гласных в соответствии этимологическому *ě* перед твердыми согласными. В соответствии *ě* в положении перед твердыми согласными в большинстве северных и среднерусских говоров произносится /е/: */ре/кá* и под. Произношение /и/ в этом положении (нередко в сосуществовании с /е/, но во всяком случае в качестве преобладающего типа произношения) наблюдается на ограниченной территории в западной части северного наречия, см. также небольшой ареал такого произношения на севере, в районе оз. Лача.

Наряду с отмеченными на карте случаями произношения /и/, примерно на той же территории отмечены и случаи произношения *ê*, *͡ие* в соответствии *ě* под ударением. Случаи этого рода отмечают, как правило, в качестве реликтовых и потому единичных, в современных говорах с ними сосуществует обычно преобладающее произношение /е/ в соответствии *ě* под ударением в тех же говорах. В 1-м предударном слоге следы старого различения фонем *е* и *ě* утрачены в большинстве окающих говоров, поскольку в них преобладает произношение /е/

[19] Н. В. Горшкова. Автореф., стр. 16.

Карта 45

Произношение предударного гласного в соответствии *е* (ь) перед твердыми согласными:

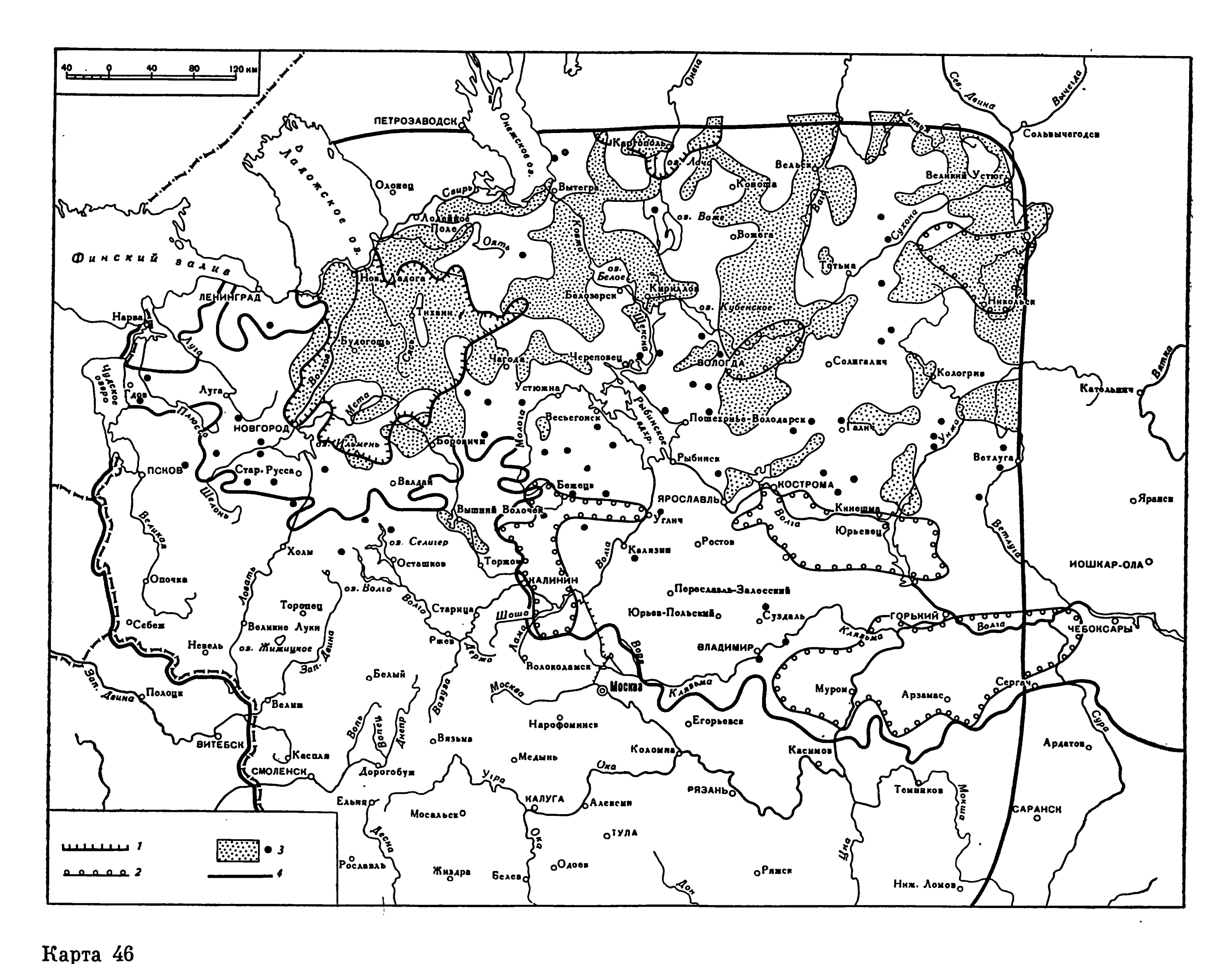
1 — /*е*/: *не*/*су́*; *2* — /*о*/: /*н'о*/*су́*; *3* — сосуществование /*е*/ и /*о*/: /*не*/*су́* и /*н'о*/*су́*; *4* — изоглосса оканья

как в соответствии *е* (ь), так и в соответствии *ě*. Различение гласных, соответствующих *е* и *ě*, наблюдается, таким образом, только в восточных ср.-р. окающих говорах: /*н'о*/*су́*, но /*ре*/*ка́*. В западной части говоров северного наречия, где произносят /*ри*/*ка́*, но /*се*/*ло́* или /*с'о*/*ло́*, *ě* и *е* исторически имели различную судьбу, но там сложилось совпадение этимологических *ě* и *и*.

Следовательно, дифтонгизация гласного, соответствовавшего этимологическому *ě*, получила свое дальнейшее непосредственное развитие (/*͡ие*/ изменилось в /*и*/) в той части говоров новгородского происхождения, которая продолжала существовать и развиваться в пределах наиболее основной с исторической точки зрения части территории древнего новгородского диалекта (территория современной Ладого-Тихвинской группы). Для говоров новгородского происхождения, находившихся на более удаленных территориях, характерна утрата различий между *ě* /*͡ие*/ и *е*, в чем можно видеть результат взаимодействия с носителями ростово-суздальского говора.

3. Произношение гласных в соответствии *а* перед твердыми согласными. По характеру произношения предударного гласного в соответствии *а* перед твердыми согласными выделяются те говоры северного наречия, территорию которых охватывает ареал произношения /*е*/ в этом случае: *пр*/*е*/*ла́* и под.

В пределах подобных говоров произношение предударного *е* не соответствует произношению ударенного гласного — *п*/*ре*/*ла́* при *п*/*р'а*/*л*, *в*/*зе*/*ла́* при *в*/*з'а*/*л* и под., так как чередование

Карта 46

Произношение гласных в соответствии предударному и ударенному ě перед твердыми согласными.

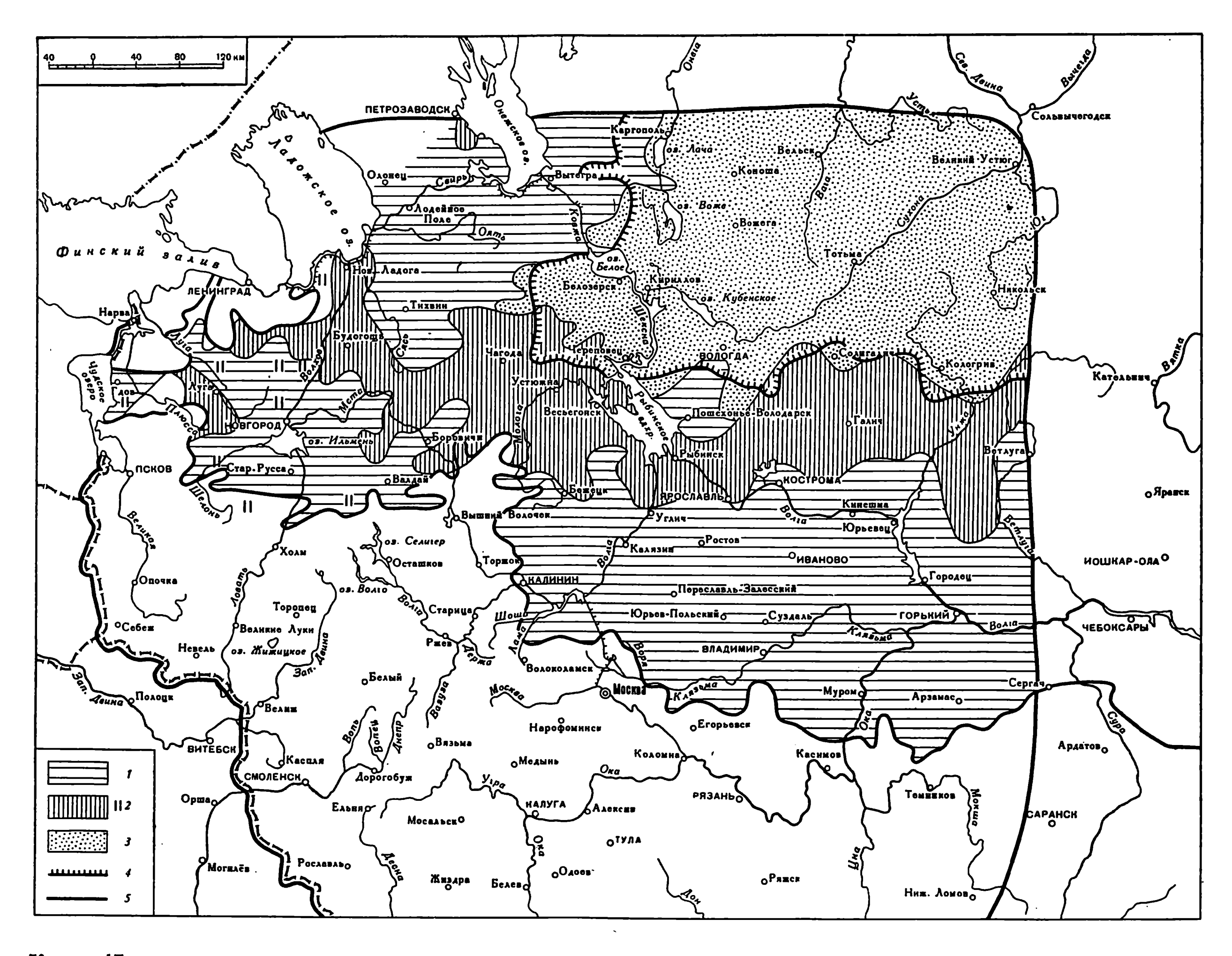
В предударном слоге: *1* — */и/—/ри/ка́*; *2* — отдельные случаи произношения */о/—/р'о/ка́*; под ударением: *3* — */и/—/би́/лый*; *4* — изоглосса оканья

/*а*/ с /*е*/ под ударением известно в говорах северного наречия только в положении между мягкими согласными (см. ниже). Ареал произношения предударного *а* после мягких согласных перед твердыми, как /*е*/, расположен в южной части северного наречия, в основном южнее 59° с. ш., и охватывает эту часть территории почти полностью. Соображения о том, в каких условиях могло сложиться подобное несоответствие произношения ударенного и предударного *а*, см. ниже, III, 4, § 3. На остальной (большей) части территории северного наречия, к северу от 59° с. ш., в указанных случаях регулярно произносится /*а*/: *п*/*р*'*а*/*д*у́ и под. Такое же произношение характерно и для восточных ср.-р. окающих говоров. Для западных ср.-р. окающих говоров характерно в основном произношение /*а*/ (*п*/*р*'*а*/*д*у́); случаи с /*е*/ в них единичны.

4. Произношение гласных в соответствии этимологическим *е*, *ě* перед мягкими согласными.

Совместное рассмотрение указанных случаев произношения определяется тем, что в положении перед мягкими согласными наиболее часто наблюдается совпадение в произношении гласных, соответствующих *е* и *ě*.

Произношение /*и*/ в соответствии *ě* (или также *е*) в 1-м предударном слоге, как правило, не вполне последовательное в его современном состоянии явление и по-разному осуществляется в различных говорах северного территориального подразделения.

Карта 47

Произношение ударенного и предударного гласного в соответствии *а*:

В первом предударном слоге перед твердыми и мягкими согласными: *1* — /*а*/—*п*/*р'а*/*ду*—*п*/*р'а*/*дú*; *2* — /*е*/—*п*/*ре*/*дý*—*п*/*ре*/*дú*; *3* — /*а*/—/*е*/—*п*/*р'а*/*ду*—*п*/*ре*/*дú*; под ударением: *4* — произношение /*е*/ в положении между мягкими согласными; *5* — изоглосса оканья

В пределах северного наречия оно наблюдается преимущественно в соответствии *ě* и реже в соответствии *е*, причем случаи обоих этих типов далеко не всегда фиксируют в одних и тех же говорах. Можно лишь отметить, что варианты с /*и*/, особенно в соответствии *ě*, имеют относительно более интенсивное распространение на территории, где *ě* произносится как /*и*/ и перед твердыми согласными (при наличии /*ри*/*кá* также и /*ри*/*кé*). Таким образом, на карте выделена лишь примерная территория изучаемого явления в пределах северного наречия, где наряду с /*ри*/*кú*, можно встретить и произношение /*ре*/*кú*, а при более обычном /*не*/*сú* изредка и /*ни*/*сú*. При таком характере распространения указанных случаев произношения видимо следует считать наиболее типичным для говоров северного наречия, находящихся в пределах описываемого ареала, различение *е* и *ě* в положении между мягкими согласными, т. е. произношение /*ри*/*кé*, но /*не*/*сú*.

В большинстве говоров данной территории произношение /*и*/ в случаях типа в /*ри*/*кé* соответствует произношению гласного /*и*/ из *ě* под ударением /*мú*/*сяц*, /*бú*/*ленький* и под. В соответствии *е* в данных говорах произносится преимущественно /*е*/ — /*де*/*нь* и под., но в некоторых из них отмечают также произношение /*и*/ — /*ди*/*нь* и под.

За пределами северного наречия на территории западных ср.-р. окающих говоров в 1-м предударном слоге преобладает произно-

шение /е/ в соответствии как *ě*, так и *е*; изредка отмечены, наиболее достоверные в восточной части территории этих говоров и имеющие рассеянное распространение, случаи произношения /и/ преимущественно в соответствии *е*.

В говорах юго-восточной части северного наречия (к югу от 58° с. ш.) и в восточных ср.-р. окающих говорах преобладающим является произношение /е/ перед мягкими согласными как в соответствии *ě*, так и в соответствии *е* — /ре/*кú*, /*не*/*сú*, что соответствует, особенно в восточных ср.-р. говорах, ударенному *е* в обоих этих случаях: /*мé*/*сяц*, /*де*/*нь*.

Отмечаемое на части территории восточных ср.-р. говоров произношение /и/ в качестве преобладающего в изучаемых случаях характеризуется тем, что при наличии этого произношения его отмечают как в соответствии *ě*, так и в соответствии *е* (см. ниже, IV, 3, § 2).

5. Произношение гласных в соответствии *а* перед мягкими согласными. Что касается произношения гласных в соответствии *а* в первом предударном слоге между мягкими согласными (см. карту 47), то следует отметить, что ареал произношения /е/ в этом положении в южной своей части совпадает с ареалом произношения *а* как /е/ перед твердыми согласными (в таких говорах произносят тем самым *п*/*ре*/*лá* и *п*/*ре*/*дú*, как это имеет место, например, в говорах Костромской группы и др. Резко расширяясь в северо-восточном направлении, ареал произношения /е/ в соответствии *а* между мягкими согласными охватывает говоры, где тем самым произносят (*п*/*р'а*/*лá*, но *п*/*ре*/*дú*), как это имеет место в говорах Вологодской группы. Именно в говорах Вологодской группы чередование /а/ и /е/ в 1-м предударном слоге в зависимости от твердости и мягкости последующих согласных соответствует аналогичному чередованию тех же гласных под ударением: *в*/*зе*/*ть*, но *в*/*з'а*/*л*, а также *п*/*ре*/*дú*, но *п*/*р'а*/*лá*. В говорах типа костромских и подобных им чередование /а/ и /е/ под ударением отсутствует, и произношение *п*/*ре*/*дú* и *п*/*ре*/*лá* является в них по характеру соотношения ударенного и предударного гласных фонетически необусловленным, что делает возможным предположение о возникновении такого произношения при взаимодействии с говорами, где чередование /а/ и /е/ является фонетически закономерным. При таком взаимодействии продуктивным могло оказаться произношение /е/ в предударном положении вне зависимости от качества последующих согласных, поскольку произношение /е/ известно в костромских говорах в соответствии *е* и *ě* также в положении и перед твердыми, и перед мягкими согласными (см. III, 4, § 3).

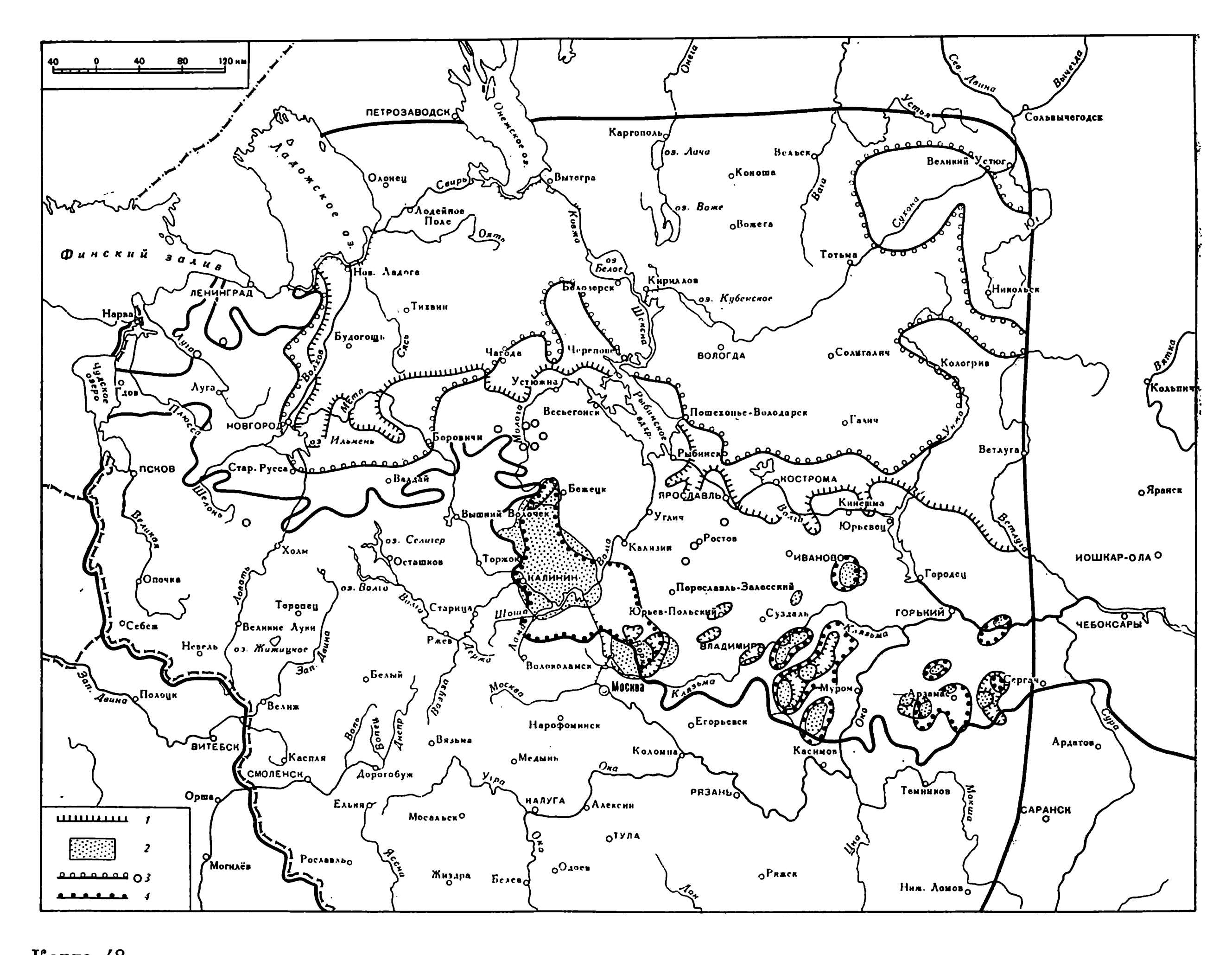
В западных ср.-р. окающих говорах преобладает произношение /а/ в 1-м предударном слоге; единичны говоры, где произносится *п*/*р'а*/*лá*, но *п*/*ре*/*дú*, или говоры, где произносится *п*/*ре*/*лá* и *п*/*ре*/*дú*.

Наиболее последовательно произносится /а/ в 1-м предударном слоге перед мягкими (как и перед твердыми) согласными во Владимирско-поволжских говорах: *п*/*р'а*/*лá*, *п*/*р'а*/*дú*; известно такое произношение и в большинстве говоров Ладого-Тихвинской группы (ее северной части).

Как уже говорилось выше, вопрос о типах вокализма будет рассмотрен ниже при анализе систем отдельных групп говоров. Задачей настоящего вступительного очерка является выявить основные случаи расположения ареалов различного произношения предударных гласных, имеющих разное происхождение, часто не совпадающих непосредственно с пределами отдельных групп говоров.

В заключение остановимся еще на одном явлении из области предударного вокализма после мягких согласных, которое распространено в пределах северного наречия в основном вне связи с его разделением на группы говоров. Так, в ряде говоров северного наречия наряду с основной системой различения (или частичного неразличения) гласных отмечают наличие звуков типа *а* (в ответах — знаки транскрипции /$а^е$/, /$е^а$/, /ä/), см. выше, на карте 44, обозначение говоров, знающих это явление. Этого рода звуки преимущественно произносятся в соответствии этимологическому *е* перед твердыми согласными (/*н'ä*/*сý*, /*н'*$а^е$/*сý*, /*н'*$е^а$/*сý* и под.), реже в соответствии *ě* (/*ре*^{а}/*кá'* и под.). При описании характера вокализма соответствующих говоров это явление нередко характеризуют как не входящее в основную систему произношения предударных гласных, являющееся факультативным, сопутствующим основным типам предударного вокализма.

При объяснении данного явления возможны различные предположения. Так, возможно допущение о появлении звука типа *а* под влиянием якающих говоров. Можно также видеть в названных звуках отражение особого физического качества предударного *е*, становящегося в определенной части говоров открытым звуком в положении перед твердыми согласными (см. наиболее распространенный знак транскрипции /$е^а$/ при передаче данного звука). Возможно также и предположение о распространении /а/ на основе процессов внутреннего характера, направленных к утрате различения гласных

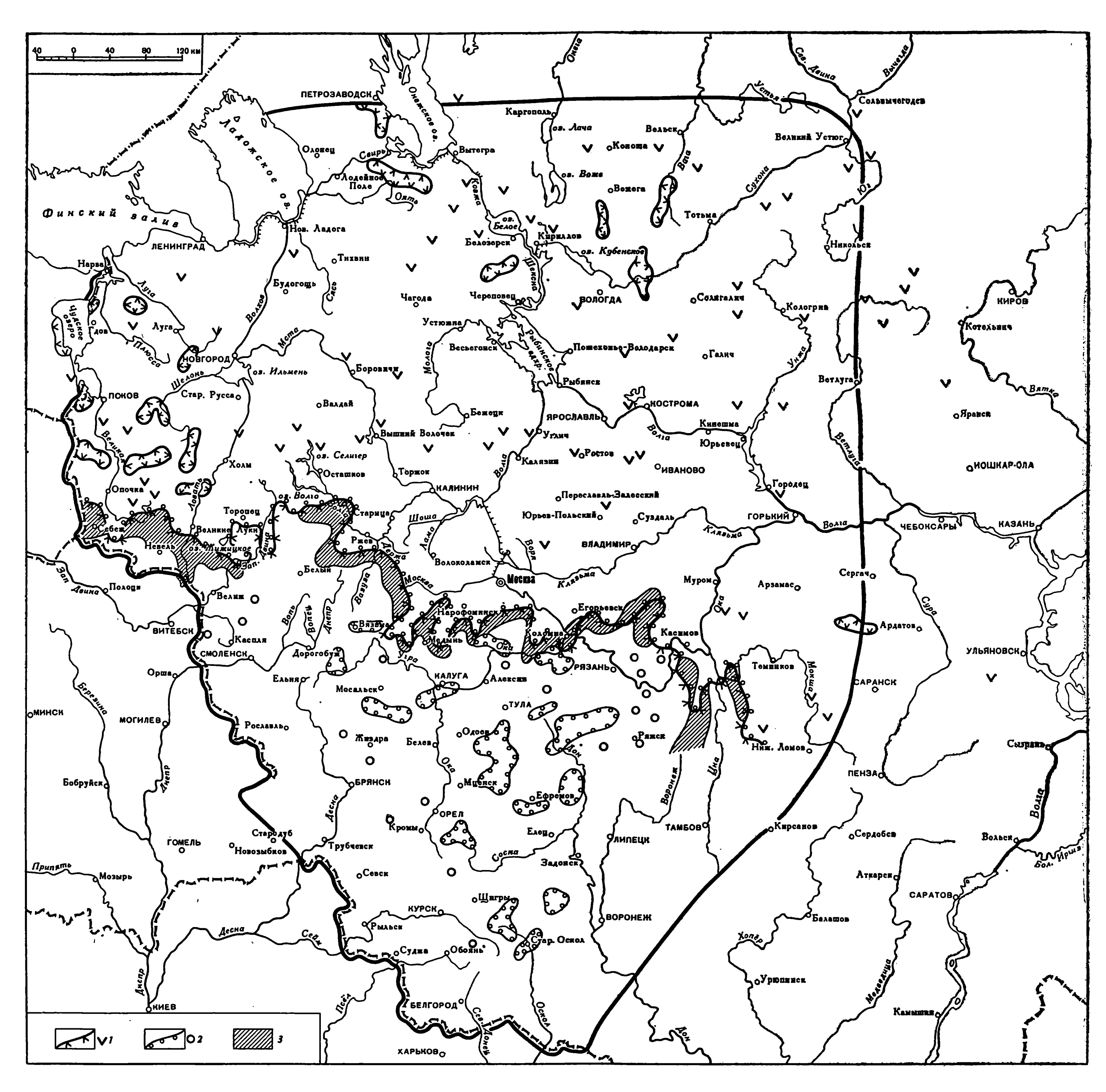
Карта 48

Произношение /и/ в соответствии *ё* и *е* перед мягкими согласными:

Под ударением: *1* — /и/ в соответствии *ё* (при редких случаях произношения /и/ также в соответствии *е*); *2* — /и/ в соответствии *ё* и *е* в первом предударном слоге: *3* — /и/ в соответствии *ё* при возможности того же произношения в соответствии *е*; *4* — /и/ в соответствии *ё* и *е*

за счет распространения того из предударных гласных, который имеет наилучшую поддержку во многих северных говорах в произношении ударенного гласного, т. е. в гласном /а/. География интересующего нас явления прежде всего заставляет отвергнуть предположение о влиянии якающих говоров, поскольку произношение /$е^а$/ встречается далеко не только в говорах, расположенных по соседству с ними (см. карту 44). Наиболее ярким является тот факт, что случаи типа /н'а/сý отмечают преимущественно за пределами говоров, знающих произношение /е/ в соответствии ударенному /а/, в связи с чем при случаях типа /н'а/сý отсутствует произношение *п/ре/дý*, *п/ре/дú* или *п/ре/сть*, а регулярно представлено *п/р'а/дý*, *п/р'а/дú*. Тем самым оказывается, что данное явление чуждо говорам Вологодской или Костромской групп говоров (за исключением западной окраины этой последней). Наиболее широко, хотя и неповсеместно, оно представлено во Владимирско-Поволжской группе говоров. Рассеянное распространение этого явления наблюдается далее в северо-западном направлении (западная часть территории северного наречия).

Все сказанное делает наиболее допустимым предположение о развивающемся в подобных говорах процессе обобщения предударных гласных, идущем по типу того ударенного гласного, который наиболее регулярно сохраняется в предударном положении, т. е. гласного *а*. Процессы этого рода должны быть отнесены к числу позд-

Карта 49

Звонкие твердые задненебные согласные и их оглушение:

1 — согласный /ɣ/, оглушаемый в виде /х/; *2* — согласный /г/, оглушаемый в виде /к/; *3* — территория говоров с наиболее регулярным сосуществованием /г/ и /ɣ/

них; идущие на основе обобщения иных гласных, они не чужды и другим группам говоров северного наречия.

Обзор произношения безударных гласных после мягких согласных мы ограничим позицией 1-го предударного слога. Произношение гласных во 2-м предударном слоге после мягких согласных не изучалось специально при подготовке диалектологических атласов русского языка. На основании имеющихся данных можно лишь указать, что в этом положении, как и в положении после мягких согласных вообще, чаще выступает частичное различение или даже совпадение гласных неверхнего подъема с гласным /и/.

Произношение заударных гласных после мягких согласных, нередко различное в разных морфологических категориях, варьируется в отношении характера распространения в основном на восточной части территории северного наречия и в пределах восточных ср.-р. говоров. В связи с этим данное явление рассматривается в разделе, посвященном изучению Владимирско-Поволжской группы говоров (см. IV, 3, § 2).

§ 6. Звонкие твердые задненебные согласные и их оглушение.

Различия в отношении качества звонких твердых задненебных согласных принадлежат благодаря присущей им определенности территориального распространения к числу весьма существенных для характеристики диалектных объединений русского языка. Для говоров северного наречия, взятых в целом, характерна фонема ‹г›, воплощенная в звуке звонком, задненебном смычном, оглушаемом в конце слога перед глухими согласными в виде /к/: */г/ора́*, *но/г/а́*, *ля́/г/у*, но *но/к/*, *улё/к/ся*. Та же пара соотносительных по звонкости и глухости фонем ‹г›—‹к› характерна для подавляющего большинства ср.-р. говоров (особенности частного характера в употреблении /г/—/γ/ в этих говорах см. в разделах IV и V).

Для говоров южного наречия характерен согласный /γ/, звонкий, задненебный, фрикативный, в конце слова и слога оглушаемый в виде /х/: */γ/ора́*, *но/γ/а́*, *ля́/γ/у*, но *но/х/*, *улё/х/ся*. Как показывает приведенная карта, граница между двумя названными типами образования задненебной звонкой фонемы является достаточно определенной и на современном этапе развития говоров русского языка, хотя некоторое распространение /γ/ на территории северного наречия и /г/ на территории южного наречия и имеет место. В данном очерке остановимся на условиях распространения /γ/ в говорах северного наречия. Специальное изучение условий распространения /г/ на территории южного наречия будет осуществлено при изучении его истории: в настоящее время оно представляется связанным преимущественно с влиянием литературного языка или отмечено в говорах, носители которых являются переселенцами с северных территорий.

Возможность употребления /γ/, оглушаемого в виде /х/, в говорах северного наречия имеет иной характер и значение. При этом имеется в виду не столько наличие /γ/ в отдельных единичных говорах северного наречия, что показано на карте, но также и то, что в большинстве этих говоров издавна широко известно употребление /γ/—/х/ при наличии некоторых дополнительных условий. Таково, например, употребление /γ/ — /х/ в словах, связанных в прошлом с церковно-религиозным обиходом: *бо́/γ/а — бо/х/*, *бо/γ/а́т*, *убо́/γ/а — убо/х/*, *бла́/γ/о — бла/х/*, */γ/оспо́дь*, */γ/осуда́рь* и под. Употребление пары /γ/—/х/ представлено в говорах сев. наречия и в звукоподражательных или междометных словах таких, как */γ/у́кает*, */γ/о/γ/о́чет*, *ре/γ/о́чет* или *ро/γ/о́чет*, */γ/у́мчит*, */γ/у́кает*, */γ/а́мкает*, *а/γ/а́*, *о/γ/о́* и под. При наличии в говорах северного наречия форм прилагательных с окончанием *-ого* в этом окончании в ряде случаев отмечают колебания в употреблении /г/—/γ/: *но́во/г/о*, *но́во/γ/о* и под. Произношение /γ/ отмечают наряду с возможным /г/ в словах *ко/γ/да́*, *то/γ/да́*, */γ/де*, если только эти слова вообще произносятся с задненебным согласным (ср. широко встречающееся в говорах северного наречия произношение *ко/в/да́*, *ко/л/да́*). В более позднее время традиция употребления /γ/ в словах церковно-книжного происхождения, видимо, вообще распространяется на слова, усваиваемые из литературного языка; *бри/γ/а́да*, *бри/γ/ади́р* и под; при наличии мягкого /γ'/ в заимствованных словах наблюдается замена его на /j/: */й/ерма́ния*, */й/ера́нь*, */й/еро́й*, */й/енера́л* и под.

Следует отметить также часто встречающееся произношение с /γ/ слова *мно́/γ/о* при отсутствии более широкого употребления /γ/ в говоре. Таким образом, большинству говоров северного наречия широко известно ограниченное моментами лексического (реже морфологического) характера употребление /γ/, оглушаемого в виде /х/. В отличие от такого ограниченного в лексико-морфологическом отношении употребления /γ/—/х/ — свободное употребление этих согласных в разных положениях в слове как с точки зрения фонетических позиций (перед гласными, в сочетаниях с согласными в начале

и на конце слова), так и морфологического членения слова встречается лишь в единичных говорах северного наречия, причем не бывает, как правило, исключительным в каждом отдельно взятом говоре: случаи фрикативного произношения согласного всегда сопровождаются преобладающими в количественном отношении случаями взрывного произношения; а оглушение /γ/ в виде /*х*/ также встречается лишь в единичных случаях. Определенный интерес представляют при этом неоднократно отмечаемые случаи произношения своеобразной аффрикаты /$г^{γ}$/ — особого звонкого задненебного согласного с ослабленным взрывом и усиленной фрикацией.

В целом же с территориальной точки зрения /γ/—/*х*/ и /*г*/—/*к*/ являются четко противопоставленными друг другу: полоса, в которой наблюдается факультативность употребления /γ/ и /*г*/ весьма незначительна, кроме, впрочем, западного отрезка границы между двумя этими ареалами. Здесь, преимущественно на зап. части территории Псковской группы, встречается значительное количество говоров, в которых, опять-таки при преобладающем произношении взрывного /*г*/, наблюдается произношение /γ/ в меньшем количестве случаев, но возможное в различных фонетических условиях и в пределах разных морфем. Такой характер распространения /γ/ на данной территории явно свидетельствует о вторичном его характере и о появлении здесь одновременно с другими чертами южного наречия или юго-западной зоны, распространение которых характеризует говоры южной части территории Псковской группы.

Мы не имеем возможности и необходимости освещать ход дискуссии, развернувшейся при разработке исторической фонетики славянских языков, по вопросу о времени возникновения изменения /*г*/ в /γ/. Подчеркнем лишь, что данные лингвистической географии поддерживают мнение тех исследователей, которые считали правильным относить это изменение не к праславянскому, а к историческому, хотя и достаточно раннему периоду. Весьма убедительные аргументы по данному вопросу были приведены в свое время А. М. Селищевым [20], указывавшим, что «*g* > γ один из ранних процессов отдельной жизни славянских групп». Т. Лер-Сплавинский, полемизируя по этому же вопросу с А. А. Шахматовым, указывал, что, хотя изменение *g* > γ известно и некоторым другим славянским языкам, следует считать, что осуществлялось оно в пределах отдельных славянских языков [21]. Возникновение данного явления на раннем этапе самостоятельного существования отдельных славянских языковых групп принимает и ряд современных исследователей [22]; так, например, Р. И. Аванесов считает, что «*г* фрикативное, распространившееся по всей Русской земле, образовалось в более ранний период ее относительного единства, т. е. до половины XII в.» (стр. 44—45). Расположение ареала произношения /γ/, оглушаемого в виде /*х*/ на всей территории южного наречия и употребление здесь этой пары соотносительных фонем на основе той же закономерности, что и в других восточнославянских языках [23], свидетельствует о возникновении произношения /γ/ в достаточно раннее время, предшествующее обособлению отдельных частей восточнославянской территории друг от друга. Изменение *г* > γ в пределах будущей территории распространения русского языка могло возникнуть на территории бывшей Черниговской волости (равно, как и примыкающих к ней с запада земель — Киевской, включающей Турово-Пинскую и Берестейскую), которая сложилась к середине XII в. и владения которой находились в непосредственном соседстве с Рязанским княжеством, куда это новообразование могло в дальнейшем распространяться, поскольку «нарастание Черниговской волости шло, таким образом, от юго-западной части ее в северном и восточном направлениях» [24].

Итак, по данным лингвистической географии изменение *г* > γ должно быть отнесено во всяком случае не к праславянскому периоду, а ко времени XI—XII вв., когда имелись определенные условия для противопоставления южной территории, занятой восточнославянским населением (Черниговская волость и сферы ее влияния), территориям Смоленской, Псковской, Новгородской и Ростово-Суздальской областей вместе взятым, что и создало основу для развивавшегося в дальнейшем противопоставления южного и северного территориальных подразделений в пределах русского языка.

---

[20] А. М. Селищев Критические замечания, стр. 35.

[21] T. Lehr-Spławiński. Stosunki pokrewieństwa. . ., стр. 56—57.

[22] Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка. ВЯ, 1952, № 6; С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 295—296. R. Krajčovič. Zmena g > γ (> h) v zapadnoslovanskej skupine. «Slavia», XXVI, N 3, 1957, с р. 341.

[23] Мы оставляем в данном случае в стороне вопрос о распространении фарингального *h*, считая, что этот согласный представляет собой следующую ступень изменения /γ/.

[24] А. Н. Насонов. Русская земля. М., 1951, стр. 61.

Возможность употребления /γ/ в говорах северного наречия, хотя и ограниченная в разных отношениях, свидетельствует скорее всего о том, что в принципе тенденция изменения /*г*/ — /γ/ не была чуждой восточнославянским языкам в целом, т. е. в том числе и говорам северного территориального подразделения русского языка, поэтому при усвоении слов церковно-книжного происхождения они не осваивались по закономерностям фонетики северных говоров, а в них устойчиво произносилось /γ/. Следует обратить внимание и на то, что если мы возьмем всю совокупность случаев, в которых по говорам северного наречия отмечают произношение /γ/ (слова книжно-литературного происхождения, звукоподражательные и междометные слова, окончания прилагательных, слово *много*), то в большинстве этих случаев согласный *г* находится в интервокальном положении, которое, может быть, и является фонетической позицией, способствовавшей утрате смыка при произнесении звонкого задненебного согласного [25].

Анализируя находившиеся в его распоряжении факты употребления /*г*/ — /γ/ в говорах северного наречия, А. М. Селищев писал: «*g* > γ не было чуждо и севернорусской группе. При благоприятных обстоятельствах этот переход с дальнейшим изменением произошел во многих частях этой группы» [26].

Тем самым северные говоры русского языка можно отнести к числу таких, в которых тенденция изменения *г* в /γ/ начала действовать позднее и лишь в ограниченных фонетических условиях. Дальнейшее развитие этой тенденции было задержано тем, что произношение /*г*/ стало нормой литературного языка. В связи с тем, что охарактеризованные случаи произношения /γ/ в говорах северного наречия не локализованы в территориальном отношении, трудно связать склонность к употреблению /γ/ с той или другой из диалектных групп древнерусского языка, участвовавших в образовании говоров северного наречия (Новгородской или Ростово-Суздальской) [27].

[25] О роли данных фонетических условий для изменения *г* > γ в севернорусских говорах см.: П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии, стр. 167—168.

[26] А. М. Селищев. Критические замечания. . ., стр. 36.

[27] Ср. предположение К. В. Горшковой о том, что уже новгородскому и псковскому диалектам по говорам были известны фонемы ⟨*г*⟩ и ⟨γ⟩ (автореф., стр. 26).

Глава третья

ЯВЛЕНИЯ-ИННОВАЦИИ РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

§ 1. Общая характеристика распространения подобных явлений

Большинство явлений, в результате исследования которых предполагается, что очагом их первоначального возникновения были говоры центральных территорий Ростово-Суздальской земли, не имеет изоглосс в пределах распространения говоров русского языка. Это особенно относится к тем явлениям, которые развились в среде этого диалекта в раннее время, предшествовавшее активному распространению его носителей в северном направлении на будущую территорию северного наречия русского языка, а также предшествовавшее тому периоду, когда ростово-суздальский диалект теряет свое исключительное значение в дальнейшем языковом развитии Великого княжества Московского, вступавшего во все укреплявшиеся связи с говорами более южных территорий. Именно этот круг более ранних по времени возникновения черт, входивших в состав общенародных норм, терял в дальнейшем территориально ограниченный характер и получал широкое распространение в говорах разных территорий, вытесняя в ряде случаев собственно местные присущие этим говорам языковые особенности. Такие явления, как изменение *е* в /о/ под ударением перед твердыми согласными, как образование соотносительных пар губных спирантов ‹*в*›—‹*ф*›; ‹*в'*›—‹*ф'*›, как утрата смычного элемента в звуковых сочетаниях /*ш'т'ш*/, /*ж'д'ж'*/ и ряд других явлений фонетического и грамматического характера становятся в истории языкового строя русского языка безразличными к фактору территории при их распространении. Лишь весьма условно и в разных пределах для разных из этих явлений выделяется в дальнейшем территория так называемых центральных говоров, противопоставленных говорам периферии (см. III, 4, § 1), или территория говоров юго-востока, противопоставленных одновременно говорам как северных, так и западных территорий (см. II, 5). При этом противопоставленные периферийным говорам центральные говоры выделяются лишь, как такие, в пределах которых языковые особенности ростово-суздальского происхождения распространены исключительно, вне сосуществования с диалектными вариантами тех же явлений, что и указывает на возникновение подобных явлений именно на данной территории в ходе развития местных разновидностей народной речи.

Успешностью распространения многих языковых особенностей ростово-суздальского происхождения, особенно совпадающих по своему характеру с нормами общенародного языка, объясняется в ряде случаев и непоследовательность распространения определенного круга диалектных явлений в пределах периферийных говоров, в частности в ряде говоров на территории северного наречия, причем за пределами северного наречия, в других диалектных объединениях те же явления сохраняются в ряде случаев гораздо более последовательно (обзор таких случаев см. II, 5).

В связи со всем сказанным ниже будут рассмотрены только те явления ростово-суздальского происхождения, которые независимо от того, входят ли они в состав норм общенародного языка или нет, имеют изоглоссу и достаточно определенный ареал в пределах территории распространения русских народных говоров, что связано, как увидим это ниже при анализе данных явлений, со временем их возникновения.

В качестве таких явлений далее рассматриваются следующие.

1. Процессы выпадения интервокального /j/ в различных грамматических категориях и последующие изменения во вновь возникающих сочетаниях гласных.

2. Вопросы, связанные с образованием форм личных местоимений 1-го и 2-го л. и возвратного.

По характеру распространения эти явления, в основном характерные для всех говоров северного территориального подразделения, имеют однако различия в этом отношении в пределах отдельных диалектных объединений, находящихся в его пределах, т. е. в северном наречии, в западных ср..-р. и в восточных ср.-р. говорах. Так, наибольшую последовательность распространения названных явлений наблюдаем обычно на территории восточных ср.-р. говоров. В их же пределах отмечается и наивысшая степень завершенности процессов, как это наблюдается, например, по отношению к процессам, связанным с выпадением интервокального /j/. В отличие от этого в пределах говоров северного наречия и западных ср.-р. отмечают, хотя бы и в небольшом количестве говоров, сохранение более архаического состояния данных звеньев системы или более раннее состояние развития тех или иных явлений. В тех случаях, когда явление ростово-суздальского происхождения не вошло в состав общенародной нормы, как например выпадение интервокального /j/, непоследовательность его распространения на территории северного наречия, а особенно западных ср.-р. говоров, прослеживается наиболее отчетливо.

§ 2. Выпадение интервокального /j/ и последующие изменения в сочетаниях гласных звуков

Неустойчивость /j/ в интервокальном положении в определенных положениях в слове и развитие связанных с его выпадением процессов во вновь возникающих при этом сочетаниях гласных наблюдаются в истории славянских языков на разных, в том числе и достаточно поздних, этапах их существования. Известно это явление и восточнославянским языкам — русскому, украинскому, белорусскому, хотя по говорам этих языков наблюдается как разная интенсивность его реализации, так и различия в сфере охватываемых явлением сочетаний и категорий.

В предлагаемом очерке мы сосредоточим внимание преимущественно на тех случаях выпадения интервокального /j/ и изменениях во вновь возникающих сочетаниях гласных, которые обладают достаточной широтой распространения и территориальной приуроченностью, тем более, что за предшествующие годы разработка вопросов этого рода имела место [28].

В говорах русского языка выпадение /j/ в интервокальном положении имело место в определенных формах прилагательных и глаголов. При этом наиболее специфичными для говоров русского языка являются факты выпадения /j/ (а также во многих говорах ассимиляции и стяжения гласных) именно в глагольных формах, так как аналогичные явления в прилагательных известны, хотя и в разной степени, также и говорам других восточнославянских языков (см. ниже). В связи с этим начнем данный очерк именно с глагольных форм, которые испытывали указанные изменения в основном в говорах северного наречия и ср.-р. окающих говорах (см. карту 50).

В связи с тем, что утрата /j/ в определенном кругу глагольных форм имеет еще и в настоящее время в ряде говоров северного наречия характер живого фонетического процесса, должны быть рассмотрены как фонетические, так и морфологические условия, в которых наблюдается эта утрата. Так, глагольные формы, в которых может быть утрачен /j/, все имеют этот согласный в положении после ударенного гласного в интервокальном положении в составе конечного слога, в одних случаях непосредственно после ударенного гласного — *зн/áйе/т*, *ум/éйе/т*, иногда не непосредственно — *дýм/айе/т*, поэтому в дальнейшем мы будем говорить в случаях первого типа об ударенных, а в случаях второго типа — о безударных стягиваемых сочетаниях. При наличии /j/ в положении перед ударенным гласным — *д/айó/т*, *гн/ийó/т* и под. выпадения /j/ не наблюдается. В положении не в конечном слоге выпадение /j/, видимо, тормозилось, в связи с чем формы типа *зн/á/те*, *дýм/а/те* (2-е л. мн. ч.) встречаются не так регулярно, как *зн/а/т* или *дýм/а/т*.

Не исключено предположение, что выпадение /j/ в одних случаях и сохранение его в других было первоначально связано и с составом гласных, входящих в сочетание, ср. наличие /j/ в глагольных формах в ударенных сочетаниях, включающих гласный /у/, ср. постоянное наличие /j/ в формах 1-го л. ед. ч. *зн/áйу/*, *ум/éйу/* и в формах 3-го л. мн. ч. *зн/áйу/т*, *ум/éйу/т* и под.; ср. и тот факт, что стяженные формы

[28] Т. С. Коготкова. Утрата интервокального /j/ и стяжение гласных в русских говорах. Автореф. канд. дисс. Л., 1953; Она же. Стяжение гласных в русских говорах в его отношении к различным морфологическим категориям. «Материалы и исследования по русской диалектологии», Новая серия, вып. II. М., 1961, стр. 78—96.

от глаголов типа *обýть* (*об/ý/ш*, *об/ý/т*) или *торговать* (*торг/ý/ш*, *торг/ý/т*), крайне редки по говорам. Впрочем возможно, что сохранение /j/ в части этих случаев, а именно в формах типа *зн/áйу/—зн/áйу/т*, может быть объяснено и морфологически; при его выпадении и стяжении сочетания /*ау*/ или /*еу*/ у ряда глаголов возникали бы недопустимые по причинам морфологического характера различия в образовании основ настоящего времени таких глаголов. В прилагательных, где стяжение гласных не меняет соотношения основ, оно наблюдается в любых сочетаниях гласных. Все сказанное относится, однако, к говорам, не знающим редукции заударных гласных: в заударном сочетании *айу* *дýм/айу/т* при редукции гласного *а* стяжение происходит во всех формах: *дýм/у/—дýм/а/т—дýм/у/т*. На основании этого можно думать, что большую роль играет также соотношение гласных, окружающих /j/: редукция гласного, предшествующего /j/, делает возможным стяжение и при наличии /*у*/.

Следует также отметить, что в пределах отдельных парадигм по говорам далеко не всегда отмечают всю совокупность форм, в которых выпадение /j/, ассимиляция и стяжение гласных являются возможными. Наиболее распространенными из числа форм, отражающих эти процессы, являются формы 3-го л. ед. ч. различных глаголов, ареалы которых и отражены на имеющихся в нашем распоряжении картах: именно эти ареалы и будут рассмотрены ниже в качестве показательных для характера территориального распространения глагольных форм с отсутствием /j/ вообще.

Лишь в результате более интенсивного изучения материалов по отдельным говорам, представляющим наиболее последовательное распространение стяженных глагольных форм, может быть определен круг типичных глагольных парадигм, отражающих выпадение интервокального /j/. Такого рода парадигмы представлены в недавно вышедшем из печати курсе «Русской диалектологии»[29], где они объединены в качестве особого (III) спряжения, характеризующегося отсутствием гласных в составе окончаний, тем самым непосредственно присоединяемых к основе. Таким образом, эти парадигмы намечены на основании материалов по тем говорам, где в глагольных формах представлено не только выпадение /j/, но и последующая ассимиляция и стяжение гласных, так как только эти формы дают основание для их выделения в особый тип спряжения. Однако для целей исторического изучения имеет существенное значение и распространение таких парадигм глаголов, в основах которых отражено выпадение /j/, но гласные представлены также и в нестянутом (или и неассимилированном) виде. Поэтому формы, образующие каждую из парадигм, которые мы приводим в том виде, как они даны в названном выше курсе, следует представлять по крайней мере еще в двух вариантах с учетом тех случаев, когда в этих формах еще не произошли ассимиляция и стяжение гласных.

Таким образом, могут быть намечены следующие парадигмы:

1	2 а	2 б
зн/áйу/	*дýм/айу/*	*дýм/у/*
зн/á/шь (зн/áэ/шь, зн/áа/шь)	*дýм/а/шь (дýм/аэ/шь, дýм/аа/шь)*	*дýм/а/шь*
зн/а/т (зн/áэ/т, зн/áа/т)		
зн/á/те (зн/áэ/те, зн/áа/те)	*дýм/а/т (дýм/аэ/т, дум/аá/т)*	*дýм/а/т*
или *зн/айе/те*[30]		
зн/айу/т	*дýм/а/те* или *дýм/айе/те*	*дýм/а/те*
	дум/áйу/т	*дýм/у/т*

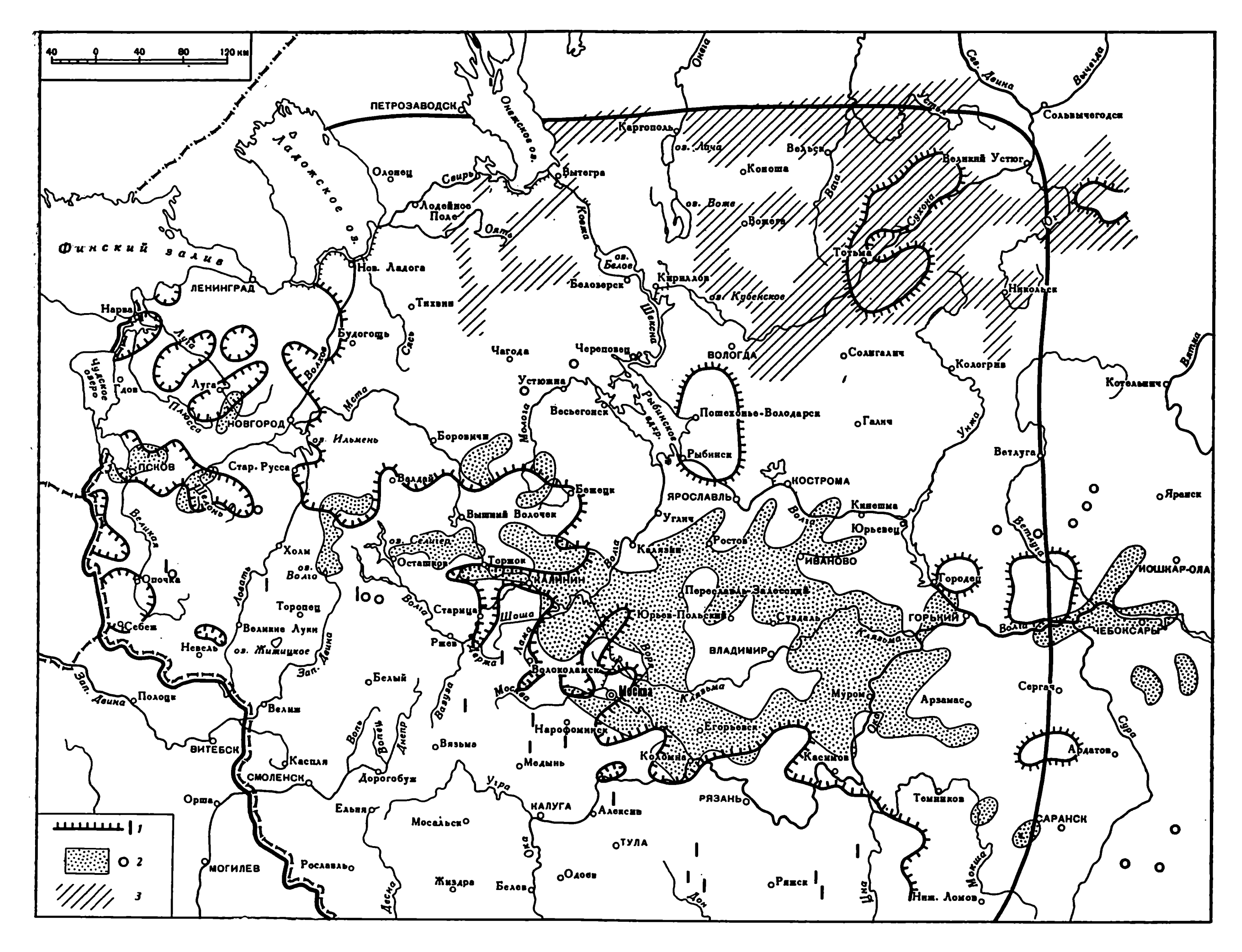
3	4	5
ум/éйу/	*об/ýйу/*	*кр/óйу/*
ум/é/шь (ум/éэ/шь)	*об/ý/шь (об/ýэ/шь)*	*кр/о/шь (кр/оэ/шь)*
ум/é/т (ум/éэ/т)	*об/ý/т (об/ýэ/т)*	*кр/о/т (кр/оэ/т)*
ум/é/м (ум/éэ/м)	*об/ý/м (об/ýэ/м)*	*кр/о/м (кр/оэ/м)*
ум/é/те или *ум/éйе/те*	*об/ý/те* или *об/ýйе/те*	*кр/ó/те* или *кр/óйе/те*
ум/éйу/т	*об/ýйу/т*	*кр/óйу/т*

В дальнейшем изложении мы будем по возможности соотносить данные о распространении стяженных форм 3-го л. ед. ч. с возможностью распространения в некоторых говорах тех же территорий целостных парадигм определенного типа.

Как показывает карта 50, наиболее значительный и определенный по своим очертаниям ареал имеют глагольные формы 3-го л. с утратой /j/ в безударном сочетании *айе*, причем в пределах этого ареала распространены как

[29] «Русская диалектология», стр. 151, § 62.

[30] В форме 2-го л. мн. ч. чаще отмечают формы, имеющие в своем составе /j/.

Карта 50

Выпадение /j/ и стяжение гласных в глагольных формах:

1 — распространение форм 3-го л. ед. ч. с утратой /j/ в безударном сочетании /аей/: *ду́м/аэ/т*, или также *ду́м/аа/т*, *ду́м/а/т*; *2* — распространение форм 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. со стяжением в безударном сочетании /айу : *ду́м/у/* . . . *ду́м/у/т*; *3* — части территории сев. наречия, на которых не отмечено форм типа *ум/е́э/т* или *ум/е́/т*, *м/бэ/т* или *м/о/т*

формы со стянутым сочетанием (*ду́м/а/т*, *де́л/а/т* и под.), так и с нестянутым (*ду́м/аэ/т* или *ду́м/аа/т*).

Распространение нестянутых форм (хотя и постоянно наряду со стянутыми) в общем более характерно для говоров северного наречия, хотя следует специально подчеркнуть, что на территории северо-западной части северного наречия, примерно в пределах Ладого-Тихвинской группы, резко преобладают стяженные формы; неассимилированные, или нестянутые, формы получают большее распространение в пределах северного наречия к востоку от 36° в. д. и к северу от 57° с. ш. На территории ср.-р. говоров, как восточных, так и западных, распространены почти исключительно стянутые формы, что уже давало основание исследователям характеризовать выпадение /j/ и изменение в сочетаниях гласных в глагольных формах в говорах северного наречия как имеющее характер живого фонетического процесса, а в говорах восточных ср.-р. как явления морфологизированного [31], дающего в связи с этим основание выделить именно в системах ср.-р. говоров особое спряжение глаголов: *ду́м/у/*, *ду́м/а/ш*, . . . *ду́м/у/т*.

Для уяснения характера закономерностей территориального распространения форм с ут-

[31] Т. С. Коготкова. Автореф., стр. 6; «Русская диалектология», стр. 291.

ратой /j/ в заударном сочетании *айе* укажем, что территория северного наречия и восточных ср.-р. говоров охвачена единым, весьма значительным по своим размерам, ареалом данного явления, имеющим однако значительные изъятия преимущественно в восточной части ареала. См. такие изъятия, обозначенные на карте 50 к востоку от Рыбинского водохранилища, к северо-востоку от Тотьмы и др. Что же касается западных ср.-р. говоров, то на их территории распространение явления имеет характер мелких разрозненных ареалов. Весьма близок по своим очертаниям к ареалу форм типа *ду́м/а/т*, *ду́м/аэ/т*, *ду́м/аа/т* и (не показанный на карте) ареал форм типа *зн/а/т*, *зн/а́э/т*, *зн/а́а/т*, т. е. с ударенным сочетанием *айе*. Таким образом, можно сказать, что именно распространение форм 3-го л. ед. ч. с отсутствием /j/ у глаголов с основой на *ай* является характерным признаком северного наречия и среднерусских (преимущественно окающих) говоров вместе взятых.

При наличии форм типа *ду́м/а/т*, *ду́м/аэ/т*, *ду́м/аа/т* по говорам возможны различные парадигмы глаголов с безударным сочетанием *айе*. Для того, чтобы представить себе их распространение, следует обратить внимание на тот факт, что наиболее значительные ареалы форм 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч., имеющих определяющее значение для возникновения парадигмы типа *ду́м/у/ . . . ду́м/у/т* (со стяжением в безударном сочетании *айу*), распространены в основном на территории восточных ср.-р. окающих говоров. Это указывает на то, что именно во многих из этих говоров возможна такая типичная для них парадигма, как *ду́м/у/*; *ду́м/а/ш. . . ду́м/у/т*, т. е. со стяжением во всех без исключения формах. Наличие такой парадигмы наблюдается и в некоторых, но весьма немногочисленных и разбросанных в территориальном отношении западных среднерусских окающих говорах (см. карту 50). Во многих говорах северного наречия наблюдается распространение парадигм типа *ду́м/айу/*, *ду́м/а/шь*, *ду́м/а/т*, *ду́м/а/м*, *ду́м/айе/те*, *ду́м/айу/т*, причем часто отражающих и разные стадии развития соответствующих фонетических процессов: *ду́м/аэ/ш*, *ду́м/аа/ш* и т. п. В некоторых говорах северного наречия отмечается наличие только формы 3-го л. ед. ч. типа *ду́м/а/т*, которая является наиболее продуктивной в своем распространении и может употребляться при отсутствии других стяженных личных форм того же глагола.

Распространение форм с исчезнувшим /j/ или также с последующей ассимиляцией и стяжением гласных в сочетаниях *ейе* (*ум/е́э/т*, *ум/е́/т*), *ойе* (*м/о́э/т*, *м/о/т*) наблюдается в общем в пределах той же территории, что и в сочетании *айе*, но имеет свои существенные особенности. Так, прежде всего надо отметить, что распространение этих форм связано со значительным количеством мелких разрозненных ареалов или отмечено в единичных населенных пунктах на указанной территории. При этом более ощутимое распространение имеют формы глаголов типа *уме́ть* (*ум/е́/т*), реже встречаются формы глаголов типа *мыть* (*м/о/т*). Для целей последующего исследования важно отметить, что основное количество таких мелких ареалов этих форм сосредоточено в юго-восточной и центральной частях северного наречия, т. е. преимущественно на территории его Костромской и Межзональной групп, где по говорам могут быть отмечены парадигмы 3, 5, а также их нестяженные варианты.

Наряду с этим можно указать территории, на которых эти формы почти совершенно отсутствуют (см. выделенные штриховкой на карте такие территории на северо-востоке и северо-западе северного наречия). Лишь в единичных говорах отмечены формы типа *ум/е́/т* и почти совсем не отмечены формы типа *м/о/т* в восточных среднерусских и западных ср.-р. говорах. Чрезвычайно редки эти формы на большей (западной) части говоров Ладого-Тихвинской группы или в южной части Межзональной группы северного наречия. Что касается форм типа *торг/у́э/т*, *торг/у́/т*, то они вообще являются очень редкими и отмечены в единичных пунктах на общей территории распространения утраты интервокального /j/.

Такова картина территориального распространения наиболее характерных именно для говоров русского языка глагольных стяженных форм. Прежде чем рассматривать характер территориального распространения этих форм с исторической точки зрения, рассмотрим явления выпадения /j/ и изменения сочетаний гласных звуков в категории прилагательных.

Имена прилагательные безотносительно к характеру их основы (на парные по твердости и мягкости согласные, а также на шипящие и задненебные), как и совпадающие с ними по характеру флексий именительного—винительного падежей местоимения, имеют согласный /j/ в интервокальном положении в им. п. ед. ч. ж. и ср. р.: *молод/а́йа/*, *но́в/айа/*, *так/а́йа/*, *вся́к/айа/*, *молод/о́йе/*, *но́в/ойе/*, *так/о́йе/*, *вся́к/ойе/*; в вин. п. ед. ч. ж. р.: *молод/у́йу/*, *но́в/уйу/*, *так/у́йу/*, *вся́к/уйу/* и в им. п. мн. ч.: *молод/ы́йе/*, *но́в/ыйе/*, *так/и́йе/*, *вся́к/ийе/*. Во всех этих случаях /j/ находится в конечных слогах в положении после ударенных гласных,

хотя и в разном удалении от них, т. е. включен в одних случаях в ударенные, в других — в безударные сочетания.

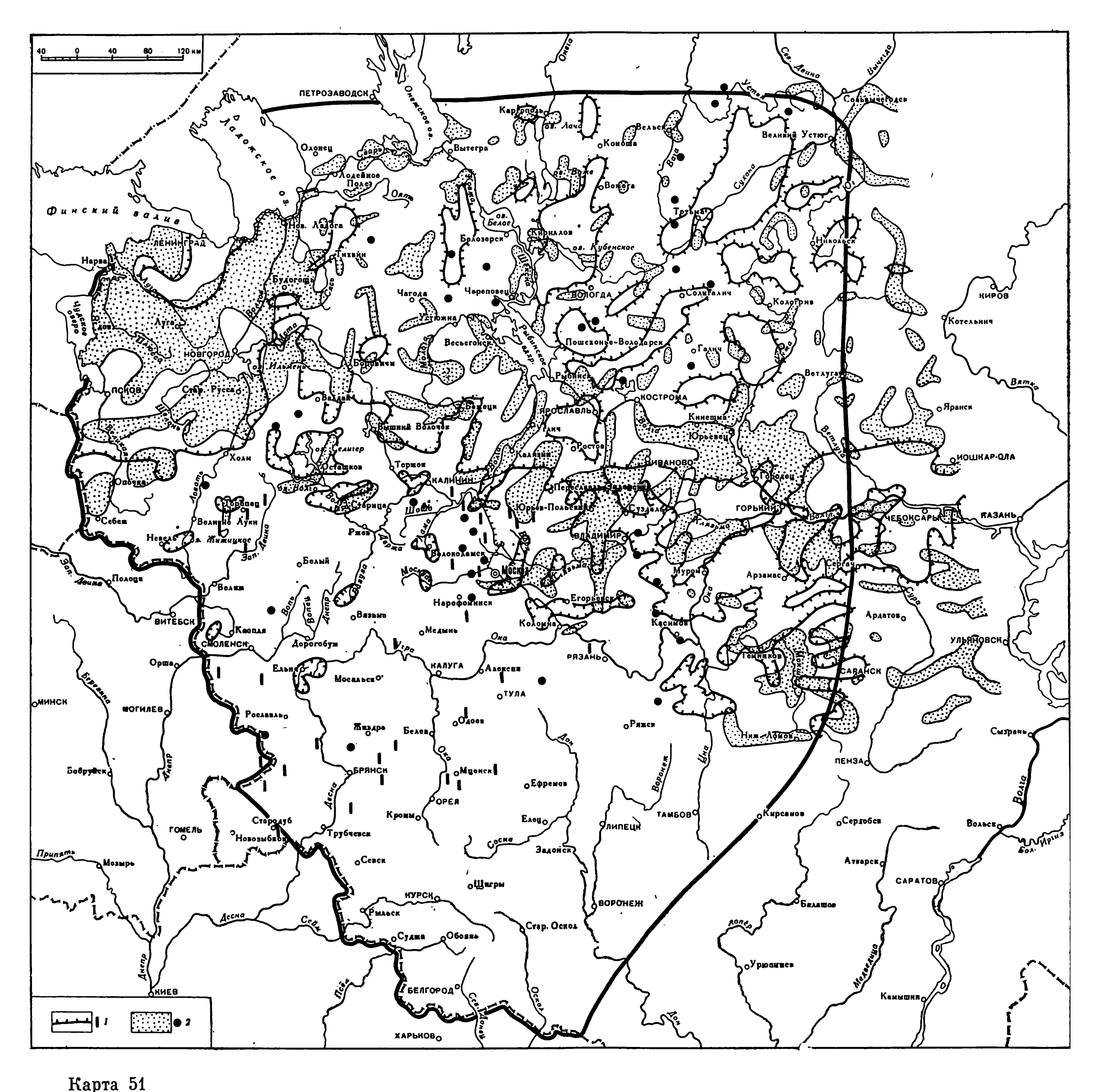
Выпадение /j/ и последующие изменения в сочетаниях гласных имеют место во всех перечисленных прилагательных и местоимениях независимо от качества гласных, входящих в характерные для этих форм сочетания, но с разной степенью интенсивности, зависящей исключительно от положения /j/ по отношению к ударенному гласному. Наиболее широко и последовательно процессы утраты /j/ и стяжения гласных в прилагательных распространены в случаях, когда стягиваемые сочетания целиком являются безударными, т. е. в случаях типа *нóв/айа/*, *нóв/ойе/*, *нóв/уйу/*, *нóв/ыйе/*. Здесь следует сделать оговорку по отношению к ср.-р. говорам, по материалам которых не картографировались безударные формы среднего рода, которые в связи с редукцией заударных гласных неотличимы в них от форм женского рода.

Выпадение /j/ и стяжение гласных в прилагательных и местоимениях в морфологическом отношении во всех случаях приводит к одинаковым результатам: у прилагательных возникают те же окончания, что и у имен соответствующих родов, характер основы при этом, в отличие от глаголов, не затрагивается, в парадигме наблюдается тем самым контаминация именных и местоименных флексий. В связи с этим при дальнейшем обзоре ареалов стяжения, характерного для прилагательных и местоимений, речь будет идти об их отдельных падежных формах, а не о парадигмах.

Выпадение /j/ в формах прилагательных и местоимений характерно в настоящее время в основном для говоров северного наречия и окающих среднерусских, хотя ареалы этого явления частично захватывают и территорию акающих ср.-р. говоров как западных, так и восточных. Не вполне чуждо это явление и другим говорам русского языка, поскольку мелкие ареалы этого явления или отдельные говоры, в которых оно встречается (преимущественно это — безударные формы им.—вин. п. ж. р. — *крáсн/а/*, — *крáсн/у/*) встречаются в разных частях территории русских народных говоров.

На основной территории (северное наречие и ср.-р. окающие говоры) наиболее распространенными являются (как уже говорилось выше) формы прилагательных с утраченным /j/, имеющие безударные сочетания гласных, окружающих /j/, типа *крáсн/а/*, *крáсн/у/*, *крáсн/о/*, *крáсн/ы/*. Однако и по отношению к этим наиболее распространенным формам речь не идет об их сплошном распространении, а о наличии значительных ареалов явления в пределах указанной территории, как это показано на предлагаемых картах на примере распространения форм вин. п. ед. ч. и им. п. мн. ч. с безударными сочетаниями *-уйу*, *-ыйе* — *крáсн/у/* — *крáсн/ы/*. При этом общей характерной особенностью размещения названных форм с безударными сочетаниями *-айа*, *-уйу*, *-ыйе* является то, что на восточной части территории северного наречия в пространстве между 39° и 46° в. д. и между 61° и 58° с. ш. (см. карты 51 и 52) наблюдается отчетливо выраженное еще большее разрежение ареалов этих форм, указывающее на отсутствие описываемого явления во многих говорах северо-восточной части северного наречия. Напомним, что примерно на той же территории наблюдалось ощутительное разрежение или даже полное отсутствие некоторых глагольных форм с выпадением /j/ и стяжением гласных. Что касается форм с аналогичными ударенными сочетаниями *-áйа*, *-ýйу*, *-óйе*, *-ы́йе*, то их распространение, наблюдаемое в общем в пределах той же основной территории, является в целом более непоследовательным, чем распространение форм с безударными сочетаниями, эти формы распространены, как правило, в виде мелких ареалов, как это показано на примере распространения форм с ударенным окончанием *-ýйу* на карте 51 и форм с окончанием *-ы́йе* на карте 52. Из числа форм с ударенными сочетаниями интенсивное распространение имеют, особенно на западной части территории северного наречия (к западу от 40° в. д.), лишь формы с сочетанием *-áйа* — *молод/á/* и под. При общем для всех форм с ударенными сочетаниями рассеянном распространении для них опять-таки характерно то, что в северо-восточной части северного наречия они встречаются еще более редко, а, например, формы им. пад. мн. ч. отмечены лишь в отдельных (единичных) нас. п.

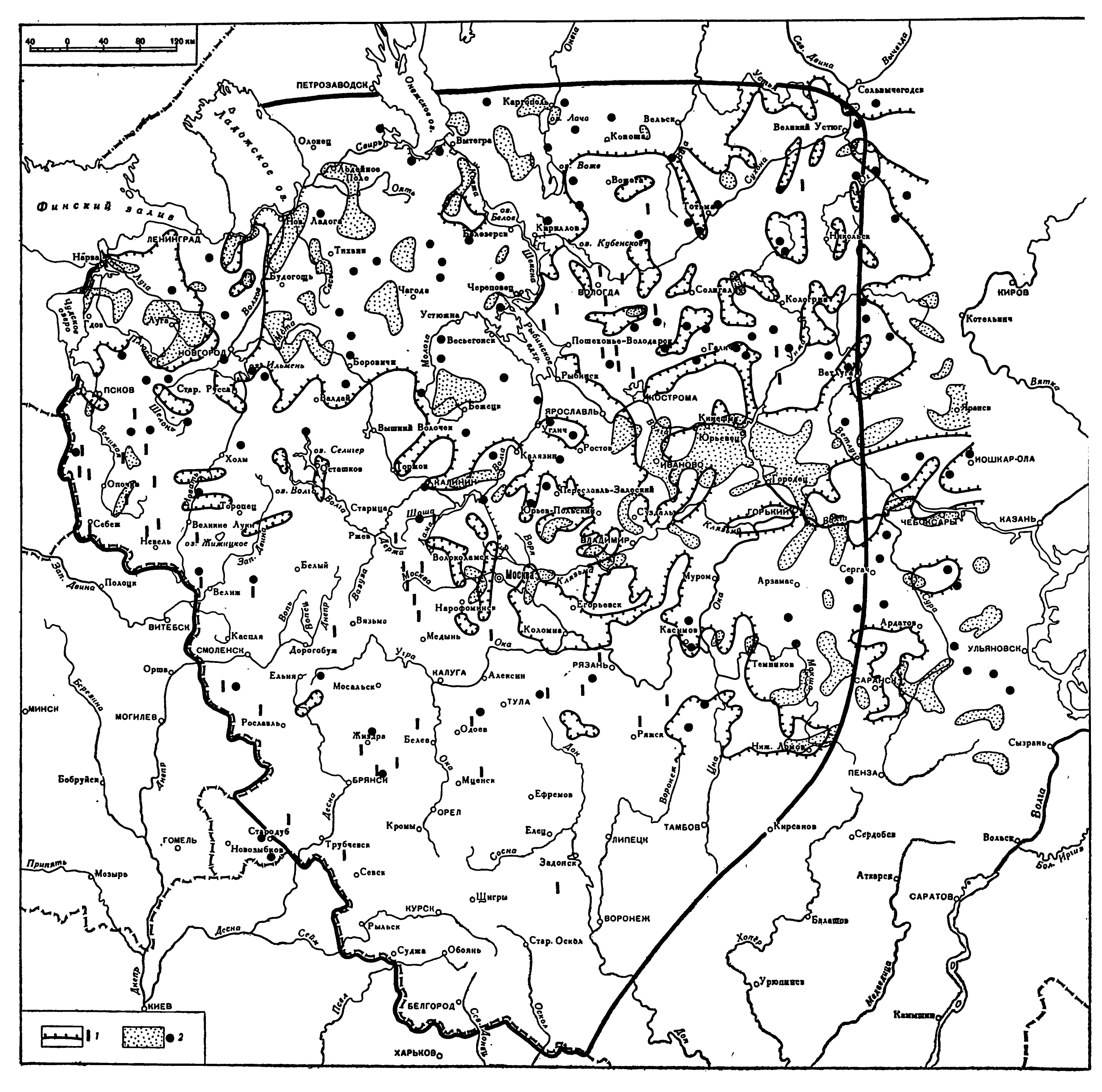
Специальное внимание при анализе форм прилагательных с утраченным /j/ должно быть обращено, как это было сделано и по отношению к глагольным формам, на характер территориального распространения стяженных и нестяженных форм, особенно в пределах северного наречия. Если в ср.-р. говорах резко преобладают стяженные формы: *молод/á/*, *крáсн/а/*, *молод/ý/*, *крáсн/у/* и под., что вполне понятно в связи с характером их заударного вокализма с возможной здесь редукцией гласных, то на территории северного наречия можно отметить ту ее часть, где стяженные и нестяженные формы сосуществуют в отличие от территории, где наблюдается резко выраженное преоблада-

Карта 51

Выпадение /j/ и стяжение гласных в формах ед. ч. прилагательных:

1 — распространение форм прилагательных вин. п. ед. ч. с утраченным /j/ в безударном сочетании /уйу/; *2* — распространение аналогичных форм с ударенным сочетанием /у́йу/

Карта 52

Выпадение /j/ и стяжение гласных в формах мн. ч. прилагательных:

1 — распространение форм прилагательных им. п. мн. ч. с утраченным /j/ в безударном сочетании /ыйе/; *2* — распространение аналогичных форм с ударенным сочетанием /ы́йе/

ние стяженных форм. Территория преимущественного распространения стяженных форм расположена в западной и северо-западной части северного наречия примерно там, где расположены говоры Ладого-Тихвинской и Онежской групп северного наречия. К востоку от этой территории расположены говоры, где более регулярно отмечают сосуществование стяженных и нестяженных форм: *молод/á/* и *молод/áа/*, *нóв/а/* и *нóв/аа/*, *нóв/о/* и *нóв/оэ/*. Особое положение занимают здесь формы вин. п. ед. ч., которые на всей территории преимущественно распространены в стяженной форме — *молод/ý/—крáсн/у/*; в нестяженном виде это сочетание отмечают чрезвычайно редко.

Установление времени выпадения /j/ и последующих изменений в сочетаниях гласных является достаточно сложной задачей, так как эти процессы слабо отражены в памятниках письменности. К числу достоверных (хотя и не вполне, по мнению того же автора) П. С. Кузнецов [32] относит, например, три раза употребленную форму *сказываш* из Гр. в кн. Вас. Вас. 1433 г., замечая при этом, что «если здесь действительно отражается стяжение, то значит, оно было представлено и в московском говоре до проникновения в него южновеликорусских черт». При этом он указывает, что «по мнению большинства лингвистов, стяжение в русских говорах — явление сравнительно позднее». О том же позднем характере явления свидетельствуют и приводимые Е. С. Магурой формы «звѣзда хвостата» или «церковь каменьна» из Устюжского летописного свода XVI в., написанного в Устюге Великом, которые автор недоуменно квалифицирует как необычные для современного русского языка краткие нечленные формы относительных прилагательных, выступающие в речи составителя Свода в роли определения [33].

Данные лингвистической географии также согласуются с представлением о том, что тенденция выпадения /j/, не чуждая различным славянским языкам на протяжении их истории, усиливалась и становилась более интенсивной в пределах восточнославянских языковых групп уже после того, как наметилось обособление будущих русского, украинского и белорусского языков, т. е. примерно со второй половины XIV в., а может быть, и начала XV в. Наиболее характерное для всех восточнославянских языков выпадение /j/ в прилагательных известно говорам украинского языка и примыкающим к ним с севера некоторым говорам белорусского языка [34] в пределах значительного самостоятельного ареала, объединяющего говоры этих языков, но оторванного от того расположенного на севере Европейской части СССР ареала этих форм, который показан на приведенных выше картах, что само по себе свидетельствует о возможности самостоятельного развития этих процессов в украинском и соседних говорах белорусского языка, с одной стороны, и в северной части говоров русского языка, с другой.

О сравнительно позднем характере выпадения /j/ и соответствующих изменений в сочетаниях гласных свидетельствует и то, что в говорах восточнославянских языков формы, отражающие это явление, преимущественно отмечают в сосуществовании с формами, сохраняющими /j/, причем нередко при резко выраженном количественном преобладании этих последних. Такое соотношение форм с /j/ и без /j/ не является случайным или относящимся только к современному состоянию говоров, его отмечают в диалектологических материалах, собранных в давнее время как по отношению к говорам русского, так и украинского языков. Так, например, А. А. Шахматов, характеризуя состояние интересующего нас явления в говорах украинского языка, считает общеукраинским произношение *дóбра*, *дóбру*, *дóбре*, но специально подчеркивает при этом, что произношение *дóбрая*, *дóбрую*, *дóброе* при этом не исчезало [35].

Выпадение /j/ и изменения в сочетаниях гласных первоначально, видимо, возникали в говорах русского языка, на более ограниченной территории, чем та, которую это явление занимает в настоящее время. Так, анализ данных лингвистической географии позволяет предположить, что очагом этого явления была примерно та часть территории сложившегося к концу XIV в. Великого княжества Московского, на которой расположены такие современные области, как Московская, Владимирская, Ивановская, Горьковская, т. е. современная Владимирско-Поволжская группа среднерусских говоров. В известной степени данное явление было, видимо, свойственно в период его возникновения говорам примыкающих частей территории соседних областей, таких, как Калининская и Ярославская.

---

[32] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика. . ., стр. 156.

[33] Е. С. Магура. Морфологические особенности языка Устюжского летописного свода. Автореф. канд. дисс. Харьков, 1954.

[34] Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963 (карты 112—11тл5, 123, 124, 127, 128).

[35] А. А. Шахматов. История русского языка (литогр.). Пг., 1915, стр. 288.

Более ранним могло быть при этом выпадение /j/ в говорах указанной территории в категории прилагательных женского рода с безударными сочетаниями, в формах которых /j/ находился в положении между однородными по артикуляции гласными, что, очевидно, и способствовало его выпадению. Именно в этих случаях стяжение отмечают и в тех единичных разрозненных говорах, которые известны в разбросанном распространении на территории русского языка в Европейской части СССР и в системах которых отразилась общевосточнославянская тенденция выпадения /j/ в интервокальном положении, не получившая в данных говорах, однако, своего дальнейшего развития.

Близким по времени своего возникновения должно было быть и выпадение /j/ в глагольном сочетании *айе*, выступавшем в формах 2-го и 3-го л. ед. ч. и 1-го л. мн. ч. глаголов с основой на *-ай-*.

Распространение явления в северном направлении могло происходить в более поздние периоды и было различным в основном в зависимости от характера той диалектной среды, в которой оно оказывалось, чем определялось по крайней мере три типа подобного распространения, которые предположительно можно себе представить, опираясь на указанные выше различия в характере современного распространения явлений.

1. Распространяясь на территории современных Костромской, Ярославской обл., а также на территории, окружающей Белое озеро, данное явление оказывалось в близкородственной среде носителей того же Ростово-Суздальского диалекта и развивалось в нем почти повсеместно как собственно фонетический процесс, втягивая в него новые категории (например, глаголы типа *ум/éйе/т*, *м/óйе/т торг/ýйе/т*). В связи с тем, что эти говоры имеют различение гласных в заударных слогах, в них выступают как стяженные, так и нестяженные и неассимилированные ступени в сочетаниях, утративших /j/.

2. Распространение в северо-восточном направлении (на территорию современной Вологодской группы говоров и в северном направлении на территорию Онежской подгруппы межзональных говоров с характерным для них преобладанием новгородского элемента) осуществлялось в процессе междиалектного взаимодействия. При этом взаимодействии возникало, и притом далеко не во всех говорах данной территории, выпадение /j/ в безударных окончаниях прилагательных и в глагольном сочетании *айе*. При этом в говорах, знающих данный круг явлений, не наблюдается расширения его на другие глагольные сочетания, например, на сочетания *ейе*, *ойе*, *уйе*, в которых стяжение почти совсем отсутствует в говорах Вологодской группы. Стяжение гласных в ударенных сочетаниях прилагательных также известно говорам Вологодской группы в гораздо меньшей степени, чем говорам Костромской, Межзональной северной, Владимирско-Поволжской групп (ср. разреженное распространение этих форм на территории Вологодской группы).

3. Наиболее поздним и носившим особый характер было, видимо, распространение явления в северо-западном направлении (на территорию Ладого-Тихвинской группы и в среде Онежской подгруппы и новгородских говоров). Процессы этого рода могли осуществляться уже в период освоения новгородской территории после покорения Новгорода, в частности и при значительном перемещении населения с центральных территорий Великого княжества Московского.

В связи с этим на территории западной части северного наречия и в западных среднерусских окающих говорах распространены в основном те же случаи стяжения, как и в говорах Владимирско-Поволжской группы (за исключением наиболее поздних, как, например, форм *дýм/у/ — дýм/у/т*). К числу форм с утраченным /j/ здесь принадлежат формы глаголов с сочетанием *ай* (глаголы со стяжением в сочетаниях *ейе*, *ойе* распространены здесь очень слабо), а также формы прилагательных с безударными и ударенными окончаниями. Является наиболее показательным для характера усвоения форм без интервокального /j/ на данной территории тот факт, что здесь имеют слабое распространение, а в ряде говоров и совсем отсутствуют нестяженные или неассимилированные сочетания гласных, что указывает на усвоение стяженных форм при отсутствии соответствующих фонетических процессов.

Говоры Владимирско-Поволжской группы приобретали в ходе своего развития такое решающее для их фонетического строя явление, как редукция гласных 2-го предударного и заударных слогов, что приводило к устранению нестянутых сочетаний гласных, возникших после утраты /j/, и к морфологизации соответствующих явлений. С этим связано распространение именно на территории данной группы такой парадигмы настоящего времени глаголов с основой на *ай*, как *дýм/у/*, *дýм/а/ш*, *дýм/а/т. . . дýм/у/т*. С утратой фонетического характера данного явления тормозилось, видимо, и дальнейшее развитие соответствующих процессов, охват других глагольных форм,

имеющих /j/ в интервокальном положении таких, как *ум/éйе/т*, *м/бйе/т*, *торг/ýйе/т*, *об/ýйе/т*, которые отмечены в стянутом виде на территории Владимирско-Поволжской группы лишь как единичные.

§ 3. Формы родительного, винительного, дательного и предложного падежей единственного числа личных местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного

Различия, наблюдаемые по говорам в характере указанных форм, зависят от следующих моментов:

а) от того, употребляется ли в них одна флексия для четырех указанных падежей или две: одна для формы род.—вин. п., — другая для дат.—предл. п.

б) от характера основы: единой для всех падежных форм или чередующейся и различной, с одной стороны, для форм род.—вин. п., с другой — для формы дат.—предл. п.

Употребление одного окончания *-е* во всех четырех указанных формах у всех изучаемых местоимений характерно для говоров южн. наречия, а также южной части западных ср.-р. говоров (южная часть Псковской группы и селигеро-торжковских говоров). В восточных ср.-р. говорах оно почти неизвестно, за исключением их самой южной окраины.

Различение окончаний: *-а* для род.—вин. п., *-е* (/ê, *и͡е*, *и*/) — для дат.—предл. п.[36] характерно для говоров северного наречия, большей части западных ср.-р. говоров (Новгородские говоры, Гдовская группа, северная часть территории Псковской группы и селигеро-торжковских говоров), а также почти для всех восточных ср.-р. говоров.

Бóльшая сложность наблюдается по говорам русского языка в отношении чередования основ, от которых образуются указанные падежные формы. По наличию такого чередования или по его отсутствию в говорах объединяются обычно местоимение 2-го л. и возвратное в то время, как местоимение 1-го л. может иметь отличную от них судьбу.

Отвлекаясь от характера окончаний изучаемых падежных форм, мы можем наметить по соотношению основ следующие характерные для говоров русского языка комплексы основ, выступающие по говорам:

I

Р В	*мен-, теб-, себ-*
Д	*мн-, тоб-, соб-*

II

Р В	*мен-*	*теб-, себ-*
Д П	*мн-*	

III

Р В Д П	*мен-*	*теб-, себ-*
		тоб-, соб-

IV

Р В	*мен-*	*тоб-, соб-*
Д П	*мн-*	

V

Р В Д П	*мен-, тоб-, соб-*

VI

Р В Д П	*мен-, теб-, себ-*

VIIа[37]

Р В Д П	*мн-, теб-, себ-*

VIIб

Р В Д П	*мн-*	*теб-, себ-*
		тоб-, соб-

Преимущественно на территории восточных ср.-р. говоров, но также наряду с этим в рассеянном распространении и на других территориях, встречается образование форм род., вин., дат., предл. п. от основы с /й/: *те/йá/*, *се/йá/*, реже *те/йé/*, *се/йé/* у местоимений 2-го л. и возвратного. Основы с /й/ сосуществуют обычно с основами *теб-*, *себ-* (а не *тоб-*, *соб-*) как бы в качестве фонетического варианта основ *теб-*, *себ-*. В связи с этим основы *тей-*, *сей-* не включены в намеченные выше комплексы, отражающие собственно морфологические отношения.

Сделанные выше общие указания на характер окончаний и основ изучаемых падежных форм местоимений требуют ряда уточнений.

При характерном для говоров южного наречия окончании *-е* во всех четырех падежных

[36] Произношение /ê/, /*и͡е*/, /*и*/ обусловлено судьбой *ě* в этих говорах, в связи с чем наличие этих гласных в изучаемых окончаниях объединяется в дальнейшем изложении с *е*; более детально о произношении данных флексий см. в описании отдельных групп говоров.

[37] Основа *мн-* выступает фактически при наличии в говоре комплекса VIIа или VIIб в формах род., дат., предл. п.; об этом см. ниже, в обзоре распространения комплексов основ

формах у всех трех местоимений в пределах этого наречия наблюдается, также в настоящее время достаточно широко распространенное, параллельное употребление форм с различением окончаний *-а* и *-е*, однако не приуроченное в территориальном отношении, а выступающее в отдельных говорах как подлинно факультативное, представляющее собой пользование второй системой, в связи с чем оно и оценивается обычно наблюдателями в качестве результата воздействия литературного языка.

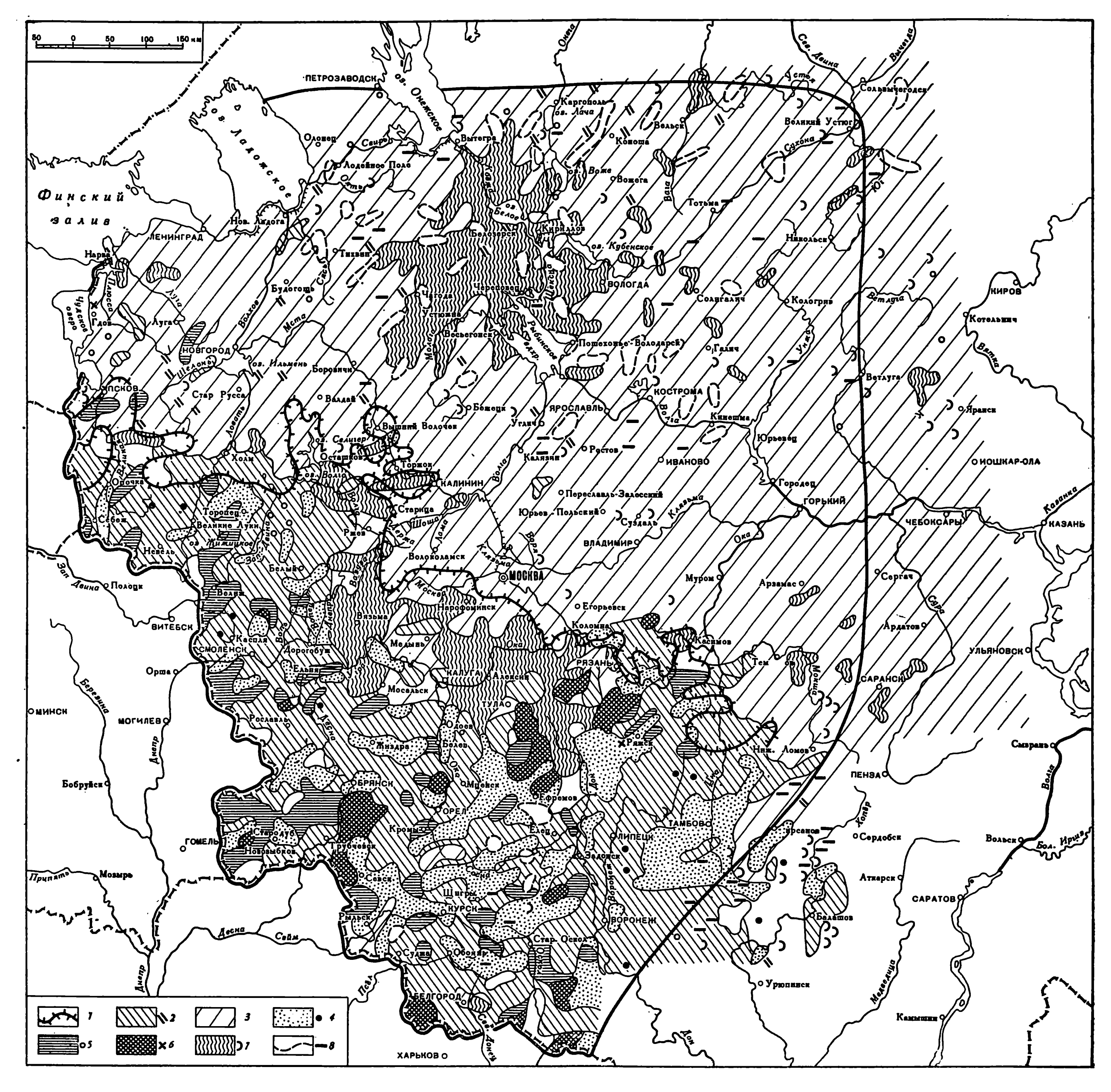
Говорам северного наречия, для которых характерно в основном различение окончаний *-а* и *-е*, не чуждо и употребление окончания *-е* во всех падежных формах, имеющее в них иное значение, чем употребление окончаний *-а*, *-е* в говорах южного наречия. Следует специально подчеркнуть, что употребление форм с окончанием *-е*, обычно наряду с *-а* в род.—вин. п., является более ощутимым в некоторых говорах северного наречия, чем в говорах Владимирско-Поволжской группы, хотя эти последние и соседят непосредственно с говорами южного наречия, представляющими окончание *-е* в изучаемых формах. В свою очередь в пределах северного наречия сопутствующие формы с окончанием *-е* сильнее распространены на западной части его территории.

Подчеркнем тот факт, что при сосуществовании форм с окончанием *-а* и окончанием *-е* в говорах северного наречия часто наблюдается указываемая наблюдателями возможность разграничения тех и других форм по падежам, например: *ме/не́/*, *те/бе́/*, *се/бе́/* в род. п., *ме/н'а́/*, *те/б'а́/*, *се/б'а́/* в вин. п. в одних говорах при возможности обратного распределения тех же окончаний в других. Поставить такого рода сообщения под сомнение мешает тот факт, что количество их значительно и они принадлежат разным лицам, а также и то, что в материалах по говорам южного наречия, где под влиянием литературного языка в настоящее время очень широко распространяется употребление форм */ме/н'а́/*, *те/б'а́/*, *се/б'а́/*, такого разграничения не отмечают. Не отмечено оно и в тех редких говорах Владимирско-Поволжской группы, в которых изредка фиксируют формы с окончанием *-е* в род.—вин. п.

Более сложным является вопрос о характере территориального распространения в говорах русского языка тех комплексов основ, от которых образуются изучаемые формы местоимений. Если иметь в виду противопоставление наречий в целом, то можно считать, что для северного наречия, большинства западных ср.-р. говоров и для восточных ср.-р. говоров в основном характерно различение основ двух указанных пар падежей у местоимения 1-го л. при совпадении их у местоимения 2-го л. и возвратного, т. е. отношения, представленные комплексом II, которому в основном сопутствует и различение окончаний *-а* и *-е*: *ме/н'а́/*, но *м/не/*; ср. *те/б'а́/*, *се/б'а́/*, как и *те/бе́/*, *се/бе́/*.

Комплекс, который являлся бы основным для говоров южного наречия, может быть указан лишь условно по относительному преобладанию в территориальном отношении, по распространению в наиболее глубинных говорах южного наречия, а также по соображениям исторического характера. В качестве основного здесь может быть принят комплекс I, характеризующийся максимальным различением основ у всех трех местоимений; *у мене́*, но *ко мне́*; *у тебе́*, но *к табе́*; *у себе́*, но *к сабе́*.

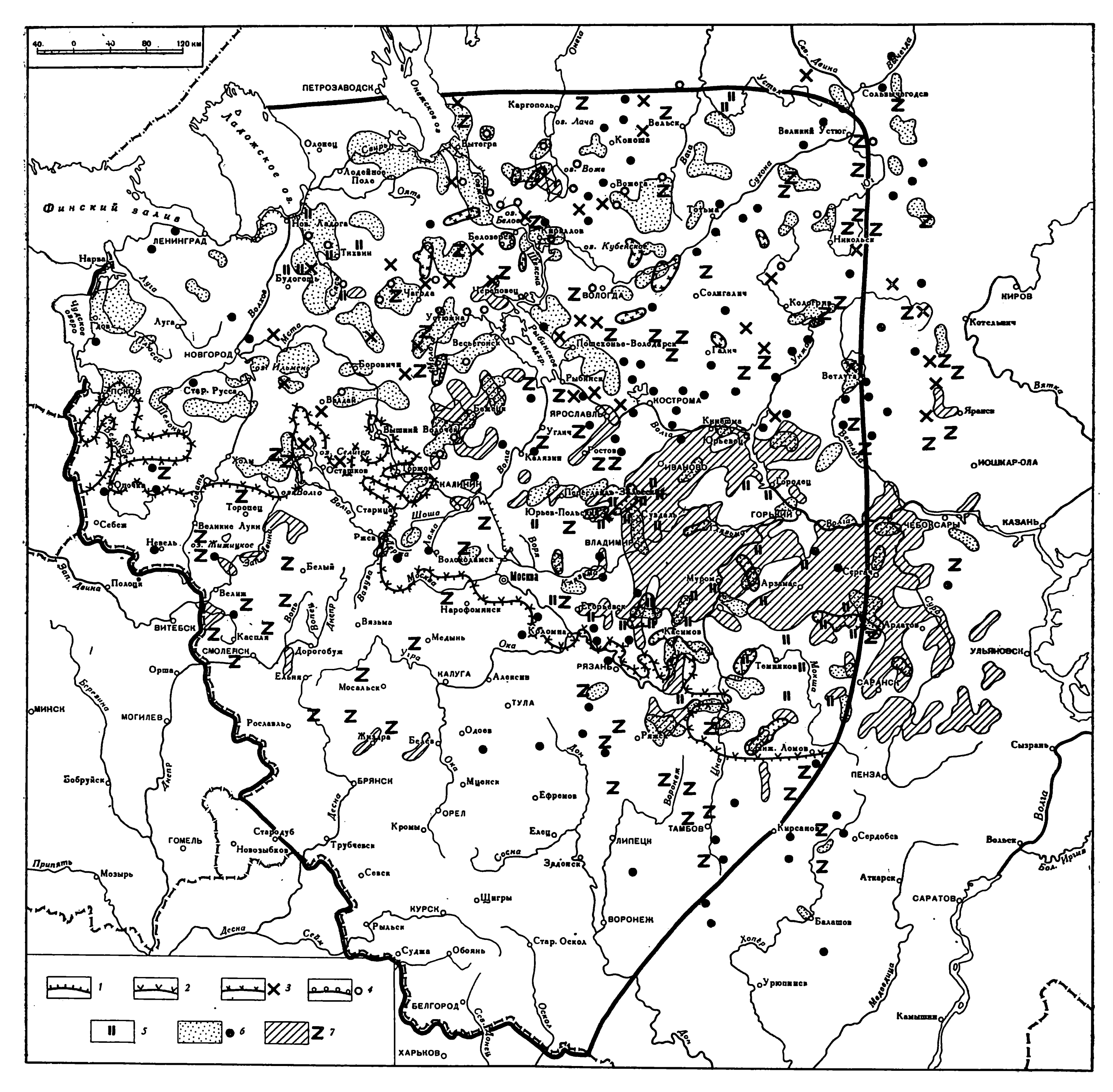
Такого рода общее противопоставление северного и южного наречий по характеру комплексов основ местоимений должно быть дополнено целым рядом весьма существенных данных. Хотя для северных и среднерусских говоров, как уже говорилось выше, характерно, в основном, распространение комплекса II, интенсивность распространения этого комплекса неодинакова в пределах территории этого наречия: в центральной ее части наряду с этим наблюдается также и распространение других комплексов (см. ниже), чего не отмечают в восточных ср.-р. говорах, а также и в пределах северо-западной зоны говоров русского языка, где наблюдается почти исключительное распространение комплекса II. Из числа сопутствующих комплексов для говоров сев. наречия наиболее характерен комплекс VI, представленный большим ареалом на территории его межзональных говоров, а также известный на центральной части территории сев. наречия в рассеянном распространении. Ниже мы отметим распространение того же комплекса в периферийных говорах южного наречия. Для этого комплекса является типичным обобщение основ с гласным *е* у всех трех местоимений. В говорах тех же северных территорий отмечают также в рассеянном распространении и комплекс VII, также связанный с обобщением основ изучаемых местоимений в четырех падежных формах, но при наличии общей основы *мн-* у местоимения 1-го л. Однако употребление формы с основой *мн-* имеет здесь существенные ограничения, его отмечают преимущественно в род. п. с предлогом *у*, т. е. в постоянном сочетании в тех же говорах с чередованием основ, характерным для комплекса II: *для меня́*, *у меня́*, но наряду с этим *у мня* при сохранении также формы вин. п. *меня*.

Карта 53

Основы, от которых образуются падежные формы личного и возвратного местоимений и их сочетания:

1 — граница между употреблением окончания *-е* и различением окончаний *-а* (род. — вин. п.) и *-е* (дат.—предл. п.); *2* — комплекс I: $\frac{мен\text{-}}{мн\text{-}}$, $\frac{теб\text{-}}{тоб\text{-}}$, $\frac{себ\text{-}}{соб\text{-}}$; 3 — комплекс II; $\frac{мен\text{-}}{мн\text{-}}$, *теб-*, *себ-*; *4* — комплекс III: *мен-*, $\frac{теб\text{-}}{тоб\text{-}}$, $\frac{себ\text{-}}{соб\text{-}}$; *5* — *комплекс* IV: $\frac{мен\text{-}}{мн\text{-}}$, *тоб-*, *соб-*; *6* — комплекс V: *мен-*, *тоб-*, *соб-*; *7* — комплекс VI: *мен-*, *теб-*, *себ-*; *8* — комплекс VII, вариант а): *мн-*, *теб-*, *себ-*, вариант б): *мн-*, $\frac{теб\text{-}}{тоб\text{-}}$, $\frac{себ\text{-}}{соб\text{-}}$

Карта 54

Падежные окончания личного и возвратного местоимений и некоторые случаи образования их форм:

1 — употребление окончания *-е* в формах род., вин., дат., предл. падежей ед. ч. местоимения 1-го и 2-го л. и возвратного; *2* — различение окончаний: *-а* в род.—вин. падежах и *-е* в дат.—предл. п. тех же местоимений.

Колебание в употреблении окончаний *-а* и *-е* в формах род.—вин. п. в говорах сев. наречия: *3* — окончание *-е* в род. п. при окончании *-а* в вин. п.; *4* — окончание *-а* в род. п. при окончании *-е* в вин. п.; *5* — употребление окончаний *-а* и *-е* в род.—вин. п. без разграничения падежей; *6* — употребление кратких форм местоимений *мя*, *тя*, *ся*, *ме*, *те*, *се* (разграничение по падежам см. в тексте); *7* — образование форм местоимения 1-го л. и возвратного от основ *тей-*, *сей-* (в большинстве случаев как в формах род.—вин., так и в формах дат.—предл. п. в одних и тех же говорах)

В единичных говорах северного наречия отмечены отдельные случаи обобщения основ местоимения 2-го л. и возвратного с гласным *о* — *тоб-*, *соб-*, а также встречающееся изредка по говорам то сохранение древнего различения основ, которое было выше указано в качестве основного для говоров южного наречия.

Основным для говоров южного наречия является максимальное различение основ (комплекс I), распространенное преимущественно в наиболее глубинных говорах южного наречия, наиболее удаленных от соседства с говорами северного типа. На той же части территории, что и комплекс I в виде разрозненных ареалов в говорах южного наречия распространены и комплексы III, IV, V.

Эти три комплекса, взятые в целом, характеризуются по сравнению с комплексом I разными степенями совпадения основ (см. выше): при комплексе III у местоимения 1-го л.; при комплексе IV у местоимения 2-го л. и возвратного, при комплексе V — у всех трех местоимений во всех изучаемых формах. Подчеркнем, что совпадение основ у местоимений 2-го л. и возвратного в говорах южного наречия, в отличие от северного, выражается в употреблении основы *тоб-*, *соб-*, что является характерной особенностью совпадения основ, наблюдаемого в глубинных говорах южного наречия. Лишь для периферийных говоров южного наречия характерен комплекс VI, т. е. употребление в род., вин., дат., предл. п. форм *мене́*, *тебе́*, *себе́*.

В заключение обзора употребления основ в говорах южного наречия укажем, что здесь очень редко встречается употребление основы *мн-* в род. п. у местоимения 1-го л. (см. карту 53), в связи с чем возможность распространения комплекса VII в его варианте *б* является нетипичной для южного наречия.

Оценивая приведенные данные лингвистической географии с исторической точки зрения, напомним что для древнерусского языка считают типичным различение основ изучаемых местоимений в формах род.—вин. п. в отличие от дат.—предл. п. при употреблении окончания *-е* в четырех падежных формах, сложившегося после совпадения в звучании *е* и *ѣ*, а также после утраты краткой формы вин. п. *мя*, *тя*, *ся*.

Не приводя существующих точек зрения по вопросам о происхождении основ и окончаний местоимений, поскольку вопросы эти подвергались в последнее время весьма основательному рассмотрению, напомним, что исходным для истории этих форм в русском языке считают процесс совпадения основ у местоимения 2-го л. и возвратного, датируя его XIV в.[38]

Для понимания исторических процессов, пережитых изучаемыми формами и отраженных в современных говорах, важно уточнить представление об исконном распределении основ в данных формах. В этом вопросе, видимо, права М. А. Гадолина [39], привлекавшая при его решении материал других языков, которая считала, вопреки А. А. Шахматову, что основа *теб-*, *себ-* является исконной и первоначально единственной для форм род.—вин. п.

Отраженное в некоторых памятниках письменности XIV—XV вв. употребление форм род.—вин. от основы *тоб-*, *соб-* может указывать на начинавшиеся уже в это время процессы обобщения основы у данных местоимений, протекавшие в некоторых говорах при ведущем значении дат.—предл. п., что отмечают и в некоторых современных говорах северного наречия.

Развитие окончания *-а* в форме род.—вин. п., приводящее к различению с окончанием *-е* в дат.—предл. п., устанавливается после совпадения основ у местоимения 2-го л. и возвратного, т. е. в еще более позднее время.

В говорах русского языка наиболее древний тип окончаний, т. е. употребление окончания *-е* во всех изучаемых формах из *е* в род.—вин. п. и из *ѣ* в дат.—предл. п., представлен, таким образом, в говорах южного наречия. Наиболее древний тип различения основ распространен в тех говорах южного наречия, в которых представлен комплекс I употребления основ; в направлении с востока на запад, убывая в количественном отношении по мере приближения к территории белорусского языка, на территории южного наречия расположены комплексы употребления основ, в структуре которых прослеживается, хотя и по разному выраженное, влияние системы, для которой характерно совпадение основ у местоимения 2-го л. и возвратного (т. е. системы литературного языка и говоров северного наречия). В говорах южного наречия и среднерусских, смежных по территории с говорами северного наречия, это влияние выражено в непосредственном усвоении основ *теб-*, *себ-*, которому в них сопутствует несвойственное говорам се-

[38] М. А. П р е в о. История форм личных и возвратного местоимений в русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1952; М. А. Г а д о л и н а (П р е в о). К истории некоторых форм личных и возвратного местоимений в русском языке. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. V. М., 1954; С. Ф. С а м о й л е н к о. Из истории восточнославянских местоимений. Автореф. докт. дисс. Л., 1960.

[39] М. А. Г а д о л и н а. (Прево) Указ. соч., стр. 47.

верного наречия, взятым в целом, и литературному языку совпадение основ у местоимения 1-го л. (комплекс VI — *мене́*, *тебе́*, *себе́* во всех изучаемых формах). Такое расширение сферы явления, полученного от носителей других диалектных групп, в общем является довольно типичным для случаев этого рода, как это показывает изучение других процессов междиалектного взаимодействия.

В более глубинных говорах южного наречия также отражается действие тенденции совпадения основ у местоимения 2-го л. и возвратного. Но здесь данная тенденция действует лишь в общем виде, а самое обобщение происходит на основе форм дат.—предл. п., в связи с чем общей основой становится *тоб-*, *соб-*, а не *теб-*, *себ-*. В направлении с востока на запад (см. карту 53) получает распространение и совпадение основы у местоимения 1-го л., как на это указывает распространение комплексов III и V. Действие этой тенденции является, видимо, самостоятельным процессом, так как употребление основы *мен-* в дат.—предл. п. у местоимения 1-го л. отмечают как при совпадении, так и при различении основ у местоимений 2-го л. и возвратного.

На материале говоров северного наречия и среднерусских, для которых характерно различение основ у местоимения 1-го л. и совпадение их у местоимения 2-го л. и возвратного, а также различение окончаний *-а* и *-е*, может быть рассмотрен вопрос о первоначальном очаге возникновения этих явлений, более поздних по сравнению с различением соответствующих основ и употреблением окончания *-е*, характерных для говоров южного наречия.

Таким первоначальным очагом следует, видимо, считать территорию ростово-суздальского диалекта конца XIV в., а что касается различения окончаний, то и еще более позднего времени. Этим может объясняться тот факт, что именно в современных говорах на данной территории наиболее последовательно распространено то употребление форм местоимений, которое характеризуется комплексом II и различением окончаний. Относительно поздним возникновением этих явлений может объясняться и то, что оно не получает распространения на территорию южных говоров, самостоятельность языкового развития которых и влиятельность повышаются в это время. Интересны в данной связи наблюдения С. Ф. Самойленко, который указывает, что «в старинных русских памятниках процесс вытеснения форм *тобѣ*, *собѣ* формами *тебѣ*, *себѣ* завершается лишь к XVII в., быстрее и интенсивнее в языке памятников письменности центра Московского государства, дольше и менее интенсивно в северо-западных русских памятниках» [40].

По данным лингвистической географии может быть также высказано предположение, что вновь возникавшее на ростово-суздальских территориях совпадение основ и различение окончаний распространялись первоначально, возможно вместе с носителями этих языковых черт, в северо-западном направлении, т. е. на центральные территории Новгородского княжества в период после покорения Новгорода. Ср. достаточно последовательное распространение указанных черт на территории северо-западной зоны.

Распространение указанных черт на остальной (центральной и восточной) части территории северного наречия происходило постепенно и, видимо, еще позднее. Это распространение могло идти здесь уже и с запада (из среды центральных новгородских говоров, раньше усвоивших явление), и с юга, с ростово-суздальских территорий. При распространении в направлении с запада на восток и устанавливалась, видимо, та зона междиалектного взаимодействия, на которой происходило характерное для случаев этого рода расширение данного явления (например, в говорах межзональных групп), результатом которого и является развитие здесь совпадения основ также у местоимения 1-го л. Именно на центральной и восточной части территории северного наречия наблюдается распространение реликтово сохраняющихся в отдельных говорах случаев различения основ *теб-*, *себ-* и *тоб-*, *соб-*, а также возможность разграничения окончаний *-а* и *-е* при употреблении одного из них в форме род. п., а другого в форме вин. п. Такая возможность, не являясь непосредственным сохранением старых отношений, может указывать на них в общем виде.

Особый круг вопросов связан с распространением и историей таких явлений, как замена /б'/ на /j/ в основах *теб-*, *себ-* и употреблением так называемых энклитических форм местоимений. Между двумя этими явлениями имеется связь по характеру территориального распространения, а также, возможно, как это предполагала М. А. Гадолина, и по истории их возникновения [41].

Употребление кратких или энклитических форм местоимений распространено в виде мелких разорванных ареалов в пределах описанной выше территории различения окончаний *-а* и *-е* и распространения основ *теб-*, *себ-*.

[40] С. Ф. Самойленко. Указ. соч., стр. 31.
[41] М. А. Гадолина. Указ. соч., стр. 78.

Показанное на карте суммарно, оно (это употребление) выражается в основном в наличии по говорам форм *мя*, *тя*, *ся* (последнее реже) в значении род.—вин. п. и форм *ми*, *ти* в дат.—предл. п. При этом формы *мя*, *тя* чаще употребляются в конструкциях с предлогом *у*, а формы *ми*, *ти* чаще с предлогом *к*. Употребление форм *ме*, *те*, *се* лишь изредка встречается в значении род.—вин. п., а в значении дат. п. преимущественно в выражении *я те да́м*, *сла́ва те го́споди*.

Замена /б'/ на /j/ в основах *теб-*, *себ-* связана по характеру распространения с краткими формами местоимений в том отношении, что наблюдается в основном в пределах одной и той же территории, хотя и не на всей территории распространения кратких местоимений, а преимущественно на ее юго-восточной части. Наиболее значительный ареал основ *тей-*, *сей-* расположен на территории Владимирско-Поволжской группы говоров. К западу и северо-западу от этого ареала наблюдается распространение явления в виде мелких ареалов и в отдельных населенных пунктах. Количество ареалов этого явления за пределами говоров с различением окончаний *-а* — *-е* и употреблением основ *теб-*, *себ-* весьма незначительно, причем оно наблюдается преимущественно в говорах, где известна хотя бы в род.—вин. п. основа с гласным *е*.

Совокупность ареалов основ *тей-*, *сей-* и кратких форм местоимений, вместе взятых, укладывается также и в пределы территории такого явления, как утрата интервокального /j/ в соответствующих формах (см. выше), что дает дополнительные аргументы в пользу высказанного М. А. Гадолиной предположения о развитии кратких форм местоимений на основе утраты интервокального /j/ и последующего стяжения гласных в формах *те/йа́/*, *се/йа́/*: *те/йа́/* > */т'а/*, *се/йа́/* > */с'а/*.

Можно, видимо, представить себе дело так, что основы *тей-*, *сей-* возникали в говорах центральных территорий после того, как там завершилось действие (в качестве живого фонетического процесса) тенденции утраты /j/ в интервокальном положении, а результаты его подвергались морфологизации. Таким образом, возникновение этих форм можно отнести к периоду XVI—XVII вв. В процессе характерного для этого периода распространения форм местоимений с основами *тей-*, *сей-* в северо-западном направлении эти последние оказывались на территории говоров, где еще действовал в качестве живого фонетического процесса, как действует в отдельных говорах и до сих пор, процесс утраты интервокального /j/ и последующего стяжения гласных. В связи с включением в эти процессы и происходило изменение форм *те/йа́/*, *се/йа́/*, *те/йе́/*, *се/йе́/*, а по аналогии с ними и местных форм *тебе́*, *себе́*, в *тя*, *ся*, *те*, *се*, *ти*, *си*. При последующем употреблении кратких форм в определенных условиях: при более быстром темпе речи, в наиболее употребительных выражениях и часто встречающихся в речевом потоке словосочетаниях в образование кратких форм могло быть включено и местоимение 1-го л. Впрочем, по отношению к этому местоимению М. А. Гадолина не исключает возможности сохранения старых кратких форм, включенных однако в отдельных говорах в новую систему употребления. Это предположение можно считать допустимым по отношению к местоимению *мя*. Таким образом, в современных кратких формах местоимений в основном вероятнее всего следует видеть новообразования позднего времени, возникавшие в XVI в., а распространявшиеся в последующее время: помимо данных, ранее приводившихся исследователями, об этом свидетельствуют и данные лингвистической географии, указывающие на то, что новообразование, возникшее на территории центра, получило ограниченное распространение и осуществилось в основном лишь в северо-западном направлении. Такое направление в распространении новообразований на северной части территории русского языка и такие пределы их распространения как раз характерны для периода, непосредственно предшествующего образованию национального языка.

Глава четвертая

ЯВЛЕНИЯ-ИННОВАЦИИ НОВГОРОДСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

§ 1. Общая характеристика распространения подобных явлений

В данной главе будут рассмотрены явления, по отношению к которым в работе выдвигается предположение, что первоначальным очагом их возникновения были новгородские говоры, расположенные на центральной с исторической точки зрения и тем самым наиболее основной территории существования этого диалекта. Современный характер распространения явлений указанного происхождения различен, что зависит как от времени возникновения каждого отдельного явления, так и от того, вошло или не вошло оно в дальнейшем в состав норм общенародного языка. Однако в отличие от инноваций ростово-суздальского происхождения все явления, очагом первоначального возникновения которых были говоры Новгородской земли, имеют изоглоссу на общей территории распространения говоров русского языка.

К числу явлений новгородского происхождения, оставшихся диалектными в русском языке, относятся следующие.

1. Разные типы неразличения аффрикат — цоканье.

2. Произношение */мм/* в соответствии */бм/*.

3. Неразличение форм дат. и твор. п. мн. ч. прилагательных, местоимений, а в ряде говоров также и существительных.

4. Твердое произношение окончания *-т* в в личных формах глаголов 3-го л.

При значительных различиях в характере распространения этих диалектных явлений новгородского происхождения, зависящих от времени их возникновения, для них характерно то, что все они отсутствуют на сопредельной с северным наречием территории восточных ср.-р. окающих говоров, исторически сложившихся на центральной территории распространения ростово-суздальского диалекта, но имеют распространение, притом преимущественно весьма ощутительное, на территории западных ср.-р. говоров и северного наречия, хотя в пределах территории этого последнего и наблюдается в ряде случаев уменьшение последовательности распространения явлений в направлении с запада на восток.

В связи с тем, что по истории аффрикат имеется специальное исследование [42], это явление не рассматривается в данной главе. Здесь заметим только, что эта инновация новгородского происхождения, наиболее ранняя по времени возникновения (X—XI вв.), имеет меньшую сохранность в пределах указанных диалектных объединений по сравнению с двумя другими названными явлениями. Так, цоканье отсутствует не только на территории восточных ср.-р. говоров [43], но и на юго-восточной части территории северного наречия (костромские говоры). Наибольшая сохранность самой древней разновидности совпадения аффрикат — мягкого цоканья наблюдается только на северо-восточной части его территории (вологодские говоры). На остальной части территории северного наречия и на территории западных ср.-р. говоров цоканье представлено или в своих более поздних разновидностях или отражено в косвенно указывающих на него явлениях реликтового характера. Однако примечательным является тот факт, что данная древнейшая из инноваций, исторически развившихся в пределах самого новгородского диалекта, все же сохраняется в его пределах лучше, чем некоторые инновации более позднего пери-

[42] В. Г. Орлова. История аффрикат. . ., стр. 112 и др.

[43] Наличие ареала цоканья на территории восточных ср.-р. акающих говоров и на южной окраине окающих или объясняется по связи с перемещением сюда населения более западных территорий (см.: В. Г. Орлова. Указ. соч.) или на основе теории субстрата (см. ниже, IV, 2).

ода, распространявшиеся на территорию новгородского диалекта извне, из среды говоров, расположенных к югу от него, и подвергшиеся на его центральной территории в ряде случаев почти полной нивелировке (см. ниже, V, 1, § 2). Что же касается двух других названных выше диалектных явлений новгородского происхождения, то они, представляя собой инновации более позднего времени, имеют наиболее типичный для явлений этого рода характер распространения: произношение /*мм*/ и совпадение форм дат. и тв. п. мн. ч. распространены в пределах зап. ср.-р. говоров, в говорах северного наречия (с указанными выше особенностями распространения) и отсутствуют в восточных ср.-р. говорах. Ниже (см. II, 4, § 4) предполагается, что новгородским по происхождению является также и твердое произношение окончания *-т* в соответствующих глагольных формах. Это явление вошло в состав норм общенародного языка, чему могло способствовать наличие предпосылок особого рода (см. там же). С этим связано, видимо, и более широкое распространение данного явления, отличающегося в этом отношении от других явлений новгородского происхождения: оно свойственно всем говорам северного территориального подразделения, т. е. в том числе и восточным ср.-р. говорам.

Однако при этом данное явление остается территориально ограниченным в своем распространении: его ареал не охватывает говоров южного наречия.

§ 2. Ассимиляция согласных в сочетаниях *бм*, *дн*.

Ассимиляция согласных по признаку назальности в сочетаниях *бм*, *дн* должна быть рассмотрена в говорах русского языка раздельно для каждого из этих сочетаний. Необходимость такого раздельного рассмотрения обусловлена различиями в очертаниях ареалов и в интенсивности распространения каждого из этих явлений на разных частях занимаемой ими территории. К такому раздельному рассмотрению направляют нас также и данные диалектологии других славянских языков, где более широко известна ассимиляция в сочетании *дн* в случаях типа /*онна́*/ < *одна́*, /*роннóй*/ < *роднóй* и под., выступающая по говорам ряда славянских языков при отсутствии ассимиляции в сочетании *бм* — /*обма́н*/ и под. В работах по диалектологии чешского, болгарского и польского языков указания на ассимиляцию именно в сочетании *дн* встречаются неоднократно [44].

В период до обследования говоров русского языка при подготовке диалектологических атласов в распоряжении диалектологов русского языка не было достаточных данных о произношении указанных сочетаний по говорам.

С этим связан, например, тот факт, что в «Опыте» судьба сочетаний *бм* и *дн* не учитывается при общей характеристике северного наречия; лишь при описании отдельных объединений в его пределах, как например Поморской группы говоров, указывается возможность произношения /*нн*/ в соответствии *дн* [45]. Несколько позднее Н. Н. Дурново считал произношение /*нн*/ чертой, свойственной большей части говоров северного наречия, из состава которого он исключал в данном случае говоры Владимирско-Поволжской группы [46], хотя следует отметить, что А. А. Шахматов указывал на изменение *бм* > *мм* как на характерную черту северного наречия [47]. В «Очерках» Р. И. Аванесова указывается уже возможность произношения как /*мм*/, так и /*нн*/, но обе эти черты рассмотрены как свойственные большей части северного наречия [48].

Между тем по современным данным в говорах русского языка наиболее широко распространена ассимиляция в сочетании *бм*: *о*/*мм*/*а́н*, *о*/*мм*/*éрил*, из *о*/*бм*/*а́н*, *о*/*бм*/*éрил* и под. Возможность такого произношения отмечается в подавляющем большинстве говоров северного наречия, отсутствие явления наблюдается лишь на отдельных частях восточной половины его территории. Случаи изменений диссимилятивного характера в том же сочетании *о*/*дм*/*а́н*, *о*/*γм*/*а́н* редки по говорам и не имеют значения при изучении истории формирования диалектных объединений.

Ареал произношения /*мм*/ охватывает, кроме северного наречия, также и западные ср.-р. говоры, частично выходя за пределы этих последних в южном направлении на территорию некоторых говоров южного наречия вокруг Смоленска, Дорогобужа, Ельни.

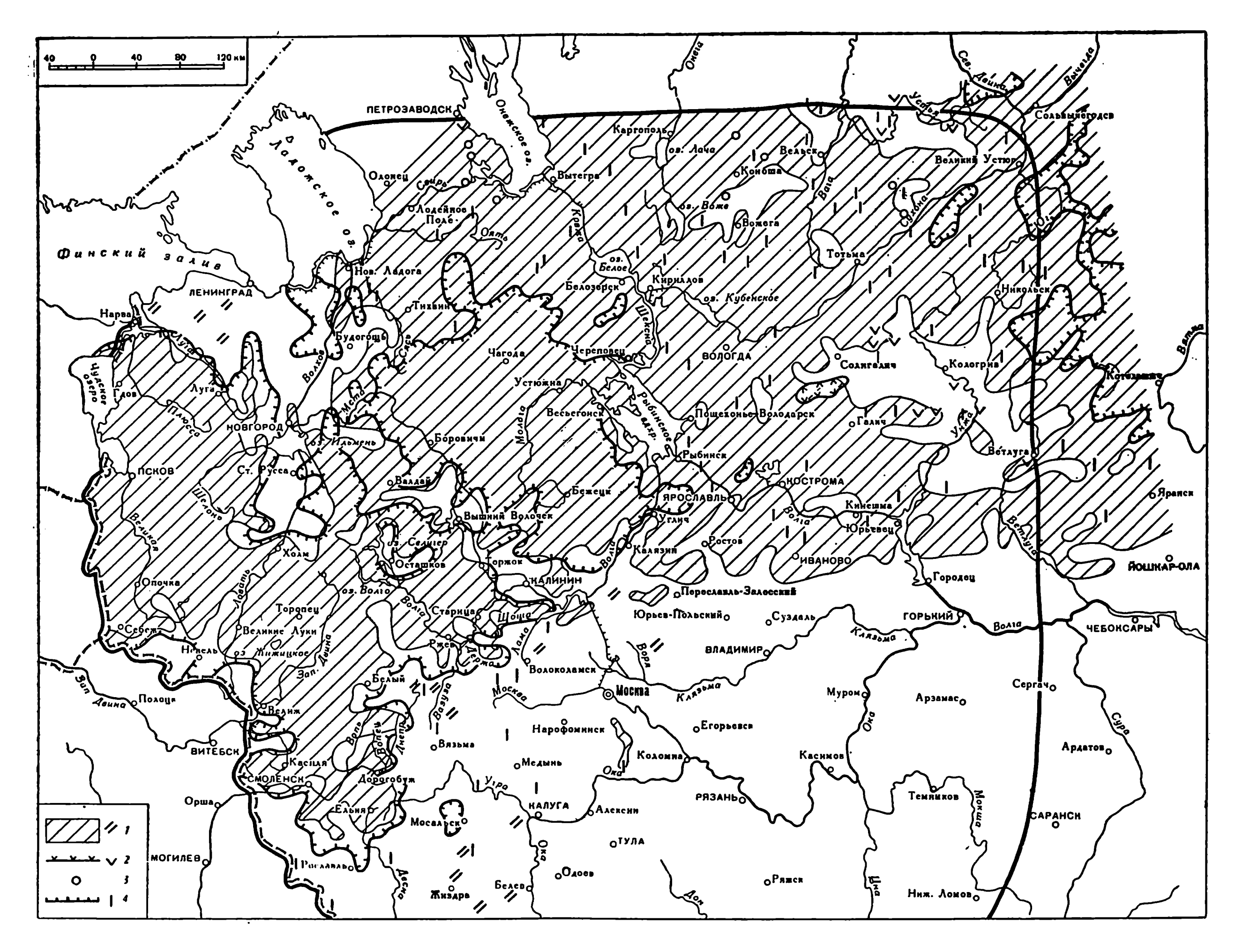
[44] См. указания на ассимиляцию в сочетании *дн* по говорам славянских языков в трудах обобщающего характера: А. М. Селищев. Славянское языкознание. М., 1941, стр. 109, 335 и др.; С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков, стр. 268.

[45] «Опыт», стр. 18, 21 и др.

[46] Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка, ч. I. Брно, 1927, стр. 113.

[47] А. А. Шахматов. История русского языка, стр. 669—670.

[48] Р. И. Аванесов. Очерки. . ., стр. 213.

Карта 55

Произношение сочетаний *бм* и *дн*:

1 — произношение */мм/* в соответствии *бм*: *о/мм/áн*, *о/мм/éрил* из *о/бм/áн*, *о/бм/éрил* и под.; *2* — случаи произношения */дм/*— *о/дм/áн*; *3* — случаи произношения */γм/—о/γм/áн*; *4* — произношение */нн/* в соответствии */дн/*: *о/нн/á*, *ро/нн/óй* из *о/дн/á*, *ро/дн/óй* и под.

Данное явление не свойственно восточным ср.-р. говорам, где его отмечают лишь по самой северной их окраине, не свойственно оно и южному наречию (за указанным выше незначительным исключением).

Изучение соответствующего материала показывает, что в русском языке возможность сочетания согласного *б* с последующим носовым согласным *м* имеется только на стыке приставки (предлога) и корня, где по говорам и возникает ассимиляция, приводящая к замене *б* на *м*: *о/бм/áн* > *о/мм/áн*, *о/бм/éрил* > *о/мм/éрил*, *о/бм/áзал* > *о/мм/áзал*, *о/бм/орóзил*, *о/мм/орóзил*, *о/бм/éн* > *о/мм/éн*, *ó/бм/орок* > *ó/мм/орок*, *о/бм/олóтит* *о/мм/олóтит*, *о/бм/áме* > *о/мм/áме* и др. Следует принять во внимание, что префикс *об*, конечный согласный которого подвергается ассимиляции, принадлежит к числу легко вычленимых и широко употребляется наряду с позициями, где наблюдается оглушение согласных, также и в сильных позициях для его конечного согласного в ряде других образований: *обрабóтал*, *объéхал*, *обновúл* и т. п.

Изучение интенсивности распространения произношения */мм/* в соответствии *бм* показывает, что эта интенсивность ниже в говорах, находящихся в пределах юго-западной части ареала данного явления, т. е. на территории южной части западных ср.-р. акающих говоров и примыкающих к ним говоров южного наречия. Так, здесь произношение */мм/* не-

редко встречается лишь в единичных случаях, преимущественно в слове *обма́н* и однокоренных с ним — *о/мм/а́н*, *о/мм/ану́л*, *о/мм/а́нщик* и под., что указывает на намечающуюся возможность лексикализации явления, т. е. сохранения его в наименее членимой основе в отличие от случаев *обме́рил*, *обма́зал* и под., где префикс *об* выделяется легче.

По сравнению с этим на территории северного наречия широко известны говоры, в которых произношение */мм/* распространено в в принципиально неограниченном кругу случаев, хотя при этом следует учитывать, что языковой материал, в котором представлено сочетание *бм* (*/мм/*), не столь уж велик, чем определяется и самая возможность появления случаев произношения */мм/* в речевом потоке.

Иной характер распространения и иные закономерности существования имеют результаты ассимиляции в сочетании *дн*, *д'н'* и изменения его в */нн/ /н'н'/* — *о/нн/а́* > *о/дн/а́*, *ро/нн/о́й* > *ро/дн/о́й* и под. Несколько разорванных, в том числе и значительных по размерам, ареалов этого явления расположено, в общем, в пределах территории, занимаемой ареалом */мм/* из *бм*, охватывая разные ее части и лишь в очень редких случаях выходя за его пределы (см. карту). В границах ареала употребления */мм/* произношение */нн/* сочетается с ним наиболее регулярно на территории западных ср.-р. говоров и примыкающих к ним говоров южного наречия. На юго-западной части территории северного наречия произношение */нн/* при */мм/* известно на более южной части территории Ладого-Тихвинской группы, а также южной части территории межзональных говоров северного наречия. На центральной и восточной части территории северного наречия произношение */нн/* отсутствует, и тем самым употребление */мм/* преимущественно не сопровождается употреблением */нн/*. Оказывается, что большинство говоров северного наречия знает употребление */мм/* при отсутствии произношения */нн/*. Говоры с обратным соотношением, т. е., такие, в которых произносилось бы */нн/* при отсутствии */мм/*, встречаются, но чрезвычайно редко.

В отличие от сочетания *бм* сочетания *дн* или *д'н'* часто представлены в пределах корней слов или нечленимых основ (исторически на стыке корней и суффиксов): */дн/о* > */нн/о*, */д'н'/а* > */н'н'/а*, *обы́/дн/о* > *обы́/нн/о*, *ро/д'н'/а́* > *ро/н'н'/а́*, *сты́/дн/о* > *сты́/нн/о*, *сту́/д'н'/а* > *сту́/н'н'/а* и т. п., причем количество случаев, в которых встречаются сочетания *дн*, */д'н'/*, а соответственно возможно их ассимилятивное изменение, достаточно велико в русском языке. По говорам, знающим употребление */нн/—/н'н'/* в соответствии *дн—/д'н'/*, обычно отмечают многочисленные случаи такого употребления, которое может быть весьма последовательным у отдельных говорящих. В отличие от этого случаи ассимиляции *д* и *н* на стыке приставок и корней — (*по/дн'/я́ть*, *по/дн/о́с*, *по/дн/и́м* и под) чрезвычайно редки.

Интенсивность употребления сочетаний */нн/—/н'н'/*, соответствующих *дн*, */д'н'/*, варьируется на данной территории. Так, в пределах северного наречия, в тех относительно немногочисленных говорах, которые знают произношение */нн/—/н'н'/*, оно преимущественно бывает менее последовательным, чем произношение */мм/*. В отличие от этого в западных ср.-р. говорах, особенно в более южной их части, как правило, более последовательным является произношение */нн/*, а менее последовательным */мм/*. Таким образом, можно считать, что из двух рассматриваемых явлений для говоров северного наречия характерным является ассимиляция в сочетании *бм* и тем самым произношение */мм/*. Для западных ср.-р. говоров с синхронной точки зрения характерно сочетание обоих явлений, т. е. как употребление */нн/* из *дн*, так и */мм/* из *бм* при большей последовательности и интенсивности распространения в них */нн/*.

Для последующего рассмотрения исследуемого явления с исторической точки зрения важны данные других восточнославянских языков. Что касается украинского языка, то мы располагаем лишь указаниями А. А. Шахматова на то, что в украинском языке. «Во многих говорах dn перешло в nn (n̄). . .» [49]. По другим работам, имевшимся в нашем распоряжении, скорее создается впечатление об отсутствии данного явления в говорах украинского языка.

Говорам белорусского языка известна ассимиляция согласных в обоих исследуемых сочетаниях. Ее результаты представлены, однако, преимущественно в виде небольших разрозненных ареалов, распространенных в общем по всей территории данного языка [50]. При этом весьма характерно то, что эти ареалы, или хотя бы какая-то часть из них, не смыкаются с тем поблизости расположенным ареалом данного явления, который охватывает западные ср.-р. говоры и примыкающие к ним говоры

[49] А. А. Шахматов. История русского языка, стр. 333.

[50] Нарысы на беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964, стр. 137.

северного наречия русского языка. В диалектологическом атласе белорусского языка имеется только карта, показывающая распространение сочетания /*нн*/. Однако, как показывает обращение к картотеке данного атласа, употребление /*мм*/ известно в общем в тех же говорах, в которых распространено /*нн*/, причем оба данных явления существуют в них в качестве реликтовых и выступают непоследовательно, обычно наряду с произношением изучаемых сочетаний без ассимиляции, т. е. как /*бм*/, /*дн*/, что специально оговаривается исследователями современных говоров белорусского языка, указывающими также на распространение по всей территории белорусского языка произношения слова *сегодня* с сочетанием /*нн*/ — *сяво*/*н'н'*/*я*, что может указывать на более широкое распространение /*нн*/ — /*н'н'*/ из *дн* — /*д'н'*/ в прошлом [51]. Не исключается, видимо, и такое предположение, что употребление /*мм*/ является по говорам белорусского языка все же более редким, чем употребление /*нн*/ в соответствии *дн*. Об этом свидетельствуют, например, высказывания Е. Ф. Карского, считавшего употребление /*нн*/ «довольно распространенным» [52], но указывавшего при этом в другом месте своей работы на то, что переход *бм* в /*мм*/ «в белорусском языке редкий». В работах П. Бузука вообще находим лишь указание на ассимиляцию *дн* > *нн* [53].

На основании всех рассмотренных выше данных можно, видимо, прийти к предположению о том, что возникновение изучаемых явлений могло быть разновременным по говорам восточнославянских языков, развивавшимся в них с разной степенью успешности, хотя и на основе одной и той же тенденции.

Изменение *бм* в /*мм*/ не получило отражения в памятниках письменности и потому гипотезы о его возникновении возможны только на основе данных лингвистической географии. Отсутствие отражения данного явления на письме может объясняться именно тем, что оно, как уже говорилось, представлено только на стыке приставки и корня; широкое употребление на письме данной приставки в положении перед другими (неносовыми) согласными в виде *об* должно было поддержать и поддерживало ее единообразное написание с согласным *б*, в частности, и перед носовыми согласными.

По данным лингвистической географии, изменение *бм* в /*мм*/ следует скорее всего считать более ранним, чем *дн* в /*нн*/; на части территории северо-запада, в говорах Новгородской земли, оно могло появиться еще и в XIII в., т. е. до временного отрыва юго-западных земель, вошедших в состав Литовской Руси.

На основании тех же данных можно предположить, что распространение данного явления из среды новгородских говоров шло далее как в южном, так и в восточном направлении. В первом случае явление усваивалось родственными по происхождению носителями говоров Смоленской и Полоцкой земель.

Меньшая интенсивность /*мм*/ из *бм* на данной территории, возможно, объясняется его появлением в результате междиалектного взаимодействия, т. е. усвоением из новгородских говоров, с чем связана также и более ранняя деградация его в дальнейшем, отраженная в западных ср.-р. говорах и еще ярче выраженная в говорах белорусского языка.

Иным было распространение данного явления с территории центральных районов той же Новгородской земли в восточном направлении при освоении новгородцами земель северо-востока. Предположение о распространении изучаемого явления именно в направлении с запада (где был его первоначальный очаг) на восток подтверждается тем, что на восточной части территории современного северного наречия данное явление местами отсутствует (см. карту 55).

Видимо, лишь значительно позднее часть говоров русского языка, развивших или усвоивших произношение /*мм*/, развила ассимиляцию по признаку назальности также в сочетаниях *дн* — /*д'н'*/. Для русского языка основным очагом изменения *дн* в /*нн*/ можно признать говоры, расположенные в южной части западного ареала данного явления (на территории современных Великолукской и Смоленской областей), по отношению к которым мы выше предполагали, что они усваивали результаты изменения *бм* в /*мм*/ из более северных по отношению к ним новгородских говоров. Таким образом, в этих говорах, первоначально усвоивших /*мм*/, произошло расширение условий реализации явления, появившегося в них в результате междиалектного общения (в нашем случае параллельное с изменением *бм* в /*мм*/ развитие ассимиляции по признаку назальности также и в сочетании *дн*). Такого рода расширение первоначальных условий реализации явлений, заимствуемых из иной языковой среды, характерно и для других аналогичных

---

[51] Дыялекталагічны атлас беларускай мовы, карта 60.
[52] Е. Ф. Карский. Белорусы I. М., 1955, ср. высказывания на стр. 328 и 351.
[53] П. Бузук. Спроба лінгвістычнае географії беларусі. Менск, 1928, стр. 60.

случаев и уже отмечалось нами. На современном этапе развития в говорах, находящихся на южной части основного ареала /*нн*/ — /*н'н'*/, наблюдается наиболее последовательное употребление /*нн*/ — /*н'н'*/ при менее последовательном, и как мы видели выше, иногда близком к лексикализации, употреблении /*мм*/. Что же касается говоров западного ареала /*нн*/ в целом, то можно предположить, что в его пределах результаты изменения *дн* в /*нн*/ распространялись в направлении с юга на север, чем и объясняется тот факт, что в северной части ареала в собственно севернорусских или ср.-р. новгородских говорах употребление /*нн*/ является менее последовательным, а употребление /*мм*/ регулярным. Аналогичной могла быть последовательность изменения *бм* > *мм* сравнительно с *дн* > *нн* и в говорах, находящихся на востоке территории северного наречия.

В отличие от написания *мм* в соответствии *бм* написания *нн* в соответствии *дн* отмечены, хотя и очень скупо, по памятникам письменности. Н. Н. Дурново считал, что изменение *дн* в /*нн*/ было пережито восточными славянами еще до образования отдельных восточнославянских языков. К такому предположению его приводило представление о том, что употребление /*нн*/ широко известно говорам всего северновеликорусского наречия русского языка, а в белорусском языке распространено в его северо-восточных говорах. Такое распространение /*нн*/ было бы сходным с распространением цоканья, этого действительно древнего явления. Это представление не соответствует, как мы видели выше, данным лингвистической географии, которыми Н. Н. Дурново не располагал. Поэтому он не без недоумения указывал, что по памятникам письменности данное явление известно «только с XV в.» [54], причем примеров его употребления он не приводил. Единичные примеры употребления /*нн*/, притом из памятника XVI в., приводил Е. Ф. Карский [55]. Та характерная особенность, что употребление /*нн*/ из *дн* преимущественно наблюдается в отличие от /*мм*/ из *бм* в пределах нечленимых основ, содействовала его отражению на письме. Что же касается единичности встречающихся написаний, то она может быть удовлетворительно объяснена только на основании представления о позднем времени возникновения явления.

[54] Н. Н. Дурново. Очерк истории, § 224 и 273.
[55] Е. Ф. Карский. Избранные сочинения, стр. 351.

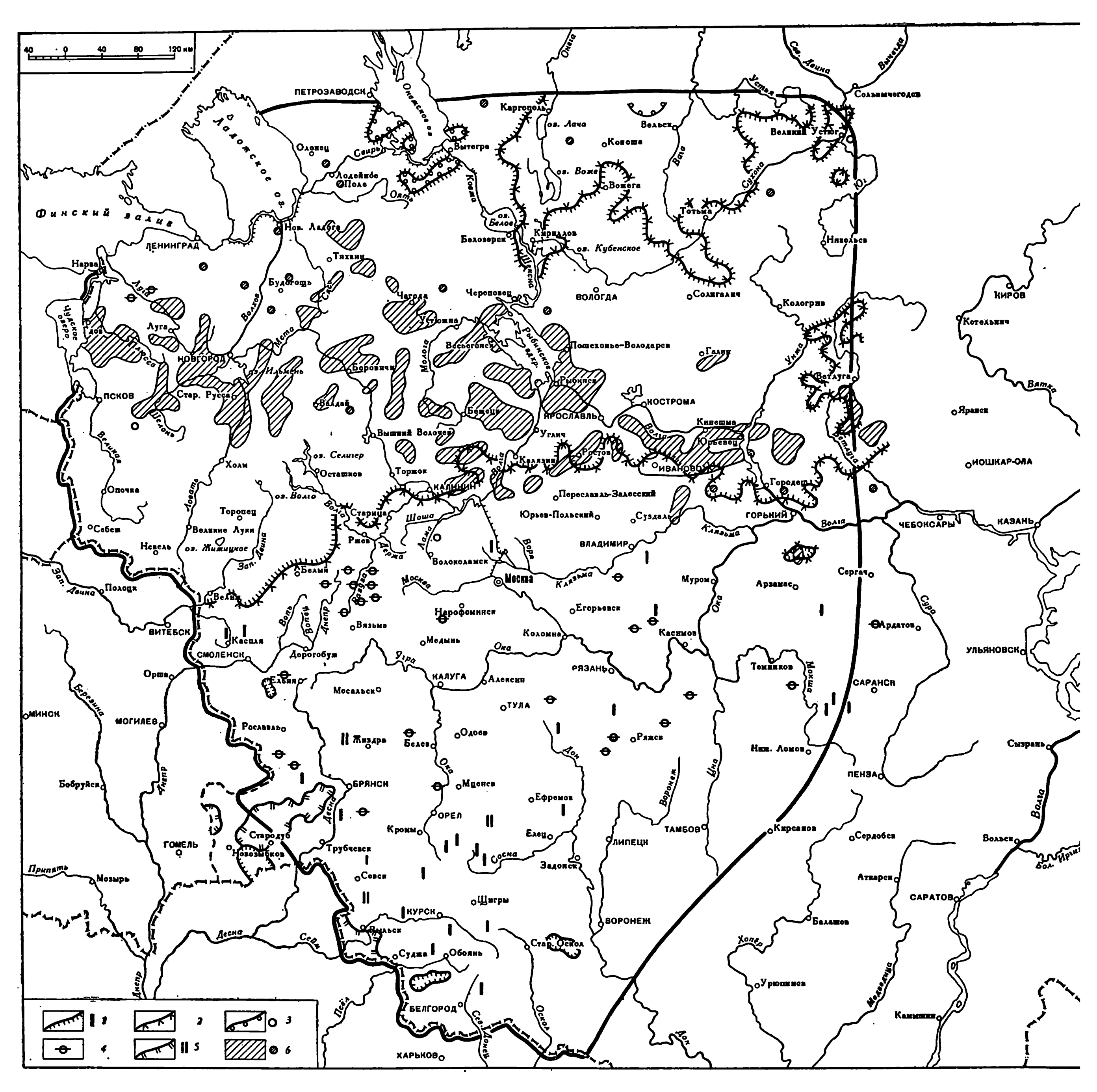
§ 3. Формы дательного и творительного падежей мн. числа прилагательных—местоимений и существительных

Различия, имеющиеся по говорам в образовании названных форм, разнообразны и находятся в разных планах. Из числа этих различий наибольшую определенность территориального распространения и наибольшее значение для группировки говоров имеет различение этих форм при флексиях *-ым*, *-ыми* у прилагательных и *-ам*, *-ами* у существительных, в одних говорах, в отличие от совпадения этих форм при флексиях *-ым* или *-ам*, — в других: *к нóвым домáм*, но *с нóвыми домáми* или *к нóвым домáм* и *с нóвым домáм*.

Ареалы совпадения дат.—тв. п. в одной форме у прилагательных (местоимений) и у существительных в общем являются сходными по очертаниям, однако имеющиеся между ними, хотя и не столь существенные, различия должны учитываться при изучении истории этих явлений, в связи с чем они и показаны на двух различных картах — 56 и 57.

Взятые в совокупности случаи совпадения форм дат.—тв. п. мн. ч. прилагательных—местоимений и существительных характерны для говоров северного наречия (с известными исключениями и ограничениями в северо-восточной и окраинной северной частях его территории) и для западных ср.-р. говоров, взятых в целом. Для южного наречия и восточных ср.-р. говоров (за исключением самой северной окраины этих последних) характерно различение форм дат.—тв. п. мн. ч. При этом важно подчеркнуть, что совпадение дат.—тв. п. в одной форме принадлежит к числу четко противопоставленных с территориальной точки зрения явлений: за пределами основной территории распространения случаи совпадения отмечены лишь в единичных говорах.

Наибольшей последовательностью в говорах указанных территорий отличается распространение общей формы дат.—тв. п. мн. ч. у прилагательных и местоимений, у которых эта общая форма в большинстве говоров имеет окончание *-им* (*ым*): *к нóвым* (*домáм*), *с нóвым* (*домáм*), *к своим* (*домáм*), *со своúм* (*домáм*); в ряде говоров употребление этих совпадающих форм является преобладающим еще и в настоящее время. При этом по материалам удается проследить, что существительные в сочетании с прилагательными, как правило, также употребляются в общей форме дат.—тв. п.: *с нóвым домáм*, *со своúм домáм*, но вне такого со-

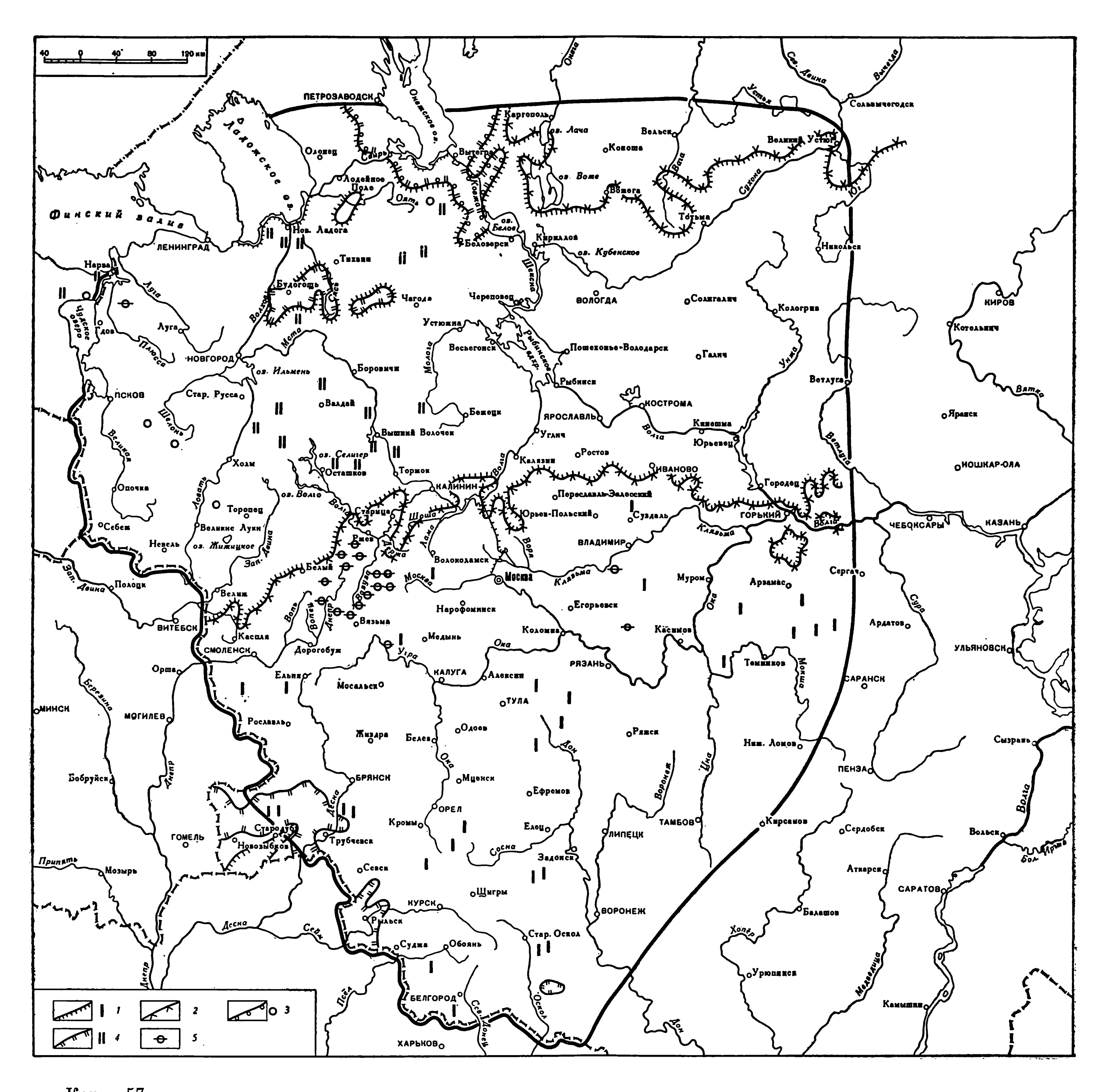

Карта 56

Различение или совпадение форм дательного и творительного падежей мн. ч. у прилагательных (местоимений):

1 — совпадение форм: *к нóвым (домáм), с нóвым (домáм) к своúм (друзья́м), со своúм (друзья́м).*

Различение форм: *2* — с окончаниями /*-ым*/, /*-ыми*/; *3* — с окончаниями /*-ым*/, /*-ыма*/; *4* — с окончаниями /*-ым'*/, /*-ым'а*/; *5* — с окончаниями /*-ым*/, /*-ымы*/; (*6* — распространение формы род. п. мн. ч. прилагательных с сочетанием /*-ыи-*/: /*нóвыих*/)

Карта 57

Различение или совпадение форм дательного и творительного падежей мн. ч. существительных:

1 — совпадение форм: *к домам, с домам*. Различение форм: *2* — с окончаниями */-ам/, /-ами/*; *3* — с окончаниями */-ам/, /ама/*; *4* — с окончаниями */-ам/, /-амы/*; *5* — с окончаниями */-ам/, /-ам'а/*

четания чаще представляют колебание — *с домам* и *с домáми*.

В некоторых говорах наряду с формой дат.—тв. п. прилагательных с окончанием *-ым* выступает (также при совпадении названных падежей) и форма с окончанием *-ыим*, или его фонетическими вариантами, такими, как *-ыйем*, *-ыйом*: *к нóв/ыим/ сапогáм*, *с нóв/ыим/ сапогáм*. Обычно в говорах, знающих двусложное окончание в совпадающей форме дат.—тв. п., отмечают его и в формах род.—предл. п. мн. ч.: *нóв/ыих/*, *о нóв/ыих/*. На карте 56 (см. выше) распространение форм с сочетанием */ыи/* дано на примере формы род. п. мн. ч. как наиболее регулярно отмечаемой в этом звучании в современных говорах. При этом по отношению к форме дат.—твор. п. по материалам удается проследить ту особенность употребления окончания *-ыим*, что в ряде говоров оно отмечено лишь в формах, имеющих значение дательного, а не творительного падежа; см., например: род. п.: *худ/ы́их/*, *молод/ы́их/*, *бéл/ыих/*, *тóнк/иих/*; предл. п.: *худ/ы́их/*, *молод/ы́их/*, *бéл/ыих/*, *тóнк/иих/*; дат. п.: *худ/ы́им/*, *мълод/ы́им/*, *бéл/ыим/*, *нóв/ыим/*, *тóнк/иим/*, тв. п. *худ/ы́м/*, *мълод/ы́м/*, *дóбр/ым/*, *тóнк/им/* (1—99) [56]. Если в говоре наряду с формой тв. п. мн. ч., совпадающей с дат. п., употребляется и форма того же падежа с окончанием *-ими* (*-ыми*), то в таких формах сочетания */ыи/*, как правило, не отмечают (имеющиеся исключения совершенно единичны): *с нóв/ыми/*, а не *с нóв/ыими/*.

Формы прилагательных с сочетанием */ыи/* распространены в настоящее время на значительном пространстве, но не сплошь, а в виде мелких ареалов (см. карту 56). С точки зрения исторической распространение мелких ареалов этого явления связано в основном с центральными территориями Новгородского и Тверского княжеств.

Различение форм дат. и тв. п. мн. ч. у прилагательных—местоимений наблюдается в пределах северного наречия в его северо-восточной и наиболее северной части. Наиболее значительным является ареал различения этих форм на северо-востоке (см. карту 56), где оно выступает при различном звуковом оформлении флексий: при наличии окончаний *-ым* — дат. п. и *-ыми* — тв. п. (на значительной части территории Вологодской группы и примыкающих с запада частях территории Лачской и Белозерской подгрупп); при наличии окончаний *-ым* и *-ыма* — *к нóв/ым/ домáм* и *с нóв/ыма/ домáма* (преимущественно на территории Онежской подгруппы). Эту последнюю разновидность различения отмечают у прилагательных реже, чем у существительных (см. ниже), но примерно на одних и тех же территориях. Не характерно для прилагательных различение форм с окончаниями *-ым*, *-ымы*, Хотя совпадение и различение изучаемых форм у прилагательных (местоимений) и существительных распространены примерно одинаково, по говорам чаще наблюдается сосуществование совпадения форм существительных с их различением.

При различении форм дат. и тв. п. мн. ч. у существительных выступает несколько вариантов такого различения: 1) различение окончаний *-ам* и *-ами*, известное преимущественно, как и у прилагательных, во всей северной части территории Вологодской группы и на небольших прилегающих к ней с запада территориях. Различение этого типа, как, впрочем, и всех последующих, наблюдается в современных говорах кроме того и в сосуществовании с совпадением форм дат.—тв. п.

2) Различение *-ам* — *-ама*: *к дом/áм/*, но *с дом/áма/*, *корóв/ама/*. Характерной особенностью различения *-ам* — *-ама* у существительных, как, впрочем, и у прилагательных, является то, что оно почти не является по говорам исключительным: наряду с окончанием *-ама* употребляются обычно окончания *-амы* и *-ам*: *с дом/áма/*, *с дом/áмы/*, *с дом/áм/*, а иногда и *с дом/áми/*. Однако самое наличие флексии *-ама* в тв. п. мн. ч. характерно в основном для говоров Онежской подгруппы.

3) Различение *-ам*, *-амы*, также редко выступает в исключительном употреблении по говорам. Кроме сосуществования с флексией *-ама* в тв. п., наблюдаемой на территории Онежской подгруппы, оно нередко наблюдается при сосуществовании с формами, имеющими окончание *-ами*, или также со случаями совпадения форм дат.—тв. п.: *с дом/áмы/*, *с дом/áми/*, *с дом/áм/*, или *с дом/áмы/*, *с дом/áм/* (см. мелкие ареалы форм тв. п. мн. ч. с окончанием *-амы* при таком сосуществовании на территории Ладого-Тихвинской группы).

Как уже говорилось выше, для говоров южного наречия и подавляющего большинства восточных ср.-р. говоров характерно различение форм дат.—тв. п. мн. ч. прилагательных (местоимений) и существительных при флексиях *-ам* и *-ами*. Лишь в единичных говорах на территории южного наречия, причем той ее части, которая близка к ареалу совпадения форм дат.—тв. п. мн. ч. (см. карту), отмечают различение форм тех же падежей при окончаниях *-ам*, */-ам'а/* или отдельные случаи совпадения

[56] Ср. такого рода данные и в материалах: I—85, I—89, I—91, I—92, I—98, I—149, I—216, I—261, I—260.

тех же падежных форм. По отношению к формам с окончаниями *-ам*, */ам'а/* в пределах южного наречия важно подчеркнуть, что их отмечают в говорах той территории, где в общем известно произношение */а/* в соответствии заударному *и бро́/с'ал/* и под., так что окончание */-ам'а/*может быть объяснено как фонетический вариант окончания *-ами*.

Как при совпадении, так и при различении изучаемых форм у существительных в современных говорах не наблюдается фактов, указывающих на определенную систему употребления этих падежей от существительных с различным лексическим значением. Не наблюдается и зависимости совпадения или различения падежных форм и от того, являются ли флексии ударенными ли безударными. Оговаривая специально эти моменты, мы имеем в виду тот факт, что они принимались во внимание некоторыми исследователями, ранее занимавшимися историей форм дат.—тв. п. мн. ч. и объяснявшими на их основе определенные особенности в образовании этих форм [57].

Из описанных различий в оформлении дат.—тв. п. прилагательных (местоимений) и существительных при изучении процесса формирования языкового комплекса северного наречия для нас наибольшее значение имеет вопрос о возможном месте, времени и путях распространения такого явления, как совпадение этих форм в форме дат. п. мн. ч.

Что касается диалектных разновидностей различения этих форм, таких, как различение при окончаниях *-ам* — *-ама*, *-ам* — *-амы*, отмеченных в говорах ограниченных территорий в пределах северного наречия, то вопрос об их происхождении уже рассматривался на основе весьма обстоятельного анализа материала в ряде работ [58]. Изучая различение дат.—тв. п. с окончаниями *-ам*, *-ама* по старым диалектным данным, указанные авторы приводили показания таких говоров, где форма тв. п. мн. ч. с окончанием *-ма* употребляется только у существительных, обозначающих парные предметы, чего не удается уже проследить по данным современных говоров. В тех же источниках отражаются, также не сохранившиеся в настоящее время, формы тв. п. с гласными */ы/*, */и/* в окончаниях у имен существительных, имеющих безударную флексию: *с но́в/ыма/ дом/а́ма/*, но *с хоро́ш/има/ ко́н/има/*, *с мя́гк/има/ ла́п/ыма/*.

На основании данных этого рода указанные авторы приходили к выводу о сохранении флексии двойственного числа в определенных говорах, употребляемой в них в форме тв. п. мн. ч. при окончании *-ам* в форме дат. п.

Что касается окончаний *-има*, *-ыма*, то наличие в них гласных */и (ы)/* наиболее убедительно объясняет А. М. Иорданский, считая, что при распространении формы тв. п. мн. ч. по типу — дат.—тв. п. ед. ч. особенно влиятельными в силу ряда причин были формы двойственного числа существительных старых основ на * *i*, такие, как *очи*, *уши* — *оч/и́ма/*, *уш/и́ма/*.

Существует также достаточно установившееся мнение, в полной мере подтверждаемое и современными данными [59], что формы с окончанием *-амы* у существительных отражают влияние литературного языка и говоров, в которых распространено окончание *-ами*, на говоры, знающие формы тв. п. с окончанием *-ама*, и представляют собой контаминацию окончаний *-ама* и *-ами*.

Единично отмеченные в северном наречии формы тв. п. с окончанием */-ам'а/* объясняют контаминацией окончаний *-ама* и *-ами*, но пошедшей иным путем, чем при возникновении окончания *-амы*: во вновь сложившейся флексии */-ам'а/* сохраняется гласный окончания, но под влиянием окончания *-ами* усваивается мягкость согласного.

О возможном фонетическом объяснении форм тв. п. мн. ч. с окончанием *-а/м'а/* в говорах южного наречия см. выше.

Что же касается вопроса о времени и первоначальном очаге совпадения форм дат. и тв. п. мн. ч., явления, характерного для большинства говоров северного наречия и западных ср.-р., то его, видимо, наиболее целесообразно рассмотреть раздельно для прилагательных (местоимений) и для существительных, как это было сделано и в описательной части данного очерка. Повод для раздельного рассмотрения дают такие особенности косвенных падежей прилагательных, как наличие у них форм с сочетанием */ыи/* и как бо́льшая последовательность распространения совпадающих форм дат. тв. п. прилагательных в отличие от существительных, отражающаяся и в современных говорах. Нельзя также не учитывать и некоторых отличий в истории форм мн. ч. прилагательных по сравнению с формами мн. ч. существительных. Так, следует напомнить, что совпадению форм дат. тв. п. существительных

---

[57] С. П. Обнорский. Именное склонение 2. Л., 1931.

[58] С. П. Обнорский. Именное склонение 2; А. М. Иорданский. История двойственного числа в русском языке. Владимир, 1960.

[59] А. М. Иорданский. Указ. соч., стр. 129.

мужского—среднего рода в форме дат. п. с окончанием *-ам* в ходе истории грамматического строя русского языка предшествовало установление у них общих для всех типов склонения форм мн. ч., т. е. смена старых форм дат. п. мн. ч. *столомъ*, *селомъ* и формы тв. п. мн. ч. *столы*, *селы* формами *столам*, *селам*, *столами*, *сёлами*, после чего лишь и стало возможным возникновение форм дат.-тв. п. *столам*, *селам*, с чем нельзя не считаться при определении времени возможного совпадения форм дат. тв. п. у существительных. Хотя формы имен существительных с окончаниями *-ам*, *-ами*, *-ах* в единичных случаях отражаются по памятникам, начиная с конца XIII в. упорное сохранение на протяжении XV—XVI вв. старых форм с окончаниями *-омъ*, *-ы* в памятниках письменности не может быть объяснено одной лишь стойкостью книжной традиции. Современные исследователи склонны в ряде случаев на основании изучения употребления этих форм в разных контекстах придавать упорному сохранению старых форм по крайней мере то значение, что их вытеснение было процессом длительным и неравномерно протекавшим в разных диалектных группах (в том числе и в северном наречии), причем особенно устойчивыми являлись именно формы тв. п. мн. ч. с окончанием *-ы* [60]. Что же касается форм мн. ч. прилагательных, то они в принципе не представляли особенностей, которые могли бы препятствовать совпадению форм дат.—тв. п. мн. ч.

Для изучения истории форм мн. ч. прилагательных в говорах северного наречия мы считаем необходимым принять во внимание встречающееся по говорам употребление форм с сочетанием /*ыи*/ в окончании, отмечаемых, как было указано выше, преимущественно в формах род., дат. (а при совпадении падежей и тв. п.) и предл. падежей и, как правило, не отмечаемого в форме тв. п. (при наличии в нем флексии *-ыми*). Говоры, знающие данное явление, не занимают сплошной территории, однако его мелкие ареалы связаны все же преимущественно с западной частью северного наречия и с западными ср.-р говорами, а с исторической точки зрения — с центральными территориями Новгородского княжества и территорией Тверского княжества. По отношению к формам с сочетанием *(ыи)* уже высказывалось мнение, что они являются характерными диалектными новообразованиями, а не сохранением соответствующих общеславянских форм. Ср. у А. А. Шахматова: «Что касается весьма обычных в великорусской области форм на *-ыим* в твор., *-ыих* в местн., *-ыим*, *ыими* во мн. числе, то вряд ли можно возвести их к старым формам на *- yiть*, *-yiхъ*, *-yiтi*; вероятнее думать, что это новообразования, возникшие сначала во множественном числе под влиянием формы им. мн. (*молодыих* вместо *молодых* под влиянием *молодыи*) и передававшие свои *ыи (iи)* также и в твор. ед.» [61].

Сделанные выше наблюдения над тем, что сочетание /*ыи*/ очень редко отмечают в формах тв. п. мн. ч., не совпадающих с дат. п., т. е. в случаях типа *нóвыми* или *нóвыма*, а также над тем, что и при совпадении форм дат. тв. п. по говорам встречаются такие отношения, что сочетание /*ыи*/ отмечают только в формах, имеющих значение дательного, а не творительного падежа, позволяют осмыслить указанное А. А. Шахматовым влияние формы им. п. мн. числа, как проявление в говорах, знающих данное явление, такой тенденции общего характера, которая заключалась, видимо, в установлении равносложности падежных форм прилагательных. Тогда становится объяснимым, почему трехсложная форма им. п. мн. ч. оказывала влияние на формы род., дат., предл. п., которые становились двухсложными после падения редуцированных и не оказывала такого влияния на трехсложную форму тв. п. мн. ч. Действие этой тенденции могло быть актуальным, как на это указывают данные лингвистической географии, для говоров центральных территорий Новгородского и Тверского княжества, где и возникали формы типа *нóв/ыих/*, *нóв/ыим/* с последующим (в общем, не особенно значительным) распространением результатов указанного процесса в восточном направлении. Время действия такой тенденции не могло быть более ранним, чем падение редуцированных, имевшее место в северных говорах несколько позднее, чем в южных. По отсутствию этого явления на территории южной части западных

---

[60] Г. А. Яковлева. К истории форм дательного, творительного и местного падежей множественного числа существительных мужского и среднего рода. «Уч. зап. Кабардино-Балкарского ун-та», вып. 2. Нальчик, 1957; Г. А. Махораблидзе. Склонение имен существительных в московских деловых документах XV в. Автореф. канд. дисс. М., 1954. — Для московского говора, по мнению автора, характерно весьма позднее закрепление форм с окончаниями *-ам*, *-ами*, *-ах*, относящееся к национальному периоду. Для северных говоров этот процесс, возможно, протекал и раньше, поскольку ранние примеры употребления этих флексий отмечены именно в северных памятниках.

[61] А. А. Шахматов. Историческая морфология, стр. 199.

говоров русского языка можно видеть в нем новообразование новгородско-тверского происхождения, относящееся к периоду, когда связи с южной частью западных говоров были ослаблены в связи с вхождением этих последних в состав Литовского государства. Время возникновения описываемого новообразования не могло быть и слишком поздним, на это указывает наличие его одновременно на новгородской и тверской территории, а также возможность его распространения в восточном направлении. Таким образом, наиболее вероятным нам представляется отнесение этого новообразования к XIV в.

Тенденция к установлению равносложных форм косвенных падежей мн. ч. прилагательных на основе трехсложной формы им. п. мн. ч. должна была подвергнуться в дальнейшем изменению в связи с тем, что на территории тех же говоров, первоначально, видимо, на ее юго-восточной части (территория Тверского княжества и смежные с ним), получали распространение стяженные, т. е. двухсложные формы прилагательных им. п. мн. ч. *нóвы*, *молоды́* (см. выше, II, 3), § 2 о возможности наиболее раннего выпадения /j/ в формах прилагательных с безударными окончаниями). Если считать, что для говоров указанных территорий было характерно именно действие общей тенденции к установлению равносложных форм косвенных падежей мн. ч., то при появлении двухсложных стяженных форм прилагательных эта тенденция меняла свое конкретное выражение и могла привести к совпадению форм дат. и тв. п. мн. ч. в одной форме, а именно в форме дат. п., по количеству слогов наиболее соответствовавшей новой форме им. п. мн. ч. и постепенному вытеснению трехсложных форм с сочетанием /ыи/ в окончании. Двухсложные формы, общие для дат. и тв. п. мн. ч. и как соответствующие все более распространявшимся стяженным формам прилагательных им. п. мн. ч., получали затем на протяжении XV в. распространение на большей части территории говоров, знающих выпадение интервокального /j/ и стяжение гласных, за исключением, однако, говоров Владимирско-Поволжской группы, которым, как это показывает отсутствие на их территории, хотя бы остаточно, форм с сочетанием /ыи/, не была вообще свойственна тенденция к равносложности форм косвенных падежей мн. ч. прилагательных.

Для совпадения форм дат.—тв. п. мн. ч. прилагательных, как для явлений, распространявшихся в пределах северного наречия в более позднее время, характерно то, что оно не захватывает северо-восточной, да и вообще наиболее северной части этого наречия, достаточно обособившейся к этому времени, как это наблюдается и для других новообразований более позднего времени, возникавших на северной части территории русского языка. Напомним, что и по отношению к выпадению интервокального /j/ мы также отмечали ослабление интенсивности распространения соответствующих форм именно в говорах северо-восточной части северного наречия. Характерно также разреженное распространение совпадающих форм дат.—тв. п. мн. ч. и на территории восточной части Костромской группы, ростово-суздальской по происхождению.

Более поздним и возникавшим под воздействием совпадения форм прилагательных представляется нам аналогичное совпадение форм дат.—тв. п. мн. ч. у существительных, имеющих в этом случае общее окончание *-ам*: *к домáм*, *с домáм*. Если формы прилагательных—причастий встречаются, хоть и эпизодически, в памятниках письменности XIV в.[62], то аналогичных случаев для существительных ранее XVII в. не отмечено [63]. Г. А. Яковлева, обследовавшая значительное количество текстов XVI в., специально подчеркивает, что формы тв. п. мн. ч. с окончанием *-ам* в них отсутствуют [64]. Можно предполагать, что эти формы лишь возникали в конце XVI в., а распространялись в говорах северного наречия в XVII в., их отражению в письменности в этот период препятствовало, кроме их новизны и неповсеместности, разумеется, и укрепление московских норм письма. В связи с тем, что совпадение форм дат.—тв. п. мн. ч. существительных возникает в говорах северного наречия в столь позднее время, что можно считать безусловным, едва ли возможно видеть в этом совпадении отражение общности этих же падежных форм в двойственном числе, т. е. повторение в столь отвлеченном виде отношений, характерных для категории двойственного числа, пережиточной в русском языке к этому времени. Такого взгляда на возникновение совпадения дат.—тв. п. мн. ч. придерживались как известно, многие ученые [65].

---

[62] Соответствующие примеры и их оценку см.: П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии, стр. 77.

[63] Там же.

[64] Г. А. Яковлева. Указ. соч.

[65] Оспаривавший эту точку зрения П. С. Кузнецов выдвигает гипотезу о развитии совпадения этих падежей в связи с редукцией безударного /i/ в положении после сонорных согласных. См. «Очерки исторической морфологии», стр. 78.

§ 4. Окончания *-т* — *-т'* в формах 3-го лица глаголов настоящего времени

Различие между говорами русского языка по характеру окончаний форм 3-го л. настоящего времени при наличии согласного *т* в этих окончаниях [66] является однопланным по своему характеру, касаясь только твердости или мягкости согласного, и весьма определенным по характеру территориального распространения (см. карту). Для говоров северного наречия русского языка и взятых в целом среднерусских говоров (за исключением южной части территории западных ср.-р. говоров) характерно окончание *-т* в указанных формах: *несё/т/*, *вйди/т/*, *несý/т/*, *вйдя/т/*, в то время как для говоров южного наречия — */-т'/*: *несё/т'/*, *вйди/т'/*, *несý/т'/ вйдя/т'/*. При этом отметим, что по данному признаку южное наречие русского языка объединяется с другими восточнославянскими языками, а северное наречие и ср.-р. говоры отличаются от них, являясь сходными в этом отношении с русским литературным, нормированным языком.

Граница между */-т/* и */-т'/* является достаточно определенной еще и в настоящее время прежде всего в смысле выделения говоров с последовательным употреблением */-т/*, в отличие от говоров с */т'/*, поскольку в пределах этих последних у определенных слоев говорящих в настоящее время часто встречается и */т'/*, — литературная норма, распространение которой не является, однако, территориально приуроченным. Лишь на том отрезке пограничья между говорами с */т/* и */т'/*, который расположен в южной части западных ср.-р. говоров, имеется значительный массив говоров с сосуществованием */-т/* и */-т'/*, явно обусловленным на этой территории непосредственным и давним соседством говоров, различающихся по данной черте, т. е. взаимодействием между ними.

Менее значительная группа говоров, расположенных в пограничье */-т/* и */-т'/*, в которых эти окончания сосуществуют, расположена в пределах восточных ср.-р. говоров, где она находится к западу от Москвы (см. карту 58). Изучение данных об употреблении */-т/*, */-т'/* в тех пограничных говорах, где оба эти окончания сосуществуют в результате междиалектного взаимодействия (т. е. на территории южной половины западных ср.-р. и западной части восточных ср.-р. говоров), указывают на подлинную факультативность употребления того и другого окончания.

Употребление окончания *-т'* отмечают обычно наряду с употреблением */-т/* при общем ярко выраженном преобладании последнего как в формах единственного, так и множественного числа, глаголов и I и II спряжения с ударенными и безударными гласными окончаний. Лишь в единичных ответах, притом содержащих малое количество примеров, приводятся примеры с */-т'/* только в формах мн. ч. Однако сообщения такого рода, именно из-за скудости приводимого в них материала, вызывают сомнение, тем более, что наряду с ними в большинстве ответов, относящихся к той же территории, отражена возможность сосуществования */-т/* и */-т'/* в любых условиях. Что же касается говоров, расположенных в глубине территории северного наречия, то они не дают материала о сосуществовании форм с */-т/* и */-т'/*, так как формы с */-т'/* в них совершенно единичны (на карте 58 отмечено количество встречающихся по говорам примеров этого рода). Таким образом, по современным материалам, картографированным в атласе, не удается расширить или уточнить данные А. А. Шахматова и С. П. Обнорского о говорах, в которых окончание *-т* выступало бы только в формах единственного, а окончание *-т'* только в формах мн. ч.[67] Впрочем, и у С. П. Обнорского указания на такие говоры не являются достаточно определенными [68]. Более определенны они у А. А. Шахматова, приводившего соответствующие примеры из говоров Заонежья. Как известно, С. П. Обнорский придавал большое значение показаниям таких говоров. Это было связано с тем, что он, следуя за Ф. Ф. Фортуновым, считал окончание *-т* из *-тъ* отражением указательного местоимения *tas*, первоначально присоединявшегося к глагольным формам 3-го л. ед. ч. без окончания.

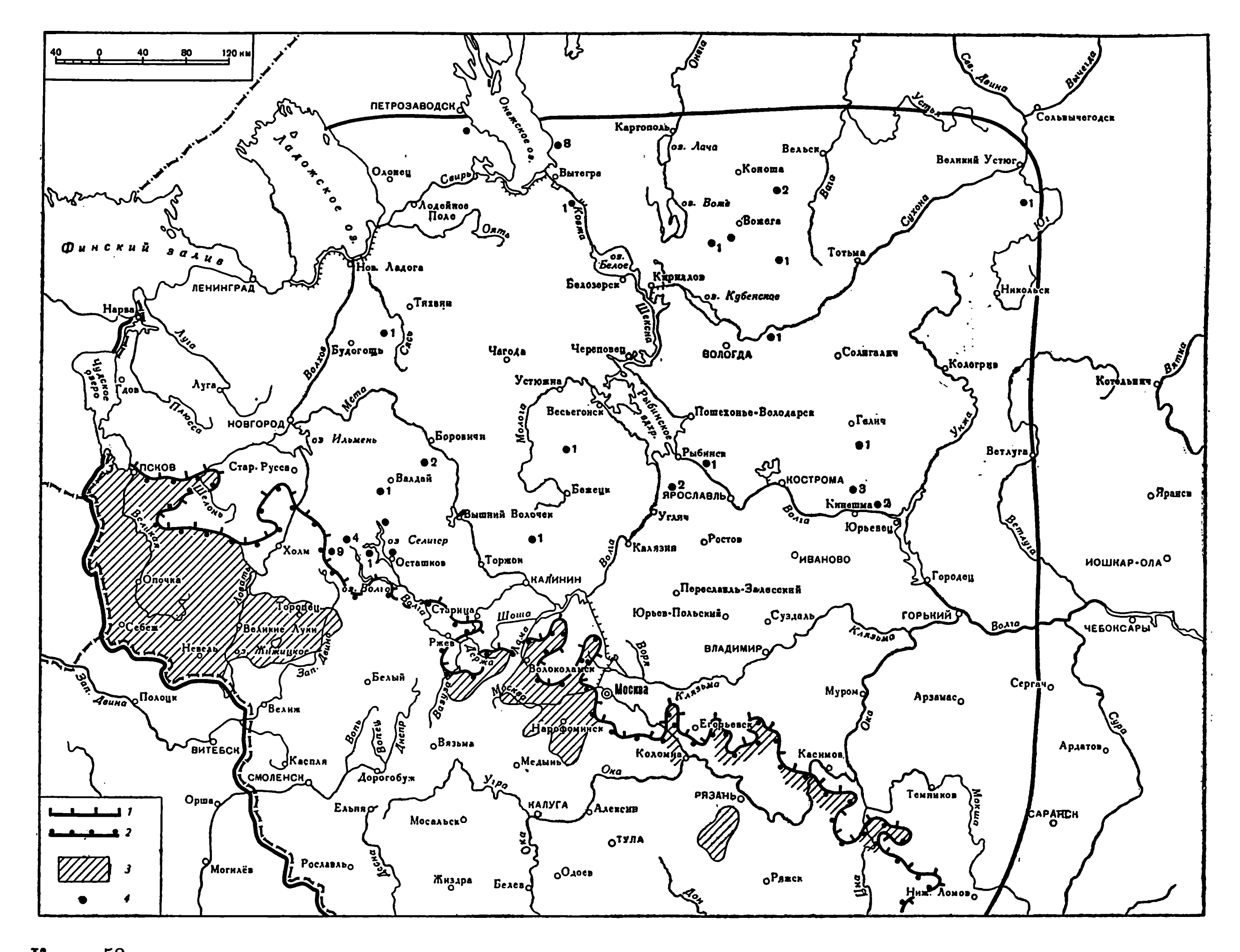
Не указывал точно и Н. Н. Дурново, какие именно говоры он имел в виду, когда писал: «Теперь в некоторых говорах Олонецкой губ. окончание *-т'* мягко в 3 л. мн. ч. глаголов I спр.: *идуть*, *несуть*, и пр. и твердо в остальных случаях» [69]. Впрочем, и при наличии таких отношений между окончаниями единственного и множественного числа, которые описаны А. А. Шахматовым, С. П. Обнорским и

[66] О глагольных формах 3-го л. настоящего времени без окончания см. I, 3, § 13.

[67] А. А. Шахматов. История русского языка, стр. 613.

[68] С. П. Обнорский. Образование глагольных форм 3-го лица настоящего времени в русском языке. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1941, № 3, стр. 32.

[69] Н. Н. Дурново. Очерк истории, стр. 332.

Карта 58

Наличие /т/ и или /т'/ в окончаниях глаголов 3-го л. ед. и мн. числа.

1 — /-т/; *2* — /-т'/; *3* — территории пограничных говоров, на которых наблюдается равноправное сосуществование окончаний /-т/ и /-т'/; *4* — наличие окончаний /-т/ в единичных случаях, количество которых указывает цифра, стоящая у знака

Н. Н. Дурново, не исключается предположение, что эти отношения могли сложиться при отвердении окончания *-т'* из *ть* таким образом, что это отвердение не охватывало форм мн. ч., а становилось средством дополнительного различения форм ед. и мн. ч., не являясь отражением присоединявшегося в период славянской общности указательного местоимения *tas*, даже если это присоединение исторически и имело место.

Таким образом, на основании имеющихся диалектных данных мы считаем наиболее правомерным присоединиться к точке зрения тех исследователей, которые исходили из представления об исконности окончания /*т'*/ из *ть* в восточнославянских языках в изучаемых формах, а появление окончания *-т* связывать с фонетическим процессом отвердения согласного *т* [70].

В соответствии с задачей, которая поставлена, в данной работе нам следует высказать предположение о том, в среде какой из основных диалектных групп, участвовавших в формировании северного наречия, это отвердение возникло первоначально. Проведенное к настоящему времени изучение показаний памятников письменности, как и обобщение диалект-

[70] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 613; Н. Н. Дурново. Указ. соч., § 509; П. С. Кузнецов. К истории форм 3-го лица настоящего времени глагола в русском языке. «Slavia», XXV/2, 1956, стр. 175—183; Не отрицал возможности исконного окончания /-т'/ и С. П. Обнорский (см. указ. соч.).

ных данных, с наибольшей вероятностью позволяют предположить, что первоначальным очагом отвердения согласного /т'/ в глагольных формах 3-го л. были, вероятнее всего, новгородские говоры. Это предположение согласуется с суммированными к настоящему времени наблюдениями над тем, что именно для фонетического строя новгородского говора было характерно менее последовательное развитие корреляции по мягкости—твердости [71]. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что именно этими говорами было усвоено и в дальнейшем в их среде успешно распространилось отвердение губных согласных на конце слова (см. I, 1, §. 3). Можно предполагать также, что некоторые другие (менее широко распространенные в современных говорах северного наречия) процессы утраты мягкости согласными, такие, как, например, отвердение согласного суффикса инфинитива (*ходит*, *носит* и под.) или собственно фонетическое отвердение парных мягких согласных в разных позициях, также следует связывать с продолжением действия соответствующих тенденций, связанных с ослаблением корреляции по твердости—мягкости, исторически присущих говорам новгородского происхождения.

Отвердение *т* в глагольном окончании 3-го л. настоящего времени могло быть одним из наиболее ранних явлений этого рода.

Отвердению согласного в данной морфологической категории и, что главное, последующему широкому распространению твердого *т* должно было способствовать развивавшееся в достаточно раннее время (см. I, 3, § 8). в инфинитивах типа *класти*, *ходити* изменение характерного для них суффикса *-ти* в /-т'/ (уже в памятниках XI в. формы *класть—ходить*). В связи с этим возникшее в определенных говорах твердое окончание *-т* в формах 3-го л. настоящего времени служило более четкому различению форм инфинитива и настоящего времени [72]. Как увидим ниже, представлению о связи первоначального отвердения окончания 3-го л. с говорами новгородского происхождения соответствуют и показания памятников письменности.

В отличие от вопроса о первоначальной диалектной принадлежности изучаемого явления, вопрос о времени, к которому может быть отнесено отвердение окончания 3-го л., не может быть рассмотрен на основании данных лингвистической географии. Этому препятствует отсутствие у данного явления структурных разновидностей, размещение которых могло бы помочь датированию явления. В связи с этим обратимся к тем выводам, к которым пришли исследователи памятников письменности, занимавшиеся историей глагольных форм, тем более, что количество исследований, в которых затрагивается данный вопрос, значительно.

Так, можно считать, что современными исследователями снято уже имевшееся в трудах А. И. Соболевского [73] и отчасти Н. Н. Дурново [74] представление о том, что отвердение окончания 3-го л. было поздним, причем даже и в новгородском говоре. Н. Н. Дурново считал, что в новгородских грамотах и других памятниках этого же происхождения данное окончание оставалось мягким еще и в XV в.

Более поздние исследования, мы имеем в виду, в частности, исследование О. Т. Бархатовой [75], построенное на основании исчерпывающей выборки материала из памятников деловой письменности северо-западной Руси, показывают наличие (хотя, разумеется, и не исключительное) форм с окончанием *-тъ* в подлинных новгородских грамотах, начиная с XII в.

Выводы О. Т. Бархатовой подтверждают, таким образом, те данные, которые приводил в свое время из памятников письменности по интересующему нас вопросу А. А. Шахматов [76], относивший отвердение *т* к XIII в. и отмечавший, что в московских грамотах отвердение отразилось позднее, а именно только со второй половины XIV в. Н. Н. Дурново, как и А. А. Шахматов, указывал и в других работах, что отвердение окончания *-ть* отражается в памятниках московского происхождения только начиная со второй половины XIV в. При этом оба названных исследователя специально подчеркивали, что отвердение данного окончания распространялось неравномерно и в течение долгого времени по говорам, образовавшим в дальнейшем северное наречие русского языка [77]. Для целей нашего исследования важно

---

[71] К. В. Горшкова. Автореф., стр. 14, 25 и др.; Ю. С. Азарх. Отвердение парных мягких согласных перед гласными в вологодско-кировских говорах. — В сб.: «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967, стр. 137—152.

[72] Данную точку зрения на происхождение *-т* в глаголах особенно развернуто аргументирует П. Я. Черных («Историческая грамматика», стр. 216—217).

[73] А. И. Соболевский. Лекции, стр. 159.

[74] Н. Н. Дурново. Очерк истории, стр. 331—332.

[75] О. Т. Бархатова. Система спряжения глагола в деловой письменности северо-западной Руси XII—XV вв. (на материале новгородских, двинских и псковских грамот). Автореф. канд. дисс. Л., 1955.

[76] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 614.

[77] «Можно думать, что *t'* упорно держалось в разных говорах» (А. А. Шахматов. Указ. соч.,

подчеркнуть, что при этой неодновременности возникновения интересующего нас явления по данным памятников письменности оно было известно раньше новгородским, чем московским говорам.

Таким образом, данные памятников письменности согласуются с представлением о новгородских говорах, как первоначально развивших отвердение *т*, что, если учитывать диалектные данные, находится в соответствии с присущей этим говорам тенденцией к ослаблению категории палатальных согласных.

Тот факт, что разные случаи и типы отвердения согласных имеют в современных говорах северного наречия ареалы разных очертаний, объясняется развитием этих случаев отвердения в разное время, а также и самым характером этих случаев. Наиболее широкое распространение твердого *-т* в 3-м л. глаголов как раз может найти свое объяснение в раннем времени его возникновения и в том, что оно было связано с одной определенной морфологической категорией. Именно в качестве раннего и морфологизованного с самого начала своего возникновения новообразования употребление *т* могло успешно распространяться в среде других носителей диалектных групп, участвовавших при заселении территории северо-востока (будущая территория северного наречия), и явилось такой чертой новгородского происхождения, которая усваивалась и носителями ростово-суздальского диалекта, притом даже на той части его территории, которая исторически является исконной для этого диалекта, т. е. в пределах современных восточных ср.-р. говоров. Распространение твердого *-т* в глаголах могло быть поддержано также и письменной традицией (*тъ* — в церковно-славянской письменности), чему сопутствовало и соответствующее произношение твердого *т* при чтении текстов этого рода.

стр. 614); «Отвердение *-т* в 3 л. в с.-в.-р. происходило неодновременно» (Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 331—332). О длительности периода, на протяжении которого наряду с твердым *-т* сохранилось и *-т'* свидетельствуют, например, данные Устюжского летописного свода (памятник начала XVI в.), где написания с *-тъ*, преобладая в памятнике, сосуществуют с написаниями *-ть* (см.: Е. С. Магура. Морфологические особенности языка Устюжского летописного свода. Автореф. канд. дисс. Харьков, 1954).

Глава пятая

ЯВЛЕНИЯ, ИСТОРИЧЕСКИ СВЯЗАННЫЕ С ЗАПАДНОЙ ЧАСТЬЮ ГОВОРОВ РУССКОГО ЯЗЫКА И ОТРАЖАЮЩИЕ ОБЩНОСТЬ ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ ЭТИХ ГОВОРОВ

§ 1. Общая характеристика распространения подобных явлений

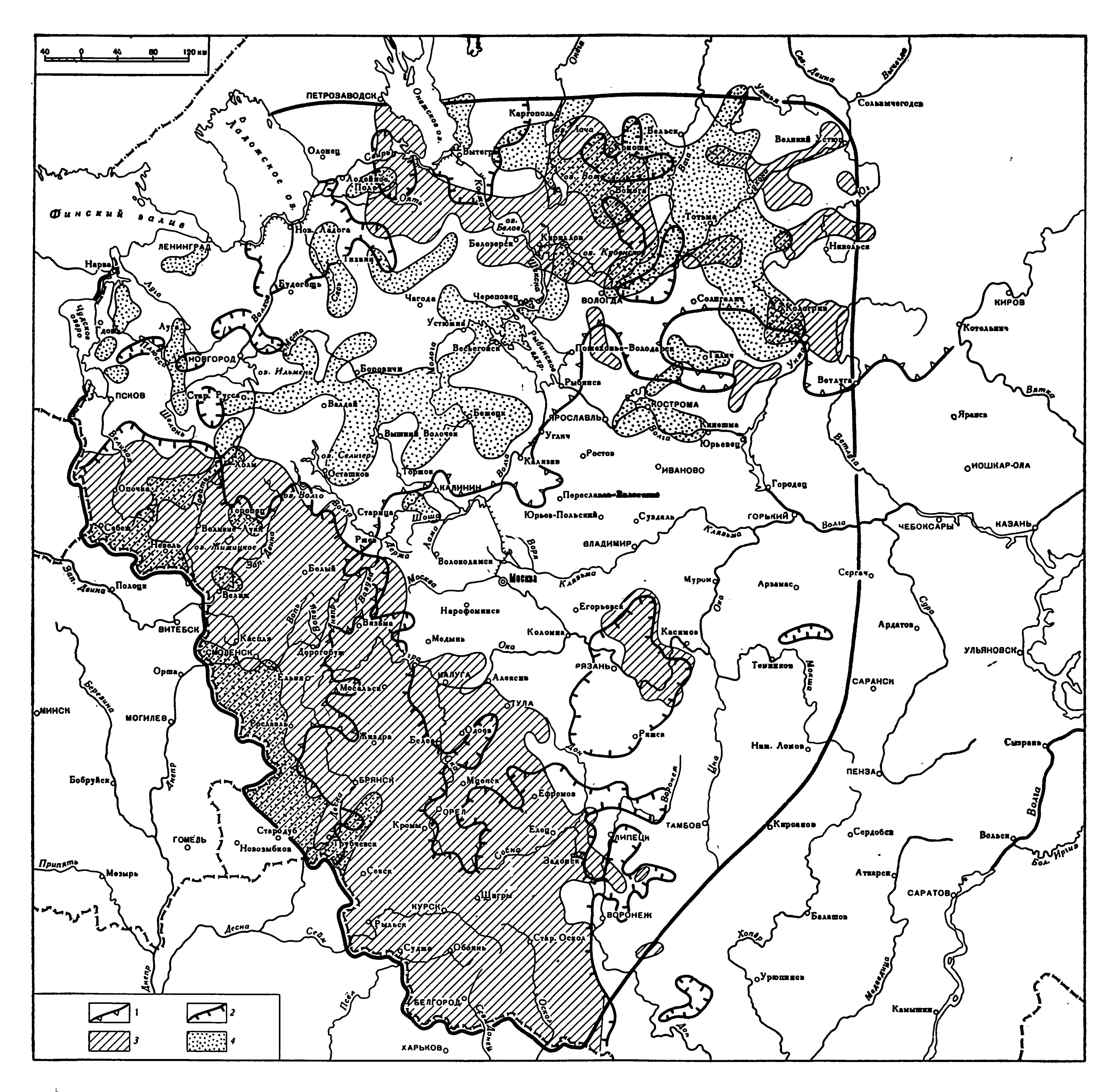
В предшествующих главах были рассмотрены явления, диалектные члены которых, находясь в пределах северного территориального подразделения, выделяют на той части его территории, где совмещаются ареалы этих явлений, северное наречие русского языка. Тем самым подобные явления, независимо от их оценки с исторической точки зрения (архаизмы, инновации), объединены той общей особенностью, что они отсутствуют в говорах южного наречия и потому особенно важны при характеристике северного наречия, так как именно эти черты характеризуют своеобразие северного наречия по сравнению с другими диалектными объединениями.

Однако при изучении процессов формирования говоров северного наречия необходимо внимательное рассмотрение также и тех диалектных явлений, которые, с разной последовательностью встречаясь в говорах северного наречия, одновременно известны и за его пределами. В данной главе рассматриваются те явления этого рода, которые распространены за пределами северного наречия преимущественно в западных говорах русского языка безотносительно к их современному членению или (реже) в пределах так называемых периферийных говоров русского языка, отсутствуя в говорах центра. Для распространения явлений, связывающих говоры северного наречия с говорами других территорий, особенно той их части, которая кроме северного наречия известна в западных говорах, характерно и то, что те же явления известны обычно в той или иной степени в говорах белорусского, а иногда наряду с этим — и украинского языков.

Встречаясь не во всех, а преимущественно только в части говоров северного наречия, но наряду с этим, как это только что было указано, и за его пределами и притом вне связи с современным диалектным членением языка, подобные явления привлекают внимание историка диалектных групп, так как их распространение может быть связано с такими периодами истории диалектных групп, которые предшествовали образованию современного диалектного членения языка.

Большинство из таких явлений описано выше в разделе I в качестве имеющих индивидуальный характер распространения, причем упомянутая связь между говорами северного наречия и западными говорами русского языка, а также связь с говорами других восточнославянских языков может наблюдаться в ряде случаев лишь у отдельных членов подобных соответственных явлений, индивидуальных по характеру распространения. Так, например, из числа разных соответствий долгих шипящих согласных связь между западными говорами и говорами северного наречия наблюдается лишь в отношении распространения звуковых сочетаний */ш͡тш/* и */ж͡дж,/* произносимых в соответствии долгим шипящим */ш'ш'/*, */ж'ж'/* или */шш/*, */жж/*.

Интенсивность распространения явлений, о которых идет речь, может быть весьма различной как в пределах западных или периферийных говоров русского языка или других восточнославянских языков, так и в пределах северного наречия русского языка. Важно лишь то, что при любой интенсивности распространения ареалы подобных явлений укладываются в их совокупности в пределы своеобразной западно-северной территории (или, реже, в пределы периферийных говоров), очертания которой условно могут быть показаны на примере изоглоссы такого наиболее типичного по характеру распространения явления, как произношение твердых губных в соответствии мягким на конце слова (см. карту 8). На при-

Карта 59

Примерное расположение диалектных явлений, выделяющих западно-северную часть территории распространения русского языка:

1 — наличие суффикса *-иц-* в названиях ягод; *2* — ударенный тематический гласный *е* (не *о*) в личных формах глаголов 1-го спряжения; *3* — чередование */в/* с */w/* в конце слова и слога; *4* — территории, в пределах которых отмечены, хотя бы и в отдельных говорах, звуковые сочетания *штш*, *ждж*

водимой ниже карте показано распространение названий ягод с суффиксом *-иц-* и размещение отдельных ареалов некоторых менее последовательно встречающихся в тех же пределах явлений, в общей их совокупности находящихся на той же западно-северной территории.

В связи с тем что большинство подобных явлений западно-северной локализации распространено в пределах северного наречия непоследовательно, между говорами этого последнего образуются различия, заключающиеся в том, что в одних говорах северного наречия представлены диалектные члены определенных соответственных явлений из числа распространенных на западно-северной территории (например, чередование /*в*/ с /*w*/ в конце слова и слога), а в других — члены соответственных явлений, совпадающие с нормированным языком (т. е. в данном случае чередование /*в*/ — /*ф*/). При этом диалектные члены подобных соответственных явлений оказываются после их изучения с исторической точки зрения общими одновременно для новгородского говора, а также для расположенных к югу от него говоров (исторически находившихся на территории Смоленской и Полоцкой земель, а в ряде случаев и более южных). Представленные же в других говорах северного наречия члены соответственных явлений, совпадающие с нормированным языком, оказываются одновременно характерными для юго-восточных или для центральных говоров русского языка. Подобные явления с исторической точки зрения должны быть оценены или как специфически ростово-суздальские или как общие ростово-суздальским и рязанским по происхождению говорам.

Таким образом, распространение в пределах северного наречия рассматриваемых в данном разделе явлений западно-северной локализации наиболее непосредственно отражает, как увидим это ниже, взаимодействие новгородской и ростово-суздальской колонизационных струй, а соответственно и говоров соответствующих типов, имевшее место при образовании северного наречия русского языка.

В кругу описываемых явлений, диалектные члены которых связывают говоры северного наречия с говорами других территорий, имеются явления, относящиеся к различным сторонам языка.

§ 2. Явления из области вокализма

1. Остановимся на случаях сохранения ударенного /*е*/, не изменившегося в /*о*/ перед твердыми согласными. Наиболее показательными следует считать факты подобного сохранения /*е*/, наблюдаемые в корнях отдельных, обычно крайне немногочисленных в соответствующих говорах слов — /*не*/*с*, /*ле*/*н*, *о*/*ве́*/*с* и под., или в суффиксах слов — *ко*/*тé*/*нок* и под. Случаи такого же сохранения /*е*/ могут выступать и при произношении гласного /*е*/, являющегося тематическим гласным глаголов: *не*/*сé*/*шь*, *не*/*сé*/*т*, *не*/*сé*/*м*. Хотя случаи «неперехода *е* в *о* всех указанных типов редки на территории северного наречия (см. I, 1, § 2 и карту 3), вся совокупность этих случаев как в отдельных словах, так и в глагольных формах, преимущественно связана в своем распространении в пределах северного наречия с западной и с северо-восточной частью его территории. И оказывается, что данное явление, вообще редко встречающееся в говорах северного наречия, полностью чуждо определенной, компактной, юго-восточной части его территории, т. е. той, которая входит в состав центральных говоров. В отличие от говоров северного наречия, в говорах западных и юго-западных территорий, где случаи сохранения *е*, не изменившегося в *о* в отдельных словах, также редки, данное явление как морфологизованное в глагольных парадигмах выступает гораздо более последовательно (ср. карты 3 и 4).

2. Подробнее остановимся на отражении в говорах северного наречия особой судьбы редуцированных *ў* и *ĭ* при замене их под ударением гласными полного образования [78].

В зависимости от качества гласных под ударением, выступающих в соответствии редуцированным *ў* и *ĭ* в пределах говоров русского языка, особенно отчетливо выделяются говоры юго-западной зоны, где достаточно последовательно распространено произношение /*ы*/ или /*е*/ в соответствии *ў* и произношение /*и*/ в соответствии редуцированному *ĭ* (*м*/*ы́*/*ю*, *м*/*э́*/*ю*, *молод*/*ы́*/*й*, *молод*/*э́*/*й*, *п*/*и*/*й* и под.) По данной черте эти говоры, сближаясь с говорами украинского и белорусского языков, отличаются от всех остальных говоров русского языка, где в соответствии *ў* произносится /*о*/, а в соответствии *ĭ* произносится /*е*/: (*м*/*ó*/*ю*, *молод*/*ó*/*й*, *п*/*é*/*й*).

Круг слов и форм, в которых представлено наиболее закономерное с фонетической точки зрения отражение процесса прояснения редуцированных *ў*—*ĭ*, в общем невелик, так как

[78] См.: Н. Н. Пшеничнова. К истории редуцированных *ў*, *ĭ* в восточнославянских языках. Автореф. канд. дисс. М., 1964; Она же. Некоторые фонетико-морфологические особенности говоров к югу и юго-западу от Онежского озера. — В сб. «Очерки по фонетике севернорусских говоров», М., 1967.

в ряде случаев результаты такого прояснения рано осложнились разного рода аналогиями. Наиболее показательными являются случаи с редуцированными в ударенном слоге слова: в глагольных формах *м/ó/ю*, *п/é/й* или *м/ы́/ю*, *м/э́/ю*, *п/и́/й*, а также в формах прилагательных им. п. ед. ч. м. р. *молод/ó/й* или *молод/ы́/й*, *молод/э́/й*. Фонетически закономерное отражение редуцированных *ŭ* и *ĭ* можно видеть [79] и в формах род. п. ед. ч. прилагательных ж. р. — *у молод/ы́/й* или *у молод/ы́/е*, *у молод/э́/й*, *у молод/э́/е*, *у молод/ó/й*, *у молод/ó/е*. Для целей данного исследования важен тот факт, что в некоторых говорах северного наречия выступают (непоследовательно в них отмечаемые, но весьма важные для рассмотрения вопросов исторического характера) черты сходства с говорами юго-западной зоны по характеру гласных, соответствующих редуцированным *ŭ* и *ĭ*.

Так, если случаи типа *м/ы́/ю*, или *м/э́/ю* за единичными исключениями (см. работу Н. Н. Пшеничновой) отсутствуют в говорах северного наречия, произношение гласных /ы/ или /э/ в названных выше формах прилагательных им не чуждо. Такие формы отмечают и в говорах относительно небольшой территории, примыкающей к юго-западному побережью Онежского озера, но также и на значительном пространстве восточной части территории северного наречия, примерно между 37°30′ в. д. и 48° в. д. и 57° с. ш. и 61°30′ с. ш., где они имеют рассеянное распространение. Характерная особенность расположения рассеянных ареалов данного явления заключается в отсутствии его преимущественно в пределах западной части территории северного наречия. Оно интенсивнее распространено на территории его восточной части, хотя и при весьма разреженном распространении в целом на территории Костромской группы, т. е. в южной части восточной половины территории северного наречия [80].

В некоторых говорах северного наречия, как показывает Н. Н. Пшеничнова, формы прилагательных типа *у молоды́й*, *у молодэ́й* и под. оказывали влияние и на другие формы косвенных падежей ж. р. прилагательных ед. ч. с исконным окончанием *-ой* или *-ою*, и даже на форму тв. п. ед. ч. существительных, в результате чего получили распространение формы *к молод/ы́/й* или *к молод/э́/й*, *с молод/ы́/й* или *с молод/э́/й*, а также *с жен/э́/й*.

Не вдаваясь в детали исследования Н. Н. Пшеничновой, подчеркнем лишь, что и по судьбе редуцированных *ŭ* и *ĭ* в составе говоров северного наречия имеются такие, которые объединяются в этом отношении с говорами юго-западных территорий.

§ 3. Явления из области консонантизма

1. К числу такого рода черт принадлежит произношение твердых губных в соответствии мягким на конце слова: *голу/п/*, *се/м/* и под., представляющее собой инновацию, ранее возникавшую (примерно в XIV в.) в говорах юго-западных территорий, а позднее — в XV—XVI вв. охватившую псковские, новгородские говоры, а по мере распространения носителей этих говоров также и говоры северо-востока. Данное явление обладает наибольшей широтой и последовательностью распространения по сравнению с другими явлениями западно-северной локализации. Это может объясняться тем, что частично, в ограниченном кругу случаев, отвердение конечных губных имело место и в период, предшествовавший образованию отдельных восточнославянских языков (см. I, 2, § 3 и карту 8). Характерное в качестве последовательного для украинского и белорусского языков, это явление известно в настоящее время на всей широкой западной части территории говоров русского языка, граница которой проходит восточнее Курска, Орла и Калинина. Севернее Калинина изоглосса этого явления уклоняется к востоку и таким образом данное явление свойственно почти всем говорам северного наречия. Однако для целей нашего исследования важно подчеркнуть, что на восточной части территории северного наречия, к востоку от 38° в. д. распространение этого явления становится менее последовательным, в связи с чем по говорам здесь все чаще наблюдается различение твердых и мягких губных согласных на конце слова. Особенно значительно количество говоров, знающих такое различение в пределах Костромской группы северного наречия, в частности на южной части ее территории, где мягкие губные в большинстве говоров последовательно произносятся на конце слова.

2. Распространено в общем в пределах западно-северной территории и такое явление, как чередование смычно-проходного бокового согласного *л* любого образования, /л/ или /l/ с /w/ или /ŭ/ в конце слова и слога: *да/л/á* или *да/l/á*, но *да/w/*, *дó/л/ог* или *дó/l/ог*, но

[79] Если принять точку зрения А. А. Шахматова о параллельном существовании форм прилагательных, затронутых и незатронутых влиянием местоименного склонения (А. А. Шахматов. Историческая морфология, стр. 320).

[80] Н. Н. Пшеничнова. Некоторые фонетико-морфологические особенности говоров к югу и юго-западу от Онежского озера (см. карты).

до/w/го и под. (см. I, 2, § 5). Данное чередование рассмотрено выше как единое, независимо от того, ограничено ли оно лексически и морфологически или осуществляется как собственно фонетическое чередование и независимо от того, какого качества *л*, /*л*/ или /*l*/, выступает перед гласными звуками. Таким образом, предполагается, что расширение условий указанного чередования и изменение качества *л* имело место на протяжении его существования. При таком понимании истории данного явления оно оценивается как новообразование, возникавшее в говорах юго-западных земель с конца XIII и начала XIV в., а в дальнейшем распространявшееся к северу и северо-востоку. Исходя из такого представления, мы считаем, что по наличию этого чередования объединяются украинский язык и подавляющее большинство говоров белорусского языка, а также западная часть говоров южного наречия русского языка, где имеется значительный ареал этого явления; далее, к северу, данное явление отмечают в говорах разрозненных населенных пунктов в юго-западной части западных средне-русских говоров, а также и в западной части говоров северного наречия, где известны и более значительные ареалы данного явления (см. карту 10). Основной в пределах северного наречия ареал данного явления связан преимущественно с территорией Вологодской группы. Тем самым описываемое явление отсутствует лишь на юго-восточной части территории, т. е. в основном на территории Костромской группы говоров, где сохраняется произношение /*л*/ на конце слова и слога: *да/л/*, *дб/л/го* и под.

3. В пределах западно-северной территории распространено более архаичное, чем в других говорах, употребление губных спирантов, которое выражается в том, что спирант губно-зубного образования /*в*/ произносится в положении перед гласными, а в положении перед согласными и на конце слова чередуется с /*w*/ губно-губного образования или с /*ў*/ неслоговым: *коро́/в/а — коро́/w/ка*, *дро/в/á — дро/w/* и под.

Характерное для большинства говоров украинского и белорусского языков данное явление широко известно преимущественно в западной части говоров южного наречия, где и расположен весьма значительный по размерам ареал данного явления, включающий и южную часть территории западных ср.-р. говоров (см. I, 2, § 2 и карту 6). На остальной части территории западных ср.-р. говоров и на юго-западной части территории северного наречия данное явление отмечают очень редко, в говорах единичных населенных пунктов. Несколько чаще приводят косвенные данные, указывающие на то, что чередование /*в*/ с /*w*/ имелось, но утрачено в ряде говоров этой территории в сравнительно позднее время: употребление /*х*/, /*хв*/ в соответствии *ф*, хотя бы в лексикализованных случаях. Наиболее значительные ареалы чередования /*в*/ с /*w*/ размещены на территории северного наречия в его северной и северо-восточной части, начинаясь к югу от Онежского озера. При таком размещении явления оно опять-таки почти полностью отсутствует на территории Костромской группы.

4. Распространена в пределах описываемой территории и такая архаическая черта, как употребление звуковых сочетаний /*$\widehat{шч}$*/ (/*$\widehat{штш}$*/), или /*ш'ч'*/ /*$\widehat{ш'т'ш'}$*/, а также /*$\widehat{ждж}$*/ или /*$\widehat{ж'д'ж'}$*/ в соответствии долгим шипящим согласным /*ш'ш'*/, /*шш*/ — /*ж'ж'*/, /*жж*/, хотя и выступающее всегда в сосуществовании с произношением этих последних. В пределах западной части говоров южного наречия данная черта распространена на весьма ограниченной территории в полосе, пограничной с говорами белорусского языка, что объяснено выше (см. I, 2, § 1), как результат весьма успешного распространения с востока произношения долгих шипящих согласных, поскольку эти последние возникали в результате становившейся общедиалектной для русского языка тенденции к утрате смычного элемента в составе древних звуковых сочетаний /*$\widehat{ш'т'ш'}$*/ и /*$\widehat{ж'д'ж'}$*/. Далее к северу употребление звуковых сочетаний представлено в виде небольших разорванных ареалов на территории западных среднерусских говоров и на территории северного наречия русского языка, опять-таки при почти полном отсутствии явления на юго-восточной части его территории.

Характерное в качестве последовательно распространенного явления для белорусского и украинского языков употребление звуковых сочетаний долго удерживалось, видимо, и в смоленских, а также новгородских говорах русского языка. В пределах северного наречия наличие данной черты было тем самым связано с новгородской колонизационной струей. В связи с тем, что утрата смычного элемента не являлась узко локализованной и территориально ограниченной тенденцией в пределах русского языка, а охватывала на определенном этапе развития различные его говоры, употребление звуковых сочетаний сразу становилось

деградирующей чертой при том междиалектном смешении, которое наблюдалось при образовании северного наречия русского языка.

5. Широко распространено в говорах украинского и белорусского языков, а также в западной части говоров южного наречия и в наиболее южной части западных среднерусских говоров, такое явление, как произношение удвоенных (чаще всего переднеязычных, реже и губных) согласных в соответствии сочетаниям согласных с /j/ других говоров: *сви/н'н'/я́ пла́/т'т'/я*, а в ряде говоров также *се/м'м'/я́* и под., возникновение которого большинство исследователей относит примерно к XIV в. (см. I, 2, § 4).

За пределами указанной территории широкого распространения данного явления оно известно в рассеянном распространении на территории западных среднерусских говоров, а также северного наречия. При этом на территории северного наречия имеется один значительный ареал этого явления, расположенный к юго-западу от Белого озера и ряд мелких ареалов, в общем разбросанных по всей территории северного наречия; отмечено данное явление и в ряде единичных населенных пунктов, также разбросанных по территории северного наречия без заметной локализации на определенных частях его территории (см. карту 9).

При этом важно подчеркнуть, что как в пределах территории широкого и последовательного распространения явления, так и за ее пределами там, где явление известно в рассеянном распространении, оно не отличается по характеру присущих ему закономерностей существования в смысле охвата определенных категорий согласных, наличия его в том или ином кругу морфологических элементов или слов. На территории рассеянного распространения изменяется лишь последовательность его употребления в речевом потоке; это употребление становится менее последовательным, произношение удвоенных согласных отмечают лишь наряду с произношением согласных неудвоенных. Все это указывает на распространение явления из единого очага, где оно первоначально возникло.

6. Связывает говоры северного наречия с говорами западных территорий, а тем самым и с говорами новгородского происхождения, и такая черта, как сохранение мягкости согласным *н* в положении перед утраченным *ь*, исторически входившим в состав суффикса *-ьск-* в случаях типа *же́/н'с/кий* из *женьскъй* (ср. отмечаемые по говорам *дереве́/н'с/кий, дереве́/н'с/кая, ко́/н'с/кий, ко́/н'с/кая, герма́/н'с/кий, герма́/н'с/кая, у Смоле́/н'с/ка, фи́/н'с/кая* и под.).

Отметим, что в тех же говорах, где отмечено сохранение /н'/ в положении перед суффиксом *-ск-*, в том же положении, хотя и менее регулярно, отмечают и сохранение мягкого сонорного /р'/: *ба́/р'с/кая, ба́/р'с/кий, старове́/р'с/кая, старове́/р'с/кий, сиби́/р'с/кая, ми/р'с/ка́я, озе/р'с/ка́я, ца́/р'с/кая, ца́/р'с/кий, монасты́/р'с/кая, монасты́/р'с/кий* и под.

При рассмотрении вопроса о сохранении мягкости *н* или *р* перед суффиксом *-ск-* мы оставляем условно в стороне данные о том, что по говорам наряду с сохранением мягкости *н* нередко отмечают также и случаи мягкости последующего *с* в тех же словах, причем /с'/ может произноситься как в формах с последующим мягким /к'/, так и в формах с последующим твердым /к/: *же́/н'с'к'/ий, же́/н'с'къ/й, же́/н'ск/ая* и под. Возможность форм с мягким /н'/ в положении перед твердым /ск/ свидетельствует о том, что мягкость *н'* не зависит от мягкости последующего согласного, а является самостоятельной, исторически связанной с палатализацией согласных перед гласными переднего ряда (в данном случае перед утраченным гласным *ь*). Наличие форм со смягченными /н'с'/ — /р'с'/ в положении перед твердым *к* в случаях типа *же́/н'с'к/ая ба́/р'-с'к/ая* делает возможным предположение о том, что согласный *с* смягчался в описываемых случаях под влиянием предшествующих мягких /н'/ или /р'/ в результате прогрессивной ассимиляции.

Употребление форм с мягким /н'/ или /р'/ перед суффиксом *ск* является таким образом архаической чертой по сравнению с употреблением твердых /н/ и /р/ в тех же формах. Сохранение этих более архаических форм нигде не отличается последовательностью как в отношении охвата территории, так и в отношении их употребления в каждом отдельном говоре. Разорванные ареалы данного явления расположены в западной части территории говоров южного наречия ближе к границе с Белоруссией в неширокой в общем полосе говоров. Значительно количество ареалов данного явления на территории западных среднерусских говоров. В пределах северного наречия сохранение мягкости /н'/ представлено значительными по размерам ареалами, расположенными в более северной части этой территории. Наиболее последовательно отсутствие данного явления на юго-восточной части территории северного наречия.

В отношении других восточнославянских языков располагаем данными о том, что по всей

территории белорусского языка распространены разорванные ареалы изучаемого явления, обычно также непоследовательного по говорам [81].

7. Известная, хотя и менее отчетливо прослеживаемая, связь между западными говорами русского языка и говорами северного наречия выражается в характере произношения сочетания *чн*, которое картографировано в диалектологических атласах на примере отдельных слов — *яй/чн/ица*, *пшени́/чн/ый*, *моло́/чн/ый*, так как произношение данного сочетания может быть неодинаковым в каждом из указанных слов в некоторых говорах. Для характеристики изучаемых нами связей остановимся на территориальном распространении двух разновидностей произношения данной частицы, а именно на случаях произношения ее как */чн/* или как */шн/*, так как произношение ее как */сн/* в основном характерно для восточных среднерусских окающих говоров и не имеет более широкого распространения.

Произношение */шн/* характерно в настоящее время для всех говоров русского языка. Однако, изучая соответствующие карты, нельзя не заметить, что на определенных территориях наряду с произношением */шн/* прослеживается относительно регулярное произношение */ч'н/* или */чн/*, более архаичное по своему характеру, поскольку в данном сочетании сохраняется аффриката *ч*, не утратившая затвора, как это наблюдается при произношении */шн/*. В отличие от этого на других территориях произношение */шн/* является исключительным, хотя бы в том кругу слов, которые были картографированы. Сохранение сочетания */чн/* наряду со */шн/* преимущественно наблюдается в западной части говоров русского языка, но не доходит до границы с Белоруссией, а представлено несколько восточнее нее. Сочетание */ч'н/* или */чн/* распространено на указанной территории как в значительном количестве отдельных говоров, так и в виде отдельных разорванных ареалов. В пределах северного наречия произношение */ч'н/* — */чн/* (или */цн/* — */ц'н/* при цоканье) отмечено в редких единичных говорах. Исключение в этом отношении представляют, однако, говоры северной части его территории, где известны значительные ареалы данного явления, расположенные к югу от Онежского озера, а также к востоку от озера Лачи и к северо-востоку от г. Тотьмы.

В говорах белорусского языка, где произношение данного сочетания картографировано на примере слов *молочный*, *ручник* [82] произношение *моло́/шн/ый*, *ру/шн/и́к* наблюдается преимущественно в говорах восточной части его территории, где его наличие может быть связано со взаимодействием с пограничными говорами русского языка, в которых, как уже говорилось выше, распространено произношение соответствующих слов с сочетанием */шн/*. В западной части говоров белорусского языка преобладает сохранение сочетания */чн/*.

Характер современного распространения сочетания */чн/* делает возможным предположение, что новгородский диалект исторически характеризовался, как и некоторые говоры, расположенные к югу от него, более устойчивым сохранением произношения *чн* [83]. Однако наиболее продуктивной в пределах русского языка оказалась разновидность */шн/*, получавшая в дальнейшем распространение во всех его говорах, чем и объясняется тот факт, что произношение */чн/* сохраняется лишь в части говоров и притом употребляется в них наряду со */шн/*.

§ 4. Морфологические явления

1. У существительных женского рода непродуктивного склонения типа *грязь* к числу описываемого рода явлений относится характер соотношений между формами дат.—предл. п.: в одних говорах эти формы сохраняют архаическое различие по месту ударения,— *по гря́зи*, но *в грязи́*, а в других совпадают — *по грязи́*, *в грязи́*. Наиболее последовательное распространение различения подобных форм по месту ударения представлено в говорах центра. В пределах окружающих центр периферийных говоров наряду с известным и этим говорам различением указанных форм распространено и их совпадение по месту ударения, причем это совпадение иногда выступает при сохранении флексии *-и* — *по грязи́*, *в грязи́*, а иногда при наличии окончания *-е* — *по грязе́*, *в грязе́* (в последнем случае имеем усвоение флексии продуктивного типа склонения; см. I, 3, § 2). Формы с совпадением по месту ударения (как при окончании *-и*, так и при окончании *-е*) наиболее последовательно распространены по южной и северо-восточной частям терри-

[81] Архив «Дыялекталагічнага атласа беларускай мовы» (Сектор диалектологии Ин-та языкознания АН БССР).

[82] «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы», карты № 61 и 62.

[83] В состав особенностей лексико-фонологического характера, присущих новгородскому и псковскому диалектам, включает эту черту и К. В. Горшкова (Автореф., стр. 27).

тории периферийных говоров. При этом в пределах южного наречия совпадающие по месту ударения формы с окончанием *-и* наиболее последовательно распространены в его западной части, а формы с окончанием *-е* — в восточной. Формы, совпадающие по месту ударения с окончанием *-и*, достаточно последовательно распространены и в южной части территории западных среднерусских говоров. На основной части территории этих последних, а также на западной части территории северного наречия указанное совпадение форм представлено рядом разорванных ареалов (см. карту 16) и, таким образом, там преобладает различение форм. Для обширной северо-восточной части территории говоров северного наречия характерно совпадение этих форм по месту ударения при наличии флексии *-е*. Наиболее последовательное различение данных форм по месту ударения характерно для той части говоров северного наречия, территория которых входит в состав говоров центра.

Связь части говоров северного наречия по указанной черте с говорами периферии одновременно свидетельствует и об их связи с говорами западных земель (в том числе и с новгородскими говорами); ср. также колебание в отношении различения или совпадения данных форм по месту ударения и в говорах белорусского языка (см. I, 3, § 2).

2. По говорам северного наречия встречаются в рассеянном распространении (см. I, 3, § 1) особые типы соотношения форм им. и вин. п. ед. ч. существительных со значением '*мать*', '*дочь*'. Так, в одних говорах северного наречия отмечают архаичное по своему характеру различение этих форм: им. п. ед. ч. *мать* или *ма́ти* при вин. п. ед. ч., образованном с суффиксом *-ер-* — *ма́терь*. В других говорах распространена общая форма им. — вин. п. ед. ч. *ма́терь*, восходящая к старой форме вин. п. ед. ч. Известно по говорам северного наречия и такое различение форм им. п. и вин. п., при котором обе эти формы образованы от основы *матер-*, но различаются по характеру флексии: *ма́терь—ма́терю*. Разорванные ареалы названных форм расположены в пределах западной и северо-восточной частей территории северного наречия, не встречаясь на юго-восточной ее части, т. е. в пределах Костромской группы.

По наличию указанных форм и характерных для них соотношений соответствующие говоры северного наречия связываются опять-таки с периферийными говорами, где в рассеянном распространении известны по говорам различные сочетания подобных форм, как известны они в разной степени и говорам других восточнославянских языков. В отличие от этого говорам центра за редкими исключениями свойственно употребление формы *мать*, являющейся общей формой им. п. и вин. п. ед. ч., исторически восходящей к форме им. п. ед. ч. *ма́ти*.

3. Весьма определенной является связь между говорами северного наречия и всеми говорами западных территорий, а также говорами белорусского, украинского языков по наличию во всех них существительных — названий ягод, образованных с суффиксом *-иц-*: *брусн/и́ц/а*, *землян/и́ц/а*, *черн/и́ц/а*, *голуб/и́ц/а*, *костян/и́ц/а*, *куман/и́ц/а*, или pluralia tantum — *брусн/и́ц/ы*, *землян/и́ц/ы*, *сун/и́ц/ы*, в отличие от образований с суффиксами *-ик-* *-иг-*, распространенных в других говорах русского языка, не знающих образований с суффиксом *-иц-*. Правда, в пределах территории распространения образований с суффиксом *-иц-* достаточно широко известны и образования с суффиксом *-ик-*, являющиеся литературными. Кроме того, в единичных говорах северного наречия отмечают также и названия ягод с суффиксом *-иг-*: *брусн/и́г/а*, *землян/и́г/а* и под., а в пределах западных среднерусских говоров имеются и отдельные ареалы образований этого рода: один из таких ареалов расположен на территории, окружающей Старую Руссу, другой — к востоку от Ново-Изборска, а также несколько мелких ареалов к югу от Ленинграда. Однако наиболее важно подчеркнуть, что образования с суффиксом *-иц-* за пределами ареала данного явления, распространенного на западно-северной территории, почти не встречаются. В связи с этим можно считать, что образования типа *земляница* и под., являющиеся более архаичными по сравнению с образованиями, включающими суффиксы *-ик-* и *-иг-*, остаются характерными только для говоров указанных территорий.

По широте и последовательности охвата территории данное явление немногим уступает такому наиболее характерному для западно-северных диалектных связей явлению, как произношение твердых губных согласных на конце слова (ср. карты 59 и 8). В пределах северного наречия оно, как и другие явления аналогичного типа распространения, исключает юго-восточную часть территории этого последнего, в связи с чем оказывается нехарактерным в основном для говоров Костромской группы.

4. Более архаическая по своему характеру форма род. п. ед. ч. местоимения 3-го л. ж. р. */йейе́/* имеет тот же западно-северный тип распространения (см. I, 3, § 4, карта 21); ее наличие отмечают в Западной группе южного наречия, отдельные ареалы данной формы

представлены на территории западных ср.-р. акающих говоров, Межзональной группы северного наречия и на северной части территории Вологодской группы говоров. В других говорах русского языка наблюдается употребление форм /йейо́/ и /йей/. Особую продуктивность распространения в пределах говоров русского языка имеет вторая форма, которая и вытесняла в более позднее время в ряде говоров западно-северной территории исконную для них форму /йейе́/.

5. Аналогичное распространение имеют и формы косвенных падежей местоимений 3-го л. с отсутствием *н* при употреблении этих форм с предлогами (более поздние по сравнению с формами, имеющими /н/): *у* /йейе́/, *к* /йему́/ и под. Наиболее последовательно формы без *н* распространены в говорах юго-западной зоны, включая большую часть территории западных ср.-р. акающих говоров, однако и в пределах западных ср.-р. окающих говоров и на территории северного наречия их наличие весьма ощутительно. Хотя употребление форм без *н* в рассеянном распространении известно и в говорах юго-восточной зоны, но все же говоры западных территорий, а в известной мере и северных отличаются определенно прослеживаемой более высокой интенсивностью распространения этих форм. С этим связано и высказанное выше (см. там же) предположение, что формы без *н*, появление которых относят к XII—XIII вв., развивались первоначально в говорах западных территорий.

6. В говорах северного наречия наблюдается двоякое по месту ударения образование личных форм ряда глаголов II спряжения: *да́ришь* и *дари́шь*, *ка́тишь* и *кати́шь* и др. Такого рода двойственность образований известна в настоящее время и другим говорам восточных территорий, а не только говорам северного наречия (см. I, 3, § 12, карта 34). В отличие от этого в говорах западных территорий в пределах русского языка и в говорах белорусского языка глагольные формы с ударением на начальном слоге распространены почти исключительно. Поскольку перетяжка ударения на начальный слог в указанных глаголах является инновацией, ее первоначальным очагом, видимо, следует считать именно эту часть говоров древнерусского языка, где в настоящее время формы с ударением на начальном слоге распространены исключительно. В связи с этим можно себе представить, что в северном наречии формы с ударением на начальном слоге непосредственно распространялись из среды говоров новгородского происхождения, и сосуществование форм с начальным и с наконечным ударением отражает типичное для этих говоров сосуществование элементов новгородского и ростово-суздальского происхождения.

§ 5. Синтаксические явления

К числу рассмотренных фонетических и грамматических черт можно, видимо, присоединить аналогичные им по характеру распространения некоторые явления синтаксического характера [84].

1. В пределах западно-северных территорий из числа явлений синтаксического характера распространены конструкции, в которых при переходных глаголах и при предикативных наречиях употребляется форма именительного падежа имени, выступающая в роли прямого объекта. Среди указанных конструкций исследователи выделяют те, которые включают формы инфинитива, не зависящие от личных форм глагола, типа *косить трава*, и видят в них результат разложения древнего оборота «инфинитив + именительный падеж на *-а*» [85], т. е. сохранение определенного языкового явления в архаическом состоянии. Наличие этого оборота констатируют в говорах северного наречия (кроме юго-восточной части его территории), где он распространен особенно регулярно. Менее последовательно встречается данный оборот в пределах западных ср.-р. говоров, где продолжается ареал этого явления, охватывающий говоры северного наречия. Разорванные ареалы конструкции имеются и в западной части южного наречия; отдельный самостоятельный ареал расположен также и в восточной части южного наречия к юго-востоку от Рязани [86].

[84] Сведения о характере распространения и внутренних закономерностях некоторых синтаксических явлений мы черпаем из специальных работ, посвященных вопросам этого рода, особенно из выходивших в последние годы работ И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко, которые детально изучали, картографировали и обобщили материалы, собранные к настоящему времени при подготовке атласов русских народных говоров, дополнили их из источников другого характера и лично собранными материалами, изложив свои выводы в плане характеристики диалектных различий русского языка. См. кроме статей данных авторов, на которые ниже будут следовать сноски, написанный ими же раздел «Синтаксис», помещенный в книге «Русская диалектология» (стр. 173—200).

[85] И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах. «Вопросы диалектологии восточно-славянских языков». М., 1964, стр. 151—175.

[86] Там же, см. карту на стр. 153.

Примерно на тех же территориях, но с большей широтой и последовательностью, распространена конструкция, в которой форма им. п. выступает в роли прямого объекта при предикативных наречиях, чаще других при наречии *надо* типа *мне шапка надо*. В пределах северного наречия в распространении данной конструкции наблюдается та же характерная особенность, что и в распространении конструкции типа *косить трава*, а именно, ее отсутствие на юго-восточной части территории северного наречия. Особенностью распространения конструкции типа *мне шапка надо* является ее наличие на всей западной части территории южного наречия без тех перерывов, которые наблюдались в распространении конструкции с инфинитивом. В восточной части территории южного наречия ареалы конструкции с предикативным наречием почти полностью отсутствуют; имеется некоторое количество ее разорванных ареалов лишь в восточных среднерусских говорах [87]. Изучение материала, проведенное авторами исследования, показало, что конструкции с предикативным наречием также находятся в состоянии деградации в современных говорах русского языка.

Что касается показаний памятников письменности, то они свидетельствуют о более широком распространении данной конструкции в древнерусском языке, чем это наблюдается в настоящее время. Так, В. И. Борковский приводит данные о наличии ее в новгородских грамотах (где она встречается особенно широко), в двинских, московских, ярославских, смоленских и полоцких грамотах [88]. Данные о распространении этой конструкции в памятниках письменности белорусского языка см. также в «Нарысах па гісторыі беларускай мовы» (стр. 342 и след.). Показания памятников письменности в сочетании с диалектными данными делают возможным допущение, что данная конструкция была распространена во многих говорах древнерусского языка, но имела в них различную степень устойчивости. Наиболее устойчивым употребление данной конструкции, как на это указывают диалектные данные, было в современных западных говорах русского языка и особенно в говорах на центральной территории Новгородской земли, а тем самым и в той части говоров северного наречия, которая в наибольшей степени связана по своему генезису с новгородскими говорами. В современных говорах белорусского языка данная конструкция отсутствует [89]. В говорах на территории Московской и Рязанской земель она встречается лишь спорадически.

2. Сходный тип распространения имеют и некоторые разновидности объектно-целевых конструкций, состоящих из «. . . глагола целенаправленного движения и имени в вин. падеже с предлогом *по*, обозначающего предмет — объект этого движения, ср.: *дружка едет по невесту*, *больше по лошадь не ходили*, *вот по ягоды ходят маленько погодя*. . .»[90].

Употребление указанных конструкций в общем широко распространено в пределах говоров русского языка. Однако исследователи выделяют различные разновидности этих конструкций в зависимости от того, какой круг существительных может быть в них включен, так как в одних говорах эти конструкции включают преимущественно неодушевленные существительные (чаще всего *грибы*, *ягоды*: *ходить по грибы*, *ходить по ягоды*), а в других в их составе возможны также и существительные одушевленные (см. приведенные выше примеры). Именно возможность употребления по говорам конструкций, включающих любые, в том числе и одушевленные, существительные и является наиболее показательной для изучаемых нами связей между говорами северного наречия и вместе взятыми западными говорами русского языка. Приводимая в указанной работе карта показывает наличие конструкций с одушевленными существительными на более восточной части территории северного наречия и небольшой части территории смежных восточных ср.-р. говоров, в чем заключается отличие территориального распространения этого архаического по своему характеру явления от других явлений западно-северной локализации. Однако привлекает внимание тот факт, что данная конструкция известна в пределах говоров русского языка на небольшой южной части территории Западной группы южного наречия и, как указывают те же авторы: «Широкое употребление предлога *по* в конструкциях со значением цели имеет место в современном белорусском и украинском языках» [91]. В той же

[87] Там же, ср. карты на стр. 153 и 171.

[88] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Львов, 1949, стр. 338—351.

[89] «Нарысы па гісторыі беларускай мовы». Мінск, 1957, стр. 343.

[90] И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. О различительных явлениях русских говоров в области предложных словосочетаний. «Изв. АН СССР», серия литературы и языка, 1964, т. XXIII, вып. 4. стр. 325, 329; см. также карту 3 на стр. 326.

[91] И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко. О некоторых синтаксических явлениях в говорах юго-западных и центральных областей к западу от Москвы. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», вып. X, 1956, стр. 127. Ср. также Дыялекталагічны атлас беларускай мовы, карта 213.

работе приведены и данные о широком употреблении конструкций описываемого типа (в том числе и с одушевленными существительными) в древнерусском языке [92].

Таким образом, употребление того типа объектно-целевых конструкций, при котором в их составе возможно употребление одушевленных существительных, представляет собой сохранение наиболее архаического типа подобных конструкций, склонность к которому все же в большей степени проявляется в говорах западно-северной локализации.

3. Говорам русского языка не чуждо употребление сложных форм прошедшего времени, состоящих «из форм на *-л* (*-ла*. . .) глаголов как совершенного, так и несовершенного вида и форм прошедшего времени вспомогательного глагола *быть*; ср. *Я была опухла*. . .»[93] и др. Хотя распространение этих форм не имеет достаточно определенной локализации в пределах говоров русского языка, все же могут быть выделены территории, на которых эти формы отсутствуют, и те территории, где они распространены преимущественно. Так, эти формы преимущественно распространены на западной и особенно северо-западной части территории северного наречия и на западной части территории западных ср-р. говоров. На восточной части территории северного наречия ареал этих форм известен на ее северо-востоке. Небольшие ареалы этих форм отмечены по западной границе русского языка. В других местах употребление сложных форм прошедшего времени отмечено лишь в разрозненных единичных говорах, причем важно подчеркнуть, что этих форм совсем не отмечают в говорах центра.

Если примем во внимание возможность употребления указанных форм по говорам других восточнославянских языков [94], то получим основание рассматривать и данную черту как распространявшуюся в говорах северного наречия в направлении с запада на восток, т. е. из среды говоров новгородской земли, образовавших, как это имело место и в ряде других западных говоров, новую форму давнопрошедшего времени (без связки *есмь*) и сохранявших ее употребление при передаче определенных значений.

---

[92] И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко. Указ. соч., стр. 127.

[93] «Русская диалектология», стр. 165—166; описание возможных значений описанных форм прошедшего времени см. там же, стр. 188.

[94] П. О. Бузук. Нарис історії української мови. Київ, 1927, стр. 79; Нарысы па беларускай дыялекталогіі, стр. 285.

§ 6. Значение рассмотренного типа распространения явлений с исторической точки зрения

Все рассмотренные явления указывают на наличие тесных связей в языковом развитии между говорами западных территорий. По мере того как носители одного из западных говоров, новгородского, распространялись в восточном направлении (северо-восток общей территории), складывался и описываемый западно-северный тип распространения определенного круга явлений. Включая выше в число этих явлений также и некоторые явления, известные не только в западных, но и шире, в периферийных говорах, мы исходили из того, что при изучении истории северного наречия эти явления могут быть поставлены в один ряд с собственно западными, в пределах северного наречия они распространялись вместе с носителями того же новгородского диалекта.

Описываемые в данной главе явления не могут служить для характеристики северного наречия как целостного диалектного объединения с современной точки зрения, так как эти явления не имеют в его пределах последовательного распространения, а также известны и за его пределами. Распространение описываемых диалектных явлений не служит также и для достаточно определенного внутреннего членения территории северного наречия. В отношении внутреннего членения важно лишь то, что ареалы большинства из них укладываются в пределах западной и северо-восточной части территории северного наречия и отсутствуют на юго-восточной ее части, преимущественно в пределах Костромской группы говоров. Учитывая наличие этих явлений за пределами северного наречия, в пределах западной части говоров русского языка, а также в говорах других восточнославянских языков, ниже обозначаем их как «явления общезападного распространения». Тем самым выявляется особая, перекрывающая границы современного диалектного членения, сфера распространения, хотя бы и в виде разорванных ареалов, некоторых диалектных явлений, одновременно представленных в украинском и белорусском (или только белорусском) языках, во всех западных (или только юго-западных) говорах русского языка и в той или иной степени — в говорах северного наречия, преимущественно отсутствуя на юго-восточной части его территории. Перерывы в распространении данных явлений в пределах описываемой западно-северной территории объясняются нередко разными причинами для разных явлений. Однако

для большинства явлений особенно характерно их отсутствие (или наличие только в единичных населенных пунктах) на большей части территории западных ср.-р. говоров, исторически соответствующей центральным территориям Новгородской земли, т. е. именно в современных говорах той территории, с которой исторически шло распространение указанных явлений. Наличие этого рода перерыва в распространении явлений может быть признано результатом тех процессов нивелировки новгородских черт, которые особенно интенсивно протекали именно на центральных территориях Новгородского княжества после его присоединения к Москве. В связи с этим в ряде случаев оказывается, что черты новгородского диалекта древнерусского периода лучше сохраняются в части говоров северного наречия, т. е. на территории колонизации, шедшей с центральной и наиболее древней части территории Новгородской земли, но отсутствуют в современных говорах этой территории.

Анализ явлений, в разной степени распространенных в пределах северного наречия, показывает, что в их составе с исторической точки зрения имеются черты разнодиалектного происхождения. Если ограничиться при этом рассмотрении пределами северного наречия, то эти черты мы можем квалифицировать как новгородские и ростово-суздальские (или позднее московские) по происхождению. Однако при изучении этих черт оказалось существенным выделить и раздельно рассмотреть те черты, которые исторически были свойственны только новгородскому диалекту (или также наиболее близким к нему территориально соседним псковскому и смоленскому; см. II, 4). Обозначим эти черты как «собственно новгородские» — а также черты «общезападные», по которым новгородский говор может быть объединен с говорами ряда земель, расположенных к югу от него.

Исторически такое единство новгородского диалекта с другими говорами западных территорий сложилось на основе общности языковых переживаний, характерной для говоров западных земель в отличие от говоров Ростово-Суздальской земли, а позднее Великого княжества Московского. Западные говоры, включая и новгородские, шли самостоятельными путями языкового развития. Диалектные явления западно-северного распространения в пределах говоров северного наречия должны быть поэтому рассмотрены в общем кругу черт, с генетической точки зрения принадлежавших древнему новгородскому диалекту. Таким образом, черты собственно новгородские и общезападные, описываемые в данной главе, в равной мере должны учитываться при реконструкции новгородского диалекта древнерусского периода (см. II, 7).

Ослабевавшая на протяжении некоторых исторических периодов связь между диалектными группами западных территорий, видимо, не порывалась и в относительно поздние периоды, т. е. на этапе существования отдельных восточнославянских языков в XVI—XVII вв. Об этом свидетельствует тот факт, что некоторые несомненно поздние новообразования, в разной степени охватывая говоры белорусского языка, на территории русского языка распространены в пределах так называемой западной зоны, т. е. одновременно в западной части говоров южного наречия, в западных ср.-р. говорах и в наиболее западной части территории северного наречия, а отдельные черты и несколько шире ее пределов. При этом в ряде случаев эти поздние инновации имеют такие особенности своего бытования на разных частях занимаемой ими территории распространения, которые указывают на то, что это распространение шло в направлении с юга на север: в северной части территории западной зоны они нередко утрачивают последовательность своей реализации или меняют характер своих структурных разновидностей.

Характерной особенностью распространения таких поздних инноваций является и то, что они достаточно последовательно распространены на территории западных ср.-р. говоров, где инновации общезападного распространения более раннего периода нередко отсутствуют в связи с указанными выше процессами нивелировки определенного круга диалектных черт в период усиленного влияния московского говора. В пределах северного наречия распространение таких явлений не идет обычно дальше западной его части, т. е. пределов Ладого-Тихвинской группы говоров; большая широта распространения наблюдается лишь для явлений лексикализованного характера.

В числе таких поздних инноваций, имеющих указанный характер распространения укажем следующие явления:

1. Образование форм указательного местоимения от основы с */j/*. При этом в пределах всей западной зоны и, в частности, в пределах северной части ее территории представлена лишь часть из общего числа таких возможных форм, а именно, формы */та́йа/* — */ту́йу/* (им. — вин. п. ед. ч. ж. р.), а также форма */то́йе/* (им. п. ед. ч. ср. р.) и форма */ты́йи/* (им. п. мн. ч.) (см. I, 3, § 7).

2. Распространение форм местоимения 3-го л. с начальным /j/, причем из общего числа таких возможных форм */й/он*, */й/она́*, */й/ено́*, */й/оны́* последовательное распространение в пределах всей зоны, имея в виду и северную часть ее территории, имеет только форма местоимения */й/он*, а другие формы встречаются спорадически.

3. Распространение слов *ма́тка*, *до́чка* *(дочка́)*, *свекро́ва* для выражения понятий 'мать', 'дочь', 'свекровь'. Эти явления, как лексикализованные, имеют более широкое распространение: они известны и за пределами западной зоны (см. карты 15 и 19).

4. Возможность образования с суффиксом *-ак-* существительных типа *хода́к*, *седа́к*, нерегулярно распространенных в пределах указанной территории.

5. Исключительное распространение конструкций с предлогами *с* или *з* типа *приехал з го́рода*, *вылез с я́мы* в соответствии конструкциям с предлогом *из*.

6. Употребление деепричастия в роли сказуемого — *по́езд ушо́вши*.

Указанием на некоторые инновации, свидетельствующие о наличии длительных связей между говорами, расположенными на западной части территории русского языка и в пределах говоров белорусского языка, мы и закончим рассмотрение вопроса о связях говоров северного наречия с говорами западных и юго-западных территорий и с говорами других восточнославянских языков.

Глава шестая

ЯВЛЕНИЯ, РАЗВИВАВШИЕСЯ В ПРЕДЕЛАХ СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ НА ПРОТЯЖЕНИИ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ В КАЧЕСТВЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ДИАЛЕКТНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

§ 1. Общая характеристика распространения подобных явлений

Круг тех явлений, которые могут быть признаны поздними по времени своего возникновения, определился при изучении материала на основе данных разного рода. Так, для этих явлений прежде всего характерно то, что их распространение ограничено пределами территории северного наречия. Большинство из из них представлено на этой территории мелкими рассредоточенными по ней ареалами (исключением является лишь распространение произношения /с/ в соответствии *ст*, что объясняется особого рода причинами (см. II, 6, § 2). Тем самым изоглоссы явлений этого рода фактически указывают лишь на крайние пределы их распространения. О позднем времени возникновения описываемых явлений свидетельствует обычно и самый характер их существования в системах отдельных говоров, где они преимущественно не являются единственным выражением того или иного звена системы, а сосуществуют, как правило, с другими разновидностями тех же явлений, причем нередко с такими, которые могут быть признаны более древними по своему характеру, иногда имеющими распространение и за пределами северного наречия, а иногда вошедшими в ходе развития общенародного языка в его норму.

Возникновение в условиях подобного сосуществования, видимо, и препятствовало более последовательному распространению местных собственно севернорусских инноваций, у инноваций этого рода не оказывалось тех возможностей широкого и последовательного распространения, которые имелись у явлений новгородского или ростово-суздальского происхождения определенного периода (см. II, 3, и II, 4), некоторые из которых входили в состав норм общенародного языка. Инновации, возникавшие в пределах северного наречия на протяжении его самостоятельной истории, преимущественно представляют собой собственно диалектные явления. На развитии этих инноваций сказывается противоречивый характер процесса оформления диалектной структуры национального языка, сочетающегося с процессами, направленными к укреплению единства этого последнего.

Ниже в качестве собственно северных инноваций рассмотрены следующие явления.

1. Возможность лабиализации предударного *о* (*ô*, *о*^{у} и др.), не зависящая от качества соседних согласных.
2. Возможность произношения /и/ в соответствии *ě* в положении перед мягкими согласными как под ударением, так и в первом предударном слоге.
3. Возможность произношения /с/ в соответствии /ст/ на конце слова.
4. Особые типы образования словоформ им. п. мн. ч.:

а) у некоторых существительных, обозначающих степени родства;

б) у существительных с суффиксом *-к-*, обозначающих молодые существа;

в) у существительного *крестья́нин*;

г) у существительного *во́лос*.

5. Наличие собирательных существительных особого типа.
6. Особое образование словоформы род. п. мн. ч. существительного *дерéвня*.

Перечисленные явления подвергнутся ниже специальному рассмотрению, кроме вопроса о лабиализации предударного *о* (см. II, 2, § 2) и о произношении /и/ в соответствии *ě*. Судьба *ě* в говорах новгородского и ростово-суздальского происхождения детально освещена в вышедших в недавнее время работах К. В. Горшковой (см. Автореферат. . . и др.), где много внимания уделено обобщению как диалектных данных по этому вопросу, так и данных, извлеченных из памятников письменности.

Выводы, к которым приходит К. В. Горшкова, подтверждаются и теми данными о распространении произношения /и/ в соответствии *ě*, которые приводились нами выше при рассмотрении явлений ударенного и предударного вокализма (см. II, 2, § 5). В указанных разделах отмечались как раз те особенности распространения этого явления, которые наблюдаются и у других собственно севернорусских явлений. Вместе взятые все эти источники и дали основание отнести развитие произношения /и/ в соответствии *ě* к числу собственно севернорусских процессов, связанных с конечными результатами изменения дифтонга *͡ие*, случаи произношения которого факультативно распространены до сих пор по говорам северного наречия. Выводы общего характера о развитии современных типов употребления гласных в соответствии *ě* приводятся также и ниже, в главе непосредственно посвященной истории говоров северного наречия (см. II, 7).

§ 2. Судьба конечных сочетаний /*ст*/ и /*с'т'*/

Указания на судьбу конечных сочетаний /*ст*/, /*с'т'*/ отсутствуют в работах, посвященных характеристике диалектных объединений, созданных в период, предшествующий изучению русского языка методами лингвистической географии [95]. Лишь собранные в ходе этого изучения материалы позволили увидеть в различном произношении конечных сочетаний /*ст*/ и /*с'т'*/ особенности определенных диалектных объединений.

Судьба двух названных конечных сочетаний согласных неодинакова по говорам русского языка.

Мягкое конечное сочетание /*с'т'*/ может:

а) сохраняться в говорах русского языка, как это имеет место, например, в значительном количестве говоров юго-западных областей, таких, как Орловская или Курская: *го/с'т'/*, *ко/с'т'/* и под.;

б) подвергаться упрощению при непоследовательном характере этого упрощения *го/с'/* и *го/с'т'/* и под., как это имеет место в большинстве говоров южного наречия и среднерусских, причем собранные материалы показывают, что произношение /*с'*/ в соответствии /*с'т'*/ на конце слова, факультативно выступая в речевом потоке наряду со /*с'т'*/, может быть связано с темпом речи, с характером согласного последующего слова, с небрежным стилем произношения. Никаких видимых закономерностей в произношении *го/с'/* или *го/с'т'/* и под. установить в таких говорах обычно не удается, то и другое произношение нередко отмечается в них в речи одних и тех же лиц;

в) подвергаться упрощению при последовательном характере этого явления — *го/с'/*, *ко/с'/* и т. п. Такое последовательное упрощение данного сочетания особенно широко распространено в говорах северного наречия русского языка, охватывая основную часть его территории. Отмечено оно и в некоторых говорах к западу и северо-западу от Москвы (в западной части Московской и в пределах Смоленской, Калининской областей; карта 61).

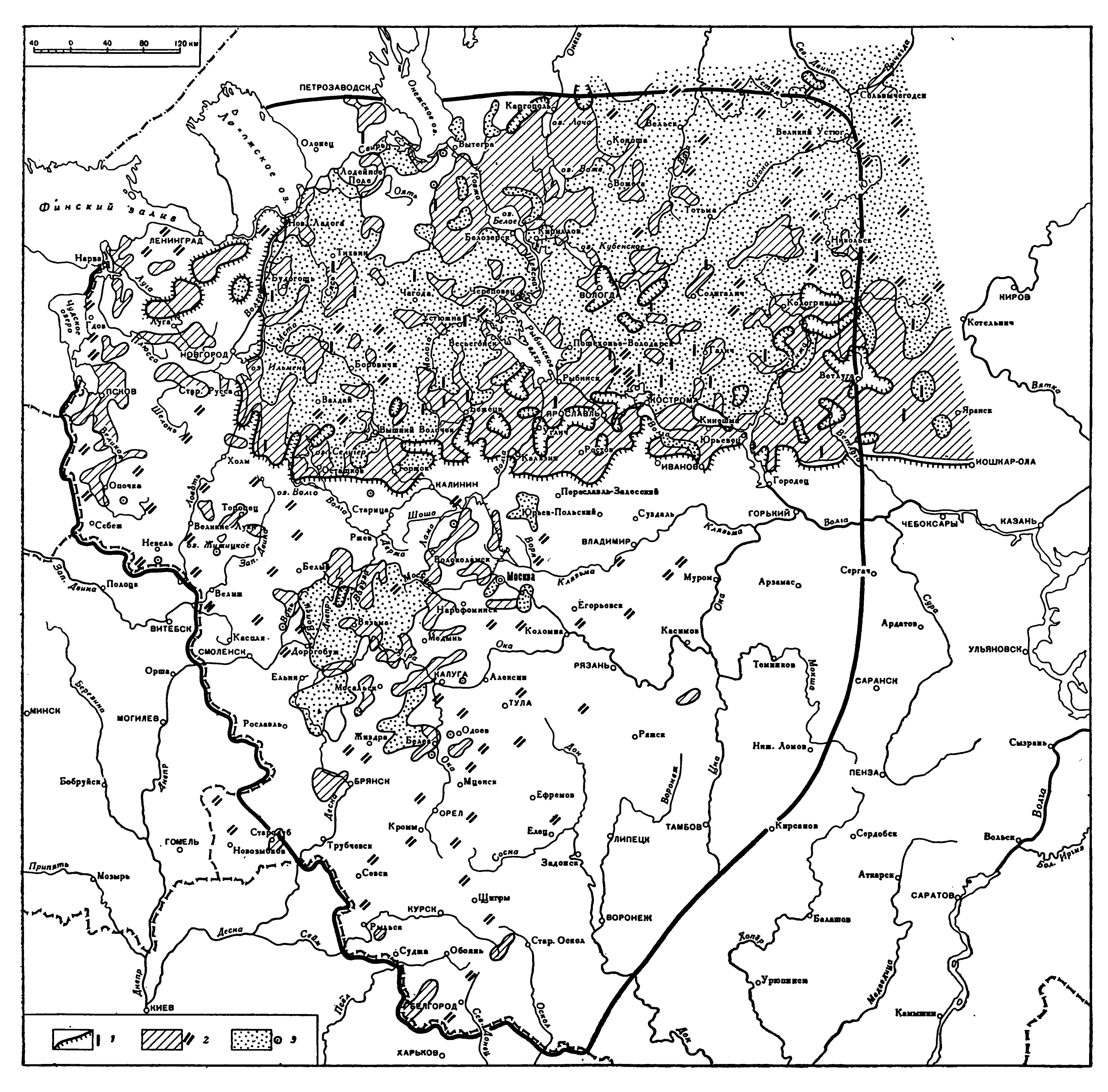
Возможность последовательного упрощения сочетания /*с'т'*/ особенно определенно отражена в материалах по говорам сев. наречия; ср. произношение /*с'*/, а не /*с'т'*/ при тесном слиянии слов, ранее оканчивавшихся на /*с'т'*/, с гласным постпозитивных частиц — /*го́с͡'от*/, *гв*/*о́с͡'от*/: произношение /*с'*/ в формах косвенных падежей существительных — *бе́дно/си/* — *бе́дно/с'йу/*, *бо́ле/си/*, *го́ре/си/* — *го́ре/с'йу/*, *ше́р/си/*, *го́/си/* — *го́/се/м*, *го/с'а́/м*; *го́рдо/си/* — *го́рдо/с'йу/*, *о́бла/си/*, *ста́ро/си/ жи́/с'йу/* и под.; результаты упрощения выступают и в соответствии сочетанию /*с'т'*/ в середине слова: *го́/си/та*, *кла́/си/* (=*кла́сти*- инф.), *у/с'йо/* (=Устье-топон.), *допу́/си/м*, *пе́р/си/ка* (=*пе́рстика* — род. п. ед. ч. от пе́рстик—палец), *шер/си́/на*, *ше/с'а/ри́к* (=*шестерик*), *бесче́/с'йе/* и под. Таким образом, говоры русского языка различаются не только и не столько по наличию или отсутствию упрощения в сочетании *с'т'*, так как такое упрощение известно в общем многим говорам, но главным образом по интенсивности этого упрощения — высшей, из числа значительных диалектных объединений, в говорах северного наречия русского языка.

В отличие от конечного сочетания *с'т'*, по судьбе конечного сочетания *ст* говоры русского языка противопоставлены гораздо более определенно. Сочетание *ст* на конце слова сохраняется, притом чаще всего вполне последовательно, в говорах южного наречия и большинстве среднерусских (см. карту 60). Лишь в тех говорах южного наречия, в которых последовательно упрощается конечное сочетание *с'т'* (см. карту), этому упрощению сопутствует и упрощение *ст*.

В основном же последовательное упрощение сочетания *ст* характерно для тех же говоров северного наречия, в которых распро-

---

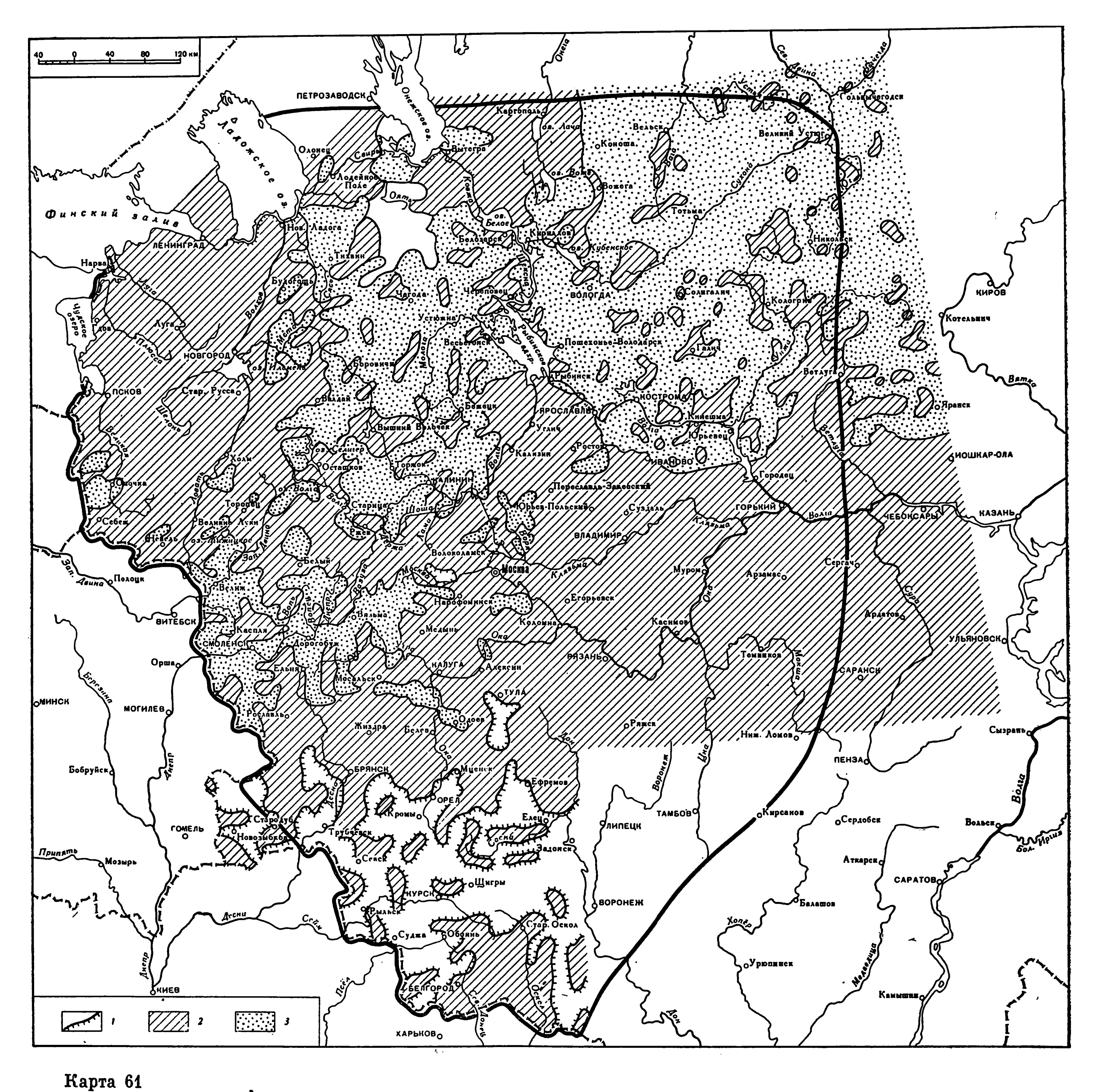
95 ‹См. характеристику говоров северновеликорусского наречия русского языка в «Опыте» или, в значительно измененном виде, Н. Н Дурново. Введение в историю русского языка, ч. I. Брно, 1927.

Карта 60

Судьба конечного сочетания *ст*:

1 — сохранение /*ст*/; *2* — упрощение /*ст*/ как непоследовательное явление; *3* — упрощение /*ст*/ как последовательное явление

Карта 61

Судьба конечного сочетания /c'm'/:

1 — сохранение /c'm'/; *2* — упрощение /c'm'/ как непоследовательное явление; *3* — упрощение /c'm'/ как последовательное явление

странено столь же последовательное упрощение *с'т'*. Сравнение карт 60 и 61 показывает совпадение ареалов двух этих явлений.

Как и упрощение *с'т'*, упрощение твердого сочетания *ст* подтверждается случаями сочетания с постпозитивной частицей, образованием форм косвенных падежей существительных и фактами упрощения *ст* в середине слова: *кре́/с/от, мо́/с/от, по́йе/с/от; мо/с/а́ — на мо/с/у́, хвбро/с/а — хвбро/с/ом, хол/с/а́ — хол/с/о́м, боро́/с/ка,* (=бороздка), *изв'о́/с/ка, уч'а/-с/ков, мо/с/ки́ —* на *мо/с/ке́, бога́че/с/во, иску́/-с/во, зе́м/с/во, чу́/с/во, ца́р/с/во, де/с/ви́тельно, ли́/с/венный*, ср. и случаи с упрощением сочетания */с'т/* (т. е. при твердом согласном *т* в сочетании) — *государ'/с'/во, свато/с'/во́, уби́й/с'/во*. Тем самым можно считать, что характерным различительным признаком говоров северного наречия является более последовательное, чем в других говорах русского языка, распространение результатов упрощения как сочетания *с'т'*, так и *ст*. Что же касается говоров, расположенных к западу от Москвы, в которых известно последовательное, как и в говорах северного наречия, упрощение сочетаний *с'т'* и *ст*, то здесь их распространение не совпадает с пределами каких-либо определенных диалектных объединений.

Мы не располагаем данными о возможности упрощения конечных сочетаний *ст* и *с'т'* в говорах украинского языка, поскольку указания на данное явление отсутствуют в работах по диалектологии украинского языка [96].

В белорусском языке известно изменение конечного *с'ц'* (из *с'т'*) в */с'/*[97]. Это изменение объясняют утратой смычного элемента в конечной аффрикате */ц'/*, развившейся из *т'*: *го/сц'/ > го/с'с'/ > го/с'/*, фиксируя по говорам и промежуточные стадии данного изменения, т. е. формы с долгим */с'с'/ — го/с'с'/* и под. Указанные изменения имеют преимущественное непоследовательный характер распространения в говорах, расположенных в центральной части БССР на всем ее протяжении с севера на юг, но с заметным сужением этой полосы в ее южной части [98]. Важно также отметить, что в белорусском языке изменение *с'ц'* в */с'/* не сопровождается изменением */ст/* в */с/*.

В связи с этим можно предположить, что характерное для говоров северного наречия упрощение обоих конечных сочетаний, как *ст*, так и *с'т'*, могло развиться в его пределах самостоятельно на достаточно позднем этапе его существования, после оформления русского языка как национального, возможно уже в XVIII в. Об этом свидетельствует индивидуальный, только этому явлению присущий, характер распространения: наличие его в говорах северного наречия и одновременно на территории к западу от Москвы, не соответствующей какому-либо определенному диалектному объединению.

Что касается собственно языковых причин возникновения рассматриваемого явления, то можно, видимо, согласиться с П. С. Кузнецовым, который связывал его возникновение с характерным для русского языка вообще, а для северного наречия особенно, тихим отступом, наблюдаемым при произношении согласных на конце слова. С этой особенностью П. С. Кузнецов связывал и отвердение конечных согласных в севернорусских говорах и утрату конечного согласного в сочетании *ст*.

Что же касается относительной последовательности, в которой развивалось упрощение изучаемых сочетаний, то судя по широте распространения результатов утраты согласного в сочетании */с'т'/*, хотя бы и не совсем последовательного, его упрощение началось раньше, чем упрощение сочетания *ст*. После того как по говорам северного наречия наметилась возможность утраты палатальности конечными согласными в некоторых категориях случаев (ср. отвердение конечного *-т* в формах глаголов 3-го л.), в том числе, видимо, и в конечном сочетании */с'т'/ → /с'т/*, процесс упрощения конечного сочетания охватил и твердое сочетание */ст/*, что, в свою очередь, могло усилить процесс упрощения конечных сочетаний в целом и сделать его результаты наиболее последовательными [99].

§ 3. Образование некоторых форм существительных

К числу инноваций, развившихся в пределах северного наречия, относится и образование ряда форм существительных (преимущественно множественного числа), распространенных по его территории в виде мелких разорванных

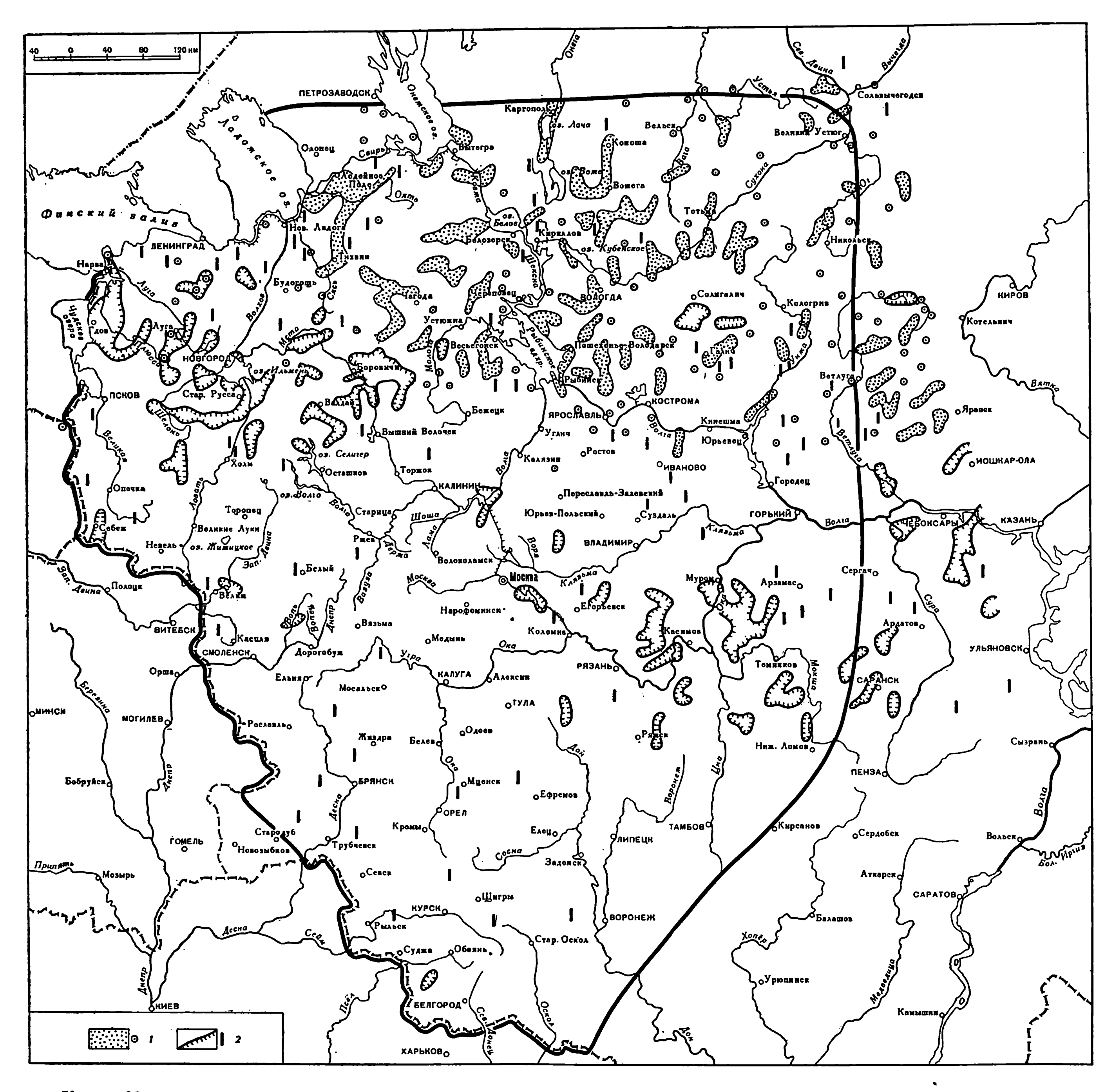
---

[96] Ср. отсутствие указаний на это явление и в последнем по времени появления очерке украинской диалектологии: Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1966.

[97] «Нарысы па беларускай дыялекталогіі», стр. 135.

[98] «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы». Мінск, 1963, карта № 59.

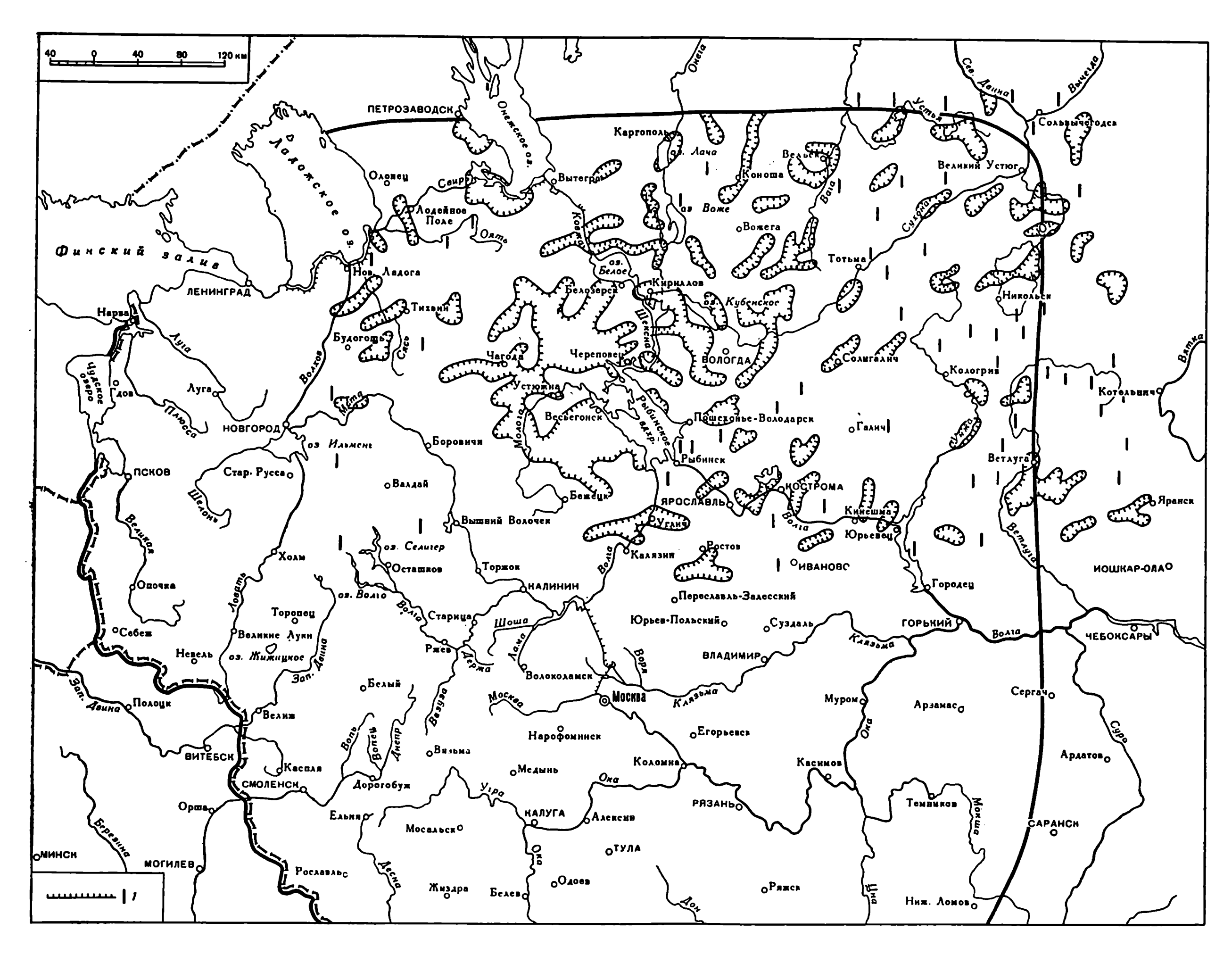
[99] П. С. Кузнецов. К истории форм 3-го лица настоящего времени глагола в русском языке. «Slavia», XXV/2, 1956, стр. 177.

Карта 62

Образование формы им. п. мн. ч. существительного *крестьянин*

1 — крестья́/на/; 2 — крестья́/ны/

Карта 63

Образование формы им. п. мн. ч. существительных, с суффиксом *-к-*, обозначающих молодые существа: *окóш/ка*, *теля́т/ка/* и т. д.

ареалов, по разному расположенных в отношении друг к другу, как это показывают помещаемые ниже карты 62 и 63. Показанное на этих картах распространение форм им. п. мн. ч. слов *крестья́н/а/*, *окóшк/а/*, *теля́тк/а/* и под. в общем типично и для форм других существительных, рассматриваемых в данном разделе.

При оценке непоследовательного распространения тех форм существительных, которые будут рассмотрены ниже, должен учитываться тот факт, что эти формы не известны во сколько бы то ни было ощутительном распространении за пределами северного наречия, в связи с чем наличие этих форм может быть включено в его характеристику. Непоследовательность распространения подобных форм может быть объяснена, в частности, тем, что в северном наречии наряду со специфичными для него формами множественного числа по говорам существуют параллельно также и формы, имеющие общерусское распространение, или во всяком случае формы, известные за его пределами в других диалектных объединениях [100].

К числу инноваций в области форм множественного числа, характерных, хотя и при непоследовательном распространении, для говоров северного наречия, относятся следующие:

1. Образование форм им. п. мн. ч. от существительных, обозначающих степени родства, с суффиксом *-овй-*, возможное в говорах северного наречия у более широкого круга подобных существительных, чем в литератур-

[100] Непоследовательность распространения подобных форм отчасти связана, конечно, и с трудностью собирания материала по явлениям лексикализованного характера.

ном языке: ср. не только *сын/ов'йá/* и *кум/ов'йá/* (как в литературном языке), но и *зят/ев'йя́/*, *брат/ов'йá/*, *сват/ов'йá/*, *дяд/ев'йá/*, картографированные в диалектологических атласах русского языка.

По данным диалектологических атласов могут быть приведены некоторые дополнительные данные относительно отдельных из указанных форм мн. ч. с суффиксом *-овй-*.

а) Форма *зятевья́*, преимущественно встречающаяся с неконечным ударением, в отдельных весьма редких случаях отмечена и с иным местом ударения — *зя́тевья*, *зяте́вья*. На территории северного наречия наряду с формами, образованными с суффиксом *-овй-*, известны и формы *зятья́* (или более редкий акцентологический вариант *зя́тья*), а также, отмеченные буквально в единичных говорах, формы *зя́ти* (*зяти́*). Таким образом, в говорах северного наречия в основном распространены характерная для него форма *зятевья́* и имеющая широкое распространение во всех говорах русского языка форма *зятья́*. Учитывая неполноту данных, использованных при картографировании изучаемых форм, можно все же отметить, что форма *зятевья* является более редкой на северной части территории северного наречия примерно к северу от линии Лодейное Поле—Белое озеро—Коноша—Тотьма—Великий Устюг, где преобладающее распространение имеет форма *зятья́*. Однако в целом форму *зятевья́* можно считать наиболее характерной для говоров северного наречия.

б) Форма *братовья́* (изредка — *бра́товья*, *брато́вья*) имеет примерно ту же интенсивность и характер распространения, что и форма *зятевья́*, являясь также более разреженной на северной части территории северного наречия. Также в единичных говорах отмечены и формы *браты́* (*бра́ты*). Образования *бра́тья* и *братья́* распространены в пределах северного наречия гораздо более равноправно, чем *зя́тья—зятья́*. Форма *братья́* распространена преимущественно в юго-западной части территории северного наречия, а на остальной его части представлена форма *бра́тья*. Форма *братовья́* может тем самым считаться наиболее характерной для северного наречия.

За пределами северного наречия распространены форма *браты́* (редко *бра́ты*), характерная для западной части говоров южного наречия, а также форма *бра́тья* при возможной наряду с ней формой *братья́*, причем последняя преимущественно распространена в ср.-р. говорах.

в) Форма им. п. мн. ч. *сватовья́* (изредка *свато́вья*, *сва́товья*) от существительного *сват* имеет в общем тот же характер распространения в пределах северного наречия, что и формы *зятевья́*, *братовья́*. С этой формой сосуществуют, являясь в некоторых говорах единственными, также и формы *сва́ты—сваты́*, особенно последний акцентологический вариант; в несколько меньшей степени, чем *сватовья́* и *сваты́* распространены формы *сва́тья* и *сватья́*. Значительная интенсивность распространения формы *сва́ты* (в отличие от *зя́ти* и *бра́ты*) объясняется тем, что эта форма употребительна и в литературном языке. Таким образом форма *сватовья́* является для говоров северного наречия наиболее характерной.

г) Форма *дядевйá* редко встречается в говорах северного наречия и может считаться характерной для него лишь потому, что не встречается за его пределами. В основном же для этих говоров характерно распространение форм им. п. мн. ч. *дядья́* (изредка — *дя́дья*), а также *дя́ди* (изредка *дяди́*), но по наличию этих форм северное наречие не выделяется, а объединяется с другими говорами русского языка, где также распространены эти формы без достаточно определенно выраженной локализации ареалов этих форм на территории говоров разных диалектных групп, взятых в целом.

д) Форма *сыновья́* весьма широко и последовательно распространена в говорах северного наречия. Лишь в качестве единичных здесь отмечают формы *сыны́*, *сынья́* и *сынова́*. Однако форма *сыновья́* не может считаться выделяющей говоры северного наречия, так как она распространена не только в литературном языке, но и во всех вообще говорах русского языка, где лишь изредка встречается форма *сынья́*.

Таким образом, видим, что формы им. п. мн. ч. с суффиксом *-овй-* от различных существительных со значением степеней родства в различной степени связаны, а в отдельных случаях и совсем не связаны с выделением говоров северного наречия. Из числа слов, картографированных в диалектологических атласах, наиболее типичными для северного наречия могут считаться формы *зят/ев'йá/*, *брат/ов'йá/*, *сват/ов'йá/* и лишь условно — *дяд/ев'йá/*.

С. П. Обнорский в «Именном склонении» считает характерным признаком северного наречия распространение форм им. п. мн. ч. с суффиксом *-овй-* от одушевленных существительных вообще [101]. Среди приводимых им примеров подобных образований имеются сущест-

[101] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 75, 79 и 407.

вительные, обозначающие одушевленные и (единично) неодушевленные предметы. Изучение географических помет в приводимом С. П. Обнорским списке слов показывает наиболее широкое распространение в пределах северного наречия в целом слов со значением степеней родства. Картографирование небольшого круга подобных слов в диалектологических атласах показывает, как мы это только что видели, что не все подобные слова имеют одинаковую роль как различительные признаки северного наречия.

2. Характерным для говоров северного наречия следует также считать образование форм им. п. мн. ч. с окончанием *-а* у существительных с суффиксом *-к-*, наиболее широко распространенное от названий молодых существ — *теля́тка*, *робя́тка*, *порося́тка*, *цыпля́тка*, *медвежа́тка* и под., но известное не только у этих существительных: ср. формы им. п. мн. ч. *яи́чка*, *у́шка* или *ушка́*, *стёклышка*, *штани́шка*, *избёнка*, *ведёрка*, *штанёнка*. Значительный материал, иллюстрирующий употребление форм мн. ч. на *-а* у существительных с суффиком *-к-*, приводится и у С. П. Обнорского [102].

Для группы существительных, обозначающих молодые существа, основной в составе слов с суффиксом *-к-*, образующих формы им. п. мн. ч. на *-а*, характерен также и распространенный в говорах северного наречия определенный тип соотношений с формами ед. ч. Такие существительные в ед. ч. принадлежат в его говорах к ср. р. и образуются с суффиксом *-атк-* и окончанием *-о*: им. п. ед. ч. *теля́тко*, *порося́тко*, *робя́тко* при форме им. п. мн. ч. *теля́тка*, *порося́тка*, *робя́тка* и др.

3. Образует форму им. п. мн. ч. в говорах северного наречия от твердой основы с окончанием *-а* также и картографированное в диалектологических атласах существительное *крестья́нин — крестья́на*. Как указывает С. П. Обнорский, по говорам северного наречия возможно подобное образование им. п. мн. ч. и от других существительных с суффиксом *-ин-*: *меща́на*, *горожа́на*, *миря́на*, относительно последовательности распространения которых на данной территории мы не располагаем, однако, картографированными данными.

Разорванные ареалы формы *крестья́на* расположены по всей территории северного наречия, где известна наряду с этим также и форма *крестья́не*, распространенная значительно реже. Интенсивность распространения формы *крестья́не* несколько выше в северном наречии на южной части его территории. Лишь в единичных говорах отмечена на территории северного наречия форма *крестья́ны*, являющаяся по существу той же формой, что и *крестья́на*, но с редукцией заударного гласного.

За пределами северного наречия форма, образованная от твердой основы, но с редукцией заударного гласного (*крестья́ны*), наиболее регулярно распространена в западных ср.-р. говорах, за пределами которых она встречается в общем редко и притом в рассеянном распространении. Для остальных говоров русского языка характерными являются формы, образованные от мягкой основы, причем гласный окончания, являющийся заударным звучит поразному: *крестья́/н'ъ/*, *крестья́/ни/*, *крестья́/н'а/*.

4. Известна в основном в говорах северного наречия форма им. п. мн. ч. *воло́/с'йа/*, образованная с суффиксом *-й-*, за пределами которых ее ареал имеется лишь на территории небольшой группы говоров в юго-западной части южного наречия (в западной половине Брянской обл.). В связи с этим данную форму также можно включить в число различительных признаков северного наречия, поскольку за его пределами ее значительное распространение отсутствует.

В говорах южного наречия и ср.-р. распространены преимущественно формы *во́лосы* и *волоса́*, а также форма *волосы́*, ареал которой находится в северной части Западной группы говоров северного наречия.

5. Характерно для говоров северного наречия широкое распространение, хотя и опять-таки в виде разорванных ареалов, своеобразно образованных собирательных существительных с суффиксом *-й-* и окончанием *-о*, чаще ударенным, реже безударным. Ср. такие существительные, как: *пе/н'йо́/*, *су/ч'йо́/*, *жер/д'йо́/*, *уго/л'йо́/*, *воло/с'йо́/*, *две/р'йо́/*, *сто/л'йо́/*, *ко/л'йо́/*, *е/л'йо́/*, или (от существительных со значением степеней родства) *сыно/в'йо́/*, *диве/р'йо́/*, *дяде/в'йо́/*, *зяте/в'йо́/*, *мате/р'йо́/*, *доче/р'йо́/*, *свато/в'йо́/*, *му/жйо́/*; ср. и существительные с безударными окончаниями: *сусло́/н'йо/*, *одея́/л'йо/*, *каме́/н'йо/*, *пе́/р'йо/*, *и́ско/р'йо/*, *сту́/л'йо/*, *суко́/в'йо/* и под.

6. В пределах северного наречия распространено и характерное для его говоров образование формы род. п. мн. ч. существительного *деревня*, которая равна основе, оканчивающейся на твердый согласный с беглым гласным /о/ или /е/, т. е. *дере/в'о́н/* или (что реже) *дере/ве́н/*.

Приводимый С. П. Обнорским материал [103] показывает, что возможность подобного обра-

---

[102] Там же, стр. 113—117.

[103] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 211—212.

зования формы род. п. мн. ч. отмечается у многих существительных на *-ня* и что колебания *ббе/н/* и *ббе/н'/ вйше/н/* и *вйше/н'/*, *колокбле/н/* и *колокбле/н'/* и под. встречаются у многих существительных, разных в различных говорах; встречаются такие колебания также и в устной форме литературного языка [104]. В связи с этим вполне правомерно выделить в качестве различительного признака говоров северного наречия определенное слово, а именно слово *деревня*, из числа тех, которые в других говорах и в литературном языке более устойчиво представляют форму на мягкий согласный.

Рассмотренные инновации в области образования некоторых форм мн. ч. и собирательных существительных по ряду соображений могут быть признаны поздними по времени своего возникновения, сложившимися на раннем этапе существования русского языка как национального, в конце XVII и на протяжении XVIII в.

Среди доводов в пользу позднего возникновения изучаемых явлений прежде всего должно быть принято во внимание то, что все эти характерные для говоров северного наречия явления отсутствуют в других восточнославянских языках, где особенности в образовании соответствующих форм также складывались уже на протяжении самостоятельного существования этих языков. В русском языке во всех рассмотренных случаях мы имеем дело с инновациями, характерными только для отдельного диалектного объединения, в частности для северного наречия, окончательное выделение которого как самостоятельной единицы диалектного членения, как и оформление других диалектных объединений, относится к периоду существования русского языка как национального.

[104] Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I. Киев, 1952, стр. 207.

В свою очередь, непоследовательный характер распространения изучаемых явлений — инноваций в пределах северного наречия также согласуется с предположением о позднем времени их возникновения: в условиях существования диалектных объединений в составе национального языка наряду с развитием и распространением собственно местных инноваций всегда имело место распространение явлений с соседних территорий, что было обусловлено усилением междиалектного взаимодействия в это время.

При этом особенно эффективным оказывалось распространение тех инодиалектных инноваций, которые возникали в так называемых говорах центра, наиболее близких к литературному языку, поскольку этот последний формировался именно на основе данных говоров. Этим и объясняется тот факт, что в говорах северного наречия с теми инновациями, которые известны только в его пределах, сосуществуют формы, имеющие более широкое распространение в говорах других территорий, а в ряде случаев — также и в литературном языке.

Тем, что изучаемые явления возникали в более позднее время, объясняется и их отсутствие в письменности XV—XVI вв. Развиваясь в более позднее время, в конце XVII и на протяжении XVIII в., подобные инновации говоров северного наречия проникали, однако, и в письменный литературный язык, но удерживались в его составе лишь в единичных случаях. Борьба различных форм мн. ч. одних и тех же существительных из числа рассмотренных выше отражена в языке писателей XIX в. как живой процесс взаимодействия форм различной диалектной принадлежности. Ценные данные, характеризующие процессы этого рода, приводятся в указанных выше работах С. П. Обнорского и Л. А. Булаховского.

Глава седьмая

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 1. Языковые процессы, протекавшие в говорах южных территорий и их значение для последующего выделения диалектных объединений русского языка

При изучении истории образования говоров русского языка выясняется, что территории, занимаемые различными современными диалектными объединениями, как и характерные для этих объединений языковые комплексы, находятся в различных соответствиях и отношениях к территориям и языковым комплексам диалектных объединений предшествующего периода. Это объясняется тем, что современное диалектное членение русского языка является результатом сложного процесса преобразований и перегруппировок диалектных объединений предшествующего периода, в связи с чем не может быть указано, хотя бы и в общем виде, каким языковым объединениям старшей поры соответствуют современные единицы диалектного членения русского языка: процессы формирования диалектных объединений должны быть рассмотрены отдельно для каждого из них во всей сложности и противоречивости, присущей процессам этого рода.

Начало образования диалектных групп русского языка как величин территориального характера лишь в самом общем виде можно отнести ко времени, когда изживается племенное деление и славянское население восточной Европы становится к XII—XIII вв., более устойчивым на отдельных территориях, т. е. ко времени возникновения диалектов древнерусского языка в период феодализма на Руси в пределах отдельных «земель» или княжеств. Процессы образования диалектных групп идут и на протяжении всего последующего времени, охватывая и период существования восточнославянских языков как национальных, причем особенно важным для оформления диалектного членения русского языка в его современном виде явился, видимо, начальный этап национального периода, т. е. период XVII—XVIII вв.

В сущности, решительное препятствие развитию узко местных языковых новообразований ставит лишь то укрепление общенародной национальной нормы, которое делает ее распространение в пределах территории языка в целом решающим фактором языкового развития.

Образование таких социально-экономических общностей, какими являлись княжества, земли или волости, вело к сплочению населения на отдельных территориях и к лучшему освоению территории в пределах каждой из таких социальных общностей. А так как межобластные связи были в это время в силу ряда условий развиты слабо, то шло (временное и относительное в общем ходе исторического процесса) обособление населения на отдельных территориях в ряде отношений, в том числе и в отношении его языкового развития. Местные разновидности языка далеко не всегда возникали в пределах каждой отдельной из существовавших социально-экономических общностей, а иногда одновременно в пределах нескольких, что отражало наличие между ними связей в отношении языковых переживаний. Кроме того, следует иметь в виду, что обособленность земель или княжеств всегда оставалась относительной; центростремительные тенденции, если и затухали, то лишь временно. В этом отношении языковое развитие являлось в известной мере параллельным развитию социальному. Как указывает А. Н. Насонов: «С образованием ряда феодальных княжеств в составе Киевского государства во второй половине XI и в первой половине XII в., когда Киевское государство дробится, начинается период феодальной раздробленности. В XII в. они становятся самостоятельными по отношению к Киеву, хотя их

самостоятельность не исключает и некоторого единства» [105].

Данные исторического характера, указывающие на существование наиболее регулярных связей, исторически сложившихся между некоторыми землями или княжествами в отношении их языкового развития, и позволяют нам в дальнейшем пользоваться при изучении генезиса северного наречия в качестве основных понятиями новгородского и ростово-суздальского диалектов, рассматривая каждый из этих диалектов при изучении языковых процессов как общий для нескольких княжеств или волостей, входивших, например, в состав Ростово-Суздальской земли. Изучение связей, имевшихся между говорами отдельных земель, позволяет также в дальнейшем выдвинуть понятие «общезападных» процессов, охватывавших говоры, расположенные на определенной части территории древнерусского языка.

Связи указанного характера имели бльшое значение для подготовки диалектных объединений более позднего периода. Так, например, на основе связей между землями южных территорий, при этом связей, относящихся к раннему периоду XI—XII вв., оказалось возможным распространение в их пределах некоторых новообразований, охвативших говоры южной части территории Восточной Европы безотносительно к их принадлежности по другим языковым особенностям к более узким диалектным объединениям.

К числу подобных благоприятных для распространения языковых новообразований предпосылок относится, например, тот факт, что владения сложившейся к XII в. Черниговской волости доходили до Ельца, а может быть, и включали его, т. е. непосредственно соседили с территорией Рязанского княжества [106]. В общем, если перевести описание территории Черниговской волости на язык современной карты, то она охватывала территорию современных Калужской, Орловской областей, части Тульской и Московской и находилась тем самым в непосредственном соприкосновении и взаимодействии с рязанскими владениями. При этом, как пишет А. Н. Насонов: «. . . основным явлением в процессе территориального роста будущей Черниговской волости было принуждение, покорение земель восточных северян, радимичей, вятичей; земля последних (вятичей) составляла значительную часть всей Черниговской волости. Когда земли эти стали исключительно тянуть к Чернигову, мы не знаем. Покорение, освоение этих земель было делом первоначально не исключительно Чернигова или Сновска и Чернигова, а всей «Русской земли» во главе с киевским князем» [107].

В условиях сложившейся таким образом сферы черниговского влияния и могло осуществляться распространение некоторых языковых новообразований, по наличию которых говоры южных территорий, вместе взятые, оказывались противопоставленными находившимся к северу от них говорам Смоленской, Полоцкой, Новгородской и Ростово-Суздальской земель, объединенных в данном случае тем, что на их пределы не распространялись соответствующие языковые новообразования южного типа. Возникновение такого противопоставления, хотя и касалось первоначально ограниченного круга явлений, создавало основу для последующего выделения северного и южного территориальных подразделений в пределах говоров русского языка.

К числу черт, распространявшихся в пределах южных земель, относится прежде всего изменение /*г*/ в /γ/ или /*h*/, характерное в настоящее время для украинского и белорусского языков, а также для говоров южного наречия русского языка, служа одним из наиболее характерных его признаков, так как противопоставляет говоры этого наречия не только говорам северного наречия, но и вместе взятым среднерусским говорам. Данные лингвистической географии (см. II, 2, § 6) поддерживают мнение исследователей, относящих изменение *г* в /γ/ к периоду XI—XII вв., а не к праславянскому периоду.

Следующим по времени возникновения и исключительным по значению для развития языковых систем соответствующих говоров было такое явление, как акание, по вопросу о возникновении которого нам представляется наиболее обоснованной точка зрения ученых, относящих его ко времени после падения редуцированных, т. е. не ранее чем к концу XII в.[108]

На основе развития указанных и некоторых других инноваций в русском языке складываются некоторые новые двучленные соответственные явления, возникновение которых усиливало противопоставление говоров южного и северного территориальных подразделений. При этом для говоров южного террито-

[105] А. Н. Насонов. Русская земля. М., 1951, стр. 8.
[106] А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 65, 66.
[107] А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 61.
[108] См., например: Р. И. Аванесов. Вопросы образования. . ., стр. 32 и др.; П. С. Кузнецов. К вопросу о происхождении аканья. — ВЯ, № 1, 1964, стр. 30—41.

риального подразделения было характерно наличие ряда инноваций: изменение системы произношения безударных гласных (аканье), фрикативное произношение /γ/, а для северного территориального подразделения, взятого в целом, преимущественное сохранение более исконного состояния соответствующих звеньев системы. Возможно, что к числу достаточно древних инноваций, возникавших в говорах южных территорий, можно отнести также изменение склонения слова *путь*, обобщившегося в этом отношении с другими существительными мужского рода (*путь — путя́ — путю́* и т. д.), а также и перенос ударения на окончание в форме им. п. мн. ч. таких существительных, как *волк*, *вор — волки́ — воры́* (см. обзор пучка IB).

Складывавшееся таким образом противопоставление названных территориальных подразделений лишь подготавливало современное диалектное членение. До образования основных величин этого диалектного членения на каждой из территорий должен был осуществиться ряд процессов междиалектного взаимодействия и развитие других собственных местных новообразований, прежде чем эти величины и характерные для них языковые комплексы оформились в том виде, в каком мы их знаем в настоящее время.

Возможно, что выделение будущей территории северного наречия в общих пределах северного территориального подразделения ранее всего наметилось на основе распространения аканья. Вопрос о характере аканья в период его возникновения не является решенным в настоящее время. Современные системы аканья и яканья являются результатом длительных процессов развития вокализма в пределах различных по своему характеру диалектных объединений и потому не дают непосредственных данных для суждения о первоначальном характере аканья. Если понимать под этим явлением любой вид перераспределения экспираторной силы слогов и связанной с этим возможности появления редукции гласных, то можно считать, что явлениями этого рода ко времени XIV в. уже были охвачены говоры Смоленской и Полоцкой земель на северо-западе, а также, в ограниченном кругу позиций, и значительная часть говоров Ростово-Суздальской земли (см. IV, 3, § 2). Тем самым к XIV в. должны были выделиться на основе полного отсутствия изменений этого рода пределы той территории, на которой в дальнейшем формируются говоры северного наречия русского языка.

§ 2. Размещение и взаимодействие диалектных групп в пределах северного территориального подразделения на раннем этапе его существования

В период возникновения и распространения в пределах южного территориального продразделения указанных выше изменений не наблюдалось аналогичной связи по распространению общих инноваций между говорами северного территориального подразделения. Это объясняется тем, что в пределах северного территориального объединения к XII—XIII вв. сформировались такие своеобразные и прошедшие самостоятельный путь развития диалекты, как, с одной стороны, Псковский и Новгородский, а с другой — Ростово-Суздальский. Кроме того, существенно и то, что достаточно устойчивые группы населения и оформившиеся территориальные диалекты имелись к XIII в. не на всей северной части современной территории Европейской части СССР.

Так, например, новгородский диалект, если учитывать собственно исторические данные о формировании населения на данной территории, был распространен в качестве величины собственно территориального характера лишь на центральных частях территории Новгородской земли. Исследование А. Н. Насонова, в котором детально охарактеризован процесс образования основной территории Новгородской земли, показывает, что к XII в. освоенными были главным образом те ее части, которые были расположены в бассейне озера Ильмень, рек Луги, Ловати, Шелони, Мсты (в меньшей степени), и что в процессе первоначального расширения этой территории осваивались земли по течению рек Мологи, Волхова, Сяси, Ояти и Свири. Территории, расположенные к востоку от центральных и исторически более древних владений Новгорода, т. е. примерно к востоку от 36° в. д., которые, хотя и входили в состав Новгородской земли, так как были охвачены новгородской данью, не могут быть включены для данного периода в ареал новгородского диалекта в связи с тем, что процесс формирования устойчивого русского населения этих территорий был еще далек от завершения.

Достаточно определившийся территориальный диалект сложился на протяжении XII в. и на части территории Ростово-Суздальской земли, которая, хотя и была к концу XII в. самой заселенной из числа других древнерусских земель, но имела более сплошное население, как указывает М. К. Любавский, на территории в междуречье Волги и Клязьмы.

15 Заказ № 562

Собственно Окский и Волжский бассейны были населены в это время слабее [109]. Распространение ростово-суздальского по диалекту населения к северу за Волгу шло в ряде направлений параллельно с расселением на ту же территорию носителей новгородского диалекта, хотя в некоторых районах севера, как, например, вокруг озера Белого, ростово-суздальские поселения и были достаточно ранними.

Таким образом, основными диалектными группами, носители которых постепенно распространялись по территории северо-востока (современная территория северного наречия русского языка), были диалекты новгородский и ростово-суздальский. Тот круг особенностей этих диалектов, который может быть отнесен к раннему этапу существования этих диалектов, т. е. к этапу, который является отправным в данном исследовании, уже описан к настоящему времени.

Так, Р. И. Аванесов считает, что говорам Новгородской земли конца XII—первой половины XIII в., т. е. того периода, когда в пределах южных областей происходило распространение аканья, были свойственны следующие особенности: /*г*/ взрывное, цоканье, наличие /*ô*/ или /*у͡о*/ на месте старого *о* под восходящим ударением и /*ê*/ на месте *ě* [110].

По данным исследования К. В. Горшковой [111], к числу черт новгородского диалекта, характерных для данного более раннего периода, можно отнести, кроме приведенных черт, также и ту его особенность, что так называемое падение редуцированных происходило в новгородском диалекте позднее, чем в ростово-суздальском, и сопровождалось развитием второго полногласия в лексике, исконно имевшей сочетания редуцированных с плавными. В области вокализма К. В. Горшкова отмечает также задержку лабиализации гласного *е* в положении перед твердыми согласными, т. е. задержку изменения *е* в /*о*/, а также наличие в новгородском диалекте в силу ряда определенных предпосылок более устойчивого и последовательного различения /*е*/ и /*ê*/, /*о*/ и /*ô*/, при котором развивалось также дифтонгическое произношение закрытых /*ô*/ и /*ê*/, /*у͡о*/ и /*и͡е*/. В области консонантизма для новгородского диалекта в данной работе отмечено менее последовательное развитие категории твердости—мягкости и связанное с этим, в частности, более долгое сохранение мягких /*ж'*/ и /*ш'*/, а также более устойчивое сохранение звуковых сочетаний /*ш͡'ч'*/ и /*ж͡'д'ж'*/ и сочетания /*ч'н*/.

В результате проведенного изучения данных лингвистической географии [112] к числу черт, характерных для новгородского диалекта того же раннего периода, могут быть отнесены и еще некоторые черты. Так, различение гласных, в принципе известное как в новгородском, так и в ростово-суздальском диалекте, имело в каждой из этих диалектных групп локальный характер в зависимости от того, какие именно звуки по их физическому качеству призносились в безударном положении и в каких отношениях к гласным ударенных слогов они находились. В положении после твердых согласных это могло выражаться в том, что в новгородском диалекте при характерном для него устойчивом различении /*ô*/ и /*о*/ эти гласные могли более последовательно различаться и в предударном положении. В положении после мягких согласных в соответствии ударенному *ě* при характерном для него здесь устойчивом произношении /*ê*/, /*и͡е*/ в предударном положении также должен был произноситься гласный более высокого подъема, на основе которого в дальнейшем (в гораздо более позднее время) развивается произношение /*и*/ в соответствии *ê* (особенно последовательное в положении между мягкими согласными). В соответствии ударенному *е*, более устойчиво сохранившемуся в новгородском диалекте без перехода в /*о*/ перед твердыми согласными, в первом предударном слоге также произносилось /*е*/. Гласный *а* в положении между мягкими согласными испытывал в этом диалекте, как на это указывает его последующий переход в /*е*/ в говорах новгородского происхождения, сильную передвижку в передний ряд, что должно было отражаться на его произношении как под ударением, так и в предударном положении, где также в достаточно раннее время мог произноситься гласный, приближавшийся по звучанию к /*е*/.

К числу черт, характерных для новгородского диалекта того же раннего периода, можно отнести и некоторые черты морфологического характера, к числу которых принадлежат следующие: употребление обобщенной формы им. п. мн. ч. местоимения 3-го л. — *оны́*, распространившейся взамен форм, различав-

[109] М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. М., 1929, стр. 8.

[110] Р. И. Аванесов. Вопросы образования. . ., стр. 129, 131.

[111] К. В. Горшкова. Автореферат.

[112] Анализ лингвогеографических данных, дающий основания для отнесения перечисляемых ниже черт к указанному периоду, см. в очерках соответствующих явлений, в разделе I и II данной работы.

шихся по родам; сохранение форм косвенных падежей местоимения 3-го л. без начального *н* после предлогов — *у /йейо́/*, *у /йейе́/* и под., а также сохранение более архаической флексии *-е* в форме род. п. ед. ч. местоимения 3-го л. ж. р. — *у /йейе́/*; перенос ударения на основу в личных формах некоторых глаголов II спряжения — *да́риш*, *ва́риш*, *та́щиш* и под. (без чередования гласного, оказывавшегося таким образом под ударением); более устойчивое употребление форм вовратной частицы, различавшихся по родам.

Соответственно для ростово-суздальского диалекта того же раннего периода в качестве характерных для говоров Ростово-Суздальской земли черт Р. И. Аванесовым указано наличие взрывного *г* и губно-зубного *в*, различение *ц* и *ч*, различение /ô/ и /о/, /ê/ и /е/ [113].

К. В. Горшкова предполагает для того же диалекта, кроме указанных особенностей, более раннее время падения редуцированных, рано сложившиеся условия для совпадения *ě* и *е* (первоначально в позиции перед мягкими согласными, а затем и в других положениях) и употребление /ô/ вне различения с *о*; раннее время и последовательности лабиализации *е* и изменения его в /о/; устранение смычного элемента в сочетаниях *ш'т'ш'* и *ж'д'ж'* > /ш'ш'/, /ж'ж'/, а также изменение *чн* > *шн*.

По данным лингвистической географии в характеристику ростово-суздальского диалекта указанного периода можно включить ряд особенностей в характере гласных, различавшихся в предударном положении.

В связи с более ранним совпадением *ě* и *е* под ударением в этом диалекте в первом предударном слоге в соответствии *ě* произносился гласный более низкого подъема, чем в новгородских говорах (т. е. собственно /е/); при раннем и фонетически закономерном изменении *е* > *о* в положении перед твердыми согласными в этом диалекте устанавливалось регулярное произношение /о/ в соответствии *е* и в соответствии ударенному *о* также и в предударном положении; регулярное соответствие ударенного и безударного гласного *а* в положении после мягких согласных независимо от качества последующего согласного (твердого или мягкого) было также характерно для данного диалекта.

Из числа явлений морфологического характера могут быть отмечены следующие: наличие формы *оне́* в им. п. мн. ч. местоимения 3-го л.; употребление форм косвенных падежей местоимения 3-го л. с начальным *н* после предлогов — *у него́*, *у не/йо́/*, а также распространение новой формы с окончанием *-о* в род. п. ед. ч. ж. р. местоимения 3-го л. ж. р. *у не/йо́/*; сохранение ударения на окончании в личных формах ряда глаголов II спряжения — *дари́шь*, *вари́шь*, *тащи́шь*; характерным для ростово-суздальского диалекта следует признать также и наличие в нем постпозитивных согласуемых частиц, обладающих «системностью» употребления [114].

§ 3. Отражение языковых процессов, протекавших в западных говорах русского языка, в формировании северного наречия

Противопоставление новгородского и ростово-суздальского диалектов, взятых в пределах наиболее заселенных и исконных для них территорий, может быть рассмотрено для данного периода и как более широкое противопоставление восточнославянских говоров, взятых в целом, в направлении с запада на восток, безотносительно к оформлявшемуся в то же время противопоставлению южной и северной территорий.

Основанием для этого служат данные лингвистической географии, показывающие, что по характеру языкового развития говоры Новгородской земли были тесно связаны не только с близлежащими псковскими и смоленскими говорами, но и с говорами полоцкими, иногда и шире, с говорами турово-пинскими, а частично и киевскими или черниговскими (см. II, 5). Связи этого рода отражены вплоть до настоящего времени в общности некоторых явлений, характерных одновременно для украинского и белорусского языков или их отдельных диалектных групп, а также для западной части говоров русского языка, безотносительно к их внутреннему членению, а наряду с этим также для говоров северного наречия, где эти явления распространялись позднее по мере расселения носителей новгородского диалекта. Общность языковых переживаний, имевшаяся между западными (в том числе и Псковскими, Новгородскими) говорами восточнославянских языков сложилась на основе процессов двоякого рода. Так, следует иметь в виду, что на западные территории в ряде случаев не проникали, особенно на более ранних этапах их существо-

---

[113] Р. И. Аванесов. Вопросы образования. . ., стр. 131.

[114] И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко. К вопросу о постпозитивных частицах в русских говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, т. III. М., 1962, стр. 31.

вания, инновации, очагом возникновения которых являлись ростово-суздальские или одновременно и рязанские, а также восточные черниговские говоры, равно как инновации западного происхождения оставались чуждыми названным восточным говорам [115]. Долгое время оставалась чуждой западным говорам такая ранняя восточная инновация, как губно-зубное произношение *β—в'*, оглушаемых в виде */ф/—/ф'/* в слабых позициях, а также возможность употребления фонем ‹*ф*› — ‹*ф'*›. Долгое время была чужда западным говорам и утрата срединного смычного элемента в сочетаниях *ш'т'ш'*, *ж'д'ж'*, или результаты изменения сочетания *чн* в */шн/* или */сн/* и др. (см. I, 2, § 1).

При распространении новообразований в пределах самих западных территорий в описываемый период XII—XIII в. в. преобладало распространение, шедшее из более южных очагов к северу, на территорию Смоленской и Новгородской земель, в то время как новообразования, очагом которых являлась Новгородская земля, не имели столь интенсивного распространения в южном неправлении, ограничиваясь преимущественно территорией Смоленской земли или даже только ее более северной части. Для таких «собственно-новгородских» явлений характерно их продвижение преимущественно в восточном направлении. Факты, подтверждающие подобную характеристику направления и сферы распространения языковых процессов, приводились выше при анализе соответствующих языковых явлений (см. II, 4). В связи с этим в приведенный выше перечень черт новгородского диалекта середины XIII в. были включены как черты, свойственные только этому диалекту, так и черты, объединяющие западные говоры вообще.

Противопоставление восточнославянских говоров западных и восточных территорий должно было наметиться еще в результате того, что определенная часть кривичского, а может быть и словенского племени совершила в свое время отход в восточном направлении на будущие территории Ростово-Суздальской земли, причем «судя по археологическим данным, колонизация Ростовского края русскими началась в IX в. . . .» [116]

Связи между говорами западных территорий в дальнейшем кроме того неоднократно подкрепляются рядом событий исторического характера. В середине XIII в., после того, как, воспользовавшись ослаблением великокняжеской власти, добиваются политической свободы Новгород и Псков, они еще сильнее втягиваются в орбиту западной жизни [117].

Второй круг политических событий определяющего значения, также относящийся по своему началу к XIII в., связан с противопоставлением западных и восточных областей при усилении Литовской Руси. Ядром будущего Литовско-Русского государства было великое княжество литовское, созданное во второй половине XIII в. под властью Миндовга и его ближайших преемников. С самого начала своего существования это государство было полурусским, так как еще Миндовг утвердился в Черной Руси, ранее являвшейся своеобразной полоцкой колонией в Литве. Первое значительное присоединение за счет собственно русских земель и относится к XIII в. (Полоцкое княжество). В XIV в. складывается подлинное противопоставление западных и восточных земель, причем территория Литовского государства непрерывно растет на протяжении XIV в., становясь на севере пограничной с территориями Псковского и Новгородского княжеств. Присоединившиеся к Литве западнорусские земли и владения в большинстве случаев сохраняли свою особенность и самобытность, свой внутренний строй, не сливаясь воедино с основным государственным ядром. Характеризуя русское население Литовской Руси в сравнении с населением складывавшегося на востоке Московского (ранее Ростово-Суздальского) государства, М. К. Любавский пишет о населении Литовской Руси: «Это была исконная Русь, сидевшая на старом корню, медленно эволюционировавшая, но не срывавшаяся со своих жизненных устоев, в противоположность Руси Суздальской, которая, расселившись по верхней Волге и ее притокам, устроила там свою жизнь на новых основаниях».

---

115 Говоря об отсутствии в пределах восточных говоров инноваций западного типа, мы не считаем показательным для раннего влияния западных говоров наличие в пределах восточных говоров небольших, как правило, ареалов явлений этого рода преимущественно на территории так называемых «мещерских» говоров. Соображения по поводу возникновения здесь этих явлений см.: В. Г. Орлова. История аффрикат. . ., стр. 114 и др. (соображения иного рода см. ниже в данной работе — IV, 2).

116 См.: Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. ГИЗ, 1930, стр. 221; Он же. Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края. «Труды секции археологии Ин-та археологии и искусствоведения», т. IV. М., 1928, стр. 138—144; А. В. Арциховский. Курганы вятичей, РАНИОН 1930, стр. 140; М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. М., 1929, стр 6 и др.

117 Ю. В. Готье. Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края.

В связи с этим указывает он несколько ниже: «В жизни Литовской Руси можно подметить гораздо больше традиций, архаических черт Киевского периода, чем в жизни Ростово-Суздальской Руси» [118].

Хотя Новгород и Псков не входили в состав Литовского государства (впрочем, в XIV в. Псков находился от него в зависимости), их западные связи, в частности и в отношении языкового развития, имевшие столь длительные традиции, не могли быть прерваны возникновением этого государственного объединения. К тому же быстрое расширение территории Литовского государства, равно как и быстрое последующее ее сужение, не создавали предпосылок для разрыва связей между населением сопредельных территорий, особенно в отношении процессов языкового развития. Данные лингвистической географии показывают, что распространение языковых новообразований, шедшее с юга к северу на территорию Новгородского и Псковского княжеств, явилось длительным процессом, не имевшим существенных перерывов.

Охарактеризованные выше связи, наблюдаемые в языковом развитии говоров западных территорий, являются гораздо более интенсивными и протяженными во времени, чем аналогичные связи в отношении языкового развития между противостоящими им говорами более восточных территорий, т. е. между говорами Ростово-Суздальской, восточной части Черниговской и Рязанской (или Муромо-Рязанской) земель. Наиболее показательным для наличия связей в языковом развитии является распространение в пределах взаимосвязанных диалектных групп тех или иных инноваций. Между тем количество общих инноваций, пережитых восточными говорами, крайне невелико, и эти инновации относятся или к более раннему периоду, или уже к периоду усиления Московского государства. К числу общих для восточных говоров инноваций раннего периода следует отнести изменение губно-губного спиранта /*w*/ в губнозубной с последующим оглушением /*в*/ > /*ф*/ в слабых позициях, подготовившее, в свою очередь, возможность употребления фонем ‹*ф*› — ‹*ф'*› в заимствуемой лексике или утраты смычного элемента в звуковых сочетаниях *ш'т'ш'*, *ж'д'ж'*, *ч'н*, а также, возможно, перераспределение экспираторной силы слогов, приведшее к ослаблению безударных слогов, кроме слога, предшествующего ударению (см. IV, 3, § 2). Общность, проявляющаяся в развитии указанных явлений, относящихся к столь раннему времени, могла быть связана с историей формирования населения этих территорий еще на протяжении племенного периода. Так, в частности, наличие указанных процессов в названных говорах может быть связано в них с тенденциями языкового развития вятичей [119]. Никем не оспариваемое наличие вятичей на территориях южнее Оки является спорным, когда речь идет о наличии этого племени на территории к северу от нее. Однако имеется ряд историков, которые считали возможным их появление здесь в достаточно раннее время. Так, В. А. Городцов считал, что уже в XI в. вятичи двинулись за Оку под напором половцев [120]. Л. В. Черепнин [121], говоря о несоответствии формировавшихся «земель» племенам, указывал, что в составе населения Владимиро-Суздальской земли были вятичи, кривичи и новгородские словене.

Отличие западных говоров от восточных по тому признаку, что на территории последних отсутствуют инновации, характерные для западных говоров, взятых в целом («общезападные» инновации) само по себе не свидетельствует об общности языкового развития восточных говоров, хотя и может указывать на общность тенденций из развития, чем и мог объясняться тот факт, что на территорию восточных говоров, как правило, не проникал ряд западных инноваций, а другие, проникая, не получали в пределах восточных говоров ощутительного распространения. Это тем более важно подчеркнуть, что население западных и восточных территорий не было оторванным друг от друга; таким образом, мы должны предположить решающую роль в отсутствии распространения инноваций в направлении с запада на восток за различиями в тенденциях языкового развития.

Развитие вместе взятых восточных говоров на протяжении феодального периода было достаточно противоречивым и неравномерным. Население выделившегося в 20-х годах XII в. из состава черниговских волостей Рязанского княжества, видимо, долгое время оставалось связанным по языковым переживаниям со своими более западными соседями (см. выше данные о распространении |γ| и аканья, а также

[118] М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской Унии включительно, Изд. 2. М., 1915, стр. 1.

[119] А. В. Арциховский. Указ. соч., стр. 122.

[120] В. А. Городцов. Древнее население Рязанской области. «Изв. ОРЯС АН», т. XIII, кн. IV. СПб., 1909, стр. 134—150.

[121] Л. В. Черепнин. Условия формирования русской народности до конца XV в. «Вопросы формирования русской народности и нации». М., 1958, стр. 7—105.

и других ранних новообразований). Однако возможно при этом, что выделение Рязанского княжества могло одновременно содействовать и усилению связей с более северными соседями. При дальнейшем распадении Рязанского княжества на Муромскую и Рязанскую области устанавливается более тесный контакт Муромского княжества с Владимирским. Татарское нашествие хотя и вызывает перемещения населения с юга к северу, создает, с другой стороны, также и предпосылки для укрепления самого Рязанского княжества. «После татарского нашествия, со второй половины XIII века история Рязанской земли как бы начинается вновь. Под татарской властью Рязанская земля слагается в сильное княжество, одно из местных великих княжений северо-восточной Руси. Его значение определялось в XIV веке в зависимости от его географического положения, как Рязанской Украины — южного форпоста Великороссии. С великорусским центром рязанскую землю многое связывало (охрана южной окраины, борьба с финскими племенами с востока), но многое и разделяло — например, борьба за волости слабевшей Черниговщины — Лопастни, Вереи, Боровска. Имелись в Рязани и сепаратистские тенденции — попытка ориентироваться на Литву» [122]. Все это создавало условия для развития оределенного круга языковых инноваций собственно рязанского характера, которые получают распространение в северном направлении уже в более позднее время, к XVI в., т. е. к тому времени, когда в состав «Замосковного края», основное ядро которого образовалось еще в начале XV в., вливаются и «украинные земли», к числу которых принадлежит в это время Рязанская земля [123]. Как уже говорилось выше, более исконное противопоставление говоров русского языка в направлении с запада на восток постепенно перекрывалось вновь намечавшимся выделением говоров северного и южного территориальных подразделений, складывавшимся в основном за счет того, что на южных территориях возникал и распространялся определенный круг инноваций.

§ 4. Формирование населения и характер междиалектного взаимодействия на территории северо-востока

Имевшиеся в пределах северного территориального подразделения Новгородский и Ростово-Суздальский диалекты не имели между собой непосредственных контактов на сопредельных территориях. Из взаимодействие осуществляется в этот период главным образом в ходе освоения территорий северо-востока, куда направлялись колонизационные струи из пределов обоих этих земель. Возможности такого взаимодействия и его эффективность непрерывно расширялись по мере освоения той северо-восточной территории, на которой происходило постепенное расселение носителей указанных диалектных групп. Таким образом видим, что условия, в которых в пределах северного территориального подразделения происходило образование северного наречия русского языка, коренным образом отличались от условий формирования южного наречия и что процессы их образования не являются параллельными ни по времени, ни по характеру. Об этом свидетельствуют прежде всего собственно исторические данные, согласно которым на всей южной территории еще к началу феодального периода имелось население, более непосредственно связанное традицией языкового развития с населением предшествующего племенного периода.

Иными являются пути формирования населения на территории северо-востока, будущей территории северного наречия русского языка. Данные исторической географии дают нам достаточные основания, чтобы прийти к подобному заключению [124].

Заселение территории северо-востока, начавшееся в XII в. (а по мнению некоторых историков, возможно, еще и в конце XI в.) и шедшее ранее всего с Новгородской территории, направлялось туда в виде отдельных небольших отрядов. Задачей выдвигаемых таким образом новгородских форпостов было в основном расширение территории, с которой могла бы взиматься дань с неславянского населения в пользу Великого Новгорода. С точки зрения процессов образования диалектных групп, в данном случае речь шла лишь об известном расширении распространения новгородского диалекта, но распространения, при котором его носители оказывались рассеянными по значительной территории в виде разобщенных мелких групп.

Что касается колонизации, шедшей с территории Ростово-Суздальской земли, то многие историки считают, что она была активизирована татарским нашествием, вызвавшим отлив населения с более южных и центральных

[122] А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. М., 1919, стр. 223 и др.

[123] Ю. В. Готье. Замосковный край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. Изд. 2. М., 1937, стр. 408 и др.

[124] М. К. Любавский. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909, гл. IX; С. Ф. Платонов. Прошлое русского севера (очерки по истории колонизации Поморья). М., 1923.

территорий и лишь с этого времени стала на севере наиболее ощутительной. Так, М. К. Любавский, с которым соглашается и С. Ф. Платонов, непосредственно связывают эти факты, указывая, что расселение в северо-западном направлении с территории Ростово-Суздальской земли становится наиболее интенсивным с XII в. и идет первоначально на Мологу и Шексну, вокруг озер Белого, Кубенского, Воже и Лачи. Шла колонизация с Ростово-Суздальской территории и по Северной Двине, где ростово-суздальская колонизационная волна сталкивалась с волной, шедшей из земли Новгородской. Уточняя территориальное соотношение ростово-суздальской и новгородской колонизационных струй при заселении северо-востока, С. Ф. Платонов пишет: «На основании исторических и лингвистических наблюдений можно сказать, что границей между Новгородским и Суздальско-Московским течениями колонизации может служить линия Белозерск—Великий Устюг. Попадая с юга на Сухону, пришельцы двигались по ее течению и, следуя природному расположению путей, выходили на Северную Двину, но, встречая там новгородскую струю колонизации, они не шли далее на север, а попадали на реки Юг и Мологу в Вятскую землю» [125].

В связи со всем сказанным можно прийти к заключению, что на территории, занимаемой в настоящее время северным наречием русского языка, в XIII—XIV вв. подготавливалось в процессе расселения носителей новгородского и ростово-суздальского диалектов сложение нового территориального диалекта, важнейшим условием возникновения которого является наличие достаточно сплоченных и значительных в количественном отношении групп населения, связанного языковым общением и общностью языковых переживаний на протяжении длительного времени. Окончательное образование такого диалекта протекало уже на протяжении существования языка народности, а также начального периода существования национального языка.

Следует также учитывать, что первоначально территория, занимаемая современным северным наречием, являлась территорией междиалектного общения особого типа, при котором взаимодействующие диалекты — новгородский и ростово-суздальский — выступали не как территориально прикрепленные величины, соседящие друг с другом, а как связанные с рассеянными по территории мелкими группами населения, в ряде случаев менявшими время от времени места своего пребывания. Междиалектное общение такого типа скорее напоминает взаимодействие диалектов племенного периода и в ряде случаев оно должно было вести по существу к междиалектному смешению, так как при нем не могло наблюдаться достаточно определенно выраженное преобладание одного диалекта над другим по причинам внеязыкового характера, как это наблюдается позднее по мере сложения единого русского языка при характерном для него ведущем значении диалекта центральной территории московского государства. Здесь же, на территории северо-востока, в XIII—XIV вв. распространение или устранение новгородских или ростово-суздальских по происхождению черт в большей степени должно было протекать по причинам собственно языкового характера, т. е. в зависимости от степени продуктивности определенных языковых черт или от их положения в ходе исторического развития языковых систем (инновации-архаизмы; черты собственно диалектные или совпадающие с формирующейся общенародной нормой). В связи с этим сферы распространения различных явлений новгородского или ростово-суздальского происхождения с самого начала были достаточно разнообразными.

§ 5. Судьба явлений общезападного распространения

Обращаясь к судьбе тех явлений, которые распространялись по территории северо-востока носителями новгородского диалекта, следует напомнить, что в составе этих черт были явления разного генезиса, как свойственные наряду с новгородским диалектом также западным говорам вообще (общезападные архаизмы и инновации), так и явления собственно новгородские, среди которых также были инновации и архаизмы. Общезападные архаизмы, как это показывает сделанный выше обзор их распространения (см. II, 5), чаще всего оказывались в пределах русского языка и, в частности, в пределах северного наречия, недостаточно устойчивыми при взаимодействии с системами, в которых имелись инновации в соответствующих сторонах языка, распространявшиеся в направлении с востока на запад вместе с носителями ростово-суздальского диалекта. Этим, видимо, и объясняется тот факт, что общезападные явления — архаизмы имеют непоследовательное распространение и, как правило, в меньшей части говоров северного наречия, в виде мелких разрозненных ареалов, а иногда

[125] С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 42.

лишь в отдельных его говорах, притом, обычно, в деградирующем состоянии, т. е. в качестве вторых параллельно существующих элементов систем, нередко представленных не у всех слоев говорящих. См. выше о распространении таких явлений, как сохранение случаев с /е/, не изменившимся в *о* под ударением перед твердыми согласными, как употребление звуковых сочетаний /*ш'ч'*/ /*ж'д'ж'*/ в соответствии долгим шипящим, как сохранение различий между формами им. и вин. п. ед. ч. у существительного со значением 'мать'—*мáти—мáтерь*. Несколько большая устойчивость архаического чередования /*в*/ с /*w*/ в конце слова и слога может объясняться тем, что это чередование было поддержано в части говоров северного наречия соответствующим чередованием /*л*/, /*l*/ с /*w*/ в тех же условиях, причем это последнее чередование исторически является инновацией.

При этом нельзя не отметить, что некоторые из архаизмов общезападного характера, деградирующих в пределах говоров русского языка, в говорах других восточнославянских языков могут иметь иную судьбу. Ср. хотя бы судьбу сочетаний *ш'ч'* и *ж'д'ж'* или чередования /*в*/—/*w*/ в украинском и белорусском языках, где эти явления распространены широко: на состоянии этих черт в северном наречии явно сказывается воздействие пережитого междиалектного общения.

Из числа общезападных черт архаического характера наиболее распространенными и относительно устойчивыми являются такие, как употребление суффикса *-иц-* в названиях ягод или сохранение мягкости согласного в образованиях типа *жé/н'с/кий*. Лучшая сохранность этих черт объясняется тем, что по своему характеру они близки к лексикализованным, поскольку выступают в ограниченном кругу слов.

Перечисленным явлениям-архаизмам общезападного распространения соответствуют, как правило, гораздо шире распространенные в пределах говоров северного наречия явления-инновации раннего периода, преимущественно ростово-суздальского происхождения, которые могут быть отнесены ко времени не позднее XII в. Таковы результаты последовательного изменения *е* в /*о*/ под ударением перед твердыми согласными; употребление спирантов /*в*/—/*ф*/; произношение долгих шипящих /*ж'ж'*/ и /*ш'ш'*/ (мягких, но позднее отвердевших); распространение формы *мать* как общей для им. и вин. п. и т. д. Однако в связи с тем, что эти явления преимущественно совпадают с соответствующими нормами литературного языка, их сосуществование с названными явлениями-архаизмами также не служит для характеристики северного наречия в целом.

Что касается явлений-инноваций, распространявшихся по территории северо-востока из пределов Новгородской земли, то при их рассмотрении также существенно различать те из инноваций, которые можно считать собственно новгородскими, и те, которые, включая новгородский диалект, были одновременно свойственны и ряду говоров других западных земель, т. е. являлись общезападными по характеру своего территориального распространения.

Инновации общезападного происхождения также не были особенно продуктивными при их распространении в говорах северо-востока и подобно общезападным явлениям архаического характера легко подвергались в дальнейшем устранению. Возможно, что такие инновации лучше сохранились в пределах северного наречия в говорах, более непосредственно восходящих к древнему новгородскому диалекту. Однако и в этих говорах подобные черты не всегда являлись достаточно устойчивыми в процессе взаимодействия с говорами ростово-суздальского происхождения, обычно совпадающими в соответствующих случаях с русским литературным языком. Об этом свидетельствует, например, наличие только на части территории северного наречия таких явлений общезападного происхождения, как чередование /*л*/, /*l*/ с /*w*/ в конце слова и слога; наличие удлиненных согласных в соответствии сочетаниям согласных с /*j*/; совпадение по месту ударения форм дат.—предл. п. существительных типа *грязь — в грязú—по грязú*; распространение формы давнопрошедшего времени типа *был ушел*.

Более широким является распространение по территории северного наречия такого новообразования, как перенос ударения на начальный слог в личных формах некоторых глаголов II спряжения — *дарúшь* и некот. др. Еще более последовательным является распространение произношения твердых губных в соответствии мягким на конце слова. Широта распространения двух этих явлений может получить свое особое объяснение. Изменение места ударения в указанных глаголах, неравномерно охватывающее отдельные глаголы, является одной из редких, притом ранних по времени возникновения черт, распространение которой происходило в пределах русского языка в направлении с запада на восток безотносительно к внутреннему членению говоров восточных территорий (см. I, 3, § 12). Это может указывать на соответствие данного явления общей тенден-

ции развития акцентологической системы русского языка, лишь ранее осуществленной в говорах западных территорий; с этим же связано, видимо, и то что это явление не имеет изоглоссы в пределах восточных говоров; в говорах северного наречия отмечается регулярное сосуществование форм типа *дáришь* и типа *дари́шь*.

Успешному распространению произношения только твердых губных на конце слова могло содействовать то, что в определенных категориях случаев, а именно в формах тв. п. ед. ч. имен и местоимений, отвердение губных согласных было пережито всеми говорами древнерусского языка. Из всех инноваций общезападного происхождения только изоглосса твердых губных на конце слова приближается по своему местоположению к изоглоссам пучка IIГ на том его отрезке, который отделяет говоры северного наречия от говоров Владимирско-Поволжской группы. Однако и здесь данная изоглосса имеет большее число уклонений к северу от изоглоссы пучка IIГ, да и самый ареал данного явления на восточной части территории северного наречия охватывает эту территорию далеко не сплошь, что знаменует собой утрату последовательности распространения явления в направлении с запада на восток (см. карту 8).

Меньшая устойчивость тех явлений, которые с исторической точки зрения были общезападными инновациями в отличие от инноваций собственно новгородских (см. ниже), может объясняться тем, что самим новгородским диалектом эти инновации были получены извне, т. е. не были свойственны ему органически. Усвоенные из говоров юго-западных земель, инновации эти в ряде случаев не получали достаточно последовательного распространения и на центральной части территории новгородского диалекта, чем, в свою очередь, также может объясняться и меньшая последовательность распространения этих черт в говорах северного наречия.

Во всяком случае важно подчеркнуть, что распространение общезападных архаизмов, как и общезападных инноваций, всегда отличается значительным своеобразием для каждого из таких явлений. Можно отметить лишь ту относительно общую особенность этого распространения, что совокупность подавляющего большинства ареалов явлений подобного происхождения не охватывает юго-восточной части территории северного наречия, исторически входившей в состав основной территории Ростово-Суздальской земли (территория современной Костромской группы говоров). Тем самым изоглоссы явлений общезападного происхождения не служат для выделения северного наречия в целом, однако расположение ареалов явлений этого рода оказывается существенным в ряде случаев для характеристики отдельных объединений в его пределах и особенно для изучения их истории.

§ 6. Собственно новгородские явления

Языковые черты архаического характера, исторически присущие новгородскому диалекту многочисленны. К их числу, может быть, следует отнести известное количество синтаксических конструкций. Ср. распространение безличных предложений с главным членом — страдательным причастием и объектом в форме вин. п. ед. ч. типа *всю картошку съедено* или употребление формы род. п. имени при главном члене, являющемся спрягаемой формой глагола, *есть у нас таких песен*, сочетание предлога *мимо* с вин. п. существительного *проехать мимо лес*. Так же, как и ареалы описанных выше общезападных архаизмов и инноваций, ареалы этих архаических собственно новгородских явлений весьма индивидуальны по своим очертаниям, их изоглоссы не образуют пучков, а общей особенностью распространения является то, что совокупность ареалов этих явлений также не охватывает юго-восточной части территории северного наречия. При изучении говоров с современной точки зрения ареалы этих явлений считались выделяющими северную зону с характерным для нее наличием явлений на значительной, но не на всей территории северного наречия [126].

Таким образом, видим, что отсутствие явлений на юго-восточной части территории северного наречия (исторически — основная территория Ростово-Суздальской земли) при наличии этих явлений на остальной большей части территории северного наречия является общей особенностью распространения явлений общезападного происхождения, как инноваций, так и архаизмов, а также явлений архаического характера новгородского происхождения.

Иной характер и иную продуктивность распространения получали явления — инновации собственно новгородского происхождения, чем определяется большое значение этих явлений для оформления северного наречия как самостоятельной величины диалектного членения русского языка.

---

[126] «Русская диалектология», стр. 244.

Уже такое древнейшее явление новгородского происхождения, как цоканье или его реликты, имеет бо́льшую широту и интенсивность распространения, чем многие явления общезападного происхождения, причем имеются основания предполагать, что в ходе междиалектного общения цоканье усваивалось и в среде носителей ростово-суздальского диалекта [127].

Периодом наиболее успешного распространения по территории северо-востока населения новгородского происхождения считают обыкновенно период с XII до середины XV в., одновременно являвшийся периодом наибольшего могущества Новгородской республики и развития максимального своеобразия ее диалекта. К этому же времени относятся и те инновации собственно новгородского происхождения, распространение которых охватывает всю территорию северо-востока. Из числа этих явлений выделим прежде всего такое единственное по характеру своего современного распространения явление новгородского происхождения, как произношение твердого /*т*/ в окончаниях глаголов 3-го л., ареал которого полностью охватывает не только говоры северного наречия и западные ср.-р. говоры, но также и восточные ср.-р., ростово-суздальские по происхождению говоры. Выше (см. II, 4, § 4) были изложены соображения, по которым это явление может быть отнесено к числу собственно новгородских инноваций. Последующее распространение этого явления было особенно длительным, постепенным, позднее всего оно проникает в говоры на территории бывшей Ростово-Суздальской земли. Уникальное по своему характеру распространение данного явления, как и достаточно широкое, хотя и ограниченное пределами территории северо-востока, распространение других новгородских инноваций (произношение /*мм*/ из /*бм*/ и совпадение форм дат., тв. п. мн. ч. прилагательных и существительных), видимо, отражают период наиболее успешного и самостоятельного развития новгородского диалекта, когда этот диалект, хотя и временно, имел большее, чем в последующее время, значение в пределах диалектов великорусской народности, в связи с чем возникавшие в его среде инновации определенного периода усваивались представителями других диалектных групп в процессе междиалектного общения.

Если названные выше два последних явления (употребление /*мм*/ и совпадение форм дат.—тв. п. мн. ч.) распространены меньше, чем твердое /*т*/ в глаголах, то они во всяком случае известны говорам северного наречия безотносительно к тому выделению юго-восточной части территории, на которой отсутствовали явления общезападного происхождения. Изоглоссы двух названных явлений, входящих в состав пучка IIГ (см. выше, II, 1, § 1) на протяжении восточного отрезка этого пучка близки к границе, отделяющей говоры северного наречия от восточных ср.-р. говоров. Усвоение этих явлений в говорах на юго-восточной части территории северного наречия, ростово-суздальских по происхождению, знаменовало собой, наряду с другими процессами, вхождение этих говоров в состав нового формирующегося диалектного объединения — северного наречия русского языка и отрыв их по характеру языкового развития от генетически близких им, расположенных к югу, говоров, в пределах которых происходило формирование восточных ср.-р. говоров.

Выделяя те максимальные пределы, которых могло достигнуть распространение новгородских инноваций на территории северо-востока, изоглоссы названных явлений одновременно выделили и ту территорию, на которую не проникали явления южного наречия или юго-восточной зоны, распространявшиеся на остальной большей части территории бывшей Ростово-Суздальской земли. В связи с этим оказывается, что на данном отрезке (в пограничье с восточными ср.-р. говорами) изоглоссы пучка IIГ сближаются с основной изоглоссой пучка IIА (т. е. с изоглоссой исключительного распространения различения гласных во втором предударном и заударном слогах после твердых согласных), в свою очередь указывающей на распространение на той же территории систем вокализма, не затронутых влиянием южного наречия или южных диалектных зон.

§ 7. Явления ростово-суздальского происхождения

Параллельно с распространением по территории северо-востока собственно-новгородских новообразований шло распространение по той же территории явлений ростово-суздальского происхождения, приводившее в ряде случаев к устранению некоторых архаизмов общезападного или собственно новгородского происхождения.

Так, возможно, что под действием говоров ростово-суздальского происхождения ускорялся процесс изменения *е* в /*о*/ перед твердыми согласными и становились реликтовыми случаи неперехода *е* в *о*; с влиянием ростово-суз-

[127] В. Г. Орлова. История аффрикат, стр. 109.

дальских говоров можно связать распространение губно-зубных ⟨*в*⟩—⟨*ф*⟩, ⟨*в'*⟩—⟨*ф'*⟩, а также долгих (первоначально мягких) шипящих, возникавших в результате утраты затвора в сочетаниях *ш'т'ш'*, *ж'д'ж'*. Более поздней по времени возникновения является такая ростово-суздальская инновация, как совпадение основ в падежных формах личного местоимения 2-го л. и возвратного и различения окончаний у тех же местоимений, т. е. появление форм род.—вин. п. *меня*, *тебя́*, *себя́* при дат.—предл. п. *мне*, *тебé*, *себé*, употребление которых стало нормой литературного языка и не вело к углублению диалектной специфики говоров северного наречия. В результате этого распространения в пределах говоров северного наречия стали реликтовыми формы, образованные от основ *тоб-*, *соб-* или употребление окончания *-е*, в род.—вин. п., или только в одной из этих падежных форм.

В качестве характерного диалектного явления распространялось по территории северо-востока с ростово-суздальской территории и такое явление, как выпадение интервокального /j/, которое усваивалось разными путями и с разной степенью успешности в говорах различного происхождения, участвовавших в формировании северного наречия (см. II, 3, § 2). Об этом свидетельствуют различия в охвате данным явлением разных грамматических категорий, существование явления в качестве незавершенного фонетического процесса на одних частях территории и в качестве полностью морфологизованного явления — на других. В связи с этим характерной особенностью говоров северного наречия становится лишь самая возможность употребления форм без /j/.

Имеется также предположение о том, (см. IV, 3, § 2), что возможность произношения гласного /о/ в заударных слогах после мягких согласных в случаях типа *пó/л'о/*, *вы́/н'о/с*, *кáм/н'о/м* и под. первоначально также появлялось в говорах ростово-суздальского происхождения, откуда и шло распространение данного явления по территории северо-востока.

§ 8. Процессы, свидетельствующие о выделении северного наречия в качестве самостоятельного диалектного объединения

Достаточно определившимся выделением будущего северного наречия русского языка можно считать после того, как появляется ряд симптомов, указывающих на единство этих говоров по характеру языкового развития. Это сказывается прежде всего в том, что на эту территорию, взятую в целом, перестают проникать новообразования из среды диалектных центров, находящихся за ее пределами. Явления южного наречия и юго-восточной зоны, распространяющиеся на южной (большей) части территории бывшей Ростово-Суздальской земли, а также на центральных территориях бывшей Новгородской земли, по-разному охватывают говоры этих территорий, что и ведет к образованию в пределах распространения этих явлений среднерусских говоров (западных и восточных). Даже самые широко распространенные из южнорусских явлений не проникают с юга севернее изоглосс названных выше новгородских инноваций более позднего происхождения (см. II, 4, § 1), а с запада в пределы территории, охватываемой ареалами собственно-севернорусских явлений (см. V, 1, § 1) [128].

Прекращение распространения на территорию северного наречия, взятую в целом, инноваций южнорусского происхождения ведет к тому, что ряд явлений, в прошлом более широко распространенных в диалектах древнерусского языка и сохраняющихся в более архаическом состоянии в говорах северного наречия, становится их характерной диалектной особенностью.

Это относится прежде всего к различению гласных, сохраняемому в говорах северного наречия в качестве основного принципа системы безударного вокализма вне учета различий в характере гласных, выступающих при этом различении, так как в этом отношении имелись различия между говорами новгородского и ростово-суздальского происхождения. С сохранением различения гласных во всех безударных положениях в позиции после твердых согласных связан и характер флексий в определенных грамматических категориях, также последовательно выступающих в более архаическом состоянии в говорах северного наречия (ср. склонение существительных с суффиксом *-ушк-*, *-ишк-*, окончание формы им. п. мн. ч. существительных ср. р., различение

---

[128] Проникновение на отдельные части территории северного наречия некоторых явлений южного наречия — инфинитивов типа *печь* или *несть*, возможность употребления возвратной частицы *-си* и др. (о распространении этих явлений см.: «Русская диалектология», стр. 249) — уже не связано с междиалектным взаимодействием. Наличие этих явлений знаменует собой все усиливающееся с этого времени общее влияние московского говора, в котором, в свою очередь, увеличивается удельный вес южнорусских элементов.

гласных *а* и *у* в окончаниях глаголов I и II спряжения.

Сохранение в пределах северного наречия в архаическом состоянии некоторых других явлений, в прошлом имевших более широкое распространение (произношение /г/, употребление постпозитивных частиц, особенно конкретные системы этого употребления, употребление глагольных форм с ударением на окончании — *дари́шь* и под.), играет меньшую роль для его характеристики, так как подобные явления или известны и за пределами северного наречия (произношение /г/), или не охватывают всей его территории (постпозитивные частицы), или непоследовательно распространены, почти регулярно сосуществуя с другими формами (*дари́шь* наряду с *да́ришь* и под.).

Выделившееся на основе указанных процессов северное наречие оказывалось в неодинаковых отношениях с примыкавшими к нему с запада западными ср.-р. говорами сравнительно с примыкавшими с юга восточными ср.-р. говорами. Если продвижение инноваций с юга (с территории восточных ср.-р. говоров) с некоторого времени прекращается, то тесные связи генетического характера с западными ср.-р. говорами дают себя чувствовать на протяжении более долгого времени. Это выражается в возможности распространения некоторых более поздних по времени возникновения явлений в направлении с запада на восток (см. II, 5, § 6). Однако эти инновации (явления западной зоны) [129] не охватывают уже всей территории северного наречия, а лишь ее западную (меньшую) часть; существенно также и то, что ряд подобных явлений — инноваций выступает здесь, на западной части территории северного наречия, в видоизмененном виде, что свидетельствует о решающей роли говоров северного наречия при усвоении этих явлений.

Следует отметить также, что на границе с западными ср.-р. говорами нет изоглосс явлений ростово-суздальского происхождения, которые выделяли бы говоры северного наречия, аналогичных тем изоглоссам явлений новгородского происхождения, которые отделяют северное наречие с юга от восточных ср.-р. говоров. В связи с этим граница северного наречия на западе в большей степени определяется изоглоссами собственно севернорусских явлений, поздних по времени возникновения (см. V, 1, § 1).

Такие более поздние по времени своего возникновения собственно севернорусские явления (см. II, 6) развивались в ряде случаев уже на протяжении существования русского языка как национального, т. е. в ряде случаев и в XVII—XVIII вв. Ср. такие явления, как возможность пятифонемного состава гласных при наличии /ô/ повышенного подъема (в соответствии как *о* под восходящим, так и *о* под нисходящим ударением) и связанную с этим возможность лабиализации безударного *о*; возможность произношения /и/ в соответствии *ě* как под ударением, так и в предударном положении; последовательное произношение /с/—/с'/ в соответствии /*ст*/ и /*с'т'*/; распространение ряда собственно местных по характеру образования форм им. п. мн. ч. и некот. др. Названные явления обладают особым, именно им присущим характером распространения в виде мелких разорванных ареалов, в своей совокупности укладывающихся в пределы территории северного наречия и, как правило, неизвестных за его пределами, а если и известных, то в качестве компонентов иных систем (произношение /и/ в соответствии *ě*) или реализующихся в иных условиях (лабиализация *о*). Характер распространения названных явлений может быть связан с тем, что они возникали, а в дальнейшем существовали в условиях все усиливающегося воздействия общенародной нормы на протяжении существования русского языка как национального. При наличии этого воздействия вновь возникавшие на основе единых тенденций развития, наметившихся в говорах северного наречия, явления лучше сохранялись в одних говорах и легче подвергались нивелировке в других. Однако самая возможность возникновения на разных частях территории, хотя бы и в виде разорванных ареалов, инноваций, имеющих однородный характер, указывает на наличие в пределах северного наречия населения, обладающего к этому времени едиными по своему характеру тенденциями языкового развития, сложившимися в результате длительного сосуществования на определенной территории.

Наличие общих элементов в развитии языковых систем, образующих северное наречие русского языка, сочеталось с образованием в его пределах отдельных подразделений или групп говоров, обладающих при наличии в них черт, общих всем говорам северного наречия, также определенным кругом собственно местных черт, характерных только для этих его местных разновидностей. Диалектная дифференциация этого рода также протекала, видимо, уже на раннем этапе существования русского языка как национального. Группы говоров — Ладого-Тихвинская, Вологодская, Костромская — не являются результатом членения всей

[129] «Русская диалектология», стр. 242—244.

территории северного наречия. Они образовались на отдельных частях его территории там, где имелись условия для возникновения собственно местных языковых различий, которые, в связи с тем, что они развивались на более позднем этапе существования говоров языка, уже не получали более широкого распространения. Языковые комплексы групп говоров северного наречия нельзя рассматривать как непосредственно продолжающие развитие основных диалектных групп, участвовавших в образовании северного наречия, Новгородской и Ростово-Суздальской, а можно лишь выделить группы, преимущественно связанные с генетической точки зрения с одной из двух названных диалектных групп древнерусского языка. В общем же языковые комплексы групп характеризуются обычно различным сочетанием в них выступающих в разных соотношениях новгородского и ростово-суздальского происхождения черт, как архаических по своему характеру, так и являющихся инновациями. Оказывается также в ряде случаев, что в пределах групп говоров языковые черты различного происхождения развиваются или деградируют в таких направлениях и формах, что становятся специфически местными особенностями, характерными признаками той или иной группы говоров. Образование групп говоров никогда не вело к разрыву связей между говорами северного наречия. Об этом свидетельствует наличие в пределах северного наречия широкой полосы межзональных говоров, на территории которых отсутствует достаточно определенный, именно этим говорам присущий языковой комплекс, а представлены различные сочетания черт, порознь известных противоположным по местоположению группам говоров [130] — Ладого-Тихвинской, расположенной в западной части территории северного наречия, и Вологодской и Костромской, находящихся на восточной части территории.

Таким образом, видим, что в обособлении говоров северного наречия от западных и восточных ср.-р. говоров, которые продолжали свое развитие на центральных и исторически более древних частях территории бывшей Новгородской и бывшей Ростово-Суздальской земель, решающую роль сыграли процессы и условия, сложившиеся в относительно позднее время и характерные для периода существования русского языка как национального. Решающее значение для выделения северного наречия играло то, что для его говоров остались чуждыми те процессы непосредственного взаимодействия с говорами южного наречия и южных диалектных зон, которые стали определяющими для возникновения ср.-р. говоров. Для западных ср.-р. говоров это было их дальнейшее развитие в контакте с говорами западной части территории южного наречия, причем с определенного времени черты, проникавшие в пределы западных ср.-р. говоров с юга, уже не получали дальнейшего распространения в восточном направлении (ср. распространение в их пределах языковых особенностей юго-западной диалектной зоны) [131]. Равным образом и новообразования, развившиеся на территории северного наречия в более позднее время, не распространяются в дальнейшем на территорию западных ср.-р. говоров. Большую роль в сложении западных ср.-р. говоров играли и те особые, раньше, чем в других говорах, начавшиеся в их пределах процессы нивелировки, связанные с особой судьбой носителей говоров этой территории в период после покорения Новгорода.

На формировавшейся территории восточных ср.-р. говоров контакт с примыкающими к ним с юга юго-восточными говорами усиливался по мере того, как шло образование территории Замосковного края, основное ядро которого образуется к началу XV в. и с которым постепенно в последующее время сливаются украинные земли, в том числе и Рязанская [132]. Многие языковые черты восточных ср.-р. говоров, исторически развившихся на указанной части территории бывшей Ростово-Суздальской земли, вошли, как говорилось выше, в состав норм русского общенародного языка. Отрыв южной части территории ростово-суздальских по происхождению говоров и распространение на этой территории дополнительного ряда южнорусских черт и особенно аканья происходит уже на этапе развития русского языка как национального, и лишь с этого времени акающие говоры, окружающие Москву, противопоставляются восточным ср.-р. окающим говорам, т. е. говорам Владимирско-Поволжской группы. Такое положение восточных ср.-р. говоров в ходе исторического развития диалектных групп русского языка вело к тому, что процессы их нивелировки начались гораздо позднее, по мере того как состав общенародной нормы стал достаточно устойчивым, отличающимся в ряде отношений от ростово-суздальского диалекта, исторически легшего в основу этой нормы.

---

[130] «Русская диалектология», стр. 268.

[131] Там же, стр. 254—259.

[132] Ю. В. Готье. Замосковный край. . ., стр. 87.

Раздел III

ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ ГОВОРОВ СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ

Глава первая

ЛАДОГО-ТИХВИНСКАЯ ГРУППА ГОВОРОВ

§ 1. Предварительные замечания

Ладого-Тихвинская группа говоров, находясь в пределах северного наречия в окружении других диалектных объединений, выделяется так же, как и эти объединения, пучком изоглосс, характерных для нее языковых явлений. Граница данной группы говоров проводилась так же, как и границы других групп, в пределах взаимоналожения пучков изоглосс Ладого-Тихвинской группы говоров и граничащих с ней диалектных объединений. Так, на западе и юго-западе границу Ладого-Тихвинской группы условно можно провести в пределах взаимоналожения пучков изоглосс явлений, характерных для новгородских говоров, с одной стороны, и явлений, характеризующих Ладого-Тихвинскую группу говоров, а одновременно в ряде случаев и северное наречие в целом — с другой, а на востоке — в пределах взаимоналожения пучков изоглосс межзональных говоров северного наречия и Ладого-Тихвинской группы говоров; наконец, на юго-востоке — в пределах взаимоналожения пучков изоглосс селигеро-торжковских говоров и Ладого-Тихвинской группы говоров. Таким образом, на западе граница Ладого-Тихвинской группы говоров начинается у Ладожского озера между 31° и 32° в. д., идет несколько западнее Волхова на юг к Новгороду и оз. Ильмень, от оз. Ильмень она поворачивает на восток к 34° в. д., поднимается на север по направлению к г. Чагода, а затем поднимается на север к Онежскому оз., от Онежского оз. на запад к Ладожскому оз. граница данной группы говоров идет примерно по течению р. Свирь (границы данной группы даны на картах отдельных явлений, характерных для нее — см. ниже).

Основанием для выделения Ладого-Тихвинской группы говоров в пределах северного наречия послужило наличие собственно местных языковых черт, характерных только для данных говоров, основной из которых является произношение *и* в соответствии исконному *ě* в различных положениях.

В комплекс языковых черт Ладого-Тихвинской группы говоров входят черты, имеющие различный характер распространения: черты собственно местные, на основании которых оказалось возможным выделить данные говоры в особую группу; черты, характеризующие северное наречие в целом, а также черты, свойственные северной, западной и северо-западной диалектным зонам. Кроме того здесь, в отличие от говоров Вологодской группы, наблюдается распространение отдельных явлений, характерных в своем исключительном распространении для центральных говоров. Важно и то, что на изучаемой территории отмечены явления, связывающие данную группу говоров с говорами южного наречия и юго-восточной диалектной зоны из числа тех, которые характерны для северо-западной диалектной зоны в целом.

В приводимой ниже характеристике языкового комплекса Ладого-Тихвинской группы говоров одни из входящих в его состав явлений только упоминаются, другие получают то более, то менее развернутую характеристику. Такие различия в описании явлений определяются тем, что некоторые из явлений, входящих в состав языкового комплекса Ладого-Тихвинской группы говоров, уже описаны выше при анализе языкового комплекса северного наречия или явлений, имеющих индивидуальный характер распространения, а на территории Ладого-Тихвинской группы говоров в их

существовании не наблюдается специфических особенностей (в этих случаях при упоминании явлений делаются специальные отсылки к соответствующим разделам работы). Более развернутые данные приводятся для тех явлений, которые распространены исключительно или преимущественно в ладого-тихвинских говорах, а также для тех, которые выступают в ладого-тихвинских говорах в специфических структурных разновидностях или имеют на их территории характерные особенности распространения, существенные при изучении генезиса данной группы.

§ 2. Фонетические явления

1. Ударенный вокализм. Основным типом ударенного вокализма ладого-тихвинских говоров является тип *о—е—а—и—у*. Однако при этом в целом ряде говоров отмечают случаи особого произношения звуков в соответствии исконным *ě* и *о* под восходящим ударением. Но в связи с тем, что наиболее широко распространенным на данной территории является произношение /*и*/ в соответствии *ě*, не влияющее на состав ударенного вокализма, а лишь расширяющее сферу употребления фонемы ‹*и*›, лишь для редких говоров этой группы можно предположить наличие шестифонемного или семифонемного состава ударенного вокализма даже и в архаическом типе говора (см. ниже). В соответствии гласному *о* в изучаемых говорах повсеместно произносится /*о*/. Имеются основания предполагать, как это отмечается и при описании вологодских говоров, что этот гласный в изучаемых говорах вообще имеет несколько более напряженный характер, чем в литературном языке [1].

Наряду с этим в единичных говорах произносят также еще более напряженное и закрытое /*ô*/ и дифтонг /*о͡у*/. Причем это произношение отмечают в одних и тех же говорах как в соответствии с исконным *о* под восходящим ударением, так и с *о* под нисходящим ударением. Так, в шести разрозненных нас. п. отмечено в отдельных словах произношение /*ô*/, /*о͡у*/ в соответствии *о* под восходящим ударением в следующем кругу примеров: /*ворôна*, *корôва*, *корôвушку*, *сорôка*, *обро͡ук*, *шырôкии*, *ворôта*, *дорôга*, *болôто*, *кôжу*, *бôл'ш'е*, *мо͡ужно*, *бо͡уп*, *сенцо͡у*, *ведро͡у*, *зерно͡у*, *корôф*, *пал'то͡уф*/, и в шести разрозненных нас. п. — в соответствии *о* под нисходящим ударением: /*ро͡уш*, *хо͡ улодно*, *по͡уле*, *гôт*, *гôда*, *бато͡ук*, *во͡ус*, *мо͡ухом*, *стôк*, *кôфта*, *бо͡ух*, *со͡ухли*, *спо͡улом*, *до͡учка*/.

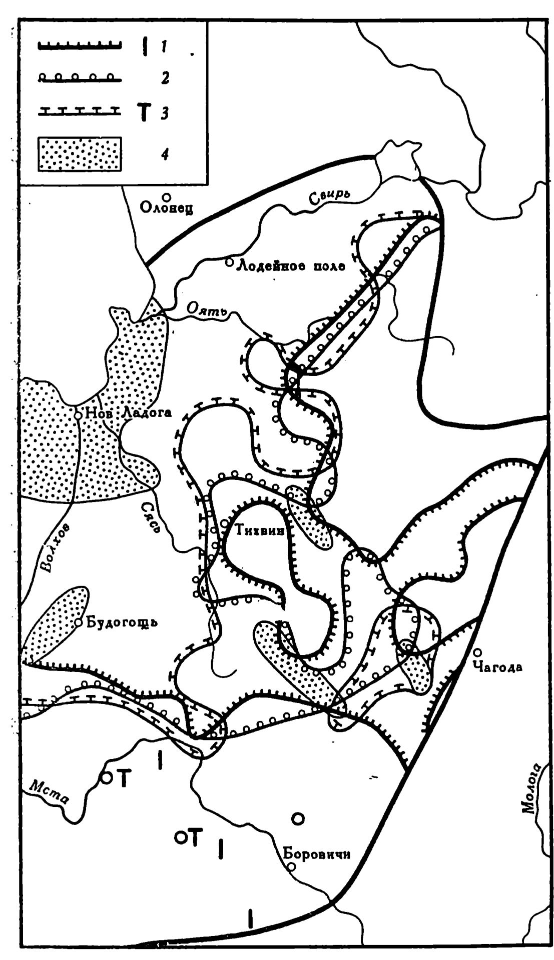
В соответствии исконному *ě* под ударением перед твердыми согласными повсеместно распространенным на территории изучаемых говоров является произношение /*е*/. На большей части территории это произношение в разной степени сосуществует с произношением других гласных; наименее последовательным оно становится на центральной части территории группы: в некоторых говорах его отмечают здесь только в единичных случаях. На южной же части территории (к югу от 59° с. ш.), а также по окраине территории употребление /*е*/ резко возрастает. Наиболее характерным для данной группы говоров, хотя и неповсеместно распространенным (см. карту 46), является произношение /*и*/ в соответствии *ě* под ударением перед твердым согласным. При этом, как правило, именно наряду с произношением /*и*/ в рассеянном распространении по говорам отмечают и наличие /*ê*/ или, еще реже, в единичных говорах, произношение дифтонга /*и͡е*/.

Ареал произношения /*и*/ охватывает бóльшую часть территории изучаемых говоров — примерно до 59° с. ш. Южнее 59° с. ш. по всей периферии группы такое произношение наблюдается лишь в рассеянном распространении в виде небольших ареалов.

Произношение /*и*/ в соответствии *ě* в указанной позиции широко представлено в корнях слов: *хли́б*, *ли́то*, *си́но*, *ди́ло*, *ми́сто*, *лис*, *би́лка*, *пои́л* и т. д.; в материалах его чаще всего приводят в словах наиболее употребительных: *тéсто*, *хлеб*, *лес*, *сéно*, *мéсто*, *дéло*, *дед*, *бéлый*, *рéзать*, *смех* и т. п. Исключение составляют слова *беседа*, *телега*, которые произносятся с ударенным /*и*/ на основной части территории, а в северной части ее (примерно севернее 60° с. ш.) могут выступать с гласным /*о*/: *те*/*л'*/*ó*/*га*, *бе*/*с'*/*ó*/*да*. Произношение /*о*/ в данных словах, видимо, появилось в связи с тем, что дифтонг /*и͡е*/ рано в этих словах перешел в *е* (до перехода *е* в *о*), а затем *е* в соответствии с общим законом перешло в *о* (в слове *телега*, например, это, видимо, связано с тем, что оно является заимствованием из неславянских языков).

Произношение /*и*/ в соответствии *ě* наблюдается также в суффиксах деепричастий прош. времени: *посп*/*и́*/*вши*, *сгор*/*и́*/*вши* и т. д. и в формах глаголов прош. времени: *посмотр*/*и́*/*ла*, *сгор*/*и́*/*ла*, *хот*/*и́*/*лось* и т. д. Срав-

[1] С. С. Высотский. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1966, стр. 38, 39 и др. (в дальнейшем: С. С. Высотский. Определение состава гласных фонем. . .).

Карта 64
Произношение /и/ в соответствии исконному *ě* в местоименных формах, а также в словах *где, две, везде*: *1 — мн/и/, теб/и́/ себ/и́* (или *тоб/и́/, соб/и́/*); *2 — гд/и/*; *3 — дв/и/*; *4 — везд/и́/*

нительно широко представлено произношение /и/ в соответствии *ě* также и во флексиях имен существительных, личных и возвратного местоимений, местоимения *где—гд/и/*, а также в форме числительного *две* и наречия *везде* (*дв/и/, везд/и́/*). Наиболее широко его отмечают в склонении существительных м. р. и ср. р. с твердой основой: *на стол/и́/, во двор/и́/, в уголк/и́/, в окн/и́/, в молок/и́/* и т. д. Подобные формы отмечены на той же территории, где /и/ в соответствии *ě* произносится и в корнях слов. В рассеянном распространении окончание *-и* известно в соответствии *ě* у существительных м. и ср. р. с основой на мягкий и отвердевший согласный *ц*: *в огн/и́/, на ремн/и́/, на плеч/и́/, на конц/ы́/* и под., рассеянный характер распространения подобных случаев, видимо, связан с неполнотой материала. В категории существительных ж. р. с твердой основой окончание *-и* в соответствии *ě* отмечают лишь в рассеянном распространении, что объясняется тем, что на данной территории широко представлено явление грамматической аналогии между формами род., дат. и предл. п., в результате которой формы дат.—предл. п. совпали с формой род. п. и имеют окончание *-ы*: *к жен/ы́/, к вод/ы́/, о жен/ы́/, в вод/ы́/, по земл/и́/, к семь/и́/, по рук/и́/* и т. д. Этим объясняется и наличие окончания *-и* в данных формах у существительных с мягкой основой (*к земл/и́/, по земл/и́/* и под.) и основой на задненебный согласный (*по рук/и́/, к рук/и́/, на рук/и́/* и под.), которое имеет соответственно и территорию распространения, совершенно отличную от территории распространения произношения /и/ в соответствии *ě*.

Причинами грамматического характера определяется также и произношение /и/ в формах мн. ч. местоимения *весь*: *вс/и/, вс/и/х* и т. д. Произношение /и/ в формах дат.—предл. п. личных и возвратного местоимений, а также в словах *где, две, везде* представлено в основном на территории распространения произношения /и/ в соответствии *ě* в корнях слов (см. карту 64).

Наличие всех указанных случаев произношения гласных в соответствии *ě* связывают, как известно, с изменением фонемы ⟨ê⟩ в дифтонг /i͡e/, а затем изменение этого дифтонга в одних говорах в /и/, а в других в /е/ (см. ниже).

Таким образом, видим, что различение *ě* и *е*, *ô* и *о* — эта древняя новгородская черта, в говорах Ладого-Тихвинской группы сохраняется лишь пережиточно, на что указывают, в частности, факты употребления /ô/ и /o͡у/ в соответствии *о* под нисходящим ударением. Процесс утраты фонемы ⟨ô⟩ и изменение дифтонга /i͡e/ (в соответствии исконному *ě*) в /и/ (или в /е/) в говорах новгородского происхождения относят к сравнительно позднему времени, примерно к XV в.[2]

В соответствии исконному *ě* под ударением между мягкими согласными повсеместное распространение на изучаемой территории имеет также произношение /е/; исключение в этом отношении составляют лишь единичные говоры. Однако следует различать территории, на которых произношение /е/ отмечают лишь в единичных случаях, а другие типы произношения гласных преобладают (таковыми являются территории около Ладожского озера и около Тих-

[2] См.: К. В. Горшкова. Автореф.; В. В. Колесов. Эволюция фонемы /о/ в северо-западных говорах. «Филол. науки», 1962, № 3; Он же. Фонема /о/ в древне-новгородском говоре. «Исследования по грамматике русского языка», т. 3. Л., 1962.

вина и Будогощи), и те территории, где произношение /е/ выступает как исключительное или преобладающее (южная часть территории говоров Ладого-Тихвинской группы — примерно к югу от 59° с. ш., а также ее окраинная часть — см. карту 48). Произношение /ê/ представлено в рассеянных говорах наряду с другими типами произношения, а произношение /ие/ отмечено в одном нас. п.

Наиболее характерным для описываемых говоров является произношение /и/ в указанном положении (см. карту), особенно последовательное в северной части изучаемых говоров (примерно до 59° с. ш.), представленное в следующих категориях случаев: а) в корнях слов: /*си́ни*, *ви́тер*, *в ди́ле*, *в хли́бе*, *пи́сен*, *в ми́сте*, *в си́ни*, *си́йали*, *понеди́л'ник*/ и т. д., б) в формах сравнительной степени: /*подлинни́йе*, *скори́йе*, *тепли́йе*, *стари́йе*/ и т. д., в) в формах инфинитива: /*боли́т'*, *нади́т'*, *гл'ад'и́т'*, *посмотри́т'*, *посиди́т'*, *згори́т'*/ и т. д., г) в формах наст. и прош. времени, а также в формах повелительного наклонения глаголов с основой наст. времени на *-ее-*: /*уми́йу*, *при́йу*, *сми́йу*, *согри́йус'*, *уми́йот*, *боли́йот*, *жали́йут*, *жали́й*, *согри́й*, *гри́йтес'*, *не боли́й*, *жали́ли*, *хоти́ли*, *згори́ли*, *прилети́ли*/. Встречается также произношение /и/ в формах имен собственных: /*Тимофи́й*, *Пелаги́йа*/ и т. п.

В соответствии этимологическим *е* и *ь* под ударением в ладого-тихвинских говорах повсеместно произносится /о/: /*л'о*/*н*, *бе*/*р'о́*/*за*/ и т. д. Однако наряду с этим в единичных случаях и в разрозненных говорах встречается произношение /е/ примерно в тех же категориях случаев, что и в говорах Вологодской группы: 1) перед твердым согласным: /*ре́вушкам*, *розве́л*, *матре́на*, *весе́лаа*, *ребе́нка*, *в бире́зофки*, *из бере́ста*, *сле́зно*, *бире́за*, *бере́ски*, *зеле́на*, *рожде́на*, *вире́тна*, *те́пла*, *трем*, *поросе́нок*, *тц'ве́кла*, *привезе́н*, *рос'се́к*, *Оле́на*, *позе́м*, *от позе́му*, *посере́т*, *принесе́но*, *ве́дром*, *сесте́р*, *мете́лка*/; 2) в исконных сочетаниях *-ър-* перед твердым согласным: /*заве́рнут*, *заве́ртывайут*, *разве́ртывайут*, *заве́ртыват*, *наве́ртывайетца*, *заме́рс*, *ве́рсты*, *ме́ртвоо*, *зе́рнышко*, *зе́рна*, *заме́рзла*, *ме́рзнут*, *заме́рзнут*, *де́рнул*/; 3) между мягкими согласными: /*зеле́нен'кий*/ (в 12 разрозненных нас. п.), /*бре́вен*/ (в 12 разрозненных нас. п.), /*на бере́зе*, *те́тин'ка*, *зе́рен*, *мосте́ч'ек*, *на бере́зину*/; 4) в отдельных словах перед шипящими и между шипящими согласными: /*ле́жа*, *де́шево*, *меше́чек*, *горше́чек*/. При этом отметим, что произношение /е/ может наблюдаться в корнях слов: /*те́пла*, *ве́дром*, *ре́вушкам*, *бере́ски*/ и т. д.; в суффиксах существительных: /*ребе́нка*, *поросе́нок*/ и т. д.; в суффиксах прилагательных и кратких причастий: /*зеле́на*, *рожде́на*, *принесе́но*/ и т. д.; в глагольных флексиях: /*розве́л*, *несе́ш*, *несе́т*, *несе́м*, *несе́те*/ и т. д.

Приведенный материал может, видимо, свидетельствовать о сравнительно позднем изменении *е* в *о* в изучаемых говорах, что является в них чертой древнего новгородского диалекта, хотя количество отмеченных случаев, характеризующих это более позднее изменение, здесь меньше, чем в вологодских говорах, что связано с большей нивелированностью диалектных особенностей данной группы. В соответствии *е*, *ь* перед мягкими согласными господствующим в данных говорах является произношение /е/. Однако в ряде говоров, расположенных на северной половине изучаемой территории, в этом положении могут выступать звуки /ê/ или /и/, представленные, как правило, лишь единичными примерами: /*копи́йек*, *копêйок*, *пи́йте*, *воскриси́нйа*, *д'и́н'ги*, *ди́н'ок*, *рублêй*, *солови́й*, *дити́й*, *дин'*, *шыс'*, *топи́р'*, *двир'*, *привиди́ньё*, *деревúн'ска*, *затмêн'йо*, *на пости́л'у*, *сим'*, *пий*, *голуби́й*, *копи́ч'ка*, *ф пи́ч'ки*, *от пи́ч'ки*, *дêв'ат'*/; ср. то же произношение /и/ перед отвердевшими согласными: /*пêрвом*, *отêц*, *конêц*, *конéйшно*, *кузнéйц*, *полоти́нцы*, *ви́рбой*, *конêшно*, *отêц*, *кузни́ц*, *конéйц*, *овéйц*, *салфéйтка*, *молодéйц*, *валéйт*/.

Для ладого-тихвинских говоров характерно произношение /а/ под ударением как перед твердыми, так и перед мягкими согласными, а также после тех и других согласных. Лишь в отдельных немногочисленных говорах данной территории (см. карту 1) отмечено произношение /е/ в соответствии *а* в положении между мягкими согласными, представленное обычно в материалах лишь единичными примерами, но наблюдаемое тем не менее в корнях разнообразных слов: /*гре́с'*, *по гре́зи*, *нагре́зили*, *гре́зиццы*, *пет'*, *погле́дит*, *згле́н'о*, *напре́д'оно*, *ме́ли*, *сет'*, *се́т'те*, *глен'*, *прес'*, *зе́т'а*, *фсе́ки*, *пре́ники*, *взе́ли*, *взет'*, *не́н'ка*, *пре́ли*, *хозе́ин*, *потре́с'*, *се́дет*, *поме́т'*, *йе́йца*, *шч'е́вел'*/, а также в глагольных суффиксах: /*гуле́йут*, *загоне́йу*, *отправле́йут*, *гуле́йош*, *утомле́ица*, *погуле́йте*, *гуле́ли*, *затопле́т'*, *сочине́т'*/ и в слове *опять*: /*опе́т'*/. В единичных случаях произношение /е/ отмечают по аналогии также перед твердыми согласными: /*гре́тка*/ (при возможном /*гре́д'йо*/), /*гуле́нка*/ (при возможном *гуле́ть*, *гуле́ли*); ср. и произношение /е/ перед сочетанием согласных в слове /*озебли*/, где сочетание твердый + мягкий согласный выступает, видимо, в функции мягкого согласного. Таким образом, можно предположить, что данными говорами

было пережито фонетическое изменение *а* в *е* в положении между мягкими согласными, результаты которого в дальнейшем подвергались здесь нивелировке, как и ряд других собственно местных особенностей этих говоров, чем и объясняется тот факт, что в настоящее время чередование *а* с *е* представлено лишь реликтово в некоторых говорах данной группы.

Таким образом, преобладающим типом ударенного вокализма ладого-тихвинских говоров перед твердыми и мягкими согласными можно считать тип *о—е—а—и—у*, который представлен повсеместно. Наряду с ним преимущественно в северной половине территории (см. карту) существуют элементы типа вокализма *о—и—а—у*, для которого характерна расширенная сфера употребления /*и*/, и этот гласный выступает в соответствии как фонеме ‹*и*›, так и исконной фонеме ‹*ě*›.

2. Безударный вокализм. Различение гласных в безударных слогах после твердых согласных. В соответствии гласному *о* в первом предударном слоге после твердых согласных повсеместно произносится /*о*/. В ряде говоров наряду с ним в единичных случаях могут произноситься более лабиализованные гласные /*ô*/, /*о^у*/, /*у͡о*/, или /*у*/, условия употребления которых являются обычными для говоров северного наречия (см. карту 39). В некоторых разрозненных говорах в единичных случаях наблюдается делабиализация предударного *о*, т. е. произношение гласных /*о^а*/, /*а^о*/ или /*ъ*/: /*ръзры́та, ръска́зывали, ръбо́тал, ско^ата́, хъди́ла, въз'ми́, гълу́бушка, кърóвушка, сълóмой, гъвъри́, посо^ади́ли, скътóм, дръ^овне́й, въды́, фтъры́йе, стъга́, свъйа́, дъска́, мъчы́ли, смътри́ть, нъски́, на кън'ка́х, пъра́нили, трудъви́к, дъ^ойа́рки*/.

Элементы неразличения гласных неверхнего подъема, т. е. произношение *а* в соответствии *о*: /*лажы́с', нага́, радна́йа, папа́фшы, прам'а́ть, пашóл*/ и под., отмечены в отдельных говорах на южной половине территории (к югу от 59° с. ш.), т. е. недалеко от границы аканья, и представлены единичными примерами при резко преобладающем различении *о* и *а*. В одном нас. п. к северо-востоку от Будогощи отмечены элементы системы совпадения *а* и *о* в /*ъ*/: /*въда́, тръва*/ и т. д. На севере случаи произношения /*а*/ в соответствии *о* отмечены лишь в одном говоре. В соответствии гласному *а* в первом предударном слоге после твердых согласных повсеместно произносят /*а*/. Лишь в отдельных словах, о которых уже говорилось выше (см. II, 2, § 2), может встретиться наряду с ним произношение /*о*/: /*робóта, бора́н, стока́ны, кропи́ва, кортóшка, торе́лка*/ и т. д. Эти случаи имеют рассеянное распространение на изучаемой территории.

Во втором предударном слоге повсеместно представлено различение гласных *о* и *а*, и лишь в небольшом количестве говоров наряду с /*о*/ в единичных словах может выступать более лабиализованный звук /*о^у*/: *г/о^у/рода́, п/о^у/пола́м, г/о^у/лубе́й* и т. д. В южной половине изучаемой территории, примыкающей к территории неразличения гласных, наряду с различением гласных *о* и *а* наблюдаются случаи совпадения гласных *о* и *а* в звуке /*ъ*/: *г/ъ/лова́, п/ъ/пола́м, н/ъ/руби́ть* и т. п., нередко выступающие в равноправном употреблении с системой их различения, а в отдельных говорах (в двух нас. п.) в исключительном употреблении. На северной половине территории подобное совпадение гласных *о* и *а* представлено лишь в единичных разрозненных нас. п. и, как правило, в единичных случаях.

В заударных слогах в соответствии этимологическому *о* во всех позициях повсеместно произносят /*о*/: *в гóр/о/де/, гóр/о/д, мóжн/о/* и т. д.) Однако наряду с ним в равноправном употреблении или в отдельных словах могут также произноситься звуки /*ъ*/, /*ы*/, /*а*/. Произношение /*ъ*/, /*ы*/ отмечено на южной части территории (к югу от 59° с. ш.) и на крайнем северо-востоке, где оно представлено небольшими ареалами, и в единичных (от четырех до восьми нас. п.) говорах на остальной части территории. Произношение /*а*/ представлено в единичных (до семи нас. п.) рассеянных говорах.

Таким образом, можно сказать, что характерным и повсеместно распространенным типом безударного вокализма после твердых согласных на территории говоров Ладого-Тихвинской группы является различение гласных *о* и *а*. Причем наиболее последовательно он выступает на северной половине (примерно до 59° с. ш.) изучаемой территории. На южной части территории, примыкающей к территории акающих говоров, отмечены, хотя и не имеющие значительного удельного веса, элементы системы неразличения гласных (см. выше).

Можно также отметить наличие в говорах южной части территории (примерно южнее 59°30′) протетического гласного, произносимого в положении второго предударного слога, в слове *ржанóй*: /*о/ржанóй, а/ржанóй* (редко /*ъ/ржанóй*) — см. карту 103. Являясь сравнительно ранней инновацией, данная черта характеризует в настоящее время большую часть говоров русского языка. Отсутствует она в говорах северной части территории Ладого-Тихвинской группы, а также в говорах Межзональной группы северного наречия; в говорах Воло-

годской группы ее отмечают в рассеянном распространении. Известна данная черта также говорам белорусского и украинского языков.

В соответствии с состоянием системы безударного вокализма находятся и данные по отдельным морфологическим категориям, структурно связанным по характеру флексий с безударным вокализмом. Так, повсеместно распространенным на данной территории является окончание *-ат* в форме 3 л. мн. ч. глаголов наст. времени II спряжения. Окончание *-ут* в тех же формах глаголов представлено наряду с ним, причем в подавляющем большинстве случаев в единичных глагольных формах. На северной части территории это окончание известно в рассеянном распространении, а в южной — представлено небольшими ареалами, примыкающими к территории широкого распространения окончания *-ут* в названных глагольных формах (см. карту 42). Безударное окончание *-а* в формах им. п. мн. ч. существительных ср. р. (*пя́тн/а/*, *се́л/а/* и под.) представлено повсеместно. Окончание *-ы* (*пя́тн/ы/*, *се́л/ы/* и под.) очень редко отмечают, в сосуществовании с окончанием *-а*, в северной части территории, а на южной части оно представлено на компактной территории, примыкающей к территории широкого его распространения (см. карту 41). Существительные с суффиксами *-ушк-* (*-юшк-*), *-ишк-* (*дедушка*, *мальчишка*, *батюшка* и под.) повсеместно склоняются по типу склонения существительных м. р.; редкие случаи склонения по типу существительных ж. р. имеют рассеянное распространение на изучаемой территории (см. карту 43).

Наблюдаемые в основном в южной части территории изучаемых говоров отклонения от системы различения гласных появились, видимо, в поздний период существования данных говоров и связаны с междиалектным взаимодействием, наиболее интенсивным на данной части территории северного наречия.

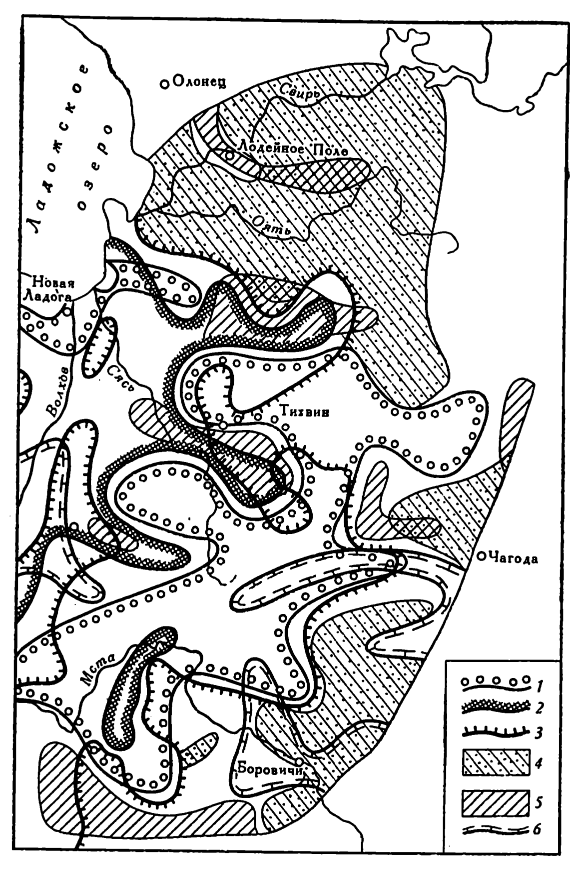
Произношение гласных в первом предударном слоге после мягких согласных перед твердыми. В соответствии гласному *е* в указанном положении повсеместно произносится /е/; определенно преобладающим это произношение является на северо-западной части территории, на которой преимущественно отмечают и случаи сохранения /е/ под ударением (*бе/ре́/за*, */ле́/жа* и т. п.), а также на юго-востоке территории (см. карту 3). Широкое распространение в изучаемых говорах имеет также и произношение /о/ (*/н'о/су́* и под.), не отмеченное лишь в ряде нас. п. на западе территории, а также около Чагоды и к северо-востоку от Боровичей, причем наиболее равноправным произношение /о/ наряду с другими гласными является в центральной части территории группы. На северо-западе, отчасти на севере, а также на юго-востоке территории оно наблюдается лишь в единичных случаях (см. карту). На южной части территории (см. карту 45) имеется ареал произношения /и/, отмечаемого всегда в сосуществовании с произношением /е/ или /о/ и в подавляющем большинстве случаев представленного единичными примерами, в связи с чем произношение /и/ можно, видимо, связывать с влиянием более южных говоров, характеризующихся неразличением гласных.

В соответствии *ě* в указанном положении на большей части территории представлено произношение /и/, преобладающее на центральной части территории, где в отдельных нас. п. оно наблюдается в исключительном употреблении. Произношение /е/ в указанном соответствии отмечается повсеместно, но на указанной выше центральной территории оно наблюдается лишь в единичных случаях. В исключительном употреблении представлено оно на северо-востоке и юго-востоке территории. Случаи произношения /о/ в соответствии *ě* в указанном положении известны лишь в рассеянном распространении и в качестве единичных; относительное сгущение подобных случаев наблюдается на юге территории (см. карту).

В соответствии *а* повсеместно произносится /а/; лишь в рассеянном распространении и в большинстве случаев в виде единичных примеров наряду с произношением /а/ отмечают произношение /е/ (см. карту 47).

Таким образом на территории изучаемых говоров представлены разные типы предударного вокализма в положении после мягких согласных перед твердыми, среди которых можно выделить три основных: тип *е—е—а*, имеющий распространение преимущественно по окраине территории на ее северо-востоке и юго-востоке, тип *е—и—а*, представленный в северо-западной половине территории, и тип *о—и—а*, наблюдаемый в основном в юго-восточной половине территории и представленный также ареалом около Ладожского озера (см. карту 65). При этом следует отметить, что сосуществование разных типов предударного вокализма преимущественно представлено на центральной части территории, где наблюдается употребление /е/ и /о/ в соответствии *е*, /е/ и /и/ в соответствии *ě* и редкие случаи употребления /е/ в соответствии *а*.

Наиболее древними для данной территории типами вокализма после мягких согласных перед твердыми можно, видимо, признать типы

Карта 65

Типы вокализма 1-го предударного слога в положении после мягких согласных перед твердыми:

1 — о—и—а; 2 — е—и—а; 3 — е—е—а; 4 — территория преимущественного распространения типа *е—е—а; 5 — о—е—а; 6 — е—е—е*

е—е—а и *е—и—а*, в пределах которых различие в произношении звуков в соответствии *ě* объясняется, видимо, тем, что в древних новгородских говорах дифтонг /*ие͡*/, фонетически заменивший фонему ‹*ê*›, различался по говорам по длительности его компонентов *и* и *е*; в одних говорах он был ближе к монофтонгу *и*, а в других — к монофтонгу *е*. С этим, видимо, и связано его изменение в одних говорах в /*и*/, в других — в /*е*/ [3]. Можно оценить в качестве более поздних типы *о—и—а* и *о—е—а*, возникновение которых связано с процессом изменения *е* в *о*, несколько позднее осуществлявшимся в этих говорах. Наиболее новым для говоров данной территории можно, видимо, считать тип *е—е—е*, который связан уже с процессом утраты различения гласных.

[3] К. В. Горшкова. Очерки исторической диалектологии северной Руси (по данным исторической фонологии). Докт. дисс. М., 1965, стр. 291.

П р о и з н о ш е н и е г л а с н ы х в п е р в о м п р е д у д а р н о м с л о г е п о с л е м я г к и х с о г л а с н ы х п е р е д м я г к и м и. В соответствии гласному *е* в первом предударном слоге перед мягкими согласными в говорах данной территории повсеместно распространено произношение /*е*/, при этом в качестве преобладающего оно выступает на севере и юго-востоке территории. В говорах данной территории широко представлено и произношение /*и*/, наиболее равноправно сосуществующее с /*е*/ в более центральной части территории, где в ряде нас. п. (к востоку от Будогощи и к востоку от Новгорода) оно является даже преобладающим. На периферии территории своего распространения и к северо-востоку от Тихвина произношение /*и*/, как правило, выступает лишь в единичных примерах. Можно предполагать, что произношение /*и*/ в данном положении появлялось как в связи с особым качеством *е* напряженного, а в ряде случаев и весьма закрытого [4], характерного для ряда говоров северного наречия, которое в данном положении и переходило в *и*, так и в связи с действием тенденции к утрате различения предударных гласных. В данных говорах известно гораздо шире представленное произношение /*и*/ в соответствии *ě*, причем самое возникновение тенденции к расширению сферы употребления /*и*/ могло быть связано с влиянием более южных говоров, для которых характерно совпадение гласных в первом предударном слоге.

В соответствии *ě* в описываемых говорах повсеместно произносится /*е*/; широко представлено также и произношение /*и*/. В центральной части территории произношение /*и*/ выступает, как правило, в равноправном, а в ряде случаев даже в преимущественном или исключительном, употреблении. На периферии территории и в рассеянных говорах его отмечают в качестве единичного.

В соответствии гласному *а* повсеместно произносится /*а*/. Однако наряду с этим на отдельных частях территории наблюдается произношение /*е*/.

Материал изучаемых говоров позволяет выделить следующие типы предударного вокализма в положении после мягких согласных перед мягкими: *е—е—а*, наиболее широко представленный в изучаемых говорах, а на периферии их территории выступающий в преобладающем или исключительном употреблении; *и—и—а*, представленный на юго-восточной по-

[4] С. С. Высотский. Определение состава гласных фонем. . .

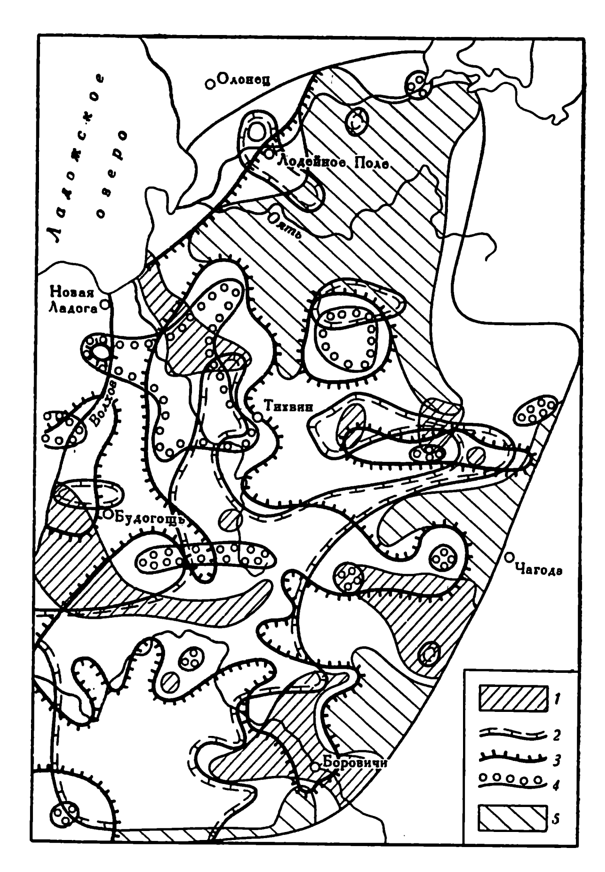
ловине территории. Кроме того, небольшими ареалами представлены типы *е—и—а* и *е—е—е* (см. карту 66).

Возможно, что наиболее древними типами вокализма ладого-тихвинских говоров в указанном положении являются типы *е—е—а* и *е—и—а*; позже мог сложиться тип *е—е—е*, связанный в своем формировании с процессом изменения *а* в *е*, а также тип *и—и—а*, связанный с изменением *ě* в *и* и *е* в *и* в положении между мягкими согласными.

По совокупности типов предударного вокализма после мягких согласных перед твердыми и перед мягкими согласными выделяются следующие части территории Ладого-Тихвинской группы: 1) юго-восточная ее часть с характерными для нее типом *о—и—а* — перед твердыми согласными и типом *и—и—а* — перед мягкими согласными; 2) северо-западная часть территории, которая характеризуется преобладанием типа *е—и—а* перед твердыми согласными, и где перед мягкими согласными выступают разные типы: преобладает тип *е—е—а*; кроме того, в виде небольших ареалов здесь имеют распространение типы *е—и—а*, *е—е—е* и *и—и—а* (в двух нас. п.); 3) окраина территории, которая характеризуется распространением одного типа вокализма перед твердыми и перед мягкими согласными, т. е. типом *е—е—а* (см. карты).

Как видим, современный предударный вокализм ладого-тихвинских говоров отражает различные изменения гласных, в разное время пережитые ими в процессе исторического развития системы вокализма говоров данной группы, более раннее изменение гласного *а* в *е*, более поздние изменения *е* в *о*, и *ě* в *и* и др. В целом можно предположить, что основные типы вокализма данных говоров сформировались примерно к XV в., так как к этому времени уже закончилось действие основных для данной территории фонетических процессов, таких, как изменения *е* > *о*, *а* > *е* и *ě* > *и*, определяющих характер этих основных типов вокализма. В более позднее время, видимо, под влиянием говоров южной территории в системе говоров Ладого-Тихвинской группы могли появиться элементы неразличения гласных в первом предударном слоге: в одних говорах — элементы иканья, в других — элементы еканья.

В заударном положении в соответствии *е* из *е* и *ь* в говорах Ладого-Тихвинской группы так же, как и в бо́льшей части говоров северного наречия, наблюдается произношение /о/ наряду с /е/. Таким оно выступает в положении перед твердыми согласными в конечных и неконечных слогах в следующих грамматических категориях: в корнях слов: *де́/н'о/г* при *де́/не/г*, *о́/з'о/ро* при *о́/з'е/ро*, *вы́/н'о/с* при *вы́/не/с* и т. д.; в окончаниях существительных: *ка́м/н'о/м* при *ка́м/не/м* и т. д.; в глагольных флексиях: *бу́/д'о/т*, *зна́/йо/т* при *бу́/де/т*, *зна́/йе/т* и т. д.; в суффиксах причастий: *ку́п/л'о/н*, *вы́де/л'о/н* при *ку́п/ле/н*, *вы́де/ле/н* и т. д.

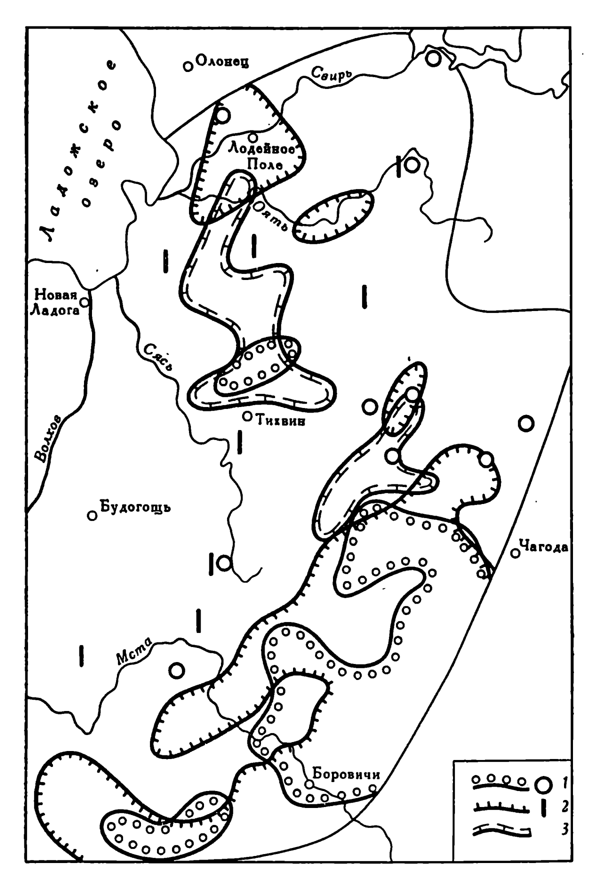

Карта 66

Типы вокализма первого предударного слога в положении между мягкими согласными:

1 — е—е—е; *2 — и—и—а*; *3 — е—е—а*; *4 — е—и—а*; *5 —* территория преимущественного распространения типа *е—е—а*

Произношение /о/ наряду с /е/ в говорах Ладого-Тихвинской группы наблюдается также в открытом конечном слоге в окончаниях им. п. ед. ч. прилагательных и существительных ср. р.: *большо́/йо/* при *большо́/йе/*, *мо́/р'о/* при *мо́/ре/*. Однако наряду с указанными типами произношения почти во всех указанных категориях наблюдаются случаи произношения /и/ (реже /ь/), представленные отдельными ареалами или в отдельных говорах, сосредоточенных главным образом в южной или центральной части территории и отсутствующих в ее северной части. Случаи подобного рода мы рассматриваем как результат влияния говоров,

Карта 67

Произношение фрикативных согласных в соответствии предлогу *к*:

1 — произношение /γ/ /х/ перед звонкими взрывными согласными: /γ/ *до́му*, /γ/ *го́роду*, /х/ *ба́бе* и под.; *2* — произношение /х/ перед глухими взрывными согласными: /х/ *попу́*, /х/*тому́*, /х/ *кому́* и под.; *3* — произношение /т/, /д/ в соответствии предлогу *к* перед задненебными: /т/ *козе́*, /д/ *го́роду* и т. п.

находящихся к югу от изучаемых и характеризующихся неразличением гласных, как возникшие в сравнительно поздний период существования ладого-тихвинских говоров.

Таким образом, наиболее характерной чертой ударенного и безударного вокализма говоров Ладого-Тихвинской группы, позволяющей выделить эти говоры в особую группу, является широкое распространение произношения /и/ в соответствии исконному *ě*, явившегося результатом изменения дифтонга *ие͡* и наблюдаемого в настоящее время в различных категориях случаев: под ударением и в безударном положении, перед твердыми и мягкими согласными, а также на конце слова, в корнях слов, в суффиксах и в различных флексиях. В говорах Ладого-Тихвинской группы произношение /и/ в соответствии *ě* наиболее широко и последовательно представлено в положении предударного слога перед твердыми и мягкими согласными. В ударенных слогах оно наблюдается на сравнительно более узкой территории, однако можно думать, что произношение /и/ в соответствии *ě* под ударением в прошлом было так же широко распространено, как и в предударном положении, и в частности имело большее распространение в направлении на юг по территории данных говоров, а также более последовательно было представлено и в ее северной части. На это указывают многочисленные случаи произношения /и/ в говорах южной части территории, хотя и отмечаемые в непоследовательном распространении. Процесс утраты произношения /и/ в соответствии *ě* под ударением должен был начаться с давнего времени, так как в случаях типа /*ли*/*с* вместо /*ле*/*с* и под. имеются различия в составе сильных фонем. Замена /и/ на /е/ в этих случаях распространяется с юга, т. е. со стороны говоров, в которых *ě* и *е* совпали в /е/. Южная часть территории наших говоров, как показал материал, по ряду черт оказывается более или менее отличной от северной и находится в сфере влияния соседних, более южных по территории говоров (об этом см. ниже). Тот факт, что произношение /и/ лучше сохранилось в безударном положении и сравнительно в большей степени утрачено в положении под ударением в слове, видимо, можно объяснить тем, что произношение /и/ под ударением является более «резкой» диалектной особенностью, чем аналогичное произношение в безударном положении, особенно отчетливо осознаваемой говорящими при общении с носителями говоров, примыкающих к ладого-тихвинским с юга, для которых характерны позиционные изменения звуков в безударном положении, в связи с чем ударенный слог приобретает в них в определенном смысле особую значимость. Процесс утраты произношения /и/ и замены его на /е/ оказывается более устойчивым благодаря поддержке его со стороны литературного языка. В пределах той же южной части территории наблюдаются и другие новообразования в области вокализма, также связанные, видимо, с результатами междиалектного взаимодействия. К числу таких случаев мы относим факты произношения /и/ в соответствии *е* перед твердыми и мягкими согласными в первом предударном слоге, а также в заударных слогах.

К о н с о н а н т и з м. В области консонантизма для говоров Ладого-Тихвинской группы являются характерными следующие черты:

1. Смычное образование звонкой задненебной фонемы ‹*г*› и чередование ее с /*к*/ в конце

слова и слога, как резко преобладающий и более архаичный тип употребления задненебных согласных, характерный для говоров северного наречия в целом (см. выше).

2. Произношение фрикативных звуков в соответствии предлогу *к*. На территории изучаемых говоров отмечают произношение предлога *к* как /γ/, /х/ перед звонкими губными, зубными и задненебными согласными и как /х/ — перед глухими губными, зубными и задненебными согласными: /γ/ *ба́бе*, /х/ *ба́бе*, /γ/ *до́му*, /х/ *до́му*, /γ/ *го́роду*, /х/ *го́роду* и т. д., /х/ *попу́*, /х/ *тебе́*, /х/ *коро́ве* и т. д.[5]

Произношение /х/ в соответствии *к* наблюдается также и в середине слова: *тра́/х/тор*, *до́/х/тор*, /х/*то* и т. п. Указанные явления отмечают в основном в юго-восточной части территории ладого-тихвинских говоров, причем произношение звука *х* перед глухими смычными согласными наблюдается и несколько шире, хотя и в разрозненных населенных пунктах, — т. е. в бо́льшем количестве нас. п. на юго-востоке, а также в части говоров на севере (см. карту). В тех же говорах в ряде случаев фрикативный согласный произносится также в положении перед фрикативными и сонорными согласными и даже перед гласными, что выделяет ладого-тихвинские говоры среди других говоров русского языка, знающих произношение фрикативных звуков на месте предлога *к* перед следующими взрывными[6]: /γ/ *злой*, /х/ *ве́черу*, /х/ *угло́фки*, /х/ *жены́*, /х/ *семьи́*, /х/ *ста́ду*, /х/ *худы́м*, /х/ *молоды́м*, /х/ *но́чы*, /х/ *ло́шади*, /х/ *э́тому* и т. п.[7] В ряде говоров на территории между Лодейным Полем и Чагодой отмечают также произношение типа /д/ *го́роду*, /т/ *ко́му* и т. п. Характерное в основном для говоров южного наречия (см. карты в работе Е. Г. Буровой) рассматриваемое явление связано в них, видимо, с наличием фонемы ⟨γ⟩ фрикативной. В говорах северного наречия и в среднерусских говорах, имеющих фонему ⟨г⟩, произношение фрикативных звуков в соответствии предлогу *к* выступает в основном лишь в положении перед глухими взрывными или перед *г*,[8] где *к* оказывается акустически наиболее неэффективным, в связи с чем и выступает диссимиляция по способу образования: /х/ *попу́*, /х/ *тому́* и т. п. Такого рода случаи и представлены наиболее широко в изучаемых говорах. При сочетании двух задненебных согласных развивается диссимиляция по месту образования: /т/ *козе́*, /д/ *го́роду* и т. п., также известная в отдельных говорах данной группы.

Опираясь на данные лингвистической географии, можно предположить, что изучаемое явление возникло, видимо, сравнительно рано, в пределах южной части территории распространения русского языка. В ладого-тихвинских говорах имеются некоторые признаки, указывающие на его вторичный в них характер. Таково прежде всего наличие указанной диссимиляции в ряде случаев как бы вне зависимости от фонетического окружения, включая позиции и перед фрикативными, и перед сонорными согласными, и даже перед гласными, т. е. расширение первоначальных условий реализации явления. В связи с этим можно думать, что на территорию ладого-тихвинских говоров явление было привнесено с более южных территорий через посредство говоров, окружающих Москву, в период после присоединения Рязанского княжества к Москве и после покорения Новгорода Москвой. О распространении этого явления с более южных, а не с соседних северных территорий, свидетельствует большее сходство со структурной южнорусской разновидностью явления, где в отличие от северных говоров фрикативные согласные в соответствии *к* употребляются и перед звонкими и перед глухими взрывными согласными.

3. При явном преобладании комплекса губных спирантов, при котором в исключительном употреблении выступают губно-зубные спиранты ⟨*в*⟩—⟨*в*'⟩, ⟨*ф*⟩—⟨*ф*'⟩, наличие в ряде говоров данной группы (преимущественно на северо-востоке ее территории, а также в разрозненных нас. п. по всей территории) комплекса губных спирантов, при котором перед гласными произносится *в* губно-зубного образования, в начале слова перед согласными — губно-зубной /в/, чередующийся с /ф/ (/*в*/*ода́*, /*в*/*озьми́*, /*в*/*еди́*, /*в*/*дова́*, /*ф*/*то́рник* и т. д.), а перед согласными в середине слова и на конце слова — /*w*/ губно-губного образования (*коро́*/*w*/, *тра́*/*w*/*ка*, *дро*/*w*/ и т. д.).

Наблюдаемое при этом преимущественное произношение /*ф*/ в заимствованных словах при редких заменах его на /*х*, *хв*/ связывают с результатами междиалектного взаимодействия ростово-суздальского и новгородского диалектов, имевшего место в процессе формирования северного наречия. Аналогичные отношения наблюдаются при употреблении губных спирантов и в говорах Вологодской группы, где указанный комплекс употребления губных

---

[5] См.: Е. Г. Бурова. Диалектные изменения и замены *к* при сочетании его с последующими взрывными согласными (в предложно-падежных конструкциях). «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967.

[6] Там же, стр. 213—214.

[7] Там же, стр. 218.

[8] Там же, стр. 222—223.

спирантов имеет более широкое распространение (см. I, 2, § 2 и карту 6).

4. Наличие случаев утраты интервокального /j/ и связанных с этим явлений ассимиляции и стяжения гласных в глагольных формах и в формах прилагательных при распространении преимущественно стяженных форм типа *зн/а/т*, *ду́м/а/т*, *но́в/а/*, *молод/а́/*, *но́в/у/*, *молод/у́/* и т. п. Данная инновация, известная и другим говорам северного наречия и среднерусским говорам, а также говорам белорусского и украинского языков, развивалась в них на разных этапах их существования, и в ряде случаев самостоятельно. На территорию Ладого-Тихвинской группы говоров данная черта распространялась поздно с территории ростово-суздальских говоров в период освоения новгородской территории Великим княжеством Московским. Этим объясняются различия в распространении данного явления сравнительно с говорами Вологодской группы, заключающиеся в том, что для данных говоров характерны в основном стяженные формы прилагательных и глаголов в отличие от вологодских говоров, где наблюдается сосуществование стяженных и нестяженных форм. Это в свою очередь свидетельствует о том, что в ладого-тихвинских говорах происходило усвоение уже стяженных форм (см. карты 50, 51, 52).

5. Ассимиляция согласных по признаку назальности в сочетаниях *-бм-*, *-дн-*: *о/мм/а́н*, *о/нн/а́* и т. п. Явление ассимиляции согласных в сочетании *бм*, являющееся достаточно ранней инновацией (XII—XIII вв.), свойственно большей части говоров изучаемой территории (за исключением говоров ее наиболее западной части — см. карту 55); широко распространено оно и в других говорах северного наречия и ср.-р. говорах, а также в западных ср.-р. говорах и в части примыкающих к ним говоров южного наречия; известно оно и говорам белорусского языка (см. II, 4, § 2).

Для говоров данной группы характерно наличие ассимиляции согласных не только в сочетании *бм*, но и в сочетании *дн*, что и представлено на большей северо-восточной части ее территории, а в виде отдельных ареалов — и на ее северо-западе (карта 55). Данное явление известно также южной части межзональных говоров северного наречия, западным ср.-р. говорам и примыкающей к ним части южнорусских говоров, а также в рассеянном распространении — говорам белорусского языка. Имеются данные о распространении этой сравнительно поздней инновации на территорию западных ср.-р. и ладого-тихвинских говоров с более южных территорий (см. II, 4, § 2).

6. Наличие в ряде говоров группы последовательно представленного упрощения групп согласных в сочетаниях *с'т'* и *ст* на конце слова: *ко/с'/*, *го/с'/*, *мо/с/*, *хво/с/* и т. д., относящегося к числу поздних инноваций, сложившихся после оформления русского языка как национального (примерно в XVIII в.), так же, как и в других говорах северного наречия русского языка и в говорах к западу и юго-западу от Москвы (см. II, 6, § 2).

7. Наличие в ряде говоров этой группы системы смычно-проходных боковых согласных, совпадающей с системой литературного языка *л—л'*. Распространение наряду с этим других (диалектных) систем, в ряде случаев сосуществующих с этой основной: 1) *l — л'*: */l/а́мпа*, */l/ук*, *пошо́/l/*, *па́/l/ка*, *во/l/к*, */л'/уб/л'/у́*, *гу/л'/а́ть*, */л'/ýпа* и т. п., отмечаемой на территории между Будогощей и Боровичами; 2) *л(ў) — л'*: */л/а́мпа*, */л/ук* и т. д. — *па́/ў/ка*, *пошо́/ў/*, *во/ў/к* и т. д. */л'/у́/л'/ка* и т. д. — на северо-востоке территории группы; 3) *l(ў) — л'*: */l/ампа* и т. д. — *па/ў/ка*, *пошо/ў/*, *во/ў/к* и т. д. */л'/од* и т. д. — на ареалах около Онежского оз., к востоку от Тихвина и около Будогощи; 4) *l(л) — л'*: */l/а́мпа*, */l/ук* и т. д. — *па́/л/ка*, *пошо́/л/*, *во/л/к* и т. д., */л'/уб/л'/у́*, *гу/л'/а́ть* и т. д. — в некоторых говорах по течению р. Мсты и к северо-западу от Чагоды.

Произношение /ў/ в соответствии *л* в конце слова и слога является древней диалектной инновацией; явление замены *л* на /l/ в положении перед гласными принадлежит к числу более поздних новообразований (XIV—XV вв.). Что же касается наличия /l/ в конце слога и слова, то оно характеризует процессы утраты традиционных систем (подробнее см. I, 2, § 5).

8. Наличие твердых губных на конце слова: *го́лу/п/*, *це/п/* и т. п. В большинстве случаев твердые губные выступают в говорах данной группы (см. I, 2, § 3) в исключительном или преимущественном употреблении (см. карту 8). Данное явление известно говорам западно-северной локализации и представляет собой сравнительно раннюю инновацию, возникшую, видимо, в юго-западных говорах и распространявшуюся в дальнейшем по территории говоров северного наречия, причем сравнительно рано и более последовательно — на западную часть его территории (см. I, 2, § 3).

9. Различение *ч* и *ц* твердых, являющееся, как и в части западных ср.-р. говоров, реликтом цоканья, ранее имевшегося в говорах этой группы и остаточно до сих пор в ней представленного [9].

---

[9] См.: В. Г. Орлова. История аффрикат...

10. Сохранение в ряде говоров архаических звуковых сочетаний /ш'ч'/, /шч'/, /шч/ при обычном /шш/ и более редком /ш'ш'/: *пу/ш'ч'/ý*, *пу/шч'/ý*, *пу/шч/ý* при *пу/шш/ý* или *пу/ш'ш'/ý* и т. д., а также звукового сочетания /жд'/ при обычном /жж/ и более редких /ж'ж'/ и /жж/: *вó/жд'/и*, при *вó/жж/ы*, *вó/жж/ы* или *вó/ж'ж'/и* и т. д. Распространение долгих шипящих относят к числу достаточно древних новообразований (см. I, 2, § 1 и карту 5).

11. Наличие отдельных слов с /т'/ и /д'/ на месте /к'/, /г'/ в корне слова перед гласными переднего ряда (*м'е/т'/úна*, */т'/éпка*, */д'/ипюр* и т. п.), отмеченных в единичных рассеянных говорах данной группы и появившихся на территории группы, вероятнее всего, в результате заимствования из говоров других территорий (см. I, 2, § 7).

12. При повсеместном распространении твердых шипящих наличие в ряде говоров группы наряду с этим реликтовых случаев произношения мягких /ш'/, /ж'/: */ш'/áпка*, */ш'/ýба*, */ж'/áлко* и т. п.

13. Наличие в центральной части говоров изучаемой территории мягкого *к* после парных мягких согласных, а в немногих говорах также после *j* и *ч*: *Вá/н'к'/а*, *скó/л'к'/о*, *гу/с'к'/óм* и под. или также и *ча/йк'/ý*, *дó/ч'к'/а*. Интенсивность смягчения *к* снижается от центра к периферии данной группы говоров. Следует также учитывать его отсутствие в пределах западных ср.-р. (новгородских) говоров и на основной части территории Вологодской группы говоров.

Таким образом, исходя из данных лингвистической географии, можно предположить, что прогрессивное смягчение задненебных согласных не было свойственно старым новгородским говорам, а в том числе и говорам Ладого-Тихвинской группы, и появилось на изучаемой территории, видимо, поздно, во всяком случае не раньше XVI в. Можно думать также, что данное явление было принесено на эту территорию переселенцами из Московского княжества после потери Новгородом его независимости и в связи с московской колонизацией этого края. Нельзя не отметить, что в разных говорах Ладого-Тихвинской группы, знающих прогрессивное смягчение задненебных согласных, оно может выступать в разных структурных разновидностях: в большинстве говоров только после парных мягких согласных, а в отдельных говорах — также и после *ч* и *j*. Это может указывать на то, что явление было принесено представителями разных диалектных подгрупп центральных территорий. Предположение о том, что на территорию ладого-тихвинских говоров изучаемое явление было принесено с территории Московского княжества, а не непосредственно с более южных территорий, основано также и на том, что ассимиляции в Ладого-Тихвинской группе говоров подвергается и согласный *к* и согласный *г* (как в современных костромских и владимирско-поволжских говорах). В говорах же современного южного наречия ассимилятивное смягчение согласного *г* отсутствует (см. I, 2, § 6).

14. Сохранение мягкости согласных, в некоторых случаях характерных для периферийных говоров:

а) сохранение мягкости *н* и *с* в положении перед суффиксом *-ск-*: *жé/н'/ский*, *рý/с'/ский* и т. п.

б) сохранение мягкости *н* и *р* в положении перед *ц*: *сó/н'/це*, *огу/р'/цы́* и т. п.

15. Наличие в ряде говóров результатов ассимиляции согласных с *j*: *свú/н'н'/а*, *плá/т'т'/а* и т. п. Данная черта имеет распространение в говорах русского языка западно-северной локализации, а также в говорах белорусского и украинского языков. По своему характеру данное явление принадлежит к числу общезападных инноваций (см. карту 9).

16. Наличие в ряде говоров случаев прогрессивной ассимиляции согласных в отношении мягкости в сочетании /-л'н-/: *бó/л'н'/о*, *вó/л'н'/о* и т. п. Данное явление наблюдается в некоторых говорах северной части территории группы (его ареалы расположены примерно к северу от 59° с. ш. и к востоку от 32° в. д.). Оно широко известно также межзональным говорам северного наречия.

17. Наличие в ряде говоров полногласных форм: *стóлоб*, *сéреп*, *верёх*, *гóроб*, *кóром*, *мóлонья* (редко *молонья́*), *вóрог*, известных в той или иной мере говорам северо-западной диалектной зоны в целом и являющихся ранними инновациями в этих говорах.

§ 3. Морфологические явления

1. Употребление форм дат.-предл. п. ед. ч. существительных ж. р. с основой на *-а*, совпадающих с формами род. п. *у жены́*, *к жены́*, *о жены́*, *без воды́*, *по воды́*, *на воды́*, *без земли́*, *по земли́*, *на земли́* и т. п. Данная черта, являясь ранней инновацией новгородских говоров, известна в настоящее время целому ряду говóров западной диалектной зоны (см. карту 17). Необходимо отметить при этом, что в северной части территории говоров Ладого-Тихвинской группы данные формы наблюдаются, как правило, в исключительном употреблении, а в южной — в сосуществовании с различением форм *у жены́*, но *к жене́*, *о жене́* и т. п.

2. При преимущественном употреблении форм дат.-предл. п. ед. ч. существительных ж. р. с мягкой основой, различающихся по месту ударения и являющихся исконными (*по гря́зи*, но *в грязи́* и т. п.), наличие в отдельных говорах форм более позднего происхождения, совпадающих по месту ударения в форме типа *грязи́* (*по грязи́*, *в грязи́* и т. п.), реже в форме типа *гря́зи* (*по гря́зи*, *в гря́зи* и т. п.) (см. карту 16).

3. Наличие в ряде говоров параллельного употребления форм предл. п. ед. ч. отдельных существительных м. р. с окончанием *-е* и с окончанием *-у*: *в дому́* и *в до́ме*, *в го́де* и *в году́*. Возможность параллельного употребления форм с окончанием *-е* и *-у* свойственна говорам периферийного типа.

4. Архаический тип склонения существительных с суффиксами *-ушк-* и *-ишк-* по типу слов м.—ср. р. *де́душк/о/*, *де́душк/а/*, *де́душк/у/* и т. д.; *мальчи́шк/о/*, *мальчи́шк/а/*, *мальчи́шк/у/* и т. д., характерный для говоров северного наречия и для большей части западных ср.-р. говоров, а также для части западных говоров южного наречия русского языка.

5. Наличие в говорах изучаемой территории парадигм склонения существительных *мать*, *дочь* с наращением *-ер-* в косвенных падежах при формах им.-вин. п.: 1) *мать — дочь* (в большинстве говоров); 2) *ма́терь — до́черь* (значительно реже — см. карту 14). Исторически являющиеся новообразованиями, данные парадигмы известны и другим говорам русского языка: первая из них распространена повсеместно, и в том числе в говорах центра, а парадигма с формами им.-вин. п. *ма́терь — до́черь* в рассеянном распространении характерна для говоров периферийного типа (см. I, 3, § 1).

6. Наличие словоформ *свекро́ва* (реже), *свекро́вка* (чаще). Совокупность этих словоформ характерна для говоров северной диалектной зоны, а также представлена на территории говоров западно-северной локализации в качестве инновации относительно позднего времени (см. I, 3, § 3).

7. Наличие в ряде говоров словоформ с исконным местом ударения на основе: *со́сна*, *спи́на*. Словоформа *со́сна* распространена на всей территории северного наречия и рассеянно — в пределах ср.-р. говоров. Словоформа *спи́на* небольшими ареалами представлена в пределах северного наречия и юго-западной диалектной зоны.

8. Наличие преимущественно в отдельных говорах южной части территории форм — новообразований им. п. мн. ч. существительных ср. р. с безударными окончанием *-ы* (*сёл/ы/*, *пя́тн/ы/* и т. п.) при повсеместном распространении исконных форм с окончанием *-а* (*пя́тн/а/*, *сёл/а/* и т. п.) (см. II, 2, § 4).

9. Распространение архаических по месту ударения форм им. п. мн. ч. *во́лки*, *во́ры*. Наличие этих форм в исключительном употреблении характерно для говоров северного наречия и для ср.-р. говоров.

10. Наличие в ряде говоров форм им. п. мн. ч. существительных, обозначающих признаки родства, с суффиксом *-ов'й-*, *-ев'й-* : *зятевья́*, *дядевья́*, *братовья́* и т. п., являющихся поздними новообразованиями, характерными для говоров северного наречия в целом (см. II, 6, § 3).

11. Принадлежность к ср. р., образование с суффиксом *-атк-* существительных, обозначающих молодые существа: *цыпля́тк/о/*, *утя́тк/о/* и т. д., при им. п. мн. ч. *цыпля́тк/а/*, *утя́тк/а/*, *робя́тк/а/* и т. п., являющихся поздними новообразованиями северного наречия, в пределах которого указанные формы распространены в виде мелких ареалов (см. II, 6, § 3, карта 63).

12. Наличие в ряде говоров словоформы *крестья́на*, имеющей распространение в виде мелких ареалов по всей территории северного наречия и являющейся собственно местным поздним новообразованием (см. II, 6, § 3).

13. Наличие преимущественно в говорах южной части территории архаических словоформ *гла́зы*, *воро́ты* (им. п. мн. ч.), распространенных в целом в пределах западных территорий.

14. Наличие в ряде говоров форм им. п. мн. ч. типа *каме́нья*, *коре́нья*, относящихся к числу поздних новообразований и имеющих рассеянное распространение в ладоготихвинских говорах.

15. Наличие в ряде говоров собирательных существительных типа *зятьё*, *косьё* и под. в соответствии с употреблением именительного падежа мн. ч. В виде мелких ареалов существительные данного типа известны по всей территории северного наречия, являясь в них поздними новообразованиями (см. II, 6, § 3).

16. Наличие в ряде говоров словоформы *деревён*, являющейся характерным для северного наречия новообразованием и имеющей в его пределах распространение в виде разорванных ареалов (см. II, 6, § 3).

17. Наличие в ряде говоров форм род. п. мн. ч. существительных ж. р. от основы на мягкий согласный и *ч* с окончанием *-ей: пе́сней*, *ба́шней*, *ку́чей* и т. п. Являясь поздним новообразованием, данное явление в рассеянном распространении известно преимущественно говорам западно-северной локализации.

18. Наличие в ряде говоров форм род. п. мн. ч. некоторых существительных м., ср. и ж. р. с окончанием *-ов* (*-ев*): *солда́тов*, *арши́нов*, *дожжо́в*, *лешшо́в*, *гостёв*, *ножо́в*, *сторожо́в*, *ключо́в*, *козлёнков*, *жеребёнков*, *роди́телев*, *ла́мпов*, *кружков*, *ба́шнев* и т. п. Именно формы м. и ж. р. с окончанием *-ов* в своем распространении характерны для северного наречия и ср.-р. говоров, а формы ср. р. *местов*, *делов* имеют повсеместное распространение на территории русского языка [10]. Полагают также, что формы м. р. с мягкой основой рано восприняли окончание *-ов* (*-ев*), формы же ж. и ср. р., имеющие окончание *-ов* (*-ев*), являются поздними новообразованиями [11].

19. Наличие древнего суффикса *-иц-* у существительных, обозначающих названия ягод: *землян/и́ц/а*, *черн/и́ц/а* и т. п. Данное явление характерно для говоров западно-северной локализации.

20. Наличие общей формы дат.-тв. п. мн. ч. у существительных и прилагательных (*к большим дома́м*, *с кра́сным платка́м* и т. п.), характерное для обширной северной части территории русского языка. О развитии данного явления в формах прилагательных с XIV в., а в формах существительных — с XVI—XVII вв. см. II, 4, § 3.

21. Наличие в отдельных говорах (см. карту 57) различения форм дат. и тв. п. мн. ч. при наличии форм тв. п. с окончанием *-амы*: *с рук/а́мы/*, *с ног/а́мы/* и т. п., нередко распространенных наряду с формами типа *с рука́м*, *с нога́м* или с формами типа *с рука́ми*, *с нога́ми*. Являясь по своему характеру сравнительно поздним новообразованием, формы с окончанием *-амы* известны также говорам Онежской подгруппы, северной части вологодских говоров и части говоров крайнего юго-запада.

22. Наличие в отдельных говорах восточной части территории форм предл. п. мн. ч. прилагательных и существительных с окончаниями *-ыф*, *-аф* в подавляющем большинстве случаев в сосуществовании с формами, имеющими окончание *-ах*, *-ых*: *в дом/а́ф/*, в *лю/д'аф/* и т. п., *в ста́р/ыф/*, *о молод/ы́ф/* и т. п. Данное явление отмечают также в южной части территории Межзональной группы северного наречия, в западной части восточных ср.-р. акающих говоров и в рассеянном распространении на территории юго-востока, где они сложились в результате параллельно протекавших самостоятельных процессов.

23. Наличие в ряде говоров группы форм косвенных падежей мн. ч. прилагательных с двусложным окончанием: *но́в/ыих/*, *но́в/ыим/* и т. п. (см. карту 56), имеющих распространение в виде мелких ареалов также на территории западных и восточных ср.-р. говоров и в южной части территории межзональных говоров северного наречия. Полагают, что формы данного типа являются ранними инновациями, исторически возникавшими в пределах Новгородского и Тверского княжеств (см. II, 4, § 3).

24. Наличие в ряде говоров форм им. п. ед. и мн. ч. местоимения 3-го л. с йотацией начального гласного: */йон/*, */йона́/* (*/йена́/*), */йоны́/* (*/йены́/*) наряду с формами *он*, *она́*, *они́*. Формы данного типа имеют распространение в пределах западной диалектной зоны, а также в говорах белорусского языка; их появление связывают с влиянием форм косвенных падежей и датируют XIV—XV вв. (см. I, 3, § 6) [12].

25. Преимущественное употребление формы род. п. ед. ч. местоимения ж. р. */йей/*, которая в положении после предлога имеет повсеместное распространение на территории группы. В этом положении наряду с этой формой, как правило, лишь в рассеянных нас. п. наблюдается употребление форм */ней/*, */йейо́/*, */н'ейо́/*. В положении без предлога (не видел */йей/*) употребление этой формы преобладает на северной части территории (примерно к северу от 59° с. ш.), где она в большинстве случаев выступает в исключительном употреблении; на южной части территории форма */йей/* в беспредложной конструкции представлена в рассеянном распространении, преобладает же на этой части территории форма */йейо́/* (ср. наличие этой формы и в говорах центра). Полагают, что форма */йей/* относится к числу поздних новообразований (см. I, 3, § 4).

26. Употребление форм вин. п. ед. ч. местоимения 3-го л. ж. р. */йей/*, */йейу́/*, */йейо́/*, редко */йейе́/*. Из числа указанных форм форма */йей/* распространена в северной части территории, примерно к северу от 59° с. ш. (ср. ее наличие также и в северной части территорий новгородских говоров, Межзональной группы и Вологодской группы говоров, а также на территории селигеро-торжковских говоров и в виде редких и небольших ареалов на территории южного наречия; см. карту 22). Форма */йейо́/* в виде большого ареала представлена на юге территории группы, а на северной части территории отмечена лишь в рассеянных нас. п. (данная форма известна всем говорам русского языка за исключением говоров юго-западной

---

[10] С. П. Обнорский. Именное склонение 2, стр. 221—296.

[11] Там же.

[12] «Нарысы па гісторыі беларускай мовы», стр. 128.

диалектной зоны); форма */йейý/* имеет распространение в южной части территории (в ряде случаев наряду с формой */йейó/*), кроме того, она известна части новгородских говоров; форма */йейé/* отмечена в единичных говорах на северо-востоке (характерна для говоров северно-западной локализации, за исключением говоров северо-запада).

Формы */йейé/*, */йей/*, */йейó/* по происхождению являются формами род. п., причем наиболее старой из них является форма */йейé/* (из *еѣ*).

Формы */йей/*, */йейó/*, */йейý/* относятся к числу сравнительно поздних новообразований (см. I, 3, § 5).

27. Наличие исконных форм сравнительной степени: *бóле*, *тóне*, *мéне*, *старéе*, *крепчéе*, *мягчéе*. Широкое распространение в изучаемых говорах имеет лишь форма *бóле*, остальные формы имеют рассеянное распространение.

Наличие форм сравнительной степени, являющихся инновациями: *шúрьше*, *хужéе*, *ширéе*, *ближéе*, *богáте*, *дешéвлее*, *стáре*, *скоря́е*, имеющих на территории ладого-тихвинских говоров рассеянное распространение.

28. Повсеместное распространение характерных для говоров северного наречия и ср.-р. говоров и являющихся ростово-суздальской инновацией форм род.—вин. п. ед. ч. личных и возвратного местоимений *меня́*, *тебя́*, *себя́*, при формах дат.—предл. п. *мне*, *тебé*, *себé* (в северной части территории — *мни*, *тебú*, *себú*, где */и/* произносится в соответствии исконному *ě*). В качестве сопутствующих данному комплексу употребления форм род.—вин. и дат.—предл. п. названных местоимений наблюдается в основном в северной части территории в рассеянном распространении, употребление архаических форм род. п. *менé*, *тебé*, *себé* при вин. п. *меня́*, *тебя́*, *себя́*, или наоборот, форм вин. п. *менé*, *тебé*, *себé* при род. п. *меня́*, *тебя́*, *себя́*. В отдельных говорах, также в основном в северной части территории, местоимение 1-го л. может выступать с новой обобщенной основой *мн-* в род.—вин. п. и дат.—предл. п.: *мне*, *у мня* и т. п., а местоимение 2-го л. и возвратное — с более старой основой *тоб-*, *соб-* в дат.—предл. п. *тобé*, *собé* или *тобú*, *собú*.

Наличие в ряде говоров энклитических форм личных и возвратного местоимений в форме род.—вин. п. *мя*, *тя*, *ся*, и форме дат.—предл. п. п. *ми*, *ти*, *си*, являющихся новообразованиями позднего времени (см. II, 3, § 3).

29. Наличие в ряде говоров членных форм им. п. ед. ч. ж. и ср. р. и мн. ч. местоимения *тот*: *тáя*, *тóе*, *ты́е*, относящихся к числу новообразований XV в. и характеризующих говоры западной диалектной зоны и говоры белорусского языка.

Наличие в ряде говоров форм им. п. мн. ч. */ти/*, */ты/*, характерных только для говоров данной группы и формы */тéйи/*, известной, кроме изучаемых говоров, и на территории около Калинина, и относящихся к числу поздних новообразований (см. I, 3, § 7 и карту 25).

30. Наличие в ряде говоров, преимущественно в северной части территории (примерно к северу от 59° с. ш.) форм косвенных падежей притяжательных местоимений ж. р. */мойóй*, *твойóй*, *свойóй/* (наряду с формами *моéй*, *твоéй*, *своéй*), относящихся к числу инноваций. Гласный */о/* в окончании этих форм появился в результате влияния местоименных форм с твердой основой [13] (см. и III, 4, § 4).

31. Наличие окончания *т* твердого в формах 3-го л. ед. и мн. ч. глаголов, характерного для говоров северного наречия и большинства ср.-р. говоров и являющегося инновацией новгородского происхождения (см. II, 4, § 4 и карту 58).

32. Различение гласных в безударных окончаниях 3-го л. мн. ч. глаголов I и II спряжения: *дýма/йут/*, *дéла/йут/* и т. д. *нó/с'ат/*, *вó/з'ат/* и т. д. Данная черта, характеризующая говоры северного наречия и северную часть территории говоров Владимирско-Поволжской группы, является архаической по своему характеру (см. II, 2, § 4 и карту 42).

33. Наличие в ряде говоров форм 3-го л. ед. ч. и мн. ч. глаголов без конечного *-т*: *он не/с'ó/*, *он вú/ди/*, *они не/сý/*, *они вú/д'а/* и т. д. В разных говорах изучаемой территории могут выступать формы без *-т* от разных глаголов по месту ударения в них и по принадлежности этих глаголов к I или II спряжению. Однако на территории около Ладожского оз. отмечают наличие форм без *-т* во всех возможных формах глаголов: *он /нес'ó/*, */сидú/*, */хóди/*, */ля́же/*, *они /несý/*, */сид'á/*, */хóд'а/*, */ля́жу/* и т. д. (см. карту 36). Возможно, что наиболее древними формами без конечного *-т* являются формы 3-го л. ед. ч. глаголов I спряжения, все остальные формы без *-т* появились по аналогии с ними (см. I, 3, § 13 и карту 36).

34. Наличие парадигм спряжения глаголов с основой на задненебный согласный с чередованием твердого и мягкого задненебного в основе, имеющей рассеянное распространение в пределах группы, и задненебного с шипящим, представленной повсеместно.

---

[13] См., например: В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика, стр. 219.

Парадигма с чередованием твердого и мягкого задненебного в преимущественном распространении характерна для Вологодской группы и для говоров южного наречия за исключением Тульской группы, а также для некоторых ср.-р. говоров. Образование этой парадигмы относится к позднему времени (см. I, 3, § 9).

35. Наличие в ряде говоров твердого *с* после *л* в возвратной форме прош. времени глаголов: *умы́л/са/*, *умы́л/сы/* и под.; такое произношение в виде отдельных ареалов представлено также и по всей территории северо-западной диалектной зоны (см. карты 31 и 33) и относится к числу поздних новообразований. Наличие гласных *а*, *и*(*ы*) в составе возвратной частицы в форме глагола прош. времени: *умы́л/с'а/*, *умы́л/са/*, *умы́л/си/*, *умы́л/сы/* и т. п. и в форме 2 л. ед. ч. глаголов наст. времени: *умо́ешь/с'а/*, *умо́ешь/си/*, *умо́е/с'с'а/*, *умо́е/сси/* и т. п. Произношение гласного /*а*/ в указанных случаях широко представлено в говорах периферийного типа (см. карты 32 и 33), а гласного /*и*/ в говорах юго-восточной диалектной зоны и в восточной части северо-западной диалектной зоны (см. карты 32 и 33). Вариативность возвратных частиц в отношении качества гласного характерна для говоров северного наречия в целом и является, как полагают, свидетельством того, что процесс обобщения возвратных частиц с тем или иным гласным на данной территории (в частности, и на территории ладого-тихвинских говоров) происходил позднее (см. I, 3, § 11).

36. Сосуществование форм ед. и мн. ч. глаголов II спряжения как с ударением на окончании, так и с ударением на основе: *да́ришь* и *дари́шь*, *ва́ришь* и *вари́шь*, *ва́лишь* и *вали́шь* и т. д., из которых вторые являются более архаичными (см. I, 3, § 12 и карту 34).

37. Сосуществование форм инфинитива типа *нести́* (архаических) и типа *нёсть* (новообразований). Последние в исключительном употреблении характерны для говоров южного наречия русского языка (кроме Тульской группы говоров) и для части говоров Ладого-Тихвинской группы (см. I, 3, § 8 и карту 26).

38. Наличие форм инфинитива типа *печь*, *бере́чь* (древние новообразования) и форм инфинитива *итти́ть*, *ити́ть* (поздние новообразования), известных всем говорам русского языка за исключением говоров северо-восточной диалектной зоны, и тем самым выделяющих говоры Ладого-Тихвинской группы по сравнению с говорами Вологодской группы.

39. Наличие форм деепричастий типа *ушо́дци*, *пришо́дци*, относящихся, видимо, к числу древних новообразований и возникших в результате взаимодействия причастных форм с суффиксом *-ши* и с суффиксом *-чи* (типа *шёдши* и типа *несу́чи*), отражающих, кроме того, их цокающее произношение.

40. Наличие архаических форм *е*, *е́сти*, *е́сте* (*е́стё*, *е́стя*[14]) (наряду с *есть*, *есь*, *е́ся*), характерных для говоров северо-западной диалектной зоны.

41. Наличие форм ж. р. прош. вр. с исконным ударением на основе: *жи́ла*, *да́ла*, *бра́ла*, *вра́ла*, *спа́ла*, *зва́ла*, *тка́ла*, имеющих распространение на территории западной диалектной зоны.

§ 4. Синтаксические явления

Из синтаксических черт для Ладого-Тихвинской группы говоров характерны следующие:

1. Распространение конструкций, состоящих из инфинитива или предикативного наречия и прямого объекта при нем в форме им. п. ед. ч. существительных ж. р. с окончанием *-а*: *копа́ть карто́шка* и под., *мне ша́пка на́до* и т. д.

Данное явление характерно для говоров западно-северной локализации и является архаическим по своему характеру (см. II, 5, § 5).

2. Наличие в ряде говоров сложных форм прош. времени, состоящих из форм на *-л* (*-ла*) и форм прош. времени вспомогательного глагола быть: *я была́ опу́хла* и под. Данное явление, имеющее распространение в виде отдельных ареалов в пределах говоров западно-северной локализации, относят к числу ранних новообразований «общезападного» типа (см. II, 5, § 5).

3. Употребление деепричастных форм в основном от глаголов совершенного вида в роли сказуемого: *по́езд ушо́вши*, *трава́ скоси́вши* и т. п. Данное явление характерно для говоров западной зоны, и предполагают, что оно относится к новообразованиям раннего периода[15] (см. II, 5, § 5).

4. Употребление формы род. п. имени при главном члене, являющемся спрягаемой формой глагола: *есть у нас ржи* и т. п. Данное явление представлено отдельными ареалами на территории северного наречия, в пределах Ла-

[14] См.: А. А. Шахматов. Двинские грамоты, стр. 98—99; Л. А. Булаховский. Исторический комментарий, стр. 86; В. К. Сорокина. О диалектных формах нетематических глаголов *дать* и *есть*. «Изв. АН СССР», серия лит-ры и языка, т. XXV, вып. 2, 1966, стр. 142—148 и др.

[15] И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко. О некоторых синтаксических явлениях в говорах юго-западных и центральных областей к западу от Москвы». «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», вып. X, 1956, стр. 117

дого-Тихвинской группы оно распространено на большей части территории за исключением ее центральной части.

5. Употребление конструкций с предлогом *с* типа *с Москвы́*, *с Орла́* и т. п. Данное явление характерно для большей части говоров Западной диалектной зоны [16].

6. Наличие страдательно-безличных конструкций с выражением субъекта действия сочетанием предлога *у* с род. п. имени: *у кота всю руку исцарапано* и под. Конструкции данного типа характерны для говоров северо-западной диалектной зоны [17].

7. Особая система употребления постпозитивных частиц на территории изучаемых говоров: а) наличие частиц *то*, *ту*, *ты* в северной части территории; употребление частиц *ту*, *ты* при определенных падежных формах имени, являющееся характерным только для данной территории. Так, частица *ту* употребляется со всеми существительными ж. р. в вин. п.: *жену́-ту*, *зе́млю-ту*, *со́ль-ту* и т. п., а частица *ты* при формах им.—вин. п. мн. ч. (*столы́-ты*, *дома́-ты*, *жёны-ты*, *зе́мли-ты* и т. д.) или при всех падежных формах мн. ч. *дома́-ты*, *столо́в-ты*, *жён-ты* и т. д.) и при формах тв. п. ед. ч. существительных м. и ср. р. (*столо́м-ты*, *ведро́м-ты* и т. п.); б) в южной части территории ладого-тихвинских говоров в основном употребляется частица *то*, но при формах, оканчивающихся на *-у*, может выступать частица *ту* (*к окну́-ту*, *жену́-ту* и т. д.), а при формах на *-и*, *-ы* могут наблюдаться частицы *ти*, *ты* (*земли́-ти*, *жены́-ты*, *столы́-ты*, *зве́ри-ти* и т. д.). Данное употребление частиц характерно также для говоров юго-востока и для части говоров Тульской группы [18].

§ 5. Лексические явления

В Ладого-Тихвинской группе говоров наблюдается распространение следующих слов: *пол* — 'площадка для молотьбы'; *омеши́* 'лемехи у сохи'; *рога́ль* 'брус с ручками, соединяющий оглобли и плотину у сохи'; *о́бжи* 'оглобли у сохи'; *пу́то*, *пу́тце* 'ремень у цепа'; *резе́ц* 'отрез у плуга'; *позём* 'навоз'; *берёжая* (о лошади); *пету́н* 'петух'; *рего́чет* (о лошади); *блеёт*, *бля́ет* (об овце); *рычи́т* (о корове); *ски́дываться*, *скидыва́ться*, *ски́дывать*, *скидыва́ть*, *ски́нуться*, *ски́нуть* 'раздеваться, снимать верхнюю одежду'; *дя́нки*, *дья́нки*, *де́льницы*, *де́льнични* 'вязаные рукавицы с одним пальцем' и др.

Таким представляется общий перечень черт, характерных для языкового комплекса Ладого-Тихвинской группы говоров. Из него становится ясным, что круг собственно местных черт ладого-тихвинских говоров невелик, в основном их составляют особенности вокализма говоров. Большую часть в комплексе черт данной группы составляют языковые явления, известные на более широких территориях и тем самым вводящие Ладого-Тихвинскую группу говоров в более крупные величины диалектного объединения, но имеющие при этом особенности на изучаемой территории. В связи с этим особенно важным становится изучение специфики этих черт на данной территории.

---

[16] «Русская диалектология», стр. 178—179.

[17] Там же, стр. 190.

[18] Подробнее см.: И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко. К вопросу о постпозитивных частицах, стр. 28—30.

Глава вторая

ВОЛОГОДСКАЯ ГРУППА ГОВОРОВ

§ 1. Предварительные замечания

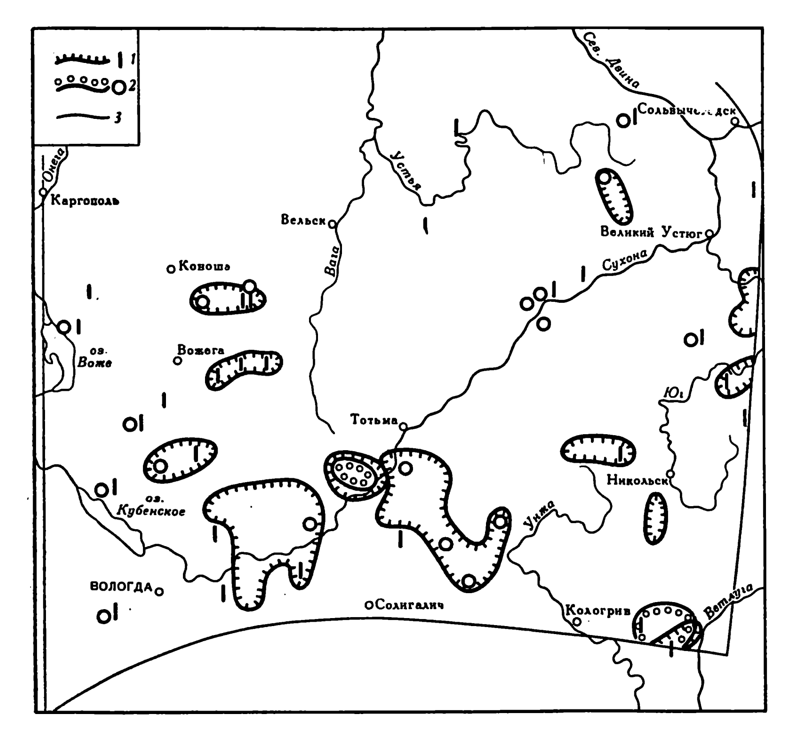
Вологодская группа говоров находится в пределах северного наречия в окружении других диалектных объединений, которые так же, как и она, выделяются пучками изоглосс, характерных языковых явлений. При установлении границ между этими объединениями принималось во внимание взаимоналожение выделяющих их пучков изоглосс. Границу Вологодской группы говоров на западе условно можно провести в пределах взаимоналожения пучков изоглосс явлений, характерных для межзональных говоров северного наречия, с одной стороны, и явлений, характеризующих Вологодскую группу как таковую, с другой (т. е. примерно по 39° в. д.); на юге — в пределах взаимоналожения пучков изоглосс Вологодской и Костромской групп говоров (т. е. примерно по 59° с. ш.).

Основанием для выделения Вологодской группы говоров в пределах северного наречия русского языка послужили языковые черты, распространенные на данной части территории северного наречия, изоглоссы которых образуют четко выраженные пучки. К числу специфических для Вологодской группы явлений отнесены также и те, которые, будучи известными другим говорам, выступают в ее пределах в виде иных структурных разновидностей или с иной последовательностью распространения. Эти собственно местные черты и составляют основную характеристику данной группы говоров. Однако языковой комплекс данной группы, как и других групп говоров, в целом складывается не только из этих специфических, собственно местных черт, но также и из диалектных черт различного более широкого территориального распространения: в данном случае, из явлений, характеризующих северное наречие, северную и северо-восточную диалектные зоны, и из некоторых явлений, свойственных говорам периферийного типа или явлений, имеющих в пределах русского языка западно-северную локализацию.

§ 2. Фонетические явления

1. У д а р е н н ы й в о к а л и з м. При пятифонемном составе ударенного вокализма (*о—е—а—и—у*), являющемся основным для говоров Вологодской группы, в них отмечают, хотя и непоследовательно распространенные, случаи произношения гласного /*ô* (*у͡о*)/, а также возможность произношения гласного /*ê* (*и͡е*)/, указывающие на возможность шестифонемного, а в отдельных говорах и семифонемного состава ударенного вокализма. Сохранение случаев произношения /*ê*/, /*и͡е*/ в соответствии *ě* и /*ô*/, /*у͡о*/ в соответствии *о* под восходящим ударением встречается в настоящее время в качестве реликтового явления в деградирующем состоянии в говорах разных территорий в пределах русского языка.

Как показывает карта, в пределах Вологодской группы случаи произношения *ô*, *у*, $у^{о}$, $о^{у}$ отмечают в рассеянном распространении в основном в западной и южной части ее территории, наиболее крупные ареалы расположены к востоку от Вологды и к югу от Тотьмы, причем не наблюдается дифференциации в характере территориального распространения разного типа гласных: *ô*, $о^{у}$, *у͡о*, $^{у}о$ и др., указание на наличие которых в материалах, вероятно, связано с различиями в приемах транскрипции. Случаи произношения /*ô*/ и дифтонга /*у͡о*/ представлены в материалах немногочисленными или даже единичными примерами наряду с преобладающим произношением /*о*/. В соответствии *о* под восходящим ударением такое произношение по имеющимся материалам отмечено в следующих грамматических и словообразовательных кате-

Карта 68

Произношение ударенных гласных в соответствии гласному *о* разного происхождения:

1 — произношение /ô (*у*, $о^у$, $у^о$/ в соответствии *о* под восходящим ударением (*сор/ô/ка*, *сор/$о^у$/ка*, *сор/$у^о$/ка* и под.; *2* — произношение /ô (*у*, $о^у$, $у^о$)/ в соответствии *о* под нисходящим ударением; *3* — западная, южная и восточная границы Вологодской группы говоров. Примечание: северная граница проходит примерно по линии Каргополь—Сольвычегодск

гориях: а) в корнях слов: /*ворôна*, *сорôка*, *кôзы*, *вôл'а*, *болôто*, *высôкий*, *снôп*, *хорôшый*, *вôс*, *гу͡орки*, *беспокôйс' мнôго*, *кôшка*, *на лу͡отках*, *пôзно*, *стôл*, *гôро^{у}шку*, *жыво^{у}т*, *морôзно*, *охôта*/ и т. д.; б) в окончании им. — вин. п. ед. ч. существительных ср. р.: /*добрô*, *селô*, *окнô*, *пomelу͡о*/ и т. д.; в) в окончании им. п. ед. ч. кратких прилагательных и образованных от них наречиях: /*хорошô*, *давнô*, *т'ажеlô*, *с'м'ешнô*/ и т. д.; г) в окончании прошедшего времени глагола: /*нароclу͡о*, *прошлô*/ и т. п.; д) в окончании *-ов* существительных м. р. в форме род. п. мн. ч.: /*пудôф*, *годôф*, *дворôф*, *старикôф*, *домôв*/ и т. д.; е) в окончании род. п. ед. ч. м. и ср. р. прилагательных: /*другôва*, *шестôва*, *роннôва*, *такôва*/ и т. д.; ж) в окончании род., дат., тв. и предл. п. ед. ч. прилагательных ж. р.: /*у злôй собаки*, *гбол'нôй*, *бол'нôй ногôй*, *ф сырôй*, *с роднôй*/ и т. д.; 3) в окончании тв. п. ед. ч. сущ. ж. р.: /*стенôй*, *ногôй*, *за водôй*/ и т. д.

Вологодским говорам свойственно, также весьма непоследовательное, произношение особых звуков в соответствии этимологическому *ě* при резко преобладающем в них произношении /*е*/.

Произношение /*и*/, обычно встречающееся по говорам в единичных случаях, является более равноправ ным наряду с произношением /*е*/ в западной и восточной частях территории, где оно представлено небольшими ареалами, а также в части говоров к северо-востоку от Тотьмы (см. карту 69). Небольшие ареалы произношения /*ê*/ расположены преимущественно по окраинам территории группы западной, южной и восточной. Произношение /*и͡е*/ отмечают в основном в западной части территории, сравнительно редко — в северной, южной и восточной.

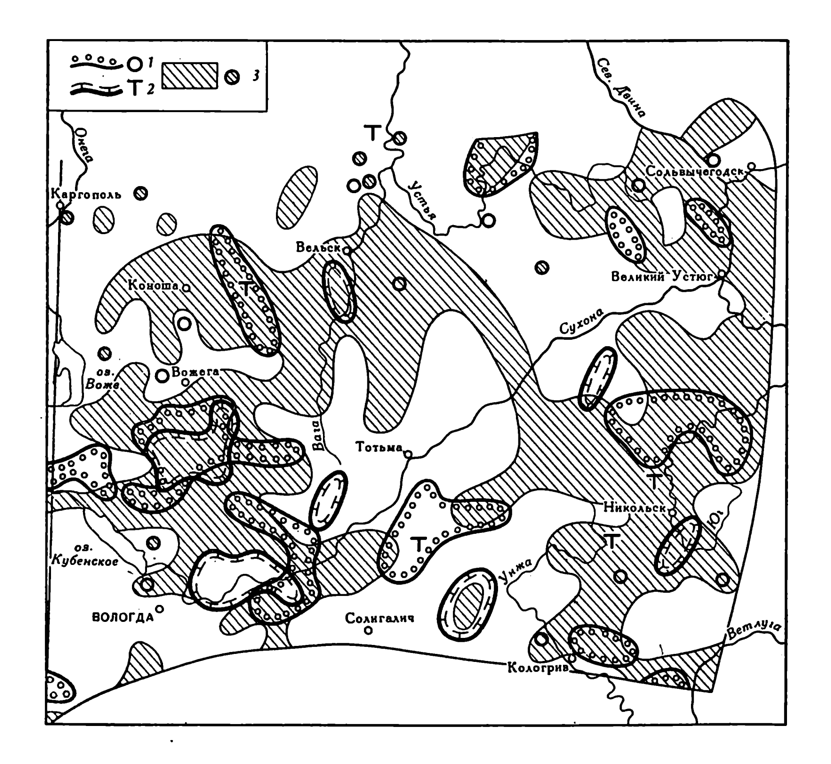
Произношение звуков /*ê*/, /*и͡е*/, /*и*/ в соответствии *ě* широко представлено в корнях слов: /*ли͡ес*, *хлêп*, *поли͡ено*, *покрúпц'е*, *бêлыйе*, *отрêзаў*/ и т. д., чаще всего его отмечают в словах наиболее употребительных, таких, например, как *хлеб*, *лес*, *дед*, *нет*, *место*, *тесто*, *хлев*, *свет* (и производные от него), *девка*, *сено*, *белый*, *дело*, *полено*, *обед*, *крепче*, *снег*, *вера*, *бегать*, *делать*, *обедать* и др. Исключение в ряде говоров (на территории около Коноши и восточнее Вельска) составляет слово *телега*, выступающее здесь с гласным /*о*/: *те/л'ô/га*[19]. Произношение особых звуков в соответствии *ě* в том же положении отмечают также в суффиксах деепричастий прош. времени и в глагольных формах прош. времени: /*смотрúфшы*, *сидúла*, *загремúло*, *запи͡еў*, *уцелúш*, *зашыпúла*, *болúў*, *смотрúlа*, *насмотрúлс'а*, *гл'адêlа*, *заболúlо*, *умêў*, *запи͡ел*, *жалúла*/ и т. д. Произношение звуков /*и*/, реже /*ê*/, наблюдается в данных говорах также и во флексиях (преимущественно наряду с произношением /*е*/) ряда грамматических категорий, имеющих разный характер распространения:

1. В окончаниях дат.—предл. п. ед. ч. существительных женского рода с твердой основой: *к вод*/*ú*/, *к жен*/*ê*/, *на вод*/*ê*/, *о жен*/*ú*/ и т. д. При общем рассеянном распространении сгущение мелких ареалов произношения /*и*/, /*ê*/ в указанных случаях наблюдается в южной части территории.

2. У существительных женского рода с мягкой основой и с основой на задненебный соглас-

---

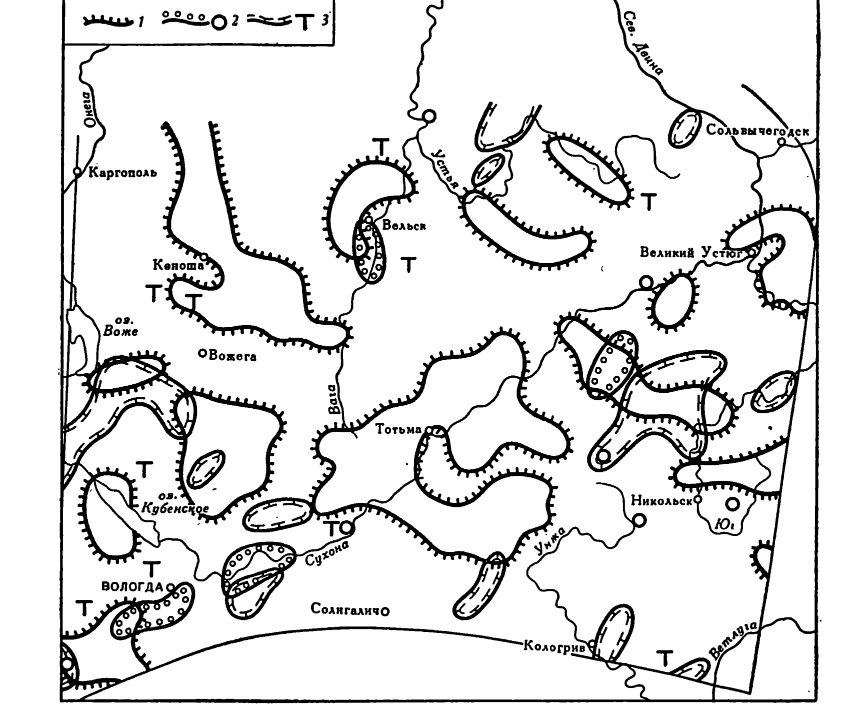
[19] Ср. данные о тюркском происхождении этого слова, чем может объясняться особенность его произношения: возможно, вологодскими говорами оно заимствовано в данной огласовке из других говоров.

Карта 69

Произношение ударенных гласных в соответствии *ё* перед твердыми согласными:

1 — /ê/: 2 — /ие/; 3 — /и/

Карта 70

Произношение ударенных гласных в соответствии *ё* перед мягкими согласными:

1 — е: /ве́/тер/ и т. д.; *2 — ê: /вê/тер/* и. т. д.; *3 — ие: /вие/тер*

ный (*по земл/ú/*, *к земл/ú/*, *по земл/ê/*, *к земл/ê/* *на рук/ú/*, *к рук/ú/*, *на рук/ê/*, *к рук/ê/* и т. д.), а также у существительных м. — ср. р. (*на окн/ú/*, *в молок/ú/*, *на огн/ú/*, *в мешк/ú/*, *при отц/ú/*, *на стол/ú/* и т. д.). При общем рассеянном распространении определенное сгущение указанного произношения окончания наблюдается на небольшой территории к северо-востоку от Вологды.

3. В окончаниях дат.—предл. п. местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного: *мн/u/*, *мн/ê/*, *мн/и͡е/*, *теб/ê/*, *теб/ú/*, *теб/и͡е/*, *себ/ê/*, *себ/и͡е/*, *себ/ú/*. Сгущение подобных случаев наблюдается на территории примерно к западу от линии Коноша — Солигалич.

4. В формах *две*, *все*, *где*, *везде*. Произношение /*u*/, редко /*ê*/, /*и͡е*/ в данных формах известно в рассеянных немногочисленных говорах.

Сравнительно более широко представлено произношение /*ê*/, /*и͡е*/, /*u*/ в соответствии *ě* под ударением перед мягкими согласными: /*дêти*, *вми͡ес'те*, *сúм'о*, *копéйок*, *скорúйе*/ и т. д.

Повсеместно распространенным в соответствии *ě* перед мягкими согласными является произношение /*u*/: /*недúли*, *вúник*, *вúтер*/ и т. д., которое в связи с этим не показано на карте. Произношение других гласных в том же соответствии обычно отмечено по говорам наряду с /*u*/, причем чаще всего наблюдается сосуществование /*е*/ и /*u*/. Отсутствие произношения /*е*/ наблюдается лишь на отдельных частях территории (см. карту); произношение /*ê*/ и /*и͡е*/ представлено, как правило, единичными примерами и в рассеянном распространении.

Произношение /*u*/ (реже /*ê*/, /*и͡е*/) в соответствии *ě* перед мягкими согласными наблюдается в следующих грамматических категориях: 1) в корнях слов: *з'вúр'*, *пúс'ни*, *вúтер*, *недúли*, *мúсец*, *сусúд'ам*, *в лúси*, *мит'*/ и т. д.; 2) в суффиксах существительных: /*говúн'н'о*, *терпúн'йа*, *владúн'йо*/ и т. д. 3) в глагольных формах: а) в формах инфинитива и прош. времени: /*пожалúт'*, *ревúт'*, *смотрúт'*, *жалúт'*, *погрúт'*, *посмотрúли*, *запúли*, *згорúли*, *болúли*/ и т. д.; б) в формах наст. времени и повелительного наклонения глаголов с основой на *-ее-*: /*болúйу*, *умúйу*, *надúйус'*, *заболúйот*, *пос'пúйот*, *умúйот*, *умúйут*, *посúйут*, *ус'пúйете*, *жалúй*, *согрúй*/ и т. д.; 4) в формах сравнительной степени: /*скорúйе*, *сырúйе*/. Подобное произношение отмечают также в формах имен собственных: /*Сергúй*, *Алексúй*, *Ондрúй*, *Андрúйевна*/.

Те вологодские говоры, которые сохраняют произношение особых звуков как в соответствии *ě*, так и в соответствии *о* под восходящим ударением (за исключением случаев произношения *u*), в настоящее время являются редкими; в своей совокупности они отмечены преимущественно на юго-западной части территории этой группы. В связи с наличием данного явления в некоторых вологодских говорах может наблюдаться возможность семифонемного или шестифонемного состава ударенных гласных, как правило, фиксируемая, однако, только в архаическом слое говора. Тем самым данная черта, которую можно считать новгородской по происхождению, существует в настоящее время только в качестве реликтовой. Симптомом распада старой системы следует, видимо, считать и наблюдаемые в настоящее время факты произношения более закрытых звуков, а также дифтонгов и дифтонгоидов не только в соответствии *о* под восходящим ударением, но и в соответствии исконному *о* под нисходящим ударением (см. карту 68) и в соответствии *е* из *е* и *ь*, имеющих рассеянное распространение и являющихся, как правило, единичными в говоре: /*кôрм*, *кру͡от*, *рôтом*, *ро^{у}ш*, *мнôго*, *снôшка*, *вôлк*, *пôле*, *су͡охн'от*, *сôнц'о*, *нарôс*, *мôр*, *ву͡олости*, *гôрп*, *гу͡орот*, *му͡ос*, *бух* (= бог), *плôхо*, *пôлно*, *lôшку*/ и др., /*с'и͡ерп*, *ш'и͡ерх*, *дешêвли*, *кирп* (кербь), *вêрба*/ и т. д. Необходимо при этом оговорить, что особые типы произношения в соответствии *е* из *е* и *ь* наблюдаются перед мягкими и отвердевшими согласными: /*двúри*, *клúвер*, *дúн'ок*, *беглêц*, *ви͡ерх*, *кузни͡ец*, *ди͡ен'*, *сим'*, *двêр'*, *конúшно*, *сêм*/ и т. д. Перед исконно твердыми согласными особых типов произношения в указанном соответствии не наблюдается. Известны вологодским говорам изредка встречающиеся также случаи произношения /*е͡и*/ в соответствии исконному *ě*: /*хле͡ип*, *заболе͡иlа*, *де͡иlай*, *горе͡^{и}у*, *окрив'е͡^{и}у*, *ре^{и}па*, *ме^{и}у*/ и т. п., а также /*о͡у*/ в соответствии *о* под восходящим ударением: *выс*/*о^у*/*ко*, *дом*/*о͡у*/*й*, *огл*/*о͡у*/*блям* и т. д., реже в соответствии *о* под нисходящим ударением: /*ро^{у}ш*, *но^{у}ш*/.

Относительная устойчивость всех указанных типов гласных более закрытого характера может быть связана в вологодских говорах с особым качеством гласных *о* и *е* в этих говорах, артикуляция которых вообще является в них более напряженной, а в ряде случаев — и более закрытой, чем артикуляция аналогичных гласных литературного языка [20], чем и может объясняться отмеченное в вологодских говорах произношение закрытых звуков даже в соответствии *о* из *е* и *ь*: /*т'ôтка*, *пестер'ôк*, *плец'у͡о*, *лиц'у͡о*, *земл'у͡ой*, *родн'у͡ой*, *земл'ôй*/ и т. п.

[20] С. С. Высотский. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967, стр. 15, 16, 24, 25, 36—43 и др.

Часть говоров северного наречия и в том числе именно вологодские говоры характеризует, по мнению С. С. Высотского, «общая тенденция артикулирования всего потока речи со значительной напряженностью» [21]. Эта напряженность охватывает все ударенные гласные. Кроме того, по говорам известна напряженность как свойство «отдельных видов ударенных гласных», являющаяся как бы их вторичным признаком; эта напряженность характеризует гласные монофтонги, соответствующие фонемам ‹ô› и ‹ě›, а также фонемы ‹о›, ‹е› в отдельных говорах с пятифонемным составом [22]. При этом С. С. Высотский отмечает, что в говорах Владимирско-Поволжской группы подобного явления не наблюдается. На основании этого можно предположить, что общая напряженность артикуляции речи и напряженность отдельных гласных первоначально была характерной особенностью древнего новгородского говора.

В соответствии этимологическим *е* и *ь* после мягкого согласного перед твердым под ударением в говорах Вологодской группы, как правило, звучит /о/: */н'о/с*, */л'о/н*, *с/в'ó/кла* и т. д. Однако в единичных случаях и при этом в рассеянных по территории группах говоров в этом положении произносится также гласный /е/ (см. I, 1, § 2). Наряду с этим в данных говорах отмечен также ряд случаев произношения /е/ в соответствии гласному *о*, произносимому в литературном языке перед мягкими согласными (где /о/ появлялось в этом положении в ряде говоров и в литературном языке в результате действия разного рода процессов аналогического характера). На территории Вологодской группы выступает особенно широкий круг случаев произношения /е/ в этом положении.

Итак, в говорах Вологодской группы произношение /е/ в соответствии *о* представлено в таких категориях случаев: 1) перед твердыми согласными: *бе/ре́/сто*, *ко/те́/л*, */фе́/дор*, *п/ле́/нки*, *бе/ре́/за* и т. д. При этом перед гласным *е* может находиться не только мягкий согласный, но также и шипящий как мягкий, так и отвердевший: *ж/е́/лудь*, *ж/е́/рнов*, *на ж/е́/рдочке*, *обожж/е́/тся*, *меж/е́/й*, *ч/е́/рненький*, *реш/е́/тка*, *отч/е́/тный*, *уш/е́/л*, *шш/е́/тка*, *каш/е́/лки*, *уч/е́/ба*; 2) перед отвердевшими согласными: *за/ме́/рз*, */де́/ргать*, *попе/ре́/шный*, *о/де́/жа*, *вере/те́/шко* и т. д.; 3) перед сочетанием твердого с мягким: *на се/ре́/дке*, *п/ле́/нки*, *те/те́/рки*, *зас/те́/гнем*, */де́/гтем*, *радиопри/йе́/мник* и т. д.; 4) перед мягкими согласными: *зе/ле́/ненький*, *на бе/ре́/зе*, *зем/ле́/й*, *не/се́/тся*, *б/ре́/вен*, *бе/ре́/зник* и т. д.

В отношении морфологического членения слов произношение /е/ в соответствии *о* может выступать: а) в корнях слов, в материалах по этим говорам приведены следующие примеры: */бере́сто*, *из бере́сты*, *бере́сту*, *на сере́тке*, *ф сере́тках*, *селе́доц'ки*, *селе́дка*, *селе́дки*, *пле́нки*, *напере́т*, *клев*, *пове́л*, *убе́к*, *побе́к*, *прибе́к*, *тете́рки*, *бере́к*, *приве́л*, *вере́фки*, *на вере́воч'ку*, *вере́шками*, *засте́гн'оны*, *засте́гнем*, *Фе́доров*, *Фе́дор*, *коте́л*, *бере́зы*, *бере́зовица*, *на бере́зах*, *бере́зовым*, *ре́ву*, *ре́вом*, *де́ктем*, *де́гот'*, *радиоприйе́мник*, *назе́м*, *ч'ч'ере́муха*, *бре́внами*, *све́кла*, *помале́хон'ку*, *пооддале́нности*, *клен*, *ове́с*, *ве́сла*, *с изве́сткой*, *лен*, *фпере́т*, *пят' ден*, *мате́рый*, *проте́рла*, *свете́лка*, *весе́лойе*, *тене́та*, *веде́рко*, *се́стры*, *те́пло*, *ис те́плово*, *попере́к*, *скате́рка*, *те́мныйе*, *све́кор*, *пот сте́клам*, *ис те́су*, *сле́ски*, *Семе́н*, *к Семе́ну*, *Сте́пка*, *Петр*, *йе́лка*, *из йе́лки*, *потсте́гивает*, *пе́стрен'кайа*, *прине́с*, *пересе́кли*, *втройе́м*, *попере́к*, *заме́рс*, *де́ргат'*, *оде́жа*, *попере́шны*, *верете́шко/*; б) в суффиксах имен существительных: *жеребе́нок*, *теле́нка*, *поросе́нок*, *коте́ноцек*, *йезе́нок*; в) в суффиксах прилагательных и причастий: *зеле́найа*, *зеле́ный*, *в зеле́новом*, *обнесе́ны*, *варе́ныйе*, *приведе́ныйе*, *заведе́нъ/*. Ср. и в положении перед мягкими согласными: а) в корнях слов: */Ле́н'а*, *Ле́н'ка*, *на кле́не*, *весе́лен'кой*, *весе́лин'кийе*, *Йере́мин'с'кайа*, *ф поде́н'шыне*, *тене́т'ник*, *парне́ц'ек*, *пе́с'йи*, *соле́нен'кой*, *студе́нен'кой*, *погре́мива*, *коле́сико*, *на коле́сиках*, *ове́сец'*, *засте́гиват*, *засте́гивали*, *расте́гивай/*; б) в окончании тв. п. ед. ч. существительных ж. р. (ареалы данного явления наиболее значительны на территории Вологодской группы): *зем/ле́/й*, *коноп/ле́/й* и т. п. и в окончании 3-го л. ед. ч. формы возвратных глаголов: *не/се́/ц'а*, *ве/де́/ц'а* и т. п. Для указанных форм характерно то, что они в большинстве случаев существуют по говорам в исключительном употреблении, сравнительно в меньшем количестве нас. п. их отмечают в сосуществовании с формами, имеющими в окончании гласный /о/: *зем/ло́/й*, *не/с'ó/ца* и под. Небольшими ареалами в западной части территории и в разрозненных говорах представлены случаи произношения /е/ в форме 2-го л. ед. ч. возвратных глаголов: *не/се́се/*, *п/ре́с'а/* и т. п. В основном в западной части территории отмечают также редкие случаи произношения /е/ в личных формах невозвратных глаголов: *не/се́/т*, *не/се́/шь*, *не/се́/м* и т. д. В определенной части изучаемых говоров наблюдается также произношение /е/ в положении конечного открытого слога

[21] Там же, стр. 36, 38 и др.

[22] Там же, стр. 38.

в форме 2-го л. мн. ч. глаголов: *неси/те́/*, *веди/те́/* и т. д. (подробнее об этом см. ниже).

Вся совокупность случаев сохранения /е/ под ударением после мягких согласных перед твердыми, рассмотренная в сочетании с частым сохранением случаев произношения /е/ перед мягкими, может свидетельствовать о сравнительно более позднем времени процесса перехода *е* в *о* в определенной части изучаемых говоров (см. I, 1, § 2), что связывают опять-таки с языковым строем старых новгородских говоров. Можно предположить, что в вологодских говорах задержка изменения *е* в *о* была наиболее значительной и окончательное завершение изменения *е* в *о* происходило в них лишь в результате междиалектного взаимодействия.

Для говоров Вологодской группы характерно также фонетически закономерное чередование *а* с *е* под ударением в зависимости от качества последующего согласного: /*п'а́той*, *п'ет'*, *вз'а́той — вз'ет'*/ и т. д. (см. I, 1, § 1), выступающее здесь как последовательное фонетическое явление, хотя на современном этапе существования вологодских говоров наряду с /е/ в соответствии *а* между мягкими согласными, как правило, произносят и /а/, и лишь в единичных говорах произношение /е/ отмечают как исключительное. Наибольшей последовательностью данного явления характеризуются, например, говоры на территории около Никольска и к юго-востоку от Тотьмы. Данное явление в отдельных словах или категориях слов известно многим говорам русского языка. Однако самая возможность его существования как фонетически закономерного и последовательного служит наиболее характерной особенностью вологодских говоров, в связи с чем может рассматриваться в качестве характерной для них инновации, относящейся при этом к сравнительно раннему периоду их существования.

Безударный вокализм. Различение гласных в безударных слогах после твердых согласных. Вологодская группа говоров характеризуется, как и все говоры северного наречия, различением гласных в первом и втором предударном слогах после твердых согласных, при котором в соответствии *о* произносится /о/, а в соответствии *а* — /а/. Встречающиеся отклонения лексического характера, представленные в территориально разрозненных нас. п., заключаются в отдельных случаях употребления /а/ в соответствии этимологическому *о* и наоборот. Круг этих случаев примерно тот же, что и в других говорах северного наречия (см. выше, II, 2, § 2) и не свидетельствует о нарушении различения гласных.

При повсеместном распространении различения гласных указанного типа по говорам наблюдаются различия в физическом звучании гласных, выступающих при различении. Так, на территории изучаемых говоров в рассеянном распространении известно произношение более закрытого звука или дифтонгоида в соответствии *о* в первом предударном слоге, не нарушающее системы различения гласных: *в/оʸ/да́*, *н/оʸ/га́*, *д/оʸ/ма́* и т. п., но *д/а/ла́*, *с/а/ма́* и т. д. Подобное произношение определяется, видимо, особым качеством гласного *о* в этих говорах, отличающегося особой напряженностью (см. II, 2, § 2). Заметим, что при произношении начального *о* в 1-м и во 2-м предударном слогах возможность большей лабиализации отмечается лишь факультативно (преимущественно в говорах северной части территории группы). Случаи делабиализации *о* в указанном положении совершенно единичны и отмечены лишь в трех нас. п., два из которых расположены близко к территории акающих говоров. Лишь в говорах 11 разрозненных нас. п. отмечено такое различение гласных, при котором в соответствии *о* звучит /о/, а в соответствии *а* — /ъ/: *г/о/вори́ть*, *г/о/лова́*, но *н/ъ/руби́ть*, *кр/ъ/снова́тый* и под.; элементы различения, при котором сохраняется этимологический гласный *а*, но в соответствии *о* звучит /ъ/, отмечены в семи нас. п.

Элементы совпадения гласных отмечены лишь в единичных разрозненных населенных пунктах и представлены отдельными примерами, наряду с многочисленными данными, свидетельствующими о последовательной системе различения.

В заударных слогах во всех положениях (в неконечном слоге, в конечных закрытых и открытых слогах) в соответствии этимологическому гласному *о* для изучаемых говоров характерно произношение /о/. Лишь в единичных случаях (в двух-трех нас. п. для каждой позиции) отмечено произношение /а/ и /ъ/. В связи с этим именно на данной территории наиболее последовательно употребляются формы типа *пя́тн/а/*, *но́/с'ат/* и формы существительных с суффиксами *-ушк*, *-ишк*, имеющих окончание *о* в им. п. ед. ч.: *де́душк/о/*, *парни́шк/о/* и т. п., образованные по типу склонения существительных м. р. Случаи типа *пя́тн/ы/*, *но́/с'ут/*, *де́душк/а/*, *мальчи́шк/а/* встречаются в редких говорах и притом как единичные (см. карты 41—43).

Произношение гласных в первом предударном слоге

после мягких согласных перед твердыми. В соответствии гласному *е* (из *е* и *ь*) на территории изучаемых говоров повсеместно распространено произношение /е/: /*не*/*сý*, /*не*/*слá*, /*ве*/*дýт* и т. п., имеющаяся наряду с этим в ряде говоров возможность произношения /о/: /*не*/*сý* и /*н'о*/*сý*, /*ве*/*дýт* и /*в'о*/*дýт* и т. п. (см. карту 45) реализуется в качестве более равноправной на западной половине территории, а на восточной отмечены лишь небольшие ареалы произношения /о/ наряду с /е/, причем чаще всего при ярко выраженном преобладании произношения /е/. Случаи произношения /и/ в соответствии *е* единичны и встречаются на разных частях территории. Таким образом, можно высказать предположение, что основным и исконным для данных говоров является произношение /е/ в соответствии *е* (из *е* и *ь*), а произношение /о/ является вторичным и распространявшимся позднее, возможно, связанным с процессом изменения *е* в *о* под ударением, а также с влиянием других говоров, в которых произношение /о/ в соответствии *е* в данной позиции является закономерным и последовательным.

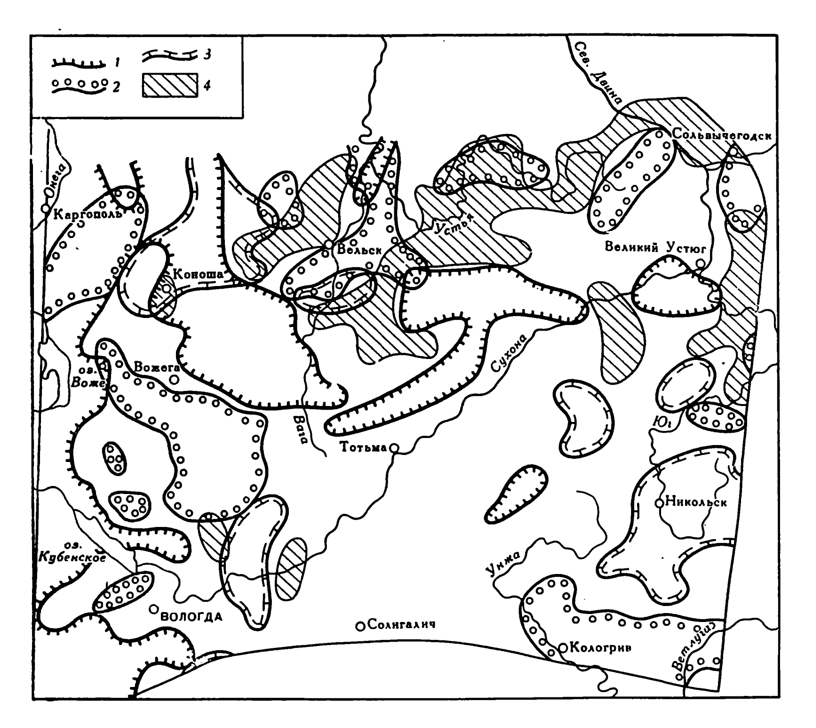
В соответствии *ě* в первом предударном слоге перед твердыми согласными повсеместно произносится /е/: /*ре*/*кá*, /*ве*/*дрó*, в *с*/*не*/*гý* и т. п.; произношение других гласных возможно в данных условиях только в сосуществовании с /е/. Так, в ряде говоров, как правило, в тех же, где произносится /о/ в соответствии *е*, его отмечают и в соответствии *ě*: /*ре*/*кá* и /*р'о*/*кá*, /*ве*/*дрó* и /*в'о*/*дрó* и т. д. Такое произношение отмечают в говорах около г. Никольска и к северу от него, а также на северо-западе территории (здесь преимущественно в словах *ведро*, *петух* и в глаголах с корнем *дев-*), и к востоку от Вологды. Кроме того, факультативные случаи произношения /о/ в соответствии *ě* наблюдаются по всей территории группы в следующих единичных словах: *девáть*, *одевáть*, *поспéвать*, *ведрó*, *петýх*, *секýт*, *цветы́*, *рекá*, *седóй*, причем в ряде тех же слов известно произношение /о/ и под ударением: /*в'ó*/*дра*, *о*/*д'ó*/*жа*, *ц*/*в'ó*/*л*, /*с'ó*/*к* и т. д. Таким образом, можно предположить, что исконным в данном положении для изучаемых говоров является произношение /е/, произношение же /о/ в соответствии *ě* возникло в результате совпадения *ě* с *е* и является вторичным по происхождению. На тех же территориях, где отмечено произношение /о/, в единичных случаях отмечено произношение /и/ в соответствии *ě* в первом предударном слоге перед твердыми согласными в соответствии отмечаемым в тех же говорах случаям произношения /и/ в соответствии *ě* под ударением перед твердыми согласными.

В соответствии этимологическому *а* после мягких согласных перед твердыми повсеместное распространение имеет произношение /а/: *п*/*р'а*/*лá*, /*п'а*/*тнó*, /*п'а*/*тóк*, *п*/*р'а*/*дý* и т. д. Все остальные виды произношения представлены в сосуществовании с ним; так, в рассеянном распространении по всей территории группы в данном положении известно также произношение /е/: *п*/*р'а*/*лá* и *п*/*р'е*/*лá*, *п*/*р'а*/*дý* и *п*/*ре*/*дý* и т. д., в большинстве говоров отмечаемое лишь в единичных случаях. В единичных разрозненных говорах отмечено произношение /о/ в соответствии *а*: /*пр'омáйа*, *пот'онý*, *пл'осáт*, *прит'огáйут*, *йогн'óнкоф*, *зайовлéн'йо*/; в нескольких рассеянных нас. п. на юге территории известно произношение /и/: /*примóй*, *примáйа*, *питóк*, *питнó*, *крупинáйа*, *питнáцатово*, *рибáйа*, *питцóт*, *октибр'á*, *цыплитýха*/.

По характеру распространения случаев произношения предударного /е/ в соответствии *а* перед твердыми согласными и по тому, что эти случаи встречаются в тех же словах, в которых закономерно представлено произношение /е/ перед мягкими согласными, можно думать, что произношение /е/ в случаях типа *п*/*ре*/*лá* возникало в результате аналогических процессов в данных говорах.

Если учитывать встречающиеся колебания в произношении предударных гласных, то предударный вокализм после мягких согласных перед твердыми можно изобразить в виде следующих схем, отражающих указанные колебания: *е*/*о* — *е* — *а*; *е*/*о* — *е*/*о* — *а*; *е*/*о* — *е*/*о* — *е*/*а*. Но если выделить преобладающий и наиболее характерный тип вокализма, то таковым для Вологодской группы можно признать тип *е* — *е* — *а*, повсеместно распространенный и потому не показанный на карте, а остальные типы следует оценить как вторичные, сосуществующие с этим основным типом. О том же свидетельствует и расположение ареалов вторичных типов вокализма, показанное на карте.

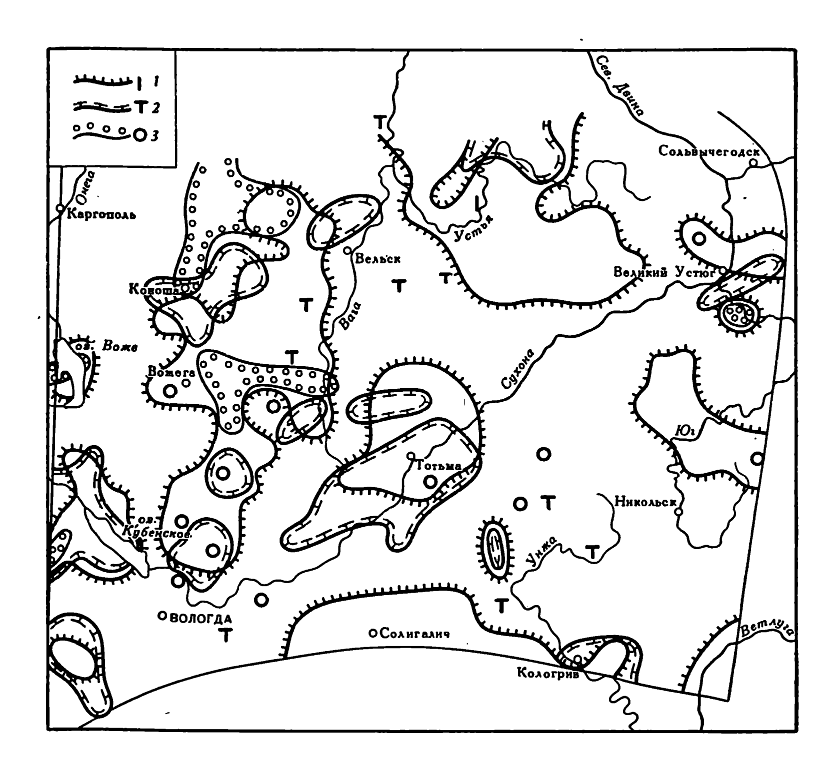
Карта показывает, что типы вокализма, оцененные нами как вторичные, распространены лишь в отдельных говорах Вологодской группы и всюду сосуществуют с основным типом, в связи с чем можно прийти к выводу, что они развились на его основе во взаимодействии с процессами, происходившими с ударенными гласными: ср. особенности процесса изменения *е* в *о*, *а* в *е*, в этих говорах, а также процесс совпадения *ě* и *е*. Характерно в том же плане и наличие вторичных типов вокализма именно на окраинных частях территории Вологодской группы

Карта 71

Типы предударного вокализма после мягких согласных перед твердыми:

1—о—е—а; 2—е—е—е; 3—о—о—а; 4 — о—е—е; тип *е—е—а* представлен повсеместно

Карта 72

Типы предударного вокализма между мягкими согласными:

1 — е—е—а; 2 — е—и—е; 3 — е—и—а

говоров и их отсутствие в говорах ее центральной части.

Произношение гласных в первом предударном слоге после мягких согласных перед мягкими. В соответствии *е* повсеместно на изучаемой территории отмечено произношение /*е*/; возможность произношения /*и*/, наблюдаемая также почти повсеместно в говорах этой группы, представлена всегда наряду с /*е*/ и в подавляющем большинстве случаев в виде единичных примеров.

В соответствии *ě* по всей территории вологодских говоров распространено произношение /*е*/, с которым более ощутительно сосуществует произношение /*и*/, более последовательное на западной половине территории (примерно до 42° в. д. в северной ее части до Тотьмы и до 43° в. д. к югу от Тотьмы), а в восточной ее части представленное разрозненными ареалами и чаще всего отмечаемое в единичном употреблении в каждом отдельном говоре.

В соответствии *а* в указанном положении повсеместно распространенным на данной территории является произношение /*е*/, которое в большинстве говоров является преобладающим или единственным и соответствующим произношению /*е*/ вместо /*а*/ под ударением: /*предú*/, ср. /*прес'т'*/, /*петú*/, ср. /*пет'*/ и т. п. Почти повсеместно, но всегда наряду с произношением /*е*/, представлено на данной территории и произношение /*а*/, не отмечаемое лишь на некоторых территориях к северо-западу от Тотьмы. Произношение /*и*/ в соответствии *а* наблюдается в единичных разрозненных нас. п. и, как правило, в единичном употреблении.

С учетом существующих в говорах колебаний в произношении предударных гласных вокализм между мягкими согласными может быть представлен следующими схемами: *е — е — е/а*; *е — е/и — е*; *е — е/и — е/а*; *е/и — е — е/а*; *е/и — и — а*. Однако с учетом преобладающих типов произношения гласных, характерных для фонетической системы говоров, в качестве основного в положении перед мягкими согласными может быть выделен тип *е — е — е*, распространенный повсеместно. На карте же показано распространение типов произношения, признаваемых вторичными, т. е. сосуществующими с этим основным типом.

Как и в положении перед твердыми согласными, вторичные типы вокализма не охватывают территории сплошь. Даже самый широко распространенный из них тип *е — е — а* отсутствует на ряде территорий; тип *е — и — е*, имеющий распространение в виде небольших ареалов, в основном представлен на западной части территории (до 43°—44° в. д.); тип *е — и — а* отмечен в основном лишь на северо-западной части территории. В распространении этих типов прослеживается связь с лучшим сохранением случаев произношения /*и*/ в соответствии *ě* под ударением.

Таким образом, для вологодских говоров наиболее исконным типом предударного вокализма как перед мягкими, так и перед твердыми согласными является тип *е — е — а*, новгородские говоры, позже переживали процесс изменения *е* в *о*, чем и объясняется наблюдаемое в вологодских говорах несоответствие в соотношении гласных на месте *е* из *е* и *ь* в первом предударном слоге и в слоге ударенном: /*не/сý*, но /*н'о/с* и т. п.[23] С другой стороны, мена *ě* и *е* в предударном положении перед твердыми и мягкими согласными, связанная с совпадением гласных в этом положении, также была известна целому ряду новгородских говоров[24]. Фонетически закономерное изменение *а* > *е* оформлялось, видимо, уже на протяжении самостоятельного существования вологодских говоров.

Заударный вокализм после мягких согласных. В вологодских говорах широко известно произношение /*о*/ наряду с произношением /*е*/ в позиции перед твердыми согласными в конечных и неконечных слогах в следующих грамматических категориях: в корнях слов, в окончаниях существительных и глаголов, а также в суффиксах причастий: /*дéн'ок*, *óз'оро*, *вы́н'ос*, *кáмн'ом*, *кýпл'он*, *бýд'от*/ и т. п. при /*дéнек*, *óзеро*, *вы́нес*, *кáмнем*, *кýплен*, *бýдет*/ и т. п. Так же как и в других говорах северного наречия, произношение /*о*/ наряду с /*е*/ в говорах Вологодской группы наблюдается в открытом конечном слоге в окончаниях им. п. ед. ч. прилагательных и существительных ср. р.: /*бол'шóйо*, *мóр'о*, *сúнойо*/ и т. д. при /*бол'шóйе*, *мóре*, *сúнейе*/ и т. д.

Произношение звуков в соответствии *е* в других категориях случаев, зафиксированных для данной территории, является различным в северной и южной ее частях. Так, для южной части территории характерно произношение /*о*/ наряду с /*е*/, кроме того, в следующих случаях: а) в заударном конечном закрытом слоге перед мягкими согласными в окончаниях тв. п. ед. ч. существительных ж. р. и в окончаниях косвенных форм прилагательных: /*дерéвн'ой*,

---

[23] К. В. Горшкова. Указ. соч.
[24] См. А. А. Шахматов. Двинские грамоты.

йаблон'ой, *си́н'ой*/ и т. п. при /*дере́вней*, *йабло-ней*, *си́ней*/ и т. д.; б) в конечном открытом слоге в форме 2-го л. мн. ч. и в форме повелительного наклонения, а также в форме им. п. мн. ч. прилагательных: /*зна́ит'о*, *иди́т'о*, *бол'шыйо*, *кра́сныйо*, *молодэ́йо*/ и т. д. при /*зна́ите*, *иди́те*, *болшыйе*, *кра́сныйе*, *молодэ́йе*/ и т. д.

В северной половине территории Вологодской группы, как, впрочем, и в подавляющем большинстве говоров северного наречия (кроме Костромской группы говоров), в этих случаях произносят /*е*/: /*дере́вней*, *си́ней*, *йаблоней*/ и т. д., а также: /*зна́ите*, *иди́те*, *болшыйе*, *кра́сныйе*, *молодыйе*/ и т. д. Важно, видимо, отметить при этом, что в северной части территории в имеющихся для части случаев аналогичных формах под ударением звучит также /*е*/ (ср., например: *зем*/*ле́*/*й*, *коноп*/*ле́*/*й*, *иди*/*те́*/, *веди*/*те́*/ и т. п.), в то время как на юге в этих случаях выступает /*о*/: *зем*/*л'о́*/*й*, *иди*/*т'о́*/ и т. д. Можно предположить, что произношение /*о*/ в только что описанных случаях распространилось на южную часть территории Вологодской группы говоров с территории более южных костромских говоров в процессе междиалектного взаимодействия. Более архаическими в данном случае являются говоры северной части группы, сохраняющие произношение /*е*/ в исключительном или в преобладающем употреблении.

К о н с о н а н т и з м. Вологодскую группу говоров характеризуют следующие черты в области консонантизма:

1. Смычное образование звонкой задненебной фонемы ‹*г*› и чередование ее с /*к*/ в конце слова и слога при наличии случаев произношения /γ/ в отдельных словах при господствующем произношении /*г*/ в каждом отдельном говоре (см. II, 2, § 6). Данная черта представляет собой характерное для говоров северного наречия и ср.-р. говоров сохранение более архаического типа образования данной фонемы.

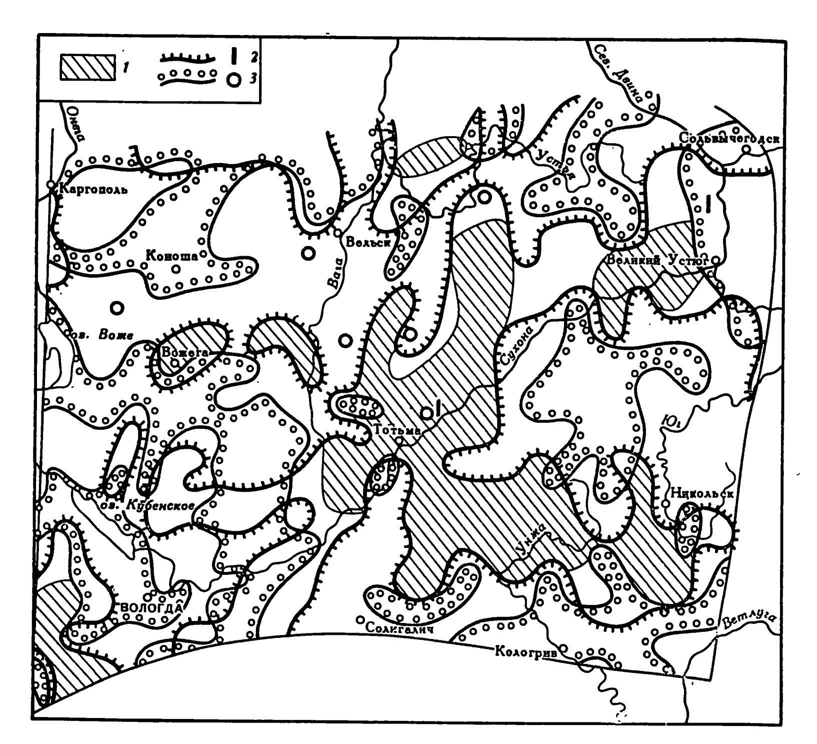
2. Наличие в части говоров Вологодской группы относительно архаичного комплекса употребления губных спирантов (см. I, 2, § 2), при котором перед гласными произносится /*в*/ губно-зубного образования: /*в*/*ода́*, /*в*/*озьми́*, /*в*/*еди́* и под., а перед согласными и на конце слова возможно (факультативное в этих говорах) употребление /*w*/ губно-губного образования: *пра́*/*w*/*да*, *тра́*/*w*/*ка*, /*w*/*дова́*, *дро́*/*w*/, *коро́*/*w*/ и под. Распространение этого типа употребления губных спирантов наблюдается преимущественно в западной части территории группы, примерно до 42° в. д. Для вологодских говоров характерно, что при чередовании *в*/*w*, в заимствованных словах преимущественно произносится /*ф*/, а случаи замены *ф* на /*х*/, /*хв*/ (/*х*/*илип*, /*хв*/*илип* и под.) редки. Ср. и единичные случаи замены *ф* на /*п*/ (в трех нас. п.).

При непоследовательности употребления /*w*(*ў*)/ в говорах Вологодской группы в ее пределах эта архаическая новгородская черта все же распространена интенсивнее, чем на других частях территории северного наречия (см. I, 2, § 2).

3. Утрата интервокального /*j*/. Утрату интервокального /*j*/ на территории вологодских говоров отмечают в личных формах глаголов с сочетаниями *-а́е-*, *-ае-*, *-ее-*, *-ое-*, *-уе-*, а также в прилагательных и местоимениях. В целом для говоров этой территории характерно широкое сосуществование форм с сохранением и выпадением /*j*/, с ассимиляцией гласных и стяжением и без ассимиляции и стяжения, т. е. сосуществование разных стадий изучаемого процесса.

Даже у наиболее широко распространенных с выпадением /*j*/ глаголов типа *зна́ет* формы с сохранением /*j*/ на отдельных частях территории (в основном на ее центральной части, но кроме того и в разрозненных говорах) известны в исключительном употреблении (см. карту 73). Можно отметить, что формы с утраченным /*j*/, сохраняющие первоначальные гласные в данном сочетании (типа *зна́эт*) преобладают на западной части территории, а на восточной части более равноправно сосуществуют *зна́эт* и *зна́ат*. Стяженные формы типа *знат* отмечены повсеместно с определенным разрежением в центральной части территории (примерно 42°—44° в. д., 59—61° с. ш.).

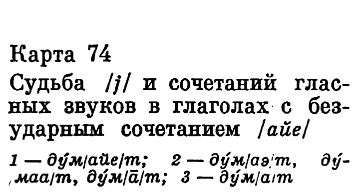
Формы глаголов типа *ду́мает*, сохраняющие /*j*/, представлены в большинстве говоров данной территории, в центральной части ее распространены в исключительном употреблении. Однако имеются также значительные территории, где распространены только формы без /*j*/, представляющие разные ступени процесса утраты /*j*/ и ассимиляции гласных, т. е. типа *ду́маэт*, *ду́маат*, *ду́мат* (ареалы форм без /*j*/ расположены в основном в северной части территории — примерно к северу от 60° с. ш., южнее этой границы они наблюдаются лишь в разрозненных говорах). Редкими такие формы являются лишь на центральной части территории, где они наблюдаются в единичных говорах. При этом следует отметить, что формы без /*j*/ с ассимиляцией и стяжением гласных у двух указанных типов глаголов в общем не совпадают в своем распространении (см. карты 73 и 74).

Карта 73

Судьба /j/ и сочетаний гласных звуков в глаголах с ударенным сочетанием *айе*:

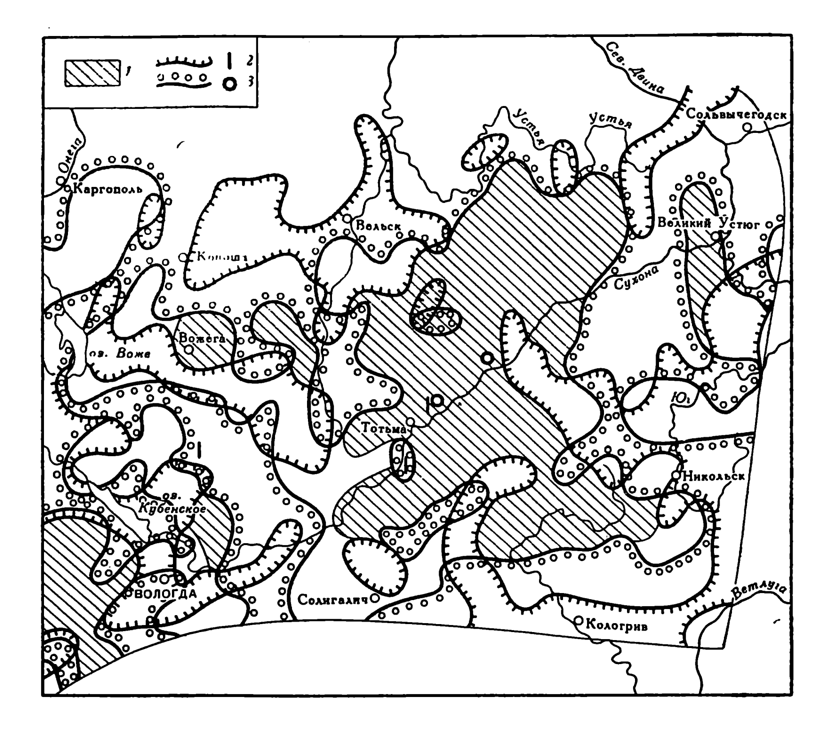
1 — зн/а́йе/т; 2 — зн/а́ә/т, зн/а́а/т; 3 — зн/а/т

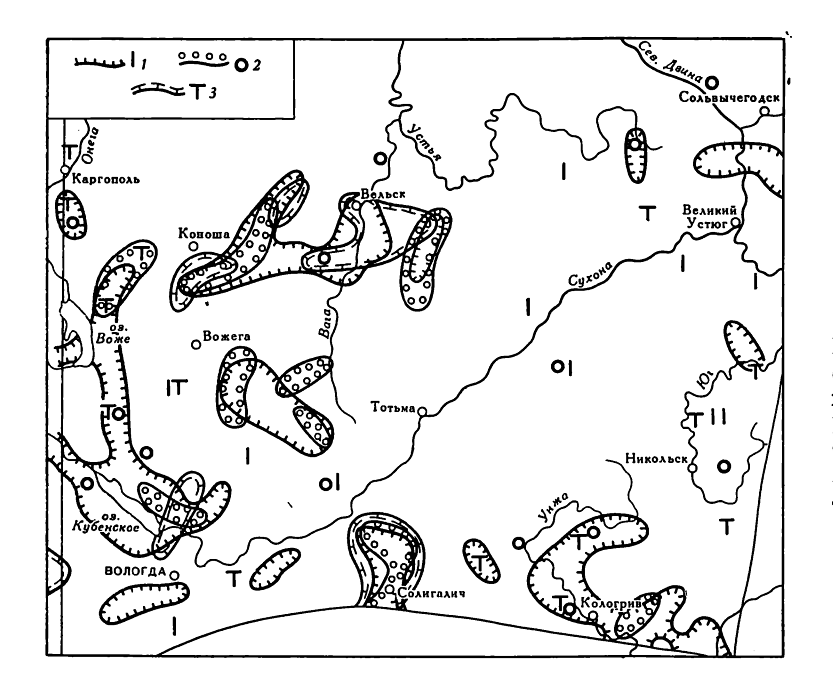

Карта 74

Судьба /j/ и сочетаний гласных звуков в глаголах с безударным сочетанием /*айе*/

1 — ду́м/айе/т; 2 — ду́м/аә/т, ду́маа/т, ду́м/а̄/т; 3 — ду́м/а/т

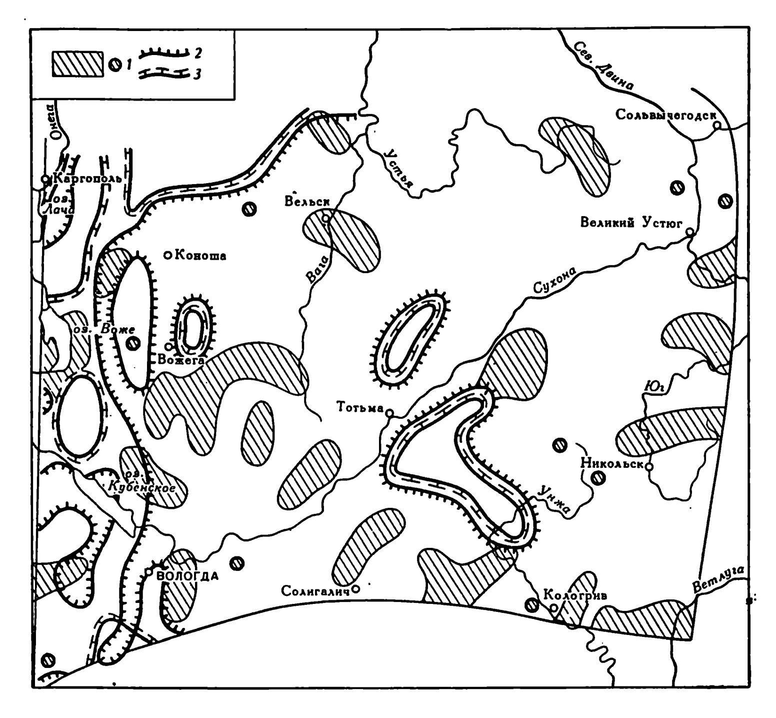

Карта 75

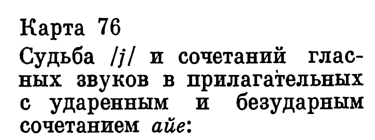
Судьба /j/ и сочетаний гласных звуков в глаголах с ударенными сочетаниями ***уйе, ойе, ейе:***

1 — ум/ёэ/т, ум/ё/т; 2 — м/óэ/т, м/óо/т; 3 — торг/ýэ/т

Карта 76

Судьба /j/ и сочетаний гласных звуков в прилагательных с ударенным и безударным сочетанием *айе*:

1 — молод/áа/, крáсн/аа/ и под.; *2 — молод/á/; 3 — крáсн/а/*

Формы с утраченным /j/ в сочетании *-ейе-* типа *ум/éэ/т*, *ум/é/т* редки в говорах Вологодской группы, представлены в виде небольших ареалов и в рассеянных говорах преимущественно на западной половине территории и по окраине ее южной и восточной части. Аналогичное распространение имеют формы с утраченным /j/ у глаголов с сочетанием *-ойе-* и с сочетанием *-уйе-*. При этом стяженных форм от глаголов данного типа на изучаемой территории не отмечено, известны лишь формы типа *м/бэ/т*, *м/бо/т* и *торг/ýэ/т*.

Утрата /j/ в заударном сочетании *-айу-* отмечена лишь в единичных (4—5) разрозненных нас. п.

Таким образом, наиболее широко и последовательно процесс утраты интервокального /j/ и связанные с ним ассимиляция и стяжение гласных представлены в глагольных формах, имеющих сочетание *-айе-* ударенное и безударное.

Формы с утратой /j/ от глаголов, имеющих сочетания *-ейе-*, *-уйе-*, *-ойе-*, редки или вообще отсутствуют, что можно объяснять меньшей употребительностью этих глаголов. Распространение редко встречающихся форм этого типа в основном наблюдается по соседству с территорией говоров, где данное явление распространено широко и последовательно. Это, в свою очередь, дает возможность предположить, что процесс утраты /j/ и связанные с ним явления стяжения и уподобления гласных в глагольных формах распространился на территорию вологодских говоров с юга и с запада — из среды говоров, где он имел последовательное развитие и распространение. При этом наиболее широко этот процесс охватил глагольные формы с сочетанием *-айе-*, в значительно меньшей степени он коснулся форм глаголов с другими сочетаниями.

Формы прилагательных и местоимений ж. р. им. п. с ударенным и безударным окончанием *-айа*, сохраняющие /j/ (типа *молодáйа*, *большáйа*, *другáйа*, *такáйа*, *крáснайа*, *дóбрайа* и т. п.), распространены повсеместно.

Формы с утраченным /j/ и нестяженным сочетанием гласных типа *молод/áа/*, *крáсн/аа/* в виде небольших ареалов отмечены по всей территории, однако со значительным разрежением их на севере территории группы и с явным преобладанием на западе и юге территории. Эти формы за исключением единичных нас. п. всегда представлены в сосуществовании с формами, сохраняющими /j/.

Стяженные формы типа *молодá*, *крáсна* и под. употребляются почти повсеместно, и обычно наряду с формами, сохраняющими /j/, а в целом ряде случаев, кроме того, и с формами, утратившими /j/, типа *молод/áа/*, *больш/áа/*, *крáсн/аа/* и т. д.

Формы прилагательных ж. р. вин. п. с ударенным и безударным окончанием *-уйу-* (типа *молод/ýйу/*, *крáсн/уйу/* и под.), сохраняющие /j/, распространены повсеместно. Стяженные формы типа *молод/ý/*, *глух/ý/* и т. д. в виде мелких ареалов и рассеянно представлены по всей территории, однако ясно прослеживается сгущение этих форм по периферии территории на западе, юге и востоке и их разрежение в центральной части территории (примерно 40—45° в. д. и до 60° с. ш.). Формы с утраченным /j/ типа *молод/ýу/*, *глух/ýу/* в говорах изучаемой территории являются единичными.

Стяженные формы типа *крáсн/у/*, *дóбр/у/* представлены в виде разорванных ареалов, отсутствуют они на центральной части территории в части говоров северо-запада, юго-запада и юго-востока.

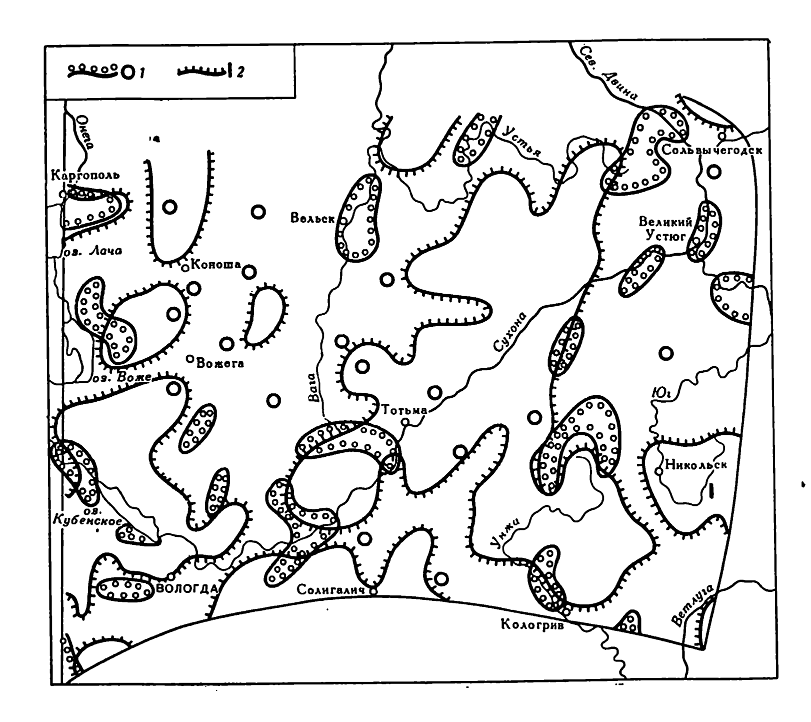
Формы прилагательных ср. р. с сохранением /j/ распространены повсеместно, формы типа *молод/óэ/* и типа *молод/ó/* имеют рассеянное распространение по всей территории с преимущественным сгущением их на юго-западе территории.

Формы прилагательных ср. р. им. п. с безударным окончанием типа *крáсн/о/*, *сúн/е/* и под. имеют распространение преимущественно на периферийной части территории в подавляющем большинстве случаев в сосуществовании с формами, сохраняющими /j/. Отсутствие данных форм и, следовательно, употребление форм с /j/ в исключительном употреблении, наблюдается преимущественно в центральной части территории данной группы.

Формы им. п. мн. ч. прилагательных с ударенным окончанием, сохраняющие /j/ (типа *молод/ы́йе/* и под.), отмечают повсеместно; остальные формы наблюдаются в сосуществовании с ними.

Формы с утратой /j/ типа *молод/ы́э/* и стяженные формы в виде мелких разрозненных ареалов и в рассеянных говорах отмечены по всей территории с определенным разрежением их на севере территории (см. карту 78). Формы им. п. мн. ч. прилагательных с безударным окончанием, утратившие /j/ (типа *крáсн/ыэ/*, *дóбр/ыэ/*) в рассеянном распространении представлены на западе и юге изучаемой территории.

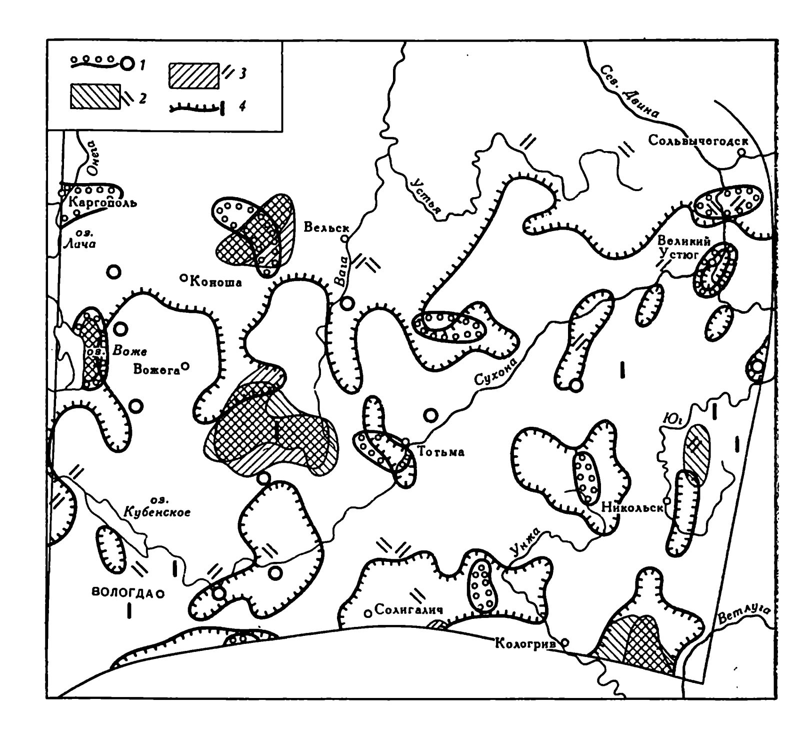
Стяженные формы типа *крáсн/ы/*, *дóбр/ы/* в виде разорванных ареалов и в рассеянных нас. п. отмечают по всей территории, причем в центральной части территории наблюдается разрежение этих форм (см. карту 78).

Карта 77

Стяженные формы вин. п. ед. ч. прилагательных женского рода:

1 — распространение форм типа *большý*, *глухý*; *2* — распространение форм типа *крáсну*

Карта 78

Стяженные формы им. пад. мн. ч. прилагательных:

1 — распространение форм типа *молод/ы́/*; *2* — распространение форм типа *молоды/ы́ə/*; *3* — распространение форм типа *крáсн/ыə/*; *4* — распространение форм типа *крáсн/ы/*

Таким образом, процесс утраты /j/ у прилагательных получил в вологодских говорах наиболее последовательное и широкое развитие в ударенных и безударных формах им. п. ед. ч. ж. р.; менее широко, но в достаточной мере интенсивно — в формах с безударными окончаниями вин. п. ж. р. ед. ч. и им. п. мн. ч. Другие формы прилагательных, имеющие в своем составе /j/ в интервокальном положении, в меньшей степени были затронуты этим процессом, и, как правило, эти последние формы с утраченным /j/ сравнительно более интенсивное распространение имеют на юге и западе территории, т. е. в местах, граничащих с территориями, имеющими широкое развитие данного процесса, что опять-таки ведет к предположению о проникновении его в пределы Вологодской группы с этих соседних территорий. Уже указывалось (см. II, 3, § 2), что формы с утратой интервокального /j/ появились на территории Вологодской группы говоров в результате междиалектного взаимодействия в относительно позднее время, позднее, чем в некоторых других говорах северного наречия. Для вологодских говоров это может быть дополнительно аргументировано также и наличием в них глагольных форм типа *затопл/éйе/т*, *благословл/éйе/т*, *управл/ée/т*, *гон/é/м*, *выставл/é/м*, *ръзровн/é/м*, в которых изменение *а* в *е* протекало еще при наличии /j/.

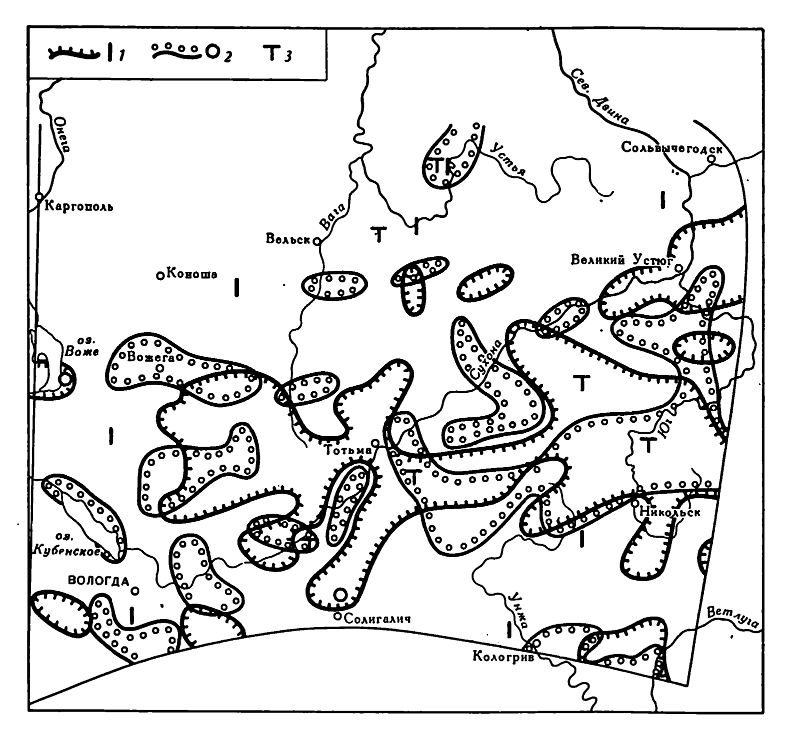
4. Ассимиляция согласных по признаку назальности в сочетании *бм* : *мм*: *о/мм/áн*, *о/мм/-éрил* и т. п. Данное явление, представляющее собой достаточно раннюю инновацию (XII—XIII вв.), широко известно говорам северного наречия, а также западным ср.-р. говорам и примыкающей к ним части говоров южного наречия. Известно оно, хотя и в непоследовательном виде, также и говорам белорусского языка. На изучаемой территории наблюдается значительное отсутствие явления на отдельных ее частях (см. карту 55), что может свидетельствовать о его более позднем распространении в вологодских говорах (см. II, 4, § 2).

5. Последовательно представленное упрощение групп согласных как в сочетании /с'т'/, так и в сочетании /ст/ на конце слова: *ко/с'/*, *го/с'/*, *мо/с/*, *хво/с/*, и т. п. (см. II, 6, § 2). В качестве последовательного в обоих названных сочетаниях это явление представлено в говорах северного наречия русского языка и в говорах к западу и юго-западу от Москвы (см. карты 60 и 61). Данное явление относится к числу поздних инноваций, сложившихся после оформления русского языка как национального (примерно в XVIII в.).

6. Наличие в ряде говоров, имеющих рассеянное распространение на данной территории, мягких шипящих /ж'/, /ш'/: */ш'/есть*, */ш'/áпка*; */ж'/ар*, */ж'/ердь* и т. п., являющееся архаической чертой, свойственной и другим говорам северного наречия, а также части среднерусских говоров.

7. Смычно-проходные боковые сонорные согласные. Употребление пары /l/ — /л'/ при регулярном чередовании /l/ с /w(ў)/ в конце слова и слога, характерное для современных вологодских говоров, представляет собой исторически результат нескольких процессов. Так, в этих говорах на протяжении их самостоятельного существования были устранены лексико-морфологические ограничения, первоначально имевшиеся для употребления /w(ў)/ (см. I, 2, § 5), и произошла замена *л* на /l/, т. е. оформилась система /l(w)/—/л'/. Однако в окраинных говорах группы, северо-западных, северо-восточных, а также на крайнем юго-западе и юго-востоке ее территории и в части говоров к востоку от Вологды (см. карту 10) наблюдается распространение системы /л(w)/—/л'/, т. е. отсутствует произношение /l/ перед гласными непереднего ряда. Части вологодских говоров на северо-востоке и северо-западе свойственна также и система, при которой во всех позициях выступает звук /л/: */л/ук*, */л/áмпа*, *пошó/л/*, *по/л/*, *ма/л/*, *пá/л/ка*, *вó/л/к* и т. д. (см. карту 10). Наконец, рассеянное распространение имеет система /l/—/l/. Однако три последних названных системы употребления изучаемых согласных редко выступают в вологодских говорах в чистом виде. Так, при наличии произношения /l/ перед гласными и /w/ — перед согласными и на конце слова в различных системах в ряде говоров наблюдается также произношение /л/ во всех позициях, наличие которого объясняют влиянием литературного языка и взаимовлиянием говоров, имеющих разные системы произношения звуков в соответствии *л*, предполагая при этом, что «разрушение системы прежде всего, очевидно, начинается именно с первой позиции (т. е. с положения перед гласными. — *А. С.*)»[25]. Однако в то время как употребление *л* в соответствии /ў(w)/ (*да/л/* вместо *да/ў/*, *пá/л/ка* вместо *пá/ў/ка* и под.) несомненно является результатом вытеснения традиционного чередования, случаи произношения /л/ вместо /l/ перед гласными могут получить и иную

[25] В. Н Теплова. Звуки (*л*), (*l*), (*ў*) на месте этимологического *л* твердого и их место в фонологических системах севернорусских говоров. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967, стр. 153—176.

Карта 79
Судьба сочетания *льш*:
1 — произношение /*лш*/; *2* — произношение /*lш*/; *3* — произношение /*ўш*/

оценку, поскольку чередование с /*ў(w)*/, как это показывают данные говоров юго-западных территорий, где находился первоначальный очаг явления, устанавливалось и вообще могло устанавливаться первоначально именно для лабиавелярного *л* и в таком виде распространялось в говорах северо-востока, тем самым замену /*л*/ на /*l*/ считают сложившейся в пределах вологодских говоров (XV в. и позже), где она могла охватить не все говоры, знавшие чередование /*л*/ с /*w(ў)*/ в конце слова. Таким образом, вологодские говоры, в которых употребление /*л*/ отмечено только перед гласными, можно оценить как сохраняющие более архаичные отношения. Можно также думать, что в пределах вологодских говоров произношение /*l*/ распространялось с центральных территорий по направлению к их периферии, так как говоры с системой /*л—(w)*/—/*л'*/ занимают в их пределах в настоящее время окраинное положение.

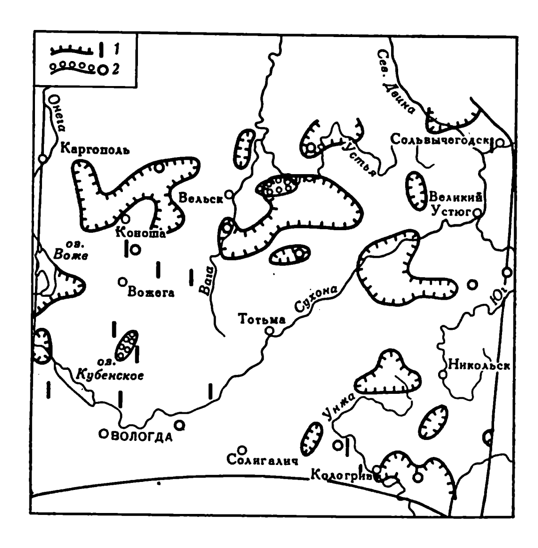
8. Ассимиляция согласных по твердости в сочетаниях *-льн-*, *-льш-*: *бо́/лн/о*, *бо́/лш/е* и т. п. В части говоров данной группы, расположенных в основном к югу от 61° с. ш., известно произношение твердого велярного /*л*/ в сочетаниях /*л'н*/, /*л'ш*/: *колоко́/л/ня*, *бо/л/шо́й* и т. п. (см. карту 79).

Территория распространения сочетаний *лн* и *лш* в общих чертах почти совпадает, в связи с чем произношение сочетания *льн* и не картографируется. Произношение *лн*, *лш* отмечают в одних говорах в исключительном употреблении, а в других в сосуществовании с сочетаниями, сохраняющими мягкость *л* (/*л'н*/, /*lн*/ или /*л'ш*/, /*lш*/), причем эти последние сочетания, а также и единично встречающиеся /*ўн*/, /*ўш*/, имеют и самостоятельное распространение. Произношение /*лн*/ представлено достаточно многочисленным и разнообразным списком слов; произношение /*лш*/ наиболее последовательно представлено в словах с производящей основой *больш-* (*бо/лш/о́й*, *бо/лш/у́щий*, *бо́/лш/е* и т. д.); другие слова с сочетанием *-лш-* приводятся нерегулярно, ср. отмеченные в ответах: *да́лше*, *до́лше*, *тяже́лше*, *По́лша*, *олши́на*, *олша́ник*, *фалшь*, *фалши́во*, *фалши́вый*, *учи́телша*, *председа́телша*. Отвердение /*л*/ в указанных сочетаниях объясняют [26] ассимиляцией последующему твердому согласному; считают также, что процессу ассимиляции могло содействовать влияние родственных форм с /*л*/ твердым: *ко́локо/л/ при колоко́/лн/а* и под. Данное явление квалифицируют как позднее новообразование, появившееся после того, как установилось изменение *л* в /*ў*/ перед согласным и на конце слова и позже распространения /*l*/ среднего в соответствующих говорах [27].

Отвердение согласных наблюдается в вологодских говорах и в других случаях, круг которых не выявлен полно, так как не был в должной мере предусмотрен «Программой». Отметим во всяком случае отвердение *н* перед отвердевшим *ш* в словах *ме́/нш/е*, *то́/нш/е*, *ра́/нш/е*, отвердение *р* перед *ш* в словах *ста́/рш/е*, *ста́/рш/ий* и под. Процессы отвердения согласных, характерные в качестве наиболее последовательных именно для вологодских говоров, свидетельствуют о том, что в них на протяжении длительного времени могло иметь место возникновение собственно местных новообразований.

Наряду с ассимилятивным отвердением согласных в вологодских говорах представлено,

[26] А. М. Селищев. Диалектологический очерк, стр. 184—185.
[27] Там же; Р. И. Аванесов. Очерки, стр. 170.

Карта 80

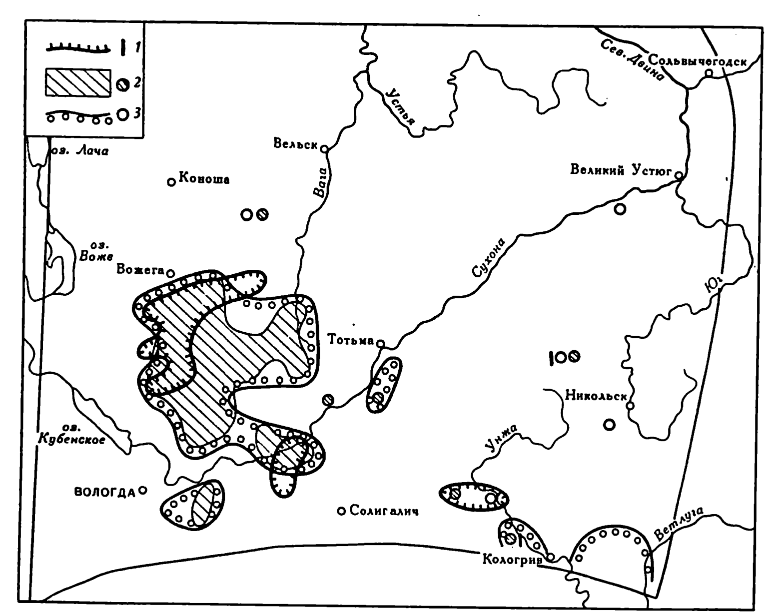
Произношение /с’’/, /з’’/ в соответствии мягким и твердым *с*, *з*:

1 — */с’’/ено*, */з’’/имá* и т. п. (в соответствии мягким /с’/ — /з’/); *2* — */с’’/ад*, */з’’/ aря́* (в соответствии твердым *с*, *з*)

как и в ряде других периферийных говоров, сохранение этимологической мягкости *н* и развитие мягкости *с* в формах типа *жé/н’с’/кая*, *деревé/н’с’/кая* и под., где смягчение *с* было, видимо, следствием прогрессивной ассимиляции *с* предшествующему мягкому *н*, смягчавшемуся исторически перед следующим *ь*: *жé/н’с/къ* из *женьскъ*. Сохранение мягкости *н* и *р* в положении перед *-ц-* (мягким в вологодских говорах): *сó/н’ц’/е*, *огу/р’ц’/ú* и т. п. является, таким образом, позиционно обусловленным в этих говорах.

9. Произношение звуков /с’/, /з’/, *с*, *з*. На территории изучаемых говоров в виде разорванных ареалов представлено произношение мягких /с’/ и /з’/ или, гораздо реже, твердых *с* — *з* с призвуком шипящего или свистящего характера, обозначаемое в материалах как /с″/, /з″/, /с$^{’ш’}$/, /з$^{’ж’}$/, /ш$^{’с’}$/, /ж$^{’з’}$/: */с″/éно*, */с$^{’ш’}$/éно*, */з″/имá*, */з$^{’ж’}$/имá*, */ж$^{’з’}$/имá* и т. д., известное различным говорам русского языка, в частности ряду говоров западно-северной локализации, а также части говоров юго-востока.

Степень преобладания свистящего или шипящего призвука при произношении /с’/ — /з’/, /с/ — /з/ по говорам может быть различной, что, видимо, и находит отражение в различной передаче этих звуков при транскрибировании. Собственно шипящие согласные в этом положении выступают редко.

Карта 81

Произношение твердых и полумягких согласных в соответствии мягким в разном положении в слове:

1 — отмечены твердые и полумягкие согласные перед гласными; *2* — отмечены твердые и полумягкие согласные на конце слова; *3* — отмечены формы инфинитива с твердым и полумягким *т*

Ареалы произношения шепелявых /с″/ и /з″/, употребляемых всегда в сосуществовании с /с’/, /з’/, расположены в северной и восточной части территории группы, а также на крайнем западе ее. Произношение шепелявых согласных отмечают в разных положениях в слове: перед гласными в начале и середине слова: */с″éно, з″имá/* и т. д.; */бос″акú ф колхóз$^{’ж’}$е/*; перед согласными: */гвоз$^{’ж’}$-д’óм, берес$^{’ш’}$т’аньйе/* и т. д.; в конце слов: */йес$^{’ш’}$, жыс″, повис$^{’ш’}$/* и т. д. Шепелявые согласные могут выступать как перед гласными переднего ряда: */с″elő, нос″úla, в грез″é, з″имá/* и т. д.; так и перед гласными непереднего ряда: */вз$^{’ж’}$ат’, подáўс″а, повúс″ат, нел’з″á/* и т. д.

Значительно реже шепелявые согласные выступают по говорам в соответствии твердым *с* и *з*. Как правило, шепелявое произношение твердых согласных сопутствует произношению мягких шепелявых, однако в единичных нас. п. шепелявые согласные представлены только в соответствии твердым *с* и *з*. Твердые согласные *с* и *з* с шепелявым призвуком произносятся в разных положениях в слове перед гласными

непереднего ряда: /с^{ш}olóма, з^{ж}атопл’ý, з″уб, с″обáка, з^{ж}атушы́ли, с″амовáры, з″ады́, привяз^{ж}ýт/; перед согласными: /з^{ж}нáйу, з^{ж}горéла, жнáчит, з″валá, з″лáйа, с″тóрош, с″тарýшка, пóз^{ж}но/ и т. д.; на конце слова: /рос″, с″илóс″, сенокóс″, морóс″/ и т. д. Шипящие в данном положении выступают очень редко и всегда наряду с произношением /с″/, /з″/ и с *с*, *з* в тех же говорах: /*вешнóй, шобáц’йих, штол, жнáю, жар’á*/ наряду с /*з/ар*я́, /*з/нáю*, /*з/лáя*, /*с/тарýшка, ве/с/нóй* и т. д.

Наличие шепелявых согласных /с’/ и /з’/ в говорах русского языка получало различное объяснение. Для западных территорий предполагалось в одних случаях влияние польского языка [28], в других оно считалось явлением, самостоятельно развившимся, например, в белорусском языке [29]. Наличие шепелявых звуков в говорах северного наречия русского языка одни объясняли возможностью влияния иноязычного населения [30], другие видели в нем ляшскую черту, принесенную с запада [31]. При этом в понятие «ляшские черты» разными учеными вкладывалось разное содержание. Одни видели в них заимствование из языка западных славян (А. А. Шахматов и др.), другие имели при этом в виду языковые процессы, общие для западных и восточных славян (Д. К. Зеленин).

Для изучаемых говоров, как кажется, можно принять точку зрения, объясняющую наличие данного явления влиянием речевой практики иноязычного населения, переходящего к русскому языку. В пользу такого предположения свидетельствует в известной степени и самый характер его распространения на территории вологодских говоров: отсутствие его в центральной части группы, наиболее близкой к территории исконной славянской колонизации. С другой стороны, на севере территории в связи с большей отдаленностью и сравнительно большей изолированностью, а также на востоке и западе, — в связи с тем, что иноязычное население до сих пор непосредственно соседствует там с русскими — шепелявенье сохраняется до сих пор. Что касается датирования данного явления, то уже высказывалось мнение о том, что оно является сравнительно поздним [32].

10. Наличие твердых и полумягких согласных перед гласными и на конце слова. В части вологодских говоров отмечают явление отвердения согласных, соответствующих мягким согласным литературного языка.

Во всех говорах, в которых отмечены твердые и полумягкие согласные, обычным, господствующим является регулярное произношение противопоставленных твердых и мягких согласных, а употребление твердых или полумягких согласных в соответствии мягким выступает в качестве факультативного явления. Изучение соответствующих материалов не показало зависимости отвердения согласных от положения их по отношению к соседним звукам или по отношению к ударению в слове [33]. Сравнительно широко данное явление известно в изучаемых говорах в положении конца слова: *пу/т*, *знáха/р/*, *пу/с/*, *достá/н/*, *госпó/т/* и под. Менее широко отвердение согласных известно в положении перед гласными, представленное преимущественно в положении перед гласными *е*, *и*: /*д/éнги*, /*д/е/р/éвн’а*, /*н/еди́лю*, /*п̇/ецни́к*, *за/р/еви́т*, *пá/р/ень*, /*с/é/рце*, /*р/еби́н* и под., значительно реже оно наблюдается перед гласными *а*, *о*, *у*: *ʼу ме/н/á*, *плė/м/áник*, *те/н/óта*, *ма/т̇/брой*, *Лӧ/л̇/у* и под.

Случаи отвердения согласных перед согласными являются также очень редкими: *се/д/мóй*, *се/д/мóво*, /*л̇/ды́ны*, *усá/д/ба* и под.

Данное явление представляет собой в вологодских говорах сравнительно позднее новообразование [34]. Так, на основании примеров типа /*п̇ет*, *оп̇éт̇*, *хоз̇éйку*, *с’ėдет*/ и под. или: /*зв’и́р̇*, *зд’ис̇*, *н̇еди́ла*, *медви́т’*/ и под. можно заключить, что процесс отвердения согласных в вологодских говорах происходил позже изменения *а* в *е* между мягкими согласными, а также позже изменения *ê* в *и* перед мягкими согласными. Наиболее широкое распространение данного явления в положении конца слова

---

[28] А. А. Шахматов. К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры. «Русск. филол. вестник», 1913, т. 69, № 1, стр. 10; Он же. Курс истории русского языка, стр. 56—58; Он же. Очерк, § 482; А. М. Селищев. Соканье и шоканье в славянских языках, «Slavia», 1931, roč. X, Seš 4; Он же. Диалектологический очерк, стр. 201—202.

[29] П. А. Расторгуев. К вопросу о ляшских чертах в белорусской фонетике. «Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка», вып. 9, 1927, стр. 44—48.

[30] А. М. Селищев. Диалектологический очерк, стр. 201—202.

[31] А. А. Шахматов. Указ. соч.; Д. К. Зеленин. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода. «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, вып. VI, 1954.

[32] А. М. Селищев. Соканье и шоканье в славянских языках.

[33] Ю. С. Азарх. Отвердение парных мягких согласных перед гласными в вологодско-кировских говорах. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967.

[34] Там же, стр. 147—148; Р. Ф. Пауфошима. Согласные неполного смягчения перед гласными переднего образования в говорах Харовского района Вологодской области. «Материалы и исследования по русской диалектологии», Новая серия, вып. II. М., 1961, стр. 76.

дает основание для предположения о том, что процесс отвердения согласных в изучаемых говорах начался именно в этой позиции и связан с общим ослаблением артикуляции конечных согласных [35] и лишь в дальнейшем распространился и на позиции перед *е*, *и*.

В отвердении согласных, характерном для вологодских говоров, видят продолжение тенденций новгородского говора, «для фонетического строя которого было характерно менее последовательное развитие корреляции по мягкости — твердости» [36].

11. Наличие в части говоров изучаемой территории твердых губных на конце слова: *гблу/п/*, *це/п/* и т. д. В отличие от более западных говоров северного наречия, где данное явление в подавляющем большинстве случаев выступает в исключительном или преимущественном употреблении, в вологодских говорах имеются значительные ареалы, где оно представлено в сосуществовании с различением твердых и мягких губных, а в целом ряде говоров это различение является исключительным (см. карту 8), а произношение твердых губных отсутствует. В исключительном или преимущественном употреблении твердые губные представлены на южной части территории группы. Поскольку отвердение губных распространялось в пределах северного наречия в направлении с запада на восток, то можно этим объяснить его разреженный характер на восточной части территории вологодских говоров (см. I, 2, § 3).

12. Распространение мягкого цоканья как основного и наиболее древнего типа совпадения аффрикат: */ц'/ай*, */ц'/áшка*, */ц'/игáн*, *купé/ц'/* и т. д., охватывающего в данных говорах также и сочетание *сч*: */с'ц'/от*, */с'ц'/áстье* и под. Данное явление относится к числу черт, характерных в пределах современного северного наречия в основном только для говоров Вологодской группы, где оно представлено наиболее последовательно и закономерно. Мягкое цоканье и произношение *сч* как */с'ц'/* лишь в рассеянном распространении известно на других частях территории северного наречия (например, в Ладого-Тихвинской группе говоров и в межзональных говорах северного наречия [37] и др.).

13. Наличие преимущественно на западной части территории группы звуковых сочетаний */ш'ч'/*, */шч'/*, */шч/* при обычном употреблении */шш/* и более редком */ш'ш'/* (*/ш'ч'/ýка*, */шч'/ýка*, */шч/ýка* при */шш/ýка* или */ш'ш'/ука* и т. д.), а также сочетаний */ж'д'ж'/*, */ждж/*, */ж'д'/* */жд'/*, */жд/* при обычном */жж/* и редком */ж'ж'/* (*вó/ж'д'ж'/и*, *вó/ждж/ы*, *вó/ж'д'/и* при *вó/жж/ы* или *в/бж'ж'/и* и т. д.). Сохранение звуковых сочетаний является архаической чертой, которая имеет некоторое распространение и на других частях территории северного наречия, а также в западных говорах русского языка; употребление звуковых сочетаний широко известно также говорам белорусского языка.

Что касается употребления долгих шипящих, то оно является более поздним, но достаточно древним новообразованием, широко распространенным в пределах периферийных говоров (см. I, 2, § 1).

14. Наличие в говорах южной половины территории случаев ассимилятивного прогрессивного смягчения задненебных согласных, наблюдаемого в положении после парных мягких согласных */ч'*, (*ц'*)/ и */j/*: *Вá/н'к'а/*, *ча/jк'ý/*, *рý/ц'к'/а* и т. д. Имеются данные о распространении этой инновации на южную часть территории изучаемых говоров с Ростово-Суздальской территории примерно в XV—XVI вв. (см. I, 2, § 6).

Особенности в произношении отдельных слов. На территории Вологодской группы говоров отмечен ряд слов, имеющих характерные особенности произношения: *мнук* (с начальным */м/*), *кокýшка* (с предударным */о/*), *д/éр'/гать* (с *е*, не перешедшим в *о* и мягким */р'/*), */л'ошш/* или */лош'ш'/*, */д'ó/ржим*, */ди/рá*, *пó/мл'ý/* (в восточной части территории); */óлиха/* (= ольха), */шч'о/* или */шт'о/* (= что — вопросительное местоимение); */ковдý/* или */колдý/*, */фý/тор* (= хутор), *дуп/л'ó/* (= дупло).

§ 3. Морфологические явления

1. Различение форм род. п. ед. ч. существительных ж. р. на *-а*: *у жен/ы́/*, *с рабóт/ы/* и дат.—предл. п.: *к жен/é/*, *о жен/é/* и т. д. Различение этих окончаний, характерное для говоров восточной части северного наречия и для большей части восточных ср.-р. говоров, является более древним, чем выступающие в других диалектных объединениях различные типы их совпадения.

2. Наличие архаического типа склонения как существительных с суффиксом *-ушк-*, так и

[35] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика, стр. 117—119, 300 и др.; П. С. Кузнецов. Русская диалектология, М., 1954, стр. 89.

[36] К. В. Горшкова. Из истории консонантных диалектных различий русского языка. «Филол. науки», № 4, 1964, стр. 14—15.

[37] В. Г. Орлова. История аффрикат.

18 Заказ № 562

существительных с суффиксом *-ишк-*, т. е. склонение их по типу слов м. — ср. р.: *де́душк/о/*, *де́душк/а/*, *де́душк/у/* и т. д., *мальчи́шк/о/*, *мальчи́шк/а/*, *мальчишк/у/* и т. д., что характерно для говоров северного наречия, а также для большей части западных ср.-р. говоров и для части западных говоров южного наречия. В пределах южного наречия в целом встречается подобное склонение в рассеянном распространении только у слов с суффиксом *-ишк-*.

3. Наличие безударного окончания *-а* в формах им. п. мн. ч. у существительных ср. р., имеющих твердую основу: *пя́тн/а/*, *о́кн/а/* и т. д. В исключительном употреблении данное окончание выступает в подавляющем большинстве говоров северного наречия, что определяется общим характером вокализма этих говоров с присущим для них различением гласных.

4. Распространение форм им. п. мн. ч. существительных *волк*, *вор*, архаических по месту ударения, находящегося в этих формах на основе: *во́лки*, *во́ры*. Наличие этих форм в исключительном употреблении характерно также для всех говоров северного наречия и для ср.-р. говоров.

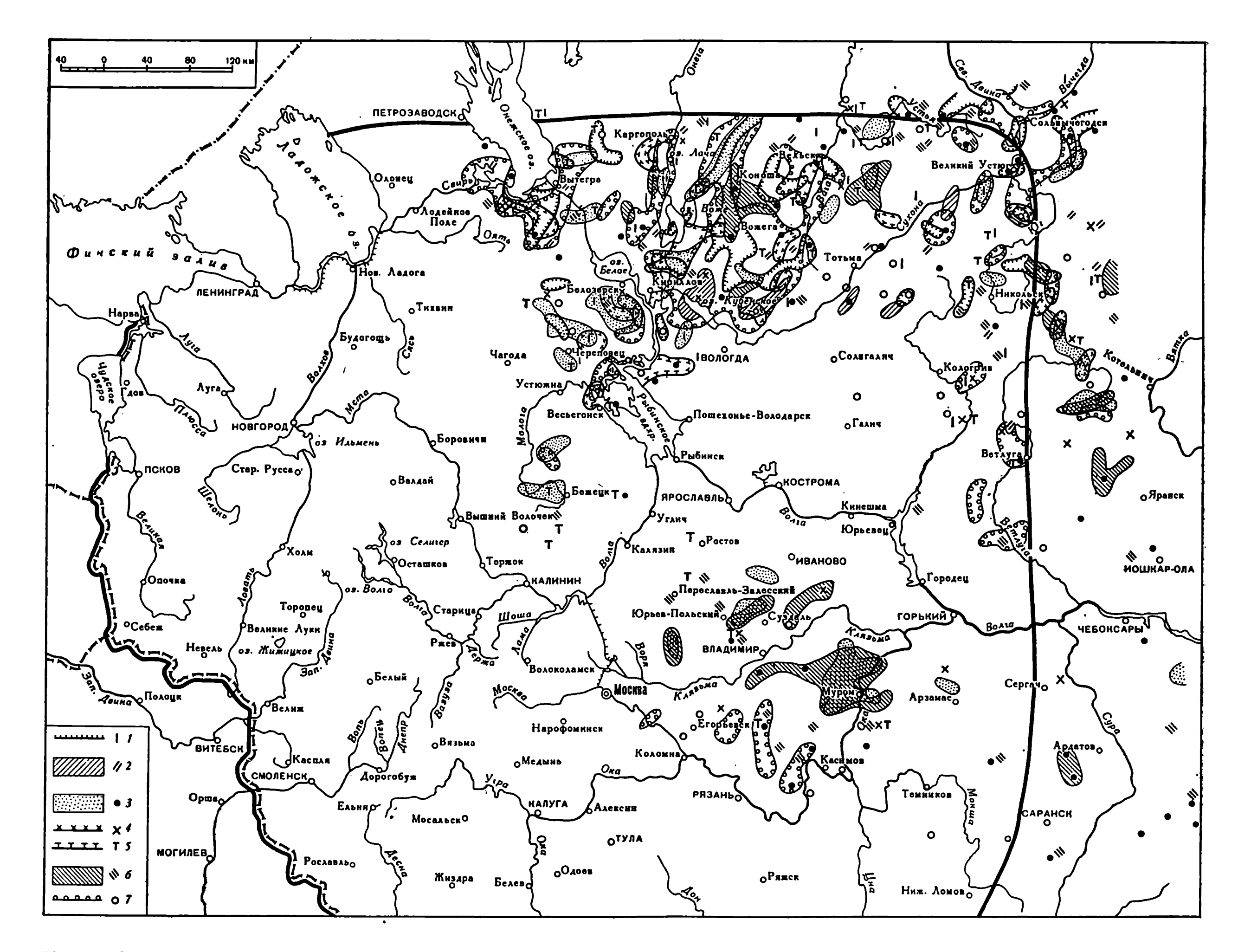
5. Наличие преимущественно на южной части территории данных говоров (см. карты 56, 57) общей формы дат. — тв. п. мн. ч. у существительных и прилагательных: *к больши́м дома́м*, *с пусты́м ведра́м* и т. д., характерной для обширной северной части территории русского языка (в северной части территории группы наблюдается различение этих форм с окончаниями *-ам*, *-ами* при единичных *-ам*, *-ама* для существительных и *-им*, *-ым*, *-ими*, *-ыми* при единичных *-ым*, *-ыма* — для прилагательных; см. карту 56). Данное явление в формах прилагательных рассмотрено выше как развивавшееся с XIV в., а в формах существительных — в XVI—XVII вв. с постепенным распространением по территории северного наречия, причем на территории вологодских говоров оно могло распространяться и позже (см. II, 4, § 3).

6. Образование форм дат.—предл. п. ед. ч. с ударенным окончанием *-е* у существительных ж. р. с основой на мягкий согласный: *по гряз/е́/*, *в гряз/е́/* и т. д., известное также на территории межзональной группы говоров северного наречия, а наряду с ними и в говорах юго-востока (см. карту 16). Характер данных форм отражает два пережитых ими изменения: совпадение по месту ударения и усвоение окончания продуктивного типа склонения. Первое из этих изменений, более раннее, достаточно широко известно периферийным говорам русского языка. Второе складывалось позднее и развивалось параллельно и самостоятельно на северо-восточной и юго-восточной территориях (см. I, 3, § 2). Наличие в ряде вологодских говоров слова *путь* в составе этого типа склонения, о чем свидетельствует и наличие форм: *по путе́*, *в путе́*. Данное явление характерно исключительно для вологодских говоров и является в них поздним новообразованием.

7. Наличие в отдельных говорах изучаемой территории архаических форм им. п. ед. ч. *ма́ти*, *до́чи* (известных также говорам Онежской подгруппы), употребляемых при вин. п. *ма́терь*, *до́черь*. Распространение наряду с этим характерного новообразования — форм им.—вин. п. ед. ч. *ма́терь*, *до́черь*, имеющих рассеянное распространение в периферийных говорах (см. I, 3, § 1).

8. Распространение форм род. п. мн. ч. существительных с основой на *-ц-* типа *огурцей*, *пальцей* и под. Широко распространенное в говорах данной группы подобное образование форм отмечено в них от широкого круга существительных: *колодец*, *танец*, *новобранец*, *молодец*, *однофамилец*, *ситец*, *украинец*, *гостинец*, *младенец*, *валенец* (= валенок), *кузнец*, *конец*, *огурец*, *отец*, *беглец*, *жилец*, *ловец*, *воронец*, *жеребец*, *швец*, *купец*, *боец*, *скворец*, *слепец*, *косец*, *продавец*, *заяц*, *месяц*, *палец*. При этом в ряде говоров употребление формы род. п. мн. ч. с окончанием *-ей* может быть у подобных существительных исключительным. Наиболее регулярно в материалах приводятся формы существительных с наконечным ударением, а также существительных *заяц*, *палец*, *и месяц*, что, как можно думать, определяется большей употребительностью именно данных слов в речи. Как видно из приведенного перечня слов, окончание *-ей* в вологодских говорах могут иметь существительные как с ударением на окончании, так и с ударением на основе в исходной форме: *купе́ц*, *огуре́ц*, *оте́ц* и т. д., *за́яц*, *па́лец*, *си́тец* и т. д. У существительных с наконечным ударением (*купе́ц*, *огуре́ц* и под.) в форме род. п. мн. ч. выступает ударенное окончание *-ей*: *огурце́й*, *купце́й*, *отце́й* и т. п. У существительных, имеющих ударение на основе, оно может быть и ударенным и безударным: *па́льцей и пальце́й*, *за́йцей* и *зайце́й* и т. д.

При этом можно думать, что формы с ударенным окончанием от существительных данного типа появились в результате влияния форм существительных с наконечным ударением типа *огурце́й*, *конце́й* и под.

Карта 82

Образование с окончанием *-ей* формы родительного падежа мн. ч. существительных с основой на *-ц*:

1 — месяцéй; *2 — мéсяцей*; *3 — пальцéй*; *4 — пáльцей*; *5 — зáйцей*; *6 — зайцéй*; *7* — типа *огурцéй*, *отцéй* и под.

Как показывает карта, формы типа *огурцéй*, *отцéй*, а также формы *зáйцей*, *пальцéй*, *месяцéй* и отчасти форма *зайцéй* (по формам других существительных с ударением на основе отсутствуют данные, пригодные для картографирования) имеют преимущественное распространение в западной части территории примерно до 42° в. д., на остальной территории они имеют рассеянное распространение, причем с определенным разрежением их на более центральной части территории Вологодской группы.

Исторически окончание *-ей* распространялось у существительных с основой на мягкий согласный под влиянием формы род. п. мн. ч. основ на *$*i$*. В данных говорах, сохранявших мягкий *ц*, оно охватило и круг существительных с основой на *-ц*.

9. Образование форм им. п. мн. ч. существительных м. р., обозначающих степени родства, с суффиксами /*-ов'й-*/, /*-ев'й*/: *зятевья́*, *деверья́*, *братовья́* и т. п.; мелкие ареалы этих форм распространены по всей территории северного наречия. В вологодских говорах их относительное сгущение наблюдается на западной и южной частях их территории, а более разреженное — в их северной части. Данное явление относится к числу поздних инноваций, характерных для северного наречия в целом (см. II, 6, § 3).

10. Образование в отдельных говорах парадигмы мн. ч. с /*j*/ в основе существительного *волос*: *воло́*/*с'йа*/, *воло́*/*с'йе*/*в* и т. д., в виде небольших ареалов распространенной также по всей территории северного наречия. По своему характеру подобное образование указанных

форм также является поздней инновацией в говорах северного наречия (см. II, 6, § 3).

11. Принадлежность к ср. р., образование с суффиксом *-атк-* существительных, обозначающих молодые существа: *цыпля́тк/о/*, *утя́тк/о/*, *робя́тк/о/* и т. д., представляющие собой формы, характерные для северного наречия. Образование формы им. п. мн. ч. этих существительных с безударным окончанием *-а*: *цыпля́тк/а/*, *утя́тк/а/*, *робя́тк/а/* и т. п. По территории северного наречия явление распространено в виде мелких ареалов (см. II, 6, § 3).

12. Наличие в ряде вологодских говоров собирательных существительных типа *зятьё*, *косьё* и под. в соответствии с употреблением им. п. мн. ч. В виде мелких ареалов существительные данного типа известны по всей территории северного наречия (см. II, 6, § 3).

13. Наличие словоформы *крестья́на* — им. п. мн. ч., распространенной мелкими ареалами по всей территории северного наречия и являющейся собственно местным новообразованием. В вологодских говорах сгущение подобных фактов наблюдается в западной части территории, на востоке они сильно разрежены (см. II, 6, § 3 и карту 62).

14. Наличие словоформы *деревён*, в единичных говорах около Вологды — *дереве́н*. Распространение этих форм, являющихся собственно местным новообразованием, в виде разорванных ареалов наблюдается по всей территории северного наречия. На территории вологодских говоров форма *деревён* представлена в основном в ее северной части (см. II, 6, § 3).

15. Наличие в отдельных говорах данной группы словоформ *свекро́ва*, *свекро́вка* им. п. ед. ч. Словоформа *свекро́ва* представлена разорванными ареалами в северных и части западных говоров русского языка, а словоформа *свекро́вка* распространена в виде отдельных ареалов в пределах северной диалектной зоны. Из этих двух форм, связанных между собой генетически, форма *свекро́ва* является сравнительно более ранним новообразованием, а форма *свекро́вка*, развившаяся из факультативного суффиксального образования в синонимическое, — более поздним (см. I, 3, § 3).

16. Наличие в целом ряде говоров словоформ *со́сна*, *спи́на*. Словоформа *спи́на* небольшими ареалами распространена в пределах северного наречия и юго-западной диалектной зоны. Словоформу *со́сна* отмечают на всей территории северного наречия и рассеянно — в пределах ср.-р. говоров. Предполагают, что в данных словоформах ударение на первом слоге является исконным [38].

17. Наличие в отдельных говорах Вологодской группы, преимущественно на срединной части ее территории у 60° с. ш., двусложного, более древнего окончания в форме род. п. ед. ч. прилагательных ж. р.: *молод/ы́йе/*, *молод/ы́йо/*, *ста́р/ыйе/* (редко *молод/ы́йа/*, *ста́р/ыйа/*) и т. п.

Характерно отсутствие этих форм в пределах наиболее глубинной части территории группы — примерно в пределах между Вельском, Великим Устюгом и Тотьмой, а также в северо-западной части территории (до 41° в. д. и до 61° с. ш.) и на юго-востоке. Наиболее крупные ареалы двусложных форм расположены к западу, юго-западу, югу и юго-востоку от Тотьмы. Двусложные формы могут выступать по говорам как в исключительном употреблении, так и в сосуществовании с формами типа *молодо́й*, *ста́рой*, то и другое употребление наблюдается примерно в одинаковом количестве случаев. В единичных рассеянных говорах представлены формы типа *молод/э́йо/* (в трех нас. п.), *молод/о́йе/*, */-о́йо/*, */-о́йа/* (в девяти нас. п.), возникновение которых объясняют различно [39]. Возможно, что эти формы возникали на пути отхода от форм типа *молодыйе* и перехода к формам типа *молодой*. Поскольку распространение двусложных форм в основном характерно для вологодских говоров и незначительной (южной) части говоров Межзональной группы северного наречия, а также для ряда говоров Костромской группы (где они известны в рассеянном распространении с определенным сгущением в северо-восточной части территории), сохранение двусложных форм можно считать характерным именно для вологодских говоров.

18. Наличие в отдельных говорах этой группы архаических форм род. п. ед. ч. местоимений и прилагательных с окончанием *-ого* и распространенных наряду с ними форм, в которых согласный в окончании отсутствует: *молод/о́го/*, *глу́п/ого/*, ' *молод/о́о/*, *глу́п/оо/*, *м/о́о/*, *к/о́о/* и т. п. Говоры, в которых отмечены подобные формы, расположены в основном в западной части территории (примерно до

---

[38] С. П. Обнорский. Именное склонение, стр. 73—75.

[39] П. С. Кузнецов. Русская диалектология. Изд. 2-е. М., 1954, стр. 82; А. А. Шахматов. Историческая морфология, стр. 342; Н. Н. Пшеничнова. Некоторые фонетико-морфологические особенности говоров к югу и юго-западу от Онежского озера. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967, стр. 129—131.

42° в. д.) и, кроме того, в единичных нас. п. За исключением единичных случаев формы типа *молод/бго/* и типа *молод/бо/* представлены по говорам в сосуществовании с формами, имеющими окончания *-ово* или *-ова*. Формы с окончанием *-ого (-оүо)* и с отсутствием согласного в окончании известны в рассеянном распространении также говорам Онежской подгруппы Межзональной группы северного наречия русского языка, а также части говоров южного наречия, где они могут быть иного происхождения, в связи с чем их сохранение в говорах Вологодской группы можно отнести к числу местных, именно этой группе присущих черт [40].

19. Распространение форм сравнительной степени с суффиксом *-айе*: *добря́е*, *скоря́е* и т. д. Данные формы широко распространены на территории изучаемых говоров, а также на территории Межзональной группы говоров; на других территориях они наблюдаются лишь в единичных нас. п. По своему происхождению эти формы являются поздними (XVII—XVIII вв.) [41].

20. Распространение форм род.—вин. п. ед. ч. личных и возвратного местоимений *меня́*, *тебя́*, *себя́* при формах дат.—предл. п. *мне*, *тебе́*, *себе́*. Подобное соотношение названных форм, являющееся результатом двух различных инноваций — частичного совпадения основ и возникавшего различения окончаний, — характерно для подавляющего большинства говоров северного наречия русского языка и ср.-р. говоров. Можно предположить, что на северо-восточной части территории, т. е. в вологодских говорах, оно распространялось позднее, уже в XVI—XVII вв. (см. II, 3, § 3).

21. Наличие в большинстве тех же говоров, в которых распространены двусложные формы прилагательных, следующих форм род. п. ед. ч. ж. р. указательного и определительного местоимений *та*, *одна*: */ты́йо, тыйо́, ты́йе, тыйе́, ты́йа, тыйа́, то́йо, тойо́, то́йе, тойе́, одны́йо, одныйо́, одны́йе, одныйе́, одно́йо, однойо́, одны́йа, одныйа́, одно́йе, однойе́/*, каждая из которых не занимает обособленных территорий. В единичных нас. п. отдельные из названных форм отмечены также на территории Межзональной группы северного наречия и Костромской группы говоров. По говорам, где известны подобные формы, они преимущественно отмечены в исключительном употреблении и реже — в сосуществовании с формами типа *той*, *одной*. Наиболее употребительными являются формы */ты́йе, ты́йо, тыйе́, тыйо́, одны́йе, одны́йо, одныйе́/*, все остальные формы отмечены лишь в единичных говорах.

Особенности в образовании форм описываемого типа объясняются влиянием, с одной стороны, на старую форму */то́йе/* (из *тоѣ*) аналогичных форм прилагательных, с другой — форм местоимений 3-го л. ед. ч. ж. р. */йейе́/*, */йейо́/* и т. д., что происходило на достаточно раннем этапе истории русского языка. Непосредственное сохранение старых форм на изучаемой территории выступает в единичных говорах: *то́е* БСТ, нас. п. № 858 и *одно́е* — БСТ, нас п. № 761, 815, 819. В результате влияния со стороны прилагательных в изучаемых формах появился гласный *-ы-* в окончании: */ты́йе (ты́йо), одны́йе (одны́йо), ты́йа, одны́йа/*, под влиянием соответствующей формы местоимения 3-го л. ед. ч. ж. р. изменилось место ударения в этих формах: */тыйе́, тыйо́, одныйе́, одныйо́, тойе́, тойо́, однойе́, однойо́/*. О происхождении форм с окончанием *-а* существуют различные мнения [42].

22. Возможность употребления формы местоимения 3-го л. ед. ч. ж. р. */йейе́/*, отражающей древнерусскую форму *еѣ* (употребляется в род. п. ед. ч. с предлогом и без предлога при наличии и отсутствии начального *н*, а также в вин. п. ед. ч.). Данная форма распространена преимущественно в северной части территории Вологодской группы (примерно к северу от линии верховье Ваги—Нюксеница—Великий Устюг), где в ряде говоров она известна в исключительном употреблении. Распространение данной формы известно также части говоров Межзональной группы северного наречия и говорам западной части южного наречия русского языка. На южной части территории Вологодской группы говоров преимущественное распространение имеет более поздняя по образованию форма — форма */йейо́/*. Данная форма характерна и для говоров центра (см. I, 3, § 4 и § 5).

23. Сосуществование форм род. п. местоимений 3-го л. ед. ч. ж. р. с согласным *н* и без *н* после предлога, не имеющих определенной локализации на территории группы, при значительном преобладании форм без *-н-* */у йейе́ (у н'ейе́), у йейо́, (у н'ейо́)/*. Резкое преоблада-

---

[40] См.: А. И. Толкачев. Об изменении *-ого*, *-ово* в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода членных прилагательных и местоимений русского языка. «Материалы и исследования по истории русского языка». М., 1960, стр. 235—267.

[41] См.: С. В. Бромлей. История образования форм сравнительной степени в русском языке XI—XVII вв. (Канд. дисс.). М., 1954, стр. 424—430.

[42] П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии, стр. 153.

ние более архаичных форм с *н* характерно для говоров центра, а преобладающее распространение форм без *н* — инновация, характерная для говоров западно-северной локализации (см. I, 3, § 4).

24. Распространение формы им. п. мн. ч. местоимения 3-го л. *оне́*, характерной для говоров центра, в сосуществовании с формой *они* без достаточно определенной локализации той или иной формы. Наличие форм им. п. мн. ч. местоимения 3-го л., общих для всех родов, является сравнительно ранним новообразованием по говорам русского языка (XIII—XIV вв.). Имеются соображения о том, что форма *они́* развилась в говорах данной территории, позднее, чем в других (см. I, 3, § 6).

25. Наличие окончания *т*, являющегося характерной новгородской инновацией, в формах 3-го л. ед. ч. и мн. ч. глаголов, характерного для говоров северного наречия и подавляющего большинства ср.-р. говоров: *хо́ди/т/*, *хо́дя/т/* и т. п. Данные о неодновременном распространении этой черты по говорам северного наречия см. выше (см. II, 4, § 4).

26. Различение гласных в безударных окончаниях 3-го л. мн. ч. глаголов I и II спряжения: *пи́ш/ут/*, *де́лай/ут/*, *ды́ш/ат/*, *но́с'/ат/* и т. п. Данная черта, являясь архаической, характерна для всех говоров северного наречия и северной части территории говоров Владимирско-Поволжской группы (см. II, 2, § 4).

27. Наличие преимущественно в говорах Вологодской группы инфинитивов от глаголов с основой на задненебный согласный с задненебным в основе: *пекти́*, *берегти́* и т. д. (ср. их наличие на других территориях лишь в единичных говорах: в межзональных говорах северного наречия, в Костромской и Владимирско-Поволжской группах говоров). В пределах Вологодской группы говоров они представлены в виде отдельных ареалов (см. карту 83), причем по говорам этой группы данные формы отмечают обычно в сосуществовании с формами типа *пекчи́* или типа *печи́*, которые имеют более широкое распространение и за пределами группы.

Формы типа *пекти́* могут считаться собственно вологодскими новообразованиями, относящимися к позднему времени — XVIII в. (см. I, 3, § 8).

28. Последовательное распространение архаических по своему характеру форм инфинитивов с суффиксом *-ти* глаголов типа *нести́*, *везти́* и глагола *идти́*, а также рассеянное распространение инфинитивов с безударным *-ти* типа *кла́сти*, *ходи́ти*. Аналогичное распространение обоих указанных типов образования инфинитивов характерно для говоров северо-восточной диалектной зоны в целом (см. I, 3, § 8).

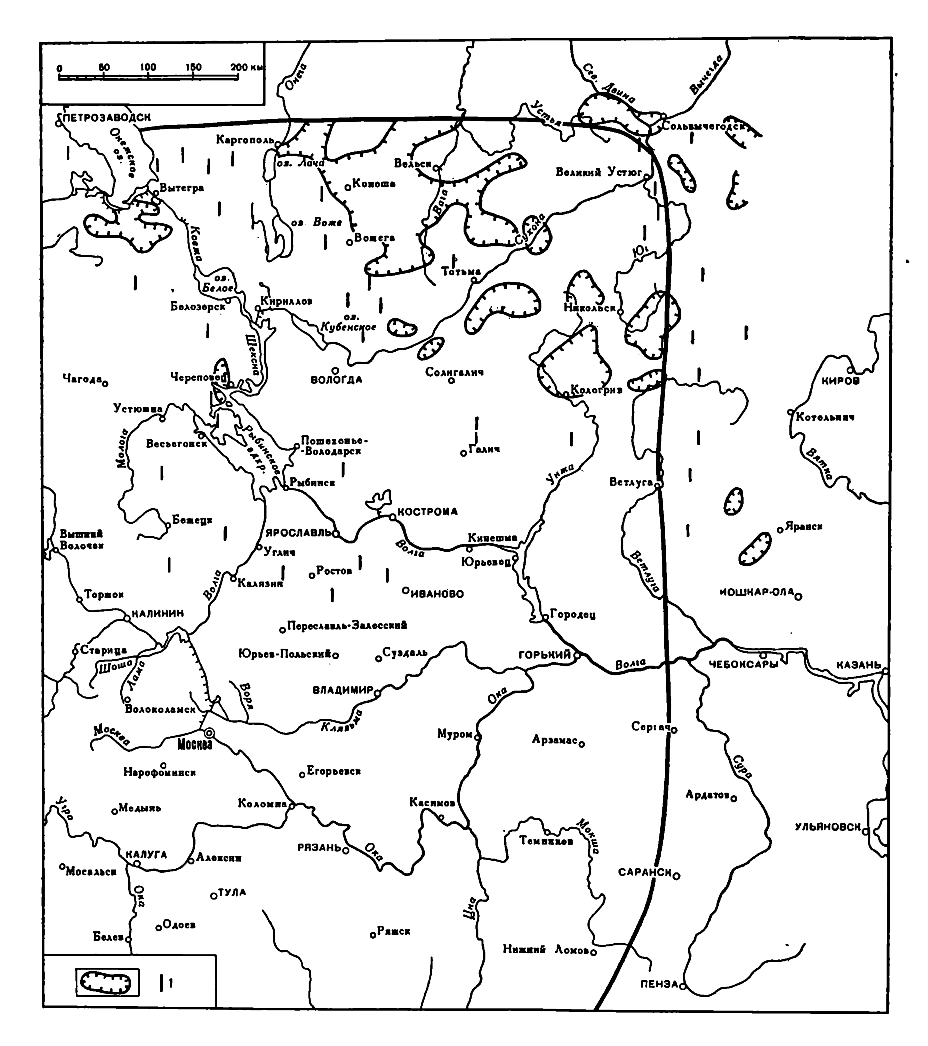
29. Чередование твердого и мягкого задненебного в основе личных форм глаголов на задненебный согласный: *пе/к/у́—пе/к'е́(о́)/ш—пе/к/у́т*, *бере/г/у́—бере/г'е́(о́)/ш—бере/г/у́т*, *ля́/г/у—ля́/г'е/ш—ля́/г/ут* и т. д., сложившееся в позднее время параллельно в пределах различных диалектных объединений (см. I, 3, § 9).

Парадигма указанного типа известна во многих говорах, однако в пределах северного наречия в преимущественном распространении она характерна только для Вологодской группы говоров (ср. ее наличие в говорах южного наречия, за исключением Тульской группы, а также в некоторых ср.-р. говорах).

30. Возможность употребления личных форм ед. и мн. ч. глаголов II спряжения с ударением на окончании: *дари́шь*, *дари́т* и т. д., *вари́шь*, *вари́т* и т. д., *вали́шь*, *вали́т* и т. д. Данные, архаические по месту ударения, формы выступают как в вологодских говорах, так и в других говорах северного наречия и в восточных ср.-р. говорах в сосуществовании с формами, имеющими ударение на основе (типа *та́щишь*, *ва́ришь* и т. п.), которые распространялись сюда с более западных территорий (см. I, 3, § 12). Ср. наряду с этим преимущественное распространение личных форм глагола *платить* с ударением на основе: *пла́тишь*, *пла́тит* и т. д., характерное также для костромских и владимирско-поволжских говоров.

31. Наличие в северной части территории вологодских говоров формы 2-го л. мн. ч. с ударенным окончанием */-те́/* (см. и в части говоров Межзональной группы северного наречия): *нес/ит'е́/* и т. п., а в южной части территории — формы с окончанием */-т'о́/*: *нес/ит'о́/* и т. п. Ср. наличие этих форм в говорах Костромской группы и части говоров Владимирско-Поволжской группы. Формы с окончанием */-т'о́/* известны также части говоров белорусского языка и некоторым примыкающим к ним западным говорам русского языка. Ударение на конечном гласном окончания в указанной форме является древней чертой (см. I, 3, § 10).

32. Распространение возвратных частиц с мягким согласным *с* и с различными гласными: *мо́еш/с'а/*, *мо́еш/с'е/*, *мо́еш/с'о/*, *мо́еш/с'и/* и т. п. Наличие мягкого согласного в указанных частицах является архаической чертой и известно многим говорам русского языка. Наличие разных гласных объясняется отчасти сохранением их былого различения

Карта 83
Распространение форм типа *пектú*, *берегтú*

в составе данных частиц, отчасти результатом более поздних процессов междиалектного взаимодействия, причем наличие гласных *е* и *о* характерно только для вологодских говоров (см. I, 3, § 11).

33. Наличие в ряде говоров личных форм глаголов I спряжения с ударенным *е*, не изменившимся в *о* в окончании: *нес/é/шь*, *нес/é/т*, *нес/é/м*, *нес/é/мся* и под., различных в разных говорах, так что нет возможности судить о характере парадигм по употреблению тематического гласного в целом. Ареалы подобных форм расположены в основном в северо-западной части территории группы примерно между 39° и 43° в. д. и севернее 60° с. ш., а также около Вологды; на остальной территории их отмечают лишь в единичных нас. п. Несколько чаще других в пределах той же части территории вологодских говоров отмечают формы типа *сме/jéц'а/* и под., где наличие /*е*/ объясняется мягкостью последующего согласного *ц*. Возможна связь данных форм с общим отставанием процесса изменения *е* в *о* в соответствующих говорах.

34. Распространение форм повелительного наклонения *бежú*, *бежúте*, видимо, образованных в данных говорах от глагола *бежать*, а не от глагола *бечь* и не от контаминированных форм глаголов *бечь* — *бежáть*, так как личные формы глагола *бечь* отмечены на изучаемой территории чрезвычайно редко, в тех же случаях, когда они употребляются, они имеют то же чередование твердого и мягкого заднеебного согласного в основе, что и другие глаголы на задненебный согласный: *бе/г/ý*, *убе/г'/óт*, *бе/г'/óш*, *бе/г'/óм*, *бе/г/ýт*, как и

пе/к/у́—пе/к'/ów, пе/к'/óт и др. и, таким образом, не могли повлиять на образование формы повелительного наклонения с шипящим согласным. По говорам же Вологодской группы преимущественно представлены формы глагола *бежать*: *убежу́*, *побежу́*, *убежи́шь*, *бежи́т*, *побежи́м*, *убежы́те*, *небежа́т убежа́т* и т. д. В связи с этим формы *бежи́*, *бежи́те*, имеющие рассеянное распространение в различных говорах русского языка, где они могут соотноситься с другими формами наст. времени, в вологодских говорах могут считаться их местной особенностью архаического характера.

35. Наличие характерного местного новообразования — форм повелительного наклонения *лег*, *ле́гте*, распространенных в виде отдельных ареалов и в рассеянных нас. п., но только в пределах данной группы; основной ареал этих форм находится к северо-западу от Тотьмы. Гласный *е* в форме *лег* мог появиться в результате изменения *а* в *е* в форме */л'а́г'и/* > */л'е́г'и/* в период до редукции и утраты конечного безударного *и*, происходившей в формах глаголов с исконным постоянным ударением на основе.

§ 3. Синтаксические явления

Говорам Вологодской группы свойственны следующие синтаксические особенности:

1. Распространение конструкций, состоящих из инфинитива или предикативного наречия и прямого объекта при нем в форме им. п. ед. ч. существительных ж. р. с окончанием *-а*: *копа́ть карто́шка* и под., *мне ша́пка надо* и т. д.

Данная черта характерна для западных и северных говоров русского языка и является архаической по своему характеру.

2. Употребление предлогов *по́дле*, *во́зле*, *мимо* в сочетании с вин. п. существительного: *во́зле лес*, *ми́мо избу́*, *по́дле сусло́н* и т. п. Данное явление, также архаическое по своему характеру, известно и другим говорам северного наречия [43].

3. Употребление двойных предлогов *по-за*, *по-над*, *по-под*, *по-на*, *под-на*, *на-под*, *за-по*, *под-за* и др. с дат., вин. и тв. падежом имени: *по-над болоту*, *по-за глазам*, *по-за хлебом*, *по-за деньги*, *по-под горою* и т. д.[44] Эта черта является, видимо, сравнительно поздним вологодским новообразованием [45], параллельно развивавшимся на разных территориях, см. ее наличие в части архангельских, владимирско-поволжских говоров и в говорах юго-запада [46].

4. Употребление предлога *по* с вин. п. неодушевленных и одушевленных существительных в конструкциях с целевым значением: *пошел по бабушку*, *по председателя*, *по грибы*, *по топор* и т. п. Именно употребление предлога *по* с одушевленными существительными характеризует вологодские говоры и примыкающие к ним костромские и владимирско-поволжские, а также южную часть территории Западной группы южного наречия. Широко известны эти конструкции говорам белорусского и украинского языков. Исследователи указывают, что эта черта имела широкое распространение в древнерусском языке (см. II, 5, § 5).

5. Наличие согласуемых постпозитивных частиц: *-от*, *-та*, *-ту*, *-то*, *-те*, *-ти*: *стари́к-от*, *лес-от*, *изба́-та*, *печь-та*, *окно́-то*, *по́ле-то*, *де́ти-ти*, *сте́ны-те* и т. д. Данная черта, характеризующая архаическое состояние языка, имеет распространение в основном в вологодских и онежских говорах.

6. Употребление конструкций с повторяющимся *да* при однородных членах предложения, в том числе и после последнего из них: *дров наносили, да сучья да* и т. п. Эта черта характеризует говоры северного наречия [47].

7. Употребление в ряде говоров сложной формы прош. времени, состоящей из форм на *-л* и форм прош. времени вспомогательного глагола *быть*: *я была опу́хла* и т. п. Данное явление, будучи архаическим, в рассеянном распространении известно на западной и северной территории русских говоров.

8. Наличие безличных предложений с главным членом — страдательным причастием и объектом в форме вин. п.: *всю карто́шку съе́дено* и т. п. Употребление предложений данного типа наблюдается главным образом в говорах северного наречия и в части западных ср.-р. говоров, спорадически наблюдаются они и в других ср.-р. говорах и в говорах южного наречия (см. II, 5, § 5).

9. Употребление формы род. п. имени при главном члене, являющемся спрягаемой формой глагола: *есть у нас таких песен* и т. п. Данное явление представлено отдельными ареалами на территории северного наречия [48].

---

[43] И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко. О различительных явлениях русских говоров в области предложных словосочетаний. «Изв. АН СССР», серия литературы и языка. М., 1964, т. XXIII, вып. 4, стр. 321; Д. С. Станишева. Винительный падеж в восточно-славянских языках. София, 1966.

[44] И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко. Указ. соч., стр. 317—321.

[45] Там же, стр. 318, сноска.

[46] Там же, стр. 319.

[47] «Русская диалектология», стр. 197.

[48] Там же, стр. 195.

§ 4. Лексические явления

На территории вологодских говоров имеют распространение следующие слова: *квашня́*, *квашо́нка* 'посуда для приготовления теста' *ковш*, *ко́вшик* 'сосуд, которым черпают воду'; *сковоро́дник* 'приспособление для вынимания сковороды из печи'; *зы́бка* 'колыбель, подвешиваемая к потолку'; *кафта́н* 'мужская одежда определенного покроя'; *ора́ть* (наряду с *пахать*) 'пахать'; *о́зимь*, *озима́* 'всходы ржи'; *суя́гная*, *суя́ная*, *суя́нная* 'суягная' (об овце) и *ягни́лась*, *объягни́лась*, *яни́лась* 'ягнилась' (об овце); *берёжая* (наряду с *жерёбая*) 'жеребая' (о лошади); *ла́ет* (о собаке); *пого́да* 'плохая погода'; *бре́зговать* — в том же значении, что и в литературном языке; *хорово́д*, *корово́д* 'хоровод'; *ухва́т* 'приспособление для доставания горшков из печи'; *кри́нка* 'посуда определенной формы для хранения молока'; *пере́дник* — в том же значении, что и в литературном языке; *борони́ть*, *боронова́ть* — для обозначения процесса боронования; *сусло́н* 'малая укладка снопов'; *заво́р* или *прово́р* 'жердь, закрывающая проезд или ворота', 'проезд в изгороди'; *петь* — в том же значении, что и в литературном языке; *льди́ны* — в том же значении, что и в литературном языке; *паха́ть* 'подметать пол'; *рога́ль* 'ручки и оголовье сохи'; *жи́то* 'ячмень'; *цыпля́тница*, *цыплятýха*, *цыплятúха* 'наседка'; *пару́ха*, *пару́нья* 'наседка'; *выть* 'время еды или промежуток времени от одной еды до другой, время отдыха'; *баско́й*, *ба́ский*, *ба́ско*, *баса́* 'красивый, красиво, красота'; *мура́шки*, *мураши́* 'муравьи'; *вы́шка*, *на вы́шке* 'чердак'; *огоро́д* 'определенный вид изгороди'; *пестéрь* 'приспособление для переноски тяжестей'; *молоти́ло* 'цеп'; *у́повод* 'период работы без перерыва'; *па́лка* 'валек для выколачивания белья'; *ту́ес* 'сосуд из бересты для жидкостей'; *назём* 'навоз'; *ви́ца* 'подвои сохи'; *ка́дца* 'ручка цепа'; *косьёвище*, *косьёвище* 'палка, на которую насаживается коса'; *доло́нь* 'площадка для молотьбы'; *пове́ть*, *пови́ть* 'помещение для хозяйственного инвентаря'; *рвать* 'теребить (о льне)'; *жни́твина*, *жнитви́на* 'сжатое поле'; *селе́ток*, *селёток* 'жеребенок до одного года'; *двуле́ток* 'жеребенок до двух лет'; *треле́ток*, *трехле́ток* 'жеребенок до трех лет'; *ста́я* 'постройка для мелкого скота' (имеет разбросанное распространение); *поско́тина*, *подско́тина* 'открытое огороженное место для скота'; *кау́чит*, *ка́вкает* 'мяукает' (о кошке); *разболока́ться* 'раздеваться'; *пора́то* 'очень'.

Таков общий перечень черт, характерных для языкового комплекса Вологодской группы говоров. Одни из этих черт указывают на то, что Вологодская группа говоров является составной частью определенных, более крупных величин диалектного членения, другие присущи только ей и имеют для ее характеристики наибольшее значение. Важное значение имеет также и понимание специфики тех черт, которые, будучи известными на более широких территориях, имеют особенности структурного характера на территории изучаемых говоров.

Глава третья

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ЛАДОГО-ТИХВИНСКОЙ И ВОЛОГОДСКОЙ ГРУПП ГОВОРОВ СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ

§ 1. Вводные замечания

Как показал анализ языкового комплекса Вологодской и Ладого-Тихвинской групп северного наречия, именно эти группы в наибольшей степени связаны по основным чертам их языковых комплексов с новгородским диалектом. В связи с этим при изучении истории образования данных групп необходимо прежде всего сравнение характерных, присущих им языковых особенностей с чертами того языкового комплекса, который реконструируют по данным памятников письменности и диалектов для новгородского диалекта XI—XIV вв. (см. сводную характеристику этого языкового комплекса выше — II, 7, § 6). Сравнение языкового комплекса Вологодской и Ладого-Тихвинской групп с языковым комплексом новгородских говоров в его реконструированном виде, а не в том, как он существует в настоящее время на наиболее древней части территории Новгородской земли у г. Новгорода и оз. Ильмень, т. е. на территории современных западных ср.-р. окающих говоров, объясняется тем, что именно говоры на этой древнейшей части территории пережили столь глубокие процессы трансформации и ранней нивелировки (см. V), что их языковой комплекс не может уже быть эталоном для подобного сравнения.

Действительно, ряд черт древнего новгородского диалекта полностью отсутствует в современных новгородских западных ср.-р. говорах. Так, в области вокализма в этих говорах не отмечают изменения *а* в *е* между мягкими согласными, тенденцию к которому, видимо, имел древний новгородский диалект; совершенно единичны в них случаи «неперехода» *е* в *о* перед твердым согласным под ударением в корнях слов, а также в суффиксах существительных и прилагательных; не отмечают в новгородских говорах произношения /ô/, /у͡о/ в соответствии исконному *о* под восходящим ударением; лишь в рассеянном распространении и только на части территории к югу от р. Луги известны в этих говорах случаи произношения /и/, редко /и͡е/, /ê/ в соответствии исконному *ě* и всегда в сосуществовании с /е/. Сравнительно чаще оно выступает здесь лишь в лексикализованном виде во флексиях существительных, при этом сравнительно более широко — в категориях существительных с твердой основой и основой на задненебный согласный м. и ср. р. (*на стол*/*и́*/, *на бык*/*и́*/ и под.).

Из числа характерных черт консонантизма современными новгородскими говорами утрачено цоканье, сохраняются лишь его реликты: употребление деепричастий типа /*ушо́дци*/ и различение твердых /*ч*/ — /*ц*/; губной спирант *в* имеет губно-зубное образование во всех возможных позициях и лишь единичные и имеющие рассеянное распространение случаи произношения /*х*/, /*хв*/ в соответствии *ф* и столь же единичные случаи мены *у* на /*в*/ в начале слова (/*в*/*читель* и под.) свидетельствуют о наличии губно-губного спиранта в прошлом; отсутствует в новгородских говорах и чередование *л* с /*ў*/ в конце слога и слова (*да*/*ў*/, *па́*/*ў*/*ка* и под.).

Лишь после сравнения с исходным новгородским языковым комплексом в том виде, как его восстанавливают для периода до XIV в., может быть выделен тот круг языковых черт каждой из изучаемых групп, в составе которого одни черты являются результатом влияния ростово-суздальского диалекта, другие — отражают развитие данной группы как составной части северного наречия русского языка, постепенно формирующегося в качестве самостоятельного диалектного объединения русского языка, третьи — отражают собственно местные процессы развития, определившие наличие самостоятельной группы говоров на определенной части территории северного наречия.

§ 2. История образования Ладого-Тихвинской группы говоров

Именно в говорах Ладого-Тихвинской группы по сравнению с Вологодской до сих пор прослеживается наибольшая близость по характеру языкового комплекса с соседними новгородскими говорами, что отражается как в судьбе древних языковых особенностей в тех и других говорах, так и в том, что по ряду более поздних языковых переживаний они иногда входят в одну общую сферу (см. ниже). Это объясняется, видимо, прежде всего тем, что ладого-тихвинские и новгородские говоры находятся на сопредельной территории, исторически входившей в состав основной и наиболее древней части территории Новгородской земли. Что же касается своеобразия в развитии ладого-тихвинских говоров, то оно связано, видимо, со сравнительно более периферийным положением этих говоров по сравнению с говорами, расположенными на территории вокруг Новгорода и Ильменя, что в свою очередь открыло возможность их включения в общие процессы языкового развития с более восточными говорами. Хотя после падения Новгорода говоры на территории будущей Ладого-Тихвинской группы вместе с центральными новгородскими говорами попадают под влияние Москвы, а тем самым и центральных говоров, это влияние по-разному проявлялось на этих двух территориях. В наибольшей степени такому воздействию подверглись говоры вокруг г. Новгорода и оз. Ильмень, где были сосредоточены ремесло, торговля и высшие достижения культуры новгородской республики и ее политический центр. Именно на этой территории произошло, как указывают историки, сильное изменение состава населения, связанное с выводом новгородцев и привозом крестьян с центральных территорий Московского государства. Что же касается территории ладоготихвинских говоров, то она находилась сравнительно в стороне от основных коммуникаций, связывающих Новгород с Москвой. Население этой территории занималось в основном лесными промыслами, рыболовством и сельским хозяйством, в связи с чем освоение этой территории не было столь первоочередной задачей. В связи с этим прямые перемещения населения также, видимо, в меньшей степени коснулись данной территории. Наличие подобных условий и обеспечило, например, несколько большую, хотя также в ряде случаев далеко не полную сохранность в ладого-тихвинских говорах древних новгородских черт, исчезнувших в современных западных ср.-р. говорах.

Так, например, в ладого-тихвинских говорах отмечено, хотя и далеко не последовательное, употребление /*w*/ билабиального, наличие случаев произношения /*ê*/ и /*ô*/ в соответствии исконным *ě* и *о* под восходящим ударением; лишь относительно лучше по сравнению с говорами центральной новгородской территории сохраняются в ладого-тихвинских говорах такие западно-северные инновации, ранее, видимо, известные всем новгородским говорам как чередование *л* с /*ў*(*w*)/ в конце слога и слова или сохранение твердых звуковых сочетаний /*шч*/ и /*ждж*/ в соответствии долгим мягким шипящим и др. Такая древняя новгородская инновация, как цоканье, в сущности, почти полностью утрачена и теми и другими говорами и сохраняется в них лишь в виде отдельных реликтов. При этом особенно примечательно то, что ладого-тихвинские говоры сохраняют в ряде случаев вместе с говорами центральной новгородской территории такие редкие и за пределами этих двух типов говоров не встречающиеся явления, как второе полногласие или формы прилагательных с двусложным окончанием.

Показательным для сохранения прямых связей с новгородским диалектом является и то, что некоторые черты, выделяющие ладоготихвинские говоры в их современном состоянии, являются прямым и непосредственным развитием и продолжением процессов, начавшихся еще в новгородском диалекте, как целостном диалектном объединении. Так, при сохранении *ê* и *е*, *ô* и *о* в изучаемых говорах, в них наблюдается с определенного времени (уже после XV в.) последовательное развитие произношения /*и*/ в соответствии исконному *ě* как перед твердыми, так и перед мягкими согласными в ударенных и предударных слогах. С другой стороны, в тех же говорах представлен процесс совпадения под ударением *ô* и *о*, а также *ě* и *е* соответственно в гласных *о* и *е* более напряженных и более закрытых, в результате чего в данных говорах устанавливается пятифонемный состав с особым качеством звуков в соответствии *о* и *е*, с чем связано явление лабиализации *о* в первом и втором предударных слогах в этих говорах, не зависящее от контекста согласных.

Таким образом, при сохранении системы различения гласных, характерной в прошлом в одинаковой мере и для новгородского и для ростово-суздальского диалектов, говоры Ладого-Тихвинской группы представляют продолжение развития ряда исконных новгород-

ских особенностей. Характерно и то, что связи ладого-тихвинских говоров с говорами центральной новгородской территории не прерываются и в более позднее время, уже после того, как говоры северного наречия, взятые в целом, теряют подобный контакт и в них приобретает ярко выраженное преобладание распространения собственно-местных черт, развивавшихся на основе именно им присущих тенденций языкового развития. О продолжающихся связях новгородских и ладого-тихвинских говоров свидетельствует то, что инновации, продолжающие распространяться на новгородскую территорию с юга (своих инноваций новгородские говоры в это более позднее время уже не развивают) получают некоторое распространение и к востоку, но преимущественно не далее пределов Ладого-Тихвинской группы. Таково распространение ряда явлений западной зоны, таких, как употребление йотированных форм местоимений 3-го лица — /йон/, /йона́/, /йоны́/, членных форм местоимения *тот— та́я, тбе, ты́е*, конструкций с предлогом *с* или *з* в случаях типа *приехал з города, вылез с ямы*, деепричастия в функции сказуемого (*поезд ушовши* и под.). Таково и распространение такой северо-западной инновации, как изменение сочетания *дн* > *нн*.

Сохранение тесных связей с говорами центральных новгородских территорий повело в дальнейшем к тому, что в ладого-тихвинских говорах почти не развивались собственно местные инновации, истоки которых не были бы заложены в древнем новгородском диалекте. Из черт подобного характера мы можем назвать лишь формы им. п. мн. ч. местоимения *тот* — /ты/, /ти/, /тéйи/, которые в своем распространении не захватывают всей территории изучаемых говоров, а представлены лишь на отдельных ее частях.

С другой стороны, периферийное положение ладого-тихвинских говоров в пределах бывшей центральной новгородской территории открывало возможности к укреплению связей с говорами более восточных территорий, т. е. к включению в состав формировавшегося северного наречия русского языка. Об этом свидетельствует тот факт, что ряд инноваций, развивавшихся в пределах северо-восточной территории, получает распространение и в пределах ладого-тихвинских говоров. На территорию же центральных новгородских говоров подобные инновации или совсем не распространяются или получают в них более слабое распространение. Из числа явлений этого рода можно указать повсеместно укрепляющееся в говорах северного наречия произношение /и/ в соответствии *ě* под ударением и в первом предударном слоге перед мягкими согласными, или последовательное упрощение групп согласных в сочетаниях /ст/ и /с'т'/ на конце слова, а также ряд явлений, характерных для образования форм существительных: принадлежность к ср.-р. и образование с суффиксом *-атк-* форм им. п. ед. и мн. ч. существительных, обозначающих молодые существа: *цыпля́тко—цыпля́тка* и т. п.; характер образования ряда форм им. п. мн. ч. *братовья́, зятевья́* и под.; наличие собирательных существительных типа *зятьё, косьё* в соответствии с употреблением им. п. мн. ч., распространение словоформ: *крестья́на* (им. п. мн. ч.), *деревён* (род. п. мн. ч.).

Изучая формирование говоров Ладого-Тихвинской группы, нельзя также забывать, что хотя московское влияние меньше сказалось на ее развитии, чем на развитии собственно новгородских говоров, непосредственное влияние центральных говоров, исторически развившихся на территории Ростово Суздальской земли, видимо, в большей степени и в более раннее время направляется именно на западную часть территории северного наречия, т. е. на территорию новгородских и ладого-тихвинских говоров, чему способствовало и то, что именно на этой западной части территории находился один из древнейших ростово-суздальских форпостов, расположенных у оз. Белого.

С этим, по-видимому, можно связать распространение случаев произношения /о/ в соответствии *е* в первом преударном слоге (/н'о/су́ наряду с /не/су́) в говорах Ладого-Тихвинской группы, а также утрату цоканья, изменение *-ого-* (-оɣо-) в *-ово*, устранение различения *ě* и *е*, становящегося факультативным явлением, распространение процесса утраты интервокального /j/ в формах глаголов и прилагательных, комплекса употребления форм местоимений 1 и 2-го л. ед. ч. и возвратного, при котором наблюдается совпадение основ у местоимения 2-го л. и возвратного и различение окончаний в формах род.—вин. п. и дат.—предл. п.; распространение энклитических форм род.—вин. п. *мя, тя, ся* и дат.—предл. п. *ми, ти, си*; распространение в ряде говоров данной группы прогрессивного смягчения задненебных согласных после парных мягких согласных, /j/ и *ч*; наличие частицы /са/ в формах возвратных глаголов и др.

Особое положение говоров Ладого-Тихвинской группы определялось также и тем, что на юге они граничили с говорами, усваивавшими аканье и тем самым непосредственно связанными в языковом развитии с говорами более

южных территорий. Взаимодействие с такими говорами не только приводило к возможности воздействия этих акающих говоров на говоры Ладого-Тихвинской группы, но и к тому, что при посредстве этих акающих говоров в ладого-тихвинские говоры начинал проникать ряд южнорусских (рязанских по происхождению) черт, которые первоначально распространялись на юго-запад территории восточных ср.-р. говоров, затем на тверские по происхождению говоры, а в конечном счете на территорию ладого-тихвинских говоров [49]. О подобном процессе мы можем судить по наличию в этих последних говорах форм инфинитива типа *несть*, инфинитивов *иттúть*, *итúть*, формы род. п. ед. ч. местоимения *ей*, по наличию произношения предлога *к* как γ, *х* перед звонкими губными, зубными и задненебными согласными и как *х* перед теми же глухими согласными и др. На основе взаимодействия с акающими говорами могло сложиться наблюдаемое в пределах ладого-тихвинских говоров различие между их южной частью (примерно южнее 59° с. ш.) и их северной частью (к северу от 59° с. ш.). При этом на указанной северной части территории ряд языковых черт сохраняется в более архаическом состоянии в то время, как на южной территории в этих случаях чаще выступают новообразования: таково наблюдаемое на северной части территории более последовательное произношение /и/ в соответствии *ě* под ударением перед твердыми и мягкими согласными, которое на юге выступает лишь в рассеянном распространении. Наряду с этим в говорах южной части территории наблюдается нарушение этимологического соответствия в употреблении гласных в соответствии *ě* и *е*: появляются случаи употребления /о/ в соответствии *ě*, а гласного /и/ в соответствии *е*, отсутствующие в северной части территории.

В ряде говоров северной части территории сохраняются архаические формы род. и вин. п. местоимений 1 и 2-го л. и возвратного: *мене́*, *тебе́*, *себе́*, а также наличие старой основы *тоб-*, *соб-* в дат.-предл. п.; на северной территории в форме им. п. мн. ч. существительных ср. р. последовательно выступает исконное окончание *-а* в безударном положении: *óкн/а/*, *сёл/а/* и т. п., на юге появляются случаи употребления окончаний *-ы* в сосуществовании с *-а*: *пя́тн/а/* и *пя́тн/ы/*, *óкн/а/* и *óкн/ы/* и т. д., связанные с системой неразличения гласных.

В говорах северной части территории отсутствует протетический гласный в слове *ржаной*, на юге — появляется произношение /о/*ржанóй* или /а/*ржанóй*; на севере формы дат.— предл. п. ед. ч. типа *к жены́*, *о жены́* выступают, как правило, в исключительном употреблении, на юге — в сосуществовании с формами типа *к жене́*, *о жене́*.

В говорах северной части территории наблюдается сравнительно более архаический тип употребления постпозитивных частиц, чем на юге (см. выше).

Исходя из характера черт, различающих северную и южную части территории ладого-тихвинских говоров, можно сказать, что эти различия складываются в сравнительно позднее время, примерно с XVI в. и в последующее время.

§ 3. История образования Вологодской группы говоров

Говоры Вологодской группы расположены на территории достаточно ранней Новгородской колонизации, в Заволочье, куда носители новгородского диалекта проникали на протяжении длительного периода по течению рек Северной Двины и Ваги. Первые возникавшие здесь новгородские погосты относятся к XII в., хотя устойчивое население на этой территории могло сложиться лишь позднее, в процессе ее дальнейшей колонизации. На тех же территориях население новгородского происхождения сталкивалось с ростово-суздальским, которое колонизовало ее с юга. На севере ростовцы имели два форпоста: Белоозеро (на западе) и Устюг (на востоке). Между ними находились Вологда — Тотьма — новгородские погосты в бассейне р. Ваги. Таким образом, в Заволочье создавалась чересполосица ростовских и новгородских погостов, что и влекло за собой ряд столкновений между Новгородом и Москвой, но тем самым создавало основу и для раннего взаимодействия представителей двух диалектных групп. Известны нападения новгородцев на Белоозеро и Кубенские волости. С другой стороны, известно также, что в конце XV в. Иван III захватил у Новгорода все северные области — Подвинье и Поморье. За Вологду и берега Сухоны шла долгая и упорная борьба. С большим трудом ростово-суздальцы отодвинули границу новгородцев с водораздела

---

[49] Возможность переселения на территорию Ладого-Тихвинской группы носителей рязанского говора, как это предполагается в работе Л. В. Даниловой, данными лингвистической географии не подтверждается (Л. В. Данилова. Исторические условия развития русской народности в период образования и укрепления централизованного государства в России. «Вопросы формирования русской народности и нации». М.—Л., 1958, стр. 133).

Кострома — Сухона на водораздел Вага — Сухона, в связи с чем Вологда и Тотьма были переведены в сферу московского влияния; примерную границу между новгородской и ростово-суздальской колонизацией для этого времени (XIV—XV вв.) С. Ф. Платонов устанавливает по линии Белоозеро — Великий Устюг [50]. В XVI в. в связи с начавшейся торговлей с иностранцами, которая первоначально велась через Мурманск, а потом через Архангельск, резко возрастает значение Вологды и Устюга, оказавшихся узловыми пунктами на торговых путях из Поволжья на север и из Поморья в Москву (Вологда), с одной стороны, и из Вятки, Перми и Урала на север (Устюг), с другой. К началу XVIII в. значение торгового севера падает. Петр I переводит центр всей торговли на Балтийское побережье, где создает ряд балтийских гаваней. С этого времени северо-восточная территория превращается «в глухую заброшенную окраину» (Платонов) Этому, по мнению С. Ф. Платонова [51], способствовали и другие причины — большие подати с населения, социальная борьба внутри земств, приведшая к расслоению общины и др.

Таковы в общих чертах исторические условия, в которых развивались вологодские говоры, явившиеся продолжением древнего Новгородского диалекта на новой территории.

Как показывают данные лингвистической географии, вологодские говоры сохраняли тесную связь с говорами новгородской метрополии лишь на первоначальных этапах своего существования, примерно до XVI в. Именно в этот период на территорию вологодских говоров проникают и получают относительно широкое распространение ранние новгородские инновации, ставшие характерными для северного наречия в целом (такие, как, например, наличие *т* твердого в формах 3-го л. ед. ч. и мн. ч. глаголов, ассимиляция согласных по признаку назальности в сочетании *бм* и др., а также ранние инновации общезападного происхождения, иногда преимущественно сохраняющиеся в пределах данной группы, как чередование *л* с /*ў*/ или употребление форм косвенных падежей местоимения 3-го л. ед. ч. ж. р. без начального *н* и др.).

Однако в сравнительно раннее время вологодские говоры теряют указанную связь с говорами новгородской метрополии и становятся в достаточной степени обособленными, получая возможность самостоятельного, собственно местного развития. В пользу такого предположения свидетельствует прежде всего то, что целый ряд сравнительно поздних общезападных инноваций, характерных для современных новгородских и ладого-тихвинских говоров, в своем распространении уже не известен на территории современных вологодских говоров (ср., например, такие явления, как йотация начального гласного местоимений 3-го л. — /*йон*/ и под., как членные формы местоимений типа *та́я*, *тӧе*, *тӹе*, формы дат. п. ед. ч. ж. р. типа *к жены́*, ассимиляция согласных *дн* > *нн* и др.).

С другой стороны, об этом свидетельствует также и то, что некоторые более поздние новгородские инновации, а также те юго-западные инновации, которые в относительно позднее время распространялись в северном и далее в восточном направлении, получают уже значительно менее последовательное распространение на территории вологодских говоров, где они представлены в виде разорванных ареалов или, что особенно важно, не захватывают северной части территории Вологодской группы, являющейся основной территорией новгородской колонизации. К числу подобных явлений относятся такие, например, как произношение твердых губных на конце слова, совпадение форм дат. и тв. п. мн. ч. у существительных и прилагательных и др. Так, не случайным, видимо, является то, что в южной части территории вологодских говоров произношение твердых губных отмечено в исключительном или преимущественном употреблении, а на северной части территории в целом ряде говоров произношение твердых губных отсутствует или наблюдается употребление и твердых и мягких губных. При этом удается проследить, как интенсивность произношения твердых губных убывает в направлении с юга на север по направлению к Вожеге и далее к Великому Устюгу. Совпадение форм дат.—твор. п. мн. ч., возникнув, возможно, в различное время в категории прилагательных (раньше) и в категории существительных (позднее) (см. II, 4, § 3), на территорию изучаемых говоров, по всей вероятности, проникало уже одновременно и в сравнительно позднее время. Можно предположить также, что распространение этих и некоторых других черт, не захватывающих северной части территории, происходило в период, когда новгородская колонизация на этой территории в основном была закончена и когда сообщение между Заволочьем и новгородской территорией осуществлялось уже не через се-

[50] С. Платонов. Прошлое русского севера. «Очерки по истории колонизации Поморья». Берлин, 1924.

[51] С. Платонов. Очерки по истории колонизации Севера. Пг., 1922.

верные речные пути, а другими, сухопутными способами, что и могло отразиться на распространении того или иного явления. Иначе говоря, если более ранние (как собственно новгородские, так и общезападные) инновации распространялись в пределах территории вологодских говоров в направлении с севера на юг в соответствии с направлением новгородской колонизации данного края, то более поздние новообразования могли появляться здесь с юга. В таких случаях, наступая с запада, явление могло первоначально распространяться на южную часть территории вологодских говоров, а затем постепенно направляться к северу, иногда получая здесь рассеянное распространение в ряде случаев лишь в говорах отдельных населенных пунктов. Может быть, в связи с этим не случайным является то, что распространение некоторых явлений совпадает с направлением основных водных и сухопутных магистралей на территории изучаемых говоров (ср. современные основные ж. д. линии Вологда—Вожега и Вологда—Киров, а также речную по Сухоне—Вологда—Великий Устюг). Возможно, что препятствием к распространению явлений на север могли послужить и административные границы губерний, а позже областей Архангельской и Вологодской.

В создававшихся условиях обособленного развития вологодских говоров, с одной стороны, хорошо сохранялось архаическое состояние ряда черт, а с другой — возникали предпосылки для своеобразного развития некоторых тенденций, характерных для этих говоров, как новгородских по происхождению, или для дальнейшего развития тенденций общерусского характера.

В связи с этим именно в говорах Вологодской группы полностью сохраняются некоторые черты, которые были общими для ростово-суздальского и новгородского диалектов, т. е. черты северного территориального подразделения, взятого в целом и в дальнейшем наиболее последовательно сохраняющиеся в говорах северного наречия русского языка. Так, в вологодских говорах сохраняется лучше, чем в каких-либо других, и целый ряд древних особенностей новгородского диалекта: например, цоканье в его наиболее архаической разновидности (мягкое цоканье), различия в произношении звуков в соответствии исконным *е* (из *е*, ь) и *ě*, *о* и *ô*, случаи произношения /*е*/, не перешедшего в *о* под ударением перед твердыми согласными.

На основе самостоятельных процессов развития данных говоров, которое не исключало взаимодействия их с соседними говорами, черты новгородского происхождения могли развиваться на данной территории своеобразными путями, что приводило к возникновению явлений, могущих считаться собственно вологодскими. Так, характерное для западных говоров русского языка, в том числе и новгородских, чередование *л* с /*ў*/, первоначально имевшее ряд ограничений морфолого-лексического характера, в вологодских говорах развивается в имеющее фонетический характер чередование *л* > /*ў*/ перед согласными и на конце слова. Кроме того, вологодские говоры, возможно, при взаимодействии с иноязычной средой, развивают произношение /*l*/ среднего, замещающего *л* велярный в положении перед гласными непереднего ряда. В результате указанных процессов и возникает своеобразная система употребления смычнопроходных боковых согласных, не имеющая столь последовательного распространения на других частях территории говоров русского языка. То же можно сказать о развитии в вологодских говорах в ходе их самостоятельного развития систем ударенного и безударного вокализма, для которых наиболее характерно развившееся только в данных говорах в отличие от всех других говоров русского языка собственно фонетическое чередование *а* с *е* в зависимости от твердости или мягкости последующего согласного, существовавшее ранее, видимо, лишь в виде тенденции общего характера, не получившей развития в говорах других территорий (см. I, 1, § 1).

Для развития вологодских говоров в отличие от говоров Ладого-Тихвинской группы и центральных новгородских характерно то, что на более позднем этапе своего существования они не испытывали непосредственного влияния московских говоров или других говоров, усвоивших черты южнорусского характера. Исторически пережитое их основными носителями взаимодействие с носителями ростово-суздальского говора имело более равноправный характер. В результате такого взаимодействия в системе вологодских говоров могли вырабатываться особые, качественно отличные от исходных, именно для них характерные явления, формирующиеся, однако, как правило, на основе закономерностей системы, испытывающей воздействие. Так, например, уже указывалось, что для ряда вологодских говоров является характерным различение *ě* и *е*, *ô* и *о* при преобладающем произношении /*и*/ в соответствии исконному *ě* под ударением перед мягкими согласными. Однако при этом в тех же говорах в их современном состоянии произношение /*и*/ в соответствии *ě* в безударном положении находит более слабое отражение, что можно свя-

зать с воздействием говоров ростово-суздальского типа. С другой стороны, при преобладающем в настоящее время произношении /о/ в соответствии исконным *ь*, *е* под ударением перед твердыми согласными (случаи типа *н/е/с*, *св/é/кла* сохраняются только реликтово) в первом предударном слоге преимущественно произносится /е/ /*не/сý*. Такой разрыв в произношении ударенного и предударного слогов появился в вологодских говорах, видимо, после того, как в них распространилось изменение *е* в *о* под ударением перед твердыми согласными, что также могло быть связано с воздействием говоров ростово-суздальского происхождения. Не получает в вологодских говорах столь значительного развития, как, например, в ладого-тихвинских говорах, и лабиализация *о* в предударных слогах. На основании имеющихся материалов можно предположить, что распространение ростово-суздальских, а в дальнейшем московских инноваций на территорию вологодских говоров имело место в основном в период до XVII в., причем на протяжении этого периода оно меняет свой характер, постепенно начиная отражать влияние языка Московского государства, как становящегося общенародным, т. е. уже вне связи с непосредственным взаимодействием двух различных диалектных систем.

Примером распространения наиболее ранней инновации ростово-суздальского происхождения может служить характер употребления губных спирантов. Рано сложившееся в ростово-суздальских говорах употребление губно-зубных спирантов и привело, видимо, к возникновению характерного для вологодских говоров комплекса их употребления, для которого характерно употребление /*в*/ перед гласными, но /*w* (*ў*)/ наряду с /*в*/ перед согласными и на конце слова при возможности произношения /*ф*/ в сильной позиции.

Сравнительно ранним было и распространение такого (ростово-суздальского по происхождению) явления, как утрата смычного элемента в звуковых сочетаниях /*ж'д'ж'*/, /*штш*/, следствием чего было появление в вологодских говорах долгих мягких шипящих согласных. Достаточно рано начинает распространяться на территорию изучаемых говоров, видимо, и форма род.—вин. п. местоимения 3-го л. ед. ч. ж. р. *её*, которая широко захватывает всю южную часть территории вологодских говоров (островками она отмечена также и на севере), распространение же старой формы *её* представлено только в пределах территории, где резко преобладала новгородская колонизация, т. е. на северной части территории группы.

Ростово-суздальские по происхождению языковые явления проникают на более северные территории, в том числе и в пределы вологодских говоров, и в последующие более поздние периоды, т. е. в период становления Московского государства. Оживление в распространении инноваций этого рода наблюдается особенно после XV в., т. е. после того, как новгородские территории вошли в состав Московского государства. К этому времени мы бы отнесли распространение на вологодскую территорию формы им. п. мн. ч. местоимения 3-го л. *онé*, а также распространение форм глаголов и прилагательных с утратой интервокального /*j*/, или вновь возникавшие формы 1-го и 2-го л. личных и возвратного местоимений (*меня́*, *тебя́*, *себя́*, *мне*, *тебé*, *себé*). Примерно в этот же период наблюдается распространение на территорию вологодских говоров ассимилятивного смягчения задненебных согласных, которое захватывает лишь южную часть данных говоров и не распространяется дальше на север, возможно, потому, что этому мешала тенденция отвердения согласных, характерная для определенной части вологодских говоров (см. выше).

Благодаря наличию особых условий относительно самостоятельного существования вологодские говоры смогли развить целый ряд именно им присущих инноваций. К наиболее ранним из них можно, видимо, отнести такие, как образование формы повелительного наклонения *лег*, *лéгте*, замена *л* велярного /*l*/ средним, образование форм род. п. ед. ч. ж. р. относительного и указательного местоимений *ты́йе*, *одны́йе*, образование охарактеризованного выше комплекса губных спирантов.

Образование инноваций продолжается на этой территории и в более позднее время. К их числу можно отнести такие, как произношение твердого велярного *л* в сочетаниях *лн*, *лш*: *бó/л/но*, *бо/л/шóй*, образование форм дат.— предл. п. ед. ч. существительных с мягкой основой с окончанием *-е*: *в грязé*, *по грязé*, образование форм инфинитива типа *пектú*, произношение шепелявых звуков в соответствии *с*, *з*, образование полумягких и твердых согласных в соответствии исконно мягким, образование форм сравнительной степени с суффиксом -*'ае* (*тепля́е* и под.), образование парадигмы спряжения у глаголов с основой на задненебный согласный с чередованием твердого и мягкого задненебного в основе.

В той же степени, как и другим говорам северного наречия, Вологодским говорам свой-

ственны поздние инновации, характерные для северного наречия в целом (см. II, 6).

Изучение материала показало, что говоры Вологодской группы неравномерно развивались на различных частях ее территории. Так, на западной части территории группы в целом ряде случаев сохраняются отдельные архаические черты, уже отсутствующие или известные лишь в отдельных говорах на восточной части ее территории. Так, например, в западной части территории (к югу от Тотьмы) чаще наблюдается произношение /ê/, /и͡е/ в соответствии исконному *ѣ* и /ô/, /у͡о/ в соответствии исконному *о* под восходящим ударением, в основном там же наблюдается лучшее сохранение случаев с *е*, не изменившимся в *о* под ударением перед твердыми и мягкими согласными в личных формах глагола (*не/сéт/*, *не/сéц'ц'/а* и под.); сравнительно чаще там же сохраняется характерный комплекс губных спирантов или употребление звуковых сочетаний /ш'ч'/, /ш͡ч'/, /ш͡ч/, /ж͡дж/, /ж͡д/; здесь наблюдается также более последовательное распространение форм род. п. мн. ч. с окончанием *-ей* от существительных с основой на *-ц*, или форм род. п. ед. ч. прилагательных и местоимений с окончанием *-ого*, *-оо*.

Сохранение подобных черт в западной части и утрата их в восточной части территории данных говоров связаны с тем, что восточная часть в большей мере подвергалась воздействию со стороны ростово-суздальского диалекта: за эту часть территории наиболее остро велась борьба между Новгородом и Ростово-Суздальской землей. Устюг неоднократно являлся причиной войн между ними, а в начале XIII в. был захвачен ростовцами и определенное время находился под их властью [52].

С другой стороны, по целому ряду признаков различаются говоры северной и южной частей территории группы. Так, в более северных вологодских говорах отмечен именно им присущий круг явлений, указывающих на имевшую исторически место задержку изменения *е* в *о* в определенных категориях случаев: ср. формы 2-го л. мн. ч. типа *ид/ит́е/* (при *ид/ит'ó/* — на юге); форму род.—вин. п. местоимения 3-го л. ж. р. *еé* — *неé* (при *её* — *неё* — на юге); формы тв. п. ед. ч. существительных ж. р. типа *землéй*. Гласный *е* сохраняется в этих говорах в ряде случаев и в заударном положении, например в конечном открытом и закрытом слогах типа *дерéвн/ей/*, *сúн/ей/*, *несúт/е/* и т. п. Сохраняют говоры этой части территории и такие архаические формы тв. п. мн. ч. существительных и прилагательных, как *кóнима*, *сёстрыма* и т. п., *большúма*, *худúма* и т. п. С другой стороны, говоры на северной части территории отличаются и по наличию инноваций, отсутствующих в более южных говорах той же группы: образование инфинитивов у глаголов с основой на задненебный согласный типа *пектú*, распространение словоформы *деревéн*, наблюдается и обратное соотношение — отсутствие на северной части территории группы инноваций, свойственных ее южной части.

Различия в характере языкового строя говоров северной и южной части территории Вологодской группы связаны, по-видимому, в основном с большей изолированностью северной части территории, сюда слабее проникал ряд инноваций, распространявшихся с запада (ср. распространение форм типа с *рукáм*), и с юга (ср. явления, связанные с изменением *е* в *о*, и др.).

Итак, в результате рассмотрения вопросов образования Вологодской и Ладого-Тихвинской групп северного наречия выступает ряд существенных различий, связанных с тем, в каких исторических условиях оказывались его носители. Наибольшая нивелировка характерных черт новгородского диалекта наблюдалась на наиболее древней центральной части территории, где имело место также и изменение состава населения. В результате всего этого наиболее древние черты новгородского говора на центральных и наиболее древних территориях его существования в ряде случаев утрачивались. Относительно лучшее сохранение некоторых собственно новгородских черт прослеживается на территории Ладого-Тихвинской группы говоров, занимавшей сравнительно периферийную часть новгородской метрополии и имевшей благодаря этому особые условия языкового развития. Однако наибольшее количество случаев сохранения древних новгородских диалектных явлений и развитие ряда присущих новгородскому диалекту тенденций представляют все же вологодские говоры.

Этому способствовало как местоположение этих говоров, так и описанные выше условия существования. Однако эти говоры нельзя рассматривать как исключительно новгородские по происхождению, поскольку взаимодействие с ростово-суздальским диалектом и здесь ощущается достаточно определенно.

---

[52] А. Н. Насонов. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 112, 194 (сноска) и др.

Глава четвертая

КОСТРОМСКАЯ ГРУППА ГОВОРОВ

§ 1. Центральные говоры и их краткая характеристика

До того как приступить к характеристике Костромской группы говоров, следует сделать хотя бы краткие замечания о центральных говорах в связи с той ролью, которую их особенности играют в составе ее языкового комплекса. На значительной территории, примыкающей к Москве, охватывающей говоры русского языка к западу от нее до линии Бежецк—Калинин—Медынь, к востоку — до линии, которая может быть проведена от бассейна р. Ветлуги к г. Горькому и Саранску, к северу — до линии Вологда—Кологрив и к югу — до линии бассейн р. Мокша—Касимов—Коломна—Калуга с возможным охватом говоров Тульской области, — находятся говоры, которым присущ комплекс языковых черт, состоящий почти сплошь из явлений, совпадающих с нормой литературного языка, но органически свойственный этим говорам, поскольку не сочетается в них с употреблением диалектных вариантов явлений. Говоры указанного типа мы и называем центральными. Эти говоры не являются составной частью современного диалектного членения языка, которое включает в свой состав наречия и ср.-р. говоры, членимые на группы и подразделения других типов, их выделение как бы накладывается на современное диалектное членение языка и характеризует основу языковых комплексов современных говоров, расположенных на данной территории и входящих в настоящее время в состав различных диалектных объединений.

Территориальная приуроченность центральных говоров является условной, так как характерные для них черты, совпадающие с нормой литературного языка одновременно, хотя и в разной степени, присутствуют в любых современных говорах. Однако и в исключительном распространении черты этого рода выделяют центральные говоры в существенно различных пределах. В связи с этим ниже и намечается три типа возможного выделения говоров центра: наиболее узкий — I тип, средний — II тип и наиболее широкий — III тип (см. карту 84) [53].

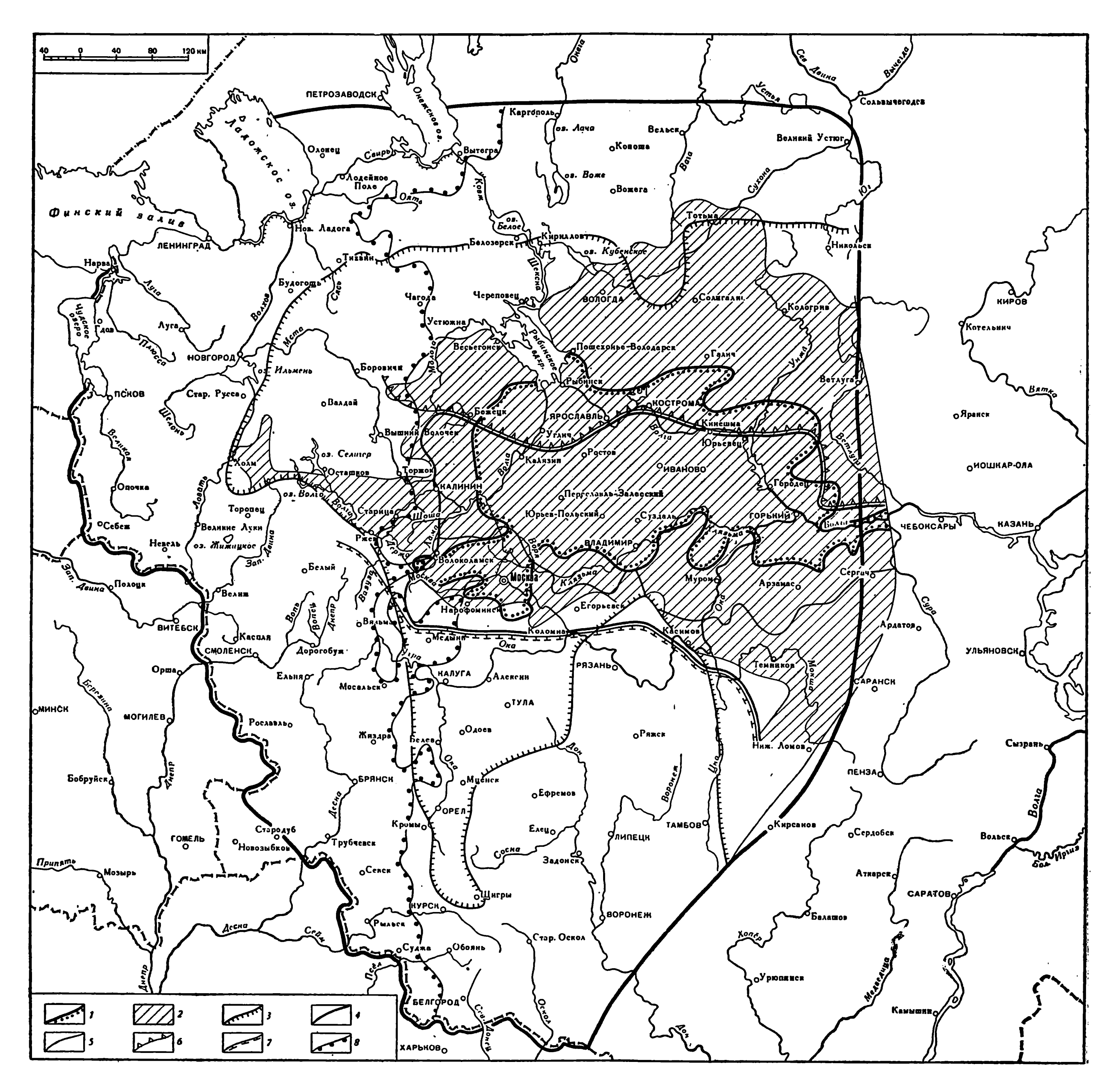
К числу явлений, характерных для центральных говоров, если иметь в виду изучение процессов исторического характера, можно отнести и некоторые диалектные явления, которые отсутствуют в настоящее время в говорах вокруг Москвы, но ранее были шире распространены в центральных говорах. Таковы следующие диалектные явления: произношение /т'/—/д'/ в соответствии /к'/ — /г'/ (*/т'/инó, нó/д'/и* и под.), наличие прогрессивного ассимилятивного смягчения в положении после парных по мягкости — твердости согласных (*Вá/н'к'/я*); наличие инфинитивов типа *печú, сечú*.

Понимание общности, существующей между говорами центра, является важным для изучения современного диалектного членения, так как дает возможность выявить те диалектные объединения, которые отличаются наличием в их языковых комплексах большего количества элементов общенародного характера. Так, центральные говоры являются базой таких современных величин диалектного членения русского языка, как восточные ср.-р. говоры, Костромская группа говоров северного наречия и Тульская группа говоров южного наречия.

Выделение центральных говоров особенно необходимо для изучения вопросов исторического характера. Эти говоры находятся на

---

[53] Характеристику центральных говоров читатель найдет в книге «Русская диалектология», а в более развернутом виде — в кн.: К. Ф. Захарова и В. Г. Орлова. Диалектное членение русского языка. По данным лингвистической географии. М., 1970.

Карта 84

Типы выделения центральных говоров:

1 — I тип (представлен изоглоссой произношения твердого согласного в возвратной частице во всех формах глагола); *2* — II тип (представлен изоглоссой исключительного распространения словоформы *свекровъ* — им. п.| ед. ч.); *3* — III тип (представлен изоглоссой исключительного распространения парадигмы личных форм глаголов I спряжения с ударенным *о);* *4* — граница вост.-ср.-русск. говоров; *5* — граница между акающими и окающими вост.-ср.-русск. говорами; *6* — граница сев. наречия; *7* — граница южн. наречия; *8* — граница западной зоны (представлена изоглоссой окончания *-ы* в им. п. мн. ч. местоимения 3-го л.: *оны́, йены́, ины́* и под.)

территории древней Ростово-Суздальской земли, на основе которой сформировалось в дальнейшем Великое княжество Московское. Разные пределы распространения отдельных явлений в современных центральных говорах — сужение границ некоторых из них с юга, а других — с севера, так же как и особая широта распространения отдельных из них, — объясняются временем возникновения различных из этих явлений и разной интенсивностью их последующего распространения в связи с историей населения — носителя этих черт.

§ 2. Предварительные замечания

Костромская группа говоров находится на юго-восточной части территории северного наречия. Она непосредственно граничит на севере с Вологодской группой говоров, а на юге — с восточными окающими ср.-р. говорами, а именно: с Владимирско-Поволжской группой этих говоров. Комплекс диалектных черт, характерных для говоров Костромской группы, включает черты следующих более широких территориальных объединений: северного наречия, северо-восточной диалектной зоны и черты центральных говоров. В ее пределах известны также некоторые явления, имеющие индивидуальный характер распространения.

В связи с тем, что круг диалектных черт, характерных только для Костромской группы говоров, невелик, для определения ее границ важны те явления более широких диалектных объединений, ареалы которых в одних случаях не выходят за южную границу этой группы (например, явления северного наречия), в других — за ее северную границу (некоторые явления центральных говоров), а также и тот факт, что на ее территории неизвестны явления западно-северной локализации и явления, характерные для северной зоны. Все указанные особенности и отличают Костромскую группу от двух других основных групп северного наречия — Ладого-Тихвинской и Вологодской (см. карту 85).

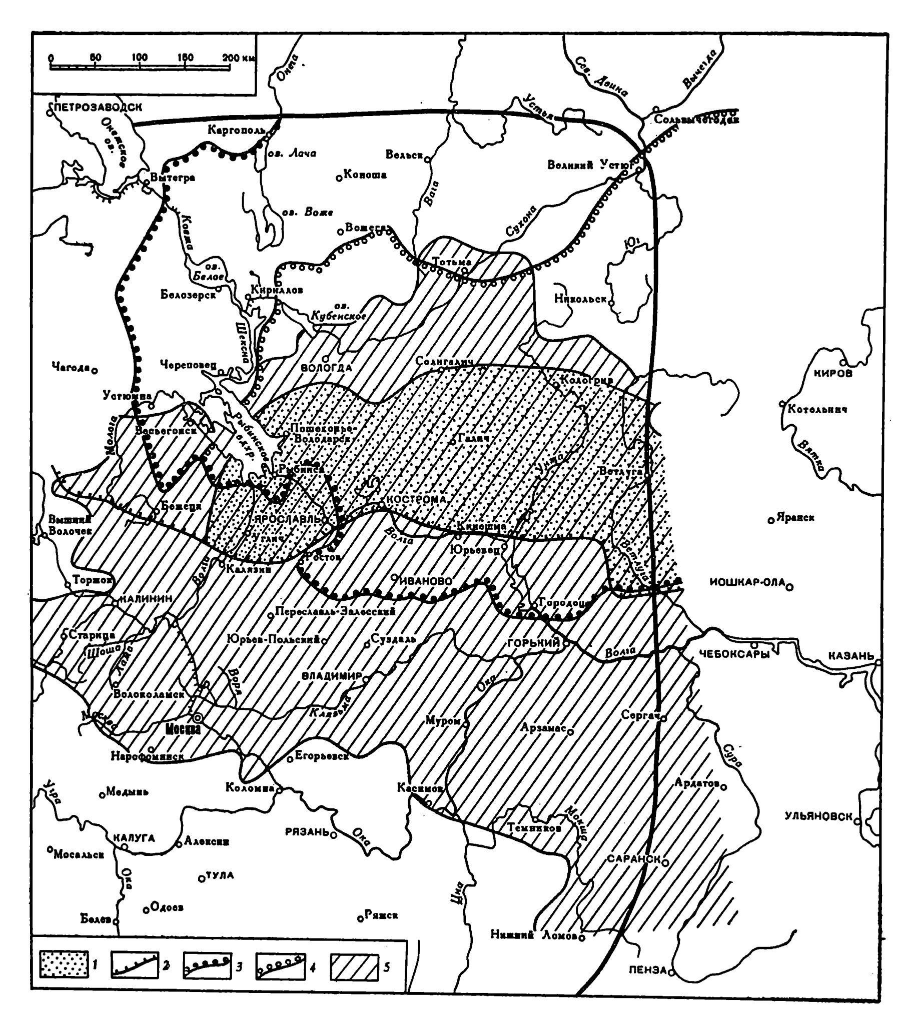
При анализе лингвогеографических данных, относящихся к Костромской группе, регулярно выделяются некоторые части ее территории: 1) западная (ярославско-пошехонские говоры, иногда с особым выделением в их пределах угличских говоров, находящихся в более южной части этой западной территории); 2) восточная, по течению р. Унжи (иногда с особым выделением в ее пределах более северных говоров у г. Кологрива); 3) говоры акающего острова у Солигалича — Чухломы (см. о них и выше, II, 2, § 2).

Указанные части территории группы редко выделяются по наличию характерных только для них черт. Обычно для них характерно наличие в их пределах некоторых особенностей, сближающих их с соседними группами говоров. Так, говоры западной части территории ближе по своему характеру к межзональным говорам северного наречия или к некоторым восточным ср.-р. окающим. В говорах более восточной части территории наблюдается бо́льшая близость к Вологодской группе говоров или (редко) к северо-восточной части восточных окающих ср.-р. говоров. Особое положение занимают акающие говоры у Солигалича и Чухломы, выделяющиеся по характеру безударного вокализма и лексики, а в остальном мало отличающиеся от окружающих говоров.

§ 3. Фонетические явления

Ударенный вокализм. В говорах Костромской группы лишь изредка отмечают, всегда факультативные в настоящее время, случаи произношения /*ô*/, /*o͡y*/ в соответствии *о* под восходящим ударением и /*ê*/, /*и͡е*/ в соответствии *ě*, в связи с чем семифонемный состав ударенных гласных даже в качестве сосуществующего с пятифонемным особенно редок в этих говорах. Лишь относительно чаще встречается наличие шестифонемного состава[54], при котором отмечают различение /*ê*/ и /*e*/. При этом гласный *о*, употребляемый вне различения *ô* и *о*, нередко произносится как сильно закрытый, лабиализованный типа /*ô*/, /*ʸo*/, хотя часто и наряду с /*о*/ в тех же соответствиях. При повсеместном распространении пятифонемного состава ударенных гласных важно подчеркнуть, что исключительным его распространение является на западной части территории группы. В части говоров наблюдаются некоторые специфические особенности, касающиеся сферы употребления отдельных фонем. Так, в отдельных редких говорах, преимущественно на восточной части территории (по течению р. Унжи), отмечают случаи произношения /*и*/ в соответствии *ě* перед твердыми согласными наряду с доминирующим произношением /*е*/. Однако случаи этого рода связаны обычно с небольшим кругом слов, видимо, закрепившихся в данной огласовке в каждом отдельном говоре. Исключением из этого являются лишь отдельные говоры у г. Грязовец, близкие по своему характеру к вологодским говорам,

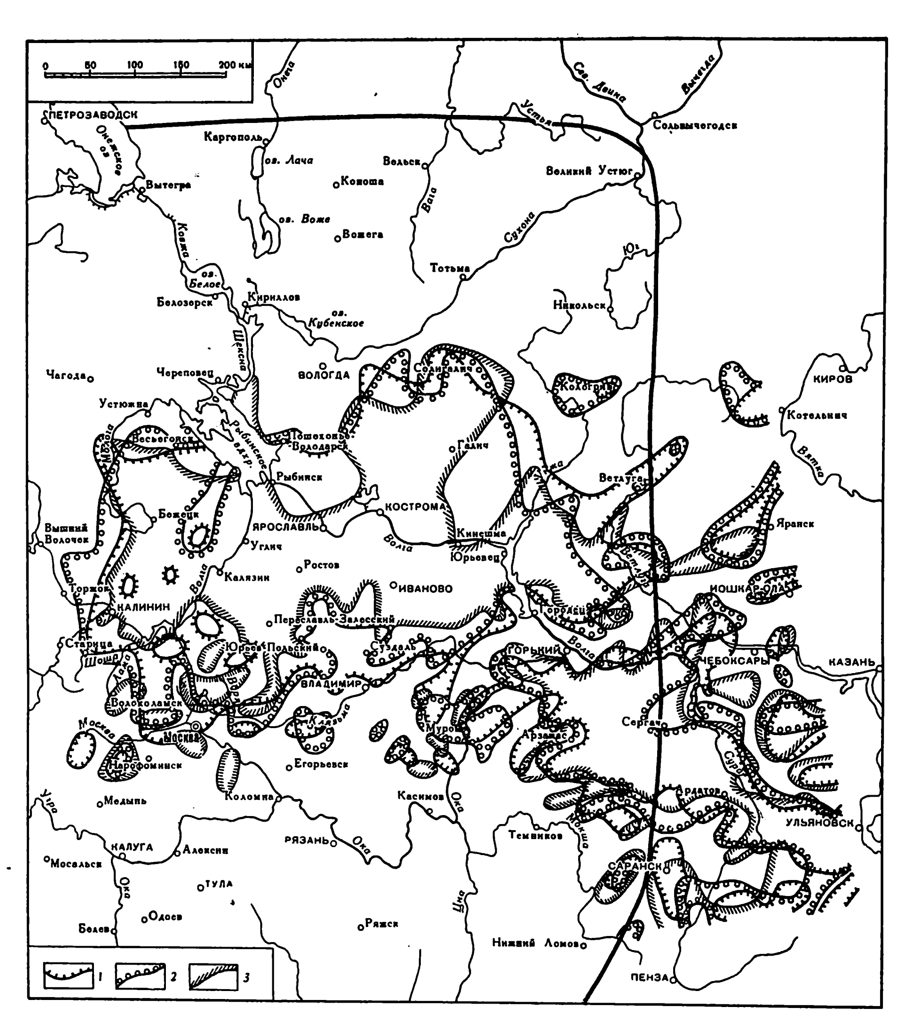
[54] С. С. Высотский. Определение состава гласных фонем.

Карта 85

Диалектные объединения, явления которых образуют основу языкового комплекса Костромской группы говоров:

1 — Костромская группа говоров; *2* — Северное наречие; *3* — Северо-восточная зона; *4* — Южная часть сев.-вост. зоны; *5* — Центральные говоры

Карта 86

Унификация окончаний в форме творительного падежа ед. ч. мужского рода и в формах мн. ч. притяжательных местоимений *мой*, *твой*, *свой* по типу форм указательного местоимения *тот*:

1 — им. п. мн. ч.: *моѐ, твоѐ, своѐ*; *2* — косв. падежи, мн. ч.: *моѐх, моѐм. . . своѐх, своѐм*; *3* — тв. п. ед. ч. м. р.: *с моѐм, с твоѐм, с своѐм* (формы предл. п. ед. ч. м. р. — *в моѐм, в твоѐм, в своѐм*, распространенные в восточных ср.-р. говорах, см. на карте 90)

в которых на месте *ě* перед твердыми согласными произносятся гласные /*ê*/, /*u*/ в неограниченном количестве слов, хотя также наряду с /*е*/. Характерно и то, что в тех говорах, в которых отмечаются случаи произношения /*u*/ в соответствии *ě* перед твердыми согласными в корнях слов, такого произношения за редкими исключениями не отмечают во флексиях, что и указывает на нефонетический характер употребления /*u*/ перед твердыми согласными, где оно могло лексикализоваться в говорах, ранее знавших произношение /*ê*/ перед твердыми согласными и /*u*/ перед мягкими в соответствии *ě*. При отходе от указанной системы могла появиться возможность закрепления произношения /*u*/ в отдельных словах независимо от качества последующего согласного. О возможности подобного пути развития свидетельствуют, например, такие данные говоров: *д/и́/лать*, *д/и́/лают*, *хл/и́/ба*, *при/йи́/-хал*, *хл/ê/ба*, *с/ê/на* (БСТ, 1049), *б/и́/лки*, *хл/и/б*, *при/йи́/хал*, *б/и́/лый*, *с/и́/на*, *ст/и́/ну*, *д/и́/фки* и др. (БСТ, 1046), *м/и́/сто*, *челов/и́/к*, *сд/и́/лают* (БСТ, 1336) при обычном наличии /*е*/ в соответствии *ě* перед твердыми согласными и /*u*/ или /*u*/ наряду с /*е*/ перед мягкими согласными в этих же говорах. Несмотря на то, что возможность различения /*ô*/ и /*о*/, /*ê*/ и /*е*/ является в костромских говорах реликтовой и всегда факультативной, костромские говоры достаточно резко отличаются по данной черте от соседних с ними восточных ср.-р. окающих говоров (см. IV, 3, § 2), являясь тем самым типичными говорами северного наречия.

В положении перед мягкими согласными в говорах Костромской группы ударенные гласные, как правило, сохраняют свое основное качество за исключением гласного на месте *ě*, который во всех говорах группы, так же, как и во всех говорах северного наречия, может совпадать с гласным *и*.

Произношение /*u*/ на месте *ě* между мягкими согласными сосуществует во всех говорах Костромской группы с произношением /*е*/. Произношение /*u*/ наблюдается главным образом в тех случаях, когда гласный из *ě* постоянно находится в положении между мягкими согласными, например, в таких словах, как *деверь*, *есть*, *неделя*, *се́мя*, *дверь*, *месяц* и под. В случаях же типа *в деле* (при *дело*) чаще произносится /*е*/, по типу произношения перед твердыми согласными. Поэтому по сути дела всем говорам Костромской группы свойственно различение гласных *ě* и *е*, но в одних из них (весьма редких в настоящее время и встречающихся главным образом в пределах восточной части территории) наблюдается различение исторически более раннего типа, т. е. употребление /*ê*/ и /*е*/ перед твердыми согласными, /*u*/ и /*е*/ перед мягкими, а в других (резко преобладающих в пределах группы) перед твердыми согласными произносится только /*е*/, а перед мягкими /*u*/ и /*е*/.

В соответствии этимологическим *е* (*ь*) для костромских говоров в общем характерно произношение гласного /*о*/ в положении перед твердыми согласными и гласного /*е*/ в положении перед мягкими согласными при возможности произношения здесь /*о*/ по аналогии (*на бе/р'ó/зе* и под.); ср., однако, и распространение таких случаев, как *кол/é/сики*, *сол/é/-ненький*, *вал/é/чик*, *горш/é/чек*, свидетельствующих о том, что выравнивание по аналогии может и отсутствовать в этих говорах, как это наблюдается и в части других центральных говоров (см. Владимирско-Поволжскую группу).

В костромских говорах отмечают случаи неперехода *е* > *о* в положении перед современными твердыми согласными, входящими в группы согласных, из которых последний мягкий (*п/é/стренький*) и в группы согласных со старым сочетанием **tъrt*, где *р* или может сохранять мягкость перед задненебными и губными согласными (*вер'х*, *четве́р'г*, *сер'п*), или не сохраняет мягкость перед зубными согласными (*мéрзнут*). Все эти категории случаев с возможным /*е*/ на месте *о* перечислены ниже, при описании вокализма говоров Владимирско-Поволжской группы, так как они являются общими для ряда говоров центра, а иногда и для всех говоров русского языка (ср. *верх*, *серп* и под.).

По судьбе гласных перед группами позднее отвердевших согласных в костромских говорах выделяются слово *дёргать* и личные формы глагола *держать*: на основной части территории группы распространено произношение /*д'óр*/-*гать*, но на восточной ее части отмечены мелкие ареалы произношения /*дéр'*/*гать*, но при сохранении /*р'*/. Формы *дéржит* и под. произносятся во всех говорах группы только с твердым *р*, но на западной части территории при этом с гласным *о* — /*д'óр*/*жим*, а на восточной с *е* — /*дéр*/*жим*.

Слово *лещ* произносится с гласным *е* во всех говорах группы независимо от того, находится ли этот гласный перед /*ш'ш'*/ или перед /*шш*/: /*леш'ш'*/, /*лешш*/. Так как в говорах к северу от Костромской группы, а также в городецких говорах Владимирско-Поволжской группы это слово произносится с *о*: /*л'ошш*/, а также и /*л'ош'ш'*/, то можно думать, что в говорах Костромской группы *е* не перешло в *о* в этом слове потому, что в них /*ш'ш'*/ отвердело не-

давно, когда переход *е* в *о* перестал быть живым законом.

Помимо тех категорий случаев с непереходом *е* в *о*, которые являются общими для говоров Костромской группы и центральных говоров (см. IV, 3, § 2), в говорах Костромской группы отмечено произношение с гласным *е* слов *бер/é/ста* и *чер/é/муха*, а также слов с суффиксом *-ен*: *затвор/éн/а*, *завед/éн/о*, *развед/éн/ка*, */въддалéнности/* и под. Изредка отмечают в костромских говорах и случаи неперехода *е* в *о* в отдельных, нерегулярно встречающихся словах, таких, как *свéкла*, *вéсла*, *берéза*, *трéпаный*, *сéстрам* и под. Таким образом, одни слова с непереходом *е* в *о* в костромских говорах являются общими для говоров центра и Владимирско-Поволжской группы (например, типа *мéрзнуть*, *пéстренький* и под.). Другие — типичны главным образом для говоров Костромской группы, как, например, слова с суффиксом *-ен-*. Третьи, встречающиеся в них очень редко (например, *свéкла*, *вéсла*), и лексикализованные (например, *черéмуха*, *берéста*) известны в говорах северного наречия и за пределами Костромской группы. Они могли распространяться в ее пределах на протяжении существования данной группы в составе северного наречия в целом.

Широкая возможность произношения /о/ на месте *е* представлена в костромских говорах во флексиях имен, местоимений и глаголов, т. е. в таких случаях, как *плет/н'óм/*; *не/с'óт/*, *не/с'óм/*, *не/с'óш/*; *в/н'óм/*, *в сво/йóм/*, *в мо/йóм/* (т. е. перед твердыми согласными) и в таких, как *несе/т'ó/*, */йейó/* *плеч'ó/* (т. е. в открытом конце слова), а также в положении перед мягкими согласными в случаях типа *зем/л'óй/*, в характерных для костромских говоров формах косвенных падежей ед. ч. ж. р. притяжательных местоимений *мо/йóй/*, *сво/йóй/*, встречающихся (см. карту 87), хотя и не повсеместно в пределах данной группы формах косвенных падежей местоимения 3-го л. ж. р. */йой/*.

Происхождение и время появления /о/ в ряде этих случаев различно и во многом не ясно. Оно встречается и в тех категориях слов и положениях, в которых оно могло появиться по чисто фонетическим причинам (в результате фонетического перехода *е* в *о* перед твердыми согласными, свойственного ростово-суздальским говорам), и в тех категориях слов, где оно стало произноситься в результате грамматической аналогии (*пле/ч'ó/* как *се/лó/*; *зем/л'óй/* как *сест/рóй/*, *мо/йóй/* как *тóй* и и под.), в тех категориях слов, в которых происхождение его остается еще не вполне ясным *несе/т'ó/*, */йейó/*[55]. Повсеместное распространение в говорах Костромской группы /о/ аналогического происхождения в окончаниях существительных и возможность его отсутствия в корнях слов (например, в случаях типа *вес/é/-ленький*) показывает, что процесс аналогического образования /о/ на месте *е* в корнях слов и в окончаниях происходил неодновременно (см. ниже). Имеются основания наличие форм местоимения с ударенным *о* типа *мо/йóй/*, */йой/* в костромских говорах объяснять действием тех же причин, что и наличие форм с /о/ типа *зем/л'óй/*, т. е. воздействием твердой разновидности склонения на мягкую[56]. Отличие костромских говоров заключаются только в охвате этим процессом различных частей речи. Так, если в говорах центра этот процесс охватил только имена существительные, то в костромских говорах, также входящих в говоры центра, но находящихся на их периферии, он распространился и на местоимения: притяжательные местоимения с мягкой основой стали склоняться в них по типу местоимений с твердой основой *тот — та* как в формах м. р. ед. ч. и в формах мн. ч. (ср. формы *с мо/йéм/*, *в мо/йóм/*, *мойé*, *мо/йéх/* и т. д.), так и в формах ж. р.: *мой/óй/*, *свой/óй/* *у йóй*. Наличие /о/ в глагольных окончаниях в случаях типа *несе/т'ó/*, *сиди/т'ó/*, характерных, кроме того, и для говоров южной части Вологодской группы и северо-восточной части владимирско-поволжских говоров (городецкие говоры), не может быть объяснено аналогией с твердой разновидностью, оно образовалось на основе других закономерностей и, видимо, в другое время, причем характер этих закономерностей остается пока неустановленным.

В соответствии *е* перед мягкими согласными произносится /е/. Произношение /и/ в соответствии *е* между мягкими согласными отмечают лишь в отдельных говорах Костромской группы в некоторых словах, обозначающих диалектное название реалий, например, *к/и́/рбь*, *кач/и́/ли* и в совершенно единичных случаях, например, *д/и́/сять* (БСТ, 1073).

Таким образом при широкой возможности произношения /и/ в соответствии *ě* между мягкими согласными для костромских говоров не типично произношение /и/ в соответствии *е(ь)* в том же положении. Этим костромские говоры резко отличаются от восточных окаю-

---

[55] С. П. Обнорский. Очерки по морфологии глагола, стр. 145—146; П. С. Кузнецов. Историческая грамматика, стр. 136; П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии, стр. 133.

[56] П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии, стр. 129.

щих ср.-р. говоров, в которых звуки на месте *ě* и *е* обычно совпадают в одном гласном и в положении перед мягкими согласными.

В соответствии этимологическому *а* в ударенном слоге для костромских говоров характерно произношение /*а*/ как перед твердыми, так и перед мягкими согласными. Лишь в отдельных словах, в большинстве форм которых гласный *а* находится в безударном положении, наблюдается произношение /*о*/ или /*е*/ в соответствии *а* под ударением перед твердыми согласными. Таково произношение *зап/р'ó/г*, *пот/р'ó/с*, распространенное почти на всей территории группы (кроме ее северо-западной части) или отмеченное в единичном употреблении /*né*/*тна*, *зап/рé/г*. Произношение /*о*/ на месте *а* в словах *зап/р'óг/*, *пот/р'óс/* является особенно последовательным в говорах акающего Чухломского острова, но оно известно и другим говорам группы, главным образом тем, в которых отмечено произношение /*е*/ на месте *а* в 1-м предударном слоге. Произношение /*е*/ в соответствии ударенному *а* между мягкими согласными в общем не характерно для говоров группы; случаи произношения /*е*/ отмечают в пограничье с Вологодской группой и в некоторых отдельных говорах восточной половины территории. При этом обычно /*е*/ на месте *а* отмечают в корнях существительных и глаголов, но не в суффиксах и окончаниях (в частности произношения /*е*/ не отмечают в глаголах типа *кричáть*, *дышать*). Это и свидетельствует о лексикализованном, а не о фонетически закономерном характере распространения случаев употребления /*е*/ на месте *а* в указанном положении в костромских говорах.

Таким образом, в ударенном вокализме костромских говоров отражены черты, свойственные говорам северного наречия и центральным говорам, а также имеются специфические, именно им присущие особенности. Наличие шестифонемного, а в отдельных говорах и семифонемного состава ударенных гласных, произношение /*и*/ на месте *ê* между мягкими согласными являются в этих говорах чертами северного наречия. Наличие /*о*/ на месте *е* перед твердыми согласными и сохранение /*а*/ между мягкими согласными сближает эти говоры с говорами центра. Отдельные лексические и грамматические закономерности в употреблении /*е*/ или /*о*/ на месте *е* являются специфическими особенностями костромских говоров.

Безударный вокализм. Произношение гласных в первом предударном слоге после твердых согласных. При характерном для данной группы (за исключением говоров Чухломского акающего острова), как и для всех говоров северного наречия, различении гласных *а* и *о* в этом положении по говорам группы отмечают случаи произношения сильно лабиализованного *о*, обозначаемого в материалах как /$о^у$/, т. е. *о* склонное к *у*. Произношение такого *о* фиксируют в говорах данной группы в тех же условиях, что и в других говорах северного наречия (см. II, 2, § 2), в частности в возможной связи с качеством ударенного *о*. Таким образом, по условиям лабиализации *о* костромские говоры отличаются от окающих восточных ср.-р. говоров (см. IV, 3, § 2).

Этимологически правильное употребление *о* и *а* в 1-м предударном слоге нарушается в отдельных словах, главным образом в тех, которые имеют постоянно безударные *а* и *о*. При этом в каждом отдельном говоре отмечают свой круг слов, в которых на месте *а* произносится *о*, что наблюдается и в других говорах северного наречия.

Произношение гласных в первом предударном слоге после мягких согласных. В соответствии этимологическому *е* перед твердыми согласными в данных говорах обычно произносится /*е*/. Отмечаемое наряду с этим произношение /*о*/ чаще всего наблюдается в единичных случаях и обладает гораздо меньшей степенью употребительности, чем /*е*/. При этом анализ подобных случаев произношения /*о*/ на месте *е* не дает возможности установить их связь с определенными группами слов.

На материале одних только костромских говоров трудно решить вопрос о том, является ли возможность произношения /*о*/ в соответствии с *е* относительно древней или развивалась в них уже после прекращения действия фонетического закона перехода *е* в *о* перед твердыми согласными[57]. Некоторое значение для рассмотрения данного вопроса имеют данные о том, что произношение /*о*/ преимущественно наблюдается в соответствии *е*, а не *ě*. Существенно также, что произношение /*о*/ отмечают не только в случаях, поддержанных аналогией (типа /*н'о*/*с* — /*н'о*/*сý*), но и вне такой поддержки (/*йо*/*мý*, *с*/*м'о*/*тáна* и под.). Все это свидетельствует или о том, что различение *о* и *е* переходит на новую фонологическую основу, или о том, что произношение /*о*/ раньше было более регулярным и фонетически закономерным, а в дальнейшем утрачивается, что

[57] О неисконности /*о*/ в этом положении см.: С. К. Пожарицкая. Проблема изменения *е* в *о* в северновеликорусском наречии в свете данных лингвистической географии. «Вопросы диалектологии восточнославянских языков». М., 1964.

может быть связано с действием общей тенденции к унификации безударных гласных в этих говорах. Помимо указанной возможности произношения /о/, отмечаемого почти во всех говорах Костромской группы, в говорах на юго-западной части ее территории (у Ярославля и Рыбинска) известно произношение в соответствии *е* (а также и в соответствии *ě*) гласного /а/, или звуков, средних по производимому акустическому впечатлению между /а/ и /е/ типа широкого переднего *ä*, обозначаемых в транскрипции как $а^е$ или $е^а$: *см/е^а/тáна*, *сн/е^а/гóв* и под. Хотя в тех же говорах, где произносится /а/ вместо *е* (и *ě*), отмечено произношение /о/ только на месте *е*, мы не считаем правильным связывать возникновение произношения /а/ с наличием *о*, так как /а/ произносится в равной степени как на месте *е*, так и на месте *ě*, в соответствии с которым в этих говорах обычно не произносится /о/. Общий характер распространения данного явления (см. II, 2, § 5 и карту 45), который осложняется тем, что в тех же говорах в соответствии *а* перед твердыми согласными известно также произношение /е/, /$е^а$/, а перед мягкими согласными только /е/, скорее ведет к выводу, что в данных говорах действует тенденция утраты различения этимологических гласных. На других частях территории группы /а/ на месте *е* (из *е* и *ě*) не произносится, но в них довольно широко распространено произношение гласных типа /$а^е$/, /$е^а$/ на месте *а* перед твердыми и мягкими согласными [58]. Наличие этих гласных не нарушает еще общего различения гласных в говорах Костромской группы, чем и отличаются говоры основной части группы от говоров ярославско-угличских.

В положении перед мягкими согласными на месте *е* в костромских говорах обычно произносится /е/, реже и всегда наряду с ним может произноситься также — /и/, что всегда оказывается обусловленным наличием /и/ в соответствии *ě* в том же положении в каждом данном говоре. При этом обычно случаев произношения /и/ бывает больше в соответствии *ě*, чем в соответствии *е*. Зависимость в появлении произношения /и/ на месте *е* от наличия /и/ на месте *ě* прямая: среди костромских говоров нет таких, в которых бы гласный /и/ произносился только на месте *е* и отсутствовал бы на месте *ě*, в то время как обратные отношения встречаются.

---

[58] С. К. Пожарицкая. Изоглоссы типов предударного вокализма после мягких согласных на территории севернорусских говоров. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967, стр. 104—105.

В соответствии этимологическому *ě* перед твердыми согласными в костромских говорах обычно произносится /е/. Произношение /о/ не характерно в данном соответствии; если его и отмечают, то только в отдельных словах и только при возможности произношения в том же говоре /о/ на месте *е*. Круг слов, в которых отмечают возможность произношения /о/ в соответствии *ě*, тот же, что и во владимирских говорах с характерным для них различением типа *о—е—а* и с возможностью произношения /о/ в соответствии *ě* только в этих словах. Это слова с корнями *-де-*, *-бег-*, *-цвет-* (*о/д'о/вáть*, */б'о/гý*, *ц/в'о/тýт* и под.) и некоторые другие.

Таким образом, в данном случае речь идет о возможности частичного и лексически ограниченного распространения /о/ в соответствии *ě*, известного в говорах, знающих более широкое употребление /о/ в соответствии *е* (*о/д'о/вáть* только при */н'о/сý*). Напомним, что выше мы наблюдали похожую зависимость: возможность факультативного произношения /и/ в соответствии *е* только при наличии произношения /и/ в соответствии *ě*. Факты этого рода скорее всего можно объяснить развившимся или развивающимся неразличением гласных *ě* и *е* в костромских говорах, совпадением их в одном гласном и распространением того типа произношения, который является более характерным для одного из гласных: /и/ на месте *ě* и *е* между мягкими согласными и /о/ в соответствии этим же гласным перед твердыми согласными. Однако полная идентичность в употреблении гласного, произносимого на месте *ě* и *е* в говорах, в которых эти звуки ранее различались или частично различаются и теперь, как правило, отсутствует. В связи с этим вторично усвоенное произношение всегда имеет более ограниченное распространение и не охватывает всей соответствующей лексики. Это свидетельствует, в свою очередь, о том, что процесс унификации гласных в этих говорах происходит по пути лексико-грамматического обобщения, а не чисто фонетически, хотя именно совпадение гласных *ě* и *е* в одном звучании делает этот процесс возможным. (Анализ того же явления на материале владимирско-поволжских говоров см. IV, 3, § 2.)

В положении перед мягкими согласными на месте *ě* произносится /и/ и /е/. Говоры, в которых на месте *ě* произносилось бы только /е/ (как это наблюдается в соответствии *е*), редки. Есть говоры, в которых в соответствии *ě* произносится только /и/, при наличии /е/ в соответствии *е*, но чаще наблюдается, что гласный /и/, преимущественно произносимый

в соответствии *ě*, спорадически отмечают и в соответствии *е* (см. выше).

На месте этимологического *а* перед твердыми согласными в части говоров произносится /*а*/, в другой части /*е*/, однако наиболее типично для говоров Костромской группы произношение гласного /*а*/ наряду с /*е*/. Возможно, что в говорах, в которых перед твердыми согласными произносится /*а*/ и /*е*/, произношение каждого из этих гласных закреплено за определенной лексикой, но из-за несоотносительности материала это трудно было установить. В положении перед мягкими согласными в соответствии *а* чаще произносится /*е*/, при котором могут сохраняться случаи произношения /*а*/, но возможны говоры, в которых /*а*/ произносится наряду с /*е*/ и в этом положении, а также говоры, в которых произносится только /*е*/. Отмечено по говорам и произношение промежуточных по своему характеру гласных типа /*е*^{а}/. В говорах, для которых характерно произношение одновременно и /*а*/ и /*е*/, в изучаемом положении несомненно возможна лексическая прикрепленность тех и других случаев, но установить эту лексикализацию для каждого отдельного говора не удалось. Кажется, что регулярнее всего произношение с /*е*/ встречается в случаях типа *гл/е/дú*, *пр/е/дú*, *нар/е/дúлась*, *п/е/тú* (пять), т. е. как раз в таких, для которых возможны формы с произношением /*а*/ под ударением. Это ведет к предположению, что произношение /*е*/ в указанных случаях было поддержано грамматической аналогией даже и в том случае, если учитывать ту роль, которую могло сыграть в появлении произношения /*е*/ взаимодействие с говорами Вологодской группы. Так, в глагольных формах типа *г/ле/дú*, *п/ре/дú* произношение /*е*/ могло быть поддержано тем, что в данных говорах названные глаголы относятся к числу глаголов с постоянным ударением на окончании, которые в пределах форм словоизменения не имеют чередования предударного и ударенного гласных. Видимо, это и могло способствовать тому, что устанавливалось произношение одних и тех же гласных 1-го предударного слога у всех глаголов данного типа: ср. *н/е/сý — н/е/сёш — н/е/сú*, а отсюда и *тр/е/сý — тр/е/сёшь — тр/е/сú*; *гл/е/жý — гл/е/дúшь — гл/е/дú*. Более сложный процесс грамматической аналогии оказывался у числительных, где исходными формами для неразличения гласного *а* могли явиться формы *дéс/е/ть*, *дéв/е/ть*, в которых в заударном положении при непроверяемости гласных в положении между мягкими стало произноситься /*е*/ на месте *а*. На почве этих исходных форм могли появиться и формы *дес/е/тú*, *дев/е/тú* и т. д., а по аналогии с ними, возможно, и *п/е/тú*. В появлении произношения /*е*/ в соответствии *а* нельзя, видимо, полностью исключать и роль чисто фонетических процессов, в результате которых *а* между мягкими согласными становился звуком более передним по образованию, типа /*а*^{е}/, /*ä*/, переходившим затем в /*е*/.

Таким образом, наиболее характерным типом вокализма 1-го предударного слога для говоров Костромской группы являются *е—е—а/е* перед твердыми согласными и *е/и—и/е/—е/а* перед мягкими согласными. Для этого типа характерно частичное неразличение гласных, при котором совпадают гласные на месте *ě* и *е* перед твердыми и мягкими согласными и различается гласный на месте *а* в тех случаях, когда непосредственно произносится /*а*/ или такие звуки, которые в том же фонетическом положении не произносятся на месте *ě* и *е* (например, в тех случаях, когда при наличии /*е*/ на месте *ě* и *е*, на месте *а* произносится /*ä* (*а*^{е}, *е*^{а})/, или в тех, когда при наличии /*и*/ на месте *ě* и *е* на месте *а* произносится /*е*/). С этим связано и существование разновидностей указанного типа, зависящих от наличия больших или меньших элементов различения и неразличения гласных, имеющихся в каждом отдельном говоре, чем и объясняется возможность колебаний от системы: *е—е—а*; *е/и—е/и—е/а* до системы *е—е—е*; *е—е—е*. Однако возможность последней системы редко реализуется в говорах группы потому, что в положении перед твердыми согласными чаще всего наблюдается сосуществование с системой *е—е—а*, а перед мягкими согласными — с системой *и—и—е*. Наиболее обязательным элементом системы при ее наибольшем неразличении является наличие элементов различения между этимологическими *е* и *а* перед мягкими согласными. Наличие системы *е—е—е*; *е (и)—и/е—е* отмечается в ряде говоров восточнее Чухломского острова. Этот же вариант системы встречается в виде: *е—е—е(а)*; *е(и)—и/е—е*. В говорах южнее и юго-западнее Галича встречаются говоры с системой: *е—е—а*^{е}; *е(и)—е/и/—а*^{е} и с системой *е*^{а}*—е*^{а}*—а*; *е(и)—е/и—е*. От основного типа вокализма 1-го предударного слога костромских говоров отличаются говоры Пошехонья и чухломские говоры (о последних говорилось выше). Говоры Пошехонья отличаются от основной массы говоров тем, что в них, как правило, сохраняется гласный на месте *а* как перед твердыми, так и перед мягкими согласными без перехода в *е*. Видимо, эти говоры в определенный период своей истории не пережили изменения качества гласного на месте *а*

между мягкими согласными в 1-м предударном слоге в той мере, как пережили это другие говоры северо-восточной зоны. Поэтому основным типом вокализма этих говоров является *е(о)—е—а* перед твердыми согласными и *е(и)—е/ и—а* перед мягкими согласными. Таким образом, характерной особенностью вокализма Костромской группы является то, что различающиеся в предударном положении гласные чаще всего не соответствуют качеству гласного под ударением. Это несоответствие касается почти всех гласных в положении перед твердыми согласными и частично перед мягкими согласными, что и отражено на следующей таблице.

Таблица 6

В соответствии этимологическим гласным	е	ě	а	е	ě	а
В зависимости от качества последующего согласного	перед твердыми согласными			перед мягкими согласными		
Гласные под ударением	о	е, ê(и)	а	е	и, е	а
Гласные в 1-м предударном слоге слова	е(о)[59]	е(и)	а, ä, $а^{е}$, е	е(и)	е, и	а, ä, $е^{а}$, е

[59] Обозначение гласного в скобках означает очень редкое его употребление в этой позиции.

Такой избирательный, представленный только в безударных слогах, принцип изменения качества гласного характерен именно для говоров Костромской группы северного наречия, так как к северу от них находятся говоры Вологодской группы, в которых влияние, например, соседних мягких согласных проявляется в равной мере как под ударением, так и без ударения.

Таким образом, вокализм 1-го предударного слога костромских говоров имеет тенденцию к самостоятельному развитию, не зависящему от состояния и развития ударенного вокализма. На этой почве в вокализме Костромской группы развиваются элементы совпадения гласных, которые обусловлены, однако, только особенностями развития данных говоров и не имеют ничего общего с неразличением, развивающимся под южнорусским влиянием. Такой характер безударного вокализма мог возникнуть после XV в. и развиваться в последующее время.

Произношение гласных во втором предударном слоге. В этой позиции в положении после твердых согласных повторяются основные закономерности 1-го предударного слога, но с меньшей определенностью. Так, на месте *о* во 2-м предударном слоге так же, как и в 1-м, произносится /*о*/ и редко, главным образом в тех говорах, где в 1-м предударном слоге, произносится /*ô*/ или /*у*/, но далеко не во всех этих говорах произносится /*ô*/, /*у*/. Это свидетельствует о том, что закономерности различения гласных во 2-м предударном слоге не имеют специфического характера по сравнению с закономерностями 1-го предударного слога в этих говорах. Иное положение наблюдается в этом отношении в ср.-р. окающих говорах, также входящих в состав центральных говоров, т. е. в говорах Владимирско-Поволжской группы (см. IV, 3, § 2). Совпадение гласных *а* и *о* в ъ отмечается в совершенно единичных говорах и только в отдельных словах. Такие говоры имеются восточнее Костромы, в бассейне р. Унжи и южнее Рыбинска. Для говоров группы в целом случаи такого совпадения не характерны. Тот же характер и состав различающихся гласных наблюдается и в тех случаях, когда гласный 2-го предударного слога является начальным, здесь произносится /*о*/: /*о*/*дногó*, /*о*/*бязáтельно* и др. Произношение /*у*/ в соответствии *о* лишь изредка отмечают в словах: /*у*/*горóд*, /*у*/*гурцы́*.

Характерной особенностью говоров Костромской группы по сравнению с другими говорами северного наречия является произношение *о* во 2-м предударном слоге в словах /*о*/*ржанóй*, /*о*/*льнянóй*[60]. Если считать, что гласный в подобных словах развивался первоначально в виде призвука перед сочетанием согласных, то наличие /*о*/ в костромских говорах свидетельствует о том, что произношение редуцированного гласного в безударном положении было не свойственно этим говорам, в которых в любом положении произносились гласные качественно близкие к гласным под ударением. Поэтому и возникавший призвук гласного в данном положении обобщился с гласным *о* (см. карту 103).

Произношение гласных заударных слогов. Говоры Костромской группы имеют ряд особенностей и закономерностей в произношении гласных заударных слогов, некоторые из которых являются общими с особенностями безударного вокализма вообще. Так, общей особенностью для всего безударного вокализма костромских говоров

[60] Границы Костромской группы говоров резко очерчиваются изоглоссой этого явления (см. карту 103).

(в том числе и заударного) является полное различение гласных после твердых согласных и неполное после мягких согласных, что является в них не результатом редукции, а результатом тех особых соотношений, которые наблюдаются в этих говорах между гласными неверхнего подъема в положении после мягких согласных.

В положении после твердых согласных для всех окающих костромских говоров характерно полное различение гласных *а*, *о*, *ы*, *у* во всех заударных слогах. Произношение редуцированного /*ъ*/, если и отмечают в некоторых окраинных говорах (в ярославских или в говорах севернее г. Юрьевца, по р. Унже и южнее г. Галича), то всегда наряду с /*о*/ и далеко не во всех говорах указанных территорий. Поэтому можно считать, что по наличию полного различения гласных заударных слогов после твердых согласных говоры Костромской группы резко отличаются от расположенных к югу от них восточных ср.-р. говоров. Отмечаемое в костромских говорах произношение /*а*/ на месте *о* в конечном открытом слоге в категории имен прилагательных род. п. ед. ч. типа *нóвов*/*а*/, *большóв*/*а*/ не может считаться фонетическим явлением, так как оно связано только с одной грамматической категорией и не сочетается с возможностью произношения /*а*/ на месте *о* в конечных открытых слогах вообще [61]. Распространение данного явления как грамматического ограничено на юге пределами группы, так как в восточных ср.-р. говорах в данном окончании возможно произношение /*а*/ или /*ъ*/ в соответствии всякому *о* и *а* в конечных открытых заударных слогах (ср. возможность произношения *-ова* и *-ово* и в периферийных костромских говорах у Ярославля и Углича). На севере произношение указанной формы с гласным /*а*/ свойственно и южной части говоров Вологодской группы. Такой характер распространения описываемого явления позволяет отнести его возникновение к определенному периоду истории говоров на территории бывшей Ростово-Суздальской земли (см. ниже).

В положении после мягких согласных судьба гласных, различающихся в заударных слогах, в большой степени зависит от фонетического положения и от наличия или отсутствия условий для аналогии со звучанием ударенных гласных в той же категории слов. Общей особенностью заударного вокализма после мягких согласных, характерной для костромских говоров, является отсутствие в них редукции гласных неверхнего подъема, аналогичное ее отсутствию после твердых согласных. Однако при отсутствии редукции качество гласных, которые произносятся в заударных слогах на месте гласных неверхнего подъема, определяется не соответствиями этимологического характера, а теми закономерностями, которые сложились в отношении каждого отдельного гласного на протяжении истории формирования вокализма костромских говоров. Этим и определяется, например, наиболее характерная для костромских говоров возможность произношения /*о*/ на месте *е* во всех заударных слогах при наличии слов тех же форм с ударенным *о* и произношение /*е*/ на месте *а* во всех заударных положениях, кроме личных и падежных окончаний, в которых постоянно сохраняется произношение /*а*/ как перед твердыми, так и перед мягкими согласными при условии, если /*а*/ произносится в той же морфеме под ударением. Этим и объясняется та характерная особенность системы заударного вокализма костромских говоров, при которой гласные на месте *е* и *ě* часто различаются в положении перед твердыми согласными и на конце слова, так как на месте *е* здесь произносится /*о*/, на месте *ě*—/*е*/, а гласные *е* и *а* совпадают в /*е*/, если они входят в состав корневой морфемы или суффикса, и различаются, если они входят в состав флексий, имеющих ударенную и безударную разновидности. Качество гласного в составе флексий, имеющих ударенную и безударную разновидности, имеет большое значение и для различения *е* и *ě*. Следовательно, в говорах Костромской группы только при наличии ударенной морфемы создаются обязательные условия для различения всех гласных неверхнего подъема в безударном положении той же морфемы независимо от фонетического положения, в котором они находятся.

Рассмотрим реализацию системы заударного вокализма на примере отдельных позиций. В соответствии *е*—*ě*—*а* различаются *о*—*е*—*а* в открытом конце слова. В соответствии *е* всегда произносится /*о*/, причем произношение этого гласного отмечают не только в именах, где возможно действие грамматической аналогии с твердой разновидностью: *пó*/*л'о*/, *сú*/*н'о*/ — *окн*/*ó*/, *больш*/*ó*/ (произношение заударного /*о*/ в этом положении характерно для всего северного наречия), но и в глаголах, где грамматической аналогии с твердой разновидностью нет: *идú*/*т'о*/, *знáе*/*т'о*/ (наличие заударного *о* в этом положении характерно только для южной половины территории северо-восточной

[61] Н. Н. Дурново объяснял изменение *ово* > *ова* влиянием флексии род. п. существительных. См.: Н. Н. Дурново. Очерк истории. . .

зоны). Тем самым гласный /о/ на месте *е* произносится в этом положении во всех возможных случаях и различается с гласными /е/ (в соответствие с *ě*) и /а/. При этом различении соблюдается и то основное его условие, согласно которому эти гласные одновременно являются формальными элементами — окончаниями, возможными как под ударением, так и без ударения. Ср. *по́/л'о/—пле/ч'о́/*; *к ма́м/е/ — к земл/е́/*; *зна́е/т'о/—несе/т'о́/*. Не нарушает указанного правила и произношение /а/ или изредка /е/ (но не /о/) в окончаниях прилагательных род. п. ед. ч. ж. р. и им. п. мн. ч. — *у молод/ы́йа/*, *они кра́сн/ыйа/* и под. Само наличие /а/ или /е/ в этой категории свидетельствует о наличии в этих окончаниях не *е*, а *ě*, в соответствии которому в данном случае и произносится /а/. Характерно, что в части костромских говоров, а именно в говорах бассейна р. Унжи, указанные формы с окончанием *-ыйа* сосуществуют с формами неличных местоимений род. п. ед. ч. ж. р. /тыйо́/ и под., имеющими ударение на гласном *о* окончания, также восходящем к *ě*. Такое несоответствие ударенной и безударной форм прилагательных и местоимений указывает, видимо, на то, что процессы обобщения и аналогии заударных гласных действовали в этих говорах только в пределах каждой отдельной конкретной категории. С аналогичными ограничениями мы еще столкнемся ниже, рассматривая процессы обобщения ударенных гласных, имеющиеся у местоимений и отсутствующие у прилагательных в данных говорах (см. ниже). За исключением указанных случаев произношения /а/ (типа *кра́сны/йа/*) в соответствии *ě* в костромских говорах в конечном открытом слоге произносится обычно /е/ (произношение /а/ отмечено в отдельных говорах по Унже и в угличско-ярославских, где возможны случаи типа *в колхо́/з'а/*). Из общего состава костромских говоров по характеру произношения на месте *е* выделяются лишь говоры Ярославские, в которых /о/ в открытом слоге произносится главным образом только в именах, где возможно действие грамматической аналогии, но не произносится в окончаниях глаголов.

В закрытых заударных слогах в костромских говорах также постоянно произносится /о/ на месте *е* перед твердыми согласными; произносится /о/ и перед мягкими согласными в окончаниях имен, при наличии аналогии с окончанием того же падежа твердой разновидности (например, *дере́в/н'ой/* при *ба́/бой/*, но *па́/рен'/* при отсутствии аналогии). В соответствии *ě* — произносится /е/, что свидетельствует об исконном различении *ě* и *е* в заударных закрытых слогах перед твердым согласным. Однако произношение /е/ возможно наряду с /о/ также и на месте *е*, причем закономерность в соотношении случаев произношения /о/ и /е/ в соответствии *е* не всегда прослеживается с достаточной определенностью. Преобладание произношения /е/ в заударных слогах можно указать для неконечных слогов в случаях типа *о́з/е/ро*. В конечных закрытых слогах чаще произносится /о/, чем /е/ в окончаниях имен и глаголов, реже в составе корней слов, например, *ве́т/е/р*, *де́н/е/к* и под. Видимо, в составе окончаний имен и глаголов произношение /о/ на месте *е* поддерживается аналогией с теми же формами, находящимися под ударением (*по́/л'ом/* — как *пле/ч'о́м/*; *бу́/д'от/* как *не/с'о́т/* и под.). Возможно, что и в заударных неконечных слогах перед твердыми согласными имеет значение, является ли заударное *е* составной частью окончания, имеющего под ударением *о*, или нет, т. е. слова типа *о́з/е/ро* могут отличаться по произношению гласного от слов типа *на́ш/е/му*, так как в последнем случае возможна аналогия с *больш/о́/му*. Подобная аналогия в случаях корневого употребления заударного *е*, естественно, затруднена, а в случаях суффиксального зависит от употребляемости слов с ударенным суффиксом. При этом следует иметь в виду, что слова с суффиксом *-ен* и под ударением могут произноситься без перехода *е* в *о* (см. выше). Таким образом, в заударном положении перед твердыми согласными в соответствии *е* и *ě* могут различаться гласные /о/—/е/ и может наблюдаться совпадение их в /е/. Последнее, т. е. неразличение гласных *е* и *ě* и совпадение их в /е/ в Костромской группе говоров, отмечается главным образом в ярославских говорах.

Характерной особенностью костромских говоров за исключением пошехонских говоров и отчасти ярославских, в которых отсутствует эта черта, является возможность произношения /е/ в соответствии *а* перед твердыми согласными, при которой особенно отчетливо прослеживается зависимость сохранения этимологического *а* в заударном положении от наличия условий для воздействия той же категории слов с ударенным *а*. Так, в конечном закрытом слоге гласный /а/ постоянно произносится в составе окончаний имен в формах дат., тв., предл. падежей мн. числа типа *сара́/йам/*: ср. наличие ударенной флексии *кра/йа́м/*. В составе корней заударный гласный /а/ имеется в языке в ограниченном кругу случаев: см. числительные со словом *-десят-* и с безударным окончанием *се́мьдесят*, *во́семьдесят*, но так как эти слова многосложны, они факти-

чески имеют добавочное ударение и наличие в них /а/ не показательно для произношения заударного /а/ в корне слова. Почти исключительно с гласным /е/ произносятся слова *за́/ец/*, *ме́с/ец/*, что может объясняться слабой употребительностью суффикса *-ац*, постоянно безударного, и широким распространением ударенного суффикса *-ец*.

В неконечных заударных слогах перед твердыми согласными гласный /а/ имеется только в корнях слов — например, *вы́/т'а/ну*. В этом положении на месте *а* в костромских говорах (кроме пошехонских и ярославских говоров) произносится /е/.

В положении перед мягкими согласными гласный /а/ возможен в корнях слов, напр., *па́/м'ати/* и в составе окончаний, например, *сара́й/ами/*. В первой категории случаев преимущественно произносится /е/, во второй, несмотря на редкость и недостаточность материала, так как в этих говорах преимущественно распространена форма тв. п. на *-ам*, в этом положении обычно сохраняется *а*: *са́ра/йа/ми* (ср. наличие *край/а́/ми* и постоянно употребляемой формы *сара́/йа/м*). Таким образом, в произношении заударного /а/ также достаточно определенно сказывается роль морфологического фактора. При наличии системы различения гласных в заударных слогах только в определенных категориях случаев и неразличения гласных в том же положении при отсутствии соответствий их с ударенными гласными создается система, при которой известный круг слов как бы переходит в разряд слов и форм с другими фонемами. При этом принцип различения заударных гласных сохраняется, а изменяется лишь сфера распространения той или иной фонемы, например количество слов с гласной /е/ в заударном положении увеличивается за счет случаев с этимологическим *а* или случаев с отсутствием /о/ в соответствии *е*.

По характеру произношения гласных в заударных слогах перед твердыми согласными выделяются западные говоры группы, а из западных выделяются ярославские говоры. Так, в положении конечного открытого заударного слога в костромских говорах сохраняется традиционное различение гласных *о — е — а*, а в ярославских говорах усиливается количество случаев произношения /е/: *е/о — е — а* за счет отсутствия произношения /о/ в категории глагольных окончаний. В неконечном и в конечном закрытом слогах основной массе костромских говоров свойственна система различения *о/е — е — е/а* и *о — е — е/а*, тогда как западной части говоров *о/е — е — а* и *о — е — а*.

В заударном положении перед мягкими согласными в конечных и неконечных слогах выступают в общем сходные отношения: в корнях слов в этом положении в костромских говорах преимущественно происходит совпадение всех гласных в /е/ (поскольку /е/ перед мягкими согласными не переходило в /о/): *па́/рен'/*, *де́/сет'/*, *ма́/лен'/кий*, *па́/мет'/*; в составе флексий гласные неверхнего подъема в соответствии *е — ě — а* обычно различаются — *о — е — а*: *дере́в/н'ой/ — ви́/дет'/ — се́/йат'/*, *зна́/йоте/*, *зна́/йите/ — ви́д/ели/—сара́/йами/*. Повсеместно распространенное в костромских говорах наличие /и/ в глагольных формах 2 л. мн. ч. (*бу́д/и/те*), видимо, должно быть объяснено не фонетически, а на основе грамматической аналогии с окончанием глаголов II спряжения, имеющих флексию *-/и/те* в той же форме [62], так как произношение типа *бу́д/и/те* сосуществует с произношением типа *ма́л/е/нький* в этих говорах.

Весь рассмотренный выше материал свидетельствует о ведущей роли грамматического фактора в характере различения гласных неверхнего подъема в заударных слогах в говорах с отсутствием редукции безударных гласных и с отсутствием совпадения гласных неверхнего подъема на основе их редукции. В этих говорах в чисто фонетических позициях, находящихся вне влияния грамматического фактора, устанавливается обычно произношение одного какого-либо типа гласного; в большинстве костромских говоров — гласного /е/. Данная тенденция не в равной степени свойственна всем говорам группы. Так, например, в пошехонских говорах больше сказывается тенденция сохранения /а/.

К о н с о н а н т и з м. В области консонантизма, как и в других сторонах языкового строя, костромские говоры, являясь частью центральных говоров, разделяют их основные особенности, совпадающие с нормированным языком, например, такие, как различение аффрикат /ч'/ — /ц/, наличие пары /л/ — /л'/ или парных по твердости — мягкости и глухости — звонкости спирантов /в/ — /ф/, /в'/ — /ф'/. При этом к общецентральным согласным, характерным и для говоров Костромской группы, относится также произношение долгих шипящих фонем — звонкой /ж'ж'/ или /жж/ и глухой /ш'ш'/ или /шш/. Таким образом, количество согласных фонем, их состав и качество в костромских говорах являются общими с другими говорами центра.

---

[62] С. П. О б н о р с к и й. Очерки по морфологии глагола, стр. 138.

Лишь в более восточных и северных говорах данной группы, более близких по своему строю к вологодским (говоры по течению р. Унжи и к востоку от нее, а также по некоторым явлениям говоры у г. Грязовца) отмечают наличие согласного /l/ на месте *л*, чередующегося с /*ў* (*w*)/, и согласного /*в*/, чередующегося с /*ў*, *w* (*в*)/ перед глухими согласными и на конце слова на месте пары *в* — *ф*, мягкое цоканье, /*шт*/, /*шч*/, /*ш'ч'*/, /*жд'*/, /*ждж*/ в соответствии долгим мягким шипящим. Согласные, произносящиеся в говорах бассейна р. Унжи, по своим закономерностям появления обычно или не отличаются от вологодских говоров или имеют некоторые особенности, связанные в конечном счете с утратой исконной системы произношения этих согласных. Так, в говорах по течению р. Унжи произношение /l/, чередующегося с /*w*, *ў*/, сосуществует с произношением /*л*/ во всех позициях. Отмечают в них и факты произношения /*в*/ губно-зубного, оглушаемого в виде /*ф*/ перед глухими согласными в соответствии *л*, что наблюдается в отдельных словах и грамматических категориях, как, например, в возвратной форме глагола типа *умы́/в/ся* или *умы́/ф/ся*. Наличие такого рода фактов свидетельствует об отходе от употребления /*l*—*w*/ и о совпадении в определенных позициях результатов позиционных изменений согласного *л* с фонемой ‹*в*›, в соответствии с которой в конце слова и слога становится возможным употребление губно-зубной артикуляции вместо имевшегося ранее произношения /*w*/. Формой отхода от системы /*l*/—/*ў* (*w*)/ в соответствии *л* (/*l*/*а́мпа*—*да*/*ў*/) в некоторых из таких говоров является утрата одного из элементов этой системы, например, в говорах Поветлужья произносится /l/ во всех позициях (/*l*/*ампа* — *да*/*l*/) [63]. Также только в окраинных (восточных и северных) говорах группы наблюдается произношение /l/ среднего или /*л*/ велярного на месте /*л'*/ в случаях типа *бо́*/*лн*/*о*, *бо́*/*лш*/*ой*, *колоко́*/*лн*/*я*. Ср. и своеобразное произношение форм сравнительной степени типа *ме́*/*l*/*че*, *жа́*/*l*/*че* или *ме́*/*w*/*че*, *жа́*/*w*/*че* в тех же окраинных говорах, тогда как в костромских говорах эти формы обычно произносятся с твердым или реже с мягким *л*, *жа́*/*л*/*че*, *ме́*/*л*/*че*, или реже *ме́*/*л'*/*че*, *жа́*/*л'*/*че*. При обычном для костромских говоров различении /*ч'*/ и /*ц*/ в говорах бассейна Унжи отмечают характерные уже для вологодских говоров факты неразличения аффрикат и совпадения их в согласном /*ц'*/ или шепелявом /*ц''*/. Кроме этого, на месте /*ч'*/ в этих же говорах, а также в рассеянном распространении по территории всей группы, отмечают иногда произношение мягкого шепелявого /*ч''*/. В ряде говоров около Костромы всегда наряду с /*ч'*/ отмечается произношение /*ч*/ (твердого). В отдельных говорах по течению р. Волги отмечаются единичные случаи замены *ц* на /*с*/. Подобные случаи отмечаются всегда в говорах, которым свойственно произношение /*с*/ вместо *ч* в словах *пшени́*/*с*/*ный*, *моло́*/*с*/*ный*, основной территорией распространения которых является Владимирско-Поволжская группа говоров.

При наличии в костромских говорах ряда основных особенностей центральных говоров находим в них и определенный круг черт, характерных для говоров северного наречия или черт, характерных в своем конкретном выражении именно для говоров данной группы, но известных и некоторым соседним говорам. Такого рода особенности касаются закономерностей сочетаемости некоторых согласных фонем, явлений ассимиляции и диссимиляции согласных и произношения согласных в отдельных словах или в отдельных формативах. Так, отметим, что костромские говоры разделяют те явления консонантизма, характерные для говоров северного наречия в целом, которые являются собственно новгородскими по происхождению и относящимися к периоду наиболее успешного распространения новгородских инноваций, т. е. к XIII—XIV вв., например, результаты изменения *бм* > /*мм*/. Разделяют они и такое общее для говоров северного наречия и в его пределах развившееся явление, как последовательное изменение сочетаний /*ст*/ и /*с'т'*/ в /*с*/ и /*с'*/ на конце слова.

К числу явлений, известных и другим диалектным объединениям (за пределами северного наречия), но в костромских говорах реализующихся своеобразно, относятся следующие: 1. Произношение /*х*/ на месте предлога *к* перед следующим глухим взрывным согласным: /*х*/ *кому́*, /*х*/ *попу́*, /*х*/ *тому́*. Подобная диссимиляция согласных по способу образования наиболее широко известна в костромских говорах в сочетании с последующим задненебным: /*х*/ *кому́*. В этих же говорах, но совершенно единично отмечается и произношение /*γ*/ на месте предлога *к* = /*г*/ перед взрывными согласными: /*γ*/ *го́роду*, /*γ*/ *ба́бе*, /*γ*/ *дя́де*. В отдельных говорах, преимущественно в пределах акающего острова, на месте предлога *к* отмечено употребление /*х*/ перед всеми согласными и

[63] В. Н. Теплова. Звуки /*л*/, /*l*/, /*ў*/ на месте этимологического *л* твердого и их место в фонологических системах севернорусских говоров. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967.

даже гласными звуками. В последнем случае, видимо, имеет место обобщение предлога в звучании /*х*/ на основе ранее фонетически ограниченных случаев употребления /*х*/ на месте *к*. Данное явление характерно главным образом (как это показало исследование Е. Г. Буровой [64]) для говоров южного наречия и части восточных ср.-р. говоров. О наличии подобной диссимиляции согласных внутри слова в прошлом в костромских говорах, а в отдельных случаях и во всех говорах северного наречия, свидетельствует повсеместное распространение в их говорах произношения /*х*/*тó* или диссимиляции в середине слова — *дó*/*х*/*тор* и под., а также произношение слов *ко*/*в*/*да*, *то*/*в*/*да* с *в* на месте *г* (черта северного наречия) и факт утраты *г* в местоимении *где* — /*де*/ в костромских говорах. В двух последних случаях диссимиляция по способу образования приводила к ослаблению согласного на месте *г* [65], что являлось причиной его утраты: /*г*/*де* > /γ/*де* > > *де*, или развития на его месте согласного /*в*/—*ко*/γ/*дá* > *ко*/*в*/*дá* — или, реже, согласного /*л*/ *ко*/*л*/*дá*. При этом следует подчеркнуть, что произношение *ко*/*л*/*дá* отмечено лишь в части говоров Костромской группы и единично в говорах северного наречия. При этом наиболее широко произношение *ко*/*л*/*да* известно не только в говорах с возможным совпадением ‹*в*› и ‹*л*› в согласном /*w*/, как это наблюдается в тех говорах северного наречия, где распространено подобное произношение, но и в тех костромских говорах, в которых чередование /*л*/ с /*w*/ и /*в*/ с /*w*/ отсутствует. В этих говорах произношение *ко*/*л*/*да* может быть или заимствованным, или быть результатом самостоятельного фонетического развития, т. е. изменения звука на месте ослабленного /γ/ (возможность произношения /*в*/ или /*л*/ на месте *г* датируется XV в. [66]).

2. Диссимиляция по способу образования представлена также в случаях произношения /*мн*/ на месте *вн*, отмечаемого в ряде говоров Костромской группы и в ряде говоров Владимирско-Поволжской группы (владимирские говоры). Как показала работа А. К. Васильевой [67], говоры русского языка, знающие данное явление, различаются по охвату лексики, в которой возможно произношение /*мн*/ вместо /*вн*/. Лексически неограниченным данное произношение является на центральной части территории Костромской группы говоров (в основном в пределах говоров акающего острова); очень слабо оно представлено на западной части территории, где известно только в отдельных словах (главным образом в словах *дамно*, *рамно*): даже наиболее широко распространенное в костромских говорах произношение *мн* в соответствии *вн* в слове *внук* (/*мн*/*ук*), не охватывает всех говоров западной части территории Костромской группы. Наличие в некоторых говорах западной части территории (угличские говоры) обратной мены *мн* на /*вн*/, например, *по*/*вн*/*ю*, /*вн*/*óго* может свидетельствовать о том, что изменение *вн* > /*мн*/ усваивалось в данных говорах из другой диалектной среды и потому вызвало к жизни возможность путаницы исконных сочетаний *вн* и *мн*. Широта охвата лексики, в которой *вн* заменяется на /*мн*/ в говорах центральной части территории костромских говоров едва ли свидетельствует о том, что именно здесь находится первоначальный очаг возникновения явления. На этой территории, где находятся и костромские акающие говоры, наблюдается смешение разнодиалектных элементов, которые едва ли можно отнести к большой древности. Поэтому более вероятным является предположение, что изменение *вн* > /*мн*/, возникшее в XIII—XIV вв. в части ростово-суздальских говоров (см. I, 2, § 2) и рано ставшее лексикализованным, получило расширенное употребление на той части территории костромских говоров, где имело место особенно активное междиалектное смешение, протекавшее в более позднее время.

3. По судьбе сочетаний *чн*, *чт* костромские говоры, как и многие более восточные говоры вообще, отличаются широкой реализацией тенденции к упрощению данных сочетаний: ср. отмеченные здесь *пе*/*шн*/*óй*, *ре*/*шн*/*óй*, *му*/*шн*/*óй*, *но*/*шн*/*óй*; *конé*/*шн*/*о*, *пшенú*/*шн*/*ый*, *молó*/*шн*/*ый*; *яú*/*шн*/*ица* и гораздо у́же распространенные при этом *молó*/*чн*/*ый*, *конé*/*чн*/*о* (ярославские говоры); ср. наличие здесь и другого типа изменения подобных сочетаний, отмечаемое в словах *пшенú*/*сн*/*ый*, *молó*/*сн*/*ый* (распространенного главным образом в говорах южной части группы с более полным охватом к северу — говоров бассейна р. Унжи и говоров западной части группы), а также отмеченного в слове *му*/*сн*/*óй* (в единичных говорах около Ростова). В говорах, территориально близких к вологодским, отмечено произноше-

[64] Е. Г. Бурова. Диалектные изменения и замены *к* при сочетании его с последующими взрывными согласными (в предложно-падежных конструкциях). «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967.

[65] Е. Г. Бурова. Указ. соч.

[66] А. И. Соболевский. Лекции...

[67] См.: А. К. Васильева. Об изменении сочетания согласных /*вн*/ и /*мн*/ по говорам русского языка. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967.

ние /цн/ в соответствии данному сочетанию, что связано с наличием цоканья в этих говорах.

Достаточно едиными являются говоры Костромской группы по характеру произношения местоимения *что*. В них, как и в большинстве говоров центра, оно произносится как /*што*/. Только в окраинных говорах группы отмечено иное произношение: /*ч'о*/, /*ц'о*/ — в говорах у Углича и Рыбинска, как и в соседних с ними межзональных говорах северного наречия; /*ш'ч'о*/, /*шчо*/ — в более восточных костромских говорах (по Унже и восточнее), как и в соседних с ними вологодских; в единичных говорах у г. Галича встретились единичные /*шт'о*/, /*ш'ш'о*/, /*шшо*/, также известные и вологодским говорам.

Сочетание согласных *сч* в слове *счастье* произносится в костромских говорах в основном так же, как и в говорах центра, т. е. в соответствии общему типу произношения долгих шипящих или звуковых сочетаний на их месте: /*шч*/, /*ш'ч'*/; /*ш'ш'*/, /*шш*/. Сохранение сочетания *сч* в виде /*сц*/, /*с'ц'*/ характерно только для говоров с мягким цоканьем, т. е. для тех костромских говоров, которые органически связаны с вологодскими (т. е. в основном для говоров по р. Унже и восточнее ее течения).

4. Результаты прогрессивной ассимиляции задненебных согласных по мягкости известны на западной части территории костромских говоров, где эта ассимиляция выступает только в положении после парных по твердости и мягкости согласных: *вá*/*н'к'а*/, но *ча*/*йкý*/, *дó*/*ч'ка*/ (см. выше, I, 2, § 6 и карту 11). Характерно, что в пределах костромских говоров, знающих прогрессивное смягчение задненебных так же, как и в пределах других говоров северного наречия, которым известно прогрессивное смягчение задненебных, его ареал резко отграничен от ареала прогрессивного смягчения парных по твердости—мягкости согласных в случаях типа *бó*/*л'н'о*/, *вó*/*л'н'о*/, /*л'д'у*/, распространенного в угличских говорах и далее к северу и западу за пределами группы: в говорах к западу от Рыбинска и Пошехонья в белозерских говорах и в говорах, лежащих между Белым озером и Ладогой [68]. Взаимоисключение указанных явлений на отдельных частях территории Костромской группы, а также и на территории других говоров северного наречия, где эти явления находятся в непосредственном соседстве, может свидетельствовать о разновременности их возникновения в неодинаковой по происхождению диалектной среде.

[68] См.: Е. Г. Бурова Карта БСТ, 111.

Отметим также, что пределы распространения прогрессивного смягчения задненебных согласных только после парных мягких согласных близки к границам ростово-суздальских земель, остававшихся до второй половины XV в. самостоятельными, не входившими в Великое княжество Московское.

Фонетические явления, имеющие в пределах русского языка западно-северную локализацию, обычно не свойственны костромским говорам. Так, в них редко отмечают произношение удвоенных согласных в соответствии сочетанию согласных с /*j*/ — *свú*/*н'н'а*/, *плá*/*т'т'е*/ и под., которое отмечается лишь в говорах вокруг Галича и в бассейне Унжи (см. карту 9). Не охватывает всех говоров группы (см. карту 8) и такое явление западно-северной локализации, как произношение твердых губных согласных в соответствии мягким на конце слова. Однако и в тех костромских говорах, где оно известно, данное явление реализуется непоследовательно при наличии тенденции к его лексикализации. Все это свидетельствует о распространении данного явления в костромских говорах в более позднее время. В некоторых случаях его существование, как например, в говорах восточнее течения р. Унжи, поддержано развитием в этих говорах более широкого употребления твердых и полумягких согласных в соответствии мягким вообще [69].

На основе отдельных явлений консонантизма, связанных с произношением долгих шипящих (глухого и звонкого) и с выпадением интервокального /*j*/ между некоторыми гласными, может наблюдаться объединение костромских говоров с другими говорами ростово-суздальского происхождения и одновременно разделение их территории на западную и основную, более восточную, части. Так, по последовательной утрате срединного взрывного элемента в сочетаниях /*ш'т̑'ш'*/, /*ж'д̑'ж'*/ и по утрате /*j*/ в положении между гласными в сочетаниях /*айе*/, /*айа*/, /*уйу*/, костромские говоры объединяются со всеми остальными говорами ростово-суздальского происхождения, поскольку те и другие пережили указанные процессы. Свидетельством этого является наличие в говорах костромской группы долгих (глухого и звонкого) шипящих согласных и, только в говорах, пограничных с вологодскими, наблюдается сохранение сочетаний /*шч*/, редко /*шт*/; /*жд*/, реже /*ждж*/. На основании позднейших изменений, связанных с отвердением мягких долгих шипящих

[69] Ю. С. Азарх. Отвердение парных мягких согласных перед гласными в вологодско-кировских говорах. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967, стр. 149.

согласных /*ш'ш'*/ и /*ж'ж'*/, прослеживается подразделение костромских говоров на более западные и более восточные. Хотя говорам Костромской группы в целом свойственно наличие твердых долгих шипящих /*шш*/ и /*жж*/, но наряду с этим, часто в единичных случаях, в них возможно произношение также и мягких долгих шипящих, особенно на месте глухого согласного. Более регулярным распространение мягких долгих согласных /*ш'ш'*/, /*ж'ж'*/ является, однако, на западной части территории группы — в ярославских говорах.

Характерно для внутреннего членения говоров группы и произношение слова *еще*, повсеместно произносимого с долгим твердым согласным — *е/шш/ё*; редкие разбросанные случаи произношения *е/ш'ш'/ё* постоянно наблюдаются, однако, в южной части западной половины территории говоров группы. Это может, видимо, свидетельствовать о сохранении в ярославских говорах, существовавших обособленно почти до XVI в., более архаичного типа произношения мягких долгих шипящих как в ряде других слов, так и в слове *еще*, на котором не отразилось широко распространявшееся общее отвердение долгих шипящих согласных.

В отношении выпадения интервокального /*j*/ все говоры Костромской группы, объединяясь по этой черте с говорами Владимирско-Поволжской группы, отличаются, однако, от них преимущественным употреблением форм с нестянутыми гласными типа *зн/áе/т*, *зн/áа/т*. Стяженные формы — *зн/а/т* отмечают в этих говорах редко и всегда наряду с нестяженными формами. Только в угличских говорах наблюдается сходство по этой черте с говорами Владимирско-Поволжской группы: в них отмечают сосуществование форм с сохранением /*j*/ и форм с завершенным стяжением: *дéл/айе/т*, *дéл/а/т*. Помимо этого костромские говоры характеризуются и тем, что в них выпадение /*j*/ (без стяжения гласных) наблюдается не только в сочетании /*айе*/, но и в сочетаниях /*ейе*/, /*ойе*/ и /*уйе*/ (в последнем реже). При этом стяженные формы типа *ум/е/т*, *м/о/т*, *торг/у/т* или совершенно отсутствуют, или встречаются в совершенно единичных случаях. Тот же характер имеет в костромских говорах и утрата интервокального /*j*/ у имен прилагательных, хотя в данном случае чаще наблюдается употребление стяженных форм: ср. наличие формы ж. р. ед. ч. *крáсн/а/* или ср. р. ед. ч. *крáсн/о/*. В других же формах прилагательных выпадения /*j*/ чаще всего не наблюдается, см., например, формы вин. п. ж. р. — *нóв/уйу/* и под.; только в говорах по течению р. Унжи наблюдается употребление форм типа *нóв/уу/*. Почти совсем отсутствует в изучаемых говорах выпадение /*j*/ между гласными в форме им. п. мн. ч. прилагательных.

Тем самым именно в костромских говорах сохраняются те отношения, которые сложились в ростово-суздальских говорах с появлением в них явления выпадения интервокального /*j*/ и которые позднее были утрачены в южной части этих говоров (см. восточные ср.-р. говоры).

§ 4. Морфологические явления

Как и в отношении других сторон языкового строя, костромские говоры в отличие от других говоров северного наречия, разделяя грамматические особенности северного наречия, сочетают их с чертами, свойственными центральным говорам и говорам северо-восточной зоны. При этом последняя группа черт часто выступает в костромских говорах в тех разновидностях, которые свойственны лишь южной части северо-восточной зоны. В состав своеобразных морфологических явлений, присущих говорам Костромской группы, входят и некоторые другие диалектные явления, одни из которых характерны только для ее говоров, а другие имеют индивидуальный характер распространения, т. е. свойственны и другим говорам. Из числа черт северного наречия, известных костромским говорам, те, которые совпадают с нормой литературного языка, обладают особой устойчивостью и последовательностью их употребления именно в говорах Костромской группы, как входящей в состав центральных говоров. Ср. например, последовательное распространение в костромских говорах форм им. п. мн. ч. существительных *волк*, *вор* с постоянным ударением на основе (*вóлки*, *вóры*); распространение форм род. п. ед. ч. существительных ж. р. на *-а*, оканчивающихся на *-ы* (*нет жены́*, *у сестры́* и т. д.); наличие *т* твердого в окончаниях глаголов 3 л. ед. и мн. ч. или наличие форм личного и возвратного местоимения ед. ч.: род.-вин. п. — *меня́*, *тебя́*, *себя́*; дат.—предл. п. *мне*, *тебé*, *себé*. При этом характерно, что если в употреблении таких явлений по говорам северного наречия наблюдается возможность образования собственно местных и более поздних диалектных новообразований, то такая возможность отражается и в костромских говорах, являющихся частью северного наречия. Ср. возможность образования от основы *-мн-* форм род.—вин. п. указанных местоимений *у мня* и под. или от основы *мен-* форм дат.—предл. п. *к менé* и под.

Из числа диалектных морфологических явлений северного наречия в костромских говорах наиболее последовательно сохраняются те, которые, являясь архаическими, связаны или поддержаны в своем существовании системой заударного вокализма с характерным для нее различением гласных, исторически присущим новгородскому и ростово-суздальскому диалектам. Таково склонение существительных с суффиксами *-ушк-*, *-ишк-* по типу слов м. р., поддерживаемое наличием произношения гласного /о/ в им. вин. п. этих существительных: *дéдушк/о/* — род. п. *дéдушк/а/* [70]. Также устойчива и форма на *-а* в им. п. мн. ч. у существительных ср. р. и у некоторых существительных м. р., оканчивающихся на задненебный согласный, например, *пя́тн/а/*, *окóшк/а/*, *ребя́тк/а/*, *цыпля́тк/а/* и под., чему также способствует система заударного вокализма говоров сев. наречия. Этим же, т. е. системой заударного вокализма, при которой различаются гласные неверхнего подъема, объясняется и различение двух типов спряжения у глаголов с безударным окончанием, например, *пи́ш/ут/* — *ды́ш/ат/* — *бý/дут/* — *нó/с̧'ат/*, и устойчивость в употреблении согласуемого постпозитивного члена *от* — *та* — *ту* — *те*, опирающаяся на различение заударных гласных в его составе. В отличие от этого некоторые другие диалектные севернорусские грамматические явления, архаические по своему характеру, но не связанные с системой заударного вокализма, выступают в костромских говорах, так же как и в других говорах северного наречия в гораздо более поколебленном виде. К числу таких явлений относится, например, сохранение наконечного ударения в личных формах глаголов II спряжения. Личные формы глаголов II спряжения с наконечным ударением в общем лучше сохраняются в костромских говорах, чем в более западных говорах северного наречия, что объясняется распространением тенденции к переносу ударения типа *солю́* — *сóлишь* в направлении с запада на восток в пределах русского языка (см. I, 3, § 12). Однако и в костромских говорах это явление уже не представляет собой полного сохранения старых отношений, так как наконечное ударение отмечают уже только у части глаголов II спряжения, имевших в древности постоянное ударение на окончании, и тем самым возможность сохранения наконечного ударения у глаголов II спряжения переведена в лексический или в лексико-грамматический план. Другое явление, сохраняющее следы старых отношений и распространенное в костромских говорах и в других говорах северо-восточной зоны, связано с формой 2 л. мн. ч. настоящего-будущего времени, которая у ряда глаголов, главным образом у глаголов I и II спряжения с постоянным ударением на окончании в личных формах имеет перетяжку ударения на последний гласный окончания, например, *нес/ит'ó/*, *сид/ит'ó/* (см. I, 3, § 10).

Охват тех частей территории группы, в пределах которых старые явления выступают в преобразованном виде, может иногда свидетельствовать и о времени образования самих говоров. Так, распространение формы 2-го лица мн. ч. у глаголов I и II спряжения с окончанием *-итé* (*-ит'ó*), ареал которой не охватывает части западной половины территории группы, совпадает с границами Великого Московского княжества XV в., в которое входили в это время костромские и вологодские говоры, но не входили говоры Ярославского княжества. Полное отсутствие такой флексии в более южных говорах исконных Ростово-Суздальских земель может свидетельствовать о том, что ее образование происходило в то время, когда эта более южная часть говоров Ростово-Суздальской земли была уже оторвана от более северных территорий, в пределах которых и могли самостоятельно и своеобразно развиваться некоторые грамматические процессы.

Грамматические явления, представляющие собой инновации, характерные для говоров северного наречия в целом, представлены в общем и в говорах Костромской группы независимо от того, совпадают ли они с нормой литературного языка (см. выше о наличии *т* в формах 3-го лица) или не совпадают (как, например, совпадение форм дат. и тв. п. прилагательных и существительных). Подобные явления-инновации, являющиеся по происхождению не ростово-суздальскими, обычно не образуют в говорах Костромской группы и особых структурных разновидностей. Следует, однако, заметить, что такое явление, как совпадение форм дат. и тв. п. мн. ч., имеет характерные различия в распространении на разных частях территории группы. Указанные формы существительных, образующиеся в костромских говорах от разных классов существительных (*с рукáм*, *с гостям*, *с саня́м* и т. п.) теряют последовательность своего распространения в говорах на территориях у Ярославля, Углича, Рыбинска и в говорах акающего острова, где они наиболее систематически сосуществуют с формами тв. п. на *-ами*, тогда как в других говорах группы преобладает употребление форм тв. п. на *-ам*.

[70] Факт сохранения I типа склонения у существительных м. р. с суффиксами *-ушк-*, *-ишк-* при отсутствии различения заударных гласных *о* и *а* также известен (см. II, 2, § 4 и карту 43).

Бо́льшая прикрепленность сосуществования диалектных и литературных форм к определенной части территории того или другого диалектного объединения в общем наблюдается редко, так как подобное сосуществование вообще свойственно в настоящее время говорам русского языка. Поэтому наличие такой особенности распространения форм тв. п. мн. ч. на *-ам* может быть связано со временем появления этих форм в костромских говорах. Указанные формы тв. п. не являются для этих говоров исконными. Они представляют собой новообразование, распространявшееся в них с запада в качестве инновации новгородского происхождения возможно уже в период после XV в., т. е. в то время, когда ярославские говоры были несколько обособлены от других костромских говоров, так как Ярославское княжество еще в конце XV в. сохраняло свою самостоятельность и не входило в состав Великого княжества Московского, включавшего уже костромские говоры (см. II, 4, § 3).

Явления-инновации, развивавшиеся в пределах северного наречия на протяжении его существования в качестве самостоятельного диалектного объединения, например, такие, как форма им. п. мн. ч. *крестья́на*, наличие суффиксов *-овй-*, *-евй-* при образовании форм им. п. мн. ч. у некоторых существительных и др. (см. их обзор II, 6, § 3), имеют в пределах костромских говоров такое же непоследовательное распространение, как и на других частях территории северного наречия, что может быть связано со временем возникновения данных инноваций.

Разделяя грамматические особенности центральных говоров (см. III, 4, § 1), костромские говоры тем самым совпадают по этим чертам своего грамматического строя с нормированным языком. При этом некоторые из подобных явлений могут иметь и свои специфические отличия в костромских говорах. Так, у существительных *свекровь*, *мать*, *дочь*, форма им., вин. п. которых распространена во всех центральных, а в том числе и костромских говорах, наблюдается своеобразие в образовании флексии косвенных падежей ед. ч., а именно: при окончании *-и* в форме род. п. ед. ч. *ма́тер/и/*, в них отмечают наличие окончания *-е* в форме дат.-предл. п. *ма́тер/е/*. Подобное же различение окончаний *-и* и *-е* наблюдается и в склонении существительных типа *грязь* в тех формах, которые имеют безударные окончания: ср. род. *гря́з/и/*, дат. п. *по гря́з/е/*, но предл. п. *в грязи́*. Тем самым в склонении указанных существительных в костромских говорах, как сохраняющих различение безударных гласных неверхнего подъема, отражено влияние существительных продуктивного типа склонения, под влиянием которых (ср. *к жен/е́/ — к ре́п/е/*) появляются формы *к ма́тер/е/*, *об ма́тер/е/*, *по гря́з/е/*; старую флексию сохраняет при этом только ударенная форма *в грез/и́/*.

Представляет интерес распространение в костромских говорах, а иногда наряду с ними и на всей территории северо-восточной зоны, некоторых явлений, известных за их пределами также в общем в центральных говорах, но за исключением говоров, расположенных вокруг Москвы. Таково распространение формы им. п. мн. ч. местоимения 3-го л. *оне́*, заменившей примерно с XIII в. ранее различавшиеся по родам формы. Форма *оне* была, видимо, ранее известна и в говорах Москвы, но вытеснена в них под позднейшим южнорусским влиянием, и потому является исторически характерной для ростово-суздальских говоров в целом.

Аналогично и распространение форм м. и ср. рода и форм мн. ч. притяжательных местоимений (*мое́*, *свое́*, *мое́х*, *мое́м*, *с мое́м*, *в моём*), образованных по аналогии с формами указательного местоимения *тот*.

Если считать, что форма *те* заменила ранее различавшиеся по родам формы с XIII—XIV вв. (см. I, 3, § 7), то указанные формы притяжательных местоимений могли сложиться в последующее время [71]. Заметим также, что только в костромских говорах и в южной части вологодских говоров формам мужского рода и формам мн. ч. сопутствует форма женского рода притяжательного местоимения *мо/йо́й/*, образованная по аналогии с косвенными падежами указательного местоимения ж. р. *та* (*той*). Форма косвенных падежей — *мо/йо́й/* должна была образоваться позднее, в XV в., чем и может объясняться ее отсутствие в других ростово-суздальских говорах, кроме говоров Костромской группы.

При этом нельзя не отметить, что именно в говорах Костромской группы обобщение окончаний в притяжательных местоимениях по типу указательных местоимений не охватило категории прилагательных, как это имело место в некоторых из восточных ср.-р. говоров (см. IV, 3, § 1). С этим, видимо, связано и более последовательное сохранение в костромских говорах окончания косвенных падежей прилагательных ж. р. *-ыйа*, *-ыйе*, не затронутых влиянием местоименного склонения. Наиболее последовательное распространение таких форм

[71] А. А Шахматов относит возникновение форм типа *мое* к XIV в. и объясняет их влиянием формы вин. п. мн. ч., которая повлияла и на образование косвенных падежей — *мое́х*, *мое́м* и т. д.

наблюдается в бассейне Унжи. Еще шире и последовательнее распространены в костромских говорах формы им. п. мн. ч. прилагательных с окончаниями *-ыйа*, *-ыйе*, причем как формы женского рода, так и формы мн. числа с указанными окончаниями распространены только в говорах Костромской группы и полностью отсутствуют в других ростово-суздальских по происхождению говорах.

Разделяя общую для говоров центра форму личного местоимения ж. р. род.-вин. п. */йейо́/*, костромские говоры представляют наряду с ней собственно местную форму, в связи с чем в них при сочетании с предлогом употребляются формы *у /йейо́/* и *у /йой/*.

Заключим проведенный обзор морфологических явлений костромских говоров перечнем черт, которые могут считаться характерными только для данной группы.

1. Наличие окончания *-ыйа* или *-ыйе* у прилагательных род. п. ед. ч. ж. р. и в форме им. п. мн. ч.

2. Склонение притяжательных местоимений мужского и женского родов и образование форм мн. числа по типу форм указательного местоимения *тот — та*: м. р. *с мо/е́/м*, *в мой/о́/м* и т. д.; ж. р. *с мой/о́й/* и т. д.; мн. ч. *мо/е́/*, *мо/е́/х*, *мо/е́/м* и т. д.

3. Наличие окончания *-ей* в род. п. мн. ч. у существительных ж. р. 1-го склонения, оканчивающихся на мягкую согласную, типа *я́блоне́й*. При возможности данного окончания и во владимирск.-поволжских говорах костромские говоры отличаются по охвату того круга существительных, у которых может быть образование формы род. п. с этим окончанием: в костромских говорах круг этих форм шире, чем во владимирско-поволжских.

4. Сохранение в части говоров Костромской группы, главным образом в ярославских говорах, а также некоторых смежных с ними говорах Владимирско-Поволжской группы, употребления формы им. п. мн. ч. существительных ж. р. в сочетании с числительными *два*, *три*, например; *две го́ловы*, *три жо́ны* и т. д., утраченных в других центральных говорах.

5. Распространение, хотя и неповсеместное, форм сравнительной степени с суффиксом *-че* после мягкого */н'/* основы: *ме́/н'че/*, *то́/н'че/* и под., развившихся, видимо, по аналогии с формой сравнительной степени типа *кре́пче*. Наличие этих форм на более центральных частях территории группы сменяется в говорах по течению р. Унжи и в более западных говорах около Ярославля формой с суффиксом *-ше*, перед которым произносится твердый согласный */н/*: *то́/нше/*, *ме́/нше/*.

6. Сохранение только на западной части территории группы характерных для центральных говоров личных форм глаголов, имеющих чередование задненебных согласных с шипящими типа *пе/к/у́—пе/ч/ёшь—пе/к/у́т*. Наличие на более восточной части территории группы форм типа *пе/к/у́—пе/к/ёшь—пе/к/у́т*, а на северной окраинной территории форм *пе/к/у́—пе/к'/ёшь—пе/к/у́т*. В таком сокращении ареала исконных форм, характерных для центральных говоров, сказывается то, что устранение чередования в указанной группе глаголов представляет собой тенденцию общерусского характера (см. I, 3, § 9).

7. Распространение инфинитивов типа *нести́*, *грести́*, *итти́* (с ударением на конечном гласном инфинитива) при отсутствии *-и* в формах инфинитива у глаголов типа *ходи́/т'/*, *спа/т'/*, *ес/т'/*; ср. лишь изредка встречающиеся преимущественно в говорах по течению р. Унжи формы типа, *кла́сти*, *се́сти*, *е́сти*, всегда употребляемые наряду с *класть*, *сесть*, *есть* (см. I, 3, § 8). В говорах между Ярославлем и Угличем глаголы типа *грести́* имеют форму *гребсти́*.

8. Распространение инфинитивов типа *пе/кчи́/*, *стере/гчи́/* у глаголов с основой на задненебный согласный (см. I, 3, § 8). Так как наличие задненебного согласного в основе инфинитива является аналогическим, то не все глаголы на задненебный согласный образуют основу инфинитива однотипно. Ср. преимущественное употребление *пекчи́* (но не *печи́*) [72], но инфинитив *толкчи́* возможен наряду с *толчи́*. Инфинитив глагола *стричь* чаще отмечают в виде *стри́гчи*; глаголы *течь*, *стере́чь* имеют диалектные формы *текчи́*, *стерегчи́*. В говорах на территории между Ярославлем — Угличем эти глаголы (кроме глагола *печь*, который произносится здесь, как *печи́*) имеют ударение на основе: *стере́гчи*, *се́кчи*, *бе́гчи*, *запря́гчи*, *ле́гчи*, *те́гчи*, *помо́гчи*. Видимо, последние формы являются как бы переходной ступенью между формой, свойственной Костромской группе типа *пекчи́*, *стерегчи́* и под. и формой с ударением на основе и утратой конечного *-и*: *печь*, *стере́чь*, *помо́чь*, *лечь* и под., свойственной говорам калининским и говорам западнее Углича. В связи с тем, что формы инфинитива типа *пекчи́*, *берегчи́* не характерны для более южной части ростово-суздальских говоров, можно думать, что их образование началось не ранее XV в. По памятникам их

---

[72] Само собой разумеется, что формы типа *печь*, *стеречь*, *стричь* и под. могут быть отмечены во всех современных говорах.

датируют и более поздним временем (см. I, 3, § 8).

9. Наличие целой совокупности внутренне связанных единой закономерностью форм: форм повелительного наклонения с заударным *о* типа *иди́/т'о/*, *неси́/т'о/* и под., форм 2 л. мн. ч. с конечным *о* и тематической гласной *и* у глаголов с ударением на основе: *бу́д/ит'о/*, *зна́/йит'о/* и форм 2 л. мн. ч. с ударением на конечном гласном окончания */-ит'о́/* у глаголов с постоянным ударением на окончании в личных формах, например, *нес/ит'о́/*, *сид/ит'о́/*. В этих формах не вполне ясно образование *о* (как ударенного, так и безударного) в окончаниях */-ит'о/*. Гласный *и* окончания 2 л. мн. ч. глаголов I спряжения можно считать не фонетического, а грамматического происхождения.

§ 5. История образования Костромской группы говоров

История Костромской группы как диалектного объединения русского языка является историей той части старых ростово-суздальских говоров, которая в силу исторических и языковых причин не пережила ряда тех процессов, которые наблюдались на более южной части территории этих говоров. Поздние, пережитые уже в отрыве от костромских и ярославских говоров процессы изменений языкового строя, характерные для более южной части бывших ростово-суздальских говоров, имели особенно большое значение потому, что они касались системы безударного вокализма, перестройка которой резко противопоставляла диалектные объединения, начинавшие различаться по этой черте.

Для понимания процессов образования различных диалектных объединений (в том числе и Костромской группы говоров) в пределах Ростово-Суздальской земли следует прежде всего иметь в виду те изменения, которые наблюдались на протяжении ее существования во взаимоотношениях между входившими в нее отдельными княжествами.

Так, если в период XIII в. в пределах Ростово-Суздальской земли на будущей территории Костромской группы говоров в общем преимущественно наблюдалось тяготение входивших в нее княжеств и вотчин к одному из двух основных центров: или к Владимиру, с которым тесней были связаны Костромское, Галичское, Городецкое и Суздальское княжества, или к Ростову, к которому тяготели Угличское, Ярославское, Белозерское и позднее выделившееся Шехонское княжества, то это положение изменяется в XIV в. В это время устанавливается преимущественная связь большинства (но не всех) ростово-суздальских княжеств с Москвой, но при этом с территориальной точки зрения княжества, установившие более тесную связь с Москвой, остаются разъединенными между собой. Действительно, в XIV в. в состав Великого княжества Московского входит как ряд более южных ростово-суздальских владений — Переяславское и Владимирское княжества, так и более северных — Костромское, Галичское, Шехонское и Белозерское, княжества. Но при этом северная часть этих земель оказывается отделенной от ее южной части, поскольку на протяжении XIV в. остаются самостоятельными Тверское и Ярославское княжества на западе и Суздальско-Нижегородское на востоке.

Указанные отношения, наблюдавшиеся в XIV—XV вв., не могли не сказаться на диалектной структуре русского языка. Они становились определяющими для того́, какие именно диалектные группы станут основой будущего национального языка, а какие останутся его местными разновидностями. Указанный выше разрыв северной и южной частей ростово-суздальской территории в течение XIV—XV вв. и привел к тому, что новая фонетическая и морфологическая система, обладавшая перспективой превращения в общенациональную, развивалась только на южной части территории ростово-суздальских говоров, а на северной происходило сплочение, исторически также ростово-суздальских говоров с говорами, распространенными еще севернее, новгородскими по происхождению, в результате чего костромские и ярославские говоры и входят в дальнейшем в состав северного наречия русского языка.

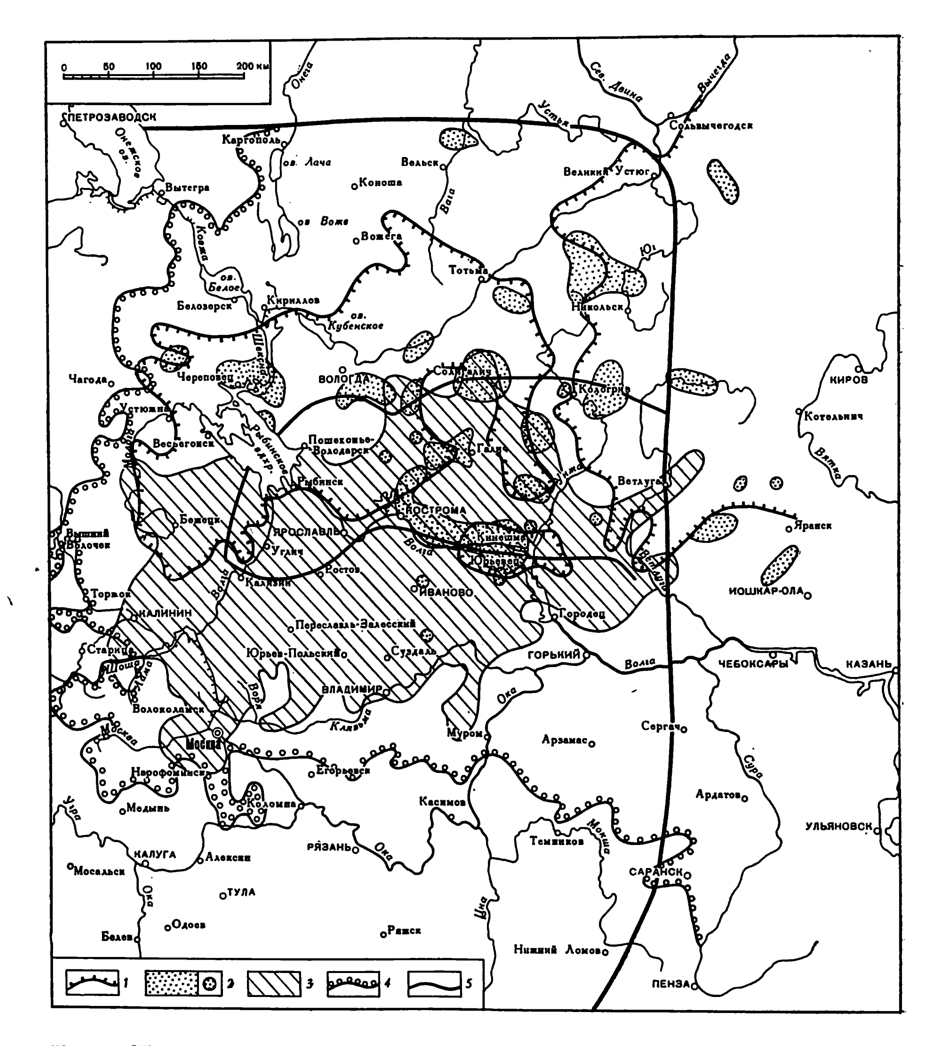
В этих условиях говорам, ставшими впоследствии говорами Костромской группы, оставались свойственными все новообразования, пережитые ростово-суздальским диалектом более ранней поры, как например: результаты изменения *е* в *о*, наличие долгих мягких шипящих */ш'ш'/*, */ж'ж'/*, губных спирантов */в/—/ф/*, */в'/—/ф'/*, пары */л/—/л'/*, словоформ им. п. и вин. п. ед. ч. *свекровь*, *мать*, *дочь* и др.; новые формы косвенных падежей личных местоимений (род., вин., п. *меня́*, *тебя́*, *себя́*; дат. предл. п. п. *мне*, *тебе́*, *себе́*). С другой стороны, костромской диалект сохраняет ряд исконных ростово-суздальских черт: различение */ч'/—/ц'/*; различение форм существительных *по гря́зи*, но *в грязи́*; инфинитивы типа *нести́*, *везти́*, *итти́* и т. д.

В связи с тем, что костромские говоры не пережили изменений в области безударного

вокализма, свойственных южным ростово-суздальским говорам, и сохранили его более архаический тип, а именно различение гласных; они сохранили и ряд явлений морфологического характера, связанных с различением гласных, ранее характерным для всех ростово-суздальских говоров. Ср. сохранение склонения у существительных с суффиксом *-ушк-*, *-ишк-* по типу слов м. р.; образование форм им. п. мн. ч. с окончанием *-а* у слов ср. р.; сохранение различий в окончании 3 л. мн. ч. глаголов I и II спряжения и др. Создавшаяся в результате этого разность систем в пределах ранее единых ростово-суздальских говоров способствовала в дальнейшем возникновению и распространению в каждой из них разных новых закономерностей, являющихся дальнейшим развитием этих систем. Этим, в частности, объясняются различия в судьбе гласных на месте *ě* и *е* и *ô* и *о* между современными костромскими и владимирско-поволжскими говорами, а именно: утрата различий между *ô* и *о* и совпадение *ě* и *е* в восточных среднерусских говорах (южная часть говоров Ростово-Суздальской земли) [73] в отличие от сохранения различий этого рода в говорах более северной части, объясняет современное состояние ударенного вокализма костромских говоров, а также определенный круг явлений характерного для них безударного вокализма. При этом важно отметить, что по наличию указанных ударенных гласных костромские говоры принципиально не отличаются от других говоров северного наречия, что может указывать на определенную роль взаимодействия с говорами новгородского происхождения в сохранении различения гласных *ě* и *е*, *ô* и *о*. Нельзя также не отметить, что явления, возникавшие в ростово-суздальском диалекте на рубеже XIV—XV вв., когда этот диалект был уже не един, могли в некоторых случаях получить дальнейшее развитие и в костромских говорах, если соответствующее явление представляло собой продуктивную тенденцию, исторически общую всем ростово-суздальским говорам. При этом костромские говоры могли своеобразно развивать некоторые, ранее общие всем ростово-суздальским говорам, явления. Такова, например, ставшая в костромских говорах наиболее интенсивной и последовательной перестройка форм притяжательных местоимений по типу указательных *тот*, *та*, *те*, охватившая в них и формы женского рода (*мо/йбй/*), чего не наблюдается в других ростово-суздальских по происхождению говорах, которым данное явление известно в более ограниченной реализации. Это соответствует датировке этих явлений: образование форм типа *моé*, *моéх*, *с моём*, *в моём*, по типу форм *тот—те*, относят к XIII—XIV вв., а собственно костромская форма *моёй*, видимо, относится уже к XV в. В некоторых случаях подобное осуществление общих тенденций развития могло охватить лишь части территории ростово-суздальских говоров, южную или северную ее половину, или остановиться на рубеже продолжавших существовать в это время самостоятельных княжеств (например, Нижегородского или Ярославского). Следует при этом иметь в виду, что Нижегородское княжество в XIV в. представляло значительный политический и экономический центр, по своему значению превосходящий старое Владимирское княжество, отошедшее в число второстепенных, провинциальных, подчинившихся Москве княжеств [74]. В ряде случаев, если изменение распространялось с юга, оно могло не достигнуть отдаленных костромских говоров, которые в это время были территориально оторваны от Московского центра и в большей мере связаны с говорами, находящимися от них к северу. О включении костромских говоров в процессы формирования будущего северного наречия русского языка свидетельствует распространение в их пределах некоторых явлений, которые выше определены как «собственно новгородские» (см. II, 4). К числу таких явлений относится изменение сочетаний *бм* > */мм/*, совпадение форм дат. и тв. п. мн. ч. у прилагательных и существительных. Однако при этом в пределах костромских говоров, как правило, отсутствуют те явления, которые исторически были свойственны не только новгородскому диалекту, но и говорам к югу от него (см. выше об явлениях западно-северной локализации или «общезападных» явлениях, II, 5). Лишь некоторые из таких явлений в незначительной степени охватывают костромские говоры; ср. слабое распространение и лишь на северо-восточной части территории отвердения губных или случаев произношения удвоенных согласных в соответствии сочетаниям согласных с */j/*. Широкое распространение в костромских говорах такого явления западно-северной локализации, как название ягод с суффиксом *-иц-*, архаического по своему происхождению, может объясняться, видимо, тем, что соответствующее ему новообразование — названия ягод с суффиксом *-иг-* (*землянúга*) — возникало на более

[73] К. В. Горшкова. Очерки исторической диалектологии северной Руси (по данным исторической фонологии). Докт. дисс. М., 1965.

[74] М. Н. Тихомиров. Средневековая Россия на международных путях. М., 1966, стр. 24.

Карта 87

Унификация окончаний в отдельных формах указательных и личных местоимений с формами местоимений *тот, та*:

1 — то/йбй/ косв. п. ж. р.; *2 — у/йбй/* р. п. ед. ч. ж. р.; *3 — тоé* им. п. мн. ч.; *4 — онé* им. п. мн. ч.; *5* — граница Костромской группы

южной части территории ростово-суздальских говоров в XIV в. и уже не могло проникнуть на территорию костромских говоров.

В процессе дальнейшего существования костромских говоров в пределах северного наречия углубляется их взаимодействие с другими его говорами. Ряд явлений, развивавшихся в вологодских говорах, новгородских по происхождению, распространялся и южнее, иногда вплоть до территории нижегородских говоров. Возможно, что этому способствовало и то, что в конце XV в. большая часть той территории, на которой находились говоры новгородского происхождения (от Вологды до Великого Устюга, а также говоры на территории Нижегородского княжества) вошли в состав Великого княжества Московского, в результате чего усилилась возможность взаимодействия носителей исконно ростово-суздальских и исконно новгородских говоров. Взаимодействием с более северными говорами, возможно, объясняется такая особенность безударного вокализма костромских говоров, как произношение /е/ в соответствии с *а* в положении между мягкими согласными в безударных слогах, хотя костромские говоры в процессе своего образования выработали только им присущую специфику произношения /е/ в соответствии *а* как перед мягкими, так и перед твердыми согласными в безударных слогах. На протяжении

XV в. развиваются формы род. п. мн. ч. с окончанием *-ей* у существительных ж. р. типа *баней*, *деревней* и образование нового типа глаголов, имеющих окончание *ит'ó* во 2 л. мн. ч. у глаголов I и II спряжения с постоянным ударением на окончании[75], типа *неситё*, *сидитё*. Некоторые процессы, охватывающие все говоры северо-востока, т. е. как вологодские, так и костромские, протекают в этих говорах и в более позднее время. Ср., например, обобщение согласного основы в личных формах глаголов на задненебный согласный: *пе/к/ý—пе/к'ё/шь—пе/к/ýт* или *пе/к/ý—пе/к/бшь—пе/к/ýт* и образование инфинитивов с задненебным согласным в основе *пекчй*, *стерегчй* и т. д. Судя по характеру размещения структурных разновидностей ряда явлений, общих всем говорам северо-востока, или распространенных на большей, южной части северо-восточных говоров, можно считать, что в XV в. в процессе взаимодействия вологодского и костромского диалектов не наблюдалось ярко выраженной ведущей роли одного из них. Этим, видимо, объясняется наличие одних и тех же разновидностей некоторых явлений одновременно и в костромских и на южной части территории вологодских говоров при наличии иной разновидности того же явления на северной части территории вологодских говоров. Однако ряд явлений северо-восточной зоны, свойственных костромским говорам, свидетельствует о ведущем значении в их образовании ростово-суздальского диалекта. Такие, например, явления, как перенос ударения на конечный гласный окончания во 2 л. мн. ч. у определенного класса глаголов, как форма им. п. мн. ч. личного местоимения *оне*, первоначально возникали, видимо, в ростово-суздальских по происхождению, будущих костромских, говорах. О том, что указанные формы наиболее органичны для костромских говоров, свидетельствует не только их звуковое выражение, характерное для костромских говоров (ср. хотя бы наличие гласного /о/, а не /е/ в формах 2 л. мн. ч.: *несе/т'ó/*, так как в этих говорах всякое *е* на конце слова переходит в /о/ — */йейó/*, *идй/т'о/*, *знáйе/т'о/*; наличие окончания *е* не только в форме *оне*, но и во всей парадигме мн. ч. неличных местоимений), но и указанный характер территориального распространения этих форм, всегда охватывающих полностью территорию костромских, но только южную часть территории вологодских говоров. Характерно, что часть явлений ростово-суздальского происхождения вообще не охватила всех говоров северо-востока, т. е. не распространилась на северную часть территории Вологодской группы говоров. Таковы, например, ареалы слова */м/нук*; наличие /о/ на месте *е* в конечных открытых слогах как под ударением: */йейó/*, *несе/т'ó/*, так и без ударения *идй/т'о/*, *бýде/т'о/* и др. Доказательством того, что в указанных случаях развитие явлений шло из среды костромских говоров, может служить, кроме отсутствия их на северной части территории северо-восточной зоны, также наличие этих явлений на территориях, расположенных к югу от костромских говоров. На вторичный характер подобных явлений на южной части территории вологодских говоров указывает также незакономерное расширение присущих некоторым таким явлениям закономерностей в этих говорах. Так, произношение /о/ в соответствии /е/ в открытом конце слова в костромских говорах не распространяется на формы род. п. ед. ч. и им. п. мн. ч. прилагательных, имеющих в костромских говорах окончания *-ы/йа/*, *-ы/йе/*; в говорах же южной части Вологодской группы и в этих категориях произносится *о*: *у нóв/ый͡о/*, *они нóв/ый͡о/*. Явление прогрессивной ассимиляции по мягкости задненебных согласных, ограниченное в костромских говорах положением только после парных мягких согласных, в вологодских говорах также расширено и наблюдается после всех мягких согласных и т. д.

Таким образом, Костромская группа говоров, исторически связанная с ростово-суздальским диалектом, в ходе формирования диалектной структуры русского языка оторвалась от более южных говоров этого диалекта и включилась в общее развитие северо-восточных говоров, но не слилась с ними в единое целое, а приобрела круг только ей свойственных диалектных особенностей. Различия говоров внутри ее объясняются тем, что до конца XV в. в ее будущих пределах были обособлены ярославские говоры, в связи с чем явления, возникавшие на протяжении этого периода в более восточных говорах могли не распространяться на ярославские говоры; с другой стороны, и явления, возникавшие в самих ярославских говорах в это или в более раннее время, не охватывали других говоров Костромской группы. Говоры по р. Унже и восточнее ее также могли отличаться по ряду явлений от других костромских говоров, потому, что эти земли были освоены позднее, после XIII в., соседили с иноязычным населением, а главное, на говоры этих мест, так же как на Грязовецкие и Кологривские в большей мере влияли соседние, по основе своей новгородские, говоры.

[75] Вторичными считает эти формы и С. П. Обнорский (см.: С. П. Обнорский). Очерки по морфологии глагола, стр. 143.

Раздел IV

ВОСТОЧНЫЕ СРЕДНЕРУССКИЕ ГОВОРЫ

Глава первая

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОСТОЧНЫХ СРЕДНЕРУССКИХ ГОВОРОВ И ИСТОРИЯ ИХ ОБРАЗОВАНИЯ

§ 1. Расположение основных пучков изоглосс северной и южной локализации на территории восточных среднерусских говоров

Восточными среднерусскими говорами является та часть среднерусских говоров, которая находится на основной территории распространения центральных говоров и отграничена от других диалектных объединений на севере и юге границами северного и южного наречий, а на западе — границей распространения явлений западной диалектной зоны (см. карту 84).

Для характеристики восточных ср.-р. говоров имеет также существенное значение и то, что на их территорию заходят и по-разному там оканчиваются окраинные части ареалов северо-восточной и юго-восточной диалектных зон.

Таким образом, по сравнению с другими величинами диалектного членения для восточных ср.-р. говоров в целом характерно соединение на их территории компонентов, отличающих их от всех других говоров русского языка: явлений, характерных для центральных говоров, территорию которых в основном и занимают восточные среднерусские говоры, определенный круг явлений, свойственных северному и южному наречиям, а также северо-восточной и юго-восточной диалектным зонам.

Явления этих разных по времени и по истории возникновения диалектных объединений характеризуют все восточные ср.-р. говоры потому, что именно на их территории они составляют специфический комплекс языковых черт. Негативно восточные ср.-р. говоры выделяются также полным отсутствием на их территории явлений, свойственных таким диалектным зонам, как западная, северо-западная, юго-западная, северная и южная.

Сложность описания языкового комплекса восточных ср.-р. говоров определяется тем, что на большей части территории этих говоров перекрещиваются, накладываясь друг на друга, ареалы явлений, порознь свойственных северному и южному наречиям русского языка. При этом в пределах восточных ср.-р. говоров выявляются разные подразделения в зависимости от того, какие черты указанных выше диалектных объединений сочетаются на той или иной части их территории и от того, имеются ли в пределах выделенного подразделения кроме этого еще и собственно местные черты.

Поэтому прежде, чем говорить о диалектных объединениях, выделяющихся на территории восточных ср.-р. говоров, следует детально рассмотреть проходящие по их территории пучки изоглосс языковых явлений, свойственных, с одной стороны, северному наречию и северо-восточной зоне, а с другой стороны, южному наречию и юго-восточной зоне, учитывая при этом, что изоглоссы каждого отдельного явления имеют в пределах пучков индивидуальные отличия в характере их очертания и местоположения. Более близкие по этим признакам изоглоссы образуют пучки, которые объединяют и одновременно выделяют разные части территории восточных ср.-р. говоров.

Расположение пучков изоглосс северной или южной локализации и территориальные величины, выделяемые этими пучками, показаны ниже на двух картах (см. карты 88, 89). При этом каждый пучок представлен изоглоссой

одного наиболее типичного явления из числа входящих в этот пучок.

I. Явления северного наречия и северо-восточной зоны, распространенные в пределах восточных ср.-р. говоров.

Явления северного наречия, в разной степени охватывая территорию восточных ср.-р. говоров, образуют пучки изоглосс, разделяющие ее по горизонтали, и выделяют говоры, которые находятся в разной степени близости к северному наречию. То, что явления северного наречия, которые известны восточным ср.-р. говорам, располагаются на их территории не беспорядочно, а выделяют соответствующими пучками изоглосс определенные части территории, говорит о связи характера распространения этих явлений с историей образования отдельных подразделений восточных ср.-р. говоров. Всего на территории восточных ср.-р. говоров расположено четыре пучка изоглосс явлений северного наречия. При этом первый и четвертый пучки связаны с выделением их территории в целом, отграничивая ее на севере и юге; третий пучок изоглосс отделяет в пределах восточных ср.-р. говоров окающие говоры от акающих; второй пучок разделяет окающие ср.-р. говоры на северную и южную их части, подчеркивая различия имеющихся в пределах окающих восточных ср.-р. говоров. Кроме этого каждый из названных пучков изоглосс имеет варианты, отражающие повторяющиеся отступления от расположения основного пучка, но в основном также связанные с выделением тех же определенных частей территории. Значимость того членения территории восточных ср.-р. говоров, которое основано на расположении пучков изоглосс явлений северного наречия и их вариантов, подтверждается тем, что это членение находит поддержку также и в расположении изоглосс явлений других территориальных объединений, изоглоссы которых проходят по территории восточных ср.-р. говоров, а именно: северо-восточной зоны, Костромской группы северного наречия и отдельных подразделений восточных ср.-р. говоров, выделяющихся по наличию в пределах последних собственно местных явлений.

Первый пучок изоглосс (I) связан с явлениями, свойственными северному наречию и несвойственными восточным ср.-р. говорам, и тем самым связан одновременно с понятиями северной границы восточных ср.-р. говоров и южной границы северного наречия.

В целом в состав этого пучка входят следующие явления:

1. Различение гласных неверхнего подъема как основной принцип структуры безударного вокализма: а) в первом предударном слоге после твердых согласных: *д/о/мá*, *н/о/шý*, *д/а/вáй*, *вст/а/вáй*; б) во втором предударном слоге после твердых согласных: *м/о/локó*, *д/а/лекó*; в) в заударных слогах после твердых согласных: *в гóр/о/де*, *гóр/о/д*, *вы́д/а/л*, *нáд/о/*, *óкн/а/*.

2. Возможность произношения гласного /и/ перед мягкими согласными в соответствии *ё* как под ударением, так и в первом предударном слоге: *в л/и́/се*, *б/и́/ленький*, *зв/и/рьё*, *б/и/лéть*.

3. Возможность лабиализации предударного *о* перед различными ударенными гласными и вне зависимости от качества соседних согласных: *б/о^у/льшáя*, *д/о^у/мóй*, *н/о^у/ги́*, *ст/о^у/лы́*, *р/о^у/дны́е*.

4. Случаи произношения мягких шипящих /ж/ и /ш/ (в рассеянном распространении по территории северного наречия): */ш'и́/бко*, */ж'é/ст*, */ш'á/пка*, */ж'а/ль*.

5. Произношение /с/ в соответствии сочетанию *ст* в конце слов: *мо/с/*, *хво/с/*.

6. Распространение словоформы *крестьян/а/* — им. п. мн. ч.

7. Принадлежность к ср.-р. и образование с суффиксом *-атк-* существительных м. р., обозначающих молодые существа: *цыплятко*, *робятко* и образование форм мн. ч. от той же основы с неударенным окончанием *-а* — им. п. мн. ч. *цыплятк/а/*, *робятк/а/*.

8. Наличие безударного окончания *-а* у существительных ср. р. с основой на задненебный согласной в им. п. мн. ч., типа *окóшк/а/*, а также наличие безударного окончания *-а* у существительных ср. р. с твердой основой в им. п. мн. ч. *пятн/а/*, *óкн/а/*.

9. Образование форм мн. ч. существительных м. р., обозначающих степени родства, с суффиксами *-ов'й-*, *-ев'й-*: *зяте/в'йá/*, *дяде/в'йá/*, *брато/в'йá/* и под.

Среди явлений северо-восточной зоны нет таких, которые относились бы к первому пучку изоглосс, т. е. совсем не были бы свойственны восточным ср.-р. говорам и выделяли бы тем самым их с севера.

К пучку изоглосс Iа относятся явления северного наречия и северо-восточной диалектной зоны, свойственные очень незначительной северо-восточной части территории окающих восточных ср.-р. говоров (городецким говорам Владимирско-Поволжской группы, см. ниже). В целом в составе пучка Iа находятся следующие явления северного наречия:

1. Возможность произношения заударного *е* как /о/ перед следующим твердым согласным в неконечном слоге (например, *ó/з'о/ро*) и в конечном закрытом слоге (*вы́/н'ос/*, *бý/д'от/*).

2. Ассимиляция согласных в сочетании *бм* > *мм* (*оммáн*).

3. Наличие общей формы для дат. и тв. п. мн. ч. существительных и прилагательных: *с пусты́м вёдрам — к пусты́м вёдрам*.

В состав пучка Iа входят также изоглоссы следующих явлений северо-восточной зоны:

1. Произношение /о/ на месте *е* в именах ж. р. на *-а*, тв. п. ед. ч. в заударном закрытом конечном слоге перед мягкой согласной: *дерéв/н'ой/* и т. д. (явление свойственно в основном костромским говорам).

2. Произношение /е/ на месте *а* после мягких согласных в заударном закрытом конечном слоге перед согласным *ц'* или *ц*: *мéс/е/ц*, *зáй/е/ц*.

3. Употребления предлога *по* с вин. п. неодушевленных и одушевленных существительных в конструкциях с целевым значением: *пошел по бабушку*, *пошел по орехи*, *пошел по топор*.

4. Из числа глагольных форм 2-го лица мн. ч. с ударением на окончании — *несе/тé/*, *несе/т'ó/* — формы с окончанием -/*ит'ó*/: *нес/-ит'ó/*.

5. Инфинитивы глаголов с основой на заднене́бный согласный с обязательным наличием задненебного в конце основы — *пекчи́*, *стeрегчи́* (характерны для южн. части сев.-вост. зоны).

Второй пучок изоглосс (II) включает следующие явления северного наречия, охватывающие северную половину территории окающих восточных ср.-р. говоров:

1. Возможность различения гласных неверхнего подъема в открытом заударном конечном слоге после твердых согласных (*нáд/о/*, *дóм/а/*).

2. Произношение /о/ в соответствии *е* в конечных открытых заударных слогах после мягких согласных в форме им. п. и вин. п. ед. ч. существительных и прилагательных: *пó/л'о/*, *си́/н'о/*.

3. Склонение существительных с суффиксом *-ушк* по типу слов м. р. и ср. р.: *дéдушк/о/*, *дéдушк/а/*, *дéдушк/у/* и т. д.

4. Различение гласных в безударных окончаниях 3-го лица мн. ч. глаголов I и II спряжения: *пи́ш/ут/*, *дéла/йут/*, *ды́ш/ат/*, *нó/с'ат/*.

5. Возможность произношения начального гласного /о/ во 2-м предударном слоге: */о/гурцы́*, */о/топри́* и др. (наряду с возможным произношением /у/ или /ъ/ в том же положении).

6. Произношение /в/ на месте *г* в словах *когда*, *тогда*: /*ковдá*/, /*товдá*/.

7. Окончание *ы* в форме род. п. ед. ч. существительных ж. р. с окончанием *-а* и твердой основой: *у жены́*, *с рабóт/ы/*.

8. Ударение на окончании в прилагательном *толстый*: *толстóй*.

Во второй пучок входят также изоглоссы некоторых явлений северо-восточной зоны:

1. Произношение заударного /о/ после мягких согласных в глаголах в форме повелительного наклонения мн. ч.: *иди́/т'о/*, *неси́/т'о/* и под., возможное также в формах 2 л. мн. ч. наст. вр.: *знáе/т'о/*.

2. Произношение слова *молния* как *мóлнийа* [1].

3. Произношение слова /*м/нук* в соответствии с *внук*.

Третий пучок изоглосс (III) включает явления, отделяющие окающие ср.-р. говоры от акающих:

1. Различение гласных неверхнего подъема после твердых согласных в 1-м предударном слоге (оканье): *д/о/мá*, *д/а/вáй* и под.

2. Сосуществование различения и неразличения гласных неверхнего подъема после твердых согласных во 2-м предударном слоге, наблюдаемое в отдельных говорах: *м/о/локá* и *м/ъ/локá*, *д/а/лекó* и *д/ъ/лекó* и под.

3. Форма повелительного наклонения глагола *лечь* — *ля/к/*.

4. *кринка* — посуда определенной формы для хранения молока.

В состав третьего пучка входит и такое явление северо-восточной зоны, как форма им. п. мн. ч. местоимения 3-го л. *онé*.

Третий пучок варианта (IIIа) не охватывает юго-западной части территории восточных ср.-р. окающих говоров и включает изоглоссы следующих явлений:

1. Возможность употребления личных форм ед. и мн. ч. с ударением на окончании у некоторых глаголов II спряжения, особенно последовательно отмечаемое в говорах сев. наречия у глаголов *солить*, *бранить*, *дарить*, *варить*: *брани́шь*, *брани́т*, *брани́м*; менее последовательно то же место ударения отмечается также у глагола *тащить*. Параллельно возможные в говорах сев. наречия формы *сóлишь*, *брáнишь*, *дáришь*, *вáришь* характеризуются, в отличие от южн. наречия, сохранением этимологического гласного под ударением. Последовательно с ударением на начальном слоге употребляются только личные формы глагола *платить*; *плáтишь*, *плáтит*.

---

[1] Распространение форм, совпадающих с литературными, указывается в тех случаях, когда подобные формы характерны только для данного диалектного объединения, а в других диалектных объединениях распространены диалектные варианты того же соответственного явления.

2. Наличие согласуемых постпозитивных частиц: *-от*, *-та*, *-ту*, *-те*.

3. Словоформа им. п. мн. ч. — *мура/в'йй/*.

4. Наличие прилагательного *берёжая* наряду с *сужеребая* и *жерёбая* (о кобыле).

В этот же пучок входят изоглоссы следующих явлений северо-восточной зоны:

1. Формы инфинитива с суффиксом *-чи*, от основ на задненебный согласный: *печи́*, *стречи́* и под.

2. Исключительное распространение форм инфинитива с суффиксом *-ти* глаголов типа *нести́*, *везти́*, *идти́*.

Четвертый пучок изоглосс (IV) включает изоглоссы таких явлений северного наречия, которые свойственны всем восточным ср.-р. говорам, окающим и акающим, и связан тем самым с выделением их территории с юга и с отграничением от говоров южного наречия.

Варианты этого пучка представляют изоглоссы таких явлений, которые отсутствуют в некоторых отделах акающих вост. ср.-р. говоров, что и оговаривается в соответствующих случаях (о членении вост. ср.-р. акающих говоров на отделы А, Б, В см. IV, 2, § 1).

Четвертый пучок образуют изоглоссы следующих явлений:

1. Смычное образование звонкой задненебной фонемы *г* и ее чередование с /*к*/ в конце слова и слога: *но/г/а́ — но/к/*, *бер/е/г/у́сь — берё/к/ся* и т. п.

2. Исключительное распространение слова *где* с начальным согласным /*г*/.

3. Отсутствие /*j*/ в интервокальном положении, явления ассимиляции и стяжения в возникающих при этом сочетаниях гласных при характерном для восточных ср.-р. говоров употреблении только стяженных форм: *де́лат*, *знат*, *но́ва*, *молода́*, *но́ву*, *молоду́*; реже *но́вы*, *молоды́*.

4. Произношение отдельных слов: *ри́га* с мягкими /*р'*/: /*ри́*/*га* (отсутствует в восточных ср.-р. акающих говорах отдела В); *ви́шня* с мягким *в'*: /*ви́*/*шня*; *густой* с ударением на конце: *густо́й*.

5. Распространение форм им. п. мн. ч. существительных *волк*, *вор* с ударением на основе: *во́лки*, *во́ры*.

6. Формы им. п. мн. ч. с ударением на основе слова *ворота*: *воро́т/ы/*, *воро́т/а/*.

7. Наличие следующих форм личного и возвратного местоимений род.-вин. п. ед. ч. — *меня́*, *тебя́*, *себя́*, дат.-предл. п. — *мне*, *тебе́*, *себе́*.

8. Окончание *т* твердое при его наличии в форме 3-го л. ед. и мн. ч.: *но́си/т/*, *но́ся/т/* (отсутствует в юго-западной части восточных ср.-р. акающих говоров отдела А).

Распространение следующих слов: *квашня́*, *квашо́нка* — 'посуда для приготовления теста'; *ковш — ко́вшик* — 'сосуд, которым черпают воду'; *сковоро́дник* — 'приспособление для вынимания сковороды из печи' (отсутствует в восточных ср.-р. акающих говорах отдела Б); *зы́бка* — 'колыбель, подвешиваемая к потолку' (употребляемое наряду с этим в ряде говоров слово *люлька* характерно преимущественно для говоров южного наречия, но имеет распространение и в восточных ср.-р. акающих говорах отделов А и Б и на юго-западной части территории влад.-поволж. говоров); *кафта́н* — 'мужская одежда определенного покроя' (за пределами северного наречия слово известно в сочетании с другими названиями одежды того же покроя); *о́зимь*, *о́зими* — 'всходы ржи' (отсутствует в восточных ср.-р. акающих говорах отделов А и Б); *суя́гная*, *суя́ная*, *суя́нная* — 'суягная' (об овце) и *ягни́лась*, *объягни́лась*, *яни́лась* — 'ягнилась' (об овце); *ла́ет* (о собаке; отсутствует в восточных ср.-р. акающих говорах отдела В); данное слово известно и в говорах южн. наречия, но в сочетании с другими словами; *пого́да* — 'плохая погода'; *бре́зговать* в том же значении, что и в литературном языке; *хорово́д — корово́д* — 'хоровод'.

В составе четвертого пучка изоглосс отсутствуют явления северо-восточной зоны.

II. Явления южного наречия и юго-восточной зоны, распространенные в восточных среднерусских говорах; см. карту 89.

Пучки изоглосс различных явлений южного наречия, так же как и явлений северного наречия, в разной степени охватывают территорию восточных ср.-р. говоров. Отдельные из этих пучков совпадают по местоположению с теми или иными из рассмотренных выше пучков изоглосс явлений северного наречия и северо-восточной зоны, но выделяют ареалы явлений противоположные по своей локализации: пучки изоглосс явлений северного наречия представляют собой южные границы явлений, распространенных на севере, а пучки изоглосс явлений южного наречия являются северными границами явлений, распространенных на юге. Подобное совпадение пучков изоглосс явлений, ареалы которых локализуются на противоположных территориях, объясняется тем, что большинство из них является попарно противопоставленными членами соответственных явлений, один из которых совпадает с литературной нормой.

Первый пучок изоглосс (I) южного наречия совпадает с южной границей восточных среднерусских говоров и включает изоглоссы таких южных явлений, которые совсем не свойственны

восточным ср.-р. говорам, т. е. не заходят севернее четвертого пучка изоглосс явлений северного наречия (см. карту 88).

Первый пучок изоглосс южного наречия в основном связан с диалектными членами соответственных явлений, входящими в четвертый пучок изоглосс северного наречия. Имеющиеся в составе первого пучка изоглоссы диалектных явлений, свойственных юго-восточной диалектной зоне, здесь перечисляться не будут потому, что их отсутствие само по себе не существенно для восточных ср.-р. говоров, так как другой или другие члены этих явлений занимают разные несоотносительные друг с другом территории так, что диалектному члену юго-восточной зоны противостоит в одних случаях член соответственного явления, свойственный всем русским говорам или также совпадающий с литературным языком, а в других случаях несколько членов многочленного соответственного явления, которые, если они и свойственны той или иной части восточных среднерусских говоров, то упоминаются в связи с тем диалектным объединением, которое они характеризуют.

Первый пучок включает изоглоссы следующих явлений южного наречия:

1. Фрикативное образование звонкой заднenебной фонемы ‹г› — /γ/ и ее чередование с /х/ в конце слова и слога: *но/γ/á — но/х/*, *бере/γ/ýсь — берё/х/ся*.

2. Отсутствие случаев выпадения согласного /j/, а тем самым и ассимиляции и стяжения гласных.

3. Распространение форм им. п. мн. ч. существительных *волк — вор* с ударением на окончании: *волки́*, *воры́*.

4. Форма им. п. мн. ч. с ударенным окончанием *воротá*.

5. Наличие следующих форм личного и возвратного местоимений: род.-вин. п. ед. ч. — *мене́*, *тебе́* (изредка *табе́*), *себе́* (изредка *сабе́*), дат.-предл. п. — *мне* и *мене́*, *тебе́* и *табе́*, *себе́* и *сабе́*.

6. Окончание /т'/ при его наличии в форме 3-го л. глаголов ед. и мн. ч.

7. Ударение на основе и замена гласного *а* на /о/ у некоторых глаголов II спряжения: *с/ó/дишь*, *в/ó/лишь*, *в/ó/ришь*, *к/ó/тишь*, *т/ó/щишь* и т. п. или *о* на /а/: *л/á/вишь* (некоторые из слов этого типа имеют замену гласного не во всех говорах южного наречия, а только в пределах юго-восточной зоны).

Распространение следующих слов: *дежá — дёжка* — 'посуда для приготовления теста'; *чáпля*, *цáпля*, *чáпельник*, и под. с корнем *чап* (*цап*) — 'приспособление для доставания сковороды из печи'; *корéц*, *кóрчик* — 'сосуд, которым черпают воду'; *ры́га* — 'постройка для сушки снопов'; *зéлени*, *зеленя́*, *зель* — '*всходы* ржи'; *кóтная*, *скóтная*, *сукóчая*, *кóтаная*, *сукóтная*, *сукóтая* — 'суягная' (об овце) и *окоти́лась* — 'объягнилась' (об овце), *брéшет* — 'лает' (о собаке), *корогóд*, *курагóд* — 'хоровод'.

Ареалы некоторых из перечисленных явлений охватывают в небольшой степени территорию восточных ср.-р. говоров и потому известны только на части территории восточных ср.-р. акающих говоров. Так, в какой-то мере свойственны отделу А явления под пунктами 2, 4, 6, 7 (в последнем случае имеет место распространение с /о/ отдельных глаголов, а именно: *т/ó/щишь*, *к/ó/тишь*). Из лексических явлений известны говорам отделов А и Б слова *зеленя́*, *цáпля*, *цáпельник*, отделу В — *ры́га*.

Второй пучок изоглосс (II) южного наречия совпадает с третьим пучком изоглосс северного наречия. Вместе взятые они отделяют окающие среднерусские говоры от акающих. Во второй пучок входят изоглоссы следующих явлений южного наречия:

1. Неразличение гласных неверхнего подъема после твердых согласных и в начале слова в 1-м предударном слоге (аканье): *д/а/мá*, *д/а/лá*, */а/днá* и под.

Близка к данной изоглоссе и изоглосса неразличения гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после мягких согласных (иканье, еканье, яканье).

2. Наличие корневого ударенного гласного *о* в слове *плати́ть*: *пл/ó/тишь*.

3. Склонение существительного *путь* по типу продуктивного склонения существительных м. р.: *путь — путя́ — путю́*.

4. Парадигма спряжения глагола лечь с шипящим согласным в основе: *ляжу — ляжешь — ляжут*, а также форма повелительного наклонения: *ляжь*.

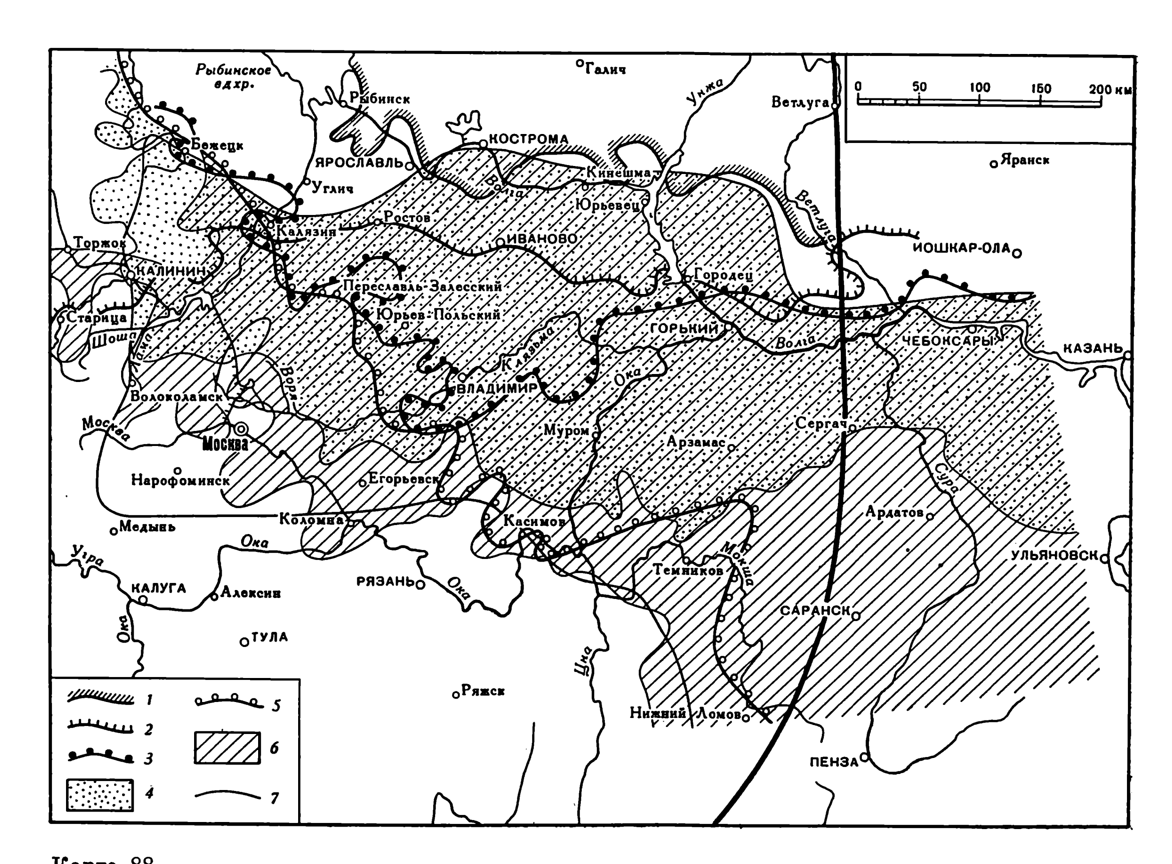
5. Распространение инфинитивов типа *печь*, *сечь*, *стерéчь* у глаголов с основой на заднenебный согласный и инфинитивов типа *несть*, *плесть*.

6. Наличие формы им. п. мн. ч. существительного *муравей*: *мура/вли́/*.

В этот же пучок входят изоглоссы некоторых явлений юго-восточной зоны:

1. Форма род. п. мн. ч. с окончанием *-ов* у существительных ж. р. с окончанием *-а*, имеющих как твердую, так и мягкую основу: *телéгов*, *дерéвнев*.

2. Исключительное распространение слов с суффиксом *-ик-* в названиях ягод: *земляни́ка*, *черни́ка* и под.

Карта 88

Типичные пучки изоглосс явлений северного наречия и сев.-восточной зоны:

1 — произношение /и/ в соответствии *ě* под ударением перед мягкими согласными: *зв/и/рь* (I пучок); *2* — совпадение форм дат. и тв. п. мн. ч. имен существительных: с *рук/áм/* (пучок Iа); *3* — возможность произношения /о/ в открытом заударном конечном слоге после мягких согласных в форме им.—вин. п. ед. ч. сущ. ср. р.: *пó/л'о/* (II пучок); *4* — различение гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после твердых согласных: *д/о/мá—д/а/вáй* (III пучок); *5* — наличие согласуемых постпозитивных частиц *-от*, *-та*, *-ту*, *-те* (пучок IIIа); *6* — отсутствие /j/ и стяжение гласных в безударном сочетании *айе* глаголов наст. вр. *дéл/ат/* (IV пучок); *7* — граница восточных ср.-р. говоров

3. Смягчение задненебных согласных в основе существительных при образовании форм тв. п. мн. ч. в случаях типа *ýт/ки/ми*, *дéнь/ги/ми*.

4. Исключительное распространение формы им. п. мн. ч. местоимения 3-го л. *онú*.

5. Употребление частицы *-си* после согласных *л* и *ш* в возвратных формах глаголов: *умы́л/си/*, *бóишь/си/*.

6. Произношение слова *комар* с конечным мягким /р'/: *комá/р'/*, *кумá/р'/*.

В составе второго пучка изоглосс наибольшее значение имеет изоглосса неразличения гласных (аканья), выделяющая акающие говоры в составе восточных ср.-р. говоров. Другие изоглоссы данного пучка, полностью не совпадая с изоглоссой аканья, приближаются к ней по местоположению и тем самым указывают, что соответствующие явления в той или иной мере известны акающим ср.-р. говорам. Из названных явлений в северо-восточной части отдела А акающих восточных ср.-р. говоров отсутствуют явления, названные в пунктах 3, 4 южного наречия. С другой стороны, форма тв. п. мн. ч. существительных с основой на задненебный согласный, имеющая окончание *-ими*, распространена и за пределами акающих восточных ср.-р. говоров в южной части окающих говоров (муромские говоры).

Вариантами изоглосс второго пучка являются изоглоссы таких явлений юго-восточной зоны, которые известны не только акающим восточным ср.-р. говорам, но и западной части территории окающих говоров, расположенной на восток до бассейна реки Нерль; к числу таких явлений пучка IIа относятся:

1. Формы им. п. мн. ч. кратких предикативных прилагательных с окончанием *-и*: *сы́т/и/*, *рáд/и/* и т. п.;

2. Произношение слова *гриб* с твердым *р*: *г/ры/б*.

Некоторое сходство по очертаниям с данными изоглоссами имеет и

3. Ассимилятивное смягчение губных согласных перед мягкими задненебными в случаях типа *де́/ф'ки/*, *ма́/м'ки/*.

Третий пучок изоглосс южного наречия (III) расположен посредине территории окающих восточных ср.-р. говоров, где он совпадает со вторым пучком изоглосс северного наречия. В него входят изоглоссы следующих явлений:

1. Совпадение гласных неверхнего подъема после твердых согласных в заударном открытом конце слова: *ле́т/ъ/*, *до́м/ъ/* или *ле́т/а/*, *до́м/а/*.

2. Совпадение гласных неверхнего подъема и гласного *и* после твердых согласных в гласном /*а*/ или /*ъ*/ в заударном закрытом конечном слоге: *про́д/а/л*, *го́р/а/д*, *вы́м/а/л* или *про́д/ъ/л*, *го́р/ъ/д*, *вы́м/ъ/л*.

3. Произношение /*о*/ на месте *а* в формах прош. времени *т/р'о/с* и *зап/р'о/г*.

4. Окончания *-е*, *-и* в форме род. п. ед. ч. существительных ж. р. с окончанием *-а* и твердой основой: *у же/не́/*, *с рабо́/т'и/*.

5. Склонение существительных с суффиксом *-ушк-* по типу слов ж. р.: *у де́душки*, *к де́душке*.

6. Ударение на основе в прилагательном *то́лстый*.

7. Совпадение безударных окончаний 3-го л. мн. ч. глаголов I и II спряжения: *пи́ш/ут/*, *де́лай/ут/*, *ды́ш/ут/*, *но́/с'ут/*.

В этот же пучок входят изоглоссы следующих явлений юго-восточной зоны:

1. Произношение слова *пшено́* (со вставным гласным) — *п/ъ/шено́*.

2. Произношение твердого *р* в слове *ск/ры/пе́ть*.

3. Распространение названий жеребенка по первому году с суффиксом *-ун*: *стригу́н* (на большей части территории восточных ср.-р. говоров) и *стрыгу́н* (в восточных ср.-р. акающих говорах отдела В).

В этот же пучок входят изоглоссы некоторых явлений, свойственных главным образом Восточной группе южного наречия и распространенных к северу от нее на территории восточной части акающих (говоров отделов Б и В) и юго-восточной части окающих восточных ср.-р. говоров (см. главным образом в муромских и горьковских говорах). К числу таких явлений относятся:

1. Совпадение гласных неверхнего подъема и гласного *и* после твердых согласных в гласном /*а*/ в конечном закрытом заударном слоге: *го́р/а/д*, *вы́бр/а/л*, *вы́м/а/л*.

2. Особенности в произношении отдельных слов: *ди́верь* (с гласным /*и*/ под ударением); *дуп/л'о́/*, *нут/р'о́/* (с мягким /*л'*/ и /*р'*/), *ск/ры/пе́ть* (с твердым /*р*/).

3. Наличие мягкого /*н'*/ в случаях типа *полоте́/н'ц/е* и под.

4. Распространение форм, совпадающих по месту ударения, типа в *грязе́* и по *грязе́* — дат. и предл. п. ед. ч. от некоторых существительных ж. р. на мягкий согласный.

Четвертый пучок южного наречия (IV) совпадает с первым пучком северного наречия, т. е. охватывает всю территорию восточных ср.-р. говоров. К нему относятся следующие явления:

1. Возможность неразличения гласных неверхнего подъема после твердых согласных в положениях 2-го предударного слога и заударных слогах. В самой северной части территории, выделяемой этим пучком изоглосс, неразличение сосуществует с частичным различением тех же гласных.

2. Форма им. п. мн. ч. *крестья́не*.

3. Наличие безударного окончания *-и* во мн. ч. им. п. существительных ср. р. с основой на задненебный согласный: *око́шки* и т. д.

4. Наличие безударного окончания *-ы* (в части говоров наряду с окончанием *-а*) у существительных ср. р. с твердой основой в форме им. п. мн. ч.: *пя́тн/ы/*, *о́кн/ы/*.

5. Принадлежность к мужскому роду и образование с суффиксом *-онок-* существительных, обозначающих молодые существа: *цыплёнок*, *ребёнок*; образование формы им. п. мн. ч. этих существительных от другой основы с окончанием *-ы*: *цыпля́т/ы/*, *ребя́т/ы/*.

Четвертый пучок изоглосс южного наречия варианта (IVа) совпадает с вариантом (Iа) первого пучка изоглосс северного наречия и северо-восточной зоны, т. е. охватывает почти все восточные ср.-р. говоры за исключением незначительной северо-восточной части территории окающих восточных ср.-р. говоров (на карте 89 варианта этого пучка нет. См. территорию, выделяемую им на карте 88, пучок Iа). К нему относятся следующие явления:

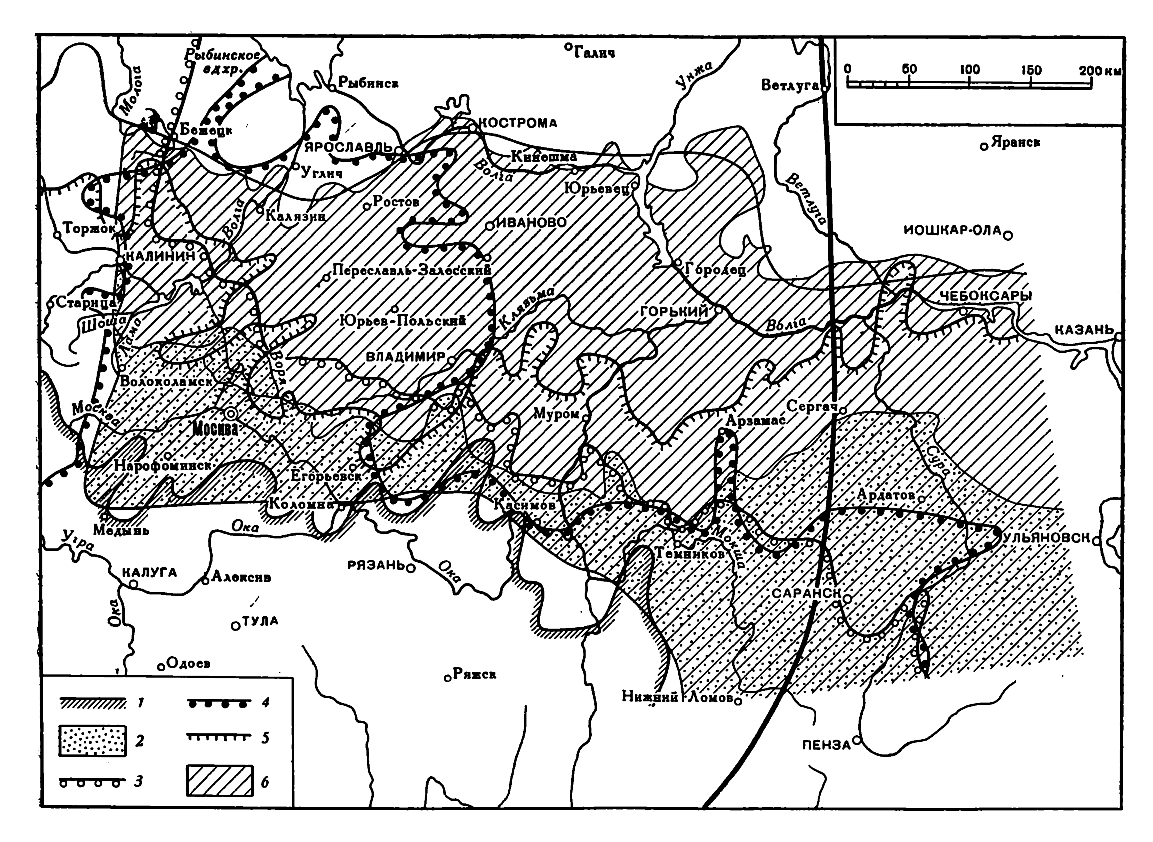
1. Наличие сочетания *бм*.

2. Наличие сочетания *ст* на конце слова.

3. Произношение слова *пшеница* со вставным гласным: *п/а/шени́ца* или *п/ъ/шени́ца*.

4. Различение форм дат. и тв. п. мн. ч. существительных и прилагательных: *с пусты́ми вёдрами*, *к пусты́м вёдрам*.

Распространение следующих слов: *ток* — 'площадка для молотьбы', *цеп* — 'орудие, которым обмолачивают хлеб'; *брать* — 'теребить' (о льне).

Карта 89

Типичные пучки изоглосс явлений южного наречия и юго-восточной зоны:

1 — фрикативное образование фонемы ⟨*г*⟩—/γ/ и ее чередование с /*х*/ в конце слова и слога: *но/γ/á—но/х/* (I пучок); *2* — неразличение гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после твердых согласных: *д/а/мá*, *д/а/вáй* (II пучок); *3* — распространение инфинитивов типа *не/с'т'/* (пучок IIa); *4* — формы им. п. мн. ч. кратких предикативных прилагательных — *сы́ти*, *рáди* и т. п. (пучок IIб); *5* — окончание *-е*, *-и* в форме род. п. ед. ч. существительных ж. р. с окончанием *-а* и твердой основой: *у же/нé/*, *у корó/ви/* (III пучок); *6* — возможность неразличения гласных неверхнего подъема после твердых согласных во 2-м предударном слоге: *м/ъ/локó*, *д/ъ/лекó* (IV пучок)

К этому же пучку относятся изоглоссы следующих явлений юго-восточной зоны:

1. Произношение слова *смородина* со вставными гласными: *с/а/морóдина*, *с/ъ/морóдина* и слова *ольхá* с ударением на окончании.

2. Образование форм тв. п. мн. ч. с окончанием *-ми* от некоторых существительных: *грудьми́*, *лошадьми́*, *слезьми́* и др.

3. Формы деепричастий прош. времени с суффиксом *-мши*: *разýмши* и под.

Распространение следующих слов: образования от основ *крест—хрест*: *крестéц*, *крест*, *хрест* — 'малая укладка снопов в поле'; *палúца* — 'соответствующая часть сохи'; *стригáн* и *стригýн* — 'жеребенок по второму году'.

§ 2. Разные типы расположения пучков изоглосс с исторической точки зрения

История современных восточных ср.-р. говоров является продолжением истории говоров на территории Ростово-Суздальской земли в их взаимодействии с говорами других диалектных объединений на всем протяжении периода образования Великого княжества Московского, а затем и Московского государства, т. е. уже на протяжении существования русского языка как национального. Таким образом то состояние восточных ср.-р. говоров, которое мы можем изучать по современным данным лингвистической географии, является результатом их длительной истории. В чисто языковом отношении взаимодействующими величинами в этом процессе с самого начала были говоры Ростово-Суздальской и Рязанской земель.

Языковые явления ростово-суздальских говоров послужили основой как комплекса явлений, характеризующих в дальнейшем современные говоры центра, так и (на другой части территории) говоров северо-восточной диалектной зоны, в пределах которой имело место взаимодействие ростово-суздальского диалекта с новгородским. В результате взаимодействия этих же диалектов образовались и говоры северного наречия. На основе говоров бывшей Рязанской земли сложился комплекс явлений юго-восточной зоны с характерным для нее весьма неравномерным распространением отдельных явлений в северном направлении. Определенные явления, развивавшиеся в этих говорах, имели значение для образования южного наречия в целом.

Явления первого пучка северного наречия, которые, отсутствуя на территории ср.-р. говоров, ограничивают их тем самым в настоящее время от говоров северного наречия, с исторической точки зрения могут быть двоякими. Одни из них относятся к числу исконных для русского языка явлений, вытесненных на территории восточных среднерусских говоров, новообразованиями, распространявшимися с юга (см. явления IV пучка южного наречия и юго-восточной зоны). Другие представляют собой новообразования, развивавшиеся уже на территории собственно северного наречия в более позднее время (после XV в.), что свидетельствовало о выделении говоров данной территории в качестве самостоятельного диалектного объединения и о том, что на территории восточных ср.-р. говоров в свою очередь складывались достаточно самостоятельные собственно местные системы.

Из перечисленных выше явлений первого пучка северного наречия к числу исконных явлений относятся: различение гласных неверхнего подъема во всех безударных слогах; случаи произношения мягких шипящих согласных *ж*, *ш*; наличие окончания *-а* в формах им. п. мн. ч. различных категорий существительных: *сёл/а/*, *ворóт/а/*, *ребятúшк/а/* и под. С явлениями-новообразованиями в составе первого пучка связаны изоглоссы следующих явлений: возможность произношения /*и*/ в соответствии *ě* перед мягкими согласными; возможность лабиализованного произношения *о* в 1-м (реже и во 2-м) предударном слоге (причем первое из этих явлений связано с судьбой гласных на месте этимологического *ě*, а второе — на месте *ô* в говорах не Ростово-Суздальского происхождения); наличие окончания *-а* в формах им. п. мн. ч. существительных с суффиксом *-ин*: *крестья́н/а/* и под. К числу возникавших в позднее время и также отсутствующих в восточных ср.-р. говорах явлений может быть отнесено и произношение /*с*/ в соответствии *ст* на конце слова и др.

Явления северного наречия и северо-восточной зоны, в очень незначительной части распространенные на северо-восточной части территории восточных ср.-р. говоров, были выше объединены в пучок Iа. Исторически эта северо-восточная часть территории восточных ср.-р. говоров соответствует Суздальско-Нижегородскому княжеству XIV в. Охватывающие ее ареалы по большей части связаны с новообразованиями XIV—XV вв., распространявшимися в пределах северо-восточной зоны или будущей территории северного наречия в направлении с запада на восток. К числу старых явлений из их состава можно отнести лишь употребление предлога *по* со значением цели с одушевленными и неодушевленными существительными в конструкциях типа: *пошел по бабушку* и наличие наконечного ударения во 2-м л. мн. ч. глаголов, типа *нес/ит'ó/* [2].

В основном же явления пучка Iа представляют собой новообразования собственно новгородского происхождения (см. II, 4, где высказаны и предположения о времени возникновения этих явлений). Такова ассимиляция согласных в сочетании *бм* (см. II, 4, § 2), и совпадение форм тв. и дат. п. мн. ч. у прилагательных и у существительных (см. II, 4, § 3). Что же касается изменения *бм* > *мм*, то оно распространялось по территории северо-востока не ранее, чем с XIV в., а что касается такого явления, как совпадение дат. и тв. п. мн. ч. у существительных, оно возможно лишь с конца XV в. Другие явления, изоглоссы которых связаны с пучком Iа, являются новообразования собственно северо-восточной зоны,

---

[2] При этом оба названных явления, характерных для северо-восточной зоны, а не для северного наречия, не так уж безусловно являются архаическими: формы типа *нес/ит'ó/* могут быть и новообразованием на данной территории (см. III, 4, § 4); сочетания предлога *по* с вин. п. имени, не ограниченные употреблением только одушевленных существительных, свойственны и другим, в частности всем владимирско-поволжским, говорам. При изучении говоров на территории Ростово-Суздальской земли важно лишь подчеркнуть, что эта конструкция совсем неизвестна говорам юго-восточной зоны, влиянием говоров которой и можно, видимо, объяснить разного рода ограничения при употреблении этой конструкции в говорах ростово-суздальского происхождения: невозможность включения существительных, обозначающих одушевленные существа или включение только определенных существительных, что является в подобных случаях трансформацией старой конструкции.

возникшие не ранее XIV—XV вв. К ним относятся, например, ареал такого явления, как произношение /е/ на месте *а* перед *ц* в заударном слоге *мé/се/ц* и т. п., связанного генетически с фонетическим чередованием *а* с *е* между мягкими согласными, известным в вологодских говорах и в настоящее время; и ареал инфинитивов с задненебными согласными в основе. Для южной части говоров сев.-вост. зоны это формы типа *пекчú*, *стерегчú* (см. I, 3, § 8).

Очагом возникновения этих явлений были говоры новгородского происхождения, взаимодействовавшие на территории сев.-восточной зоны с ростово-суздальскими говорами, о чем свидетельствует факт наличия вариаций указанных явлений в говорах северной и южной частей сев.-вост. зоны (Ср. *п/ет'/*, *мéс/ец'/* — на севере и */п'ат'/*, *мéс/ец/* — на юге; формы *пектú*, *пекчú* — на севере и *пекчú* — на юге и др.).

Очагом же возникновения такого явления пучка Ia, как произношения /о/в соответствии с *е* в заударных слогах после мягких согласных были говоры исконно ростово-суздальского происхождения. Об этом говорит и то, что именно исконно ростово-суздальским говорам северного наречия свойственно самое последовательное употребление произношения /о/ в соответствии *е* во всех возможных случаях в заударном положении (см. говоры Костромской группы); и то, что заударное ёканье в разных категориях случаев свойственно большой части восточных ср.-р. окающих говоров (см. явления II пучка изоглосс северного наречия). Отсутствие заударного ёканья в указанных формах в большинстве современных восточных ср.-р. говоров объясняется тем, что в этих говорах к XIV в. уже распространилось, шедшее с юга, ослабление безударных гласных и их редукция, которые и могли помешать переходу *е* в *о* в этих положениях или привести позднее к неразличению гласных *а*, *о*, *е* в них.

Отсутствие всех названных явлений-инноваций, независимо от их происхождения, на большей части территории ростово-суздальских говоров объясняется тем, что эти говоры были в период начиная с XIV в. уже расчленены: отдельные части этих говоров входили в разные политико-экономические объединения и тем самым в разные сферы языковых переживаний и находились в связи и взаимодействии с разными типами говоров. Из их числа суздальско-нижегородские говоры были в указанных отношениях ближе к говорам северо-востока, т. е. к будущим говорам северного наречия. Об этом свидетельствует и тот факт, что поздние севернорусские новообразования (XVII в. и позднее) также остаются в пределах пучка Ia. В отличие от этого владимирско-переславские говоры в большей степени были связаны с говорами вокруг Москвы и говорами юго-востока. Этим же объясняется и тот факт, что явления пучка IVa южного наречия и юго-восточной зоны не охватывают территории, выделенной пучком Ia северного наречия и северо-восточной зоны. В составе этого пучка южных явлений (см. выше, § 1), находятся или такие исконные явления, которые в пределах северного наречия и северо-восточной части территории восточных ср.-р. говоров, выделяемой пучком Ia, были заменены новообразованиями, не распространявшимися южнее территории, выделяемой пучком I*а*), или такие явления-новообразования южного наречия или юго-восточной зоны, которые, в свою очередь не распространялись севернее расположения того же пучка изоглосс.

Так, например, формы типа *кос/тьмú/*, архаические по своему характеру, не распространяются севернее границы совпадения форм тв. и дат. п. мн. ч. существительных, так как там распространены исключающие их по своему характеру формы тв. п. мн. ч. типа *костя́м*. Тенденция образования форм на *-ми* и от слов муж. и ср. рода, известная в говорах юго-востока — *коньмú*, *плечьмú* и т. д., могла возникнуть, видимо уже в более позднее время, причем в восточных ср.-р. говорах расширения употребления данных форм не наблюдается.

К числу явлений, возникавших на южных территориях, относятся формы деепричастий на *-мши*. По современным данным [3] эти формы имеют распространение на территории юго-восточной зоны в ее наиболее широком варианте (В), так как изоглосса этих форм проходит почти в пограничье смоленских говоров [4]. Тем самым и наличие форм этих деепричастий в восточных ср.-р. говорах следует объяснять взаимодействием с говорами юго-востока. Особенно показательным для того, что именно юго-восточные говоры были первоначальным очагом возникновения этих форм, является то, что на основной части территории юго-восточной зоны (в пределах, выделяемых IV пучком изоглосс южного наречия), образование подобных форм имеет лексически неограниченный характер, в то время как на территории северо-западной зоны отмечают только такие деепричастия, как *ёмши*

---

[3] Атласы VI, V, VIII.

[4] «Русская диалектология» стр. 262.

или *вземши*, или иногда также и *пимши*[5]. В связи с подобным распространением указанных деепричастий отпадает и возможность предположения о том, что суффикс *-мши-* развился в них из /*ўши*/, как это предполагал С. П. Обнорский[6]. Впрочем, в принципе, развитие данного суффикса на фонетической почве не исключается, ср. изменение *вн* > /*мн*/ в случаях типа *да/мн/ó* и под.; ареалы этого последнего явления распространены примерно на окраинах ареала распространения деепричастий на *-мши*[7].

С продвижением с юга связано и такое явление-новообразование, изоглосса которого также включается в пучок IVa, как наличие лексикализованных случаев употребления вставного гласного в словах *съмарóдина*, *пъшенó*, *пъшенúца*. Распространение такого произношения представлено в основном в юго-восточных говорах, которым свойственна редукция гласных вплоть до их выпадения во 2-м предударном слоге. Можно думать, что развитие вставного гласного было связано в них с отходом от тенденции выпадения гласных неверхнего подъема в этом положении. В восточных ср.-р. говорах подобные случаи в большей мере распространены на южной половине их территории, но известны и севернее, в пределах, выделяемых III и IVa пучками изоглосс.

Со II пучком изоглосс северного наречия и северо-восточной зоны связаны главным образом явления, исконные для говоров северных территорий, или явления, представляющие собой ранние новообразования, обусловленные характером заударного вокализма. Некоторые из них связаны с такими исконными явлениями, как склонение существительных м. р. с суффиксами *-ушк-*, *-ишк-* по типу слов мужского рода, различение форм глаголов I и II спряжения по качеству гласного в 3 л. мн. ч. наст. вр. Также к числу исконных явлений, но распространенных южнее первых относятся и формы с окончанием *-ы* в род. п. ед. ч. сущ. ж. р. типа *жена*, наконечное ударение в прилагательном *толстый — толстóй*, употребление конструкции с предлогом *по* и существительных в форме вин. п. со значением цели, и некоторые весьма древние (общевосточнославянские) новообразования такие, например, как наличие словоформы *молния*.

Новообразования, изоглоссы которых входят во II пучок, принадлежат к числу собственно ростово-суздальских по происхождению и ранних по времени возникновения. Таково произношение /*о*/ на месте *е* в конечном заударном открытом слоге: в существительных и прилагательных им. п. ед. ч. среднего рода — *пó/л'о/*, *сú/н'о/*, характерное для всех говоров северного наречия. Таково и произношение заударного /*о*/ в формах 2-го л. мн. ч. повелительного наклонения и в окончании 2-го лица мн. ч. настоящего времени, напр., *идú/т'о/*, *идё/т'о/*, характерные для южной части говоров северо-восточной зоны. Поскольку случаев заударного ёканья южнее территории, выделяемой II пучком северных изоглосс в пределах восточных ср.-р. говоров, нет, то распространение этого явления в одной совокупности случаев ограничено пучком Ia (см. выше), а в другой — пучком II. Ареал заударного ёканья в глагольных формах по своим очертаниям соответствует определенной части территории Ростово-Суздальской земли XIV в., а именно всем ее говорам за исключением говоров Переяславского княжества по границам 1212 г. и говоров Муромского княжества, присоединенного к Великому княжеству Московскому после XIV в. Ёканье могло и вообще не развиться в указанных говорах, но могло быть и устранено в них в более позднее время под южнорусским влиянием. Судя по качеству гласных, в которых происходит совпадение гласных неверхнего подъема в заударных открытых слогах в современных муромских, переславль-залесских и калининских говорах (см. IV, 3, § 2) не исключается предположение, что по крайней мере в именах (*сú/н'о/*, *пó/л'о/*) произношение /*о*/ на месте *е* было известно в прошлом и в этих говорах.

Поздним присоединением к Великому княжеству Московскому может объясняться отсутствие в муромских говорах такого северного новообразования, как произношение /*в*/ на месте *г* в слове *когда—ковдá*. Памятники датируют наличие *л* на месте *в* в слове *ковда* XVI в. (Суздальская летопись 1556 г.)[8]. Наличие же /*в*/ на месте *г* в этом слове должно было образоваться раньше, поскольку в памятниках XV в. отмечают замену *г* на *в* в форме род. п. прилагательных. Тем самым можно предполагать, что произношение *ковда* возникло и распространилось в XIV в., но не захватило говоров Муромского княжества, еще обособленных в это время и, видимо, переживших свое-

---

[5] Иначе представлял себе распространение этой формы С. П. Обнорский, характерной, как он указывал, для «юго-западного сектора акающих говоров», а также для говоров Ярославского, Костромского и Вятского края (См.: С. П. Обнорский. Очерки по морфологии глагола, стр. 231—232).

[6] Там же (См. о неудовлетворительности данных форм деепричастий — по аналогии с деепричастиями от глаголов типа *взять*: *взя́/мши/*).

[7] См. карту этого явления: А. К. Васильева. Указ. соч., стр. 236—238.

[8] А. И. Соболевский Лекции. . .

образный процесс: после связанного с диссимиляцией появления /γ/ в слове *когда*, возникавший фрикативный звук выпадал: ср. широко распространенное в современных муромских говорах и к югу от них произношение /*кодá*/, /*кадá*/.

Характерным для явлений II пучка изоглосс северных явлений является и то, что все они противопоставлены распространенным с юга более поздним новообразованиям, представленным явлениями III пучка изоглосс южного наречия, характер расположения которых как раз и указывает на то, что эти явления-инновации распространялись к северу в то время, когда муромские говоры и говоры Переславльского княжества были отделены от других по происхождению ростово-суздальских говоров (от говоров владимирских, ростовских, суздальских и нижегородских), а именно в период от XIII до XV в.

Разница между расположением изоглосс отдельных явлений северного наречия и северо-восточной зоны в пределах II пучка объясняется, как и в других случаях, временем распространения новообразований, шедших с юга. Так, одни из явлений северного наречия охватывают переславль-залесские и калининские говоры, но не охватывают муромско-горьковские говоры. Это наблюдается в случаях, когда соответственный член явления, свойственный южному наречию или юго-восточной зоне, проникал на территорию говоров Ростово-Суздальской земли в период с XIII до XV в., т. е. в то время, когда Муромское княжество еще не вошло в состав Великого княжества Московского, а было связано с Рязанским княжеством, откуда на его территорию и распространялись определенные новообразования. Другие явления отсутствуют в переславль-залесских, калининских и муромских говорах, т. е. на всей южной части территории восточных ср.-р. говоров. Такое распространение могло сложиться в XIV—XV вв., когда в состав Московского княжества не входило Суздальско-Нижегородское, а Владимирское княжество было пограничным.

III пучок северных изоглосс отделяет окающие говоры от акающих. Под оканьем в данном случае имеется в виду различение гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после твердых согласных. Таким образом, речь идет о наличии в восточных ср.-р. говорах такого звена системы безударного вокализма северного наречия, для которого характерно сочетание оканья в 1-м предударном слоге с обязательным неразличением гласных неверхнего подъема в других безударных слогах. Тем самым в восточных ср.-р. окающих говорах система безударного вокализма является собственно местной, поскольку в ней различение в 1-м предударном слоге сочетается с редукцией в других безударных слогах или во всяком случае с ее возможностью в них (см IV, 3, § 2). Все явления северного наречия и северо-восточной зоны, которые имеют распространение, подобное оканью, относятся к числу старых, исконных явлений, общее количество которых в составе III пучка относительно невелико. Ранним новообразованием Ростово-Суздальского происхождения (XIII—XIV вв., см. I, 3, § 6), входящим в этот пучок изоглосс, является лишь форма местоимения 3 л. мн. ч. *оне́*. По наличию этой формы и в муромских говорах следует предположить, что она распространялась в них или раньше XIII в. или позже XIV в., т. е. в период, когда говоры Муромского княжества вошли в единство ростово-суздальских говоров.

Явления, объединенные в пучке IIIа северного наречия, также принадлежат к числу исконных и отсутствуют в наиболее юго-западной части окающих говоров (главным образом в части калининских, переславль-залесских говоров). Все они вытеснены с юга распространявшимися в более позднее время явлениями—новообразованиями.

IV пучок изоглосс северного наречия является последним, самым южным, пучком, ограничивающим с юга распространение северных явлений на территории восточных среднерусских говоров, взятых в целом. К числу старых исконных явлений в составе данного пучка относятся: смычное образование звонкой задненебной фонемы *г*, ударение на основе в форме им. п. мн. ч. у слов *вóлки*, *вóры*, *ворóт*/*а*/ или *ворóт*/*ы*/; из числа лексических — все слова, указанные выше (§ 1) в перечне IV пучка. Те явления этого пучка, которые представляют собой новообразования, являются местными, ростово-суздальскими по происхождению, относящимися к XIV—XV вв. и распространявшимися во всех говорах северного наречия в ходе его формирования. Исключением является лишь произношение *т* в личных формах 3 л. глаголов, которое, как предполагают, первоначально возникало в среде говоров новгородского происхождения, но оказалось продуктивным при распространении в инодиалектной среде (см. II, 4, § 4).

Таким образом, восточные ср.-р. говоры устойчиво сохраняли основной круг черт, исторически присущих ростово-суздальскому диалекту, особенно тех, которые включались в систему норм формирующегося национального языка. В дальнейшем на территорию

ростово-суздальских по происхождению говоров продвигались с юга отдельные явления южной или юго-восточной локализации, всегда являющиеся новообразованиями, развившимися на этих южных территориях, тогда как явления, исконные для южных или юго-восточных говоров, постоянно находятся за пределами территории восточных ср.-р. говоров (ср. такие связанные с I пучком изоглосс южного наречия явления, как формы личного и возвратного местоимений род. дат п. п.: *мене́*, *тебе́*, *себе́ — мне*, *табе́*, *сабе́*, окончание /*т*'/ в 3 л. наст. вр. глаголов и др.). Случаи, когда восточные ср.-р. говоры совпадают с говорами юга и юго-востока по некоторым исконным явлениям, отличаясь вместе с ними от говоров северного наречия, объясняются тем, что по территории северного наречия, а в ряде случаев и западных ср.-р. говоров распространились новообразования. Тем самым восточные ср.-р. говоры и говоры южных территорий сохраняют состояние явлений, в прошлом характерное для всех говоров русского языка: см. такие явления IV пучка и IVа, как сохранение сочетания *бм*, наличие *ст* на конце слова, наличие форм тв. п. мн. ч. типа: *гру/дьми́/*, *лоша/дьми́/*; форму им. п. мн. ч. *крестья́не* и т. д. или такое исконное явление II б пучка южных явлений, как словоформы *сыти*, *ради*.

Итак, на территории восточных ср.-р. говоров из числа явлений южного наречия и юго-восточной зоны распространены главным образом явления-новообразования, хотя степень их распространения и различна. Не говоря о I пучке изоглосс южных явлений, который лишь выделяет восточные ср.-р. говоры с юга, укажем, что другие явления-новообразования — их большинство — охватывают в разной степени главным образом лишь акающие восточные ср.-р. говоры и в незначительной степени западную часть территории окающих (см. карт. 89). Явлений южного происхождения, свойственных большей части окающих восточных ср.-р. говоров, сравнительно немного (см. выше перечни явлений III и IV пучков южных явлений и их вариантов, при этом большинство из них прямо или косвенно связано с безударным вокализмом).

Разница в характере распространения отдельных явлений-новообразований южного наречия, а также явлений юго-восточной зоны или Восточной группы южного наречия на территории восточных ср.-р. говоров объясняется как разным временем их возникновения, так и разной возможностью распространения каждого отдельно взятого явления в собственно языковом плане и соотношением его с устанавливавшейся нормой общенародного языка. Лишь в самом общем виде можно сказать, что очень ранние явления (ранее XII в.) и явления, развивавшиеся на юге в XV в. и в последующее время, не получали широкого распространения в восточных ср.-р. говорах. В обоих случаях для этих явлений более характерно движение в западном направлении, хотя объяснение этого с исторической точки зрения и различно (см. II, 7, § 11). Однако при объяснении характера распространения различных явлений в ряде случаев недостаточно учитывать лишь время их возникновения, так как фактически это распространение чаще всего объясняется целой совокупностью причин. Так, если в принципе новообразования, возникавшие ранее XII в., не получали распространения на территории восточных ср.-р. говоров (ср. фрикативное образование задненебной фонемы), то наряду с этим нельзя не заметить, что возникавшее лишь несколько позднее по времени аканье в той или иной форме его проявления такое распространение получает. Во всяком случае, когда возникло и стало распространяться к северу аканье, в южных говорах произносилось /γ/, однако характер распространения этих двух явлений в восточных ср.-р. говорах различен. Точно так же нельзя установить последовательность времени образования ряда явлений XII—XVI вв., возникавших в юго-восточных или в южных говорах, по степени распространения их в восточных ср.-р. говорах. Так, например, новообразования в отношении неопределенных форм глагола возникали в разное время: у глаголов на задненебный согласный формы типа *печь* известны по памятникам с XI в., а формы типа *несть*, *ити́ть* — с XVI в. Однако по характеру распространения в современных восточных ср.-р. говорах эти образования очень близки между собой (см. II пучок явлений южного наречия). Различны изоглоссы отдельных слов или лексико-грамматических категорий, возникавшие в результате действия одного и того же процесса или одной и той же тенденции. Ср. изоглоссы таких явлений II пучка, как *грыб* и *крынка* и других слов с твердым /*р*/ в соответствии /*р*'/ или конструкции *по ягоды*, *за ягодами* и *по дрова*, *за дровами*; а также склонение по типу слов ж. р. существительных м. р. с суффиксом *-ушк-* и с суффиксом *-ишк-* и др. Все это свидетельствует о том, что в распространении черт южного наречия и юго-восточной зоны большую роль играли причины собственно языкового характера, соответствие или не-

соответствие определенным тенденциям языкового развития и закономерностям систем, испытывавших влияние. Успеху распространения могли способствовать и определенные предпосылки собственно исторического характера, как, например, перемещение населения к северу во время татарского нашествия.

Известные различия в характере распространения явлений связаны и с тем, к какой стороне языкового строя они относятся. Так, из числа явлений южного происхождения, имеющих грамматический характер (кроме тех, которые так или иначе определяются системой безударного вокализма), только единичные распространены относительно широко, т. е. известны и в окающих ср.-р. говорах. Таковы, например, формы типа *у жене́* и образование причастий ед. ч. прош. вр. с суффиксом *-мши*. Это может свидетельствовать о том, что явления грамматические — новые формы и парадигмы, свойственные юго-востоку — складывались там в то время, когда в ростово-суздальских говорах возникали в свою очередь свои новые грамматические формы, распространявшиеся во всех говорах центра, а иногда и в говорах северного наречия. Поэтому грамматические новообразования юго-востока, как правило, свойственны лишь самой южной и восточной частям восточных акающих ср.-р. говоров и лишь изредка акающим восточным ср.-р. говорам в целом (см. выше перечень южных явлений II пучка). Видимо, распространение этих форм к северу, на территорию ср.-р. говоров, осуществлялось уже после XVI в.

Из числа фонетических явлений большая часть южных новообразований в разной степени известна окающим среднерусским говорам. При этом фонетические явления лексикализованного характера, связанные с местом ударения у разных категорий слов, с наличием — отсутствием вставного гласного в начальном сочетании согласных и с мягкостью—твердостью согласных в определенных случаях, как, например, в сочетаниях */гри/*, */кри/*, имеют более индивидуализированный характер распространения для каждого слова, связанного с тем или иным из подобных явлений. Таково распространение в восточных ср.-р. говорах слов *грыб*, *скрыпе́ть*, *кры́нка* или слов *с/ъ/моро́дина*, *п/ъ/шено́*, *п/ъ/шени́ца* или, характерных по месту ударения, слов *ольха́ — о́льха*, *то́лстый— толсто́й*, *гу́стый — густо́й*, *ре́ку — о́вцу* или *реку́ — овцу́*; *пла́тишь*, *та́щишь*, *ва́ришь* или *плати́шь*, *тащи́шь*, *вари́шь* и др.[9]

Фонетические явления, имеющие характер закономерностей, обладают обычно большей последовательностью распространения. Из их числа остановимся специально на фонетических явлениях, связанных с характером безударного вокализма, в связи с их сложностью и с тем, что они могут быть структурными элементами разных систем вокализма в целом. Совпадение гласных в каждой из позиций в разной мере свойственно разным частям территории восточных ср.-р. говоров: хотя редукция гласных не в первом предударном слоге известна всем восточным ср.-р. говорам, образующиеся при этом реальные системы безударного вокализма в этих говорах различны. Наиболее очевидным является различие между акающими и окающими восточными ср.-р. говорами. Внутри окающих говоров на разных частях их территории имеются различия в характере заударного вокализма, а также в последовательности неразличения гласных во 2-м предударном слоге, т. е. реально существуют различные системы безударного вокализма (см. IV, 3, § 2). Изучение характера территориального распространения этих систем дает, как нам кажется, известные основания для предположений о том, какими путями формировались эти системы. Так, оно может свидетельствовать о том, что восточные ср.-р. говоры пережили несколько этапов изменения разных звеньев безударного вокализма. При этом заметим, что процесс распространения совпадения гласных в восточных ср.-р. говорах едва ли следует представлять себе в такой последовательности, что под влиянием акающих южнорусских говоров сначала образовались акающие ср.-р. говоры, а потом под влиянием этих последних возникло совпадение гласных лишь в части позиций в окающих говорах владимирско-поволжского типа. По данным лингвистической географии образование акающих и окающих восточных среднерусских говоров скорее можно себе представить следующим образом: еще до образования существующих в настоящее время систем акающих и окающих говоров ср.-р. типа в этих говорах, как и вообще в говорах всего юго-востока, т. е. в современных говорах юго-восточной зоны и примыкающей к ним части говоров центра, могло возникать сокращение, редукция гласных безударных слогов, особенно сильная во 2-м предударном

[9] Следует сказать, что первоначальным очагом изменений старого типа ударения в разных категориях глаголов и существительных являются западные (часто юго-западные) говоры русского языка (см. II, 5). Этим и объясняется тот факт, что в пределах восточных среднерусских говоров ими оказывается затронутой в большей степени юго-западная часть их территории независимо от разделения восточных ср.-р. говоров на окающие и акающие.

и заударном положениях. По существующим данным можно предположить, что этим явлением были охвачены как говоры юго-востока, так и говоры Ростово-Суздальской земли в бассейне Волги и Клязьмы, причем по времени этот процесс мог возникнуть уже в XII—XIII вв.

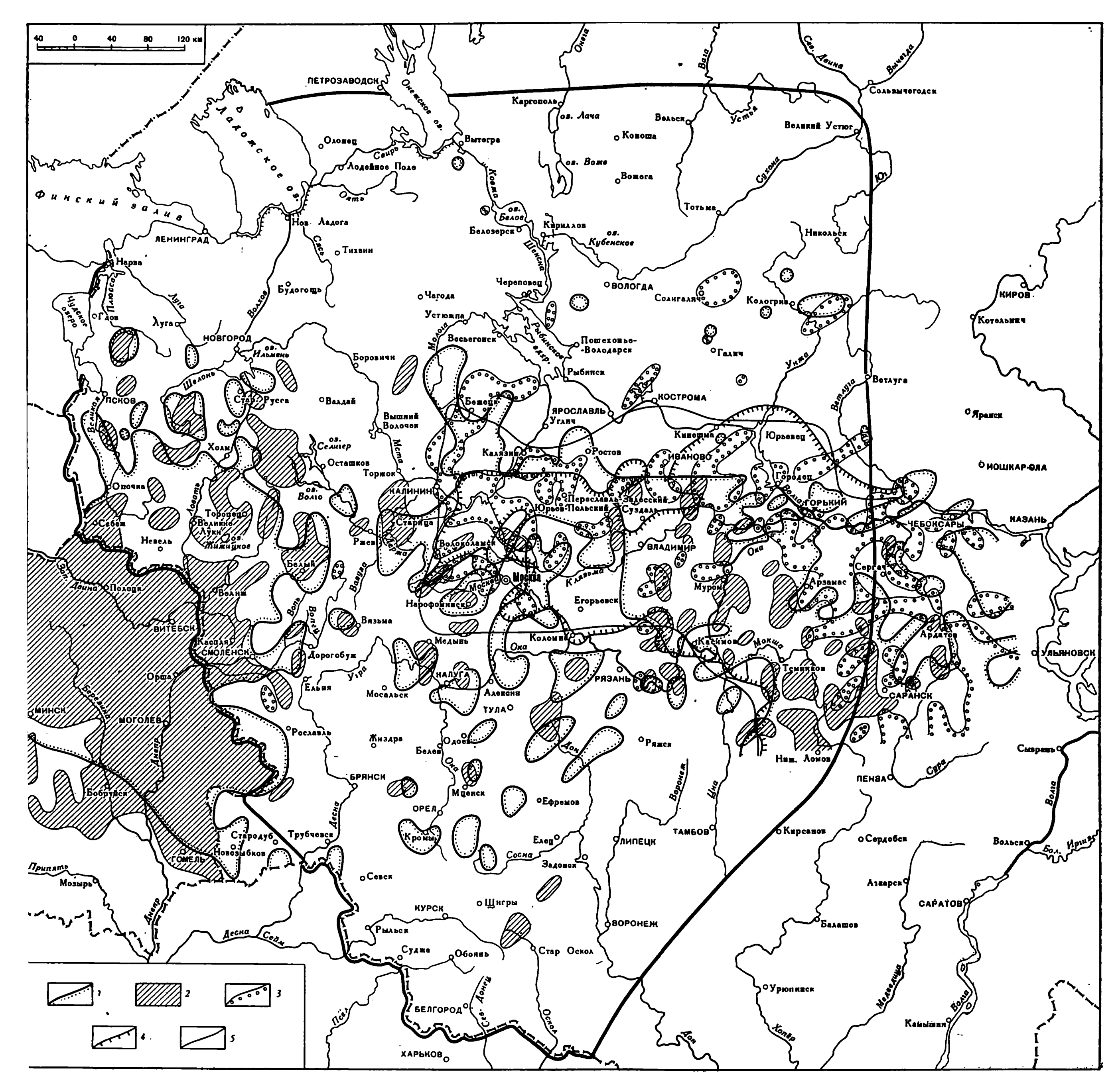
О том, что в более раннюю эпоху своего существования говоры Ростово-Суздальской и Рязанской земель могли иметь связь по языковым переживаниям, главным образом фонетического характера, имеются и другие свидетельства. Так, например, как те, так и другие говоры пережили некоторые общие новообразования, относящиеся к весьма ранней поре: таково, например, развитие губно-зубного образования фонемы ‹в›; развитие такой пары фонем как ‹л› — ‹л'›, не имеющей позиционных чередований с /ў/; образование долгих мягких шипящих /*ж' ж'*//*ш'ш'*/[10]; закрепление употребления согласного *н* во всех формах личных местоимений, употребляемых с предлогом (*у* /*н*/*егб*, *с* /*н*/*им* и под.) и др. Поэтому можно предположить, что и в отношении характера распределения экспираторной силы слогов в слове рязанские и ростово-суздальские говоры пережили один и тот же процесс, а именно общее ослабление безударных слогов по сравнению с ударенным, подготовивший дальнейшие изменения, которые шли уже различно: в собственно юго-восточных говорах на территории Рязанской земли ослабление безударных слогов, в частности и первого предударного, пошло значительно дальше — образовалось аканье, чего не произошло в ростово-суздальских говорах. Уже в более позднее время, в XIII—XIV вв., когда население юго-востока под напором татар переместилось к северо-западу, аканье начало распространяться и в говоре Москвы, а в остальных говорах Ростово-Суздальской земли это ослабление осталось в прежнем состоянии, т. е. не затронуло 1-го предударного слога, и произошло образование той системы оканья, при которой в 1-м предударном слоге сохраняется сильная позиция для гласных неверхнего подъема, а во 2-м предударном и неконечных заударных слогах — слабая.

Возникновение аканья в среднерусских говорах датируют XIV в., т. е. относят его к периоду, когда Великое княжество Московское включало уже территорию Владимирского и Переяславского княжеств. Однако распространение аканья не соответствует этим политическим границам, поскольку данное явление охватывает лишь говоры Коломенского, Московского и западной части Тверского княжеств. Такое слабое, окраинное по отношению к говорам Ростово-Суздальской Земли в целом распространение южной черты — аканья — может объясняться несколькими факторами: историко-экономическим положением земель к северо-востоку от Москвы, на территорию которых не проникало переселявшееся с юга акающее население, и тем, что Владимирское и Переславль-Залесское княжества, на территории которых впоследствии сложились владимирско-поволжские говоры, к этому времени отошли на второстепенное место в экономической и политической жизни Московского государства, главные интересы которого были направлены на приобретение южных земель. Проникновению аканья могло также препятствовать и то, что на указанных территориях ко времени его продвижения сложилась уже своя устойчивая система вокализма, сочетающая элементы неразличения гласных (во 2-м предударном и заударных слогах) с различением гласных (в 1-м предударном слоге), основанном на особом выделении гласных 1-го предударного слога (см. IV, 3, § 2).

§ 3. Языковой комплекс восточных среднерусских говоров и их общее членение.

Соединяя, как это было указано выше — § 1, черты различных диалектных объединений, восточные ср.-р. говоры, взятые в целом, не имеют общего им языкового комплекса такой значимости, по наличию которого их можно было бы оценить как самостоятельное диалектное объединение, подобное наречиям русского языка. Исторически эти говоры представляют собой диалект Ростово-Суздальской земли, в разной степени разделивший или воспринявший фонетические тенденции находящихся к югу от него говоров Рязанской земли или усвоивший уже сложившиеся формы, характерные для говоров юго-востока. В современном диалектном членении восточные ср.-р. говоры принципиально отличаются от говоров северного и южного наречий именно указанным соединением черт этих двух диалектных объединений, причем эти черты распространены в пределах восточных ср.-р. говоров неравномерно, на что и указывает описанное выше расположение пучков изоглосс. В результате этой неравномерности северная часть восточных ср.-р. говоров по совокупности харак-

[10] Отвердение /*ж'ж'*/, /*ш'ш'*/ в говорах юго-восточной зоны произошло гораздо позднее и было процессом, охватившим говоры разных объединений (см. выше, I, 2, § 1).

Карта 90

Диалектные явления восточных среднерусских говоров

1 — формы предл. п. ед. ч. прилагательных мужского и среднего рода с окончанием *-ым*: *в худ/ым/*; *2* — формы предл. п. ед. ч. притяжательных местоимений с окончанием *-им*: *в мо/úм/*, *в тво/úм/*; *3* — формы предл. п. ед. ч. притяжательных местоимений с окончанием *-ем*: *в мо/ём/*; *в тво/ём/*; *4* — личные формы глаголов со стяжением типа *дёл/а/т*; *зн/а/т*; *5* — граница восточных ср.-р. говоров

терных черт ближе к северному наречию, а южная — к южному и только сравнительно небольшое количество черт северного и южного наречий и юго-восточной зоны свойственно всем восточным ср.-р. говорам (эти явления отнесены выше, IV, 1, § 1, к I пучку изоглосс северного наречия и к IV пучку изоглосс южного наречия). Характерными для всех восточных ср.-р. говоров оказываются явления центральных говоров (см. III, 4, § 1), хотя при изучении материала с исторической точки зрения отметим, что некоторые искóнные для центральных говоров черты были частично вытеснены в них различными новообразованиями, распространявшимися с юга и с северо-востока. Этим объясняется, например, неполнота распространения в современных восточных ср.-р. говорах исконно присущих ростово-суздальским говорам форм инфинитивов на *-и́* от глаголов на задненебные согласные (*печи́*, *сечи́* и под.), различающихся по месту ударения форм дат. и предл. п. ед. ч. существительных ж. р., оканчивающихся на мягкий согласный (*по гря́зи — в грязи́*), и некоторых других. Тем же объясняется и неполнота распространения в восточных ср.-р. говорах таких ростово-суздальских инноваций, которые исконно не были свойственны всем ростово-суздальским говорам, а только части их, как, например, последовательное употребление твердого согласного в возвратной частице *-са* во всех соответствующих глагольных формах. Наряду с указанным соединением черт разных диалектных объединений существует известное количество явлений, распространенных именно в восточных ср.-р. говорах. Однако таких явлений немного, и они никогда не охватывают все восточные ср.-р. говоры, хотя самое их наличие и отличает данные говоры от соседних наречий (см. карту 90).

Исторически подобные черты обычно представляют собой новообразования, возникавшие при взаимодействии разнодиалектных черт в системах восточных ср.-р. говоров. Такие новообразования возникали в данных говорах в связи с особым характером вокализма их заударных слогов. К числу таких черт восточных ср.-р. говоров относятся, например, формы предл. п. ед. ч. прилагательных с окончанием *-им* (*в худ/ы́м/*, *в нóв/ым/*, *в ка/ки́м/*, *в тóн/ким/*); образование словоформы *ворóт/ы/* (им. п. мн. ч.); наличие только стяженных форм глаголов типа *дéл/а/т*, *зн/а/т*, а также возможность употребления формы *дéл/у/т*.

Форма им. п. мн. ч. *ворóты* представляет собой видоизменение по характеру звучания заударного гласного исконной формы *ворóт/а/*, свойственной в настоящее время только говорам северного наречия. В ср.-р. говорах окончание этой формы приобрело звучание *-ы* по тем же причинам, по которым окончание *-ы* в им. п. мн. ч. распространилось в этих говорах и у слов среднего рода с безударными окончаниями. Тем самым данная форма не отличалась бы по звучанию от таких южнорусских форм им. п. мн. ч., как *сёлы*, если бы в южном наречии еще, видимо, ранее этого не возникло новообразование, а именно перенос ударения на окончание и появление словоформы *ворота́*.

Глагольные формы, представляющие конечный результат процесса выпадения /j/ и стяжения гласных в сочетании /айе/: *дéл/а/т* из *дéл/айе/т* и, реже, *зн/а/т* из *зн/áйе/т*, известны и в говорах северного наречия и поэтому не должны бы служить для специальной характеристики ср.-р. говоров. Однако в восточных ср.-р. говорах имеются такие особенности в употреблении этих форм, которые объясняются, в основном, междиалектным взаимодействием и делают эти формы специфичными для восточных ср.-р. говоров.

В восточных ср.-р. говорах, которые исторически являются говорами Ростово-Суздальской земли, выпадение /j/ между гласными, в том числе и в сочетании /айе/в личных формах глагола, было в свое время фонетическим новообразованием, возникшим в их пределах примерно в XIV в. (см. II, 3, § 2), а затем распространившимся к северу и северо-западу по территории северного наречия. Однако на центральных ростово-суздальских территориях, где в дальнейшем складываются восточные ср.-р. говоры, формы с выпавшим /j/ переживают воздействие редукции гласных заударного конечного закрытого слога, способствовавшей полному их стяжению и открывавшей возможность дальнейшей морфологизации данного явления. В результате морфологизации стяженные глагольные формы стали восприниматься как имеющие показатель особых глагольных классов и приобрели большую продуктивность. При взаимодействии парадигм со стяженными формами с парадигмами других глагольных классов на разных частях территории восточных ср.-р. говоров формировались разные парадигмы глаголов по степени включения стяженных форм и по охвату стяжением сочетаний гласных с выпавшим /j/ (см. таблицу 7).

Приведенные данные показывают, что на отдельных частях изучаемой территории выступают два типа глагольных парадигм со стяжением: I — *дéл/айу/ — дéл/а/т — дéл/айу/т* и II — *дéл/айу/* (реже *дéл/у/*) — *дéл/а/т — дéл/-*

Таблица 7

Категории стяженных глагольных форм по характеру стягиваемых сочетаний / Охват территории	-айе-		-ейе-	-ойе-	-уйе-	-айу-
	ударенное	безударное	ударенное	ударенное	ударенное	безударное
На всей территории восточных ср.-р. говоров	*зн/а/т*	*де́л/а/т*	—	—	—	—
В горьковских говорах Владимирско-Поволжской группы	*зн/а/т*	*де́л/а/т*	*ум/е́/т*	—	—	—
В говорах западной части территории восточных ср-р. говоров (кроме Владимирских).	*зн/а/т*	*де́л/а/т*	—	—	—	*де́л/у/т*, реже *де́л/у/*
В акающих восточных ср.-р. говорах отдела В.	*зн/а/т*	*де́л/а/т*	*ум/е́/т*	*м/о/т*	*торг/у́/т*	редко: *де́л/у/т*

у/т. В распространении двух указанных типов на территории восточных ср.-р. говоров наблюдаются закономерные соотношения их с характером заударного вокализма и наличием — отсутствием соответствующих парадигм глаголов других классов. Так, II тип глагольных парадигм со стяжением распространен в говорах, где имеются парадигмы глаголов I спряжения с безударными окончаниями, в которых по закономерностям заударного вокализма в форме 2—3 л. ед. ч. и 1 л. мн. ч. произносится *а* или *ъ*: *бу́д/у/—бу́/д'а/т*. . . или *бу́д/у/ — бу́д/ъ/т—бу́д/у/т*. Такое совпадение в распространении указанных парадигм делает возможным предположение, что при возникновении парадигм II типа со стяжением имели значение и процессы аналогии в тех восточных ср.-р. говорах, где в категории глагольных окончаний происходит совпадение гласных неверхнего подъема в одном гласном того или другого ряда образования в зависимости от употребления их после твердой или мягкой согласной: *а — ӓ*, *ъ—ь*, что и наблюдается в основном в ростово-суздальских и калининских говорах; парадигма же I типа отмечается во владимирских говорах, где имеются элементы различения гласных на месте *а* (и *о*) и на месте *е* в глагольных окончаниях и отсутствуют условия для указанной аналогии [11].

Зависимость от характера заударного вокализма не следует однако понимать как непосредственную или единственную причину образования парадигмы II типа. Стяжение в безударном сочетании */-айу/* явилось морфологическим процессом, чем и объясняется тот факт, что формы типа *де́л/у/т* отмечают только в говорах, где имеются формы *де́л/а/т*, но этот процесс имел фонетическую основу, так как возможен лишь в говорах с совпадением гласных неверхнего подъема [12].

Описанный характер возникновения парадигмы II типа объясняет, почему таких форм нет во владимирских говорах, также имеющих редукцию и совпадение гласных неверхнего подъема, но различающих в корнях слов и в глагольных окончаниях гласные переднего и непереднего ряда, где поэтому *а*(*ъ*) — *де́л/а/т* (или *де́л/ъ/т*) — не объединяется с *е*, *и* (*ь*) — *ста́н/е/ш* или *ста́н/и/ш* — в один тип окончания (ср. карты 50 и 105).

Зависимость сохранения тех или иных стяженных форм от характера их включения в систему спряжения других глаголов явно обнаруживается и в различной устойчивости ударенных и безударных форм на разных территориях. Так, именно на восточной половине территории восточных ср.-р. говоров последовательно сохраняются как ударенные (*зн/а/т* и под.), так и безударные (*де́л/а/т*) стяженные формы глаголов (горьковские говоры и восточные ср.-р. акающие отдела В), где употребление этих форм поддержано наличием глагольных форм с выпадением */j/* и со стяжением гласных и в других сочетаниях: *ум/е́т* (горьковские); *ум/е́/т*, *мот*, *торгу́т* (восточные ср.-р. акающие В). В говорах же западной половины восточных ср.-р. говоров, где, как правило, глаголы с сочетаниями */ейе/*, */ойе/*, */уйе/* не подвергаются стяжению, более продуктивны и устойчивы формы типа *де́лат*, чем формы типа *знат*. В этих говорах формы типа *де́лат*, *де́лаш* оказываются в ином ряду, чем формы типа *знат*, *знаш*, так

[11] Названия частей говоров Владимирско-Поволжской группы, см ниже, IV, 3, § 1, карту 96.

[12] Только фонетическое объяснение развития тех же парадигм предложено в работе Т. С. Коготковой, полемизирующей по этому вопросу с авторами, которые придерживались морфологического объяснения (Н. М. Каринский, В. А. Богородицкий, В. И. Чернышев). См.: Т. С. Коготкова. Утрата интервокального */j/* и стяжение гласных в русских говорах, канд. дисс. М., 1952 г.

как формы с безударным окончанием поддержаны наличием формы *де́лут*, а форма *знат* находится в противоречии с формой *зна́ют*. Этим и может объясняться большая устойчивость наличия стяжения в сочетаниях /*айе*/ в безударной форме глагола по сравнению с ударенной.

Третьим явлением, характерным для большинства восточных ср.-р. говоров (а также и для западных ср.-р. акающих говоров), является совпадение окончаний предл. и тв. п. ед. ч. прилагательных м. и ср. р.: *в худы́м*, *с худы́м*; ср. и после задненебных согласных: *в сухи́м*, *в то́нким*, *с сухи́м*, *с то́нким*.

Возникновение данного явления связано с целым комплексом предпосылок, в числе которых решающее значение имеет редукция гласных неверхнего подъема в заударных слогах, где первоначально и возникали изменения в звучании флексий: *в до́бр/ом/ > до́бр/ъм/*; *в то́нк/ом/ > то́нк/ъм/* и под. Важную роль при этом играло то, что в этих говорах гласный *ы́* совпадал с гласными неверхнего подъема в гласном /*ъ*/. В положении после задненебных согласных при этом возникали сочетания /*ким*/, /*гим*/, поскольку сочетания /*към*/, /*кым*/, /*гъм*/, /*гым*/ невозможны в языке. В результате действия этих чисто фонетических предпосылок складывалось расхождение в звучании флексии предложного падежа в зависимости от ударенного или безударного положения, образование фактически двух разных флексий, что с особенной резкостью выразилось у прилагательных с основой на задненебную согласную. Ср. *в сух/о́м/*, но *в то́нк/им/*. Возникающее таким образом уже собственно морфологическое различие, поддержанное, кроме того, наличием одной флексии в тв. и предл. п. ед. ч. у прилагательных женского склонения, и приводило к указанному совпадению форм прилагательных м. и ср. родов. Отсутствие подобных форм в расположенных к югу восточных говорах южного наречия свидетельствует о том, что подобные формы развились в восточных ср.-р. говорах в то время, когда в них не произошла еще замена заударного *ъ* на *а* в закрытом слоге после твердых согласных, т. е. отсутствовали случаи типа *го́р/ад/*, *до́бр/ам/*, уже имевшиеся к этому времени в восточных говорах южного наречия. Тем самым в южных говорах создавалось соответствие ударенного окончания предложного падежа -/*о*/*м* — безударному -/*а*/*м*, что являлось нормальным для этих говоров фонетическим соответствием ударенной и безударной гласной в одной и той же флексии. Поэтому в этих говорах не создавалось почвы для тех изменений, которые возникали в ср.-р. говорах. Тот факт, что ср.-р. говоры и говоры юго-восточной зоны не одновременно переживали усиление заударных гласных подтверждается и некоторыми дополнительными данными. Во многих восточных ср.-р. говорах наблюдаются различия в произношении заударных гласных в зависимости от положения после твердых и мягких согласных: *го́р/а/д*, но *вы́н/и/с*, тогда как в рязанских говорах такой зависимости нет: ср. *го́р/а/д*, как и *вы́/н'а/с*. Следовательно, развитие гласных полного образования в заударных слогах происходило в тех и в других говорах неодновременно [13].

Итак, анализ явлений, характерных для восточных ср.-р. говоров, показывает, что эти явления возникали в результате взаимодействия двух разных диалектных групп. Ареалы возникавших при этом взаимодействии явлений именно поэтому, видимо, и не соответствуют политико-экономическим границам каких бы то ни было определенных социальных объединений, а по-разному располагаются на территории, в пределах которой в течение долгого времени, а именно на протяжении XIII—XVII вв., происходило указанное междиалектное взаимодействие, то более, то менее интенсивное в различные периоды и не вполне одинаковое по своему характеру на отдельных частях этой территории. Как соединением разнодиалектных по происхождению черт, так и различиями в результатах междиалектного взаимодействия определяется то, что восточные ср.-р. говоры включают в свой состав весьма разнородные говоры, характер которых определяется как характером сосуществования в них явлений северного и южного наречий, а также северо-восточной и юго-восточной диалектных зон, так и наличием тех или иных специфических для каждой части территории этих говоров черт.

Общее членение восточных ср.-р. говоров определяется расположением пучков изоглосс явлений наречий и зон, на основании которого прежде всего выделяются две основных разновидности этих говоров — акающие и окающие восточные ср.-р. говоры. Оценка черт, специфических для отдельных восточных ср.-р. говоров: принадлежность этих черт к тому или иному уровню языка, разная широта охвата ими лексического состава языка, разный генезис этих черт и характер их территориального распространения — все это явится в дальнейшем материалом для внутреннего членения восточных ср.-р. говоров.

---

[13] Р. И. Аванесов. Очерки, стр. 120.

Глава вторая

ВОСТОЧНЫЕ СРЕДНЕРУССКИЕ АКАЮЩИЕ ГОВОРЫ И ИСТОРИЯ ИХ ОБРАЗОВАНИЯ

§ 1. Общая характеристика и вопрос о членении восточных ср.-р. акающих говоров.

Акающие восточные ср.-р. говоры расположены на южной части территории, находящейся между границей южного наречия и окающих восточных ср.-р. говоров. Из числа явлений северного наречия им свойственны все явления IV пучка изоглосс (см. IV, I, § 1), а также все явления основного и более широкого типов выделения центральных говоров (см. III, 4, § 1), кроме различения по месту ударения форм дат.-предл. п. существительных типа *грязь*: *по гря́зи — в грязи́*.

Из числа явлений южного наречия и юго-восточной зоны этим говорам свойственны явления, связанные со всеми пучками изоглосс, кроме I. Из них явления II пучка изоглосс южного наречия и юго-восточной зоны служат для выделения восточных ср.-р. акающих говоров в пределах восточных ср.-р. говоров в целом, так как они обычно не распространены в окающих восточных ср.-р. говорах (о неравномерности распространения южных явлений II пучка изоглосс в акающих восточных ср.-р. говорах см. IV, 1, § 1). Таким образом, видим, что в акающих говорах распространено ограниченное количество явлений, свойственных говорам северного наречия, а явления северо-восточной зоны в них вообще отсутствуют, поскольку они не входят в состав IV пучка изоглосс северного наречия. Хотя явления, свойственные южному наречию и юго-восточной зоне, в этих говорах преобладают, часть этих явлений не охватывает полностью территорию восточных ср.-р. акающих говоров (см. выше, IV, 1, § 1, соответствующие замечания о распространении явлений II пучка) или в различной мере свойственна и окающим восточных ср.-р. говорам. В связи с этим граница данных говоров на севере обеспечивается не столько изоглоссами явлений, свойственных акающим говорам как таковым, сколько изоглоссами явлений, характерных для окающих говоров. Кроме этого следует учитывать, что эти говоры, взятые в целом, почти не имеют языковых черт, присущих только им. Можно, в сущности, говорить лишь об одной черте, а именно: о характере вокализма 1-го предударного слога после мягких согласных, как о черте, присущей именно данной части восточных ср.-р. говоров, и то при условии, если вокализм 1-го предударного слога брать не в его конкретном выражении, а в совокупности его систем, отсутствующих в южном наречии. К числу таких систем относятся: иканье, еканье и умеренное яканье [14], которые с генетической точки зрения считают обычно типами вокализма вторичного происхождения [15]. Указанные системы вокализма расположены по территории восточных ср.-р. акающих говоров небеспорядочно. Ареалы иканья расположены в говорах к северо-востоку и востоку от Москвы, а также у самой границы с окающими говорами на восточной половине территории восточных ср.-р. акающих говоров. Еканье отмечается главным образом в говорах вокруг Егорьевска. Умеренное яканье — к западу и юго-западу от Москвы и на восточной половине территории восточных ср.-р. акающих говоров (см. карту 44). При этом резкого территориального разграничения

---

[14] О трактовке умеренного яканья в южном наречии (тульские говоры) как неисконного типа вокализма см.: Р. И. Аванесов. К истории средневеликорусских говоров. «Доклады и сообщения фил. фак-та МГУ», вып. 1, 1946; В. Н. Сидоров. О происхождении умеренного яканья в среднерусских говорах. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. 10, 1951; Н. Б. Парикова. Умеренное яканье в тульских говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии», Новая серия, вып. II.

[15] См.: Н. Н. Дурново. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, 1915 г.

между данными системами вокализма в этих говорах нет: умеренное яканье и еканье часто сосуществует с иканьем в одних и тех же говорах. Основное разделение восточных ср.-р. акающих говоров по системе предударного вокализма после мягких согласных не находит поддержки (или находит ее в очень слабой степени) в других специфических для этих говоров диалектных чертах (см. карты 91а, 91б, 92, 93). Поэтому при синхронном описании и было осуществлено разделение (притом достаточно условное) этих говоров на отделы А, Б, В (для отдела А в основном характерно иканье; для отдела Б — еканье, для отдела В — умеренное яканье), а не на группы или подгруппы говоров. Этими же объясняется и то, что при общей характеристике этих говоров мы не будем давать перечня черт, характерных для каждого отдела [16], а осуществим обзор некоторых из них в связи с рассмотрением вопроса об образовании данных говоров.

Каждый отдел восточных ср.-р. акающих говоров внутренне не един, а имеет подразделения в зависимости от того, какие черты южного наречия, юго-восточной зоны и Восточной группы южного наречия, с одной стороны, и северного наречия, северо-восточной зоны или Владимирско-Поволжской группы — с другой, имеют дополнительное распространение на разных частях территории отделов этих говоров, кроме тех, которые были указаны выше при описании пучков изоглосс, характерных для этих говоров в целом.

Так, в отделе А выделяется его юго-западная часть, более близкая к говорам южного наречия. Об этом свидетельствует наличие здесь окончания *-е* в форме род.-вин. п. личных и возвратного местоимений (*мене́*, *тебе́*, *себе́*); /*т*'/ в окончаниях 3 л. ед. и мн. ч. глаголов; отсутствие глагольных форм со стяжением гласных в сочетании /*айе*/. Наряду с этим северо-восточная часть говоров того же отдела в большей мере сближена с говорами Владимирско-Поволжской группы (ср. хотя бы наличие в них элементов различения гласных после мягких согласных и др.).

В отделе Б подразделение говоров идет с юга на север и с востока на запад, так как на южной части территории говоров этого отдела дополнительно распространены многие явления I пучка изоглосс южного наречия и юго-восточной зоны, а также некоторые явления индивидуального характера распространения, свойственные части говоров южного наречия (например, личные формы глаголов без окончания); на восточной части говоров отдела Б распространены некоторые явления, свойственные говорам Восточной группы южного наречия или так называемым мещерским говорам, расположенным на части территории говоров Восточной группы и на части говоров отдела Б.

Говоры отдела В подразделяются в направлении с запада на восток, причем границей здесь служит течение р. Мокши; по наличию ряда явлений, свойственных говорам южного наречия, выделяется более западная часть говоров этого отдела, в то время как для восточной части этих говоров характерны диалектные явления, свойственные Владимирско-Поволжской группе говоров или говорам северного наречия.

§ 2. История образования восточных среднерусских акающих говоров

Современные восточные ср.-р. акающие говоры сложились на территории, заселенной в прошлом не только разноплеменным славянским населением (вятичи, восточные кривичи), но и представителями других народов по языку, преимущественно финно-угорских, главным образом мещерой и мордвой. Потомки этих различных групп населения в ходе их диалектной истории неоднократно оказывались в сфере разных политико-экономических объединений, имевших разную историю, во многом определявшуюся путями создания единого Московского государства. Тем самым на данной территории постоянно осуществлялись сложные процессы междиалектного и иноязычного взаимодействия, с чем и связано в конечном счете наличие больших языковых различий между говорами данной относительно небольшой территории и сложная картина расположения ареалов характерных для них явлений, чаще всего не охватывающих сплошь всю их территорию, чем и определяется то, что эти говоры не являются единым диалектным объединением типа группы говоров.

Обращаясь к истории населения на территории современных восточных ср.-р. акающих говоров, следует напомнить, что часть их территории, исторически заселенная вятичами, в XII в. распределялась в политическом отношении между Московским княжеством, входившим в состав Ростово-Суздальской земли, и между Коломенским княжеством, входившим в состав Рязанской земли. Та часть территории восточных ср.-р. акающих говоров, которая исторически была заселена восточными криви-

[16] См. их перечень в кн. «Русская диалектология».

чами, принадлежала до XIV в. Муромскому княжеству, входившему в состав Муромо-Рязанской земли, но в ряде отношений обособленному в ее пределах; Муромское княжество исторически имело другой состав населения (восточные кривичи и северяне), чем Рязанское, с вятичским по происхождению населением; Рязанское и Муромское княжества были разделены непроходимыми лесами и болотами, а также территорией, заселенной иноязычными племенами, что разобщало население этих княжеств и в его языковом развитии [17]. При этом следует иметь в виду, что вост. ср.-р. акающие говоры расположены не на всей территории Муромского княжества, а только на ее самой юго-западной окраине, которая позднее, в XVI в., была присоединена к Владимирскому уезду [18]. Восточная часть современной территории вост. ср.-р. акающих говоров была заселена иноязычными племенами: мещерой, жившей на территории, разделявшей Рязанское и Муромское княжества, по среднему течению р. Оки и нижнему течению р. Мокши. Мещера входила в систему древнерусского государства, так как население ее платило дань Киевскому князю. Кроме того, на той же восточной территории жили кочевые племена, не входившие в состав киевского государства. Следует также иметь в виду, что пространство между правым течением р. Цны и верхним левым течением р. Мокши было заселено уже после XV в.[19] населением, шедшим главным образом из пределов Ростово-Суздальской, а также Рязанской земель, а правое верхнее течение р. Мокши и левое верхнее течение р. Суры были заселены еще позднее, видимо, в XVII в., о чем свидетельствуют не только история заселения этих территорий, но и особенности диалектной характеристики говоров этой территории [20]. На истории языкового развития восточных ср.-р. акающих говоров должно было сказаться и то, что Московское и Коломенское княжества, ранее принадлежавшие к разным политико-экономическим объединениям, затем объединяются после присоединения Коломенской земли (одной из первых среди южных земель, 1301 г.) к Московскому княжеству. Этим, видимо, и объясняется отсутствие таких диалектных различий между говорами на территории Московского и Коломенского княжеств, которые можно было бы возвести к XII—XIII вв.: в процессе последующего сближения носителей в прошлом различавшихся говоров возможные различия между ними стерлись.

Отлив населения на территорию Московского княжества во время татарского нашествия, начавшегося в XIII в., и присоединение Коломенского княжества и Лопасни в самом начале XIV в. к Москве сделали Московское княжество одним из самых населенных мест Ростово-Суздальской земли. В результате указанных исторических событий именно на территории Московского княжества и создались условия образования говоров, своеобразно соединяющих различные черты Ростово-Суздальского и Рязанского диалектов и выработавших также свои специфические особенности, которые могут и должны быть объяснены на основе взаимодействия разных диалектных групп.

Все сказанное может быть иллюстрировано судьбой отдельных явлений в пределах восточных ср.-р. акающих говоров.

Многие явления, явно проникшие в эти говоры с соседних территорий, имеют здесь своеобразную реализацию по сравнению с говорами, в которых эти явления первоначально развились. Так, тенденция произношения твердого /р/ в сочетании с предыдущими задненебными согласными, свойственная говорам юго-востока (ср. наличие в рязанских говорах таких случаев: *грыб*, *крычать*, *скрыпеть* и т. д.), в восточных ср.-р. говорах отдела А выступает только в словах *крынка*, *грыб*, из которых произношение *крынка* известно только здесь, так как в рязанских говорах этому названию соответствуют другие лексемы. Следовательно, предки носителей вост. ср.-р. акающего говора отдела А усвоили название данного сосуда из среды ростово-суздальского диалекта (ср. современное *кринка*, характерное для говоров северного наречия), но в дальнейшем стали его произносить по нормам рязанского диалекта (*крынка*). В цокающих, а частично и в нецокающих говорах отдела Б можно отметить произношение с аффрикатой /ц/ названий *сковородника — ца́пля*, *ца́пельник*, хотя в юго-восточных говорах, откуда это слово усвоено, оно произносится, как *ча́пельник*, *ча́пля*, т. е. с аффрикатой /ч/. В говорах отдела В некоторые собственно местные особенности явлений могли возникать в связи с приходом в бассейн р. Мокши в конце XV и в XVI в. населения главным образом из Нижегородского и Муромского княжеств Ростово-Суздальской земли и частично из Рязанского княжества в период,

[17] А. Н. Насонов. Русская земля. М., 1951; М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. М., 1929.

[18] Ю. В. Готье. Замосковный край.

[19] М. К. Любавский. Указ. соч.; Ю. В. Готье, Указ. соч.

[20] «Русская диалектология», Москва, 1964, стр. 231, 233 и карты Атласа VI.

когда прекратились набеги татар, а Московское государство за счет заселения этих территорий укрепляло свои окраины [21]. Ср. наличие здесь редукции после твердых согласных также и для гласного *у* во 2-м предударном и заударном слогах: *к/ъ/лакѝ*, *бк/ъ/нь* (см. карты 101, 104), отсутствующей, как правило, в вост. ср.-р. окающих говорах и в Вост. гр. говоров южного наречия. Здесь распространен своеобразный круг форм глаголов со стяжением в самых различных сочетаниях гласных, таких, как */айе-/*, */-ейе-/*, */-ойе-/*, */-уйе-/*, а реже также и в сочетании */-айу-/*, хотя в примыкающих с севера вост. ср.-р. окающих говорах Горьковской подгруппы стяжение известно только в глагольных формах с сочетаниями */-айе-/*, */-ейе-/*. Это может свидетельствовать о том, что население бассейна р. Мокши пришло на указанную территорию из пределов старого Нижегородского княжества в то время, когда в его говорах действовал процесс стяжения в сочетаниях */-айе-/* и */-ейе-/*. В условиях междиалектного смешения в говорах отдела В произошло дальнейшее расширение сферы этого явления: стяженные формы стали обязательны для 2-го и 3-го л. ед. ч. и 1-го л. мн. ч. всех глаголов, основа которых оканчивается на сочетания гласных, имеющие */j/* в интервокальном положении. Собственно местным, характерным для говоров отдела В является и наличие в них широкого круга форм род. п. мн. ч. существительных и мужского и женского рода с окончанием *-ов*. Если подобные формы ж. р. типа *бáбушков*, *дерéвнев* были усвоены данными говорами из говоров юго-востока, для которых они характерны, то расширение употребления этой морфемы (ср. наличие форм у существительных м. р. типа *солдáт-ов*, *аршѝн-ов*) должно было сложиться уже в пределах говоров отдела В.

В других случаях явления, свойственные соседним говорам, получали сужение в говорах отдела В. Ср. сохранение в них мягкости в положении перед аффрикатой *ц* только согласным *н* (*сó/н'ц/е* и под.), тогда как в рязанских говорах в положении перед *ц* сохраняется мягкость согласных *р* и *н* (*огу/р'ц/ы́*, *сó/н'ц/е* и под.)

И, наконец, в системе безударного вокализма после мягких согласных для всех восточных ср.-р акающих говоров характерно возникновение новых систем неразличения гласных неверхнего подъема, которые, однако, явились следствием влияния одной безударной системы на другую.

Специальное внимание привлекает также наличие в пределах вост. ср.-р. акающих говоров таких явлений, которые отсутствуют в непосредственно окружающих эти говоры диалектных объединениях и не могли быть усвоены ими оттуда. Однако, отсутствуя в соседних говорах, подобные явления известны, как правило, в пределах других диалектных групп русского языка, оторванных в территориальном отношении от восточных ср.-р. акающих говоров и имеющих иногда в них свои особенности существования. Ареалы подобных явлений поразному охватывают разные части территории этих говоров и имеют каждый свои очертания в их пределах. В связи с этим подобные явления не образуют в вост. ср.-р. акающих говорах единого комплекса, характерного для них в целом или для определенных отделов этих говоров, а рассредоточены по их территории. В зависимости от расположения на территории восточных ср.-р. акающих говоров подобных диалектных явлений они могут быть разгруппированы следующим образом:

I Явления, в разной степени свойственные отделам Б и В (см. карты 91а и 91б).

1. Окончание *-уй* в тв. п. ед. ч. существительных ж. р. на *-а*, с безударным окончанием: *пáлкуй*, *бáбуй* (довольно широко известны в говорах к западу от Москвы).

2. Форма тв. п. ед. ч. на *-уй* прилагательных ж. р. *за нóв/уй/* (имеет аналогичное общее распространение).

3. Окончания *-ей*, *-уй*, *-йуй* в тв. п. ед. ч. существительных ж. р. типа *печь*, *грязь*: *пéч/ей/*, *пéч/уй/*, *пéч/йуй/* — (широко известно в говорах к западу от Москвы, а также в псковских, смоленских, калининских).

4. Форма на *-ей* в род. п. мн. ч. у существительных м. р. с основой на *-ц* и ударением на окончании: *огурцéй* (формы род. п. на *-ей* с ударенным и безударным окончаниями от любого существительного с основой на *-ц* характерны для северо-восточных говоров сев. наречия).

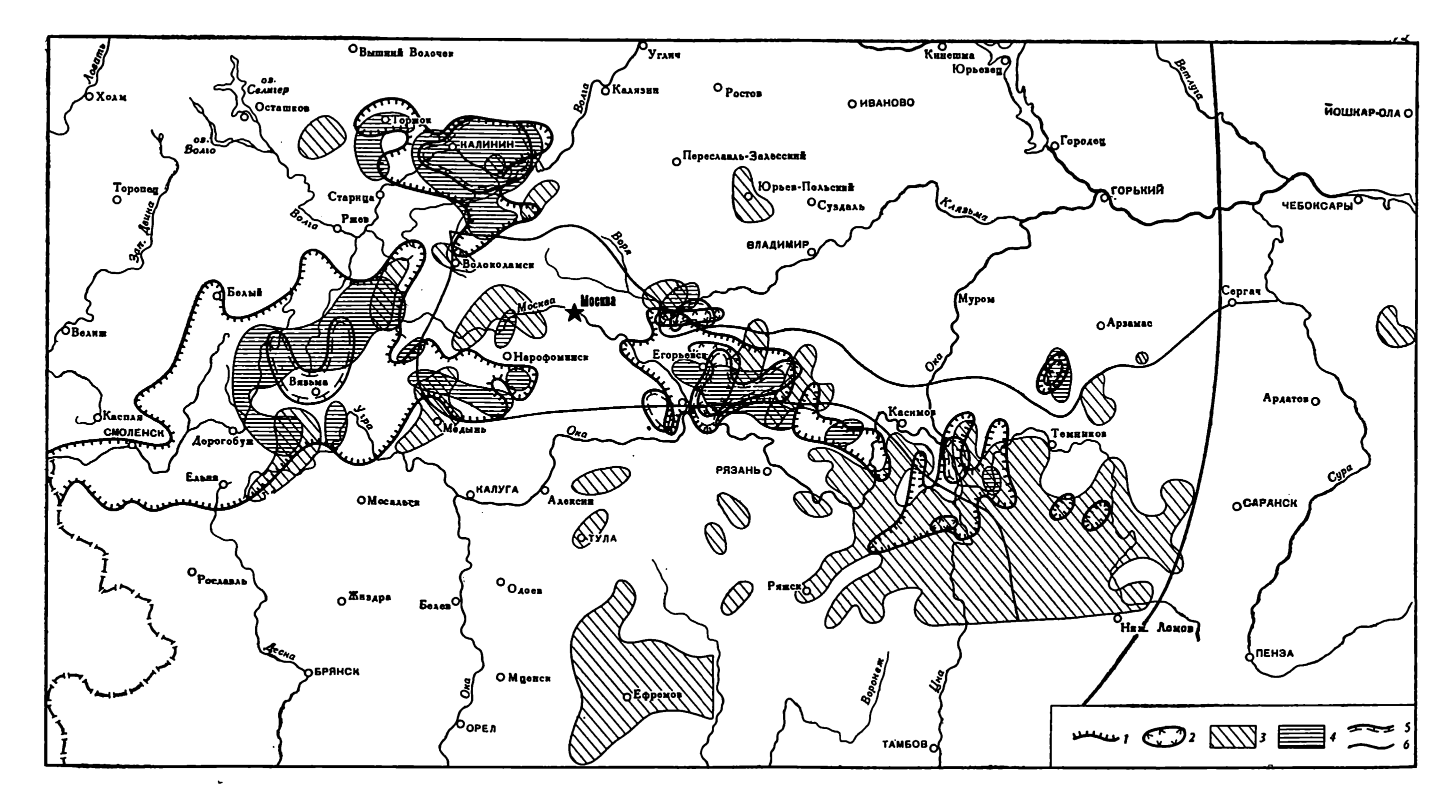
5. Форма предл. п. мн. ч. существительных на *-аф*: *в домáф* (основной ареал этих форм находится вокруг Рыбинска и Белого озера).

6. Форма род. п. мн. ч. существительных м. р. с окончанием *-ох*: *долгóх*, *купцóх* и под. (известна только в вост. ср.-р. акающих говорах).

7. Форма личного местоимения мн. ч. на *-ы* — *оны́* (основная территория распространения — западная диалектная зона).

II. Явления, свойственные в большей степени говорам отдела Б и наиболее северной части отдела В (см. карту 92).

[21] М. К. Любавский. Указ. соч

Карта 91а

Явления, в разной степени распространенные в отделах Б и В:

1 — окончание *-уй* в тв. п. ед. ч. существительных ж. р. на *-а* с безударным окончанием: *с па́лкуй*; *2* — окончание *-уй* в тв. п. ед. ч. прилагательных ж. р.: *за но́вуй*; *3* — окончание *-ей* (в форме тв. п. ед. ч. ж. р. существительных типа *грязь) гря́зей*; *4* — окончание *-уй* в той же форме: *гря́зюй*; *5* — окончание *-йуй*: *гря́зьюй*; *6* — граница вост. ср.-р. акающих говоров.

1. Неразличение аффрикат и совпадение их в твердом *ц*. (Данное явление и его реликты известны говорам северо-западной зоны).

2. Дзеканье или цеканье, т. е. произношение /*д'*/, /*т'*/ как /*д'з*/, /*д''*/, /*т'ч'*/, /*т''*/.

3. Шепелявенье: произношение /*с''*/, /*з''*/ на месте *с'*, *з'*. (Два последних явления известны говорам территории, пограничной с Белоруссией, а также псковским говорам).

III. Явления, известные преимущественно лишь на центральной части территории говоров отдела Б (см. карту 93).

1. /*ô*/, /*у͡о*/ в соответствии *о* под восходящим ударением и /*ê*/, /*и͡е*/ в соответствии *ě* перед твердыми согласными.

2. Произношение слова *деверь* с гласным /*и*/—*дйверь*.

3. Случаи неперехода *е* в *о* перед твердыми согласными.

4. Произношение несмягченных согласных перед гласными переднего ряда.

(Все эти явления свойственны в разной степени Восточной группе южного наречия, а также оскольским говорам).

5. Произношение /*w*/, /*ў*/ в соответствии ‹*в—ф*› в конце слова и слога (явление свойственно говорам юго-западной зоны, а также и части говоров северного наречия).

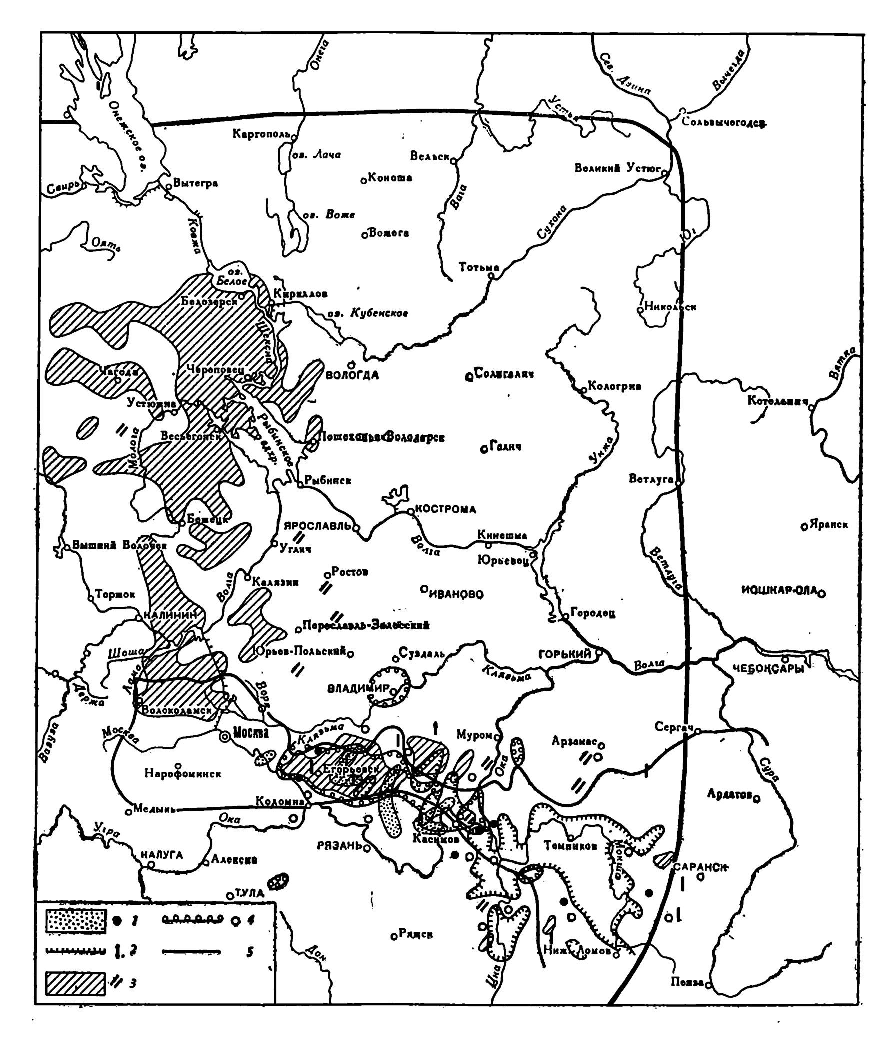
6. Произношение *е* на месте *а* между мягкими согласными в корнях слов и окончаниях /*грез'*, *пет'*; *гуле́ли*, *веле́т'*/ и под. Наиболее широко это явление представлено в восточных ср.-р. акающих говорах словами /*опе́т'*/ и *пле*/*ме́н'*/*ник* (явление фонетически закономерного перехода *а* > *е* свойственно говорам Вологодской группы северного наречия).

7. Произношение слова *что*, как /*ш'ш'о*/, реже /*ш'ч'о*/.

8. Ассимилятивное прогрессивное смягчение задненебного *к* после мягких согласных: *Ва́*/*н'к'*/*а*, *ча*/*йк'*/*у́*, *до́*/*ч'к'*/*а* (явление характерно для говоров юго-восточной зоны).

9. Форма вин. п. указательного местоимения 3 л. ж. р. /*йейу́*/ (форма известна говорам южной части Ладого-Тихвинской группы северного наречия).

10. Парадигма глаголов II спряжения с обобщенной основой, типа /*л'у́б'у*/ — /*л'у́*

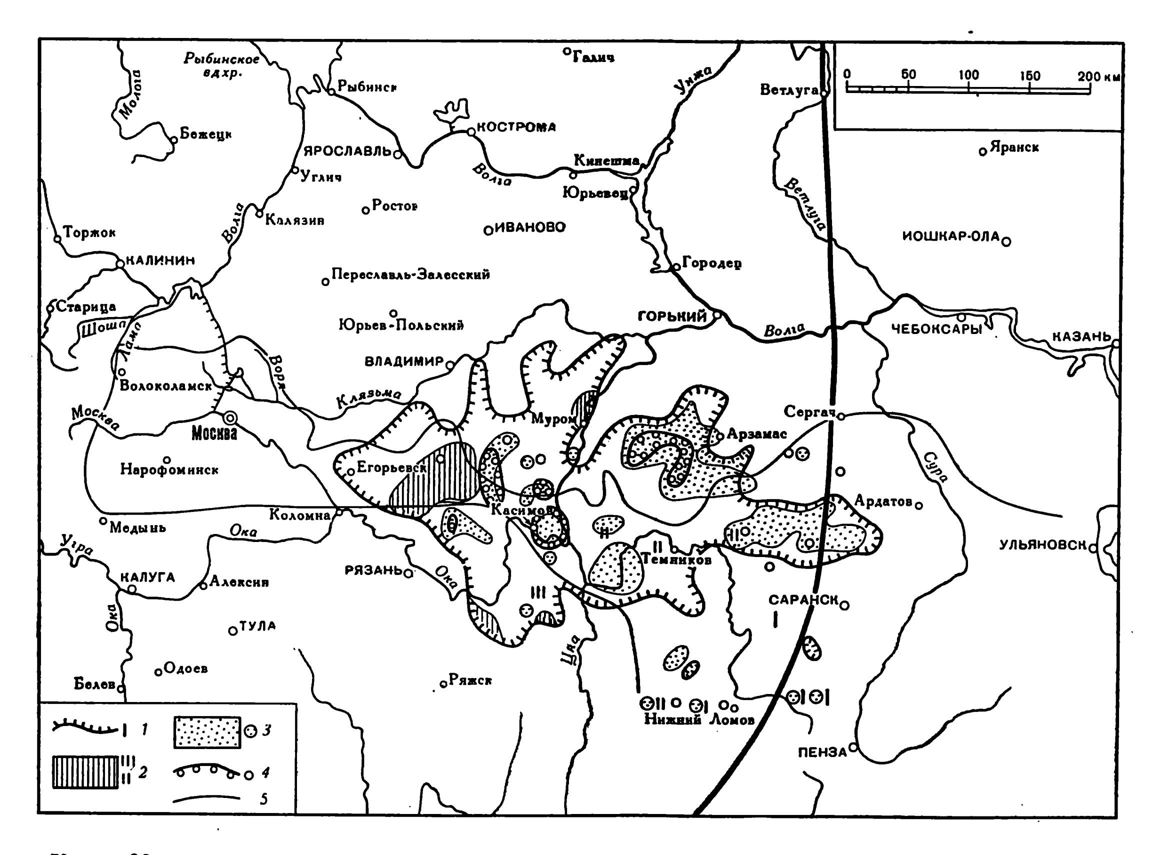

Карта 91б
Явления, в разной степени распространенные в отделах Б и В:

1 — окончание *-ей* в род. п. мн. ч. сущ. м. р. с основой на *-ц* и ударением на окончании: *огурцéй*; *2* — окончание *-ох* в род. п. мн. ч., сущ. м. р.: *нет дом/óх/*; *3* — окончание *-аф* в предл. п. мн. ч.: *в дом/áф/*; *4* — окончание *-ы* в им. п. мн. ч. личного местоимения *он*: *оны́*; *5* — граница вост. ср.-р. акающих говоров

б'иш/, где обобщенным является и качество конечной согласной основы и место ударения при наличии подвижности ударения, по типу форм 2 и 3 л. Ср. */л'у́б'у/ — /л'у́биш/*, */кóс'у/ — /кóсиш/*; */в'и́д'у/ — /ви́диш/*; */сид'у́/ — /сиди́ш/*. (Ареал этого явления, но без наличия обобщения основы по месту ударения, находится в говорах Верхне-Деснинской группы южного наречия и в межзональных говорах южного наречия типа А.)

Для перечисленных явлений характерен ряд отличий их реализации в пределах восточных ср.-р. акающих говоров по сравнению с оторванными с территориальной точки зрения, большими диалектными объединениями, где эти явления, как говорилось выше, также отмечены. Так, в кругу диалектных окончаний тв. п. ед. ч. существительных IV типа склонения, отмечаемых в восточных ср.-р. акающих говорах, отсутствует окончание */-йей/* в то время, как в говорах Западной группы южного наречия распространен более полный круг этих окончаний: */-ей/*, */-уй/*, */-йей/*, */-йуй/*. Употребление форм на *-ей* в род. п. мн. ч. сущ. м. р. с основой на *-ц* отмечено в вост. ср.-р. акающих говорах только под ударением и преимущественно лишь в слове *огурцы́—огурцéй*, в то время как в Вологодской группе северного наречия форма с этим окончанием образуется от всех существительных с основой на *-ц*, а во Влади-

Карта 92

Явления, свойственные преимущественно отделу Б и северной части отдела В:

1 — неразличение аффрикат и совпадение их в твердом /*ц*/: /*ц*/*ай*, /*ц*/*епъ*; *2* — неразличение аффрикат и совпадение их в мягком /*ц'*/: /*ц'*/*ай*/, /*ц'*/*епь*: *3* — произношение /*с''*/, /*з''*/ на месте *с'*, *з'*; *4* — произношение /*дз'*, *д''*, *т'ц' т''* /как *т'*, *д'*; *5* — граница вост. ср.-р. акающих говоров

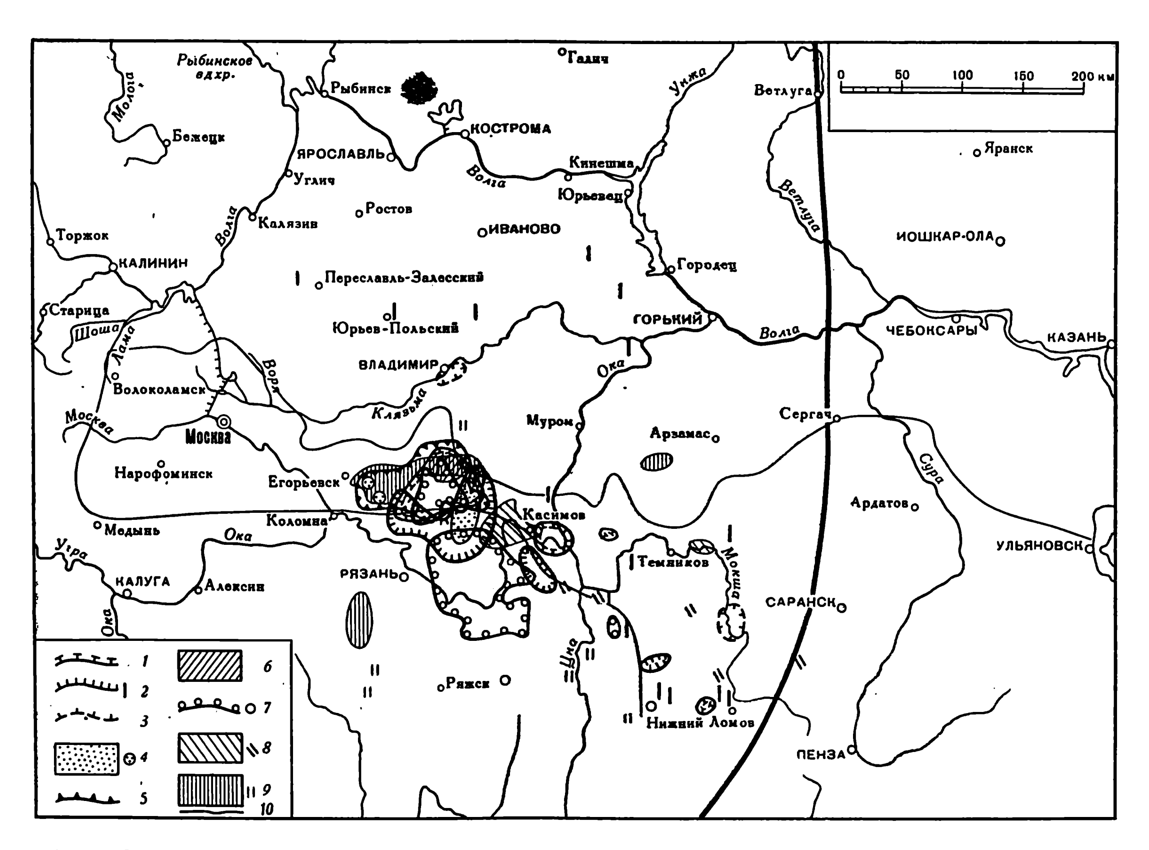
мирско-Поволжской группе (говоры муромские и владимирские) — от определенного круга существительных м. р. на *-ц*, а именно, от слов *пáлец*, *зáяц*: *пальцéй*, *зайцéй* (при *огурцóв*). Форма предл. п. мн. ч. на *-аф* в этих говорах известна только у имен существительных, тогда как в говорах вокруг Рыбинска и Белого озера она отмечается и у имен прилагательных: в *больш*/*иф*/ *дом*/*áф*/. Форма личного местоимения 3-го л. мн. ч. с окончанием *-ы*, известная говорам западной зоны преимущественно с начальным /*j*/ — /*йоны́*/, /*йаны́*/, употребляется в восточных ср.-р. акающих говорах без начального /*j*/ — /*аны́*/. Твердое цоканье отмечается в этих говорах с большой последовательностью, тогда как в говорах северо-западной зоны оно преимущественно сохраняется лишь как реликт. По количеству и качеству звуков, произносимых в соответствии *в—ф*, восточные ср.-р. акающие говоры отличаются, как это показано на таблице 8, от говоров юго-западной зоны, для которой наиболее характерно это явление.

Различия в характере обобщения основ глаголов II спряжения были указаны выше.

Наличие специфических особенностей всех перечисленных явлений позволяет рассматривать их как характерные именно для восточных ср.-р. акающих говоров. Генезис отдельных из этих черт с разных точек зрения уже интересовал исследователей, хотя вопрос о

Таблица 8

В соответствии	Диалектные объединения / Позиции	Юго-западная диалектная зона	Восточные ср.-р. акающие говоры
в	Конец слога и слова	*ў*, *w*	*ў*, *w*, *x*
	Начало слова:		
	а) перед губными	*ў*	*в*
	б) перед зубными	*ў*	*γ — x*
в'	Конец слова и слога	*ў*	*w'*

Карта 93

Явления, свойственные центральной части территории отдела Б:

1 — произношение /ȯ/ в соответствии *о* под восходящим ударением и /и͡е/ в соответствии *ě*; *2* — произношение /е/ в соответствии *а* между мягкими согласными; *3* — произношение /е/ в соответствии *а* между мягкими согласными в единичных словах; *4* — произношение /е/ в соответствии *а* между мягкими согласными в окончаниях глаголов: *гул/é/ть—гул/é/ли*; *5* — произношение *ш'т'о*, редко *ш'ч'о* на месте *что*; *6* — форма вин. п. ед. ч. ж. р. на *-у* личного местоимения: *ею́*; *7* — произношение /ў, w/ в соответствии *в* на конце слова в основах: *гото/ў/*; *8* — произношение /х/ в соответствии *в* на конце слова в основах: *готó/х/*; *9* — отмечены твердые согласные перед гласными *е, и*; *10* — граница вост. ср.-р. акающих говоров

наличии всей их совокупности в пределах восточных ср.-р. акающих говоров с учетом их наличия в говорах других оторванных территорий в общем еще нельзя считать выясненным. Наличие некоторых из этих явлений, а именно цоканья, чередования *а* с *е* в положении между мягкими согласными, некоторых случаев твердости конечного губного спиранта *в*, а также формы им. п. мн. ч. *оны́* и наличие особой системы глагольных форм без окончания, В. Г. Орлова объясняла, опираясь на работы некоторых историков [22], тем, что и «в более позднее время (автор имеет в виду период с XII по XIV в.) заселение побережья Клязьмы происходило за счет переселенцев, появлявшихся здесь с территории смоленской земли, владения которой далеко простирались в восточном направлении и близко подходили к Ростово-Суздальским владениям». Появление перечисленных выше черт, имевших в дальнейшем различную судьбу в процессе взаимодействия с говорами более исконного населения, В. Г. Орлова и связывала с распространением населения с более западных территорий.

Однако такое объяснение появления на данной территории даже тех явлений, о которых пишет автор, вызывает сомнение по ряду причин. Так, обращает на себя внимание различие очертаний ареалов каждого из этих явлений в пределах акающих говоров и то, что они не совмещаются друг с другом и тем самым не выделяют определенной территории говоров, на которую в прошлом могло быть совершено переселение [23]. Кроме того, по комплексу всех черт, известных восточным ср.-р. говорам, невозможно установить более или менее конкретную исходную систему говоров,

[22] В. Г. Орлова. История аффрикат, стр. 114 и др.

[23] См., например, выделение в Атласе VI территории говоров белорусского происхождения.

откуда могло быть переселение, так как сами по себе эти черты разноместны по своей территориальной принадлежности. При этом характер самих явлений ограничивает время их появления в восточных ср.-р. говорах узкими рамками, так как ряд явлений, известных этим говорам, на своих исконных территориях не мог вообще возникнуть раньше XII — начала XIV в., а следовательно, и не мог распространиться в пределах восточных ср.-р. говоров до XIV в. Не могли эти явления распространяться и позже XVI в., так как иначе они не имели бы в наших говорах тех характерных особенностей, которыми они отличаются от реализации этих же явлений за пределами восточных ср.-р. акающих говоров (например, если бы форма личного местоимения мн. ч. 3 л. на *-ы* была перенесена в акающие говоры с запада в XVI в., она должна бы быть с начальным /j/ — *йены́*, *йаны́*, или под.).

Таким образом, получается, если принять точку зрения В. Г. Орловой, что перечисленные явления должны были бы появиться в восточных ср.-р. говорах именно в XIV—XV вв., чему с нашей точки зрения препятствуют исторические условия данного периода: набеги татар, происходившие на протяжении указанного периода, вызывали передвижение населения не с запада на восток, а с востока на северо-запад и вели к разделению основной территории распространения русского языка в период до XV в. на северо-восточную ее часть и на юго-западную часть, где выделялась территория Великого княжества Литовского. Всё это приводило к обособлению восточных территорий от западных, при котором вплоть до XVI в. едва ли могли идти переселения с запада на восток.

Вообще, если говорить о связях населения на территории современных восточных ср.-р. акающих говоров с населением других территорий, то скорее следует иметь в виду связи с населением Рязанского княжества, так как ряд черт, распространенных в отделе Б этих говоров, представляет собой сохранение черт старого рязанского диалекта, в ряде случаев совсем утратившегося в рязанских говорах. Таково, например, употребление /ô/ и /ê/ и случаи их различения с /o/ и /e/, таково и сохранение *е*, не изменившегося в *о* перед твердыми согласными, а также произношение губно-губных согласных в определенных условиях, с чем связываются и случаи чередования /w/ с /γ/ — /x/ в этих говорах. Перемещение населения с территории Рязанского княжества к северу и северо-западу, связанное с указанным давлением татар, направлялось обычно в более лесистые и болотистые места, труднодоступные татарской коннице, каковыми и являлись места по течению реки Пры, где законсервировались с пришедшим туда населением некоторые явления. Большинство же других явлений восточных ср.-р. акающих говоров из рассмотренных выше могут объясняться не столько переселением с запада, сколько местными особенностями существования этих говоров в условиях междиалектных контактов разных типов и разных времен или сохранением в этих говорах архаики, утраченной другими говорами.

Первой причиной объясняются, например, формы тв. п. существительных типа *грязь*, образованные по типу склонения существительных на *-а* — *гря́з/ей/* и под. Едва ли можно согласиться с С. П. Обнорским в том, что эти формы были ранее свойственны и владимирско-поволж. говорам, но потом там утрачены, а в акающих ср.-р. говорах сохранились благодаря тому, что здесь они оказались под влиянием форм типа *ба́буй*, т. е. приобрели окончания /-уй/, /-йуй/: *гря́/з'уй/*, *гря́/з'йуй/*. В современных влад.-поволж. говорах нет никаких следов существования форм типа *гря́з/ей/*. В пределах же самих восточных ср.-р. акающих говоров формы типа *гря́з/ей/* распространены гораздо шире, чем формы на *-уй* (см. карту 18). Между тем самые формы тв. п. ед. ч. существительных ж. р. на *-уй* могли появиться именно в говорах с намечающейся переходностью, где имелись те причины, о которых при объяснении этого явления говорили С. П. Обнорский[24], ссылаясь на А. А. Шахматова, и Р. И. Аванесов[25]. Не случайно, что произношение *у* на месте *о* в отдельных словах в положении 2-го предударного слога (например, *супаги́*, *тупора́*, *курово́д*) отмечается в тех же говорах, где распространены формы типа *ба́буй* (ср. карты и 91а и 100).

Случаи совпадения форм род. п. и предл. п. мн. ч. существительных типа *в дома́ф — нет домо́ф*, или *в дома́х — нет домо́х* можно рассматривать как две разновидности одного и того же процесса, связанного со взаимодействием говоров, различающихся по употреблению губных спирантов (системы с /в/ — /ф/ и системы с /w/ или /w/| |/x/. Примечательно, что ареалы обоих этих типов совпадения как бы продолжают друг друга на территории восточных ср.-р. акающих говоров и, вместе взятые, характерны для всех них, кроме отдела А

[24] С. П. Обнорский. Именное склонение 1, стр. 284—288.

[25] Р. И. Аванесов. Очерки стр. 114, 115

(см. карты 6 и 91б). Надо сказать, что и в пределах северного наречия, где ареалы этих форм расположены между Белым озером и Рыбинским водохранилищем, имеются факты того же взаимодействия говоров с системой губно-зубных спирантов /*в* — *ф*/ и говоров с губно-губным спирантом/*w*/, подобие которых имеется и в восточных ср.-р. акающих говорах (см. отдел Б).

Сочетанием полумягкости или твердости согласных перед гласными переднего ряда *е*, *и*, отмечаемым в говорах отдела Б [26], с наличием формы местоимения 3 л. мн. ч. на *-и — онѝ*, свойственной говорам юго-восточной зоны и оттуда распространявшейся в восточные ср.-р. акающие говоры, может быть объяснена известная здесь форма 3-го л. мн. ч. местоимения на *-ы — оны́*, которая могла грамматикализоваться в этих говорах.

Другие явления, о которых говорилось выше и которые отличают эти говоры от окружающих, могут быть объяснены здесь следами сохранения архаики или иноязычным субстратом. Так, реликтом сохранения старого типа склонения на *-ь* является наличие в этих говорах окончания *-е́й* в род. п. мн. ч. существительных м. р. с основой на *-ц* и ударением на окончании, отмечаемое главным образом только в слове *огурцы*. Цоканье, а также шепелявое произношение свистящих и цеканье—дзеканье, ареалы которых отмечены только в пределах ареала цоканья, можно объяснить на данной территории наличием иноязычного субстрата: территория цоканья очень близка к территории, которую занимала в XII в. мещера [27].

Таким образом, ряд особенностей изучаемых говоров может быть объяснен как результат местных междиалектных, межъязыковых контактов, развивавшихся на данной территории начиная с XIII в. в условиях значительной изолированности находящегося здесь населения.

К числу сложившихся таким же путем явлений относится и характер неразличения гласных неверхнего подъема после твердых согласных в этих говорах. Современные восточные ср.-р. акающие говоры не отличаются в этом отношении от восточных говоров южного наречия. Однако, судя по характеру безударного вокализма после мягких согласных, имеющемуся в современных рязанских говорах, можно думать, что был период, когда аканье восточных ср.-р. говоров в структурном плане отличалось от аканья рязанских говоров, где оно было исконным по месту возникновения.

По характеру неразличения гласных неверхнего подъема после мягких согласных восточные ср.-р. акающие говоры имеют, как говорилось выше, системы вторичного образования (иканье, еканье, умеренное яканье), которые сложились в результате взаимовлияния двух принципиально противоположных систем вокализма — с различением этимологических гласных, находящихся в зависимости от качества следующего за гласным твердого или мягкого согласного (ростово-суздальские говоры) и неразличением гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге с совпадением их в одном гласном, характер которого зависит от качества ударенного гласного (рязанские говоры). В результате взаимодействия этих разнородных систем в восточных ср.-р. акающих говорах образовались разные типы вокализма, отражающие разные пути и, может быть, разное время их возникновения. Мы не будем специально останавливаться здесь на вопросе о происхождении умеренного яканья, а также иканья и еканья, поскольку вопросам этого рода за последнее время были посвящены специальные исследования [28] (см. также выше, II, 2, § 5). Следует только упомянуть о некоторых сомнениях, которые возникают при изучении данных лингвистической географии в их отношении к истории образования указанных вторичных типов предударного вокализма после мягких согласных.

Так, прежде всего нельзя не обратить внимания, что говоры с различением гласных влад.-поволж. типа нигде (кроме небольшого пространства около Касимова) непосредственно не граничат с умеренным яканьем восточных ср.-р. акающих говоров (см. карту 44). Это свидетельствует о том, что современные процессы перехода от вокализма с различением гласных неверхнего подъема к вокализму с неразличением этих же гласных не ведут к образованию умеренного яканья. Как будет показано ниже, в самих окающих говорах Владимирско-Поволжской группы почти нет следов развития в направлении к умеренному яканью (см. IV, 3, § 2): от вокализма с различением гласных влад.-поволж. типа обычно наблюдается переход к еканью и иканью. Этим, видимо, и объясняется тот факт, что между ареалами различения гласных неверхнего подъема владимирского типа и умеренным яканьем вост. ср.-р. акающих говоров находятся ареалы иканья и еканья, образовавшиеся, видимо, в более позднее время. Немало говоров с иканьем

---

[26] Атлас VI, карта № 60.

[27] М. К. Любавский. Указ. соч.

[28] В. Н. Сидоров. Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье. «Из истории звуков русского языка». М., 1966.

и в восточной части вост. ср.-р. акающих говоров отдела В (правое течение р. Мокши), где оно также могло сложиться не ранее XVII в. в результате смешения окающих и акающих говоров на территории позднего заселения. По современному наличию говоров с умеренным яканьем как в говорах отдела В, так и в южной части говоров отдела А и в примыкающих к ним с юга тульских говорах можно предположить, что умеренное яканье возникало при взаимодействии диалектов лишь в определенное время и в определенных исторических условиях. При этом оно могло образоваться как на основе владимирского вокализма [29], так и на основе рязанского вокализма [30]. А говоры с иканьем и еканьем по северной границе восточных ср.-р. акающих говоров — поздние по образованию.

Поскольку ни данные памятников письменности, ни тем более данные лингвистической географии не дают ответа на вопрос, существовало ли ёканье в центральных районах Московского княжества в период между XIII—XV вв., для говоров, окружающих Москву, можно допустить как наличие системы различения гласных 1-го предударного слога типа *е—е—а*, так и *о—е—а* перед твердыми согласными. Обе эти системы открывали возможность развития в дальнейшем еканья и иканья. Ср., например, современное еканье в Егорьевских говорах, а также переходную к нему систему *е—е—е/а*, известную на границе оканья и аканья, севернее Москвы и Егорьевска.

Иканье также могло образоваться на основе как системы *е—е—а*, так и *о—е—а* в тех говорах, где *е* любого происхождения между мягкими согласными звучало близко к *и* — такие говоры известны в пределах восточных ср.-р. окающих говоров (см. VI, 3, § 2). Нет оснований лишь для того предположения, что первоначальной системой вокализма после мягких согласных в вост. ср.-р. говорах была система *о—о—а* [31] в соответствии *е—ě—а*.

Анализ материала (см. VI, 3, § 2) современных говоров с вокализмом *о—е—а* показал, что система *о—о—а* развивается в более позднее время и только как вторичная, причем на основе системы *о—е—а*.

Умеренное яканье могло развиться на основе системы *о—о—а* только в таких говорах, как говоры отдела В, наиболее поздние по своему формированию (не раньше XVI в.), т. е. когда на территории окраинных муромских и нижегородских говоров уже образовалась система ёканья, близкая к разновидности *о—о—а*.

Таким образом, сложившийся в разное время и при разных условиях безударный вокализм восточных ср.-р. акающих говоров во всех случаях имеет отличительные особенности, указывающие на его возникновение в результате процессов междиалектного взаимодействия.

Итак, большинство явлений, характерных для восточных ср.-р. акающих говоров, происхождение которых до конца не ясно, можно объяснить и исторической переходностью этих говоров.

Подводя итог, можно сказать, что данные говоры не имеют внутреннего органического единства. Только в плане классификационно-историческом все акающие восточные ср.-р. говоры можно объединить в один тип говоров. Для этого в их современном состоянии имеются два мотива: 1) в этих говорах органически сосуществуют черты северного и южного наречий и 2) всем этим говорам присущ особый вокализм 1-го предударного слога после мягких согласных, возникновение которого объяснимо только пережитым междиалектным взаимодействием.

Рассмотренные выше процессы формирования отдельных явлений свидетельствуют о том, что восточные ср.-р. акающие говоры с присущей им неоднородностью сложились на протяжении значительного периода замкнутой, достаточно изолированной от других говоров жизни. В результате контактирования в их пределах представителей различных говоров и носителей различных языков и оформились особенности ряда рассмотренных явлений. Историей заселения, а также тем, какой характер имели контакты разнодиалектных групп объясняется и неоднородность говоров внутри отделов восточных ср.-р. акающих говоров. Так, например, юго-западные и южные говоры отделов А и Б отличаются близостью к говорам южного наречия или юго-восточной зоны по сравнению с северной и северо-восточной частями этих отделов. При этом характерно то, что в числе явлений, по которым эти говоры отличаются друг от друга в пределах отдела, имеются новообразования рязанских говоров разной поры. Р. И. Аванесов в ряде работ, касающихся вопросов образования языка великорусской народности, говорит о том, что южновелико-

[29] Сидоров В. Н. Указ. соч.; Он же: Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах. «Из истории звуков русского языка». М., 1966; Н. Б. Парикова. Умеренное яканье в тульских говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии», вып. 2, 1961.

[30] Л. Э. Калнынь. Коломенские говоры в их истории и современном состоянии. Канд. дисс. М., 1952; Н. Н. Дурново. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров, ч. I, вып. 2, стр. 81, 82. [Тип. Самардинск. женск. пустыни 1917 (обл. 1918)].

[31] В. Н. Сидоров. Об одной разновидности умеренного яканья. . .

русские особенности возобладали в языке Москвы и прилегающих к ней говоров главным образом в XVI—XVII вв.: «в XIV—XV вв. в Москве преобладал северновеликорусский говор. С течением времени в языке московского населения, как и говоров ближнего Подмосковья, все более увеличиваются южновеликорусские элементы, пока он не оформляется в XVII в. как «московское просторечье» с его средневеликорусским обликом, известное нам по последующему времени» [32]. Действительно, хотя Коломенская земля присоединилась к Москве в самом начале XIV в., а начиная с XIII в. в Москве и ее окрестностях был прилив населения с юго-востока, основные языковые процессы, которые переживали в это время ростово-суздальские говоры, в центре которых была в это время Москва, распространялись на все ее говоры, включая и Коломенские. Поэтому ряд явлений, свойственных восточным ср.-р. акающим говорам, связанных по происхождению с юго-восточными говорами, имеет границы распространения, не зависящие от времени их возникновения в южных говорах. В пределах отдела В резко отличаются говоры восточной и западной его половины. Заселение западной половины территории началось в конце XV в. и продолжалось в XVI в. Видимо, уже к XVII в. эти говоры образовали новую разновидность диалекта, соединяющего ряд черт южного наречия и юго-восточной зоны (см. пучки изоглосс II—IV), а также Восточной группы говоров с чертами северного наречия (см. IV пучок изоглосс явлений), а также чертами центральных говоров. Успели образоваться в этом диалекте и некоторые специфические черты, чаще всего связанные с трансформацией явлений, имевшихся к этому времени в исходных диалектах. Говоры восточной половины отдела В образовались в результате более поздних переселений XVII—XVIII вв. Они имели несколько иное исходное соотношение северных и южных черт, а главное другие тенденции развития. Все рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что результаты междиалектного взаимодействия, на протяжении длительного времени осуществлявшегося на территории будущих восточных ср.-р. акающих говоров, могли быть весьма различными. Мы видели, что в разных сторонах диалектных систем укреплялись или исчезали разные явления взаимодействующих диалектов. При этом большинство из черт, свойственных новому диалекту, образовавшихся в результате междиалектного взаимодействия, оказывалось не простой копией черт каждого из взаимодействующих диалектов, а новообразованием, сложившимся в результате приспособления данной черты к новым условиям существования.

---

[32] Р. И. Аванесов. Проблемы образования языка великорусской народности. ВЯ, 1955.

Глава третья

ВОСТОЧНЫЕ СРЕДНЕРУССКИЕ ОКАЮЩИЕ ГОВОРЫ — ВЛАДИМИРСКО-ПОВОЛЖСКАЯ ГРУППА ГОВОРОВ

§ 1. Языковой комплекс и членение владимирско-поволжских говоров

Окающие говоры занимают северную, большую часть территории восточных ср.-р. говоров, между ср.-р. акающими говорами и говорами северного наречия. Граница Владимирско-Поволжской группы с юга может быть проведена в пределах совмещения II пучка изоглосс явлений южного наречия и юго-восточной зоны и III пучка изоглосс явлений северного наречия и северо-восточной зоны; с севера — в пределах совмещения IV пучка изоглосс явлений южного наречия и I пучка изоглосс явлений северного наречия (см. выше, IV, 1, § 1). Говорам данной территории, взятым в целом, свойствен одновременно целый ряд явлений северной и южной локализации (северного наречия и северо-восточной зоны, южного наречия и юго-восточной зоны), которые в них сосуществуют, чем прежде всего и определяется характер этих говоров как межзональных в широком смысле этого слова. Характерно для этих говоров распространение всех явлений центральных говоров (см. III, 4, § 1), хотя некоторые из этих явлений имеют ограничения в своем распространении с северо-востока и с юго-запада, что ниже будет в некоторых случаях оговариваться. Кроме того, следует иметь в виду, что некоторые пучки изоглосс северных и южных явлений проходят также и в пределах территории описываемых говоров, членя ее в основном в направлении с севера на юг. Такое членение выражено совмещением на срединной части территории II пучка северных явлений и III пучка южных явлений и их вариантов, что указывает одновременно на то, что на отдельных частях территории восточных ср.-р. окающих говоров сочетание черт северной и южной локализации еще более усложняется.

Важной характерной особенностью влад.-поволж. говоров является и то, что при сосуществовании северных и южных языковых черт в них выработался в определенных случаях системный характер этого сосуществования. Это относится прежде всего к безударному вокализму с характерным для него различением гласных в 1-м предударном слоге при возможности неразличения гласных неверхнего подъема в других безударных слогах. При этом характерно, что изоглоссы различных явлений грамматики и лексики, связанных структурно с системой безударного вокализма этих говоров, не образуют одного тесного пучка, относясь к разным пучкам изоглосс, то разделяя территорию говоров Владимирско-Поволжской группы на северную и южную части, то объединяя ее с северным или южным наречиями. Это связано с разным характером неразличения гласных в различных безударных положениях и с тем, насколько в связи с этим стабилизовалось произношение тех или иных грамматических форм.

При всех различиях, которые наблюдаются по говорам Владимирско-Поволжской группы в связи с тем, что сочетание северных и южных черт являются неодинаковыми на разных частях ее территории, эти говоры имеют ряд свойственных им всем или отдельным частям говоров их территории собственно местных языковых черт, в зависимости от качества и количества которых находится и оценка этих говоров и некоторых подразделений в их пределах, как единиц диалектного членения. При этом сами эти черты являются новообразованиями, генезис которых преимущественно связан с междиалектным общением и указанным выше сочетанием черт двух разных диалектов. Наличие этих черт и явилось основным критерием для выделения данных говоров в особую группу. К числу этих черт принадлежат следующие:

1. Полное различение гласных неверхнего подъема после твердых и мягких согласных, осуществляемое только в 1-м предударном слоге.

2. Последовательное употребление на наиболее исконной части территории этой группы того типа вокализма 1-го предударного слога после мягких согласных, который характеризуется произношением *о — е — а* перед твердыми согласными и *е — е — а* перед мягкими согласными.

3. Сохранение на большей части территории этимологически-правильного произношения с ударенным гласным /а/ слов *запря́г*, *потря́с*, *пя́тна*.

4. Произношение /у/ на месте гласных неверхнего подъема во 2-м предударном слоге — */у/топри́*, */у/днов́о* и др.

5. Отсутствие в большинстве говоров данной группы протетического гласного в словах типа *ржано́й*, *льняно́й*.

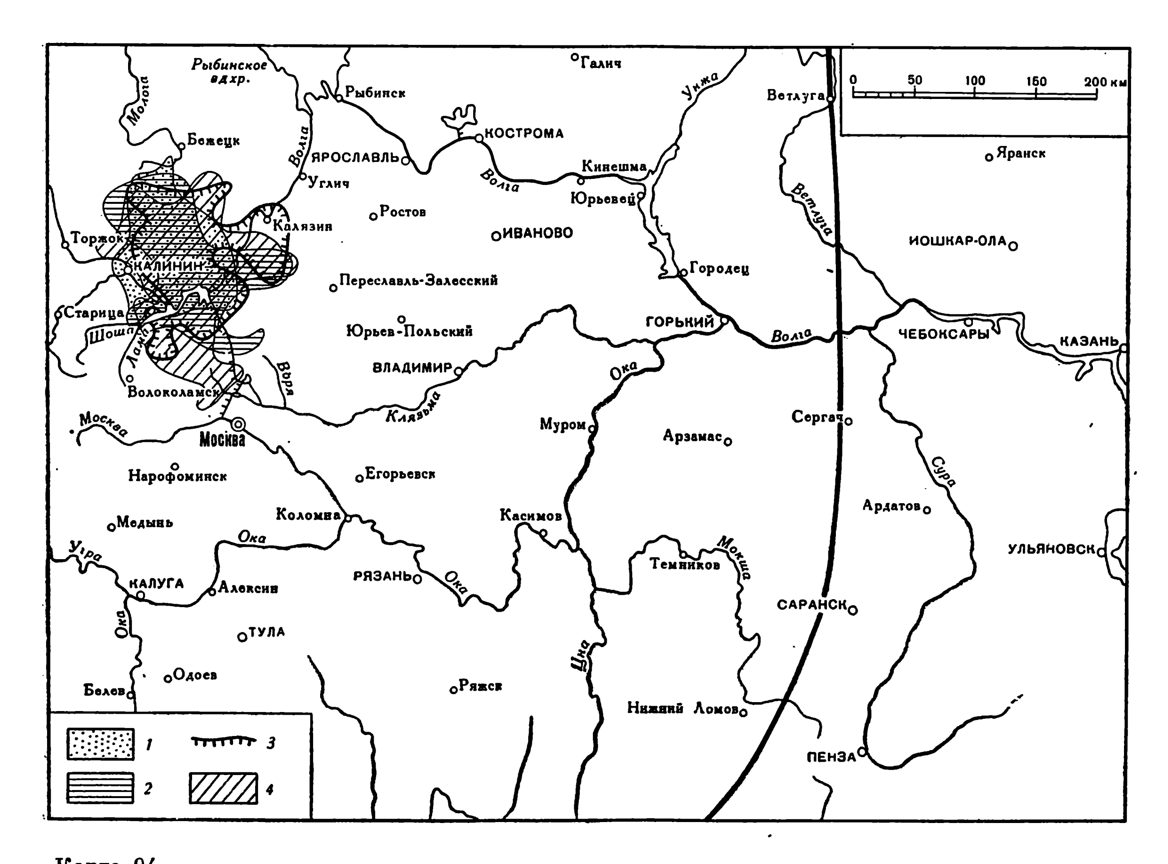
6. Наличие суффикса *-иг-* в названиях ягод: *землянига*, *бруснига* и под.

Основная черта данных говоров — характерная система безударного вокализма содержит прямые указания на ее возникновение в результате взаимодействия северной и южной систем. Причем сохранение последовательного различения гласных в 1-м предударном слоге, а также произношение гласного /у/ на месте *о* во 2-м предударном слоге в начале слова и отсутствие протетических гласных в случаях типа *ржаной — льняной* указывают на большую роль северного вокализма при становлении этой системы (см. IV, 3, § 2). Произношение *запря́г*, *потря́с*, *пя́тна* (с ударенным гласным *а*), характерное для восточных ср.-р. окающих говоров, также можно связать с особой последовательностью различения гласных в 1-м предударном слоге в этих говорах и с сохранением прямого соответствия ударенного и предударного слогов, что могло сложиться в этих говорах (как это будет показано ниже, IV, 3, § 2) за счет ослабления других безударных слогов.

Таким образом, основные особенности, выделяющие данные говоры, являются фонетическими по их характеру, связанными с характером ударения, распределением экспираторной силы слогов и качеством безударных гласных в разных положениях. Наличие круга этих черт, имеющих сходное территориальное распространение и одновременно соединяющих особенности северного и южного наречия и послужило основанием для выделения всех восточных ср.-р. окающих говоров в качестве самостоятельной — Владимирско - Поволжской группы говоров.

Для характеристики языкового комплекса говоров Владимирско-Поволжской группы имеют также значение и некоторые другие явления, не столь повсеместно в ее пределах распространенные и потому не служащие для ее выделения в целом, так как некоторые из подобных явлений отмечены лишь на отдельных частях ее территории, а другие известны также и на территории соседних говоров. К числу таких черт относятся прежде всего некоторые явления центральных говоров (см. III, 4, § 1), утратившиеся или исконно отсутствующие на определенных частях территории влад.-поволж. говоров. Так, например, рано развившееся в центральных (генетически — ростово-суздальских) говорах произношение долгих мягких шипящих /ж'ж'/ /ш'ш'/ (см. карту 5) сменилось на части территории влад.-поволж. говоров произношением твердых долгих шипящих /жж/, /шш/. Исконно характерные формы инфинитивов типа *печи́*, *сечи́*, *стеречи́* и чередование согласных основы — *к/г*, *г/ж* в личных формах соответствующих глаголов (*пе/к/у́ — пе/ч/ёшь — пе/к/у́т*; *мо/г/у́ — мо́/ж/ешь — мо́/г/ут* и др.) утрачены на северо-восточной и юго-западной частях территории Владимирско-Поволжской группы. На юго-восточной части территории той же группы утрачено характерное исторически для ростово-суздальских говоров различение форм дат.-предл. п. ед. ч. существительных типа *грязь*: *по гря́зи — в грязи́*. Некоторые черты центральных говоров, являющиеся в них новообразованиями, отсутствуют в муромских и горьковских говорах Владимирско-Поволжской группы. Таково употребление возвратной частицы *-са* во всех формах глаголов. Не полностью распространены на территории влад.-поволж. говоров и некоторые другие явления-новообразования, каждое из которых представлено ареалами разных размеров и очертаний. Ср. распространение форм. им. п. мн. ч. прилагательных на *-е́и* (*худе́и*, *плохе́и*, *каке́и*); чередование гласных *е—и* в основах инфинитива и наст. вр. у глаголов II спряжения с основой на мягкий шипящий: *криче́ть*, *криче́л — кричи́шь*, а также произношение с сочетанием /сн/ вместо *чн* слова *пшени́/сн/ый*.

На основании некоторых наиболее регулярно наблюдаемых особенностей в распространении явлений на отдельных частях территории Владимирско-Поволжской группы, а именно на ее юго-западе и на юго-востоке, выделяются две подгруппы говоров — Калининская и Горьковская. Кроме этого, по расположению ареалов отдельных явлений или их разновидностей выделяются и другие части территории этой группы, не являющиеся ее устойчивыми подразделениями, но все же указывающие на неоднородность говоров Владимирско-Поволжской группы, сложившуюся

Карта 94

Ареалы явлений, характерных для говоров Калининской подгруппы:

1 — произношение /*и*/ в соответствии *ě* и *е* под ударением между мягкими согласными: *зв/и/рь*, *д/и/нь* и под.; 2 — наличие начального /*у*/ в слове *ржаной*: /*у/ржаной*; 3 — наличие /*ъ*/ в соответствии *у* в слове мужики: *м/ъ/жикú*; 4 — наличие /*ъ*/ в соответствии *у* в заударном слоге перед твердым согласным: *бм/ъ/т*

в процессе сложного междиалектного взаимодействия, в ходе которого история отдельных явлений приходила во взаимодействие с историей говоров на данной территории.

Выделение подгрупп в пределах Владимирско-Поволжской группы определяется не только наличием комплекса специфических диалектных черт, присущих именно этим подгруппам, но также определенными особенностями в расположении изоглосс тех пучков, которые пересекают территорию Владимирско-Поволжской группы говоров. Так, в пределах Калининской подгруппы наблюдается отсутствие явлений, свойственных II и III пучкам варианта а северных изоглосс, а тем самым и наличие на территории данной подгруппы явлений, связанных с III пучком изоглосс и II пучком изоглосс варианта а южных и юго-восточных явлений. Имеют говоры Калининской подгруппы и свойственные именно им специфические черты:

1. Произношение /*и*/ в соответствии *ě* и *е* между мягкими согласными под ударением и в 1-м предударном слоге: *в/ú/тер*, *д/и/нь*, *солов/ú/й*; — *н/и/сú*, *д/и/лú* и под.

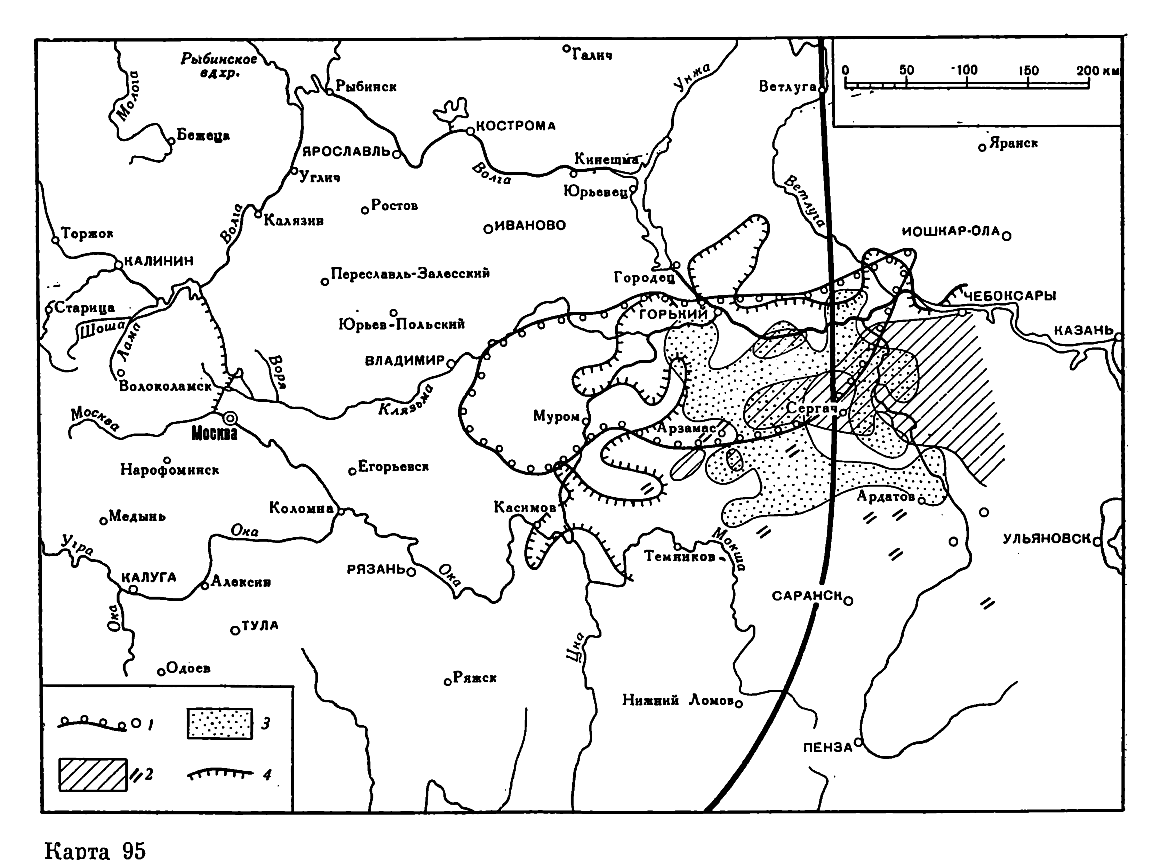
2. Совпадение во 2-м предударном и в закрытом заударном слогах после твердых согласных не только гласных *а*, *о*, но и гласного *у*: *г/ъ/родá*, *д/ú/лекó*, *м/ъ/жикú*, *р/ъ/кавá*, *к/ъ/лакú*; *гбр/ъ/д*, *бк/ъ/нь*, *зáм/ъ/ж* и под.

3. Произношение /*у*/ не только на месте начальных *о* и *а* во втором предударном слоге (типа /*у/днобó*), но и в качестве протетического гласного, произносимого в говорах этой подгруппы, в случаях типа: /*у/ржанóй*, /*у/льнянóй*.

4. Распространение форм твор. п. ед. ч. с безударным окончанием *-уй* от сущ. ж. р. на *-а*: *бáбуй* и *-ей*, а также *-уй*, *-йуй* от сущ. ж. р. на мягкий согласный: *грязей*, *гряз'уй*, *гряз'йуй*.

5. Наличие окончания *-ей* в род. п. мн. ч. существительного свадьба: *свадьб/éй/*.

Говоры Калининской подгруппы выделяются среди других влад.-поволж. говоров и тем, что их территорию охватывают ареалы отдельных явлений, распространенных в северных

Карта 95

Ареалы явлений, преимущественно характерных для говоров Горьковской подгруппы:

1 — произношение /о/ в соответствии *ě* в 1-м предударном слоге после мягких согласных: *с/л'о/пóй, д/в'о/-нáдцать* и под.; *2* — произношение /ъ/ в соответствии *у* во 2-м предударном слоге: *м/ъ/жикú, кълакú* и под.; *3* — наличие форм прилагательных и притяжательных местоимений с обобщенным гласным *е: с моéм, в моéм; моé, моéх, моéм; с худэ́м, в худэ́м; худэ́и, худэ́х, худэ́м; 4* — формы глаголов со стяжением гласных в соответствии *ейе*: *ум/éт/* и под.

соседних говорах. Таково наличие окончания /*-аф*/ в форме предл. п. мн. ч. существительных: *в дом/áф/*, на *лоша/д'áф/* и под. (ср. изредка и наличие окончания /*-ыф*/ в предл. п. мн. ч. прилагательных: *в больш/ы́ф/, в дóбр/ыф/*), а также наличие двусложного окончания в форме косвенных падежей прилагательных: *бéлыим, бéлыих* и под. (см. карту 94).

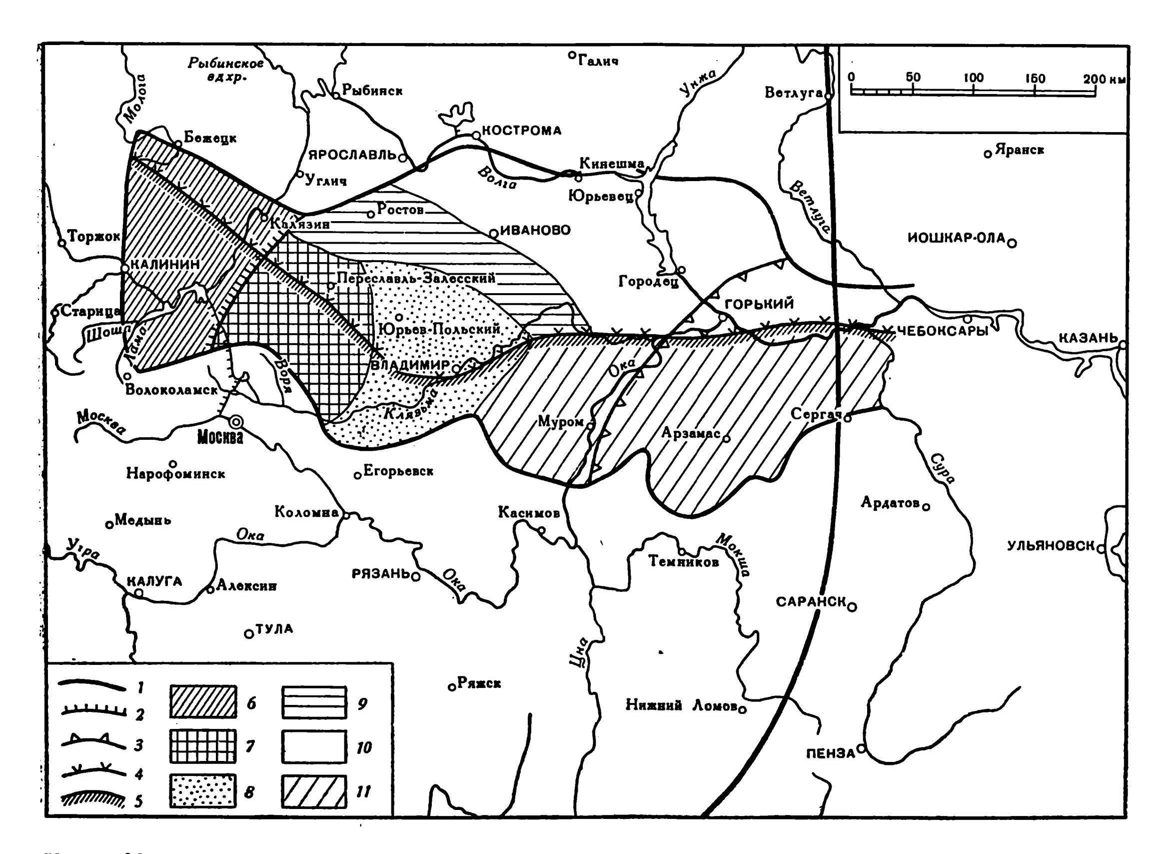
Горьковская подгруппа говоров выделяется тем, что явления II пучка изоглосс северного наречия и северо-восточной зоны отсутствуют на ее территории, где тем самым распространены явления, связанные с III пучком изоглосс южного наречия. Выделяется эта подгруппа и в связи с тем, что явления пучков IIа и IV юго-восточной зоны, известные на более западной части территории Владимирско-Поволжской группы, не свойственны говорам Горьковской подгруппы. Характерно для большей, главным образом южной части территории говоров этой подгруппы наличие некоторых черт, в основном свойственных Восточной группе южного наречия и восточным ср.-р. акающим говора отдела В (перечень соответствующих черт см. выше, при описании III пучка изоглосс южного наречия).

Говорам Горьковской подгруппы свойствен также следующий комплекс специфических диалектных черт:

1. Произношение *о — о — а* в 1-м предударном слоге после мягких перед твердыми согласными наряду с возможным в определенных случаях произношением *о — е — а* (подробнее см. IV, 3, § 2).

2. Совпадение гласных *а, о, у* во 2-м предударном слоге в гласном /ъ/ (эта же черта отмечена и в говорах Калининской подгруппы, но отсутствует в других влад.-поволж. говорах).

3. Наличие определенного сочетания форм с гласным *е* в падежных окончаниях местоимений и прилагательных (см. ниже таблицу 9).

Карта 96

Членение говоров Владимирско-Поволжской группы:

1 — общая граница Владимирско-Поволжской группы; *2* — граница Калининской подгруппы; *3* — граница Горьковской подгруппы. Другие типы подразделения территории, не связанные с выделением подгрупп: *4* — северная часть группы; *5* — южная часть группы; *6* — калининские говоры; *7* — переславль-залесские говоры; *8* — владимирские говоры; *9* — ростово-суздальские говоры; *10* — городецкие говоры; *11* — муромские и горьковские говоры

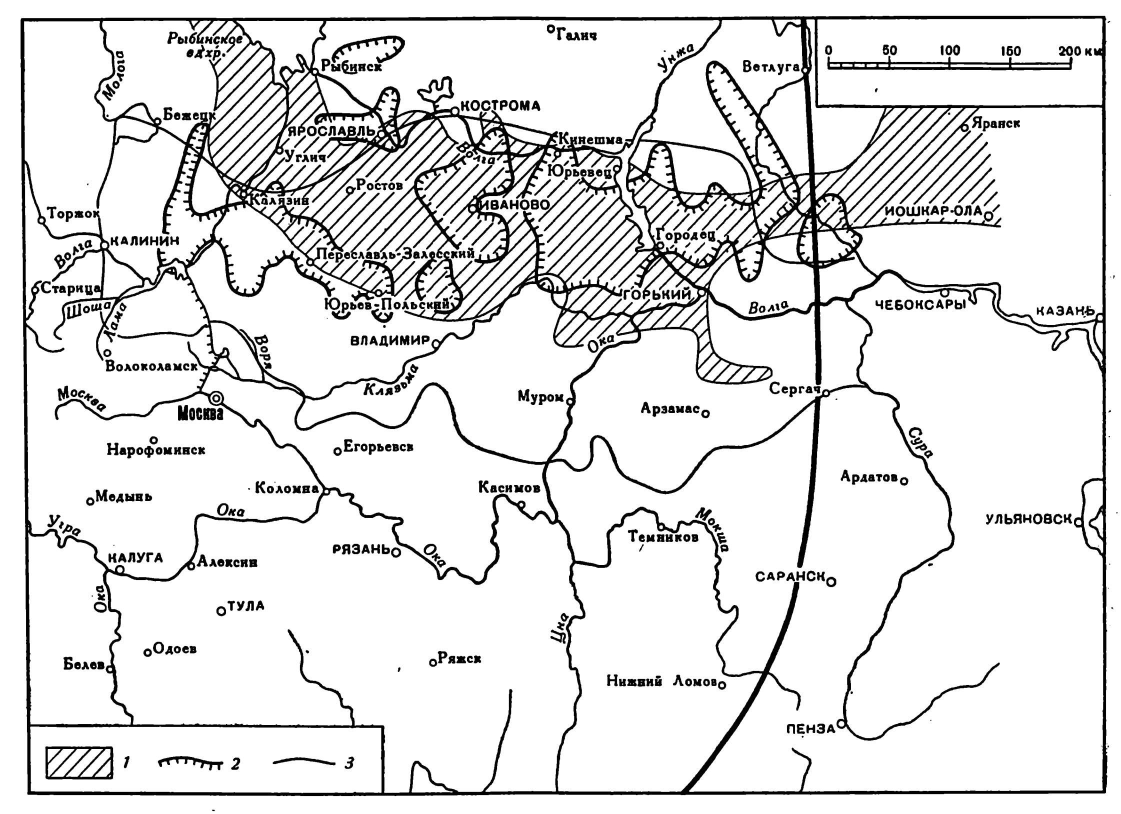
4. Выпадение /j/ и стяжение гласных в глагольных формах, имеющих сочетание *-ейе*: *ум/é/т*, *посп/é/т* и под. (помимо широко распространенных в говорах Владимирско-Поволжской группы случаев выпадения /j/ и стяжения в сочетании *-айе-*; см. карту 95).

Все указанные особенности выделения и членения влад.-поволж. говоров связаны с их межзональным, среднерусским характером. Этим определяется и наличие в их общей характеристике не только и не столько собственно им присущих черт, но также и черт, свойственных другим объединениям, а в пределах данных говоров иногда лишь приобретающих своеобразие употребления. Этим определяется и то, что подгруппы в пределах Владимирско-Поволжской группы выделяются лишь на частях ее территории, а не являются результатом членения территории в целом.

Для характеристики и понимания истории формирования данной группы не менее важны и другие случаи членения ее территории, и в первую очередь членение на основе такой важнейшей в структурном отношении черты, как разновидности систем безударного вокализма (характер расположения этих разновидностей см. IV, 3, § 2), по которым могут быть выделены муромские, горьковские, переславль-залесские, владимирские, ростово-суздальские и городецкие говоры (см. карту 96).

Распространение явлений безударного вокализма, в основном обусловившее выделение указанных частей территории, нередко сопровождается и распространением других языковых особенностей, преимущественно таких, ареалы которых в основном находятся за пределами Владимирско-Поволжской группы и лишь окраинные части этих ареалов так или иначе охватывают ее территорию.

Кроме этого, отдельные явления, свойственные только Владимиро-Поволжской группе или восточным ср.-р. говорам в целом, имеют

Карта 97

Выделение северной части территории Владимирско-Поволжской группы:

1 — отмечено употребление обобщенной постпозитивной частицы *-ту* в соответствии *-то*: *мужи́к-ту*, *жена́-ту*, *избо́й-ту* и под.; *2* — отмечено произношение *сн* в соответствии *чн* в слове *молочный*: *моло́сный*; *3* — граница Влад.-Поволжск. группы

распространение, которое связано только с отдельными частями территории. В сочетании с указанным выше делением влад.-поволж. говоров на основе разновидностей систем безударного вокализма, такое распространение других языковых особенностей нередко ведет, в частности, к выделению более северной и более южной частей изучаемой территории. Так, северная часть территории влад.-поволж. говоров, в состав которой обычно входят владимирские, ростово-суздальские и городецкие говоры, выделяется явлениями II пучка северного наречия и северо-восточной зоны (см. IV, 1, § 1). Кроме того, здесь наблюдается распространение следующих черт:

1. Смягчение *к* после парных мягких согласных (*ва́/н'к'/я*, но *ча/йк/у́*, *но́/ч'к/а*) — явление известно и к северу, в Костромской группе говоров (см. карту 11), в пределах восточных ср.-р. говоров оно охватывает северные части переславль-залесских, ростово-суздальских, владимирских и городецких говоров.

2. Наличие суффикса *-сн-*, известного здесь, кроме слова *пшени́/сн/ый*, также в словах *моло́/сн/ый* и редко, в отдельных говорах, в слове *яй/сн/ица* (черта местная, отмечается и на южной части территории костромских говоров).

3. Обобщение гласного /е/ при склонении притяжательных местоимений в формах тв. и предл. п. ед. ч. м. р., и во всех формах мн. ч.: *с моё́м*, *в моё́м*; *моё́*, *моё́х*, *моё́м* и т. д. (собственно местная черта).

4. Образование форм род. п. с окончанием *-ей* от существительных ж. р. с мягкой основой на *-а* типа *деревня*: *яблоне́й*, *деревне́й* (распространено и севернее, на территории Костромской группы говоров).

5. Употребление обобщенной постпозитивной частицы *-ту* в соответствии частице *-то* (собственно местная черта).

6. Наличие парадигмы наст. вр. глаголов на задненебный согласный с твердым задненебным во всех формах, типа *пе/к/у́* — *пе/к/ёш* — *пе/к/у́т* (отмечается только в городецких и части ростово-суздальских говоров,

а также, неповсеместно, во владимирских, см. карт. 9).

Выделение южной части территории, куда обычно входят калининские, муромские и горьковские говоры, а также юго-западная часть переславль-залесских говоров, или выделение только юго-восточной части территории Владимирско-Поволжской группы, т. е. муромских и горьковских говоров, определяется расположением изоглосс явлений III пучка южного наречия и юго-восточной зоны, а кроме того, распространением следующих явлений (см. карту 98):

1. Различия в качестве гласного, выступающего в говорах юго-восточной части территории, при неразличении гласных в закрытом заударном слоге (не в личных и не в падежных окончаниях) в положении после твердых согласных сравнительно с положением после мягких согласных: *вы́д/а/л*, *гб́р/а/д*, *вы́м/а/л*, но *зá/ц/ц*, *дéн/и/к*, *брóс/и/л*, ср. аналогичные различия и в восточных ср.-р. говорах отдела В (при произношении одного гласного /а/ после твердых и мягких согласных в Восточной группе южного наречия: *вы́д/а/л*, *гóр/а/д*, *вы́м/а/л — зá/йа/ц*, *дé/н'а/к*, *брó/с'а/л*).

2. Наличие слов *зап/р'ó/г*, *т/р'о/с* с ударенным /о/ на месте *а* после мягких согласных, но при этом произношение /*п'á/тна* в калининских, муромских и южной части горьковских говоров, а также и в восточных ср.-р. акающих говорах (ср.: *зап/р'ó/г*, *т/р'о/с*,/*п'ó/тна* реже /*пé/тна* в Восточной группе Южного наречия).

3. Произношение твердого /р/ только в слове *ск/ры/петь* в муромских и горьковских говорах, а также и в восточных ср.-р. акающих говорах отдела В (но *ск/ры/пéть*, *к/ры/чáть*, *г/ры/б* в говорах Вост. гр. южн. наречия).

4. Совпадение аффрикат в твердом *ц*, в муромских и на южной части территории горьковских говоров, как и в части восточных ср.-р. акающих говоров отделов Б и В.

5. Употребление формы род. п. ед. ч. с окончанием *-е* у существит. ж. р. на *-а*, главным образом только с предлогом *у*: *у же/нé/*, *у мá/ми/* как и в восточных ср.-р. акающих говорах (ср. употребление этих же форм с различными предлогами в Восточной группе южного наречия [33]).

6. Наличие двухсложного окончания вин. п. ед. ч. ж. р. указательного местоимения *тот*, *один*: *то/йó/*, *одно/йó/*, реже *то/йé/* в переславль-залесских говорах и *то/йó/*, *то/йý/*, *одно/йó/* единично *то/йé/* в муромских и горьковских говорах. Ареал этого явления не имеет непосредственного продолжения в соседних говорах, кроме восточной части акающих говоров отдела В.

Следующие явления, распространенные также на некоторых из более южных частей территории влад.-поволж. говоров, являются характерными только для этих говоров.

7. Наличие формы им. п. мн. ч. с окончанием *-еи* у прилагательных и местоимений: *ху/дэ́/и*, *пло/хé/и*, *ка/кé/и*. Распространено только в горьковских и владимирских говорах, редко в муромских и суздальских.

8. Наличие возвратной частицы /*с'а*/ в формах глаголов 2-го л. ед. ч. наст. вр. и глаголов прош. вр., отмечаемой на южной части территории муромских и горьковских говоров при наличии возвратной частицы /*си*/ в тех же формах в говорах юго-восточной зоны II пучка изоглосс.

9. Употребление обобщенной постпозитивной частицы *-ти* или *-те* в соответствии обобщенной частице в северном наречии *-то*, употребляемой там наряду с согласованным постпозитивным членом [34]. Характерно только для горьковских, муромских и южной части владимирских говоров.

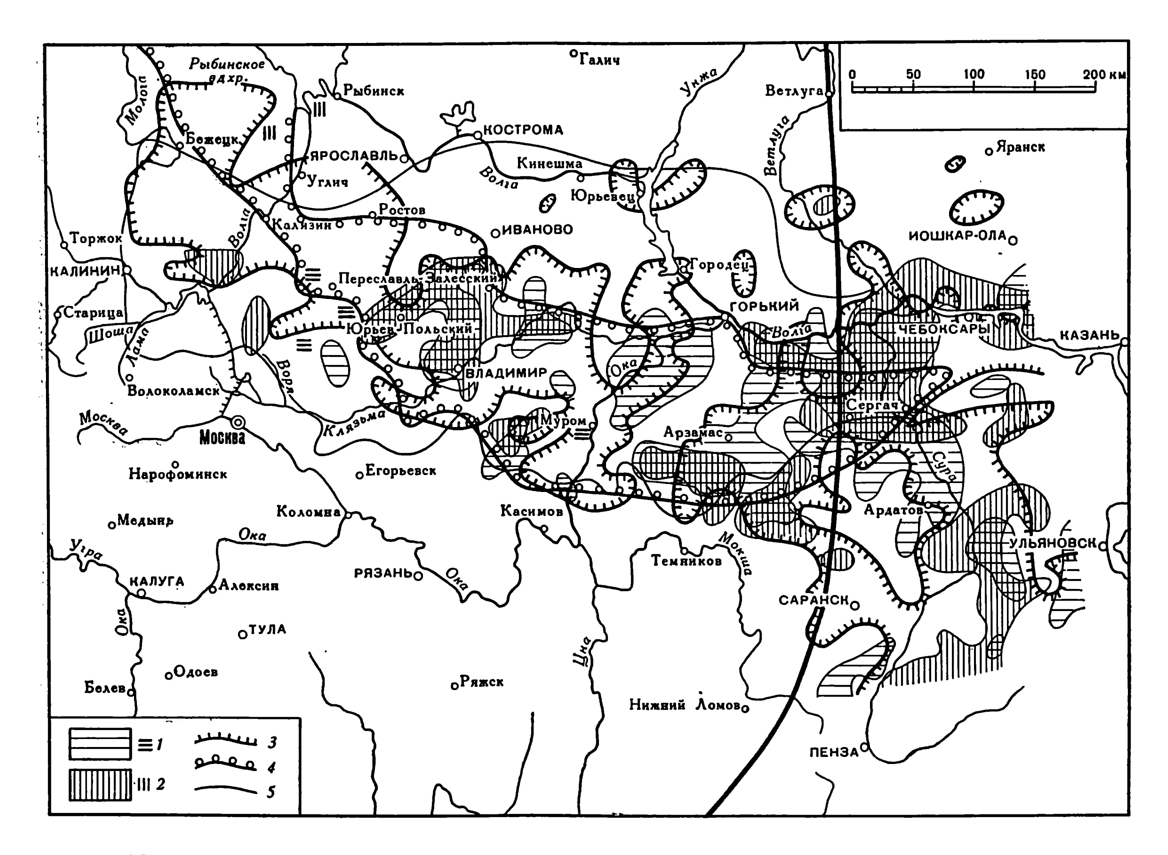
Кроме выделения северной и южной частей территории Владимирско-Поволжской группы, в ее пределах наблюдается выделение ее западной части (калининские, переславль-залесские, владимирские говоры) и восточной части (горьковские и городецкие говоры), намечающееся по расположению вариантов III пучка изоглосс северного наречия и II пучка изоглосс южного наречия и юго-восточной зоны и дополненное распространением некоторых других явлений (части ареалов явлений, имеющих индивидуальный характер распространения, или ареалов некоторых разновидностей явлений, которые в целом известны всем влад.-поволж. говорам). При этом выделении западной и восточной частей территории ростово-суздальские и муромские говоры, являясь пограничными, входят то в одно, то в другое подразделение.

К числу таких явлений или разновидностей явлений относятся:

1. Наличие системы различения гласных *о — е — а* или *о/е — е — а* в 1-м предударном слоге перед твердыми согласными, отмечаемой в переславль-залесских, владимирских и отчасти в ростово-суздальских говорах,

[33] Атлас VI, карты 94, 95 и примечания к ним.

[34] И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. К вопросу о постпозитивных частицах в русских говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. 3, 1962.

Карта 98

Выделение южной части территории Владимирско-Поволжской группы:

1 — отмечены формы прилагательных им. п. мн. ч. с окончанием *-ёи*: *моло/дэ́и/*; 2 — те же формы прилагательных с основой на задненебные согласные: *пло/хе́и/*; 3 — отмечены инфинитивы типа: *печи́, сечи́*; 4 — отмечено употребление обобщенной постпозитивной частицы *-те*, *-ти* в соответствии *-то*: *мужи́к-те, жена́-те, де́ти-те*; 5 — граница Влад.-Поволжск. группы

в противоположность системе *о — о/е — а* в других говорах группы.

2. Произношение */у/* на месте *о* во 2-м предударном слоге в соседстве с губными и задненебными согласными (во владимирских говорах, см. карту 100).

3. Произношение */мн/* на месте *вн* в словах *давно*, *равно*, реже *деревня* (в ростово-суздальских и владимирских говорах; за пределами группы см. в костромских говорах карту 7).

4. Произношение */т'/*, */д'/* в соответствии */к'/*, */г'/* в корнях слов и на стыке морфем, типа */т/инб́*, *а́н/д/ел*; *ру́/ти/*, *но́/ди/* (в калининских, переславль-залесских и части владимирских говоров, см. карты 12, 13).

5. Твердое */н/* перед *ш* в формах сравнительной степени *то́/н/ше*, *ме́/н/ше*, *ра́/н/ше* и под. (на границе переславль-залесских и владимирских говоров).

6. Форма род. п. мн. ч. на *-ей* от слов *заяц*, *палец*: *зайц/е́й/*, *пальц/е́й/* (во владимирских и муромских говорах).

7. Наличие форм с гласным *-е-* в окончании только им. п. мн. ч. прилагательных — *ху/дэ́и/*, *ка/ке́и/* при окончаниях с гласным *-и-* в формах косвенных падежей — *ху/ды́м/*, *ху/ды́х/* и под. во владимирских говорах; полное обобщение гласного *е* — *ху/дэ́и/*, *ка/ке́и/* — *ху/дэ́х/*, *ху/дэ́м/*, *ка/ке́х/*, *ка/ке́м/* и под. в горьковских говорах.

8. Наличие вторичной формы сравнительной степени *скоре́* во владимирских говорах; наличие нескольких вторичных форм срав. ст. данного типа; *скоре́*, *умне́*, *быстре́* и под. в горьковских говорах.

9. Гласный *ę* в основе прош. вр., главным образом у глаголов II спряжения с основой на мягкий согласный: *кричёть* — *кричёл* во владимирских говорах; наличие данного гласного также и у глаголов на твердый согласный: *кричёть* — *кричёл* и *дышёть* — *дышёл* в городецких и горьковских говорах.

10. Выпадение */j/* и стяжение гласных в формах глаголов с безударным сочетанием */айу/* — *де́л/у/т* в калининских, переславль-залесских, ростово-суздальских, муромских

Таблица 9

Категории, формы и окончания \ Объединения говоров			Городецкие: сев.-зап. часть	Городецкие: юго-вост. часть	Ростово-суздал.	Переслав.-залесск.	Владимирские	Муромские	Калининские	Горьковские
Личные местоимения 3 л.	им. п. мн. ч.		*-е (оне́)*	*-е*	*-е*	*-е*	*-е*	*-е*	*-е*	*-е*
Притяжательные (и возвратные) местоимения	ед. ч.	твор. п.	*-ем (с мойе́м)*	*-ем*	*-ем*	*-ем/-им*	*-им*	*-им (-ем)**	*-ем*	*-ем*
		предл. п.	*-ом (в мойо́м)*	*-ем*	*-ем*	*-ем/-им/-ом*	*-им (-ом)*	*-им/-ом(-ем)*	*-ем*	*-ем*
	мн. ч.	им. п.	*-е (мойе́)*	*-е*	*-е*	*-е*	*-е*	*-е*	*-е*	*-е*
		род.—предл. п.	*-ех (мойе́х)*	*-ех*	*-ех*	*-ех*	*-их*	*-их (-ех)*	*-ех/-их*	*-ех*
		дат. п.	*-ем (мойе́м)*	*-ем*	*-ем*	*-ем*	*-им*	*-им (-ем)*	*-ем/-им*	*-ем*
Прилагательные	ед. ч.	твор. п.	*-ым (с моло-ды́м)*	*-ым*	*-ым*	*-ым*	*-ым*	*-ым*	*-ым*	*-ем*
		предл. п.	*-ом (в моло-до́м)*	*-ом*	*-ым*	*-ым*	*-ым*	*-ым*	*-ым*	*-ем*
	мн. ч.	им. п.	*-ы (молоды́)*	*-ы*	*-ые*	*-еи/-ые*	*-еи*	*-ые (-еи)*	*-ые*	*-еи*
		род.—предл. п.	*-ых (моло-ды́х)*	*-ых*	*-ых/-ыих*	*-ых*	*-ых*	*-ых*	*-ых*	*-ех*
		дат. п.	*-ым (моло-ды́м)*	*-ым*	*-ым/-ыим*	*-ым*	*-ым*	*-ым*	*-ым*	*-ем*

* В скобках приведены единичные случаи употребления форм в муромских говорах

говорах; то же в глагольных формах с сочетанием /*ейе*/ — *ум*/*е́*/*т* — в горьковских говорах. При наличии во всех этих говорах стяженных форм с сочетанием /*айе*/.

К числу таких явлений Владимирско-Поволжской группы, которые имеют свои разновидности в каждом выделенном подразделении говоров относятся парадигмы притяжательных местоимений и прилагательных, разнообразие которых объясняется, видимо, тем, что на территории Владимирско-Поволжской группы взаимодействовали два процесса: с одной стороны, образование парадигмы притяжательных местоимений с мягкой основой по типу указательного местоимения с твердой основой *тот*, а с другой стороны, совпадение формы предл. и тв. п. ед. ч. прилагательных в форме тв. п. Эти два процесса были разновременными, и генетически не связанными. Первый развивался в ростово-суздальских по происхождению говорах вообще, чем и объясняется наличие в костромских говорах форм склонения притяжательных местоимений, образованных по типу склонения *тот — те* (см. выше, III, 4, § 4). Второй процесс протекал уже в восточных ср.-р. говорах. При этом в ряде говоров совпали оба процесса, что и привело к образованию разных типов парадигм притяжательных местоимений и прилагательных на разных частях территории Владимирско-Поволжской группы.

Возможные сочетания указанных форм и их связь с определенными частями территории влад.-поволж. говоров могут быть представлены на таблице 9.

§ 2. Вокализм Владимирско-Поволжской группы говоров

Ударенный вокализм. По количеству и качеству различающихся гласных фонем в сильном положении говоры Владимирско-Поволжской группы составляют одно целое с акающими говорами центра, т. е. имеют пять ударенных гласных фонем — *а*, *о*, *е*, *у*, *и*,

22 Заказ № 562

совпадающих по своему качеству с аналогичными гласными фонемами литературного языка. Этим они отличаются от ряда других говоров как северного, так и южного наречий.

Правда, в отдельных территориально разрозненных говорах Владимирско-Поволжской группы отмечают единичные и в общем не характерные для этих говоров случаи произношения закрытых /ô/ и /ê/ или /$\widehat{уо}$/ и /$\widehat{ue}$/ [35]. При этом в употреблении гласных /ô/, /$\widehat{уо}$/, /$\widehat{ôу}$/ наблюдается непоследовательность с этимологической точки зрения: /$\widehat{уо}$/ или /ô/ произносятся как в соответствии *о* под восходящим ударением, так и под нисходящим ударением, а дифтонги /$ô^у$/, /$\widehat{ôу}$/ в соответствии *о* под восходящим ударением. См., напр., /*хорош$\widehat{ôу}$, тôц'ч'нъ, тôшно, мôст*/ VI, 20, 47; /*шырô^{у}к'ий*/ VI, 20, 49; /*тôчно*/ VI, 20, 62; *скôл'ко, вôлки*/ VI, 20, 69; /*хорош$\widehat{ôу}$*/ VI, 20, 73; /*мôст*/ VI, 20, 106. Это свидетельствует о том, что в говорах Владимирско-Поволжской группы нет особого, системно-закономерного произношения гласных на месте этимологических *ô* и *ě*, наличие которого отличало бы эти говоры от других говоров центра. Возможно, также, что особое произношение ударенного *о*, зафиксированного в отдельных влад.-поволж. говорах, возникало в них под влиянием соседних согласных, которое в этих же говорах наиболее отчетливо проявляется в безударных слогах.

Из-за того, что распространение пятифонемной системы гласных, совпадающей с системой гласных литературного языка, характерно в настоящее время для всех современных русских говоров, в том числе и для тех, которым наряду с этим известен семифонемный или шестифонемный состав ударенного вокализма, говоры Владимирско-Поволжской группы по признаку количества и качества ударенных гласных не имеют достаточно определенной границы.

Сделаем некоторые замечания об ударенных гласных, находящихся в положении после мягких согласных и соответствующих этимологическим *е* (ь) — *ě*. В связи с наличием пятифонемного состава ударенных гласных находятся такие черты ударенного вокализма влад.-поволж. говоров (как и других говоров центра вообще), как наличие *о* после мягких согласных, являющееся результатом перехода гласного *е* (из *е*, ь) в *о* перед следующим твердым согласным, при регулярном произношении /*е*/ в соответствии *ě* перед следующими твердыми согласными. Наряду с этим в данных говорах возможно и совпадение в одном звучании гласных на месте *ě* и *е*, это имеет место в тех случаях, когда *е* не переходит в *о* перед твердыми согласными (см. ниже) и когда произносится *е* или *ê* на месте *ě* и *е* (ь) перед мягкими согласными.

Наличие *е* из *е*, не перешедшего в *о* в этих говорах, как и в других говорах центра, наблюдается в следующих случаях:

1. В лексике книжного происхождения или заимствованной из устного литературного языка. Ср. например: *м/é/жи, кр/е/ст, ком/é/та, инжен/é/р* и т. д.

2. В словах с исконным сочетанием **tьrt*, где после *-ьр-* были губные или задненебные согласные, например: *п/é/рвый, с/е/рп, ч/é/рпать, четв/é/рг, в/е/рх, з/é/ркало* и др.

3. В словах с гласным *е* перед сочетанием *-нск-* из старого *-н- -ьск-*, например: *ж/éнск/ая, дерев/éнск/ая* и под.

4. В словах с *е* перед *ц*: *от/éц/, куп/éц/* или перед сочетанием согласных с *ц*: *полот/éнц/е, с/éрц/е* и др.

Таким образом, закономерность употребления *е* и *о* после мягких согласных, которая является общей для всех восточных ср.-р. говоров, можно выразить так: *t'et* > *t'ot*: /*н'ос*/, /*с'ол/а* и под., при возможном *t'et* > *t'et*: /*крес/т*, /*перв/ый, о/тец*/ и под.; *t'ět* > *t'et*: /*сéн/о*, /*дéл/о* и под.; *t'et'*, *t'ět'* > *t'et'*: /*ден'*/, /*дéл'/ный*, /*сéл'/ский* и под. В положении между мягкими согласными по говорам восточных ср.-р. говоров отмечено также совпадение *ě* и *е* и в гласном *ê*, наличие которого здесь отмечают многие собиратели материалов для «Атласа», несмотря на то, что в «Программе» отсутствовал вопрос о произношении гласных, соответствующих этимологическому *е* в этом положении. Специфической особенностью говоров Владимирско-Поволжской группы по сравнению с акающими восточными ср.-р. говорами являются некоторые отличия в сфере употребления фонем ‹*е*› и ‹*о*› после мягких согласных и в закономерностях этого употребления.

1. К числу отличий этого рода относится расширение, хотя и не во всех, но именно во влад.-поволж. говорах, сферы употребления *е* за счет наличия его после твердого согласного в падежных формах прилагательных с твердой основой: предл. п. ед. ч. — *в ху/д$\breve{э}$м/*, тв. п. ед. ч. — *с ху/д$\breve{э}$м/*, им. п. мн. ч. — *ху/д$\breve{э}$и/*.

2. Отмечен во влад.-поволж. говорах ряд лексически ограниченных расхождений по сравнению с восточными ср.-р. акающими, а также и некоторыми другими говорами, в отношении употребления /*е*/ или /*о*/ в соответствии *ě*. Ср. наличие в этих говорах ударен-

---

[35] Атлас VI, карты 20, 16 и комментарии к ним.

ного /е/ (а не /о/) на месте *ě* в формах мн. ч. существительных ср. и ж. р. с подвижным ударением типа *ведрó — /вéд/ра, звездá — з/вéз/ды*; и наличие /е/ в словах с корнем *-лет-*: *по/лéт/, само/лéт/, по по/лéт/у*, но наличие /о/ в словах *о/д'бж/а, /йбж/а* (еда), */с'оф/, у/б'бк/, /з'оф/*.

Возможно, что эти последние случаи, не колеблют указанной выше закономерности произношения *t'et* в соответствии *t'ět*, если они объясняются наличием в этих говорах своего варианта приведенных слов с этимологическим *е*, а не *ě* в корне [36].

3. Во влад.-поволж. говорах является более широким круг слов, в которых произносится /е/ в исконных сочетаниях **tьrt*, как в тех случаях, когда после *р* следуют губные и задненебные согласные — */дéр/гать*, так и в тех случаях, когда за *р* следует зубной согласный: */зéр/нышки, за/вéр/нутый, про/дéр/нут, /мéр/зну, пот/вéр/же, т/вéр/же, ис/тéр/ла* и др.[37] Состав таких слов различен в разных говорах группы. Судя по тому, что на северной части территории влад.-поволж. говоров в ряде подобных слов сохраняется мягкость *р* в соседстве с губными и задненебными согласными: *в/ер'/х, з/éр'/кало, д/éр'/гать*, можно думать, что в них вообще позднее происходило отвердение *р* в указанных сочетаниях, т. е. также и перед зубными согласными.

4. Во влад.-поволж. говорах отмечается сохранение произношения /е/, а не /о/ перед твердыми согласными в некоторых словах, в которых подобное произношение может объясняться аналогическим обобщением разных словообразовательных форм слова на основе исходной формы с *е*. Например, */пен'/ — /пéн/ушек, /ш'ш'ел'/ — /ш'ш'éл/ка, яч/мéн/ — яч/мéн/ная, ре/мéн'/ — ре/мéн/ный*, а также */жерд'/ — на/жéрд/очке*; возможно такое же объяснение и для *ве/сé/лый* по аналогии с *ве/сéл'/е*.

5. В положении между мягкими согласными, где гласные *е* и *ě* совпадают в одном гласном, особенностью части влад.-поволж. говоров, главным образом калининских и муромских говоров (см. карту 48), является возможность произношения /и/ в этом положении (хотя обычно и в сосуществовании с /е/): */дин'/, з/вир'/, /вúни/к* и под. Если по материалам Атласа и остается впечатление, что произношение /и/ встречается чаще на месте исконного *ě*, то оно объясняется указанной выше особенностью «Программы», фактически же данное явление в равной степени касается исконных *е* и *ě*. Наиболее последовательно /и/ в положении *t'et'* произносится в словах, где оно находится вне чередований с гласной *е* или *о* в разных формах того же слова, как например, в корнях слов с постоянным ударением на корне: */дúв'/ерь — /дúв'/еря — /дúв'/ери, з/вир'/ — з/вúр'/а — з/вúр'/и* и под. В калининских говорах такое произношение известно не только в корнях слов, но и во флексиях: *соловúй, муравúй*, или в формах повелительного наклонения: *пий, бий* и под. В других говорах группы такой последовательности в произношении /и/ на месте *е* в положении *t'et'* не наблюдается. Характерно, что произношение /и/ в указанном положении известно и в соседстве с отвердевшими согласными: */шыр'/сть, /шыс'т'/, /жыр'/их* (название рыбы) и под., что говорит о возникновении явления до отвердения шипящих согласных [38].

Произношение /и/ между мягкими согласными именно в соответствии этимологическим *е* (ь) и *ě* свойственно главным образом окающим, а не акающим восточным ср.-р. говорам. В южнорусских говорах отмечают только лексикализованные случаи этого рода и притом в соответствии *ě*: *сúверно, дúверь, йúсть* и др. Широкое распространение этих лексикализованных случаев не свидетельствует, однако, о наличии в них регулярного соответствия *и — ě* между мягкими согласными. В говорах северного наречия произношение /и/ в соответствии *е* (ь) в положении между мягкими согласными встречается редко и притом в качестве нерегулярно сопутствующего широко распространенному произношению /и/ в соответствии *ě*.

6. Характерной чертой именно окающих, а не акающих восточных ср.-р. говоров является возможность сохранения /е/ перед мягкими согласными в тех случаях, когда в пределах форм словообразования в той же морфеме известно /о/. В этом отношении влад.-поволж. говоры сближаются с говорами Костромской группы. Ср. такое отсутствие распространения /о/ по аналогии в пределах форм словообразования в следующих случаях:

а) в суффиксе *-ечек-*, в словах с основой на шипящую согласную: *горш/é/чек, меш/é/чек*

---

[36] Ср. иное объяснение, данное С. П. Обнорским (см.: С. П. Обнорский. Переход *е* в *о* в современном русском языке. — в сб. «А. А. Шахматов». Под ред. С. П. Обнорского. М., 1947).

[37] Материал извлечен из комментариев к карте 15 Атласа VI, стр. 417, 421.

[38] О том же см.: Д. И. Алексеев. Об одной фонетической особенности владимирско-поволжских говоров (о переходе *е* в *и* под ударением). «Уч. Зап. Куйбышевского пед. ин-та», 1954, вып. 12.

при обычных *горш/ó/к*, *меш/ó/к*, а также при *де/н'ó/чек*, *пе/н'ó/чек*;

б) в основах слов перед следующей мягкой согласной: */зелёнен'кий*, *солёнин'кий/* (при *зе/-л'ó/ный*, *со/л'ó/ный* и др.); */заозéр'йе*, *брéвен*, *берéз'ник*, *две берéзины*, *жэш'ш'е*, *од'éнйа/* и др. (при *о/з'óр/*, *б/р'óв/на*, *бе/р'óз/а* и под.);

в) в основе слова перед сочетанием согласных, из которых последний мягок: */тéмнен'ку*, *пéстрин'къй*, *зас'тéгнисса*, *тéплен'къй*, *при-ч'éтник*, *берéзн'ак*, *кружéвнику/*;

г) в словах с сочетанием **tьrt*, где имеется сочетание твердого *р* с последующим мягким согласным: */тéрли*, *мéрли*, *умéрли*, *примéрзли*, *отвéрнет*, *дéрн'ат*, *чéрнен'ким*, *зачéрс'т'вел*, *попéрли/* и др.; или с группой из трех согласных, из которых последний мягок: */замéрзли*, *почéрпниш*, *зачéрпнем/*. В указанных случаях сохранения /е/ перед сочетанием согласных, из которых последний является мягким, можно допустить полумягкость (или мягкость, не обозначенную собирателем) первого согласного, входящего в группу согласных после *е*, что могло задерживать переход *е* > *о* [39] в категории таких слов. Элементы позиционного чередования *о—е* в разных формах словоизменения сохраняются во влад.-поволж. говорах иногда в местных топонимических названиях: в названии реки — *Мс/т'ó/ра — /во Мстéре/*, в названии деревни — *Ме/ш'ш'ó/ра — /в Ме-ш'ш'éре/*.

Таким образом, можно отметить, что гласный /о/ в соответствии *е* перед мягкими согласными в говорах Владимирско-Поволжской группы произносится постоянно только во флексиях существительных, обобщенных по типу твердой разновидности склонения. Например, *зем/л'-óй/* по типу *же/н-óй/*, или во 2-м л. мн. ч. глаголов — *не/с'óте/*, где гласный /о/ обобщился по типу форм 2-го и 3-го л. ед. ч. и 1-го л. мн. ч. В других возможных случаях произношения /о/ на месте *е* перед мягкими согласными в говорах этой группы единства нет: более последовательно /о/ в соответствии с *е* произносится в формах словоизменения, менее последовательно — в пределах форм словообразования. Этот факт определенно свидетельствует о разном времени появления /о/ на на месте *е* по аналогии в разных категориях случаев: во флексиях произношение /о/ на месте *е* появилось рано; позднее /о/ вытеснило /е/ по аналогии в формах словоизменения перед мягкими согласными; наиболее поздно произношение /о/ на месте *е* появлялось при словообразовательных формах. В современных говорах Владимирско-Поволжской группы наблюдается как бы два, притом противоположных, процесса расширения аналогического произношения /о/ и /е/ в соответствии *е*. Один процесс совпадает с нормой литературного языка. Он заключается в становлении двух самостоятельных фонем ‹*о*› и ‹*е*›, различающихся как перед твердыми, так и перед мягкими согласными не только в составе флексий, но и в составе корней слов. При этом частично возможное еще чередование *о—е* в зависимости от твердости — мягкости последующего согласного типа *Мс/т'óр/а — во Мс/тéр'/е* и *зе/л'óн/ый — зе/лён'/енький* является во влад.-поволж. говорах пережитком старых отношений. Другой процесс, видимо, чисто местного характера, заключается в том, что аналогическое обобщение чередующихся гласных *о* и *е* внутри морфемы при разных словообразовательных формах совершается за счет гласной *е*, а не *о*, например: */пéн/ушек* — от */пен'/*; *ре/мéн/ная — ре/мéн'/* и под. Этот процесс поддерживается во влад.-поволж. говорах возможностью произношения гласного /е/ не только в положении перед мягкими согласными, где в /е/ совпадают гласные *е* и *о*, но и перед твердыми согласными на месте старого *ě*, а также в соответствии *е* (*ь*) в определенных случаях (см. выше). Система употребления фонем ‹*е*› и ‹*о*›, при которой одна из них ‹*е*› употребляется как перед твердыми, так и перед мягкими согласными и дает возможность аналогического обобщения обратного, чем в литературном языке, порядка: под влиянием форм, имеющих /е/ перед мягкими согласными, возникают формы с /е/ перед твердыми согласными, не связанные, однако, с задержкой перехода *е* > *о* перед твердыми согласными в этих говорах («ложные случаи неперехода *е* > *о*»).

В соответствии этимологическому *а* после мягких согласных в данных говорах произносится /а/ независимо от качества последующего мягкого или твердого согласного. Однако имеются случаи лексического и лексико-морфологического характера, когда в соответствии *а* между мягкими согласными произносится /е/. Таково произношение с гласным /е/ слов *опéть* и (гораздо реже) *племéнник*, ареалы распространения которых охватывают некоторые говоры центральной части территории группы [40].

---

[39] См. об этом: В. Н. Сидоров. Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье. — В кн.: «Из истории звуков русского языка». М., 1966; С. К. Пожарицкая. Проблема изменения *е* в *о* в северновеликорусском наречии в свете данных лингвистической географии. — В сб.: «Вопросы диалектологии восточнославянских языков». М., 1964.

[40] См. карты № 22, 23 Атласа VI.

В небольшой группе говоров Владимирского р-на (расположенных южнее г. Владимира) отмечены случаи произношения с /е/ на месте *а* таких слов, как /*п'ет'*/, /*чей*/ (=пять, чай). На центральной и восточной частях территории говоров Владимирско-Поволжской группы распространено произношение /е/ на месте *а* преимущественно в глаголах с основой на мягкую шипящую согласную, но при этом не только в форме инфинитива, где *а* находится в положении между мягкими согласными, но и в форме прошедшего времени, где *а* находится перед следующим твердым: *кри/че́т'/ — кри/че́л/*; *пи/ш'ш'е́т'/ — пи/ш'ш'е́л/* и под. Только в восточной части территории находятся говоры, в которых эту особенность последовательно разделяют и глаголы с основой на отвердевшую шипящую: *ды/ше́т'/ — ды/ше́л/*. Приведенные факты скорее всего свидетельствуют о нефонетическом пути возникновения произношения /е/ вместо *а* в указанных говорах (см. I, 1, § 1).

Особых замечаний требуют случаи произношения /о/ на месте *а* в формах глаголов прошедшего времени — *т/р'а/с*, *зап/р'а/г*, произносимых как *т/р'о/с*, *зап/р'о́/г*, что наблюдается только в говорах южной части территории группы, где глаголы *трясти* и *запрячь* входят, видимо, в общую лексико-морфологическую группу глаголов с чередованием гласных корня типа *нести́ — нёс*, *печь* (*печи́*) — *пёк*, *лечь* (*лечи́*) — *лёг* и отличаются от глаголов этого типа только характером гласной 1-го предударного и ударенного слогов. Многочисленность глаголов, представляющих отношения типа *нести́ — нёс*, начавшиеся процессы неразличения гласных 1-го предударного слога после мягких согласных в отдельных говорах на южной части территории группы (см. ниже), а также непосредственное влияние говоров, расположенных к югу от влад.-поволж. говоров, привели к тому, что в глаголах *трясти* и *запрячь* произошло обобщение ударенного коренного гласного в форме прошедшего времени по типу глаголов продуктивного класса.

Описанные особенности ударенного вокализма говоров Владимирско-Поволжской группы выделяют их среди других центральных говоров, но не имеют четких границ своего распространения, а тем самым не служат и для проведения границ данной группы говоров. Это объясняется тем, что одни из этих особенностей не охватывают всю территорию группы, другие не имеют в ее пределах исключительного распространения, а всегда сосуществуют с явлениями, имеющими распространение во всех говорах центра; наконец, некоторые особенности ударенного вокализма Владимирско-Поволжской группы являются чертами, свойственными одновременно всему северному наречию или большей части его говоров; при этом точную границу их распространения, а также специфику их именно в данных говорах установить на имеющемся материале не удается.

Безударный вокализм. Границы говоров Владимирско-Поволжской группы хорошо выделяются на основе взаимосвязанного комплекса черт безударного вокализма, хотя отдельные элементы этого комплекса, взятые изолированно, известны говорам северного и южного наречий. Однако, будучи связанными в пределах произношения одного слова, они создают такую специфику безударного вокализма говоров, которая характерна только для данной группы. Кроме того, имеются и такие диалектные особенности изучаемых говоров, которые сами по себе являются характерными только для них.

Основной особенностью безударного вокализма говоров Владимирско-Поволжской группы является неодинаковая сила слогов в зависимости от места их в слове по отношению к ударению, а также, частично, от места слова в потоке речи и от экспрессивной окраски речи.

Наблюдения над соотношением гласных безударных слогов по их экспираторной силе показывают, что в системе предударного вокализма имеется резкая разница между гласными 1-го предударного слога сравнительно со 2-м (и более удаленными от ударенного) слогами: гласный 1-го предударного слога произносится почти с той же силой, что и гласный под ударением, а гласные других предударных слогов всегда значительно короче и слабее как ударенного, так и 1-го предударного гласных, с чем и связана возможность редукции гласных 2-го предударного слога вплоть до нуля в речевом потоке, что и наблюдается в некоторых говорах группы [41].

В заударном положении при наличии нескольких слогов наиболее кратким является гласный неконечного заударного слога. Слоги заударные конечные — закрытый и открытый — обычно полновесны (кроме случаев их редукции в потоке речи), хотя качество гласных этих слогов зависит не только от фонетической позиции, но и от действия морфологических закономерностей и не бывает однородным для

[41] Р. И. Аванесов. Очерки, стр. 58—60; П. С. Кузнецов. К вопросу о качестве безударных гласных не первого предударного слога в акающих говорах. «Бюллетень Диалектологического сектора Ин-та русского языка (АН СССР)», вып. 2, 1948.

всех говоров группы [42]. Такой характер распределения экспираторной силы слогов слова приводит к тому, что в говорах этой группы количество и качество гласных, различающихся в разных по отношению к ударению безударных слогах, различно.

Положение после твердых согласных. Первый предударный слог. Следствием указанных особенностей распределения экспираторной силы слогов в пределах слова во влад.-поволж. говорах является сильное положение гласных 1-го предударного слога. Поэтому в данном положении после твердых согласных различаются те же гласные, что и под ударением, т. е. *а*, *о*, *у*,*и* (*ы*).

По вопросу о качестве предударного *о* во влад.-поволж. говорах высказывалось мнение о его лабиализованном характере и о более высоком подъеме как об отличительном признаке этих говоров. Выше указывалось, что такая характеристика предударного /*о*/ не поддерживается современными данными (см. II, 2, § 2). Можно указать, что лишь в некоторых говорах, расположенных вокруг г. Владимира и вдоль течения р. Нерль, отмечена возможность произношения /*о*/ лабиализованного, более высокого подъема, чем обычное *о*. Но данные этих немногочисленных говоров могут скорее свидетельствовать не вообще о характере гласного *о* в 1-м предударном слоге, а о возможности произношения /*ô*, *о^{у}*/ (за исключением совершенно единичных случаев) в определенных фонетических положениях, а именно в соседстве с губными и задненёбными согласными или перед ударенным гласным *у* [43]. Важно учитывать и то, что в тех же говорах, как правило, не отмечают повышенной лабиализации *о* под ударением. Отмеченные же единичные случаи особого произношения *о* (см. выше) ни по характеру, ни по фонетическим условиям их появления не имеют ничего общего со случаями лабиализации *о* в 1-м предударном слоге. Таким образом, закономерности появления даже упомянутых единичных случаев лабиализованного *о* в 1-м предударном слоге совсем не совпадают с закономерностью употребления /*о*/ особого качества под ударением, чем изучаемые говоры и отличаются от говоров северного наречия (см. выше), а определяются дополнительными фонетическими условиями, а именно контекстом согласных, имеющим ощутительную роль в лабиализации *о* в этих же говорах во 2-м предударном слоге (см. ниже).

Обычно гласные неверхнего подъема, различающиеся в 1-м предударном слоге после твердых согласных, употребляются этимологически правильно как при наличии соответствия с гласным под ударением: *ст/о/л — ст/о/лы́*, *д/о/м — д/о/ма́*; *с/а/д — с/а/ды́*, *тр/а/вы́ — тр/а́/вы*, так и при отсутствии форм того же слова, где эти гласные были бы под ударением: *к/о/лхо́з*, *к/о/не́чно*, *к/о/ро́ва*, *х/о/-ро́ший*, *с/о/ба́ка* и другие, *к/а/рто́шка*, *к/а/-пу́ста*, *м/а/ши́на* и др.

Наличие /*а*/ в соответствии *о* наблюдается почти исключительно в лексике, заимствованной в акающей огласовке из других, южных говоров или литературного языка. Так, в ряде говоров Владимирско-Поволжской группы с *а* в 1-м предударном слоге произносятся следующие слова: *р/а/то́нда*, */пат/ре́т*, *м/а/на́х*, *м/а/на́шка*, *к/а/ра́бль*, *л/а/ха́нка*, *х/а/ле́ра*, *ш/а/фёр*, *м/а/то́р*, *б/а/сто́н*, *д/а/кла́д*, *к/а/ми́ссия*, *к/а/нто́ра*, *к/а/нфе́та*, *к/а/рзи́на*, *п/а/-го́ны*, *с/а/лда́т*, *к/а/тле́ты*, *т/а/ва́р*, *к/а/мба́йн*, *с/а/вхо́з* и др. Случаи произношения типа *н/а/чле́г*, *н/а/чу́ем*, распространенные во влад.-поволж. говорах, рассматривают как образованные от основы с продленным гласным.

В отдельных говорах, часто расположенных компактно, имеются отдельные слова с произношением /*о*/ в соответствии этимологическому *а* типа *з/о/бо́р*, *б/о/ра́н*, *ст/о/ка́н*, */о/мба́р*, причем случаи этого рода распространены не повсеместно по говорам данной группы и обычно не сочетаются друг с другом в отдельных говорах.

В результате сравнения и изучения данных о колебании в произношении предударных гласных *а* и *о*, непроверяемых ударением, в соответствии этимологическому *о* в говорах северного наречия и в восточных ср.-р. окающих говорах (см. выше соответствующие данные по говорам северного наречия), можно прийти к выводу, что количество корней, в которых этимологически неверно употребляется гласный *о* в 1-м предударном слоге в говорах северного наречия больше, чем во влад.-поволж. говорах. Создается такое впечатление, что для ряда говоров Владимирско-Поволжской группы, в отличие от говоров северного наречия, характерна тенденция сохранения по традиции этимологически правильного употребления *а* и *о*, непроверяемых

---

[42] Р. И. Аванесов. Очерки, стр. 61, 113.

[43] См.: Атлас VI, вступительные статьи; карта 1 и комментарий к ней, стр. 315—316, где из всех приведенных случаев только два, отмеченных в разных говорах, не связаны с этим фонетическим условием: *р/ô/са́*, *р/о͡^{у}/дно́й*. Несмотря на то что частотность употребления задненебных и губных согласных по сравнению с другими согласными очень большая, нельзя толковать только ею избирательные случаи лабиализации *о* в этих говорах.

ударением. Однако резкой границы по этой черте между говорами Владимирско-Поволжской группы и говорами северного наречия нет, так как в каждом говоре северного наречия и во многих говорах Владимирско-Поволжской группы имеется свой набор лексики с гласным /о/ в соответствии с этимологическим *а* в 1-м предударном слоге.

Как случаи лабиализации предударного *о* в отдельных говорах Владимирско-Поволжской группы, так и степень этимологически правильного различения предударных *а* и *о*, непроверяемых ударением, не изменяют общей закономерности последовательного различения гласных 1-го предударного слога после твердых согласных, которая является общей для влад.-поволж. говоров и говоров северного наречия [44]. Согласно этой закономерности в данных говорах гласные 1-го предударного слога находятся в сильном положении, т. е. в этом положении различаются те же гласные, что и под ударением. По наличию этой закономерности влад.-поволж. говоры резко отличаются от расположенных к югу от них акающих восточных ср.-р. говоров.

Положение после мягких согласных. Первый предударный слог. Несмотря на то что положение гласных в 1-м предударном слоге является сильным в говорах Владимирско-Поволжской группы, уже в данной позиции после твердых согласных обнаруживались некоторые особенности употребления гласных в этом положении, которые указывали на самостоятельность этого положения и наличие в нем таких тенденций произношения гласных, которых нет в ударенном слоге (см., например, возможность лабиализации *о* и др.). Это же с еще большей очевидностью наблюдается в 1-м предударном слоге после мягких согласных.

В позиции перед следующим твердым согласным здесь, как и под ударением, различаются /о, е, а, и, у/, находящиеся в соответствии с этимологическими гласными *е*, *ě* (или в определенных категориях случаев также *е*), *а*, *и*, *у*; перед мягкими согласными —/е/ (или наряду с ним /и/) в соответствии как *ě*, так и *е*, /а, и, у/. Особенности вокализма 1-го предударного слога после мягких согласных являются наиболее характерными для влад.-поволж. говоров. Это не означает, что отдельные говоры в пределах этой группы не имеют своих особенностей в данном отношении, однако имеющиеся в пределах группы разновидности предударного вокализма всегда основаны по сути дела на одной и той же внутренне единой закономерности.

Итак, перед твердыми согласными в соответствии этимологическим *е*, *ь* произносится /о/ и /е/: /*см'ота́на*, *с'остра́*, *л'огла́*, *кър'осо́*, *св'окро́ф'*, *бъйово́й*, *з'орно́*, *в'осно́й*, *в'ирт'оно́*, *н'осу́*, *д'ору́т*, *пъв'озу́*/ и т. д., но /*ме/жа́*, *к/ре/ста́*, /*ле/ка́рство*, *о/пе/ра́ция* и т. д. *на/ве/рху́*, *чьт/ве/рга́*, /*се/рпа́*, *с/пе/рва́* и под. (остальные категории слов, в которых под ударением нет перехода *е* $>$ *о*, не имеют *е* в 1-м предударном слоге); в соответствии этимологическому *ě* произносится /е/ и /о/: /*река́*, *ведра́*, *утреза́ла*, *погреба́ть*, *цветко́ф*, *вено́к*, *в лесу́*, *на свету́*/ и т. д., но /*од'ова́тца*, *б'огу́т*/ и под., а также в ряде говоров: /*п'о/ту́х*, *с/л'о/по́й*, *д/в'о/на́дцать*, /*в'о/дро́* и под. (подробно см. ниже). В положении перед мягкими согласными на месте *ě* и на месте *е* произносится один гласный, которым в большинстве говоров является /е/, а в меньшинстве говоров — /и/: /*реки́*, *привели́*, *сем'ии́*, *стели́ли*, *застрели́лся*, *бер'о́к*, *ден'о́к*, *лем'о́х*/ и т. д. В соответствии *а*, как правило, произносится /а/ как перед твердыми, так и перед мягкими согласными. Подобно тому, как в положении под ударением имеются свои особенности употребления и свое распределение случаев произношения /е/ и /о/ в разных лексических пластах и разных морфемах, связанное с постоянным сосуществованием в языке старых фонетических законов и новых тенденций развития, так и в положении 1-го предударного слога имеются такие особенности, которые осложняют основную систему различения и обнаруживают разные тенденции ее развития в разных говорах группы, создавая специфику вокализма 1-го предударного слога в отношении гласных неверхнего подъема. Чтобы выявить эту специфику, рассмотрим закономерности и особенности употребления каждого из физически различающихся в 1-м предударном слоге гласных неверхнего подъема, чему и посвящаются последующие разделы очерка.

Произношение гласного /о/. Гласный /о/ в соответствии с *е* перед твердыми согласными произносится в самом различном кругу слов, в одних из которых гласные 1-го предударного слога непосредственно соотносятся с гласными ударенного слога: /*н'о/с* — /*н'о/су́*, /*с'о́/стры* — /*с'о/стра́*, /*с'о́/ла* — /*с'о/ло́*, /*з'о́/рна* — /*з'о/рно́*, /*т'о́/плый* — /*т'о/пло́* и т. д., а в других находятся вне

[44] Это не относится только к гласному *е*, наличие которого под ударением определяется рядом предпосылок лексико-грамматического характера (ср. случаи *худэи*, в *худём*), которые отсутствуют в предударном положении.

такого соответствия: */б'о/ру́*, */д'о/ру́*[45]. При наличии соотнесенности предударного гласного с ударенным степень этой соотнесенности различна в разных из приведенных категорий случаев[46]. Устойчивость произношения */о/* в указанной позиции может свидетельствовать о собственно фонетическом характере такого употребления гласных и о его возникновении в результате фонетического процесса. Эта же зависимость от фонетического положения подчеркивается и тем, что перед позднее отвердевшими согласными в этих говорах произносится */е/*, а не *о*: *в/ер/хо́м*, *м/ен/шо́й* и под.

При широком и регулярном произношении предударного */о/* перед твердым согласным (о некоторых отступлениях от этого см. ниже) случаи его произношения перед мягким согласным единичны в каждом отдельном говоре и в значительной мере случайны: закономерно последовательного произношения */о/* перед мягким согласным, подобного случаям такого произношения под ударением (типа *зем/л'о́/й*, *бе/р'о́/зе* и под.), в 1-м предударном слоге нет. Поэтому для 1-го предударного слога характерно наличие регулярного фонетического чередования *о—е* в соответствии с *е* перед твердыми — мягкими согласными типа */н'о/су́ — /не/си́*; */с'о/ло́ — в /се/ле́* и под., которое под ударением сохраняется лишь как реликт (см. выше). Это объясняется тем, что употребление */о/* между мягкими согласными под ударением связано, как известно, только со случаями морфологической аналогии во флексиях, чего не может быть в предударном положении, или со случаями аналогического обобщения в корнях слов или суффиксах (см. выше). Обобщение же предударного гласного */о/* в основах по образцу положения перед твердыми согласными, подобное случаям *бе/р'о́/за — на бе/р'о́/зе*, встречается очень редко и всегда является непоследовательным; см. такие случаи в положении перед сочетанием твердого согласного с мягким типа */с'о/стре́*, */с'ост'о́р/* — по аналогии с */с'о/стра́*, */с'о/стру́* и т. д.; */п'о/кли́* по аналогии с */п'о/кла́*; *у/н'о/сли́ — /н'о/сла́* и т. д. Единичность случаев произношения */о/* в этих положениях подтверждает ту, уже высказывавшуюся точку зрения, что сочетания согласных типа *tt'* по их воздействию на предударный гласный равны мягкому согласному. И в ударенном, и в предударном положении перед этими группами согласных во влад.-поволж. говорах регулярно произносится */е/*. Поэтому случаи типа */с'о/стре́* рассматриваются нами как нарушение этой закономерности и как действие процессов обобщения основ. Встречаются также факультативные и территориально не приуроченные случаи произношения */о/* аналогического происхождения и перед мягкими согласными. Среди них имеются такие, которые можно объяснить процессом обобщения основы, типа */п'о/ку́ — /п'о/ки́*, и такие, которые подобному объяснению не подлежат, типа */в'ор'о́фку/* (причем случаи этого рода встречаются не только на месте *е*, но и на месте *ě* в тех говорах, где в целом ряде категорий слов на месте *ě* перед твердыми согласными произносится */о/*). См., например: */д'ори́/* VI, 38; */в'ос'ти́/* VI 44; */в'ор'о́фку/* VI 75; */пшони́цу, нъ пир'ове́с, с'омйо́й/* VI 148; */т'ор'а́йет/* VI 223; */д'ор'о́т/* VI 416; */н'оде́л'у/* VI 427, (а также: */в йоде́/* VI 412).

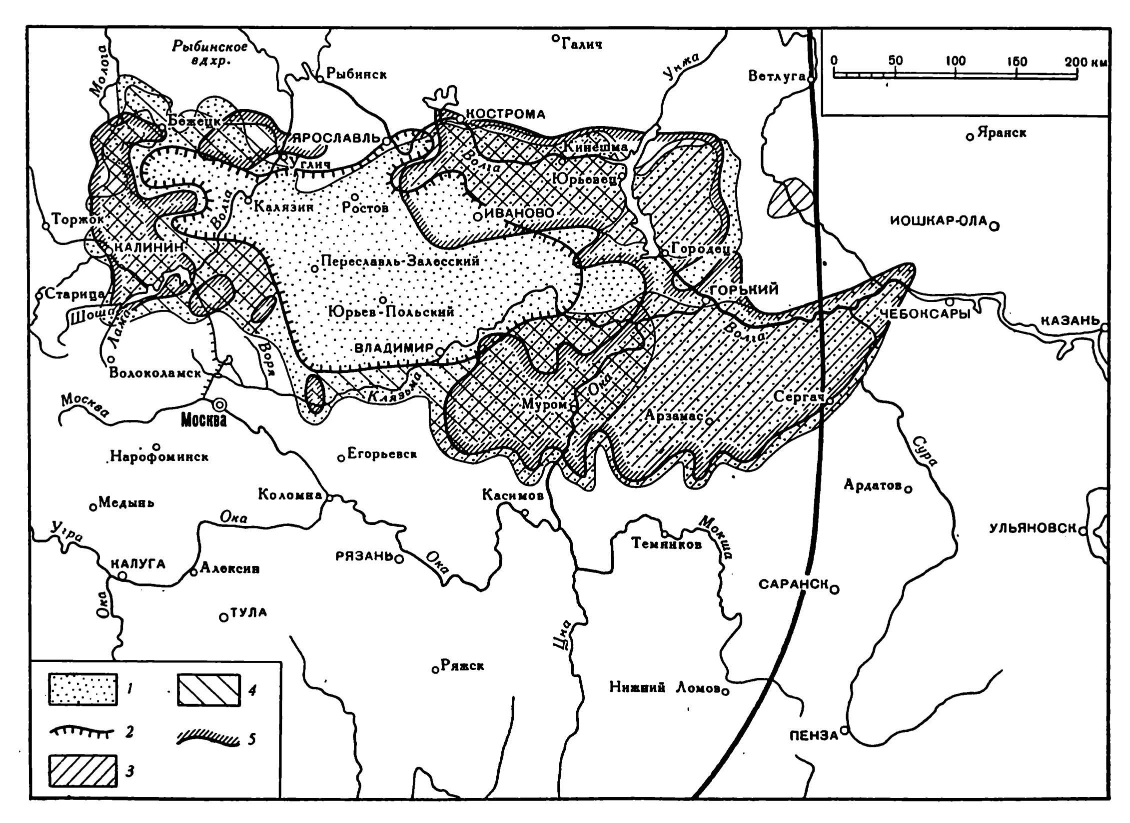
Несмотря на малочисленность случаев произношения */о/* на месте *е* перед мягкими согласными, можно увидеть, что закономерность их появления в ряде случаев другая, чем под ударением, так как их появление нельзя всегда свести к процессам аналогического обобщения. Здесь скорее сказывается неустойчивость нормы, свойственная диалектным явлениям вообще, и действие тенденции (хотя и очень слабо проявляющейся и непродуктивной в этих говорах) произносить в предударном слоге один гласный независимо от качества последующего твердого — мягкого согласного во всех словах в соответствии ударенному *е*. Однако этой тенденции противостоят в данных говорах другие тенденции развития предударного вокализма, имеющие больше предпосылок для их осуществления.

Наряду с регулярным произношением */о/* в соответствии этимологическому *е* в 1-м предударном слоге перед твердыми согласными в части влад.-поволж. говоров наблюдается возможность, хотя и не одинаковая в отношении разного состава слов, произношения */о/* (обычно наряду с */е/*) в соответствии *ě*. Этим самым в них расширяется сфера употребления гласного */о/*, хотя различение *о* и *е* в общем и не нарушается.

Изучение материала показывает, что возможность произношения */о/* в соответствии *ě* в 1-м предударном слоге имеется только в тех говорах, в которых перед твердыми согласными на месте этимологического *е* произ-

[45] Более полный набор слов этой категории см.: С. К. Пожарицкая. Типы вокализма 1-го предударного слога после мягких согласных в северновеликорусских говорах. Канд. дисс. М., 1962.

[46] Е. С. Скобликова. О судьбе этимологического *ѣ* в первом предударном слоге перед твердыми согласными в говорах влад.-поволж. группы. «Материалы и исследования по русской диалектологии», Новая серия, т. 3, 1962.

Карта 99

Гласные в соответствии *е* и *ё* в 1-м предударном слоге перед твердыми согласными:

1 — /о/ в соответствии *е*: */н'о/сý, с/м'о/тáна*; *2* — /е/ в соответствии *ё*: */де/лá, /ре/кá, с/ле/пóй*; *3* — /о/ в соответствии *ё* в словах типа *двенадцать, слепой*: *д/в'о/нáдцать, с/л'о/пóй*; *4* — /о/ в соответствии *ё* в словах типа *беда, лес*: */б'о/дá, в /л'о/сý*; *5* — /о/ в соответствии *ё* в словах типа *ведро*: */в'о/дрó, г/н'о/здó*

носится /о/, а на месте этимологического *ё* и *е*, не перешедшего в *о*, произносится /е/. Такие условия в полной мере имеются только в говорах Владимирско-Поволжской группы [47], хотя произношение /о/ в соответствии *ё* известно не всем ее говорам (см. карту 99).

Приведенная карта показывает прежде всего, что для всех говоров Владимирско-Поволжской группы в 1-м предударном слоге после мягких согласных характерно различение гласных неверхнего подъема типа *о—е* и что произношение /о/ в соответствии *ё* чаще всего осуществляется лишь в определенных лексических пластах или категориях слов и не колеблет различения *о—е—а*.

При этом говоры Владимирско-Поволжской группы различаются в зависимости от того, употребляется ли /о/ в соответствии *ё* при наличии такого же произношения под ударением или нет. Так, в центре территории группы (см. карту 99) такое соответствие является последовательным и предударный гласный /о/ произносится в этих говорах в тех словах, в которых под ударением также произносится /о/ в соответствии *ё* (см. выше, IV, 3, § 2). Таковы разные слова с корнем *-дев-*, *-бег-* (например, *о/д'о/вáюсь*, */б'о/гý*), глаголы с корнями *-сев-*, *-зев-* (например, *за/с'о/вáть*; */з'о/вáть*). (Особенно распространенным является произношение с гласным /о/ слов с корнем *-дев-* и *-бег-*). Выше высказывалось предположение о наличии в указанных корнях этимологического *е*, а не *ё* в данных говорах. Тем самым данные случаи, в сущности, не имеют отношения к вопросу о распространении произношения *о* за счет *ё* как под ударением так и в 1-м предударном слоге. В говорах этой же части территории произношение /о/ в соответствии *ё* изредка возможно и в некоторых других словах, таких, как */п'о/тýх*, в некоторых формах слов с кор-

[47] Имеются также некоторые группы говоров в южной части Вологодской группы, территориально отделенные от говоров Владимирско-Поволжской группы, в которых также могут произноситься /о/ и /е/ в 1-м предударном и следовательно *о* в соответствии с *ё* (см. об этом III, 2, § 2).

нем *-цвет-*, например, *ц/в'о/ты́*, или в форме *ц/в'о/ту́т*, однако при постоянном наличии *е* в слове *ц/ве/то́к*. Является редким, нерегулярным, но возможным в отдельных говорах произношение /о/ на месте *ě* в существительных ж. р. с подвижным ударением, имеющих в форме ед. ч. ударение постоянно на конечном слоге, в формах мн. ч. — на основе, например */б'о/да́*, */б'о/ду́*, но */бé/ды*, */бé/дам*, и в существительных м. р. с подвижным ударением типа *лес — лéса*: *в /л'о/су́ — /л'о/са́*. На окраинных частях территории этой группы, особенно на юго-восточной ее части, /о/ на месте *ě* в 1-м предударном слоге произносится в широком кругу слов при наличии в этих же словах /е/ под ударением. Случаи произношения предударного /о/ в соответствии этимологическому *ě* встречаются в следующих лексико-морфологических категориях слов:

1. У существительных с неподвижным ударением на окончании, вследствие чего гласный 1-го предударного слога которых никогда не оказывается под ударением: *песо́к — песка́ — пески́*, *пету́х — петуха́ — петухи́*, *цвето́к — цветка́ — цветы́* и др.

2. В словах, предударный гласный которых не бывает под ударением в формах словоизменения, но возможен в этом положении при словообразовании, например, *двена́дцать* при *две*; *слепо́й*, *-óе*, *-а́я*, *-ы́е*, *-óго*. . . при *ослéп*; *еда́*, *-ы́* при *есть — ешь*, *ёжа*; ср. и в глаголах *света́ть* при *свет*, *свéтлый; распева́ть* при *петь*, *поспева́ть — поспéть*.

3. У существительных, гласный 1-го предударного слога которых возможен под ударением в формах ед. или мн. ч. В зависимости от системы ударения в соответствующих парадигмах могут быть выделены следующие группы существительных:

а) слова ж. р. с постоянным ударением на окончании в формах ед. ч. и с переносом ударения на основу в формах мн. ч.; *река́ — реки́*, *реку́ — рéки*; *беда́ — беду́ — бéды*;

б) слова м. р. с постоянным ударением на основе, кроме форм местного падежа на *-у* в ед. ч. и с переносом ударения на окончание в формах мн. ч.: *лес*, *лéса*, *лéсу*. . . *в лесу́ — леса́*.

в) слова ср. р. с постоянным ударением на окончании в ед. ч. и с постоянным ударением на основе во мн. ч.: *ведро́*, *ведра́*, *ведру́ — вёдра*.

4. В глаголах с неподвижным ударением на окончании в личных формах и, следовательно, с непроверяемым гласным в пределах форм словоизменения: *цвету́ — цвету́т*, но с прояснением гласного в форме прошедшего времени м. р.: *цвести́ — цвел*.

Во всех этих категориях слов в говорах, знающих употребление /о/ за счет *ě*, гласный /о/ произносится с разной последовательностью и кроме того имеются категории слов, в которых при почти сходных типах распределения ударения /о/ в соответствии *ě* вообще не произносится.

Таковы, например, имена существительные ср. р. с постоянным ударением на корне в формах ед. ч. и с переносом ударения на окончание в формах мн. ч. типа *дéло — дéла*, *дела́* (*мéсто — места́*, *сéно—сена́* и др.), в которых произношение предударного /о/ во мн. ч. вообще не встречается. Разница в характере употребления гласного /о/ в словах выделенных категорий на разных частях территории группы наглядно выступает и в числовом соотношении. Если сопоставить употребление /о/ и /е/ в соответствии *ě* в кругу выделенных слов или лексико-грамматических категорий на востоке и в центре группы (при этом условно берется два или три квадрата на карте на востоке и западе с одинаковым количеством нас. п. и производится суммарный подсчет встреченных случаев с произношением /о/ в каждой лексико-грамматической категории), то таблица покажет числовое и процентное соотношение случаев произношения *о* на месте *ě* в говорах.

Таблица 10

Лексико-грамматические категории слов \ Части территор. групп	Западная	Восточная	Употребление форм с о в западных говорах сравнительно с восточными (%)
1. Слова с корнем *-дев-*	47	51	92
-бег-	38	45	около 85
2. Слова *слепой*	4	145	около 3
двенадцать	8	65	12
еда	—	18	—
3. Существительные			
типа *беда, река*	12	41	около 30
типа *лес, снег*	20	50	40

Таблица показывает, что если распространение слов с корнем *-дев-*, *-бег-* с гласным *о* в 1-м предударном слоге в общем безразлично к территории, то слова с непроверяемым гласным 1-го предударного слога типа *д/в'о/надцать*, *с/л'о/пой*, */йо/да* произносятся с гласным /о/ только на периферии территории данной группы и почти отсутствуют в ее центре, где их упо-

требление нетипично. Случаи же произношения /о/ в формах слов типа *река*, *лес* возможны на всей территории группы, но употребление их очень нерегулярно в каждом отдельном говоре группы. При этом частотность их употребления также увеличивается на востоке группы и на других ее окраинных территориях.

Подобную же соотносительную таблицу, свидетельствующую о неравномерном распространении /о/ на месте *ě* в разных говорах Владимирско-Поволжской группы можно было бы представить и для других категорий слов, в которых возможно подобное произношение.

Приведенные данные показывают, что произношение /о/ в соответствии *ě* не может считаться типичным для всех влад.-поволж. говоров, поскольку случаи такого произношения не являются всеобщими для говоров группы, а при их наличии они являются ограниченными лексически или лексико-грамматически или ложными по своему характеру, соответствуя произношению /о/ под ударением [48]. Сходная оценка данного явления уже появлялась в печати, в статье Е. С. Скобликовой, которая указывала, что «возможность произношения *о* на месте предударного *ѣ*. . . связана с тем, в какой степени в том или ином слове сохраняется соотнесенность предударного гласного с соответствующим ударенным. . . Разного рода изменения произношения, идущие в разрез с этимологическим характером звука, возникают чаще всего там, где по тем или иным причинам ослаблена соотнесенность безударного гласного с ударенным» [49].

Однако, как показывает анализ материала, дело заключается не только в наличии или отсутствии соотнесенности ударенного и безударного гласного. Примерно при одних и тех же условиях соотнесенности распространение /о/ на месте *ě* зависит от наличия или отсутствия модели с /о/ на месте *е* в той же лексико-морфологической категории случаев.

Как исследование Е. С. Скобликовой, так и материалы, которыми располагаем мы, дают основание для того, чтобы прийти к выводу, что произношение /о/ в соответствии *ě* — явление позднее, развившееся в говорах на основе исконного различения в 1-м предударном слоге гласных *о—е* в соответствии *е—ě*.

Указанная оценка различения *о—о/е* как более позднего по сравнению с различением *о—е* расходится с той, которая была высказана В. Н. Сидоровым при изучении им истории умеренного яканья. Объясняя возникновение умеренного яканья, распространенного в части восточных ср.-р. говоров, как развившегося на основе различения гласных влад.-поволж. типа, В. Н. Сидоров [50] исходил из представления о том, что основным типом вокализма после мягких перед твердыми согласными являлся вокализм *о—о—а*. Вокализм *о—е—а* он объяснял поздними процессами: отходом от ёканья, который прежде всего осуществлялся в соответствии *ě*, т. к. в этом случае предударное /о/ не соответствовало наличию /о/ под ударением. Ср. */в'о/сна́ — /в'о́/сны*, но */р'о/ка́ — /р'е́/ки*, в связи с чем появлялась */ре/ка́* и под. Исходя из этого В. Н. Сидоров приходит к следующему выводу: «из ёканья с последовательным *'о* на месте *е* и *ѣ* уже после того как сформировалась основная масса среднерусских говоров, стало развиваться во влад.-поволж. говорах, не подвергшихся влиянию аканья, ёканье с непоследовательным *'о* на месте *ѣ*, которое, таким образом, является, по сравнению с первым, более новым образованием, как это уже предполагал П. С. Кузнецов» [51].

Анализ современных данных о произношении /о/ в соответствии *ě* во влад.-поволж. говорах не подтверждает эту точку зрения. На значительной, наиболее центральной части их территории произношение предударного /о/ в соответствии *е* из *ě* отсутствует (см. карту 99). При этом наличие в этих говорах группы различения предударных *о—е* нельзя объяснить вторичным воздействием ударенного вокализма, так как *о—е* различаются в них и в случаях, когда чередование с ударенным гласным отсутствует: */б'о/ру́*, */д'о/ру́*, *с/м'о/та́на* и под., но *д/ве/на́дцать*, *с/ле/по́й*, */е/да́*, */пе/со́к*

[48] Противоположная точка зрения о том, что произношение /о/ в соответствии *ě* в 1-м предударном слоге представляет собой широко распространенное явление, характерное для системы вокализма влад.-поволж. говоров, отражена в работах, написанных в период до создания диалектологических атласов русского языка. См.: С. П. Обнорский. Переход *е* в *о* в современном русском языке. — В сб.: «А. А. Шахматов». Под ред. С. П. Обнорского. М., 1947; В. Н. Сидоров. Из истории звуков русского языка. М., 1966, стр. 147, 153, 154., хотя и признают, что в части говоров Владимирско-Поволжской группы отсутствует произношение /о/ в соответствии *ě*, считают при этом, что такое произношение широко распространено в качестве закономерного явления на другой части территории данных говоров. Карта 5 Атласа VI представляет случаи произношения /о/ в соответствии *е* безотносительно к составу лексики и потому не дает достаточных данных для суждения по указанному вопросу.

[49] Е. С. Скобликова. Указ. соч., стр. 117—118.

[50] В. Н. Сидоров. Из истории звуков русского языка. М., 1966.

[51] См. там же, стр. 154.

и под., что указывает на сохранение исконного для данных говоров различения *ě* и *е*. В более восточных говорах группы, где часть лексики, имеющей *ě* в 1-м предударном слоге, произносится систематически с /*о*/, это произношение, реализующееся с разной степенью последовательности в разных категориях слов, обнаруживает следы своего позднего, вторичного образования на основе развития имеющегося в говорах различения гласных *о—е* в соответствии *е—ě*, а не *о—о*. Об этом свидетельствует прежде всего то, что /*о*/ в соответствии *ě* в этих говорах произносится только в тех словах, которые входят в лексико-грамматическую категорию слов, общую со словами, имеющими *о* на месте *е* в 1-м предударном слоге. Тем самым произношение /*о*/ в соответствии *ě* определяется возможностью аналогического воздействия со стороны слов той же категории с *о* на месте *е*. Если же почвы для такой аналогии нет или она не возникает из-за немногочисленности слов данной категории, имеющих этимологическое *е*, то на месте *ě* в говоре остается произношение /*е*/, а не /*о*/. Этот закон равно действует как по отношению к словам, в которых имеется соотнесенность безударного и ударенного гласного в пределах форм словоизменения, так и по отношению к словам, не имеющим такой соотнесенности, произношение которых определяется преобладанием *о* или *е* в пределах той или иной лексико-морфологической категории в целом, как в следующих случаях:

1. В прилагательных с постоянным ударением на основе и с этимологическим *ě* в предударном слоге типа *слепой* (*с/л'о/пóй*, */н'о/мóй*, */с'о/дóй* и др.), в которых /*о*/ могло появиться по аналогии с прилагательными типа *полевой*, имеющими этимологическое *е*, закономерно изменившееся в *о*.

2. В числительном *двенадцать*, произносимом как *д/в'о/надцать* по аналогии с */с'о/мнадцать*, *во/с'о/мнадцать*.

3. В глаголах несовершенного вида, имеющих этимологическое *ě* перед суффиксом *-ва-* (*рас/п'о/вáть*, *пос/п'о/вáть*), произносимых с /*о*/ по аналогии с глаголами несовершенного вида типа *во/йо/вáть*, *го/р'о/вáть* и под.

4. В глаголах несовершенного вида с суффиксом *а* типа *светать* (*с/в'о/тáть*), обобщившимися по произношению с глаголами несовершенного вида типа *т/р'о/пáть*, *д/р'о/мáть*.

5. В существительном ж. р. *еда* (*/йо/дá*) с постоянным ударением на окончании в ед. ч., не имеющем формы мн. ч., обобщившемся в отношении произношения с существительными типа */в'о/рстá*, */м'о/тлá*.

Связь появления предударного /*о*/ в указанных случаях с аналогией в пределах определенных грамматических категорий подтверждается тем, что в словах, для которых такое аналогическое воздействие отсутствует, произношение /*о*/ не является столь последовательным, хотя предударное /*е*/ или /*о*/ на месте *ě* и является в этих словах также непроверяемым ударением. Так, слово *песок* встречается с гласным /*о*/ только в части говоров. Это объясняется тем, что среди существительных м. р. с суффиксом *-ок* много слов с этимологическим *ě* в корне (ср. *белок*, *снежок*, *седок*, *ездок*, *смешок*, *мешок*, *лесок*, *цветок*, *зверок* и др.), а другие слова этой категории имеют *е*, долгое время находившееся перед мягкими согласными и поэтому не перешедшее в /*о*/ (ср. *сверчок*, *вершок*); имеются также слова типа *корешок*, *ремешок*, *гребешок*, у которых сложный суффикс *-шок-* имеет, видимо, аналогическое происхождение (по типу слов *вершок*, *мешок* и др.) и присоединен сразу к гласному корня, который в исходном слове находится перед мягким согласным (ср. *коре/н'/*, *реме/н'/*, *гребе/н'/*) (см. об этом же в разделе, посвященном ударенному вокализму). В противоположность всему этому слов с исконным *е*, перешедшим в *о* перед твердыми согласными, в этой категории мало и самые употребительные из них, которые повсеместно произносятся в говорах группы с /*о*/ в 1-м предударном слоге, имеют это /*о*/ после шипящих согласных, часть из которых к настоящему времени отвердела. Например, *ж/о/лтóк*, *ш/о/стóк*, */ч'о/снóк*, */ч'о/лнóк*, */ш'ш'о/лчóк*.

Наличие чередования предударного гласного с ударенным в формах словоизменения также подтверждает представление о вторичном характере произношения /*о*/ на месте исконного *е* в 1-м предударном слоге слова в этих говорах, так как возможность или невозможность произношения /*о*/ в соответствии *ě* в разного типах существительных объясняется только наличием или отсутствием лексем с /*о*/ в соответствии *е* внутри каждого акцентологического типа существительных. Так, например, наличие большого количества слов ср. р., содержащих *е*, перешедшее в *о* перед твердыми согласными типа */с'о/лó*, */с'о/лá* — */с'ó/ла* (*зерно*, *стекло*, *весло*, *бревно*, *перо*, *ребро* и др.), привело к появлению /*о*/ в немногих сравнительно словах ср. р. того же акцентологического типа с *е* из *ě* в 1-м предударном слоге. К ним относится *ведро*, *гнездо*, *седло*. При этом во многих окающих говорах будет сохраняться /*е*/ под ударением: */в'о/дрó* — */в'é/дра* и под., тогда как отсутствие слов

ср. р. с *е* в 1-м предударном слоге, перешедшим в /*о*/, в другом акцентологическом типе существительных ср. р., а именно в типе: *мéсто — мéста — местá*, привело к полному сохранению в них /*е*/. Ср. /*ме*/*стá*, /*де*/*лá*, /*се*/*нá*. Аналогично обстоит дело и с существительными ж. р. При акцентологическом типе *бедá, бедý — бéды* имеется большое количество слов с исконным *е* в 1-м предударном слоге. Ср. /*в'о*/*снá*, /*с'о*/*стрá*, /*в'о*/*рстá*, /*в'о*/*тлá*, /*м'о*/*тлá* и т. д. Отсюда и возможное по говорам произношение *з*/*в'о*/*здá*, /*б'о*/*дá*, /*р'о*/*кá*. При типе *горá — гóру — гóры* не имеется слов с исконным $е > о$ в 1-м предударном слоге. Отсюда — только /*е*/ в существительных этого типа на месте *ě*. Ср. *с*/*те*/*нá* и под. Наличием слов м. р. акцентологического типа *лес, лéса, в лесý — лесá* с исконным *е*, перешедшим в /*о*/ (ср. /*м'од*/ — *в* /*м'о*/*дý*, *берег — на бе*/*р'о*/*гý* и под.) объясняются возможные случаи произношения /*о*/ в этих существительных. Ср. *ф п*/*л'о*/*нý*, *в* /*л'о*/*сý* и под.

П р о и з н о ш е н и е г л а с н ы х *е* и *и*. Гласный /*е*/ постоянно произносится по говорам группы в предударном слоге перед твердыми согласными в соответствии *ě*, а также в соответствии этимологическому *е* в тех словах и категориях слов, в которых и под ударением произносится /*е*/ перед твердыми согласными (см. выше), как это наблюдается в словах церковно-книжных и новых заимствованных из литературного языка: *к*/*ре*/*стá*, /*ме*/*жá*, /*ге*/*ктáр*, /*пе*/*рáция*, *те*/*ле*/*фóн* и под. или в случаях типа *в*/*ер*/*хóм*, *ц*/*ер*/*квá*, *четв*/*ер*/*гá*, *с*/*ер*/*пá* с гласным *е* перед поздно отвердевшим *р*. Произношение /*е*/ в соответствии *е* регулярно отмечают в тех случаях, когда данный гласный встречается только в положении 1-го предударного слога и не имеет поддержки в ударенном положении, как это наблюдается при произношении отрицательных частиц, предлогов и приставок: /*не*/ *знáю*, /*бе*/*зрóдный*, *пе*/*ре*/*стáнет*, *че*/*ре*/*з лýг* и под. Гласный /*е*/ произносится и в личных формах глаголов на заднеёбный согласный, которые во 2, 3-м л. ед. ч. и 1, 2-м л. мн. ч. имеют в части говоров данной группы твердый заднеёбный согласный, например, *п'о*/*кý* — /*пекóш*/, /*пекóт*/, /*пекó*/*те* — /*п'окýт*/. Употребление гласного /*е*/ в данных случаях обусловлено вторичностью твердого *к* в этих формах [52]. Рассмотренные случаи произношения /*е*/ в 1-м предударном слоге перед твердыми согласными более позднего, вторичного происхождения лишь подтверждают заключение о фонетическом в прошлом характере употребления гласных *о — е* в 1-м предударном слоге, исконно зависевших от характера последующего согласного.

Иное объяснение должно получить постоянное произношение /*е*/ и отсутствие даже следов чередования *е* и *о* в составе приставок, предлогов и отрицательных частиц, употребляемых одинаково часто как перед твердыми, так и перед мягкими. Если в отрицательных частицах, предлогах и приставках и встречается произношение /*о*/, то очень редко, причем его появление возможно не только перед твердым, но и перед мягким согласным, что заставляет отбросить предположение о возможном позднейшем обобщении в них гласного *е*, подобного тому, которое наблюдается при некоторых типах диссимилятивного яканья, так как в этом случае прослеживались бы остаточные факты более частого произношения /*о*/ перед твердым согласным. Это ведет к предположению, что произношение /*е*/ перед твердым согласным в составе предлогов, приставок и отрицательных частиц должно объясняться иными, но опять-таки фонетическими причинами, а именно существованием во время действия закона изменения $е > о$ в 1-м предударном слоге перед следующим твердым согласным каких-то его ограничений. Так, возможно, что для изменения *е* в *о* необходимо было не только положение этого гласного перед твердым согласным, но и наличие его в пределах единого значимого слова, где происходило характерное для влад.-поволж. говоров усиление гласного 1-го предударного слога, которое создавало возможность произносить в нем те же гласные, что и под ударением. Отрицания, предлоги и приставки, будучи слабо акцентированными, видимо, не получали этого усиления, находясь перед ударенным гласным, так как не составляли со словом такого единого целого, как отдельные слоги в составе значимого слова. Вследствие этого в них и не происходило изменения *е* в *о*.

С такой же слабой акцентированностью, или аллегровым произношением, связано, видимо, отсутствие результатов изменения *е* в *о* в таких словах, как *чего*, *сегодня*, которые чаще всего произносятся как /*че*/*вó*, /*се*/*вóдня*. Реже встречающиеся случаи произношения этих слов с /*о*/ (/*ч'о*/*вó*, /*с'о*/*вóдня*) отмечаются, как правило, при наличии на них смыслового ударения.

Помимо рассмотренных закономерных случаев произношения *е* вместо *о* перед следующим твердым согласным в современных влад.-поволж. говорах постоянно отмечаются случаи

[52] Р. И. А в а н е с о в. Об одной фонетико-морфологической особенности северновеликорусских говоров. «Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», 1947, № 2.

нарушения ёканья, но всегда при ярко выраженном и гораздо более обычном его сохранении. Такие случаи, связанные с влиянием нормированного языка, возможны в любом современном говоре группы.

Тем самым в говорах Владимирско-Поволжской группы наблюдаются совсем иные соотношения при употреблении *о* и *е* в 1-м предударном слоге, чем в соседних говорах северного наречия, где, наоборот, случаи произношения /*е*/ в указанной позиции почти постоянно преобладают над случаями произношения /*о*/. В говорах Владимирско-Поволжской группы такое преобладание /*е*/ возможно лишь в незначительном количестве единичных говоров, расположенных вблизи от южной границы группы (см. говоры на территории около Егорьевска), действительно утрачивающих различение гласных *о — е* в этом положении.

Развивающаяся в результате междиалектных контактов и влияния литературного языка утрата ёканья, которая особенно характерна для населения городов, находящихся на территории говоров Владимирско-Поволжской группы, не означает прямого перехода к литературному произношению, а к образованию опять-таки местных типов вокализма с гласными *е — е — а* как перед твердыми, так и перед мягкими согласными, в связи с чем в этих говорах создается внутренняя предпосылка для перехода к еканью.

В положении перед мягкими согласными гласный /*е*/ произносится во влад.-поволж. говорах в соответствии *ě* и *е*, причем этот гласный многие наблюдатели обозначают как /*ê*/, что видимо не случайно, так как в говорах Владимирско-Поволжской группы известно и дальнейшее сужение этого гласного, т. е. произношение /*и*/ в этой позиции (см. ниже). Тем самым в говорах Владимирско-Поволжской группы положение между мягкими согласными в предударном слоге в отличие от положения перед твердыми согласными, является слабым: гласные фонемы ‹*о*› и ‹*е*› в нем не различаются, совпадая в одних говорах в /*е*/, в других — в /*и*/.

Произношение предударного /*и*/ между мягкими согласными, соответствующее аналогичному произношению ударенного гласного, характерно для южных и юго-западных говоров Владимирско-Поволжской группы в соответствии как *ě*, так и *е*, а не преимущественно в соответствии *ě*, как в говорах северного наречия (см. карту 48). Близость сочетаний ареалов произношения /*и*/ под ударением и в 1-м предударном слоге показывает, что наличие этого гласного в безударном положении не является указанием на особую систему предударного вокализма или начавшееся неразличение гласных в этих говорах. Напротив, здесь выступает осуществление того же принципа соответствия ударенного и предударного гласного, находящихся в одинаковых фонетических условиях, который характерен для всех говоров группы и который свидетельствует о том, что сильное положение гласных 1-го предударного слога обеспечивало им в прошлом единство фонетических процессов с гласными ударенного слога. Нельзя не заметить, однако, что имеются и такие говоры, в которых соответствие ударенного и предударного /*и*/ на месте *е* и *ě* между мягкими согласными бывает не вполне регулярным. Судя по материалам Атласа VI[53], расхождения этого рода, отмеченные в немногочисленных говорах на территории между Переславль-Залесским и Владимиром, могут быть как такие, когда под ударением (впрочем, всегда в узком кругу случаев) произносится /*и*/, а в 1-м предударном слоге — /*е*/, и наоборот — при отсутствии /*и*/ на месте *е* между мягкими под ударением отмечается произношение /*и*/ в том же положении в 1-м предударном слоге.

Увеличение количества примеров с /*и*/ на месте *ě*, представленное только под ударением (первый из описанных выше случаев), наблюдается только в некоторых говорах, территориально примыкающих к массиву говоров, в которых произношение /*и*/ на месте *е* и *ě* распространено как под ударением, так и в 1-м предударном слоге[54], чем и объясняется, видимо, указанное увеличение. Единичные случаи с /*и*/, употребляемым в соответствии *ě* только под ударением, могли быть усвоены в этих говорах путем лексических заимствований, и думать о том, что они свидетельствуют о следах прошлой системы особого вокализма, нет никаких оснований, так как иначе они обязательно нашли бы отражение и в системе вокализма 1-го предударного слога. Подобные же лексические заимствования с /*и*/ на месте *ě* и *е* под

---

[53] По материалам Атласа VI случаи произношения /*и*/ чаще отмечены в соответствии *ě*, чем в соответствии *е*, но это объясняется тем, что и в «Программе», по которой собирался материал для атласов, отсутствовал специальный вопрос относительно произношения гласных в соответствии *е* между мягкими согласными, в связи с чем соответствующие данные некоторыми наблюдателями и не приводились.

[54] Ср., например, материал, приведенный в комментариях к карте 17 Атласа VI, стр. 431: 48 */ди́/ динька /ди́/ дя, ко/пи́/йки, смот/ри́/т'*; 52 *пос/пи́/ет, /йи/сть*; 55 */ди́/ти*; 69 */ми́/сяца, /ми́/сяц, по/йи́/сть* и знаки в этих же населенных пунктах на карте 7 Атласа VI. См. карту 7, нас. п. 87, 89, 90 и материал по этим говорам к карте 17.

ударением представлены, видимо, и в некоторых говорах, находящихся на самой восточной окраине юго-западного ареала произношения /и/ на месте *е* и *ě* между мягкими согласными под ударением и в 1-м предударном слоге (см. карту 48).

Обратное положение, т. е. произношение /и/ на месте *е* и *ě* между мягкими согласными только в предударном слоге, также наблюдается лишь на окраинах массивов говоров, в которых это явление известно как под ударением, так и без ударения и отмечено в немногих населенных пунктах (см. карту 48).

Таким образом, произношение /и/ на месте *ě* и *е* между мягкими согласными в 1-м предударном слоге в говорах Владимирско-Поволжской группы также является следом действия общего для этих говоров процесса совпадения *ě* и *е* между мягкими согласными независимо от места ударения в одном гласном, в данном случае в *и*.

В небольшой части говоров, в которых /и/ произносится на месте *ě* и *е* между мягкими согласными, имеется тенденция распространения произношения /и/ в положении перед твердыми согласными. Сама по себе возможность произношения /и/ в соответствии *ě* и *е* в каких-то первоначально чисто фонетических позициях, обычно не приводит к развитию иканья, если даже чередование *t'otá*, *t'etá* — *t'ut'á* перестало быть действующим фонетическим законом, но оно возможно, видимо, при условии наличия влияния на данные говоры акающего произношения. Именно наличием этого обязательного условия при переходе к икающему произношению объясняется слабая распространенность иканья во влад.-поволж. говорах и наличие его элементов только на южной границе группы. Сравнительно с этим переход к еканью характерен для говоров Владимирско-Поволжской группы при отходе от ёканья, особенно для говора городов, находящихся на территории Владимирско-Поволжской группы. Это объясняется тем, что сама система вокализма влад.-поволж. говоров содержит возможность произношения гласного /е/ на месте *ě* и *е* как перед мягкими, так и перед твердыми согласными: *t'otá*, *t'etá* — *t'et'á*. При этих условиях гласный /о/ легко может быть вытеснен за счет произношения /е/, так как чередование *о* — *е* перед твердыми согласными из чисто фонетического после совпадения в *е* гласных *ě* и *е* стало лексико-морфологическим. Произношение /и/ на месте *е* в данной системе может быть только при переходе говорящего на другую, чуждую говорам группы систему. Этот переход облегчается в говорах, в которых *ě* и *е* совпадают в /и/ между мягкими согласными.

По вопросу о причинах появления произношения /и/ между мягкими согласными в соответствии *ě* и *е* под ударением имеется предположение [55] о том, что в некоторых говорах Владимирско-Поволжской группы оно сложилось как гиперизм в результате взаимодействия с говорами, где перед мягкими согласными в /и/ переходил только гласный, соответствующий *ě*. Действительно, основные ареалы произношения ударенного /и/ в соответствии *ě* и *е* между мягкими согласными находятся по соседству с говорами, где /и/ произносится только в соответствии *ě* в том же положении. Этим же хорошо могло бы объясняться и полное отсутствие этого явления в основной массе глубинных говоров Владимирско-Поволжской группы. В дальнейшем в говорах, где появилось произношение /и/ в соответствии *ě* и *е* под ударением между мягкими согласными, гласный /и/ мог появляться в том же соответствии и в тех же фонетических условиях и в 1-м предударном слоге с характерным для него сильным положением. Однако процесс перехода всякого *е* в *и* в дальнейшем перестал быть живым фонетическим процессом и поэтому как под ударением, так и в 1-м предударном слоге произношение /и/ на месте *ě* и *е* сосуществует с произношением /е/ в положении между мягкими согласными.

Произношение гласного *а*. Гласный /а/ произносится после мягких согласных в предударном слоге в соответствии ударенному *а* как перед твердыми, так и перед мягкими согласными. Случаи типа *г/ле/дú* при обычном *г/л'а/дú* или *п/ре/дú* при обычном *п/р'а/дú*, если и встречаются в материалах Атласа VI, то только как совершенно единичные [56]. Слов с устойчивым употреблением /е/ вместо *а* в 1-м предударном слоге (подобных, например, слову *опéть* под ударением) в говорах Владимирско-Поволжской группы не обнаружено.

По говорам Владимирско-Поволжской группы наблюдается некоторая тенденция распространения произношения гласного /а/ вместо предударных *о* и *е*, т. е. в соответствии этимологическим *е* и *é*. По материалам к картам 4 и 5 Атласа VI прослеживается равная возможность произношения /а/ как на месте *е*, не перешедшего в *о*, так и на месте *ě*. Распро-

---

[55] С. А. Копорский. Архаические говоры Осташковского р-на Калининской обл. «Уч. зап. Калининского пед. ин-та», 1945, т. X, вып. 3.

[56] См. карту 6 Атласа VI и комментарии к ней.

странено это явление главным образом в более центральных говорах группы, где имеется наиболее последовательное различение предударных гласных *о* и *е*, но отмечено оно также и в некоторых более окраинных говорах, причем подобное произношение бывает всегда факультативным. Круг лексики, встречающейся с /а/ в соответствии *ě* на центральной части территории группы (в говорах которой обычно не произносится /о/ на месте *ě*) и на ее восточной части (где определенный круг лексики произносится с предударным /о/ на месте *ě*), примерно одинаков, хотя на восточной части территории произношение /а/ вообще встречается реже и не во всех говорах. Вот слова, в которых отмечено произношение /а/ в соответствии *ě* в центральных говорах группы: */б'агýт, в/л'а/зáли, /р'а/кá, ц/в'а/ты́, /в'а/нцы́, /м'а/стáм, пъ/йа/здáм, /п'а/тýх, /д'а/вчёнки, д/в'а/нáдцать, пред/с'а/дáтель, /л'а/снóй, /н'а/мóй, с/в'а/тлó, в/с'а/гдá*. В говорах восточной части территории группы: *вы/йа/дáет, /уд'а/вáла, по/б'а^{е}/гý, /б'а/дá, ц/в'а/ты́, /п'а/тýх, /ве^{а}/дрóм, /л'а/снóй*. Произношение /а/ на месте *е* или *о* в 1-м предударном слоге в центральных говорах наблюдается главным образом в предлогах, приставках и отрицательных частицах: *пе/р'а/сáдка, пе/р'а/стáнь, пе/р'а/стрóил, пе/р'а/дáм, пе/р'а/ýлок, /н'а/хóчет, /н'а/мóгут, /н'а/пýстите, /н'а/знáю, /н'а/плáчь*. Возможно /а/ в местоимениях и наречиях: *у /н'а/вó, /йа/вó, /йа/мý, /фс'а/вó, /фс'а^{ү}дá/, как /н'а/бýдь, /н'а/ýж*. Другие слова с /а/ на месте *е* или *о* совершенно единичны: */р'а/мóнт, /м'а/дáль, ре/м'а/слó, вер/т'а/нó, бр'а/внó, /в'а/слó, к/р'а/сты́, к /с'а/стрé, /з'а/мли́, т/р'а/вóжу, у/б'а/рý*.

По близости указанного круга слов с предударным /а/ на месте *ě* к тому кругу, в котором возможно произношение /о/ в соответствии *ě*, главным образом в восточной части группы, можно бы было думать, что /а/ произносится на месте ранее произносившегося в них гласного /о/, например, */р'о/кá* > */р'а/кá*. Однако это предположение едва ли правомерно, так как основная масса случаев с /а/ на месте *ě* отмечается в тех говорах, в которых *о* на месте *ě* не произносится. Кроме того, среди приведенных выше слов с /а/ на месте *ě* встречаются такие слова и категории слов, в которых почти никогда не отмечают произношения предударного /о/, например, *председатель, всегда, всего, места*. Состав слов, где /а/ произносится на месте *е*, также подтверждает предположение о появлении в них /а/ на месте *е*, а не /о/. Ср., например, возможность произношения /а/ на месте *е* в положении перед мягкими согласными: */з'а/мли́, к /с'а/стрé*, или в составе приставок и отрицательных частиц, или в наречиях и заимствованных словах, в которых обычно произносится *е*, а не *о*: */р'а/мóнт* или вообще в словах, в которых обычно *е* не переходит в *о* (см. выше): *к/р'а/сты́, /в'а/ршкáми, /д'а/ржáли, бе/р'а/гóш*.

Таким образом, произношение /а/ в соответствии *ě* обычно сосуществует в одних и тех же говорах с произношением /а/ на месте *е* в тех словах и категориях, в которых в силу определенных причин (см. выше) произносится /е/, а не /о/ в предударном слоге перед твердыми согласными. О том же свидетельствуют и данные собирателей, фиксирующих не только произношение /а/ в указанных случаях, но и звуков, близких к широкому, открытому *э*, средних между *е* и *а*: /ä/, /е^{а}/, /а^{е}/, например: */ре^{а}/кá, /бе^{а}/дá, /пъспе^{а}/вáть/, /ве^{а}/дрá, ц/ве^{а}/ты́* при произношении /о/ в соответствии *е*[57]. На развитие /а/ на месте *е*, а не /о/ указывает и возможность его произношения перед мягкими согласными, отмеченная в ряде говоров Атласа VI: 38 */пир'ав'áжаш, дире^{э}в'áнны, д'е^{а}н'т'á, у н'авó, пире^{а}б'óк, за ш'ш'ив'е^{а}л'óм, жыр'аб'óначик, д'ир'ав'óн/*; 44 */т'алéшка, д'арéвни, п'ир'акр'óсток/*; 123 */м'атéл'/*; 148 */т'ас'óмъчку/*; 199 */в кл'авé/*; 340 */р'авéт'/* и др.

Все приведенные соображения позволяют предположить, что /а/ в изучаемых говорах развивается на базе гласного *е* из *е* и *ě*, который, расширяясь через ступень /ä/, обозначаемую в записях как /е^{а}/, переходит в /а/, что осуществляется как фонетическое явление, так как наблюдается главным образом в предударных слогах слов с неподвижным ударением и, следовательно, с непроверяемым гласным предударного слога, к тому же в словах, для которых отсутствуют модели для возникновения *а* по аналогии. В этом заключается основное отличие от распространения произношения /о/ в соответствии *ě* в ряде говоров группы, которое было, как мы видели выше, связано с действием процессов аналогического характера, возможных при совпадении в /е/ гласных *ě* и *е*.

Распространение /а/ в указанных случаях на месте *ě* и *е* не ставит под угрозу различение *о—е*, существующее в этих же говорах, так как выступает преимущественно в ограниченном кругу лексико-морфологических категорий, у слов с неподвижным ударением, в которых гласные ударенного и предударного слогов не чередуются в пределе форм словоизменения.

[57] Атлас VI, карты 4. 5; комментарии стр. 324—328.

Тенденция произносить /а/ на месте *е* только в некоторых категориях слов не меняет резко основную систему различения гласных неверхнего подъема влад.-поволж. говоров, хотя и указывает на известную возможность совпадения гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге в гласном *а*.

Наряду с описанными известны и случаи произношения /а/ на месте *о*. Они отмечаются в следующих типах слов.

1. В существительных ср. р. с постоянным ударением на окончании в ед. ч. и с переносом ударения на основу во мн. ч.; *б/р'а/вно́ — брёвна* (отмечены в материалах Атласа VI: */рем'асло́, в'ърт'ано́, в'асло́, з'арно́, ст'акло́/*).

2. В существительных ж. р. типа *весна́ — вёсны*: */у в'атлы́, в'асны́/*.

3. В отдельных словах с постоянным ударением на окончании, но с переносом ударения на основу в словообразовательных вариантах: *с/в'а/кро́вь — свёкор*; */т'а/пло́, да/л'а/ко́ — тёплый, далёкий*; *С/т'а/па́н — Стёпа*; *х/л'а/ба́ть — похлёбка, ве/с'а/ло́ — весёлый* и др.

4. В глаголах с постоянным наконечным ударением в личных формах: */н'а/су́ — нёс, зап/л'а/ту́т — заплёл, /м'а/ту́т — мёл* и др., а также *уб'ару́*. Случаи такого произношения /а/ на месте *о*, соответствующего *е*, отмечаются в отдельных говорах главным образом на южной окраине Владимирско-Поволжской группы. Эти случаи могут быть объяснены непосредственным взаимодействием с акающими говорами, влияние которых и опирается на возможность указанных взаимодействий в пределах отдельных лексико-морфологических классов слов. Характерно, что в этой же, южной части территории Владимирско-Поволжской группы говоров наблюдается изменение по аналогии ударенного гласного в пределах определенного класса глаголов: ср. */тр'ос/*, как */н'ос/*. В говорах, которым известно произношение /а/ на месте *е* и *о* в 1-м предударном слоге перед твердыми согласными, известно и обратное: произношение /е/ на месте *а* в том же положении, что также связано с процессами аналогического обобщения гласного 1-го предударного слога. Однако таких случаев сравнительно немного, и они также не играют существенной роли для характеристики системы вокализма 1-го предударного слога влад.-поволж. говоров, видимо, потому, что основным типом произношения *е* перед твердыми согласными является /о/, а не /е/, а произношение /о/ на месте *а* (типа *тр'осу́*) почти не отмечается в говорах группы. Следовательно распространение /е/ на месте *а* связано скорее с развивающимся еканьем, что соответствует более частым случаям произношения /е/ на месте *а* на западной части территории группы.

Основной результат, к которому приводит распространение произношения /а/ на месте *е* или /е/ на месте *а*, является то, что в положении 1-го предударного слога появляются элементы неразличения гласных и их совпадения в /а/ или /е,/ впрочем крайне слабо выраженные и зачаточные, характерные для наиболее позднего периода существования данных говоров.

По характеру распространения говоров с /а/ на месте *е* нельзя всегда толковать это явление как результат влияния акающих говоров (см. выше). Об этом прежде всего свидетельствует наличие данного явления также и в некоторых глубинных говорах данной территории. Важно учесть, что непосредственно с юга к говорам данной группы примыкают акающие говоры с еканьем или иканьем, но не с яканьем. Только в отдельных муромских говорах и в говорах юго-западнее Арзамаса, где /а/, как правило, произносится не только на месте *е*, но и на месте *о* перед твердыми согласными (а гласный на месте этимологического *а* перед мягкими согласными может произноситься как /е/ или /и/), распространение /а/ может свидетельствовать о наличии в них элементов умеренного яканья. Таким образом, за указанными исключениями нет основания говорить о наличии существенных элементов умеренного яканья в вокализме влад.-поволж. говоров: умеренное яканье, как таковое, в разных его разновидностях, характерных для восточных ср.-р. говоров, часто со следами различения перед мягкими согласными, реально существует только в акающих восточных ср.-р. говорах (см. выше).

* * *

Таким образом, основным типом различения гласных 1-го предударного слога после мягких согласных, характерным для говоров Владимирско-Поволжской группы, является тот тип, при котором произносится *о — е — а* перед твердыми согласными и *е — е — а* перед мягкими согласными, что в принципе соответствует тому же составу гласных, различающихся под ударением. Возможность произношения /о/ перед *t'* под ударением, как говорилось выше, является результатом более позднего изменения системы ударенного вокализма. Другим типом различения гласных 1-го предударного слога, распространенным на западе территории группы (калининские говоры) и в некоторых говорах на юге (муром-

ские говоры), является тип *о — е — а*; *и — и — а*, существующий в говорах, где произношение /и/ на месте *е* из *ě* и *е* между мягкими согласными известно и под ударением. Часто и даже преимущественно в говорах с системой *о — е — а*, *и — и — а* перед мягкими согласными отмечают и произношение *е — е — а*, что указывает, так же как и наличие *и — и — а* наряду с *о — е — а* под ударением в тех же условиях, не столько на возможность употребления разных гласных в одних и тех же категориях слов, хотя и это возможно, сколько на употребление разных гласных в разных категориях слов в пределах одного говора.

Наряду с вокализмом *о — е — а*, *и — и — а* (или *и — и — а* наряду с *е — е — а*), распространенным на южной части территории группы, а иногда и на самой границе с акающими говорами, в отдельных говорах отмечается и тип *и — и — а*, *и — и — а*, который является переходным к иканью. Так, на самой границе группы (Атлас VI, карта 7, нас. п. 227) имеется говор с наиболее близкой к нему системой *и — и — а*, *и — и — и*. При этом существенно также и то, что на территории соседних акающих говоров отмечены типы *и — и — и*, *и — и — а* (VI, карта 7, нас. п. 252) или *и — и — и/а*, *и — и — и* (VI, 7, нас. п. 247). Возможно, что последние два типа не существуют в чистом виде: в них произношение /и/ и /а/ на месте *а* наблюдается как перед твердыми, так и перед мягкими согласными.

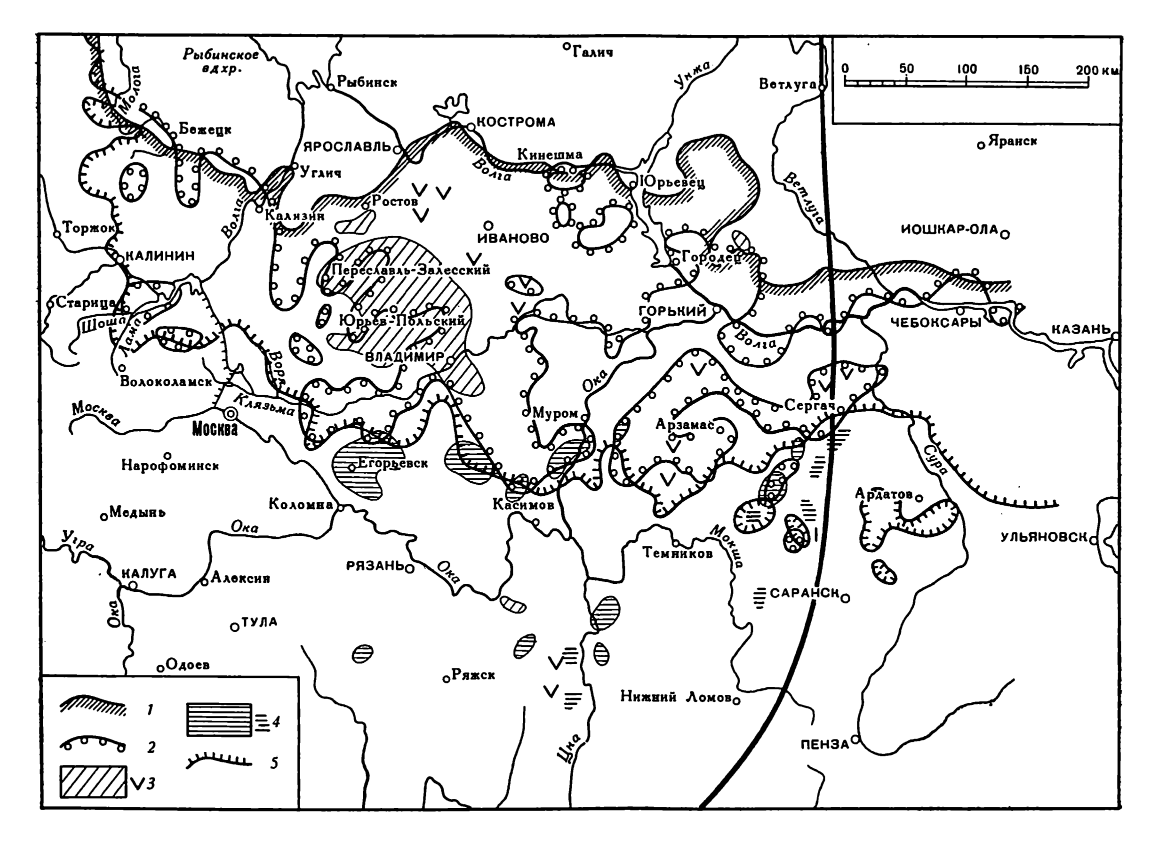
На территории Владимирско-Поволжской группы не отмечено чистого типа умеренного яканья. Некоторые тенденции к развитию этого типа отмечают лишь в некоторых говорах по юго-восточной границе группы, где возможно произношение типа *а — а — а* перед твердыми согласными и *е — е — е* перед мягкими. Но эта возможность везде сосуществует с преобладающим в тех же говорах различением типа *о — е — а*, *ẹ — е — а*. Если даже в говорах с системой *о — е — а*, *е — е — а* отмечают наличие /а/ вместо *е* перед *t*, но произношение /е/ на месте *а* перед мягкими согласными отсутствует, то в этом еще нельзя видеть элементы неразличения, т. е. элементы новой системы, так как употребление *а* на месте *е* не устраняет самого различения *о—е*, а только расширяет сферу употребления /а/ в 1-м предударном слоге.

Почти повсеместное распространение имеет в качестве сосуществующей с исконной системой *о — е — а*, *е — е — а* система *е — е — а*, *е — е — а*. Ее преимущественное распространение наблюдается на западной части территории группы (к западу от 41° в. д.), но не в виде определенно очерченных ареалов, а всегда только в отдельных говорах, в виде возможности произношения /е/ на месте *о* перед твердыми согласными, т. е. при основной системе *о — е — а*, *е — е — а*. В чистом виде система *е — е — а*, *е — е — а* отмечена лишь в единичных говорах на южной и юго-западной границах группы, расположенных севернее Егорьевска и Москвы, а также за пределами группы в акающих восточных ср.-р. говорах к северу от Москвы, возможно совершивших переход к этой системе от системы *о — е — а*, *е — е — а* при утрате оканья. Таким образом, и при аканье могут сохраняться следы различения после мягких согласных в виде системы *е — е — а*, *е — е — а*, которая сама по себе неустойчива, имеет тенденцию изменяться в систему *е — е — а*, *е — е — е*. Говоры с такими переходными к неразличению системами отмечаются в акающих говорах к северу от Москвы.

Системы *о — о — а*, *е — е — а* в чистом виде в говорах Владимирско-Поволжской группы не существует (см. выше), так как в любых говорах, где возможно произношение /о/ в соответствии *ě*, имеется определенная категория слов, в которых постоянно произносится /е/. Именно этим, видимо, объясняется возможность развития в говорах с наличием системы *о — о — а*, *е — е — а* элементов системы *е — е — а*, *е — е — а*, в разной мере свойственных всем говорам группы [58]; с другой стороны, употребление /а/ в соответствии *ě* и *е* в говорах с наличием системы *о — о/е — а*, *е — е — а* почти не встречается.

Таким образом, характер различения гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после мягких согласных резко выделяет говоры Владимирско-Поволжской группы как по сравнению с расположенными к югу от них акающими говорами, так и по сравнению с говорами северного наречия, имеющими как иные по составу гласных системы различения, так и иной характер распространения в них своеобразных элементов неразличения. Говоры с переходными системами от различения к неразличению совершенно единичны в пределах влад.-поволж. говоров и расположены по их

[58] Данные Атласа VI, интерпретированные на карте 7, как имеющие системы *о—о—а*, *е—е—а*, в связи с этим считаем недостоверными; постановка знаков основана или на недостаточном материале, или является результатом его огрубленно-схематической интерпретации: см. знаки у нас. п. 149, 155, 167, 169, 350, 375, 406, 411, где в материалах по нас. п. 149, 406 имеются случаи произношения /е/ в соответствии *ě*, в нас. п. 411 — /е/ в соответствии *ě*, в нас. п. 350 — /е/ в соответствии *ě* и *е* (см. карты 4, 5, Атласа VI).

Карта 100

Произношение гласных в соответствии *а* и *о* во 2-м предударном слоге после твердых согласных

1 — /ъ/ в соответствии *а* и *о*: *г/ъ/ловá*, *д/ъ/лекó*; *2* — гласный типа /о/ в соответствии *о*: *г/о/ловá*; *3* — гласный типа /у/ в соответствии *о*: *п/у/полáм*, *п/ô/могú*; *4* — произношение /у/ в соответствии *о* в отдельных словах: *т/у/порá*, *с/у/погú*; *5* — граница оканья в 1-м предударном слоге

южной границе. Элементы переходности в них следует считать поздними, возникшими под влиянием непосредственного соседства с акающими ср.-р. говорами.

В т о р о й   п р е д у д а р н ы й   с л о г.   П о л о ж е н и е   п о с л е   т в е р д ы х   с о г л а с н ы х. Характерной особенностью говоров Владимирско-Поволжской группы, четко отделяющей их как от говоров северного наречия, так и от восточных ср.-р. акающих говоров, является возможность неразличения гласных неверхнего подъема во 2-м предударном слоге при полном различении тех же гласных в 1-м предударном слоге. Следует сказать, что характер гласных, выступающих при совпадении или различении гласных во 2-м предударном слоге, требует по существу инструментального изучения. В настоящее время мы можем представить по этому вопросу только те данные, которые собраны путем наблюдений, проведенных на слух, при подготовке диалектологических атласов и суммированы на помещаемой карте 100.

При максимально возможном различении во 2-м предударном слоге четырех гласных — *а*, *о*, *у*, *ы* (см. говоры северного наречия) — во всех говорах данной группы известно совпадение *а* и *о* и тем самым различение трех гласных — *ъ*—*у*—*ы*; на восточной части территории Горьковской подгруппы, а также в калининских говорах распространено совпадение в гласном /ъ/ не только *а* и *о*, но и гласных *у* и *ы*.

Неразличение гласных неверхнего и частично верхнего подъема во 2-м предударном слоге как таковое характерно не только для влад.-поволж. говоров, но свойственно также всем говорам южного наречия и восточным ср.-р. акающим говорам, но в каждом из этих типов говоров оно имеет свои специфические черты. Так, только в среднерусских говорах в отличие от южнорусских возможно произно-

шение /у/ на месте *о* во 2-м предударном слоге в положении между губными и задненебными согласными (подробнее см. ниже) и только говорам Влад-Поволж. группы свойственно сосуществование произношения /о/ наряду с /ъ/ во 2-м предударном слоге. Только в части среднерусских говоров (окающих и акающих) отмечают произношение /ъ/ в соответствии не только *а* и *о*, но и *у*, встречающееся в южнорусских и других ср.-р. говорах лишь в отдельных словах, т. е. не в качестве фонетического явления.

Ознакомление с картой 100 показывает, что возможность произношения /ъ/ в соответствии *о* [59] и *а* во 2-м предударном слоге свойственна всем говорам Владимирско-Поволжской группы и служит для их выделения по сравнению с говорами северного наречия. С юга это явление не ограничено пределами Владимирско-Поволжской группы, так как распространено также в восточных ср.р. акающих говорах и в говорах южного наречия. Однако наряду с возможностью совпадения *а* и *о* в /ъ/ во многих говорах группы факультативно отмечают возможное в них сохранение различения *а—о*. Причем в соответствии *о* в некоторых говорах (говоры бассейна р. Нерли) произносится /ô/, /о^у/, /у/. Однако едва ли следует думать, что случаи произношения /о/, /ô (о^у, у)/ в соответствии с *о* содержат указание на возможность произнесения полновесных в количественном отношении гласных в этом положении. Наличие случаев подлинного различения *а* и *о* можно предположить только на самой северной границе Владимирско-Поволжской группы [60]. Немногочисленные ответы, где нет указаний на возможность произношения /ъ/ в том же положении, где отмечено только *о*, чаще всего вызывают сомнения (неопытные собиратели, собиратели — местные уроженцы) и противоречат материалам, собранным на той же территории более опытными наблюдателями и содержащим указание на сосуществование /о/ и /ъ/ или на наличие только /ъ/ в ряде подобных говоров. Наличие материалов, отмечающих сосуществование /о/ и /ъ/, позволяет предположить, что в случаях, обозначенных при записи как /о/ или /ô/, /у/, мы все равно имеем дело с гласными, более краткими в количественном отношении, чем в соседних говорах северного наречия и произносимыми всегда лишь в определенных фонетических условиях. Ср. и тот факт, что при продлении гласных на месте *о* и *а* во 2-м предударном слоге во влад.-поволж. говорах произносится /ы/ (или /у/ в соседстве с губными и задненебными согласными). Краткий, вернее редуцированный гласный типа *о*, который собиратели иногда обозначают как /ŏ/, обычно слышится перед сонорными согласными с последующим *о* в случаях типа *м/ŏло/кô*, *х/ŏрôшо/* и под., т. е. при возможной в этих случаях межслоговой ассимиляции, поддержанной соседством сонорного согласного.

Появление лабиализованных гласных (*ô*, *о^у*, *у*) в соответствии с *о* [61] во 2-м предударном слоге происходит на указанной выше части территории влад.-поволж. говоров (говоры по течению р. Нерль) не в той связи с качеством ударенного гласного, как в говорах северного наречия (см. выше, II, 2, § 3): в них проявляется зависимость лабиализации *о* от качества соседних согласных. При этом данное явление наблюдается в большинстве этих говоров преимущественно во 2-м, а не в 1-м предударном слоге, как это имеет место в говорах северного наречия (см. карту 39). Тем самым произношение сильно лабиализованного *о* во владимирских говорах представляет собой специфическое явление характерной для них системы безударного вокализма и особенно вокализма 2-го предударного слога.

Произношение /у/ на месте *о* между губными и задненебными согласными отмечается также в некоторых других, разрозненных говорах на территории Владимирско-Поволжской группы, а также в восточных ср.-р. акающих говорах

---

[59] Здесь и ниже мы в ряде случаев говорим о произношении гласных в соответствии только этимологическому *о*, так как в составе примеров, приводимых в ответах, обычно имеются только слова с гласным *о*, а слова с гласным *а* совсем отсутствуют или встречаются редко. Это объясняется тем, что круг слов с гласным *а* во 2—м предударном слоге крайне незначителен, однако нет оснований полагать, что судьба гласного *а* является иной при его редукции, чем судьба *о*.

[60] В самых северных говорах группы кроме этого отмечается такое явление, как различение гласных в соответствии *а* и *о*, но при наличии качественного изменения произношения одного из гласных. Например, на месте *о* произносится /ъ/, а на месте *а* гласный /а/, или, реже, /ъ/ при произношении /о/ в соответствии с *о* (см. о возможности такого вокализма в говорах северного наречия: Р. И. Пауфошима. О переходе от окающего предударного вокализма к акающему в одном севернорусском говоре. — В сб. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967). Такие случаи различения гласных отмечаются обычно наряду с системой неразличения гласных *а* и *о* и совпадением их в гласном /ъ/ в тех же говорах Владимирско-Поволжской группы.

[61] Возможно, что такие гласные звуки в тех же фонетических условиях могут появляться в этих говорах и в соответствии с *а* (ср., например, наличие *у* в соответствии с *о* и *а* во 2-м предударном слоге в открытом начале слова), но материала, иллюстрирующего это положение, нет.

(см. карту 100), но всегда лишь в отдельных единичных словах, таких, как *т/у/порá*, *к/у/марьí*, *к/у/равóд*, *б/у/гарóдица*, *п/у/моглó*, *п/у/по-лáм*. Характерно, что именно в говорах по течению р. Нерль отмечают разные степени лабиализации — *о* — /ô/, /$о^у$/, /$ъ^у$/, /у/ во 2-м предударном слоге, а на других частях территории в указанных лексикализованных случаях всегда произносится /у/. В тех влад.-поволж. или восточных ср.-р. акающих говорах, где известна редукция *у* во 2-м предударном слоге и совпадение его с гласным /ъ/ (см. ниже), естественно устраняется возможность произношения /у/ на месте *о* во 2-м предударном слоге. Поэтому возможно, что лабиализация *о* во 2-м предударном слоге раньше была распространена шире, но позднее утратилась.

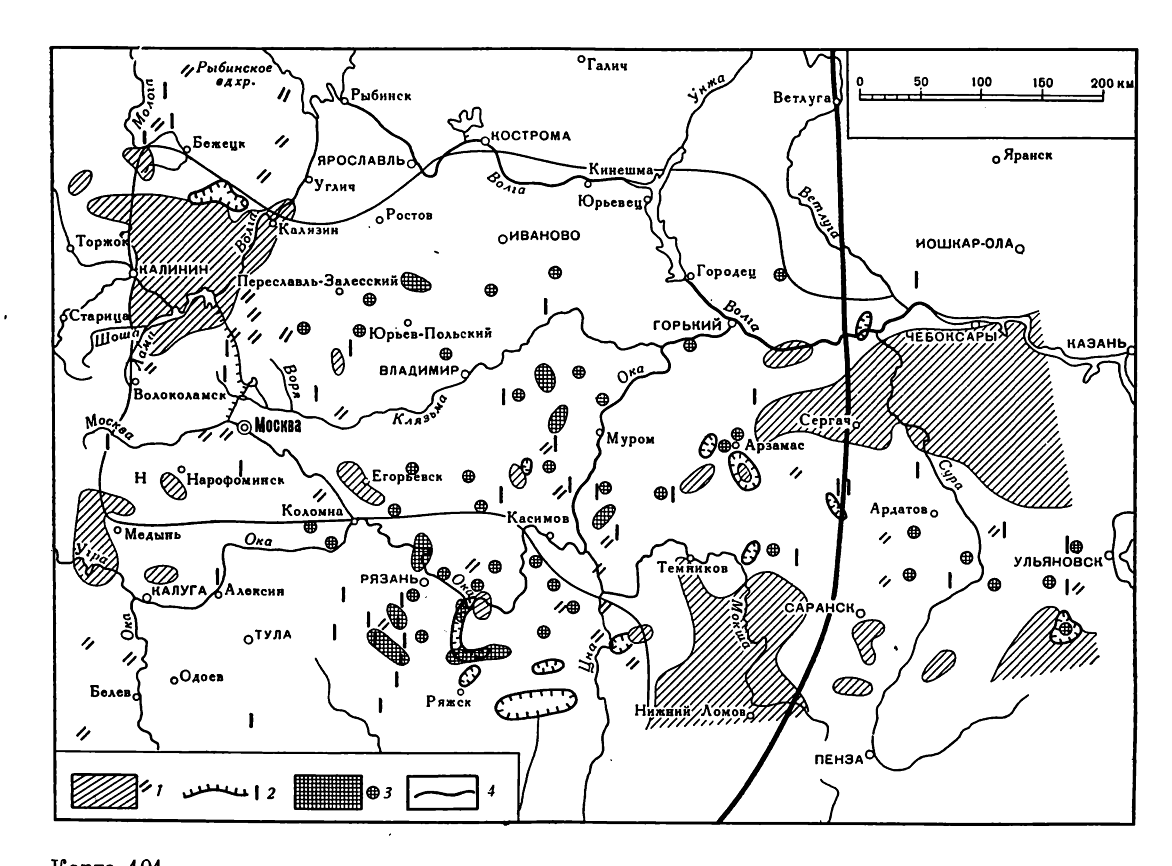
Возможно также предположение, что явление сильной лабиализации *о* во 2-м предударном слоге едино по генезису во всех ср.-р. говорах (в том числе и западных) и связано с характерным для них общим сокращением гласных во 2-м предударном слоге и с возникающей в связи с этим редукцией и совпадением гласных неверхнего подъема. Именно неустойчивость артикуляции редуцированного гласного и приводила к тому, что совпадение гласных осуществлялось в звуке /ъ/, если по соседству не было губных или задненебных согласных, или в гласном /у/ при наличии такого соседства. Лучшее сохранение фонетического характера явления в говорах по течению р. Нерль могло объясняться внешними условиями: эти говоры находятся на территории старого Ополья, исстари в значительной степени изолированной в связи с природными условиями от окружающих говоров. В остальных окающих и акающих ср.-р. говорах это явление сохраняется только как реликтовое и лексикализованное, только в тех случаях, когда лабиализованный звук стал восприниматься и произноситься как /у/. Отсутствие подобной лабиализации в южнорусских говорах делает возможным предположение, что усиленная лабиализация в соседстве с губными и задненебными согласными развивалась только в таких говорах, как восточные и западные ср.-р. говоры русского языка или говоры белорусские, в которых редукция гласных была генетически иной, связанной с окающим вокализмом. Подтверждением этого является не только указанная современная сфера распространения говоров с /у/ на месте *о* во 2-м предударном слоге между губными и задненебными согласными, но и то, что это явление всегда сосуществует с редукцией и совпадением гласных неверхнего подъема в одном гласном типа /ъ/. Это и позволяет считать произношение *у*-образных гласных во 2-м предударном слоге особым видом совпадения гласных неверхнего подъема, происходившим в особых условиях и утратившимся в большинстве восточных ср.-р. говоров в результате вторично развившегося в них совпадения гласных *а*, *о* в *ъ* в этом положении.

Редукция охватывает в некоторых влад.-поволж. говорах также и гласные верхнего подъема, как это показано на карте 101.

Наличие целостных ареалов произношения /ъ/ в соответствии *у* наблюдается в тех восточных ср.-р. говорах, где отмечают наибольшее количество черт южного наречия или юго-восточной зоны, как, например, из числа окающих — в говорах Калининской и Горьковской подгрупп, а из числа акающих — в восточных ср.-р. акающих говорах отдела В, т. е. в говорах, исторически испытавших очень большое южнорусское влияние. В связи с этим можно предположить, что редукция *у* представляет собой явление более позднее по времени возникновения по сравнению с совпадением в одном звуке гласных *а* и *о*, которое происходило раньше, в период, когда гласный *у* не только не терял своего качества, но мог произноситься и на месте *а* и *о* в определенных фонетических условиях (см. выше). Вторичное сокращение гласных 2-го предударного слога, явившееся, видимо, результатом более позднего собственно южнорусского (рязанского) влияния, захватило лишь говоры, которые в это время в большей степени были связаны с юго-восточными говорами. Это калининские говоры, продолжающие развитие древнего тверского диалекта, носители которого оставались самостоятельными вплоть до XV в., и говоры на территории к юго-востоку от Горького, в междуречье Цны и Мокши, являющиеся говорами позднего формирования (не ранее XV в.) и близкие по ряду явлений к говорам Восточной группы южного наречия (см. выше, IV, 2, § 2).

Материалы о совпадении или различении гласного *ы* во 2-м предударном слоге обычно не вполне надежны и позволяют лишь предположить, что в большинстве говоров Владимирско-Поволжской группы гласный *ы* отличается по качеству от /ъ/, произносимого на месте *а* и *о*. Совпадение гласных *а*, *о*, *ы* в /ъ/ наблюдается лишь на южной части территории группы.

П о л о ж е н и е п о с л е м я г к и х с о г л а с н ы х. В этом положении по говорам Владимирско-Поволжской группы обычно различаются только гласные *у* и *и* или *у* и *ь*, т. е. в гласном /ь/ или /и/ совпадают как гласные неверхнего

Карта 101

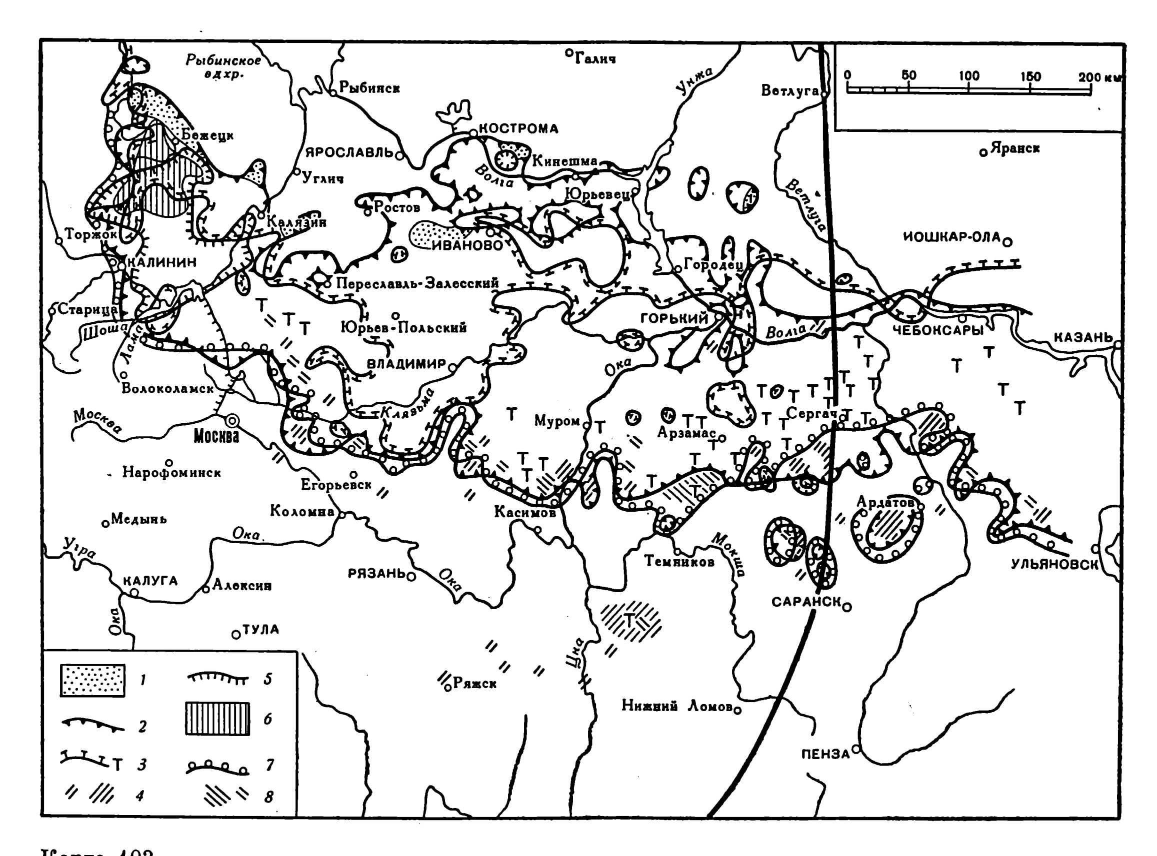
Произношение гласных в соответствии *у* **во 2-м предударном слоге:**

1 — /ъ/: *м/ъ/жикй, к/ъ/лакй; 2*—/ъ/: только в слове *мужики: мъжикй*; 3 — /ъ/ в других единичных словах
4 — граница вост. ср.-р. говоров

подъема *а*, *о*, *е*, так и гласный верхнего подъема *и* (см. /*див'атнáцът*, *пиргон'áли*, *чилавéк*, *вит'орóк*, *въч'оркóм*; *чисовóй; мидонóсы*, *тимнотá*/ Атлас VI), что касается гласного *у*, то, по отдельным имеющимся данным, в общем не полным и не вполне удовлетворительным, возможно как произношение /*и*/, /ь/ в соответствии *у* в одних говорах (ср. *с*/*и*/*ртугй*, *ч*/*и*/-*букй*), так и различение—/*у*/— в других. Тем самым в положении после мягких согласных редукция и неразличение гласных во 2-м предударном слоге распространены в говорах Владимирско-Поволжской группы шире, чем в положении после твердых согласных. Особо следует отметить, что если после твердых согласных в некоторых случаях было возможно произношение звука, акустически близкого к /*о*/, то после мягких согласных никаких указаний на произношение гласных типа /*о*/ нет, а произносимые редуцированные типа /ь/ или /*и*/ могут быть связаны с *е*; в соответствии *а* в данных говорах тоже произносится /*и*/ или /ь/.

П о л о ж е н и е   в   н а ч а л е   с л о в а. Характерная в этом положении возможность произношения гласного /*у*/ в соответствии начальному *о* во 2-м предударном слоге в той же мере выделяет говоры Владимирско-Поволжской группы, как и возможность редукции и совпадения гласных во 2-м предударном слоге или типы различения гласных в 1-м предударном слоге. Совокупность этих черт является одной из их основных отличительных особенностей.

Хотя на карте 102 показаны только случаи произношения /*у*/ в соответствии *о* (слова с начальным *а* немногочисленны и все иноязычного происхождения), нет оснований сомневаться в возможности произношения /*у*/ и в словах с начальным *а*, ср.: *угронóм* Атлас VI. Правда, в словах с начальным *а* нередко наблюдается сильная редукция вплоть до отпадения начального гласного: *курáтный*, *перáция*, *петúт* (=*аппетит*) и т. п., возможно особенно характерная для слов, исконно чуждых говору. Впрочем, явление отпадения гласных

Карта 102

Гласные в соответствии начальному *о* во 2-м предударном слоге:

1 — /у/: /у/*дногó* при различении гласных во 2-м предударном слоге слова: *г/о/лова, далекó*; 2 — /у/: /у/*дногó* при возможном совпадении гласных неверхнего подъема во 2-м предударном слоге: *г/ъ/ловá, д/ъ/леко*; 3 — /о/: /о/*дного*; 4 — /у/ наряду с /а/: /у/*дногó*, /а/*дногó* при *г/ъ/ловá, д/ъ/лекó*; 5 — /у/ в слове *ржаной*: /у/*ржанóй*; 6 — /у/ в слове *льняной*: /у/*льнянóй*; 7 — граница оканья; 8 — говоры с сосуществованием оканья и аканья

известно в пределах говоров группы и в соответствии *о*, особенно часто у людей, утрачивающих произношение /у/ вместо *о* в начальном слоге.

Возможность произношения /у/ в соответствии начальному *о* за пределами влад.-поволж. говоров отмечают и в говорах северного наречия, но лишь в отдельных словах, главным образом в таких, как /у/*гурцы́*, /у/*горóд*. и лишь в говорах, которым свойственны *у*-образные звуки на месте *о* в 1-м и во 2-м предударных слогах. В восточных ср.-р. акающих говорах случаи такого произношения редки и встречаются обычно на границе с окающими говорами, что позволяет толковать наличие /у/ в этих акающих говорах как указание на недавнюю утрату в них оканья, причем в них в начале слова обычно произносится /а/ и только в отдельных словах, как правило, тех, в которых начальный гласный 2-го предударного слога не чередуется с ударенным, произносится /у/: /у/*гурцы́*, /у/*горóд*, /у/*тдалённые*, /у/*топри́*, /у/*пускáюсь* и под.[62] (при этом в каждом отдельном говоре обычно отмечают лишь одно из перечисленных слов). Поэтому указанная выше взаимосвязь оканья, возможности редукции и совпадения гласных во 2-м предударном слоге и произношения /у/ на месте начальных гласных неверхнего подъема в том же положении является несомненной.

При утрате оканья как системы и при переходе к аканью утрачивается как определенная фонетическая закономерность и возможность произношения /у/ в соответствии начальным *о* и *а*, хотя в отличие от самого оканья, которое не может существовать в качестве лексикализованного явления, случаи произношения типа *угорóд*, *угурцы́* могут сохраняться в акающем говоре, утратившем фонетическое чередование *о—у*, поскольку при аканье глас-

[62] Материалы Атласа VI, карта 9, комментарии, стр. 390—403.

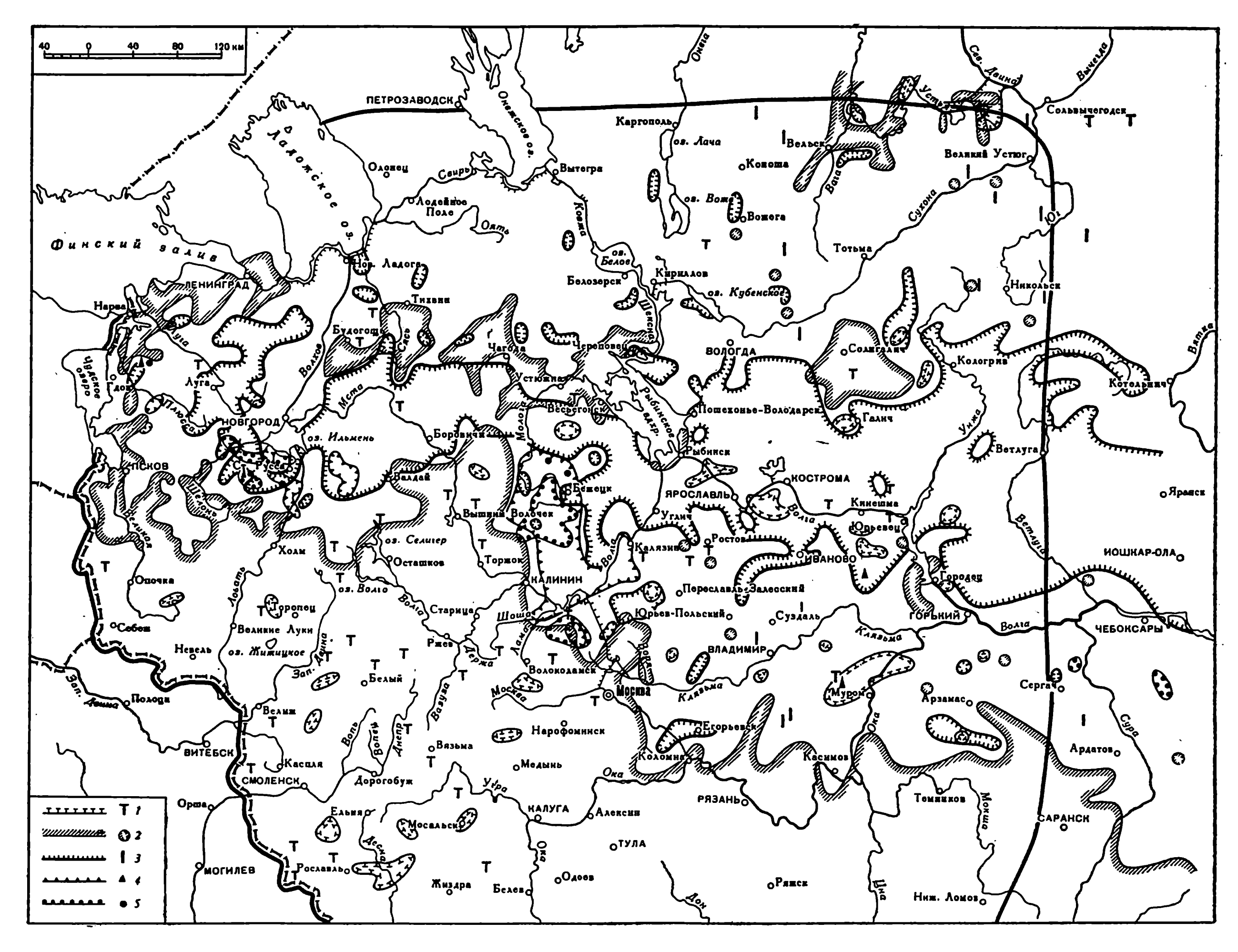
ный *у* не включен в систему совпадения гласных. О системной обусловленности и взаимосвязанности появления /у/ на месте начального *о* во 2-м предударном слоге в говорах Владимирско-Поволжской группы свидетельствует и тот факт, что наряду с гласным /у/ в том же положении отмечают в качестве сосуществующих только гласные /ъ/ или /о/, но никогда не /а/: случаи с /а/ возможны лишь на южной границе группы в говорах, совершающих или недавно совершивших переход от оканья к аканью. Характерно, что в говорах на южной и юго-западной части территории Владимирско-Поволжской группы, подверженных южнорусскому влиянию, но не утрачивающих оканья, случаев произношения /а/ в этом положении не отмечают: подобное произношение чуждо системе вокализма этих говоров, чем объясняется и отсутствие возможности чисто лексического пути его распространения.

В произношении начальных гласных во 2-м предударном слоге наблюдаются некоторые различия между южными и юго-западными говорами группы в отличие от ее более северных говоров. Так, на юге более закономерным является сосуществование в этом положении гласных /у/ и /ъ/, тогда как в более северных говорах группы сосуществуют /у/, /о/, /ъ/. Причем возможность произношения начального /о/ отмечают в тех же говорах, где возможно и произношение /о/ во 2-м предударном слоге после твердых согласных. Гласный /ъ/ в начале слова, наличие которого почти повсеместно отмечают наряду с /у/, видимо, варьируется по характеру его образования. В одних случаях он очень краток и произносится как шепотный призвук, близкий к нулю звука; в других он является звуком более полным, типа краткого *о*. Именно такого рода звук при записи и обозначается то как /ъ/, то как /о/. Самое появление редуцированного гласного наряду с /у/ в начале слова может объясняться отчасти и положением слова во фразе: при тесном слиянии с согласным предшествующего слова произношение /ъ/ на месте *о* и *а* становится фонетически закономерным. С другой стороны, в говорах, особенно на некоторых из южных частей территории, заметна общая тенденция к сильному сокращению начального гласного во 2-м предударном слоге как на месте *о*, так и на месте *у*, что соответствует тенденции неразличения гласных на месте *а, о, у*, в этом положении.

Особую судьбу имел во влад.-поволж. говорах тот гласный, который исторически развивался перед начальным сочетанием сонорного согласного с шумным. В большинстве говоров русского языка его произношение подчиняется общей закономерности произношения гласных 2-го предударного слога: *аржано́й*, *оржано́й* или реже *ържано́й*, *уржано́й*, *иржано́й*.

Говоры Владимирско-Поволжской группы, как правило, не имеют гласного в этих случаях (произносится *ржано́й* и под.), в связи с чем на карте 103 показано как наличие, так и отсутствие, а также качество гласного в подобных случаях на всей территории говоров русского языка. При этом нельзя не обратить внимания на то, что протетический гласный отсутствует не во всех говорах на территории бывшей Ростово-Суздальской земли (говоры центра), а только во влад.-поволж., в то время как в ярославских и костромских говорах он имеется. Это позволяет предположить, что отсутствие протетического гласного во влад.-поволж. говорах могло быть результатом вторичных процессов, связанных с установлением характера произношения гласных во 2-м предударном слоге. Так, возможно, что в то время, когда начальные гласные неверхнего подъема в говорах Владимирско-Поволжской группы совпадали во 2-м предударном слоге в одном гласном /у/, в словах типа *ржано́й* был такой гласный, который отличался по качеству от гласных неверхнего подъема и поэтому не подлежал вместе с ними изменению в /у/, а будучи редуцированным по своему характеру, утрачивался при общем сокращении гласных в этом положении. В других говорах центра (например, в Костромской группе говоров), которым не было свойственно сокращение гласных во 2-м предударном слоге и неизвестно изменение начального *о* в *у*, произошло обобщение редуцированного призвука с другими гласными, произносимыми при системе различения, например с гласным *о* по типу: /о/*горо́д*, /о/*дного́*. Ср. произношение этого гласного как /а/ или /и/ в южных говорах. В тех периферийных влад.-поволж. говорах, где отмечают наличие начального гласного в словах типа *ржано́й*, этим гласным является /ъ/ или /у/, т. е. качество гласного зависит и здесь от основной системы произношения безударных гласных. Возможность произношения в северо-восточной части говоров Владимирско-Поволжской группы /о/ наряду с /ъ/ и /у/ явно связана с близостью говоров северного наречия (Костромская группа).

В калининских говорах, на восточной части территории бывшего Тверского княжества, отмечается произношение *уржано́й*, *ульняно́й*. При этом в соседних с ними западных ср.-р. акающих говорах в этих же словах произносится начальное /а/. Это говорит о том, что произношение протетического гласного пол-

Карта 103

Качество начального гласного при его наличии в словах *ржаной, льняной*:

1 — /ъ/: /ъ/ржанóй; 2 — /а/: /а/ржанóй; 3 — /о/: /о/ржанóй; 4 — /у/: /у/ржанóй; 5 — /у/: /у/льнянóй

ностью определяется основной системой вокализма тех или иных говоров.

З а у д а р н ы й   в о к а л и з м. Вокализм заударных слогов сложен и неоднороден на разных частях территории данной группы, что определяется влиянием на его характер одновременно нескольких факторов. Этими факторами являются условия фонетического характера: твердость или мягкость предшествующего или последующего согласного, положение среди других заударных слогов (конечный, неконечный слог, открытый или закрытый). Отражается на характере заударного вокализма и влияние морфологического фактора: входит ли заударный гласный в состав корня или флексии и от того, к какой грамматической категории принадлежит данная флексия. При этом зависимость от морфологического фактора слабее прослеживается в заударных неконечных слогах, так как в этом положении мало случаев, где неконечный гласный входит в состав флексий, наряду с этим именно в данном положении гласные чаще подвержены редукции. Для гласных конечных заударных слогов наиболее характерна зависимость их произношения от положения слова в речевом потоке: редукция в положении не перед паузой, произношение полных гласных, если оно вообще возможно в данных говорах, перед паузой или при отдельном произнесении слов.

Указанная зависимость произношения заударных гласных от фонетических положений и от принадлежности к морфологическим категориям и отражена на помещаемых ниже таблицах 11—16. Различные системы заударного вокализма распределяются по тем же объединениям говоров в пределах группы, которые

Таблица 11

Произношение гласных заударных слогов после твердых согласных в соответствии отдельным этимологическим гласным *

В слогах разного типа в соответствии гласным / Говоры отдельных частей территории группы	В неконечном слоге								В закрытом конечном слоге								В открытом конечном слоге						
	о		*а*		*ы*		*у*		*о*		*а*		*ы*		*у*		*о*		*а*		*ы*		*у*
Городецкие	*о*	*ъ*	*а*	*ъ*	*ы*		*у*		*о*	*ъ(а)*	*а*	*ъ*	*ы*	*ъ(а)*	*у*		*о*	*ъ*	*а*	*ъ*	*ы*		*у*
Ростово-Суздальские	*(о)*	*ъ*	*(а)*	*ъ*	*ы*		*у*		*о*	*ъ, а*	*а*	*ъ*	*ы*	*ъ(а)*	*у*		*о*	*ъ, а*	*а*	*ъ*	*ы*		*у*
Владимирские		*ъ*		*ъ*	*ы*	*ъ*	*у*		*(о)*	*ъ, а*		*ъ, а*	*ы*	*ъ*	*у*		*о*	*ъ(а)*	*а*	*ъ*	*ы*		*у*
Переславль-Залесские		*ъ*		*ъ*	*ы*	*ъ*	*у*			*ъ(а)*		*ъ(а)*	*ы*	*ъ*	*у*	*(ъ)*	*(о)*	*ъ(а)*	*(а)*	*ъ*	*ы*		*у*
Калининские		*ъ*		*ъ*		*ъ*	*у*	*ъ*		*ъ(а)*		*ъ(а)*	*ы*	*ъ(а)*	*у*	*ъ(а)*		*ъ*		*ъ*	*ы*	*ъ*	*у*
Муромские		*ъ*		*ъ*		*ъ*	*у*			*ъ, а*		*ъ, а*	*(ы)*	*ъ, а*	*у*			*ъ, а*		*ъ, а*	*ы*		*у*
Горьковские		*ъ*		*ъ*		*ъ*	*у*			*ъ, а*		*ъ, а*	*(ы)*	*ъ, а*	*у*			*ъ, а*		*ъ, а*	*ы*		*у*

* Написание в скобках означает единичность употребления; написание в светлых клетках указывает на различение гласных, в черных — на неразличение.

были намечены выше и по другим диалектным явлениям (см. карты 96 и 105).

Приведенные таблицы показывают, что различия в характере заударного вокализма после твердых согласных между отдельными объединениями говоров в пределах Влад.-Поволж. группы выражаются как в качестве гласных, в которых происходит совпадение, так и в количестве различающихся гласных в каждом из фонетических положений. При этом прослеживается большая близость между объединениями, расположенными на южной и юго-западной части территории группы, в отличие от объединений, расположенных на северной и северо-восточной части ее территории, в пределах которых наблюдается постепенный переход от южных разновидностей систем совпадения гласных к более северным. Так, для говоров северной, северо-восточной части группы (городецкие говоры) характерно сосуществование непоследовательно в них осуществляемого неразличения гласных, сосуществующего с сохранением различения, причем неразличения, охватывающего только гласные неверхнего подъема *а—о*, могущие совпадать в /ъ/ [63]. Близостью этих говоров по характеру произношения заударных гласных к говорам северного наречия объясняется сохранение в городецких говорах некоторых типичных для северного наречия грамматических различий, касающихся склонения слов типа *дедушка*, качества гласных в форме 3-го л. мн. ч. у глаголов II спряжения и окончаний им. п. мн. ч. существительных ср. р.

В отличие от этого в говорах южной, юго-западной частей территории группы (калининские говоры, а также юго-западная часть переславль-залесских, с одной стороны, и муромские—горьковские, с другой) имеется минимальное количество различающихся гласных во всех заударных слогах, а именно: последовательное неразличение гласных неверхнего подъема, совпадающих в /ъ/ или /а/ и частичное неразличение и совпадение в тех же гласных /ъ/ или /а/ гласных верхнего подъема *ы* и в части этих говоров (калининские говоры) *у*. Этим данные говоры близки к акающим восточным ср.-р. говорам, от которых для них трудно установить границу в отношении указанных явлений (напомним, что сходная картина наблюдается и в отношении вокализма 2-го предударного слога см. выше).

[63] Лишь в редких говорах на этой территории (говоры возле Юрьевца) в заударном положении, кроме положения открытого слога, возможно совпадение в /ъ/ гласных *а*, *о*, *ы* и таким образом различение двух гласных *ъ* и *у* в этих положениях.

Таблица 12

Системы произношения гласных заударных слогов после твердых согласных *

<table>
<tr><th rowspan="2">В слогах разного типа в соответствии гласным / Говоры отдельных частей территории группы</th><th colspan="4">В неконечном слоге</th><th colspan="4">В конечном закрытом слоге</th><th colspan="4">В конечном открытом слоге</th></tr>
<tr><th>о</th><th>а</th><th>ы</th><th>у</th><th>о</th><th>а</th><th>ы</th><th>у</th><th>о</th><th>а</th><th>ы</th><th>у</th></tr>
<tr><td rowspan="3">Городецкие</td><td>о</td><td>а</td><td>ы</td><td>у</td><td>о</td><td>а</td><td>ы</td><td>у</td><td>о</td><td>а</td><td>ы</td><td>у</td></tr>
<tr><td colspan="2">ъ</td><td>ы</td><td>у</td><td colspan="3">ъ</td><td>у</td><td colspan="2">ъ</td><td>ы</td><td>у</td></tr>
<tr><td colspan="4"></td><td colspan="3">а</td><td>у</td><td colspan="4"></td></tr>
<tr><td rowspan="4">Ростово-Суздальские</td><td>о</td><td>а</td><td>ы</td><td>у</td><td>о</td><td>а</td><td>ы</td><td>у</td><td>о</td><td>а</td><td>ы</td><td>у</td></tr>
<tr><td colspan="2">ъ</td><td>ы</td><td>у</td><td colspan="2">а</td><td>ы</td><td>у</td><td colspan="2">ъ</td><td>ы</td><td>у</td></tr>
<tr><td colspan="4"></td><td colspan="3">ъ</td><td>у</td><td colspan="2">а</td><td>ы</td><td>у</td></tr>
<tr><td colspan="4"></td><td colspan="3">а</td><td>у</td><td colspan="4"></td></tr>
<tr><td rowspan="3">Владимирские</td><td colspan="2">ъ</td><td>ы</td><td>у</td><td>о</td><td>а</td><td>ы</td><td>у</td><td>о</td><td>а</td><td>ы</td><td>у</td></tr>
<tr><td colspan="3">ъ</td><td>у</td><td colspan="2">а</td><td>ы</td><td>у</td><td colspan="2">ъ</td><td>ы</td><td>у</td></tr>
<tr><td colspan="4"></td><td colspan="3">ъ</td><td>у</td><td colspan="2">а</td><td>ы</td><td>у</td></tr>
<tr><td rowspan="4">Переславль-Залесские</td><td colspan="2">ъ</td><td>ы</td><td>у</td><td colspan="2">ъ</td><td>ы</td><td>у</td><td>о</td><td>а</td><td>ы</td><td>у</td></tr>
<tr><td colspan="3">ъ</td><td>у</td><td colspan="2">а</td><td>ы</td><td>у</td><td colspan="2">ъ</td><td>ы</td><td>у</td></tr>
<tr><td colspan="4"></td><td colspan="3">ъ</td><td>у</td><td colspan="2">а</td><td>ы</td><td>у</td></tr>
<tr><td colspan="4"></td><td colspan="4">ъ</td><td colspan="4"></td></tr>
<tr><td rowspan="3">Калининские</td><td colspan="3">ъ</td><td>у</td><td colspan="2">ъ</td><td>ы</td><td>у</td><td colspan="2">ъ</td><td>ы</td><td>у</td></tr>
<tr><td colspan="4">ъ</td><td colspan="4">ъ</td><td colspan="3">ъ</td><td>у</td></tr>
<tr><td colspan="4"></td><td colspan="4">а</td><td colspan="4"></td></tr>
<tr><td>Муромские</td><td colspan="3">ъ</td><td>у</td><td colspan="2">ъ</td><td>ы</td><td>у</td><td colspan="2">ъ</td><td>ы</td><td>у</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Горьковские</td><td colspan="4"></td><td colspan="3">ъ</td><td>у</td><td colspan="2">а</td><td>ы</td><td>у</td></tr>
<tr><td colspan="4"></td><td colspan="3">а</td><td>у</td><td colspan="4"></td></tr>
</table>

* Системы, помещенные в черных клетках, встречаются на территории данных говоров редко.

Между двумя указанными наиболее контрастными частями территории Владимирско-Поволжской группы находятся как бы говоры промежуточные по данной черте: к ним относятся переславль-залесские говоры (главным образом более северная часть их территории), владимирские, ростово-суздальские, в которых по-разному варьируются элементы южной и северной систем неразличения и различения заударных гласных.

С другой стороны, между более южными говорами также имеются свои различия по качеству гласного, в котором происходит совпадение, и по количеству различающихся гласных. Так, в калининских говорах различаются или только два гласных, или же совпадение является полным для всех гласных во всех заударных положениях, кроме положения конечного открытого слога; в муромских же и горьковских говорах количество и качество различаемых гласных неодинаково в каждом из типов заударных слогов.

Возможность совпадения гласного *у* с гласными неверхнего подъема может быть связана также с тем, чередуется ли этот гласный с ударенным или нет, ср. большую широту произношения *бм/ъ/т* (непроверяемое ударением) по сравнению с *за́м/ъ/ж*, где имеется чередование с ударенным гласным при словообразовании. Возможно также, что совпадению *у* с *ъ* содействует положение перед следующим мягким согласным; так, редукция чаще встречается в случаях типа *бк/ън'/*, *гбл/ъп'/*, *прор/ъп'/*.

Подобные ограничения для совпадения *у* и *ъ* могут свидетельствовать о позднем времени развития этого явления по сравнению с совпадением других гласных (см. карту 104).

Характерно, что муромские, наиболее южные говоры Владимирско-Поволжской группы, не знают произношения /ъ/ в соответствии *у* в заударных слогах, хотя это явление широко известно восточным ср.-р. акающим говорам отдела В и калининским говорам Владимирско-Поволжской группы. В то же время эти говоры знают совпадение *ы* с *ъ*, также свойственное говорам восточной части южного наречия. Все это свидетельствует о разновременности развития в говорах неразличения гласных верхнего подъема *ы* и *у*. Наибольшее развитие подобного неразличения наблюдается в калининских говорах, как испытавших непосредственное влияние говоров южного наречия.

Итак, видим, что по качеству гласного, в котором происходит совпадение в заударных слогах, наиболее близки между собой калининские и переславль-залесские говоры с преобладающим в них произношением гласного /ъ/ в отличие от муромских и горьковских говоров, где преобладает произношение /а/ в данном положении. При этом возможно, что произношение /а/ в муромских говорах является вторичным и что первоначально возникавшим в них гласным, в котором совпадали *а* и *о*, был гласный,

Произношение гласных заударных слогов после мягких согласных перед твердыми соглас в соответствии отдельным этимологическим

В словах разного типа в соответствии гласным в разных грамматических категориях / Говоры отдельных частей территории группы	В неконечном слоге						В конечном закрытом слоге											
	е		*ě*		*а*		*е*						*ě*		*а*			
	в корне слова						в корне слова		в глагольных флексиях		во флексиях сущ.				в глагольных флексиях		во флексиях сущ.	
Городецкие	*о, е*	*ь, и*	*е*	*ь, и*	*а(е)*	*ь, и*	*о*		*о*		*о*		*е*		*а*		*а*	
Ростово-Суздальские	*(о)е*	*ь, и*	*е*	*ь, и*	*а*	*ь, и*	*е*	*а*	*(е, о)*	*а*		*а(ь)*	*е*		*а*		*а*	
Владимирские	*е*	*ь, и*	*е*	*ь, и*	*а*	*ь, и*	*(о)е*	*(ь)*	*(о)е*	*ь, и*	*(о)*	*а, ь*	*е*	*ь*	*а*	*у*	*а*	*ь*
Переславль-Залесские		*ь, и*		*ь, и*	*ъ*	*ь, и*	*(о)е* **	*ь, и*	*(о)е*	*ь, и*	*(о)е*	*ь, и*	*е*	*ь, и*		*у*		*а* / *и*
Калининские		*ь, и*		*ь, и*		*ь, и*	*е*	*ь, и*		*ь, и*		*ь, и*		*и, ь*		*у*		*и*
Муромские		*ь, и*		*ь, и*		*ь, и*		*ь, и*		*ь, и*		*а, ь, и*		*ь, и*		*у*		*а, и(ь)*
Горьковские		*ь, и*		*ь, и*		*ь, и*												*а, е, и*

* Написание в скобках означает единичность употребления; написание в светлых клетках указывает на различие гласных,

** Написание типа $\frac{е(о)}{ь,\ и}$ означает различное произношение на северной (вверху) и южной (внизу) частях территории.

более близкий к *ы* (типа *ъ*), что и вело к фактическому неразличению гласных *а*, *о* и *ы*. Лишь позднее наступал процесс перехода этого звука в положении закрытого конечного заударного слога в /*а*/, во что естественно был втянут и гласный *ы*.

По характеру заударного вокализма после мягких согласных территория Владимирско-Поволжской группы членится примерно так же, как и по характеру заударного вокализма после твердых согласных, хотя качество гласных здесь и более многообразно (см. таблицы 13, 14, 15, 16 и карту 105).

Системы совпадения заударных гласных после мягких согласных являются гораздо более сложными по своей структуре. Это объясняется в свою очередь отчасти и тем, что после мягких согласных максимальное количество различающихся гласных неверхнего подъема три — *а*, *о*, *е* (а не два), представляющие два ряда образования: передний — *е* и непередний — *а*, *о*. При этом на разных частях территории группы и в разных фонетических условиях и морфологических категориях гласные *о—е—а*, редуцируясь, то совпадают независимо от ряда в одном гласном, то сохраняют различие по принадлежности к разным рядам. Так, гласный на месте этимологического *е* может разделять судьбу фонемы ‹*о*› и произноситься как /*о*/ или /*а*/, или разделять судьбу фонемы ‹*е*› и произноситься как /*е*/, /*и*/, /*ь*/. При зависимости того или другого произношения от грамматической категории: *ка́м/н'а/м*, но *вы́/не/с*, *бу́/де/т*, как это наблюдается во владимирских или муромских говорах, возникает предположение, что ко времени совпадения гласных в в этих говорах гласный /*о*/ в соответствии *е* произносился только в тех категориях, в которых впоследствии стал произноситься гласный /*а*/ [64].

Членение территории Владимирско-Поволжской группы по характеру заударного вокализма после мягких согласных также идет в направлении с юга на север, причем более

[64] Р. И. Аванесов. Очерки, стр. 120.

Таблица 13

ными и в конечном открытом слоге гласным *

В конечном открытом слоге							
е				*ё*		*а*	
во флексиях сущ.		в глагольных флексиях		во флексиях сущ.			
о		*о*		*е*		*а*	
о		*о*	*а*	*е*		*а*	
о / *е*	/ *ь*	*о* / *е*	*ь*	*е*	*ь*	*а*	*ъ*
о, е /	/ *ь*	*о* /	/ *ь, и*		*ь, и*	*а*	*ъ*
е / —	/ *а, ь*	*е* /	/ *ь, и*		*ь, и*		*а* / *ь*
(*е, о*)	*а*(*ь*)		*а* / *и*		*ь, и*		*а, ь*
(*е*)	*а*(*ь*)		*и*		*ь, и*		*а, ь*

в черных — на неразличение гласных.

южные говоры группы ближе в этом отношении к восточным ср.-р. акающим говорам — в них не прослеживается различий между гласными разных рядов, а северо-восточные говоры — к говорам Костромской группы северного наречия, где эти различия прослеживаются.

Наблюдаемое в говорах южной части территории отсутствие различий между гласными переднего и заднего ряда в положении неконечного слога может быть признано вторичным, вытеснившим ранее существовавшее различие между ними. О чисто фонетической основе этого процесса свидетельствует параллелизм в характере совпадения гласных в положении как после твердых, так и после мягких согласных в этих говорах (ср. *ъ—ь, и*).

Количество различающихся гласных конечных закрытых слогов в значительной степени определяется принадлежностью слова к морфологической категории, что особенно сильно и определенно прослеживается в категории имен, имеющих твердую и мягкую разновидности склонения по сравнению, например, с глагольными флексиями или корнями слов, имеющими в ряде случаев особое по сравнению с именными флексиями произношение гласных [65].

В положении перед мягкими согласными с большей очевидностью, чем в том же положении перед твердыми согласными, выступает зависимость качества различающихся гласных от морфологического фактора, хотя практически это касается только формы тв. п. ед. ч. существительных ж. р., где возможно произношение /о/ или /а/ как результат его изменения: *зем/л'ӧй/* как *с'ест/рӧй/* и в связи с этим — *дерӗв/н'ой/*. При этом характер произношения заударных гласных в этом положении в разных говорах на северной части территории группы генетически является единым. Совпадение всех гласных в /е/ в городецких говорах можно объяснить при сравнении его с неполным различением во владимирских и ростово-суздальских говорах процессом замены *'а'* на *'е'* в прилегающих к ним с севера говорах северного наречия. Сохранение, хотя и непоследовательное, различения *е—е—а* в соседних владимирских говорах свидетельствует о генезисе этого совпадения, сложившегося на путях внутренней перестройки системы различения, не связанной с редукцией.

В положении конечного открытого слога произношение /а/ в соответствии этимологическому *е*, но не *ё* свидетельствует о том, что в этой позиции раньше произносился гласный /о/. Это подтверждают и данные владимирских говоров, в которых /о/ в соответствии *е* в конечном открытом слоге сохраняется и сейчас. В муромских говорах на более южной территории имеется расхождение в качестве гласного, в котором происходит совпадение, в зависимости от значения морфемы: /а/ на месте *е* произносится только в именах, в глаголах же произносится *и*: *пӧ/л'а/—идӥт/и/*.

В целом изучение явлений заударного вокализма после мягких согласных требует постановки вопроса о времени и путях появления гласного *о* вм. *е* в данной позиции, при этом, в частности, возникает вопрос о том, было ли изменение *е* > *о* процессом, одновременно охватывавшим и ударенный и безударные слоги и протекавшим во всех этих положениях на основании одних и тех же причин собственно фонетического характера [66]. Отсутствие *о* в заудар-

---

[65] См. о той же зависимости: Р. И. Аванесов. Очерки, стр. 120.

[66] Общепринятой по этому вопросу можно считать именно ту точку зрения, согласно которой изменение *е* > *о* совершалось независимо от места ударения. См. А. А. Шахматов. Курс истории русского языка. Спб., 1911—1912; А. И. Соболевский. Лекции; В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

Системы произношения гласных заударных слогов после мягких согласных перед твердыми согласными и в конечном открытом слоге *

В слогах разного типа в соответствии гласным в разных грамматических категориях / Говоры отдельных частей территории группы	В неконечном слоге					В конечном закрытом слоге																В конечном открытом слоге					
	в корне слова					в корне слова					в глагольных флексиях					во флексиях сущ.		во флексиях сущ.					в глагольных флексиях
	е	*ё*	*а*	*и*	*у*	*е*	*ё*	*а*	*и*	*у*	*е*	*ё*	*а*	*и*	*у*	*е*	*а*	*е*	*ё*	*а*	*и*	*у*	*е*
Городецкие	*о*	*е*	*а*	*и*	*у*	*о*	*е*	*а*	*и*	*у*	*о*	*е*	*а*	*и*	*у*	*о*	*а*	*о*	*е*	*а*	*и*	*у*	*о*
		е	*а́*	*и*	*у*																		
			е	*и*	*у*																		
				ь, и	*у*																		
Ростово-Суздальские	*о*	*е*	*а*	*и*	*у*		*е*	*а*	*и*	*у*	*о*	*е*	*а*	*и*	*у*		*а*	*о*	*е*	*а*	*и*	*у*	*о*
		е	*а*	*и*	*у*	*а*	*е*	*а*	*и*	*у*	*а*	*е*	*а*	*и*	*у*								*е*
				ь, и	*у*							*е*	*а*	*и*	*у*								*а*
Владимирские		*е*	*а*	*и*	*у*	*о*	*е*	*а*	*и*	*у*	*о*	*е*	*а*	*и*	*у*	*о*	*а*	*о*	*е*	*а*	*и*	*у*	*о*
				ь, и	*у*		*е*	*а*	*и*	*у*		*е*	*а*	*и*	*у*		*а*		*е*	*а*	*и*	*у*	*е*
									ь, и	*у*		*ь, и*	*у*	*ь, и*	*у*		*ь*						
Переславль-Залесские				*ь, и*	*у*				*ь, и*	*у*		*ь, и*	*у*	*ь, и*	*у*		*ь*	*е*		*а*	*и*	*у*	*ь, и*
																		ь		*а*	*ь*	*у*	
Калининские				*ь, и*	*у*				*ь, и*	*у*		*ь, и*	*у*	*ь, и*	*у*		*ь*	*е*	*и*	*а*	*и*	*у*	*ь, и*
			*ь, и ***					*ь**										*а*	*и*	*а*	*и*	*у*	
																					ь	*у*	
Муромские				*ь, и*	*у*				*ь, и*	*у*		*ь, и*	*у*	*ь, и*	*у*		*а*	*е*	*и*	*а*	*и*	*у*	*а*
																		а	*и*	*а*	*и*	*у*	*и*
																					ь	*у*	
Горьковские				*ь, и*	*у*				*ь, и*	*у*		*ь, и*	*у*	*ь, и*	*у*		*а*	*е*	*и*	*а*	*и*	*у*	
																	ь	*а*	*и*	*а*	*и*	*у*	*и*
																					ь	*у*	

* Системы, помещенные в черных клетках, встречаются на территории данных говоров редко.

** Из-за отсутствия материала нет полной уверенности в том, совпадает ли гласный *у* после мягких согласных в *ъ* в калининских говорах. Однако, судя по наличию *у* > *ъ* в том же положении после твердых согласных, основания для такого предположения имеются; ср. вывод М. В. Панова о том, что в московском просторечье в заударном положении *у* между мягкими согласными произносится как *ъ*: *чё/л'ьс'т'/* при *б/кун'/*.

Таблица 15

Произношение гласных заударных слогов в положении после мягких согласных перед мягкими согласными в соответствии отдельным этимологическим гласным

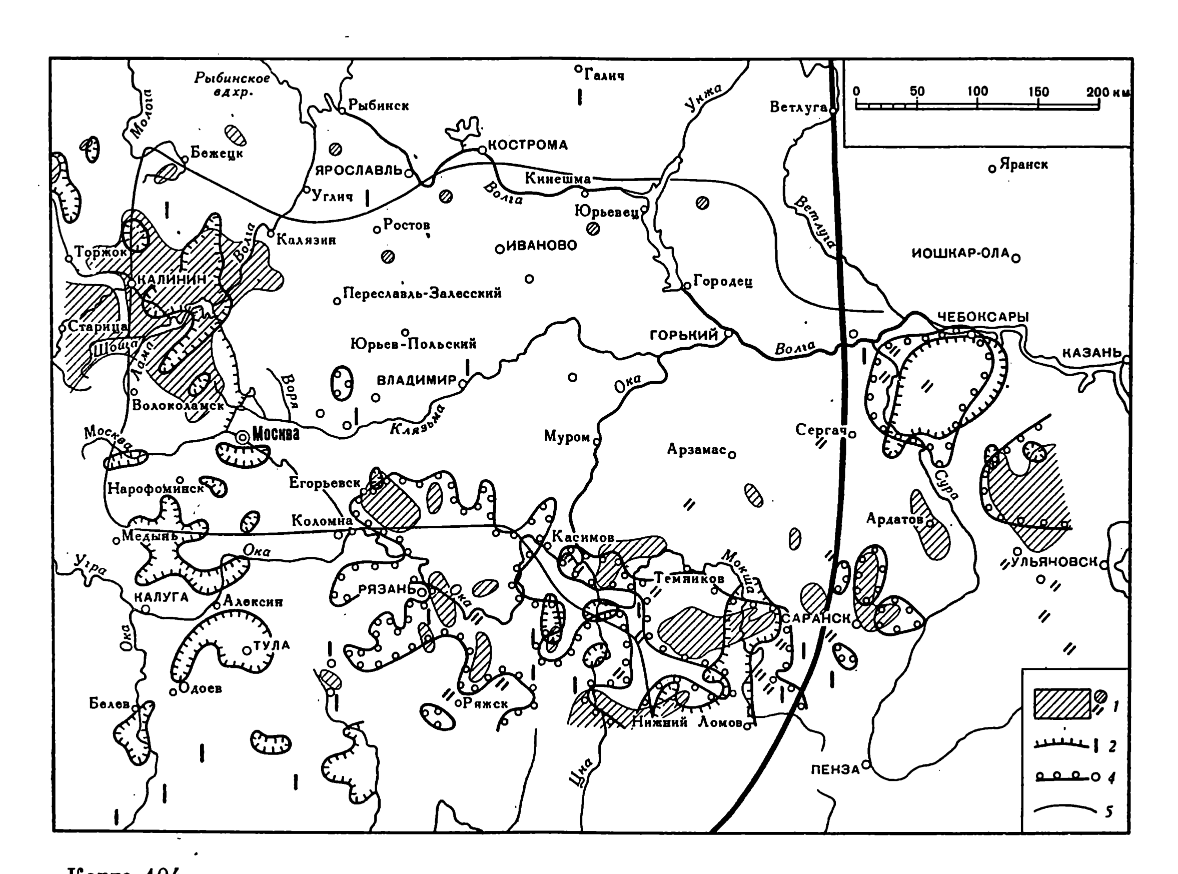
В слогах разного типа в соответствии гласным в разных грамматических категориях / Говоры отдельных частей территории группы	В неконечном слоге						В конечном закрытом слоге							
	е		*ё*		*а*		*е*				*а*			
	в корне слова						в корне слова		во флексиях сущ.		в корне слова		в суффиксе перед *ч*	
Городецкие	*е*	*ь, и*	*е*	*ь, и*	*е, а*	*ь, и*	*е*	*ь*	*о*		*е(а)*	*ь, и*	*е*	*ь*
Ростово-Суздальские	*(е)*	*ь, и*	*(е)*	*ь, и*	*а*	*ь, и*	*е*	*ь*	*(е)*	*а(ь)*	*а*	*и, ь*	*е, а*	*и*
Владимирские	*(е)*	*ь, и*	*(е)*	*ь, и*	*а*	*ь, и*	*е*	*ь, и*	*(о), е*	*а*	*а*	*и, ь*	*а (е)*	*и*
Переславль-Залесские		*ь, и*		*ь, и*		*ь, и*	*(е)*	*ь, и*	*е*	*ь*		*ь, и*	*(е)*	*ь, и*
Калининские		*ь, и*		*ь, и*		*ь, и*		*ь, и*		*ь, и*		*ь, и*		*ь, и*
Муромские		*ь, и*		*ь, и*		*ь, и*		*ь, и*	*(е)*	*а, ь, и*		*ь, и*		*ь, и*
Горьковские		*ь, и*		*ь, и*		*ь, и*		*ь, и*		*а, ь, и*		*ь, и*		*ь, и*

Таблица 16

Системы произношения гласных заударных слогов после мягких согласных перед мягкими согласными и *ч*

В слогах разного типа в соответствии гласным в разных грамматических категориях / Говоры отдельных частей территории группы	В неконечном слоге					В конечном закрытом слоге							
	в корне слова					в корне слова					во флексиях сущ.	в суффиксах перед *ч*	
	е	*ё*	*а*	*и*	*у*	*е*	*ё*	*а*	*и*	*у*	*е*	*е*	*а*
Городецкие	*е*		*а*	*и*	*у*	*е*		*а*	*и*	*у*	*о*	*е*	
	е			*и*	*у*	*е*			*и*	*у*			
	ь, и				*у*	*ь, и*				*у*		*ь, и*	
Ростово-Суздальские	*е*		*а*	*и*	*у*	*е*		*а*	*и*	*у*	*е*	*е*	*а*
	ь, и				*у*	*ь, и*				*у*	*а*	*е*	
											ь, и	*ь, и*	
Владимирские	*е*		*а*	*и*	*у*	*е*		*а*	*и*	*у*	*о*	*е*	*а*
	ь, и				*у*	*ь, и*				*у*	*е*	*е*	
											а	*ь, и*	

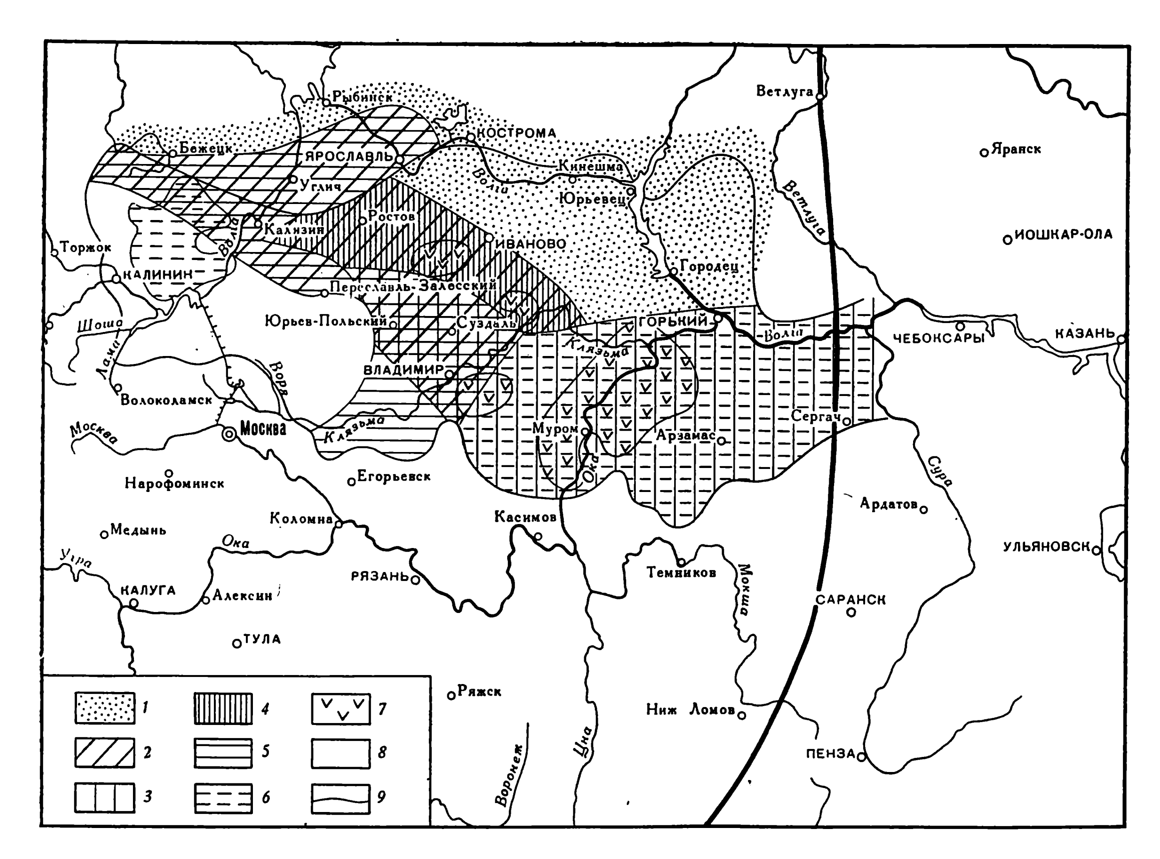
В слогах разного типа в соответствии гласным в разных грамматических категориях / Говоры отдельных частей территории группы	В неконечном слоге					В конечном закрытом слоге							
	в корне слова					в корне слова					во флексиях сущ.	в суффиксах перед *ц*	
	е	*ё*	*а*	*и*	*у*	*е*	*е*	*а*	*и*	*у*	*е*	*е*	*а*
Переславль-Залесские	*ь, и*				*у*	*ь, и*				*у*	*е* / *ь, и*	*е* / *ь, и*	
Калининские	*ь, и*				*у*	*ь, и*				*у*	*ь, и*	*ь, и*	
Муромские	*ь, и*				*у*	*ь, и*				*у*	*ь, и*	*ь, и*	
Горьковские	*ь, и*				*у*	*ь, и*				*у*	*ь, и*	*ь, и*	

Карта 104

Произношение гласных в соответствии *у* в заударных слогах:

1 — *ъ, а* перед твердыми согласными: *бм/ъ/т, бм/а/т*; *2* — */ъ, а/* перед мягкими согласными: *бк/ъ/нь, бк/а/нь*; *3* — *ъ, а, ы/* в слове *замуж — зáм/ъ/ж, зáм/а/ж*; *5*—граница вост. ср.-р. говоров.

Карта 105

Гласные в соответствии *е* в конечном заударном слоге (открытом и закрытом) в разных грамматических категориях слов (условные обозначения см. ниже, в таблице)

Условные обозначения	В окончаниях следующих грамматических категорий				В корневых морфемах: *вы́нес двúнеs*
	им. вин. п. п. ед. ч. ср. р.: *сине, море*	2 л. мн. ч. повелит. накл. *идúте*	твор. п. ед. ч. м. р., ср. р.: *кáмнем, пóлем*	2, 3 л. ед. ч., 1 л. мн. ч. глаголов: *бýдет, стáнем*	
1	*о*	*о*	*о*	*о*	*о*
2	*о*	*о*			
3			*а*		
4			*а*	*а*	*а*
5	*е*	*е*	*е*	*е*	*е*
6	*а*				
7		*а*			
8	*ь*	*ь (и)*	*ь (и)*	*ь (и)*	*ь (и)*
9	Границы Владимирско-Поволжской группы говоров				

ных слогах (кроме случаев морфологической аналогии) и создает специфику различения гласных, отраженную, например, во владимирских говорах. Отсутствие в них /о/ в заударных слогах в соответствии с *о* под ударением никак нельзя объяснить наличием в этих говорах редукции безударных гласных, т. е. поздними процессами, так как этим говорам вообще свойственно частичное различение гласных неверхнего подъема, при этом /е/ произносится в этих говорах в заударных слогах в соответствующих условиях, способствующих его прояснению как гласного полного образования. По данным других говоров видим, что при редукции гласный *е* изменяется в /ь/ или /и/, которые не могли бы быть результатом редукции *о*. Этим, т. е. отсутствием фонемы ‹*о*› в ряде категорий заударного положения, объясняются и (см. табл. 11—14) случаи несоответствия качества гласного, в котором происходит совпадение гласных неверхнего подъема после твердых и мягких согласных в говорах южной и юго-западной части территории группы, а также в акающих восточных ср.-р. говорах.

§ 3. История образования Владимирско-Поволжской группы говоров

История образования данной группы, взятой в целом, как и история выделения отдельных частей в ее пределах, может быть прослежена в связи с изучением истории характерных для нее языковых явлений, одни из которых имеют в ее пределах широкое распространение, а другие по-разному связаны с ее членением.

Основное значение для выделения данной группы как целостного диалектного объединения имеет наличие в ее говорах системно-связанных фонетических новообразований, относящихся к области безударного вокализма. Пределы распространения сложившейся в этих говорах единой системы безударного вокализма, своеобразно сочетающей устойчивое различение гласных в 1-м предударном слоге с редукцией и возможностью совпадения гласных неверхнего подъема во 2-м предударном и заударных слогах, в общем не удается соотнести с какими-либо единицами социального характера, исторически существовавшими на этой территории. Наличие этой системы наблюдается в настоящее время как на территории Ростово-Суздальской земли, где наиболее исконным и ранним было кривичское население (территория вокруг городов Ростова, Суздаля, Владимира, Переславль-Залесского), так и в пределах Муромской земли, куда население попадало позднее, и земли Нижегородской, заселенной еще позднее. С другой стороны, указанная система отсутствует в генетически единых (исторически также кривичских) ярославских говорах или в говорах, образовавшихся в позднее время в ходе ростово-суздальской колонизации (см. говоры, расположенные по левобережью Волги). Таким образом, четкая граница, отделяющая говоры Владимирско-Поволжской группы от восточных ср.-р. акающих говоров и от говоров северного наречия по сумме перечисленных структурно-связанных явлений предударного вокализма, не находит себе аналогии в границах исторического характера. Это заставляет обратиться при изучении истории формирования окающих восточных ср.-р. говоров к сравнению характерного для них вокализма с вокализмом тех диалектных объединений, которые имеют с ними сходство хотя бы в отношении основного принципа существования системы безударного вокализма, тем самым и к изучению связей, имевшихся исторически между частью говоров Ростово-Суздальской земли и другими диалектными объединениями за ее пределами.

Как известно, по вопросу о происхождении безударного вокализма Владимирско-Поволжской группы уже высказывалось мнение о возможности его самостоятельного развития, в частности, независимо от системы вокализма юго-восточных (по происхождению рязанских) говоров [67]. Однако в настоящее время такому предположению противоречит ряд данных как собственно языкового, так и исторического характера. Принимая гипотезу о самостоятельном развитии вокализма влад.-поволж. говоров, мы были бы вынуждены не считаться с тем сходством в основном принципе системы безударного вокализма, наблюдаемом в характере распределения экспираторной силы слогов в пределах слова, которое имеется между говорами Владимирско-Поволжской группы и всеми говорами юго-восточной диалектной зоны, т. е. тем самым в пределах целостного в территориальном отношении широкого юго-восточного ареала. Между тем данные лингвистической географии свидетельствуют о сходстве между говорами Владимирско-Поволжской группы и другими юго-восточными говорами, взятыми в целом не только в отношении распределения экспираторной силы слогов слова [68], но и по ряду других, конкретных языковых черт (см. IV, 1, § 2). При этом характерно, что распределение силового ударения в слове в современных говорах юго-восточного ареала известно только в тех ростово-суздальских говорах, в которых в разной степени представлены и другие диалектные черты, также в основном распространенные в пределах этого ареала, т. е. свойственные кроме восточных ср.-р. говоров южному наречию или юго-восточной зоне. Приведенные данные и ведут к предположению о том, что все эти юго-восточные говоры пережили общие процессы, в результате которых, в частности, развилась и редукция гласных в некоторых безударных слогах. Исключение же такого предположения оставило бы по сути дела без ответа вопрос о причинах отсутствия ре-

---

[67] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 147.

[68] Известно, что силовое распределение слогов в рязанских и тульских говорах такое же, как в говорах влад.-поволж., так как и в тех и в других имеется сильная редукция гласных 2-го предударного слога и совпадение гласных неверхнего подъема при отчетливом и полном произношении гласных 1-го предударного слога, хотя количество гласных, различающихся в 1-м предударном слоге, в этих говорах и разное. См.: П. С. Кузнецов. К вопросу о качестве безударных гласных непервого предударного слога в акающих говорах. «Бюллетень Диалектологического сектора Ин-та русского языка АН СССР», вып. 2, 1948.

зультатов этого процесса во всех других, исконно ростово-суздальских говорах, находящихся на территории, лежащей к северу от влад.-поволж. говоров.

Такой характер распространения делает возможным предположение, что изменения в области безударного вокализма влад.-поволж. говоров произошли в связи или под влиянием безударного вокализма юго-восточных, в частности рязанских говоров. Однако наряду с этим после того, как были пережиты некоторые процессы, общие всем указанным говорам юго-востока, на южной части территории говоров Ростово-Суздальской земли, оформилась, видимо, собственная местная система предударного вокализма. Наличие этой системы в данных говорах препятствовало в дальнейшем распространению в их пределах аканья, позднее усвоенного из числа ростово-суздальских только московским говором, находившимся в особых исторических условиях. При этом привлекает внимание тот факт, что в отношении вокализма заударных слогов говоры Владимирско-Поволжской группы не представляют единства. Это объясняется тем, что некоторые наиболее южные ростово-суздальские говоры пережили дальнейшие изменения заударного вокализма (в большой степени связанного со взаимодействием разных лексико-морфологических категорий) под влиянием соседних акающих говоров, что и привело к тому, что говоры южной части группы по количеству и качеству различающихся гласных в разных заударных слогах отличаются от говоров северной части группы. При этом в пределах говоров южной части территории Владимирско-Поволжской группы наблюдается неоднородность говоров по качеству различающихся заударных гласных, что объясняется развитием соответствующих изменений в еще более позднее время и под влиянием расположенных к югу говоров, различных по своему характеру.

Таким образом, на определенной (более южной) части территории Ростово-Суздальской земли в результате сочетания общей тенденции развития вокализма, свойственной всем юго-восточным говорам (в частности, тенденции, изменяющей структуру безударных слогов слова) и некоторых изменений собственно местного, ростово-суздальского характера, связанных с утратой различий между двумя *о*, переходом *е* в *о* перед твердыми согласными, а позднее совпадением *ě* с *е*[69], а также ряда других новообразований, свойственных этим говорам, образовался своеобразный комплекс черт, который подготовил выделение Владимирско-Поволжской группы говоров, ставшей особым диалектным объединением после того, как образовались восточные ср.-р. акающие говоры и аканье стало свойственно говору Москвы и окружающим ее говорам, а во влад.-поволж. говорах создалась особая система предударного вокализма, своеобразно сочетающая систему различения и совпадения гласных в разных слогах слова. С отделением московских говоров от собственно владимирско-поволжских различия между этими говорами углублялись, и эти говоры развивались в дальнейшем в разных направлениях на основе различных закономерностей.

На возможность обособления говоров на будущей территории Владимирского-Поволжской группы и возникновения в их пределах специфических собственно местных процессов языкового развития в известной мере указывает и распространение некоторых явлений ударенного вокализма. Так, возможность произношения ударенного *о* между мягкими согласными или после мягкого на конце слова в определенных грамматических категориях (тв. п. ед. ч. *зем/л'ó/й* или им. п. ед. ч. ср. р. *бель/йó/*) широко охватила не только все ростово-суздальские говоры, но также и некоторые сопредельные с ними, например говоры юго-востока (рязанские)[70], в связи с чем процесс подобного распространения гласного *о* в указанных формах по морфологической аналогии можно отнести к раннему периоду истории (XII—XIII вв.). Возможность расширения сферы употребления *о* в указанной позиции между мягкими согласными продолжала развиваться в дальнейшем во многих из этих говоров в процессе выравнивания основ в пределах форм словоизменения типа *бе/р'óз/а — на бе/р'óз'/е* и форм словообразования типа *де/н'óк/ — де/н'óч'/ек* и под.

Однако возможность сохранения фонетического чередования *о—е* в некоторых формах словообразования (типа *меш/é/чек, сол/é/ненький* и под.), а также (гораздо реже) и в формах словоизменения (главным образом в местных топонимах, например *Мс/т'ó/ра—в Мст/é/ре*; см. выше) именно в пределах современных влад.-поволж. говоров (а наряду с ними и костромских, см. выше) может указывать, что подобное сохранение свидетельствует об отрыве этих говоров от соседних, исторически близких к ним

[69] К. В. Горшкова. Очерки исторической диалектологии северной Руси (по данным исторической фонологии). Докт. дисс. М., 1965.

[70] См.: Р. И. Аванесов. Очерки, стр. 93, 94, 120.

говоров, окружающих Москву. Тем самым процесс появления *о* в случаях типа на *бе/р'ó/зе*, *со/л'ó/ненький* можно датировать XIV—XV вв., когда он мог уже иметь свои разновидности и иную интенсивность распространения на территории к северо-востоку от Москвы, говоры которой начали к этому времени путь своеобразного развития.

На то же обособление говоров Владимирско-Поволжской группы в отношении процессов языкового развития от говоров, окружающих Москву, указывает и география конкретных разновидностей определенных звеньев предударного вокализма, оформлявшихся на разных частях территории Владимирско-Поволжской группы говоров после XIV в., а на некоторых ее частях также и в более позднее время, т. е. в начале национального периода существования русского языка. Так, выше были изложены основания, по которым можно считать, что все реально существующие в настоящее время во влад.-поволж. говорах системы вокализма 1-го предударного слога сложились на основе первоначально имевшей повсеместное распространение системы различения гласных *о—е — а* — перед твердыми, *е — е —а* — перед мягкими согласными. Такая система и сохраняется в настоящее время на более центральной части территории группы (см. карту 99). Как показало проведенное изучение материала, трансформация вокализма на других, более окраинных частях территории группы проходила всегда в рамках основной, действующей во всех влад.-поволж. говорах закономерности (см. выше) и оказывалась или результатом дальнейшего развития основной исходной системы (ср. охарактеризованное выше распространение возможности произношения /о/ в соответствии *ĕ* при содействии предпосылок морфологического характера), или результатом изменения систем вокализма, вызванного влиянием разнородных процессов междиалектного взаимодействия, в частности взаимодействием с акающими говорами. Нельзя не отметить при этом, что в это взаимодействие до последнего времени в наименьшей степени оказывались втянутыми владимирские говоры как исторически являющиеся основными говорами ростово-суздальской метрополии, хотя эти говоры почти непосредственно соседят с акающими говорами и говорами, окружающими Москву.

Наряду с комплексом структурно связанных между собой черт, свойственных всем говорам Владимирско-Поволжской группы, имеются также и черты и совокупности черт, выделяющие в ее пределах подгруппы и отдельные менее определенные объединения говоров. Подобные черты обычно представляют собой местные разновидности тех диалектных черт, которые свойственны всем говорам группы, а с исторической точки зрения — результат их дальнейшего развития. На основе распространения черт этого рода выделяются, например, говоры Калининской подгруппы, с исторической точки зрения по характеру занимаемой ими территории — говоры Тверского княжества, которое в XIII в. входило в состав Переяславского княжества, а затем в XIV в. обособилось и оставалось самостоятельным, не входившим в Великое княжество Московское до второй половины XV в. Именно историческими условиями существования носителей этих говоров объясняется то, что в говорах Калининской подгруппы основной фонд особенностей общего характера, присущих говорам Владимирско-Поволжской группы, сочетается с определенным кругом специфических особенностей этих говоров (см. выше), свидетельствующих о длительном и нараставшем влиянии на них со стороны говоров южного наречия, о чем свидетельствует хотя бы то, что западная половина территории бывшего Тверского княжества, говоры которой испытали особенно сильное влияние акающего диалекта, вообще не вошла в состав Владимирско-Поволжской группы, а входит в состав акающих среднерусских говоров. С дальнейшим ростом южнорусского влияния и с развитием собственно местных особенностей, в общем виде известных всем говорам Владимирско-Поволжской группы, находятся такие особенности Калининской подгруппы, как совпадение гласного *у* с гласными неверхнего подъема во 2-м предударном слоге или расширение возможности произношения начального *у* за счет его наличия в словах *уржанóй*, *ульянóй* и другие особенности вокализма (см. выше). Морфологические особенности калининских говоров в некоторых случаях отражают сохранение в них новообразований периода существования Переяславского княжества, когда в его состав входили также княжества Тверское и Московское — ср., например, наличие в них формы род. п. мн. ч. существительного — *свадьбéй*, утраченной позднее названными говорами, взятыми в целом [71], но сохраненной калининскими говорами. С другой стороны, в этих говорах фиксируют новообразования, наличие которых объясняется их пограничным положением и обособленностью развития — ср. наличие *и* на месте *ĕ* и *е* между мягкими согласными и не-

---

[71] П. Я. Черных. Историческая грамматика; П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии.

которые другие черты. Имеются случаи, когда в этих говорах отсутствуют новообразования, возникавшие в говорах Владимирско-Поволжской группы в период, когда калининские говоры были изолированы от других говоров Великого княжества Московского, находясь в составе Тверского княжества, — ср. например, отсутствие в северной части калининских говоров формы местоимения 3-го л. вин. п. ед. ч., ж. р. /*йейó*/, характерной для всех говоров центра (см. карту 22).

Развитие некоторых особенностей собственно местного характера в процессе трансформации явлений, известных влад.-поволж. говорам, отмечается и в пределах Горьковской подгруппы. Территория этой подгруппы заселялась главным образом из пределов Нижегородского княжества в конце XV и в XVI в. Тем самым в языке появлявшегося здесь населения уже были особенности, свойственные к этому времени говору их метрополии, и лишь дальнейшее развитие этих черт протекало в условиях окраинных владений Московского княжества. Так, самая возможность произношения /*о*/ в соответствии *ě* в определенных категориях слов и форм и установление системы *о—о*(*е*)—*а* в 1-м предударном слоге перед твердыми согласными, хотя и имеет здесь свои особенности лексического употребления, видимо, принесена сюда из говоров метрополии, так как данное явление отмечается как в муромских, так и в городецких говорах. Произношение /*е*/ в основах прош. вр. глаголов на мягкий шипящий, известное и в других говорах группы, здесь охватывает и глаголы с основой на твердый шипящий — *крич*/*é*/*ть*, *крич*/*é*/*л* — *дыш*/*é*/*ть*, *дыш*/*é*/*л*, что можно считать или новообразованием, возникшим в этих говорах, или сохранением здесь старого состояния, утраченного в других говорах группы. Имеются и собственно местные особенности говоров этой подгруппы. Такова возможность обобщения гласного *е* в окончаниях мн. ч. всех падежей местоимений и прилагательных (см. таблицу 9), тогда как в других говорах группы распространены различные системы для прилагательных и для местоимений. Такова и возможность выпадения /*j*/ и стяжения гласных в глагольных сочетаниях *-ейе-* и некоторые другие черты (см. выше, IV, 3, § 1). Можно думать, что явления, которые свойственны не только горьковским говорам, но и северо-восточным говорам Владимирско-Поволжской группы вообще и которые, таким образом, выделяют восточную часть говоров Владимирско-Поволжской группы, возникли раньше, чем те явления, которые характерны только для горьковских говоров. Тем самым явления Горьковской подгруппы, известные и другим говорам восточной части Владимирско-Поволжской группы, могли быть принесены сюда тем населением, которое в XV—XVI в. пришло на эти земли. Следовательно, возникновение этих явлений можно датировать временем не позже XV в. (XIV—XV вв.). Таковой по возникновению является, видимо, самая возможность произносить /*о*/ на месте *ě* в некоторых категориях слов в 1-м предударном слоге, которая затем отражается в существовании системы *о—о—а*. Из этого вытекает, что местные новообразования или местные разновидности явлений, характерные для горьковских говоров, возникли, видимо, после XV—XVI вв.

Явления, объединяющие горьковские говоры с муромскими, также возникали не ранее XV в., так как обычно они не свойственны более северным говорам Владимирско-Поволжской группы и связаны с явлениями, распространяющимися с юга из среды восточных ср.-р. акающих говоров. К таким явлениям относится система заударного вокализма, при которой на месте *а* и *о* после твердых согласных в закрытом заударном слоге произносится /*а*/ (*гóр*/*а*/*д*, *вы́д*/*а*/*л*), а на месте *о*, *е* и *а* после мягких согласных произносится в одних случаях *и* (*вы́н*/*и*/*с*, *бýд*/*и*/*т*, *зá*/*и*/*ц*) в других — *а* (*пó*/*л'а*/*м*, *сарá*/*йа*/*м*) при возможном произношении /*и*/ в тех же случаях. О том же свидетельствует и распространение явлений III пучка изоглосс южных явлений, характерных только для муромских и горьковских говоров.

Разделение говоров группы на разные части, не являющиеся подгруппами, но имеющие свою языковую специфику, объясняется различиями в условиях их исторического развития, связанного с тем, что в пределах Ростово-Суздальской земли в разные периоды ее существования имелись разные политико-экономические объединения, наличие которых объединяло одни говоры в пределах территории этой земли и разъединяло другие.

Так, имеет свое историческое объяснение охарактеризованное выше выделение в пределах Владимирско-Поволжской группы северной и южной частей ее территории, связанное с тем, что до XV в. Муромское княжество фактически существовало отдельно от Великого княжества Московского. Это открывало в свою очередь возможность для сближения говоров Муромского княжества с теми говорами, которые становятся в дальнейшем акающими восточными среднерусскими (а следовательно, тем самым и с южнорусскими говорами вообще). Как мы видели выше, процессы этого рода не

распространялись на говоры Владимирского княжества, входившего в это время в состав Великого княжества Московского (ср. выше явления III пучка южн. нар., указывающих на близость муромских говоров, к восточным ср.-р. акающим говорам). С другой стороны, в связи с той же обособленностью говоров Муромского княжества в них могли сохраниться некоторые черты, утратившиеся в более северных говорах, в частности в говорах Переяславской земли XIII в. (ср. наличие в муромских говорах мягкости согласного *н* перед *ц*: *сóн'це*; наличие формы *пальцéй*, *зайцéй*).

Другой тип различий между отдельными подразделениями говоров в пределах группы объясняется тем, что в прошлом, начиная с XIII и до XV в., говоры на отдельных частях территории находились между собой в связях иного рода, чем в последующее время. Так, говоры Переяславского и Владимирского княжеств развивались раздельно в период до XIV в. Объединившись в XIV в. в пределах Московского государства, эти говоры оказались противопоставленными говорам Суздальско-Нижегородского княжества, остававшегося самостоятельным вплоть до XV в. При этом владимирские говоры, будучи окраинными в пределах Великого княжества Московского XIV в., сохраняли свою специфику в большей мере, чем например, говоры Переяславского княжества. Обособленному развитию владимирских говоров могло способствовать и географическое положение их территории, отделенной лесами от соседних Переяславской, Муромской и Суздальской территорий, а также и политическое положение Владимирского княжества, присоединенного к Москве лишь в XIV в., после чего оно утеряло свое ведущее положение в составе Ростово-Суздальской земли и не было втянуто в те оживленные и все развивавшиеся отношения с говорами более южных территорий, которые становятся характерными для говоров центральных территорий растущего Московского княжества. Тем самым говорам Владимирского княжества остались чуждыми некоторые процессы, характерные для других говоров Московского княжества этого периода.

Из числа влад.-поволж. говоров городецкие говоры представляют наибольшую близость к говорам северного наречия. Следующую ступень удаления от этих говоров представляют собой говоры владимирские и ростово-суздальские, поскольку им свойственны явления, изоглоссы которых входят во II пучок явлений северного наречия, а также и явления IV пучка южной локализации. Кроме того, именно эти срединные по своему положению говоры, главным образом владимирские и ростово-суздальские, имеют некоторые различия, выступающие на разных частях их территории. Одни из этих различий объясняются наличием разновидностей явлений, свойственных и южным говорам (например, произношение /ъ^у/, или /у/ на месте *а* и *о* во 2-м предударном слоге между губными и задненебными согласными), другие — наличием новообразований, развившихся в говорах Владимирского княжества в период до слияния его с Великим княжеством Московским (таково, например, произношение /*мн*/ на месте *вн* в словах *дамнó*, *рамнó*; см. также выше перечень явлений, свойственных говорам, расположенным на западной половине территории группы, связанным, видимо, прямо или косвенно с процессами исторического характера).

Различия, наблюдаемые между более северными и более южными говорами Владимирско-Поволжской группы, определяются не только степенью распространения южнорусского влияния, но и характером развития некоторых явлений, исконных для говоров Ростово-Суздальской земли. К числу последних относятся, например, такие, как появление *о* на месте *е* в заударных слогах и сближение склонения притяжательных местоимений (*мой*, *твой*, *свой* и др.) со склонением указательного местоимения с твердой основой (*тот*). Карта 105 показывает, что по произношению заударных гласных в соответствии *е* наиболее тесно между собой связаны: 1) переславль-залесские и калининские говоры; 2) владимирские и муромские; 3) ростово-суздальские и городецкие говоры. В пределах каждого из указанных объединений говоров наблюдаются отличия в характере закономерности появления *о* на месте *е* в заударных слогах разных категорий слов и в характере редукции и совпадения заударных гласных неверхнего подъема. В говорах первого типа почти нет следов наличия в прошлом произношения *о* на месте *е* в заударных слогах, так как редукция и совпадение гласных в одном гласном — ъ после твердых согласных и ь, *и* после мягких согласных — охватили в них все гласные неверхнего подъема во всех положениях. В говорах второго типа прослеживается то, что в них в прошлом произносилось *о* на месте *е* в открытом и закрытых конечных слогах, в тех случаях, когда имелись условия для грамматической аналогии с ударенным *о* после твердых согласных в тех же категориях: ср. *пó/л'о/*, *пó/л'а/м*, *вы́н/е/с*, *бýд/е/т* (во владимирских говорах) или *пó/л'а/*, *пó/л'а/м—вы́н/и/с*, *бýд/и/т* (в муромских), где *а* произносится на месте *о*. В этих же говорах, видимо, возможно было *о* на месте *е* в открытом заударном конеч-

ном слоге и в случаях не имеющих грамматической аналогии: см. *иди́/т'о/*, *иди́/т'а/*, наряду с *иди́т/е/*, *иди́т/и/*. Говоры третьего типа обнаруживают наличие *о* на месте *е* во всех тех случаях, где оно было возможно по условиям фонетического характера или было поддержано аналогией. Ср. в городецких говорах: *по́/л'о/*, *иди́/т'о/*; *по́/л'ом/*, *бу́/д'от/*, *вы́/н'ос/*; *о́/з'о/ро*; *дере́в/н'ой/*. В ростово-суздальских говорах в большинстве этих категорий произносится *а*, (видимо, на месте *о*), в отдельных категориях — *е*, *ь* (*о́з/е/ро*). Такое произношение заударных гласных в ростово-суздальских говорах свидетельствует о наличии в них в прошлом гласного *о* во всех категориях, т. е. как и в городецких говорах; совпадение же в *а* обязано в них влиянию муромских говоров. Такое расположение говоров с различением и совпадением гласных в заударных слогах соответствовало, с одной стороны, историческим связям этих говоров друг с другом, а с другой стороны, отражало южнорусское влияние, нарастающее по направлению к югу и юго-западу и в разной степени охватывающее говоры Владимирско-Поволжской группы в зависимости от того, когда носители этих говоров включались в состав Московского государства, какое место с территориальной точки зрения, а также и то, какое значение они имели в его составе. Так, в наибольшей близости к акающим московским говорам находятся говоры, входившие в XIII в. в состав Переяславской земли, включавшей княжества Московское, Тверское (затем временно приобретшее самостоятельность) и Переяславское. Говоры, вошедшие в Великое Московское княжество в XIV—XV вв., — владимирские и муромские — представляют другой тип совпадения гласных. Представляющие третий тип употребления заударных гласных—городецкие, а также ростово-суздальские говоры позднее других включились в состав Московского государства, а именно только после XV в.: долгое время до этого они были самостоятельны (Суздальско-Нижегородское, а затем Нижегородское княжества). Этим и объясняется, что они в меньшей степени охвачены редукцией гласных в заударных слогах. Имеющиеся же в них случаи совпадения гласных ближе по своему характеру к муромскому, а не к московскому типу, в связи с чем в данных говорах и произносится *а* на месте *о*.

Может получить объяснение в зависимости от характера исторических условий и то, как на разных частях территории происходило образование парадигм притяжательных местоимений. При этом происходило столкновение двух тенденций; исконно ростово-суздальской, действовавшей в XIII—XIV вв. и заключавшейся в унификации склонения этих местоимений со склонением твердой разновидности указательного местоимения *тот*, а также тенденции более поздней, характерной для восточных ср.-р. говоров, действовавшей, видимо, в XV в. и заключавшейся в совпадении тв. и предл. падежей ед. ч. м. р. в форме тв. п. у прилагательных и притяжательных местоимений. Взаимодействие этих двух явлений привело к разным типам обобщений парадигм местоимений, и прилагательных в говорах на разных частях территории восточных ср.-р. говоров (см. выше).

Приведенные примеры развития тех или иных явлений в связи с процессами образования говоров также дают представление об образовании особой группы говоров, какой является Владимирско-Поволжская группа восточных ср.-р. говоров, сложившаяся как своеобразное диалектное объединение на территории наиболее длительных междиалектных контактов и действия тенденций развития, в ряде случаев характерных для таких наиболее контрастных диалектных массивов, какими являются говоры северных и южных территорий.

Раздел V

ЗАПАДНЫЕ СРЕДНЕРУССКИЕ ГОВОРЫ

Глава первая

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАПАДНЫХ СРЕДНЕРУССКИХ ГОВОРОВ

§ 1. Пучки изоглосс, выделяющие западные среднерусские говоры

В силу ряда причин исторического характера на северо-западе территории распространения русского языка образовалась область значительного диалектного своеобразия. Для того чтобы выяснить в дальнейшем исторические и лингвистические причины, определившие данное своеобразие, остановимся на характеристике расположения изоглосс на данной территории. Прежде всего в этом плане обращает на себя внимание общая насыщенность данной территории изоглоссами, в числе которых оказываются как изоглоссы явлений, имеющих определяющее значение для характеристики фонетического или грамматического строя этих говоров, так и изоглоссы произношения или образования отдельных слов. При этом особенно важно подчеркнуть тот факт, что на данной территории представлены изоглоссы различных по своей основной локализации языковых явлений, порознь характерных для различных самостоятельных диалектных объединений, чем и определяется характер описываемых говоров как говоров среднерусских. Изучение расположения изоглосс показывает, что оно не хаотично: изоглоссы группируются в пучки, бóльшая часть пучков включает изоглоссы, которые за пределами данной территории остаются вне пучков, или входят в пучки с другим составом изоглосс. Отдельно взятые пучки состоят из изоглосс явлений различной локализации в пределах всей территории распространения русского языка. Кроме того, отдельные изоглоссы очерчивают замкнутые ареалы распространения явлений, как таких, которые известны и на других территориях, так и таких, которые за пределами северо-запада не отмечаются. Близость территории распространения белорусского языка сказывается в том, что на данную территорию находит частично зона явлений общих говорам русского и белорусского языков, расположенных на сопредельных территориях. Взятые в совокупности указанные особенности расположения изоглосс и ареалов языковых явлений свидетельствуют также о том, что на данной территории имелись на протяжении формирования находящихся здесь диалектных объединений условия для интенсивного междиалектного взаимодействия, которое исторически и привело к образованию западных ср.-р. говоров.

Среди западных среднерусских говоров выделяются такие, территорию которых преимущественно охватывают ареалы явлений, в основном характерных для северного наречия русского языка — западные ср.-р. окающие говоры, и такие, для которых характерно преобладание черт южного наречия — западные ср.-р. акающие говоры. Анализ языковых комплексов, характерных для изучаемых говоров, позволяет в дальнейшем расчленить их на отдельные территориальные единицы, среди которых особенно четко выделяются Гдовская и Псковская группы говоров, как имеющие наиболее характерные языковые комплексы.

Прежде чем перейти к рассмотрению языковой специфики отдельных диалектных объдинений в пределах западных ср.-р. говоров, остановимся на разборе тех черт, которые позволяют рассматривать эти говоры, взятые в совокупности как определенное диалект-

ное объединение в пределах русского языка. При этом, говоря о специфике пучков изоглосс на территории данного языкового объединения будем обращать внимание на насыщенность тех или иных пучков изоглоссами; на совмещение пучков, состоящих из изоглосс явлений, попарно противопоставленных на территории распространения русского языка в целом; на наличие пучков, состоящих из изоглосс явлений одного территориального распространения, но дающих известное, хотя и условное представление о границах западных ср.-р. говоров, а также явлений, образующих языковой комплекс этих говоров.

Так, выделим прежде всего те пучки изоглосс, которые создают общее представление о границах западных ср.-р. говоров в целом [1]. Западные среднерусские говоры вычленяются на территории расположенной к северу от южного наречия и юго-западной зоны русского языка, к западу — юго-западу от северного и к западу от восточных ср.-р. говоров. Наиболее определенный по характеру своего распространения круг явлений, а соответственно и пучок изоглосс отделяет эти говоры, взятые в целом, от южного наречия, менее определенный — от северного. Пучка изоглосс, отделяющего западные ср.-р. говоры от восточных ср.-р. говоров, нет. Эта граница устанавливается по иным признакам, о чем см. ниже в разделе о селигеро-торжковских говорах.

1) Выделение западных ср.-р. говоров по отношению к южному наречию осуществляется за счет наличия в их пределах таких явлений северного наречия, которые наиболее последовательно охватывают территорию западных ср.-р. говоров и изоглоссы которых образуют пучок на юге их территории. Хотя этот пучок и занимает широкое пространство, но в его пределах может быть проведена южная граница западных ср.-р. говоров (южнее этого пучка не заходят уже явления севернорусской локализации). Общее направление данного пучка: от западной границы РСФСР вдоль 56° с. ш. Состав пучка: изоглосса *г* взрывного образования в чередовании с *к* в конце слова; произношения местоимения *где* с начальным согласным; наличие /*мм*/ в соответствии *бм—о*/*мм*/*а́н* формы тв. п. мн. ч. имен, совпадающие с формами дат. п. — *рука́м*, *нога́м*, *с худы́м ведра́м*, *дву́м рука́м* [2]; распространение таких названий, как *квашня́* 'сосуд для теста', *сковоро́дник* 'приспособление для доставания сковороды из печи' (см. карту 106).

Из числа перечисленных изоглосс изоглосса *г* взрывного образования и произношение местоимения *где* включают в область своего распространения также и территорию восточных ср.-р. говоров, которым неизвестно, однако, совпадение форм тв. и дат. п. мн. ч. в форме дат. п. и в которых повсеместно распространено произношение *о*/*бм*/*а́н* и под. В состав рассматриваемого пучка входят также изоглоссы явлений, характерных для всех западных ср.-р. говоров, но таких, которые локализуются преимущественно в западной части северного наречия. Таковы изоглоссы наличия /*нн*/ в соответствие *дн—ла́*/*нн*/*о*; совпадения форм дат. и род. п. ед. ч. сущ. женского рода в форме род. п. — *к жены́*, *у жены́* (здесь используется изоглосса, выделяющая основной северо-западный массив этих форм, известных также и на юго-западе); наличие полногласной формы в слове *ко́ром*.

К югу среди изоглосс данного пучка распространены вторые члены названных выше соответственных явлений, т. е. исключительное или преобладающее произношение /γ/ фрикативного образования; произношение местоимения *где* с начальным гласным — *иде́*; произношение сочетаний *бм—обма́н* и *дн—одна́*; различение форм тв. п. и дат. п. мн. ч. — *по рука́м—с рука́ми* и др.

Со стороны южного наречия в состав данного пучка включаются на том его отрезке, который выделяет западные ср.-р. говоры, изоглоссы некоторых явлений, диалектные члены которых неизвестны на территории западных ср.-р. говоров. Таковы: изоглосса склонения слова *путь* по типу слов мужского рода; парадигма глагола *лечь* с шипящим в основе *ля́жу—ля́жешь*. .; форма повелительного наклонения от глагола *лечь—ля́жь* (см. карту 107).

Проходят здесь также изоглоссы некоторых диалектных явлений юго-западной зоны, включающиеся в данный пучок, в связи с чем определенный круг явлений юго-западной локализации неизвестен в пределах западных ср.-р. говоров: ср. изоглоссу предударного вокализма последовательно диссимилятивного типа (как после твердых, так и после мягких согласных); произношения /*ў*/, /*w*/ в соответствии *л* в конце слова и слога в определенных категориях случаев; форм прила-

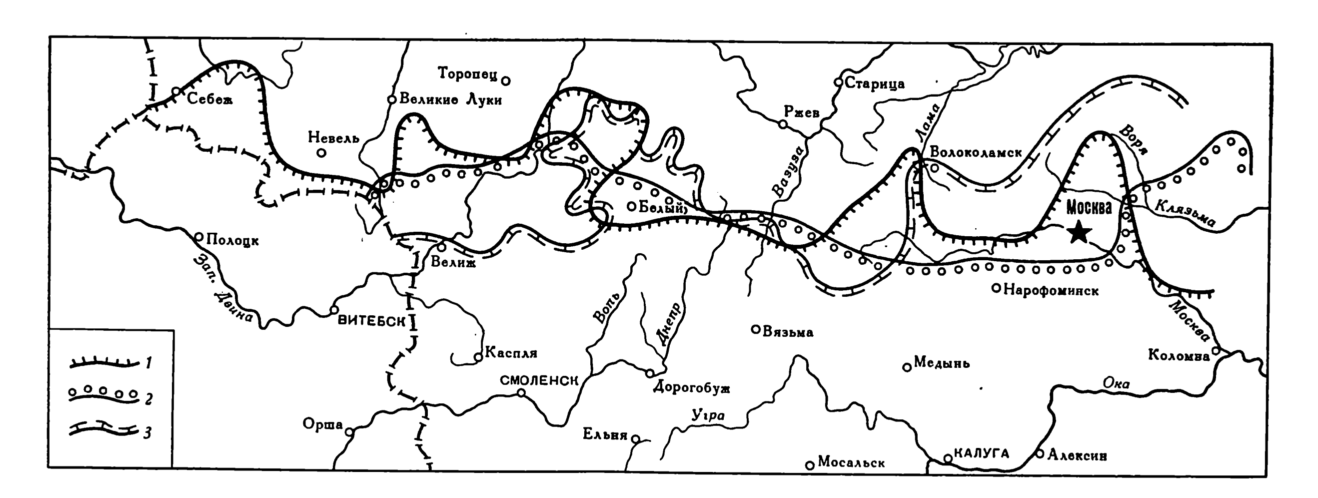
[1] Понятие «граница» здесь, как и при выделении других объединений весьма условно — это линия, которая может быть помещена примерно в пределах пространства, занимаемого тем или иным пучком изоглосс, и которая проводится лишь в целях наглядности.

[2] Более подробное рассмотрение изоглосс данных явлений приводится ниже при характеристике языкового комплекса западных ср.-р. говоров.

Карта 106

Пучок изоглосс явлений северного наречия, образующий южную границу западных ср.-р. говоров:

1 — наличие *г* взрывного образования; *2* — наличие сочетания *мм* в соответствии *бм* — *о/мм/áн*; *3* — совпадение форм дат. и тв. п. мн. ч. существительных в форме дат. п. *с рук/áм/*; *4* — распространение слов *квашня́*, *квашóнка*; *5* — распространение слова *сковорóдник*

Карта 107

Пучок явлений южного наречия, образующий южную границу западных ср.-р. говоров:

1 — распространение парадигмы склонения сущ. *путь* по типу слов м. р.; *2* — распространение парадигмы спряжения глагола *лечь* с шипящим в основе: *ля́/ж/у* — *ля́/ж/ешь* — *ля́/ж/ут*; *3* — распространение формы повелительного наклонения *ляжь*

гательных ж. р. род. п. ед. ч. *у моло/дэ́й/*, *у од/нэ́й/*; форм предл. п. ед. ч. сущ. м. р. на *-у — на сто́лику*; форм инфинитива — *иди́ть*. Тем самым утверждается отсутствие вокализма последовательно диссимилятивного типа или произношения /*ў* (*w*)/ в соответствии *л* и других названных явлений в пределах западных ср.-р. говоров.

2) Выделение западных ср.-р. говоров по отношению к северному наречию осуществляется на иных основаниях, чем только что рассмотренное противопоставление говорам южного наречия или юго-западной зоны. Едва ли не единственным южнорусским явлением, позволяющим объединить западные среднерусские говоры (как акающие, так и окающие) и противопоставить их говорам северного наречия, является возможность элементов редукции безударных, в различной степени представленная на разных частях территории этих говоров во 2-м предударном и в заударных слогах в сосуществовании с различными системами вокализма в 1-м предударном слоге. В остальном же западные ср.-р. говоры характеризуются не столько тем, что в их пределах известны черты южного наречия, отсутствующие в северном, сколько по отсутствию в их пределах определенного круга черт, присущих северному наречию.

Таковы следующие явления, распространенные непосредственно к востоку от западных ср.-р. говоров по территории северного наречия, отсутствие которых служит тем самым для выделения западных ср.-р. говоров по негативному признаку: последовательное различение гласных во 2-м предударном слоге и в заударных слогах *д/а/леко́*, в *г/о/рода́х*, *го́р/о/д*, *вы́д/а/л*, *бы́л/о/*, *сёл/а/*; произношение в соответствии этимологическому *ě* гласного /*и*/ под ударением между мягкими согласными *в л/и́/с'е*, *в/и́/т'ер* и т. п., а также и в предударном положении перед мягкими согласными *в р/и/к'е́*; возможность лабиализации предударного *о* после твердого согласного вне зависимости от качества соседних согласных в сочетании с системой различения гласных в безударном положении: *ст/оʸ/лы́*, *в/оʸ/до́й*, *с/оʸ/ва́*; *тр/а/вы́*, *тр/а/во́й*, *тр/а/ва́*; наличие форм им. п. мн. ч. с окончанием *-а* у сущ. ср. р. *сёл/а/*, *о́кн/а/*, а также сущ. того же рода с некоторыми характерными суффиксами — *око́шка*, *тел'а́тк/а/*, *цыпл'а́тк/а/*; формы им. п. мн. ч. сущ. м. р. *крест'йа́н/а/*; образование форм им. п. мн. ч. некоторых сущ., обозначающих степени родства с суффиксом *-ов'й- брато/в'йа́/*, *свато/в'йа́/*, *зят/ев'йа́/*; распространение оборота *прополол картошку да*, *свеклу да*. Следует заметить, что перечисленные формы сущ. распространены в пределах северного наречия преимущественно в виде мелких ареалов или в виде единичных нас. п., но неизвестны за его пределами.

Близки по своему местоположению к изоглоссам рассматриваемого пучка, составляющего восточную границу западных ср.-р. говоров, также и некоторые явления северной локализации, которые в восточной части частично или полностью охватывают область восточных ср.-р. окающих говоров; таковы: упомянутая выше изоглосса последовательного распространения различения гласных в в безударных слогах, а также распространение личных форм глагола *кати́ть* с ударением на окончании *кати́ш*, *кати́т* [3].

Следует обратить внимание на то, что очерченная таким образом восточная граница западных ср.-р. говоров включает в область западных ср.-р. говоров значительное количество нас. п. вдоль побережья Финского залива и вокруг г. Ленинграда — территорию в языковом отношении сложную, пережившую особенно интенсивные процессы нивелировки, благодаря близости такого крупного центра, как Ленинград, к тому же здесь до сих пор «есть местности, где часть населения говорит на двух языках — русском и ижорском» [4]. Характер языковых процессов, в результате которых сложилось здесь современное диалектное членение, существенным образом отличался на этой территории от области, примыкающей с юга — территории собственно западных ср.-р. говоров. Указанные особенности позволяют исключить данную территорию из рассмотрения как область, не вошедшую исторически в сферу основной более древней восточнославянской колонизации. Тем самым определяется и северная граница западных ср.-р. говоров, идущая по южному пределу исключаемой таким образом территории вокруг г. Ленинграда и по северной границе Гдовской группы.

3) Отличие западных ср.-р. говоров от восточных в основном заключается в том, что на территории тех и других по-разному сочетается разный круг черт северного и южного наречий и диалектных зон. Важнейшая особенность восточных ср.-р. говоров — то, что

[3] Не называем здесь изоглоссы того же пучка других глаголов этого типа с тем же ударением (/*дари́ш*, *тащи́ш*, *вари́ш*; *вали́ш*/), так как они исключают из области западных ср.-р. говоров бо́льшую часть селигеро-торжковских говоров (см. I, 3 § 12, карта 34), а иногда и восточную часть псковских говоров.

[4] А. Лаанест. Ижорские диалекты. Таллин, 1966, стр. 3.

они расположены на территории центральных говоров — содействует их отграничению от западных ср.-р. говоров, так как характерные черты центральных говоров, совпадающие с литературным языком, в значительной (не исключительной) степени известны в настоящее время любым говорам русского языка. Именно этим и объясняется, что наиболее восточная часть западных ср.-р. говоров (селигеро-торжковские говоры) сами характеризуются некоторыми чертами переходности от западных ср.-р. говоров к восточным (см. V, 2, § 5).

§ 2. Языковый комплекс западных среднерусских говоров

I. Черты, объединяющие западные ср.-р. говоры с говорами северного наречия в целом.

А) Последовательно представленные в подавляющем большинстве западных ср.-р. говоров.

1) *г* взрывного образования, оглушаемый в *к*. Изоглосса этого явления может считаться основной при установлении южной границы западных ср.-р. говоров (см. выше), хотя местами /γ/ ,оглушаемый в виде /*х*/ распространен в южном пограничье Псковской группы говоров, а также отмечен в виде островов по всей территории Псковской группы, в междуречье р. Луги и Плюссы и в верховьях р. Ловати (к западу от Новгорода). Вместе с тем следует иметь в виду, что произношение /γ/ не чуждо и северному наречию (см. II, 2, § 6, карта 49).

2) /*мм*/ в соответствии *бм*. В западных ср.-р. говорах это произношение сочетается с произношением /*нн*/ в соответствии *дн*- (*о*/*мм*/*а́н*, *о*/*нн*/*а́*), хотя в северном наречии преимущественно распространено только произношение /*мм*/ (см. II, 4, § 2, карта 55). В пределах западных ср.-р. говоров /*нн*/ отсутствует на большей части территории Гдовской группы и на востоке Псковской группы. Однако от южной части Псковской группы ареал /*нн*/ опускается к югу и включает район Смоленска и Рославля, где неизвестно *о*/*мм*/*а́н*. На территорию восточных ср.-р. говоров ареалы /*мм*/ и /*нн*/ не распространяются [5].

3) Совпадение форм дат. и тв. п. мн. числа имен в форме дат. п. — *с пусты́м ведра́м*. Явление типично для говоров северного наречия, а среди восточных ср.-р. говоров известно в их северной пограничной с северным наречием полосе и несколько ощутительнее в северной части Горьковской подгруппы говоров. Одновременно с формами *рука́м* (тв. п.) в пределах западных ср.-р. говоров изредка отмечают форму *рука́мы* (на сев. берегу Чудского озера и на юго-востоке новгородских говоров с продолжением на северную половину территории селигеро-торжковских говоров) и *рука́ма* (также на северном берегу Чудского озера и единично в пределах Псковской группы).

4) Склонение существительного *путь* по типу слов ж. р.: *путь—пути́*. . . как и в большинстве восточных ср.-р. говоров, лишь на южной части территории которых известно склонение существительного *путь* по типу слов м. р. Небольшие островки склонения типа *путь—путя́*. . . отмечены и в пределах западных ср.-р. говоров: в Псковской группе в верховьях Шелони и на юго-востоке, а также в единичных нас. п. по всему северо-западу.

5) Распространение прилагательного *толсто́й* с ударением на окончании известно на территории всех западных ср.-р. говоров за исключением южного пограничья Псковской группы и селигеро-торжковских говоров. Отмечается лишь на северной части территории восточных ср.-р. говоров.

6) Страдательно безличный оборот с субъектом действия, выраженным сочетанием предлога *у* с именем в род. п. ед. ч. типа *у кота всю руку исцарапано*, являющийся разновидностью достаточно широко распространенного в говорах северного наречия (за исключением его юго-восточной части) (см. II, 5, § 5) оборота типа *всю картошку съедено*, в котором отсутствует выражение субъекта действия. В пределах западных ср.-р. говоров оборот отсутствует на южной части территории Псковской группы и на восточной части территории селигеро-торжковских говоров.

7) Особо должно быть отмечено наличие такой преимущественно характерной для западных ср.-р. говоров черты, как наличие на их территории глагольной парадигмы *ля́*/*г*/*у*—*ля́*/*г'*/*ешь*—*ля́*/*г*/*ут* (см. I, 3, § 9, карта 28). На территории северного наречия это явление известно лишь в рассеянном распространении преимущественно в ее восточной части (см., однако, и значительный ареал этого явления к юго-западу от Онежского озера). Встречается оно и на территории восточных ср.-р. говоров. Однако наиболее последовательное распространение данной парадигмы наблюдается именно в западных ср.-р. говорах.

8) Из явлений лексических можно назвать распространение следующих слов: *ягни́лась* (*яни́лась*, *янни́лась*) — об овце; *ла́ет* — о со-

[5] В дальнейшем упоминание о распространении в восточных ср.-р. говорах делается только в тех случаях, когда явление имеет в них распространение.

баке (хотя и менее широко по сравнению с другими северными чертами из области лексических различий); *льдúны*; *петь песни*; *кафтáн* (или *кавтáн*) — 'мужская одежда любого покроя'; *погóда* в значении 'плохая погода'; *квашня́*, *квашóнка* 'сосуд для растворения теста'; *сковорóдник*. Все перечисленные лексические явления известны и на территории восточных ср.-р. говоров.

Б) В связи с тем, что обзор языкового комплекса западных ср.-р. говоров, построенный с учетом связей с другими диалектными объединениями, предназначен для последующего изучения их истории, должны быть отмечены и те явления северного наречия, которые имеют менее последовательное (в виде ареалов — островов) распространение на территории западных ср.-р. говоров. В данном разделе будут рассмотрены явления северного наречия, недостаточно последовательно распространенные в западных ср.-р. говорах, ареалы которых не группируются друг с другом, т. е. не служат для внутреннего членения западных ср.-р. говоров, а дают возможность увидеть судьбу отдельных явлений, в настоящее время в основном характерных для северного наречия, в пределах западных среднерусских говоров.

1) Упрощение группы *ст* на конце слова — *мос* (см. II, 6, § 2, карта 60). Острова данного явления известны на большей части территории западных ср.-р. говоров, кроме восточной половины территории Псковской группы и юго-восточной части селигеро-торжковских говоров. То же упрощение на конце слова, но мягкого сочетания /*с'т'*/, при этом осуществляемого непоследовательно, отмечается на всей территории западных ср.-р. говоров (см. там же, карта 61).

2) Произношение слова *когдá* с согласным *в* — *ко*/*в*/*дá* отмечено в виде островов преимущественно на территории новгородских говоров и в виде единичных нас. п. в Гдовской и Псковской группах говоров; в пределах селигеро-торжковских говоров только изредка на севере. Подобное произношение известно и на северной части территории восточных ср.-р. говоров.

3) Склонение сущ. с суффиксом -*ушк*- (обычно наряду с этим и с суффиксом -*ишк*-) по типу слов м. р.: *дéдушко*, *к дéдушку*. . . Ареалы явления в основном сосредоточены в восточной части территории западных ср.-р. говоров (см. II, 2, § 4, карта 43). Отдельные острова явления отмечаются в Гдовской и Псковской группе; на юге Псковской группы эти формы распространены по говорам в сосуществовании со склонением данных слов по типу слов ж. р.; в селигеро-торжковских говорах данное явление отсутствует.

4) Твердость основы при окончании -*ы* в форме им. п. мн. ч. сущ. *крестья́н*/*ы*/. Ареалы этих форм в основном группируются в восточной части территории и у Чудского озера. Единично отмечены эти формы на территории псковских и селигеро-торжковских говоров. По территории северного наречия в виде разрозненных ареалов распространено образование этих форм также от твердой основы, но при окончании -*а* — *крестья́н*/*а*/. В восточных ср.-р. говорах форма *крестья́н*/*ы*/ отмечается изредка.

5) Случаи выпадения интервокального /*j*/ и последующей ассимиляции и стяжения гласных (см. II, 3, § 2, карта 50—52). Случаи этого рода по-разному распространены на территории западных ср. р. говоров в зависимости от того, в каких категориях они представлены. а) Наиболее широко результаты этого процесса представлены в западных ср.-р. говорах в формах прил. им. п. и вин. п. ед. ч. ж. р. с безударными окончаниями — *крáсна*, *крáсну*. Эти формы известны большинству западных ср.-р. говоров, их распространение (особенно форма *крáсну*) отсутствует лишь в южной части территории Псковской группы и разрежается в пределах селигеро-торжковских говоров. Почти столь же широко распространены аналогичные формы с ударенными окончаниями — *молодá*, *молодý*. В говорах северного наречия и в восточных ср.-р. говорах данные формы так же распространены достаточно широко. б) Другие случаи стяжения, особенно стяжение в глаголах с ударенным и заударным сочетанием /-*айе*/: *знат*, *дýмат* — распространены намного менее последовательно, чем в говорах северного наречия и восточных ср.-р. говорах, нередко в виде разорванных ареалов, сосредоточенных на центральной части территории западных ср.-р. говоров. Формы типа *дýму*—*дýмут*, наиболее типичные для восточных ср.-р. говоров, в западных ср.-р. говорах почти отсутствуют.

6) Реликты цоканья, выражающиеся на территории западных ср.-р. говоров преимущественно в виде различения твердых *ч* и *ц*, в совмещении с твердым цоканьем (иногда только в виде произношения деепричастия типа *ушбцы*). На западной половине территории Псковской группы, частично захватывая Гдовскую группу — преобладает неразличение аффрикат в виде твердого цоканья (а в единичных нас. п. и в виде мягкого цоканья) или сосуществование неразличения с различением твердых *ц* и *ч*. На юге и востоке Псковской группы

преобладает различение твердых *ц* и *ч*. В северо-восточной части Псковской группы — между реками Шелонью и Ловатью и в западной части территории новгородских говоров сочетается различение твердых *ч* и *ц* с произношением деепричастия /*ушбццы*/. Эти черты связывают западные ср.-р. говоры с цокающими говорами северного наречия [6].

II. Черты, объединяющие западные ср.-р. говоры одновременно с большей частью говоров северного наречия, а также с западной частью говоров южного наречия и с говорами белорусского языка [явления западно-северной локализации (см. II, 5)].

1) Произношение твердых губных согласных в соответствии мягким в конце слова, на одних частях территории представленное в виде резко преобладающего типа произношения, а на других — в более определенном сосуществовании с произношением мягких конечных губных согласных, характерном для всех западных ср.-р. говоров.

2) Употребление имени в форме им. п. при предикативных наречиях: *мне ша́пка на́до*. Данная конструкция повсеместно распространена в западных ср.-р. говорах и достаточно широко в говорах северного наречия за исключением их юго-восточной части. В говорах белорусского языка данное явление отсутствует, хотя известно по памятникам письменности [7]. В восточных среднерусских говорах имеются мелкие ареалы данного явления.

3) В виде значительных массивов по всей территории западных ср.-р. говоров отмечено распространение названий ягод, образованных с суффиксом *-иц-*. Ареал данного явления продолжается на территории белорусского языка, где подобные образования широко распространены. Употребление форм с этим суффиксом свойственно и большей части говоров северного наречия и юго-западным говорам южного наречия.

4) Наличие удвоенных мягких согласных в соответствии сочетанию «зубной согласный + /*j*/» — *сви*/*н'н'а́*/. Подобное произношение отмечено на территории западных ср.-р. говоров в виде разорванных ареалов, наличие которых особенно характерно для южной части территории Псковской группы и разрежается к северу, в новгородских говорах (см. его слабое распространение на территории к востоку от оз. Ильмень и на юг по р. Шелони). Не отмечено подобного произношения лишь в говорах Гдовской группы, если не считать единичных нас. п. *с*/*н'*/ без удвоения в соответствии /*н'j*/. Наличие данного явления на территории западных ср.-р. говоров включается в общую западно-северную территорию его распространения, на которой находится массив данного явления на юго-западе южного наречия и на большей части территории белорусского языка [8], а также ареалы явления на территории северного наречия.

5) Распространение взятых в совокупности форм *свекро́ва* и *свекро́вка* (второе рассматривается как производное от первого, но имеющее самостоятельное употребление; см. I, 3, § 3, карта 19). Форма *свекро́ва* преимущественно отмечена на территории Гдовской группы, в верховьях Луги и к востоку от оз. Ильмень; форма *свекро́вка* — на большей части территории Псковской группы (исключая район самого г. Пскова и среднее течение р. Ловати), в новгородских говорах и на северо-западной части территории селигеро-торжковских говоров. Обе формы известны на территории северных и восточных говоров белорусского языка и на территории северного наречия.

6) Наличие форм *ма́тка—до́чка* им. п. ед. ч. сущ. *мать*, *дочь* и вин. п. ед. ч. *ма́тку—до́чку*, распространенных, хотя и не вполне последовательно, наряду с другими образованиями по всей указанной западно-северной территории (см. I, 3, § 1, карта 15). В пределах западных ср.-р. говоров подобное произношение отмечается в виде островов или отдельных, но довольно многочисленных населенных пунктов по всей территории северо-запада и на северной половине селигеро-торжковских говоров. К югу острова сгущаются в массив, который продолжается уже на территории белорусского языка.

7) Возможность употребления звуковых сочетаний /*шч*/, /*ш'ч'*/ преимущественно в сочетании с употреблением долгого твердого шипящего (см. I, 2, § 1, карта 5). В пределах западных ср.-р. говоров употребление звуковых сочетаний в виде небольших ареалов отмечено на территории Гдовской группы, новгородских говоров (на территории между р. Луга и Шелонь), по всему течению р. Ловать и у г. Торопца. Сочетание /*шч*/ широко распространено в белорусском языке.

8) Наличие мягкого /*н'*/ в суффиксе *-нск-*: *жё*/*н'ск*/*ий*. В западных ср.-р. говорах преимущественно распространено в пределах Псковской и Гдовской групп и селигеро-торжковских говоров.

[6] См.: В. Г. Орлова. История аффрикат, стр. 65—66.

[7] Нарысы па гісторыі беларускай мовы, стр. 342.

[8] Сведения о распространении явлений на территории белорусского языка здесь и ниже почерпнуты из «Дыялекталагічнага атласа беларускай мовы»; см. карты данного атласа на соответствующие явления.

9) Распространение форм местоимения 3-го л. ж. р. в род. п. ед. ч. при предлоге без начального *н*: /*у йей, у йейé*/. В исключительном распространении данное произношение известно только на западных территориях распространения русского языка, вдоль границы с БССР и УССР. На северо-западе оно известно в качестве исключительного в одних и преобладающего — в других говорах варианта произношения; острова форм с *н* (при формах без *н*) отмечаются на западе территории Псковской группы (по течению р. Великой), в Гдовской группе и на востоке новгородских говоров. В пределы юго-восточной части территории селигеро-торжковских говоров заходит массив распространения форм с *н* в качестве исключительного или преобладающего варианта произношения.

III. Черты, объединяющие западные ср.-р. говоры с западной частью говоров северного наречия (иногда только с ладого-тихвинскими говорами) и с западной частью территории южного наречия (т. е. включающие их в состав западной диалектной зоны).

1) Наличие существительных, образованных от глаголов *ходить* и *сидеть* с суффиксами *-ак-* — /*ходáк*/, /*седáк*/ (первое неизвестно селигеро-торжковским говорам).

2) Совпадение форм дат., предл. и род. п. ед. ч. сущ. ж. р. в форме род. п. — *у жены́*, *к жены́*, *о жены́*. Ареал этих форм охватывает, кроме западных ср.-р. говоров и Ладого-Тихвинскую группу северного наречия. В пределах западных ср.-р. говоров эти формы распространены почти по всей территории, кроме юго-восточной части территории селигеро-торжковских говоров. См. оторванные от северо-запада ареалы этих форм в пределах территории, расположенной к югу от Дорогобужа, у Орла, Курска, Ст. Оскола, Брянска, Белгорода. Эти формы известны и в части северо-восточных белорусских говоров.

3) Распространение формы *глáзы* — им. п. мн. ч. На севере захватывает, кроме западных ср.-р. говоров, бóльшую часть территории Ладого-Тихвинской группы и западную часть Белозерской группы межзональных говоров. В пределах западных ср.-р. говоров (в сосуществовании с формой *глазá*) форма *глáзы* распространена повсеместно; на юге ее ареал находится в пределах юго-западной зоны с продолжением на территорию белорусского языка. С меньшей последовательностью в тех же пределах отмечается и форма *сыны́* (в Гдовской группе и в новгородских говорах — островами).

4) Наличие окончания *-ы* в форме им. п. мн. ч. местоимения 3-го л. /*оны́* (*йены́*)/ охватывает Ладого-Тихвинскую группу говоров и всю территорию западных ср.-р. говоров (см. I, 3, § 6, карта 23). Лишь на территории селигеро-торжковских говоров наблюдается сосуществование форм *оні́* и *онé*. К югу форма *оны́* охватывает юго-западные территории южного наречия (ср. небольшой остров этих форм в восточных ср.-р. говорах) и говоры белорусского языка.

5) Наличие /*j*/ перед начальным гласным в формах местоимений 3-го л. в им. п. ед. ч. и мн. ч.: /*йон*/ — наиболее последовательно, /*йонá*/, /*йонó*/, /*йоны́*/ — менее последовательно. Изоглосса на севере местами доходит до 40° в. д. и, таким образом, явление неизвестно лишь Вологодской и Костромской группам говоров. В пределах зап. ср.-р. говоров представлено в Гдовской, Псковской группах и на большей части новгородских говоров. Формы с начальным /*j*/ неизвестны лишь на территории селигеро-торжковских говоров. В пределах южного наречия ими охвачены юго-западные говоры с продолжением на территорию белорусского языка во всем составе его говоров.

6) Формы указательных местоимений с /*j*/ в основе: *тá*/*й*/*а*, *тý*/*й*/*у*, *тó*/*й*/*е* (см. I, 3, § 7, карта 24). На севере подобные формы отмечены лишь на западной части территории Ладого-Тихвинской группы. В пределах западных ср.-р. говоров наиболее последовательно распространена форма *тá*/*й*/*а*. На юге указанное явление известно в юго-западных говорах и повсеместно на территории белорусского языка.

7) Ударение на начальных гласных в глаголах прош. вр. *брáла*, *звáла*, *ткáла*, *врáла* в пределах северного наречия известно на южной половине территории Ладого-Тихвинской группы и в говорах Онежской подгруппы. В западных ср.-р. говорах — на южной части территории Псковской группы и в виде острова в центре территории Гдовской группы; отмечены данные формы и на всей остальной территории. В пределах южного наречия указанные формы отмечены широкой полосой вдоль границы с БССР и УССР; известны они и в говорах на территории белорусского языка.

8) Исключительное распространение форм глаголов *дари́ть*, *кати́ть*, *тащи́ть* и под. в форме 2-го л. ед. ч. с ударением на основе: *дáришь*, *кáтишь*, *тáщишь* или (реже и на более южной части территории) *дóришь*, *кóтишь*, *тóщишь* (см. I, 3, § 12, карты 34, 35). В качестве последовательного данное явление преимущественно отмечено в пределах западной части территории южного наречия.

9) Распространение конструкций с деепричастием в роли сказуемого *пóезд ушбвши*. На севере изоглосса данной конструкции охватывает Ладого-Тихвинскую группу. Данная конструкция широко представлена на всей территории западных ср.-р. говоров. На юге известна в западной части южного наречия и в части северных говоров белорусского языка.

10) Распространение оборота с предлогом *с* (*з*) в соответствии *из — приéхал з гóрода*. Из числа западных среднерусских говоров отсутствует лишь на территории селигеро-торжковских говоров. Отмечено на северо-западной части территории Ладого-Тихвинской группы. Оборот повсеместно распространен на западной части территории южного наречия и в большей части говоров белорусского языка.

11) Среди лексических явлений соответствующего распространения можно отметить наличие слов: *лемешú* (*омешú*) ʻсошники у сохи', кроме западной зоны русского языка, отмечены на сопредельной северо-восточной части территории белорусского языка; *пýто* ʻремешок, соединяющий части цепа', известно в говорах белорусского языка в районе г. Витебска.

IV. Черты, в разной степени объединяющие западные ср.-р. говоры с западной частью говоров северного наречия (включающие западные ср.-р. говоры в состав северо-западной зоны).

1) Распространение явления так называемого «второго полногласия» с некоторыми различиями в распространении в зависимости от того, в каких конкретных словах представлено это явление. *Вéрех* или *верёх*. На севере и востоке изоглосса этих слов не заходит за линию: зап. побережье Онежского озера — оз. Селигер. В пределах зап. ср.-р. говоров подобное произношение данных слов отмечено в говорах Гдовской группы и на территории Псковской группы, кроме той части ее территории, которая находится к востоку от течения р. Ловать, распространено оно и на большей части территории новгородских говоров с некоторой разрядкой в северной части территории; в селигеро-торжковских говорах отмечено только в районе оз. Селигер.

Сéреп или *серёп*. В пределах западных ср.-р. говоров особенно последовательно в говорах Гдовской группы и на западной части территории новгородских говоров; на юго-западной части территории Псковской группы и в пределах селигеро-торжковских говоров — в единичных населённых пунктах. Такое произношение за пределами западных ср.-р. говоров отмечено лишь в единичных населенных пунктах по р. Сяси.

Кóром. В зап. ср.-р. говорах распространено повсеместно, более разреженно на территории селигеро-торжковских говоров. Известно в говорах Ладого-Тихвинской группы. Кроме того, ареалы указанного произношения данного слова известны вдоль границы с БССР и УССР и в междуречье Оки и Мокши.

Стóлоб или *столóб*. В пределах западных ср.-р. говоров распространено повсеместно, кроме юго-восточной части территории селигеро-торжковских говоров, причем преимущественно в звучании *столóб* с ударением на последнем слоге. Известно в говорах Ладого-Тихвинской группы.

Гóроб. В пределах западных ср.-р. говоров распространено на территории Гдовской группы; на западной части территории новгородских говоров и на юго-западной — Псковской группы говоров. Известно на северо-западной части территории Ладого-Тихвинской группы. Произношение данного слова с ударением на втором слоге отмечено лишь в нескольких нас. п. на территории Ладого-Тихвинской группы.

2) Распространение формы им. п. мн. ч. местоимения *весь — вси*. Свойственно всем западным ср.-р. говорам, кроме юго-восточной части селигеро-торжковских говоров. Свойственно также говорам Ладого-Тихвинской и Онежской групп.

3) Распространение форм /*йéсте*/ и /*йе*/ от глагола *быть*. Обе формы сосуществуют в пределах северо-западной зоны, кроме южной части территории Псковской группы и юго-восточной части территории селигеро-торжковских говоров.

4) Распространение слова *óльха* — с ударением на начальном гласном. На севере известно и восточнее территории Ладого-Тихвинской группы.

5) Среди лексических явлений, имеющих распространение в пределах северо-западной зоны, можно указать следующие: *изгорóда* — тип изгороди; *корéц*, *кóрчик* ʻковш', ʻковшик'; *пáлица* ʻназвание валька для выколачивания белья' (отмечается в виде островов); *присóх*, *присóшек* ʻпалица у сохи'; *прúвязь*, *прúуз* ʻназвание цепа'; *таскáть* ʻубирать лен'; *баркáн* ʻназвание моркови'; *позём* ʻнавоз'; *бáбка* ʻмалая укладка снопов в поле'; *лоньшáк*, *лоньшúна* ʻжеребенок на втором году жизни'; *петýн* ʻпетух'; *ýпряжка* ʻработа без перерыва'.

V. Черты, объединяющие западные ср.-р. говоры с говорами южного наречия русского языка.

1) Возможность редукции гласных во 2-м предударном и заударных слогах слова. В пределах западных ср.-р. говоров отмечается повсеместно, но в новгородских говорах при преобладании различения гласных в указанных позициях (см. V, 3, § 3, 4).

В непосредственной связи с явлением редукции находится возможность употребления форм им. п. мн. ч. сущ. ср. р. с безударным окончанием -*ы* — *пя́тн/ы/*, *сёл/ы/*. В пределах западных ср.-р. говоров отмечена повсеместно в гдовских и псковских говорах (за исключением совершенно единичных нас. п.) и в большей части селигеро-торжковских. В остальных говорах употребление этих форм факультативно. Возможность употребления указанных форм отмечена и в восточных ср.-р. говорах.

2) Возможность употребления форм с гласным *у* в безударных окончаниях 3-го л. глаголов II спряжения во мн. ч. *но́/с'у/т*, *про́/с'у/т*. На территории западных ср.-р. говоров более последовательно в пределах псковских и селигеро-торжковских говоров; в Гдовской группе и в новгородских говорах — на южной половине их территории, а на остальных частях территории — факультативно.

Могут быть привлечены условно, так как связывают западные ср.-р. говоры не только с говорами южного наречия, но частично также и с некоторыми объединениями в пределах северного наречия или восточных ср.-р. говоров следующие явления.

1) Спряжение глаголов на задненебный согласный по типу *пе/к/у́ — пе/к'/ёш — пе/к/у́т* распространено, кроме южнорусских говоров, в пределах западных ср.-р. говоров за исключением части территории новгородских и селигеро-торжковских говоров. Известно в южной части восточных ср.-р. говоров, а также в говорах Вологодской группы северного наречия.

2) Исключительное распространение инфинитивов *печь*, *сечь*, *бере́чь* свойственно, как и говорам южного наречия, большей части западных ср.-р. говоров, за исключением западной половины территории Псковской группы, где наблюдается сосуществование их с другими типами образования форм инфинитива. Возможность употребления указанных инфинитивов наблюдается и на части территории Ладого-Тихвинской группы северного наречия.

3) Распространение инфинитивов *несть*, *везть*, *плесть*, которые в исключительном распространении свойственны всем говорам южного наречия, а также распространены и в говорах Ладого-Тихвинской группы северного наречия. В пределах западных ср.-р. говоров распространение этих форм инфинитива становится менее последовательным на юго-западной части их территории. К тому же в пределах западных ср.-р. говоров известно сосуществование указанных форм с другими формами инфинитива. Подобное сосуществование отмечается и в восточных ср.-р. говорах.

4) Произношение глагола *запрёг* с ударенным *о*, характерное для всех говоров южного наречия. Отдельные ареалы такого произношения отмечены на южной части территории Псковской группы и на южной части территории новгородских говоров, а также и на юге и востоке территории селигеро-торжковских говоров. На территории Гдовской группы подобное произношение неизвестно, его отмечают только по побережью Чудского озера. Кроме того, оно известно на территории Костромской группы северного наречия и в межзональных говорах.

5) Распространение форм прил. в предл. п. ед. ч. с окончанием */-и́м/ /ы́м/* — *в худы́м*, *в каки́м*. Отмечено на всей территории Псковской группы, кроме того, имеется незначительный ареал этих форм в гдовских говорах и на южной части территории новгородских говоров. (Ареал этих форм на юго-востоке территории селигеро-торжковских говоров следует рассматривать в совокупности с массивом того же произношения в восточных среднерусских говорах.)

Глава вторая

ЧЛЕНЕНИЕ ЗАПАДНЫХ СРЕДНЕРУССКИХ ГОВОРОВ

§ 1. Предварительные замечания

Помимо пучков изоглосс, выделяющих западные ср.-р. говоры в целом, в их пределах расположены пучки, выделяющие отдельные территории, говоры которых, обладая указанными выше общими особенностями западных среднерусских говоров, по кругу определенных языковых черт представляют собой самостоятельные диалектные объединения. В зависимости от характера явлений, свойственных различным объединениям, они занимают разное место в иерархии диалектного членения русского языка в целом. При общем членении западных ср.-р. говоров во внимание принята прежде всего изоглосса неразличения гласных *о* и *а* в первом предударном слоге слова после твердых согласных. В качестве последовательного явления неразличение гласных известно южнее линии, которая проходит от северного берега Псковского озера сначала на северо-восток, а затем на юг и юго-восток в направлении к северному берегу оз. Селигер, пересекая среднее течение р. Ловати. Здесь же проходит и мощный пучок изоглосс преимущественно явлений юго-западной локализации, разделяющий западные среднерусские говоры на две неравные части: северную — меньшую и южную — большую. Диалектное своеобразие каждой из этих частей поддерживается также распространением диалектных явлений, или вовсе неизвестных за пределами той или другой из частей западных ср.-р. говоров, или известных, но в иных структурных разновидностях. Разделение западных ср.-р. говоров по характеру предударного вокализма является в значительной степени относительным и условным. В то время, как на выделяющейся таким образом южной части территории находятся последовательно акающие говоры, на северной части встречаются такие окающие говоры, которые при оценке их языкового комплекса в целом и тенденций развития их вокализма оказываются в ряде отношений ближе к тем говорам, которые по характеру предударного вокализма являются говорами акающими, чем к говорам, собственно окающим и обладающим соответственным комплексом языковых черт. Именно в связи с этим вопросы вокализма западных ср.-р. говоров ниже будут рассмотрены детально (см. V, 3), так как именно структура вокализма некоторых из этих говоров ярко отражает следующую особенность: при характерном для среднерусских говоров соединении разнодиалектных по происхождению черт эти последние образуют в них в дальнейшем новые по своему качеству в ряде случаев типы предударного вокализма.

В результате проведенного изучения материалов в пределах западных ср.-р. говоров оказалось возможным выделить следующие диалектные объединения: Гдовскую группу говоров, новгородские говоры, Псковскую группу говоров и селигеро-торжковские говоры. Уже из самих названий («группа», «говоры») следует, что эти диалектные объединения неравнозначны по их месту в системе диалектного членения. Переходя далее к выделению и анализу языковых комплексов отдельных диалектных объединений, мы будем упоминать только характерные для этих объединений языковые черты, имея в виду наличие в составе каждого из таких комплексов также и всех тех черт, которые приводились выше как характерные для западных ср.-р. говоров в целом и которые не повторяются ниже из соображений удобства описания.

§ 2. Гдовская группа говоров

Данная группа говоров выделяется на западе северной части территории западных ср.-р. говоров. Среди явлений, представляющих спе-

цифику говоров этой группы, бо́льшая часть относится к числу широко охватывающих «языковую материю» и потому проявляющихся в процессе говорения почти непрерывно, так как речь идет о таких явлениях, как система предударного вокализма после твердых и после мягких согласных, особенности склонения имен существительных, особенности форм спряжения глаголов и т. п.

Выделение Гдовской группы определяется не только наличием в ее говорах, занимающих небольшую территорию в районе Чудского озера и междуречье Луги — Плюссы, ряда языковых явлений, составляющих ее языковую специфику. Для говоров Гдовской группы характерно также то, что в их пределах, с одной стороны, имеют распространение некоторые южнорусские и юго-западные явления, неизвестные на соседней территории новгородских говоров, а, с другой стороны, также то, что именно на их территорию заходят изоглоссы некоторых северно-русских явлений, не распространяющиеся южнее — на пределы Псковской группы говоров, что и служит для выделения этой группы говоров как с востока, так и с юга.

А) Среди южнорусских явлений (включая и юго-западные), выделяющих Гдовскую группу говоров сравнительно с новгородскими говорами [9], назовем следующие:

1. Господство редукции гласных во 2-м предударном и в заударных слогах, значительно сильнее выраженное, чем в новгородских говорах.

2. Наличие /в/ на месте *у* перед согласными в начале слова */в/ нас*, */в/ сестры* (юго-западная зона).

3. Распространение форм им. п. мн. ч. с ударенным окончанием *-а* у сущ. ж. р. с основой на мягкий согласный — *деревня́*, *лошадя́* и под. (юго-восточная зона), а также от существительных *мать* и *дочь* — *матеря́*, *дочеря́*. Подобные формы в новгородских говорах и в северной части селигеро-торжковских говоров полностью отсутствуют.

4. Распространение форм вин. п. ед. ч. сущ. ж. р. с ударением на окончании: *сторон/у́/*, *борон/у́/*, *рук/у́/*.

5. Распространение в виде отдельных ареалов конструкций с объективно-целевым значением типа *пойти в ягоды*, основной массив которой, охватывая территорию Псковской группы говоров, идет к югу, на территорию белорусского языка и на западную часть территории южнорусских говоров (см. карту 108).

6. Наличие отдельных ареалов (преимущественно на юге территории Гдовской группы) произношения шепелявых звуков на месте мягких свистящих */с'/* и */з'/* */с''/е́но*, */з''/има́*, а реже и на месте твердых.

7. Наличие в единичных нас. п. произношения */т'/* и */д'/* со свистящими призвуками */т'ᶜ-/е́сто*, */д'ᶻ-/я́/д'ᶻ-/я* [10].

Поскольку два последних явления, непоследовательно распространенные в современных гдовских и псковских говорах, имеют большое значение при изучении истории формирования этих говоров, остановимся на них несколько подробнее.

Наличие в системе */с''/*, */з''/* позволяет сделать следующие выводы о характере консонантной системы тех гдовских и псковских говоров, где известно такое произношение.

1. Объем оппозиций по глухости—звонкости меньше по сравнению с системой литературного русского языка.

2. В результате отсутствия пар */т'/—/с'/* и */д'/—/з'/*, противопоставленных по ДП «взрывность—фрикативность», */т'/* и */д'/* оказываются непарными по данному ДП согласными, а «взрывность» оказывается у них признаком фонологически несущественным [11].

3. Поскольку в данной системе отсутствует и пара */т'/—/ч'/* в ряде псковских говоров в соответствии */ч'/* произносится */ц''/*), противопоставленная по ДП «дентальность—альвеолярность», то признак «дентальность» оказывается также фонологически несущественным (см. карты 109 и 110).

Таким образом, можно сделать заключение о существовании в данном случае факультативной консонантной системы со слабо развитой дифференциацией передненебных согласных. Современные псковские и гдовские говоры содержат материал, позволяющий воспроизводить подобную систему с «недоразвитой» дифференциацией передненебных согласных [12].

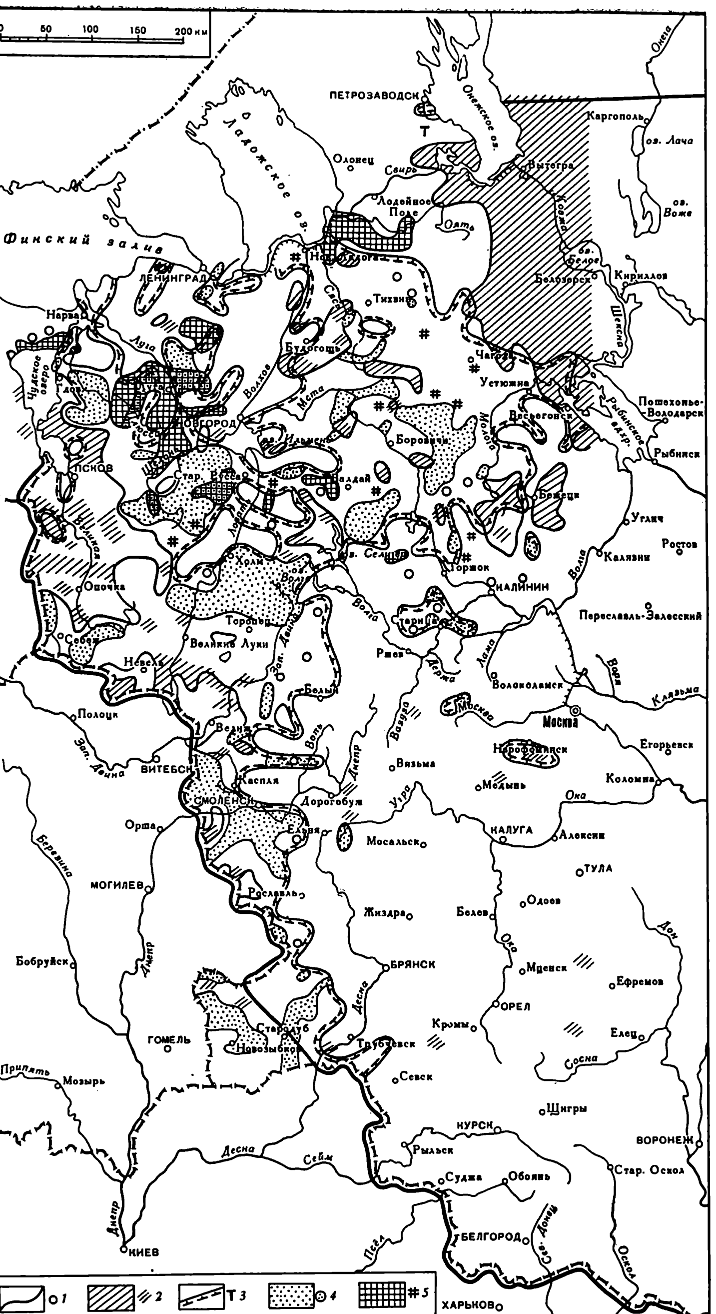
---

[9] Наличие приведенных ниже явлений на территории Псковской группы при этом само собой разумеется.

[10] Два последних явления (№ 6 и № 7) в рассеянном распространении известны и на других территориях, поэтому в данной рубрике приведены в известной степени условно.

[11] См. К. В. Горшкова. Очерки исторической диалектологии северной Руси. Докт. дисс. М., 1965, Гл. II; В. Г. Орлова. Указ. соч., стр. 7, где */с"/*, */з'/* и */ц'/* */дз'/* рассматриваются как сопутствующие друг другу.

[12] См. I—22, 23, 83, 84, 86, а также материал к карте 43—2, 89, 90, 100, 103, 104, 106, 177, 181, 183, 185, 186, 188, 197, 204, 207, 212, 214, 216, 224, 227, 228, 240, 247, 274; к карте 44—1, 7, 89, 100, 103, 104, 183, 185, 197, 224, 227, 240; к карте 46—92, 100, 182, 186, 201, 214, 224, 227, 237, 240; к картам 27 и 28 — 89, 106, 115, 180, 181, 183, 193, 201, 224.

Карта 108

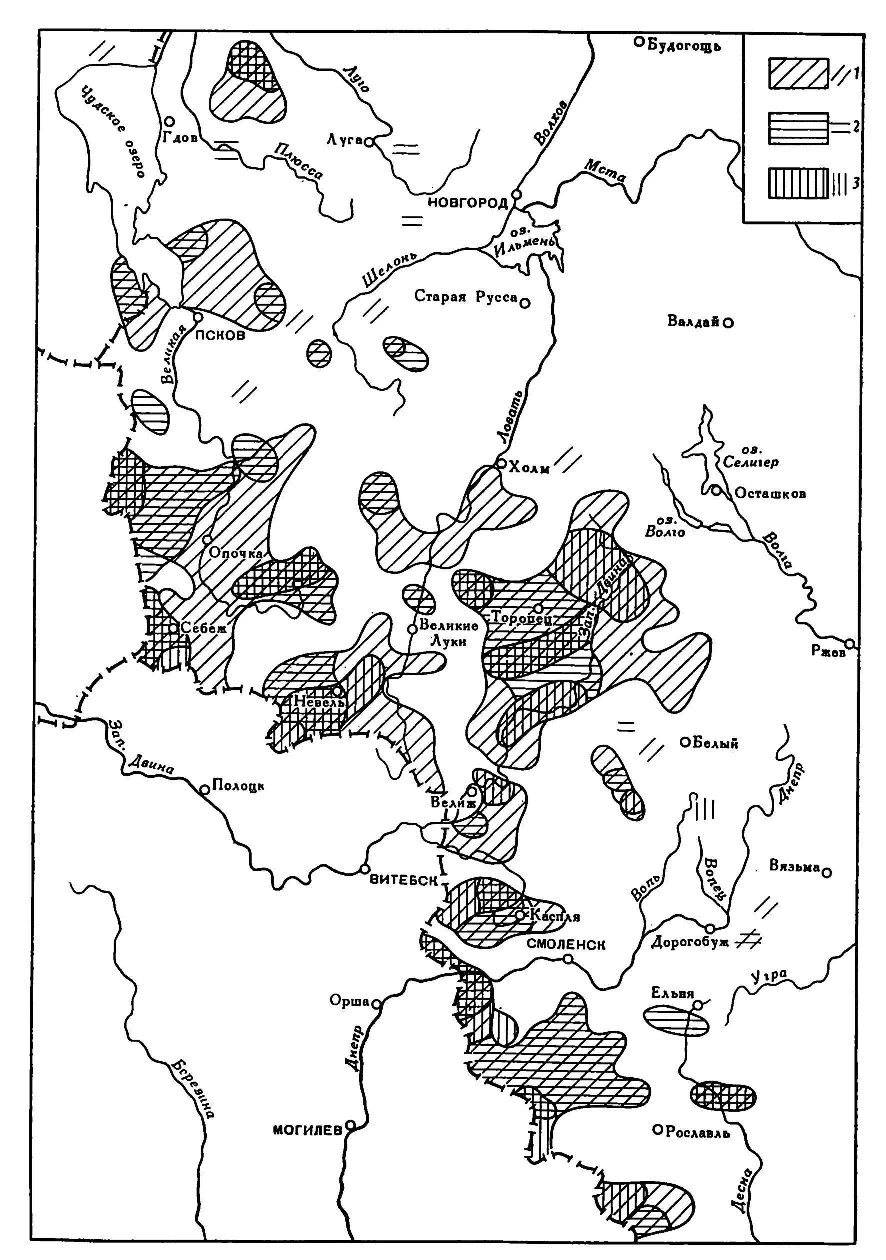
Явления юго-западной зоны, распространенные в пределах Псковской и Гдовской групп говоров:

1 — распространение оборота *пойти в ягоды*; *2* — распространение форм вин. п. ед. ч. сущ. ж. р. с ударенным /у/: *сторон/ý/*, *борон/ý/*; *3* — то же в словах *рук/ý/*, *ног/ý/*; *4* — наличие /в/ в соответствии предлогу *у* перед согласными /*в нас*/, /*в сестрý*/

Карта 109

Звуки в соответствии аффрикате *ч* в западных ср.-р. говорах:

1 — отмечено *ц* твердое; *2* — отмечено /*ц'*/ или /*ц''*/; *3* — отмечено *ч* твердое; *4* — *ч* твердое в исключительном распространении; *5* — при отсутствии цоканья отмечено *ц* только в формах типа *уш/óццы/*

Карта 110

Звуки в соответствии мягким переднеязычным согласным *с'*, *з'* и *т'*, *д'*

1 — отмечено /*с''*/, /*з''*/ в соответствии мягким с', *з'*; *2* — отмечено /*ц'*/, /*д'з'*/ в соответствии мягким *т'*, *д'*; *3* — отмечено /*ц'*^{ч}'/, /*д'*^{ж}'/ в соответствии мягким *т'*, *д'*

Приведем для примера материал, записанный в дер. Гридино Середкинского р-на Псковской обл.: /*с''éна, фс''их, устанави́лис''а, астáлис''а, йúс''т', фс''о, фс''ер'óтку, вмéс''ти, ф С''óлави, рýс''кий, нас''úла, с''в'áзана, нис''л'аглóс''ба, унес''óна, абнес''óт, фс''о, бир'óкс''а, т'ас''úнки, с''в'áжут, гас''тéй, д'ас''áтък*/, а также /*с''п'ат; хаз''áина, вез''д*^{в}''*é, з''óрна; ф т'*^{ч}'*ур'мý, т'*^{ч}'*ур'мá, т'*^{ч}'*óплыи, т''óмнуйу, т''óпла, мит'*^{ч}'*éл', схва,т'*^{ч}'*-úли, плич'óный, плúч''óна; н'а найд'*^{в}''*óм, д'*^{з}''*ен', уйд'*^{з}''*óт, д'*^{з}''*анúчки, д'*^{з}''*ве, низд''éлали, д'*^{з}''*éлали, в нач́ынку, печ́, бéрдач́ки, пъм'ажýтач́ки, ч́ьланкú, чýхны, пачухóнски, нот* (=ночь), *внот дамóй* (=ночью), *стýл'чык, мéлат* (=мелочь), *рагач*^{т}, *с М'ал'нúт* (=назв. дер. Мельница), *атéц, йайт, ц''в'аткú, кл'óч''ки*/.

Таким образом, при подобной консонантной системе имеются условия для неразличения не только *ч'* и *ц*, *с* и *ш*, *з* и *ж*, но также и *д* и *з*, *т* и *с*. О смешении звуков *д* и *з* есть упоминание у Е. Ф. Карского [13]: «Звук *д'з'* в собственном имени *Дмитрий* почти повсеместно в Белоруссии упрощается в *Змицяр* и *Змицёр* и, наоборот, *ходяин*». К примерам Е. Ф. Карского можно прибавить записанные на Псковщине в 1959 г. неоднократно — *вела́, веди́* и т. п. в соответствии глаголу *возить*, например, *веду́ сено с поля* и название реки Плюсса — *Пл'у́та*.

Б. Гдовская группа говоров выделяется в ряде отношений по сравнению с говорами Псковской группы. Это определяется тем, что значительная часть южнорусских (юго-западных) явлений, характерных для акающих говоров Псковской группы, неизвестна на территории Гдовской группы говоров и, таким образом, служит для выделения этого диалектного объединения в пределах западных ср.-р. говоров по негативному признаку (см. ниже характеристику Псковской группы). Весьма существенно и то, что некоторые явления севернорусской или северо-западной локализации, не охватывая западных ср.-р. говоров в целом, ограничиваются в своем распространении в их пределах только (или преимущественно) территорией вместе взятых Гдовской группы и новгородских говоров и тем самым служат для противопоставления говорам Псковской группы и селигеро-торжковским говорам. Таковы следующие явления:

1) Отсутствие аканья как господствующей системы вокализма.

2) Наличие /*у*/ в соответствии /*о*/ во 2-м предударном слоге, являющемся началом слова, и особенно последовательно в слове *огурцы́* — /*у*/*гурцы́*. Ср. наличие данного произношения в ладого-тихвинских говорах, а также в качестве собственно фонетического явления в восточных ср.-р. говорах.

3) Наличие протетического гласного *у* в начале слова перед сочетанием согласных — /*ур*-*жанбй*/, /*ул'н'анбй*/. Наибольшее сгущение подобного произношения отмечается в южной части территории новгородских говоров и в виде островов в Гдовской группе — по среднему течению Плюссы.

4) Сохранение случаев неразличения *ч* и *ц* и совпадения их в *ц* только в форме деепричастия /*ушбццы*/. В виде островов отмечено в полосе от верхнего течения Луги — Плюссы (Гдовская группа) до междуречья Шелони — Ловати (новгородские говоры) и частично на территории Псковской группы.

5) Наличие /*о*/ (не /*е*/) в окончаниях 3-го л. ед. ч. глаголов при отсутствии конечного *т* — *он* /*нес'о́*/. Ср. наличие подобного произношения только в единичных нас. п. на западной части территории Псковской группы.

6) Наличие сочетания /*гл*/ в слове *жа́ло* — *жа́*/*гл*/*о* — ареал в нижнем течении Луги; *жа*/*гл*/*о́* — в рассеянном распространении на территории от Нарвы до оз. Ильмень со сгущением в районе оз. Ильмень и в виде единичных населенных пунктов к северу от Пскова и в излучине р. Шелони при общей локализации в пределах северо-запада.

7) Формы предл. п. ед. ч. сущ. м. р. на мягкий согласный с окончанием *-и* — *на кони́, на краи́*. Подобные формы, кроме говоров Гдовской группы и южной части территории новгородских говоров, известны и в говорах Ладого-Тихвинской группы; в единичных нас. п. см. эти формы в псковских и в селигеро-торжковских говорах. Распространение подобных форм известно и в белорусском языке.

8) Те же формы у сущ. на твердый согласный — *при отц*/*ы́*/. Известны в гдовских и новгородских говорах, а также единично в говорах северной и восточной части территории Псковской группы; основная территория распространения — ладого-тихвинские и прионежские говоры.

9) Формы вин. п. ед. ч. местоимения ж. р. 3-го л. ед. ч. без предлога — *ею́*. Кроме большей части Гдовской группы, захватывая междуречье Луги — Плюссы и новгородские говоры, ареал данной формы распространен далее на восток и северо-восток до Тихвина и Рыбинского моря. На юге массив захватывает район оз. Селигер. Примерно на той же территории отмечается распространение и других форм вин. п. местоимения ж. р. — /*йу*/, /*йану́*/, /*ану́*/ или формы /*йей*/ — как формы всех косвенных падежей.

10) Распространение двусложных окончаний в косвенных падежах мн. ч. прил. — *бе́л*/*ыих*/, *бе́л*/*ыим*/. . . Отмечается в виде островов на центральной части территории Гдовской группы говоров, на южной части территории новгородских говоров и на северной и восточной части селигеро-торжковских говоров (на территории Псковской группы отсутствует). Вся совокупность ареалов этого явления расположена в пределах пограничья среднерусских говоров (западных и восточных) и северного наречия и вписывается в зону совпадения

---

[13] Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. I. М., 1955, стр. 358 и след.

форм дат., тв. п. мн. ч. в форме дат. п.: *к нóвым, с нóвым (домáм), к своúм, со своúм (домáм)*.

11) Ударение на первом слоге в глаголе *пóмерла*. Кроме гдовских и новгородских говоров, распространено в Прионежье.

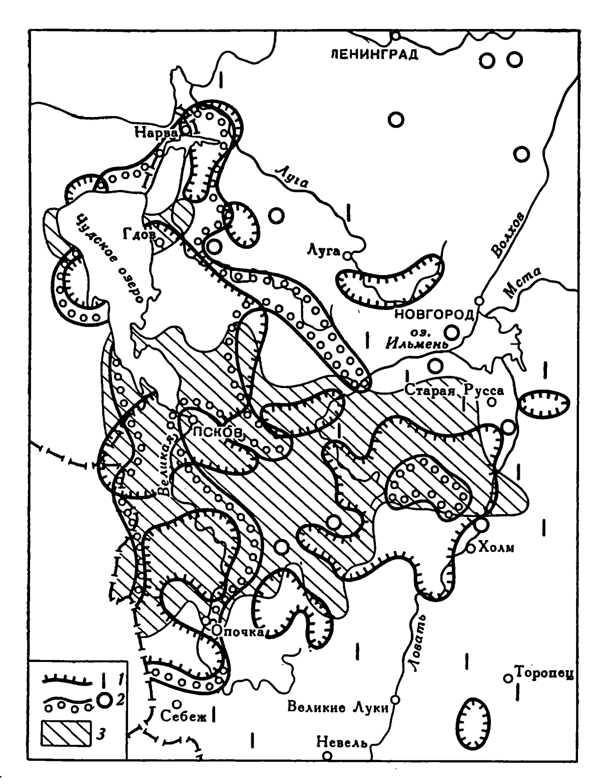
12) Распространение следующих слов: *выть* 'время еды или промежуток от еды до еды', 'время отдыха' известно говорам всей северной зоны, а из западных ср.-р. говоров — в говорах Гдовской группы и в новгородских говорах; *пахáть* 'подметать пол' распространение то же; *баскóй, бáский, баскó, басá* 'красивый', 'красиво', 'красота' имеет то же распространение.

В. Наряду с тем, что в говорах Гдовской группы отсутствует ряд явлений, южнорусской и юго-западной локализации, характерных для псковских говоров, на ее территории распространены и такие черты, которые объединяют ее с говорами Псковской группы [14], в составе которых могут быть указаны следующие:

1) Произношение отдельных слов, из числа которых особый характер имеет распространение слова *фýтор*, которое хотя и имеет в общем северную и северо-западную локализацию, но на территории западных среднерусских говоров известно только в пределах Гдовской и Псковской групп (полосой от Нарвы до верховьев р. Великой), охватывая Гдовскую и западную часть Псковской группы с островами в юго-восточной части Псковской группы по р. Ловати у оз. Ильмень); произношение */свет/*, */с'вет/* (цвет) известно на юго-западе и северо-востоке. В пределах западных ср.-р. говоров отмечается в единичных нас. п. по западному берегу Чудского озера и в единичных нас. п. по всей территории Псковской группы.

2) Распространение форм местоимения 3-го л. ж. р. в вин. п. ед. ч. без предлога — */йенý/*. Занимает южную часть Гдовской группы (имеется также ареал в северной части ее территории по обоим берегам Чудского озера), а также бóльшую северную часть территории Псковской группы.

3) Распространение глагольной парадигмы *мо/г/ý — мó/г/ешь — мó/г/ет — мó/г/ут*, наиболее полно представленной в говорах этих двух территорий. Незначительное распространение данной парадигмы отмечено у г. Новгорода и Ст. Руссы. Известно оно и в районе Петрозаводска, а также в единичных нас. п. по всей территории русского языка.

Карта 111

Явления, локализующиеся в пределах Псковской и Гдовской групп говоров

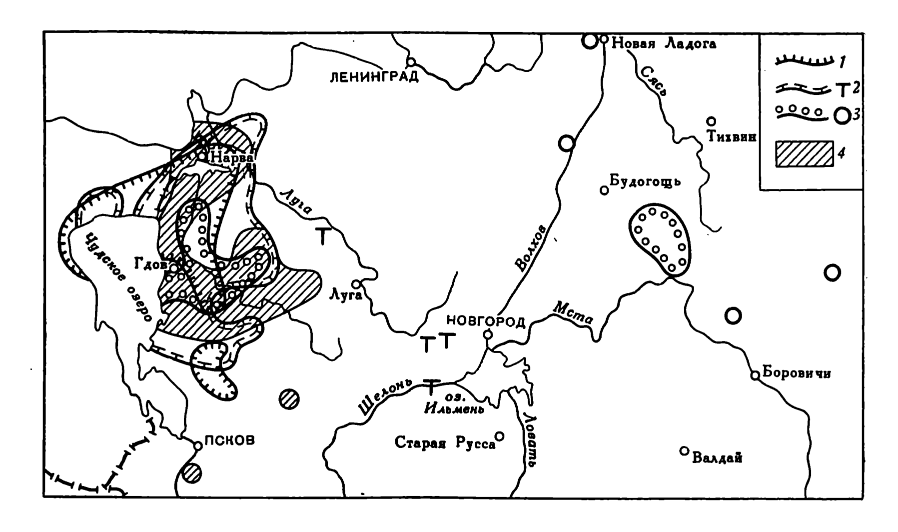
1 — парадигма спряжения глагола *мочь* с задненебным в основе: *мо/г/ý — мó/г/ешь — мó/г/ут*; 2 — распространение словоформ *спрá/хы/вать, опоя́/хы/вать*; 3 — распространение форм местоимения 3-го л. жен. р. в вин. п. без предлога / *йенý*/

4) Образование глагольных форм от основы с согласным */х/* в таких случаях как: *спрá/хы/вать, опоя́/хы/вать*. Кроме территории Гдовской и Псковской групп говоров, подобные формы нигде не отмечены.

5) Распространение слов *стоя́нка, стóйка, стóйня* в значении малой укладки снопов в поле; слова *рей* — в значении постройки для сушки снопов (не считая острова в среднем течении Зап. Двины); *сикляхú* 'название муравьев'. Следует отметить, что приведенные лексические явления имеют распространение преимущественно в западной части обеих групп говоров. Несколько шире на востоке, охватывая полностью территорию Псковской группы, а также на юге частично области западных южнорусских говоров (по течению Зап. Двины) распространено слово *тягáть* как название процесса уборки льна (см. карту 111).

г) Охарактеризуем круг черт, служащих для выделения гдовских говоров в качестве самостоятельной группы и присущих именно

[14] В данном разделе мы не будем повторять те из подобных черт, которые имеют более широкое распространение, охватывая и прилежащие с юга к территории Псковской группы юго-западные говоры южного наречия (см. выше).

Карта 112

Явления, локализующиеся в пределах Гдовской группы говоров

1 — распространение предударного вокализма после мягких согласных гдовского и полновского типа; *2* — распространение словоформ *да́стишь, е́стишь* (2-е л. ед. ч. буд. вр.); *3* — распространение формы деепричастия *ушо́д*; *4* — распространение форм им. п. мн. ч. сущ. ж. р. типа *берё/з'йа/, я́/м'йа/, жёр/д'йа/*

им. В составе языковых черт этого рода прежде всего должны быть отмечены особые системы предударного вокализма, получившие в соответствующей литературе названия гдовского и полновского[15]. Кроме того, явления вокализма западных ср.-р. говоров будут рассмотрены ниже специально (см. V, 3).

Говоры Гдовской группы характеризуются и другими своеобразными именно им присущими языковыми явлениями, к числу которых относятся следующие:

1) Формы им. п. мн. ч. на /*-йа*/ от сущ. ж. р. на *-а* независимо от качества согласного основы — *берёзья, я́мья* и от сущ. ж. р. без окончания в им. п. ед. ч. — *жёрдья*. Помимо территории Гдовской группы, распространение подобных форм отмечено в виде двух небольших ареалов в районе Онежского озера.

2) Распространение форм глаголов 3-го л. ед. и мн. ч. без конечного *т* (см. I, 3, § 13, карты 36а и б), при характерном именно для данных говоров употреблении этих форм независимо от спряжения или места ударения в глаголе (на основе или на окончании). В этих говорах отмечают: *он несё, пи́ше, сиди́, ви́ди; они несу́, пи́шу, сидя́, ви́дя*. Кроме территории Гдовской группы, такое последовательное употребление форм глаголов 3-го л. без конечного *т* отмечено лишь в виде небольших ареалов на территории новгородских говоров, а также между южным берегом Ладожского озера и р. Мстой в междуречье Волхова — Ояти и непосредственно в районе оз. Селигер (см. там же).

3) Только на территории Гдовской группы отмечено распространение личных форм глаголов нетематического спряжения *да́стишь, е́стишь*, представляющих контаминацию старых форм *даси́, еси́* и новых *дашь, ешь*.

4) Только в этих говорах распространено употребление старых форм деепричастий прошедшего времени *ушо́д, уйе́хат*.

5) В пределах Гдовской группы говоров ограниченную территорию распространения имеет синтаксическая конструкция, представляющая сочетание инфинитива значимого глагола с глаголом *быть*, употребляющимся в качестве сказуемого безличных предложений, выражающих неизбежность, долженствование: *бы́ть, опозда́ть ему́ сего́дня, бы́ть ему́ наза́д вороти́ться*. Этот же оборот отмечен на небольшой территории в районе оз. Селигер, до Валдая включительно, и на юге в районе Мценска — Курска.

6) Языковую специфику говоров Гдовской группы образует и употребление здесь некоторых слов — названий предметов или особых значений слов, неизвестных за пределами Гдовской группы. Здесь известны слова: *рель* или *рёлка* в значении 'участок земли'; *печа́йник* или *печа́льник* в значении 'сковородник'; *мост*

[15] См. Т. Ю. Строганова. Предударный вокализм северо-запада Псковской области. «Материалы и Исследования по русской диалектологии», новая серия, т. III. М., 1962, стр. 101—111.

в значении 'дно', 'сиденье в лодке'; употребление глагола *пе́ить* /*по́ять*/ в значении 'петь песни' (см. карту 112).

§ 3. Новгородские говоры

В северной и северо-восточной части территории западных ср.-р. говоров имеет распространение комплекс черт, на основе которого могут быть выделены новгородские говоры, так как характер этого комплекса (см. ниже) не позволяет считать эти говоры самостоятельной группой, что объясняется прежде всего крайней непоследовательностью в размещении любых диалектных черт на территории новгородских говоров.

Восточной границей новгородских говоров являются отрезки охарактеризованных выше пучков изоглосс севернорусских и южнорусских явлений, составляющие вместе с границей новгородских говоров одновременно и восточную границу западных ср.-р. говоров в целом.

Как это было указано выше при анализе пучка южнорусских явлений, решающим языковым фактором для включения данной языковой области в число западных ср.-р. говоров является наличие в них элементов редукции гласных во 2-м предударном слоге слова или в слоге заударном.

В плане диахроническом эти случаи неоднозначны в различных новгородских говорах. Но в плане синхронном их наличие не может быть не учтено, так как по данному признаку новгородские говоры отличаются от соседних с ними, прилегающих с востока говоров северного наречия.

Западной границей новгородских говоров является граница Гдовской группы.

Южная граница новгородских говоров проходит в пределах пучков изоглосс, составляющих одновременно южную границу Гдовской и северную границу Псковской групп. Эти изоглоссы указывают на наличие в Гдовской группе говоров и в новгородских говорах дополнительно, по сравнению с западными ср. р. говорами в целом, круга явлений, сближающих эти говоры с говорами северного наречия или отдельных его подразделений (см. перечень этих черт выше при описании говоров Гдовской группы). Кроме этих черт можно указать лишь отдельные языковые явления, по наличию которых новгородские говоры еще более, чем говоры Гдовской группы, сближаются с говорами северного наречия.

1. Распространение слова *вброг*. Кроме острова между оз. Ильмень и средним течением р. Луги, отмечается в северной части селигеро-торжковских говоров с островами и в их южной части. Основное распространение данного произношения наблюдается в пределах ладого-тихвинских говоров, где оно также представлено в виде отдельных ареалов.

2. Наличие ареала мягких шипящих /*ш'*/, /*ж'*/ — к югу от оз. Ильмень и по среднему течению р. Луги, а также наличие их в единичных нас. п. по территории Гдовской группы и на севере селигеро-торжковских говоров. Далее разбросано по территории северного наречия.

3. Формы местоимений дат. и предл. п. ед. ч. *мни*, *теби́*, *себи́* — в виде острова у оз. Ильмень и на границе Псковской группы говоров. Далее на северо-восток — на территории между Ладожским и Онежским озерами.

4. Распространение форм им. п. мн. ч. указ. местоимения /*ты (ти)*/. Отмечается в южной половине территории новгородских говоров и на примыкающей территории Псковской группы. Основной массив — Ладого-Тихвинская группа говоров и Прионежье.

5. Распространение слов *ме́ньше*, *ра́нше* с твердым *н*. В новгородских говорах островами к востоку от Новгорода, в верховьях Плюссы и к северу от Луги. Данные острова примыкают к ареалам, распространенным по территории северного наречия, хотя данное явление известно и на юго-западе в пограничье с БССР.

Должно быть отмечено также наличие в новгородских говорах некоторых явлений, связывающих их дополнительно с говорами юга и юго-востока или центра, кроме тех черт подобного рода, которые были указаны выше (см. V, 1). Это следующие черты.

1. Факты переходного смягчения задненебных согласных, представленные в этих говорах в отдельных словах. В частности, наличие слов /*т'*/*исе́ль*, /*т'*/*и́слый* отмечается в районе оз. Ильмень (см. I, 2, § 7).

2. Склонение слова *мышь* по типу слов мужского рода. Также в виде острова в районе оз. Ильмень. Основной массив — центр южного наречия с клином на север, включая Калининскую группу и восточную часть селигеро-торжковских говоров. Кроме того — массив у Онежского озера.

Черты, хотя бы относительно представляющие специфику новгородских говоров, как уже говорилось, немногочисленны.

1. Наличие систем различения гласных в положении 1-го предударного слога после мягких согласных (в сочетании с различением после твердых согласных) преимущественно следующего типа: *о—е*/*о—а*; *е—е—а* /*с'о*/*ла́* — /*р'е*/*ка*,

(/р'о/*ка́*), /*п'а/та́к*; /*ре/ки́* — /*не/си́* — /*п'а/ти́*.

2. Распространение отдельных ареалов форм им. п. ед. ч. *ма́ти*, *до́чи*. За пределами данных говоров в редких случаях в говорах Псковской группы, основные ареалы в пределах Вологодской и Онежской групп говоров (см. I, 3, § 1).

3. Распространение формы 2-го лица ед. ч. *дади́шь*. Отмечено в районе оз. Ильмень.

4. Распространение форм деепричастий /*ушёдсы*, *ушо́дсы*/. Отмечено у оз. Ильмень.

§ 4. Псковская группа говоров

Северная граница Псковской группы уже охарактеризована выше при описании южной границы Гдовской группы и новгородских говоров. Наиболее определенно она представлена изоглоссой последовательного неразличения безударных гласных во всех позициях. Южная граница Псковской группы говоров является границей между западными ср.-р. говорами в целом и говорами южного наречия. Менее определенна граница между Псковской группой говоров и говорами селигеро-торжковскими, с которыми у восточной части Псковской группы говоров имеется ряд общих черт (см. V, 2, § 5).

А. При характеристике языкового комплекса Псковской группы говоров укажем ряд черт южного наречия дополнительно свойственных (по сравнению с другими западными ср.-р. говорами) говорам Псковской группы. Из их числа наиболее широко распространены:

1. Повсеместное аканье как система совпадения гласных неверхнего подъема в безударных слогах после твердых и мягких согласных.

2. Наличие мягкого согласного /*т'*/ в окончаниях 3-го л. ед. ч. глаголов (при наличии этого окончания). Окончание /*т*/ свойственно лишь незначительной части говоров в верховьях р. Шелони.

Распространенными лишь на отдельных частях территории Псковской группы чертами южного наречия являются следующие:

1. Следы диссимилятивной зависимости качества предударного гласного от характера гласного в слоге под ударением (в отдельных нас. п. особенно в южной части территории).

2. Произношение слов *пшено́*, *пшени́ца* со вставным гласным: *п/ъ/шено́*, *п/ъ/шени́ца* — на юго-восточной части территории, включая район оз. Селигер.

3. Произношение форм настоящего времени глагола *дарить* с ударенным /*о*/: *до́ришь*, *до́рит* — в юго-восточной части территории, включая район оз. Селигер. Для большей части Псковской группы типичным является звучание /*а*/ — *да́ришь* — как и для всех западных ср. р. говоров.

4. Всю южную часть территории Псковской группы охватывает распространение слова *хорово́д* в вариантах *куро/го́т/*, *коро/го́т/*, *хоро/го́т/*.

5. Совпадение окончаний дат.—предл. и род. п. сущ. ж. р. в ед. ч. в форме дат. п. *у жене́*, *к жене́*. . . Явление распространено на южной половине территории группы; его отдельные ареалы и наличие в единичных нас. п. отмечено и севернее (по р. Плюссе, Луге, в низовьях Шелони, у Новгорода).

6. Окончание *-е* в форме род.—вин. п. местоимений 1-го, 2-го л. и возвратного *мене́*, *тебе́*, *себе́*. Возможность употребления (островами) основы *мен-* в форме дат.—предл. п. у местоимения 1-го лица — *к мене́* и под., а также основ *тоб-*, *соб-* в тех же падежных формах у местоимения 2-го л. и возвратного *к тобе́*, *к собе́*.

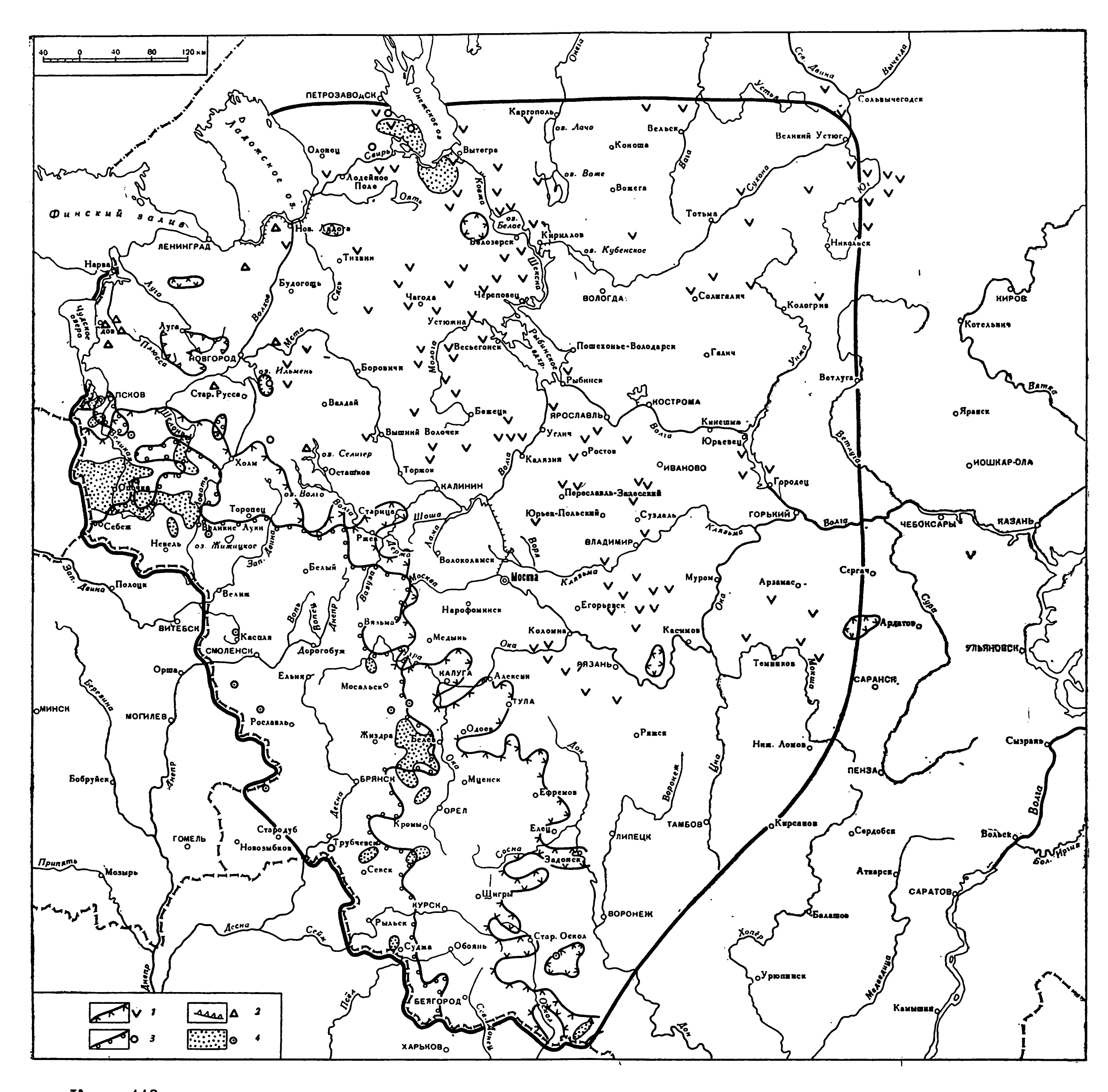
7. Распространение (только на южной части территории Псковской группы) некоторых слов, в целом имеющих южнорусскую локализацию: *лю́лька* 'название подвесной колыбели'; образование названий всходов ржи с корнем *зелен-*; *одо́нок* 'название укладки снопов в поле'; *грё́бовать* в значении 'брезговать' (последнее слово основным массивом накрывает только юго-восточную часть Псковской группы вместе с районом оз. Селигер, но в единичных нас. п. отмечается на юго-западе Псковской группы и в междуречье Шелони—Ловати).

Б. При характеристике языкового комплекса Псковской группы должен быть указан ряд в разной степени распространенных в ее пределах черт юго-западной зоны.

1. Произношение слов с протетическим гласным /*и*/ в 1-м предударном слоге перед плавными согласными — /*и/ржы́*, /*и/льну́* (на большей части территории Псковской группы захватывает на востоке часть территории селигеро-торжковских говоров).

2. Наличие протетического /*в*/ перед согласными в начале слова — /*в/о́сень*, /*в/у́тка*. Отмечено на всей территории Псковской группы наряду со случаями отсутствия протетического /*в*/ в тех же словах. За пределами Псковской группы — в Гдовской группе и в новгородских говорах отмечается только в единичных случаях; отсутствует в селигероторжковских говорах.

3. Произношение /*х*/, /*хв*/ в соответствии *ф* — *тор/х/*, /*хв/акт*. Охватывает большую

Карта 113

Распространение явлений юго-западной зоны, характерных для языкового комплекса Псковской группы:

1 — наличие протетического *в* в начале слова перед гласными *о* и *у* — /*вó*/*сень*, /*вý*/*тка* и т. п.; *2* — то же в единичных случаях; *3* — произношение /ы/ в глаголах типа *мою*, *рою* — *м*/*ы́*/*ю*, *р*/*ы́*/*ю* и т. п.; *4* — произношение /э/ в тех же глаголах *м*/*э́*/*ю*, *р*/*э́*/*ю* и т. п.

южную часть территории Псковской группы, в западной части поднимаясь на север, почти до Пскова; в селигеро-торжковских говорах — почти неизвестно.

4. Произношение /ы/ в соответствии *о* в глаголах типа *м/ы́/йу*, *р/ы́/йу*. Отдельные ареалы имеются и в пределах Псковской группы говоров.

5. Произношение /w/ в конце слова и слога: *дро/w/*, *ла́/w/ка*. Охватывает южную часть Псковской группы, отсутствует в селигеро-торжковских говорах (см. I, 2, § 2, карта 6).

6. Распространение предлога /ув/, /уво/ — на южной части территории Псковской группы.

Распространены островами, нерегулярно.

1. Наличие *е* без изменения в *о* в 3-х глагольных формах *нес/е́/шь*, *нес/е́/т*, *нес/е́/те*, но *не/с'о́/м*, имеющее разреженное распространение на юге и западе территории Псковской группы.

2. Наличие основы с гласным *е* в соответствии *о* в глаголах типа /*мэ́йу*/, /*рэ́йу*/. Отмечено преимущественно в юго-западной части территории группы.

3. Случаи произношения /ф/ в соответствии *хв* — /ф/*ост*, /ф/*о́я*, имеющие весьма разреженное распространение, что характерно для данного явления в целом (см. I, 2, § 2, карта 6).

4. Произношение /у/ в соответствии *в* в начале слова в слове *внук* — /*у*/*ну́к*. Распространено на юго-восточной части территории Псковской группы, отсутствует в селигеро-торжковских говорах.

5. Произношение /л (w)/ — /л'/, отмечаемое в южном пограничье Псковской группы, известное в единичных нас. п. и на всей южной части территории группы (см. I, 2, § 5, карта 10).

6. Распространение существительного *до́чка* с ударением на конечном гласном — *дочка́*, *дочку́* на юго-восточной части территории Псковской группы (см. I, 3, § 1, карта 15).

7. Им. п. мн. ч. сущ. *волос* в форме *волосы́*; отмечается на южной части территории Псковской группы с продолжением на территорию Западной группы южного наречия и на территорию белорусского языка.

8. Образование форм сравнительной степени с суффиксом *-ее* и с ударением на суффиксе *спокойне́е*, *удобне́е*; распространено разреженно на юге территории Псковской группы с дальнейшим распространением вдоль границы с БССР и в белорусском языке.

9. Образование деепричастия с суффиксом *-вши* от глагола *уйти-* — *ушо́вши*; имеется ареал на западе и северо-западе территории Псковской группы; на других частях территории группы и в селигеро-торжковских говорах — рассеянно в единичных говорах. Ряд разрозненных ареалов — вдоль границы с БССР.

10. Распространение глагольных форм с ударением на корневом гласном — *по/м'о́/рла*. Отмечается на юго-западной части территории Псковской группы и далее к северу в единичных нас. п.

11. Распространение слова *жерёбная* (в значении 'жерёбая'). Отмечается на большей части территории Псковской группы; в более рассеянном распространении отмечено по всей территории северо-запада; распространение слова *цыпленя́та* на южной части территории Псковской группы; в пределах Гдовской группы и в новгородских говорах отмечено в совершенно единичных нас. п.

В. В пределах Псковской группы можно отметить наличие некоторых явлений индивидуального характера распространения.

1. Произношение слова *огоро́д* с начальным /и/ — /*и*/*горо́д*.

2. Произношение с гласным /е/ слова /*племе́н'ник*/, представленное разрозненными ареалами на южной части территории Псковской группы (см. I, 1, § 1, карты 1, 2).

3. Наличие сочетания /чн/ в слове *моло́чный*, отмечается только на юго-восточной части территории Псковской группы.

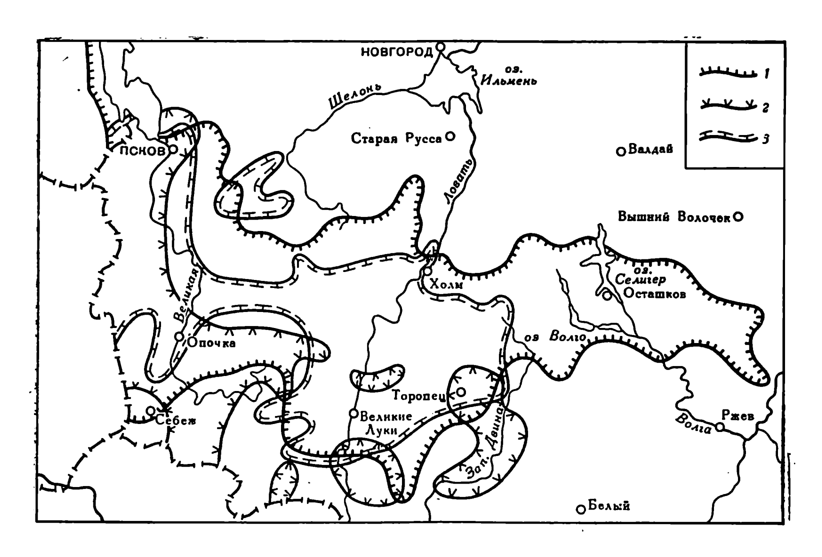
4. Распространение форм тв. п. ед. ч. сущ. *грязь* с окончаниями *-ей* — *гря́з/ей/* и *-уй* — *гря́з/уй/*. Отмечено на южной части территории Псковской группы и юго-восточной части селигеро-торжковских говоров (см. I, 3, § 2, карта 16).

5. Распространение форм им. и вин. п. п. ед. ч. сущ. *мать* и *дочь* от основы на *-ер* — *ма́терь*, *до́черь*; отмечено в виде отдельных ареалов на юго-восточной части территории Псковской группы и в единичных нас. п. на ее северо-западе.

6. Распространение форм имен прил. тв. п. ед. ч. — *с но́в/уй/*; см. ареал в междуречье Ловати—Великой; наличие данной формы на востоке территории селигеро-торжковских говоров примыкает к массиву, распространенному в восточных среднерусских говорах.

7. Исключительное распространение форм инфинитива *итти́*, *ити́*; на западной половине территории Псковской группы от верховьев Плюссы до Ловати (см. I, 3, § 8, карта 26).

8. Распространение форм повелительного наклонения глаголов с основой на задненебный согласный *бежи́* — *бежи́те*. Отмечено по всей территории Псковской группы; ср. наличие отдельных ареалов у Гдова и в верховьях

Карта 114

Языковые явления, составляющие специфику Псковской группы говоров:

1 — распространение предударного вокализма после мягких согласных, характеризующегося сильным яканьем; *2* — распространение форм прилагательных сравнительной степени типа *креп/бше/*; *3* — распространение форм местоимений жен р. типа *у/н'ой/*, *у/йой/*

Луги и в единичных нас. п. в районе оз. Селигер.

9. Наличие слова *кубáн* в качестве названия сосуда для молока (небольшой ареал к северу от г. Торопца). Наличие слова *моркóвка* в качестве общего названия моркови; распространено отдельными ареалами на южной части территории Псковской группы.

Г. Охарактеризуем черты, представляющие языковую специфику Псковской группы говоров. Из их числа наиболее широкое распространение на ее территории имеют следующие:

1. Почти точно в границах Псковской группы говоров, захватывая лишь на востоке район оз. Селигер, имеет распространение такая система предударного вокализма, после мягких согласных, как «сильное яканье», т. е. произношение /а/ в соответствии всем гласным неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после мягкого согласного независимо от характера гласного в слоге под ударением и независимо от твердости или мягкости следующего за предударным гласным согласного: */н'а/слá*, */р'а/кý*, */п'а/тú* и т. п.

2. Возможность редукции гласного *у* в заударных слогах *óк/ъ/нь*, *гóл/ъ/бь* и во 2-м предударном слоге — *р/ъ/кавá*.

3. Распространение форм личного местоимения 1-го л. мн. ч. */ны/*.

4. Распространение словоформ *у /йой/* (реже *у/н'ой/*) — род. п. ед. ч. местоимения ж. р., представленное двумя ареалами — на юг от Псковского озера и у среднего течения р. Ловати до Торопца с продолжением на юг до Невеля, захватывая район Великих Лук.

5. Распространение форм сравнительной степени с суффиксом */-оше/* — *слад/бше/*, *креп/бше/*. Преимущественно на западной части территории группы.

6. Распространение шести форм глаголов без *т* конечного в 3-м л. в ед. числе у глаголов I и II спряжения, а во мн. ч. — только у глаголов II спряжения (см. I, 3, § 13, карты 36а и б).

7. Распространение сказуемых — кратких страдательных причастий им. п. ед. ч. м. р. при различных подлежащих: *косá заплетён*, *ягоды нáбран*. Распространено повсеместно на территории Псковской группы с охватом юго-западной части территории новгородских говоров и говоров в районе оз. Селигер.

8. Распространение следующих слов: *тягáть* — в качестве названия процесса уборки льна; *борóнка* 'название жеребенка трехлетнего возраста' (отсутствует на западной половине территории Псковской группы, в других местах имеет рассеянное распространение); слов с корнем *-кур-* в качестве названий цыплят — *курят́ы*, *куренят́ы*, *курчáты*, *курю́шки*, *курёнки* (распространено в виде отдельных ареалов на территории к востоку от Великих Лук и от Торопца (см. карту 114).

Ряд черт, отмеченных в псковских говорах в рассеянном распространении, является при этом характерным именно для говоров данной территории:

1. Произношение /а/ в заударном конечном закрытом слоге слова — *гбр/а/д* при общей системе неразличения гласных во 2-м предударном и в заударных слогах и при совпадении их в варианте /ъ/. См. ареал такого произношения на западе территории Псковской группы от берега Псковского озера до течения р. Шелони и в рассеянном распространении по южной части территории Псковской группы.

2. Произношение слова *пшени́ца* с начальным *о* — */о/пшени́ца* (ареал в районе Великих Лук).

3. Распространение форм тв. п. ед. ч. с окончанием /-*йуй*/ у сущ. ж. р. на мягкий согласный — *гря́/з'йуй/*; представлено ареалом у г. Опочки.

4. Распространение страдательных причастий *выда́дена*, *отда́дена*; сгущение ареалов этих форм наблюдается на юго-восточной части территории Псковской группы и в районе оз. Селигер.

5. Распространение деепричастий с суффиксом *-лши* — *взя́лши*, *покури́лши*, *ходи́лши*; см. ареалы этих форм на юго-западной части территории Псковской группы по течению р. Великой и в междуречье Великой—Ловати.

6. Распространение следующих слов: *рей* 'название постройки для сушки снопов' преимущественно на западной части территории Псковской группы; *жбан*, *жбано́к* — 'название посуды для молока' — распространено на юге территории в районе Великих Лук с дальнейшим продолжением на территорию белорусского языка в ее северной части.

§ 5. Селигеро-торжковские говоры

На восточной окраине западных ср.-р. говоров, а именно к востоку от оз. Селигер, расположены селигеро-торжковские говоры, занимающие в пределах западных ср.-р. говоров несколько особое место, поскольку они находятся на территории, непосредственно примыкающей к восточным ср.-р. говорам и тем самым испытывают большее влияние как этих последних, так и центральных говоров вообще. Данные говоры не оказалось возможным выделить пучками изоглосс в пределах западных ср.-р. говоров, как это было при установлении границ Гдовской и Псковской групп говоров; не выделяются селигеро-торжковские говоры, как единое образование, и по наиболее существенным сторонам языковой структуры, в частности, по характеру безударного вокализма. Все это не дало возможности квалифицировать их как самостоятельную группу говоров.

В ряде отношений селигеро-торжковские говоры выделяются в пределах западных ср.-р. говоров негативно. Разделяя, хотя и не всегда полностью, те общие черты, которые присущи западным ср.-р. говорам в целом (см. выше), они оказываются по характеру распространения некоторых других черт, за пределами соседних с ними новгородских или псковских говоров. Имелись и такие случаи, что, характеризуя западные ср.-р. говоры в целом, мы иногда отмечали специально отсутствие той или иной черты только на территории селигеро-торжковских говоров (см. выше). Иными словами, приведенные выше описания западных ср.-р. говоров в целом и отдельных подразделений в их пределах уже создали некоторое представление о селигеро-торжковских говорах. В связи с этим, характеризуя селигеро-торжковские говоры, мы не будем рассматривать выделение их на основе пучков изоглосс, как это делалось при рассмотрении других территориальных объединений в пределах западных ср.-р. говоров. Ограничимся лишь перечислением тех явлений, которые не были отмечены при описании других диалектных объединений в пределах западных ср.-р. говоров, а встречаются, хотя и в самой различной степени, в селигеро-торжковских говорах.

А. Таковы некоторые черты южного или юго-восточного распространения, не встречающиеся на территории других западных ср.-р. говоров.

1. Ассимилятивно-умеренное яканье на юго-востоке территории селигеро-торжковских говоров при наличии в их пределах еще четырех разновидностей предударного вокализма: сильного яканья — на западной части территории в районе оз. Селигер, иканья и единично ёканья — на северной части их территории, умеренного яканья — на их центральной части.

2. Последовательное произношение начального /а/ во 2-м предударном слоге — */а/гурцы́*, */а/горо́д*.

3. Последовательное различение аффрикат /ч'/ и /ц/, характерное для большей части селигеро-торжковских говоров, с некоторыми исключениями на северо-западе и северо-востоке их территории.

4. Произношение долгого мягкого шипящего согласного в исключительном распространении,

характерное для юго-восточной половины территории селигеро-торжковских говоров. К востоку от оз. Селигер и к северу от Валдая долгий мягкий согласный */ш'ш'/* отмечается в сосуществовании с вариантами */шч/* и */шч'/* (см. I, 2, § 1, карта 5).

5. Звучание мягкого губного согласного перед суффиксом *-к-* — *дé/ф'/ки*, *лá/ф'/ки*. Отмечается на территории селигеро-торжковских говоров только в районе оз. Селигер.

6. Склонение сущ. *дéдушка*, *мальчи́шка* по типу слов ж. р. Отмечается на южной половине территории селигеро-торжковских говоров в качестве единственного варианта склонения, тогда как на территории западных ср.-р. говоров в целом — в сосуществовании с склонением данных слов по типу слов мужского рода.

7. Распространение форм род. п. мн. ч. на *-ов* у сущ. ж. р.: *бáбушков*, *дерéвнев*, представленных на юго-восточной части территории селигеро-торжковских говоров с распространением далее на восток от Москвы — по территории восточных ср.-р. говоров.

8. Распространение форм сравнительной степени *мéне*, *бóле*, *тóне* — в виде отдельных ареалов на юго-восточной части территории селигеро-торжковских говоров (в единичных нас. п. отмечены в пределах псковских и новгородских говоров).

Б. Черты северной локализации, известные из числа западных ср.-р. говоров только на территории селигеро-торжковских говоров.

1. Возможность употребления форм с ударением на гласном окончания в глаголах типа *вал/и́/шь*, *вар/и́/шь*, *дар/и́/шь*. . . Отмечается на севере и северо-востоке территории селигеро-торжковских говоров, в других западных ср.-р. говорах только отдельных нас. п.

2. Случаи произношения *е* без перехода в *о* после шипящих согласных в словах типа *меш/é/чек*, *горш/é/чек*, распространено в виде отдельных ареалов на северной части территории и реже на всей остальной территории селигеро-торжковских говоров.

3. Распространение формы род. п. мн. ч. */свáд'бей/*. Отмечено на восточной половине территории селигеро-торжковских говоров.

4. Распространение формы им. п. мн. ч. местоимения 3-го л. *онé*, характерное для большей части селигеро-торжковских говоров (см. I, 3, § 6, карта 23).

В. Черты, которые могут быть названы в качестве характерных для селигеро-торжковских говоров.

1. Наиболее широкий круг указательных местоимений, образованных от основы с */j/*: кроме *тá/йа/*, *тý/йу/*, также и *той* (м. р.), *тéйи* — им. п. мн. ч.

2. Распространение форм 2-го л. ед. ч. возвратных глаголов типа *умó/йес'т'а/* в сосуществовании с другими вариантами.

Глава третья

ВОКАЛИЗМ ЗАПАДНЫХ СРЕДНЕРУССКИХ ГОВОРОВ[16]

§ 1. Ударенный вокализм

Произношение гласных в соответствии *ě*. Современные западные ср.-р. говоры в целом характеризуются отсутствием последовательно выдержанной системы, при которой на месте старого *ě* произносились бы звуки, отличные от звуков, соответствующих *е* из *е* и *ь*. Однако в говорах отдельных нас п. отмечается произношение в соответствии *ě* гласного /*и*/, или гораздо реже /*ê*/, что может свидетельствовать о различении ‹*ě*› и ‹*е*› в прошлом. Расположение таких говоров на территории западных ср.-р. говоров и анализ имеющегося материала позволяют сделать вывод о том, что утрата особого звучания *ě*, отличного от *е*, переживалась говорами данного территориального объединения не одинаково. Населенные пункты с реликтами особого произношения гласных в соответствии *ě* сосредоточены главным образом на территории, пограничной между Гдовской группой и новгородскими говорами (по среднему течению р. Луги), на территории к западу и к северу от оз. Ильмень и в разбросанных населенных пунктах по всей территории Псковской группы. Однако взятые в целом подобные данные в общем свидетельствуют о следах былого различения *ě* и *е*, даже и в этой части говоров русского языка, переживших интенсивные процессы нивелировки.

Следует учесть при этом, что особое произношение гласных в соответствии *ě* более последовательно представлено в говорах, расположенных к северу и востоку от Новгорода, и далее на территории современных говоров северного наречия — т. е. на более периферийной части территории бывшей Новгородской земли. В современных говорах Ладого-Тихвинской группы /*и*/ в соответствии *ě* последовательно произносится как перед твердыми, так и перед мягкими согласными. Характерно при этом, что ареал /*и*/ в соответствии *ě* на западе почти вплотную подходит к Ленинграду, но при этом, по мере приближения к самому Новгороду, т. е. к наиболее центральной территории Новгородской земли, диалектные знаки на карте то и дело перемежаются с недиалектными или отражают звучание /*и*/ в ограниченных фонетически (только перед мягкими согласными) или лексически (только в слове *нет*) условиях.

Несмотря на бросающуюся в глаза разницу в широте распространения /*и*/ в соответствии *ě* на центральной территории Новгородской земли сравнительно с ее периферией, анализ диалектного материала с очевидностью свидетельствует о генетической связи в судьбе этого явления для обеих современных территорий. Вот, в качестве примера, данные говоров некоторых нас. п., расположенных около самого Новгорода и по побережью озера Ильмень: /*се́но*, *хлеп*, *ме́сто*, *се́вер*/ и т. д., но спорадически /*фси*,. *фсим*, *фсих*, *сник*/ (I—156); /*си́но*, *ле́то*, *ди́ло*, *ме́сто*, *хлеп*, *се́вер*, *ме́с'ац*, *на сви́ти*/ и примечание «В речи стариков замена старого *ě* на /*и*/ более выдержана» (I—157). В нас. п. I—158 вместе с примерами /*и*/ в соответствии *ě* сказано «встречается только у стариков», а в нас. п. I—162, где приведено много примеров с /*и*/, говорится «рефлекс *ě*, типично новгородский *ě* > /*и*/, сильно разрушен и встречается не как система, а спорадически. В нас. п. I—147 (на западном берегу оз. Ильмень) приводится несколько примеров с /*и*/ *ди́ло*, *би́лайа*. *сди́лана*, *нит*/, но большинство примеров с /*е*/, причем перед мягкими согласными отражено звучание только /*е*/. Нас. п. I—148, 149 только в словах /*нит*, *здис'*, *йис'т'*/, а в нас. п. I—151 только в слове /*нит*/. В единственном нас. п. данного микроареала, в I—150 отражается система *ě* — /*и*/ как перед твердыми, так и перед мягкими согласными, несмотря на то, что в качестве объектов наблю-

[16] Для формирования западных ср.-р. говоров особенно показателен вокализм трех входящих в их состав диалектных объединений: Гдовской и Псковской групп и Новгородских говоров (на центральной части их распространения). Селигеро-торжковские говоры, видимо, вошли в состав западных ср.-р. говоров на более позднем этапе их развития, в связи с чем анализ вокализма этих говоров в данный очерк не включен.

дения в этом нас. п. были женщины 40 и 45 лет. Звучание /ê/ наряду со звучанием /и/ отмечено только в нас. п. I—162, — /*сêно*, *хлêп*, *дêло*, *нêт*/ и т. п. и I—150, — /*лêс*/.

По говорам современной территории Псковской и Гдовской групп случаи *ě* > /и/ еще более редки, причем заметим, что ни в одном из нас. п. на территории Псковской группы не встретилось слова *нит*, которое так часто отмечалось среди новгородских говоров. Встречающиеся неоднократно формы /*всих*, *всим*/ или /*им*, *иш*, *ист*/ могут и не быть непосредственно связаны с отражением *ě*.

Как известно, новгородские памятники отражают с XIV в. употребление /и/ в соответствии *ě* не только на конце слова и перед слогом с /и/, но и перед согласными, сначала мягкими, а потом и твердыми, чего не переживали, видимо, древнепсковские говоры.

Материал новгородских говоров, хотя и немногочисленный, отражает наличие /и/ в соответствии *ě* во всех указанных категориях случаев: на конце слова мы его не приводим, так как в настоящее время произношение /и/ на конце слова носит в этих говорах ярко выраженный морфологический характер и широко известно на всей территории северо-запада русского языка (см. об этом II, 2, § 3), перед слогом с /и/ (или /j/), перед мягкими согласными и перед твердыми согласными.

Среди встречающихся выше примеров много таких, в которых звучание /и/ может быть объяснено влиянием тех форм слова, где /и/ оказалось на конце слова или перед слогом с /и/, например, /*ди́ло* — *в ди́ли*, *си́но* — *в си́ни*/ и т. п., или таких, где *ě* находится в соседстве с /и/ или /j/, например, /*си́йьт'*, *и́йхът'*, *сви́тит*/ и т. п. Значительно более редко встречаются слова, где такое объяснение появления /и/ в соответствии *ě* неправомерно, например, /*нит*, *ч'ълави́к*, *си́райа*/ и т. п. Мы уже отмечали, что в псковских говорах совсем отсутствуют случаи произношения *нет* как /*нит*/, которые так широко распространены в новгородских говорах (см. выше). Именно на территории современных новгородских говоров зафиксировано произношение с /и/ таких отдельных слов, где трудно ожидать влияния форм слов с /и/, таких, как *захо/ти́/лося*, /*си́/вер*, /*ц''олови́к*/.

П р о и з н о ш е н и е /'о/ в с о о т в е т с т в и и *е*. В пределах западных ср.-р. говоров в отдельных нас. п. и в единичных словах отмечаются случаи отсутствия изменения *е* в *о* после мягкого согласного перед твердым в корнях слов. Соответствующие нас. п. не образуют четко очерченных ареалов и не позволяют говорить о преимущественной концентрации их на той или другой части территории западных ср.-р. говоров. В нас. п. вблизи Ленинграда отмечено: /*каte̍л*, *дале́ка*/ (I—44); /*приве́л*, *прине́с*/ (I—64) /*де́гат'*/ (I—66). На территории Новгорода — Ильменя: /*недалека*/ (I—144); /*прине́с*, *приве́с*/ (I—162); /*на кле́ны*/ (I—168); /*дале́ка*/ (I—251); /*недале́ка*/ (I—256). На западной окраине современных новгородских говоров, в соседстве с говорами гдовскими: /*введе́н*/ (I—93); *поро/се́/нок* (I—113); *о/ве́/с* (I—118). На северном берегу Чудского озера: /*аве́с*/ (I—1); /*се́ла*/ (I—4); *уре́л* (=орел) (I—5). Наконец, по всей территории Псковской группы говоров: /*ре́бра*/ (I—180); /*те́сам*/ (I—190); /*ц'аре́мха*/ (I—193) /*пир'аве́рнем*/ (I—227); /*ове́с*/ (I—250). Во всех перечисленных ответах приводятся также многочисленные примеры с /о/, часто в тех же самых словах, которые приведены с /е/.

Однако на территории западных ср. говоров значительно более широко распространены говоры, в которых отмечается звучание /е/ без перехода в /'о/ после шипящих согласных и в личных формах глаголов, рассмотрение которого в совокупности с материалом без перехода *е* в *о* после исконно мягких согласных представляет большой интерес.

На основной территории западных среднерусских говоров зафиксировано 98 нас. п., в которых отмечается *е* без перехода в *о* после шипящих согласных, причем, как правило, в тех нас. п., где отмечено *о/ве́/с*. . ., там же отмечается и /*меше́ч'ек*/, *гор/ше́ч'ек*/ . . . (см. нас. п. I—1, 5, 54, 64, 93, 118, 144, 162, 180, 190, 193), в нескольких нас. п. с /е/ после мягкого перед твердым согласным не приводится совсем материала на положение после шипящих согласных (см. нас. п. I—4, 44, 66, 113, 157, 227, 251) и только в трех нас. п. с /е/ после мягкого согласного приводятся только примеры с /о/ после шипящих согласных (см. I — 168, 250 и 256). Приведенный материал делает возможным предположение, что территория распространения *е* без перехода в /'о/ была в прошлом значительно шире и это явление было известно многим западным ср.-р. говорам (см. I, 1, § 2, карта 3).

Г л а с н ы е н а м е с т е р е д у ц и р о в а н н ы х *и*, *ы*. В пределах западных ср.-р. говоров проходит изоглосса, разделяющая все восточнославянские языки на две группы по судьбе редуцированных *ў* и *ĭ* примерно по линии: Псков—Торопец—Ржев и далее на юг до границы русского и украинского языка. К северу и востоку от этой линии расположены говоры, знающие на месте *ў* только /о/, если не считаться с некоторыми реликтами употреб-

ления /ы/ и /и/ в говорах северного наречия (см. II, 5, § 2), а на месте *ĭ* только /э/. К западу и югу от указанной линии расположены говоры, знающие в соответствии *ŭ* — /ы/ или /э/, а в соответствии *ĭ* — /и/ с большей или меньшей широтой и последовательностью распространения в зависимости от категории и от характера редуцированного; наиболее широкую территорию в пределах западных ср.-р. говоров занимает употребление /ы/ в соответствии *ŭ* в личных формах глаголов *мыть*, *рыть*, *крыть*, на втором месте — /ы/ в окончании им. п. ед. ч. прилагательных м. р. *молоды́й*, затем уже в виде незначительных островов и единичных нас. п. произношение местоимения *тый*; по судьбе редуцированного *ĭ* западные ср.-р. говоры примыкают к северным и восточным, не считая узкой пограничной полосы между ними и говорами южного наречия, где отмечено /шйя/ и /пий/; /бий/, и небольшого островка произношение *шйя* в говорах к северу и западу от Торопца (произношение *и* в других категориях не свойственно вообще говорам русского языка).

Отличительной особенностью западных ср.-р. говоров является наличие варианта /э/ в соответствии редуцированному *ŭ*. Ареал такого варианта звучания в сосуществовании с вариантом /ы/ отмечен на юго-западе Псковской группы говоров.

Вариант /э/ в соответствии *ŭ* отмечается всегда или наряду с /ы/ или в пределах территории распространения /ы/. Самый широкий ареал такого произношения отмечен в форме местоимения /тэй/, затем — в формах *моло*/*дэ́й*/, *глу*/*хэ́й*/, и самый узкий — в формах /*мэ́йу*, *рэ́йу*/, т. е. относительная широта распространения этого варианта по сравнению с вариантом /ы/ в зависимости от категории — обратная (наиболее широкую территорию занимает /ы/ в форме /*мы́йу*/ и наиболее узкую — в форме /*тый*/). Во всех случаях вариант /э/ отмечается на периферии распространения /ы, и/ в соответствии *ŭ* и *ĭ* на границе с говорами, имеющими в данном положении /о, э/.

Согласно точке зрения Н. Н. Пшеничновой, которой принадлежит монографическое исследование данного явления на материале всех восточнославянских языков, *ŭ* и *ĭ* редуцированные были по говорам звуками разного подъема, что отразилось на качестве тех звуков, которые возникли в результате их прояснения, кроме того, *ŭ* по сравнению с *ĭ* обладал лабиализованностью. В процессе замены звуками полного образования гласный *ŭ* более верхнего образования, теряя лабиализацию, давал гласный /ы/, а тот же гласный менее верхнего образования, сохраняя лабиализацию, давал /о/. Соответственно *ĭ* более верхнего образования давал /и/, а *ĭ* менее верхнего образования давал /е/.

Стройные и на большом фактическом материале построенные выводы Н. Н. Пшеничновой кажутся нам не вполне убедительными лишь в отношении возникновения /э/ из *ŭ* менее верхнего образования. Судя по предложенному Н. Н. Пшеничновой объяснению возникновения /ы/ и /о/ из *ŭ*, первое звучание /ы/ возникло как раз из *ŭ* более верхнего образования, а из *ŭ* менее верхнего образования возникло /о/. Следовательно, можно было ожидать, что вариант /э/ должен был бы возникать на основе того же *ŭ*, что и вариант /о/. Однако это находится в противоречии с фактическим материалом (см. выше). Вариант /эй/ (наряду с /ый/) отмечается именно в непосредственной близости с границей распространения /ой/. В связи с этим обратимся к более детальному обзору материала по говорам Псковской группы, так как в говорах Гдовской группы и в новгородских интересующие нас случаи совершенно единичны.

Наиболее характерной особенностью данных говоров Псковской группы является то, что в них возможно последовательное употребление /э/ в соответствии *ŭ* (см. I—176, 178, 182, 197, 230, 249; У-35, 36), причем в одних говорах произношение /э/ наблюдается только в одной из возможных категорий (только в глаголах или только в прилагательных), а в других — в обоих этих случаях. Между тем на более южных территориях за пределами Псковской группы западных ср.-р. говоров вариант /э/ в качестве единственного нигде не зафиксирован. Нет здесь и говоров, в которых вариант /ы/ был бы отмечен только в формах прилагательных, а также нет говоров, в которых вариант /э/ отмечался бы и в формах глаголов, и в формах прилагательных. Такое различие может свидетельствовать только о различной судьбе изучаемого явления в говорах Псковской группы и соседних говоров южнорусского наречия и о возможности рассматривать оба варианта /ы/ и /э/ для псковских говоров как варианты, возникшие фонетическим путем и потому равноправные.

Напомним, что Н. Н. Пшеничнова допускает в работе две возможности возникновения /э/: 1. в более позднее время из /ы/ полного образования; 2. самостоятельно из *ŭ*, гласный /ы/ появлялся в таких говорах позднее под влиянием белорусского языка при поддержке аналогии с *мыть—мыйу* [17]. Между тем нам представ-

[17] Н. Н. Пшеничнова. К истории редуцированных *ŭ* и *ĭ* в восточнославянских языках. Канд. дисс. М., 1964, стр. 38—39.

ляется, что оба варианта гласных в соответствии редуцированному *ŷ* — /*ы*/ и /*э*/ на рассматриваемой территории можно считать возникшими в результате прояснения *ŷ* как равноправные и не зависимо от влияния белорусских говоров, причем это предположение не опровергает основных выводов работы Н. Н. Пшеничновой.

Поскольку редуцированные *ŷ* и *ĭ* противопоставлялись друг другу двумя парами дифференциальных признаков: большей или меньшей степенью подъема и наличием (или отсутствием) лабиализации, при их «прояснении» могло происходить усиление любого из признаков: гласный *ŷ* более верхнего образования при усилении лабиализации давал /*у*/, а при усилении подъема давал /*ы*/, в то время как *ŷ* менее верхнего образования при усилении лабиализации давал /*о*/, а при усилении подъема давал /*э*/. Обращает на себя внимание некоторая непоследовательность: утверждая наличие лабиализации как признака, характеризующего *ŷ*, Н. Н. Пшеничнова считает, что *ŷ* — более верхнего образования «утратил лабиализованность» в процессе прояснения его в гласный полного образования, а *ŷ* менее верхнего образования «сохранил лабиализованность». Но почему именно более верхний гласный утратил, а менее верхний сохранил эту особенность, остается неясным.

Итак, совершенно логично вытекает возможность прояснения *ŷ* не только в /*ы*/ и /*о*/, но и в /*э*/ и /*у*/, в результате действия одной из из двух тенденций — усиления подъема, или усиления лабиализации на базе одного из двух вариантов редуцированного *ŷ* — более или менее верхнего образования. При этом, не возникает вопроса, почему /*э*/ появляется наиболее последовательно именно на периферии территории распространения /*ы*/, на границе с распространением /*о*/, а не в гуще распространения /*ы*/, каковой является территория белорусских говоров.

Распространение /*э*/ именно между территориями, на которых распространены варианты /*о*/ и /*ы*/, может объясняться при таком подходе генетической близостью его к *о*: и то и другое звучание возникло на основе *ŷ* менее верхнего образования при наличии одновременно общей тенденции «прояснения» с говорами, которым свойственно /*ы*/, а именно той тенденции, которая вела к утрате лабиализованности. Таким образом, речь идет не о «влиянии белорусского языка», а лишь о близости тенденции, которая в дальнейшем привела к образованию типичных для белорусского языка систем, а в говорах Псковской группы находит отражение в виде более ранней стадии развития.

В предлагаемой цепи рассуждений о процессе «прояснения» *ŷ* находит себе место и вариант /*у*/. Его следует ожидать на территории *ŷ* более верхнего образования, т. е. среди современных говоров белорусского или украинского языка, где оно и отмечено в действительности [18].

Более внимательное знакомство с материалами, по говорам русского и белорусского языков указывает также на различия в тех звеньях систем современных говоров, которые отражают результаты прояснения *ŷ*. Западные средненерусские говоры отражают состояние, гораздо более близкое к фонетической закономерности, чем говоры южнорусские. Что же касается говоров белорусского языка, то характерная для них закономерность имеет явно выраженный фонетико-морфологический характер.

Наиболее характерной является система: /*мы́йу, ры́йу*/ . . . *моло*/*ды́*/, *ху*/*ды́*/. . . или /*мы́йу, ры́йу*/ . . . *моло*/*ды́й*/, *ху*/*ды́й*/. . . Затем по степени распространенности следует система: /*мы́йу, ры́йу*/. . . *моло*/*дэ́й*/, *ху*/*дэ́й*/. . . Отражением сосуществования этих систем друг с другом являются системы типа: /*мы́йу, ры́йу*/ . . . *моло*/*ды́*/ . . . *моло*/*дэ́й*/ . . . или /*мы́йу, ры́йу*/ . . . *моло*/*ды́й*/ . . . *моло*/*дэ́й*/ . . . Иные встречающиеся типы систем единичны.

Таким образом, сравнение современного состояния рефлекса редуцированного *ŷ* на территории Псковской группы западных ср.-р. говоров и говоров белорусского языка приводит нас к возможности подтвердить те соображения, которые были высказаны по поводу истории процесса «прояснения» *ŷ*. А именно, то, что сближает говоры русские и белорусские, относится ко времени до образования белорусского языка, до периода отторжения части

---

[18] В значительном количестве нас. п. на территории белорусского языка отмечается звучание /*у*/ в соответствии ŷ как в формах глаголов /*му́йу, ву́йу*/, так и в формах прилагательных /*слепу́й*/. Следует сказать, что в материалах Диалектологического атласа белорусского языка все подобные примеры приводятся в словах, где /*у*/ находится в соседстве с губными согласными (см. /*му́йу, ву́йу, слепу́й*/). Однако это звучание нельзя поставить в зависимость от лабиализации гласного, наблюдающейся в белорусских говорах в соседстве с губными согласными как под ударением (ср. /*кабу́лка*/), так и в безударном положении (*муло́дый*). Звучание /*у*/ в соответствии *ŷ* фиксируется по говорам при отсутствии лабиализации гласных в соседстве с губными в других положениях, вместе с тем, и наоборот, в говорах, где отмечается подобная лабиализация, не приводится примеров с /*у*/ в соответствии *ŷ* (см., например, нас. п. 436, 930, 875, 870, 872, 1058, 1054).

русской территории под господство Великого княжества Литовского. То, что разделяет, относится к периоду более позднему, очевидно ко времени формирования каждого из этих двух восточнославянских языков.

§ 2. Вокализм 1-го предударного слога после твердых и мягких согласных

Языковые объединения, выделяемые в пределах западных ср.-р. говоров, имеют свои, характерные для них системы предударного вокализма.

В новгородских говорах в положении после твердых согласных в большинство из них отмечается система оканья без каких-либо отклонений (см. карту 39).

Совершенно единичны в пределах этих говоров нас. п. с системой последовательного неразличения гласных (см. I—168, 170, 173, 254 — на юго-востоке территории новгородских говоров; I—114 — на границе с территорией гдовских говоров; в ответе по данному нас. п. есть примеры отклонения от системы неразличения гласных, которые можно трактовать как влияние системы гдовского типа вокализма: примеры с /о/ в предударном положении отмечены при ударенных гласных среднего подъема /*помéшшыкъф*, *посéйат'*, *ворóшым*, *γоспóт'*/; I—73, 156, 161 к северу и северо-востоку от оз. Ильмень). В нескольких нас. п. при господствующем оканье аканье отмечается в единичных случаях (см. I—112, 115, 121, 123, 124, 125, 128, 130, 135), но не наблюдается зависимости того или иного варианта звучания в предударном слоге от качества гласного, звучащего под ударением. Наличие такой зависимости можно отметить лишь в нескольких нас. п. /*падýшкой*, *пашлú*, *касúл*, *покашý*, *тапúли*, *кармýшкъ*, *касúл*, *корамы́сел*, *здахнý*/, все примеры с /а/ отмечены перед ударенными гласными верхнего подъема (I—116); /*дохтарúца*, *карзинка*/ (I—113); /*патóм*, *вадá*, *гад'áтца*, *вайнá*, *кар'áвый*, *гарáс*, *праважáтых*/, примеры с /а/ преобладают при ударенном *а* (I—117); /*нарадúфшы*, *пашлú*, *на нагú*, *сталы́*, *гадóф*, *вадá*, *майá*, *с гарбáтым*/ — примеры с /а/ преобладают перед гласными верхнего подъема или гласным *а* (I—109); /*на вайны́*, *вады́*, *на галавы́*, *вайны́*, *свабóдна*, *вадá*, *вайнá*, *дамá*, *стайáл*, *стайáт'*/ (I—120) — та же зависимость, что и в нас. п. I—109. В нас. п. I—134 в некоторых случаях в соответствии *а* фиксируется звук, обозначаемый знаком /ъ/: /*зъбóр*, *съпóк*, *дъл'óко*, *бърáн*, *тръвá*, *дъвáй*, *скъзáл*/, а в нас. п. I—140 сказано: «В беглой речи иногда произносят /*на въдé*, *к стълý*/». В ответах I—153, 261 отмечена система, отражающая сосуществование оканья и аканья без видимого преобладания того или иного произношения и без зависимости между характером предударного и ударенного гласного.

После мягких согласных в большей части новгородских говоров отмечается система различения гласных, однако характер закономерности соответствия предударного гласного после мягкого согласного ударенному не единообразен. Можно считать, что наиболее распространен на более южной части территории группы тип *о — е — а*; *е—е—а*; /*с'олá*, *рекá*, *п'атáк*; *несú*, *рекú*, *п'атú*/. Представляющие этот тип вокализма говоры группируются на южной части территории новгородских говоров и особенно по юго-восточному, южному и юго-западному берегам оз. Ильмень с охватом более широкой полосы территории на юге и юго-западе. Два нас. п. (I—118 и 119) находятся на территории, пограничной с Гдовской группой говоров, и два в верховьях р. Луги (I—154 и 165). На смежных территориях новгородских говоров и говоров Ладого-Тихвинской группы такой тип вокализма отмечается единично (см. нас. п. I—63). Встречающиеся отклонения чаще всего, как и в большей части современных русских говоров, обусловлены или влиянием со стороны литературного языка, что выражается в наличии примеров иканья, или влияния со стороны соседних говоров с более простой системой сильного яканья. В большинстве случаев указанная система предударного вокализма после мягких согласных сочетается с полным различением после твердых согласных, но есть говоры, в которых тот же вокализм после мягких согласных сочетается с несколько поколебленной системой различения после твердых согласных (см. I—128, 130 и I—125, 261).

Разновидностью данного типа вокализма является вокализм *о — е* /*о*/ *— а*; *е — е — а*, изредка отмечаемый в пределах распространения вокализма *о — е — а*, *е — е — а* (см. I—144, 152, 263), отражающий некоторое разрушение системы полного различения, выражающееся в неразличении *ě* и *е* и совпадении их не только в звучании /*е*/, но и в звучании /'*о*/.

На северной части территории новгородских говоров господствующим является вокализм частичного различения, исторически, однако, наиболее исконный для новгородских говоров, отражающий характерную для этих говоров задержку изменения *е* > *о*, при которой *е* и *ě*, не различаясь, совпадают в одном варианте звучания /*е*/, преимущественно

отмечаемом в сочетании с последовательным оканьем после твердых согласных, что также указывает на наличие здесь наименее поколебленной системы. В некоторых нас. п. на этой территории «неразличение» становится еще более глубоким и охватывает этимологическое *а* (см. I—110, 115, 122, 126, 140), причем в нас. п. I—110, 126 и 140 подобным «неразличением» охвачено только *а* после мягкого согласного перед твердым, а в нас. п. I—115 и 122 как перед твердым, так и перед мягким согласным.

Обращает на себя внимание тот факт, что подобный тип неразличения очень часто отмечается среди нас. п., примыкающих с севера к новгородским говорам, хотя отличительной чертой вокализма более северной территории является сочетание данного типа вокализма с системой иканья. По течению р. Волхов (с дальнейшим продолжением на территории Ладого-Тихвинской группы) отмечается вокализм, также характеризующийся частичным различением гласных в положении предударного слога, но при следующих соответствиях этимологическим гласным *е — и — а*// *е — е — а* или *е — е*/*и*/ *— а* //*е — е — а* (I—156, 157, 158, 160, а также I—143 на Луге). Нередко звучание /*и*/ отмечается в соответствии *е* и перед мягкими согласными (I—156, 160).

Можно думать, что в вокализме этих говоров отражено, кроме обычного указания на более позднее изменение *е* > *о*, также, видимо, и наличие тенденции сближения *ě* с *и*, в то время как для южной и юго-западной части современных новгородских говоров можно предположить относительно более раннее изменение *е* > *о*, способствовавшее фонетическому совпадению *ě* с *е*, т. е. отражение системы не типичной для новгородских говоров [19].

Особо должны быть отмечены случаи отражения в ряде нас. п. в пределах новгородских говоров звучания /*а*/ в соответствии этимологическим *е* и *ě*. Такие случаи отмечены чаще всего в говорах смежных псковско-новгородских и новгородско-гдовских территорий (см. I—209, 211, 212, 214, 215, 111, 113, 116, 118, 122). В четырех нас. п. элементы такого «яканья» отмечаются в глубине Новгородской территории — к югу и юго-западу от Ильменя, где распространены системы наиболее последовательного различения гласных /*н'ослá—петýх—п'атáк*; *несú—рекú—п'атú*/ (см. I—149, 153, 172 и 251). Подобное произношение отмечается также в двух нас. п. в самом южном течении р. Луги (I—143 и 144) и в одном у самого Новгорода (I—162). В этих пунктах трудно предполагать непосредственное влияние сильно якающих псковских говоров, но налицо «неустойчивость» системы предударного вокализма в целом, затрагивающая и самое устойчивое звено системы различения — область этимологического *а*. Впрочем, следует напомнить, что подобные примеры имеют распространение и в говорах северного наречия, и в восточных ср.-р. говорах, поэтому подобное произношение может иметь и другое объяснение — развитие «неразличения» гласных при наличии тенденции к обобщению произношения /*а*/ в первом предударном слоге на основе самостоятельного развития вокализма севернорусских говоров (см. II, 2, § 5). Возможно также, что в новгородских говорах на развитии указанного процесса сказались имевшие место факты переселения населения с центральных территорий Московского государства.

Приведем соответствующие примеры из некоторых названных нас. п. /*пон'амнóжычку, н'апóмн'у, сп'арвá, д'аржáла, сп'аклá, с'астрá, у с'астры́, сп'акý, л'аглú; п'асóк, л'асóчком, к в'анцý, ф пл'анý*/ (I—111); /*нъб'арý, б'арýт, с'астрý; прис'адáтел', л'аскóм, п'атýн, цв'аты́*/ (I—113); /*в'алá, з'амл'á, уб'арý, в'адý, б'арý, п'акýт, прив'азý, с с'астрóй, у с'астры́; в л'асý, в цв'атý, сн'агý, приб'агý, п'атýх, сл'апýйу, к в'анцý цв'аты́, в в'адрé, в в'анцé*/ (I—116); /*с'астры́, с'астрý, п'арóвуйу, на бер'агý, б'арý, в'адý, во хл'авы́; зар'акóй, по гн'аздý, цв'атýт, б'ады́, цв'аты́*/ (I—118). Во всех этих нас. п. примеры с /*а*/ отмечаются преимущественно при ударенных гласных верхнего подъема и гласном *а*, т. е. наблюдается та же зависимость, что и при гдовском вокализме (то же отмечалось и в положении после твердого согласного). Все эти нас. п. расположены на периферии новгородских говоров, на территории смежной с говорами гдовскими. На смежной с псковскими говорами территории примеры с /*а*/ более независимы от ударенного гласного: /*с'астрá, б'арý, н'аслá, н'астú, б'азне^ивó, в'аснá, кр'астóк; йадá, л'асá, св'атлó, п'асóк, п'атýн*/ (I—211); /*сястрá, сялó, зярнó, пякý, к сястры́, стяклó, стякóл'ны; т'вятáм, в лясý*/ (I—212); /*в'аснá, хл'абáй; кв'атýт, йадá, св'атлó, п'асóк, л'асá*/ (I—215). Наконец, на значительном удалении от псковских говоров: /*в'алá, с'астрá, з'арнó; б'адá, цв'атáм, посп'авáт', в'адрó, по л'аснóй, л'асóк, с'адóй, л'аснóй, в сн'агý, в л'асý, л'асны́м*/ (I—149); /*исп'аклá, в'азýт, прив'азлú, бр'авнó; к сл'апóй*/ (I—172); *л'аглú, т'амнéт'; л'атáт', за р'акóй, сл'апóй, л'аснóй, л'асóк, с'адóй, в л'асý, сл'апы́х, л'ас-*

[19] В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики северно-русского наречия. ИОРЯС, XXIV (1919), 1—1922; 2—1923, стр. 171—205.

ным/ (I—251); много примеров с /*а*/ приводится в нас. п. I—153, но все они отмечены только у одного объекта.

Более обычным нарушением системы различения, касающемся этимологического *а* для тех новгородских говоров, которые расположены в районах, пограничных с гдовскими или с псковскими говорами, является произношение /*е*/ в соответствии *а*, приводящее в конечном счете к «еканью»: /*несý*//*н'осý—рекá—п'атáк*//*петáк*; *несú—рекú—п'атú*//*петú* (I—148). В нас. п. I—150 при сохранении без элементов разрушения звена «*а* между мягкими согласными перед твердыми» фиксируется вокализм типа /*н'осý—рекá—п'атáк*//*петáк*/; в нас. п. I—146, наоборот, при системе неразличения между мягкими согласными /*несú—рекú—петú*/ перед твердыми согласными отмечается /*н'осý*//*несý—р'ока*//*рекá—п'атáк*//*петáк*/.

Система еканья с единичными отклонениями или без отклонений зафиксирована в нас. п. I—120, 121, 123, 124, 137, 141, 142, сгруппированных в виде двух очагов у среднего течения р. Луги.

В нас. п. I—113 и 116 (вблизи гдовской территории) отмечаются элементы зависимости качества предударного гласного от характера гласного под ударением. Так, в нас. п. I—113 примеры с /*а*/ отмечаются преимущественно перед гласными нижнего или верхнего подъемов: /*несý*, *плетýт*, *приведý*, *с'острý*, *йомý*, *с весны́ цѣлы́*, *унѣслú*, *плѣтнú*, + *б'арýт*, *с'астрý*, *наб'арý*; *ни бедá*, *по лесáм*, *двенáтцат'*, *слепáйа*, *не бидá*, *гнездó*, *слепóй*, *в лесý*, *йеды́*, *цветы́*, *следы́*, *нагнездé* + *прис'адáтел'*, *л'аскóм*, *п'атýн*, *цв'аты́*/; в нас. п. I — 116 при преобладании варианта /*е*/ перед ударенными гласными нижнего и среднего подъемов при ударенных гласных верхнего подъема преобладает /*а*/: /*уб'арý*, *в'адý*, *б'арý*, *п'акýт*, *прив'азý*, *у с'астры́*, *з'амлú*, *три в'арсты́*, *дв'е в'арсты́*, *п'аклú*, *ув'азлú*, *св'арнýл*, *л'аглú*, *гр'аблú*, *л'аглú*, *з'арнúнки*, *з'амлú*, но: *в'оснý*, *селó*, *сестры́*; *в л'асý*, *в цв'атý*, *сн'агý*, *приб'агý*, *п'атýх*, *сл'апýйу*, *к в'анцý*, *п'атýх*, *цв'аты́*.

Таким образом, в целом для новгородских говоров характерны системы предударного вокализма как с полным, так и с частичным различением гласных.

Для говоров Гдовской группы[20] в положении после твердого согласного характерны три типа вокализма:

1. Аканье. Распространено на западном и северном берегах Чудского озера, на юге — в полосе, пограничной с говорами Псковской группы, и на севере — в полосе, пограничной с говорами побережья Финского залива, и говорами, окружающими Ленинград (I — 2, 3, 4, 20, 74, 75, 76, 83, 84, 86, 87, 98, 107). В нас. п. I — 17, 18, 22, 23, 90 при аканье отмечаются элементы оканья;

2. Оканье (включая говоры, в которых отмечены единичные случаи аканья без видимой зависимости от качества гласного под ударением). См. I — 79, 89, 93, 96.

3. Типы вокализма, совмещающие различение и неразличение гласных в определенной зависимости предударного гласного от качества гласного в слоге ударенном. Как правило, такие системы вокализма отмечаются при обилии различного характера отклонений, вызванных преимущественно тем, что во время собирания материалов для атласов диалектологии еще не имели представления о возможности существования подобного типа вокализма, не говоря уже об отклонениях, вызванных причинами, имеющими место во всех говорах русского языка, а именно влиянием со стороны соседних говоров и системы литературного языка. Следует отметить, кроме того, что данные системы в силу своей «природной» переходности таят возможности отклонений, вызванных внутренними причинами.

А. Вокализм гдовского типа. Характеризуется тем, что при ударенных гласных среднего подъема (*о* и *е* независимо от их происхождения) наблюдается различение гласных, а при наличии под ударением гласных верхнего и нижнего подъема вокализм формируется по модели, соответствующей системе неразличения, как, например, в д. Радоселье Лядского р-на Псковской области: перед ударенным *а*/*пахáли*, *дравá*, *пусташá*, *уражáйьф*, *свайá*, *кузавн'á*, *пал'á*, *пал'áнка*, *хаз'áину*, *брасáли*, *дравá*, *рукавáми*, *парт'áнку*/; перед ударенными *и*, *ы*, *у* /*вазúли*, *фтраúх*, *касúли*, *бал'шы́м*, *садúли*, *мълатúт'*, *падвúфки*, *насúли*, *завýт*, *атцý*, *лавýшка*/; перед ударными *о* и *е* /*домóф*, *Онтóныч*, *мълодóва*, *к робóты*, *ни воз'м'óт*, *зърослó*, *зълотóйа*, *зърóбóтът'*, *котóры*, *лодóн'*, *корóвушку*, *конéшна*, *дъ колéна*, *наббóйники*, *кот'óл*, *при мойéй*, *бол'шóва*, *пообéйе*, *отéц*, *помéшшыка*, *помéшшык*, *конéшна*, *нъвосéл'йе*, *вопчé*, *подéлки*, *дъ колéна*, *отéц*/, см. также I—80, 88, 91, 95.

Однако подобная система гдовского вокализма после твердого согласного чаще отмечается в таком виде, когда в соответствии *о*

---

[20] Для территории гдовских говоров использовался не только материал Атласа, но и дополнительно собранный материал в дер. Подлипье, Спицыно, Подсосонье, Гнилище, Захонье, Радоселье, Тербачево, Лядинки, Вельяшев Лог, Волосово, Аксентьево, Самолва, Чудские Заходы, Чудская Рудница, Дряжна, Чухновы Лядинки, Узьмино, Гверёстка, Лутово и др. нас. п. Псковской обл., а также в дер. Кареловщина — Ленингр. обл.

произносится гласный более высокого образования. Этот вариант системы получил название гдовского вокализма с уканьем; приводим материал из д. Лядинки Гдовского р-на Псковской области: /*нерус'т'ó*, *мулóдай*, *нъсулóму*, *куровý*, *пушóл*, *сужжóна*, *пугóда*, *нъпугóду*, *сул'óнай*, *путпóйест*, *рубóтъли*, *сул'нóм*, *уд'óжа*, *пътулóк*, *сушйóм*, *руб'óнка*, *чълунóк*, *зърусłó*, *мълукóм*, *ку мнé*, *биз дружжéй пумéн'шы*, *нъ пустéли*, *гуршéчик*, *тупéр'*/, и т. п. при единичных примерах со звуками /*а*/ или /*о*/, см. также I—5, 6, 7, 16, 21, 78, 85.

Б. Второй системой, совмещающей принципы различения и неразличения в зависимости от качества предударного гласного является вокализм полновского типа, при котором неразличение гласных отмечается только при ударенных гласных верхнего подъема, причем и при полновской системе вокализма существует разновидность, отражающая, очевидно, более раннюю ступень развития как вокализма полновского, так и гдовского, который в свою очередь является дальнейшим этапом развития той же полновской системы, от которой отличается проникновением в вокализм ассимиляции предударного гласного ударенному гласному /*а*/, в качестве фактора, формирующего систему; ср. материал для положения перед *а* в говоре д. Чухнова Лядинка Гдовского р-на Псковской обл.: /*мойá*, *отцá*, *остáлас'*, *никогдá*, *мълодáйа*, *однá*, *водá*/ и т. п., а в соответствии этимологическому *а*: /*къкáйа*, *ръскъзáт'*, *ъддълá*, *остъ°вл'áли*, *скъзáла*, *пъхáт'*, *къкрáс*, *къкá*, *ни дъвáла*, *пръпъшшáйа*, *тъкáйа*, *страъдáт'*, *нъᵃгрáда*, *нъгрáду*, *дъстъвáт'*, *дъдáй*, *бел'йó*, *дъвáл*, *пириставл'áт'*, *ни тъкáйа*, *такá*, *какá*, *самá*/, см. также I—81, 82, 94, 97.

Данная разновидность полновской системы вокализма обнаруживает как бы элементы диссимилятивной зависимости между гласными предударного и ударенного слогов. В указанной выше статье дается попытка выяснить возможный ход формирования такой системы. При этом учитывается, что ударенные гласные *о*, *е*, *а* одинаково воздействуют на качество предударного гласного, а стало быть, *о*, *е* в данном говоре не были повышенно среднего подъема, а скорее пониженно среднего более близкого к гласному *а*, чем к гласным *и*, *у*. В отличие от этого предударное *о* было, наоборот, более высокого подъема, благодаря чему и достигалась необходимая разница подъемов, соответствовавшая диссимилятивному принципу. Однако более высокий подъем предударного *о* не создавал такой разницы при ударенных гласных верхнего подъема, что и послужило причиной изменения *о* в этом положении в /*а*/.

Так разъясняется взаимодействие системы, различающей предударные гласные в соответствии с этимологией и системы неразличения, сформировавшейся под действием диссимилятивного принципа, близкого к тому, который наблюдается при современном диссимилятивном аканье жиздринского типа[21]. Звучание /*ъ*/ при этом последнем типе вокализма способствовало закреплению подобного звучания за этимологическим *а* в предударном положении и тому, что это звучание не распространялось на *о* в силу все той же разницы подъемов предударных *а* и *о*.

После мягких согласных в говорах Гдовской группы отмечается или вокализм, соответствующий системе после твердого согласного (при гдовском аканье — гдовское яканье и т. п.) или некоторое «отставание» системы после мягкого согласного от системы после твердого согласного в ее продвижении к системе полного неразличения.

1. Гдовское яканье при гдовском аканье (если не учитывать единичные примеры отступлений) отмечено в нас. п. I — 80, 91, 95, а также в д. Гнилище, Тербачево, Подсосонье, Кареловщина, Спицыно, Подлипье, Радоселье, Захонье.

В д. Радоселье после мягкого согласного отмечено при ударенном *а*: /*ум'арлá*, *з'амл'á*, *с'ам'йá*, *д'ахтáры*, *н'азнáйу*, *р'акá*, *в'аскáйа*, *н'авáжна*, *вьс'амнáццът'*, *ъд'авáлис'*, *н'азнáим*, *местá*/ при ударенных гласных верхнего подъема: /*н'ажы́л*, *принадл'ажы́т*, *ф пл'асны́*, *з'амлú*, *ув'азлú*, *из з'амлú*, *йамý*, *в лесý*/; при ударенных гласных среднего подъема: /*реч'óнка*, *вед'óтца*, *сед'мóй*, *грешн'óва*, *к пешшóрки*, *вер'óфкъм*; *дерéвн'а*, *тебé*, *серéн'н'а*, *плесéнский мох*, *местéчки*, *т'апéр'*/.

Это наиболее распространенный вариант системы гдовского вокализма после мягких согласных. По существу при этом нет полного соответствия систем после твердого и после мягкого согласных. В данном случае после мягкого согласного соответствие гдовскому вокализму проявляется только в том, что характер предударного гласного подчинен характеру ударенного гласного: при ударенных гласных нижнего и верхнего подъема этимологические гласные неверхнего подъема *е*, *ě* и *а* совпадают в варианте /*'а*/, а при ударенных гласных среднего подъема — в варианте /*е*/, как при системе еканья. (Кстати, еканье характеризует часто говоры севернорусского наречия.)

[21] Возможно, что при этом типе диссимилятивного аканья в число гласных, воздействовавших на предударный гласный аналогично гласному *а*, входили и ударенные *о*, *е*.

Для вокализма после мягких согласных (при гдовской системе с уканьем) часто характерен более высокий подъем и того гласного, который звучит после предшествующего мягкого согласного, т. е. в соответствии предударному *е* в этих говорах отмечается /*и*/: так, при ударенных гласных среднего подъема *о* и *е* /*дифч'όнка, събир'όм, пин'кόвы, пъбиг'όм, пъвид'ό, выгбрий, фс"иβό, нъпик'όм, лип'όшку, нъпик'όш, тил'όнка, пъпир'όк, прид'όш* (от прясть), *ни пόмн'у, скътир'όтка, 6 ке^и^пόф, сплит'όм, нъприд'όм, бириг'οй, сил'όтки, привид'όм* (от везти), *привид'ό, зъ рикόй, ни т'вит'οт, с нивéсткай, дитéй, тепéр', низдéшнайа, тепер', бис хмéл'у, пъ дирéвни, сибé бирéш'ш'инки, бирéшшъники, нидéли, мишėчик*/ (д. Лядинка).

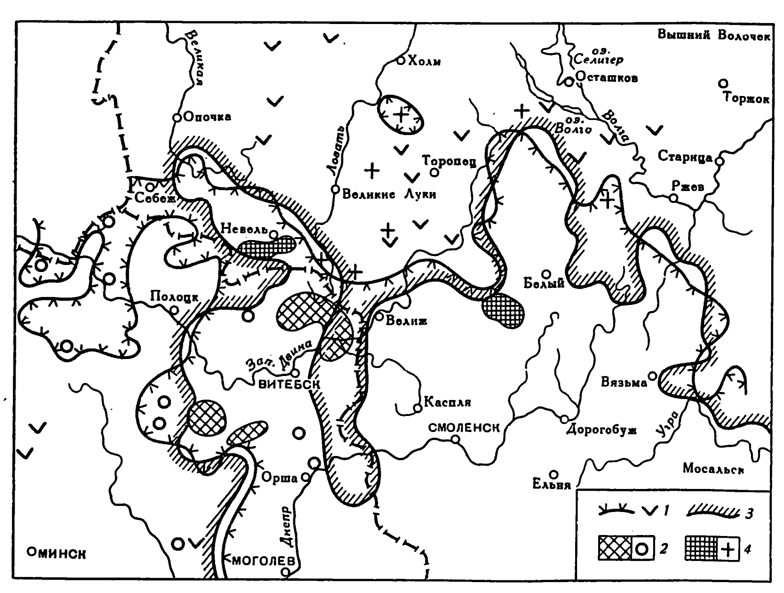
2. Гораздо реже и в более «затушеванном» виде отмечается та, видимо, более древняя система гдовского типа вокализма после мягких согласных, когда при ударенных гласных среднего подъема наблюдается полное различение гласных в соответствии с этимологией, как и в положении после твердого согласного. Такие системы отмечаются обычно при гдовской системе с уканьем: ср. материал, отражающий более последовательное различение гласных после мягких согласных при ударенных *о, е*: /*видрό, виснόй, силό, П'отрόм, сниткόф, пиринόшу, крεстόк, сивόдн'а, пересόхшы, нилόфка, Питрόва, тилифόн, з'арнό, в'аснόй, ст'аклό; вод'анό, див'анόста, пагл'ад'ε̌т', загл'ад'éт'; бил'йό, гниздό, мистόф, рикόй, дилόф*/ I — 6; см. также I—21, 77, 78, 85, 88, 92.

3. Возможно и сосуществование полновского аканья и полновского яканья (ср. материалы по той же дер. Чухнова Лядинка: перед *а*: /*не знáла, не знáйу, не^и^знáйу, семнáццът', сеч'áс, умирлá, пирив'олá, нипъв'олá, в'олá, ун'аслáс', низнáйа, пъ де^и^рéвн'ам, пирестáвили, держáли, прин'ослá; дъ двинáццъти, вен'чáцца, двенáццът', нъдевáт'; петнáццът', ъкт'абр'á, с нъйебр'á, 7 нъйебр'á, плесáт', пъплесáт', пъ петнáццът'; мин'á, мен'á, теб'á, с реб'áтам, ни дивер'йá, у мин'á, пит'дис'áт, пръвер'áт, шыз'дис'áт, у мен'á; пъгл'ад'áт*/; перед ударными *о* и *е*: /*съ св'окрόфкъй, не плόха, съ свекрόфкъй, св'окрόфки, не рόннайа, не бόйс'а, не брόшу, у невό, св'окрόфка, св'окрόфку, ни св'окрόфку, рехόфскуйу, перевόшшыцу, ничевό, не пόмн'у, йевό, у невό, не дόжыла, не брόшу, дъле^и^кό, верн'όмс'а: пиревόшшыца, на с'в'окрόфки, Йогόрушка, сед'мόва, не фс'ό; дърив'όн, привед'όна, риб'όнка, типéр', семéйка, пъмерéт', фпер'όт, приубрет'όный, детéй, пирéжыла, нъ сир'όт, пережы́ть, тепéр', ни пéрва, перéжыла, д'áди Терéн'а, сед'мόва, нилéжывала; тебé, детéй, менé, нейéл, с невéстъй, в въскрисéн'йа, пирейéдим, влетéла, тебé*/; перед ударенными гласными верхнего подъема: /*йему́, н'а бу́ду, н'а бу́дут, н'а ду́мала, в'арну́лас', в'арну́лис', пъд'ару́цца, б'ару́ пиритр'ахну́т; н'а бы́фшы, йаны́, небы́ла, л'аны́и; дъ р'аки́, ут р'аки́, к в'анцу́; йаду́, в Л'ади́нках, б'ари́, в р'аки́, прив'али́, прив'асти́, н'апи́л, ръб'ати́шкък, жър'аби́фшы, пъв'ъс'али́цца, кът'ани́ла, кът'ани́фшы; Л'ади́нък, Л'ади́нки*/, см. также I—82, 94.

4. Возможно и сочетание аканья и гдовского яканья. При этом обращает на себя внимание общая неустойчивость системы с аканьем после твердых согласных и гдовским яканьем после мягких согласных и наличие в этих говорах ярко выраженной тенденции к единообразию вокализма после твердых и после мягких согласных, которое и наступает при осуществлении системы сильного яканья. Приведем для иллюстрации материал из д. Мельницы при ударенных *о* и *е*: /*Питрόф, гн'аздό, хл'авόф, тризвόнили, ф Пиц"όрах, вирисόфка, с аннόй, йавόнный, свикрόвушка, йавόнна, п'астόм, никόвы, вирисόвыи су́сла, йавό, хл'авόф, зимл'анόй, нипόмн'у, в'адрόм, пи^е^рлόвую, ни пόмн'у, сл'апόй, с'адлό, в'адрό, вирхόм, сидлόм, л'н'анόй, дишόвайа, сн'атόф, пристόл'ный, Питрόф ден', ни пристόл'найа, йайцό, с с'астрόй, кип'аткόм, р'а^е^дόм, ребрό, Йегόрий, на Йегόр'йьф ден', виснόй, кр'астόф, мишόк, мишéчик, м'ашкόм, л'асόф, ручайόк, з'амл'όй*/; перед мягкими согласными: /*сир'όтка, бир'όза, в дирéвни, развид'όм, лип'όшки, нив'éстка, нидéл'у, нидéлали, лип'όшки, типéр', с дирéвни, пирéнники, скатир'όтки, ф сир'όтку, на вир'όфкъх, сир'όтка, с лип'όшкъм, типéр'*/, см. также I—2, 3, 4.

5. Аканье и сильное яканье редко отмечаются в гдовских говорах (см. I—20, 22, 23, 86, 87). В нескольких нас. п. на территории Гдовской группы отмечается вокализм, который трудно отнести к какой-либо определенной системе, что часто связано с большой сложностью, заключающейся в отражении состояния перехода от одной системы к другой.

Псковские говоры характеризуются неразличением гласных в предударном положении. Господствующей системой неразличения является недиссимилятивное аканье после твердых согласных и сильное яканье — после мягких. Отступления от такой системы немногочисленны и выражаются в присутствии элементов системы вокализма диссимилятивного типа или следов систем, напоминающих Гдовский вокализм по наличию зависимости характера предударного

Карта 115

Предударный вокализм после твердых согласных в говорах Псковской группы:

1 — распространение диссимилятивного аканья белорусского (жиздринского) типа; 2 — распространение аканья недиссимилятивного типа; 3 — распространение диссимилятивного аканья с наличием звука типа /ъ/ перед ударенными гласными среднего подъема; 4 — распространение диссимилятивного аканья с наличием звука типа /ъ/ перед ударенными гласными среднего или верхнего подъема

гласного от качества гласного в слоге под ударением.

В отдельных нас. п. на севере Псковской группы говоров, на границе с новгородскими говорами отмечаются элементы системы различения гласных в положении после твердых согласных. В единичных нас. п. (I — 225, 242) отмечено здесь диссимилятивное аканье (в последнем нас. п., помимо примеров с написанием /*въдá*/, отмечены случаи /*стълы́*, *зъбóта*, *дъл'óка*/), а в виде единичных примеров в нас. п. I — 229. Изоглосса последовательного диссимилятивного аканья образует южную границу Псковской группы говоров (см. карту 115).

В связи с этим диссимилятивное аканье отмечается только в южной части псковских говоров и далеко не всегда в качестве господствующей системы вокализма (V — 20, 23, 24, 25, 39, 41, 47, 50, 53, 54, 77, 86); к востоку от верховьев Зап. Двины (V — 121, 123, 125, 126, 127, 129, 131), но в виде сосуществования с системой недиссимилятивного аканья (V — 15, 21, 26, 48, 52, 89, 103 и к востоку от Западной Двины — V — 120, 124, 130) и в виде единичных случаев при господстве системы недиссимилятивного аканья (V — 22, 33, 42, 45, 70, 82, 85, 90, 92, 93, 101, 105, 117, 122, 143, 145).

В отдельных нас. п. отмечается в виде единичных примеров звучание «не а» не только при ударенном *а*, но и перед ударенными гласными верхнего или среднего подъема: V — 70, 77, 86, 103, 112, 149. Более последовательно такое произношение отмечается к югу от 56° с. ш. V — 280, 281, 282, 287, 289, 326, 329, 330, т. е. за пределами Псковской группы говоров и, таким образом, не может рассматриваться в качестве ее характерной особенности [22].

Особое внимание следует обратить на отмечаемые в пределах Псковской группы говоров случаи лабиализации гласных в 1-м предударном слоге после твердого согласного (зафиксировано преимущественно в говорах с диссимилятивным аканьем или его элементами) [23]. (См. карту 116).

Следует прежде всего отметить, что основной ареал лабиализации гласных в предударном слоге (преимущественно в слоге между двумя губными согласными), не захватывает говоров Псковской группы; такая лабиализация наблюдается только в единичных нас. п. севернее 56° с. ш., лишь на востоке захватывая и территорию правого берега Зап. Двины. Таким образом, можно подчеркнуть, что говоры на восточном берегу Западной Двины разделяют особенности южнорусских говоров в большей степени, чем говоры Псковской группы.

После мягких согласных вокализм говоров Псковской группы характеризуется в качестве господствующей системы сильным яканьем. Данная система предударного вокализма составляет специфику говоров Псковской группы, так что по существу границей территории Псковской группы является территория распространения сильного яканья (см. карту 117).

Примерно к югу от р. Великой (в ее верхнем течении) расположен массив диссимилятивного яканья жиздринского типа (с продолжением на территорию белорусского языка), а к востоку от верховьев Западной Двины начинаются говоры с преобладанием умеренного или умеренно-диссимилятивного типа. В ряде нас. п. на всей

[22] Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы, карта 1

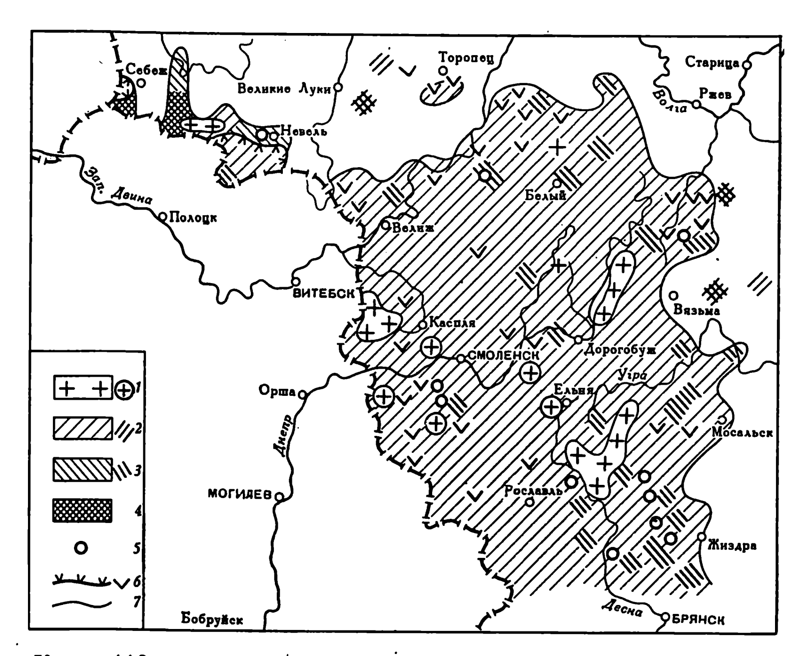
[23] В ряде нас. п. на территории Атласа белорусского языка отмечаются единичные случаи редукции перед *о*, *е* в говорах с диссим. аканьем. См. 1, 7, 29, 48, 53, 97, 120, 122, 127, 167, 172, 231, 235, 260, 269, 272, 291, 452, 542, 579; в нас. п. 300 такие примеры отмечены перед ударенными гласными верхнего подъема.

территории, примыкающей к массиву сильного яканья, отмечается вокализм, который по приведенным в ответах материалам не представилось возможным привести в систему, в результате чего авторы карт ставили знак «яканья неустановленного типа». См. нас. п. I — 210, 217, 216, 226; V—2, 38, 43, 144, 146.

Каков же вокализм говоров Псковской группы в целом, учитывая положение как после твердого, так и после мягкого согласного?

1. Наиболее распространенной системой является аканье недиссимилятивное и сильное яканье, характеризующие вокализм подавляющего большинства нас. п. в пределах Псковской группы говоров.

2. Диссимилятивное аканье и сильное яканье (не учитывая единичных примеров отклонений) отмечается: I — 225, 242; V — 15, 21, 22, 33, 45, 85, 86, 89, 90, 92, 93, 101, 103, 105, 112, 117, 130, 143. При этом после твердых согласных система диссимилятивного аканья обычно отмечается в виде единичных примеров при господстве недиссимилятивного аканья, и только в нас. п. V — 23 и 86 она преобладает, а в нас. п. V — 15, 21, 89 и 103 обе системы отмечаются в равноправном сосуществовании.

Карта 116

Лабиализация гласных в предударном слоге после твердых согласных при ударенном *а*:

1 — отмечен лабиализованный гласный при ударенном *а* в соседстве с губными, задненебными и *л* (*п/у/па́ла, л/у/ма́ть, к/у/на́ва* и после слога с гласным *у* (*хут/у/ра́*); *2* — отмечен лабиализованный гласный при ударенном *а* в соседстве с губными, задненебными и *л*: *п/у/па́ла, л/у/ма́ть, к/у/на́ва* и т. д.; *3* — отмечен лабиализованный гласный при ударенном *а* после слога с гласным *у*: *хут/у/ра́*; *4* — отмечен лабиализованный гласный при ударенном *а* только при сочетании обоих указанных условий: *рук/у/ва́, гус/у/ка́* и т. д.; *5* — отмечен лабиализованный гласный только в глаголах на *-овать/ /-ую* (*стог/у/ва́ть, рис/у/ва́ть*; *6* — отмечен лабиализованный гласный при других ударенных гласных

3. Диссимилятивное аканье и жиздринское яканье отмечается в нас. п. V — 20, 23, 24, 25, 26, 39, 41, 47, 50, 52, 53, 54, 77, 121, 124.

4. К востоку от верхнего течения Западной Двины в нескольких нас. п. диссимилятивное аканье после твердого согласного сочетается с системой умеренного яканья после мягких согласных (см. V — 120, 131, 151, 156) и с системой умеренно-диссимилятивного яканья, при котором произносится /а/ перед ударенным *о* перед твердыми согласными независимо от его этимологии (см. нас. п. V — 123, 125, 126, 129, 132, 147, 149, 153, 154, 155).

Таким образом, можно утверждать, что система диссимилятивного аканья и яканья в настоящее время не может учитываться среди признаков, характерных для вокализма говоров Псковской группы. Однако, если обратиться к истории формирования вокализма данного объединения говоров, очевидно, что диссимилятивный принцип формирования вокализма был свойствен всем говорам Псковской группы на более раннем этапе развития. Об этом говорят:

1. Следы диссимилятивного аканья после твердого согласного на всей территории группы.

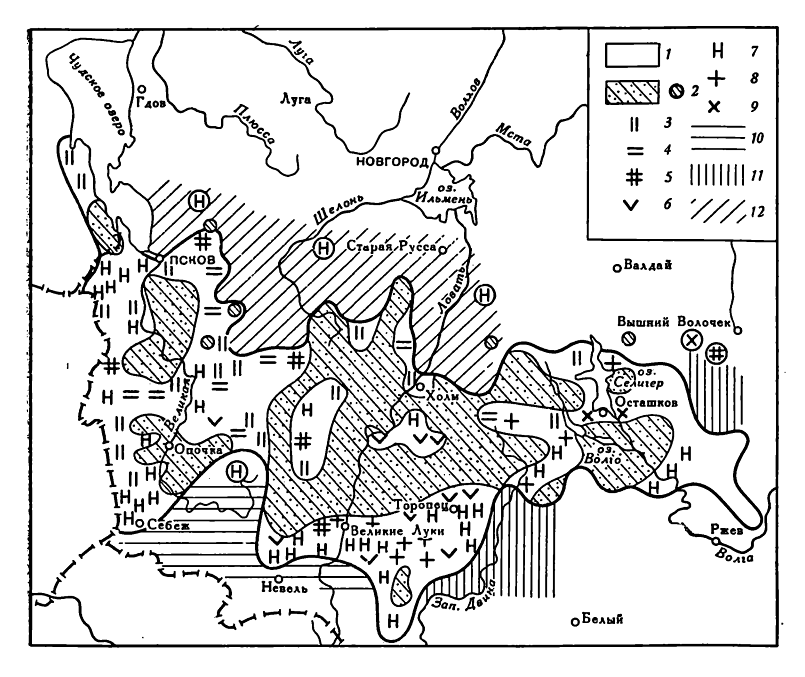
2. Примеры сосуществования системы сильного яканья с системой диссимилятивного аканья.

3. Элементы жиздринского яканья при системе сильного яканья.

4. Элементы отражения диссимилятивной зависимости в других безударных слогах. В связи с этим формирование вокализма сильного яканья на территории Псковской группы говоров может быть с полным основанием рассмотрено как результат сосуществования:

а) диссимилятивного аканья и яканья жиздринского типа;

б) ассимиляции предударного гласного ударенному гласному /а/. В результате сочетания этих двух принципов и могла возникнуть ассимилятивно-диссимилятивная система, выражающаяся в звучании /а/ в предударном положении как после твердого, так и после мягкого согласного, т. е. та ассимилятивно-

Карта 117

Предударный вокализм после твердых согласных в говорах Псковской группы:

1 — распространение сильного яканья как господствующей системы вокализма; *2* — сильное яканье в исключительном распространении; *3* — сильное яканье с элементами иканья; *4* — то же с элементами еканья; *5* — то же с элементами и иканья и еканья; *6* — то же с элементами диссимилятивного яканья жиздринского типа; *7* — то же с элементами яканья неустановленного типа; *8* — то же с элементами умеренного яканья; *9* — то же с элементами суджанского или щигровского яканья; *10* — преобладание яканья жиздринского типа; *11* — преобладание умеренного яканья; *12* — сосуществование системы сильного яканья с вокализмом гдовского типа (или с яканьем неустановленного типа), а также с различением гласных в предударном положении

диссимилятивная система, которую принято называть недиссимилятивным аканьем и сильным яканьем.

§ 3. Вокализм 2-го предударного слога

В новгородских говорах преобладает система так называемого полного оканья или наличие его следов. Гораздо реже здесь отмечаются говоры с неразличением гласных во 2-м предударном слоге слова после твердого согласного. Различение *о* и *а* во 2-м предударном слоге находится в новгородских говорах вне зависимости от характера соседних согласных или от качества ударенного гласного (в данном случае имеется в виду 2-й предударный слог, не являющийся началом слова).

Говоры, в которых в соответствии *о* отмечено то /о/, то /ъ/ и реже /а/, редки; употребление /ъ/ или /а/ также не связано, судя по материалам ответов, с какими-либо определенными фонетическими условиями. Имеется и ряд таких говоров, где при регулярном различении единичны случаи неразличения гласных. В нас. п. I — 118, 126, 132, 134, 140, 143, 153, 166 при системе различения единично отмечено звучание лабиализованного /у/ в соседстве с губными или задненебными согласными: /*кумаро́в*, *пупола́м*, *сублуда́т'*, *пудома́м*, *гулуб'е́й*/ (см. I — 118, 126, 132, 134, 143, 153, 166).

О более глубоком взаимопроникновении системы различения и неразличения в позиции 2-го предударного слога свидетельствуют ответы по нас. п. I — 113, 114, 153, 255, 256, 261, где отмечается сосуществование случаев произношения типа /*голова́*/ и /*гълова́*/ или /*голова́*/ и /*галава́*/, в одних и тех же условиях. В нас. п. I — 172 гласный /о/ во 2-м предударном слоге отмечается как в соответствии *о* так и в соответствии *а*: /*порохо́дъм*, *Олексе́й*, *сомол'о́т*, *на порохо́дъх*, *порово́с*/. Неразличение *о* и *а* в позиции 2-го предударного слога, как система, отмечается в новгородских говорах редко (имеются данные по 10 нас. п.), причем все эти говоры (кроме трех) примыкают с юга к побережью озера Ильмень. Обращает на себя внимание также и следующее: наблюдаемые при неразличении единичные примеры с /о/ отмечены, как правило, в таких словах, в которых /о/ звучит и под ударением и в 1-м предударном слоге: /*хорошо́*/ (I —109); /*молоко́*/ (I — 149); /*попола́м*/ (I — 164); /*молоко́*, *хорошо́*/ (I — 166); /*собл'уда́т'*, *лоскуто́к*/ (I — 167).

В пределах г д о в с к и х говоров только в двух нас. п. зафиксирована последовательная система различения гласных во 2-м предударном слоге (I—88, 93). Однако в разделе «Заударный вокализм» высказываются сомнения по поводу качества материала по данным нас. п., так что наличие гдовских говоров с последовательным различением гласных во 2-м предударном слоге является сомнительным. Единичны и такие говоры, где отмечена система различения с единичными отклонениями (I — 79, 80, 94). Чаще всего встречается сосуществование различения и неразличения гласных (см. I — 2, 3, 4, 7, 16, 20, 77, 83, 84, 87, 96, 98); в числе названных имеются говоры, в которых нераз-

личение резко преобладает над различением [24].

В ответах по нас. п., отражающим сосуществование систем различения и неразличения нередко отмечают различение гласных во 2-м предударном слоге при системе неразличения в 1-м предударном слоге в тех же словах: *повал'не́йе, дохтаро́ф, погади́*/ (I — 13); *добраду́шный, похаро́нен, волосы́, пойал'ша́нники, подрасту́т*/ (I — 17); /*молака́, тво́рагу́, по с'п'ашу́*/ (I — 19); /*попаго́сту, прол'ате́л*/ (I — 23); /*голава́, топара́, попраси́л, пром'ажу́*/ (I — 78); /*пов'аду́*/ (I — 81); /*корамы́сил, молако́*/ (I — 82); *доталка́йетца, поскаре́й* (I — 85); /*мойаму́, поз'амли́, до^у бал'ни́цы*/ (I — 89); /*голава́, поба̂рно́ваницы*/ (I — 90); /*по̂б'ади́т*/ (I — 91); /*сортава́йа, пот'ар'а́л, посало́мшшык, молада́, сподабл'а́т', сподабл'а́йу, ком'ал'ка́м, свойаво́, скова̂рбо́нник, пом'ало́м, хорашо́, поплаво́к, гонабо́лей, полате́нцы, торапис', подл'ацы́, воратилс'а, подаси́новикаф, полажы́т', прокармит', похади́л, прокарми́цца, говари́, по̂лтары́, ворати́тес', дорагийе, полажы́т', полави́ны, стораны́, попрасти́мс'а*/ (I—95); /*поцаса́т', полцаса́, провaжа́л, потъпта́л, золато́й, моладо́й, хорашо́, повар'о́шка, порас'о́нка, подайти́, провади́т', прова̂ди́те, полави́к, соскацы́л, полави́ной, гора̂ди́нах, говари́*/ несколько раз и только так! /*подайти́, пол'ажу́, голаву́, пос'м'айу́тца*/ (I — 97). См. также /*м^у олад'о́жы*/ (I—7); /*порашо́чкаф*/ (I — 16). Приведенный материал, несмотря на его необычность, следует признать отражающим реальное звучание. Об этом с очевидностью свидетельствуют диакритические знаки, встречающиеся при /о/ во 2-м предударном слоге (см. 19, 85, 89, 91, 95), а также и количество соответствующих сообщений. Сохранение /о/ во 2-м предударном слоге едва ли связано с соседством губных или задненебных согласных, преобладание же случаев этого рода вызвано, по-видимому, тем, что 90% всех слов, приводимых в «Программе», имеют перед гласными 2-го предударного слога губной или задненебный согласный, так как это наиболее частотные слова; можно заметить, что /о/ во 2-м предударном слоге (при /а/ в 1-м предударном) как будто чаще встречается при ударенных «не а». В восьми нас. п. (из 13 нас. п. с таким произношением) все примеры с /о/ отмечены только при ударенных гласных среднего и верхнего подъемов, однако весь соответствующий материал нуждается в более тщательном анализе, без которого невозможны никакие выводы.

Говоры с сосуществованием различения и неразличения во 2-м предударном слоге слова обладают, кроме сказанного, еще одной особенностью: в некоторых гдовских говорах наблюдается зависимость гласного 2-го предударного слога от гласного под ударением, но с учетом качества гласного в 1-м предударном слоге. Можно указать ответы I — 1, 5, 6, 17, 19, 21, 23, 78, 81, 82, 85, 89, 90, 91, 92, 95, 96, 97, 99, в которых с различной степенью полноты приводится материал, отражающий возможность такой зависимости. Обычно в этих материалах при ударенных *а* и гласных верхнего подъема во 2-м предударном слоге преобладает произношение /*а*/ или звуки, близкие к этому звучанию как в соответствии этимологическому *о*, так и *а*, что отражает соответствие гдовскому типу вокализма. Более сложная картина, как и следовало ожидать, наблюдается при ударенных гласных среднего подъема. Выше мы стремились показать, что уканье может быть объяснено существующей в говоре тенденцией к диссимиляции предударных и ударенных гласных; гласный 2-го предударного слога в соответствии тенденции нередко оказывается подчиненным той же зависимости от гласного 1-го предударного слога: при верхнем подъеме гласного в 1-м предударном слоге во 2-м предударном произносится гласный нижнего подъема и наоборот. Таковы примеры: /*папруве́дат', падугре́ла, халудне́й, валукно́, папуд'о́ншшыны, пакуло́т', павуро́чу, стълубо́к*/ при немногочисленных примерах с гласными одного подъема в 1-м и 2-м предударных слогах: /*пороббо́тайим, курув'о́шку, мулуко́, вулукно́*/; при наличии в 1-м предударном слоге гласного нижнего подъема: /*хърашо́, хырашо́, мулако́, с путалко́м, мулад'о́ш, у уднаво́*/ и единично /*парас'о́нак*/ (I — 5); /*молака́, пускаре́й, посп'ашу́, творагу́, мълука́*/ (I — 19); /*вод'ано́, чоло^у ве́к, сурафа́ны*/ (I — 6); /*молака́, пускаре́й, посп'ашу, творагу́*/, но: /*мълука́*/ (I — 19); /*попаго́сту, прол'ате́л*/, но: /*пыт'ану́т', пытр'ас'о́, пыталки́*/ (I — 23); /*по^а скаре́й, сосвуйо́ва, малука́, малуко́, харушо́*/ (I — 85); /*по̂б'адит'*/ (I — 91); /*собл'уда́т', голубе́й, па^о л'уби́т', пъб'ади́т', пъ^а б'ади́т', пъ^а в'аду́*/ (I—92); /*брытовйа́, мылока́, пыб'ожа́ли, пыл'ати́, пытр'ахи́* (=потряси)/ (I — 96) [25]. Приведем полностью материал нас. п. I — 85 как отражающий особенности гдовских говоров. При преобладании неразличения, в 1-м предударном слоге

[24] Следует учитывать, что ниже приводятся данные некоторых ответов, по которым можно предполагать формирование всей системы безударного вокализма в гдовских говорах с учетом качества гласного в ударенном слоге; среди перечисленных нас. п. имеются такие ответы, где материал не всегда содержит равносопоставимые примеры с гласными всех трех уровней подъема под ударением и, таким образом, неполнота материала может быть причиной неправильной квалификации системы.

[25] Из приложений к ответу.

проявляется система гдовского вокализма с уканьем. Во 2-м предударном слоге отмечается: /*галава́, тапара́, барана́, гавар'а́т, палтара́, малака́, папада́л, папала́м, памерла́, падама́м, сабл'уда́т', дǒталка́йетца, сосвуйо́ва, боɣомо́л'цы, подрост'о́, молоко́, подойд'о́, оммоло́чу, волокно́, вǒлокно́, малако́, харашо́, малуко́, харушо́, палат'е́н'ец, поᵃскар'е́й, ласкуто́к, галуб'е́й, курувǒт, малати́т', пасади́т', пал'уби́т', галаси́т', гавари́т'*/.

Обращает на себя внимание: 1. полное подчинение 2-го предударного слога принципам гдовского вокализма /*молоко́ — малака́, малати́т', курувǒт*/; 2. единичные примеры «отставания» 2-го предударного слога от 1-го предударного /*поᵃскар'е́й, дǒталка́йетца*/; 3. несколько примеров с сочетанием подъемов гласных в соседних слогах поддерживают диссимилятивный принцип его оформления. Таковы примеры с /о/ во 2-м предударном слоге /*поᵃскар'е́й, сосвуйо́ва, малука́, малуко́, харушо́*/. Возможно, что именно этим и объясняется устойчивость /о/ во 2-м предударном слоге и /у/ в 1-м предударном в этих же словах. В нас. п. I — 89 при преобладании различения в 1-м предударном слоге, вокализм 2-го предударного слога представлен следующим образом: /*провожа́т', померла́, пособра́л, покупа́ли, полоска́йесса, посыла́т', полоска́тил'на, пойежжа́й, пологǎитца, волоса́, молока́, лопота́ли, собира́лс'а, голова́, ковыр'а́ли, молода́, молочка́, допотолка́, карата́т', ф каᵒлокола́, скълыха́лс'а, твърашка́, вълоса́, пологǎйитца, волоса́, молока́, лопота́ли, собира́лс'а, голова́, ковыр'а́ли, молода́, молочка́, до потолка́, карата́т', ф каᵒлокола́, скълыха́лс'а, твърашка́, пъсоса́т', пъправл'а́йитца, пъпада́йит, пъйажжа́й; дорого́й, волосно́й, с коло́колам, молодо́й, коров'о́нка, корово́да, молодǒво, бороно́йу, муᵒлоко́, хурошо́, харашо́, мълоко́, хърашо́, хърошо́, мълоко́, пън'асло́, погл'ад·е́т',бъɣад'е́л'н'а, сълов'е́й, пъбл'адн'е́ла, пробегу́, ковырну́, уговори́мс'а, мойаму́, молоду́йу, козл'ени́ла, пов'ели́, поз'амли́, продайу́т, побежи́м, полежи́т, доʸбал'ни́цы, гувори́тца, бъɣачы́, пръстуди́лас'*/. В нас. п. I — 95 в 1-м предударном слоге сосуществование гдовской и полновской систем с элементами различения независимо от качества ударенного гласного. Во 2-м предударном слоге: /*провожа́е, покупа́ли, мǒлочка́, пос'пева́е, пос'пева́ет, города́м, покрыва́ли, сортава́йа, пот'ар'а́л, посала́мишык, собира́ли, молада́йа, молада́, сподабл'а́т', сподабла́йу, горонча́рове, помира́т', ком'ал'ка́м, молока́, коромна́йа, возмужа́цца, госуда́рство, лопота́т', госуда́рству, порос'а́т, подзыва́йу, говор'а́, подава́й, дожыда́лис', бойова́йа, докрыл'ца́, собира́лис', пос'пева́йе, полоска́ли, покрыва́ли, памира́ли, пакупа́ли, дажыда́ли, каташа́х, пад'д'аржа́ли, палуча́л, гавар'а́, гълава́, гъвар'а́, купера́цыи; молод'о́ш, молоко́, посер'о́тке, с свойаво́, сковаро́нник, пом'ало́м, хǒрашо́, гонобо́л, поплаво́к, хǒрошо́* 3 р., *босико́м, полудвǒрочек, голабо́лей, хǒрошо́, порас'т'о́т, молоко́, освобожд'о́ннайа, полсапо́шки, хǒрошо́, мǒлоко́, дǒкторо́ф, молод'о́ш, молочко́, хотул'ко́м, поплаво́к, пърас'о́ночек, пълсапо́шки, положы́, соружы́л, торапи́с', порт'аны́йе, подл'ацы́, ворати́лс'а, подасиновикаф, полажи́т', прокармит', похади́л, посади́ли, молоды́м, молоцы, подосиновики, говори́т, говори́ли, говори́м, молоти́т', прокарми́цца, говари́, пǒлтары́, комуни́стоф, ворати́тес', дорагийе, полажы́т', полави́ны, стораны́, заколоти́т', попрасти́мс'а, полови́не, комуни́ст, боровики́, камуни́сты, палажы́т', ф кал'аси́ло, гъвари́, бъравики́, мълачи́нку, мълачи́нкой, пътхади́л, бъравы́и, гъвари́ли, гъвари́, порт'ану́йу, поскачу́, потому́, дол'аву́йу, говор'у́, бороню́йут, гавар'у́, захалакну́лис', kъраўл'на, гъвар'у́, гъвар'у́*/.

Можно заметить, что, несмотря на общую недостаточность материала, среди приводимых примеров выделяется три категории, которые в различной степени показательны при попытках реконструировать систему, совмещающую диссимилятивную зависимость гласного 2-го предударного слога от качества гласного под ударением с системой неразличения гласных (своего рода систему «диссимилятивного оканья»):

1. Примеры с ударенным гласным *а* типа /*пойал'ша́н'ники, молака́, молада́*/ и т. п. Здесь произношение гласного 1-го предударного слога «не противоречит» системе гдовского предударного вокализма, но этот гласный заменил собой гласный /о/, который в этом положении должен был предшествовать /а/ в соответствии с системой полновского вокализма (полновская система рассматривается как система, предшествующая гдовской, см. указанную выше статью). По системе полновского типа в данной категории примеров (уже с гласным /о/ в 1-м предударном слоге) *о* во 2-м предударном слоге должно было «вступить в противоречие» с диссимилятивным принципом, и можно было ожидать сохранения необходимого равновесия системы лишь с помощью повышения подъема гласного 2-го предударного слога, т. е. звучания *мулока́*, или *мылока́*. Такие примеры находим в материалах. См. I — 95 /*мǒлочка́, купера́цыйа*/; I — 96 /*брытови́а, мылока́, пыб'ожа́ли*/. Таким образом, примеры с сохранением /о/ во 2-м предударном слоге при уда-

ренном *а* закономерны при гдовском типе предударного вокализма и, как можно думать, оказывались в противоречии с системой полновского типа предударного вокализма, с чем, видимо, и связано повышение подъема гласного во 2-м предударном слоге; таким образом, примеры /*молака́*/ и /*брытовй́а́*/ совершенно равнозначны в отношении системы вокализма второго предударного слога.

Само собой разумеется, что закономерно входят в систему как гдовского, так и полновского вокализма все случаи с /*о*/ во 2-м предударном слоге и гласными верхнего подъема в 1-м предударном слоге, т. е. примеры типа /*до крыл'ца́*, *собира́лис'*, *подзыва́йу*, *покрыва́йу*/ и т. п.

2. Примеры с ударенными гласными верхнего подъема типа /*продайу́т*, *побежы́м*, *комуни́ст*/. В данной категории примеров как при гдовском, так и при полновском предударном вокализме преобладают примеры с предударным гласным нижнего подъема, что делает эту категорию наиболее удобной для сохранения /*о*/ во 2-м предударном слоге, чем и объясняется, что больше всего примеров, отражающих систему различения гласных 2-го предударного слога при неразличении в 1-м предударном падает именно на эту категорию. Таким образом, становится понятным и закономерным тот, на первый взгляд, может быть, и парадоксальный факт, что именно в том звене системы, где последовательно восторжествовала система неразличения в 1-м предударном слоге слова, во 2-м предударном слоге наблюдается наиболее высокая сопротивляемость системы различения.

3. Примеры с ударенными гласными среднего подъема типа /*молоко́*, *босико́м*, *полудво́рочек*/ и т. п. Эта категория должна быть наименее устойчивой в отношении перестройки системы 2-го предударного слога.

При ударенных гласных среднего подъема, как при гдовском, так и при полновском типе предударного вокализма, отмечается сохранение различения гласных. Именно для этого положения в предударном слоге нередко наблюдаются примеры так называемого уканья, которые могут быть объяснены (см. выше) давлением со стороны системы, стремящейся сохранить диссимилятивный характер оформления слова. Сохранение /*о*/ во 2-м предударном слоге должно противоречить такой системе, и именно в данной категории случаев можно ожидать понижение подъема гласного во 2-м предударном слоге в соответствии *о*, т. е. неразличение во 2-м предударном слоге при различении в 1-м предударном (или еще большее его повышение по сравнению с гласным предударного слога). Действительно, материал некоторых нас. п. содержит примеры с отражением /*ъ*/ во 2-м предударном слоге именно при ударенных гласных среднего подъема. В нас. п. I—89 такие примеры есть, см. /*хърошо́*, *мълоко́*, *сълове́й*, *му⁰локо́*, *хурошо́*/. Вместе с тем, каков бы ни был материал ответов, собранный для Атласа, он позволяет в лучшем случае делать предположения, но не может являться прочной основой для выводов, особенно в тех случаях, когда речьи дет о системах, достаточно сильно разрушенных в настоящее время.

В итоге по поводу вокализма 2-го предударного слога гдовских говоров можно сказать, что он, как правило, формируется в соответствии с системой вокализма 1-го предударного слога. Отклонения от этого правила чаще всего отражают наличие диссимилятивной зависимости между гласными ударенного и безударного слогов, которое заключается в том, что во 2-м предударном слоге сохраняется без изменений *о* в соответствии с этимологией в таких примерах, где общее оформление слова не противоречит диссимилятивной зависимости между гласными всех трех слогов (ср., например, /*карамы́сил*, *молако́*/). Можно также отметить и факты сохранения различения гласных в позиции 2-го предударного слога также чаще всего в тех случаях, когда расположение гласных в слогах безударных и ударенном согласуется с диссимилятивным принципом формирования вокализма [26].

Перечисленные особенности вокализма 2-го предударного слога гдовских говоров с очевидностью свидетельствуют об особом характере формирования всей системы вокализма гдовских говоров, включая и систему 2-го предударного слога. Причем и в этом положении близость с вокализмом новгородских говоров не большая, чем это можно было наблюдать при сравнении вокализма 1-го предударного слога.

В говорах Псковской группы во 2-м предударном слоге представлена та же система недиссимилятивного аканья, что и в 1-м предударном слоге. В подавляющем большинстве ответов во 2-м предударном слоге фиксируют гласные /*α*, *а*/ и /*ъ*/ независимо от качества гласного под ударением и от характера гласного в 1-м предударном слоге.

Особый интерес представляют те немногочисленные говоры, в которых наблюдатели отмечают те или иные различия в звучании

---

[26] О сохранении диссимилятивного принципа во 2-м предударном слоге при его отсутствии в 1-м в говорах юго-запада Псковской области см.: Л. И. Царева. Аканье и яканье в говорах юго-западной части Псковской области. «Псковские говоры», т. I. Псков, 1962

гласных 2-го предударного слога. Так, Л. И. Царевой [27] отмечено существование диссимилятивной зависимости качества гласного 2-го предударного слога от подъема гласного в 1-м предударном слоге. «Появление широких гласных в первом предударном слоге в соответствии с недиссимилятивным аканьем и сильным яканьем определяет редукцию *о* и *а* во втором предударном слоге; напротив, узкие гласные в первом предударном слоге способствуют изменению *о* во втором предударном слоге в более широкий гласный (ослабленное более закрытое *а*, чем *а* первого предударного слога). Следовательно, диссимилятивный принцип сохранен во втором предударном слоге, в то время как в первом предударном слоге наблюдается уже принцип сильного яканья и недиссимилятивного аканья» [28].

По данным «Атласа русских народных говоров северо-западных областей СССР», эту закономерность проследить затруднительно прежде всего в связи с тем, что в подавляющем большинстве случаев в ответах приводятся примеры с гласным /*а*/ во 2-м предударном слоге слова, в то время как примеры с гласными верхнего подъема в 1-м предударном слоге если и приводятся, то ограничиваются словами *голубéй*, *лоскутóк*, *соблюдáть*, *полюбúть*, т. е. словами, предусмотренными «Программой». Кроме того, в силу широкого распространения системы сильного яканья после мягкого согласного в 1-м предударном слоге господствует звучание /'*а*/. Частотность звучания /'*а*/ повышает и частотность звучания /*ъ*/ именно перед /*а*/, производя впечатление закономерности.

Тем не менее скудный материал, имевшийся в нашем распоряжении, позволяет судить лишь о том, что закономерность, сформулированная Л. И. Царевой, подтверждающаяся в ряде нас. п. и особенно материалом, который приводит Л. И. Царева, является, очевидно, все же отражением более сложной закономерности, суть которой связана с действием фактора диссимиляции в процессе формирования всех предударных слогов слова.

Приведем некоторое количество примеров. Произношение звуков /*ъ*/ или /*ы*/ при подавляющем количестве примеров с /*а*/ в положении, когда под ударением представлено «не а» отмечаются в следующих примерах: /*пърас'óнацек, пърас'óнацка, кърасúн, гынабóл'*/, но и /*пысидéлки*/ (I — 203); /*кърамы́сел', кълинкóру*/, а также /*паръс'онку, палътéнца*/ при 64 примерах с /*а*/ и в 1-м и во 2-м предударном слогах и только девяти с /*а*/ во 2-м предударном при гласных верхнего подъема в 1-м предударном слоге (I — 206); /*пырыйóнам, вълакнó, по*^{ы}*лсапóшки, гъварúт, грызавáйа, пълавúнацку, вълацы́ли, пычтал'йóнка, мъладýхин, къл'ан кóрам, пъдайý, мълатúлки, гъварúт, пъмагáй, пълатéнца*/ (I — 224); /*по*^{ы}*лсапóшки, пыдвыратúшшы, пыдасúнавики, быравики, кыз'л'акú, пълатнó, пъчамý, кысавйó, пулсапóшки, бурсукú*/ и только один раз /*вылнавáлис'*/ (I — 227) [29]. В материалах, собранных другими исследователями: /*па*^{ы}*тпавéт', па*^{ы}*гарéфшы, пага*^{ы}*радáм, папа*^{ы}*талкáм, па*^{ы}*мирáт'*/ (I — 100); /*пърас'áт, с пълатéнцам*/ (I — 180); /*пылкавóтцы, лымавóй, пытр'аш'ш'áтцы, пыгрипкú, рыссирдúлис', зыбывáйу, пустухóф, γусудáр'*/ (I — 183). В нас. п. I — 176 основным вариантом звука во 2-м предударном слоге является /*ъ*/, но при этом отмечается /*сылавéй, мыладóй*/. Ср. и полный материал ответа I — 104: при одинаковом подъеме гласных в 1-м предударном слоге и в слоге под ударением /*гавар'áт, паказáт', папалáм, падамáм, пъм'арлá, гълавá*/; при различии подъемов гласных в 1-м предударном слоге и в слоге под ударением /*салав'éй, гаварúт, маладýха, каравóдный, паталóк, камары́, мъладóй, сълав'éй, пъдашóфшы, пъмалóт' пъгасú, пъталóк, пръсадúт', пълазóк, кърабл'ý, пъталóк, пъчамý, кумары́, + пал'ýбúфшы*/, кроме того примеры /*гасудáрству, пакупáли*/. На этимологическое *а* материал располагается аналогично: при одинаковом подъеме гласных /*зал'азáйу, саматкáнайа, трахтарá, зъказáт', съст'абáли*; при различии подъемов *задавúл, назывáитца, кладавóй, разудáлава, загарóтку, загарóдим, захат'éл, старицóк*/, а также /*пътигáны, зъм'арúтис', нъхадúла, кърасú, тубар'éтку*/.

Материал данного нас. п. наглядно демонстрирует связь гласного 2-го предударного слога с гласными в других слогах: примеры с /*ъ*/ или другим гласным «не а» при предударном /*а*/ преобладают тогда, когда под ударением «не а» (12 примеров *а* — *а* — «не а»; 16 *ъ*/*у* — *а* — «не а»; 8 *а* — *а* — *á* и 4 *ъ* — *а* — *á*). Из ответа I — 106 для экономии приводим только те примеры, в которых /*а*/ отмечается в 1-м предударном слоге слова. При ударенном *á*: /*вас'амнáтцат' пъгаварáт, сарафáнаф, бърънавáт, пръздравлáйут, пън'алá, пъйавл'áйутца, пъласá, пултарá, сърафáн, бърабáн, фсъпагáх*/; при ударном «не а»: /*малад'óш, зарабóтъл, зайавл'éн'йе, гъварúт, мълады́й, гълавý, пъчамý, пърас'óнкам, скъбарú, бълахóны, вълакнó, съ-*

[27] Там же, стр. 66—70.
[28] Там же, стр. 68.

[29] В данных нас. п. материал для Атласа собран Л. И. Царевой.

б'ару́т, пъсабл'у́, пълави́на, пълсапо́шки, пъсматр'е́т', тръктари́стаф, пълату́шка, ръскажу́, пъталóнам, зъпр'агу́т/. Сравнивая количество примеров с /α/ и /ъ/ при ударенных *а* и «не *а*», можем видеть, что звучание /α/ отмечено в трех случаях при ударенном *а* и в трех — при ударенных «не а», а звучание /ъ/ — в 19 случаях при ударенном «не а» и в девяти — при ударенном *а*. Может быть, следует сказать, что для звука /α/ (при предударном /а/ зависимость от характера гласного под ударением не так очевидна, как для звучания /ъ/.

В общем виде указанную закономерность можно охарактеризовать следующим образом: если под ударением гласный «не а» в 1-м предударном слоге в соответствии с системой сильного яканья и недиссимилятивного аканья /'а/ не противоречит диссимилятивному принципу, 2-й предударный слог оформляется в соответствии с диссимилятивной моделью, преимущественно в виде варианта /ъ/. При ударенном *а* звучание /а/ в 1-м предударном слоге не согласуется с диссимилятивной моделью, она оказывается разрушенной, а вслед за ней разрушается и диссимилятивная модель 2-го предударного слога [30].

Большое значение для решения вопроса о характере вокализма 2-го предударного слога имеет вопрос о редукции, хотя о сущности данного явления до сих пор нет достаточно определенного ответа: под редукцией понимают в одних случаях изменение качества гласного, а в других и его количества. Изучение материала по псковским говорам делает возможным предположение, что в их северо-западной части, примерно по линии от г. Опочки и р. Ловати на востоке, неразличение гласных во 2-м предударном слоге не связывается с изменением силы гласного, а южнее и восточнее этой линии положение изменяется. При этом обращает на себя внимание тот факт, что за южной границей Псковской группы говоров вокализм 2-го предударного слога приобретает несколько иной характер. Если севернее было возможно употребление /а/ наряду с /ъ/, при преобладании /а/, то южнее совершенно единичны говоры, в системе которых хотя бы единично был отмечен вариант /а/: там, очевидно, преобладает вариант /ъ/ во 2-м предударном слоге, что указывает на то, что с юга говоры Псковской группы находятся в соседстве с зоной иного качества гласного во 2-м предударном слоге. Важно отметить, что в смежных говорах белорусского языка больше сходства с говорами южной части Псковской группы, т. е. наблюдается то же сосуществование /а/ и /ъ/ [31].

Встречающиеся в северо-восточных белорусских говорах случаи произношения /у/ в соответствии *о* во 2-м предударном слоге следует, видимо, связывать с гласным /ъ/. Именно этот гласный может изменяться во 2-м предударном слоге в /у/ под влиянием звука /у/ в 1-м предударном слоге, а это, очевидно, возможно в том случае, когда звуки 1-го и 2-го предударных слогов неравноправны в количественном отношении.

Явление подобной лабиализации не может, однако, считаться чертой, характерной для псковских говоров в целом, как не является оно типичным также и для гдовских и новгородских говоров. Однако возможность, хотя и в редких случаях, звучания /у/ в соответствии *о* приводит к фактам неразличения *о* и *у* типа /*съндуки́ — гълубе́й*/. Они встречаются в говорах и Гдовской группы (см. I—19, 81, 89, 93, 94, 96, 98, 101, 113), а в Новгородских встречаются в пределах четко очерченного массива говоров к югу и юго-западу от оз. Ильмень.

§ 4. Вокализм заударных слогов.

А. П о с л е т в е р д ы х с о г л а с н ы х. Характер гласных заударных слогов зависит не только от их удаленности от ударения, но и от того, является ли заударный слог закрытым или открытым, конечным или неконечным. Наименее подвержен влиянию со стороны фак-

---

[30] Данные по Псковской группе говоров извлекаются из Атласа русских народных говоров северо-западных областей СССР и «Атласа русских говоров центральных областей к западу от Москвы», что заставляет нас считаться с различиями в системе транскрипции, представленной в материалах этих Атласов. Собиратели материалов пользовались разными знаками транскрипции для обозначения гласных 1-го и 2-го предударного слогов. Знак /α/, употребляемый в Атласе I, может соответствовать на территории Атласа V как знаку /а/, так и знаку /ъ/ для 2-го предударного слога. Таким образом, мы условно сравниваем между собой два предполагаемых варианта звуков: более передний и низкий /а/ и менее передний и низкий /ъ, ы/.

Следует считаться также с тем, что по данным Атласа V чаще отмечается сосуществование вариантов /а/ и /ъ/ при преобладании /ъ/. Значительно выделяются в данном Атласе примеры с приставкой *по*, даже в тех говорах, в которых вариант /а/ во 2-м предударном слоге имеет широкое распространение, произносятся последовательно с /ъ/ или /у/. Ср. отведение от картографирования примеров с предлогом-приставкой *под* в Атласе белорусского языка (карта 8, стр. 333), так как в этом случае в ряде говоров возможно иное звучание гласного, чем в других словах: «*палави́на* але *пудакнóм*».

[31] Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963, карта 8, стр. 333.

торов морфологии или синтаксиса гласный в заударном неконечном слоге, в котором наиболее непосредственно отражены собственно фонетические отношения. Вместе с тем именно в неконечных слогах гласные более всего подвержены изменению и связаны с системой безударного вокализма в целом.

Для определенной части новгородских говоров наиболее характерно произношение в неконечных слогах после твердых согласных различающихся гласных /о/ и /а/, лишь несколько ослабленных в соответствии с положением по отношению к ударению; см. наличие такого произношения в пределах достаточно определенно очерченного массива вокруг озера Ильмень с прилежащими к нему территориями. Это говоры с так называемым полным оканьем (см. карту 118).

Лишь в четырех нас. п. в пределах данного ареала отмечены наряду с различением также и элементы неразличения, выражающиеся в звучании /а/ или /ъ/ в соответствии *о*. Во всех этих говорах элементы неразличения отмечаются только в конечных заударных слогах, открытых или закрытых, тогда как слог неконечный оказывается наиболее устойчивым. Это нас. п. I — 18, 108, 111, 140. По окраине данного массива отмечаются говоры, в которых при полном оканье элементы неразличения отмечаются в любом заударном слоге. В этих говорах в соответствии *о* фиксируются звуки /о/ и /а/, отражающие сосуществование систем различения и неразличения (I — 17, 109, 112, 113, 114, 120, 122, 123, 124, 135, 141, 145, 152, 261), или отмечается звучание /ы/ в соответствии *о*, причем такое звучание наблюдается только в конечном слоге (I — 115, 149, 209, 265).

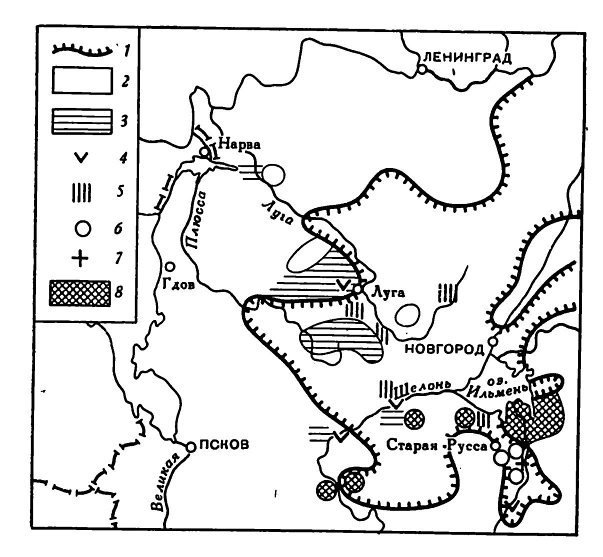
Здесь же на окраине Новгородского массива выделяются говоры, в которых преимущественно (кроме нас. п. I — 121) наблюдается преобладание системы различения небезразличное к характеру заударного слога, а именно:

1. Неконечный слог отличается от конечного наличием элементов неразличения (I — 121, 137, 138, 143, 148, 171), в одних говорах (I — 121, 171) при наличии /ы/ в соответствии *о*, а в других при наличии /а/.

2. Более редки говоры, где элементы неразличения отмечаются только в конечном открытом слоге (I — 252, 253, 258) или только в конечном закрытом слоге (I — 256).

3. Элементы различения отмечаются только в конечном закрытом слоге (I — 153, 167, 212, 214); только в конечном открытом слоге (I — 164).

4. Полное и последовательное неразличение при произношении /ъ/ во всех заударных слогах (I — 170); при произношении /а/ в конечном открытом слоге, но /ъ/ в неконечном и конечном закрытых слогах (I — 169, 172, 173).

Карта 118

Вокализм заударных слогов после твердых согласных в новгородских говорах:

1 — различение гласных в заударном положении; *2* — наличие элементов неразличения в заударном конечном слоге (открытом и закрытом); *3* — наличие элементов неразличения в любом заударном слоге; *4* — наличие звука /ы/ в соответствии *о* в конечном закрытом слоге; *5* — наличие элементов неразличения только в неконечном заударном слоге; *6* — наличие элементов неразличения только в конечном открытом слоге; *7* — наличие элементов неразличения только в конечном закрытом слоге; *8* — распространение неразличения гласных в заударных слогах как единственной или преобладающей системы

За пределами Новгородского ареала говоры, в которых фиксируется различение гласных *о* и *а* в заударных слогах, единичны и преимущественно отмечены в пределах гдовских говоров, отличаясь тем, что среди них нет ни одного, в котором система различения была бы зафиксирована в чистом виде, без отклонений, во всех заударных слогах, как это было отмечено в новгородских говорах.

Таким образом, на территории гдовских говоров отмечается: сосуществование различения и неразличения в нас. п. I — 80[32], 92, 94, 95 и

[32] Следует сказать, что на территории вокруг Чудского озера повторному обследованию подвергались многие говоры: в 1953 г. автором совместно с Л. П. Жуковской, в 1958 и 1959 г. — совместно с Н. В. Подольской. Всего на этой территории имеется материал из более двух десятков нас п., в том числе из нескольких нас. п., подвергшихся ранее обследованию для Атласа, и во всех случаях без исключения была отмечена система неразличения гласных в заударном положении. Не считая возможным отвергать весь материал, собранный на этой территории для Атласа, мы сделаем все же данную оговорку, принимая во внимание, кроме отмеченных выше, также и нас. п. 80 и 94.

97 при преобладании различения; в нас. п. I — 20, 21, 78, 85 и 89 — без преобладания того или другого; в нас. п. I — 1, 4, 19, 22, 23, 87, 90 — при преобладании неразличения (в нас. п. I — 80 и 94 отмечены элементы неразличения только в неконечном слоге слова, а в I — 95 — только в конечном закрытом слоге). Собственно говоря, во всех этих нас. п. при большом количестве примеров неразличения зафиксировано по 1—2 примера, отражающих различение (см. карту 119).

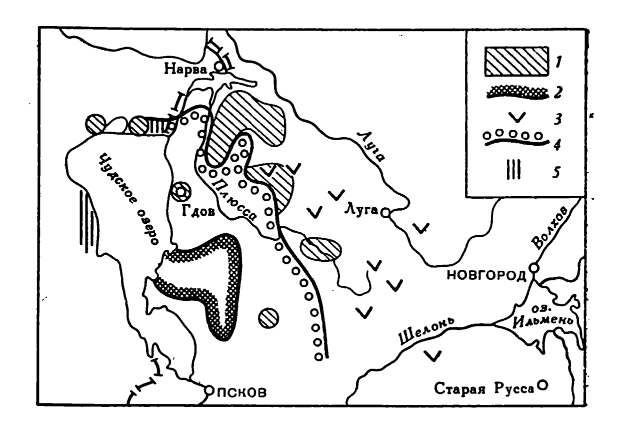
Среди говоров, характеризующихся наличием различения *о* и *а* (при неразличении) в заударном положении, встречаются такие, в которых наблюдатели фиксируют звуки переходного характера в соответствии *о* в неконечном заударном слоге (*а*° или *ŏ*, *ъ*° . . .), см., например, 87, 89. Такие говоры как бы отражают движение системы заударного вокализма в направлении к неразличению; почти все они расположены в полосе, пограничной между новгородским и гдовским массивами (см. также указанные выше нас. п. новг. массива 113, 114, 123, 124, 135, 152).

Нам не удалось на приводимых в ответах на «Программу» примерах проследить наличие (или отсутствие) зависимости качества заударного гласного от гласного под ударением.

Последовательная система неразличения зафиксирована в ряде говоров на территории Гдовской группы при отсутствии различия в качестве звучащего гласного от характера заударного слога (I — 2, 3, 96, 98 и 99), при отражении большей полновесности конечного открытого слога (I — 5, 6, 74 и 75).

В пределах Псковской группы говоров сосуществование системы различения и неразличения отмечают очень редко (I — 183, 197, 206, 207, 210). Ср. и данные V — 120, где элементы различения в виде обозначения /ъ°/ в соответствии *о* фиксируются наблюдателями только в конечных слогах — закрытых или открытых.

Интересны и данные I — 207, которые, возможно, отражают существование определенной зависимости гласного заударного слога от качества гласного в слоге под ударением; ср. в положении после ударенного *а* /*да ста́расти*, *йа́гады*, *ла́стацка*, *мра́марный*, *буха́нацку*, *вуцча́ствавал*, *пра́знавали*, *т'а́главайа*, *ка́рташнайа*/; после *е* — /*д'е́тацка*, *з'е́мскава*, *п'е́рвайа*/; после *и́* /*и́згарат'*, *ср'емантúравана*, *вы́лыманы*, *ру́скава*/; но в положении при ударенном *о* в заударном слоге также преобладает /*о*/: *ро́зоцка*, *зайцо́ноцек*, *по́толок*, *д'о́шово*, *в го́ръд'е*, *го́ланны*, *мо́крава*/. Подобная зависимость была отмечена и Л. И. Царевой, хотя характеризуемая ею закономерность касается

Карта 119

Вокализм заударных слогов после твердых согласных в говорах Гдовской группы:

1 — сосуществование систем различения и неразличения гласных при преобладании различения; *2* — сосуществование систем различения и неразличения гласных как равноправных или с преобладанием неразличения; *3* — наличие звуков переходного характера в неконечном слоге; *4* — распространение системы неразличения; *5* — то же при большей полновесности гласного в конечном открытом слоге

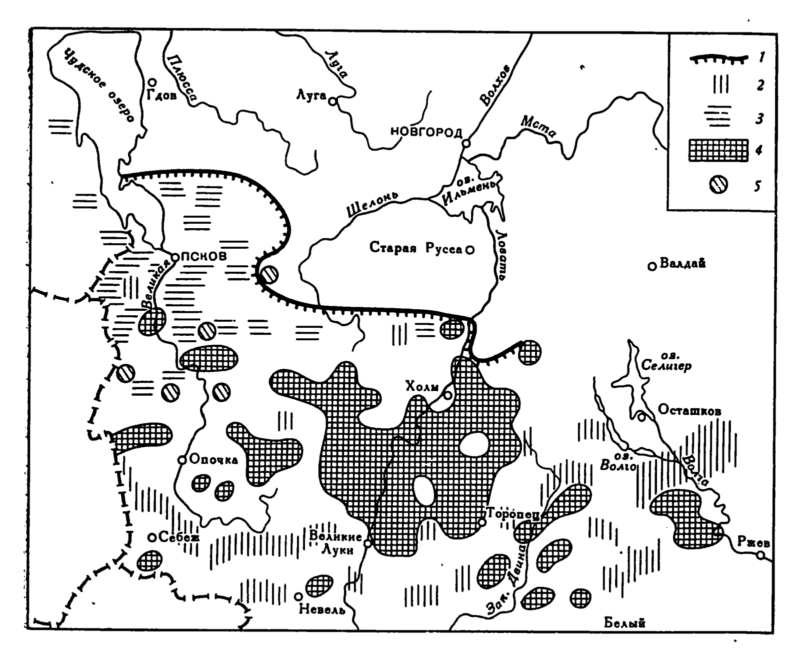
качества гласного, выступающего как общий вариант для *о* и *а* при системе неразличения (см. ниже).

Основная масса псковских говоров характеризуется системой неразличения гласных в заударном слоге, причем могут быть выделены некоторые структурные разновидности системы неразличения, отличающиеся качеством гласного, выступающего в качестве общего варианта для *о* и *а* в заударном положении.

1. Наиболее часто отмечается система неразличения, при которой совпадение *о* и *а* в заударном положении не зависит от характера заударного слога, неконечного, конечного закрытого и конечного открытого. По материалам Атласа более краткое /*а*/ обозначается то /*α*/, то /*а*/; оба эти написания при анализе мы принимаем за обозначение одного и того же звука и не расчленяем [33]. Эти звуки более полного образования противопоставляем звуку, обозначаемому знаком /*ъ*/ (см. карту 120).

2. В некоторых говорах наличие /*а*/ или /*ъ*, *ы*/ отмечается в зависимости от характера заударного слога: наиболее полновесный гласный чаще всего отмечается в заударном открытом слоге, т. е. при фиксировании вариантов

[33] Подобные различия в обозначении обусловлены тем, какая система транскрипции была принята в диалектологическом центре, собиравшем материал.

Карта 120

Вокализм заударных слогов после твердых согласных в говорах Псковской группы:

1 — система неразличения в заударных слогах; *2* — отмечены звуки типа /ъ/ (преимущественно или исключительно); *3* — отмечены звуки типа /а/ или /α/; *4* — отмечена полновесность гласного в конечном заударном открытом слоге; *5* — отмечено сосуществование систем различения и неразличения

/а/ и /ъ/, последний не отмечается в заударном конечном открытом слоге.

3. Значительно реже встречаются говоры, отражающие наличие иных соотношений между гласными в различных заударных слогах, при системе неразличения в целом, например такие, где в конечном закрытом слоге отмечается только вариант /ъ/, тогда как в других заударных слогах только /а, (α)/ или /а (α)/ наряду с /ъ/; в конечных заударных слогах отмечается /ъ/ наряду с /а (α)/, тогда как в других заударных слогах только /а (α)/: I — 186, 244, 260, 264; V — 21, 22, 30, 70, 101, 107, 117, 125, 126. Встречаются и некоторые другие еще более нетипичные отношения гласных заударных слогов.

Как упоминалось, Л. И. Царева наблюдала в юго-западных псковских говорах следующую закономерность: «Обнаруживается следующая зависимость варианта гласного *о* в неконечном заударном слоге от характера ударенного гласного: если под ударением находится гласный нижнего подъема *а*, в заударном слоге появляется преимущественно редуцированный *ы* на месте *о*, при наличии под ударением других гласных заударный *о* чаще всего реализуется в своем варианте, обозначаемом некурсивной буквой а'» — и приводит примеры /*на хýтари, вы́касиш, ф стóрану, з гóладу*/, но /*жáлъвъньe, стáръму, я́блъчка*/.

Проследить наличие такой закономерности по нашим материалам не удалось [34]; ср. лишь крайне неполные данные по нас. п. I — 230: /*кóфтачка, шóлкъвом, зáвърътам, жáркъва, зáвълъсы, крáснава*/.

Б. После мягких согласных. В новгородских говорах с полным оканьем, в том числе и с различением гласных *о* и *а* после твердого согласного в заударном положении, в положении после мягкого согласного преимущественно отмечается частичное неразличение гласных — совпадение гласных *е* и *ё* в одном звуке /*е*/, т. е. система *е — е — а* в заударном положении.

Случаи произношения /'*о*/ в соответствии *е* чаще всего отмечаются в формах им. п. ед. ч. существительных ср. р. типа /*плáт'йо*/, хотя в той же позиции в форме повелительного наклонения глаголов типа /*стóйт'о*/ — /'*о*/ заударное встречается редко (см. I — 144, 147, 150). Так же довольно часты примеры с /'*о*/ в заударном конечном закрытом слоге без видимой связи с грамматической формой, ср. наличие *о* в формах род. п. ед. ч. существительных типа /*дéн'ох*/ или в тв. п. ед. ч. /*плáт'йом*/, а также и в других грамматических категориях, например в форме причастия типа /*кýпл'он*/, спрягаемой форме глаголов типа /*вúд'ом*/.

Гласный в соответствии этимологическому *а*, как правило, сохраняется без изменений, лишь единичными являются случаи /*зáйец*/ (I — 125), /*мéсиц*/ (I — 134); /*вы́тену, зáйец, мéсец*/, но /*к сарáйам, к йáблан'ам*/ (I — 146).

Аналогичное положение наблюдается и на окраине массива говоров с полным оканьем, где, однако, этимологическое *а* довольно часто совпадает в одном звучании с *е*, хотя и параллельно с сохранением звучания /'*а*/ без изменений. Так, например, /*мéсиц, посéины, д'éсит', н'éвз'али, стáв'ат, спрóс'ат, схóд'ат, хóд'ат*/ (I—113); /*зáиц, м'éсиц, вы́т'ану, к сарáйам*,

[34] В единичных нас. п. можно наблюдать следы зависимости заударного гласного в конечном открытом слоге слова как после твердых, так и после мягких согласных от качества гласного под ударением. Об этом см. ниже, в разделе Б.

к йáблон'ам, кáпл'ам, за сарáими, йáблон'ами/ (I — 149); или только */вы́т'ену, зáйец, м'éс'ец/* и т. д. (I — 124), */вы́т'ену, м'éсиц, к сарáим, к йáблън'ьм, за сарáим, йáблън'ьм* (I — 141).

На юго-восточной окраине новгородских говоров, где также отмечается сосуществование различения и неразличения после твердых согласных та же система отмечается и после мягких; примеры сохранения /'о/ совершенно единичны: */учи́тел'ом/* (I — 258) */óз'оро/* (I — 256). Этимологическое *а* при этом часто остается без изменений, особенно последовательно такое сохранение в данных говорах отмечается в формах дат. — тв. п. мн. ч. существительных: */вы́тину, зáйиц, м'éсиц, к сарáйам, к йáблон'ам, кáпл'ам, засарáйам, йáблон'ам/* (I — 258); */вы́тину, зáиц, м'éс'иц, м'éс'ац, к сарáйам, к йáблон'ам, за йáблон'ам, кáпл'ам, за сарáйам* (I — 256); *вы́тину, зáиц, м'éсиц, к сарáйам, к йáблон'ам, кáпл'ам, за сарáйам, за йáблон'ам* (I — 252). В нас. п. I — 253 параллельно во всех приведенных примерах фиксируется звучание /а/ и /и/: */вы́т'ану/* и */вы́т'ину/*, */зáйац/* и */зáйиц/*, */м'éс'ац/* и */м'éс'иц/*, */к сарáйам/* и */к сарáйим/* и т. д.

На территории Гдовского массива говоры, в которых система различения после твердых согласных преобладает над системой неразличения или они сосуществуют как равноправные, очень немногочисленны. Среди них в положении после мягкого согласного сохранение /'о/ в соответствии *е* отмечено преимущественно в существительных и прилагательных среднего рода типа */пóл'о/*, */какóйо/* и лишь в одном пункте отмечено */дáйт'о/* (I — 89).

В этих же нас. п. этимологическое *'а* после мягкого согласного сохраняет свое звучание главным образом в формах косв. п. существительных типа */за сарáйам, йáблан'ам/* (I — 85, 95) при неразличении в других случаях */зáиц, м'éсиц, д'éсит', д'éвит'/* и т. п. Единично отмечено */с'éйат'/* (I — 89) */вы́т'ану/* (I — 85). В нескольких нас. п., в которых после твердого согласного система неразличения явно преобладает, фиксируются также примеры сохранения /'о/ в заударных слогах после мягкого согласного, опять-таки в подавляющем большинстве случаев в формах существительных и прилагательных ср. р.; лишь единично отмечено */у́л'йоф/* (I — 19); */давáйт'о, сложы́т'о/* (I — 22); */Пи́т'ор, давáйт'о/* (I — 23).

При системе неразличения *а* и *о* после твердых согласных, характеризующей Псковский массив говоров, в положении после мягкого согласного обращает на себя внимание большое разнообразие в обозначении звуковых воплощений фонем в заударных слогах. Считаясь с тем, что в подобных обозначениях возможна субъективность наблюдателей, отметим все же, что при обозначении звуков наиболее низких по подъему, в транскрипции употребляются знаки: /*а*, *а*^{ъ}, ӿ, *ъ*/; при передаче звуков среднего подъема: /*е*, ε, *е*^{и}, ε^{и}, *е*/; при передаче звуков наиболее верхнего подъема: /*и*, *и*^{е}, *и*^{э}, *ь*, *ь*^{е}, *ĕ*/.

В связи с тем что вопрос о наличии или отсутствии каких-либо закономерностей в употреблении того или другого оттенка звука в тех или иных условиях очень сложен и едва ли разрешим до конца, ограничимся для данной категории говоров только самыми общими наблюдениями.

1. В тех говорах, где после твердого согласного наблюдатели фиксируют только звучание /*ъ*/, после мягких согласных обычно наблюдается звучание /*ь*, *ь*^{е}, *е*/, но вместе с ними также и звуки как нижнего, так и верхнего подъемов. При этом в положении после мягкого согласного сохраняется, по-видимому, такая закономерность: заударный неконечный слог является наиболее коротким по силе из всех заударных слогов, на втором месте заударный конечный закрытый и, наконец, открытый. В нас. п. V — 24, 45, 47, 53, 54, 85, 95, 103, 109 в заударном неконечном и конечном закрытом слогах фиксируется наблюдателями только /*ь*/.

Другой тип отношений, также в говорах с /*ъ*/ после твердого согласного, характеризуется наличием в них после мягких согласных звука пониженного подъема (типа /'*а*/), причем преимущественно в формах им.—вин. п. существительных среднего рода при наличии звуков типа /*ь*, *и*/ в других категориях, см. V — 9, 20, 26, 28, 48, 51, 78, 80, 94, 108, 136, 137, хотя в некотором количестве ответов наличие более открытого звука нижнего подъема в заударном конечном открытом слоге отмечается наряду с формами существительных ср. р. также и в формах повелительного наклонения глаголов (см. V — 129, 132, 141).

В нас. п. V — 15, 121 и 147 с гласным /'*а*/ отмечены только формы повелительного наклонения глаголов при /*ь*/ или /*и*/ во всех других положениях и формах.

Ряд ответов содержит так мало материала, что невозможно судить о наличии или отсутствии какой-либо связи между качеством заударного гласного и характером грамматической категории. Таковы V — 13, 16, 31, 40, 43, 44, 46, 49, 50, 67, 75.

2. При наличии в системе говора после твердого согласного сосуществования /*а*/ и /*ъ*/, при котором звучание /*ъ*/ фиксируется только в неконечном слоге слова, после мягких согласных в подавляющем большинстве говоров

отмечается /*и*, *ь*, *е*/ в неконечных и конечных закрытых слогах, а наряду с этими звучаниями так же и /*а*, (*α*)/, или /*ъ*/. Только в двух нас. п. V — 41 и 143 во всех заударных слогах после мягкого согласного отмечаются только звуки /*и*, *ь*, *е*/, а в остальных ответах выступают или также варианты звуков нижнего подъема типа /*а*/ (и независимо от характера слога), или при наличии звука /*а*/ в заударном конечном открытом слоге он прежде всего отмечается в формах существительных среднего рода, а затем по частотности — в формах повелительного наклонения глаголов.

Этимологическое *а* в говорах Псковской группы с неразличением гласных после твердого согласного имеет некоторые особенности реализации в заударном слоге после мягкого согласного.

В одних говорах, с отсутствием звуков пониженного образования в соответствии *е*, такого характера звуки в ряде случаев отмечаются в соответствии этимологическому *а*, преимущественно в формах дат.—тв. п. мн. ч. существительных типа *к сара́йам*, *пъ ка́пл'ъм*.

В других говорах, где звуки типа /*а*, *ъ*/ отмечаются после мягкого согласного в заударном слоге и в соответствии *е*, те же варианты звуков отмечаются и в соответствии *а*, причем зависимость того или другого варианта звука от грамматической категории не прослеживается по приводимым в ответах примерам.

3. Особого внимания заслуживают говоры, в которых в соответствии *е* в заударном положении в позиции открытого слога и в определенной зависимости от грамматической категории звучит /*'о*/.

Такие говоры разбросаны по всей территории западных ср.-р. говоров. Однако если на территории гдовских или новгородских говоров звучание /*'о*/ в этих категориях сочетается с элементами различения гласных в других безударных слогах [35], то в пределах Псковских говоров их положение существенным образом отличается.

На территории Псковской группы немногочисленные говоры, в которых отмечены факты этого рода, характеризуются системой заударного вокализма, при которой в нескольких нас. п. отмечаются также и примеры сохранения этимологического *а*. Таковы V — 4, 11, 14, 29, 37 и 79. В нас. п. V — 11, 14, 37 примеры с заударным /*о*/ (наряду с /*ъ*/ и /*а*/) отмечаются как после твердых, так и после мягких согласных: /*ле́то*, *на́до*, *н'амно́го*, *вку́сно*; *ви́шън'йо*/ (V — 11); /*н'амно́шко*, *жы́то*, *мно́го*/; /*пла́т'йо*, *б'аре́м'о*/ (V — 14); /*до́бръго*, *пло́хо*, *п'а́тьро*, *т'о́пло*, *ма́ло*, *пр'а́мо*, *хо́лонно*, *вле́во*, *ло́ўко*, *бало́то*, *н'ада́ўно*, *жы́то*, *талко́во*, *т'о́пло*, *слуц'а́йно*; *по́л'о*, *го́р'о*, *въскрисе́н'йо*, *ста́райо*/ (V — 37); /*де́ло*, *бы́ло*, *мно́го*, *на́до*, *ли́хо*, *си́л'но*, *прекра́сно*, *то́шно*, *згаре́ло*, *папла́кано*, *ве́рно*, *жа́лко*, *ху́до*, *ц'ча́сто*, *н'амно́го*/; (V — 29); /*н'а ско́ро*/; (V — 79).

В цитированной выше работе Л. И. Царевой описанным явлениям заударного вокализма придается особое значение. Они признаются свидетельством севернорусской новгородской основы псковских ср.-р. говоров. Однако, как мы уже говорили, среди новгородских говоров, отражающих в той или иной мере отход от системы различения гласных в заударном положении, не возникает подобных закономерностей. Очевидно, что псковская система с наличием различения только в заударном конечном слоге, если и является отражением северной основы, то никак нельзя утверждать по этим примерам, что эта основа именно новгородская. Во всяком случае с выводом Л. И. Царевой: «Наличие *о* и ёканье в заударных открытых слогах всего естественнее объяснить как сохранение здесь без изменения северновеликорусской новгородской основы этих говоров. Положение этих форм в конце фразы, в определенных морфологических категориях охраняло их от влияния аканья и яканья» [36] — нельзя полностью согласиться.

На основании сохранения /*о*/ в заударных конечных открытых слогах Л. И. Царева делает и другой вывод: «Сохранение заударного *о*, *е*, *ё* в юго-западных псковских говорах и появление здесь, хотя и в незначительном количестве, форм акающих и якающих позволяет говорить о том, что проникновение аканья в исследуемый говор — явление позднее, еще не закончившее своего действия» (там же, стр. 72), — который также нуждается в дополнительном обосновании в связи со сказанным выше.

Анализ материала заударного положения в целом показывает следующее: во всех приведенных материалах нет ни одного случая сохранения различения гласных после твердых или после мягких согласных в какой-либо другой категории, кроме форм среднего рода. Нет их и в фонетически аналогичных слу-

---

[35] Вместе с тем среди гдовских и новгородских говоров сравнительно редки говоры, где заударное *о* отмечалось бы только после твердого согласного в словах типа (*ста́до*).

[36] Указ. соч., стр. 71—72.

чаях — в формах повелительного наклонения глаголов. Таким образом, видеть в грамматически ограниченном звучании /'о/ проявление отношений чисто фонетических и делать на этом основании выводы о непосредственной связи данных говоров с говорами новгородскими, как кажется, нет достаточных оснований. Кроме того, в некоторых юго-западных псковских говорах, учитывая, конечно, подчас случайный характер приводимого материала, все же можно увидеть намеки на отражение связи между звучанием заударного /о/ или «не о» и качеством гласного под ударением (следует при этом иметь в виду, что влияние со стороны грамматической категории, безусловно, мешает проявлению такой закономерности, если она и есть в системе, поэтому для более определенных утверждений нужен как более обильный, так и более разнообразный материал).

Выше мы старались показать наиболее существенную особенность вокализма, объединяющую гдовские и псковские говоры и противопоставляющую их вместе говорам новгородским. Эта особенность заключается в подчинении системы безударного вокализма не только характеру этимологии гласного, но и подъему гласного в слоге под ударением. Это прослеживалось как на материале предударного, так и 2-го предударного слогов. Вместе с тем на возможность зависимости качества предударного гласного от характера гласного под ударением для юго-западных псковских говоров обращала внимание и Л. И. Царева в указанной выше работе (отмечая такую зависимость и для заударного неконечного слога после твердых согласных, чего нам не удалось сделать из-за недостаточного количества материала). В связи с этим особенно интересен, хотя и очень небольшой, материал, позволяющий отметить закономерность, подобную описанной выше для других безударных слогов, — для положения в заударном конечном открытом слоге как после твердых, так и после мягких согласных: ср. в нас. п. V—38 после твердого согласного: /*гари́сто, жалёзо, мале́н'ко, ме́сто, нарбо́шно, тёсто, скбръ, д'ашбвъ*/; но: /*ла́нна, ну́жна, жа́рка, бува́ла, хвати́лъ, канёшна*/; после мягкого согласного: /*здарбв'йо, пълажён'йо, събра́н'йе, ш'иты́р'а, пацы́шша, пахýжа, ържани́шша*/ в нас. п. V—42 после твердого согласного: /*прбсто, дблго, мнбго, т'бпло, далёко, шырбко, дал'бкъ; жа́лко, ла́нна, ви́нна, вёсълъ*/, после мягкого согласного: /*в'архбв'йо, въскр'асён'йо, слёт'йо, в'асёл'йо, зъйавлён'йо, нъказа́н'йо, пълатёнцо, л'агбше, бóл'ше, пъдарбже, пабóле, зна́йа, лу́чша, ху́жа, ра́н'ша, бóл'шы, чи́шшы, пъд'ашёвли*/.

Как можно видеть из приведенного материала, при ударенных гласных среднего подъема преобладают в заударном открытом слоге варианты /о/ или /е/, тогда как при ударенных гласных верхнего подъема или при ударенном *а* преобладают /а/ или /ъ/, т. е. выявляется та же зависимость произношения гласных, что и при системе гдовского вокализма.

Таким образом, выявляющиеся указания на отражение зависимости заударного гласного (как и гласного предударного) от качества ударенного гласного решительно опровергают возможность видеть в современных псковских говорах следы отражения основы новгородского типа. Современное яканье и сильное аканье сложились в них на основе близкой к современным гдовским говорам.

В пределах псковских говоров выделяется также еще одна категория говоров. Это говоры, в которых наблюдается в заударных слогах в соответствии *о* звучание /у/ [37].

В нас. п. I — 205, 206, 227, 228 и V—27 звучание /у/ отмечается только в конечном закрытом слоге слова:/*дис'а́тук, бóруф*/ (I — 205); /*палушу́бук, вóткуй, хр'а́пуй, с жóнкуй*/ (I — 206); /*га́лук, ётут, з гóрук, падзадёлук* (I — 227); /*дис'а́тук, бра́цуум*/ (I — 228); /*Ни́нкуй, с н'авёскуй, в э́туй, т'ал'бнъ^{у}к, дётъ^{у}к*/ (V — 27).

В нас. п. I — 224 звучание /у/ в соответствии заударному *о* отмечено и в неконечном и в конечном закрытом слоге: /*бóрува, н'ёскул'ка, сёмуцком; дайа́ркуй, с ма́муй, ма́слум, байа́рук, м'бдум, сбро^{у}к*/; в нас. п. I — 207 и V—8 звучание /у/ отмечается в любом заударном слоге: /*к гóръ^{у}ду; с лу́кум; мнбгу, плбху, рётку, ли́ху, т'бмну, малён'ку, в бзиру, з'ёркълу*/ (V — 8); *хвóрустом, кóлус, жалу́дук, в'ёцурум, с клётук, вýтрум; мнбгу, ху́ду, дблгу*/ (I—207). Кстати сказать, сильно лабиализованный гласный в заударном конечном закрытом слоге слова отмечается в этом нас. п. и после мягкого согласного /'*д'ён'ух*/.

---

[37] В ряде нас. п. на территории Атласа русских народных говоров северо-западных областей СССР и особенно в пределах гдовского массива говоров встречается знак транскрипции ô, принятый в соответствии с инструкцией по собиранию материалов для Диалектологического атласа русского языка (1946 г.) для обозначения звука *о* закрытого, с более высокой степенью лабиализации, иногда звучащего близко к /у/. Однако, судя по встречающимся в материалах, объяснениям употребляемых знаков транскрипции, этот же знак применялся некоторыми собирателями для обозначения звука более краткого. В соответствии с таким употреблением ^ нередко в материалах встречаются знаки â, ê̂, â и т. п. Употребление таких знаков не позволяет считать знак ô, при отсутствии специального объяснения его содержания, обозначением закрытого характера *о*.

Таким образом все нас. п. с /у/ в заударном слоге слова отмечены в пределах псковских говоров. Подобного произношения не зафиксировано ни в гдовских, ни в новгородских говорах, хотя в предударном положении в гдовских говорах нередко отмечается звучание /у/ в определенных фонетических условиях. По характерной для него сфере распространения звучание /у/ в заударных слогах не может быть признано явлением морфологическим, как это имеет место на других территориях русских говоров, так как оно отмечено не только в окончаниях, но и в основе слова и не ограничено одной какой-либо морфологической категорией.

Звучание /у/ в заударных слогах отмечается в говорах с системой неразличения гласных в безударном положении. Только в одном нас. п. 207[38] отмечены элементы такой системы, при которой после мягкого согласного в соответствии *е* и *ê* звучит /е/, а в соответствии *а* — /а/. Следует также отметить своеобразие данного явления по сравнению с белорусским языком: звучание /у/ в заударном положении отмечено там в нескольких нас. п. на крайнем юго-западе территории белорусского языка [39], где данное звучание отмечается в заударном неконечном слоге. В комментариях к карте 13 упомянуты также четыре нас. п., в которых отмечается /у/ в конечном закрытом слоге слова [40]. Эти пункты близки по территории к западным ср.-р. говорам, хотя и не примыкают к ним непосредственно. Кроме того, важно, что во всех говорах белорусского языка наличие /у/ в заударном положении сочетается с системой различения гласных (кроме нас. п. 593 и 894). Таким образом, в основном в белорусском языке представлены иные отношения, чем в описанных псковских говорах.

---

[38] Материал собран А. И. Лебедевой в 1947 г.

[39] Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963, карта 12.

[40] См. комментарии к карте 13 того же Атласа.

Глава четвертая

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ЗАПАДНЫХ СРЕДНЕРУССКИХ ГОВОРОВ

§ 1. Общая характеристика процессов, подготовивших выделение западных среднерусских говоров

Обзор изоглосс показал те основания, по которым на северо-западе современной территории распространения русского языка может быть выделен массив говоров, отвечающих понятию среднерусских, принятому в данной работе. Здесь расположены говоры, на территории которых сочетаются изоглоссы явлений различной локализации: северной и южной, северо-западной и юго-западной, а также собственно западной. Ареалы этих явлений в разной степени охватывают территорию западных ср.-р. говоров; одни распространены на ней целиком и тогда наблюдается полное совмещение противоположных по местоположению ареалов; другие охватывают только отдельные части территории этих говоров, однако и те и другие случаи характеризуют развитие этих говоров в сфере сложного и активного междиалектного взаимодействия, по-разному протекавшего на разных частях этой территории в разные исторические периоды.

В «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе» говоры, объединяемые в настоящее время как западные ср.-р. говоры, были отнесены к различным категориям диалектных объединений. Часть этих говоров была включена в состав северновеликорусского наречия в качестве его Западной, или Новгородской группы [41], в основном соответствующей тем говорам, которые мы рассматриваем как новгородские в составе западных среднерусских говоров, другая часть говоров, по терминологии «Опыта» — переходные средневеликорусские говоры с северновеликорусской основой и белорусским наслоением [42] соответствует, согласно принятому в данной работе членению, Псковской группе западных ср.-р. говоров. И, наконец, в пределах той части северновеликорусских говоров, расположенных на территории бывших Гдовского и Лужского уездов Петроградской губернии, для которых авторы «Опыта» отмечали намечающуюся переходность [43], нами выделена по наличию в говорах данной территории определенного языкового комплекса Гдовская группа говоров. Напомним при этом, что в «Опыте» намечающуюся переходность устанавливали при наличии частичной утраты оканья, но такой, которая «является закономерной, захватывающей все случаи известной категории». В указанных говорах крайнего северо-запада (Гдовская группа), по наблюдениям Н. Н. Соколова, отмечалось яканье (*вясна́*, *дяла́*, *сяла́*, *гнязда́*) при сохранении безударного *о* после твердых согласных (*вода́*).

Исторически основная часть современных западных ср.-р. говоров связана преемственным развитием с диалектами Новгородской и Псковской земель феодального периода. Причем, что касается новгородского диалекта, то западные ср.-р. говоры расположены на той части территории его распространения, которая была для него наиболее древней и центральной, так как судьба этого же диалекта на других, более восточных территориях была глубоко своеобразной и дала основу для развития других диалектных объединений.

Оказывается, что соединение в языковых комплексах тех групп, которые мы выделяем как Гдовскую и Псковскую, разнодиалектных черт было указано и в «Опыте». Кроме того, в последующих работах Н. Н. Дурново (один из авторов «Опыта») указывал на особое положение также и говоров Западной (Новгородской) группы среди других групп северного наречия, подчеркивая наличие того большого влияния других диалектных групп, которое сказалось на состоянии строя этих говоров. Так,

---

[41] «Опыт», стр. 22.
[42] Там же, стр. 36.
[43] Там же, стр. 45.

он писал: «В говорах Новгородской группы некоторые черты, как утрата цоканья, отсутствие *е* из *а* между мягкими под ударением и т. п., могли явиться также под влиянием говоров Ярославской группы или Московского говора. Черты, отличающие нынешние западные новгородские говоры от говоров С (под говорами С Н. Н. Дурново имеет в виду Северную группу северновеликорусского наречия. — *Т. С.*) не были известны новгородскому говору до XVI в.[44]

По ряду причин мы оставляем в стороне вопрос об истории формирования селигеро-торжковских говоров. Начиная с раннего периода существования носителей этих говоров их история была неоднородной, поскольку часть данной территории входила в состав Новгородской земли, находясь на ее окраине и занимая промежуточное положение между Смоленским и Новгородским княжествами. В дальнейшем, опять-таки не полностью, данная территория входила в состав Великого княжества Литовского (торжковские говоры). Особый характер имело и последующее взаимодействие этих говоров с формировавшимися к востоку от них восточными среднерусскими говорами.

Языковые особенности новгородских и псковских говоров изучались рядом ученых как на материале памятников письменности, так и на материале живых говоров. Результаты этого изучения обобщены в значительной степени в работе Р. И. Аванесова[45]. Он отмечает для периода XII—XIII вв. пять следующих диалектных зон: Новгородскую, Псковскую, Смоленскую, Ростово-Суздальскую и «акающего диалекта верхнего и среднего Поочья и междуречья Оки и Сейма».

Таким образом, древнепсковская диалектная зона отличается от соседних Новгородской и Смоленской наличием двух последних черт: наличием *кл*, *гл* и шепелявого произношения свистящих согласных вместе с меной свистящих и шипящих (см. таблицу 16).

В связи с тем что вопрос о состоянии системы новгородского диалекта XII—XIII вв. рассмотрен выше (см. II, 7, § 2), остановимся здесь более детально на особенностях псковского диалекта и на положении его носителей на более ранних этапах их истории.

Последней по времени работой, содержащей характеристику наряду с древненовгородским

Таблица 16

Новгородская	Псковская	Смоленская
1. *г* взрывное	*г* взрывное	*г* взрывное
2. *w*	*w*	*w*
3. цоканье	цоканье	цоканье
4. оканье	оканье	оканье
5. *ê* = *и͡е*	Различно по говорам: *ě* = *ê*, *ě* = *е*	*ě* = *е*
6. различение *о* и *ô* (*у͡о*)	?	неразличение *о* и *ô* (*у͡о*)
7. —	*кл*, *гл* на месте общеслав. *dl*, *tl*	—
8. —	шепелявость мягких свистящих и мена свистящих и шипящих согласных	—

также и древнепсковского диалекта, является работа К. В. Горшковой[46].

Подчеркивая общность этих двух диалектов в отношении решающих сторон языкового строя, К. В. Горшкова указывает, что древнепсковский диалект XI—XII вв. отличался от древненовгородского отсутствием противопоставления /*с*/ — /*ш*'/; /*з*/ — /*ж*'/, что широко отражается в памятниках XIV в. в виде смешения букв *с* и *ш*, *з* и *ж*. При наличии мягкого цоканья и /*с*″/, /*з*″/ в системе фонем древнепсковского диалекта отсутствовала оппозиция с ДП «дентальность — альвеолярность». Исключалась и возможность существования пары /*с*/ — /*с*'/, /*з*/ — /*з*'/. Имел древнепсковский диалект и отличия лексикофонологического характера — наличие *кл*, *гл* в немногих словах в соответствии праславянским *tl*, *dl*. Сравнивая состояние ростово-суздальского, новгородского и псковского диалектов, К. В. Горшкова делает следующий синхронный срез для рубежа XIV—XV вв. и приходит в целом к заключению, что фонологическая система псковского диалекта близка к новгородской, но вместе с тем подчеркивает, что в псковской системе было еще более ослаблено противопоставление согласных по твердости — мягкости из-за отсутствия пар /*ф*/ — /*ф*'/, /*с*/ — /*с*'/, /*з*/ — /*з*'/, /*р*/ — /*р*'/; имел место еще меньший объем оппозиций по глухости—звонкости (/*с*″, *з*″/); утрачивалась оппозиция с ДП «дентальность—альвеолярность», а также указывает, что «если относить звуки /*с*″/, /*з*″/ к альвеолярным со-

---

[44] Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка. Brno, 1927, стр. 118.

[45] «Вопросы образования языка великорусской народности». ВЯ. № 5, 1955.

[46] К. В. Горшкова. Очерки исторической диалектологии северной Руси (по данным исторической фонологии). М., 1968, стр. 74—75.

гласным, то следует считать, что в древнепсковском диалекте отсутствовали пары по «взрывности—фрикативности» /т'/ — /с'/, /д'/ — /з'/, а согласные /т'/, /д'/ отходили к непарным по данному ДП согласным» (стр. 169—170).

Состав гласных древнепсковского диалекта различен: для акающих говоров — только *е*, *о*; для окающих — как в новгородском диалекте, т. е. для первых — пятифонемный состав гласных, для вторых — семифонемный.

Материал, полученный в результате подготовки и составления диалектологических атласов, позволивший провести сопоставительный анализ ряда явлений на широкой территории, может служить основанием для выяснения более полной картины истории формирования как отдельных диалектных образований (групп говоров), так и в целом комплекса западных ср.-р. говоров.

Соответствующее пополнение круга черт, характерных для новгородского диалекта XIV—XV вв. дается выше (см. II, 7, § 2), а нами будет дано ниже по отношению к псковскому диалекту при более детальном рассмотрении истории образования Гдовской и Псковской групп говоров.

Остановимся на некоторых процессах, в равной мере существенных как для развития новгородского, так и псковского диалектов на пути их превращения в диалектные объединения современного русского языка. Процессы этого рода во многом определялись, с одной стороны, взаимоотношениями между Псковом и Новгородом и взаимоотношениями этих обеих земель с землями, расположенных к югу территорий (см. II, 5), а также тем, как складывались в дальнейшем отношения каждой из этих земель с говорами центральных территорий, в пределах которых первоначально формировалось Великое княжество Московское. Двойственное положение говоров Псковской земли до сих пор находит отражение в расположении изоглосс языковых явлений. На юге псковской территории проходит пучок изоглосс, состоящий из явлений северной локализации, что указывает на развитие этих явлений первоначально в пределах как Псковской, так и Новгородской территорий и на отсутствие их распространения южнее пределов Псковской земли. Однако при этом подобные явления распространялись в дальнейшем на восток вместе с новгородской колонизационной волной. С другой стороны, некоторые языковые факты свидетельствуют о наличии на псковской территории процессов, не распространявшихся на новгородскую территорию и создававших языковое своеобразие псковской языковой области в отличие от новгородской. Общность языковых переживаний в говорах псковской и новгородской территорий, сказывается как в общем сохранении черт, являющихся архаическими по своему характеру, так и черт, представляющих собой инновации. Так, псковские говоры, подобно новгородским, а также и современным говорам северного наречия отражают сохранение в основном ⟨г⟩ взрывного образования с теми же ограниченными возможностями употребления /γ/, как и в других указанных говорах (см. II, 2, § 6). Значительное количество говоров, где отмечено сосуществование /г/ и/ γ/, на западной части территории Псковской группы расположено в сфере активного взаимодействия с говорами южнорусского типа, притом взаимодействия, относящегося к наиболее раннему времени. Об этом свидетельствует почти полное отсутствие элементов произношения /γ/ в говорах по течению р. Ловати и разреженное распространение ареалов /γ/ в направлении к территории его сплошного распространения. Таким образом, произношение /γ/ могло появиться и получить некоторую тенденцию к распространению еще до времени установления границы с Великим княжеством Литовским, которая почти точно совпадает с изоглоссой исключительного распространения /γ/.

К числу явлений-архаизмов, исторически общих древнепсковскому и древненовгородскому диалекту, относилась и система различения безударных гласных в соответствии с их этимологией. Хотя современный вокализм Псковской группы характеризуется неразличением гласных, сравнение псковского вокализма с гдовским позволяет установить последовательные этапы отхода от системы различения к системе неразличения гласных в безударном положении, пережитые этими говорами. Детальный анализ систем вокализма этих говоров (V, 3) показывает, что современное псковское недиссимилятивное аканье и сильное яканье в предударном слоге имеют некоторые особенности, которые позволяют вскрыть, что они сформировались при взаимодействии системы с различением гласных и системы, основанной на диссимилятивном принципе. При этом элементы диссимилятивного принципа обнаруживаются иногда в характере вокализма 2-го предударного или заударного слогов при отсутствии признаков диссимиляции в 1-м предударном слоге. Такое проявление диссимилятивного принципа, с одной стороны, имеет аналогию в системе вокализма говоров Гдовской группы, с другой — не оставляет сомнений в том, что подобные следы диссимилятивной

системы не могут рассматриваться как примеры взаимодействия (с говорами, расположенными к югу от Псковских и характеризующимися последовательным диссимилятивным вокализмом), происходящего в настоящее время. Сопоставляя элементы отклонений от системы сильного яканья и недиссимилятивного аканья отмечаемые в псковских говорах с вокализмом Гдовской группы говоров, можно увидеть, что они имеют между собой много общего. Гдовский вокализм в его современном состоянии характеризуется совмещением принципа различения гласных с принципом неразличения, одновременно с подчинением вокализма диссимилятивному принципу (при ударенных гласных среднего подъема — господствует принцип различения; при ударенных гласных верхнего подъема — неразличения). В зависимости от того, какой принцип господствует при ударенном *а* в гдовских говорах имеют место две системы: гдовская (неразличение) и полновская (различение). Та же зависимость от подъема замечается в элементах диссимилятивного вокализма, которые отмечаются в псковских говорах. Это позволяет сделать предположение, что системе недиссимилятивного аканья и сильного яканья в псковских говорах предшествовал вокализм гдовского или полновского типов. Очень важно, однако, что элементы, позволяющие вскрыть в псковских говорах предшествующую систему вокализма, аналогичную современным говорам Гдовской группы, обнаруживаются только на западной половине территории Псковской группы.

Имеется также возможность считать псковский и новгородский диалекты близкими по судьбе гласных в соответствии *ě*, несмотря на то, что в современных псковских говорах особого произношения гласных в соответствии *ě* не отмечают даже факультативно.

Однако в пользу наличия такого произношения в прошлом свидетельствуют и отмеченные исследователями случаи замены буквы ѣ буквой *и* в некоторых псковских памятниках XV—XVI вв.[47] и отмечаемые, хотя и изредка, факты звучания /*и*/ в соответствии *ě* в современных гдовских говорах, которые, как это вытекает из анализа ряда языковых явлений, обычно отражают более старое состояние псковских говоров, являясь исторически «псковской периферией». Таким образом, звучание /*и*/ в соответствии *ě* в единичных случаях в гдовских говорах сближает их, а через них и Псковские с говорами новгородскими.

Как псковскими, так и новгородскими говорами была пережита такая древняя инновация, как цоканье, хотя современное состояние этого явления различно в западных ср.-р. говорах (см. выше, V, 1,2); см. также специальную монографию В. Г. Орловой по данному вопросу [48].

При рассмотрении вопросов истории формирования западных ср.-р. говоров мы хотели бы подчеркнуть, что примеры мягкого цоканья, отмечаемые в пределах этих говоров, все зафиксированы исключительно на территории западной половины Псковской группы и Гдовской группы говоров. Это может означать, что на псковской территории, как периферийной, лучше сохранялось предшествующее состояние явления, утраченное на центральной новгородской территории. Это подтверждается наличием мягкого цоканья на северо-востоке в местах новгородской колонизации. Не исключается также возможность видеть в элементах мягкого цоканья на западе Псковской группы отражение искони существовавшего различия в системах псковских и новгородских говоров. Таким образом, цоканье в западных ср.-р. говорах одновременно отражает наличие общих процессов преобразования системы аффрикат в древнепсковских и древненовгородских говорах и также некоторые различия между ними.

Можно думать также, что западные ср.-р. говоры в целом одновременно пережили процесс отвердения *-т* в 3-м л. глаголов, который памятники новгородской письменности фиксируют начиная со второй половины XII в. Однако очевидно, что система глагольных окончаний в псковских и новгородских говорах не была одинаковой. В говорах Псковской и Гдовской групп мягкое *-т* в 3 л. сочеталось с наличием форм без *-т* конечного (см. I, 3, § 13), что не было типичным для новгородских говоров. Кроме того, псковские говоры переживали в ходе их последующей истории влияние со стороны говоров более южных территорий, которое привело к распространению по всей территории псковских говоров форм с *т'*, которое, может быть, в них и вторичного происхождения (см. II, 4, § 4). Эти обстоятельства, взятые в их совокупности, объясняют различие систем глагольных окончаний в современных псковских и новгородских говорах, несмотря на то, что процесс отвердения *-т* в 3-м л. сам

[47] Н. Н. Дурново. Очерк истории, стр. 201.

[48] В. Г. Орлова. История аффрикат... Иное значение сохранению случаев /*ц'*/ придается в указанной работе В. Г. Орловой: они рассматриваются как отражение отхода от твердого цоканья (типа чоканья), так как отмечаются, как правило, только в соответствии /*ч'*/.

по себе был для них одинаков и происходил в одно и то же время. Едиными были псковские и новгородские говоры и по развитию инноваций более позднего времени — XIII—XIV вв.; ср. изменение сочетания *бм* > *мм*, совпадение дат. и тв. п. мн. ч. существительных и прилагательных, развивавшиеся в период наибольшего расцвета новгородского княжества. На это указывает наличие названных явлений как в пределах западных ср.-р. говоров, так и в говорах северного наречия в целом.

Общность судьбы псковских и новгородских говоров на протяжении их существования во многом определялась и теми контактами с говорами юго-западных земель, которые были характерны для них на всем протяжении их существования (см. II, 5). При этом явления, отражающие подобные контакты, различны как по времени возникновения и распространения их в пределах современных западных ср.-р. говоров, так и по характеру их распространения в говорах других восточнославянских языков.

Связи с говорами южных территорий находят свое отражение как в явлениях, объединяющих все западные ср.-р. говоры и не образующих пучков изоглосс на их территории, так и в явлениях, охватывающих отдельные части этой территории, определяющих ее членение и образование самостоятельных групп говоров, имеющих достаточно определенные языковые границы. Выше (II, 5) рассмотрен тот круг явлений, которые в общем полностью охватывают всю территорию западных ср.-р. говоров (хотя и с весьма существенными различиями в смысле интенсивности распространения на разных частях их территории). Подобные явления в той или иной степени характерны и для современных говоров северного наречия, а также известны и говорам других восточнославянских языков. Тем самым распространение подобных явлений связывается с периодом, предшествующим времени наиболее интенсивной колонизации новгородцами земель на северо-востоке, в связи с чем они не могут быть оценены, как такие языковые черты, которые сыграли решающую роль в формировании западных ср.-р. говоров в противоположность говорам северного наречия, а лишь в отличие от говоров восточной части южного наречия и восточных ср.-р. говоров.

Определенный интерес для истории говоров северо-запада представляет тот факт, что некоторые явления западно-северного распространения почти полностью отсутствуют или сохраняются лишь реликтово в пределах западных ср.-р. говоров, причем иногда такой перерыв в распространении является более последовательным на восточной половине их территории (восточная часть псковских говоров, селигеро-торжковские и новгородские говоры) и менее последовательным на западной части территории (гдовские, западная часть псковских говоров). Так, например, в пределах Псковской группы западных ср.-р. говоров отмечается отсутствующее на других частях территории произношение /*ы, и*/ и реже /*э, е*/ в соответствии *ў*, *ĭ*, свойственное в настоящее время говорам и белорусского и украинского языков. Это же звучание, хотя и ограниченное только формами прилагательных в рассеянном распространении, отмечается на востоке территории северного наречия и на территории у юго-западного побережья Онежского озера (более детально о данном явлении см. V, 3, § 1).

Такое архаическое по своему характеру явление западно-северного распространения, как употребление /*w*/ перед согласными и на конце слова, свойственно в настоящее время из числа западных ср.-р. говоров только говорам южной части Псковской группы. Однако ряд косвенных данных говорит о том, что в прошлом распространение этой системы было более широким, на это указывают случаи произношения /*х*/, /*хв*/ в соответствии *ф*; /*в*/ в соответствии /*у*/ и наоборот (/*в нас*, *в сестры́*, *удова́*/), отмечаемые с большей или меньшей интенсивностью в пределах всей территории Псковской группы, включая и Гдовскую группу, но отсутствующие на востоке территории западных ср.-р. говоров. Распространение данного явления может служить примером того, как сокращалось ранее более широкое распространение /*w*/ в результате распространения на данной территории употребления системы губно-зубных спирантов: /*в*/ — /*ф*/, /*в*'/ — /*ф*'/ по мере усиления московского влияния. Это влияние охватило в первую очередь центральные территории Новгородской земли и затем уже периферийные западные территории Пскова и Гдова. Южная часть Псковской группы, примыкающая непосредственно к основной территории распространения системы /*w* (*ў*)/, не подвергалась перестройке в отношении системы употребления этих согласных, тогда как Гдовская, наиболее удаленная от обоих источников, переживает процесс перестройки интенсивнее, чем Псковская и не сохраняет уже непосредственно системы /*w* (*ў*)/, хотя в ее говорах и отмечают косвенные следы билабильного /*w*/ в отличие от новгородских говоров.

Произношение долгих мягких зубных согласных в соответствии сочетаниям согласных с /*j*/ — /*свин'н'а́*/ и под. распространено в со-

временных западных ср.-р. говорах в пределах Псковской группы, которая также непосредственно примыкает к основному современному очагу этого явления, охватывающему вместе с говорами белорусского языка западные группы южного наречия. На территории новгородских говоров и говоров Гдовской группы произношение удвоенных согласных отмечается в единичных нас. п., однако о более широком распространении этого явления в прошлом может свидетельствовать наличие ареалов подобного произношения на территории более поздней новгородской колонизации, а также наличие в гдовских и в новгородских говорах примеров произношения согласных без /j/ и без удвоения /*свин'á*/, указывающих на наличие в прошлом произношения удвоенных согласных (см. I, 2, § 4).

Среди западно-северных явлений-инноваций, имеющих указанный перерыв в распространении, можно отметить и совпадающие по месту ударения формы дат. и предл. п. ед. ч. существительных типа грязь: *по грязú* — *в грязú*. Такие формы наиболее распространены на западной части территории южного наречия; в пределах западных ср.-р. говоров их наиболее регулярно отмечают на южной части территории Псковской группы.

Именно описанные случаи перерыва в распространении некоторых явлений западно-северной локализации на территории западных ср.-р. говоров (детальнее о случаях этого рода см. также II, 5) существенно изменили картину былых отношений на территории псковских и новгородских говоров. Наличие этого перерыва согласуется с представлением о наибольшей интенсивности процессов нивелировки в пределах территории центральной части Новгородской земли. Именно в связи с этим западная часть говоров Псковской группы и гдовские говоры сохраняют нередко то состояние явления, которое древние новгородцы имели в период колонизации земель северо-востока и утратили в период усиления влияния Московского государства.

Некоторые явления, связывающие западные ср.-р. говоры с их южными соседями, не имеют широкого распространения по всей территории северного наречия. Они известны только в пределах западной диалектной зоны. Исторически это могло быть обусловлено различными причинами. Возникновение и широкое распространение того или иного явления по территории Псковской и Новгородской земель могло относиться по времени к периоду более позднему, чем тот, когда колонизация северо-востока новгородцами была наиболее успешной. Могло оказаться также, что структурный вариант того или иного явления, ростово-суздальский по происхождению, вытеснял соответствующие новгородские варианты на территории северо-востока. Среди явлений, характерных в настоящее время лишь для западной диалектной зоны, имеются и такие, которые получили распространение в восточном направлении, но существуют там с иной степенью интенсивности. Таков, например, перенос ударения с конечного гласного на начальный в личных формах некоторых глаголов II спряжения типа *дáриш*. . . (см. I, 3, § 12, карты 34, 35). В пределах западной зоны отмечается в настоящее время исключительное распространение ряда глаголов с ударением на начальном гласном, в то время как в говорах северного наречия наблюдается сосуществование тех и других форм. Можно отметить также некоторые различия в существовании явлений, в целом характерных для западной диалектной зоны, на территории западных ср.-р. говоров. Так, распространение формы им. п. мн. ч. местоимения 3-го л. с начальным /j/, видимо, не охватило с одинаковой полнотой псковские и новгородские говоры. Для первых начальный /j/ — черта характерная; для вторых — его употребление отмечено лишь в единичных нас. п. Изоглосса последовательного употребления начального /j/ в указанной форме отделяет современные говоры Гдовской и Псковской групп от остальных западных ср.-р. говоров. Можно предположить, однако, что и новгородским говорам было свойственно более широкое распространение начального /j/, но оно утратилось в результате процессов позднего периода, не затронувших с той же степенью интенсивности периферийные по отношению к очагу этих процессов псковские говоры.

Указанными процессами и объясняется тот факт, что современные западные ср.-р. говоры обладают чертами сходства как с расположенными к югу от них говорами южного наречия, так и с примыкающими с северо-востока говорами северного наречия. При всем этом в западных ср.-р. говорах наблюдается ряд своеобразных особенностей как в характере распространения, так и в самом существовании ряда явлений, что указывает на особый характер их исторического развития, в результате которого они стали своеобразным диалектным объединением.

§ 2. История формирования Гдовской и Псковской групп говоров

Судьба новгородского диалекта на разных территориях его распространения рассмотрена в ряде отношений (см. II, 7 и III, 1, 2,3). Здесь же

более детально рассмотрим процессы образования Гдовской и Псковской групп говоров. В истории формирования тех говоров, которые в настоящее время составляют Псковскую и Гдовскую группы в составе западных ср.-р. говоров, следует выделить, как это выясняется на основании анализа языковых явлений, два основных этапа: на протяжении первого из этих этапов мы прослеживаем судьбу древнепсковского и древненовгородского—двух диалектов древнерусского языка; на протяжении второго — формирование западных ср.-р. говоров в границах, соответствующих современному диалектному членению.

I. На раннем этапе существования названных диалектов (XI—XIV вв.) определяющее значение для развития характерных для них языковых процессов имели контакты двух соседних феодальных земель — Псковской и Новгородской, а также непосредственная близость славянского и неславянского населения, приобретавшая специфические формы на разных частях территории этих земель.

Именно на этом этапе истории, границей которого мы условно считаем дату формального отделения Псковской земли от Новгородской, можно говорить одновременно и о существовании древнепсковского диалекта, отличавшегося от диалекта древненовгородского, с границами, соответствовавшими территории Псковской земли до XIV в. Периферийное положение этих говоров, которых в силу этого не коснулись главные исторические события, сыгравшие решающую роль в преобразовании языкового ландшафта на основной восточнославянской территории (а именно, татарское нашествие и образование Великого княжества Литовского), способствовало тому, что отдельные языковые явления сохранили до сих пор границы своего древнепсковского распространения.

Характер взаимоотношений между населением Псковской и Новгородской земель, с одной стороны, Псковской и Полоцкой — с другой, своими корнями уходят в глубокую древность периода расселения восточнославянских племен.

Немногочисленные данные по истории населения данного периода свидетельствуют о том, что первоначальным славянским населением в районе Пскова была северная ветвъ кривичей (кривичи изборские или псковские), южнее которых находились кривичи полоцкие или полочане, а юго-восточнее — кривичи смоленские. С севера примыкало население Новгородской земли — словене, с середины первого тысячелетия н. э. населявшее бассейн оз. Ильмень. Небольшая территория, занятая изборскими кривичами к западу не простиралась далее Печор, откуда начинались владения Лифляндской и Эстляндской чуди; к югу до нынешнего Острова или Опочки, откуда начинались владения полоцких и смоленских кривичей; к востоку — до современного Новоржева, где начинались владения новгородских словен; к северу они не доходили до современного Гдова, где начинались поселения южной води. Именно ограниченность территории, невыгодной в смысле дальнейшего расселения, способствовала тому, что псковичи держались союза с Новгородом. С начала политического объединения восточных славян (X—XI вв.) Псков рассматривается в числе новгородских пригородов в составе Новгородской земли, вместе с тем известно, что в этот же период Псков не менее тесно связан и с Киевом, который был заинтересован в Пскове как в непосредственном соседе «Эстонской чуди», приносившей киевским князьям дань и живую силу. Подобное двойственное положение характерно и для дальнейшей истории Пскова и его населения: с одной стороны, Новгород — крупный торговый центр и административный центр большой области, вместе с тем ближайший сосед, оказывавший поддержку в непрерывных войнах с западными соседями. С другой — связи с землями, расположенными к югу, которые не прерываются в течение долгого времени, о чем также свидетельствуют языковые факты, которые могут быть поняты только с учетом этих связей.

Таким образом, основную роль на раннем этапе истории Псковских говоров сыграли два фактора: периферийное положение Пскова по отношению к основной территории восточнославянских племен и непосредственная близость к территории, занятой неславянским населением. Оба эти обстоятельства в совокупности могут рассматриваться как определяющие при формировании тех черт, которые создают языковые границы, очень близко соответствующие границам Псковской земли.

Современное языковое состояние не позволяет с достаточной степенью уверенности выделить тот фонд явлений, который можно было бы соотнести с языком племени кривичей. Для данного раннего этапа истории можно лишь определить с некоторой долей вероятности круг явлений, возникновение которых может быть объяснено контактами с неславянским населением и контактами с русским населением земель, расположенных к югу. Как те, так и другие способствовали развитию на псковской территории языковых процессов, выделявших ее говоры в пределах

северо-западной территории, в отличие от контактов с новгородским населением, которые вели к развитию и распространению общих языковых явлений — псковско-новгородских по происхождению, в дальнейшем распространявшихся по всей территории северо-востока (см. выше, V, 4, I).

Из числа специфических псковских черт остановимся прежде всего на шепелявом произношении свистящих согласных, так как в настоящее время все историки языка сходятся в том, что наличие /*с''*/, /*з''*/ характеризовало консонантную систему древнепсковского диалекта. Псковские памятники отражают эту черту наиболее ярко с XIV в.[49]. Высказывались и сомнения в древности шепелявенья. Так, В. Г. Орлова [50] считала, что возникновение /*с''*/, /*з''*/ могло быть более поздним по времени возникновения и явиться результатом взаимодействия систем, обладавших различными степенями палатализации согласных, т. е. того же взаимодействия, которое привело к распространению аканья на северо-западе. Подобный генезис другого близкого по характеру явления, а именно цеканья-дзеканья еще ранее предполагал Р. И. Аванесов [51]. Впрочем, материал псковских говоров в обоих случаях специальному исследованию не подвергался.

В пользу древности /*с''*/, /*з''*/ в псковских говорах могут быть высказаны следующие соображения: изоглосса оканья—аканья, которая одновременно означает и наличие двух различных степеней палатализации согласных, на территории псковских говоров, не совпадает с изоглоссой распространения /*с''*/ и /*з''*/. Вместе с тем распространение /*с''*/, /*з''*/ примерно соответствует пределам территории Псковской земли. Отражение шепелявого произношения свистящих только в псковских памятниках XIV в. не может свидетельствовать о позднем развитии явления, так как более ранние псковские памятники не сохранились, кроме того, отражение явления в памятниках письменности не исключает, а, наоборот, предполагает, что в живом языке оно к этому времени должно было быть уже достаточно широко распространено.

Произношение шепелявых свистящих в древнепсковских памятниках должно быть рассмотрено на фоне общей системы употребления переднеязычных согласных в псковских говорах.

Шепелявые /*с''*, *з''*/ обычно отмечают в говорах, где наряду с этим фиксируется /*ц'*/, а также произношение мягких /*т'*/, /*д'*/ с свистящим или шепелявым призвуком /*т'с'*/, /*д'з'*/ или /*т'с''*/, /*д'з''*/. Отражение таких систем мы и находим в говорах Гдовской группы и западной половины Псковской, но не находим ни в новгородских говорах, ни в говорах территории, находящейся к югу от псковских говоров, а также и в говорах северноблорусских, если не считать отдельных островков по указанному пограничью. (См. карты 109 и 110).

Однако имеются свидетельства, что смоленским говорам и говорам белорусским шепелявое произношение /*с''*/, /*з''*/ было известно. Об этом упоминается у П. Бузука [52], где приведены следующие примеры: /*усшё, сшьвiтка, сшем, сшяло, шэсшь, памыусшя, сшёлета, зжима, дздж якуй, дздж ьверы, хоцчь, вицчепсшькi*/ и сказано: «слышали мы в Вялиск. пов. в Смилавицком, Кайдановском и других районах», упомянуты и в других местах: в Минской, Бобруйской, Слуцкой губерниях и на севере Черниговщины; реже отмечается в Мазырщине (Туровский р-н). Некоторые намеки на шепелявое произношение свистящих находим и у Е. Ф. Карского, он говорит, что у стариков можно услышать звук /*д'ж*/ на месте ожидаемого /*д'з'*/ (*д'жат*-дед) [53]; на стр. 43 говорится, что свистящие звуки, особенно *с* в белорусском языке, произносится несколько иначе, чем в русском языке. Белорусское *с''* «по своему звуку приближается к *ш''*, но только *с* мягкое». В другом месте приводятся примеры когда на месте *с* произносится *ш*, «развившееся спорадически там, где ему не должно быть места»: *шеры, шерыя, шера* и др. Особо отмечает Е. Ф. Карский слова «лиший» и «преставиша», которые считает заимствованными из псковских говоров [54]. Шепелявое произношение /*с''*/ отмечает М. Ф. Семенова [55] в русских говорах на территории Латвии и др. исследователи.

Изменения в ряду свистящих — шипящих и дентальных — альвеолярных наблюдаются именно на той части территории западных ср.-р. говоров, где историки, археологи и этнографы отмечают поселения финских племен. Еще в первом тысячелетии н. э. к востоку от

---

[49] Н. Н. Дурново. Очерк истории, стр. 140.

[50] В. Г. Орлова. Русско-белорусские языковые отношения по данным диалектологических атласов. «Материалы и исследования по русской диалектологии», Новая серия, вып. II. М., 1961, стр. 7.

[51] Р. И. Аванесов. Вопросы образования, стр. 134.

[52] П. Бузук. Спроба лiнгвiстычнае геаграфii беларусi. М., 1928, стр. 58—59.

[53] Е. Ф. Карский. Белорусы 1, стр. 46.

[54] Там же, стр. 359—360.

[55] М. Ф. Семенова. Русские говоры на территории Латвии. «Уч. зап. Латвийского гос. университета», том XXXVI, вып. 6. Рига, 1960, стр. 53—56.

Чудского озера обитали племена южной води (с которыми связано название «чудь»), родственные племенам, населявшим восток и северо-восток современной Эстонии. По обеим берегам Теплого и Псковского озер жили предки юго-восточных эстонцев [56].

В середине первого тысячелетия сюда проникли кривичи, и водь испытала влияние славянской культуры. О характере этого влияния можно судить по следующему замечанию: «О судьбах južноводского племени в письменных источниках никаких сведений не сохранилось. Это племя растворилось среди славян раньше, чем северная водь» [57] (Северная водь, обитавшая между низовьем Луги и современной Гатчиной, упоминается в XII—XIII вв. в русских летописях как население Водской земли Великого Новгорода).

Таким образом, можно себе представить, что взаимоотношения между племенами южной води и кривичами, приведшее к ассимиляции води славянами, выразилось в возникновении языковых процессов, подобных тем, о которых писал А. М. Селищев: «Наличие соседних финских групп с неинтенсивным русским влиянием отразилось на языке тех финнов, которые перешли на русский язык: их русская речь имела черты прежнего финского говорения. Такие черты могут сделаться традиционными и усваиваться соседними русскими (по происхождению). Одним из результатов воздействия финнов на русский язык было изменение в рядах шипящих—свистящих: в одних местностях они совпали в ряде шипящих, в других — в ряде свистящих или средних. Соседство с русскими группами, не испытавшими влияния финнов и воздействие их речи на речь обрусевших финнов вызвало смешанное употребление шипящих и свистящих согласных» [58].

Судя по территории распространения, в этом же ряду следует рассматривать и еще одно явление системы консонантизма, а именно наличие звука /*х*/ в соответствии этимологическому *с*, отмечаемому преимущественно в глаголах на *-ывать*, *-ать* /*спрáхывать*', *вéхат*'/. Поскольку данное явление не учитывалось при составлении «Программы собирания сведений для диалектологического атласа русских народных говоров» и в связи с этим сделанная в Атласе карта опирается на случайный материал, мы используем материал, приведенный в статье С. М. Глускиной «Морфонологические наблюдения над звуком /*ch*/ в псковских говорах» [59]. Приложенная к статье карта наглядно показывает сосредоточие данного произношения в пределах, соответствующих территории Псковской земли. В материалах, приводимых С. М. Глускиной, отмечаются случаи произношения /*х*/ в соответствии /*с*/ не только в глаголах, но и в существительных: *мя́хо* (=мясо), *хвет* (=свет), *принеху́* (=принесу), *пихьмó* (=письмо), *техни́ться* (=тесниться), *свúхтываться*, *верехну́к* (=вересняк). Из материала, дополнительно собранного для Атласа можно прибавить *нóха* (ноша — нас. п. 263), а также и другие случаи смешения звуков /*с*/, /*ш*/, /*х*/: /*маша́йут*/ (=махайут) — нас. п. 181; /*ръзм'аха́т*', *пъм'аха́ла*, *ръзм'аха́ла*, *вéхайут*, *развéхъвът*'/ — дер. Гридино; /*упайа́хъвалис*', *ньвына́хываитца*/ — дер. Лутово; /*спра́хывали*/ — дер. Калтырино; /*упайа́хывают*; *вéхали*, *вéхайут*/ — дер. Чудская Рудница и т. п.

Подобное территориальное совпадение шепелявенья, цеканья-дзеканья, неразличения передненебных и альвеолярных согласных позволяет и данное явление относить за счет особого развития консонантной системы, вызванного переходом на славянскую речь западных финнов (возможно, даже именно южной води), поддержанного в дальнейшем особыми историческими условиями развития говоров на данной территории.

В качестве иллюстрации русско-финских языковых контактов на территории, объединяющей Псковское и Чудское озера, могут служить некоторые материалы современных говоров, в которых в силу особых условий жизни наблюдается взаимодействие русского и эстонского языков.

Так, определенный интерес представляют селения на западном и северном берегу Чудского озера. Первоначальным здесь было смешанное русско-водско-ижорское население,

---

[56] Х. А. и А. Х. Моора. Из этнической истории води и ижоры. «Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений». Под. ред. Х. А. Моора и Л. Ю. Янитса. Таллин, 1965.

[57] Там же, стр. 71.

[58] А. М. Селищев. Соканье и шоканье в славянских языках. «Slavia», 1931, roč. X, seš. 4, стр. 718—741. Следует также иметь в виду, что отнесение данного явления на счет языка субстрата не опровергает и возможности того, что сохранение подобной системы поддерживалось тем, что на этой же территории произошло позднее соединение двух различных принципов формирования систем безударного вокализма (оканья и аканья) (см. указ. работа В. Г. Орловой) и одновременно обладающих различными степенями палатализации согласных. Наличие связи между взаимодействием систем, обладавших различными степенями палатализации и шепелявеньем, могло способствовать усилению и развитию данных особенностей консонантизма, хотя и не объясняет их возникновение на данной территории.

[59] «Псковские говоры». Псков, 1962, стр. 28—57.

которое сложилось к XI в. на территории северной части Псковской земли [60]. Это население, возможно появлявшееся на данной территории только на период путины, постепенно к XVI в. стало устойчивым, причем первоначально здесь преобладало русское население (родственное населению восточного берега), но с вкраплением эстонского населения. Таковы современные селения Сыренец, Яма, Князь-Село на р. Нарове и Мустве, Ремнику, Выгана, Олешница на берегах Чудского озера. В дальнейшем состав населения на западном берегу изменился в связи с появлением новой волны носителей русского языка, состоящей преимущественно из старообрядцев, прибывавших сюда из разных мест, селившихся обособленно от других на том же западном берегу. В отличие от этого русское население на северном берегу вступало охотно в непосредственные тесные контакты с эстонцами так, что в настоящее время некоторые потомки русских переселенцев считают уже себя эстонцами; см. селения Овсово (Агусалу), Яма (Вихтсе), Верхнее село (Пермискюля), Сыренец (Васк-Нарва), Выгана (Карьяма), Олешница и др.

В основном для языка этих селений в целом характерна русская фонетика с некоторыми отклонениями: вокализм, близкий или аналогичный гдовскому или полновскому: /*ч*/ твердое или /*ц*''/; /*с*''/, /*з*''/; цеканье-дзеканье иногда с шипящим призвуком при /*т*'/ и /*д*'/. В области морфологии: глагольные формы без -*т* конечного в широком кругу форм, совпадение дат., тв. п. мн. ч. в форме дат. п.; инфинитив на -*т* твердое; формы глаголов *дáстишь*, *éстишь* и др., т. е. все те особенности, которые в настоящее время характеризуют говоры на восточном берегу Чудского озера, т. е. говоры Гдовской группы. Здесь были отмечены также некоторые особенности, не встретившиеся на восточной территории или отмечаемые там очень редко. Таковы случаи отпадения конечного -*т* не только в формах глаголов: /*ту* и *д'аржы́*/ (-тут); утрата предлога *у*: /*м'ан'á случи́лас'а*/; произношение /*жд*'/ в соответствии *д*: /*привиᶻᶦд'éн'йа*/. Инфинитивы на твердое -*т*, употребляемые очень последовательно: /*нáда дéлат*, *нéккъму йéздит*, *магли́ жыт*, *нел'з'á примени́т*/ и др.; последовательное употребление местоимения /*ны*/ в соответствии *мы*.

Интересны и различия в развитии говоров на территории западного и северного берегов сравнительно с восточным, где южная водь была ассимилирована славянами, результатом чего и явилось сосуществование систем с различением свистящих и шипящих и с их неразличением.

Можно предполагать, далее, что исторические условия, создавшиеся в первые века славянской колонизации, в значительной мере поддерживались на протяжении дальнейшей истории. Обе эти территории (по обоим берегам Чудского и Псковского озер) постоянно переживали взаимные переселения с той и с другой стороны, которые не только создали первоначальное языковое своеобразие (оно известно и на других территориях интенсивных русско-финских контактов), но и на протяжении многих веков способствовали поддержанию его и развитию других специфических языковых особенностей, возникавших уже в процессе взаимообщения с русскими, не пережившими контактов с финнами.

Языковое своеобразие территории, соответствующей Псковской земле, помимо рассмотренных явлений консонантизма прослеживается и в ряде других сторон языка. Таковы: распространение форм сравнительной степени с суффиксом -*оше* /*помелóше*/. . ., отмечаемые главным образом у прилагательных, имеющих в положительной степени суффиксы -*к*/-*ок*: *крéпко — крéпок — крепóше*; *мéлко — мéлок — мелóше* и т. п.[61] По поводу возникновения соотношения *крéпко — крепóше*, *лéгок — легóше*. С. В. Бромлей пишет, что его «следует отнести, по-видимому, за счет действия фактора аналогии между формами положительной степени с развитыми вариантами основы и соответствующими им формами сравнительной степени, имеющими место в одних и тех же говорах» [62].

О перспективности процессов аналогического порядка для данных говоров говорит и наличие ряда других явлений. Таково, напри-

---

[60] Данные о истории населения взяты из статьи: Т. Ф. Мурникова. Русские говоры Эстонии. «Уч. зап. Латв. гос. ун-та», т. 36, 1960.

[61] По материалам, собранным для Атласа, формы сравнительной степени на -*оше* не распространяются на территорию Гдовской группы и ограничиваются территорией западной половины Псковской группы. Однако дополнительно собранный материал свидетельствует об их распространении и на территории Гдовской группы. См.: /*пъмелóшы*, *легóшы*, *мегóше*, *желóше*/ — д. Лутово; /*пъмелóшы*, *пълегóшы*/ — д. Лаптево; /*пъмелóшы*/ — Чудские заходы; /*пъмелóшы*, *пъл'огóшы*/ — д. Чудская Рудница, хотя очевидно, что в настоящее время они отмечаются как реликты в речи представителей наиболее традиционного слоя говора.

[62] См.: С. В. Бромлей. Формы сравнительной степени в русских говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, т. I. М., 1959, стр. 66.

мер, распространение местоимения *ны* как формы им. п. мн. ч., возникшего по аналогии с формами косвенных падежей (нас, нам. . .) [63], последовательно проводимое обобщение одного согласного в основе глаголов типа *могу́—мо́гешь—мо́гет—мо́гут*. Следует упомянуть и распространение глагольных окончаний без *-т* конечного. Именно здесь зарегистрированы системы с максимальным количеством форм без-*т* (шесть форм на западной половине территории Псковской группы и восемь форм в Гдовской группе). С тем же развитием по аналогии может быть связано и отвердение *т* в формах инфинитива в результате восприятия форм с *т* твердым — ранней новгородской инновации. В некоторых говорах (говоры так называемых «полуверцев») такое отвердение касается всякого конечного *т*. В этих же говорах нередко наблюдается обобщение согласного основы в именах существительных, вызванное влиянием существительных с твердым согласным в основе *сп/а́л'на/*, *спа́/л'ны/*, *сп/а́л' ну/. . . ка/н' у́шна/*, *ка/н' у́шны/. . .*; совпадения форм род. — дат. — предл. п. в форме род. п. у существительных ж. р. на *-а*; по аналогии с */бе́нный/* отмечается */весе́нный/*; по аналогии с *спать/сплю — копа́ть — коплю́* и т. п. Широта осуществления указанных аналогических процессов может быть связана с первоначальной неисконностью определенных языковых фактов для речи населения, переходившего на другой язык. Первоначальные скопления южной води у Гдова и родственных им племен у Пскова при непосредственном взаимодействии с кривичами и явились очагом этого языкового своеобразия. Последующее обособление этой территории в виде территории Псковской земли способствовало сохранению образовавшейся языковой специфики и распространению ее на речь исконно славянского населения. Некоторые явления, возникновение которых также связано с процессами аналогического порядка, не выходят в настоящее время в своем распространении дальше пределов территории Гдовской группы, но в отдельных случаях можно предполагать, что раньше их распространение охватывало пределы всей Псковской земли, но было утрачено в дальнейшем в связи с процессами, сформировавшими северную границу современной Псковской группы говоров и сохранено на Гдовской территории, как периферийной. Таковы следующие черты: распространение окончания *-ья* для формы им. п. мн. ч. существительных тех категорий, которые в других русских говорах имеют окончание *-ы*: *берёзья*, *я́мья*, *жёрдья. . .*; наличие форм 2-го л. ед. ч. нетематических глаголов *да́/с'тиш/*, *йе́/с'тиш/*; возможность употребления форм 3-го л. глаголов без окончания вне зависимости от спряжения, числа и места ударения; распространение оборота «быть опоздать» по аналогии с оборотом «был опоздал». Перечисленные явления различны по времени возникновения и не могут быть непосредственно связаны с языковым субстратом (кроме употребления форм глаголов без *-т* конечного, см. I, 3, § 13), тем не менее их распространение на этой территории связано с указанной выше перспективностью процессов аналогического образования, возникавшей при языковом смешении.

Особое место занимает распространение только на территории Гдовской группы формы деепричастия *ушод* и под., архаического образования, сохранившегося в силу периферийного положения данных говоров и распространение особого типа предударного вокализма, (см. V, 3). Своеобразие Гдовской группы в пределах западных ср.-р. говоров поддерживается также и наличием на ее территории некоторых явлений, характерных одновременно для новгородских говоров, распространение которых в прошлом, очевидно, было более широким на территории данной группы. Таковы формы прилагательных в косв. п. мн. ч. типа *бе́лыих*, *бе́лыим*; распространение слова *жагло́*; формы вин. п. ед. ч. местоимения 3-го л. ж. р. — *ею*. Распространение подобных гдовско-новгородских явлений может быть, очевидно, соотнесено по времени с периодом вхождения Гдова в состав Шелонской пятины Новгородской земли и не может быть отнесено к периоду после XV в., так как с этого времени история Гдова и его области связана только с Псковом: в составе Псковской провинции она входит в Ингерманландскую губернию, затем вместе с Псковом в состав Новгородской губернии, Белорусской губернии и наконец Псковской губернии и наместничества. Именно с этого времени, после XV в., получают значительное распространение явления южного и юго-восточного распространения, с XVI в. официально поддерживаемые присоединением Пскова к Московскому государству, которые охватывают территорию Псковской группы и не захватывают Гдовской, образуя ее южную границу.

Таким образом, в итоге изучения раннего периода истории говоров Гдовской и Псковской групп в составе западных ср.-р. говоров можно еще раз подчеркнуть, что формирование языко-

---

[63] Об этом можно судить на основании материалов, собранных для Атласа в качестве «Приложений» и специально дополнительно собранного материала.

вой специфики говоров Гдовской территории органически связано с неславянским населением — южной водью, родственной юго-восточным эстонским племенам. Первоначальные границы распространения языкового комплекса складывавшегося в процессе языкового общения кривичей и финских племен, включали, кроме Гдовской группы, также и западную половину современной Псковской группы. К этому времени можно отнести формирование северной и восточной границ Гдовской группы. Формирование южной границы и одновременно северной границы Псковской группы относится к более позднему периоду — к периоду, условно связываемому с присоединением сначала Новгорода, а потом и Пскова к формирующемуся централизованному государству. С этого времени начинается интенсивное и непрекращающееся продвижение на Псковскую территорию явлений южного и юго-восточного распространения.

II. Формирование северной и восточной границы Псковской группы, а тем самым и обособление Гдовской группы говоров, связано, как говорилось, уже с более поздним периодом XV—XVIII вв. После отделения Псковской земли от Новгородской в 1348 г. определяющими для ее дальнейшего языкового развития становятся существовавшие и ранее контакты с более южными говорами, а псковско-новгородские контакты все более ослабевают. Уже сложившаяся к этому времени языковая близость говоров Гдовской и западной половины Псковской групп способствует тому, что частично явления этого периода, продвигаясь с юга к северу, охватывают опять-таки лишь пределы Псковской земли. Именно так можно себе представить формирование полновского и гдовского вокализма на основе включения в систему различения этимологических гласных в безударном положении диссимилятивного принципа — неразличения этимологических гласных в безударном положении.

Явления другого типа охватывают полностью и Гдовскую и Псковскую группы, и, наконец, третьи охватывают полностью только Псковскую группу или распространены в ее пределах, располагаясь в южной части по пограничью. Таким образом, в результате различного распространения явлений южнорусского типа создается членение внутри западных ср.-р. говоров: явления первого и второго типа объединяют Гдовскую и Псковскую группы, отделяя новгородские и селигеро-торжковские говоры. Явления третьего типа образуют границу между Гдовской и Псковской группами. Южную границу Псковской группы создают те явления южнорусской локализации, которые не заходят в своем распространении на территорию западных ср.-р. говоров. Значительное число таких явлений принадлежит к числу характеризующих белорусский язык, формирование которого в значительной степени основано на различном протекании языковых процессов, имеющих общие корни, в пределах русского государства и Великого княжества Литовского.

Особо следует остановиться на тех явлениях, распространение которых на территориях Гдовской и Псковской групп явилось причиной преобразования вокализма этих говоров. Как уже говорилось, проникновение на территорию говоров Псковской земли диссимилятивного аканья могло выразиться первоначально в формировании безударного вокализма гдовского и полновского типов. Отсутствие следов полновского и гдовского вокализма на восточной половине территории Псковской группы лишают нас возможности относить его полностью за счет явлений южного и юго-восточного распространения появившихся в период после XV в. Вместе с тем, нет оснований относить его возникновение к языку субстрата. Логичнее представляется нам проникновение диссимилятивного принципа на север более ранним по времени этапом «наложения» принципа южнорусского неразличения гласных.

Среди фактов внешней истории не содержится указаний на значительные переселения на Псковскую территорию жителей из южных (юго-западных) областей, которые могли бы принести на территорию Псковской земли диссимилятивное аканье. Начиная с XIII в. южный сосед Пскова — Полоцк — лишается своей самостоятельности и, следовательно, на юге Псковской земли устанавливается относительно прочная граница. Следовательно, тенденцию к развитию диссимилятивности на Псковской территории следует датировать временем не позднее XIII в., что, видимо, допустимо, если учтем, что возникновение аканья в его наиболее архаичной диссимилятивной разновидности относят обычно к XII в. Последующий период существования говоров Псковской земли оказался благоприятным для дальнейшего развития тенденций, связанных с влиянием диссимилятивного вокализма в узких пределах Псковской земли, так как он совпадает с временем наибольшего расцвета Псковской самостоятельности, кульминационным пунктом которого явилось отделение от Новгорода. Ослабление связей с Полоцком проявляется в языковом отношении для данного времени в формировании на Полоцкой территории иной структурной разновидности дис-

симилятивного вокализма, а именно вокализма жиздринского (или белорусского) типа. Что касается тех явлений южнорусской или юго-западной локализации, ареалы которых охватывают только территорию Псковской группы и определяют ее северную границу (наличие последовательного аканья, распространение *-т'* в 3-м л. глаголов; наличие протетического согласного перед гласными *о* и *у*: *|во́сен'*, *вўтка|* в исключительном или преобладающем распространении), то можно предполагать в прошлом более северное распространение ряда этих явлений, о чем говорит наличие некоторых из них и на территории Гдовской группы. Развитие некоторых явлений этого типа только на территории Псковской группы, возможно, поддерживалось тем, что уже после того, как на юге Псковской земли образовалась граница с Великим княжеством Литовским, обусловившая образование пучка изоглосс, создавшего и языковую границу, разделяющую в настоящее время диалекты русского и белорусского языков, исторические источники сообщают о переходе через границу значительного числа русских семей с литовской территории [64]. Можно сопоставить это свидетельство с упоминанием того, что граница Великого княжества Литовского на востоке, а очевидно и на севере, имела ту специфику, что контакты населения смежных территорий русских и литовских владений не прерывались. Эти контакты постоянно поддерживали развитие южнорусских явлений на территории псковских говоров. К этому же историческому периоду относится и формирование восточной границы Псковской группы, которое связано с наиболее поздними по времени процессами, сыгравшими решающую роль не только в истории говоров Псковской группы, но и в целом в судьбе говоров северо-запада. Среди этих процессов основным должно было стать вторичное проникновение, но уже с юго-востока аканья, недиссимилятивного характера, что и могло явиться основанием для развития сильного яканья, т. е. такой системы, которая равным образом могла возникнуть как на основе вокализма диссимилятивного типа, так и на основе различения гласных в безударном положении, которую можно предполагать для этого периода на восточной половине территории Псковской группы. В результате этого второго наплыва южнорусского влияния произошли и другие существенные преобразования вокализма, захватившие не только территорию Псковской группы, но и территорию Новгородских говоров и выразившиеся в том, что эти последние приобрели редукцию гласных в безударных положениях, становясь тем самым среднерусскими говорами. Исторически этот этап связан с периодом утраты и Псковом и Новгородом своей самостоятельности и с усилением влияния говоров того типа, которые окружали Москву и сами усваивали в это время ряд черт преимущественно юго-восточного типа. С московским влиянием связано распространение на территории северо-запада ряда явлений юго-восточной локализации, которые, нередко охватывая восточную часть территории Псковской группы, а также новгородские говоры и частично гдовские, не заходят, однако, на основную территорию Псковской земли, и она, таким образом, частично продолжает сохранять самостоятельность языкового развития: ср. распространение инфинитивов типа *несть*, *плесть*, не охватывающее западной половины территории Псковской группы, распространение форм род. п. мн. ч. существительных ж. р. на *-а* с основой на твердые согласные — *сва́дьбов* и др.

---

[64] См.: Б о л х о в и т и н о в. История Псковского княжества. Киев, 1834.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (*В. Г. Орлова*) 3

§ 1. К истории диалектных объединений русского языка 3
§ 2. Общее изучение лингвистического ландшафта языка в качестве первого этапа историко-диалектологического исследования 8
§ 3. Разработка истории языковых явлений в связи с образованием диалектных групп 11

Раздел I

Очерки по истории явлений, имеющих индивидуальный характер распространения

Глава 1. Явления из области вокализма 17
§ 1. Изменение гласного /а/ после мягких согласных в /е/ в положении перед последующими мягкими согласными (*А. И. Сологуб*) 17
§ 2. Изменение /е/ в /о/ (*В. Г. Орлова*) 22

Глава 2. Явления из области консонантизма 29
§ 1. Долгие шипящие согласные и соответствующие им звуковые сочетания (*В. Г. Орлова*) 29
§ 2. Губные спиранты (*В. Г. Орлова*) 33
§ 3. Мягкие губные согласные на конце слова (*Т. Ю. Строганова*) . . . 42
§ 4. Новые сочетания согласных с /j/ в русских говорах (*Т. Ю. Строганова*) 44
§ 5. Смычно-проходные боковые сонорные согласные 50
§ 6. Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных (*К. Ф. Захарова*) 54
§ 7. Переходное смягчение задненебных согласных *к* и *г* (*К. Ф. Захарова*) 61

Глава 3. Морфологические явления 69
§ 1. Соотношение именительного—винительного падежей и основа косвенных падежей существительных *мать, дочь* (*А. И. Сологуб*) 69
§ 2. Формы дательного, творительного и предложного падежей существительных типа *печь, грязь* (*А. И. Сологуб*) 74
§ 3. Формы именительного падежа единственного числа существительного *свекровь* (*А. И. Сологуб*) 80
§ 4. Формы родительного падежа единственного числа местоимения 3-го лица женского рода (наличие или отсутствие /н/ после предлога и характер окончания) (*А. И. Сологуб*) 84
§ 5. Формы винительного падежа единственного числа местоимения 3-го лица женского рода (*А. И. Сологуб*) 86
§ 6. Формы именительного падежа множественного числа местоимения 3-го лица (*А. И. Сологуб*) 88
§ 7. Формы именительного падежа единственного и множественного числа местоимения *том* (*А. И. Сологуб*) 90
§ 8. Формы инфинитива (*А. И. Сологуб*) 94
§ 9. Основа личных форм глаголов на задненебный согласный (*А. И. Сологуб*) 99
§ 10. Формы глаголов 2-го лица мн. числа настоящего времени с окончанием *-и/те/, -и/т'о/* (*А. И. Сологуб*) 106

§ 11. Глагольная возвратная частица (*К. Ф. Захарова*) 108
§ 12. Место ударения и качество ударенного гласного в личных формах некоторых глаголов II спряжения (*В. Г. Орлова*) 118
§ 13. Формы глаголов 3-го лица без *т* конечного (*Т. Ю. Строганова*) . . . 124

Раздел II

Северное наречие русского языка (*В. Г. Орлова*)

Глава 1. Изоглоссы, выделяющие северное и южное территориальное подразделения в пределах распространения русского языка в Европейской части СССР 131
§ 1. Основные пучки изоглосс и их расположение 131
§ 2. Характеристика северного наречия на основе двучленных соответственных явлений 138
§ 3. Характеристика северного наречия на основе многочленных соответственных явлений 139
§ 4. Выделение среднерусских говоров 139

Глава 2. Явления-архаизмы, характерные для говоров северного территориального подразделения 141
§ 1. Общая характеристика подобных явлений 141
§ 2. Различение гласных в первом предударном слоге после твердых согласных 144
§ 3. Различение гласных после твердых согласных во втором предударном и заударных слогах 148
§ 4. Заударные гласные во флексиях некоторых грамматических категорий 150
§ 5. Различение гласных в первом предударном слоге после мягких согласных 152
§ 6. Звонкие твердые задненебные согласные и их оглушение 164

Глава 3. Явления-инновации ростово-суздальского происхождения . . . 167
§ 1. Общая характеристика распространения подобных явлений 167
§ 2. Выпадение интервокального /j/ и последующие изменения в сочетаниях гласных звуков 168
§ 3. Формы родительного, винительного, дательного и предложного падежей единственного числа личных местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного 177

Глава 4. Явления-инновации новгородского происхождения 184
§ 1. Общая характеристика распространения подобных явлений 184
§ 2. Ассимиляции согласных в сочетании *бм*, *дн* 185
§ 3. Формы дательного и творительного падежей множественного числа прилагательных — местоимений и существительных 189
§ 4. Окончания /*т*/ — /*т*'/ в формах 3-го лица глаголов настоящего времени 196

Глава 5. Явления, исторически связанные с западной частью говоров русского языка и отражающие общность языкового развития этих говоров . . . 200
§ 1. Общая характеристика распространения подобных явлений 200
§ 2. Явления из области вокализма 202
§ 3. Явления из области консонантизма 203
§ 4. Морфологические явления 206
§ 5. Синтаксические явления 208
§ 6. Значение рассмотренного типа распространения явлений с исторической точки зрения 210

Глава 6. Явления, развивавшиеся в пределах северного наречия на протяжении его существования в качестве самостоятельного диалектного объединения 213
§ 1. Общая характеристика распространения подобных явлений 213
§ 2. Судьба конечных сочетаний /*ст*/ и /*ст*'/ 214
§ 3. Образование некоторых форм существительных 217

Глава 7. История образования северного наречия русского языка 223
§ 1. Языковые процессы, протекавшие в говорах южных территорий, и их значение для последующего выделения диалектных объединений русского языка 223

§ 2. Размещение и взаимодействие диалектных групп в пределах северного территориального подразделения на раннем этапе его существования 225
§ 3. Отражение языковых процессов, протекавших в западных говорах русского языка, в формировании северного наречия 227
§ 4. Формирование населения и характер междиалектного взаимодействия на территории северо-востока 230
§ 5. Судьба явлений общезападного распространения 231
§ 6. Собственно новгородские явления 233
§ 7. Явления ростово-суздальского происхождения 234
§ 8. Процессы, свидетельствующие о выделении северного наречия в качестве самостоятельного диалектного объединения 235

Раздел III

Основные группы говоров северного наречия

Глава 1. Ладого-Тихвинская группа говоров (*А. И. Сологуб*) 238
§ 1. Предварительные замечания 238
§ 2. Фонетические явления 239
§ 3. Морфологические явления 249
§ 4. Синтаксические явления 253
§ 5. Лексические явления 254
Глава 2. Вологодская группа говоров (*А. И. Сологуб*) 255
§ 1. Предварительные замечания 255
§ 2. Фонетические явления 255
§ 3. Морфологические явления 273
§ 4. Синтаксические явления 280
§ 5. Лексические явления 281
Глава 3. История образования Ладого-Тихвинской и Вологодской групп говоров северного наречия (*А. И. Сологуб*) 282
§ 1. Вводные замечания 282
§ 2. История образования Ладого-Тихвинской группы говоров 283
§ 3. История образования Вологодской группы говоров 285
Глава 4. Костромская группа говоров (*К. Ф. Захарова*) 290
§ 1. Центральные говоры и их краткая характеристика 290
§ 2. Предварительные замечания 292
§ 3. Фонетические явления 292
§ 4. Морфологические явления 306
§ 5. История образования Костромской группы говоров 310

Раздел IV

Восточные среднерусские говоры (*К. Ф. Захарова*)

Глава 1. Общая характеристика восточных среднерусских говоров и история их образования 314
§ 1. Расположение основных пучков изоглосс северной и южной локализации на территории восточных среднерусских говоров 314
§ 2. Разные типы расположения пучков изоглосс с исторической точки зрения 321
§ 3. Языковой комплекс восточных среднерусских говоров и их общее членение 328
Глава 2. Восточные среднерусские акающие говоры и история их образования 333
§ 1. Общая характеристика и вопрос о членении восточных среднерусских акающих говоров 333
§ 2. История образования восточных среднерусских акающих говоров . . 334
Глава 3. Восточные среднерусские окающие говоры — Владимирско-Поволжская группа говоров 345
§ 1. Языковый комплекс и членение владимирско-поволжских говоров . 345
§ 2. Вокализм Владимирско-Поволжской группы говоров 353
§ 3. История образования Владимирско-Поволжской группы говоров . . 386

Раздел V

Западные среднерусские говоры (*Т. Ю. Строганова*)

Глава 1. Общая характеристика западных среднерусских говоров 392
§ 1. Пучки изоглосс, выделяющие западные среднерусские говоры . . . 392
§ 2. Языковой комплекс западных среднерусских говоров 396
Глава 2. Членение западных среднерусских говоров 402
§ 1. Предварительные замечания 402
§ 2. Гдовская группа говоров 402
§ 3. Новгородские говоры 409
§ 4. Псковская группа говоров 410
§ 5. Селигеро-Торжковские говоры 414
Глава 3. Вокализм западных среднерусских говоров 416
§ 1. Ударенный вокализм 416
§ 2. Вокализм 1-го предударного слога после твердых и мягких согласных 420
§ 3. Вокализм 2-го предударного слога 427
§ 4. Вокализм заударных слогов 432
Глава 4. История образования западных среднерусских говоров 440
§ 1. Общая характеристика процессов, подготовивших выделение западных среднерусских говоров 440
§ 2. История формирования Гдовской и Псковской групп говоров . . . 445

ОБРАЗОВАНИЕ СЕВЕРНОРУССКОГО НАРЕЧИЯ И СРЕДНЕРУССКИХ ГОВОРОВ

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *В. К. Романов*
Технический редактор *В. И. Зудина*

Сдано в набор 30/X 1969 г. Подписано к печати 16/VI 1970 г. Формат 84×108 1/16.

Усл. печ. л. 51,28. Уч.-изд. л. 50,8. Тираж 1700 экз. Бумага № 2.
Цена 3 р. 12 к.

Издательство «Наука». Москва К-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография издательства «Наука». Ленинград В-34, 9 линия, д. 12